

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929348 4

Ad.

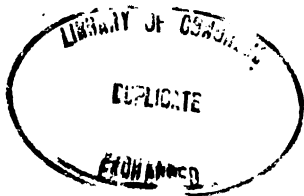
1911

101

3

**БИБЛІОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.**

LXIII.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, ПОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐμοὶ δὲ τὸ αἰσχρὸν, τοῦς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὄρω
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγενημένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην εἶναι
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

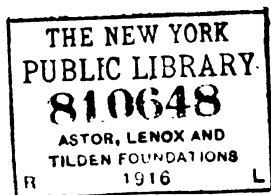
ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТІЙ.

63 .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАЛОВА.

1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

считая, чтобы по отпечатку представлено было в Ценсурный Комитетъ законное
число экземпляровъ. Санктпетербурга 1844 года, февраля 29 дня.

Ценсоръ П. Корсаковъ.
Ценсоръ А. Никитенко.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭТИЧЕСКІЕ

ПАМЯТНИКИ ОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Неизданныя стихотворенія Державина и Фонъ-Визина.

Въ библіотекъ покойнаго графа Р^{***}, проданной недавно съ публичнаго торгу въ Одессѣ, существовало собраніе неизданныхъ поэтическихъ достопамятностей прошлаго вѣка, которыя просвѣщенный вельможа, лично знакомый со всеми знаменитыми писателями вре-

мень Екатерины, тщательно сохранялъ и въ особенную опись съ показаніемъ именъ авторовъ. При продажѣ этой драгоценной бібліотеки, господину М^{...}, молодому и весьма образованному любителю отечественной словесности, удалось спасти для русской литературы нѣсколько стихотвореній, отмѣченныхъ въ описи какъ произведенія Державина и Фонъ-Визина. Въ числѣ этихъ рукописей находится между прочимъ и давно уже извѣстное стихотвореніе Державина, «Вельможа», съ отмѣткою на концѣ: *Санктпетербургъ, ноября 12, 1794* (сигнатурою). Оно здѣсь названо «Вельможи», во множественномъ числѣ. Списокъ сходенъ во всемъ съ напечатаннымъ текстомъ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ мѣстъ, которыя авторъ, видно, счелъ за нужное слегка измѣнить впослѣдствіи. Различія эти такъ незначительны, что бесполезно было бы по поводу ихъ перепечатывать здѣсь эту знаменитую піесу. Мы сбережемъ мѣсто для другихъ пріобрѣтеній господина М^{...}. Изъ стихотвореній, оставшихся доселѣ неизвѣстными и, по свидѣтельству описи, принадлежащихъ перу Державина, предпочтительнаго вниманія заслуживаетъ «Безпристрастный зритель нѣкоторыхъ состояній нашего вѣка (1794), письмо къ приятелю,» — вѣроятно, къ самому владельцу бібліотеки, въ которой оно найдено. Если оно дѣйствительно Державина, — мы не имѣемъ права подозрѣвать описи въ неточности, — то нашъ знаменитый лирикъ рѣшительно былъ въ томъ году въ сатирическомъ расположеніи духа. «Безпристрастный зритель» — сочиненіе почти столь же рѣзкое какъ и «Вельможа» или «Вельможи»: авторъ, съ тѣмъ же негодующимъ вдохновеніемъ, но съ большою веселостью, съ удивительною легкостью фразы и превосходно выдержанною ироніей, послѣ современныхъ вельможъ, рассматриваетъ другія современныя «состоянія». Если жестокая сатира «Вельможи», по своей формѣ, болѣе близка

къ одѣ, то это стихотворное письмо къ другу совершенно подходит къ разряду настоящей, и притомъ прелестной, сатиры. Какъ и въ піесѣ «Вельможи», очевидно, играютъ здѣсь роль дѣйствительныя лица, хорошо извѣстныя въ тогдашнемъ обществѣ; но теперь подобныя иносказанія — неразгадаемая тайна, и, изъ всей этой живой, злой, разнообразной картины исчезнувшихъ состояній, лицъ и нравовъ для насъ остаются только остроуміе, стихъ и искусство поэта, которые литература беретъ съ собою по праву, какъ замаскированное наглядіе. Преувеличенія — привилегія пошловъ, особенно когда ими овладѣваетъ демонъ лиризма или сатиры. «Безпристрастный зритель» напалъ на преувеличеніями, безъ которыхъ, собственно, поэзія была бы математикою, а не игрою воображенія. Этого обстоятельства не должно выпускать изъ виду при чтеніи вновь открытой піесы. Впрочемъ, при всей своей рѣзкости, преувеличенія ея отнюдь не сильнѣе тѣхъ, какія встрѣчаются въ другихъ, извѣстныхъ, давно напечатанныхъ выходкахъ Державина противъ тогдашнихъ нравовъ. Да и некому теперь обижаться ими! Поэтъ безжалостно нападаетъ здѣсь на *россійскихъ судей*, на судей своего звѣка, болѣе по старинному предрассудку, оставленному въ народѣ безнравственностью прежнихъ дьяковъ и подъячиковъ, чѣмъ по дѣйствительнымъ поводамъ къ негодованію. Ему не нравится такое введеніе коллегіальности въ русскіе суды, и онъ осмѣлится о томъ времени, когда дѣла вершили *одни судьи*. Но опыты теперь вполне оправдали мудрость кѣры, передавшею у насъ правосудіе вѣдуню и ответственности совѣнательныхъ засѣданій. Если русская юстиція улучшилась и безпрерывно улучшается, то мы обязаны этимъ важнымъ нравственнымъ успѣхомъ именно тому нововведенію, которое служило до сихъ поръ и которое вначалѣ могло дѣйствительно представлять разныя неудобства.

Совершенно въ одномъ и томъ же тонѣ ироніи написано и другое стихотвореніе, показанное въ описи какъ произведеніе Державина, именно, «Посланіе къ творцу посланій» (1781). Несмотря на примѣтное различіе въ слогъ, зависящее быть-можетъ отъ различія въ предметъ и во времени сочиненія, эти двѣ піесы явственно принадлежатъ одному и тому же перу, и «Посланіе къ творцу посланій» должно быть Державина. Литературная вражда между нимъ и Фонъ-Визиннымъ — обстоятельство нынче почти неизвѣстное, но между-тѣмъ дѣйствительное. Изъ числа двухъ стихотвореній, относимыхъ описью къ Фонъ-Визину, одно называется просто «Ода»: оно не что иное какъ насмѣшка надъ одами Державина, забавная и ловкая фарса, составленная вся изъ намѣковъ на равныя его оды, — *оды на заказъ*, говоритъ авторъ, — на его обращенія къ мифологическимъ богамъ, сравненія воспѣваемыхъ лицъ съ героями древней исторіи, и такъ далѣе. Сочинитель этой комической «Оды» даетъ уразумѣть, будто авторъ серьезныхъ одъ (Державинъ) пробирается «на Парнасъ, проселочными дорогами, безъ Пеласа, на долгихъ... «Ода» начинается стихомъ—«Хочу къ безсмертной пріютиться», и она не совсѣмъ безызвѣстна въ литературномъ свѣтѣ: ее приписывали разнымъ другимъ стихотворцамъ Екатерининскихъ временъ, но не Фонъ-Визину. Между-тѣмъ «Посланіе къ творцу посланій» представляетъ настоящій отвѣтъ на эту насмѣшливую «Оду»: оно точно такъ же состоитъ все изъ намѣковъ на разныя сочиненія противника, но, чтобы никто не могъ ошибиться въ его имени, внизу страницъ приведены заглавія этихъ сочиненій и даже выписки изъ нихъ: противникъ самъ однако жъ названъ только первою буквою, *В* (Визинъ), или первыми буквами, *Виз.* (Визинъ). Творецъ посланій, кажется, началъ на творца одъ колкою народіей *оды*; въ отвѣтъ, творецъ одъ отдѣлалъ творца посланій сочиненіемъ въ его любимомъ родѣ,

посланиемъ, и отдѣлагъ нещадно. Болѣе: въ «Посланиі къ творцу посланій» повторяются даже слова «Оды»; авторъ ея говоритъ въ концѣ:

«Быть-можетъ, не всему я міру,
Набрякавъ оду, угодилъ:
 Да надо вѣдать, что вѣдь *лиру*
 Я у косячаго купилъ.»

Авторъ «Посланиа къ творцу посланій» отвѣчаетъ на это прямо фонъ-Визину, тоже въ концѣ:
 «*Брякай*, и не жалѣй отъѣнной *лиры* струвъ!»

Вотъ что слѣдовало сказать въ оправданіе показанія описи, приписывающей эти чрезвычайно примѣчательныя стихотворенія Державину и фонъ-Визину. Читатели рѣшатъ вопросъ: потому что вопросъ, и не одинъ, можетъ быть сдѣланъ. Замѣтимъ еще, что и въ «Безпристрастномъ зрителѣ» встрѣчаются колкіе намѣки на характеръ, стихи, мнѣнія и послѣднія занятія фонъ-Визина. Эта піеса носитъ число 1794 года, когда творца посланій уже не было на свѣтъ. Но можно предположить, что она сочинена гораздо прежде, еще при жизни злаго *литературнаго старосты*, а въ 1794 только передѣлана въ видѣ «письма къ пріятелю», подобно тому какъ піеса «Вельможи» была въ томъ же году передѣлана изъ прежней Оды на знатность.

Второе стихотвореніе, уже открыто, безъ иносказаній, направленное противъ «пѣвца Фелицы», и которое опись называетъ также фонъ-Визиновымъ, не можетъ быть напечатано: оно дотога наполнено обидными личностями, что становится уже вовсе не литературнымъ произведеніемъ.

==

I.

БЕЗПРИСТРАСТНЫЙ ЗРИТЕЛЬ

НѢКОТОРЫХЪ СОСТОЯНІЙ НЫНѢШНЯГО ВѢКА.

(1794 года.)

=

ПИСЬМО КЪ ПРЯТЕЦЮ.

=

Куда ни погляжу, вездѣ я вздоръ встрѣчаю!...

Хоть я не много примѣчаю,

Но вздоръ повсюду такъ великъ,

Что самъ является собою:

Дурачество этой наметъ языкъ,

И громко веѣтъ гласить трубою:

«Я здѣсь!»

Добро съ дурачествомъ ты свѣсь:

На крошечку добра найдешь ты вздору

Большую гору!

Противъ прямыхъ путей

Безумно всякъ шагаетъ,

И глупости сѣтей

Никто не избѣгаетъ.

Портной вѣкъ пакостно одѣтъ,

Сапожникъ—босикомъ, уроды—щеголяють

М.... тарашится на свѣтъ,

Судьи душой иривать, работники гудяють,

Дуракъ собой какъ чортъ надуть:

Честнымъ себя зоветъ, а... цлуть!

Скрываетъ всякъ личину,

Всякъ кажетъ нынѣ спину, —

У всѣхъ фальшивые умы:

Чертямъ подобны стали мы!....

Какая чепуха и злоупотребленье!

Монархія, о насъ имѣя попеченье,
 Премудрости своей со трона льетъ законъ,
 Мня онымъ прекратить дворянъ россійскихъ ссоры,—
 Не будутъ говорить: судьи россійски — воры,
 И правда процвѣтетъ въ Россіи безъ предошъ.....

Царница истины! тебя мы обманули!
 Мы больше во сто разъ къ коварству поприльнули!
 Ты думаешь, въ судахъ ученые сидятъ?....
 Намѣстники о томъ и думать не хотятъ!
 Ты думаешь—судей мы сами избираемъ?...
 Намѣстникъ изберетъ, а мы... не помышляемъ!

Козель не знаетъ что есть азъ;
 Козель бодать гораздъ рогами;
 Козель подобенъ дурану:
 Да онъ съ-родни быку!
 Козла садятъ въ судьи, въ приказъ...
 Козель равняется съ богами!...

И этому судья-козлу святаго нѣтъ, —
 По нуждѣ и отца до нитки обереть:
 Живетъ въ душѣ его самъ дьяволъ искушитель!

.....

У нихъ одинъ законъ,—
 Чтобъ вѣчно у другихъ карманы были гладки!
 А къ пущей намъ бѣдѣ,
 Умножился у насъ судейскій родъ только,
 Какъ равно рыбъ въ водѣ.
 Ну! можетъ ли теперь имѣнье быть велико?
 Бывало, къ одному барана принесешь,—
 И правъ пойдешь!

Не хочешь, чтобъ твое имѣніе пропало?—
 Такъ понче ихъ и сотни мало!
 Ты здѣсь дари,
 А тамъ—и болѣ!—
 Пойдешь съ сумою по-неволя...
 Судьямъ и нужды нѣтъ,—хоть съ-голоду умри!
 Межъ нами хитрость обитаетъ,

Неправда, и корысть, и зло;
 А правда, смутное чело
 Отъ смертныхъ сокрываетъ.
 «Свѣтъ нынѣ просвѣщенъ!»

Ученый говорить,
 Но кто изъ насъ уменъ?
 Кто въ должности не снитъ?

Кто, должности свои разсудкомъ измѣряя,
 Природѣ вслѣдъ

Идетъ?

Кто, къ смерти дией не ускоряя,
 Кладетъ веселію предѣлъ?

Кто бъ, прибыль позабывъ, о благѣ всѣхъ радѣлъ?
 О пользѣ общей кто помыслить?

Заслуги свои кто не числитъ?

А гдѣ они?... спроси!... не знаетъ онъ и самъ!

Какая польза намъ,

Что съ помощью шара гулять въ зенрѣ можемъ?

Мы собственнымъ бѣдамъ чрезъ это не поможемъ!

Когда бъ такой родился человѣкъ,

Который весь свой вѣкъ

Употребить бы могъ людей на исправленье,

И, несмотря на исключенье,

Скотамъ

И дуракамъ

Указомъ повелѣлъ отъ свѣта удалиться,

Тогда могли бы мы хвалиться,

Что свѣтъ на путь прямой попалъ,

Что родъ людей блаженнѣй сталъ.

А то, какъ не возмись, всё глупости встрѣчаешь.

Напрасно, философъ, напрасно разсуждаешь:

Ты нагубой поставилъ намъ порокъ,

Учить насъ захотѣлъ: ну, вотъ прекрасно!

Мораль твоя темна; не ври жъ!... все будетъ ясно;

Скажи: Ты бѣденъ?... будь игрокъ!

Безбожникъ?... справедливъ! болтунъ?... весела права!

Лстецъ?... правду говоритъ! лукавецъ?... всѣмъ примѣръ!

Буянъ?... молодцоватъ!... и скромецъ лицемѣръ!

Вотъ логика! Твоя и правда!

Тогда ты и въ чести!...

Ты хочешь быть въ чести? Польсти, мой другъ, польсти,
Солгать старайся

Для счастья своего;

Въ негахъ валяйся;

Хвали того,

Кто вверхъ попалъ, хоть онъ кнута достоинъ:

Когда н..... глупецъ;

Скажи, что онъ мудрецъ;

Кто трусъ, скажи что онъ весьма отважный воинъ,

Бездушный секретарь — обиженныхъ отецъ,

Своихъ секретаря, хотя и нонѣшній Иномъ, —

Любимецъ его — плутъ: скажи, они съ умомъ,

Достойны всѣхъ порфиръ.

И, словомъ, будь тотъ прямиъ,

Кто кривъ и косъ.

Хвали повсюду ихъ, и тамъ и сямъ,

Суй ладонь всѣмъ подъ носъ,

И убѣгай сатиры:

А то ты пропадешь,

Когда не вознесешь

Того, кто ничего не знаетъ, —

Такого сатану,

Который вомышляетъ,

Что онъ верхомъ сѣлъ на луну, —

Направя путь свой на планеты,

Объездомъ полетѣлъ осматривать всѣ свѣты.

На правду языку ты воли не давай.

Пожалуй, не лѣнись!... ранѣшенько вставай!

Въ прихожихъ у господъ являйся съ пѣтухами;

Тамъ проповѣдничай; во всѣ дѣла входи,

И что ты коротокъ, безъ милости тверди.

Листовъ десятка три курьозными стихами

Въ честь барину тому умненько измарай:

Пою велика мужа!

Пою, волюю, кричу!

Воспѣть хочу

Того, кому ничто ни зной, ни стужа,

Который за-живо поидетъ прямо въ рай....

Вотъ такъ начинай

Похвальную ты оду!

Толкуй всему народу,
 Что баринъ тотъ во всемъ—примѣрный господинъ;
 Что въ свѣтѣ онъ — одинъ;
 Что порохъ выдумалъ не Шварцъ, монахъ германскій,
 Но князь Тмутараканскій,
 Прапрадѣдъ барина того,
 Которому не зримъ мы въ пару никого;
 Который въ мирно время,
 Навьючилъ на себя претягостное бремя,
 И взялъ подъ свой покровъ
 Сиротъ и вдовъ,
 А на войнѣ, на ратномъ полѣ чистомъ,
 Готовъ на-единѣ сразиться съ Антихристомъ.
 Болтливой госпожи пороковъ не считай, —
 А знай,
 Что вретъ она пустыя думи,
 Бранить людей,
 Изъ дружбы, ради шутки:
 То дѣлаетъ равно и дьяволъ Асмодей.

Противъ тѣхъ стариковъ, измученныхъ лѣтами,
 Которые кричатъ противъ людскихъ страстей,
 Не смѣй употреблять отнюдь своихъ кистей;
 Не говори, что самъ,
 Желали бы опять,
 Оборотиться вспять
 Къ грѣхамъ, которые ругаютъ;
 Хоть мысленно хотятъ, но—малъ!—не достигаютъ!
 Лысцу не говори, что совѣсти въ немъ нѣтъ,
 Что онъ всѣмъ ложь поетъ,
 Что всѣ его слова — обманъ,
 Что правда отъ него бѣжала прочь;
 Что ищетъ онъ набить карманы
 И вретъ, что день, когда претемна ночь.
 У болтуна, смотри, не перебей ни слова!
 Пружиннымъ языкомъ
 Являя пустослова,
 Быть хочеть дуракомъ;
 Ложь правдой объявля, по свѣту пубануеть;
 Чтò видѣлъ онъ во снѣ, то грезить на яву;

Божась безсовѣстно; воѣ героду толкуеть,
Пуская по себѣ прекрасную молву.

М..... ты опять..... не касайся,

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Б — въ то нѣкогда знать свѣту даль:

За то его клюкою

Побили на-повалъ.

Кто жъ проигралъ?...

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

И дятаго бранить послѣднихъ запрещаю,

И къ свѣтскому опять обратно приступаю.

Все въ свѣтъ хорошо! все къ лучшему идетъ!...

Согласенъ съ дѣдушкой ученымъ я Панглосомъ.

Кандидъ пустое вретъ.

Старикъ Панглосушка расчухалъ добрымъ носомъ,

Что нѣтъ худаго въ насъ, что свѣтъ блеститъ во тьмѣ,

Что польза есть во всемъ и есть добро въ дермѣ.

Какая нужда мнѣ, скажу я то примѣромъ.

* Мѣсто, вышешейное редакціей.

Когда дѣвица съ кавалеромъ,
 Безъ позволенія отца,
 Тихонько упелась изъ батюшкина дому,
 И какъ она ушла, въ окошко нль съ крыльца,
 И вѣтъ ли въ домѣ томъ и шуму и содому.
 Какая нужда мнѣ!

Когда отецъ такъ плохъ, — хотъ онъ гори въ огнѣ!
 Наполненъ городъ весь молвою,
 Что Гуръ нль Евдокимъ
 Поссорился съ женою:
 Богъ съ нимъ!

Я не забочуся, хотя бъ дошло до драки.
 Терентій задурилъ,
 На экипажъ и фраки,
 Три тысячи крестьянъ и больше раззорилъ:
 Пускай Терентій тотъ мотаетъ!...
 Въ награду магистратъ * Терентья ожидаетъ.

Такая-то княжна вчера родила дочь:
 За это никому я не ломаю шапки;
 И тутъ—таки опять отъ миру я не прочъ:
 То дѣло не мое, а повивальной бабки.

Пафнутій Сидорычъ сталъ нынече богатъ,
 А былъ до свадьбы очень бѣденъ, —
 Такъ, люди говорятъ
 (Не въявь, а стороною),
 Что онъ ссужается женою.

Пафнутій для меня, ей-ей, совсѣмъ не вреденъ:
 Не стану, право, я трубить о немъ трубой.
 Ссужайся онъ себѣ, по-мнѣ, хотъ и собой!
 Меркурій городской, Ермила, парень ловкой,
 Связался, слышу я, съ какою-то чертовкой,
 Которая его искусно провела,
 Анюту обѣщала представить онъ натурой,
 Да слышию не пошли на ладъ его дѣла,
 Не сладилъ, говорятъ, никакъ онъ съ этой душой.
 И въ этомъ, кажется, бѣда не велика:
 Да худы слѣдствія! За Аннушку плутовку,
 Ермилъ задала недавно потасовку....

* Высшій судейскій санъ, магистратура, magistratus. Ред.

Терпѣли въ томъ одинъ Ермидавы бока.

У тѣтки подъ крыломъ воспитанный предлеждо
Маіоръ въ шестнадцать лѣтъ поѣхалъ на войну.

«Пропалъ Ванюшенька! пропалъ онъ неизбѣжно!

«Доколь онъ въ арміи, я ночи не усну!»

Такъ тѣтушка кричитъ. Уѣхалъ нашъ Вацюца,

Уже онъ предъ полкомъ;

Порядка не наруша,

Онъ ходитъ вечеркомъ

Къ полковнику всегда два раза на недѣли.

Подъ непріателемъ тотъ полкъ былъ, и въ дѣлѣ

Ванюша.... замогъ.

Однако нашъ маіоръ читалъ армейски штаты,

И знаетъ, что въ полку есть фуры и солдаты;

И, для такихъ причинъ,

Ванюшѣ дали чинъ.

У Трускина душа сраженіемъ кипѣла....

Мечталися ему всё пули да штыки....

Лишь-только свиснула свинцовы дураки, —

Бѣжитъ мой храбрый мужъ и прячется отъ дѣла,

Лежитъ подъ ящикомъ, читаетъ «Отче нашъ»,

Блѣднѣетъ и дрожитъ, не вымолвить ни слова,

На помощь требуетъ Григорья Богослова:

А дѣло кончилось, — пришелъ его куражъ!

Вскочилъ; помчался онъ; бѣжитъ коня быстрѣе;

На непріательской явился баттареѣ;

Устроилъ караулъ, разставилъ часовыхъ....

И что жъ явилось отъ дѣйствій таковыхъ?

Не устыдился вѣдь обмануть царицу!

Что жъ, дали Трускину Георгія въ петлицу:

Ну! какъ же тутъ молчать?... А? что же скажешь ты?...

Сомнительны тебѣ покажутся кресты....

Тебѣ такъ бажеться!... тому жъ, кто крестъ тотъ носитъ,

Честь, удовольствіе и славу онъ приноситъ....

И для того

Оедотъ

Имѣетъ на него

Претензію большую....

Какую?

Пять гренадерскихъ ротъ
 Привелъ въ сикурсъ за три дня до сраженья!
 Да и въ сраженіи отъ фрунта не бѣжалъ!
 За это самое онъ проситъ награжденья.
 А подъ присягою царю онъ обѣщаль
 Служить велицеѣрно!...

Присягу нынече не держать, братецъ, вѣрно:

Федотъ —
 Не скотъ,
 Онъ это знаетъ,

И дядюго къ кресту насильно приступаетъ.

Федотъ дурачится! Забота не моя.

Ну, виноватъ ли я?..
 Таки опять не отвѣчаю,
 И смѣло утверждаю,
 Что я не пособлю
 Прескучною моралью.

Переговоровъ я до-смерти не люблю.

Якимша содержалъ въ любовницахъ Наталью,
 Она — измѣнщица! Наталью онъ согналъ,
 А взялъ сестру ея, Маврушу.

Неужли отъ того Якимша нашъ пропалъ?
 Неужли погубилъ чрезъ то Якимша душу?
 Якимша — философъ! живетъ онъ безъ фигуръ!
 Стопчески живетъ, какъ древній.... Эпикуръ!
 Того таки и жди — какъ онъ Маврушу согонитъ,
 Такъ третію сестру себя любить наклонитъ.

Якимша хватъ!
 И удалой дѣтина!

Якимшѣ дудки все, и палки и дубина!
 Ты бей его-себѣ: онъ всё-таки богатъ.
 По равнодушію Якимшину такому
 И ниѣ объ немъ кричатъ, я чаю, по-пустому.

Притомъ
 Сказалъ, что ни о чемъ
 Переговаривать не стану.

Пахомій чрезъ жену подобенъ сталъ барану.
 Хоть по наружности жена его строга,

Но у Пахомишки явились рога.
 Прихавъ изъ гостей, Пахомій видѣлъ ясно,
 Что притворяется жена его напрасно.
 Пахомій закричалъ: — Безстыдная жена!
 — «За что прогнѣвался, мой другъ?» — Ахъ, сатана!
 Скажи мнѣ, кто такой спустился изъ окошка? —
 Жена ему въ отвѣтъ: — «Любезный! это кошка!...»
 Ну! какъ они хотятъ! Вѣдь я ни архирей.

Союзы и разводы

Вѣдь не касаются до должности моей.
 Между мужьями есть великіе уроды:
 Да мнѣ ихъ не учить!
 Изъ нихъ большая часть, божуся, чортъ на чортѣ.
 Да какъ же быть?

У Карпа, двадцать лѣтъ,

Какъ нѣтъ

Ужъ зуба во ртѣ:

Женился, молодець! Семидесяти лѣтъ;
 Не ловить ужъ мышей: да вотъ — лихъ, нужды нѣтъ!
 Подюжины ребяты, и нѣжить, и лелѣть!
 Расчухать, старый хрѣнь, ни мало не умѣть,
 Что дѣти не его....

Что нужды до того?

Пускай онъ гѣшится ребятками своими,
 Не занимаюсь я пороками чужими.

Послали на Олимпъ Юпитера искать.

Оставить надобно полицію скакать:

Когда и богъ боговъ не избѣжалъ расправы,
 Пусть вѣдаетъ и онъ служителей Управы!
 Когда Юпитерь — плутъ, когда Юпитерь — воръ,
 Пусть учивать ему по формѣ приговоръ!

Недавно Сидора возила одноколка:

Кафтанъ съ подборами носилъ онъ, съ кушакомъ;

На рождѣ борода висѣла какъ метѣлка;

А нынѣ Сидоръ нашъ — въ мундирѣ съ галуномъ!

Четверкою въ каретѣ

Изволить разъѣзжать!

Живеть въ великомъ свѣтѣ!
 Не хочетъ торговать!
 Какое дѣло мнѣ — за деньги или даромъ?
 Но Сидоръ нынече кригсъ-оберъ-коммиссаронъ.
 Хотѣлъ себѣ добра:
 Сказалъ — Давно пора!...
 И выходилъ тотъ чинъ:
 Такъ сталъ и господинъ!
 Ему же то похвально.
 Всѣмъ стонкамъ скажу въ глаза я, и формально,
 Что всякій для себя на свѣтѣ семъ живетъ.
 Княжнинъ сказалъ давно: «все уди что шлыветь».
 Ища своей забавы,
 Лишь интересъ храни.
 Что въ свѣтѣ разны нравы,
 То было искони!
 Чего ты не найдешь въ похвальномъ нашемъ мѣрѣ!
 У насъ жена одна, у Турковъ по четыре.
 Одинъ ншеъ создалъ Богъ, и Турка, и меня:
 А такъ мы разнимся, какъ ночь отъ лона дня!
 Я говорю: — Жена мнѣ слѣдуетъ одна.
 А Турокъ скажетъ мнѣ: «Ты — глупая скотина;
 Держи ихъ пятьдесятъ.»
 — Я радъ, да не велятъ!
 Эхъ! если бы меня не устрашали черти,
 Убей меня до смерти,
 Когда бъ я не надѣлъ сегодня же чалму!
 Не выходилъ бы я изъ тепленькой серали;
 Безъ грусти, безъ печали
 Я жилъ бы, братъ, по-твѣдому....
 Но эта говорю я только мимоходомъ:
 А правду вымолвить — шучу,
 И съ глупымъ турскимъ я народомъ
 Дѣлить блаженства не хочу;
 А только подтверждаю, что въ мѣрѣ — равно въ морѣ,
 Въ которомъ воды безъ числа:
 Такъ и на свѣтѣ семъ — и гадости и горе.
 Порядочнаго иѣтъ на свѣтѣ ремесла!
 Не за свое хватается всякъ дѣло;
 Въ природѣ что черно, у насъ то бѣло.

Иной, на смѣхъ уму, въ хемической печи
 Мѣшаетъ съ сѣромъ чулуку и кирпичи,
 Для полученія и славы и доходу:
 Онъ золото нашель—а ѣсть лишь хлѣбъ и воду!

Другой, на интересъ пуститься не хотя,
 Дурачится себѣ какъ сущее дитя:
 Съ духами говорить, — съ стихіями бунтуеть, —
 А мозгу для себя ни какъ не находитъ!

Скупой лежитъ у сундука,
 Замокъ держа зубами:
 Червонныхъ у него навалено горамн;
 Самъ голоденъ какъ волкъ, зимой — безъ сюртука.

Тотъ, чести не имѣвъ, за честь подраться ищетъ.
 Онъ думаетъ, что тѣмъ не погрѣшилъ,
 По правиламъ когда другаго онъ убилъ.

Того замучили затѣи, да проекты.
 А тотъ цѣлой вѣкъ всё смотритъ на аспекты.

Кривой знатокъ
 Физической науки,
 Разсудку давъ толчокъ,
 Глаголь беретъ за буки, —
 Кричитъ мнѣ, что луна
 Весьма населена,
 Что звѣзды, и планеты,
 И черти, и кометы,
 Суть интересныя и важныя дѣла,
 Которыя узнать бысть польза не мала:
 А сверхъ еще того тарашится къ Парнасу!...
 Ни дня ни часу
 Ушамъ чувствительнымъ не дастъ покоя;
 Гудокъ свой не настроя,
 Теревитъ бѣдныхъ Музъ:
 Стихи писать онъ хочетъ;
 Съ умомъ всегда хлопочеть,

И, за-воротъ схвати, до-смерти мучитъ жусть.

А хуже-то всего — доволенъ самъ собою....

Ахъ! прахъ его бери, съ очками и трубою!

Пуškai гудокъ дереть!

Поетъ пусть какъ ворона!

Пусть каверзитъ Невтона!

Пуškai-себѣ онъ вретъ, —

Умолкну! не хочу съ дурачествомъ возиться!

Не лучше ль приучиться

Спокойно то сносить,

Чего нельзя перемѣнить?...

=

II.

О Д А.

=

Хочу къ безсмертью приютиться,

Нанять у славы уголокъ,

Сквозь кучу риемачей пробиться,

Связать изъ мыслей узелокъ.

Хочу своргавить кой-какъ оду,

И выкинуть такую моду,

Чтобъ былъ не надобенъ Пегасъ

Ни Апполонъ дѣтина строгой.

Хочу *проселочной дорожкой*

На долгихъ ѣхать на Парнасъ.

* *
*

Горшки не боги жъ обжигаютъ!

А мнѣ кто не велѣлъ строчить?

Ну, право, насъ не лучше знаютъ,

Какъ строку риемой заострить!

Мы также въ людяхъ вѣдь живали!....

И всякихъ молодцовъ видали!....
 Видали оды на заказъ!
 Въ нихъ, правда, разныя есть штуки:
 Анъ посмотришь, взявши въ руки —
 Такъ врядъ поставятъ чище насъ.

* *
 *

Ну, что жъ? за чѣмъ же дѣло стало?
 На-прикладъ: кинемся къ богамъ.
 Вѣдь въ Пантеонѣ ихъ не мало!....
 Притараканимъ-ка ихъ къ намъ.
 Пускай Полимию и Клио
 Съ Эвтерпой пропоютъ намъ трію,
 Клотою, Лахеза — дуэттъ;
 Пусть Вакхъ царашнетъ до обѣда, —
 Венера, Марсъ, Юпитеръ, Леда,
 Анкатръ пусть дѣрнутъ менюэтъ.

* *
 *

Велимъ—поворотя оглобли
 Рѣкъ Алфею течь назадъ,
 А чтобъ Эака сбросить съ кровли
 Велимъ Ираклу ѣхать въ адъ;
 Пусть Момъ словъ острыхъ пять шесть скажетъ,
 Пускай Эолъ мѣшки развяжетъ,
 Отъ вѣтровъ станетъ пыль столбомъ,
 Борей, Аквилоны, и Ноды,
 Эолы, дутки народы,
 Пусть опрокинутъ все верхъ дномъ.

* *
 *

Съ богами какъ не будетъ мочи,
 Съ Олимпа лыжи наострю
 И, вылупя ясныя очи,
 Въ исторію я посмотрю.
 Прильнувъ на-часъ къ Семiramидѣ,
 Въ Египтѣ окунаясь въ Меридѣ,

Скажу, что есть у Крылицевъ ханъ;
 Сочту подушны въ Римъ сборы *;
 Потомъ замѣчу, какъ эфоры
 Тузили, гладили Спартанъ.

* *
 *

Двойные заплатя прогоны,
 Возьмемъ копейныхъ на-часокъ,
 И, новы вздумавъ заббоны,
 Героевъ примемъ за високъ;
 Великъ собратся имъ толпою, —
 Чтобъ Циціонъ, дядя къ бою,
 На Ганнибала наплевалъ,
 Помпея Цезарь въ ухо хлцнулъ,
 Отъ Александра Дарій лопнулъ,
 Ахнулъ туза Гектору далъ.

* *
 *

Взявъ въ руки посохъ и свирѣлку,
 А за-поясъ заткнувъ дуду,
 Читателя, ужъ на отдѣлку,
 Въ Аркадію я поведу;
 Въ поля что и зимой не снѣжны,
 Гдѣ всѣ сердца какъ мякишь нѣжны,
 Узетить сельска простачка,
 Какъ онъ изъ Леты тянетъ кружкой
 И пляшетъ горюча съ пастушкой,
 Иль голубца, или бычка.

* *
 *

Тамъ пусть читатель мой замѣтитъ,
 Пускай зарубитъ на носокъ:

* Можно полагать, что этотъ стихъ намѣкаетъ на службу Державина въ Комиссіи Государственныхъ Доходовъ: въ такомъ случаѣ «Ода» была бы сочинена около 1781 года, не задалго до «Послания къ творцу посланій», которое служить ей отвѣтомъ.

И красно солнце лучше свѣтитъ,
Улизывая за лѣсокъ.
На пастушковъ смотря Аврора,
Поприрумянится съ задора,
Зря дюжій молодецкой жаръ;
По пальцамъ сласти ихъ считаетъ
Девѣчки прежди вспоминаеть,
И тужить, что Титонъ ужъ старъ.

* *
*

Быть-можетъ не всему я міру,
Набрякавъ оду, угодилъ.
Да надо вѣдать, что вѣдь міру
Я у косячаго купилъ.
Иной на рынкѣ лиръ не мунитъ,
А оды славно такъ лунитъ!
Ну, такъ и нашъ братъ, грамотей.
Пожалуй, не судите строго:
Вѣдь Ломоносовыхъ немного!
Другіе ходятъ всё съ жлудей.

=

III.

ПОСЛАНИЕ

КЪ ТВОРЦУ ПОСЛАНИЙ,

ИЛИ

КОПИЯ КЪ ОРИГИНАЛУ.

(Соч. въ кампанентѣ подлѣ С.-Петербургомъ, 1784 года въ июлѣ.)

=

Посланій образецъ, людскихъ умовъ безмѣнъ,
 Парнасса капитанъ-исправникъ, почты членъ,
 Предъ конемъ безъ вины разсудкомъ виноваты
 И тѣ, кто скудны имъ, и тѣ, кто имъ богаты;
 По скромной склонности и должности своей,
 Великій браковщикъ достоинствъ и людей;
 Дай имъ на нѣсколько минутъ отдохновенья,
 И удостой мое посланіе воззрѣнья.

Когда бъ даровъ твоихъ изящность всѣхъ очамъ
 Казалась такова, какъ зришь ее ты самъ,
 Тогда бы правыя причины стали явны,
 За что россійскіе писцы тебѣ неправны;
 Узнали бъ, что изъ нихъ ты первелькихъ бранишь
 По-истинѣ за то, что достохвально мнишь,
 Насъ щедро богата своихъ твореній тмою,
 Безсмертье отказать и справить за собою;
 И правдолюбящій едва-ль не скажетъ всякъ,
 Что жребія лишитъ нельзя тебя никакъ —
 Оставить по себѣ столь громкое послѣдство.

Къ познанью первенства сравненіе есть средство.
 Посмотримъ. Напримѣръ: всеобщій слышенъ крикъ,
 Что Сумароковъ былъ и есть всегда великъ.
 Но что имъ сдѣлано?... Синавъ, Хоревъ, Семира....

Бездѣлицы! А ты?... Ты далъ намъ.... «Бригадир!»
Тотъ чувствами насъ и нѣжностью плѣнилъ,

.....
.....
.....
Тотъ, восхищая насъ, насъ плакать заставлялъ
Какъ ядомъ иль мечомъ героевъ умерщвлялъ:
Не лѣзъ Сиднею далъ, далъ выкушать водичу.

.....
Тотъ остротой блисталъ: природѣ долженъ онъ....
Словъ острыхъ наизусть ты знаешь лексиконъ.
Подумай!... люди врутъ.... о злоба! о измѣна!...
Что будто у тебя онъ и уму замѣна,
И что.... нескромныя!... вѣдь какова пора,
Подъ-часъ и золота не хуже мишура,
А Ломоносову съ тобою лѣзя ль равняться?
Онъ не заставилъ насъ ни разу разсѣяться
Безсмертныхъ и живыхъ картинъ своихъ огнемъ;
Тебя жъ читая, мы всегда отъ смѣху ирѣмъ!
Онъ славу Россіянъ, онъ славу пѣлъ Петрову,
А ты *посланіе* отправилъ къ *Ямщикову* (1).
Тотъ — риторъ, тотъ — пѣтъ, любитель тотъ наукъ:
И это все твоихъ не миновало рукъ.
Россійскій Пиндаръ сей на небеса зывался:
Ты съ челядью въ мирской системѣ упражнялся,
Что *тряско* *разсуждать* о свѣтъ утвердилъ,
И чрезъ *Шумилова* то миру объявилъ (2).
Но Русскіе ль чета твоей великой славѣ?...
Примѣры лучшіе возьмемъ въ другой державѣ,
И узримъ каково, для сраму и стыда,
Иноплеменникамъ отъ твоего труда.
Отиѣнный, рѣдкій слогъ, полуславенскъ и дивенъ,
Не сдѣлалъ ли, что намъ сталъ Битобѣ противенъ (3)?
А твой другой *Сидней* не есть ли намъ доводъ

(1) *Посланіе къ Ямщикову, Г. В. (Визина).*

(2) *Мнѣ тряско разсуждать о жизни и о свѣтъ.*

Посланіе къ слугамъ, Шумилову, Ваманъ и Петрушикъ. Г. В. (Визина).

(3) *Иосифъ, господина Битобѣ, переводъ господина В. (Визина).*

Что *дружка* *едва* ты *удобень* *переводъ* ⁽⁴⁾?
 Когда же *показа*ль свою какъ *риторъ* *ешу*,
 И на *Русь* отнесъ *Аврелія* въ *могилу* ⁽⁵⁾,
 Не ты ль о *Томасѣ* намъ думать *повелѣ*ль,
 Что за *покойника* онъ *панхи*ду пѣлъ?
 Не чрезъ тебя ли *Сифъ*, бродя *необычай*но,
 Намъ *тускло* *разказа*лъ все что въ *Египтѣ* *тайно* ⁽⁶⁾?
 Не ты ль у *старика* *Вольтера* отнялъ *честь*?
 Какъ *удалось* тебѣ *Алзиру* *перевести*!...
 Но *Муза* у тебѣ *лучшею* *покры*ла,
Напавъ въ *платьи* *кста*тъ на *смыслъ* *Вольтера* съ *тыла*.
 Что съ *мыслью* *автора* *разъ*жалась въ *другихъ*,
 И что въ *трагедіи*, межъ *прочими*, есть *стихъ*,
 Котораго она *совсѣмъ* не *разумѣ*ла,
 Не ты въ томъ *виноватъ*. Чего жъ она *смотрѣ*ла?
 Нельзя, чтобъ ты *мега* съ *нескомъ* не *распозна*лъ
 И столько *мудры*ми *очами* *захвора*лъ.
 Нельзя! Твои *дѣда*, конечно, *совершенство* ⁽⁷⁾!
 Но *смы* не всѣ твои *таланты* *изочтены*.
 Чтобъ *показ*ать *невѣ*ждѣ *великому* *числу*
 Сколь *глубокъ* къ *всякому* твой *разумъ* *решес*лу,
Особымъ ты *перомъ* и *кистию* *своею*
 Какъ *яблони*къ *писа*лъ къ *разнош*нику *Матвѣю* ⁽⁸⁾.
*Задума*лъ *попут*ить, — и *унтеръ-офи*церъ
 Въ-*мину*ту *сдѣ*лался *проказъ* твоихъ *примѣ*ръ,
 Которымъ, для *затѣ*й такъ *счастливо* *жерт*ва
Благословенная *содѣ*лалась *утр*оба ⁽⁹⁾.

(4) *Сидней* и *Силли*, переводъ Г. В. (Визина).

(5) *Речь Марку-Аврелію*, *Томаса*, переводъ Г. В. (Визина).

(6) *Жизнь Сифа*, переводъ Г. В. (Визина).

(7) *Алзира*, Г. *Вольтера*, переводъ Г. В. (Визина).

- Les marbres impuissants, en sabres façonnés....

«Безсильны мраморы въ *песокъ* преобращены».

(8) *Послание къ Матюшкѣ Разношнику*, Г. Виз. (Визина).

(9) *Стихи* г. Визина въ *Посланиі* къ *Ямшикову*:

«*Натуры* *пасынокъ*, *проказъ* ея *примѣ*ръ,

Піита, *философъ* и *унтеръ-офи*церъ.»

Актеромъ издумалъ быть: всё знаютъ какъ играть!
Софію полюбилъ.... философъ ты сталъ!
 И мудреца титулъ, почтенный, рѣдкій въ свѣтъ
 Стяжалъ благодаря себѣ, конямъ, каретѣ.

О ты, котораго, *себя на похвалу* ⁽¹⁰⁾,
 Творецъ пустилъ на свѣтъ какъ куклу по столу!
 Свершай великое судебъ опредѣленье;
 Дай быстротѣ твоей свободное теченье;
 Тебѣ противный умъ насмѣшкою карай;
 Ругайся надъ однимъ, другаго презирай;
 И, омрача невѣждъ главы твоей парами,
 Пиши посланія и прозой и стихами,
Бряцай, и не жалѣй отминой *миры* струнъ,
 И, какъ Зевесъ, бросай въ противниковъ перунъ.

Хотя идетъ молва между незнатоками,
 Что славы кто себѣ не приобрѣлъ дѣлами,
 Тотъ, сколько ни божись, что славенъ онъ, но.... ахъ!...
 Надутой самохвалъ останется въ срамцахъ;
 Что цѣну знать всему даютъ прямое право
 Науки, тонкій умъ и разсужденье здраво
 Что не всегда *bon-mot* ума бываетъ знакъ,
 Что молвить иногда гладенько и дуракъ,
 И что не надобно, на переломъ натурѣ,
 Считать за старосту себя въ литературѣ,
 На зло и ей самой и миру вопреки....
 Тебѣ ль, тебѣ ль внимать такіе пустяки!
 Пиши и говори что въ умъ тебѣ ни вспало!
 Тобой восхищенныхъ найдешь людей не мало.
 Не помню кто сказалъ, я чаю Боалдъ,
 Что умному съискать всегда не тяжело,
 Еще умнѣйшаго, которому онъ правень:

(10) Въ *Посланіи къ слугамъ, Шумилову, Ванькѣ* и прочая.

..... себя на похвалу,

Всевышній насъ пустилъ какъ куколъ по столу.

Гряди себѣ во слѣдъ, и вѣрно будешь славенъ
У тѣхъ, которые на то осуждены,
Чтобъ истиной твоей не объявлять цѣны.
Они рѣкутъ, плетя тебѣ изъ лавръ корону,
Что мало для тебя быть другомъ Аполлону,
И, мня, что титулъ нныхъ достоинъ ѣдкій умъ,
Воскликнуть: «Музамъ ты по-малой-мѣрѣ кумъ!»

ИГРОКЪ.

При шумъ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькають образы безумные людей,
Приличьемъ стянуты маски.

М. Лермонтовъ.

Въ Петербургѣ есть длинная улица съ каменными домами по обѣимъ сторонамъ. Въ одинъ очень благопристойный домъ на этой улицѣ, на одну прекрасную квартиру собрались гости посидѣть вечерокъ у премилаго человѣка: не то надворнаго, не то коллежскаго совѣтника. Хозяинъ, маленькій, кругленькій толстякъ, съ лысиною на головѣ въ полтину серебра, не болѣе, былъ, какъ я уже сказалъ, милый человѣкъ, рассказывалъ очень забавно анекдоты о пошехонцахъ, говорилъ удачно русскіе каламбуры, занятые изъ Александринскаго Театра, даже иногда собственныя, и отъ души смѣялся своимъ остроумъ. Всѣ знакомые заглазно называли его: «душа компаніи», а въ глаза: Иванъ Агапопитовичъ. Начальники и въ глаза и въ бумагахъ тоже давали ему это имя.

Жена Ивана Агапопитовича, Силезія Санназаровна, была прелестная женщина; тоненькая, узенькая, вѣчно съ опущенными глазками, со вздохомъ на устахъ, съ

головую немного наклоненною къ лѣвому плечу, съ двумя длинными русыми локонами, висящими небрежно отъ висковъ вдоль тоненькой шейки.

О гостяхъ я умалчиваю. Могли ли быть у Ивана Агапопитовича не хорошіе гости?!

Быль вечеръ. Лампы горѣли по стѣнамъ, а на столѣ передъ диваномъ горѣлъ кенкетъ. Изъ третей комнаты долеталъ звонъ чайныхъ чашекъ и довольно тихо хлопнула раскупоренная бутылка. Въ углу Силезія Санназаровна любезничала съ прѣзжимъ кавалеристомъ; какой-то важный старикъ въ вицмундирѣ, сидя на диванѣ передъ лампою, безпощадно ругалъ карболенъ; Иванъ Агапопитовичъ, прохаживаясь дробными шагами по комнатѣ, весело потиралъ руки и думалъ: чѣмъ у меня не вечеръ? есть люди нужные мнѣ по службѣ, есть капиталисты, есть офицеры — народъ необходимый для дамскаго общества; есть даже литераторъ!... Хоть мнѣ и не совѣтуютъ водиться съ этими людьми: за хлѣбъ за соль, говорятъ, литераторъ плюнетъ тебѣ въ самую душу.... да чортъ его побери!.... всё-таки оно лучше. Славныя декораціи у меня сегодня!...

Гости зѣвали.

Чай немного развлекъ общество; а между-тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ:

Столы зеленые раскрыты
Зовутъ заборныхъ игроковъ.

— Полно, господа, терять золотое время, сказали холмики: не перекинуть ли?

— Не худо бы перекинуть, говорили гости, подымаясь со стульевъ.

— Ваше превосходительство! въ вистикъ прикажете?...

— Да партіи то, кажется, нѣтъ, любезнѣйшій Иванъ Агапопитовичъ.

— Помилуйте! Играть съ вами всадикъ нечетъ за особенное счастье, можно сказать.... Вотъ Елена Ми-

Михайловна, вы, ваше превосходительство, Менахъ Осокритовичъ....

— Только трое насъ....

— Помилуйте! вотъ.... да вотъ Василій Андреевичъ!... смѣю рекомендовать: молодой человекъ, подающій большія надежды.

— Благодарю за честь, сказалъ Василій Андреевичъ, низко кланаясь.

— Ничего, молодой человекъ, благосклонно прибавилъ его превосходительство.

— Покорно благодарю: я не играю.

— Какъ, вы не играете?! Василій Андреевичъ! что вы? что вы? съ ужасомъ закричалъ хозяинъ.

— Не играю, Иванъ Агапоповичъ.

— Полноте шутить! да я васъ самъ, что называется собственноручно видѣлъ играющихъ.

Гости улыбнулись острою хозяина.

— Я прежде игралъ, а теперь пересталъ; мнѣ нѣтъ счастья: всегда проигрываю.

— Придетъ же такая блажь! слушать смѣшно. Садитесь, я ручаюсь, что выиграете; только пощастливится быть партнеромъ его превосходительства, съ-разу запишете трипель.

— Ну, это еще въ рукъ Божіей, скромно замѣтилъ генералъ.

— Согласенъ, ваше превосходительство; но по-крайней-мѣрь съ-разу будете въ девяти: это весьма возможно, при вашемъ искусствѣ въ коммерческихъ играхъ, при постоянномъ, внимательномъ занятіи....

— Не слушайте его! перебила Елена Михайловна: давно уже сказано: «въ девяти нѣтъ пути». Вотъ со мной сядете играть такъ за большое не ручаюсь, а въ одну сядемъ въ окръхъ.

— Французская королева долго сидѣла въ окръхъ, замѣтилъ Менахъ Осокритовичъ.

— Къ чему спорить! можно състь en trois; я, по-

Жалуй, сяду въ вѣсто молодого человека съ гольцманомъ, сказалъ генераль значительно ударяя на слово гольцманъ.

— Какъ вы милостивы, ваше превосходительство, почти со слезами сказалъ хозяинъ: я очень умью цѣнить ваше снисхожденіе; я очень виноватъ.... Этотъ эконокъ не пріѣхалъ; знаете, эконокъ вашего заведенія.... онъ всегда играетъ въ какую угодно: хоть въ тысячную; достойный человекъ, а не пріѣхалъ!..

— Ничего, ничего, успокойтесь: я иногда люблю даже забавляться просто en deux.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство.... А вы, господа, прошу за пресерансъ. Золотой капитанъ! по пятачку въ пресерансъ угодно?

— Играю, отвѣчалъ титулярный совѣтникъ въ рыжемъ парикъ.

— И прекрасно! такъ вотъ вы, да я, да Прокль Гурьевичъ, да серебряный капитанъ. Вотъ и партія!..

— Для серебрянаго-то капитана дорогонько, замѣтилъ съ женой титулярный совѣтникъ.

— Экое себлюбіе, закричалъ хозяинъ: слышите, ваше превосходительство: серебряный капитанъ боится на серебро играть?!..

— Эге!... проворчалъ генераль собирая карты.

Василій Андреевичъ ушелъ въ кабинетъ и сѣлъ въ углу въ глубокія вольтеровскія кресла; къ нему дотали шуточкі, поговорки и приговорки играющихъ.

— Безъ одной! говорилъ, вздыхая, серебряный капитанъ: подкузьмили вы меня!

— Да что вамъ! Да вы въ малинь! говорили его товарищи.

— Помилуйте, господа! какая тутъ малина!?

— Въ малинь, въ малинь! кричалъ чей-то голосъ.

— Не прикажете ли портеру, ваше превосходительство? спрашивалъ хозяинъ.

— Два левѣ и два онѣра! шебетала Елена Михайловна.

— Сущія живчія птицы! проворчалъ Василій Андреевичъ, и; вытянувъ спокойно ноги во всю длину кѣмнаты, началъ философствовать о суетѣ міра, точно какъ философствуютъ всѣ люди съ пустымъ карманомъ.

Легкій шорохъ пробудилъ Василія Андреевича отъ глубины его умозрѣній; въ комнату вошла Силезія Саннызаровна шумя огромными складками своего длиннаго гроденаплеваго платя. Рядомъ съ нею шелъ кавалеристъ.

— Такъ вы рѣшительно не вѣруете въ симпатію? говорила Силезія Саннызаровна, жеманно опускаясь на диванъ.

— По-крайней-мѣрѣ не вѣрилъ до нынѣшняго вечера; отвѣчалъ кавалеристъ, ловко закручивая усы.

Силезія Саннызаровна немного смутилась, тихоюко вздохнула, повернула раза два на своемъ пальчикѣ черное черепаховое колечко, и вдругъ, быстро поднявъ головку, спросила:—А! вы здѣсь, Василій Андреевичъ! Чтò вы не играете?

— Я рѣшительно оставилъ игру.

— Чтò же вы станете дѣлать на свѣтъ?

— Самъ еще не знаю; но играть же буду — вѣчно проигрываю.

— Фр! какой вы мужчина! двѣ, три неудачи и вы лишаете себя почти лучшаго удовольствія жизни.... Стоить только быть твердымъ; мнѣ кажется, мужчина съ достаточною твердостью всего можетъ достигнуть!

Силезія Саннызаровна бросила взглядъ на кавалериста.

— Я навсегда отказываюсь отъ карточной игры и этимъ хочу показать мою твердую волю.

— Такъ играйте въ другую игру, гдѣ нельзя проигратъся.

— Напримѣръ, Силезія Саннызаровна?

— Напримѣръ.... играйте.... хоть на скрипкѣ; тутъ, кажется, трудно проигратъся....

Силезія Санназаровна лукаво улыбулась.

— Я съ вами совершенно согласенъ, замѣтилъ кавалеристъ: это самая безопасная игра.

— Разумѣется, сказала хозяйка. Этимъ можно доставить удовольствіе и себѣ и другимъ.

Я здѣсь лишній, подумалъ Василій Андреевичъ, взялъ шляпу и по-тихонько ушелъ домой.

—

Василій Андреевичъ былъ молодой человекъ, какихъ очень много въ Петербургѣ; родился и воспитывался въ дальней провинціи, имѣлъ кучу братцовъ, сестрицъ и отца, исполненнаго идей добраго стараго времени, почти не имѣлъ никакого состоянія, служилъ уже четвертый годъ въ какомъ-то департаментѣ, жилъ однимъ жалованьемъ. Но у Василія Андреевича впереди были блистательныя надежды:

Во-первыхъ, въ Москвѣ жилъ, въ собственномъ домѣ, старый холостякъ дядя и крестный отецъ Василія Андреевича; онъ, въ каждомъ письмѣ жаловался на подагру, намѣкалъ любезному племяннику о возможности наследовать *оний* домъ.

Во-вторыхъ, въ департаментѣ штатный чиновникъ Каблучковъ, при которомъ Василій Андреевичъ былъ помощникомъ, очень подозрительно кашлялъ, видимо угасалъ, и наконецъ слегъ въ постель. Доктора говорили: «не вставать болѣе штатному чиновнику». Самъ начальникъ отдѣленія говорилъ Василию Андреевичу:— Вы весьма можете занять мѣсто Каблучкова; будьте благонадежны. Товарищи говорили:— Василій Андреевичъ! какъ получите мѣсто—за вами вечерокъ.

Въ-третьихъ, Василій Андреевичъ, по обычаю всѣхъ людей, у которыхъ еще довольно быстро кровь переливается въ жилахъ, былъ влюбленъ и влюбленъ не безнадёжно. «Владычица души его» дочь начальника от-

дѣленія, живая брюнетка, была къ нему внимательна, отличала его передъ другими. Даже самъ начальникъ отдѣленія, кажется, не только замѣчалъ эту любовь; но даже ей покровительствовалъ.

Съ такими надеждами можно еще жить на бѣломъ свѣтѣ.

Но это все были надежды!... Доктора увѣряютъ, что иные подагрики живутъ по два вѣка; дочка начальника отдѣленія еще дѣвушка, и вольна отдать свою руку кому ей прикажутъ; а мѣсто Каблучкова.... Тутъ невольно приходилъ на память Василю Андреевичу одинъ случай съ начальникомъ отдѣленія:

Шелъ начальникъ отдѣленія по улицѣ и глубоко задумался, о чемъ?—одному Богу вѣдомо! Откуда ни взялись изъ подворотни двѣ собаченки, залаяли, завизжали, и давай его дергать за полы шинели. Начальникъ отдѣленія поклонился на обѣ стороны, самымъ ласковымъ голосомъ сказалъ: «будьте благонадежны», закутался но-крѣпче въ шинель — и пошелъ далѣе.

Имѣя виды на дочь своего начальника, Василий Андреевичъ питалъ въ себѣ дерзкую мысль когда-нибудь вечеромъ пригласить его на преферансъ въ свою квартиру; но для этого потребовались нѣкоторыя улучшенія: покунка нѣсколькихъ креселъ съ эластическими подушками (на другихъ стульяхъ начальникъ не любилъ сидѣть) и новаго ломбернаго стола. Какъ ни думалъ Василий Андреевичъ, а денегъ не хватало! и онъ рѣшился, первый разъ въ три года, попросить у своего отца сотни двѣ ассигнаціями. Въ надеждѣ на будущія блага, дня за три до начала нашего разсказа, онъ проигралъ все свое мѣсячное жалованье, а въ самый день, кончившійся извѣстнымъ намъ вечеромъ у Ивана Агапонитовича, получилъ отъ отца пестрый ситцевый халатъ и письмо слѣдующаго содержанія:

«Любезный сынъ мой, Василій Андреевичъ!

«Удивляюсь я, куда ты двѣдцѣ дѣнегъ, получая въ годъ тымачу двѣсти рублей жалованья. Это сумма не бездѣльная, можно бы и отложить что-нибудь на черный день, а ты еще у меня вздумалъ просить!... Ты вѣдь знаешь сколько васъ у меня наплодилось! Дай тому, другому, и давать будетъ нечего; а тутъ неурожай — хлѣба нѣтъ; вотъ у сосѣдки Бульбулькиной все село опухло. А ты, братъ, вѣрно въ столицѣ таво... или тебя мясники, да всякіе купцы общитываютъ да обвѣшиваютъ. Съ этими бездѣльниками надо торговаться и смотрѣть въ оба. Посылаю тебѣ очень красивый халатъ; ты на такомъ мѣстѣ, что, чай, нерѣдко просителей принимаешь, а въ этомъ халатѣ хоть кого принять не стыдно; только ты съ этими народомъ не очень нѣжничай; они народъ грубый; съ ними переменить нечего — такъ будешь совершеннымъ человекомъ и отцу поможешь. Вотъ тебѣ мой родительскій совѣтъ и благословеніе.

«Твой отецъ, Андрей».

Василій Андреевичъ прочелъ письмо, сосчиталъ все свои дѣнеги — ихъ оказалось четыре рубля семьдесятъ три копейки, вздохнулъ и машинально отправился на вечеръ къ Ивану Агапоцтовичу.

Съ самаго дѣтскаго возраста Василій Андреевичъ занимался скрипичною игрою; въ пансіонѣ, гдѣ воспитывался, онъ игралъ вторую скрипку, когда во время торжественныхъ случаевъ изъ воспитанниковъ составляли хоръ пѣвчихъ и музыкантовъ. Родители юныхъ музыкантовъ плакали отъ восторгу, цѣловали своихъ птенцовъ, и дарили разными домашними произведеніями музыкальнаго учителя Карла Ивановича Фисмоля. Фисмоль вѣжливо раскланивался, и, осыпая цѣжныхъ родителей любезностями, обыкновенно говорилъ отцу Василія Андреевича: «Вашъ сынъ, это маленький Себастианъ Вахъ, это молодой Глукъ, немножко Моцартъ, немножко Бетговень, и больше ничего».

Дома, во время вакаціи, Василиій Андреевичъ часто наигрывалъ на скрипкѣ вальсы, кадрили и мазурки; сосѣдки танцовали до-упалу подъ эту игру; благодарностямъ конца не было.

Василиій Андреевичъ привезъ съ собою въ Петербургъ скрипку и на другой день, осматривая городъ, купилъ за сорокъ рублей ноты: разыгралъ ихъ, и чрезъ три дня пошелъ въ тотъ же магазинъ перемѣнить: разыгранныя ноты взяли и дали новыхъ на тридцать рублей; скоро и эти были перемѣнены; перемѣненныя опять мѣнялись, и наконецъ, недѣлю черезъ три, остался въ рукахъ аматѣра одинъ какой-то галопадъ. Василиій Андреевичъ разыгралъ галопадъ и подумалъ: — Дрянная штука, даже аццикатуры мало, а прихласъ въ сорокъ рублей! Между-тѣмъ онъ получилъ мѣсто; явились новыя служебныя заботы, новые пріятель, которые не только не производили его въ Моцарты и Бетговецы, но даже никогда не просили и цойграть, хотъ часто спрашивали чаю и трубокъ. Скрипка была положена въ ящикъ; вмѣсто смычка, Василиій Андреевичъ вооружился картами, вошелъ въ колею обыкновенной жизни и тихо, ровно покотился по ней въ общемъ водоворотѣ мелкаго служащаго міра.

Послѣ этого понятно, отъ чего совѣтъ Силезія Санназаровны играть на скрипкѣ не только не удивилъ, не огорчилъ Василиія Андреевича, но еще казался ему пророческимъ голосомъ судьбы, посланнымъ пробудить въ немъ уснувшій талантъ.

— Вѣдь правду говорила Силезія Санназаровна, думалъ Василиій Андреевичъ, подходя къ своей квартирѣ: игра на скрипкѣ и не убыточна и пріятна; мнѣ грѣшно, что я оставилъ ее. Разумѣется, здѣсь никто не произведетъ меня въ Моцарты за мѣшокъ гороху или за барана. Я и далеко отъ этого, а всё же у меня есть талантъ. Да и дочка начальника отдѣленія любить музыку, вотъ двѣ недѣли всё только и слышишь: ахъ, Лининекій! ахъ, чудо! ахъ, прелесты! Пусть себѣ

Паганини первый скрипачъ: спорить не стану; всё же-таки я игривалъ его вариации, можетъ-быть не такъ, какъ самъ авторъ — на то онъ и авторъ, — а всё же игралъ: этого отъ меня никто не отниметъ. Не помню, гдѣ-то я читалъ изреченіе Бюффона, что трудъ есть геній... Кто знаетъ, что бы вышло, если бъ я до-сихъ-поръ вмѣсто картъ занимался музыкою? а? что бы изъ того вышло! Во-первыхъ, я бы не проигрался въ преферансъ: это вѣрно! во-вторыхъ... да кто его знаетъ, что бы вышло? Чѣмъ лучше меня заѣзжіе Нѣмцы, что пилать по струнамъ цѣлый постъ въ залѣ Энгельгардта!... и собираютъ же денежки... истинно собираютъ. Можетъ-быть въ этомъ вся моя будущность... Принимать просителей въ халатъ и грубо принимать ихъ я предоставляю сверстникамъ моего батюшки: это ихъ дѣло; мнѣ уже совѣсть не позволить, хоть оно, можетъ-быть, и пріятно и полезно, да совѣстно... а игра — дѣло другое.... Я же дворянинъ, и тутъ выгода, и служба пойдетъ своимъ порядкомъ, а можетъ-быть наслѣдство придетъ кстати, а тамъ и женюсь. Она такъ любитъ музыку! пріятно заслужить ея похвалу!...

Василій Андреевичъ дернулъ колокольчикъ у своей двери, весело отдалъ шинель старому своему слугѣ Фарафону, въ минуту смѣнилъ вицмундиръ халатомъ, вытаскилъ изъ-подъ кровати запыленный скрипичный ящикъ и бережно вынулъ изъ него скрипку. Видно было, что давно ни чья рука не дотрогивалась до этого инструмента: подставка стояла косо, басокъ былъ спущенъ, квинта оборвана.

Какое-то грустное чувство, въ родѣ упрека совѣсти, налегло на душу Василія Андреевича, когда онъ взглянулъ на забытую скрипку, доставлявшую ему некогда столько удовольствій. Подъ скрипкою лежалъ листокъ нотъ, пожелтѣвшій отъ времени, съ надписью: Sonata C-dur, Violino Secondo (будущему великому артисту Васѣ Андреевичу въ знакъ утѣшенія отъ maestro Fis-

шол)». Эти ноты были писаны собственною рукою Фисмоля, были когда-то играны Василиемъ Андреевичемъ, заслужили ему рукоплесканія невзыскательной публики и горячія объятія родителей. ♣♣.

И гдѣ теперь этотъ фанатикъ музыки Фисмоль? Всѣ ли онъ тощій, высокій, съдой, съ очками на носу, съ смычкомъ въ рукахъ, твердитъ мальчикамъ : на четвертой *d*, подъ пятой *e*, на пятой *f* и такъ далѣе. Всѣ ли онъ по-прежнему гоняется за славою композитора, которая нѣкогда, въ дни юности, свела его съ родныхъ цвѣтущихъ горъ Тироля, заставила бѣгать за собою по бѣлу-свѣту, завела на холодныя русскія поляны и бросила въ какой-то пансіонъ учить ребятъ потной азбукъ! Всѣ ли онъ, дряхлый старикъ, надѣется поймать эту неуловимую мечту юности, быстро спѣша ко гробу?... Глупъ ли онъ или судьба въ насмѣшку гнала его, тѣснила обстоятельствами и безжалостно обрывала въ цвѣту его надежды?... Быть-можетъ, онъ мнѣ пророчилъ истину, а я такъ безсовѣстно обманулъ его.

Такъ, или почти такъ думалъ Василій Андреевичъ, глядя на ноты и навязывая квинту на скрипку.

Скрипка настроена, смычокъ въ рукахъ, только осталось его немного потереть канифолью. Василій Андреевичъ отыскалъ въ ящикѣ канифоль; она была завернута въ какую-то исписанную бумажку. Василій Андреевичъ теперь только замѣтилъ, что это былъ лоскутокъ письма его покойной матери, писаннаго къ нему еще въ пансіонъ. Буквы почти стерлись отъ канифоли, но еще можно было прочесть: «Ты занимаешься музыкою, милый Вася, это мнѣ очень пріятно; музыка облегчаетъ душу чловѣка, утѣшаетъ въ горѣ и...» больше ничего не могъ разобрать Василій Андреевичъ... и, вздохнувъ, сказалъ: — да, это ея рука, это она писала; покойница была умная и добрая женщина! Миръ праху ея!... Потомъ заигралъ любимую пѣсенку покойной своей матушки. При звукахъ этой

цѣсенки, воскресало для него дѣтство, веселое, беззаботное, окруженное ласками обожавшей его женщины... Рука играла, глаза были влажны, душа наполнялась спокойствіемъ, озарялась тихимъ, кроткимъ свѣтомъ; въ ней отражалось прошедшее, какъ на чистомъ, гладкомъ озерѣ свѣтъ молодой луны. Но вотъ вспомнилъ Василій Андреевичъ свою юность; звуки скрипки слышались живѣе, перешли въ котильонъ; передъ Василіемъ Андреевичемъ потянулась цѣлая вереница деревенскихъ баловъ и вечеровъ, цѣлый рой молоденькихъ сосѣдокъ, толпа провинціальныхъ сосѣдей въ разныхъ фракахъ, въ цвѣтныхъ жилетахъ, съ усами и безъ усовъ, съ каблуками и безъ каблуковъ... Василій Андреевичъ улыбался и игралъ, съ котильона перешелъ на мазурку, съ мазурки на другую, съ другой на третью и кончилъ, когда-то славнымъ, вальсомъ прусской королевы. Свѣта страшно нагорѣла, Фарангоизъ хрипѣлъ за перегородкой, на башнѣ ударилъ ясъ. — Василій Андреевичъ легъ въ постель, совершенно довольный собою, почти счастливымъ, и скоро заснул богатырскимъ сномъ. — Какъ подумаешь, кто изъ насъ не бывалъ въ свое время Василіемъ Андреевичемъ?

Кажется, счастливо уснулъ человекъ; а и тутъ не дали ему покоя сновидѣнія. Приснилось Василію Андреевичу, что онъ сидитъ въ департаментскомъ вицеундирѣ на скамейкѣ своего провинціального пансіона, кругомъ мальчишки, старые товарищи въ нанковыхъ курточкахъ, шумъ, визгъ... одинъ говоритъ такъ страшно, такимъ голосомъ, будто съ каждымъ словомъ лепается у него во рту квинта; двое дерутся за булку, не лизайками, какъ обыкновенно, а какими-то звуками; звуки разбиваясь сыплются по полу staccato.

— Это недріятно, подумалъ Василій Андреевичъ; этакъ пожалуй скоро и ходить нельзя будетъ отъ этого горуху... и сказалъ школьникамъ: — Полно вамъ, господа, сорить въ классъ: учитель придетъ, всѣ будемъ отвѣчать.

— Молчи, крыса! не твое дело! закричали шалуны.

— Я, господа, не крыса, это все видятъ: крыса бѣгаетъ на четырехъ ногахъ, а я на двухъ; перестаньте, господа, я вамъ дамъ свою булку..

— Давай свою булку! гдѣ твоя булка?

— Вотъ моя булка, и вынувъ изъ кармана булку, Василий Андреевичъ положилъ на сканью.

— Ха, ха, ха! такъ это твоя булка?!

— Это моя булка.

— Ышь самъ ее, бумажная душа. У! У!...

Посмотрѣвъ Василий Андреевичъ на булку и видя, точно это не булка, а галопадъ изъ «Озера Волшебницъ». Развернулъ нѣты — тамъ настоящее озеро съ водою, съ рощами; волшебницы кумаются, ныряютъ въ светлой водѣ; у самой воды большой пѣтухъ играетъ на контрабасѣ козачка и какой-то лысый толстякъ въ синемъ фракѣ, пляшетъ безъ-устали. Чуть начнетъ Василий Андреевичъ разсматривать очень пристально какую-нибудь хорошенькую волшебницу, толстый пласунъ какъ синяя тѣнь снуется передъ глазами.

— Да перестаньте, милостивый государь, танцовать; вы мнѣ мѣшаете, сказалъ Василий Андреевичъ.

— Ого! насмѣшливо отвѣчалъ пласунъ: поддай-ка, Филька, пару!

Пѣтухъ улыбнулся, и началъ отхватывать носомъ престрашное *пичикато*; синій фракъ пошелъ въ-присядку.

— Ни будочника нѣтъ, ничего, подумалъ Василий Андреевичъ: пускай дуракъ танцуетъ....

Вотъ показалась изъ воды головка, за ценою шейка, но шейку вились два длинныя мокрыя локона. Ба! Да это кажется Силезія Санцааровна? именно она! не худъ бы разсмотреть въ толкость: дама знакома. Тутъ пласунъ руще прежняго такъ и виляетъ

глазами. Василий Андреевич не выдержалъ, да какъ дастъ тумака синему танцору.

— Покорно благодарю, ваше благородіе! сказалъ танцоръ.

— Что вы сдѣлали! закричала Силезія Санназаровна: вы убили Моцарта!... Безумный молодой человекъ!

Силезія Санназаровна стояла передъ синимъ фраккомъ уже не въ прежнемъ видѣ волшебницы, а въ гроденаплевомъ платьѣ, очень скромно сшитомъ: даже на шейку надѣла тюлевой *модесті*.

— Извините, я не зналъ, это нечаянно, такъ, руки расходились.

— Ни чего-съ, это пройдетъ, отвѣчалъ Моцартъ.

— Дай Богъ! сказала Силезія Санназаровна. Честь имѣю рекомендовать моего ученика, Василия Андреевича.

— Очень пріятно; въ какомъ департаментѣ изволите служить? спросилъ Моцартъ.

— Нѣтъ, онъ мой ученикъ, дико закричалъ пѣтухъ, подымая кверху смычокъ: развѣ ты не узналъ меня?

— Карлъ Ивановичъ! Фисмоль! А я, право, думалъ, что вы пѣтухъ.

— Молодой человекъ! развѣ пѣтухи такъ играютъ на контрабасѣ?...

— Да, да, и мнѣ казалось немного страннымъ.

— То-то же; но, праведное небо! что я вижу! на чель твоемъ печать позора, ты рабъ мазурокъ и кадрилией, ты сдѣлался музыкальнымъ гаеромъ, шутомъ! ты звуками своей скрипки тѣшилъ самокъ роду человеческого, заставляя ихъ безумно прыгать въ нелѣпыхъ танцахъ!... Такъ это плоды трудовъ моихъ? такъ это музыка!... Такъ вотъ мои надежды!... А я, глупецъ! думалъ что не умру въ тебѣ, что люди еще долго будутъ чувствовать Фисмоль на свѣтъ! Ты будешь безъ обѣда, съ тебя снимутъ сапоги, не пустятъ въ отпускъ. Покайся, молодой человекъ!... изучай со-

наты и фуги, пойми, почувствуй, усвой весь сорокъ капризовъ Крейцера, а нето, да поразить тебя праведный смычокъ.

Фисмоль взмахнулъ смычкомъ; Василій Андреевичъ вздрогнулъ и — проснулся. На дворъ было свѣтло; на столикъ въ передней весело кипѣлъ самоваръ, и Фарафонтъ, стоя у кровати, говорилъ:—Чай готовъ, ваше благородіе, что прикажете взять въ булочной?

— Возьми Фисмоль.

— Что-съ?

— Плюху, братецъ, или сухарей на десятикопѣекъ, да скорѣе.

Когда вышелъ Фарафонтъ, Василій Андреевичъ стеръ съ лица холодный потъ, вздохнулъ свободно и отъ души перекрестился, что онъ уже не школьникъ.

Василій Андреевичъ провелъ цѣлый день на службѣ въ департаментъ, занимался прилежно дѣлами; но сонъ не выходилъ у него изъ головы. Онъ думалъ, что, можетъ-быть, точно со-временемъ сдѣлается великимъ музыкантомъ, что сновидѣніе имѣло глубокой смыслъ, что играя мелкія штуки, онъ видимо отстанетъ отъ серіозной музыки. Вслѣдствіе подобныхъ разсужденій Василій Андреевичъ передъ выходомъ изъ департамента занялъ у казначея, въ счетъ жалованья, двадцать пять рублей и возвратясь въ квартиру, вмѣстѣ съ казенными бумагами, принесъ подъ мышкой скрипичную школу Роде, Крейцера и Баліо и толстую тетрадь самыхъ трудныхъ этюдовъ....

—

Василій Андреевичъ жилъ на казенной квартирѣ, состоявшей изъ маленькой, темной передней, гдѣ жилъ слуга, отставной солдатъ Фарафонтъ, и еще одной комнаты въ два окна, изъ которыхъ видъ былъ прямо на березовые дрова, сложенные на дворъ въ четырехугольникъ, и на крышу. Въ углу комнаты стояли

ширмы, а за ширмами кровать; направо, за стѣною, жилъ старикъ столоначальникъ, бывшій когда-то гдѣ-то профессоромъ; направо за стѣною дежуртаментскій канцелярскій; внизу эскуторъ; сверху былъ чердакъ, безъ постоянныхъ жителей: на немъ кочевали мыши, голуби; кошки, словомъ, все кому нравилось тамешнее мѣстоположеніе, климатъ, удобство для жизни и прочее.

Часу въ десятомъ вечера Василій Андреевичъ, стоя у стола въ одномъ жилетѣ, наигрывалъ какой-то трудной пассажъ, состоявшій изъ двухъ самыхъ безбожныхъ трелей; дребезжаніе звуковъ дотога было сильно и рѣзко, что пламя на свѣчкѣ дрожало, будто въ лихорадкѣ, и мѣдный ключъ отъ сахарницы шевелился на кругломъ столикѣ, словно живой. Василій Андреевичъ игралъ неустойчиво; уже тысячный разъ повторилъ онъ трудный пассажъ, а трели никакъ не выигрывались! Наконецъ, переставивъ пальцы какимъ-то новымъ способомъ, онъ потянулъ смычкомъ — и даже самъ изумился дикости и вою, огласившему комнату. Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вбѣжалъ столоначальникъ, съдой старикъ въ зеленомъ халатѣ, подпоясанномъ красною тесемкою....

— Чтò вы дѣлаете? закричалъ онъ, разводя въ стороны руками.

— Играю, отвѣчалъ Василій Андреевичъ, и снова принялся за трель.

— Да перестаньте, ради Бога! вѣдь это невыносимо! лучше быть сосѣдомъ кузнеца или слесаря.... я вамъ не позволю себя мучить.

— Вы всё-еще думаете, что изыскиваете со шпильниковъ — я такой же чиновникъ какъ и вы, милостивый государь: прошу мнѣ не мѣшать заниматься.

— Вы мнѣ сами мѣшаете; вотъ уже двѣ недѣли какъ ничего не могу дѣлать, отъ этой дурацкой скръинки.

— Во-первыхъ; скрипка не дурацкая, а моя; а во-вторыхъ, лучше играть на скрипкѣ, нежели перекладывать въ глупые стихи Исторію Россійскаго Государства.

— Это значить, мои стихи глупы? Вы видите, милостивый государь, что это личность, это пахнетъ угольной палатой. Я на васъ буду жаловаться, вы у меня отнимаете будущность! — да; вотъ уже двѣ недѣли бьюсь надъ удальной системой и, благодаря вамъ, не могу кончить; стихи нейдутъ! вы мнѣ разстраиваете мысли: такъ я никогда не кончу стихотворной исторіи.

— Напрасно трудитесь: ей никто не прочитаетъ.

— Не прочитаетъ чурбанъ, болванъ не прочитаетъ, да слава Богу свѣтъ не изъ однихъ чурбановъ; а вашу пискотню какой болванъ станетъ слушать?... Хотѣлъ бы я посмотреть!

— А, напротивъ, нѣкоторые слушаютъ—и даже сердятся.

— Только не я, милостивый государь, не я; это уже слишкомъ, я стану жаловаться начальству.

Столоначальникъ вышелъ, повторяя за дверь: это уже слишкомъ! это уже слишкомъ! У меня есть начальство.... есть начальство!...

Василій Андреевичъ опять принялся за трель.

Въ передней послышалось сопвіе и—тяжелыми шагами ввалился въ комнату сосѣдь-казначей. Его огромное, толстое туловище было одѣто въ широкій гороховый сюртукъ съ боковыми карманами.

— А! мое почтеніе, Иванъ Ивановичъ! сказалъ Василій Андреевичъ.

— Здравствуйте, любезный! Уфъ! позвольте присѣсть, усталъ.

— Сдѣлайте одолженіе. Откуда это вы?

— Изъ своей комнаты, нарочно къ вамъ.

— Покорно благодарю.

Казначей усѣлся, вздохнулъ раза два, понюхалъ та-

баку и сказалъ: — а я вотъ къ вамъ нарочно, съ просьбою: нельзя ли вамъ бросить вотъ эту музыку?

— Что вы, Иванъ Ивановичъ! неужели и вамъ не нравится музыка?

— Нѣтъ, я не такой человѣкъ: по мнѣ дрова ли рубить, играетъ ли кто на чемъ, дрожжи ли ѣдутъ, мнѣ всё-равно, это меня не пропекаетъ, а есть другое обстоятельство, непріятное обстоятельство.

— Что же такое?

— Оно и пустяки, а непріятное обстоятельство... вотъ видите.... вы знаете мою Бибишку?...

— Какъ же! прекрасная собачка....

— И очень умная, прибавьте. Ну, вотъ какъ вы начнете играть, она и давай выть; я уже ее и платкомъ носовымъ стегалъ и картузомъ билъ — не унижается; воетъ, да и только!

— А вы не любите собачьяго вою?

— Нѣтъ, мнѣ и это ничего, у меня не такая натура, а примѣта, говорить, не хорошая.

— Неужели вы вѣрите примѣтамъ?

— Не хорошая примѣта, право, не хорошая: помню, какъ сегодня, покойникъ отецъ былъ боленъ, и цѣлую зиму выла собака, а лѣтомъ онъ умеръ... Нѣтъ, лучше не играйте; вамъ это удовольствіе, занятіе, а мнѣ можетъ быть худо... перестаньте, пожалуйста.

— Да какъ же, Иванъ Ивановичъ, вѣдь я...

— Скучно вамъ?—займитесь чѣмъ-нибудь другимъ; клеите что-нибудь изъ картона или что другое.... Мало ли есть занятій!

— Но отъ чего же я не могу играть? вѣдь я хозяинъ у себя въ квартирѣ?

—Какъ хотите: вамъ хочется играть, а мнѣ еще хочется пожить на свѣтъ; я васъ предостерегаю: если моя Бибишка не перестанетъ выть, я возьму свои мѣры. Спокойной вамъ ночи.

— Прощайте.

Казначей ушелъ, немного обиженный. Василиій Андреевичъ принялся снова за трель.

Минутъ черезъ десять вбѣжалъ экзекуторъ въ видъ-мундиръ.

— Помилуйте, Василиій Андреевичъ, что вы дѣлаете!

— Играю.

— Вы рѣшительно не даете покою всему казенному дому!

— Я дома не трогаю.

— На васъ безпрестанныя жалобы, сейчасъ были у меня ваши сосѣди: житѣя, говорятъ, нѣтъ.

— Не бросить же мнѣ заниматься пріятнымъ искусствомъ отъ того, что одинъ не справится въ стихахъ съ русской исторіей, а другой боится собачьяго вою?

— Положимъ такъ, но согласитесь, что моя жена не исторія въ стихахъ и не Бибишка казначейская? а вы и ей не даете покою; я о себѣ не говорю; весь департаментъ знаетъ мою ревностную службу: я бѣгаю отъ раннего утра до полночи, какъ почтовая лошадь, всё бьюсь изъ-за казеннаго интересу, всё смотрю гдѣ бы что лучше приладить, гдѣ бы что выгадать для казны, всё это знаютъ, и вы сами это скажете, не правда ли?

— Правда.

— Ну, вотъ видите, такъ гдѣ мнѣ прислушиваться до всего; а жена моя, бѣдная, что выносить, сидя дома! Такія, говорить, раздирательныя штуки Василиій Андреевичъ выкидываетъ: грудь, говорить, даже заболѣла. Купи, говорить, у Имзена эстляндскаго шоколаду; въ нашемъ климатѣ, чего добраго, какъ-разъ угодишь въ чахотку...

— Пожалуй, я сегодня не буду больше играть, оттого, что усталъ, нангрался въ волю, да и боюсь, чтобъ кто не пришелъ еще съ чердака мѣшать

мнѣ, а завтра, если захочется играть, тайнѣ не стану ни у кого спрашивать: я, слава Богу, человекъ, службу какъ и всѣ: хоть ~~можетъ-быть~~ и меньше бѣгаю по ~~квартирамъ~~; знаю очень хорошо, что играть на скрипкѣ у себя дома для своего удовольствія пьесы дозволенная, законъ не запрещаетъ, и стану играть сколько захочу; понимаете?

— Понимаю, впрочемъ эскутеръ, выходя изъ комнаты.

Спустя недели три послѣ этого вечера, въ одномъ изъ несличкомъ свѣтлыхъ переулковъ, передъ высокимъ каменнымъ домомъ стоялъ ломовой извозчикъ съ роспусками, нагруженными разнымъ хламомъ: тутъ во всѣ стороны торчали ножки стульевъ и кровати, между ними красовался самоваръ, печально качалась вѣтка зелёной герани, изъ-подъ ширмы выглядывалъ чубукъ и что-то завернутое въ пестрое одеяло. Рѣзкій вѣтеръ гналъ по небу мрачныя тучи, обдававшія улицу добрымъ дождемъ; старикъ слуга, отставной солдатъ, по временамъ выходилъ изъ дому, бралъ что-нибудь у извозника, и опять скрывался на-долго въ темную, низенькую дверь. У роспусковъ стоялъ молодой человекъ, раскрывъ надъ головою огромный парусинный зонтикъ; прохожіе шли по узенькому, мокрому тротуару, заглядывали подъ зонтикъ—и пропадали далѣе.

— Ба! это вы, Василій Андреевичъ? закричалъ одинъ прохожій, заглянувъ подъ зонтикъ молодаго человека.

Я, Иванъ Агафончиковъ.

— Вачнѣе же вы можете на дождикъ? ужъ вѣрно какъ-нибудь радшеву? Ась? Охъ, вы, молодые люди!...

— Ничего. Вы видите, я перезажаю съ квартиры.

— Какъ? а казенная-то?

— Понадобились кое-какія передѣлки, улучшения въ домѣ, такъ нельзя же оставаться.

— Плохо, молодой человекъ! плохо!

— Что же тутъ плохаго? на вольной гораздо спокой-

нѣ—я думаю вы пожалеете когда-нибудь ко мнѣ въ этотъ домъ, въ четвертомъ этажѣ, № 36-й.

— Заверну когда-нибудь, а всё-таки плохо. До свиданія.

— До свиданія.

Иванъ Агапоновичъ ушелъ ворча:—Плохо, плохо; знаю я эти поправки, эти улучшения....

Настала зима. Василий Андреевичъ свелъ знакомство съ артистами-аматёрами, нашёлъ по себѣ невыскаательную секунду, такового же альтъ и виолончель, часто по вечерамъ поилъ ихъ чаемъ, и игралъ съ ними квартетъ. Не знаю хорошо ли они играли, но играли храбро, отчаянно, несмотря ни на какія трудности. Это онъ называлъ собственными музыкальными вечерами.

Часу въ пятомъ вечера Василий Андреевичъ спорыми шагами ходилъ по комнатѣ; то самодовольно потиралъ руки, то печально задумывался; вдругъ двери съ шумомъ растворились и въ комнату вбѣжала секунда—панъ Цвириньковскій; альтъ—геръ Овершлагъ и басъ—студентъ Алёша: другаго имени ему не было, и врядъ-ли кто зналъ его фамилию....

— Чудесная новость! чудесная новость! кричали они разными голосами.

— И у меня есть новость, господа, отвѣчалъ Василий Андреевичъ, я надѣюсь....

— Да ужъ вѣрно у тебя не квартетъ Бетговена? правда? говорилъ студентъ.

— Правда.

— Ну, и конечно, не слушайте его, господа: его новость дрянъ противъ нашей. — Здѣсь, братецъ, самый трудный квартетъ Бетговена, отъ котораго Нѣмцы чуютъ съ ума не сошли.

— Смѣю вамъ доложить, что за этотъ квартетъ Нѣмцы называли Бетговена сумасшедшимъ, говорилъ Цвириньковскій.

— Не сумасшедшимъ, а помѣшаннымъ, замѣтить Овершлагъ.

— Одинъ дьяволъ! почтеннѣйшій Овершлагъ, а дѣло въ томъ, что квартетъ засѣлъ, словно смертный грѣхъ, въ мозгу у Нѣмцевъ. И этотъ квартетъ здѣсь, закричалъ студентъ торжественно, бросая на столъ толстую трубку нотъ. Давай, Вася, сморь инструменты; да свѣчей не-больше: мы его съ-разу спустимъ, у насъ не Германія!

— Эхъ, господа, я не знаю чего бы не далъ за удовольствіе поиграть съ вами такую рѣдкую вещь; но мнѣ надобно скоро ѣхать, въ шесть часовъ я долженъ непременно....

— Ого! да еще пять квартетовъ можно проиграть до этого времени. Гдѣ твои часы? сказалъ студентъ.

— Въ другой комнатѣ.

— А вотъ посмотримъ; вѣрны они?

— Сегодня свѣрять нарочно.

— Еще четвертаго половина, говорилъ студентъ, возвращаясь съ часами въ рукахъ, пятаго половина — часть, шестаго половина — два... да еще, братецъ, два часа съ половиною можно по-играть.

— Чтѣ это? сказалъ удивленный Василий Андреевичъ: кажется недавно было пятаго четвертъ!...

— Хорошъ же ты!... цѣлымъ часомъ впередъ смотрѣлъ.

— Если такъ, то еще успѣемъ.

Въ минуту былъ раскрытъ ломберный столъ, поставлены пюльпитры, на нихъ ноты, подлѣ нихъ свѣчи; друзья пріударили въ смычки и великое созданіе Бетговена огласило комнатку четвертаго этажа въ темномъ переулкѣ. Господа аматёры играли храбро; но квартетъ подвигался очень тихо впередъ; послѣ двухъ тактовъ, довольно еще сносныхъ, въ третьемъ непременно выходила нестерпимая дичь; тактъ перенгрывали подесяти разъ и, наконецъ, оставляли, соглашаясь

единодушно, что тутъ покойникъ нагородилъ немного чепухи, причеъ геръ Овершлагъ значительно улыбался и прибавлялъ:—Нѣмцы не совсѣмъ виноваты. Василій Андреевичъ всё поглядывалъ на часы, и только еще половина квартета была проиграна, какъ онъ торжественно положилъ скрипку и объявилъ, что уже около шести часовъ и ему непременно нужно ѣхать.

— Ну, братъ, поздравляю, кричалъ студентъ, хохоча гомеровскимъ смѣхомъ: поздравляю! Теперь ты можешь спокойно остаться дома и доиграть съ нами квартетъ....

— Что это значить? спросилъ Василій Андреевичъ встревоженнымъ голосомъ.

— А то значить, что твоя Дульцинея, прождавъ тебя лишній часъ, отправилась во-свои: я вѣдь твои часы перевелъ часомъ назадъ. И студентъ принялся хохотать.

— Чтобъ тебя чортъ побралъ съ твоею Дульцинею! вскричалъ Василій Андреевичъ, вскакивая со стула, будто укушенный ядовитою змѣею; схватилъ шляпу, выкинулъ шинель и стремглавъ бросился бѣжать по лѣстницѣ съ четвертаго этажа.

— Ужъ не Бетговенъ ли такъ на нихъ подѣйствовалъ? сказала лукаво улыбаясь Цвиринковскій, когда уже не слышно стало на лѣстницѣ шаговъ Василія Андреевича.

— Экъ юркнулъ! словно отъ долговъ, прибавилъ студентъ, вынимая изъ кармана папирску: гдѣ этотъ дуракъ Фарафонтъ? хоть бы чаю намъ далъ.

— Ваша правда, замѣтилъ Нѣмецъ.

Между-тѣмъ Василій Андреевичъ ввѣлъ перваго встрѣтившагося извозчика, и гналъ его что есть силы къ почтамту. У почтамта попался ему навстрѣчу Фарафонтъ.

— А что Фарафонтъ?

— Плохо, ваше благородіе! уехали.

— Давно?

— Съ полчаса будетъ.

— Да какъ же это можно! да вотъ я имъ расказу!

— Тамъ никого нѣтъ, ваше благородіе, почтовая карета уѣхала, и контору заперли, а нѣтъ отдали ваши бумаги и чемоданъ; сказали: коли хочеть, пускай догоняеть.

— Хорошо, давай сюда чемоданъ и бумаги. Извозчикъ, пошелъ въ Янскую!

Заплативъ очень дорого за тройку до Средней Рогатки, Василіи Андреевичъ вкалъ не очень быстро, приказывалъ ѣхать никуда — ямщикъ не слушалъ; ругнулъ ямщика — тотъ отвѣчалъ, что договорился съвѣсти его на Среднюю Рогатку, а не слушать брань и что онъ возилъ графовъ и князей; Василіи Андреевичъ обещалъ полтинну серебра на водку — ямщикъ отвѣчалъ, что ему тройка самому дороже стоитъ, и нескромно за полтинну серебра загнать ее. Сокращая время подобными разговорами, наконецъ пріѣхали на Среднюю Рогатку, когда тамъ уже и збыли объ отъѣздѣ почтовой кареты. Василіи Андреевичъ былъ въ отчаяніи, хотѣлъ гнаться за нею до слѣдующей станціи; но какой-то писарь отсорьтовалъ, говоря, что почтовая карета — экипажъ казенный, ѣдетъ безъ замедленія и догнать ее очень трудно и дорого, а вы лучше возьмите перекладную и поѣзжайте съ Богомъ.

— Ну, давай перекладную, да по-скорѣе, закричалъ Василіи Андреевичъ.

— Очень хорошо, пожалуйста вашу подорожную.

— Какую подорожную? у меня нѣтъ подорожной.

— Если нѣтъ, такъ мы не можемъ дать лошадей.

— Что жъ я буду дѣлать?

— Не могу знать, какъ вамъ угодно, а если вамъ угодно, я поницу ямщиковъ: авось кто возьметъ свѣсти васъ за двойные прагоны.

— Спасибо, братъ: вы меня зтакъ ограбите; здѣсь возьмутъ двойные, тамъ тройные, а тамъ четверные, и я гдѣ-нибудь посреди дороги буду сидѣть безъ гроша. Спасибо, я возьму лучше подорожную.

— Какъ вамъ угодно.

Писарь вышелъ, и вошелъ ямщикъ.

— Ты зачѣмъ? сердито спросилъ Василій Андреевичъ.

— А какъ же-съ, ваше благородіе, на водочку пожа-
луйте.

— Ахъ ты, борода этакая! еще на водку смѣешь про-
сить?! взялъ втрое, бѣдалъ тараканьимъ щогомъ, да
еще на водку!... Я бы цѣлковый далъ тебѣ, если бъ
ты догналъ карету, а теперь вотъ что получишь! При
этомъ Василій Андреевичъ поднесъ ко рту ладонь, ду-
нулъ на неё и началъ ходить по комнатамъ.

— Вольно вамъ было не сказать, ваше высокородіе,
вотъ-моль, догони, дуракъ, карету—ужь я бы не по-
жалѣлъ гнѣдковъ: для такого барина можно поста-
раться.... Что же ваше высокоблагородіе, хоть гривен-
ничекъ на чай!...

— Убирайся!... А не хочешь ли, я назадъ съ то-
бою поѣду?

— Прибавить-то надо, баринъ!

— Еще прибавить!

— Да какъ же-съ, лошади томленныя, дорога сами
изволили видѣть какая, а кладь тяжелая. И то я такъ
беру, потому что обратно ѣду: здѣшніе вдвое дороже
не повезуть.

Дѣлю кончилось тѣмъ, что Василій Андреевичъ за
ту же цѣну съ прибавкою четвертака на водку, приѣ-
халъ въ Петербургъ, разругалъ Фарафонта, швырнулъ
подъ столъ квартетъ Бетгоvena и цѣлую ночь не могъ
спать отъ досады.

И точно было чего досадовать Василю Андрееви-
чу: дня за три до этого несчастнаго вечера, онъ по-
лучилъ письмо отъ своего пріятеля изъ Москвы, съ
извѣстіемъ, что почтеннѣйшій дяденька, имѣющій соб-
ственный домъ, сильно боленъ, и что доктора пред-
рекаютъ ему жить не болѣе недѣли. Василій Андре-
евичъ, какъ сердобольный племянникъ, выхлопоталъ
себѣ отсуужъ на мѣсяцъ каждаго, волею бывающаго въ качествѣ

вую карету; но какъ мы уже знаемъ, проигралъ на скрыпкѣ отъездъ кареты, и долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ, Богъ знаетъ еще сколько времени, между-тѣмъ, какъ дядюшка лежитъ больной безъ родственной помощи; а ему оставалось жить по расчету не болѣе двухъ, трехъ дней.—Отъ подобныхъ обстоятельствъ не всегда спится спокойно человѣку.

Рано поутру былъ Василій Андреевичъ на ногахъ, объгаль половину города и едва нашелъ мѣсто въ дилижансѣ, который долженъ былъ отправиться въ четыре часа того же дня.

— Ну, еще слава Богу, думалъ Василій Андреевичъ садясь въ дилижансѣ: что мнѣ попался хорошій поспѣшный дилижансѣ. Кондукторъ говоритъ будто это всё-равно что почтовая карета и мы будемъ на третьи сутки въ Москвѣ.

Настали третьи сутки, а дилижансѣ былъ еще далеко отъ Москвы. Онъ выѣхалъ только изъ Петербурга парадно, на шестеркѣ, а съ первой станціи началъ брать по четыре лошади; дорога была скверная, вездѣ то ухабы, то раскаты; на Валдайскихъ горахъ раза четыре подъ-гору останавливались лошади и пассажиры выходили изъ экипажа; на какой-то станціи ямщики заспорили объ очереди, долго бросали жеребий, а потомъ часа три судились у старосты. При томъ, по несчастію, въ дилижансѣ этомъ ѣхалъ богатый Англичанинъ, который обѣдалъ, ужиналъ, завтракалъ и два раза въ день пилъ чай удивительно медленно, будто у себя дома; кондукторъ, Богъ знаетъ по какимъ причинамъ, нимало не замѣчалъ этой медленности, не торопилъ его. А время всё шло!... Наконецъ на пятые сутки пріѣхали въ Москву. Василій Андреевичъ поскакалъ на извозчикъ къ приходу Никиты или Спиридонія.

Въ передней у дядюшки никого не было; на порогъ двери, расворенной во внутренніе покои, стоялъ

московскій франтъ, молодой человекъ, съ усами, съ эспаньолкою, одѣтый въ безмѣрно короткій сертукъ; на головѣ круглая шляпа, на рукахъ желтыя перчатки, въ рукахъ чудовищная трость à la Balzac.

— Позвольте васъ побезпокоить моимъ вопросомъ, началъ Василій Андреевичъ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? отвѣчалъ франтъ, ни мало не переменяя своего положенія.

— Дома ли дядюшка?

— Какой?

— Мой дядюшка, хозяинъ этого дома.

— Я хозяинъ этого дома, милостивый государь.

— Извините, вѣрно, я ошибся, удивительное сходство... Назадъ тому четыре года, кажется, я былъ здѣсь: вѣдь это домъ коллежскаго совѣтника С....

— А!... Вы опоздали! вчера похоронили прежняго хозяина, и это мой домъ, я Леонтедонъ Тараксаки, къ вашимъ услугамъ. Человекъ, подай шубу. Хороша погода?

— Изрядная, жалкимъ голосомъ отвѣчалъ Василій Андреевичъ: но смѣю спросить, дядюшка....

— Благодаря Бога у меня нѣтъ племянниковъ.

— Нѣтъ... но... мнѣ бы хотѣлось узнать....

— Если у васъ есть дѣло, приходите послѣ, видите, теперь мнѣ некогда: я иду гулять.

Надѣвая шубу, франтъ безмолвно подвигался къ Василю Андреевичу, Василій Андреевичъ безмолвно отступалъ—такъ они оба очутились на крыльцѣ. Франтъ пошелъ по улицѣ, а Василій Андреевичъ съ изумленіемъ началъ перечитывать надпись надъ воротами дядюшкинаго дома: «Домъ иностранца Леонтедона Тараксаки». Долго, можетъ-быть, онъ упражнялся бы въ этомъ совершенно безгрѣшномъ занятіи, если бъ прямо изъ воротъ носъ къ носу не вышелъ на него человекъ въ синихъ очкахъ, въ тепломъ картузѣ, въ бакихъ-то шумящихъ и хлопающихъ теплыхъ коло-

пахъ и въ планѣ съ поднятымъ къверху воротничкомъ.

— Милостивый государь, сказалъ Василиій Андреевичъ, осматривая съ ногъ до головы страннаго человека: извольте васъ побезножить моимъ вопросомъ.

— Извольте, отвѣчалъ странный человекъ, и отомордился.

— Мне бы очень хотѣлось знать, кто это Леонтодонъ Тараксаки?

— Это очень просто: Леонтодонъ Тараксакумъ, порусски одуванчикъ.

— Понимаю, то есть, надувало, сказалъ иронически улыбаясь Василиій Андреевичъ.

— Надувало? говорилъ размышляя странный человекъ: нѣтъ, это название сюда не входитъ; такого я не слышалъ, развѣ гдѣ въ далекой провинціи; правда, иногда и здѣсь въ просторѣтии называютъ его шницромъ; но это совершенно несправедливо. Леонтодонъ Тараксакумъ, не должно смѣшивать съ цикоріемъ, употребляемымъ многими вмѣсто кофе: это просто одуванчикъ, растение, изъ листьевъ котораго съ примѣсью соли, уксусу и масла, иногда съ малымъ количествомъ перцу, приготавливается довольно вкусный салатъ. Оставляя въ покоѣ Турнфора и Жюссѣ, въ которыхъ я не очень вѣрую, думаю и вы также, милостивый государь, и сълуд системъ Линнея, оно будетъ принадлежать къ....

— Покорнѣйше васъ благодарю; но мнѣ хотѣлось бы знать не о растеніи, а о хозяинѣ этого дома, въ которомъ, кажется, и вы живете.

Странный человекъ молча обидѣлся невиннымъ къ его ботанической речѣ и сухо отаввалъ: — Гдѣ ездилъ Тараксаки молодой воспитанникъ умершаго хозяина этого дома, получилъ дѣль по духовному завѣщанію. — Объ этомъ нечего спрашивать. Это вамъ извѣстно: чертѣмъ извѣстно.

— И вы точно это знаете?

— Я думаю, когда и я поднимался свидетелемъ на завѣщаніи.

Странный человекъ пошелъ своею дорогою, а Василий Андреевичъ своею. Его мысли, спутанныя, уничтоженныя неожиданною встрѣчею съ франтомъ, приходили въ порядокъ; теперь только онъ вспомнилъ, что Тараксаки—фамилія ему не вовсе незнакомая, что еще въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ отцомъ, онъ когда-то заѣзжалъ къ дядюшкѣ: что тогда еще у дядюшки не было своего дома, онъ жилъ на небогатой квартирѣ и занимался вышивкою полотна подъ шоссе; что тогда у него на квартирѣ постоянно разливала чай черноокая дѣвушка, называлъ Тараксаки, что отецъ никогда не подходилъ къ ручкѣ маисель Тараксаки и называлъ ея, въ-тихополку, бѣсомъ съ Кузнецкаго Моста; что вѣдучи въ Петербургъ, года четыре тому назадъ, онъ, Василий Андреевичъ, видалъ у дядюшки какого-то оборваннаго мальчишка, сорванца лѣтъ пятнадцати, который вмѣсто пансіона ходилъ съ книжкою по городу, пугалъ голубей, игралъ въ орлянку и надувалъ извозниковъ; что дядюшка, часто расплачиваясь за проказы мальчишка, вздыхая говаривалъ: «укоротить мнѣ въску ототъ дѣвка; сунцій огонь; ни чего не шипасошера на него; вчера спилил самогн — сегодня уже шалды шлѣвали; вчера купилъ ему шлану — сегодня уже бѣгаетъ въ солдатской фуражкѣ», и тому подобное.

Наконецъ вспомнилъ Василий Андреевичъ, что въ послѣднее время маисель Тараксаки управляла домомъ дядюшки, что этотъ домъ *былъ* благопріобрѣтенный—*шхнулъ* рукой и поѣхалъ обратно въ Петербургъ, ругая дорогою скрыпку, Бетговена и студента.

Насталъ постъ, жители Петербурга, напаркавшисъ въ кадрилихъ и степенно нагулявшисъ въ шланяхъ на маскерадахъ во время масляницы, — отдыхали; на театрахъ, вмѣсто драмъ и оперъ начали показывать

живыя картины; въ частныхъ домахъ вѣчные танцы водъ фортопиано смѣнились музыкальными вечерами. Но артистовъ такъ мало въ Петербургъ, ихъ такъ трудно залучить къ себѣ въ домъ; притомъ они такъ капризны, а любителей музыкальныхъ вечеровъ очень много. Что прикажете дѣлать? Петербургцы народъ разчетливый; и тутъ не сробѣли: они принялись вербовать аматёровъ и составили изъ нихъ свои дешёвые дуэты, квартеты и квинтеты. Это бываетъ почти такъ:

Положимъ, N. N. играетъ, играетъ на чемъ-нибудь, на скринкѣ, на кларнетѣ, на рожкѣ, это всё-равно, лишь бы игралъ. На послѣднихъ дняхъ масляницы N. N. на вечерѣ у своихъ знакомыхъ; хозяйка особенно внимательна къ N. N.; хозяйка, если она молода и не дурна, или хозяйская дочка, заводитъ съ N. N. рѣчь о скукѣ предстоящаго поста, о томъ, что она въ отчаяніи, нѣкоторымъ образомъ разлучаясь такъ надолго съ своими добрыми друзьями, и, наконецъ, будто спохватясь, говоритъ:—Впрочемъ, мнѣ пришла прекрасная мысль. Знаете, мосьё N. N., у меня къ вамъ есть просьба?

— Ожидаю приказанія, обыкновенно отвѣчаетъ N. N.

— Кроме шутокъ, не составить ли намъ музыкальные вечера?... не правда ли? Ахъ, какъ бы это было весело!... Вы не откажете намъ въ этомъ удовольствіи?

— Ваше желаніе для меня законъ, почти всегда отвѣчаетъ N. N.: но что я могу сдѣлать?...

— Всё. Я знаю, вы музыкантъ, и, судя по вашему уму, по вашимъ прекраснымъ чувствамъ, должны играть прелестно.

— Но....

— Безъ всякихъ но.

— Положимъ, что я играю, всё же я одинъ не составлю музыкальнаго вечера.

— Хорошо, хорошо! отрывисто говорилъ кто-то вполголоса, подлѣ Василя Андреевича.

Василію Андреевичу въ этомъ мѣстѣ пришлось пауза въ цѣлый тактъ; онъ, пользуясь свободною секундою, быстро взглянулъ на своего сосѣда и низко поклонился ему, не отодвигая скрышки отъ подбородка. Сосѣдъ былъ самъ директоръ департамента, гдѣ служилъ Василій Андреевичъ. Директоръ снисходительно кивнулъ головою и ласково показалъ ему пальцемъ на ноты. Василій Андреевичъ ударилъ смычкомъ по струнамъ— странная музыкальная нелѣзость раздалась по комнатамъ.— Василій Андреевичъ съ-разу смѣкнулъ, что во время должнаго поклона, вмѣсто одного пропустилъ нѣсколько тактовъ, хотѣлъ поправиться; но еще болѣе сбился и сбилъ съ толку молодую пианистку; она покраснѣла до ушей, заплакала, и убѣжала.

— Я виноватъ, сударыня! проговорилъ ей вслѣдъ Василій Андреевичъ.

— Разумѣется, не кто другой; а вамъ охота, сударь, не умѣя играть, акомпанировать порядочнымъ дѣвицанъ, сказалъ сухо директоръ уходя къ карточному столу.

— Жаль, что вы такъ скомпрометировали дочь вашего директора, какъ я замѣчаю по вашему вицъ-мундиру, сказалъ какой-то человекъ въ черномъ фракѣ.

— Это дочь его превосходительства? съ ужасомъ спросилъ Василій Андреевичъ.

— Да, *они* только четвертаго дня вышли изъ института—хорошій же вы чиновникъ когда этого не знаете.

Если бы, кажется, половина вселенной обрушилась на Василя Андреевича, онъ меньше былъ бы пораженъ, уничтоженъ этимъ, нежели несчастнымъ дуэтомъ съ директорской дочкой. Онъ опрометью схватилъ скрынку, шляпу, торопливо надѣлъ шинель и, оставя осиротѣлую секунду и альту съ басомъ, бросился бѣгомъ домой. Глубокая печаль и вѣтеръ сильно по-

действовали на Василия Андреевича: у него разболелась голова, онъ кашлялъ всю ночь, на другой день не могъ идти въ департаментъ—окуталъ шею краснымъ шерстянымъ шарфомъ, послалъ въ департаментъ записку о болѣзни, и остался дома.

Подъ-вечеръ пришелъ къ Василию Андреевичу юноша, чиновникъ съ пухлыми розовыми щеками, въ вицмундирѣ съ сумошнымъ воротникомъ. Василий Андреевичъ ласково приветствовалъ, называя его Андреемъ Васильевичемъ и спросилъ: что новаго?

— Новостей много, Василий Андреевичъ, говорю вамъ ушѣхаясь Андрей Васильевичъ: я и подумать, дай зайдѣду къ нашему помощнику, да и зашелъ право не обидавши; думалъ, вамъ случило.

— Это правда, рассказывайте.

— Позвольте, Василий Андреевичъ, нѣтъ ли у васъ трубочки? Съ самаго утра не курилъ....

— Возьмите, тамъ на окнѣ.

— Знаете, очень пріятно, Василий Андреевичъ, затянуться, долго не куривши, да и полезно передъ обѣдомъ: не такъ вѣсть хочется, говорилъ молодой чиновникъ набивая трубку.

— Да рассказывайте, какія у васъ тамъ новости? Пріятныя?

— Не очень.

— Что? была кому распекація?...

— Нѣтъ, особенной никому, а такъ по мелочамъ кое-кому досталось, а главная новость.... да вы вѣрно слышали, Василий Андреевичъ?

— Право нѣтъ, отъ кого жъ бы мнѣ слышать!... Сижу дома.

— Вчера Каблучковъ приказалъ долго жить.

— Неужели! впрочемъ, этого надобно было ожидать: такая у него была немочь, царство ему небесное.— Что же начальникъ отдѣленія?

— Какъ вы недогадливы, мосьё N. N., говорить хозяйка съ улыбкой, грозя хорошеянннмъ мальчишкой; неужели у васъ нтъ знакомыхъ, которые занимаются музыкой? Пригласите ихъ къ намъ; вѣрите, что ваши знакомые всегда для насъ будутъ такъ же добры, какъ и вы.

N. N. говорятъ еще нѣсколько прнятныхъ фразъ; хозяйка то же, и вслѣдствіе этого разговора, «въ одинъ прекрасный вечеръ» на второй недѣль поста, N. N. приводитъ къ заботливой хозяйкѣ двухъ, трехъ артистовъ-аматѣровъ; иногда довольно странной наружности; за ними приносятъ ящики съ инструментами, нотныя тетради—и вы часто волею и неволею вслушиваете квартетъ ни чѣмъ не хуже Крыловскаго. Многие изъ насъ, господа, вѣрно бывали жертвою этой аматѣрской пытки и храбро высиживали музыкальные вечера, иной, чтобъ пошептать на насъ, другой чтобъ тутъ встрѣтиться съ важнымъ человекомъ, третій чтобъ поужинать, четвертый изъ снисхожденія, пятый для поддержанія связей, шестой разыгрывая роль дилетанта, а нѣкоторые, — Богъ ихъ прости, — чтобъ убить время. Последнихъ я вовсе не понимаю:

Съ окончаніемъ поста исчезаютъ изъ гостинной музыканты, прнатели N. N. и до слѣдующаго поста объ нихъ даже не вспомянуть. Если вамъ иногда случается видѣть въ извѣстное время въ порядочныхъ домахъ людей, которыхъ нигдѣ не встрѣчаете въ обществѣ, нежного робкихъ, немного не на своемъ мѣстѣ—это вѣрно аматѣры, бѣдные труженики, играющіе дома, чтобъ прбгнать хоть на минуту горе своей жизни, чтобъ отдохнуть отъ тяжкихъ трудовъ, дающихъ имъ насущный хлѣбъ—и призванные въ порядочную гостинную для декораций, которыя вынесутъ по окончаніи спектакля, призванные для того, чтобъ знакомые мадамъ N. говорили: «у мадамъ N. по четвергамъ музыкальные вечера».

Такой уже обычай въ Петербургѣ, такой разумный крещеный людъ въ Петербургѣ.

На одномъ изъ подобныхъ музыкальныхъ вечеровъ, у одного очень важнаго человѣка, былъ Василій Андреевичъ, былъ панъ Цвириньковскій и еще какихъ-то два Нѣмца-аматѣра. Въ дальнихъ комнатахъ большая половина гостей играла въ карты, въ залѣ аматѣры играли квартетъ. Молодыя дѣвушки веселымъ, ласковымъ роемъ окружали музыкантовъ, шептались, улыбались, глядя на лысину Нѣмца, игравшаго на альтѣ; какой-то франтъ надъ самымъ ухомъ пана Цвириньковскаго говорилъ французскіе каламбуры; но несмотря на всѣ эти маленькія помѣхи, даже несмотря что во время самаго чувствительнаго адажіо кто-то довольно громко чихнулъ, квартетъ сошелъ хорошо; многіе аплодировали.

Хозяйка рѣшилась, кажется, уничтожить своихъ гостей музыкою и принялась упрашивать одну розовенькую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, чтобъ она сыграла сонату, именно ту сонату, которую играла при выпускѣ изъ института. Дѣвушка краснѣла, отговаривалась, сказала, что нѣтъ нотъ; за нотами хотѣли тотчасъ же послать; сказала, что ей совѣстно, что будутъ надъ нею смѣяться—ей отвѣчали, что это пустяки: вы, дескать, у добрыхъ пріятелей; наконецъ ухватилась за послѣднее: объявила, что безъ акомпанимента играть не можетъ; и на выпускѣ играли съ акомпаниментомъ музыкальнаго учителя; но и это не помогло: принесли ноты, усадили дѣвушку за рояль, привели со скрипкою Василя Андреевича, который храбро игралъ съ-разу всякія ноты, и соната началась. Многіе, оставя карточные столики, пришли слушать молодую піанистку.

Дуетъ шелъ хорошо, въ такту; дѣвица въ бѣломъ платьѣ начинала оправляться отъ смущенія и бѣгала довольно быстро по клавишамъ своими маленькими пальчиками, что заслужило всеобщее одобреніе.

— Сейчас пошлю директору бумагу объ утверждени васъ на мѣсто Каблучкова....

— Вотъ видите!... И охота жь было ему такъ спѣшить! Иной подумаетъ, что я ему не даю покоя. Всё равно, у директора пролежитъ съ русской мѣсяць.

— Нѣтъ, сегодня же и поднисалъ.

— Вотъ какъ! такъ вы меня пришли поздравить? Экой вы проказникъ!... а еще говорите печальныя новости.

— Въ томъ то и бѣда, что васъ не утвердилъ, а утвердилъ помощника нѣтъ другаго отдѣленія, какого-то Поклончикова, что ли. Это у васъ Жукова табаке или Богосова?

— Да какъ же это можно? да этого быть не можетъ; да вы, вѣрно, шутите, Андрей Васильевичъ?

— И мы всё удивились! Подслушалъ я какъ начальникъ отдѣленія говорилъ секретарю, отвѣдя его къ окошку:—Не знаю, говорить, за что его превосходительство чувствуетъ неблагорасположеніе къ Василию Андреевичу; я, говорить, подалъ объ немъ бумагу, а онъ и говорить: это Василий Андреевичъ — аматёръ? Такъ точно, ваше превосходительство, отвѣчалъ я. — Да, сказалъ онъ, это чиновникъ хорошій; но Поклончиковъ лучше его будетъ на мѣстѣ Каблучкова; я знаю Поклончикова и по службѣ и въ обществѣ: онъ бываетъ въ хорошихъ домахъ; прекрасный молодой человекъ.—Да, говорить, и утвердилъ его.

— И лучше, сказалъ Василий Андреевичъ дрожащимъ голосомъ: по-крайней-мѣрѣ я теперь совершенно спокоенъ; кто на мѣстѣ, тотъ и отвѣчаетъ за дѣла, а мое дѣло сторона.

Какъ ни преслѣдуетъ человекъ судьба, какъ ни гнетутъ его обстоятельства, всегда въ его сердцѣ остается мѣсто для надежды; въ самый черный день жизни человекъ, вдали привѣтно блеститъ для него эта свѣтлая звѣздочка, объ ней мечтаетъ онъ и несетъ тя-

делая настоящее для неопредѣленнаго будущаго и счастливаго. Василій Андреевичъ провелъ эту ночь гораздо спокойнѣе, нежели можно предполагать; его ласкала и согревала любовь; въ любви онъ нашелъ противоядье всѣмъ другимъ отравамъ своей жизни. Что жъ, думалъ онъ, ложась въ постель, я лишился наслѣдства, — да она меня любитъ, она мнѣ не даромъ сказала: «не забывайте насъ!» и какимъ голосомъ сказала это!... Да, она меня любитъ: чортъ поberi наслѣдство, я готовъ есть хлѣбъ и воду, лишь бы она меня любила... Ну, я потерялъ мѣсто. Богъ съ нимъ! Мѣсто не одно на свѣтѣ; не только свѣту, что въ окнѣ: свѣтъ не клиномъ сошелся!... Зато я знаю, что ея отецъ ко мнѣ расположенъ, онъ самъ хлопоталъ о моемъ повышеніи, это я и давно замѣчалъ.... Что жъ? смѣлѣе, Василій Андреевичъ: она тебя любитъ, отецъ не откажетъ, — да я за это готовъ служить цѣлый вѣкъ канцеляристомъ на послѣднемъ окладѣ... На что мнѣ чины, на что мѣсто, когда она меня любитъ?... ничего не нужно!... А впрочемъ, для зятя начальника отдѣленія, найдется мѣсто, а современемъ и по-выше и еще по-выше! Чѣмъ же я хуже другихъ? Поживу—заслужу... буду имѣть свои дрожки.... Весело поѣхать въ Александринскій Театръ въ ложу съ женою... Что скажетъ Мартыновъ каламбуръ, я и толкну жену, а она на меня и посмотритъ.... И откуда у этого Каратыгина такой голось?... Такъ разсуждая, Василій Андреевичъ заснулъ пріятнымъ сномъ.

Смѣйтесь, господа, надъ бѣднякомъ, если вы не бывали никогда въ подобномъ положеніи.

Если мы безнаказанно позволяемъ натуралистамъ называть себя двурукими животными, такъ должны согласиться, что имѣемъ хоть въ малой степени принадлежность животныхъ — инстинктъ, пожалуй, облагородьте это словомъ предчувствія, а всё-таки оно есть

въ природѣ чловѣка: на это тысячи прищворъ и писанныхъ и печатныхъ. Всякій изъ насъ испыталъ это въ жизни; довелось почувствовать это ощущение и Василию Андреевичу.

Онъ вышелъ изъ квартиры очень веселый: его приводила въ восторгъ мысль, что идетъ на вечеръ къ начальнику отдѣленія, гдѣ увидитъ *ее*, станетъ говорить, танцовать съ *нею*. Онъ едва не прыгалъ по тротуару; нѣсколько разъ принимался насвистывать веселую арію, словомъ, былъ счастливъ; но чѣмъ болѣе подходилъ къ квартирѣ начальника отдѣленія, тѣмъ дѣлался серьезнѣе; какая-то безотчетная грусть налегла на душу, какая-то непонятная робость овладѣла имъ: ему сдѣлалось даже страшно, когда онъ протянулъ руку къ колокольчику завѣтной двери; онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ мучительной нерѣшимости; хотѣлъ было вернуться и вдругъ зажмури глаза съ-размаху бросился къ колокольчику, будто на непріятельскую батарею. Колокольчикъ грустно еще звенѣлъ, когда Василий Андреевичъ вошелъ въ переднюю, да звучалъ такъ грустно, будто плакалъ. Самъ Василий Андреевичъ готовъ былъ заплакать, у него навернулись на глазахъ слезы, да къ счастью онъ подумалъ: неужели мнѣ, губернскому секретарю, плакать отъ колокольчика? на что это похоже! Принужденно улыбнулся и началъ онъ раскланиваться съ гостями.

Гостей было уже довольно; всѣ знакомыя лица; дѣвушки стояли у экрана *ея* работы, и *она* тамъ стояла; чловѣкъ въ полу-военной одеждѣ рассказывалъ какое имѣютъ значеніе на Востокѣ цвѣты, вышитыя на экранѣ; онъ бредилъ Востокомъ послѣ своей поѣздки въ Крымъ по казенной надобности; Василий Андреевичъ отдалъ поклонъ группѣ у экрана; дѣвушки отвѣчали поклономъ; полу-военный чловѣкъ тоже, одна *она* не замѣтила его и наклонясь къ экрану спросила:—А этотъ цвѣтокъ?

— Это Аниютинны глазки?

— Да, кажется.

→ Они означаютъ: твои очи льютъ благодать, какъ голубая чаша неба, опрокинутая надъ мірозданіемъ.

Въ это время Василій Андреевичъ почтительно поклонился проходившему мимо хозяину. Начальникъ отдѣленія довольно сухо подавъ ему два пальца, едва кивнулъ головою и, быстро отворотясь, приветствовалъ входящаго въ комнату Поклончикова, восклицаніемъ:—А! дорогой гость, милости просимъ! положите вашу шляпу!

Поклончиковъ подошелъ къ экрану, раскланялся, ему отвѣчали тѣмъ же; дочка начальника отдѣленія премило присѣла передъ нимъ: она уже не разсматривала экрана.

Начались танцы. Василій Андреевичъ робко подошелъ къ ней и просилъ на французскую кадриль.

— Ахъ, здравствуйте! я васъ и не замѣтила, сказала она ласково, но такъ странно, что у Василя Андреевича сердце замерло отъ печали.

— Я васъ прошу на кадриль.

— Извините, я ангажирована.

Кадриль танцевала она съ Поклончиковымъ, говорила съ нимъ безъ умолку и бросала на него самыя пламенные, косвенные взгляды.

— Точь-въ-точь на меня, во-время-фно! думалъ Василій Андреевичъ: экое зелье!...

Послѣ кадрили Василій Андреевичъ подошелъ къ ней и спросилъ; — Вы, вѣрно, уже танцуете мазурку?

— Да, отвѣчала она простодушно, глядя на Василя Андреевича.

— Съ Поклончиковымъ?

— Да. Кчему этотъ вопросъ?

— Такъ, ничего-съ.

Въ этотъ вечеръ Василій Андреевичъ постарѣлъ десятью годами.

что-то не добро на умъ; посмотрите на себя, на васъ лица нѣтъ!... Что съ вами?

— Право, ничего.

— Э-эхъ, не говорите мнѣ этого; я не даромъ жилъ на свѣтѣ; ко всему присмотрѣлся.

Василій Андреевичъ, желавшій съ кѣмъ-нибудь по-дѣлиться своимъ чувствомъ, рассказалъ откровенно всѣ свои неудачи и огорченія.

— И только-то? спросилъ Иванъ Агапоповичъ— есть отъ чего слеза сходитъ!... По-моему здѣсь только и важнаго— дядюшкинъ домикъ, да вѣдь мертвыхъ изъ гроба не воротить. Плюньте на наследство, да на-режьте состроить свой домикъ, а мѣсто—пустыки: послужите долужитесь, только бросьте вану сиринку: довольно уже вы на ней проиграли; играли бы лучше въ преферансъ и мѣсто бы отъ васъ не ушло, и то и другое и третье...

— Какъ?

— Да вѣдь Поклончиковъ у меня за преферансомъ сшибелся съ его превосходительствомъ и поправился ему, и въ ходъ пошелъ. Видите!

— Его превосходительство у васъ бываетъ?

— А почему ему не бывать у меня? Вы оставили насъ совершенно, ничего и не знаете,—приважайте-ка: все поправимъ; все пустое!... право, пустое!...

— А....

— Ну, что а? А оид дескать? она пустѣе всего! Стоить ли вамъ хлопотать изъ-за этого мыльнаго пузыря? Стоить ли вамъ сохнуть по дѣвушкѣ, которая не васъ любила, а ваше будущее наследство и мѣсто? которая, съ позволенія сказать, бросается на шею всякому, на чей счетъ надѣется современемъ наряжаться, кукла куклою, да ѣздить въ театръ. Забудьте ее, мы вамъ не такую персону съищемъ, если вамъ пришла въ голову блажь непременно жениться.

— Отъ чего же блажь?

— Блажь, батюшка, блажь, говорилъ Иванъ Агапопитовичъ грустнымъ голосомъ: вы теперь свободны, какъ вольный втѣрь, а тогда не то: женитесь и переживитесь, истинно говорить пословица. Не вѣрьте жеманымъ краснобаямъ, которые пахотъ какъ зяблики о своемъ счасти, которые всякому молодцу говорятъ: женитесь, женитесь! Чтò за лудная жизнь жеманатаго чловѣка! Ничего искать не надобно, все у тебя подъ рукою: придешь со службы, ни у тебя на столѣ, бѣлье чистое, и не знаецъ откуда это, ни о чемъ не заботишься! Женитесь!... Врутъ, бездѣльники, повѣрьте мнѣ, врутъ; я самъ женатый чловѣкъ; моя Силезія, грѣхъ сказать, примѣрная супруга, я совершенно счастливъ съ нею, а всё-таки скажу вамъ: не женитесь, Василій Андреевичъ!.. Ну, бросьте вашу печаль, не смотрите сентябремъ, смѣйтесь надъ судьбою, тогда она не станетъ смѣяться надъ вами, да поѣдемъ ко мнѣ: у меня здѣсь свои дрожки, проведемъ вечерокъ, поиграемъ въ картишки, а?

— Я въ такомъ положеніи, что не могу пуститься въ игру....

— Денегъ мало? Правда? И этому пособимъ. Бросьте вашу скрипку, она вамъ надѣлала много бѣды: продайте ее и деньги будутъ на первый разъ. Чтò, не рѣшитесь? Опять будете пилить по струнамъ?

— Боже меня сохрани!..

— О чемъ же думать? Скрипка ваша недурна?

— Даже хорошая.

— Ну, я куплю ее: меня просилъ одинъ знакомый. Хотите за нея пятьдесятъ рублей?

Скрипка хорошая, подумалъ Василій Андреевичъ: батюшка за нея заплатилъ по случаю полтора ста рублей, — ну, да для добраго Ивана Агапопитовича можно уступить, и громко сказалъ: — Извольте.

Василій Андреевичъ получилъ деньги, приказалъ Фа-

расонту отнестъ скрипку къ Ивану Агапопнтовичу и увнать играть въ преферансъ.

Недавно, у известнаго музыканта я видѣлъ скрипку Василя Андреевича; музыкантъ заплатилъ за нея Ивану Агапопнтовичу, кажется, осемь сотъ рублей: кажется, что купилъ очень дешево и говорить, что Иванъ Агапопнтовичъ долженъ быть дуракъ.

На семейныхъ вечерахъ, въ клубъ соединеннаго общества, вы увидите, если захотите, Василя Андреевича: онъ отпустилъ себѣ порядочное брюшко, у него уже у самого лысина въ полтину серебра, и какой-то орденъ на шеѣ; онъ играетъ въ преферансъ по гривеннику, и ему почтительно кланяется прежній начальникъ отдѣленія, уволенный отъ службы по болѣзни.

В. ГРИШЕНКА.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАБАНИСЪ.

РОМАНЪ АЛЕКСИСА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Воспоминанія дѣтства моего еще свѣжи у меня въ памяти. Особенно памятно мнѣ все, случившееся послѣ того, какъ мнѣ минуло осемь лѣтъ, можетъ-быть потому, что одно изъ приключеній того времени, хотя незначительное само по себѣ, было однако жъ первой причиною, первымъ шагомъ, къ странной, необыкновенной моей жизни.

Виллибальдъ, или Алексисъ, съ котораго времени сталъ въ ряду знаменитѣйшихъ романистовъ нашего времени: его называютъ, одни германскими Вальтеромъ Скоттомъ, другіе нѣмецкимъ Боллгеромъ, и творенія его съ жадностью переводятъ на англійскій и другіе языки. «Библіотека для Чтенія» считаетъ долгомъ познакомиться съ новымъ «Вальтеромъ Скоттомъ» русскихъ читателей, для которыхъ имя Виллибальда (Алексиса) еще, кажется, совсѣмъ ново. Къ сожалѣнію, вкусъ нашъ не сходствуетъ со вкусомъ знаменитыхъ цѣнителей таланта Алексиса, и мы находимъ, что нѣкоторые изъ предпоследнихъ его романовъ лучше последнихъ, прославляемыхъ нѣмецкими и англійскими журналами. «Кабанисъ» принадлежитъ именно къ предпоследнимъ.

Это было въ одной изъ улицъ Берлина. Я какъ теперь вижу эту улицу, дома, лица, выглядывавшія изъ оконъ, дымившіяся трубы; я даже думаю, что узнаю камни на мостовой, на которыхъ такъ часто сиживалъ съ товарищами своими—а между-тѣмъ послѣ приключенія, которое я намѣренъ разсказать, прошло уже двадцать лѣтъ!.... Я радовался, что весеннее солнышко грѣло и весело освѣщало крутыя кровли, а такъ какъ мнѣ не позволено было идти съ товарищами за-городъ, то я былъ уже доволенъ тѣмъ, что улица была такъ широка, что въ ней не было школьной скамьи и что розги не выглядывали изъ-за забора!

Я игралъ съ товарищами въ шары, любимую игру нашихъ школьничковъ съ незапамятныхъ временъ. Едва только послѣдній снѣгъ растаетъ на улицахъ, какъ толпы мальчишковъ располагаются на мостовой и каждый вынимаетъ изъ кармана свое богатство, свои мраморные шарики; тогда, забывъ полицію и блюстителей порядка, молодые игроки вырываютъ изъ мостовой булыжникъ, роютъ въ землѣ ямочку, куда изъ нѣкотораго разстоянія старается, каждый въ свою очередь, катить свой шарикъ, это цѣль всей игры.

Игра дотога овладѣла всѣмъ вниманіемъ нашимъ, что мы забыли весь міръ и Берлинъ, школу и улицу, и не замѣчали, что происходило вонъ на сѣ.

Между-тѣмъ изъ всѣхъ софѣнныхъ домовъ выжили люди, прохожіе останавливались и изъ открытыхъ оконъ выглядывали чепухи и шушурки. Надобно однако жъ замѣтить, что въ 1740 году числа туземцевъ было въ Берлинѣ очень не велико. Даже старухъ, не говоря уже о незамужнихъ женщинахъ, не прилично было показаться у окна безъ вазанья въ рукахъ, а мужчинъ еще другія причины заставляли быть, или казаться, дѣтельными; потому что слишкомъ опасно было нечаяться на встрѣчу старому королю, Фридриху-Вильгельму, когда онъ, бывало, подвизывалъ къ себѣ прохожаго и начиналъ разспрашивать, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Плохо приходилось бѣдняку, который не могъ дать удовлетворительнаго отвѣту, или котораго французской парадъ не приходился по акусу короля.

Тѣмъ поразительнѣе было сборище на углу Слотницкой

лицы. Многіе изъ прохожихъ остановились, можетъ-быть, только потому, что другіе стояли. Говорятъ, что это съ незапамятныхъ временъ, отличительная черта характера Берлинцовъ. Парикмахеръ, на котораго мы, дѣти, приехали смотрѣть какъ на представителя вѣчнаго движенія, остановился; двое мастеровыхъ, несшихъ гробъ, опустили его наземь, выпучивъ глаза на зрѣлище, которое читателямъ моихъ можетъ показаться весьма обыкновеннымъ, но которое произвело на нашихъ кухарокъ и нянекъ сильное впечатлѣніе. Взоры всѣхъ слѣдили за стаей хищныхъ птицъ, преслѣдовавшихъ молодого орла. То поднимался онъ такъ высоко, что представлялись глазамъ какъ темныя точки, то спускались и солнце играло на черныхъ перьяхъ прекраснаго орла и пестрыхъ крыльяхъ ястребовъ и коршуновъ. Они спускались почти до самыхъ крышъ, такъ что можно было рассмотреть орненные глаза ихъ, загнутые клювы и острые когти. По временамъ раздавался крикъ, и летавшія въ воздухѣ перья свидѣтельствовали о враждебномъ расположеніи хищныхъ птицъ къ орлу и о мужественной защитѣ его.

— Вотъ, вотъ!.... нѣтъ еще!.... раздавались восклицанія въ толпѣ, изрѣдка прерывавшія глубокое, внимательное молчаніе.

Бой завязался я минуту спустя, рансній ястребъ упалъ на одну изъ сосѣднихъ кровель; въ то же мгновеніе орелъ съ быстротою стрѣлы спустился внизъ, такъ, что всѣ зрители невольно присѣли. Орелъ былъ спасенъ. Хищныя птицы, испуганныя присутствіемъ людей, у которыхъ орелъ, напротивъ, искалъ какъ-бы защиты, разсѣялись съ рѣзкими криками, преслѣдуемая насмѣшливыми восклицаніями толпы, которая вскорѣ разошлась, и все опять пришло въ однообразный порядокъ.

Тогда фантазія моя, покинувъ заоблачныя сферы, опять опустилась на важную задачу, предстоящую мнѣ на плоской землѣ, и отъ успѣшнаго разрѣшенія которой я могъ ожидать значительной выгоды. Орелъ и ястребъ были забыты, когда шарикъ выкатился изъ рукъ моихъ и товарищи, съ вытаращенными глазами слѣдили за нимъ.

— Попадетъ! закричала вся лежащая толпа, приподнявшись и уцершись руками въ мостовую.

И точно, я бы пональ, и остался побѣдителемъ, если бы въ самую рѣшительную минуту большая мужская нога въ башмакъ, съ огромной пружкой, не стала между шарикомъ и ямочкой... шарикъ ударился о толстую кожу, отскочилъ и... я не выигралъ!... Къ чести товарищей моихъ я долженъ однако жъ сказать, что несчастье мое не обрадовало ихъ, но хриплый, продолжительный смѣхъ и неподвижная нога показывали, что я не одному случаю обязанъ былъ несчастіемъ своимъ. Въ себя отъ досады, схватилъ я остальные шарики, чтобы бросить ихъ въ голову негодному, помѣшавшему игрѣ нашей.... но скоро горячая кровь моя остыла, рука моя остановилась и пальцы судорожно сжали три мраморные шарика, когда я увидѣлъ передъ собою человека, котораго одно присутствіе наводило на меня непріятное чувство.

— Кидаться, любезнѣйшій! протяжно сказала худощавая фигура, въ коротенькомъ адвокатскомъ плащѣ, сложивъ длинныя руки на спинѣ, какъ-бы выжидая, чтобы я исполнилъ намѣреніе мое, между-тѣмъ какъ одного движенія было достаточно, чтобы остановить вооруженную мою руку. — Чтò жъ не кидаешь? Ты, братъ, не дѣлаешь чести своимъ родителямъ....

И длинными, костлявыми пальцами своими ударялъ онъ меня по рукѣ, такъ что я уронилъ шарики, отъ боли или отвращенія, не помню. Онъ поднялъ ихъ, скаля зубы, и опустилъ въ карманъ, какъ доказательства моего преступленія.

— Такъ эти шарики назначались мнѣ, и притомъ милымъ моимъ крестникомъ! продолжалъ незнакомецъ:—Я доложу о томъ своевременно папенькѣ и маменькѣ и учиню слѣдствіе, для того ли они даютъ тебѣ карманныя деньги, чтобы ты покупалъ каменные шарики, и бросалъ ими въ почтенныхъ, чиновныхъ особъ?.... Ты, кажется, хочешь слѣлаться уличнымъ мальчишкой?.... Хорошо, хорошо!.... Ты идешь по одной дорогѣ съ негодяемъ, старшимъ братцомъ.... а панталоны, сапоги, на чтò похожи!.... Конечно, кто цѣлый день валяется на мостовой, у того скоро протираются локти, колѣни и подошвы.... а папенька и маменька подавай только новое.... не такъ ли?

Не знаю, чтò внушало мнѣ болѣе отвращенія: рѣзкій

ли и протяжный голось крестнаго отца моего или наружность его? Адвокатъ Шлипаліусъ принадлежалъ къ числу родственниковъ нашихъ со стороны отца моего; за мать мою онъ самъ нѣкогда сватался. Я не хочу думать, чтобы отказъ ея былъ причиной того, что онъ сдѣлался нарушителемъ домашняго нашего спокойствія. Онъ былъ завистливъ, скупъ, остороженъ, хитеръ, терпѣливъ, ползаль, гдѣ нужно и рысьи глаза его не переставали слѣдить за всѣми нашими поступками. Хорошая, кроткая маменька чувствовала при появленіи его какое-то непреодолимое отвращеніе, потому что у него всегда были въ запасѣ жалобы на насъ, дѣтей, или даже на слугъ. Отецъ мой былъ напротивъ, очень доволенъ этимъ. Онъ считалъ Шлипаліуса честнымъ человѣкомъ, котораго ни какая малодушная снисходительность не могла совратить съ прямого пути. Даже процессъ, о починкѣ стараго садоваго забора, ни съ того, ни съ другаго, навязанный адвокатомъ моему отцу на шею, утвердилъ его въ томъ мнѣніи, что Шлипаліусъ дѣйствовалъ всегда по побужденію прямого, желѣзнаго своего права. Когда отецъ мой выигралъ этотъ процессъ, то къ величайшему горю нашему, адвокатъ сталъ приходить каждое воскресенье къ намъ обѣдать и почти всегда съ жалобой.

Независть стараго короля къ адвокатамъ всѣмъ извѣстна. Такъ какъ деспотической волѣ его не удалось уничтожить все это сословіе, которое онъ считалъ не нужнымъ, то онъ рѣшился сдѣлать странное предписаніе. Каждый адвокатъ долженъ былъ носить коротенькій плащъ, и горетому, кто безъ этого костюма, сдѣлавшагося почти позорнымъ, осмѣливался являться на улицѣ. Плащъ этотъ былъ особенно неблаговиденъ на высокой, худощавой фигурѣ моего крестнаго отца, съ его длинными руками и журавлиными ногами. Когда онъ не пряталъ рукъ въ карманы жилета, то онѣ висѣли изъ-подъ плаща, какъ два грозные бича. Маншеты его и длинный жилетъ съ пестрыми цвѣтками, были рѣдко чисты; на включенномъ парикѣ недоставало мѣстами пудры..... Онъ, казалось, ощущалъ удовольствіе, при видѣ невольнаго страху, который внушала отвратительная его наружность.

Товарищи мои, которымъ надоѣли наконецъ слишкомъ

продолжительныя правоученія адвоката, приободрились, и одинъ изъ нихъ, подавая мнѣ мой шарикъ, сказалъ:

— Пересиль, Этьенъ: это не въ счетъ.

— Не въ счетъ! повторила маленькая толпа.

— Нугу прочь! закричалъ смѣльчакъ.

И Аржакаль; слезы навернулись на глазахъ моихъ; но болѣе слезы досады на несправедливость, нежели боли.

— Бросай смѣль, Этьенъ! кричали товарищи. Какое право онъ право мѣшать нашимъ играмъ? — Пошелъ прочь, долговязый блѣванный!

— Прочь! закричалъ и я, приободренный восклицаніями товарищей моихъ. Крестный отецъ мой посторонился... Я прицѣпился и шаръ мой вкатился въ ямочку. Всеобщій радостный крикъ возвѣстилъ о моей побѣдѣ, а я, достигнувъ цѣли своей, робко взглянулъ на адвоката, чтобы узнать, чего будетъ мнѣ стоить торжество мое.

Онъ злобно улыбаясь, ворча сквозь зубы:—милыя дѣти; но увви! въ то самое мгновеніе, когда я хотѣлъ овладѣть выигрышемъ своимъ, онъ носкомъ башмака засыпалъ яму и толстая подошва его притоптала шарики! Пропали всѣ мои трофеи и крупныя слезы брызнули изъ глазъ моихъ!... Но мучитель мой этимъ не удовольствовался. Побѣда была на его сторонѣ и онъ хотѣлъ вполне воспользоваться ею.

— Теперь не худо позвать полицейскаго, говорилъ онъ, и спросить его, кто позволилъ вамъ вырывать камни, портить городскую мостовую и копать ямы, чтобы прохожіе падали? А, каково вамъ покажется, если придется просидѣть почку въ полиціи на хлѣбѣ и водѣ, а къ утру насчитаютъ на извѣстномъ мѣстѣ, нѣсколько правоучительныхъ уроковъ?

Крестный отецъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не встрѣчая сопротивленія, дѣлаются смѣль. Костлявые пальцы его барабанили по головѣ моей. Мнѣ было ужасно больно: я сталъ кричать. Когда нѣсколько прохожихъ остановились, чтобы вступить за меня, возрасла и смѣлость моихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ, бойкій Фрицъ, схватилъ уже горсть земли, чтобы пустить ею въ желтое лицо адвоката и шумъ превратилъ

ея бы въ тѣлесный оскорбленія особѣ Штупалиуса, если бы новое зрѣлище не заставило всѣхъ разступиться.

Изъ-за угла вышло скорымъ шагомъ нѣсколько отрядовъ королевской гвардіи, состоявшей изъ великановъ: Всѣ, отъ мала до велика, снимали шляпы передъ этими любимцами Фридриха-Вильгельма, а дѣти смотрѣли на нихъ какъ на существа особаго рода. И точно, едва-ли въ цѣломъ мірѣ было вмѣстѣ столько великановъ, какъ въ то время въ Берлинѣ. И какія чудныя, почти невѣроятныя вещи рассказывали о томъ, какими средствами вынуживали ихъ со всѣхъ сторонъ свѣта, чтобы завербовать въ королевскую гвардію.

Всѣ привыкли видѣть эту гвардію въ извѣстное время, выступающую мѣрными, торжественными шагами, а потому внезапное появленіе и скорость, съ которою шли великаны, навели на всѣхъ немалое изумленіе. И лица ихъ, обыкновенно холодныя, безжизненныя, были печальнѣе, грустнѣе обыкновеннаго. Наконецъ солдаты прошли.... товарищи мои опять хотѣли приняться за адвоката, но онъ уже исчезъ.

По всему городу было замѣтно какое-то особенное движеніе; на углахъ останавливались люди и о чемъ-то съ живостію разговаривали; наступилъ вечеръ, а лавки не запирались, купцы не расходились по домамъ. Фельдъегери и курьеры скакали во всѣ стороны, кареты подѣзжали къ дворцу и отѣзжали отъ него, полки выступали.... несмотря на все это движеніе, всё было тихо.... всѣ разговаривали шопотомъ....

Съ толпой товарищей сбѣгалъ я изъ улицы въ улицу, останавливаясь, гдѣ было на что позвать. Полный еще негодованія на грубое обхожденіе со мною адвоката, я вдругъ замѣтилъ на углу поперечной улицы сильный свѣтъ, происходившій отъ жестяной лампы въ угловой лавочкѣ. По овальному отраженію на противоположномъ дощѣ узналъ я, гдѣ мы находились и закричалъ во все горло:

— Фрау Курцинна зажигаетъ свою жестяную лампу!

Жестяная лампа фрау Курцинны была намъ всѣмъ слипкомъ хорошо извѣстна, и въ то же мгновеніе представилась мнѣ возможность отомстить за оскорбленіе, которое нанесъ мнѣ адвокатъ.

Фрау Курцинна содержала угольную мелочную лавочку, въ которой уже почти сорокъ лѣтъ собственноручно раздѣвала покупателямъ водку. Маленькая, горбатая, красноглазая женщина, съ рѣзкимъ голосомъ и огромными руками, слыла у всѣхъ лѣтей въ окрестности вѣдьмой; они ужасно боялись ея, а между-тѣмъ всегда дразнили. Она была дѣятельная женщина, знавшая свое дѣло и проводившая уже на тотъ свѣтъ двухъ мужей, которые не могли ужиться съ нею или ея водкой. Она была такъ же бережлива въ хозяйствѣ, какъ расточительна на слова и каждый покупатель долженъ былъ выслушивать длинныя жалобы на плохія времена, натяжелые налоги, на злобу людей и на погоду, какал бы она ни была. Въ ратушѣ фрау Курцинна была какъ у себя дома и никто не помнилъ, чтобы она когда-либо проиграла процессъ. Двѣ такія особы, какъ фрау Курцинна и адвокатъ Шлиналусъ, непременно должны были сойтись, что и случилось.

Адвокатъ купилъ большой угольный домъ, находившійся противъ лавки ея и проведя въ немъ одну ночь, на слѣдующее же утро подалъ въ магистратъ жалобу на вдову Курцинну. Вотъ въ чемъ состояло дѣло.

Фрау Курцинна, лѣтомъ и зимой, лишь-только смеркнетъ, постоянно зажигала жестяную лампу свою, о которой мы уже упомянули. Съ 1701 года отраженіе отъ этой лампы упало на противоположный домъ, и съ 1701 года, ни одному изъ хозяевъ дому не приходило на умъ жаловаться на это. Но адвокатъ утверждалъ, что свѣтъ съ противозаконной силой собранный въ отражателѣ, такъ ярко ударялъ въ окна его кабинета, что онъ во весь вечеръ не могъ взять пера въ руки и когда, чтобы освѣдниться о причинѣ этого свѣта, подошелъ къ окну, то былъ до того ослабленъ, что цѣлую ночь страдалъ глазами. Когда магистратскій приставъ явился къ вдовѣ съ предписаніемъ, чтобы она перевернула лампу свою или повѣсила ее такъ, чтобы свѣтъ падалъ на землю, то она крикнула адвокату черезъ улицу одно изъ тѣхъ дюжихъ нѣмецкихъ ругательствъ, которыя ни на какой языкъ перевести нельзя, да и на нѣмецкомъ въ печати не употребляются.

Завязался процессъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Въ одно утро сосѣди были чрезвычайно удивлены, уви-

дѣль, что адвокатъ Шлипаліусъ вошелъ въ угѣльную лавочку и съ весьма пріятной улыбочкой попросилъ рюмочку водки. Впродолженіи цѣлаго часа выпилъ онъ три рюмки, не переставая похваливать водку; наконецъ когда дѣлю дошло до расплаты, то фрау Курцинна остановила его, сказавъ съ необыкновенною любезностью, что онъ напрасно беспокоится и что они ужъ «сосчитаются» послѣ; сама проводила адвоката до дверей и во всеуслышаніе пожелала ему добраго аппетита.

Два дня спустя они «сосчитались», а на третій у насъ въ гостинной, за раззолоченой рамой зеркала торчали свадебныя приглашенія.

Послѣ свадьбы все осталось въ прежнемъ положеніи: адвокатъ жилъ въ своемъ домѣ, жена его въ своей лавочкѣ, и уличные мальчишки по-прежнему собирались у дверей ея, громко распѣвая:

Фрау Курцинна, фрау Курцинна,
Гадкая ты образина!

га что фрау Шлипаліусъ такъ же злилась, какъ и бывшая фрау Курцинна. И въ тотъ вечеръ, когда мы собрались у дверей лавки, ей ни сколько не помогло то, что она сдѣлалась женою адвоката! Ей рѣшились мы отомстить за обиду, которую причинилъ намъ мужъ ея!... Теперь только я извиняю нашу дѣтскую несправедливость, потому что впоследствіи видѣлъ, что и взрослые очень часто такъ же поступаютъ. Послѣ долгихъ толковъ, переговоровъ, споровъ, отъ которыхъ наше намѣреніе чуть не разстроилось, мы рѣшились слѣдующее:

Съ каждаго угла былъ входъ въ лавку, черезъ стекляныя двери, къ которымъ были привѣшены колокольчики. Всѣ мы должны были, поочередно, войти въ одну дверь, осведомиться о здоровьѣ хозяйки, пожелать ей добраго вечера и скоро выбѣжать въ другую. Выдумка эта очень понравилась, каждый изъ насъ предлагалъ нѣкоторыя дополненія. Одинъ хотѣлъ всепокорнѣйше осведомиться о здоровьѣ супруга ея, другой спросить сколько въ дрейеръ пфенинговъ, третій размѣнять полушку. Чтобы не возбудить съ самаго начала подозрѣнія, тѣ, которыхъ Курцинна не знала, должны были идти первые. Миѣ при-

Шлюсь идти тринадцатому и какъ вы сейчасъ увидите, я не изобгнулъ участи, связанной съ этимъ несчастнымъ числомъ.

Все шло прекрасно. Первый, скромный, хорошенький мальчикъ, робко осведомившись о здоровьи господина адвоката, получилъ очень ласковый отвѣтъ и еще въ-добавокъ кусокъ сахару; но онъ воротился къ намъ съ не-приятною вѣстью, что фрау Курцинна сама не выходила, а выслала только своего прикащика. Второй, съ математи-ческимъ вопросомъ получилъ въ отвѣтъ, что онъ глупъ, а третьему вѣрно было по-скорѣе убраться по-добру, по здорову. Но такъ какъ, лишь одна дверь затворялась, то отворялась другая, звонокъ дребежалъ, двери хлопали, вопросы, одинъ другого забавнѣе сыпались, раздавался громкій смѣхъ, то и не слишкомъ проникательный уиъ прикащика какъ-бы почувалъ, что все это дѣлалось не съ-проста.

Дужий, приземистый паренъ стоялъ за конторкой, засу-нувъ руки подъ коричневый передникъ и скалилъ зубы, ирищуривъ маленькіе, свѣтло-голубые глаза свои; ка-къ чело-вѣкъ, которому пріятнѣе было бы принять участіе въ жалостяхъ нашихъ, нежели сторожить лавку. Въ ту са-мую минуту, какъ я отворилъ дверь, вбѣжала въ лавку же-на адвоката съ сжатыми кулаками и нашла на прикащика,

— Чего вы смотрите, Масманъ? Эти мальчишки видятъ что вы ротозѣй, и скоро станутъ плясать у васъ на носу! Стойте какъ олухъ и съ языка не трогайтесь! Зачьмъ Богъ вамъ руки даль? Ну-ка, намыльте этимъ сорванцамъ за-тѣвки, порядкомъ, чтобы помнили!

Масманъ, казалось, только и ждалъ разрѣшенія отъ ху-зянки. Онъ отвелъ отъ лица длинныя, блонкурыя волосы, уперся на прилавокъ и вмгъ перескочилъ черезъ него. Едва успѣлъ и захлопнуть дверь, какъ она опять за него раскворилась. Поспѣшность, съ которою я выскочилъ, дала товарищамъ время сигналь быстра. Всѣ восклицанія, всѣ просьбы мои были напрасны—все бѣжало!

— Хоть одного, Масманъ, кричала жена адвоката: хоть одного, чтобы служилъ примѣромъ для другихъ!

Товарищи-измѣнники исчезли, а тяжелая рука прикащи-

ка схватила меня за волосы; я тщетно кричалъ изо всѣхъ силъ и звалъ товарищей на помощь.

— Только подойдите! кричалъ Масманъ, показывая имъ изъ-дали кулакъ, и это болѣе дѣйствовало на соучастниковъ моихъ нежели всѣ мои просьбы.

Прикащикъ, не обращая вниманія на то, что я крѣпко щипалъ его, притащилъ меня за волосы къ лавкѣ.

— Вотъ онъ! вскричалъ Масманъ.

— Пстой, дружокъ! сказала хозяйка.

Я кричалъ такъ громко, что вскорѣ собралась около насъ порядочная толпа прохожихъ. Никто не вступался за меня. Фрау Курцинна вышла на порогъ, съ жестяной лампой, и приказывала Масману не шалить. Тяжелые удары неуклюжаго прикащика съпались на меня, такъ что одинъ изъ предстоявшихъ рѣшился сказать, что не должно такъ строго взъискивать съ ребенка, за шалость. Но на мою бѣду изъ окна сосѣдняго дому показалась голова сапожника.

— Ничего, сосѣдка, кричалъ онъ, надо проучить этихъ мальчишекъ. Съ ними житья нѣтъ!

— Полно, сказала жена его; вѣдь это сынъ знатныхъ родителей!

— Что-о! знатныхъ людей? А мнѣ какое до этого дѣло. Колотите крѣпче, Масманъ, хоть бы онъ былъ графчикъ!

— Хорошъ графчикъ! вскричала фрау Курцинна; это сынъ Бома. Долговязый инспекторъ отецъ его, а мать, чванная французская мадama. Важничаютъ, потому что принадлежать къ колоніи и пасторъ съ ними въ воскресенье по-французски говоритъ! И я должна уважать ихъ! Какъ бы не такъ: не хочу уважать! Отецъ мой былъ трубачъ, а мужъ адвокатъ и мнѣ самой Господь далъ языкъ, чтобы проучить ихъ! Я берлинская гражданка, живу своими трудами и не хочу уступать тѣмъ, которые важничаютъ!... Колотите крѣпче, Масманъ!

Я лежалъ на мостовой, а прикащикъ сидѣлъ на мнѣ.

— Проси прощенія! говорилъ онъ и ущипнулъ мнѣ ухо. Я закусилъ зубы и удерживалъ слезы.

— Вишь упрямая тварь! кричала Курцинна. Крѣпче, Масманъ; чтобы маменька видѣла, какой у нея сынокъ.

Злобный, бѣлокурый прикащикъ обратился къ хозяйкѣ своей съ ужаснымъ предложеніемъ:

— Хозяйка, сказалъ онъ, принесите по-скорѣе горшокъ съ чернымъ мыломъ. Я его такъ намылю, что цѣлую недѣлю отъ него вонь будетъ!

Это привело меня въ отчаяніе. Онъ могъ оборвать мнѣ воротничокъ, выщипать волосы, прибить до-крови и въ такомъ видѣ отпустить домой — кровь никого не безчеститъ, но.... черное мыло! Радуюсь выдумкѣ своей, злодѣй теръ уже мнѣ сухою рукою уши, щеки, носъ, ротъ, голову, шею, платье.... я уже слышалъ запахъ черного мыла.... и въ такомъ видѣ я долженъ былъ предстать передъ родителями моими!

Отчаяніе мое можетъ показаться смѣшнымъ, но для объясненія его я долженъ сказать, что со стороны матери я принадлежалъ къ колоніи! Колоніей называлось общество Французовъ-протестантовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи. Несмотря на то, что въ 1740 году эти эмигранты были такіе же патриоты и вѣрноподданные, какъ и всѣ Прусакіи, однако жъ они сочли бы личною обидою, если бъ кто назвалъ ихъ природными Нѣмцами: они считали себя лучшими существами, съ болѣе утонченнымъ вкусомъ, болѣе нѣжными чувствами и страстями. Еще въ оправданіе свое я долженъ сказать, что одна изъ моихъ тѣтокъ упала у насъ однажды въ обморокъ только отъ того, что у маіорши фонъ-Пульвермюль, сидѣвшей возлѣ нея на диванѣ, платокъ былъ мытъ чернымъ мыломъ.

И послѣ этого я долженъ былъ позволить вымазать себѣ лицо этимъ холоднымъ, жирнымъ, вонючимъ мыломъ? Никогда! Прежде нежели Масманъ успѣлъ опустить руку въ горшокъ, я пронзительно вскрикнулъ и, обхватилъ ноги мучителя моего. Но и это не помогло бы, если бъ въ то же время не явился защитникъ. Масманъ вскрикнулъ, повалился и прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, прежде чѣмъ узналъ кому обязанъ неожиданнымъ спасеніемъ своимъ, я услышалъ громкій голосъ, кричавшій:

— Кто дотронется до этого ребенка, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною!

Это былъ сильный и дюжій братъ мой, Готлибъ; уперевъ лѣвую ногу въ Масмана, а правую рукою угрожая толпѣ, онъ стоялъ какъ герой! Жестяная лампа освѣщала выразительное лицо и широкія плечи сильного юноши.

Фрау Курцинна ругалась, сосѣдъ сапожникъ угрожалъ полиціей, а Масманъ, вставъ, обколачивалъ пыль съ колѣнъ и глупо улыбался. Тогда и ободрившіеся товарищи монъ приблизились; начался шумъ, толкотня, крикъ, и, пользуясь суматохой, я удалился съ братомъ.

Добрый Готлибъ! Я никогда иначе не называлъ его, потому что онъ былъ всегда добрымъ братомъ. Онъ строгалъ мнѣ прутыки, на которыхъ я вѣдилъ верхомъ, онъ дѣлалъ мнѣ дудочки изъ коры молодыхъ вѣтокъ, онъ игралъ со мною въ лошадки и всегда позволялъ мнѣ быть всадникомъ или кучеромъ. Какъ часто заступался онъ за меня! Сколько шалостей, моего изобрѣтенія, исполнялъ сильный Готлибъ! Какъ теперь еще я помню, какъ немилосердо билъ его отецъ нантъ за то, что онъ привѣсилъ къ парику адвоката длинный бумажный хвостъ, а между-тѣмъ онъ сдѣлалъ это, чтобы угодить мнѣ! Дрожая всѣмъ тѣломъ, стоялъ я какъ вкопанный у двери и не имѣлъ силы отворить ее, не могъ выговорить ни слова, и каждый ударъ заставлялъ меня страдать и при каждомъ вздохѣ Готлиба, сердце мое готово было разорваться на части!

— Зачѣмъ ты не сказалъ, что я виноватъ? спросилъ я его послѣ, пожавъ ему руку.

— Глупенькій! отвѣчалъ онъ: ты бы расплакался.

Съ-тѣхъ-поръ рѣшился я никогда не плакать, но увы!...

Съ адвокатомъ Готлибъ находился въ открытой враждѣ; несмотря на то, старшій скряга не стыдился принимать услугъ непріятеля своего. У Шипалиуса была голубятня, а у Готлиба была страсть воспитывать и ловить голубей. Часто случалось ему заманивать къ себѣ и чужихъ голубей, но это нисколько не беспокоило его и онъ извинялся тѣмъ, что вѣдь и его голубей могутъ украсть у него.

Какъ бы то ни было, но эта способность и эти разсужденія брата моего очень понравились адвокату и онъ ввѣрилъ ему надзоръ за своей собственной, прекрасной голубятней.

— Распоряжайся какъ знаешь, сказалъ онъ ему и прибавилъ таинственно: и не выпускай ничего со двора, хоть бы оно не къ нашей голубятнѣ принадлежало, а украшай и обогащай ее, сколько возможно.

Готлибъ буквально слѣдовалъ приказанію крестнаго отца моего. Никогда голубятня не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи и адвокатъ былъ такъ доволенъ, что общалъ брату томпаковыя часы, когда онъ будетъ совершеннолѣтнимъ. Между-тѣмъ какъ голубятня процвѣтала, дѣла адвоката въ ратушѣ были очень плохи; онъ безпрестанно долженъ былъ платить штрафы за то, что не являлся по призывамъ, которые однако жъ до него не доходили. Дѣло не могло оставаться скрытымъ и канцелярскій служитель объявилъ, что онъ передавалъ всѣ бумаги и приглашенія какому-то молодому человѣку, который, вѣроятно, находился въ услуженіи у адвоката.

Стали разспрашивать Готлиба и онъ очень откровенно признался, что обклеилъ этими бумагами внутреннія стѣны голубятни, чтобы защитить голубей отъ холоду и что онъ дѣйствовалъ по приказанію адвоката же—ничего не выпускалъ со двора, хоть оно и не принадлежало къ голубятнѣ, которую онъ украшалъ.

Отговорка эта не спасла его отъ наказанья; вообще Готлибъ слылъ за блуднаго сына, уже почти не принадлежавшаго къ нашему семейству. Всѣ обвиняли отца нашего въ излишней снисходительности, а между-тѣмъ не проходило ни одного дня, чтобы Готлибъ не былъ тѣлесно наказанъ!

Я долго не могъ понять причины предпочтенія, которое оказывали мнѣ передъ моимъ старшимъ братомъ. Сукно на сюртукѣ его было грубѣе, онъ всегда сидѣлъ на нижнемъ концѣ стола, и часто долженъ былъ прислуживать; онъ даже чистилъ отцу и мнѣ сапоги и — что было для меня въ то время удивительнѣе всего, — ему рѣдко давали отвѣдывать дорогихъ кушаньевъ. Всѣ эти обстоятельства дотога подстрекнули любопытство мое, что я сталъ всѣхъ разспрашивать и вскорѣ узналъ, что Готлибъ незаконный сынъ моего отца.

Надѣясь, что Готлибъ скорѣе исправится въ чужихъ рукахъ, отецъ мой рѣшился отдать его въ іохимтальскую гимназію. Но и оттуда вскорѣ стали приходять жалобы, что онъ лѣтитъ и развращаетъ товарищей. Сначала доносчикомъ былъ адвокатъ, но вскорѣ пришелъ одинъ

дѣтъ учителей съ тѣми же жалобами; отецъ мой просилъ его быть какъ-можно строже.

— Сомнѣваюсь, сказалъ молодой учитель: чтобы однимъ побоями можно было его исправить. У этого мальчика безпощадный нравъ и удивительная физическая сила, такъ, что я думаю, что природа создала его не для науки.

Слово *природа* взбѣсило папеньку; онъ сталъ обвинять учителя въ томъ, что тотъ принадлежитъ къ новѣйшей школѣ; онъ говорилъ, что не природа, а родители должны распоряжаться судьбой дѣтей и что непреходящая строгость и дисциплина болѣе суть лучшія средства для воспитанія. Учитель промолчалъ—время прошло—Готлиба безпрестанно наказывали и — Готлибъ не исправлялся.

Какъ я былъ радъ, когда мнѣ сказали, что въ день рожденія Готлибъ будетъ обѣдать съ нами; но увы! не тотъ Готлибъ воротился домой! Онъ похудѣлъ, лицо его приняло выраженіе дикаго упрямства, улыбка и глаза ясно говорили, что Готлибъ нашъ пересталъ быть ребенкомъ!... Онъ говорилъ мало и видно было, что общество наше ему не нравилось.

Освободивъ меня изъ рукъ Масмана, Готлибъ танцлъ меня такъ скоро, что я едва могъ слѣдовать за нимъ.

— Рано жъ ты начинаешь любить драку, сказалъ онъ голосомъ, который со вступленія его въ гимназію слѣдился весьма грубымъ: забавляйся чѣмъ нибудь другимъ: ты еще ребенокъ!

— Готлибъ! отвѣчалъ я, раздосадованный послѣдними словами его; я бы не шикнулъ, если бы онъ не хотѣлъ выказать меня чернымъ мыломъ.

— Точно; жаль было бы оскорбить такъ жестоко такого баричка, который только того и ждетъ, чтобы надѣть шпату съ перомъ, да привѣсить шпату!

Никогда еще Готлибъ не обходился со мною такъ грубо. Я сталъ упрекать его и не забылъ припомнить, что когда его сажали на хлѣбъ и на воду въ карцеръ, то я на веревочкѣ пересылалъ ему кушанья, за что папенька больно наказалъ меня.

— Правда, отвѣчалъ Готлибъ, ты всегда обходился со мною какъ добрый братъ! Не такъ какъ другіе...—И слезы брызнули изъ глазъ его; онъ обнялъ меня и поцѣло-

валъ съ жаромъ. Ты не отталкиваешь меня, ты не прой-
дешь мимо меня по улицѣ не кланяясь, ты даже протя-
нешь мнѣ руку и спросишь: какъ поживаешь, братъ?
Но, Богъ знаетъ, долго ли это продолжится!...

— Я всегда останусь твоимъ братомъ, отвѣчалъ я.

Онъ покачалъ головой и сѣлъ на камень у публичнаго
сада.

— Ты говоришь это, потому, что не знаешь, что я не
братъ твой.... вѣдь я побочный сынъ!

Никогда еще выраженіе лица его не было такъ дико; не
понимая еще хорошенько словъ его, я сталъ уговаривать
его, напоминая ему о томъ, какія горькія слезы пролива-
ла маменька, когда папенька его наказывалъ.

— Притворство! закричалъ онъ. Зачѣмъ же она морщи-
лась, когда я, бывало, худо страхнувъ снѣгъ съ сапоговъ,
входилъ въ комнату? А когда она морщилась—отецъ ко-
лотилъ. Знать не хочу ея и всей ея французской родни.
Видишь ли, если бъ ты не былъ добрый мальчій, такъ я
схватилъ бы тебя вотъ, такъ, поперегъ, да и швырнулъ
бы въ канаву!

Теперь только я замѣтилъ, какъ Готлибъ былъ разго-
ряченъ. Я замѣтилъ ему, чтобы онъ застегнулъ куртку и
завязалъ по-крѣпче галстухъ, потому что становилось хо-
лодно. Онъ громко засмѣялся.

— Я, братъ, не барчикъ: обо мнѣ заботиться нечего.
Что ты вытаращилъ на меня глаза?... Тебѣ странно, что
я такъ веселъ? Ни по чемъ! Я выпилъ рюмку водки....
Кончено! Бѣги скорѣй прочь отъ меня, я тебѣ плохой го-
варищъ!

Маменька часто говорила мнѣ, что пьянство верхъ без-
нравственности. Мнѣ разъ случилось видѣть, какъ передъ
домомъ нашимъ пьяный кистеръ лежалъ въ лужѣ и ру-
галъ тѣхъ, которые хотѣли отвезти его домой—эта кар-
тина подѣйствовала на меня сильнѣе всѣхъ наставленій
мамненьки. И что же? теперь и Готлибъ пилъ водку! Толь-
ко теперь сталъ я понимать, почему его называли блуд-
нымъ сыномъ.... Воображенію моему живо представилось,
какъ Готлибъ валяется въ лужѣ и хочетъ драться съ про-
хожими.... Со слезами на глазахъ обнялъ я его и умо-
лялъ не пить больше водки.

— Что ты, струсилъ, чтобы я тебя въ канаву не бросилъ? Не бойся.... нить больше не буду; притомъ же у меня и денегъ больше нѣтъ! Я сейчасъ провѣтрюсь и все пройдетъ!

Я спросилъ его, кто ему позволилъ итти гулять.

— Я самъ себя позволилъ. Миѣ все надоѣло! Я прочелъ всю толстую грамматику, отъ начала до конца и вижу, что все это вздоръ. Старый профессоръ нашъ, съ растрепаннымъ парикомъ, самъ ничего не смыслить. Я не хочу учиться, и посмотримъ, кто меня принудить глотать буквы. Самъ король сказалъ, что ученый только полу-человѣкъ; они запираютъ меня для того, чтобы сдѣлать изъ меня не человѣка, а собаку, которая будетъ имъ носить новоску. А я имъ докажу, что у меня есть своя воля. Если отецъ не отпуститъ, такъ я убѣгу!... Меня надо отдать къ дѣсничному: я хочу быть охотникомъ, скакать черезъ нивы и кочки за старымъ королемъ и кричать вивать! когда онъ убѣдетъ кабана. Всѣ твои французскія тѣтушки лопнули бы съ досады, когда бы увидѣли, что я вѣзжаю верхомъ въ Берлинъ, за его высочествомъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ серебряными галунами—этого-то онъ и не хотѣть!

Миѣ давно уже было извѣстно желаніе Готлиба сдѣлаться егеремъ. Но строгій отецъ указалъ ему на карету и сказалъ, что если онъ еще разъ осмѣлится только намѣкнуть объ этомъ, то онъ пожалуетъ его въ такіе егери, которые стоятъ за каретами, на запяткахъ. Папенька поставилъ себя закономъ дѣлать всегда противное тому, что дѣти вожелаютъ. Я убѣдительно просилъ Готлиба не имѣть такихъ дурныхъ мыслей и воротиться въ гимназію.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ и закрылъ лицо обѣими руками, какъ-бы въ раздумьи: я рѣшился не возвращаться болѣе туда.

— Готлибъ, братъ! вскричалъ я, и бросился къ нему на шею. Не дѣлай этого! Я буду просить маменьку, дяденьку-советника, чтобы они уговорили папеньку отдать тебя къ дѣсничному.

Онъ мрачно улыбнулся:—И ты думаешь, что это къ чему-нибудь послужитъ? Да, если бъ просили не обо миѣ.

— Ты сегодня спась меня, а этого во всю жизнь не забуду, продолжалъ я. Ради Бога, Готлибъ, милый братецъ, не уходи ртъ насъ!

Просьбы мои поколебали его рѣшимость.

— На долго ли это? сказалъ онъ. Вѣдь это только значитъ откладывать въ долгій ящикъ, потому что я ни за что не останусь. Они выведутъ меня изъ терѣвнїа, а жъ ямъ докажу кто я!... Я усталъ; спокойной ночи, братъ, кто знаетъ когда мы съ тобой опять увидимся!... Онъ утеръ слезу, подцѣловалъ меня и продолжалъ: Общій мнѣ, Фрицъ, что когда ты будешь знатнымъ бариницъ, то не станешь стыдиться брата своего и не разсердишься, если я назову тебя Фрицомъ. Знай, что если я тебя назову Эппеномъ, такъ это будетъ значить, что ты мнѣ ужъ не братъ!

Въ числѣ прочихъ именъ, меня при крещенїи назвали и Фридрихомъ, въ честь королю, но родственники меня никогда такъ не называли.

— Отправляйся-ка домой, продолжалъ братъ мой, да только не показывайся крестному отцу. Если тамъ ужъ узнали о твоей шалости, то спрячься за маменьку. И онъ удалился медленными шагами.

Между-тѣмъ наступила ночь. Шелъ освѣжительный дождь и вдали слышались перскаты грома, но несмотря на то, улицы были такъ же оживлены, военныя патрули маршировали по всѣмъ направленїямъ, окна во дворцѣ и въ большей части близъ лежащихъ домовъ были освѣщены. Надобно было наконецъ воротиться домой.

Я шелъ все медленно, тѣмъ ближе подходилъ къ дому. Съ каждымъ шагомъ сердце мое билось сильнее.... Къ стыду своему я долженъ признаться, что въ первыя минуты забылъ Готлиба и всѣ страданїа его, и помнилъ только слова его: «Если тамъ ужъ узнали о твоей шалости!»—Какъ не узнать! Адвокатъ, вѣроятно, побѣждалъ прямо къ папенькѣ съ отнятыми у меня шариками. Фрау Курцинна переслала жалобу, Масманъ рассказалъ все дѣло—а я не возвращался домой!

Наконецъ я подошелъ уже къ фонарю, возлѣ нашего дому. Вѣтеръ, предвѣщавшїй грозу, покачивалъ фонарь и свѣтъ отъ него перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто. Кто-то попадется мнѣ первый на встрѣчу? думалъ я. Вдругъ дверь

свернула и крестный отецъ вышелъ изъ дому. Фонарь свѣтилъ лицо его и въ маленькихъ, зеленыхъ глазахъ его ясно можно было прочесть, что ему что-то удалось... Кто теперь защититъ меня?..

Я схватился наконецъ за ручку и дрожащею рукою сталъ отворять дверь.... Притаивъ дыханіе и едва касаясь полу взошелъ я по лѣстницѣ.... Я надеялся, что никто не увидитъ меня, потому что въ домѣ нашемъ происходило что-то необыкновенное. Служанка мыла лѣстницу, слуга бѣгалъ въ хлоропотахъ, а въ залѣ папенька скоро ходилъ взадъ и впередъ: мнѣ были хорошо знакомы шаги его. Я посмотрѣлъ въ замочную скважину.... никогда еще не видалъ я отца своего такимъ сердитымъ. Закликутъ руки на спину и съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ гнѣву прохаживался онъ по комнатѣ. Маменька, въ болоннѣ и смущеннѣ, стояла у окна. Она, казалось, тицетно уговаривала его:

— Поговори сперва съ братцомъ, совѣтникомъ, сказала она.

— Что мнѣ совѣтникъ! Я господинъ въ домѣ и семействѣ своемъ и докажу это ему! отвѣчалъ отецъ.

— Несчастіе, постигшее всю Пруссію, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: должно бы сдѣлать насъ болѣе снисходительнымъ....

— Нѣтъ, madame, возразилъ папенька, топнувъ ногою, — только въ крайнихъ случаяхъ употреблялъ онъ съ маменькой слово *madame*: — нѣтъ, madame, хоть бы вся Пруссія просила меня за него! Никто не можетъ запретить честному отцу семейства исполнять свою обязанность!

— Никто.... повторила маменька со вздохомъ; если бы только она была здѣсь!

— Никто! продолжалъ отецъ, не разслышавъ словъ ея: ты можешь это сказать дорогимъ своимъ родственникамъ. Я отецъ, я наказываю его, я наказываю самого себя. Я не хочу, не могу и не долженъ быть болѣе снисходительнымъ.

— Баринъ, баринъ! шепнула мнѣ сверху служанка, увидѣвъ меня. Не ходите туда: тамъ вамъ плохо будетъ.

Съ испугомъ отскочилъ я отъ дверей и услышалъ еще, какъ папенька гнѣвно спросилъ:

— Гдѣ Этьенъ?

— Я схожу за нимъ, отвѣчала маменька и какъ-бы радуясь тому, что могла удалиться, скоро отворила дверь. Увидѣвъ меня, она не говоря ни слова схватила меня за руку и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ. Служанкѣ велѣла позвать старую няню Сусанну.

— Уложи его спать, сказала она по-французски: онъ не долженъ сегодня показываться на глаза къ отцу.

И такъ экзекуція моя была отложена. Камень свалился у меня съ сердца.

Старая Сусанна или Сюзаннъ, какъ се всѣ называли, принадлежала къ малому числу тѣхъ изъ нашей колоніи, которые родились еще во Франціи. Ей было уже около сорока лѣтъ, но воспоминанія обо всѣхъ ужасахъ гоненія, которому подверглись протестанты, были еще свѣжи въ ея памяти. Она любила о нихъ рассказывать и всѣ въ домѣ нашемъ слушали ее со вниманіемъ. Я былъ отданъ ей на руки; Готлиба она не любила, за то, что онъ называлъ ее старой вѣдьмой. Я очень былъ привязанъ къ старой нянѣ, не столько за ея попеченія обо мнѣ, сколько за множество чудныхъ сказокъ, которыя она мнѣ рассказывала.

Въ этотъ вечеръ, однако жъ, ей было не до сказокъ, когда она меня раздѣвала; меня самого болѣе занимала мысль о томъ, что будетъ со мною завтра и дрожа всѣмъ тѣломъ, я молчалъ.

— Да, баринъ, да, ты самъ дрожишь, говорила она: да и есть отчего. Что-то будетъ съ нами завтра! Семь хищныхъ птицъ за однимъ орломъ—ахъ, ты, Господи мой, плохо!

Слѣдовательно проступокъ мой былъ рассказанъ со всѣми подробностями, думалъ я.

— Они говорятъ, что это предвѣщаетъ войну, продолжала старуха: да, войну, но какую? Они погубили добраго короля нашего, любившаго протестантовъ.... опять придутъ езуиты.... и завтра, чуть свѣтъ, насъ всѣхъ выгонятъ! Что-то будетъ со старой Сюзаннъ!

Она плакала и ломала руки; я понялъ, что тутъ дѣло шло не о побояхъ, предстоявшихъ мнѣ, а о чемъ-то другомъ.

— Кто можетъ тебя выгнать? спросилъ я.

— Добрый протестантскій король, Фридрихъ Вильгельмъ, умеръ!... Въ праздникъ и будни ходилъ онъ въ церковь и терпѣть не могъ католиковъ. За это-то они его и отравили. О, мы, старые люди, понимаемъ всѣ эти проделки!

— Чтò же, прервалъ я ее: вѣдь у насъ будетъ молодой король?

— Такъ, но какой онъ король? Никогда въ реформатскую церковь не ходитъ; окруженъ католиками и получаетъ каждую недѣлю разныя книги изъ Парижа, этого безбожнаго города! Тамъ написано, что насъ надо опять обратиться въ католическую вѣру. Завтра, не позже какъ завтра, продадутъ насъ антихристу и будетъ «плачь и скрежетъ зубовъ»; въ мрачныхъ подземельяхъ будутъ ѣхать насъ и вороны, привлеченные запахомъ крови, будутъ биться крыльями о желѣзныя рѣшетки нашихъ темницъ!

Разказы старухи, самые удары грома и молнія, часто освѣщавшая темный уголъ комнаты, въ которомъ на печкѣ лежали три прута, служившіе отцу моему для исправленія Готлиба и меня, все это вмѣстѣ навело на меня неизъяснимый ужасъ. И такъ завтра получу я заслуженное наказаніе и сдѣлаюсь—католикомъ!... Усталость одержала наконецъ верхъ надъ страхомъ; но всю ночь разстроенному моему воображенію представлялись ужасающіе образы—щитка, католицизмъ, розги, черное мыло и адвокатъ Шляпаліусъ безпрестанно являлись мнѣ во снѣ....

Сусанна разбудила меня.

— Вставай, вставай, баринъ, они ужъ собираются. Сквернѣе, одѣвайся.... но ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ?

Несмотря на то, что она надѣла на меня голубую праздничную куртку, одинъ видъ которой могъ уже развеселить меня, я не переставалъ дрожать, и едва слышнымъ голосомъ произнесъ:

— Кто собирается?

— Родные.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ! на совѣщаніе!... Постой же, я тебя пригочешу!

Въ это время вошла служанка и сняла съ печки розги.

— Сегодня имъ будетъ дѣло! сказала она смѣясь, и я съ-

мать, какъ эта жестокосердая женщина, расцѣвляя, сходила по лѣстницѣ и какъ прутья ударили о перила.... Я задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Я всталъ половину молока, которое принесли мнѣ къ завтраку и не могъ проглотить ни кусочка хлѣба. Сусанна встала и повела меня съ собою. На первой же ступени ноги мои подкосились, я схватилъ няню за платье и умолялъ идти со мною.

— Стыдитесь, Этьеннъ, сказала она: ты ужъ большой мальчикъ: чѣмъ смѣяются родственники?

Какая мнѣ нужда была до родственниковъ? Я очень хорошо понималъ цѣль этого совѣщанія.... и это еще больше отталкивало меня отъ нихъ: Я готовъ былъ любить мать свою и уважать отца, но чѣмъ мнѣ было въ родственникахъ? Я всегда добродовольно, когда въ праздничные дни они приглашали насъ и сажали родителей моихъ на самое лучшее мѣсто и все это потому, что они были богаче насъ!...

Изъ залы слышался глухой говоръ: тамъ собрались они, разряженные и раздѣшенные, и все это для того, чтобы видѣть — какъ меня будутъ бить! Скрѣпя сердце, привинулся и черезъ нѣсколько ступеней и смѣло хотѣлъ войти въ залу, какъ вдругъ новое зрѣлище поразило меня. Въ соседней комнатѣ увидѣлъ я черезъ полурастворенную дѣверь двухъ высокыхъ солдатъ. Служанка подавала одному рюмку водки и онъ уцепилъ ее красную, полную щеку, между тѣмъ какъ другой пробовалъ гибки ли прутья... Я вспомнилъ, что отецъ неразъ грозилъ намъ, что если мы выведемъ его изъ терпѣннн, то онъ призоветъ унтеръ-офицера, чтобы наказать насъ!

Нѣтъ, нѣтъ не замѣченный вошелъ я въ залу. Все имѣло какой-то праздничный, торжественный видъ. Дамы, въ широкихъ платьяхъ и кавалеры, съ высокими напудренными париками, составляли самую пеструю, живую картину. Сначала каждый гость подходилъ къ маменькѣ, потомъ

шли между пришедшими поклоны, расшаркиваясь и смѣясь. И бы тогда уже посмѣялся надъ этой карикатурной картиной, если бы всѣ эти приготовления, на-

о смѣяться, когда слыши на Google

Около четверти часа прошло прежде, нежели все это волнующееся море причесокъ и перьевъ развѣстилось по стульямъ и диванамъ. Стали подавать шоколадъ и заставить меня, отецъ велѣлъ мнѣ обойти всѣхъ гостей и поцѣловать у каждой дамы ручку. Хотя это было въ порядкѣ вещей, но въ тотъ день это было болѣе нежели жестоко; потому что одна злоба привела къ намъ всю эту родню. Нечего было дѣлать, я сталъ подходить ко всѣмъ женщинамъ и при каждой костлявой или толстой рукѣ, которую подносили къ губамъ своимъ, повторялъ одно и тоже привѣтствіе:

— Bon jour, мы радуемся чести видѣть васъ въ нашемъ домѣ.

Только одна тѣтушка, жена совѣтника, погладила меня по щекѣ и сказала, чтобы я не болелъ. Шиппалусъ съ лукавой усмѣшкой погрозилъ мнѣ пальцомъ, когда взоры наши встрѣтились. Обида всѣхъ, я занялъ мѣсто между своими двоюродными братьями и сестрами. Тамъ сидѣла маленькая Стефанія, дочь совѣтницы, которую я любилъ болѣе другихъ и которую мать называла моей невѣстой. Я впоследствии узналъ, что тѣтушка дѣйствительно прочла ее мнѣ въ невѣсты; папенька называлъ это ребячествомъ, а маменька молчала. Для меня же въ то время лошадка была пріятнѣе всѣхъ невѣстъ на свѣтѣ; но теперь я не безъ намѣренія сѣлъ возлѣ Стефаніи и любезничалъ съ нею, надѣясь этимъ приобрести въ матери ея немаловажную заступницу.

Отецъ мой былъ спокойнѣе, нежели я могъ предполагать; сложивъ руки на спинѣ, стоялъ онъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня и я могъ разслушать разговоръ его съ совѣтникомъ.

— Напрасно хотите вы сдѣлать это гласнымъ, говорилъ совѣтникъ: вы только увеличите стыдъ, навлеченный на насъ этимъ происшествіемъ. Объ этомъ заговорятъ въ цѣломъ городѣ и всѣ будутъ меня спрашивать....

— Вы можете отвѣчать, прервалъ его отецъ мой: что я господинъ въ домѣ и начальникъ въ своемъ семействѣ.

— Все это прекрасно, любезный другъ, замѣтилъ дядя, тѣтено старавшійся шепотомъ своимъ принудить отца

умѣрять голосъ: — но все это можно было кончить безъ шуму и огласки.

— Нѣтъ! вскричалъ отецъ, и я видѣлъ, какъ на правой рукѣ его надулись жилы. Я хочу доказать этому негодяю, и всей роднѣ, и всему городу, и всему міру, что я не слабый отецъ, что я имѣю твердую волю и властенъ надъ своими дѣтьми. Я это докажу! Именно потому, что преступленіе всѣмъ извѣстно, я хочу чтобы всѣ знали и о примѣрномъ наказаніи. По-старинному, доброму, нѣмецкому обычаю пригласилъ я всѣхъ родныхъ, а кто не хочетъ быть свидѣтелемъ того что здѣсь будетъ происходить, тотъ можетъ воротиться домой.

Совѣтникъ покачалъ своею аккуратно и чистенько напудренною головою и продолжалъ нерѣшительно:

— Конечно, родные....

— Рады позору моему, вскричалъ отецъ.

— Прошу исключить мою семью, геръ инспекторъ.

— А ваши-то именно всѣ здѣсь на лицо, геръ совѣтникъ.

Адвокатъ оскалилъ зубы и съ удовольствіемъ понюхалъ табакъ; совѣтникъ притворился, что не разслышалъ послѣднихъ словъ папеньки и сталъ играть часовой цѣпочкой.

— Какъ время скоро идетъ. Въ двѣнадцать часовъ мнѣ надо быть въ коллегіи, сказалъ совѣтникъ.

— Къ тому времени все будетъ кончено, отвѣчалъ отецъ мой.

— Напрасно вы выбрали такой день....

— Одинъ день для меня такъ же важенъ, какъ и другой, вскричалъ папенька: никто и ничто не помѣшаетъ мнѣ исполнить долгъ свой; даже самъ новый король.... Не знаете ли вы, прибылъ ли онъ Рейнсберга?

— Конечно.

— Славное наступитъ времячко! сказалъ отецъ съ горькой усмѣшкой. Берлинъ нашъ сдѣлается магнитомъ для всѣхъ тунеядцевъ. Фокусники, плясуны и стихокропатели французскіе похадутъ въ тайные и дѣйствительные совѣтники, а честный Нѣмецъ будетъ низко кланяться и кромѣ насмѣшки ничего не получить. Солдаты будутъ распущены, потому что, говорятъ, молодой король въ во-

снвомъ дѣлѣ ничего не смысляютъ; академикъ будутъ переведены въ королевскій замокъ. Въ государственномъ советѣ будутъ давать концерты. Да, почтеннѣйшій, повѣрьте мнѣ, все это сбудется: король Фридрихъ Первый, блаженной памяти, положилъ начало процвѣтанію Пруссіи, а при Фридрихѣ Второмъ она погибнетъ въ стыдѣ и позорѣ!

— Вы сегодня въ ужасномъ раздраженіи, сказали съ ужасомъ совѣтникъ, осматриваясь, не подслушалъ ли кто рѣчей моего отца.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! отвѣчалъ отецъ мой. Иной смотритъ и въ черные очки, да прямо. У меня чтó на умѣ, то и на языкѣ. О, я знаю, многіе, которымъ прежняя строгость была не по-нутру, надѣются на восхождение новаго свѣтила; а я вамъ скажу, что все это вздоръ! Старинные обычаи, которые они называютъ предрасудками, будутъ уничтожены и мужики заговорятъ по-французски, потому что молодой король философъ!.... Мы живемъ въ бѣдной странѣ, въ которой одни солнечные лучи ничего не пронаведутъ. Тутъ надобно не апельсины и не виноградъ собирать, а сѣять хлѣбъ для насущнаго пропитанія; не плясать, не пѣть, не французскіе стихи кропать, а въ потѣ лица своего трудиться, обрабатывать землю, сѣять и пожинаать то, чѣмъ милости Господа Бога угодно будетъ надѣлать насъ!

— Помилуйте, дождитесь конца и тогда....

— Аминь! прервалъ его отецъ мой: хорошо, что я не молодъ, а потому не доживу до конца. Не нужны мнѣ ваши нововведенія, которыя вы называете улучшеніями. Я лучше останусь при старомъ!.... Домъ мой старъ, но въ немъ дубовыя двери и желѣзные засовы.

Разговоръ былъ прерванъ восклицаніемъ:

— Идетъ, идетъ, и съ любопытнымъ ожиданіемъ всѣ взоры устремились на дверь, за которою слышались чьи-то шаги.

— Кто идетъ? подумалъ я, и сердце мое забилося такъ сильно, что маленькая сосѣдка моя испугалась.

Дверь отворилась и Готлибъ, вмѣстѣ съ учителемъ гимназіи, вступилъ въ залу. Не знаю, кто былъ болѣе смущенъ, братъ мой или молодой учитель, который, какъ видно было, не охотно принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

Готлибъ утромъ смотрѣлъ въполь; все родные были чрезвычайно обижены тѣмъ, что онъ даже не принарядился и никому не поклонился. Настала жертва тишина, подобная той, какая бываетъ передъ грозой.

— Готлибъ! заговорилъ отецъ: откровенное признаніе можетъ смягчить наказаніе, тебя ожидающее.

— Вѣдь вы все знаете? отвѣчалъ дерзкій.

— Не хочешь?

Братъ мой не успѣлъ еще отвѣчать, какъ учитель сталъ утверждать, что Готлибъ нынче утромъ передъ собраниемъ учителей во всемъ признался; и вслѣдъ затѣмъ молодой человѣкъ рассказалъ все дѣло. — Такъ ли? спрашивала мэрѣдка папешка и когда Готлибъ отвѣчалъ утвердительно; то учителя продолжали. Вотъ въ чемъ состояло дѣло:

Лживость, неблагодарность и дерзость Готлиба со дня на день увеличивались, и наконецъ онъ поцѣлывалъ дьяка провадѣвъ изъ гимназій и шатался во улицахъ; разбрасывалъ товарищамъ своихъ. Однажды, проходя по узенькой и грязной улицѣ одного предместья увидѣли они великолѣпную, новую карету. Прохожіе съ удивленіемъ садились глазами за этихъ рѣдкихъ явленіемъ, когда по несчастію, хозяйка этого экипажа; изъ любопытства выглянула изъ кареты... Это была молодая жидовка. Въ то же мгновеніе вѣсть эта разнеслась по всей улицѣ и толпа съ ругательствами и свѣжомъ бѣжала за каретой. На рынкѣ было столько народу, что лошадей не было провѣду. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ и раздраженная тѣмъ; что не встрѣчала никакого сопротивленія, чернь стала требовать, чтобы бѣдная жидовка, сидѣвшая одна; опустила стекло и показала народу. Такъ какъ требованіе это не было выполнено, то кочерыжки полезли въ карету; кучера и лошадей. Наконецъ молодой человѣкъ подосадила въ карету; открылъ и насильно выгналъ молодую дѣвушку, лишившуюся чувствъ; ничто не могло смягчить бѣшеной черни; ни красота, ни великолѣпный нарядъ, ни боязнь, выразившаяся въ прекрасныхъ, черныхъ глазахъ. Все смѣлились, кричали, указывали пальцами на бѣдную жертву!

— Вонъ ее! вонъ ее! На мостовую! Научите ее пѣшкомъ ходить! — Эти жидовскія твари издумали въ каретѣхъ развѣзжать! — кричала толпа, и бѣдная жидовка по-

страдала бы отъ народной ненависти, если бы не явился защитникъ. Это былъ братъ жой, Готлибъ. Неизвѣстно, что заставило его вступить на жидовку, красота ли ея или другая причина. Онъ никому не хотѣлъ признаться въ томъ, говоря будто бы единственная причина была та, что молодой человѣкъ, вытщившій ее изъ кареты былъ изъ монастырской гимназін, съ которою іохимталевскіе гимназисты были въ враждебныхъ отношеніяхъ.

— Неужели мы позволимъ, чтобы эта монастырская крыса передъ нами важничала! закричалъ Готлибъ товарищамъ, и тотчасъ же спросилъ грозно противника своего: кто ему далъ право отворить дверцы?—Тотъ отвѣчалъ ему другимъ вопросомъ, а именно: кто далъ ему право вступаться за жидовку? Это было только начало спора, не ограничившагося одними словами. Началась драка, во время которой жидовка успѣла сѣсть въ карету и уѣхать. Вскорѣ полиція вмѣшалась въ это дѣло, Готлибъ былъ схваченъ и отведенъ на гауптвахту.

— За жидовку! раздалось между родственниками нашими, когда учитель кончилъ рассказъ свой.

— Негоднѣй мальчишка! вскричалъ отецъ съ негодованіемъ. Какое тебѣ было дѣло до жидовки? Мало того, что ты причиняешь родителямъ своимъ столько огорченій, еще въ-добавокъ срамишь ихъ!

— Мнѣ что за дѣло, что она жидовка; я бы для другой то же сдѣлалъ, отвѣчалъ Готлибъ мрачно: мнѣ всё-равно!

— Всё-равно! повторили присутствовавшіе и съ ужасомъ посмотрѣли на дерзкаго.

— Готлибъ, милѣй Готлибъ, подумай, что ты говоришь: сказалъ папѣнька шойотомъ, схвативъ брата моего за грудь. Отецъ мой дрожалъ и произнесъ слова эти какъ-бы невольно, между-тѣмъ какъ въ то же время слеза покатилась по щеиъ его.

Готлибъ не видѣлъ слезы и не разслышалъ просьбы отца. Онъ глядѣлъ въ это время на одну изъ кузинъ, разряженную куклку, которая, улыбаясь и указывая на Готлиба пальцемъ, шептала что-то сосѣдкѣ своей на-ухо.

— Нѣтъ, не всё-равно! вскричалъ онъ. За такую жеманную дѣвчонку, которая не отвѣчаетъ на поклонъ мой, которая стѣблется меня, потому что на мнѣ сюртукъ изъ

грубаго сукна, я не вступился бы, хоть бы она была красавица, богата и притомъ моя кузина!

— Готлибъ, Готлибъ! вскричали нѣкоторые, покачивая головами.

— Хоть бы она десять тысячъ разъ была моя кузина и говорила бы по-французски, такъ я бы пальцемъ не пошевелинулъ для нея!

Всѣ съ ужасомъ отворетались. Отецъ едва удерживалъ гнѣвъ свой.

— Подумай, несчастный, сказалъ учитель: передъ кѣмъ ты говоришь? Эти благородныя дамы и дѣвицы....

— Зачѣмъ онѣ пришли сюда? прервалъ его Готлибъ.

— Милый, милый Готлибъ, шепнулъ я ему умоляющимъ голосомъ.

— Эти благородныя дамы, продолжалъ учитель, краснѣютъ за тебя!

— А мнѣ что за дѣло! закричалъ Готлибъ. Если онѣ краснѣютъ отъ стыда, такъ пусть поблѣднѣютъ отъ злости, когда я скажу имъ, что жидовка лучше ихъ всѣхъ и что когда она взглянетъ своими черными глазами, то я готовъ бы за нее бросится въ огонь. Простая жидовка лучше и добрѣе всѣхъ берлинскихъ барышень, потому что она не пришла бы сюда, чтобы смотрѣть, какъ меня будутъ бить; нѣтъ, она не сдѣлала бы этого! Я лучше соглашусь сдѣлаться жидомъ, нежели полюбить одну изъ этихъ жеманныхъ дѣвчонокъ, у которыхъ нѣтъ ни сердца, ни души.

Твердость и рѣшительность, съ которыми Готлибъ произнесъ эти слова, поразили всѣхъ изумленіемъ. Только маменька, питавшая непреодолимое отвращеніе къ жидомъ, невольно вскрикнула.

Отецъ бросилъ на нее недовольный взглядъ и въ то же мгновеніе ударилъ Готлиба въ щеку; онъ пошатнулся, папенька схватилъ его за грудь и громко вскрикнулъ:

— Проси прощенія! Видишь ли, какъ ты огорчилъ мать свою!

— Ради Бога, просила маменька, не мѣшайте меня въ это дѣло! Я васъ болѣе ни о чемъ не прошу.

Французскіе родственники посмотрѣли на отца моего и

онъ понялъ, что нельзя было отказать. Онъ указалъ брату моему на блѣдную жену свою и сказалъ:

— Смотри, что ты надѣлалъ. Сколько разъ эта бѣдная женщина заступалась за тебя, и за добро ты платишь ей зломъ! Сколько слезъ пролила она за тебя....

— Да она не мать моя, прервалъ Готлибъ.

Это было дурно! Папенька поблѣднѣлъ, и далъ полную свободу своему гнѣву:

— Негодяй! Нѣтъ, она тебѣ болѣе нежели мать. Она имѣла право требовать, чтобы я выгналъ тебя, чтобы я заставилъ тебя работать на дворѣ, а между-тѣмъ этотъ ангелъ заступался за тебя, обходился съ тобою какъ съ сыномъ....

— Какъ съ собакой, заворчалъ Готлибъ.

— Негодяй! закричалъ папенька и сжалъ кулаки. Голосъ его дрожалъ.

— Зачѣмъ вы не оставили меня у *моей* матери? продолжалъ Готлибъ: она можетъ-быть и простая женщина, но она вѣрно любила бы меня болѣе и тогда бы все было иначе!

Судорожно схватилъ папенька его за грудь, сжалъ кулакъ... выраженіе лица его было ужасно! Всѣ мужчины, исключая адвоката, сидѣвшаго на окнѣ и не прѣставлявшаго улыбаться, бросились къ папенькѣ и остановили его:

— Ради Бога! пощадите себя и всѣхъ родныхъ!

Отецъ опомнился, опустился въ кресла и подалъ учителю знакъ, чтобы онъ продолжалъ. Вотъ въ чемъ состояло второе обвиненіе:

Я уже говорилъ о враждѣ, существовавшей между двумя гимназіями. За обиду, причиненную монастырскому гимназисту, всѣ товарищи его рѣшились мстить и нѣсколько дней спустя двѣ многочисленныя партіи встрѣтились за городомъ. Завязалась страшная драка и никто не замѣтилъ какъ подошла къ нимъ стража и стала ловить одного за другимъ. Съ сверкающими глазами посмотрѣлъ Готлибъ на двухъ товарищей своихъ. Они поняли взглядъ его, отвѣчали утвердительно, и въ то же мгновеніе бросились на полицейскихъ служителей. Готлибъ ударилъ одного концемъ палки по лицу, такъ что тотъ отшатнул-

см. Увидѣвъ кровь и испугавшись того, что сдѣлалъ, Готлибъ рѣшился спастись бѣгствомъ и съ некоторыми товарищами пробѣжалъ сивозъ окружающую ихъ стражу; наступавшая темнота помогла имъ скрыться, и, приближаясь въ городъ, Готлибъ успѣлъ еще высвободить меня изъ рукъ Масмана.

— Сопротивленіе и оскорбленіе полиціи! вскричалъ дядя-совѣтникъ, всплеснувъ руками.

— За это надобно возматиться! проворчалъ Шлиппаліусъ, и похлопалъ еще табаку.

— Онъ срамитъ и позоритъ насъ! — Имя наше будетъ вписано въ полицейскія книги! — За жидовку причиняетъ онъ столько горя родителямъ своимъ! — восклицали присутствовавшіе.

Медленно и съ выраженіемъ холодной твердости на лицѣ всталъ папенька.

— Не отопрешься ли ты? спросилъ онъ.

— Все вѣрно, возразилъ Готлибъ.

— Ты былъ зачинщикомъ?

Готлибъ подумалъ съ минуту, потомъ отрицательно покачалъ головой.

— Они подговорили тебя? продолжалъ отецъ и приблизился на шагъ. Грудь его высоко подымалась. Онъ опять сдѣлался отцомъ, а не судьей: онъ надѣлся.

Но Готлибъ засмѣялся. О, зачѣмъ онъ смѣялся!

— Зачѣмъ же ты былъ предводителемъ ихъ?

— Я не могъ же оставить ихъ однихъ, отвѣчалъ Готлибъ съ гордостью: я старшій въ этомъ классѣ.

— Онъ говоритъ такъ рѣшительно, сказалъ совѣтникъ, что, кажется, готовъ опять сдѣлать то же.

— Сто разъ! вскричалъ Готлибъ. Я былъ бы негодяй, если бъ отсталъ отъ своихъ!

— А полиціи! вскричалъ съ ужасомъ совѣтникъ. Онъ какъ-бы умолялъ Готлиба взвѣшивать слова свои: а родные твои!

— Не хочу знать родныхъ. Они сами никогда меня знать не хотѣли.

— Ты же будешь ихъ знать! вскричалъ отецъ. Слушай! Ты причинилъ мнѣ много горя съ самыми тѣми

портъ, какъ вынесла изъ колыбели. Я былъ строгъ, какъ честному отцу слѣдуетъ быть; меня ты не можешь обвинить въ томъ, что слѣдовалъ дурнымъ человекомъ: я тебѣ никогда ничего не прощалъ. Я никогда не исполнялъ ни малѣйшаго твоего желанія. Рука моя уставала прежде спины твоей, и такъ не обвиняй меня, Готлибъ, въ слабости. Ты не хотѣлъ и не хочешь понять, какъ эта добродѣтельная женщина, нѣмая право выгнать тебя изъ дому, берегла, лелѣла и воспитывала тебя какъ роднаго сына. Ты оплатилъ ей ужасною неблагодарностью. Знаешь ли ты, сколько ты мнѣ уже стоилъ? знаешь ли ты, сколько огорченій причинило мнѣ твое дурное поведеніе? знаешь ли, сколько безпокойныхъ вечеровъ проводилъ я ожидая тебя, и сколько ночей не могъ сомкнуть глазъ, когда тебя приводили домой какъ преступника? Готлибъ, тѣ оторченія, которыя ты причинилъ отцу и матери, тяжело горю лягутъ нѣкогда на твоей могилѣ! Но это были одніе ребяческія шалости. Теперь же ты пошелъ по дорогѣ, которая ведетъ прямо на висѣлицу. Не думай, что ты отдѣлаешься этими выговорами; нѣтъ! я хочу, чтобы ты никогда не могъ сказать, что я былъ снисходителемъ къ тебѣ. Но какъ отецъ, я желаю чтобы ты самъ понялъ преступленія свои и поблагодарилъ меня за наказаніе. Прежде чѣмъ я рѣшусь выгнать тебя, я даю тебѣ время раскаяться. За тебя просили—савишишь? за тебя просили!.... Подыми голову. Посмотри на почтенныхъ родственниковъ, которыхъ ты еще и теперь такъ жестоко оскорбилъ: посмотри на нихъ и упади на колѣни! ползай отъ одного къ другому и проси каждого, чтобы тебѣ подали руку, чтобы ты могъ поцѣловать ее и умолять о прощеніи.

Слезы выступили на глазахъ у Готлиба. Онъ поднялъ глаза, осмотрѣлся и скоро отеръ слезы. Колѣни его задрожали, но это продолжалось одну секунду и онъ опять выпрямился и не трогался.

— На колѣни, негодяй, и проси прощенія!

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Готлибъ! въ первый и послѣдній разъ просить тебя отецъ твой.... Голосъ его дрожалъ.

— Не хочу.

Совѣтникъ схватилъ шлангу и трость, поцѣлъ цаненкъ

руку, слегка поклонился дамамъ и скоро вышелъ изъ комнаты. Это былъ приговоръ Готлиба. Пощады уже было нечего ждать. Дядя самый добрый человекъ изъ всей нашей фамилии.

Я ожидалъ, что принесутъ прутья, но вмѣсто того Готлиба вывели. Настала мертвая тишина.... панейка отошла къ окну, и приложилъ горящее лицо къ стеклу..... Тётушки махали онахалами.... никто не говорилъ ни слова, и между-тѣмъ, какъ ужасенъ былъ разговоръ, слышавшійся изъ другой комнаты!....

— Долго ли это продолжится? спрашивали съ нѣкоторымъ участіемъ нѣсколько родственниковъ; Стефанія со страхомъ прижалась ко мнѣ, а адвокатъ бормоталъ сквозь зубы:

— Крѣпокъ! еще не вынулъ!

Вдругъ несчастный братъ мой, перешедшій уже въ руки втораго мучителя, невольно и страшно вскрикнулъ. Тётушка-собрѣтница вскочила съ дивана и схватила панейку за руку:

— Ради Бога, любезный братъ, прикажите имъ перестать!

Не выслушавъ уже отвѣта панейки, молодой учитель бросился изъ комнаты и воротился съ Готлибомъ. Одна щека несчастнаго была въ крови—во взглядѣ его было еще болѣе прежняго дикости и упрямства. Онъ отряхнулся, но лицо его не выражало ни малѣйшаго страданія.

— Будешь ли теперь просить прощенія?

На всѣхъ лицахъ выражалось болезненное ожиданіе.... судорожно сжавъ руки и удерживая дыханіе ожидалъ отецъ отвѣта. Готлибъ провелъ лѣвою рукою по синиѣ, осмотрѣлся и грубымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Не кочу.

Холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу моему; всѣ, не исключая даже адвоката, вздрогнули.... одинъ панейка остался спокойнымъ. Онъ всталъ и, казалось, отецъ совершенно уступилъ мѣсто судья. Не говоря ни слова, сдѣлалъ онъ знакъ рукою. Тётушка опять подбѣжала къ нему и вскричала:

— Боже мой, да вы убьете его!

... Еще разъ растворилась дверь и вошли высокія унтеръ-

офицеры. У нихъ не было ни палокъ, ни прутьевъ, только у одного въ рукахъ была синяя куртка съ красными выпушками. Не говоря ни слова унтеръ-офицеръ подошелъ къ Готлибу и смѣрилъ ростъ его.

— Годится! сказалъ онъ и отступилъ опять къ дверямъ.

Одно это слово рѣшило судьбу Готлиба: онъ уже не принадлежалъ къ нашей семьѣ!

Отецъ подалъ знакъ унтеръ-офицерамъ; они развернули мундиръ.

— Смотри, негодный, смотри! Тебѣ не нравится домъ отца твоего, такъ я прискалъ тебѣ другой!... Еще три шага, Готлибъ, и ты исключенъ изъ семьи нашей. Тогда тебя никто ни о чемъ просить не будетъ, никто не прольетъ ни одной слезинки о тебѣ, я не буду ждать тебя вечеромъ, я буду спокойно спать, имя твое будетъ вычеркнуто изъ домашней библии, въ день рожденія твоего мы будемъ поститься. Иди же, иди скорѣй!...

Готлибъ не трогался съ мѣста и не говорилъ ни слова, но на лицѣ его ясно было написано: не хочу!

— Онъ не хочетъ идти, такъ принудите его!

Унтеръ-офицеры схватили его за воротникъ. Еще разъ посмотрѣвъ на него папенька; во взорѣ его было еще ожиданіе, послѣдній слабый отблескъ надежды... но и позднее раскаяніе не приходило! Тогда отецъ опять отвернулся къ окну; съ Готлиба сорвали куртку, и стали надѣвать на него мундиръ, который былъ ему не въ пору, но Готлибъ самъ помогъ унтеръ-офицерамъ и, сдѣлавъ сильное движеніе обѣими руками, натянулъ на себя мундиръ. Его застегнули и Готлибъ былъ — солдатъ!... Дамы отвернулись. Стефанія опустила голову ко мнѣ на грудь и мы оба горько плакали!...

Холоднымъ, глухимъ голосомъ, какъ-бы выходящимъ изъ могилы, заговорилъ отецъ:

— Вотъ до чего ты дошелъ..., но ты пойдешь еще далѣе. Ты выгнанъ изъ моего дому, исключенъ изъ семьи. Теперь начальникъ твой — Фельдфебель. О, мы скоро услышимъ о тебѣ!... Теперь ты можешь убивать время, грѣться на солнышкѣ, дразнить мирныхъ гражданъ и оскорблять почтенныхъ женщинъ. Теперь ты можешь драться

сколько угодно въ корчмахъ и водиться съ распутными тварями. Чтобы добыть денегъ и быть обманутымъ, ты будешь обманывать. Отъ обмана къ воровству одинъ шагъ. Подъ фухтелями будешь ты вспоминать объ отцовскихъ наказаніяхъ. О, если бъ я тебя больнѣе наказывалъ.... если бъ.... тогда не дошло бы до этого! Но ты пойдешь дальше, выше... прямой дорогой къ висѣлицѣ!.... Когда тебя будутъ гнать сквозь строй, когда земля подъ ногами твоими будетъ горѣть, когда кровь будетъ течь ручьями со спины твоей, когда мясо будетъ висѣть клочьями, тогда вспомни....

Громкое восклицаніе женщинъ прервало отца. Маменька, не пролившая доселѣ ни одной слезы, блѣдная и неподвижная, упала въ обморокъ. Шумъ, суматоха. Старались привести ея чувства, требовали воды. Отецъ ничего не дѣлалъ, онъ уженичго не могъ дѣлать; послѣднія силы измѣнили ему. Вперивъ взоръ на Готлиба, блѣдный, опустился онъ на стулъ....

Еще во время суматохи адвокатъ созвалъ слугъ. Онъ указалъ имъ на блуднаго сына и сказалъ, что онъ не принадлежитъ уже къ семьѣ, что онъ не смѣетъ переступить черезъ порогъ этого дому, что никто не смѣетъ не только впустить его, но даже принять отъ него какое бы то ни было препорученіе. И съ особеннымъ удовольствіемъ прибавилъ онъ, что кто не будетъ повиноваться этому, того немедленно прогонять.

Слуги слушали въ боязливомъ молчаніи. Готлибъ все еще стоялъ посреди комнаты, но съ-тѣхъ-поръ какъ на немъ былъ мундиръ, вся наружность его измѣнилась. Миѣ казалось, что онъ даже выросъ. Вытянувшись и руки по швамъ, стоялъ онъ какъ старшій служака и смѣло смотрѣлъ отцу въ глаза.... Отецъ не могъ смотрѣть на него....

Служанка должна была дать Готлибу кусокъ хлѣба.

— Это прощальный и послѣдній хлѣбъ изъ дому родительскаго, сказалъ адвокатъ.... И приказалъ ему бросить послѣдній взглядъ на стѣны, въ которыхъ онъ родился и былъ воспитанъ. Готлибъ посмотрѣлъ на стѣны, но ни на кого изъ присутствовавшихъ. Еще слеза выступила на глазахъ его....

— Налѣво кру́гомъ — маршъ! — командовалъ унтеръ-

офицеръ, и.... Готлибъ навсегда вышелъ изъ родительскаго дому!

Отецъ мой попросилъ адвоката поблагодарить за него всѣхъ родныхъ за ихъ вниманіе и участіе. Онъ всталъ.... низко, низко поклонился гостямъ, но не говорилъ ни слова и вышелъ изъ комнаты....

Это ужасное утро произвело на меня сильное впечатлѣніе. Съ этого дня я не могъ ни любить, ни уважать отца моего. Я повиновался изъ страху и изъ любви къ ма-гушкѣ.

Онъ заперся на цѣлый день въ своей комнатѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и ничего не ѣлъ—и съ тѣхъ-поръ никогда улыбка не появлялась на лицѣ его; глаза его были мрачны и неподвижны, какъ глаза человѣка, страдаемаго болѣзнію и скрывающаго свои страданія. Всѣ избѣгали встрѣчи съ нимъ и за обѣдомъ не говорили ни слова.

О бѣдномъ изгнанномъ не было никакого слуху. Только Шиппаліусъ иногда упоминалъ о немъ и то, кажется, для того, чтобы сердить папеньку — ему непремѣнно надобно было сердить кого-нибудь. Отъ одного изъ товарищей своихъ узналъ я, что во время ученія, Готлиба наказали фухтелями и что одинъ капралъ сказалъ про него шути, что онъ «продувной мошеникъ».

Я забылъ рассказать одно происшествіе, хотя незначительное по себѣ, но находящееся въ тѣсной связи съ исторіей моей жизни. Въ этомъ происшествіи есть что-то таинственное.

Родители послали меня съ какимъ-то порученіемъ къ фрау Курцниѣ. Она едва успѣла спросить меня, что мнѣ нужно, какъ на улицѣ, почти у самыхъ стеклянныхъ дверей ея лавки раздался бой барабана и вслѣдъ затѣмъ что-то прочли вслухъ. Содержаніе этой прокламаціи было слѣдующее: новый король объявлялъ, что уплачивая долги отца своего, покойнаго короля, онъ не намѣренъ платить долговъ, слѣданныхъ имъ самимъ при жизни и безъ согласія отца. Всѣмъ было извѣстно, что это только форма, которою онъ хотѣлъ предостеречь ростовщиковъ и спекуляторовъ, чтобы они не забывали настоящаго монарха, въ надеждѣ на будущаго, между тѣмъ какъ втайнѣ онъ уже

удовлетворилъ всѣхъ кредиторовъ своихъ. Этотъ великій примѣръ, для котораго Фридрихъ не побоялся выставить собственную честь свою въ невыгодномъ свѣтъ, не подействовалъ однако жъ на народъ.

— Онъ не хочетъ развязывать кошелька, говорили берлинскіе уличные остряки: это и мы ужъ емъ, хоть мы и не короли!

— Не пробуй—ка нашъ братъ обнародовать такую прокламацію: какъ—разъ въ тюрьму посадить!

Я былъ еще въ лавкѣ, когда туда вошелъ Шлипаліусъ; улыбаясь налилъ онъ себѣ рюмку водки и, ударяя по крышкѣ табакерки своей, сказалъ:

— Эта новость заставитъ многихъ поморщиться! Любопытно знать, какой оборотъ примутъ дѣла маркиза при дворѣ; онъ сейчасъ пріѣхалъ....

— Удержи языкъ свой: развѣ ты не видишь инспекторскаго сына, сказала жена, указавъ на меня; тогда супрутъ ея кивнулъ мнѣ ласково головою и погладилъ по головѣ.

— Я думаю, ты крѣпко испугался, когда брата наказывали? сказалъ онъ: успокойся, успокойся.... дай ему кусочекъ ячменнаго сахару на дорогу, продолжалъ онъ, обратившись къ женѣ своей.

— Вотъ еще! вскричала она, отламывая однако жъ сахаръ. Онъ скоро самъ будетъ такой же негодяй, какъ почтенный его братецъ.

Несмотря на то, я получилъ сахаръ и адвокатъ очень ласково проводилъ меня, приказавъ кланяться дома. Что это значило? Какая причина и цѣль вѣжливости адвоката? Долго думалъ я и рѣшился наконецъ причислить и это обстоятельство ко многимъ другимъ, которыхъ я не понималъ.

Возвратившись домой, я встрѣтилъ старую Сусанну. Она схватила меня за руку.

— Баринъ! баринъ! не шуми, господинъ маркизъ тамъ! Саша фуражку, Этьенъ: онъ сейчасъ сюда сойдетъ. Какъ у тебя галстухъ худо повязанъ! скорѣй, скорѣй!

Ничто въ родѣ почтительнаго страху овладѣло мною при этомъ извѣстіи. Маркизъ тамъ! Но кто этотъ маркизъ? Человекъ, которому всѣ въ домѣ нищемъ, не ис-

ключая даже батюшки, оказывали глубочайшее почтение, котораго звали не иначе какъ маркизомъ или просто monsieur и который всегда являлся въ красномъ французскомъ кафтанѣ и безъ шаги. Я однажды спросилъ отца, отчего у маркиза нѣтъ шаги, когда всѣ знатные люди носятъ шаги и получилъ въ отвѣтъ—пощечину. Дядюшка-совѣтникъ при этомъ самомъ вопросѣ ущипнулъ меня слегка за ухо и сказалъ:—Много будешь знать, скоро состарѣешься.

Несмотря на то, что свѣдѣнія мои о таинственномъ маркизѣ были такъ ограничены, кровь моя волновалась, когда мнѣ говорили: ~~Онъ~~ пріѣхалъ! Впрочемъ и было отчего. Во всемъ домѣ было тогда необыкновенное движеніе: его принимали у подъѣзда и провожали до подъѣзда; Сусанна казалась двадцатью годами моложе, а папенька надѣвалъ праздничный парикъ. Посѣщенія маркиза были не часты и не продолжительны; но всякій разъ онъ раздавалъ подарки. Сколько фарфоровыхъ, хрустальныхъ и серебряныхъ вещей берегли у насъ какъ святыню, потому что это были подарки маркиза. Розовое атласное платье маменьки, съ серебряными украшеніями на фишкахъ, было подарено маркизомъ; золотые часы съ репетиціей подарилъ папенькѣ маркизъ; жемчужное ожерелье, которое показывали намъ въ праздничные дни, было дано тоже маркизомъ. Но никто не говорилъ мнѣ, зачѣмъ маркизъ дарилъ намъ всѣ эти драгоценныя вещи. Съ перваго взгляду на маркиза никакъ нельзя было узнать, что онъ такъ богатъ, однако жъ, видно, у него было много денегъ: иначе слуги не кланялись бы ему такъ низко.

Если бы онъ пріѣхалъ прежде, то прибытіе его могло бы, можетъ-быть, имѣть благотворное вліяніе на судьбу бѣднаго Готлиба.

Я не смѣлъ войти въ гостиную, гдѣ маркизъ скорыми шагами прохаживался взадъ и впередъ, а Сусанна не позволяла мнѣ подслушивать у дверей. Онъ, казалось, былъ въ сильномъ волненіи и когда, провожаемый родителями моими, вышелъ на лѣстницу, то я могъ еще разслышать послѣднія слова, которыя онъ произносилъ, съ живостию размахивая руками:

— Онъ не хочетъ платить долговъ, не хочетъ! Вы са-

ми слышали. Съ барабаннымъ боемъ провозгласилъ онъ объ этомъ, а при звукахъ трубъ и литавръ ему прокричать: ты долженъ! Онъ обнародовалъ, что не будетъ платить ихъ. Отцовскіе же долги всѣ будутъ уплачены, провозгласилъ онъ, а между-тѣмъ никому не платить! За чѣмъ онъ такъ поступилъ? Затѣмъ, что думалъ, что у отца долговъ нѣтъ. Нѣтъ долговъ?... Да пусть онъ положить на вѣсы все королевство свое съ одной стороны, и требованія мои съ другой, такъ посмотримъ, на чьей будетъ перевѣсъ! Если онъ не хочетъ платить долговъ отца, такъ не долженъ носить корону!...

Родители мои почтительно слушали, но ничего не отвѣчали. Маркизь хотѣлъ продолжать, но отецъ мой замѣтилъ ему, что за дверьми могъ стоять кто-нибудь, понимающій по-французски. Онъ тотчасъ замолчалъ и маменька воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы представить ему меня.

Видъ мой какъ-будто бы тронулъ его. Онъ хотѣлъ поднять меня, но я былъ слишкомъ тяжелъ; только тогда замѣтилъ я, что онъ былъ не высокъ ростомъ, слабаго сложенія, и имѣлъ на спинѣ небольшую неровность.

— Какъ онъ выросъ! сказалъ онъ, глядя меня по головѣ длинными, бѣлыми пальцами, на которыхъ блестяшія перстни съ драгоценными каменьями. Миѣ даже показалось, что на глазахъ его выступили слезы.—Чувствуетъ ли онъ особенное расположенію къ какому-нибудь званію или роду занятій?

Маменька хотѣла-было сказать, что миѣ очень хочется быть офицеромъ на лошади, но папенька скоро перебилъ ее, сказавъ:

— Онъ не смѣетъ еще объ этомъ думать.

— Прилежно ли онъ учится?

— Ему не позволяютъ лѣниться, отвѣчалъ отецъ.

— Ему надобно учиться по-италіянски, продолжать маркизь. По-италіянски! непременно. Италіянскій языкъ исполненъ мелодіи, звучности, гармоніи, полноты, нѣжности и силы, мягкости и твердости! Таковъ долженъ быть характеръ мужчины! А проросъ, съ характеромъ ли онъ? Родители мои не успѣли еще отвѣчать, какъ онъ,

придерживаясь за перилы, сбѣжалъ уже съ лѣстницы. Мы едва могли слѣдовать за нимъ.

— Даютъ ли тебѣ карманныя деньги? спросилъ онъ меня, забывъ уже прежній вопросъ свой.

Папенькѣ было очень непріятно, что я сказалъ:—Нѣтъ; а потому онъ прибавилъ:— Онъ получаетъ все, что ему нужно.

— Иногда надобно имѣть болѣе этого, сказалъ маркизъ и вынулъ изъ кармана пять талеровъ и сардинскій червонецъ.— Въ слѣдующій разъ, прибавилъ онъ, когда ты будешь знать по-италіянски, то получишь пять испанскихъ дублоновъ и португальскій червонецъ. Что тебѣ еще нужно?

— Шпагу! вскричалъ я, обрадовавшись случаю открыть тайное желаніе мое.

— Кривую? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, прямую, отвѣчалъ я.

Боже мой, что я надѣлалъ!

— Этому не бывать! закричалъ маркизъ, сталъ бранить папеньку, что онъ меня худо воспитываетъ и почти заплакалъ отъ досады. Насилу удалось маменькѣ успокоить его тѣмъ, что я еще ребенокъ, и самъ не знаю что говорю. Гнѣвъ его скоро прошелъ; онъ отеръ слезы и смотря на меня ласково, сказалъ:

— Тебѣ, бѣдняжка, нельзя носить прямой шпаги, потому что ты не дворянинъ. Не плачь, не плачь; попроси меня о чемъ-нибудь другомъ.

О чемъ мнѣ было болѣе просить! Чтобы меня не наказывали? Тогда-то бы мнѣ и досталось! И такъ я ни о чемъ не просилъ. Маркизъ поцѣловалъ сначала меня, а потомъ торжественно маменьку въ бѣлый, прекрасный лобъ ея. Папенька поклонился очень низко. Сусанна схватила полу краснаго кафтана, поцѣловала ее, наклонившись чуть не до земли и сказала:

— Dieu vous bénisse, monsieur le Marquis.

И такъ я долженъ былъ учиться италіянскому языку. Зачѣмъ? Такъ угодно было маркизу. Ни мать моя, ни отецъ, никто изъ всей фамилии не зналъ по-италіянски, и врядъ-ли во всемъ Берлинѣ можно было въ 1740 году найти десять человекъ, которымъ этотъ языкъ былъ

знакомъ. Въ самыхъ учителяхъ былъ такой недостатокъ что для меня должны были нанять отставнаго солдата изъ Ломбардіи, великана, служившаго въ лейбъ-гвардіи покойнаго короля. Этотъ челоѣкъ, по природѣ своей, былъ всегда и всѣмъ недоволенъ. Будучи еще на службѣ, онъ клялся каждый день, что убѣжитъ, а когда молодой король далъ ему отставку, онъ былъ очень недоволенъ; ни одного часу не хотѣлъ онъ оставаться въ холодной и безплодной странѣ, а теперь, когда у него были и средства и возможность воротиться въ Миланъ, онъ остался въ Берлинѣ и завелъ кондитерскую. Въ іюлѣ жаловался онъ на холодъ, а въ январѣ прогуливался въ тонкихъ лѣтнихъ панталонахъ и шелковыхъ чулкахъ. Онъ все зналъ лучше другихъ, все могъ сдѣлать лучше другихъ и съ италіанскою живостію и самоувѣренностью безостановочно рассуждалъ по нѣсколько часовъ объ одномъ и томъ же предметѣ, разлагалъ его на мельчайшія части, спорилъ, шумѣлъ и подъ конецъ все-таки ничего не доказывалъ.

Несмотря на то, онъ имѣлъ на меня значительное вліяніе. Если я выучился по-италіански, то болѣе обязанъ случаю и Провидѣнію, нежели моему учителю, который во время уроковъ переходилъ отъ одного предмета къ другому, спорилъ иногда о формѣ чернилицы и приходилъ въ бѣшенство отъ одной кривой буквы. Отецъ мой, слышавшій иногда бѣшенныя крики моего учителя, думалъ, что онъ не дастъ мнѣ спуска, следовательно, долженъ быть честнымъ челоѣкомъ. Послушалъ бы папенька, какъ онъ бранилъ нѣмецкую флегму и какъ насмѣхался надъ всѣмъ нѣмецкимъ!

— Одна половина песчаная полоса, а другая, ледяная— можно ли это назвать королевствомъ? восклицалъ Италіанецъ. Отъ Берлина до Потсдама только три мили, однако, чтобъ туда доѣхать, загоняешь четырехъ лошадей и выѣхавъ утромъ все-таки пріѣдешь когда солнце сядетъ.... и это называется большою дорогою! На поляхъ колосья стоятъ одинъ отъ другаго на пол-аршина. Можно ли это назвать полемъ, засѣяннымъ хлѣбомъ? Дубовыя и еловые жолуди, вотъ ваши плоды! Хороша нація, въ которой на одной квадратной милѣ сто овецъ и три оборванныхъ мужика! Когда король кашляетъ въ Потсдамѣ, то слышно

бываетъ на всѣхъ четырехъ концахъ Пруссiи. И это вы называете королевствомъ? Берлинъ вашъ большой городъ! Да гдѣ же колонны, башни, дворцы? Гдѣ же мосты со сводами, монументы, аркады? Гдѣ живописцы, скульпторы, поэты? Гдѣ академіи, галереи и гдѣ капитолій? Гдѣ граждане и гдѣ дворяне? Варвары, а не граждане!

Когда Италіянецъ замѣчалъ, что неуваженіе, съ которымъ онъ говорилъ о моей родинѣ нѣсколько оскорбляло меня, онъ принимался рассказывать про чудеса Италіи.

Я мысленно вдыхалъ въ себя чистый, ароматическій воздухъ, наполненный солнечными лучами, видѣлъ города, въ которыхъ каждый домъ былъ дворецъ, мраморныя церкви, пеструю толпу на площадяхъ. Я слышалъ какъ толпа веселилась и шумѣла, между-тѣмъ какъ у насъ на улицахъ все было такъ однообразно, чинно. Какъ восхищался я тѣмъ, что нищій подъ открытымъ небомъ живетъ безъ заботъ какъ дворянинъ, что ему даже ночью не нужно жилища, потому что безъ горя и заботъ склоняетъ онъ голову на церковныхъ ступеняхъ и ни какой строгій отецъ, ни какая полиція не гонитъ его домой! Учиться никого не заставляютъ, никому не запрещаютъ играть на улицахъ; всѣ могутъ спокойно прогуливаться подъ благоухающими апельсинными деревьями, и виноградными лозами! Дыни и арбузы, которые только по большимъ праздникамъ появляются на столѣ у дядюшки-совѣтника, тамъ такъ обыкновенны, что даже уличные мальчишки не ѣдятъ ихъ. Но болѣе всего изумляло меня то, что ломбардскія молочницы такъ же прекрасны и величественны, какъ наши знатныя дамы! Одно мнѣ не нравилось—тамъ не играли въ снѣжки!... Потомъ быстрымъ оборотомъ переходилъ учитель мой къ войскамъ.

— Чтò это? восклицалъ онъ: такъ ли маршируютъ? Ваши солдаты не умѣютъ даже прямо стоять! А унтеръ-офицеръ переваливается со стороны на сторону, точно будто стадо овецъ гонитъ!... Это не солдаты, а дѣти, мокрыя курицы!... Разъ, два, разъ, два, шагу ступить не умѣютъ! А барабанщикъ, ни на чтò не похоже!... Убирайтесь вы всѣ къ чорту!...

И, взбѣшенный, открывалъ онъ грамматику, но на третьемъ же словѣ останавливался и опять начиналъ бранить.

Иногда очень искусно описывалъ мнѣ ограниченный кругъ дѣйствія бѣднаго гражданина, такъ что я самъ начиналъ страшиться своей будущности. Трудиться въ горести и нуждѣ и жить безъ всякаго наслажденія и удовольствія! Я вслушивался въ рассказы Италіянца Казери, какъ прародители наши въ сладкія рѣчи змѣя-искусителя!...

Однажды учитель исторіи посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, когда при описаніи геройскихъ подвиговъ Аѳинянь, я глубоко вздохнулъ и на вопросъ его о причинѣ моего вздоха, отвѣчалъ, что мы не можемъ сдѣлаться ни Аѳинянами, ни Спартанцами!

— Отчего же? спросилъ учитель.

— Потому что у насъ солнце не свѣтитъ и не грѣетъ, отвѣчалъ я: горизонтъ всегда покрытъ тучами и туманомъ, земля неплодородна, природа бѣдна, у насъ нѣтъ ни страстей, ни крови въ жилахъ!... Пестрыя фразы изъ рассказовъ Казери.

Учитель сказалъ мнѣ, чтобы я не беспокоился, что за кровью дѣло не станеть, а что страстей нѣтъ, такъ это и слава Богу! Дядюшка и папенька покачивали только головами. Но никто не догадался, гдѣ источникъ этой мечтательности, потому что Казери былъ хитеръ какъ лиса и съ родителями моими говорилъ совсѣмъ иначе, нежели со мною. При нихъ онъ называлъ меня пустымъ мечтателемъ, въ которомъ разсудокъ возьметъ однако жъ свое, только бы меня держали по-строже и по-чаще посылали въ церковь.

Такъ проходили дни, недѣли, мѣсяцы.

Однажды отецъ мой ранѣе обыкновеннаго возвратился къ обѣду. Онъ былъ очень блѣденъ. Не поздоровавшись ни съ кѣмъ, онъ бросилъ трость и шляпу, и скорыми шагами сталъ прохаживаться по комнатѣ.

— Такъ и есть, сказалъ онъ, какъ-бы въ отвѣтъ на болзливые взгляды матушки: императорскій австрійскій посланникъ уѣхалъ.

Не объясняя этихъ словъ, онъ вышелъ изъ комнаты, но въ ту же минуту, въ полу-растворенную дверь просунулась голова адвоката Шлипалюса:

— Съ вашего позволенія, кумушка?

Въ первый разъ, можетъ-быть, въ жизнь свою, матушка обрадовалась адвокату.

— Скажите, ради Бога, что случилось?

— Война, война! сказалъ адвокатъ, злорадно улыбаясь. — Рѣшено. Всѣ штабъ-офицеры торопятся во дворецъ, гдѣ эта новость будетъ объявлена имъ оффиціально.

— Война, война! повторила матушка машинально, какъ бы не вѣря этимъ словамъ.

— Война, кумушка! *Inter arma silent leges*. Пожары, кровь и убійства, иначе быть не можетъ. Будутъ стрѣляться, колотья и рубиться. Что такое война? Процессъ, гдѣ вмѣсто доказательствъ употребляютъ нули, а вмѣсто перьевъ—штыки! Бумага же дороже всякаго пергамента, послѣду всякая переписка производится на тѣлѣ человѣческомъ кровавыми чернилами!... Дѣло вотъ въ чемъ: у Маріи Терезіи оспариваютъ законное право на отцовское наследіе....

— Боже мой, Боже мой! вскричала маменька, невольнымъ движеніемъ сжавъ меня въ объятіяхъ.

— Пойдутъ-то въ походъ всѣ войска наши, но сколько ихъ воротится, это другое дѣло. Ужъ будетъ война, какой мы еще не видывали! Вѣдь мы идемъ не на Шведовъ и Поляковъ, а на всю австрійскую армію, съ которою принцъ Евгенийъ, блаженной памяти, побилъ великаго французскаго короля, разогналъ Турковъ и овладѣлъ Бѣлградомъ. Тамъ всё народъ опытный, а у насъ едва-ли изъ десяти одинъ нюхивалъ порохъ! Конецъ можетъ быть дурной. Насъ порядочно поколотятъ. И кто знаетъ? сегодня у насъ на головѣ королевская корона, а завтра будемъ рады, если на плечахъ оставятъ мантию курфирста!

Адвокатъ ушелъ, потому что батюшка воротился въ комнату, гдѣ мы сидѣли. Несмотря на доброе расположеніе къ Шлиппаусу, отецъ мой никогда не могъ простить ему недостатка любви къ отечеству. Мнѣ никогда еще не случалось видѣть твердаго, сильнаго отца моего въ такомъ разстроенномъ положеніи. Мрачный и молчаливый прешелся онъ, по обыкновенію своему, раза два по комнатѣ. Видно было, что онъ хотѣлъ говорить, жемать утѣшенія; но гордость, чувство долгу, честь или что-нибудь другое заставляли его молчать. Наконецъ бросился онъ на диванъ, какъ изнеможенный внутреннею борьбою; схватился за голову и крѣпко прижалъ руки къ глазамъ.

Добрый геній внушилъ маменькѣ воспріимчивость этой минутѣ. Она съ жрестію схватила межа и обѣдсннхъ живнмъ, краснорѣчивымъ взглядомъ что мнѣ дѣлать, она бросилась со мною къ батюшкѣ. Мы упали на колѣни, свѣтлая рука его, маменька хотѣла говорить, но одно имя сорвалось съ языка ея: Готлибъ! и слезы потекли изъ прекрасныхъ глазъ ея.

Батюшка не отталкивалъ насъ — это былъ добрый знакъ.

— Паленька, Готлиба убьютъ, проговорилъ я.

— Мужъ и отецъ! сказала матушка, замѣтивъ что батюшка слушалъ ее спокойно. Господь только испытывалъ Авраама. И твое испытаніе кончилось, ты поступилъ какъ строгій отецъ; поступи жъ теперь какъ милостивый отецъ! Ты вѣдь не хотѣлъ наказать, ты только желалъ исправить его!

Отецъ молчалъ, Матушка продолжала:

— Теперь еще есть время; но когда онъ будетъ на войнѣ, зареженный, когда лошади копытами притопчутъ его, когда Готлибъ будетъ убитъ, тогда будетъ поздно!

Батюшка покачалъ головой.

— Я любилъ этого мальчика, сказалъ онъ. — И точно, въ ту только минуту понялъ я, что онъ любилъ Готлиба, что онъ любилъ его болѣе, нежели меня. Видно было, что слова маменьки произвели на него сильное впечатлѣніе. Онъ прислушивался къ раздававшемуся вдали барабанному бою....

— Испытай только одинъ разъ, продолжала маменька, все-еще оставался на колѣняхъ: можетъ-быть, на него надѣйствуется ласка, милость. Нѣтъ на свѣтѣ такого преступника, на котораго не надѣйствовалось бы милостивое слово. Какъ радуется сердце, когда послѣ продолжительнаго дождя, проглянетъ солнышко! Человѣкъ становится добрымъ, когда радуется. Обрадуй Готлиба, и онъ слѣзается добрымъ! Онъ, вѣроятно, надѣется теперь на отца; о! не обмань его надежды — только этотъ разъ, только одинъ разъ! Слово отца будетъ для него какъ первый теплый весенній лучъ солнца послѣ долгой зимы. Когда его отдадутъ въ солдаты, то было мирное время — теперь же война; неужели ты хочешь, чтобы его убили, слышалъ на-

Никой! О, нѣтъ, нѣтъ, ты этого не захочешь, ты не можешь этого хотѣть! Возьми назадъ строгій приговоръ свой!

О, зачѣмъ она употребила это слово!

— Назадъ!.... вскричалъ отецъ и лицо его опять нахмурилось.

Честный, но жестокий Нѣмецъ никогда не отступалъ ни одного шагу назадъ. Намѣреніе, которое онъ однажды принялъ, непремѣнно исполнялось. Онъ могъ простить, онъ охотно бы простилъ, потому что онъ чувствовалъ столько любви въ душѣ своей, что простилъ бы цѣлому міру, но....—Слова своего я *назадъ* не возьму! вскричалъ онъ и всталъ. Маменькѣ удалось бы, можетъ-быть, еще умиловить его, но, по несчастію, въ это самое время послѣдшались на лѣстницѣ голоса французскихъ дядюшекъ. Быстрымъ движеніемъ поднялъ отецъ жену свою:

— Не здѣсь твое мѣсто.

Все было кончено.

— Знаете ли, сказалъ совѣтникъ, входя: войска наши отправляются въ Силезію.

— Въ Силезію! вскричалъ батюшка и грудь его высоко подымалась и грубый голосъ его звучалъ страшно, какъ-бы крикомъ онъ хотѣлъ придать себѣ твердости.... — следовательно, Готлибъ идетъ въ Силезію....

— Вспомните, вы говорили....

— Я говорилъ, что домъ мой закрыть для того, кто оозорилъ его!.... Я сдержу свое слово. Король нашъ не боится ставить въ эту кровавую игру благосостояніе своего народа и свое собственное, династію свою, государство свое, а вы думаете, что простому гражданину жалъ пожертвовать сыномъ! Передъ тѣмъ самымъ судьей, передъ которымъ Фридрихъ Второй дастъ отчетъ въ поступкахъ своихъ, предстану и я, и онъ увидитъ, что я всегда шелъ во прямой дорогѣ, ни пол-шага не отступая ни направо, ни налево. И пусть онъ умираетъ съ-голоду или жажды, пусть лежитъ окровавленный въ холодномъ снѣгѣ или горячемъ пескѣ, пусть онъ, изуродованнымъ казнь-кой постучится въ двери родительскаго дому, или пусть принесутъ его на носилкахъ и на порогѣ моемъ испуститъ онъ послѣдній вздохъ, я все-таки не буду ни пла-

кать, ни раскаиваться.... потому что ностушилъ справедливо!

Жаръ, съ которымъ батюшка произносилъ эти слова, былъ искусственный. Онъ кончалъ, и блѣдный, изнеможенный, медленно удалился. Мы молчали.... да и что намъ было говорить!

Строже нежели когда-либо смотрѣли за тѣмъ, чтобы я не выходилъ изъ дому и не видѣлъ выступленія войскъ. Отъ одного изъ товарищей своихъ узналъ я, что высокій мужчина, закутанный въ плащъ, стоялъ на мосту и потомъ вмѣстѣ съ народомъ послѣдовалъ за удалявшимися солдатами за городъ. Тамъ, когда войска на минуту останавливались, высокій мужчина вмѣшался въ толпу солдатъ и вложилъ что-то одному изъ нихъ въ руки. Солдатъ увидѣлъ туго набитый кошелекъ, но прежде нежели онъ могъ поблагодарить, высокій мужчина исчезъ. Готлибъ даже не узналъ отца своего!....

Весело жить и быть молодымъ въ такое время, когда новый духъ смѣло вступаетъ на арену всемирной исторіи и смѣло бросаетъ перчатку столѣтнимъ предрассудкамъ. Какое прекрасное время было въ Германіи, когда Лютеръ мощною рукою ударялъ по виттенбергской каедрѣ и когда голосъ его распространялся по всѣмъ нѣмецкимъ землямъ и достигалъ до стѣнъ Ватикана! Первые дѣянія Фридриха Великаго можно сравнить съ юнымъ мужествомъ знаменитаго августинца. Какъ побѣдила коварная политика передъ утреннимъ лучомъ, блеснувшимъ на мечъ юнаго героя! Никто не вѣрилъ, чтобы онъ осмѣлился итти противъ древняго, вѣками утвержденного трона, а между-тѣмъ, Фридрихъ куда ни появлялся, вездѣ побѣждалъ!

И у насъ въ Берлинѣ всѣ умы были такъ озадачены смѣлостію молодаго короля, что никто не могъ предвидѣть послѣдствій, не понимая настоящихъ дѣйствій. «Ja, ja,» угрюмо говорили бюргеры, значительно покачивая головами и попивая пиво; но этимъ ограничивались всѣ сужденія ихъ.

Несправедливо было бы сказать, что въ нѣмецкихъ жилахъ нѣтъ огня. Тихо горитъ онъ, и тогда только, когда

нагрѣтся тѣло, вспыхиваетъ пламя.... но потомъ оно свѣтитъ ярко и жжетъ! Бываютъ минуты, когда вдругъ какая-то завѣса спадаетъ съ глазъ нашихъ и воодушевленіе, свѣтлое какъ сѣверное сіяніе, и теплое какъ іюльскій день, оживляетъ Германца. Такая минута наступила для Пруссіи. Силезія сдалась намъ безъ битвы, Глогау былъ взятъ приступомъ, древній Бреславль отворилъ войскамъ нашимъ свои ворота. Бюргеры всё-еще говорили «Ja, ja,» но покачивали головами не со стороны на сторону, а сверху внизъ, значительно улыбаясь и покрываясь съ удовольствіемъ, послѣ cadaго глотка пива. Казалось, во всей Бранденбургіи скрывались до-тѣхъ-поръ горячіе уголья подъ золой.... вѣтеръ сдулъ ее и вездѣ засвѣтилось яркое пламя патріотизма!.... И тяжелый языкъ развязался.... поэтъ Рамплеръ въ прекрасныхъ гимнахъ воспѣлъ дѣянія и славу Фридриха.

Отецъ мой долго принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые недовѣрчиво покачивали головами. Старый князь Дессаускій, по обыкновенію своему, открыто хулилъ нѣкоторыя распоряженія Фридриха, приведенныя въ исполненіе не по старинному порядку; онъ даже готовъ былъ переначать удачно исполненное, только потому, что оно удалось не по старой тактикѣ. Все, что ни дѣлалось, было необдуманно и успѣхъ, по мнѣнію стараго князя, былъ незаслуженный. Несмотря однако жъ на ропотъ свой, онъ радовался при каждомъ новомъ извѣстіи, за стаканомъ провозглашалъ вивать королю своему и никому не позволялъ сказать ни одного слова противъ молодаго героя.

Но ничто не убѣждало Италіянца Казери, который рѣшился, во что бы то ни стало, восхищаться Маріей Терезіей. Онъ надѣлялъ ее всѣми прелестями и преимуществами, могущими украшать молодую, прелестную дочь императора. И противъ этого идеала красоты, милости, величія, осмѣлился выступить бездушный молодой король? Отнять у слабой женщины часть отцовскаго наслѣдія ея, было первымъ дѣйствіемъ его по вступленіи на престолъ!

— Этьенъ! восклицалъ Казери съ италіанскою горячностью: если ты когда-нибудь осмѣлишься итти противъ оборотительной императрицы, то я собственными рука-

ми задуму тебя! Чудесный, геройскій подвигъ! Итти воевою противъ женщины, чтобы обрѣзать у нея часть атласнаго ея шлейфа. Но берегись! она можетъ оглянуться и бросить на него такой взглядъ, что онъ невольно упадетъ на колѣни!... Марія Терезія, продолжалъ онъ, поднявъ сложенные руки кверху, ты, которая говоришь по-флорентински, точно будто родилась въ Миланѣ, ты, очаровательнѣйшая изъ царскихъ дочерей, повелительница страны, въ которой говорятъ на десяти языкахъ, въ которой течетъ токайское вино и чеканятся червонцы, за дѣло твое вступится Пресвятая Богородица, твоя покровительница; она сама поведетъ полки твои.

Какой рыцарь? думалъ я. Дядюшка, папенька и учитель исторіи сказали мнѣ, что рыцарей теперь нѣтъ. Однако Казери, говоря о немъ, очень значительно посматривалъ на меня—вѣрно не даромъ! Этотъ рыцарь у меня изъ головы не выходилъ, такъ же какъ и Марія Терезія. Нѣсколько ночей снилась она мнѣ, окруженная испрителиями; вдругъ явился рыцарь, спасалъ ее и упалъ передъ нею на колѣни; она подавала ему руку и просила поднять забрало. Онъ исполнялъ желаніе ея и въ рыцарѣ я узнавалъ—самого себя! Она обнимала и цѣловала меня.

— Этьенъ, чтѣ у тебя красные глаза? Ты плакалъ? спросилъ меня однажды папенька, когда я пришелъ къ завтраку.

— Нѣтъ, папенька, я не плакалъ, отвѣчалъ я.

— Какъ не плакалъ? Да у тебя еще и теперь слезы на глазахъ.

Если бъ я сказалъ, что я видѣлъ сонъ, то мнѣ еще хуже бы досталось, нежели за слезы. Папенька терпѣть не могъ сновъ.

— О чемъ ты плакалъ? говори сейчасъ.

— О Маріи Терезіи, отвѣчалъ я, потому что во взорѣ отца было чтѣ-то невольно заставлявшее говорить правду.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня; вѣроятно, онъ думалъ сначала, что я плакалъ о Готлибѣ.

— Какое тебѣ дѣло до Маріи Терезіи? О чемъ ты плакалъ?

— О томъ, что они такъ дурно поступаютъ съ нею и хотять у нея все отнять.

— Кто хочет у нея все отнять?

— Враги ея, отвѣчалъ я осторожно.

— А кто враги ея? закричалъ онъ вспылчиво. Я молчалъ. Онъ схватилъ меня за-воротъ.— Не угодно ли вамъ будетъ сказать, кто враги ея? Ужъ не держишься ли ты партіи Маріи Терезіи, непріятельницы всемилостивѣйшаго короля нашего? закричалъ громовымъ голосомъ отецъ мой.

— Мнѣ жаль бѣдной Маріи Терезіи!

Я получилъ въ отвѣтъ пощечину.

— Вотъ тебѣ на память за то, что ты за-одно съ врагами всемилостивѣйшаго нашего короля. Кто тебя этому научилъ? Я ли, или маменька, или пасторъ, когда онъ молится за королевскій домъ? Кто?

Я молчалъ.

— Чтò, жаль тебѣ еще Маріи Терезіи?

— Жаль, отвѣчалъ я упрямо.

Оплеухи посыпались справа и слѣва.

— Вотъ тебѣ за Марію, а вотъ и за Терезію!.... Щеки мои горѣли, но я не плакалъ.— Если ты опять будешь думать о Маріи Терезіи, такъ не забывай же и меня!

Отеческія пощечины не могли однако жъ заставить меня полюбить Фридриха. Я не скрывалъ нѣсколько раслушшей и раскраснѣвшей щеки своей; напротивъ, я гордился ею какъ мученикъ за правое дѣло. Казери былъ восторженъ въ предположеніяхъ, что нашей арміи придется плохо.

— Если бъ ты былъ смѣлѣе, сказалъ мнѣ однажды Италіанецъ: ты бы убѣжалъ. Мы бы вмѣстѣ перешли къ Австрійцамъ.

Перейти! Это было ужасное слово. Я испугался при одной мысли объ этомъ.... но тутъ же я вспомнилъ, что Гидъ и Готлибъ хотѣлъ убѣжать и лучше бы сдѣлалъ, потому что тѣмъ избавился бы отъ побоевъ, не пошелъ бы къ солдаты и не долженъ былъ бы идти пѣшкомъ на войну. Я не могъ себѣ иначе представить Австрійцевъ какъ кавалеристами, между-тѣмъ какъ у Пруссаковъ была пѣхота, которую я ненавидѣлъ еще болѣе съ-тѣхъ-поръ, какъ бѣднаго Готлиба сдѣлали пѣхотинцемъ.

— Что же мы будемъ дѣлать у Австрійцевъ? спросилъ я.

— Мы присягнемъ служить вѣрой и правдой прелестной Маріи Терезіи, отвѣчалъ Италианецъ.

Все это было прекрасно, но я тутъ же вспомнилъ, что защищая Марію Терезію, я долженъ былъ итти противъ земляковъ своихъ.

— Варвары! вскричалъ Казери; варвары, а не земляки! Долгъ всякаго рыцаря есть сражаться противъ варваровъ!

И это могло быть справедливо, но всё-таки мнѣ не хотѣлось бы итти противъ Готлиба, роднаго брата своего, и я прекратилъ этотъ разговоръ, хотя всё болѣе и болѣе привязывался къ прелестной императрицѣ.

Двадцать четыре трубача провозглашали по широкимъ, свѣтлымъ улицамъ новаго Берлина о первой великой побѣдѣ, одержанной прусскимъ оружіемъ. Толстымъ слоемъ лежала пыль на высокихъ сапогахъ курьера, за которымъ слѣдовали трубачи; онъ же самъ былъ весь закиданъ лентами и вѣнками. Отъ самаго Шарлоттенбурга провожали его толпы народа. Какъ смѣло сидѣлъ онъ на конѣ, какъ блестѣли большіе голубые глаза его, какая радость сіяла на загорѣломъ лицѣ! На каждомъ шагу кланялся онъ знающимъ, и на кого онъ смотрѣлъ, тотъ былъ счастливъ! Онъ одержалъ бы множество побѣдъ надъ прекраснѣйшымъ войскомъ, если бъ захотѣлъ. Радостныя восклицанія раздавались по всему городу и имъ бѣдной, силезской деревушки, Мельвицъ, сдѣлалось отъ этого дня безсмертнымъ!

Нашихъ бургеровъ нельзя было узнать. Иной, человекъ трезвый и порядочный, но недовольный слишкомъ малымъ занесомъ веселости, которымъ одарила его природа, отправлялся въ винный погребокъ и есушалъ стаканы за стаканомъ, пока не начиналъ чувствовать слабость въ ногахъ; тогда онъ выходилъ на улицу, бросалъ шляпу вверхъ и кричалъ вивать за виватомъ!

Отецъ мой навѣвалъ пѣсенку. Я его не узнавалъ: такъ онъ былъ гордъ и нарядонъ, такъ весело поминалъ онъ руку встрѣчному и поперечному. Ему надо было раздѣлять съ кѣмъ-нибудь радость свою, а потому онъ пригла-

силъ всѣхъ родныхъ на обѣдъ. Это былъ такой пиръ, ка-кого въ домѣ нашемъ еще не бывало. Всѣ были заняты приготовленіями, даже старая Сусанна чистила рѣпу и знахъ изъ кухни разкосился по всѣмъ комнатамъ. И сеньоръ Казери былъ приглашенъ, не какъ политикъ и учитель, а какъ новаръ и пирожникъ. Тортъ съ торже-ственной надписью *Vivat Fridericus* былъ готовъ уже рано утромъ къ величайшему восторгу моему и слугъ. Самъ Итальянецъ былъ очень оригиналенъ, когда онъ въ бѣ-лой курткѣ, въ бѣломъ передникѣ и съ шерстянымъ кол-пакомъ на головѣ, готовилъ макароны и поленту.

Всеобщая, сердечная радость оживляла всѣхъ, когда ронне въ часъ мы сѣли за столъ. Вино, рѣдкость въ экономномъ хозяйствѣ нашемъ, достигло и до людскихъ; доказательствомъ тому служилъ шумъ, доходившій до насъ со двора. Намъ прислуживали дурно, то разбивалась тарелка, то стаканъ; однако жъ отецъ мой не сердился,—онъ весь предавался радости о торжествѣ молодого короля. Стратіе обывая дому нашего дотога нарушились, что всѣ хоромъ зашѣли хвалебную пѣснь и сама тѣтушка-со-бѣтница вилокъ была такъ по столу. Прекрасный, высо-кій хрустальный бокалъ съ вышлифованной короной и надписью *Fridericus-Wilhelmus Rex* переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ рта ко рту, безпрестанно наполнялся, и ма-ленькая Стефанія, сидѣвшая возлѣ меня сказала, что я пью слишкомъ много, но я отвѣчалъ ей, что это въ честь короля Фридриха, и что онъ самъ за это отвѣ-чаетъ.

Только одинъ человѣкъ не принималъ участія въ общей радости. Шливаліусъ, котъ и старался принудить себя улыбаться и смягчать голосъ при всякомъ новомъ тѣстѣ, но, по натурѣ своей, онъ не могъ быть въ хорошемъ рас-положеніи духа тамъ, гдѣ всѣ радовались и веселились. Онъ не могъ ѣсть до-сыта и вино казалось ему горькимъ. Мнѣ всѣ казалось, что онъ возьметъ трость и шляпу, но до обѣда еще видѣлъ онъ въ кухнѣ на вертелѣ индѣйска-го пѣтуха и это удерживало его.

Вино веселитъ сердце человѣка, но оно заставляетъ его иногда забываться—особенно ребенка, не привыкшаго къ нему. Маленькая Стефанія была права, когда увѣщивала

меня не пить слишкомъ много, потому что вскорѣ мной овладѣла непреодолимая охота сыграть съ адвокатомъ какую-нибудь шутку. Я опустился подъ столъ, чтобы поднять салфетку. Вдругъ увидѣлъ я въ щели иголку.... искусительница блестяла и какъ-будто говорила:

— Возьми меня и уколи адвокату Шлипаліусу икру!

Но толстая подошва адвоката, безпрестанно востукивавшая по полу, говорила:

— Не тронь, будешь бить.

Однако жъ тоненькая, англійская иголочка блестяла такъ ярко:—Колѣ только, никто не увидитъ; онъ подумаетъ, что это комаръ.

— Не тронь, скрыпѣла подошва: ты не знаешь, чтѣ изъ этого воспослѣдуетъ.

— Колѣ: такой случай не скоро представится.

Я бы, можетъ-быть, и не послушался искусительницы, если бъ въ то самое время, какъ я ее вытаскивалъ изъ щели, толстая подошва нарочно или ненарочно наступила мнѣ на руку.... пальцы мои требовали мщенія и икра, покрытая сѣрымъ шерстянымъ чулкомъ, поплатилась за оскорбленіе, причиненное подошвой.

— Чтѣ съ вами, кумъ? спросилъ отецъ мой, замѣтивъ гримасу адвоката.

— Маленькія судороги въ ногѣ, отвѣчалъ протяжно адвокатъ, съ пріятной улыбкой смотря на меня, когда я вылезалъ изъ-подъ стола. Я покраснѣлъ до ушей и понялъ, что дѣло плохо. Адвокатъ ничего въ жизнь свою, даже улыбки, не давалъ никому даромъ.

— Чтѣ вы ищете въ карманѣ, кумъ? продолжалъ отецъ.

— Я кое-о-чемъ вспомнилъ теперь, случайно. Только бездѣлица....

— Сегодня и бездѣлица важна, если она въ состояніи содѣйствовать искренней радости добрыхъ гражданъ, отвѣчалъ батюшка, ожидавшій поэмы.

— Съ искренней радостью добрыхъ гражданъ она, конечно, не имѣетъ ни какой связи....

— Всѣ-равно, давайте только!

Отецъ мой нѣсколько разочаровался, когда вмѣсто ожидаемой бумаги, въ костлявыхъ пальцахъ адвоката появились три сѣренькихъ, мраморныхъ шарика. Какъ заблѣ-

стали сѣрые узенькіе глаза, какъ выступили грязные зубы изъ широкаго рта, когда онъ мнѣ ихъ показалъ!

— Знакомы тебѣ эти шарики?

Я поблѣднѣлъ. На лицѣ маменьки выразился страхъ. Стефанія схватила подъ столомъ руку мою, а папенька спросилъ:

— Что это значитъ?

— Ничего, геръ инспекторъ; не хочу портить такого прекраснаго дня воспоминаніями о ребяческой злобѣ! Меня только удивляетъ, какъ эти шарики остались съ-тѣхъ-поръ у меня въ карманѣ?

Слово «злоба» требовало объясненій. Индѣйскій пѣтухъ былъ уже на столѣ, запахъ отъ него разносился по комнатѣ, когда я долженъ былъ встать, пока адвокатъ объяснялъ все дѣло.

— Онъ дерзнулъ бросить въ васъ! вскричалъ папенька.

— Юношеская кровь, кумъ; это въ духѣ нашего времени. Другія времена, другіе нравы! Нынче дѣти насъ учить хотятъ.

Обстоятельство это было очень непріятно папенькѣ, но какъ добрый патріотъ, онъ не хотѣлъ сердиться въ такой радостный день, а потому надѣясь, что дѣло приметъ другой оборотъ, онъ спросилъ:

— Я надѣюсь, что вы его тутъ же наказали?

— Не возможно было, почтеннѣйшій! Этьенъ нашъ былъ, такъ сказать, предводителемъ цѣлой шайки отчаянныхъ уличныхъ мальчишекъ. Они готовы были закидать меня грязью и камнями!... Впрочемъ, я надѣюсь, что онъ успѣлъ уже раскаяться въ своемъ проступкѣ.

— Слѣдовательно этимъ дѣло и кончилось?...

Никогда отецъ мой не былъ такъ милостивъ.

— Конечно, головы мнѣ проломить не дозволили, а потому передаю *cogrus delici* въ родительскія руки, надѣясь, что *они* мраморные шарики, какъ орудіе которымъ сынокъ вашъ посягалъ на личность извѣстной и чиновной особы, не будутъ возвращены ему, Этьеню. Только, продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ своей: можетъ-быть, таковыми же шариками онъ разбилъ ваши окна, или другое какое безчинство учинилъ, когда вы напались вынужденными послать за полиціей?

Это несчастное слово испортило все дѣло. Отецъ мой требовалъ объясненій и жена адвоката разсказала шалость мою со всѣми подробностями. Мужъ ея вадыхалъ и говорилъ маменькѣ, дрожавшей отъ страху, что если бѣ онъ это зналъ, то не говорилъ бы ни слова. Я же былъ въ веселомъ расположеніи, потому что со страху выпилъ еще цѣлый стаканъ вина сосѣда моего, адвоката.

— Когда это было? спросилъ папенька.

— Въ тотъ самый день, когда покойный король намъ Богу душу отдалъ.

— А зачѣмъ вы молчали до-сихъ-порѣ?

— Потому что онъ колпакъ, вскричала фрау Курцъ-на: потому что объ оскорбленіи, причиненномъ женѣ его былъ такъ же мало заботится, какъ о чернильномъ пятнѣ на зеленомъ сукнѣ письменнаго своего стола!

Между благовоспитанными родственниками моими, лавочницѣ рѣдко приходилось сказать слово; зато ужъ теперь она расходилась! и негодный-то мальчишка я былъ, который, съ позволенія сказать, валялся въ грязи какъ свинья; и обругалъ-то я честную женщину, имѣющую свой кусокъ хлѣба; а жеманные-то, важничающіе родственники ей ни по чѣмъ, и Богъ вѣсть что еще она наговорила!

— Этьентъ! вскричалъ папенька, вонъ! Въ благородномъ обществѣ не терпятъ уличныхъ мальчишекъ!...

Отецъ мой былъ еще милостивъ въ этотъ день. Онъ не зналъ однако жъ, что слово «вонъ!» можетъ рѣшить судьбу человѣка. И кто изъ насъ могъ это думать? Въ столовой наступила глубокая тишина.... Матушка вздохнула и опустила глаза, даже жена адвоката бормотала сквозь зубы что-то объ излишней строгости. Одна тѣтушка-совѣтница осмѣлилась замолвить за меня слово.

— Неужели не проведете вы этого дня въ мирѣ и покоѣствіи?

Но гордость моя была оскорблена слезами, которыя проливали за меня Стефанія: сладкое вино бродило въ маленькой головѣ моей.... Я вскочилъ, бросилъ салфетку и дерзко пошелъ къ дверямъ.

— Смотрите, вотъ какъ упрямый мальчишка благода-

рать васъ! сказалъ отецъ мой совѣтницѣ, и гнѣвъ его дошелъ до высшей степени: Вонъ, — вонъ изъ дому!

— Помилуйте, кумъ, сказалъ Шлишалюсъ, я думалъ что вы дадите ребенку кусочикъ жаркаго.

— Кусокъ чернаго хлѣба! вскричалъ отецъ. Этьень!

Я остановился у дверей, но не оборачивался.

— Хочешь кусокъ чернаго хлѣба?

— Не надо.

— Сюда! закричалъ громовымъ голосомъ отецъ мой, протягивая ко мнѣ черезъ столъ на кончикъ ножа, которымъ онъ разрѣзалъ жаркое, кусокъ чернаго хлѣба. Отъ одного взгляда отца прошла у меня вся смѣлость, я задрожалъ, взялъ хлѣбъ и порѣзалъ себѣ палецъ концомъ ножа. — Вонъ изъ дому, негодяй, и до утра не показывайся мнѣ на глаза. Завтра мы съ тобой разсчитаемся.

Но мы не разсчитывались.

Это были послѣднія слова, сказанныя мнѣ отцомъ.

Маменька вскочила и подбѣжала къ дверямъ, чтобы остановить меня.

— Оставь его! сказалъ отецъ мой: никто не навѣгнетъ судьбы своей!

Не понимаю, что внушило ему эти пророческія слова.... не понимаю, отчего мнѣ стало такъ грустно, когда я перешагнулъ черезъ порогъ. Сердце мое сильно билось. Я былъ озабоченъ, однако жъ не захлопнулъ за собой дверь. Я еще разъ посмотрѣлъ назадъ.... сивозъ замочную скважину. Мнѣ казалось, что со мною повторилось изгнаніе Готлиба. Та же вала, тѣ же лица, тѣ же замавѣсы и черезъ тѣ же маленькія стекла дневной свѣтъ падалъ на тѣ же красныя, камковыя обои!... И я былъ изгнанъ.... завтра панепька хотѣла разсчитаться со мною, но я напередъ звалъ что ему получить нечего.... все достанется мнѣ одному. Маменька осушала прелестные глаза свои, омоченные слезами и уговаривала маленькую Стефанію, чтобы она не плакала....

На дворѣ былъ ширъ. Какой-то бѣднякъ, котораго у насъ всѣ называли магистромъ и который въ каждый торжественный день являлся къ намъ со стихами своего сочиненія, не пропустилъ этого удобнаго случая и написалъ предлинную поэму, въ которой сравнивалъ Фридриха съ

Александромъ Македонскимъ, Кесаремъ и Аннибаломъ.

Поэма эта была назначена для господъ; но слуги установили магистра на дворъ, поднесли ему нѣсколько стакановъ вина и заставили продекламировать стихи свои. Казери, всегда недовольный, называлъ пьянство однимъ изъ важнѣйшихъ пороковъ Нѣмцевъ; несмотря на то, онъ самъ сдѣлался совершеннымъ Нѣмцемъ въ этомъ отношеніи. Колпакъ упалъ съ головы его, за нимъ послѣдовалъ и парикъ.... Когда магистръ кончилъ, то Казери сталъ доказывать ему, что у него нѣтъ ни голоса, ни мимики, ни жестовъ, ни дара декламации. Чтобы научиться всему этому, надобно ѣхать въ Миланъ: тамъ на каждомъ углу можно встрѣтить импровизатора и декламатора!... Потомъ вырвалъ онъ изъ рукъ магистра стихи, вскочилъ на столъ и топая ногами, размахивая руками, прочелъ нѣсколько весьма дурныхъ стиховъ.

Я думалъ, что столъ сломается: такъ сильно Казери запрыгалъ на немъ.

— Что у васъ въ жилахъ? кричалъ онъ между прочимъ: вода съ молокомъ, да съ водкой—это развѣ кровь? Вотъ, разрѣжьте мнѣ жилу и вы увидите италянскую кровь, горячую, кипучую, черную какъ лава! Таковы были Римляне.... Латы изъ кованиаго желѣза, копье изъ трехъ дубовъ, дрались они днемъ и ночью, зубами строили мосты, ногтями срывали горы, выпивали цѣлыя рѣки и все это, когда ими командовалъ Кесарь!

— Славный былъ народъ, Господь съ ними! сказала старая служанка, полагавшая, вѣроятно, что Римляне были добрые протестанты.

Казери соскочилъ со стола, взялъ меня за руку и вывелъ на улицу.

— Тебѣ здѣсь дѣлать нечего, Этьенъ, сказалъ онъ: чѣмъ скорѣе ты уйдешь отсюда, тѣмъ лучше. У этого народа нѣтъ души. У нихъ нѣтъ лѣта—въ июлѣ стряхаютъ они еще снѣгъ, а въ августѣ думаютъ уже о морозѣ!... И они смѣютъ его сравнивать съ Александромъ? А кто былъ Александръ? Божественный юноша, побѣждавшій не только арміи мужчинъ, но и женщинъ, потому что онъ зналъ, что такое красота! А видѣлъ ли ты сврое, безжизненное лицо новаго Александра? Онъ все испыталъ, испылъ ча-

шу до дна и въ немъ не осталось ни страстей, ни желаній! У кого кровь не кипитъ въ жилахъ, глаза не сверкаютъ отъ жажды наслажденій, тотъ садись за пещу, да пиши книги!... Плохое время, Этьешъ, сѣрое, глупое и жалкое время! Карликъ, который сдѣлаетъ себѣ высокіе каблуки, считается великаномъ!...

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ изъ-за угла послышался барабанный бой. Толпа мальчиковъ съ дѣтскими барабанами и бумажными знаменами проходила мимо.

— Вотъ вашъ герой! закричалъ Италіанецъ, всплеснувъ руками, и громко захохоталъ. Куклы и мишура! Пока родители и полиція не запретятъ, такъ мы храбры!...

Начальствовавшій отрядомъ былъ старый пріятель мой, Фрицъ.

— Ступай съ нами! закричалъ онъ мнѣ.

— Куда?

— За городъ.

— Чтò тамъ будетъ?

— Мольвицкос сраженіе.

Я посмотрѣлъ на Италіанца. Онъ подалъ мнѣ стаканъ водки.

— Выпей, ступай и не возвращайся! сказалъ онъ.

Ярко блестяли бумажные гренадерскіе кивера; барабаны гредали безъ всякаго такту; сердце мое билось.... Все это было чрезвычайно заманчиво.

— Только ты долженъ быть Австрійцемъ, Прусаконъ у насъ ужъ много! сказалъ Фрицъ.

Чтò могло быть заманчивѣе!

— Вивать Марія Терезія! Отваливай и не приходи домой, закричалъ мнѣ еще разъ долговязый Италіанецъ.

Барабаны затрещали пуще прежняго; дома, крыши, трубы, церкви и весь городъ завертѣлся, я ничего не видѣлъ и не слышалъ до самыхъ тѣхъ поръ, какъ мы вышли за городскія ворота.

Наконецъ мы были за городомъ, на волѣ; но увы! Къ знамени Марія Терезія, которое я водрузилъ въ песокъ, никто не хотѣлъ добровольно присоединиться. Стали бросать монету: кому выпалъ профиль молодого короля, тотъ былъ Прусакъ, кому надпись—тотъ Австріецъ. Но и гуть Прусакъ должны были почти принудить противни-

комъ своихъ быть Австрійцами. По счастью, кому-то шри-
шло на мысль, что охоту нашу подраться, мы могли въ-
мѣстить на ночь-нибудь другомъ.

Мы вернулись въ городъ съ громнымъ шумомъ, зашумели у всѣхъ дверей, сѣлись надъ весьма почтенными людьми, которые въ честь торжественнаго дня, возвращались домой нетвердымъ шагомъ и саваля полиція сбросила для этого случая строгую маску свою.

Выгая по улицамъ, мы гдѣ-то случайно нашли маленькимъ дѣтскія сани. По-очередно каждый изъ насъ садился въ нихъ, а другіе тащили. Это было утомительно и вскорѣ мы нашли средство прицепляться къ проезжающимъ экипажамъ.

Вдругъ увидѣли мы красивую дорожную карету, запряженную четверкою ретивыхъ жеребцовъ. Всѣ отступили, но мнѣ именно пришла охота прокатиться за такимъ славнымъ экипажемъ.

— Оставь! кричали товарищи, но то же говорила подошва адвоката, а это самое и задѣло меня за живое.

На козлахъ сидѣлъ кучеръ въ сюртукъ, обшитомъ по швамъ золотомъ и серебромъ; возлѣ него два статные лакея съ усами и дротиками; сундуки, прикрѣпленные къ задку кареты, были обиты серебромъ, все это было такъ великолѣпно, что изъ почтеннаго шапка сама съ головы валялась.

— Ну-ка, попробуй! сказалъ мнѣ Фрицъ, насмѣливаясь улыбаясь.

Если бъ Фрицъ не сказалъ этого, то я, можетъ-быть, и оставилъ бы намѣреніе свое, но тутъ боязнь подвергнуться насмѣшкамъ товарищей превозмогла почтеніе, внутреннее мнѣ графскимъ гербомъ на каретѣ. Улучивъ минуту, я бросилъ петлю, она прицепилась и сани мои запрыгали по мостовой.

Толпа школьниковъ, преслѣдовавшая карету, обратила на себя вниманіе сидѣвшихъ въ ней.

— Иванъ, не развязалось ли тамъ что? спросилъ кто-то съ саксонскимъ выговоромъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ кучеръ, замѣтившій меня при поворотѣ въ другую улицу:—какой-то мальчишка прицепился.

— Такъ прикажи ему уйти.

Съ обѣихъ сторонъ кареты высунулись головы, чтобы

просмотрѣть на меня. Сколько нучеръ ни клевалъ длиннѣйшій бичомъ, но никакъ не могъ достать до меня; я же съ товарищами отъ души смѣялся и надъ злостью кучера, и надъ гнѣвомъ господъ его.

Господа, сидѣвшіе въ каретѣ, оставили бы наконецъ это дѣло безъ вниманія, если бы на каждомъ перекресткѣ не увеличивалось число любопытныхъ. Мальчикъ, который несмотря на красивую фризурю и на свѣтло-голубой кафтанчикъ обшитый серебромъ, не пренебрегалъ шутками уличныхъ мальчишекъ, забавлялъ всѣхъ; всѣ смѣялись надъ раскраснѣвшимся отъ досады лицомъ господина въ густо напудренномъ, огромномъ парикѣ, выглянувшаго изъ кареты. Кажется и патриотизмъ вмѣшался въ это дѣло, потому что хозяинъ кареты, по-видимому, принадлежалъ къ саксенскому пфессельству; а дрезденскій дворъ начиналъ уже въ то время нѣкоторыя дѣянія противъ Фридриха. По этому-то случаю многіе изъ толпы кричали вслѣдъ за каретой, что боятся нечего и что посланникъ въ этой дѣтской шалости долженъ видѣть не что иное, какъ доказательство «берлинской привязанности». Поощренія толпы этого вскружили мнѣ голову, что я ни за что въ мирѣ не выпустилъ бы веревки изъ рукъ.

— Далеко ли ты поѣдешь? спросилъ меня запыхавшій Фрицъ.

— До заставы! отвѣчалъ я, почти не замѣтивъ какъ кучеръ стегнулъ мнѣ кнутомъ подъ самый лѣвый глазъ, отчего и теперь еще у меня остался знакъ.

— Вивать, Фридрикусъ! кричала толпа.

— Кровь! завонцки товарищи мои.

— Стой! вскричалъ хозяинъ кареты.

И мгновенно все остановилось.... голова моя закружилась.... Я лишился чувствъ....

Когда я отарытъ глава, то все вокругъ меня измѣнилось. Высокая карета остановилась, саночки мои не легли болѣе на весьма неровной, въ то время, местовой. Я самъ лежалъ на землѣ; отъ того ли, что карета внезапно остановилась, или отъ боли—не знаю. Изъ кареты выѣзжалъ еордитый господинъ, лакеи стояли возлѣ меня, а кучеръ съ поднятымъ бичомъ шелъ ко мнѣ.

— Эка бестія! еще держится, закричалъ одинъ слуга: стегни его хорошенько!

Сердитый господинъ въ зеленой шубѣ и аллонжевомъ парикѣ приказывалъ мнѣ, чтобы я отпустилъ веревку.... Несмотря на то, что чувствовалъ сильную боль подь глазомъ и на порѣзанномъ пальцѣ, я судорожно стиснулъ зубы, крѣпче затянулъ веревку и ожидалъ удара. Однако до этого не дошло, потому что въ то же мгновение послышался дѣтскій голосокъ и хорошенькая головка маленькой дѣвочки, съ черными кудрями, выглянула изъ кареты.

— Не надо бить, не надо бить, папа. У него кровь на лицѣ.

Кучеръ остановился, но господинъ его, еще болѣе разсердившійся, схватилъ меня за воротникъ и мнѣ бы плохо пришлось, если бь маленькая дѣвочка, которой казалось не болѣе пяти лѣтъ, не высвободилась изъ рукъ удерживавшей ее гувернантки и не подоспѣла ко мнѣ на помощь.

— Папа, что это вы дѣлаете? спросила она по-итальянски сердитаго господина, который, какъ-бы неволью по-винуясь ей, остановился.

— Ты видишь, этотъ упрямый мальчишка дразнить насъ.

— Посмотрите, его до крови прибили! Жакъ, зачѣмъ ты прибилъ этого мальчика? спросила она кучера по-нѣмецки.

— Не прикажите ли беречь этихъ уличныхъ мальчишекъ? проворчалъ кучеръ.

Она посмотрѣла на меня ближе:— Да это не уличный мальчишка: онъ слишкомъ хорошо одѣтъ.

— Что за бѣда! продолжалъ ворчать кучеръ, между тѣмъ какъ дѣвочка смѣло подошла ко мнѣ и платочкомъ своимъ отерла кровь съ моего лица. Даже она замѣтила, что рана не была опасна.

— Онъ это заслужилъ, Евгенія, сказалъ отецъ ея, какъ будто обязанъ былъ давать ей отчетъ. Родители наказали бы его еще строже, а если полиція возьметъ его, то посадить въ тюрьму.

— Не надо полиціи, не надо! закричала съ живостію молодая дѣвушка, сердито топнувъ ногою.

— Неужели же мы должны позволить дразнить себя, любезная Евгенія? Посмотри сама, онъ и теперь еще держитъ веревку.

Она сама увѣрилась въ томъ и оборотившись ко мнѣ, спросила по-нѣмецки:—Скажи мнѣ, мальчикъ, зачѣмъ ты такъ шалишь?... Я посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, но она продолжала:—Зачѣмъ ты дразнишь насъ? Зачѣмъ не опускаешь веревку? Хорошо ли это? Зачѣмъ ты не въ школу? Что скажутъ родители твои? Стыдно! Поди домой и вымойся: у тебя лицо въ крови.

Здѣсь прекрасныя читательницы мои увидяль, какъ я въ то время былъ не любезенъ. Я, который заставилъ четырехъ ретивыхъ коней тащить себя, за которымъ съ одобрительными восклицаніями слѣдовала половина бо-соноваго населенія столицы, я, который не повиновался его сіятельству, не могъ хладнокровно выслушать наставленій пяти-лѣтней дѣвочки.

— Экая принцесса! тебѣ что за дѣло!... отвѣчалъ я.

Слова эти были произнесены.... теперь ни чѣмъ ихъ не воротить.

Умная дѣвочка, казалось, нѣсколько испугалась грубости моей, и я продолжалъ:—Кажется и я могу ѣхать по той дорогѣ, по которой ты ѣдешь.

Со всею живостію, свойственною жителямъ юга, просила она отца своего, чтобы онъ объяснилъ ей, имѣю ли я на то право и потомъ опять обратилась ко мнѣ:

— Ты бы могъ попросить папеньку и меня; мы взяли бы тебя къ себѣ въ карету.

— Тебя просить! вскричалъ я. Я не привыкъ просить такихъ маленькихъ дѣвочекъ и знать не хочу вашей кареты! Убирайтесь по-скорѣе туда, откуда пріѣхали.

Чтобы слова мои были ей понятнѣе, я сказалъ ихъ по-италіянски, что еще болѣе удивило ее.

— Фи! Ты говоришь по-италіянски и такъ грубо. Знаешь ли, ты будешь дурной человекъ.

— А знаешь ли ты, что тебѣ долго надо будетъ ждать, пока добудешь мужа.

— Это не бѣда, сказала она съ досадой.

— А знаешь ли отчего? Отъ того, что ты ужъ чрезъчуръ разумна!

— Ты дурной, негодный мальчикъ! Ты никогда не доставишь счастья своимъ родителямъ. Ты будешь ихъ огорчать и изъ тебя никогда ничего дѣльнаго не будетъ.

И ты никогда не женишься: ни одна дѣвушка не выйдетъ за тебя! потому что ты такой грубый мальчишка кашпѣкъ на овѣтъ шало.

Я не отставалъ отъ нея; мы говорили оба въбѣрѣ и не понимали другъ-друга. Я часто слышалъ, какъ тѣтушки мои бранили дочерей своихъ и нарече, чтобы болѣе огорчить маленькую разумницу, употреблялъ тѣ же выраженія.

Герцогу западававъ, бросилась она къ отцу, жалуюсь на невѣжливость берлинскихъ мальчишковъ. Ее усадили въ карету, одинъ изъ лакеевъ перерѣзалъ веревку саней моихъ, кучеръ взмахнулъ кнутомъ и лошади понеслись.

И вотъ я съ саами своими остался посерединѣ улицы, окруженный толпой громко смѣлявшихся мальчишекъ. Вдругъ откуда ни возмись, явился полицейскій сержантъ, который, узнавъ все дѣло, безъ церемоній схватилъ меня заворотъ и непременно отвелъ бы домой, если бѣ здѣй герцогъ нашего дому, адвокатъ Шливаліусъ, не попался намъ на встрѣчу.

— Прекрасно, прекрасно! ты перешеголалъ еще почтеннаго своего братца Готлиба. Видно, хотѣлъ иглою въ икру уколоть? Это не всякой снесетъ. Ну, обрадуется жѣ маменька, когда ты веретишься домой, въ сопровожденіи полиціи. Готлибъ попался только за жидовку. Тебѣ этого мало; ты выше идешь. Ты оскорбляешь посланишковъ; хорошо! Это дойдетъ до его высочества. Хорошо! но что послѣ будетъ, то еще лучше!

Доброе имя мое бѣдѣ нагѣни потеряно въ Берлинѣ! Оу захѣмъ не уцѣпился руками и зубами за карету, чтобы она увлекла меня за собою оттуда, гдѣ я не смѣлъ уже смотрѣть на дневной свѣтъ. Сознаніе положенія моего возрастало во мнѣ съ каждымъ шагомъ, свинцовая тяжесть оковывала мои ноги.

Могъ ли я теперь предстать передъ отцомъ своимъ, не смотрѣть на маменьку?... Я вспомнилъ объ Италіанцѣ; слова его раздавались въ ушакъ моихъ и твердая рѣшимость овладѣла мною: они меня больше не увидятъ!... Воспользовались минутой, когда толпа разлучила меня съ сержантомъ, я, какъ стрѣла, бросился за уголъ. Наступавшіе сумерки благопріятствовали моему побѣгу. Не гля-

льшаясь, бѣжалъ я цѣль улицы въ улицу и только у заставы остановился на-минуту.... Тамъ стояла дорожная коляска и какой-то мужчина, въ красномъ французскомъ кафтанѣ разговаривалъ съ досмотрщикомъ. Это былъ онъ!.... Но ни обѣщанные дублоны, ни заступничество его не остановили меня. У меня въ карманѣ были еще три талера и сардинскій червонецъ, которые онъ мнѣ подарилъ, и этого достаточно было, чтобы бѣжать туда, гдѣ нѣтъ слуганокъ, которыхъ посылаютъ за прутьями, нѣтъ семейныхъ совѣщаній и юхимтальской гимназій!

Я добрался до песчанаго пригорка и тамъ отдохнулъ.... Была темная ночь и столица, съ тысячами огней, лежала у ногъ монахъ. Я прощался съ нею и сердце мое сильно билось. На всѣхъ башняхъ звонили въ колокола и мнѣ казалось, что они безпрестанно повторяли: бѣглець! бѣглець! Мнѣ стало страшно. Мысль о маленькѣ сдвинула мнѣ сердце и слезы невольно потекли по щекамъ моимъ. Въ черной массѣ, усыпанной огнями какъ звѣздочками, старался я опредѣлить то мѣсто, гдѣ былъ нашъ домъ, сложилъ руки и хотѣлъ молиться.... но не могъ. Слезы все сильнѣе струились изъ глазъ монахъ. Я закрылъ глаза.... и какъ свѣтлое видѣнiе во мракѣ предстала передо мною маленька. Взоръ ея былъ грустенъ, но она улыбалась.... поцѣловала меня и исчезла....

Холодный ночной воздухъ проникъ меня насквозь. Я крикомъ застегнулъ кафтанъ свой, перевязалъ раненную щеку, еще разъ простился съ Берлиномъ и пошелъ.... Куда? Я самъ не зналъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, я опять закрылъ глаза и новое видѣнiе представилось мнѣ.... Молодая женщина съ золотыми кудрями, съ короной на головѣ и въ парчевой мантии.... она манила меня къ себѣ.... Это была Марія Терезія! Радость опять проникла въ мое сердце. Я былъ увѣренъ, что съ тремя талерами и кускомъ хлѣба въ карманѣ, вездѣ будетъ лучше, нежели въ Берлинѣ.

А куда жъ было мнѣ ийти, какъ не къ Маріи Терезіи?

Вечерній вѣтеръ покачивалъ верхушки деревьевъ въ паркѣ, стѣны ихъ все далѣе и далѣе проникали въ окна замка и ложились на паркетѣ.

Графиня положила книгу на столъ и подошла къ окну.

— Не прикажете ли подать огня? спросила ее компаніонка.

Графиня отрицательно покачала головой, открыла окно, опять закрыла его и подошла къ другому. Компаніонка разсѣянно открыла книгу, съ полу-насмѣшливой улыбкой поглядывая на графиню.

— Ты, кажется, хотѣла принесть огня? сказала послѣдняя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Но вѣдь вы не приказали.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, вѣтеръ можетъ задуть свѣчу.

— Здѣсь? въ комнатѣ? Вы очень разсѣянны.

— А ты не разговорчива. Расскажи мнѣ что-нибудь.

— Не прикажете ли, рассказать вамъ каку-нибудь исторію о привидѣніяхъ? Теперь, въ темнотѣ это было бы очень кстатъ. Скажите, ради Бога, отчего вы такъ скучны, такъ задумчивы? Зимняя квартира наша и безъ того уже не такъ-то пріятна.

— Принеси огня, сухо отвѣчала графиня. Компаніонка улыбнулась украдкой, и вышла изъ комнаты.

Графиня Евгенія медленно прохаживалась взадъ и впередъ. Шорохъ атласнаго платья ея разносился по обширной залѣ; сквозной вѣтеръ шевелилъ камковыми занавѣсами оконъ и тѣни отъ тяжелыхъ кистей играли на полу.

Мѣсяцъ тускло освѣщаль пруды парка и обширные луга. Усиливавшійся вѣтеръ игралъ ставнями и наносилъ изъ отдаленной корчмы пѣсни прусскихъ солдатъ. Графиня остановилась у окна, приложила лицо къ холодному стеклу и со вниманіемъ устремила взоръ къ колодцу, возлѣ котораго что-то шевелилось, медленно приближаясь къ замку. Луна освѣтила формы мужчины.... Евгенія открыла окно, но въ то же мгновеніе облако закрыло луну, и все исчезло....

— Привидѣніе, котораго пугаетъ шумъ открывающагося окна, подозрительно! сказала она и позвонила.

Смущенная, нѣсколько блѣдная, вошла минуту спустя компаніонка; нетвердой рукою держала она въ рукахъ подсвѣчникъ, такъ что воскъ со свѣчи капалъ ей на руку.

— Ты видѣла?....

— Такъ вы знаете?....

— Что—говори!

— Каммергеръ здѣсь!

— Каммергеръ! вскричала графиня, быстро перейдя отъ сильнаго любопытства къ самому холодному равнодушію. — Что ему нужно здѣсь?

— Миѣ кажется, не трудно угадать! возразила компаніонка, ставя на столъ свѣчи. Но какъ онъ пришелъ, это довольно странно. Я не могла дозваться никого изъ слугъ и потому сама сходила за огнемъ. Возвращаясь изъ кухни по корридору, я съ ужасомъ отскочила, увидѣвъ что кто-то влѣзъ въ окно. Когда я опомнилась, то узнала каммергера и уже хотѣла хорошенько побранить его, но онъ такъ умилительно смотрѣлъ на меня, приложивъ палецъ къ губамъ и такъ жалко упрашивалъ не измѣнить ему и доставить ему возможность видѣться съ вами, что я невольно промолчала.

— Пусть онъ придетъ.

Каммергеръ вошелъ въ комнату въ костюмѣ, ни сколько не соотвѣтствовавшемъ его званію; изъ-подъ грубаго кафтана выглядывало жабо, толстые рукава оканчивались манжетами, и мѣховая шапка скрывала напудренный, нѣсколько растрепанный парикъ. Съ танцорскими ужимками подскочилъ каммергеръ къ графинѣ и полу-преклонивъ колѣно, поцѣловалъ ея руку.

— Что значитъ этотъ маскарадъ, геръ фонъ-Курцъ?

— О, ради Бога! Говорите что хотите, только не произносите моего имени. И у стѣнъ есть уши!....

— Откуда вы?

— Изъ Варшавы. Миѣ надобно поговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ, только.... только безъ свидѣтелей, шепнулъ онъ лукаво улыбаясь.

Компаніонка удалилась, повинувшись знаку графини; но она не успѣла еще переступить за порогъ, какъ каммергеръ подскочилъ къ ней и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Я могу положиться на вашу скромность?

— Не беспокойтесь; миѣ еще никогда не приходило на умъ говорить про васъ, отвѣчала компаніонка удаляясь.

Графиня небрежно опустилась на диванъ. Каммергеръ схватилъ ея руку и хотѣлъ поднести къ своему сердцу.

— Вы удивитесь.... началъ онъ.

— Не было ли новыхъ танцевъ въ Варшавѣ? спросила графиня, отнявъ руку.

— Лѣтомъ не танцовали.

— Странно! Однако италіянская опера переселилась туда, по милости короля прусскаго....

— Скоро мы уже не будемъ нуждаться въ его милости! прервалъ ее каммергеръ, значительно поднявъ голову.

— Что вы говорите?

— Довольно ему повелѣвать! Онъ самъ долженъ будетъ повиноваться!

Графиня съ изумленіемъ взглянула на него.

— Да, вы, прелестнѣйшая изъ прекраснаго полу, вы, которую укачивали граціи, воспитали музы, вы, которой сама Діана могла бы позавидовать въ смѣлости, Миневра въ мудрости, а Марсъ въ силѣ, вы вскорѣ увидите всепокорнѣйшаго поклонника вашего въ иномъ свѣтѣ! Я пришель къ вамъ какъ сообщникъ, скажу болѣе, какъ зачинщикъ дѣла, отъ успѣха котораго зависитъ....

Евгенія съ безпокойствомъ схватила его за руку:

— Вы? каммергеръ.....

— Ужасная война, возгорѣвшаяся въ Европѣ и избравшая прекрасную нашу Саксонію своимъ средоточіемъ, лишилась важнѣйшихъ силъ въ семи страшныхъ битвахъ протекшаго года!.... Теперь первое значительное сраженіе рѣшитъ, можетъ ли король, командующій потсдамской гвардіей, быть побѣжденъ—если нѣтъ, то надобно будетъ покориться и прибѣгнуть къ его великодушію; но если счастье измѣнитъ ему, то мы будемъ предписывать ему условія мира и великодушіе будетъ съ нашей стороны.

— Только-то? сказала Евгенія съ прежнимъ равнодушіемъ.

Каммергеръ улыбнулся.—Но что вы скажете, если искусная рука стасуетъ карты передъ рѣшительнымъ сраженіемъ, если *подготовленъ* счастливый случай, который предастъ намъ въ руки.... и если я тотъ счастливецъ, который....

— Остановитесь! вскричала графиня, быстро вставъ.

Каммергеръ, который готовъ уже былъ преклонить колѣно, отскочилъ, боязливо оглядываясь, на три шага.

— Что такое? шепнулъ онъ по-итальянски.

— Не отецъ ли мой сдѣлалъ васъ своимъ довѣреннымъ?

— Такъ вы все знаете?

— Я ничего не знаю. Говорите.

Они опять сѣли. Каммергеръ, боязливо оглядываясь, продолжалъ по-французски:

— Батюшка вашъ, графиня, этотъ неистощимый въ тонкихъ планахъ дипломатъ, достойный любимецъ, ученикъ и другъ достойнаго министра нашего, уже третій день находится въ лагерѣ короля прусскаго.

— Я такъ и думала!

— Будьте спокойны! Онъ въ совершенной безопасности. Видите ли, графиня, уже съ прошлой зимы мы заботимся объ окончаніи войны, съ тѣмъ, чтобы Саксонія была вознаграждена за всѣ убытки, за всѣ несправедливости, претерпѣнныя ею. Хотя у насъ и въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ много друзей, но все это ни к чему не вело. Вдругъ печальный случай самымъ неожиданнымъ образомъ доставляетъ намъ то, чего мы такъ долго домогались. Дѣятельная пріятельница наша въ Дрезденѣ, старая фрейлина Клинкауфъ имѣетъ знакомыхъ и пріятелей во всѣхъ закоулкахъ и подвалахъ берлинскаго королевскаго замка. И вотъ что она узнала отъ одной изъ каммеръ-юнгферъ сестры Фридриха, принцессы Амаліи. Она спорила съ братомъ объ одной картинѣ, находящейся въ замкѣ нашего министра Брюля. Фридрихъ утверждалъ, что купидонъ, представленный на этой картинѣ, написанъ по зеленому грунту, а принцесса увѣряла, что по голубому. Объ этомъ спорѣ мы знали уже въ прошломъ декабрѣ, но только такой фантастъ, какъ нашъ маркизъ, могъ видѣть въ этомъ что-нибудь могущее быть намъ весьма полезнымъ. И что же? Едва Фридрихъ прибылъ сюда, какъ непременно потребовалъ, чтобы его проводили къ Брюльскому замку; онъ не забылъ спора своего и хочетъ собственными глазами удостовѣриться въ томъ, зеленый ли или голубой грунтъ.

Батюшка вашъ тотчасъ предложилъ королю разогнать пикеты, расположенные около замка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ король, зачѣмъ горячиться; я лучше подожду, пока они сами отступятъ.... Въ тотъ же день маркизъ нашъ былъ обо всемъ извѣщенъ....

— Пикеты отступили! вскричала Евгенія.

— Добровольно! отвѣчалъ съ значительной усмѣшкой фонтъ-Курцъ.

— И Фридрихъ на пути къ....?

— А мы на пути къ избавленію отъ смертельнаго своего врага! Гонцы посланы къ главнокомандующему. Впрочемъ, если онъ и опоздаетъ, то около замка расположены Кроаты и венгерскіе гусары. Пока мы здѣсь разговариваемъ, тамъ, можетъ-быть....

— Боже, сохрани его!

— Графиня! помиуйте! вскричалъ камергеръ съ невыразимымъ страхомъ.

— Боже! Отецъ мой....

Послѣ этихъ словъ камергеръ опять пришелъ въ себя.

— Воскличаніе ваше нѣсколько испугало меня, сказалъ онъ: я понялъ слова ваши въ такомъ смыслѣ, какой никогда не придастъ имъ дочь графа Мерони!.... О батюшкѣ вамъ нечего беспокоиться. Если предпріятіе наше и не удастся, то онъ не только ничего не потеряетъ, но даже еще выиграетъ. Вы удивляетесь; но это такъ. У вашего батюшки въ карманѣ черновой проектъ о томъ, какъ бы сдѣлать Саксонію прусскою провинціею, написанный совершенно въ духѣ Фридриха. Если подозрѣніе и падетъ на него, то онъ вынетъ изъ кармана приготовленный проектъ, въ которомъ онъ является какъ величайшій приверженецъ прусскаго короля. Не правда ли? Это очень ловко.

— Прекрасно! сказала графиня, съ полу-презрительной улыбкой смотря на камергера. Чтò еще? камергеръ.

— Батюшка вашъ приказалъ еще сказать вамъ, чтобы вы отъ его имени пригласили сегодня всѣхъ прусскихъ офицеровъ къ ужину. Онъ говорилъ, чтобы вы не жалѣли старыхъ сокровищъ его погреба. Для насъ весьма важно занять здѣшнихъ офицеровъ, чтобы они ничего не

слышали, если дѣло дойдетъ до стычки въ Брюльскомъ паркѣ.

— Я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло!

— Какъ!.... Но вашъ батюшка, графиня.... посудите сами, отъ этого зависитъ....

— Жизнь Фридриха!

— И жизнь отца вашего! Графъ находится въ свитѣ короля.... вы блѣдите.... ради Бога, что вы дѣлаете!...

Графиня позвонила; компаніонка вошла и Евгенія сказала ей нѣсколько словъ на-ухо. Каммергеръ измѣнился въ лицѣ: онъ не зналъ бѣжать ли ему или оставаться.

— Что вы сдѣлали? проговорилъ онъ заикаясь.

— Я приказала просить сюда офицеровъ.

— Загадочное существо!.... но я долженъ былъ сомнѣваться въ патриотизмѣ вашемъ.

— Каммергеръ! мнѣ жаль васъ.... берегитесь попасться въ когти льву!

— Графиня! отвѣчалъ смѣло фонъ-Курцъ: мнѣ весьма лестно ваше участіе, но будьте увѣрены, что я не рѣшился бы дѣйствовать противъ Фридриха, не принявъ всевозможныхъ предосторожностей. Если дойдетъ до того, то при мнѣ всегда находится подробный доносъ о дрезденскомъ заговорѣ и если меня спросятъ, зачѣмъ же я самъ въ немъ участвовалъ, то я могу отвѣчать, что это было только для того, чтобы лучше проникнуть во всѣ тайны этого заговора и передать ихъ Фридриху!.... Тутъ могутъ многіе пострадать, но ни мнѣ, ни отцу вашему опасаться нечего. Главной жертвой будетъ, вѣроятно, маркизь, но что намъ въ этомъ чудаки!.... Вы видите, что я вооружился съ обѣихъ сторонъ.

— Вашъ достойный министръ Брюль будетъ вамъ очень благодаренъ!.... Но кто-то идетъ; спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе. Вы, вѣроятно, не желаете встрѣтиться съ моими гостями. Амалія спрячетъ васъ, на сѣновалѣ или въ гардеробной.... уйдите по-скорѣе.... потому что я вамъ не желаю мученической смерти!

Каммергеръ немедленно послѣдовалъ совѣту ея и такъ постыдно, что вѣжливый придворный забылъ даже поклониться дамѣ!—Евгенія, не желая встрѣчаться съ гостями, удалилась въ свою комнату.

Слуги накрывали столъ въ на-скоро приготовленному ужину и Амалія принимала гостей.

— По-настоящему, господа, говорила она: такихъ героевъ какъ вы, я не должна бы иначе принять, какъ съ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ въ одной рукѣ и съ лавровой вѣтвью въ другой. Но такъ какъ со времени послѣднѣго отступленія Австрійцевъ оранжерей наша находится въ самомъ жалкомъ положеніи, то у насъ не растутъ болѣе лавры и я нахожусь въ большомъ затрудненіи, чѣмъ бы достойнымъ образомъ украсить столькихъ героевъ.

— Странно! я думала, что женщины никогда не бѣгаютъ въ затрудненіи! проворчалъ старый, свѣдой полковникъ, командовавшій отрядомъ волонтеровъ.

— Везъ complimentовъ, полковникъ! сказала улыбаясь Амалія. Впрочемъ, такъ какъ присутствіе мое можетъ только быть неумѣстной пріятельскимъ разговорамъ вашимъ, то позвольте мнѣ удалиться. Распорядитесь какъ дома, господа, и не жалуйте графскаго погребя!.... И съ этими словами она послѣдно удалилась, не обращая вниманія на просьбы молодыхъ офицеровъ, упраснивавшихъ ее остаться.

Всѣ развѣстались около стола и молчаніе было прерываемо только стукомъ ножей и вилокъ о тарелки.

— Я готовъ биться объ закладъ, сказалъ наконецъ толстый майоръ, утоливъ первый голодъ и первую жажду: что угрюмой физіономіи полковника мы обязаны тѣмъ, что прелестныя хозяйки этого замка бѣгаютъ отъ насъ!

— Кто смѣетъ говорить объ угрюмыхъ физіономіяхъ, когда мы пьемъ за здоровье нашего короля? закричалъ капитанъ, уже не разъ опорожнившій стаканъ оной.

— Тише, капитанъ! Полковникъ находится теперь передъ веселымъ судомъ. Зачѣмъ спугнули вы нашу веселенькую козлянку? Куда она дѣвалась?

— Къ чорту! отвѣчалъ полковникъ, закуривая трубку.

— Полковникъ, это не хорошо! Когда вы идете по улицамъ съ такимъ пасмурнымъ лицомъ, что у крестьянскихъ дѣвушекъ, которыя попадаются вамъ на встрѣчу, киснетъ молоко въ кринкахъ, такъ это еще простительно. Но вы забываете, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣвицами знатнаго происхожденія, и не хорошо платить имъ

грубостями за чудесный ужинъ и отличное вино!.... Ротмистръ Ицвиць, вы о чемъ задумались? Развѣ не слышите, что я всѣми силами стараюсь защищать графиню?

— И очень хорошо дѣлаете, майоръ, потому что она любитъ Пруссаковъ и обожаетъ нашего короля! вскричалъ съ жаромъ молодой ротмистръ.

Нѣкоторые недовѣрчиво покачали головами. Молодые офицеры обступили разговаривавшихъ.

— Ротмистръ! сказалъ капитанъ и желая придать болѣе торжественности рѣчи, онъ хотѣлъ встать, но тотчасъ же счелъ за лучшее опять опуститься на стулъ: — Ротмистръ!.... ты добрый малой, лихой товарищъ, храбрый офицеръ.... въ тебѣ горячая кровь.... ты можешь составить себѣ хорошую карьеру.... ей Богу, можешь.... ты хорошей фамиліи.... только, пожалуйста, голубчикъ.... берегись смуглаго личика дочери графа! Она тебѣ не годится.... право, не годится тебѣ.... ну, хоть самъ посмотри.... посмотри, вотъ такіе большіе, черные глаза. А развѣ это хорошо? Нѣтъ, скажи самъ.... развѣ хорошо? Правда, она Италіянка.... Это точно, но только не красавица. Ты думаешь, что она на тебя смотритъ?.... Какъ бы не такъ! Она ни на кого не смотритъ.... то есть, какъ-будто бы и смотритъ.... а въ самомъ-то дѣлѣ и не смотритъ!.... У меня вотъ такъ морозъ по кожѣ и пробѣжитъ, какъ съ нею встрѣчусь!.... Не ухаживай за нею, голубчикъ ты мой!

Краска выступила на лицѣ молодого офицера.

— Конечно, она не такъ блѣдна и бѣлокүра какъ наши барышни, которыя живутъ безъ заботъ изо дня въ день!

— Поцѣлуй меня, голубчикъ, и держись краснощекихъ!

— Вы всѣ не понимаете этого существа, продолжалъ горячо ротмистръ: потому что природа одарила ее пламенной душой, твердой волею, словомъ, потому что она совершенна!

— Вотъ что правда, то правда, заговорилъ майоръ: твердая воля есть у нея; она отца своего на веревочкѣ держитъ и сдвину въ цѣломъ Лейпцигѣ найдется такая ученая женщина!

— Тѣмъ хуже, продолжалъ капитанъ: развѣ латинская

жена годится прусскому ротмистру?.... Да я готовъ бѣжать на край свѣта отъ невѣсты, которая напишетъ мнѣ любовное письмо по-гречески!.... А тутъ и пишутъ и читаютъ до поздней ночи.... Не смѣйтесь!.... Если бѣ мы могли прочесть всѣ письма, которыя отсюда отправляются къ кузинамъ и тѣтушкамъ, такъ славныя бы вещи узнали. Не смѣйтесь, говорятъ вамъ!.... Скажите-ка, зачѣмъ въ полночь прокрадываются сюда люди? а?.... привидѣнiе, это быть не можетъ, потому что привидѣнiя не перепрыгиваютъ черезъ заборы и не прячутся въ тѣни.... намъ измѣняютъ.... это ясно!

— За графиню я ручаюсь! вскричалъ молодой ротмистръ, вскочивъ съ своего мѣста.

— Ручается за женщину!... И капитанъ, громко захохотавъ, сталъ подливать вина въ свой, и безъ того уже полный до краевъ, стаканъ:—Полковникъ, объясните ему хорошенько, чтѣ такое женщины и можно ли ручаться за нихъ!

Ротмистръ сердито оттолкнулъ отъ себя стулъ, а полковникъ всталъ и отвелъ капитана всторону.

— Здѣсь перелѣзаютъ черезъ заборы и прячутся въ тѣни? спросилъ онъ.

— Это такъ же вѣрно какъ то, что я стою передъ вами, отвѣчалъ капитанъ:—я видѣлъ своими глазами.

— Видѣли и не схватили?

— Полковникъ, знаете.... ночью, при лунномъ свѣтѣ.... особенно, когда немножко въ головѣ.... впрочемъ, я сказалъ часовымъ, что если они увидятъ подозрительнаго человѣка, чтобы стрѣляли въ него....

Полковникъ покачалъ головой и поставилъ трубку въ уголъ: — Капитанъ, мы должны обойти весь домъ и часовыхъ теперь же.

— Сейчас.... возразилъ капитанъ поморщившись, потому что въ это самое время подошелъ къ нимъ майоръ, указывая на три пуншевыя чаши:—Нѣтъ, полковникъ, эту ночь я самъ на часахъ у пунша, отъ котораго ни за чтѣ въ мiрѣ не отлучусь!

Разговоръ опять оживился. Разгоряченный ротмистръ утверждалъ, что весь мiръ у ногъ Фридриха, что подозревать, значитъ—трусить; майоръ похваливалъ пуншъ;

капитанъ налилъ два стакана, изъ которыхъ одинъ подавалъ полковнику, но тотъ покачавъ головой, медленно надѣлъ шагу, и пошелъ къ дверямъ. На самомъ порогѣ встрѣтилъ онъ графиню; волосы ея были въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, лицо блѣдно, въ глазахъ выражалось безпокойство, грудь высоко подымалась, какъ-будто послѣ скорой ходьбы. Она смутилась, увидѣвъ полковника.

— Вы, вѣроятно, ищете здѣсь кого-нибудь? спросилъ онъ, пристально смотря ей въ глаза.

— Кузину мою.... отвѣчала она, окинувъ быстрымъ взглядомъ все собраніе.

Полковникъ поклонился почтительно и хотѣлъ удалиться.

— Куда же вы? полковникъ.

— Хочу обыскать замокъ.... тутъ есть что-то подозрительное. Но, успокойтесь, графиня: это дѣлается для вашей же безопасности.

— Миѣ показалось, что вдали раздаются выстрѣлы.... Она поспѣшно отворила окно.... вѣтеръ вылъ, качая деревья.

— О чемъ вы беспокоитесь? спросилъ полковникъ.

— Я жду отца.... Евгенія сѣла у окна.— Миѣ съ той стороны послышались выстрѣлы....

— Вы, вѣроятно, ошиблись....

— О, нѣтъ!.... можетъ-быть, прибавила она, какъ-бы испугавшись перваго восклицанія своего. Скажите, есть ли въ той сторонѣ форпосты?

— Есть. Но они не могутъ вступить въ бой.

— Однако я слышала очень явственно.

Сильный порывъ вѣтру съ шумомъ распахнулъ обѣ половинки окна.

— Это съ юга! вскричала графиня, когда очень явственно послышались три, четыре выстрѣла. Полковникъ высунулся изъ окна; Евгенія встала дрожа всѣмъ тѣломъ, и закрыла руками лицо.

— Боже! Отецъ мой.... или онъ!...

Выстрѣлы становились чаще и сильнѣе.

— Это не на шутку! съ живостію сказалъ старикъ.

— Торопитесь, ради Бога! не медлите ни минуты! вскричала графиня, схвативъ его за руку.

— Чортъ возьми! закричалъ полковникъ громовымъ

голосомъ. Ротмистръ! Кто командуетъ гусарскими пикетами?

Усиливавшаяся стрѣльба обратила на себя вниманіе всѣхъ офицеровъ; сабли зазвучали, всѣ вскочили.... Капитанъ, оттолкнувъ отъ себя стаканъ, твердымъ шагомъ послѣдовалъ за другими офицерами.... Трубы затрубили тревогу и нѣсколько секундъ спустя со всѣхъ концовъ деревни раздавался барабанный бой.

— И никакого извѣстія отъ гусаровъ! кричалъ полковникъ, нетерпѣливо ударяя по эфесу своей шпаги. Что, мы здѣсь на зимнихъ квартирахъ или на форпостахъ?... И онъ гнѣвно взглянулъ на ротмистра, который немедленно подошелъ къ нему и приложивъ руку къ каскѣ, сказалъ:

— Какія будутъ приказанія? полковникъ.

— Свѣчи къ окнамъ, факелы на улицу! Ко всѣмъ выходамъ приставить часовыхъ! волонтеровъ разсѣять по деревнѣ! Гусарамъ выступаты!...

Полковникъ вышелъ на крыльцо и всѣ приказанія его исполнялись съ неимоверною быстротою. Всѣ замокъ освѣтился, факелы ярко горѣли на дворѣ, изъ деревни слышался барабанный бой и топотъ отъ копытъ гусарскихъ лошадей на каменной мостовой....

Не прошло минуты, какъ всадникъ прискакалъ на дворъ замка. То былъ старикъ, въ богатомъ, украшенномъ золотымъ шитьемъ, полушубкѣ, и въ треугольной шляпѣ. Всѣ съ изумленіемъ узнали хозяина замка, графа Мерони. Онъ не сходя съ лошади кричалъ:

— Ради Бога, господа! Что вы медлите! Король вашъ, великій король вашъ находится въ опасности!

Всѣ собравшіеся офицеры вскрикнули съ ужасомъ. Только полковникъ былъ спокоенъ. Свѣтъ факеловъ заблестѣлъ молніями на обнаженныхъ шпагахъ и сабляхъ. Но пока старому дворянину помогали сойти съ лошади, другой всадникъ, адъютантъ короля, прискакалъ къ замку.

— Что вы дѣлаете, графъ! вскричалъ онъ. Васъ увлекла привязанность къ королю нашему, за драгоцѣнную жизнь котораго намъ уже нѣчего страшиться.

— О, какъ я счастливъ, вскричалъ графъ запыхавшись: что мнѣ первому удалось вызвать васъ на помощь къ ве-

лютому монарху. Полковникъ, и вы всѣ, достойные офицеры славнаго Фридриха, не забудьте, что тутъ дѣло идетъ о томъ, что у васъ есть драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ, а потому снѣшите къ нему на помощь! Хоть одинъ разъ забудьте дисциплину и повинуйтесь голосу вашего сердца.

— Напрасно, сказалъ адъютантъ улыбаясь:— Не трогайтесь съ мѣста, полковникъ—это воля его высочества.

Графъ торжественно заключилъ дочь въ свои объятія.

— Что бы сказала дочь моя, вскричалъ онъ громко: если бы подумали, что отецъ ея предалъ короля прусскаго въ руки враговъ его?... И цѣлуя ее въ лобъ, онъ прибавилъ шопотомъ: Каммергеръ былъ здѣсь?

— Будьте покойны! отвѣчала дочь.

— Но какимъ образомъ случилось, что его высочество?... спросилъ полковникъ адъютанта.

— Позвольте мнѣ рассказать всѣ обстоятельства этого дѣла, прервалъ его съ живостію графъ. Еще разъ небу угодно было спасти славнаго монарха вашего отъ очевидной опасности и мы должны благодарить Господа....

Полковникъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Я не буду распространяться, продолжалъ графъ, схвативъ старика за руку: его высочеству угодно было осмотрѣть разрушенный Брюльскій замокъ. Я осмѣлился сказать, что это было не совсѣмъ безопасно, потому что еще за нѣсколько дней въ паркѣ этого замка стояли неприятельскіе форпосты. Однако король настаивалъ и мы уже подѣзжали къ развалинамъ замка, когда послѣдніе лучи заходящаго солнца золотили ихъ. Улыбаясь вѣхалъ король верхомъ во внутренность замка и сталъ разсматривать стѣны, какъ-вдругъ послышался громкій крикъ, и въ то же мгновеніе молодой венгерскій гусаръ пробивается сквозь свиту, подскакиваетъ къ лошади его величества и хватаетъ ее за узцы, восклицая: Ваше высочество! жизнь ваша въ опасности.... не медлите ни минуты! Прочь отсюда, непріятель приближается!... Мы схватились уже за пистолеты, но остановились, когда молодой человекъ рассказалъ намъ о намѣреніи Австрійцевъ овладѣть особой короля, и подалъ намъ совѣтъ, въ которую сторону мы должны были бѣжать... Едва договорилъ онъ

последнія слова, какъ на другомъ концѣ парка послышались уже дикіе крики Кроатовъ....

— Адъ и черти! заревѣлъ во все горло капитанъ.

— Венгерскій гусаръ—измѣнникъ! Что побудило его къ тому? спросилъ полковникъ.

— Спаси жизнь короля гораздо доходнѣе, нежели получать жалованье лейтенанта! отвѣчалъ съ злобой усмѣшкой графъ. Но, господа, я и не посмотрѣлъ на измѣнника. Я глядѣлъ на короля вашего; да, только одинъ Фридрихъ можетъ въ такую рѣшительную минуту сохранить все присутствіе духа. Заходящее солнце освѣщало лицо героя. Свѣтлый взоръ его былъ устремленъ на незнакомца; онъ, казалось, читалъ въ душѣ его.... онъ повѣрилъ словамъ его и выговорилъ только два слова:—Веди насъ!... Вотъ какимъ образомъ спаслись мы отъ преслѣдовавшаго насъ непріятеля и только къ ночи, на дорогѣ къ моему замку, встрѣтились мы съ шайкой пандуровъ.... Я надѣюсь, что это былъ одинъ случай, и что дезертеръ....

— О, нѣтъ, прервалъ адъютантъ, мужество его во время этой незначительной стычки доказало его искренность. Онъ раненъ и если я не ошибаюсь, то вотъ онъ самъ ѣдетъ сюда съ возвращающимися гусарами.

Нѣсколько минутъ спустя всѣ офицеры вошли въ нижнюю залу замка, куда ввели Венгерца. Онъ былъ тяжело раненъ и адъютантъ, опасаясь чтобы онъ не умеръ, рѣшился приступить къ допросу.

Закутавшись въ шинель лежалъ дезертеръ и отрывисто отвѣчалъ на всѣ вопросы, между-тѣмъ какъ фельдшеръ, стоя возлѣ него на колѣняхъ, перевязывалъ его рану. Факелъ освѣщалъ блѣдное лицо Венгерца....

— Имя ваше Стефанекъ? Вы природный Венгерецъ? спросилъ адъютантъ.

— О себѣ я буду отвѣчать одному королю.... зачѣмъ торопиться.... онъ спасенъ, отвѣчалъ раненный чистымъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ.

— Что заставило васъ оставить службу?... перейти къ намъ?

— Боже мой!... К чему эти вопросы.... теперь.... Фридрихъ.... все бы погибло...

— Вы протестантъ?

— Да.

— Какъ вы узнали, что король поѣдетъ къ Брюльскому замку?

— Неужели вы не можете отложить допроса до другаго времени?

— Онъ очень слабъ, замѣтилъ графъ. Слишкомъ большое напряженіе можетъ ввергнуть его въ горячку и тогда мы долго ничего не узнаемъ.

— Завтра, завтра.... говорилъ тихимъ голосомъ Венгерецъ.

— Мнѣ поручено его высочествомъ, холодно возразилъ адъютантъ.

— Вы не знаете человѣка, который извѣстилъ Австрійцевъ о намѣреніи короля; впрочемъ, имя его вамъ ни къ чему не послужитъ, потому что онъ находится внѣ опасности, въ главной квартирѣ императрицы.

— Я вижу, что мы имѣемъ дѣло съ дипломатомъ, а не съ дезертёромъ, желающимъ вступить въ нашу службу, сказалъ адъютантъ съ замѣтной досадою:— Увѣряю васъ, господинъ Стефанекъ, что король не жалуется тѣхъ, которые съ нимъ торгуются.

— Я за него всѣмъ пожертвовалъ, можетъ-быть, и честью! возразилъ обидясь Венгерецъ. Впрочемъ, я не назову вамъ того человѣка еще и потому, что онъ мой благодѣтель!... Король вашъ окруженъ шпионами и въ непріятельскомъ лагерѣ извѣстны всѣ дѣйствія, всѣ поступки его. Я даже знаю имя того, кто въ этомъ случаѣ передалъ непріятелю извѣстіе о желаніи короля осмотрѣть....

— Это, вѣроятно, баронъ фонъ-Курцъ! невольно вскричала графиня.

— Евгенія! вскричалъ графъ испугавшись.

— Нѣтъ, отвѣчалъ раненный, устремивъ взоръ на графиню. Нѣтъ.... не онъ.... но всё-равно, имя его мнѣ хорошо памятно.... Король вашъ спасенъ, будьте довольны этимъ, а что касается до прочаго, такъ.... онъ взглянулъ на графиню — умоляющимъ взоромъ смотрѣла она на него: — такъ мы увидимъ.

Въ это время раздались на дворѣ звуки трубъ, бой бара-

бановъ, громкіе клики вивать! и прибытіе Фридриха положило конецъ тягостному для раненнаго, допросу.

На другой день около полудня всѣ жители замка собрались въ большой залъ.

Когда Фридрихъ прибылъ въ замокъ, молодой дезертеръ такъ убѣдительно просилъ, чтобы ему позволили представиться королю, что одинъ изъ штабъ-офицеровъ рѣшился доложить о томъ монарху; но Фридрихъ отвѣчалъ, нахмуривъ брови, что ему некогда разговаривать съ всякимъ бѣглецомъ. Нашлись добрые люди, которые передали раненному эти слова и онъ пришелъ отъ того въ такое отчаяніе, что нѣсколько разъ покушался сорвать повязки ранъ своихъ. Успокоившись, сталъ онъ просить высшихъ офицеровъ, чтобы они совершили надъ нимъ военный судъ, при которомъ должны присутствовать не одни офицеры, но и всѣ, проживающіе въ замкѣ. Нѣкоторые изъ офицеровъ старались отклонить его отъ этого страшнаго намѣренія, увѣряя, что онъ будетъ зачисленъ въ прусскую службу тѣмъ же чиномъ, безъ всякаго суда; но онъ оставался твердымъ въ намѣреніи своемъ, публично оправдать себя, такъ какъ оскорбленіе, причиненное ему королемъ, было также публично.

— Что мнѣ за дѣло до этого суда! сказала графиня, когда Амалія послѣдно вбѣжавъ въ ея комнату, просила ее сейти въ залу. Я не имѣю ни малѣйшей охоты присутствовать при военномъ судѣ.

— Такъ позвольте же мнѣ оставить васъ одну; и такъ какъ этотъ случай васъ нисколько не занимаетъ, то я даю вамъ обѣщаніе, ни слова не говорить вамъ о немъ.

— Тамъ ли отецъ мой? спросила Евгенія, когда Амалія схватилась уже за ручку двери.

— Кажется; но навѣрное не знаю: зала была уже такъ полна.

— Такъ погоди, я пойду съ тобою; отсутствіе мое можетъ быть непріятно отцу моему.

— Онъ этого не говорилъ.

— Всё-равно, я знаю его.

— А я знаю дочь его, — сказала вполголоса Амалія.

Когда онѣ вошли въ залу, судъ уже начинался.

Дезертеръ былъ высокій, стройный мужчина. Въ живописномъ, богатомъ, полу-дикомъ, въ сравненіи съ прусскими мундирами, венгерскомъ костюмѣ, стоялъ онъ посреди залы. Лѣвая рука его покоилась въ повязкѣ; красивый долманъ былъ перекинутъ черезъ плечо. Голова его была не покрыта и выраженіе прекраснаго, благороднаго, блѣднаго лица живо говорило въ его пользу.

— Господа, говорилъ онъ чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, хотя съ нѣкоторыми оборотами и легкимъ акцентомъ, заставлявшимъ сомнѣваться въ томъ, что это природный языкъ его: господа, королю хотѣлъ я первому ввѣрить причины, на которыхъ теперь основываю защиту свою: его одного хотѣлъ я сдѣлать судьей своимъ.... но онъ не счелъ меня достойнымъ этой чести. Тяжесть подозрѣнія и недовѣрчивости, которую вы можете питать ко мнѣ, гнететъ меня, она невыносима и отъ васъ жду я рѣшенія, можетъ ли поступокъ мой согласоваться съ законами чести. — Я обращаюсь къ вамъ, господа, не только какъ къ военнымъ, офицерамъ, но и какъ.... къ соотечественникамъ. Я родился въ Берлинѣ; родители мои были Пруссаки. Строгое, жестокое воспитаніе внушило ребенку съ раннихъ лѣтъ нерасположеніе къ дому, въ которомъ я родился, къ воздуху, которымъ дышалъ. Не бойтесь, я не стану утомлять васъ оправданіями дѣтскихъ моихъ проступковъ. Нѣтъ, но я долженъ сознаться, что, по несчастію, ненавидѣлъ своего отца, къ родственникамъ чувствовалъ отвращеніе, не терпѣлъ короля и презиралъ отечество. Мнѣ былъ десятый годъ, когда, осьмнадцать лѣтъ тому назадъ, я убѣжалъ изъ родительскаго дому, изъ Берлина, изъ отчизны!... Я бѣжалъ изъ дѣтскаго страху; я боялся заслуженнаго наказанія и послѣ горько раскаялся въ томъ!... Это было въ то самое время, когда слава Мольтке битвы уже осѣнила юное чело Фридриха.... Случай привелъ меня въ Австрію, и тому же случаю обязанъ я воспитаніемъ, которое сдѣлало меня еще болѣе чуждымъ моей родины и воспоминаніямъ дѣтства. Благодѣтель мой, человекъ съ необыкновенными странностями, и котораго я зналъ еще въ домѣ родительскомъ, помѣстилъ меня въ военную академію; окончивъ курсъ, я въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ вмѣстѣ съ цокровите-

лемъ своимъ и воротившись въ Австрію поступилъ въ службу. Это было въ самомъ началѣ теперешней кровавой войны. Короля прусскаго я считалъ клятвопреступнымъ вассаломъ, честолюбивымъ воинемъ, человекомъ безпокойнымъ и безъ всякихъ правилъ. О неосновательности притязаній его на силезскія княжества читалъ я длинное разсужденіе на выпускномъ экзаменѣ....

Съ подобными идеями представился я Маріи Терезіи и, клянусь вамъ, господа, одинъ взглядъ ея еще болѣе утвердилъ во мнѣ эти идеи!.... Я хотѣлъ поцѣловать ея платье, она протянула мнѣ руку.... тогда я внутренно поклялся служить ей вѣрой и правдой и формальная присяга, которую я потомъ, съ десятью товарищами, долженъ былъ повторять за капитаномъ, казалась мнѣ какъ-бы оскверненіемъ той клятвы, которая безъ всякихъ словъ, сдѣлала меня рабомъ императрицы!... Впечатлѣніе этой минуты много содѣйствовало моему ослѣпленію втеченіи многихъ лѣтъ.

Наконецъ наступилъ давно желанный день. Съ высотъ Коллинскихъ увидѣлъ я въ первый разъ прусскую армію. Тысячи и тысячи штыковъ блестя передъ нами, освѣщенные солнцемъ. Пруссаки пѣли пѣсни, хлопотали около котловъ, валялись по травѣ, какъ-будто бы имъ не предстояло ничего необыкновеннаго.... На лицѣ каждого солдата можно было прочесть: «Фридрихъ не можетъ быть побѣжденъ!» У насъ же была мертвая тишина.... часовые не трогались съ мѣстъ своихъ, офицеры наводили зрительныя трубы на непріятельскій лагерь и сомнительно покачивали головами.... сорвавшаяся лошадь, труба фуражира, все производило у насъ тревогу и на каждомъ лицѣ можно было прочесть: «Завтра мы будемъ побиты, несмотря на преимущество силъ, на твердую нашу позицію, потому что Фридрихъ тамъ!» Тогда, господа, только тогда я вспомнилъ съ гордостію, что и я Пруссакъ!... Кровавая битва зажглась. Скала подъ ногами нашими дрожала отъ грома орудій, а Пруссаки стояли твердо. Мнѣ казалось, что барабанъ, который я такъ часто слышалъ изъ отцовскаго дому, труба, которая созывала разсѣянные массы, звали и меня туда, гдѣ было настоящее мое мѣсто! Всѣ окружающіе казались мнѣ чу-

кими, я досадовалъ на безжизненные лица ихъ. Что-то горячее пробѣжало по моимъ жиламъ.... по призыву трубы бросился я съ полкомъ нашимъ на прусскія каре.... не помню что я дѣлалъ и что со мною было. Пруссаки отступили. Полковникъ передъ цѣлымъ полкомъ похвалилъ меня за мужество — но, мнѣ кажется, я не заслуживалъ похвалъ его. Рѣзкому звуку трубъ, грому пушекъ, горячности моей лошади, которая несла меня всё впередъ, обязанъ я мужествомъ своимъ.... рѣшите жъ, господа: могу ли я еще носить эту саблю, обогренную прусскою кровью? могу ли вступить въ прусскую службу?...

Позвольте мнѣ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельстве, которое, можетъ-быть, болѣе всего послужило къ тому, чтобы привязать меня къ Фридриху. — Мы одержали побѣду, но всадники наши шайками рыскали по полю битвы, нанося раненымъ послѣдніе удары, какъ-бы страшась, чтобы отъ одного слова, одного взгляду Фридриха не воротились къ нимъ и жизнь, и силы! Вдругъ изъ кучи убитыхъ поднялся гренадеръ.... еще разъ поднялъ онъ ружье.... раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ офицеровъ нашихъ палъ мертвый....

— Сдавайся! закричалъ кто-то гренадеру, но онъ не отвѣчалъ ни слова, откусилъ патронъ и приготовился вновь зарядить ружье, но ударъ въ затылокъ заставилъ его пошатнуться.

— Сдавайся! раздалось еще разъ, но, заскрежетавъ зубами, гренадеръ-великанъ, схватилъ ружье поперегъ и наносилъ страшные удары по сторонамъ. Я подоспѣлъ въ то самое время, когда сильный ударъ палашомъ заставилъ его упасть на колѣни.... онъ оперся правой рукой на барабанъ, между-тѣмъ какъ лѣвой прижималъ къ груди обломки своего ружья. Жестокій Саксонецъ, нанесшій ему послѣдній ударъ, съ ужасными проклятіями вытиралъ о траву окровавленный палашъ свой.

— Будь я проклятъ, кричалъ саксонскій драгунъ: если не заставлю его прокричать ура за курфюрста и моего государя!... Кричи: вивать, Августъ!

Пруссакъ протянулъ руку къ фляжкѣ.... желаніе его было исполнено.... онъ пригладилъ усы, омоченные потомъ и кровью, приподнялся, приложилъ фляжку къ гу-

блещут... глаза засверкали и какъ-будто бы грудь его освѣдилась, онъ закричалъ:—Видать королю моему, Фридриху!

Онъ упалъ.... голова его опустилась на барабанъ....

— Глупецъ! закричалъ драгунъ умирающему на ухо Фридриху твоему пришелъ конецъ—наша взяла!

Гренадеръ еще разъ открылъ глаза; мнѣ показалось, что на лицѣ его, искаженномъ страданіями и быстро приближавшеюся смертію, проявилась улыбка.... онъ, казалось, къ чему-то прислушивался, едва замѣтнымъ образомъ кивая головою. И точно, вскорѣ и мы разслушали прусскую военную музыку. Фридрихъ собиралъ остатки своей арміи къ славному отступленію и гренадеръ, съ усиліемъ поднявъ руку, торжественно показывалъ въ ту сторону.

— Онъ воротится! выражалъ послѣдній предсмертный взглядъ его....

Что придаю этому человѣку это мужество, это воодушевленіе, эту радостную увѣренность въ непобѣдимость Фридриха? Надежда на славу, на бессмертіе? Увы! Кто знаетъ имя этого гренадера? Многимъ ли извѣстенъ поступокъ его?.... Что же такое? Вѣроятно, когда-нибудь Фридрихъ проходя мимо его, кивнулъ ему головою, ударилъ по плечу и сказалъ: я знаю тебя!.... Хотя Фридрихъ былъ разбитъ при Коллинѣ, но я, съ этого только дня увѣрился въ томъ, что онъ точно непобѣдимъ!

Судьба моя была рѣшена. Я, нѣкоторымъ образомъ, зависѣлъ отъ благодѣтеля моего, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Ему я былъ всѣмъ обязанъ, тѣмъ болѣе, что онъ рѣшился усыновить меня. Я увѣдомилъ его о намѣреніи моемъ и просилъ выхлопотать мнѣ отставку.—«Проклятіе мое,» писалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ: «дезертеру, ненавистнику, на висѣлицу труса, который проситъ въ отставку во время кампаніи». Вслѣдъ за письмомъ приискалъ онъ самъ на почтовыхъ и умолялъ меня переимѣнить неблагоприятное мое намѣреніе. Нечего было дѣлать! я еще годъ прослужилъ, но потомъ, несмотря ни на просьбы, ни на угрозы покровителя моего, самъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и получилъ отказъ. Прошелъ еще годъ, я подалъ вторичную просьбу и рѣшился, не ожидая

отвѣта, оставить службу, хотъ бы меня разжаловали и посадили въ крѣпость. Третьяго дня вечеромъ все было кончено. Письмо къ командиру моему было отослано, лошади была осѣдлана и я сдалъ уже караулъ другому офицеру, какъ—вдругъ въ комнату мою вошелъ курьеръ съ письмомъ отъ моего покровителя. Онъ воображалъ, что намереніе мое оставить службу происходило единственно отъ того, что меня нѣсколько разъ обошли чинами. «Теперь,» писалъ онъ мнѣ, «тебѣ предстоитъ случай отличиться». Онъ совѣтовалъ мнѣ торопиться, пока другой не предупредилъ меня. Дѣло шло, какъ вы уже знаете, о жизни, о свободѣ Фридриха.... вамъ навѣстно, какъ я поступилъ. Судите жъ меня теперь, господа, по всей строгости законовъ. Забудьте объ услугѣ моей королю. Это одинъ случай, безъ котораго я всё—таки оставилъ бы австрійскую армію и перешелъ бы къ вамъ. Фридрихъ называлъ меня переметчикомъ. Правъ ли онъ? Неужели я поступилъ какъ негодный бродяга, неужели не имѣлъ въ душѣ сятаго права уйти отъ непріятелей законнаго короля моего и стать подъ его знамена? Рѣшите!....

Молодой человѣкъ хотѣлъ отступить, но въ то же мгновеніе всѣ судьи встали съ мѣстъ своихъ.

— Никто не осмѣлится сказать, вскричалъ генералъ, съ жаромъ схвативъ руку Стефанека: что вы поступили не какъ благородный человѣкъ.

— Никто, никто! воскликнули всѣ офицеры.

— Благодарю васъ, сказалъ Стефанекъ съ чувствомъ: я отъ души желаю, чтобы скорѣе представился мнѣ случай съ саблей въ рукѣ подтвердить слова ваши.

— Однако жъ, сказалъ генералъ, вы должны перемѣнить саблю, съ которою шли нѣкогда противъ насъ. Господинъ ротмистръ, помѣняйтесь саблями съ возвратившимся къ намъ соотечественникомъ.

Приказаніе генерала было исполнено и ротмистръ цокалъ Стефанеку руку.

— Теперь остается намъ узнать прусскую фамилію нашу, чтобы я зналъ, какъ представить васъ королю.

— Простите, имя мое такъ неизвѣстно—при томъ же я не знаю, позволить ли мнѣ еще отецъ мой носить его имя. Въ родительскомъ домѣ меня звали Этьеномъ — потому

что мать моя была Француженка, — въ венгерскомъ полку перебрали это имя въ Стефанека. Позвольте жь мнѣ отбросить венгерское окончаніе и просто называться.... Стефаномъ.

Присутствіе молодого дезертера оживило однообразіе ежедневной жизни обитателей замка. Онъ скоро выздоровѣлъ и комната его безпрестанно была наполнена офицерами, желавшими пожать руку новому товарищу. Посщепенія эти утѣляли выздоравливаващаго, такъ что онъ чрезвычайно обрадовался возможности выѣзжать прогуливаться по окрестностямъ.

Однажды онъ, давъ полную свободу усталому коню, медленно возвращался въ замокъ, какъ по выѣздѣ изъ сосноваго лѣсу встрѣтился съ молодою всадницею—то была графиня. Они не встрѣчались послѣ того вечера, въ который въ первый разъ познакомились; несмотря на то, оба невольно покраснѣли, когда эта нечаянная встрѣча заставила ихъ сблизиться и вступить въ разговоръ.

— Графиня, сказалъ офицеръ, я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы рассказать вамъ одно довольно странное приключеніе, которому я былъ свидѣтелемъ.

Евгенія взглянула на него; утвердительно кивнула головою и заставивъ нетерпѣливую лошадь итти шагомъ, поѣхала возлѣ молодого офицера.

— Я осматривалъ форпосты, какъ встрѣтилъ нечаянно телѣгу, запряженную четверкой лошадей, и пробирающуюся по проселочной дорогѣ. Гусары, сопровождавшіе меня, остановили лошадей, вступили въ споръ съ извозникомъ, не позволяя ему переѣхать на непріятельскую сторону. Извозникъ отвѣчалъ, что онъ везетъ навозъ и что, кажется, бѣды большой нѣтъ, если онъ весь навозъ съ нашей стороны переброситъ къ непріятелю. Видя, что я съ улыбкой смотрѣлъ на эту сцену, не говоря ни слова, гусары мои заключили, что этого человѣка можно было отпустить; однако жь я изъ любопытства поскакалъ въ нѣкоторомъ разстояніи за телѣгой и на самомъ поворотѣ увидѣлъ какъ оттуда, изъ-подъ навозу, высочилъ человѣкъ еще довольно молодой и побѣжалъ въ лѣсъ; я пустился за нимъ въ погоню, но опоздалъ; онъ успѣлъ счастливо перебраться за черту нашихъ форпостовъ, въ непріятель-

скую сторону. Когда я воротился, то навозчикъ съ тельгой и лошадию исчезъ. Однако жъ я узналъ въ немъ одного изъ вашихъ людей....

Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на графиню.

— Какъ вы думаете, графиня, продолжалъ офицеръ: могу ли я оставить это обстоятельство безъ вниманія?

— Помните ли вы, спросила она послѣ минутнаго молчанія съ живостію: помните ли вы имя того, кто принималъ участіе въ заговорѣ противъ короля?

— Помню.

— И вы не считаете нужнымъ предать его въ руки Пруссаковъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я даю вамъ вѣрное слово, что объ этомъ ничтожномъ приключеніи и говорить не стоить. Тотъ, кого вы видѣли, человѣкъ весьма ничтожный, заботится только о собственной безопасности. Королю вашему нечего бояться его.

— Слава Богу! вы успокоили меня.

— Но, скажите пожалуйста, спросила съ улыбкой графиня: почему вы такъ довѣряете мнѣ?

— Подозрѣніе не согласно съ гусарской натурой.

— Однако жъ если дѣло идетъ о благѣ государя и отчизны!.... Я не понимаю спокойствія вашего и должна буду думать, что вы совсѣмъ не то, за что выдаете себя.

Офицеръ грустно улыбнулся и отвѣчалъ:

— Вы хотите сказать, что я, можетъ-быть, шпионъ? А между-тѣмъ я готовъ биться объ закладъ, что вы не можете такъ дурно думать обо мнѣ.

— Благодарю васъ за это мнѣніе. Я вижу, что вы должны были полюбить Фридриха; у васъ много сходнаго въ характерахъ. Онъ такъ же очень неостороженъ.

— Его берегутъ добрые генія. Напримѣръ, здѣсь въ замкѣ.

— Кто же это?

— Вы, графиня.

— Господинъ Стефанекъ, я Саксонка!....

— А всё-таки ревностная поклонница Фридриха.

— Къ то вамъ это сказалъ?

— Я прочелъ бы это въ прекрасныхъ глазахъ вѣнчанъ если бы товарищи мнѣ не сказали.

— И не помню, чтобы повѣрляла тайны свои кому-нибудь изъ вѣнчанъ товарищей.

Между тѣмъ они подѣхали къ замку. Графиня кивнула Стефану головою, ударила лошадь свою хлыстиномъ и она въѣхала на дворъ. Тамъ не было ни одного слуги, и между тѣмъ какъ она съ нѣкоторыми истергѣнными осматривалась, въѣхалъ на дворъ и Стефанъ. Въ то же время несколько офицеровъ, замѣтившихъ Евгению изъ оконъ, спѣшили внизъ по лѣстницѣ. Быстро повернула она лошадь къ проводнику своему, который немедленно соскочилъ съ коня, помогъ графинѣ сойти и почтительно поклонившись, взялъ лошадей подъ узцы, чтобы удалиться.

— Вы можете отдать лошадей конюху, сказала Евгения.

Въ это самое время прибѣжалъ конюхъ и принялъ лошадей. Стефанъ, какъ-бы не желая понять намѣка графини, еще разъ поклонился, между тѣмъ какъ ротмистръ и другіе офицеры подоспѣли, чтобы принять молодую хозяйку.

— Куда вы спѣшите?

— Я уступаю мѣсто счастливѣйшимъ, отвѣчалъ Стефанъ шопотомъ.

Ротмистръ подавъ графинѣ руку, но она, какъ-бы не замѣтивъ движенія его, скоро обратилась къ Стефану, сказавъ:

— Я уже просила господина Стефана проводить меня наверхъ.

Ротмистръ, желая дать какое-нибудь значеніе слишкомъ неопредѣленному своему движенію, сталъ гладить гриву лошади.

На слѣдующій день утромъ Стефанъ вышелъ изъ замка. Медленно прогуливался онъ по аллеямъ парка, какъ вдругъ неожиданное явленіе заставило его остановиться.... у окна красивой бесѣдки сидѣла Евгения.

Солнце, разогнавъ туманъ, согрѣвало весенній воздухъ и свѣтлые лучи его освѣщали лицо молодой дѣвушки. У нея въ рукахъ было какое-то рукодѣлье. Стефанъ во-

бѣлъ въ бесѣдку. Ласково привѣтствовала его графиня.

— Я очень рада, что вы пришли, сказала она звучнымъ, свойственнымъ голосомъ. Не знаю, почему забыла я васъ спросить о томъ, что меня такъ давно занимаетъ. Признаюсь вамъ, исторія жизни вашей, которую вы рассказали совѣту, меня крайне тронула, но, ... во мнѣ остались нѣкоторыя сомнѣнія. Неужели родители ваши не отъискивали васъ? Неужели вы не имѣете о нихъ никакихъ извѣстій? Живы ли они?

— Живы.

— Вы это знали и ничто не влекло васъ въ объятія родной матери?

— Вы пробуждаете во мнѣ горестныя воспоминанія, графиня. Тысячу разъ думалъ я воротиться къ милой, нѣжной, любимой матери. Но тамъ былъ у меня отецъ.

— Но что сдѣлалъ онъ вамъ? Неужели въ осьмнадцать лѣтъ страхъ, который внушалъ онъ вамъ въ дѣтствѣ, не могъ разсѣяться?

— Впродолженіи девяти лѣтъ, онъ не успѣлъ заставить меня привязаться къ нему, между-тѣмъ какъ я готовъ былъ полюбить его всею душою. Еще понынѣ невольный страхъ овладѣваетъ мною, когда я о немъ вспоминаю.

— Кто знаетъ, онъ, можетъ-быть, былъ добръ въ душѣ.

— Ребенку это трудно разобрать. Между-тѣмъ судьба испослала покровителя, который замѣнилъ мнѣ отца и, несмотря на всѣ странности свои, умѣлъ душевно привязать къ себѣ.

— Какъ же вы съ нимъ встрѣтились?

— Оставивъ Берлинъ, бродилъ я по одной изъ песчаныхъ полянъ, окружающихъ эту столицу. Я былъ голоденъ, усталъ, заблудился, солнце пекло меня и я совершенно лишился всей своей рѣшимости. Я бросился въ изсохшій кустъ и проливалъ горькія слезы, полагая, что послѣдняя минута моя настала, какъ-вдругъ послышался стукъ колесъ и какой-то господинъ, принимая меня за пастуха, высунувшись изъ кареты, спрашивалъ гдѣ бы выбраться на большую дорогу. Этотъ господинъ былъ чудакомъ, котораго я нѣсколько разъ видѣлъ уже въ домѣ

своихъ родителей, гдѣ его просто называли маркизомъ. Я не знаю, кто болѣе обрадовался этой встрѣчѣ. Онъ выскочилъ изъ кареты, обнималъ, цѣловалъ меня...

— Зачѣмъ же онъ не проводилъ васъ къ родителямъ вашимъ? спросила Евгенія.

— Я думалъ, что онъ это сдѣлаетъ и уже умолялъ его, чтобы онъ замолвилъ за меня слово. Онъ побранилъ меня, но когда я заговорилъ о возвращеніи, то онъ отвѣчалъ, что ужъ если я убѣждалъ, такъ видно Богу такъ угодно, и взялъ меня съ собою.

— Странно!

— Вообще всѣ поступки покровителя моего отличаются какою-то странностію. Я послѣдовалъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что дѣтскому воображенію моему представлялась другая мать, и ее-то желалъ я видѣть. То была мать цѣлаго народа: Марія Терезія! Къ ней привязался я впоследствии всѣмъ жаромъ юношеской души!

— Пока любовь къ отечеству не одержала верхъ надъ этой привязанностію?

— Любовь къ отечеству и долгое размышленіе.

— Слѣдовательно, вы повиновались не влеченію души?... и горькая улыбка появилась на лицѣ Евгенія.

— Я повиновался чему-то необъяснимому, что влекло меня къ Фридриху. То, чѣмъ онъ очаровываетъ весь міръ, образумило и меня.

Графиня накинула платокъ на шею. Лицо ея, на которомъ сначала видно было участіе, приняло холодное выраженіе. Она скоро встала.

— Какъ холодно стало.

— Боже мой! я огорчилъ васъ? вскричалъ съ безпокойствомъ офицеръ.

— Нѣтъ! Меня только удивляетъ, какъ вы, поступками котораго всегда, какъ я вижу, управляетъ разумъ, могли такъ безотчетно привязаться къ Фридриху?

— Я люблю въ Фридрихѣ того человѣка, который не заботясь о свѣтскомъ мнѣніи, самъ предписываетъ себѣ законы! Онъ, какъ великій преобразователь, далъ всему другое направленіе! Этому смѣлому, неутомимому гению поклоняется разумъ мой какъ полубогу!

Еще въ началѣ разговора Стефана съ графиней послы-

шался изъ деревни барабанный бой; но они не обратили на это вниманія.

— Боже мой, что это! вдругъ вскричала Евгенія.

— Барабанный бой.

— Нѣтъ.... вопль, страшный вопль!

— Это ничего! отвѣчалъ Стефанъ, между-тѣмъ какъ блѣдность покрыла лицо его: по бою барабановъ и по воплю онъ понялъ, что тамъ происходило, и чтобы скрыть свое смущеніе, выглянулъ въ окно.

— Это не тревога, будьте спокойны; это ничего! скажите онъ нетвердымъ голосомъ.

— Ничего!.... Теперь только я поняла этотъ вопль.... Это голосъ несчастнаго!.... Слышите ли?.... Слышите. Это былъ, можетъ-быть, послѣдній стонъ его! Но что съ вами? Вы блѣднѣете? О, ради Бога, сгѣшите, спасите что можетъ-быть еще спасено, молитесь, чтобы его пощадил! Между-тѣмъ какъ мы здѣсь такъ спокойно разговаривали, такъ пріятно спорили, тамъ.... тамъ человекъ умиралъ подъ ударами палачей вашего полубога!....

Грудь ея высоко подымалась, она дрожала всѣмъ тѣломъ, рука невольно сжималась и краска безпрестанно смѣнялась блѣдностью на прекрасномъ лицѣ ея.

Стефанъ почти не разслышалъ восклицаній ея, взоръ его былъ устремленъ на дорогу, проходившую возлѣ самой бесѣдки. Вдругъ схватилъ онъ руку Евгеніи.

— Пойдемте, вы не можете здѣсь оставаться.

— Умеръ! вскричала она: онъ умеръ?

— Уйдемте, графиня, умоляю васъ.

— Я останусь.

— Онъ перенесъ наказаніе.

— Неужели вы думаете, что я боюсь посмотреть въ лицо умирающему. Я хочу прочесть на лицѣ его укоръ жестокихъ судьямъ.

Барабанный бой прекратился, но тяжелые шаги, глухой шумъ приближался къ бесѣдкѣ. Вели наказаннаго. Его два раза прогнали сквозь строй—и онъ остался живъ. Его вели два товарища, на плечахъ которыхъ висѣли обезсиленные руки несчастнаго. Мундиръ былъ накинутъ у него на спину и воротникъ застегнутъ впереди на крючки, но не закрывалъ всѣхъ слѣдовъ претерпѣннаго нака-

заним. Онъ не могъ или не хотѣлъ, чтобы его вели дальше а потому, собравъ послѣднія силы, высвободился изъ рукъ товарищей и бросился на дорогу подъ самой бесѣдой.

— Боже милосердый! вскричала Евгенія.

Мундиръ несчастнаго разстегнулся и окровавленный, лежалъ онъ въ пыли. Въ полу-закрытыхъ глазахъ его выразилась еще угроза. Солдаты, крестьяне, ребятишки и женщины смотрѣли на него съ состраданіемъ, смѣшаннымъ съ невольнымъ страхомъ.

— Онъ умеръ? спросила Евгенія.

— Какое умеръ! вскричалъ капралъ; онъ и теперь еще здоровѣ насъ! Только упрямится.

Евгенія съ поспѣшностію искала чего-то, но не нашла.

— Кошелекъ вашъ, сказала она Стефану, скорѣй, кошелекъ вашъ!

Стефанъ исполнилъ ея желаніе; она вырвала кошелекъ изъ рукъ его и бросила несчастному. Тотъ приподнялся, громко вскрикнулъ ура! схватилъ кошелекъ, взглянулъ на него и задрожалъ.... потомъ скоро всталъ безъ помощи товарищей, схватилъ кошелекъ въ рукъ, какъ будто боясь чтобы у него не отняли его и онустивъ голову, преговорилъ сквозь зубы:

— Я этого не забуду!

Товарищи повели его дальѣ.

— Позвольте мнѣ проводить васъ въ замокъ, сказалъ офицеръ.

Евгенія отказалась отъ его предложенія.

— Господинъ Стефанъ, сказала она гордо посмотрѣвъ на него; сегодня я убѣдилась, что мы никогда не поймемъ другъ друга!

Она скоро удалилась. Разказы офицеровъ предувѣдомили уже Стефана о непонятномъ, своенравномъ, пылкомъ характерѣ графини, а потому онъ зналъ, что ничто не могло успокоить ее въ эту минуту. Онъ слѣдилъ за нею взоромъ, пока она не исчезла при поворотѣ въ другую аллею; съ недовольнымъ движеніемъ отеръ слезу, съ досадою топнула ногою и пошелъ въ другую сторону.

Въ деревнѣ всѣ было еще въ движеніи. Старикки, собравшись толпами, разговаривали о наказаніи, припоминали, гдѣ впервые слы измѣнили несчастному, гдѣ онъ вскрикнулъ; босоногіе ребятишки считали шаги, пройденные имъ и замѣтно было по выраженію всѣхъ лицъ, что это приключеніе произвело на нихъ впечатлѣніе на всю жизнь.

Стефанъ узналъ, что солдатъ этотъ запоздалъ однажды въ деревнѣ, когда туда нахлынули непріятельскіе форпосты и онъ успѣлъ только спрятаться на сѣнникѣ. Одинъ изъ крестьянъ открылъ непріятелямъ убѣжище его и онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но вскорѣ прусскій отрядъ освободилъ его. Тогда солдатъ ужаснымъ образомъ отомстилъ крестьянамъ. Предавшій его спасся отъ смерти только тѣмъ, что залѣзъ въ колодець. Когда все пришло опять въ порядокъ, то была подана жалоба, несчастный солдатъ былъ судимъ военнымъ судомъ.... Въ самое то время, когда его гнали сквозь строй, онъ нѣсколько обратился къ дому виновника его несчастія, поднялъ окровавленную руку и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Мы еще увидимся!

Стефанъ рѣшился отыскать въ лазаретѣ несчастнаго, въ которомъ принималъ невольное участіе и купить у него кошелекъ свой, которымъ очень дорожилъ, потому что онъ былъ подарокъ доброй его матерью.

Въ тотъ же день полки, стоявшіе въ окрестностяхъ замка, получили приказаніе выступить.

Во время всеобщей суматохи, бѣготни, графиня прогуливалась съ Амаліей по саду.

— О чемъ вы задумались? спросила наконецъ Амалія, выведенная изъ терпѣнія продолжительнымъ молчаніемъ графини.

— Амалія, я буду съ тобою откровенна....

— Въ первый разъ въ жизни.

— Не шутя. Знаешь ли, о чемъ я сегодня такъ долго разговаривала съ отцомъ моимъ?

— Не знаю, но догадываюсь.

— Онъ предостерегалъ меня.... Я увѣренъ, генералъ

онъ: что дочь моя не забудетъ кто она и кто этотъ дезертеръ.... сказала Евгенія, какъ-бы неохотно выговоришь послѣднее слово.

— И вы отвѣчали?....

— Я отвѣчала, что съ дѣтства привыкла имѣть свою волю, сама располагала своими поступками и что если въ сердцѣ моемъ родится.... привязанность, къ этому молодому человѣку, то ни какія предостереженія и увѣщанія не заставятъ меня....

— Разлюбить его! воскликнула Амалія, когда графиня остановилась. Прелестно, очаровательно! Этого я отъ васъ не ожидала. Прекрасно!

— Амалія, я начинаю думать, что поступила дурно, потому что ты довольна мною.

— Полно, не сердитесь! сказала Амалія ласково. Милая кузина моя, вы знаете, я не зла: немножко вѣтрена, насмѣшлива, беззаботна, но не зла, право не зла!.... Позвольте жъ мнѣ вознаградить васъ—посмотрите, вотъ подвели лейтенанту лошадь — онъ долженъ проститься съ вами!

— Амалія!

— Не теперь. Вотъ идетъ графъ съ ротмистромъ. Они прощаются. Посмотрите, какъ батюшка вашъ дружески жметъ ему руку. У него на лицѣ написано: какъ я радъ, что вы, наконецъ, уѣзжаете отсюда!

Послышались трубы удалявшихся гусаровъ. Графиня глубоко вздохнула и бросилась на грудь подруги.

— Бѣдная Евгенія! сказала она тихимъ голосомъ, но съ выраженіемъ такого участія, какого графиня еще никогда не видѣла въ ней. Амалія скоро освободилась, выбѣжала изъ саду и какъ-бы случайно подошла къ Стефану, кивнула ему головой и лукаво погрозила пальцемъ.

— Не прощайся съ дамами!

— Насъ торопятъ!

— Кчему торопиться! Вашъ арабскій конь легко догонитъ тяжеловѣсныхъ прусскихъ лошадей. А мнѣ надобно съ вами поговорить.

Она взяла его подъ руку и медленно повела къ садовой калиткѣ.

— На войнѣ бываютъ сраженія, а на сраженіи можно умереть,—подумали ли вы объ этомъ?

— Если бѣ не думалъ, то не былъ бы военнымъ.

— Хорошо. Любите ли вы платить долги свои?

— У меня ихъ нѣтъ.

— Лейтенантъ—и нѣтъ долговъ!

Они всё ближе подходили къ калиткѣ.

— Нѣтъ долговъ! продолжала Амалия. Это рѣдкость! И вамъ никто не долженъ?

— Извините: мнѣ, право, некогда. Долгъ службы зоветъ меня.

— Какой вы упрямый! Прошу васъ замѣтить, что вѣжливость къ женщинамъ есть первый долгъ мужчины, особенно военнаго. Ступайте на войну, на смерть или куда хотите, но будьте, по-крайней-мѣрѣ, вѣжливы и поклонитесь графинѣ, съ которою печальный случай заставилъ васъ встрѣтиться.

Они вошли въ садъ и подошли къ графинѣ, стоявшей близъ калитки.

— Повѣрите ли, графиня, продолжала Амалия, гостья иныи хочетъ уѣхать, не простившись даже съ нами. Что же вы молчите? прибавила она, обращаясь къ лейтенанту.

Каждая минута была драгоценна. Трубы звучали, на дворѣ была суматоха, гусары удалялись. Амалия очень хорошо поняла это и оставила Стефана одного съ графиней. Молча стояли молодые люди. Графиня первая уступила волновавшему ее чувству. Свѣтлая слеза выкатилась изъ глазъ ея и она подала лейтенанту руку.

Молча прижалъ онъ ее къ губамъ своимъ и упалъ бы на колѣни, если бѣ въ то же мгновеніе ротмистръ съ гротомъ не вошелъ въ садъ.

— Мы еще увидимся, сказала она. Онъ почувствовалъ трепетное пожатіе руки ея.

— Вы еще здѣсь, лейтенантъ! закричалъ съ явной досадою ротмистръ. Вы должны знать, что у Пруссаконъ офицеръ ѣдетъ впереди эскадрона. Если вамъ пріятнѣе ѣхать позади, то вы могли остаться у Австрійцевъ.

Лицо Стефана вспыхнуло.

— Я думаю, сказалъ онъ, подойдя къ ротмистру: что у

Пруссаковъ, какъ и у Австрійцевъ, храбрый чело­вѣкъ умѣетъ дать удовлетвореніе за необдуманное слово.

Взоръ Еягенія, схватившей отца за руку, чтобы у­даться, одобрилъ слова Стефана.

— Просите и дастся вамъ, отвѣчалъ ротмистръ. Когда будетъ время, мы увидимся.

И они разошлись въ разныя стороны. Графъ, не знав­шій начать разговора, разстался съ дочерью и замѣтивъ Амалию, подозвалъ ее къ себѣ.

— На одно слово! вскричалъ онъ грозно.

— Ахъ, графъ, какъ вы сегодня угрюмы! отвѣчала она.

— Берегитесь короче познакомиться со мною.

— Кажется, я давно уже имѣю честь....

— Это всё ваши предълки. Повѣрьте мнѣ, изъ этого ничего не будетъ.

— Могу ли я не вѣрить вамъ, сказала Амалия и на­клонилась, чтобы поцѣловать руку графа.

— Не вѣшивайтесь больше въ это дѣло—отъ этого за­висятъ судьба ваша.

Между-тѣмъ какъ она, опустивъ глаза, низко присѣла, гордый вельможа важно удалился. Однако онъ могъ еще разслышать послѣднія слова Амалии:

— Добренькіи! онъ вѣрно хочетъ отдать меня замужъ!

Лагерь Пруссаковъ составлялъ самую оживленную, разно­образную картину. Офицеры стояли группами и разсуждали о чемъ-то съ жаромъ и недовольными лицами. Зрительныя трубы были наведены на лагерь непріятеля; часто прозвучали выстрѣлы короля, но покачивая головами:—офицеры были недовольны. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, болѣе сотни грена­деровъ, собравшись въ кружокъ, такъ громко пѣли нѣ­сидя, что вѣтеръ доносилъ ихъ звуки до непріятельскаго лагера.

Вдругъ громкое «вивать!» огласило воздухъ, сотни ша­покъ поднялись въ воздухъ, и толпы равстунились.

Король обходилъ лагерь. Онъ остановился и посмотрѣлъ на солдатъ, которые за минуту такъ весело распѣвали.

— Повтори послѣдніе стихи, сказалъ монархъ, обра­щаясь къ одному изъ солдатъ. Ты, — пропой.

Солдатъ выступилъ на шагъ, выдвнувшись, руки: по швамъ, выставивъ грудь, закинувъ нѣсколько голову назадъ и устремивъ взоръ, безъ всякаго выраженія, на короля, затянулъ какую-то солдатскую пѣсню.

Фридрихъ обратился къ одному изъ адъютантовъ своихъ и сказалъ:— Вотъ солдатская поэзія! пошелъ далѣе. Пѣвецъ не трогался еще съ мѣста, когда король тростью указалъ на другаго солдата:

— И онъ пѣлъ?

— Съ позволенія вашего высочества, отвѣчалъ солдатъ.

— Экой плутъ!

— Онъ удивительно какъ милостивъ сегодня, говорили шовотомъ солдаты, между-тѣмъ какъ король медленно шелъ впередъ, по длинной улицѣ, образовавшейся между рядами воиновъ. Онъ ласково выслушивалъ просьбы и представленія и поровнявшись съ ротмистромъ кивнулъ ему головою, въ знакъ благоволенія за послѣднее дѣло, въ которомъ тотъ отличился. Воспользовавшись милостивымъ расположеніемъ короля, знакомый уже намъ генералъ, полюбившій Стефана, рѣшился представить его.

— Вотъ, ваше высочество, лейтенантъ Стефанъ, который вчера разогналъ австрійскихъ фуражировъ и овладѣлъ тремя возами съ сѣномъ.

— Сухо ли было сѣно? спросилъ король, вынимая изъ кармана табакерку.

— Оно пришлось очень кстати. Это, ваше высочество, тотъ самый офицеръ....

Фридрихъ нюхалъ табакъ и посмотрѣлъ большими, свѣтлыми глазами своими на представляемаго; но во взоръ его не было ни участія, ни воспоминанія о чемъ-нибудь, когда онъ прервалъ генерала:

— Жена твоя, кажется, родила?

— Точно такъ, ваше высочество.

— Сына или дочь?

— Сына.

— Какъ ты его назовешь?

— Именемъ побѣдителя при Прагѣ и Лейтенъ, если вашему высочеству угодно будетъ позволено?

— По мнѣ какъ хочешь.

И скорыми шагами пошелъ онъ далѣе, между-тѣмъ какъ за нимъ раздавалось громкое ура!

Случайно а, можетъ быть и по особенному расположенію начальника, Стефанъ былъ откомандированъ съ эскадрономъ своимъ въ деревню, принадлежавшую къ имѣнію графа. Возвращаясь къ себѣ, послѣ немилостиваго поступка короля, лейтенантъ увидѣлъ въ недалекомъ разстояніи карету, возлѣ которой стоялъ баронъ Ицвицъ, ротмистръ его, дружески разговаривавшій съ графомъ. Изъ кареты выглянула Евгенія.

— Она здѣсь! произнесъ Стефанъ вздрогнувъ.... Въ то же время кто-то слегка потрепалъ его по плечу. То былъ старшій полковникъ.

— Послушайте, молодой другъ мой: не огорчайтесь поступкомъ короля. Ужъ у него такой обычай: онъ не любитъ, чтобы ему напоминали о томъ, что онъ у кого-нибудь въ долгу — несмотря на то, я увѣренъ, что онъ не забываетъ васъ.

— Какое мнѣ дѣло до короля! отвѣчалъ нетерпѣливо лейтенантъ.

Старшій полковникъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и покачалъ головой:

— Такъ вотъ откуда дуетъ вѣтеръ! Молодой человекъ, берегитесь женщинъ. Онѣ всѣ вмѣстѣ никуда не годятся. Не забудьте, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ: что здѣсь играютъ не вами одними!

Полковникъ удалился.

Слова его раздавались еще въ ушахъ Стефана, когда онъ сидѣлъ уже въ своей комнаткѣ.

— Зачѣмъ она здѣсь? спросилъ онъ самъ себя; потомъ быстро вскочилъ и написавъ нѣсколько словъ, запечаталъ записку и отослалъ ее съ деньщикомъ своимъ къ ротмистру.

Хотя вся комнатка была не длиннѣе шести шаговъ, однако жъ лейтенантъ въ невыразимомъ волненіи сталъ прохаживаться взадъ и впередъ. Наконецъ подошелъ онъ къ окну и позвалъ одного изъ гусаровъ. Минуту спустя, молодой, красивый солдатъ стоялъ у дверей. Стефанъ заряжалъ пистолеть.

— Не прикажете ли, ваше благородіе зарядить? Вы слышите порохъ много.

Степанъ бросилъ пистолеть и закричалъ:

— Не стыдно ли тебѣ?

Гусарь съ изумленіемъ посмотрѣлъ на лейтенанта.

— Не стыдно ли тебѣ связываться съ этой дѣвкой!

— Виновать.... проговорилъ гусарь еще болѣе изумленный: я не зналъ.... можетъ, она приглянулась вашему благородію?

— Дуракъ! Ты парень молодой, дерешься какъ старый служака, а связываешься съ этой дѣвкой, которая гадка какъ смертный грѣхъ, а по лѣтамъ годится тебѣ въ матери!

— Ахъ, ваше благородіе, отвѣчалъ гусарь вздохнувъ свободнѣе. Это только, знаете, такъ.... отъ нечего дѣлать, въ военное время....

— Да неужели ты не можешь найти по-лучше? Притомъ же она не знаетъ ни слова по-нѣмецки....

Гусарь не зналъ что отвѣчать, какъ по счастью молодой поручикъ Штрахъ подоспѣлъ къ нему на помощь.

— Что за бѣда! вскричалъ онъ; есть особенный языкъ, который понятенъ всѣмъ націямъ. Не такъ ли?

— Точно такъ, ваше благородіе: вы это знаете лучше моего. Замольте за меня словечко. Если не прикажутъ, такъ я на эту женщину и смотреть не стану, только съ позволенія сказать, если она мнѣ не годится, такъ его благородію и по-данно.

Степанъ невольно долженъ былъ громко захохотать и отпустилъ гусара, который однако, жь остановился еще у двери и повертывая фуражку въ рукахъ, сказалъ:

— Извольте видѣть, ваше благородіе, я не сталъ бы упрекать за нею, да она дочь старой вѣдьмы, хозяйки нашей, у нея ключи отъ всего съѣстнаго, такъ я, знаете, тоже... и думаю: старуха неохотно угощаетъ нашего поручика, такъ надо принять другія мѣры, и пошелъ волочиться за дочерью! Глаза-то у нея черные! Не сегодня такъ завтра будетъ сраженіе и вѣроятно я съ нею больше и не увижусь!

Т. LXIII. — Отд. II.

Вотъ что я думалъ, ваше благородіе! А не прикажете, такъ я иначе заговорю; сейчасъ же найду, прибью ее, чтобъ она знала.... вотъ я ее проучу!...

Насилу уговорили гусара оставить намѣреніе, которьмъ онъ хотѣлъ выразить свое раскаяніе.

— Вы, кажется, наблюдаете за нравственностію людей вапихъ, спросилъ Штрахъ насмѣшливо, когда гусаръ удалился.

— Меня удивляетъ, какъ такой красивый парень, который могъ бы свестъ съ ума всѣхъ деревенскихъ красавицъ, можетъ водочиться за такимъ уродомъ!

— У всякаго свой вкусъ! сказалъ Штрахъ, громко засмѣявшись.

— Да она отвратительна.

— Гусары на войнѣ не разборчивы. Притомъ же война измѣняетъ человека; и, повѣрьте, что дома я не хуже другаго знаю толкъ въ столѣтнемъ рейнвейнѣ, но, чертъ меня поberi, когда языкъ покрытъ слоемъ пыли, толщиной въ палецъ, такъ я охотѣе выпью рюмку водки!

— Не прикажете ли? спросилъ Стефанъ.

— Нѣтъ. Я пришелъ не за тѣмъ.

— Что вамъ угодно?

— Кой чертъ разбереть, что у васъ въ жилахъ течетъ такая горячая кровь! Вы, видно, у Австрійцевъ выцдили много венгерскаго.

— Къ дѣлу.

— О-го! Не хотите ли и со мной затѣять ссору?... Вызовъ вашъ принять, товарищъ.

— Вы отъ ротмистра?...

— Какъ секундантъ. Знаете ли, что все это очень глупо? Знаете ли, какъ я поступилъ бы на мѣстѣ ротмистра? Поручикъ, колкой запиской осмѣливается вызывать ротмистра своего во время войны, передъ сраженіемъ? Чертъ меня поberi! Да я бы заставилъ васъ проглотить эту малую записку и съ бумагой, и съ чернилами, да и съ оружіемъ на придачу! Посадилъ бы васъ въ крѣпость....

— Я увѣренъ, что ротмистръ не можетъ такъ низко поступать....

— Конечно! сошлись два глупца....

— Если я останусь въ живыхъ, то, вѣроятно, мы и съ вами встрѣтимся....

— Пожалуй! отвѣчалъ засмѣявшись Штрахъ.

— Я не шучу, господинъ фонъ—Штрахъ!

— Вадоръ! Развѣ мы мѣшаемъ другъ другу?

— Какое время назначилъ ротмистръ?

— Завтра утромъ.

— Гдѣ?

— За лѣсомъ. Я приду за вами.

— На чемъ?

— На пистолетахъ. Я буду заряжать. До свиданія!

Штрахъ пошелъ къ дверямъ.

— Послушайте, продолжалъ онъ остановившись. Боже моя сохрани, чтобы я когда-нибудь помѣшалъ двумъ благороднымъ людямъ раздѣлаться съ оружіемъ въ рукахъ; но повѣрьте, что въ настоящее время подобный поступокъ являя глупость.... Не позже какъ черезъ недѣлю представится вамъ случай встрѣтится со смертію на полѣ чести, зачѣмъ же....

— Не ротмистръ ли поручилъ вамъ сказать мнѣ это? прервалъ его Стефанъ.

— Благоразумія отъ влюбленнаго ожидать не должно; вамъ, товарищъ, слѣдуетъ говорить первому, а не ротмистру!

— Вы хотите, чтобы я просилъ.... вспылчиво вскричалъ Стефанъ.

— Есть средства отложить это дѣло.... и не забудьте сказать ротмистру, чтобы онъ впередъ выбиралъ секунданта лучше.

— Я ничего не хочу откладывать.

— Не забуду! отвѣчалъ сухо Штрахъ. Мы еще увидимся когда-нибудь.

И онъ удалился.

Хозяйка принесла свѣчу и Стефанъ, закрывъ лицо руками, долго сидѣлъ въ задумчивости у стола; потомъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая изгнать изъ головы неприятныя мысли и сталъ писать.... къ той, которая въ эту рѣшительную минуту его жизни предстала передъ нимъ какъ свѣтлое, лучезарное видѣніе....

Онъ писалъ прощальное письмо къ матери!

Сквозной вѣтеръ колебалъ пламя нагорѣвшей свѣчи, бумага была сыра, чернила покрыты плѣсенью, перо не писало, мысли не приходили въ порядокъ, онъ не находилъ приличныхъ словъ для выраженія того, что чувствовалъ, однако жъ часъ спустя онъ перечитывалъ уже двѣ исписанныя страницы, только начало которыхъ относилось къ матери его, между-тѣмъ какъ конецъ былъ написанъ къ Евгениіи.... Сильный октябрьскій вѣтеръ, который такъ и рвалъ крыши съ крестьянскихъ домовъ и завывалъ въ трубы, не беспокоилъ Стефана.... Онъ не переставалъ перечитывать письма и не находилъ начала къ концу, конца къ началу.

Вдругъ двери съ шумомъ растворились.... вошла хозяйка. Она кашлянула, онъ не смотрѣлъ на нея.... Она слегка ударила его по плечу, онъ сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она ему не мѣшала.

— Ужъ это слишкомъ! вскричалъ наконецъ знакомый голосъ.

— Это вы, Амалія.... вскричалъ Стефанъ вдрогнувъ.

— По-тише. Успокойтесь.

— Вы пришли....

— Стъ! Не мѣшайте мнѣ. Графиня здѣсь. Смѣшонъ тотъ влюбленный, котораго надо увѣдомлять о близости его милой.... Несмотря на то, я сжалась надъ вами и пришла сюда. Графиня здѣсь — она хочетъ видѣть васъ.

— О, скорѣй!...

— Не горячитесь. Графъ также здѣсь, по какимъ-то дѣламъ; мы остановились на фермѣ, которая принадлежитъ къ имѣнію графа. До полуночи вы однако жъ не можете прійти къ намъ.

— Что же помѣшаетъ мнѣ войти гостемъ въ домъ графа?

— Извольте, мы пришлемъ вамъ приглашительную карточку; вы придете, проговорите полчаса съ графомъ, поклонитесь графинѣ и съ тѣмъ и уйдете! Хотите?

— О, нѣтъ!... но что это вы прячете?

— Это не ваше дѣло.

Онъ съ силой схватилъ руку ея.

— Что съ вами? спросила хладнокровно Амалія: это ключъ отъ маленькой двери.

— О, какъ вы добры! Дайте ключъ.

— Полно стѣдите ли вы того? спросила она, какъ-бы колеблись.

— Умоляю васъ....

И онъ выхватилъ ключъ и съ такимъ жаромъ прижалъ руку Амаліи къ губамъ своимъ, что она чуть не вскрикнула.

— Не забудьте же! сказала она: послѣ полуночи. Видите ли вы тамъ, за липами, огни? Это наша ферма. Вы пойдете полемъ; чѣмъ далѣе отъ деревни, тѣмъ лучше. За маленькой рощей, вы перескочете черезъ ровъ и проберетесь вдоль забора до самаго саду. Тамъ вамъ не трудно будетъ найти маленькую дверь. Къ окну графини я прирѣшу красную шаль.... Остальное вы сами должны знать....

— О! чѣмъ отблагодарю я васъ за это! вскричалъ Стефанъ, еще разъ прижавъ руку ея къ губамъ своимъ.

— Не забудьте, что подобный случай не скоро представится! сказала Амалія, приложивъ палецъ къ губамъ и прежде, нежели онъ успѣлъ посвѣтить ей, она сбѣжала уже по лѣстницѣ и исчезла.

Стефану стало душно въ узенькой комнаткѣ. Онъ накинулъ шинель и вышелъ.

По разнымъ направленіямъ ярко горѣли огни. Солдаты, закутавшись въ шинели и съ трубками во рту, лежали на травѣ, расположившись около стараго служака и прислушиваясь къ разсказамъ его. Стефанъ шелъ все далѣе и далѣе.... Онъ чувствовалъ что-то странное, непріятное; ему было то жарко, то холодно....

Въ нѣкоторомъ разстояніи Стефанъ увидѣлъ двухъ всадниковъ, на бѣлыхъ шинеляхъ которыхъ отражался свѣтъ отъ огня, вокругъ котораго лежали три человѣка. На разбитомъ барабанѣ играли они въ карты. Ночная тишина была только прерываема дикимъ смѣхомъ вьнгровъ-вавшаго, проклятіями проигрывавшаго и восклицаніями ихъ:

— Король!—Тузь!—Козырь!

И съ силою бросали они карты на старыи барабанъ, который при каждомъ ударѣ издавалъ глухой, протяжный звукъ, подобный стону.

Стефанъ сказалъ пароль, гусары отдали ему честь и опять обратили взоры къ играющимъ.

— Обходилъ ли дозоръ? спросилъ Стефанъ одного изъ часовыхъ.

— Давно, ваше благородіе.

— Какъ же маіоръ не запретилъ имъ играть?

— Какъ имъ запретишь, ваше благородіе? Это такіе отчаянные, что и Боже упаси!

— Давно они играютъ?

— Съ самаго полудня.

— Эй, ты! закричалъ Стефанъ солдату, который лежалъ къ нему спиной. Развѣ тебѣ другаго нѣтъ дѣла?

— Козырь! проворчалъ солдатъ не оборачиваясь.

— Бью козыремъ! закричалъ товарищъ его.

— Хоть вы его убейте, сказалъ часовой: такъ онъ не тронется съ мѣста!

— Откуда онъ?

— Изъ волонтеровъ; только-что вышелъ изъ лазарета и чортъ его знаетъ, гдѣ деньги досталъ.

— А другой изъ гусаровъ—не стыдно ли ему!

— Полноте, ваше благородіе, сказалъ старыи часовой, покачивая головой: будто не всё-равно, у того или другаго деньги въ карманѣ!

— А третій, который лежитъ на спинѣ — нѣтъ или спитъ?

— Спать, отвѣчалъ часовой съ изумленіемъ посмотрѣвъ на лейтенанта:—спать спать непробуднымъ!

Стефанъ подошелъ по-ближе.

— Мертвецъ! вскричалъ онъ съ ужасомъ.

— Да! Онъ съ ними игралъ давеча, да свиснула пуля и, поминнай какъ звали!

— И эти негодни продолжаютъ играть! вскричалъ Стефанъ съ невольнымъ трепетомъ.

— Чтѣ же? Онъ имъ не мѣшаетъ, да и они не тревожатъ его. Вотъ какъ насъ смѣнять, такъ мы зыроемъ ему лу.

— Баста! закричалъ счастливый игрокъ. Давай еще!.... Я вижу, что у тебя пріятель есть еще монетка. Хочешь?

Пронгравшій произнесъ страшное проклятiе и бросилъ талеръ на барабанъ.

— А всё эта блѣдная рожа надѣлала, сказалъ онъ, указывая на убитаго:—Не гляди на меня такъ пристально, жаба проклятая! Пошла—не гляди!

— Не тронь его! сказалъ другой.

— Хочу и буду трогать. — Оборотись, чучела, и гляди на него..

— Не тронь; мертвый всё-равно что козырь: его надо уважать!

Дѣло дошло бы до ссоры, если бы старшій гусарь не закричалъ имъ:—Смирно, собачьи дѣти, смирно или при-бью!... Часовой смотрѣлъ съ изумленіемъ на Стефана, который стоялъ неподвижный и не сводилъ взора съ игравшихъ.... Поручикъ не могъ припомнить, гдѣ онъ уже видѣлъ одного изъ игроковъ, именно того, который проигрался.

— Чтѣ? Нѣтъ больше пуговицъ? спросилъ, громко смѣясь, счастливецъ. Давай сюда зеленый бисерный кошелекъ—я буду великодушень и поставлю на него цѣлый гульденъ.

— Кошелекъ?... Не хочу.

— Ставлю талеръ....

— Не хочу, говорятъ.

— Экая упрямая крыса... Два талера!...

Хозяин кошелька сталъ колдобаться, когда вдругъ Стефанъ схватилъ руку его и сжалъ ее какъ въ желѣзныхъ тискахъ:

— Откуда у тебя этотъ кошелекъ?

Это былъ тотъ самый кошелекъ, который Евгения бросила несчастному, черты котораго показались Стефану знакомыми. Солдатъ изъ-подлобья взглянулъ на поручика и въ то же мгновеніе, опять опустивъ глаза, сжалъ кошелекъ такъ крѣпко въ рукахъ своихъ, что, казалось, цѣпкой нельзя было бы отнять его.

Наклонившись надъ несчастнымъ и смотря ему въ лицо, Стефанъ стоялъ неподвижно.... Кровь съ силою бросилась ему въ голову, огонь пробѣжалъ по жиламъ, морозъ сковалъ всѣ его члены.... Голова его закружилась, онъ хотѣлъ удержаться на ногахъ, но солдатъ оттолкнулъ его, вскочилъ и исчезъ въ темнотѣ ночной....

— Поручикъ, что вы здѣсь дѣлаете!

Стефанъ быстро вскочилъ... Игрушки, часовые, все исчезло; отъ всей картины, столько поразившей его, остались только разбитый барабанъ, мертвецъ и дымившійся огонь. Но около него были сотни незнакомыхъ лицъ, Кроаты, Пандуры, Австрійцы.... Все это двигалось, дѣйствовало не прерывая мертвой тишины.

— Намъ измѣнили? спросилъ Стефанъ и обнажилъ саблю.

— Нѣтъ еще, шепнулъ ему прусскій офицеръ, разбудившій его.— Нѣтъ еще, но я опасюсь....

— Кто эти люди?

— Непріятельскіе дезертеры..... Но имъ доверять нельзя, когда они сотнями перебѣгаютъ. Боже праведный! Еще!

Стефанъ видѣлъ какъ изъ неприятельской лагери дербѣгали цѣлыя толпы....

Широкоплечій Кроатъ подошелъ къ мертвецу и крикнулъ ему что-то на-ухо съ грубымъ, дикимъ смѣхомъ. Сте-

еанъ прислушался къ словамъ его, схватилъ руку прусскаго офицера и шепнулъ ему на-ухо:

— Осторожнѣй! Или мы погибли. Я проберусь въ главную квартиру. Тутъ извѣна! Не оглядывайтесь.

Поручикъ, ни кѣмъ не замѣченный, спустился въ довольно-глубокій ровъ и почти ползкомъ пробрался нѣсколько шаговъ. Когда наконецъ темнота скрыла его отъ взоровъ Венгерцевъ—онъ пустился бѣжать.

Случай благоприятствовалъ ему. Изъ попавшагося на встрѣчу драгунскаго патруля ему уступили лошадь, и Стефанъ вскакалъ во весь опоръ къ квартирѣ главнокомандующаго.

— Не говорилъ ли я, сказалъ Цитенъ окружавшимъ его, когда Стефанъ передалъ ему то, что понялъ изъ словъ Кроатовъ: а онъ всё не вѣритъ, потому что не хочетъ вѣрить! Поручикъ, вы должны идти со мною къ королю. Пойдемте!

При имени Цитена немедленно растворилась дверь королевской квартиры. Нѣсколько спустя туда былъ призванъ и Стефанъ.

Король сидѣлъ на походной кровати, Цитенъ стоялъ передъ нимъ, и на столѣ между ними лежала карта.

— Онъ не осмѣлится этого сдѣлать, сказалъ король.

— Почему знать, ваше высочество, отвѣчалъ главнокомандующій.

— Цитенъ, можешь ли ты написать французскіе стихи?

— Не могу, ваше высочество.

— Умѣешь ли играть на флейтѣ?

— Не умѣю, ваше высочество.

— Ну, вотъ видишь, такъ точно и Даунъ не можетъ и не умѣетъ напасть на меня, потому что онъ Даунъ, а я Фридрихъ.

— Ваше высочество, вотъ поручикъ Стефанъ, который слышалъ слова Венгерцевъ....

— Ну, что же онъ слышалъ? спросилъ король и посмотрѣлъ на поручика.

— Ваше высочество, они говорили....

— По-венгерски, не правда ли? прервалъ его монархъ.

— Я знаю этотъ языкъ.

— Сколько жъ въ немъ склоненій? Скажи-ка.

— Ваше высочество, продолжалъ Стефанъ, какъ-бы не разслышавъ послѣдняго вопроса короля: я слышала и знала слова дезертёровъ.... неприятель намъ рвется на пасть на насъ и употребляетъ военную хитрость, пересылая къ намъ мнимыхъ дезертёровъ, чтобы овладѣть нашими форпостами.

— Ну, такъ! это просто незначительное нападеніе на форпосты; но гусары постоятъ за себя. Не такъ ли, Цитенъ?

— Ваше высочество, дезертёры говорили о генеральной атакѣ.

— Чтѣ жъ они говорили? Слово въ слово — но не по-венгерски, а по-нѣмецки.

— Тебя не разбудятъ пушки наши, сказалъ одинъ Кроатъ, наклонившись къ убитому Пруссаку. Если бы всѣ твои земляки спали такимъ крѣпкимъ сномъ, то фельдмаршалу нашему не трудно было бы исполнить свое намѣреніе!

— И вы думаете, вскричалъ Фридрихъ съ досадою: что Даунъ повѣритъ планы свои простому солдату? Э!

— Все это такъ, ваше высочество, отвѣчалъ очень спокойно Цитенъ: но...

— И ты вѣришь этому вздору?

— Чтѣ тамъ предназначается; отвѣчалъ главнокомандующій, указавъ на небо: того мы знать не можемъ, ваше высочество.

— Слѣдовательно ты велѣлъ сѣдлатъ?

— Гусарамъ и драгунамъ.

— И довольно; не зачѣмъ по-напрасну тревожить людей.

Наступило молчаніе. Цитенъ улыбнулся.

— Однако жъ вы, ваше высочество, не слишкомъ болѣзненною любитель сна; вы даже изводили однажды, назвать его дурной привычкою.

— Конечно, это одна слабость. Учился ли ты естественной исторіи, Цитенъ?

— Я только знаю, что мы всё сотворены Господомъ.

— Такъ, но не всё сотворены, чтобы бодрствовать.

Закинувъ руки на спину, король прохаживался взадъ и впередъ, когда наконецъ взоръ его упалъ на Стефана.

— А ты отъ чего не спалъ?

— Ваше высочество....

— Командированъ былъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество.... я только осматривалъ форпосты....

Подозрительно посмотрѣлъ на него король:

— Какая ренность! Ты, кажется, особенно любишь открывать заговоры. Этими, братъ, у насъ мало выслужишь. Ты молодъ; тебѣ не пришла еще пора бодрствовать за другихъ и когда ничего не приказываютъ, такъ кулакъ подъ-ухо, да и спи!

Цитенъ покачалъ головой и, казалось, хотѣлъ замолвить слово за молодого офицера, но Фридрихъ отклонилъ его рукою и сказалъ тихимъ голосомъ Стефану:

— На тебя есть жалобы—это не мое дѣло. Однако берегись, не залетай слишкомъ высоко. Выбрось эту дрянную голову. Пѣтуху черезъ заборъ трудно перелетѣть.

Въ эту самую минуту вошелъ офицеръ съ рапортомъ.

— Ваше высочество, лейбъ-гусары воротились съ репортёжками. Къ намъ всё-еще переходятъ Австрійцы; однако неприятель сплоскъ и незамѣтно ни малѣйшаго движенія. Сторожевые огни горятъ, какъ обыкновенно, и слышны клики часовыхъ и пѣсни солдатъ.

Фридрихъ всталъ. Большие глаза его сверкали, какъ-будто бы онъ одержалъ побѣду:

— Чтò скажешь, Цитенъ?.... Никогда Даунъ не осмѣлится напасть на меня! Вели разсѣлать.

Цитенъ съ нѣкоторой досадой стукнулъ саблей въ полъ, поклонился и вышелъ.

— А поручикъ остается при ивѣ дежурнымъ, продол-

жалъ Фридрихъ. Какъ станетъ разсвѣтать, такъ придетъ сюда Венгерцевъ: мы приступимъ къ допросу. Поручикъ будетъ переводчикомъ.

Въ передней нѣсколько младшихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ свитѣ короля, играли въ карты. Видно было, что Фридрихъ не любилъ этого занятія, потому что офицеры говорили шопотомъ и безпрестанно поглядывали на дверь.

— Не шумите! сказалъ одинъ изъ игравшихъ, указавъ на Стефана, который вышелъ изъ королевской комнаты, сѣлъ на скамью, скрестивъ руки на груди и опустивъ голову.

— Не бойтесь, отвѣчалъ докторъ: этому мы не повѣшаемъ! Я еще давеча, по лицу его узналъ, что въ немъ готовится горячка. Играйте, господа.

Пробилъ часъ. Протяжно раздавался гудъ отъ одного удара. Всѣ невольно вздрогнули, когда Стефанъ скоро съскочивъ со скамьи, вскричалъ съ сверкающими взорами:

— Часъ! она ждетъ меня!

— Кто ждетъ? спросилъ докторъ, бросивъ карты и схвативъ Стефана за грудь. Интрижка, не такъ ли? Подождеть.

— Нельзя ждать, вскричалъ Стефанъ: но въ то же мгновение нѣсколько рукъ обхватили его и опять усадили на скамью. Пустите, блаженство моей жизни зависитъ отъ этой минуты!

— Поручикъ, вы на службѣ. Блаженство не уйдетъ. Завтра успѣете еще увидѣться, сказалъ докторъ, въ спешивствіе это какъ-бы побѣдимо больного.

Нѣсколько минутъ Стефанъ сидѣлъ спокойно, но вдругъ дико, съ выраженіемъ болезненнаго отчаянія вскрикнулъ:

— Пустите, я долженъ спасти брата!

— Гдѣ братецъ вашъ?

— На краю ада!

— Оставьте его тамъ въ покоѣ, а вы сами туда попадете, сказалъ дьявольскимъ голосомъ докторъ.

Слова его подвигли на больного, мысли котораго снова смѣшались и голова опустилась на грудь. Шумъ сваружн опять пробудилъ его.

— Пустите! закричалъ онъ громче прежняго, съ непо-
стижимой силой вырвался изъ рукъ удерживавшихъ его и
схватился уже за саблю, когда лекаръ, напавъ на него
сзади, остановилъ его:

— Куда вы?

— Меня зовутъ....

— Кто?

— Долгъ чести. У меня ничего нѣтъ кромѣ чести, такъ
не отнимайте ея отъ меня. Лучше смерть—тысячу смер-
тей, но не безчестіе! Онъ ждетъ меня.

— Такъ вы хотите драться? спросилъ строгимъ голо-
сомъ докторъ.

— Я далъ честное слово.

— Такъ успокойтесь: честь ваша останется за вами. Вы
дали противнику вашему слово, но король велитъ вамъ ос-
таваться здѣсь, слѣдовательно онъ ручается и отвѣчаетъ
за васъ. Ложитесь-ка лучше спать.

— Не худо бы пустить ему кровь, сказалъ одинъ изъ
офицеровъ.

— Кровь, да крови, закричалъ Стефанъ.

— Послѣ, лейтенантъ, послѣ; ложитесь, вы не здоровы.

— Дайте слово, докторъ, что вы не захотите удерживать
меня, когда раздается бой непріятельскихъ барабановъ!...
Тогда я сяду на коня....

— Дайте слово, докторъ.

— Честное слово, поручикъ, отвѣчалъ докторъ. Тогда вы
должны будете повиноваться одному долгу чести, и доктору
ничего будетъ вамъ приказывать.

.. Стефанъ сподойно легъ на саблю.

— Какъ вы думаете, спросилъ одинъ изъ офицеровъ:
можетъ ли онъ успѣть на лошади и принять участіе въ
сраженіи?

— Отчего же нѣтъ? Дикая, неслепая кровь проситъ ея наружу. Ланцетъ ли нашъ или штыкъ выдуститъ ея это всё-равно, и кто знаетъ, можетъ-быть штыкъ помидеть еще вѣрнѣе. Ктому же, если суждено умереть, так умрешь такъ же хорошо въ постели, какъ и на войнѣ! Нѣкъ дѣлу, господа. У меня игра такъ хороша, что жалбыно бы бросить. Три туза, четыре короля!....

У графа, на фермѣ, были гости. Только послѣ полуночи разошлись они, и Евгенія могла удалиться въ свою комнату. Амалія послѣдовала за нею. Никогда еще беззаботная веселость прелѣдней не надѣдала столько графинѣ. Ежеминутно прерывала она болтовню компаніонки, которая тотчасъ же начинала разговаривать о другомъ предметѣ.

— Да скажите жъ, ради Бога, что мнѣ дѣлать? вскричала наконецъ Амалія. Вы, можетъ-быть, хотите спать?

— Не могу.

— Понимаю.—Такъ что же намъ дѣлать? Сѣсть за старое разстроенное фортеціано? Дворовая собака завоетъ.—Вздыхать? Вы скажете, что я насмѣхаюсь надъ вами.—Слѣдовательно, мнѣ остается только сѣсть напротивъ васъ, и сложить руки; но и тутъ я боюсь, что если мы долго будемъ смотреть одна на другую, то раскохочемся.

— Прочти мнѣ что-нибудь—интересное.

Амалія принесла книгу, открыла ее, поправила свѣчу и стала читать басни Геллерта, не перемѣняя голоса, не останавливаясь на знакахъ препинанія, самымъ однообразнымъ тономъ, пока наконецъ Евгенія не вырвала у нея книги изъ рукъ.

— Какъ ты уродуешь бѣднаго Геллерта! сказала она.

— Фридрихъ сказалъ, что это умнѣйшій человекъ въ Германіи. Только я увѣрена, что Фридрихъ и не читалъ его сочиненій.

— Какъ все утихло въ домѣ, сказала Евгенія съ грустію.

— Тѣмъ слышнѣе месные крики часовыхъ. Ахъ, графиня, не даромъ горизонтъ былъ красенъ какъ кровь, когда заходило солнце: быть сраженію!...

— Не ночью же!... Но что ты дѣлаешь, Амалия? вѣтъ повѣсила ты платокъ мой къ окну?

— Если дѣло дойдетъ до сраженія, то я хочу, чтобы они знали, что здѣсь живутъ женщины и не стрѣляли бы сюда.—Ахъ, посмотрите, какое свѣтлое небо!

Евгенія подошла къ окну. Далекія долины были освѣщены и вдали видѣлись сторожевые австрійскіе огни.

— Вѣтеръ унялся. Ночь совершенно іюльская.

— Да, только холодненько. Я не понимаю, что за охота пришла вашимъ предкамъ, графиня, переселиться въ Германію. Представьте себѣ лучше, что мы въ какой-нибудь мѣлѣ; легкій вѣтерокъ наноситъ намъ благоуханія и звуки страстной канцоны какого-нибудь амагато.... возлюбленный перескакиваетъ черезъ балюстраду балкона, бросается къ ногамъ вашимъ, а я удаляюсь, ложусь спать и къ утру ничего не помню.... Это Италія! Перенесемтесь же въ Германію; вообразите, что пріятель нашъ, Венгерецъ, хочетъ дать вамъ серенаду. Прежде чѣмъ онъ доберется до окна вашего, то будетъ блуждать по лабиринту конюшенъ, сараевъ, овчаренъ.... наконецъ находитъ дверь; но тутъ на него нападаетъ стая дворовыхъ собакъ. Пока онъ забьется о томъ, чтобы не попасться на зубы злыкъ церберамъ, просыпаются конюхи и коровницы, и принимая нашего амагато за вора, нападаютъ на него съ дубинами и рогатинами.... это Германія!

— Не знаю, что у тебя за страсть вѣчно шутить!

— Не знаю, что у васъ за страсть вѣчно грустить!

Наступило молчаніе.

— Не понимаю, продолжала Амалия: какъ хозяева фермы могли такъ дурно распорядиться! И сторожъ и собаки находятся на той сторонѣ, на дворѣ, между-тѣмъ какъ тутъ, изъ сада, легко можно забраться къ намъ.

— Но кто рѣшится?

— Кто знаетъ!.... онъ молодъ, предприимчивъ.... мыслю предстоющемъ сраженіи.... можетъ извинить его, если онъ рѣшится еще разъ увидѣться съ вами.....

— Кто? Амалія.

— Нашъ молодой пріятель....

— Амалія, ты....

— Я все исполнила, какъ вы приказали.

— Въ которомъ часу будетъ онъ завтра?

— Завтра?.... Завтра мы ужъ не здѣсь будемъ....

Слова ея были внезапно прерваны сильнымъ шумомъ. Кто-то стучался въ подвальное окно, но такъ сильно, что и въ верхнихъ окнахъ дрожали стекла.

Амалія поблѣднѣла.

— Онъ съ ума сошелъ! вскричала она и подбѣжала къ окну.

— Что тамъ такое, Амалія?

— Это не здѣсь! вскричала она и бросилась въ корридоръ, къ окну, выходившему на дворъ.

Фельдсбель стучался въ окно квартиры, которую занималъ майоръ.

— Я пришелъ доложить вашему благородію, что кирасирамъ приказано сѣсть на коней безъ шума, и быть готовыми къ выступленію.

— Какъ я испугалась, сказала Амалія, воротившись въ комнату; я было-думала, что это онъ!...

Евгенія молча слѣдила за каждымъ движеніемъ компаньонки. Последнія слова ея поразили графиню и она спросила ее съ гордостью:

— Что ты сдѣлала?

Не отвѣчая ни слова, Амалія преклонила колѣни, схватила руку графини и стала цѣловать ее. Потомъ украдкой взглянула на Евгению и замѣтивъ на лицѣ ея болѣе страха и безпокойства, нежели гнѣва, она тихо произнесла, опустивъ голову:—Онъ придетъ.

— Когда?

— Сейчасъ.

— Неблагоразумная! ты забыла....

— Нѣтъ! Я ничего не забыла. У него ключъ отъ ма-
ленькихъ дверей.

— Я надѣюсь, что ты шутишь? спросила Евгенія от-
ступивъ.

— Смѣю ли я шутить съ вами?

— Но кто позволилъ тебѣ?

— Привязанность моя къ вамъ.

— Нѣтъ! Это уже слишкомъ! вскричала графиня съ не-
годованиемъ: какъ смѣешь ты играть честию и добрымъ
именемъ?

— Выслушайте меня сперва, а потомъ обвиняйте.

— Говори, несчастная, что ты сдѣлала?

— Ни честь, ни доброе имя ваше не подвергаются ни
малѣйшей опасности. Онъ проберется черезъ садъ, тамъ
нѣтъ ни сторожа, ни собакъ; окна квартирующихъ въ
этомъ домѣ военныхъ, снаружи закрыты ставнями. Я
веду его сюда, я же провожу и назадъ. Если кто-нибудь
увидитъ его, то подозрѣнiе падетъ на меня, а ваше доб-
рое имя останется неприкосновеннымъ. Въ одномъ я ви-
новата: онъ думаетъ, что вы сами велѣли ему прийти сю-
да, но вамъ будетъ не трудно разувѣрить его въ томъ.

— Амалія! сказала строго Евгенія: завтра мы расста-
немся. Ты не должна болѣе оставаться при мнѣ.

— Какъ вамъ угодно—но я всё-таки не раскаюсь въ
томъ, что сдѣлала. Я люблю васъ, горячо, душевно; я лю-
блю васъ такъ, какъ вы не можете любить меня, а потому
желаю вашего счастья. Мы не знаемъ, что завтра будетъ
и вы сами, можетъ-быть, скажете, что обидѣли бѣдную
Амалію, когда принесутъ къ вамъ тѣло убитаго.... Тогда
вы забудете гордость вашу, броситесь къ нему и цѣлому
свѣту скажете, что любили его!... Но тогда уже будетъ
поздно!...

Когда Амалія начала говорить, Евгенія сорвала съ

окна платокъ. Приложивъ лицо къ холодному стеклу, она слушала Амалію.

— Куда ты идешь? спросила графиня, когда компаньонка схватила со стола свѣчу, чтобы удалиться.

— Я хочу запереть калитку на задвижку.

И Амалія подошла уже къ дверямъ, хватилась за ручку, когда услышала тихо произнесенное:

— Останься!

Она бросилась къ Евгеніи и обняла ее.

— О, Евгенія! Если бъ ты знала, какъ я люблю тебя! Всѣмъ готова я пожертвовать для твоего счастья! Тобой хочу я дышать, тобой жить!...

— Амалія, отвѣчала графиня съ чувствомъ: благодарю тебя; но признайся, мы поступаемъ дурно.

— Никто не узнаетъ, сказала Амалія, ласкаясь къ графинѣ.

И платокъ опять висѣлъ у окна. Молча сидѣли молодья дѣвушки, рука въ руку; все было такъ тихо, что слышенъ былъ стукъ маленькихъ, карманныхъ часовъ. Только Амалія изрѣдка подходила къ окну....

— Сты!... Я слышу шумъ.... И Евгенія задрожала.

Это ночной вѣтеръ завывалъ въ каминѣ и скрѣпѣли петли полурастворенной двери. Но въ саду все было тихо.... Калитка не отворилась.... не слышно было шаговъ... На колокольднѣ деревенской церкви пробило два часа.... три... четыре.... четверть, половина пятого.

Грудь Евгеніи подымалась всё выше и выше, она дрожала какъ въ лихорадкѣ. Амалія стала беспокоиться; она обняла подругу:

— Ради Бога, уснойтесь!

Пробило три четверти пятого.

Графиня не могла болѣе противиться горестному чувству, которое овладѣло ею.... Слезы ручьями полились изъ глазъ ея; она бросилась на грудь подруги и вскрикнула съ отчаяніемъ, и задыхающимся голосомъ:

— Онъ не придетъ!

— Онъ, можетъ-быть, откомандированъ куда-нибудь.

— Я съ нимъ болѣе не увижусь.... о! какъ я желала еще разъ поговорить съ нимъ.... Одинъ, одинъ только разъ....

— Ложитесь, Евгенія.... Я пойду къ нему....

Пять часовъ пробило на гоцкирхенской башнѣ, тринадцатаго октября тысяча-семьсотъ-пятьдесятъ-ошмаго года, и звукъ послѣдняго удара дребезжалъ еще въ воздухъ, какъ раздался выстрѣлъ, другой, третій: они быстро слѣдовали одинъ за другимъ, — зазвѣнѣли сабли — и страшные крики огласили воздухъ!

Окна задрезжали и молодыя дѣвушки, блѣдныя, испуганныя, бросились одна къ другой въ объятія.

Съ высотъ слышалась австрійская музыка, какъ-бы возбѣщавшая о томъ, что это была не простая стычка, не незначительное нападеніе на форпосты, но что вся императорская армія выступила на бой, цѣлю котораго было — уничтоженіе Пруссаковъ.

Мгновенно вся ферма пробудилась, ожила, какъ-бы въ контрастъ къ мертвой тишинѣ, въ которую она была погружена за нѣсколько минутъ. Маіоръ выскочилъ изъ окна и уже отдавалъ приказанія на дворѣ....

Раздался первый пушечный выстрѣлъ. Не прошло минуты и за нимъ послѣдовалъ залпъ тысячи орудій.... Несмотря на шумъ и суматоху явственно слышны были вопли и стоны раненыхъ и умирающихъ....

Дверь въ комнату Евгенія растворилась и графъ, блѣдный, растроенный, полу-одѣтый, вбѣжалъ туда. Молча и съ выраженіемъ глубокаго отчаянія пожалъ онъ руки дочери и Амаліи.

— Мы уже не можемъ бѣжать, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ: всѣ дороги заняты солдатами.... вездѣ дерутся....

— На Фридриха напали! сказала Амалія: кто могъ этого ожидать!

— Смотри, вѣтъ ли. на тебѣ черной и бѣлой ленты?

спросилъ графъ, въ изнеможеніи одувшись на стулъ: вѣдь это прусскій цвѣтъ.

— Ночью все кажется чернымъ, отвѣчала Амалія, какъ-бы машинально принявшись укладывать вещи.

— Страшная будетъ ночь.... О, зачѣмъ пріѣхалъ я сюда!

Каммердинеръ и егеръ вбѣжали въ комнату.

— Ваше сіятельство! Пандуры уже въ селѣ, они перелезаютъ черезъ заборы, бьютъ стекла, ломаютъ двери....

— Боже мой, вскричалъ графъ, поднявшись со стула: неужели они рѣшатся обидѣть мирныхъ гражданъ....

— Они не станутъ разбирать, проворчалъ егеръ, помогая Амаліи укладываться.

— Дѣти мои, сказалъ графъ, становясь между дочерью и Амаліей: вамъ извѣстна любовь моя къ отечеству; если бъ жизнь моя могла быть полезна ему, то.... Милосердый Боже! Они кажется взорвали всю деревню, — Евгенія, милая дочь моя, скажи мнѣ только одно! Вѣдь ты не принимала никакихъ подарковъ отъ ротмистра? Успокой меня!

— Никакихъ.

Отецъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты всегда была любезною, послушною дочерью!

— Но что намъ дѣлать? спросила Евгенія, оглядываясь со страхомъ и не обращая вниманія на слова отца.

— Я ничего не боюсь! рѣшительно сказала Амалія.

Громче и ближе слышалась пальба.... венгерскіе полки, съ страшными криками и проклятіями стремились уже по улицамъ села.

— Пресвятая Богородица! закричалъ каммердинеръ. Вонъ они врываются уже въ садъ. — Цѣлая толпа Кроатовъ! Спаси и помилуй!

— Отворите всѣ двери настежь, вскричалъ графъ, со сверкающими глазами и какъ-бы вдохновенный внезапно мыслію:—Это друзья наши! Мы предаемся въ ихъ руки; они защитятъ насъ!

— Кроаты? И несмотря на близкую опасность, егеръ за-
сѣлся: — Вы думаете, что эти проклятые басурманы за-
щитятъ насъ?

— Они уважать союзниковъ императрицы....

— Какъ бы не такъ! продолжалъ егеръ: — присядьте
скорѣе... они хотятъ стрѣлять въ окна!

Раздался страшный выстрѣлъ.

— Вотъ какъ они уважаютъ насъ! закричалъ егеръ.

Между-тѣмъ въ саду и за садомъ завязался кровопро-
литный бой. Пандуры, овладѣвшіе уже селомъ, встрѣти-
лись съ прусскимъ отрядомъ, отрѣзаннымъ отъ главной
арміи.

— Только тамъ спасеніе, вскричала Евгенія. присоеди-
нитесь къ Пруссакамъ!

— Лошадей! закричала Амадія, проходившему подъ ок-
нами конюху.

Графъ, какъ-бы уничтоженный, послѣдовалъ за Евгеніей
и махая платкомъ, восклицалъ слабымъ голосомъ:

— Виватъ королю прусскому!

Но уже было поздно. Видя, что непріятель безпрестан-
но усиливался, маіоръ рѣшился на отчаянное дѣло.

— Впередъ, друзья! закричалъ онъ кирасирамъ своимъ:
пробьетесь сквозь непріятельскіе ряды: насъ зоветъ
Фридрихъ! Ура!

Видя, что и съ этой стороны не было спасенія, графъ
приказалъ затворить всѣ выходы, а самъ въ какомъ-то
безумномъ разстройствѣ бѣгалъ вверхъ и внизъ по лѣст-
ницамъ; то втаскивалъ онъ на верхъ ненужную корзину,
то спускалъ внизъ какую-нибудь шкатулку, закрывалъ став-
ни, чтобы пули не могли влетѣть въ комнату, то бранилъ
короля прусскаго, то прижимая руку камердинера своего
къ груди, говорилъ:

— Онъ великій король: я это всегда говорилъ!

Наконецъ утомленный непрерывнымъ движеніемъ опустился онъ въ кресла и вскричалъ, вздохнувъ свободнѣе:

— Слава Богу, начинается свѣтатъ!

— Только и денёкъ-то будетъ не хорошій! сказалъ камердинеръ.

На востокъ горизонтъ освѣтился красными полосами и ужасное зрѣлище представилось глазамъ графа и молодыхъ дѣвицъ....

Длинная огненная полоса лежала надъ деревней; съ трескомъ горѣли соломенные крыши, съ шумомъ распадались накалившіяся трубы. Кивера, треугольбья шляпы, султанны, сабли, ружья, нестрѣлись по узенькимъ улицамъ..... Тамъ остатки знамени, тутъ высокій офицеръ на лошади, съ саблей въ рукахъ и почти въ одной рубашкѣ созывалъ разсѣяныя толпы.... вездѣ австрійскіе мундиры, только изрѣдка небольшія толпы Пруссаковъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, защищались до послѣдней капли крови....

Но вотъ между бѣлыми, красными и синими мундирами показалось что-то черное, прорывавшееся сквозь непріятельскіе ряды... то была небольшая толпа черныхъ гусаровъ, одинъ видъ которыхъ наводилъ на непріятеля ужасъ. Они дрались съ ожесточеніемъ и хотя гибель ихъ была очевидна, но никто не хотѣлъ пощадить тѣхъ, которые никогда не просили и не давали пощады. Мало-по-малу толпа уменьшалась.... Наконецъ остались только два офицера.

— За мной, товарищъ! закричалъ одинъ; погибнемъ, но не сдадимся!

Прислонившись къ каменной стѣнѣ, окружавшей ферму, черные гусары защищались.

— Бага въ ворота были открыты! закричала камердинеръ графа и въ то же мгновеніе Еженія и Аналія бросились внизъ по лѣстницѣ; но одинъ изъ офицеровъ предупредилъ ихъ, вскочилъ съ лошади на стѣну и, закричавъ товарищу: — Держись еще минуту! саблей отодвинулъ задвижку: — ворота растворились настежь.

— Възвѣдай, товарищъ; я тебѣ говорилъ, что мы увидимся!

Это были послѣднія слова его. Пуля ударила его въ затылокъ и лейтенантъ Штрахъ мертвымъ повалился на дворъ, въ то самое мгновеніе, когда и Стефанъ заставилъ лошадей свою подняться назадъ... на голову его не было кивера, козырь и мундиръ были изрублены, лѣвая рука опустилась безъ чувствъ, по лицу текла кровь, только правая рука была невредима. Стефанъ поднялся еще разъ въ сѣдлѣ, голова его опрокинулась назадъ и онъ медленно упалъ съ лошади, въ объятія подоспѣвшей Евгеніи.... Она встрѣтила послѣдній взглядъ его и громко вскрикнувъ, упала возлѣ него безъ признаку жизни.

Когда она очнулась, отецъ ея велъ переговоры съ австрійскимъ генераломъ.

— Графъ Мерони, говорилъ послѣдній: саксонскій подданный, нашъ союзникъ; а потому оставить здѣсь караулъ, чтобы графу и почтенному семейству его не было причинено никакой обиды.

Взоръ адъютанта, брошенный на безчувственнаго Стефана, какъ-бы спрашивалъ, не принадлежитъ ли и онъ къ семьѣ?

— Оставьте этого на произволь судьбы! сказалъ генералъ тихимъ голосомъ адъютанту: онъ не останется въ живыхъ!—Потомъ опять обратившись къ графу, онъ продолжалъ: вы можете быть совершенно спокойны; битва рѣшительно кончена, непріятель отступилъ и мы примемся тушить огонь.

Графъ поклонился генералу и подошелъ къ Евгеніи, чтобы отвлечь ее отъ смертельно раненнаго Стефана.

— Онъ умеръ, сказалъ графъ шопотомъ.

— Онъ не умеръ! Не можетъ-быть, чтобы онъ умеръ, съ силой произнесла Евгенія.

— Но если жъ?... спросила Амалія, опустившись возлѣ графини на колѣни.

— Тогда и я должна умереть съ нимъ! отвѣчала врачъ Евгения и приложила руку къ сердцу Стефана. — Онъ живъ!... Эти слова вырвались изъ глубины души ея; глаза ея заблестали радостью, щеки покрылись яркимъ румянцемъ и съ искреннимъ, сердечнымъ чувствомъ прижавъ руку отца къ сердцу, она повторила голосомъ, въ которомъ выражалось высочайшее благополучіе:

— Онъ живъ!

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПАДЕНИЕ ПСКОВА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Падение Пскова составляет одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ нашей исторіи. Государственная необходимость требовала уничтоженія вольнаго города, который своими правами напоминалъ прошедшее, въ то время, когда уже всѣ сѣверо-восточныя русскія земли слились въ одно могущественное московское государство; но вполне постигая необходимость скрѣпленія всѣхъ русскихъ земель въ одну, необъятную Россію, историкъ не можетъ не сочувствовать великодушію Псковитянъ, которые не хотѣли поднять оружія, поставить щитъ противъ государя, а напомнивъ ему прежнее, предоставили все его же собственному рѣшенію. Новгородъ палъ послѣ борьбы, и великій Іоаннъ Третій воспользовался правами побѣдителя; но Псковъ дѣйствовалъ не такъ, и въ душѣ каждаго Русскаго невольно пробуждается глубокое соучастіе къ судьбѣ этого *последняго* вольнаго города. Псковитяне сами чувствовали неизбежность своего паденія, говоря, что въ народномъ правленіи «самоволіе и деспотизмъ другъ дру-»

гу», что власть въ вольныхъ городахъ присвоиваютъ себѣ люди, у которыхъ, «голова не вѣдаетъ что языкъ говорить», и «которые своего дома устроить не умѣютъ, а городами повелѣвать хотятъ».

Сострадавая къ несчастнымъ жертвамъ политической необходимости, историкъ, однако жъ, не можетъ отказать въ удивленіи и политикѣ московскаго двора, которою онъ безъ кровопролитія уничтожалъ удѣлы при Іоаннѣ Третьемъ и Василѣ, воссоединяя всѣ русскія земли въ одно могущественное государство. Стремленіе къ единству—отличительный признакъ великихъ народовъ. «Единство—законъ природы и всемірной исторіи», справедливо сказалъ одинъ юристъ-мыслитель.

Вотъ истинная точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на дѣйствія московской политики! Горестное для современниковъ паденіе удѣловъ, Новгородскаго государства и младшаго брата его, Пскова, оказывается необходимымъ въ глазахъ потомства!

Историческая характеристика, предлагаемая здѣсь, была читана авторомъ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей російскихъ пятаго декабря 1838 года. Основаніемъ ея служила псковская лѣтопись, сличенная съ другими источниками. Сохранить всѣ любопытныя подробности паденія древняго Пскова, родины святой Ольги, всѣ отличительныя черты того вѣка во взглядѣ современниковъ и даже въ самомъ изложеніи событій, передать весь рассказъ языкомъ, сколько можно близкимъ къ тому времени, сохранивъ грубую, но выразительную черту описаній, и переговоровъ, находимыхъ у лѣтописцевъ: такова была цѣль автора; въ какой мѣрѣ успѣлъ онъ достигнуть ея—предоставляется судить читателямъ.

—

...Отъяся слава Псковская. И бысть плѣненье не иновѣрными, но своими единовѣрными людьми.

Псковская лѣтопись.

Долго вѣрили на Руси громкой пословицѣ: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» И гордъ былъ своею

славою «Господи́нь Великій Новгородъ», богатый, могучій, крѣпкій единодушіемъ гражданъ въ минуту опасности и врывизанностію ихъ къ древнимъ уставамъ отцовъ. Вѣрный былъ у него и союзникъ, «братъ Новгороду молодой» древній Псковъ, отчина Ольги. Грозилъ ль враги Новгороду, витязи псковскіе являлись на помощь братьямъ, защищать храмъ святой Софїи; и новгородскія дружины при первой опасности младшему брату-союзнику, становились въ ряды на берегахъ рѣки Великой. Не даромъ же говорили въ народѣ, что у людей новгородскихъ душа у святой Софїи, а сердце на Великой. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдко гдѣ можно встрѣтить подобное братство. А сколько великодушія показывали вольные города русскіе! Всякій изгнанный князь изъ Литвы, изъ Руси, искалъ спасенія или въ Новгородѣ или въ Псковѣ, и несчастному не отказывали въ убѣжищѣ. Не постыдили русскаго имени добрые Псковичи во время борьбы Москвы съ Тверью, когда преслѣдуемый гнѣвомъ хана Узбека, гонимый великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ Даниловичемъ, Александръ Михайловичъ Тверской бѣжалъ въ Псковъ. Потомство не забудетъ, какъ, не страшась ни силы московской, ни лести ханской, Псковичи приняли гонимаго подъ свою защиту, безъ всякихъ корыстныхъ расчетовъ, единственно по чувству народнаго великодушія и справедливости. Смѣло вооружились они, повторяя слова Александра Невского: «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ Богъ». Напрасно митрополитъ, убѣжденный великимъ княземъ Іоанномъ, приводитъ въ дѣйствіе то страшное орудіе, которымъ такъ ловко дѣйствовали папы на Западѣ и которое должно было по видимому произвестъ сильное потрясеніе въ народѣ благочестивомъ, привязанномъ къ Церкви. «Въ дѣлѣ правомъ самъ Богъ за насъ, и отлученіе отъ церкви не имѣетъ силы», говорили Псковичи, избирая себѣ отдѣльнаго архипастыря, и отрицая непогрѣшимость сужденій главы духовенства: великодушіе и тонкій юридическій инстинктъ, который такъ глубоко вкорененъ въ русскомъ народѣ, и которымъ объясняется лучше всего, почему церковная власть не могла у насъ пріобрѣсть первенства надъ свѣтскою.

Было и минуло золотое время вольныхъ городовъ рус-

скихъ. Начались крамолы, а между-тѣмъ крѣпла и выси-
лась Москва, сто лѣтъ управляемая одною твердою поли-
тикою, и все преклонилось передъ великимъ Іоанномъ
Третьимъ. Русскія земли быстро сосредоточились около
московскаго государства; Псковъ примкнулъ къ нему, хо-
тя и сохранилъ наружный видъ прежней свободы; Новго-
родъ палъ, и навсегда. Псковичи видѣли намѣреніе
братьевъ своихъ передаться къ Литвѣ, вспомнили клятву:
«не отходить отъ великаго князя московскаго ни въ Лит-
ви, ни въ Нѣмцы», соразмѣрили силу противниковъ и явно
приняли сторону Іоанна. Зато, имъ удалось сохранить
прежнее вѣчевое управленіе, и вѣчевыя собранія, и вѣче-
вой колоколъ. Іоаннъ великодушно оставилъ Пскову все
права его, довольный повиновеніемъ вольныхъ людей, а
Псковичи свято соблюдали свои обязанности, исполнили
волю державнаго повелителя. Когда возникъ вопросъ о на-
слѣдствѣ престола и внукъ великаго Іоанна, юный Дмитрій,
провозглашенный наслѣдникомъ, лишенъ былъ милос-
ти дѣда, Псковъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ областей воз-
высилъ голосъ за несчастнаго, которому грозила опала.
Іоаннъ, примирясь съ супругою, простилъ сына, Василія,

Внукъ Іоанна Третьяго, Дмитрій, былъ старшимъ сыномъ Іоанна
Іоанновича Молодаго, рожденнаго великимъ княземъ отъ перваго брака
съ Мирією Тверскою, и слѣдственно законный наслѣдникъ дѣда въ
прямой нисходящей линіи. Василій Іоанновичъ, сынъ великаго князя
отъ втораго брака съ греческою княжною Софією Палеологъ, не могъ
бы по праву наследовать престолъ отца, какъ младшій сынъ; права
старшаго переходили, по праву предстательства, къ Дмитрію. Дворъ
раздѣлился на партіи. Открылось, что Василій хочетъ погубить
племянника, уйти въ Вологду, захватить тамъ казну и провозгласитъ
себя наслѣдникомъ. Іоаннъ Третій назвалъ заговорщиковъ, удалилъ
отъ себя супругу, Василія отдалъ подъ стражу, а Дмитрія торже-
ственно вѣнчалъ на царство, четвертаго февраля 1498. Черезъ годъ,
Іоаннъ Третій помирился съ хитрою Софією, простилъ сына; на-
конецъ, въ 1502 году, Василій объявленъ наслѣдникомъ «всей Руси»,
а несчастный внукъ, Дмитрій Іоанновичъ, и мать его Елена Мол-
давская, отданы подъ стражу. Передъ кончиною, Іоаннъ Великій
велѣлъ привести къ себѣ внука, просилъ у него прошенія; но смерть
внезапно оковала языкъ его. Василій этимъ воспользовался, прика-
залъ схватить Дмитрія, и злополучный юноша скончался четыр-
надцатаго февраля 1509 года, въ темницѣ, «отъ голоду и холоду»,
какъ увѣряетъ посолъ императора, баронъ Герберштейнъ.

и назвавъ его, въ 1499 году, государемъ великимъ княземъ Новгородъ и Пскова, началъ оказывать холодность внуку, хотя еще называлъ его Великимъ Княземъ Владимирскимъ и Московскимъ. Зная любовь государя къ хитрой Софїи, не трудно было предугадать, на чью сторону склонится онъ: казнь приверженцевъ Дмитрія очень ясно показывала, что обстоятельства перемѣнились и что наследство перейдетъ къ сыну. Дворъ безмолвствовалъ; города и области также; одни вольные люди Псковичи отправили къ Іоанну трехъ посадниковъ, Григорія Хрустолова, Федора и Стефана, да по три боярина съ каждаго конца, бить челомъ государю, чтобы тотъ, кто остается великимъ княземъ на Москвѣ, тотъ же былъ и государемъ Пскова. Владыка, архіепископъ Геннадій, прибылъ тридцатаго мая въ Псковъ и хотѣлъ соборовать * за Василія; Псковичи ему не позволили, говоря, что ихъ посадники уже отправились съ представленіемъ о томъ великому князю. Но Государь *опалился* ** на посольство: «развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу, тому и дамъ княжество». Посадниковъ Григорія и Федора заключили въ крѣпость, а Стефана отпустили въ Псковъ, но въ сентябрѣ освобождены и тѣ двое Іоанномъ, которому нравилось извиненіе Псковичей. Онъ прислалъ къ нимъ боярина Чеботова, объявить прощеніе за дерзость. Посла угощали много медомъ и на поминки дали ему десять рублей.

Іоаннъ скончался двадцать-седьмаго октября 1505 года. Василій Іоанновичъ возсѣлъ на престолѣ «всѣя Руси»; вѣнчанному его племяннику юному Дмитрію досталось въ удѣлъ вѣчное заточеніе. Вольные люди Псковичи безпрекословно повиновались новому властителю; но этого было недостаточно для него. Уничтожая безъ пощады все, что напоминало о прежнемъ разновластїи, онъ положилъ въ удѣлъ своемъ привести Псковъ въ совершенную зависимость, лишить всѣхъ древнихъ правъ и уравниять со всѣми областями Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что не забыта была и привязанность, оказанная Псковомъ несчастному Дмитрію

* Совершать соборомъ торжественное молебствіе.

** Возложилъ опалу.

Іоанновичу.... * Князь Иванъ Михайловичъ Рѣпня-Оболенскій, псковскій намѣстникъ великаго князя, можетъ-быть, по его же наказу, сѣялъ раздоры между старшими и младшими гражданами; возбуждалъ однихъ къ жалобамъ на другихъ, и потомъ жаловался на всѣхъ, будто бы никто изъ нихъ не хочетъ уважать правъ его. Но самъ же онъ первый «учалъ жить во Псковѣ не по крестному цѣлованію и не добра хотѣлъ Живоначальной Троицѣ и мучамъ Псковичамъ», замѣчаетъ псковской лѣтописецъ. Князь Иванъ Михайловичъ писалъ къ государю: «Псковичи держатъ меня нечестно, не такъ какъ держали и чтили прежнихъ намѣстниковъ, и дѣла твои, государскія, дѣлаютъ не по-прежнему: вступаются и въ суды и въ пошлины и въ оброки и во всякіе доходы; всѣмъ людямъ твоимъ, государь, отъ Псковичъ безчестно и насильство великое» **. Такъ писалъ онъ къ Василю Іоанновичу, который съ войскомъ уже выступилъ къ Новгороду.

* Участіе Псковитявъ въ дѣлѣ несчастнаго внука Іоаннова, много поясняетъ отношеніе Василя ко Пскову. Ростовскій лѣтописецъ, рассказывая о паденіи Пскова (Исторія Государства Россійскаго, томъ VII, примѣчаніе 69), говоритъ: «Вина Псковичей та, что былъ архіепископомъ Геннадій въ Псковѣ, и они не волѣли своимъ попомъ съ нимъ служить; а проскурницамъ проскуръ печи». Весь этотъ рассказъ псковскаго лѣтописца, помѣщенный въ выпискѣ Карамзинымъ (томъ VII, примѣчаніе 445) изъ рукописи графа Толстаго, пропущенъ въ печатномъ изданіи псковской лѣтописи М. П. Погодинымъ; замѣчу еще, что въ этомъ изданіи (страницы 176, 178) Вассіанъ коломенскій ошибочно вездѣ названъ епископомъ смоленскимъ. Смоленскъ взятъ былъ Василюемъ въ 1514 году) Карамзинъ томъ VII, страницы 62—66; Арцыбашева «Повѣствованія о Россіи» книга IV, страницы 94—97); слѣдственно, во время взятія Пскова съ Василюемъ никакъ бы не могъ находиться епископъ смоленскій. Въ псковской лѣтописи графа Толстаго и Малиновскаго (Карамзинъ томъ VII, примѣчаніе 68) Вассіанъ Кривой именно названъ епископомъ коломенскимъ. Впрочемъ, слѣдя московской лѣтописи (Русскій Временникъ 1790) Карамзинъ (томъ VII, страница 38) и Арцыбашевъ (книга X, страница 90) называютъ его митрополитомъ. Еще замѣчаніе: Псковская лѣтопись, изданная М. П. Погодинымъ, относитъ взятіе Смоленска къ 1513 году (страница 183), а Супрасльская рукопись къ 1515 (страницы 147 и 149): такъ ли стоитъ въ подлинникахъ, или же та и другая ошибка принадлежитъ издателямъ?

** Русскій Временникъ (напечатанный въ 1790 году въ московской синодальной типографіи) II, страница 227.

Двадцать-шестого октября 1509 года, Василій прїѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, царевичемъ Петроу, царемъ Абдулъ-Летифомъ, боярами, духовенствомъ и многочисленною дружиною. Псковъ, утѣшяемый кормстолюбивымъ намѣстникомъ, отправилъ посольство къ Василюю Іоанновичу. Посадники Юрій, Михаилъ и другіе бояре со всѣхъ концовъ, всего семьдесятъ человекъ, явились въ Новгородъ, поднесли великому князю полтора рубля новгородскихъ, благодарили государя за то, что держитъ свою отчину, Псковъ, по старшій, какъ его родитель, и били челомъ, «пожаловать своей отчины мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, что избѣжаны отъ князя Ивана Михайловича Рѣпни и отъ его намѣстниковъ пригородскихъ». Василій Іоанновичъ принялъ дары, обѣщалъ рассмотреть дѣло: «Хочу жаловать и оборонять васъ, мою отчину», говорилъ государь посадникамъ. «Если на моего намѣстника, а вашего князя, станутъ многія жалобы, я обвиню его передъ вами». Посадниковъ отпустили. Возвратясь домой, они сказали, на вѣщѣ, что князь великій дары ихъ честно принялъ, «а сердечныя мысли его никто не вѣдалъ, что онъ задумалъ на свою отчину и на свои мужи и на городъ Псковъ», прибавляетъ лѣтописецъ. Государевы сановники, околичій князь Петръ Васильевичъ Шуйскій-Великій и дьякъ Третьякъ Далматовъ, отправлены въ Псковъ разбирать взаимныя жалобы Псковичей и намѣстника, другъ на друга, не могли вызвать ихъ на очную ставку и ни съ чѣмъ возвратились въ Новгородъ къ Василюю Іоанновичу, говоря: «только самъ ты, государь, можешь изслѣдовать и рѣшить ихъ тяжбу».

Спустя нѣсколько времени, въ Новгородъ прїбылъ и самъ князь Рѣпня съ жалобою, что Псковичи его «безчестовали»; а боярскіе и посадничьи дѣти, которымъ на-

• Его прозвали *найдемомъ*. Псковской лѣтописецъ графа Толстаго (Карамзинъ, томъ VII, примѣчаніе 383), подъ годомъ 1509 объясняетъ причину такого прозвища: «а потому его найдемомъ, что онъ не пошлвою (не по обычаю) прїѣхалъ; нашли его Псковичи на Загорскомъ дворѣ, а священники противъ его съ кресты не ходили, а пѣли молебвъ на торгу, да шли ко Святой Троицѣ и посадили его на княженіе, и бысть той князь лють до людей». Въ изданіи М. П. Погодина это мѣсто пропущено.

и вѣстникъ много зла чинилъ, отправились также въ Новгородъ бить челомъ великому князю. Посадники писали грамоты по пригородамъ и волостямъ, убѣждая всѣхъ, у кого есть жалоба на князя, ѣхать въ Новгородъ; лично бить челомъ государю. На той же недѣлѣ посадникъ Леонтиій поѣхалъ бить челомъ на посадника Юрія, Юріій поѣхалъ отвѣчать и тягались передъ государемъ. Вскорѣ получена въ Псковѣ грамота отъ посадника Юрія, а въ грамотѣ писалъ онъ приказъ государя: всѣмъ посадскимъ явиться на очную ставку съ княземъ Рѣпнею; если же не поѣдутъ они говорить противъ намѣстника, то вся земля будетъ виновата. И въ ту пору, «Псковичамъ сердце унылоу, какъ-бы предчувствуя грядущее горе.

На четвертый день, по полученіи этой грамоты, девять посадниковъ и купеческихъ дѣтей, старосты всѣхъ родовъ, поѣхали въ Новгородъ и явились къ Василью Ивановичу. Однако жъ великій князь управы имъ не далъ, а приказалъ всѣмъ жалобнымъ людямъ копиться къ Крещенію, и тогда ожидать рѣшенія: «тогда всѣмъ я подамъ управу», говорилъ онъ. Всѣ возвратились въ Псковъ, а передъ наступленіемъ срока, и посадники, и купеческіе старосты вторично поѣхали въ Новгородъ, нетерпѣливо ожидая назначеннаго срока....

И вотъ наступило шестое января 1510 года, день Крещенія Господня, обѣщанный день рѣшенія ихъ участи. Великій князь со всѣми боярами, посадниками и купеческими старостами слушалъ литургію въ Софійскомъ храмѣ; потомъ въ торжественномъ ходѣ на Волховъ, присутствовалъ при водосвятии, которое совершалъ владыка коломенскій, потому что владыка новгородскій находился въ отсутствіи. По окончаніи обряда, боярамъ псковскимъ и посадникамъ и всѣмъ «жалобнымъ людямъ» объявленъ приказъ государя: собраться на «Владыченъ дворъ» всѣмъ и сполна, подъ опасеніемъ казни въ противномъ случаѣ. Государь всѣмъ хочетъ управу дать! говорили радостные Псковичи, спѣша прямо съ водосвященія къ архіепископскому двору. Ихъ спросили: «Всѣ ли?» и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, посадниковъ, бояръ и купцовъ ввели въ палату, между-тѣмъ, какъ младшіе люди остались на дворѣ. Нетерпѣливое ожиданіе изображалось на всѣхъ

лицахъ. Наконецъ растворились внутреннія двери—всѣ взоры обратились туда. Вышли бояре Василя Іоанновича, воцарилось общее молчаніе; они сказали: «Пойманы вы Богомъ и государемъ великимъ княземъ Васиємъ Іоанновичемъ всея Руси!» Ужась овладѣвъ несчастными, которые не могли ожидать ничего подобнаго. Въ то же мгновеніе всѣхъ тутъ бывшихъ отдали подъ стражу; младшихъ людей переписали и роздали по улицамъ, Новгородцамъ, поить, кормить и беречь до управы. Слухъ о томъ, какъ Василій Іоанновичъ захватилъ въ полонъ всѣхъ Псковичей, быстро разнесся по окрестностямъ. Въ это время ѣхалъ къ Новгороду купчина Псковитинъ, Филиппъ Поповичъ, и пристагъ у Веряжи. Услышавъ ту злую вѣсть, онъ бросилъ товаръ и погналъ назадъ ко Пскову. Скоро весь Псковъ узналъ о случившемся. Много разъ приходили Нѣмцы (Ливонскіе рыцари) осаждать Псковъ, но никогда не было такой скорби и печали какъ теперь*. Собралось вѣче. Унылые, трепеща за жизнь единосемцевъ, захваченныхъ великимъ княземъ, Псковичи разсуждали на вѣчѣ: запирается ли въ городъ и ставить ли щитъ противъ Василя? Такъ думали одни; другіе напоминали крестное цѣлованіе ему и полонъ всѣхъ лучшихъ людей. Долго они думали, соображали силы свои и наконецъ положили: бить челомъ государю о старинѣ, предать себя волю его и Божіей. Съ такою вѣстію отправили гонца въ Новгородъ къ государю. Гонецъ Евстафій Сотскій явился къ нему и сказалъ: «Государь нашъ, великій князь Василій Іоанновичъ! Бьютъ тебѣ челомъ со слезами весь Псковъ отъ мала до велика, чтобъ ты, государь, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, не отступны были и прежде и нынѣ отъ тебя, государь, и не противны были тебѣ, государю. Богъ воленъ, да и ты своею отчиною и съ нами». Василій Іоанновичъ обнаджилъ ихъ своею милостію, а между-тѣмъ всѣхъ захваченныхъ привели въ палаты архіепископа. «Божіею милостію, царь государь и великій князь всея Руси, Василій Іоанновичъ, сказали бояре несчаст-

* И нападѣ на Псковичъ страхъ и трепеть, и пресхоша (пересохла) гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ прилягли яко же многаяжды приходиша Нѣмцы на нихъ—и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, яко же нынѣ. Псковскій лѣтописецъ, страница 376.

нымъ плѣнникамъ: объявляетъ вамъ великую опалу, за нарушение правъ его, сопротивленіе и оскорбленіе его намѣстнику; такія вины заслуживаютъ гнѣва и казни; но государь обѣщаетъ милость, если уничтожите вѣче, и примете государевыхъ намѣстниковъ не только во Псковъ, но и во всѣ пригороды; въ противномъ случаѣ, съ Божіею помощію, государь и великій князь будетъ дѣлать свое дѣло, и кровь христіанская падетъ на головы виновныхъ». Плѣнники видѣли невозможность сопротивленія и поцѣловали крестъ на вѣрность Василию *. Послѣ того ихъ пригласили къ государеву столу, позволили имъ писать въ Псковъ **: великій князь согласился ждать отвѣта отъ Пскова только до шестнадцатаго января.

Девятаго числа Далматовъ отправился въ Псковъ. Тамъ народъ радостно собрался на вѣче, узнавъ, что пріѣхалъ изъ Новгорода дьякъ Третьякъ-Далматовъ «съ жалованнымъ словомъ государя, съ милостію и старинною». Далматовъ явился и сказалъ народу: «Государь и великій князь Василій Іоанновичъ шлетъ поклонъ Живоначальной Троицѣ и отчинѣ своей Пскову и всѣмъ мужамъ Псковичамъ. Вотъ его государева пошлаина*** вамъ: хотите ли въ старинѣ проживать? Исполните двѣ воли мои: первую,—чтобъ у васъ вѣче не было и колоколъ вѣчевой былъ снятъ; а вторую,—быть у васъ здѣсь двумъ моимъ намѣстникамъ, а по пригородамъ по одному намѣстнику. А только вы тѣхъ моихъ двухъ волей не сотворите и мнѣ, государю, на то не изволите: буду дѣлать, что мнѣ Богъ на сердцѣ положитъ. Силы у меня много готовой. И кровопролитіе на тѣхъ,

* Псковская лѣтопись, изданная М. П. Погодинымъ, страница 176.—Сравните переименованный рассказъ московскихъ лѣтописцевъ на страницахъ 128 и 129, въ Русскомъ Временникѣ. Н. М. Карамзинъ, какъ и слѣдовало, основалъ свое повѣствованіе на псковскомъ лѣтописцѣ, которому лучше были извѣстны событія его родины; а Н. С. Арцибашевъ (книга IV, страницъ 88—89), основываясь на Русскомъ Временникѣ, представилъ все дѣло иначе и гораздо короче.

** Карамзинъ излагаетъ содержаніе письма (томъ VII, страницы 37—38) ссылаясь (въ 63 примѣчаніи) на архивскую лѣтопись, листъ 200 на оборотѣ; къ сожалѣнію, онъ не выписалъ подлинныхъ словъ письма посадниковъ, а въ изданіи М. П. Погодина оно пропущено.

*** Посланіе.

кто моей воли не изволитъ». Кончивъ рѣчь, Дадматовъ сѣлъ на ступени вѣча, прибавивъ, что государь «хочетъ быть къ намъ въ гости, на поклонъ къ Троицѣ». Исполнивъ порученіе, дьякъ замолчалъ, съ хладнокровіемъ ожидая отвѣта. Напрасно: никто не могъ говорить отъ слезъ и «туги сердечныя»; наконецъ сказали дьяку: «Посоль государевъ! дастъ Богъ завтра и мы себѣ подумаемъ: тогда тебѣ обо всемъ скажемъ!»

Въ то же время получены письма отъ посадниковъ и ієрѣйскъ, кто былъ задержанъ въ Новгородѣ. Они извѣщали о своей присягѣ, умоляя послѣдовать этому примѣру и не раздражать государя, для избѣжанія конечной гибели. Письма еще болѣе увеличили смятеніе въ народѣ. А срокъ уже приближался; надо было думать объ отвѣтѣ послу: скорбная для Псковитянъ ночь уже проходила... Какъ-бы продавался на смерть, всѣ обнимали другъ друга; только и слышались плачь и рыданія по всему городу; не плакали одни лишь младенцы, ничего не понимавшіе.... Начало свѣтать больше и больше, и раздались колокола, призывая народъ въ храмы, однако жъ народъ какъ-бы не спѣшилъ туда, несмотря на то, что былъ день недѣльный*: всѣ ждали чего-то... Взошло солнце, ударили въ вѣчевой колоколъ и протяжные звуки его слились со звономъ утренняго благовѣста.... Смертная блѣдность покрыла у всѣхъ лица; словно похоронному звону по милой отчизнѣ внимали Псковичи послѣднимъ ударамъ вѣчеваго колокола, послѣднимъ отголоскамъ умирающей самостоятельности Пскова.

Пріѣхалъ дьякъ государевъ Дадматовъ. Ему дали такой отвѣтъ: «У насъ написано въ лѣтонисдахъ, еъ праѣдами, лѣдами и отцомъ его государя, у насъ положено было крестное цѣлованіе, что намъ Псковичамъ, отъ государя своего и великаго князя, какой будетъ на московскомъ государствѣ, не отходить ни въ Литву, ни въ Нѣмцы и жить по старинѣ въ добровольи. Если мы, Псковичи, отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или въ Нѣмцы, или отдѣлясь, начнемъ жить о себѣ**», безъ государя: да будетъ на насъ

* Воскресеніе. — «На утріаждь освитающу дню недѣльному позвошиша на Вѣчѣ.» (Псковская лѣтопись, изданная М. П. Погодинымъ, страница, 177.)

** Особенно, отдѣльно.

гнѣвъ Божій и гладъ и огонь и потопъ и нашествіе поганыхъ. Если же и государь преступитъ крестное цѣлованіе, перестанетъ держать насъ по старинѣ: и на него тотъ же обѣтъ. Мы не хотимъ и теперь измѣнить прежняго крестнаго цѣлованія, запереться въ городъ и поднять руку на государя: воленъ Богъ да и государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ, во градъ Псковъ и въ насъ, и въ вѣчевомъ нашемъ колоколѣ. Хочетъ побывать государь въ своей отчинѣ, помолиться Живоначальной Троицѣ—рады ему, государю, всѣмъ сердцемъ и молимъ не погубить насъ». Но горько заплакали Псковичи по своей старинѣ и по своей волѣ, когда начали спускать вѣчевой колоколъ у Святой Троицы и потомъ повезли на Святогорскій дворъ къ Іоанну Богослову, тринадцатаго января 1510 года *.

Въ ту же ночь Далматовъ и послы псковскіе отправились въ Новгородъ, куда и прибыли пятнадцатаго января; вслѣдъ за ними везли и вѣчевой колоколъ. За недѣлю до вступленія государева прибыли съ дружинами въ Псковъ князь Петръ Васильевичъ Великій-Шуйскій **, Иванъ Васильевичъ Хаваръ ***, Иванъ Андреевичъ Челыднинъ, привели Псковичей къ крестному цѣлованію, и сказали посадникамъ, что государь будетъ въ пятницу. Посадники, бояре, дѣти боярскіе и посадничьи, купцы и множество народа, отправились на Дубровно встрѣчать Василю; двад-

* Въ память покоренія Пскова, великій князь поставилъ церковь во имя Святой Ксеніи,—въ этотъ день взять Псковъ,—и на вѣкъ установилъ держать неугасимые огни въ соборахъ: Троицкомъ, Псковскомъ и Софійскомъ новгородскомъ. Въ 1518 году, онъ прислалъ къ храму Святой Троицы новый большой колоколъ на мѣсто вѣчеваго.

** У Карамзина въ 363 примѣчаніи къ VII тому помѣщена выписка изъ лѣтописей, изъ которой видно время, когда князь Шуйскій былъ прежде псковскимъ намѣстникомъ: подъ годомъ 1507 сказано, что Василій Іоанновичъ, вызвавъ изъ Пскова князя Дмитрія Ростовскаго, прислалъ на его мѣсто князя Петра Васильевича Шуйскаго-Великаго; а подъ годомъ 1509 говорится, что князь Петръ Васильевичъ смѣнилъ государемъ, который назначилъ въ Псковъ намѣстникомъ князя Ивана Михайловича Рѣплю-Оболенскаго. Этихъ извѣстій нѣтъ въ печатной псковской лѣтописи М. Н. Погодина.

*** Такъ сказано въ псковской лѣтописи (страница 178). Н. С. Арцыбашевъ, напр отивъ, говоритъ, что приводилъ къ присягѣ Иванъ Ивановичъ Хаваръ (книга IV, страница 89).

цать-четвертаго января назначенъ торжественный входъ государя. Того же дня рано утромъ пріѣхалъ въ Псковъ, для встрѣчи же, коломенскій владыка, Вассіанъ Кривой. Хотѣли встрѣтить государя съ иконами, священниками и образами еще въ полѣ, но владыка коломенскій не позволилъ, сказавъ, что государь не велѣлъ встрѣчать себя далеко. Началось шествіе: окруженный множествомъ вельможъ и дружинами, государь вступилъ въ городъ. Псковичи ожидали его за три версты * и ударили челомъ доземли. Василій спросилъ ихъ о здравіи—они безмолвствовали; старосты отвѣчали: «лишь бы государь здравствовалъ». Уже въ городѣ встрѣтилъ его владыка съ священнымъ соборомъ на площади, гдѣ нѣкогда былъ торгъ. Великій князь слѣзъ съ коня на площади у Всемилоствиваго Спаса и подошелъ подъ благословеніе. Потомъ всѣ отправились во храмъ Святой Троицы, пѣли молебень, многолѣтствовали государя. Когда же владыка, благословляя Василія, сказалъ ему: «Богъ тебя благословляетъ, безъ брани даровавъ тебѣ Псковъ», предстоящіе зарыдали и всеобщій стонъ огласилъ своды храма.

Великій князь приказалъ быть у себя въ недѣлю: посадникамъ, боярамъ и дѣтямъ посадничьимъ: «хочу васъ жаловать моимъ жалованьемъ,» сказалъ онъ. Двадцать-седьмаго января собрались всѣ лучшіе люди на дворъ государевъ. Князь Петръ Васильевичъ Шуйскій началъ кликать по переписи посадниковъ, бояръ, старостъ, купцовъ и житыхъ людей: всѣхъ ихъ отдали «за приставовъ» и приказали собрать въ Большую Судебную Избу **; младшимъ же людямъ, то есть, людямъ изъ низшихъ сословій, князь Петръ Васильевичъ Шуйскій сказалъ: «до васъ государю дѣла нѣтъ, кто ему нуженъ, тѣхъ онъ беретъ съ собою, а васъ онъ пожалуетъ грамотою жалованною, въ которой изложены будутъ ваши обязанности». Между тѣмъ въ судебной избѣ собрались всѣ лучшіе люди, которыхъ предположено было удалить изъ роднаго города.

* Псковская лѣтопись, страница 178. Карамзинъ же пишетъ (томъ VII страница 41), что «имъ приказано было остановиться въ двухъ верстахъ отъ города».

** Главное присутственное мѣсто.

Василій Іоанновичъ, находившійся съ боярами въ передней избѣ, выслалъ къ несчастнымъ князя Александра Васильевича Ростовскаго, Григорія Ѳеодоровича Давыдова *, конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, окольниковаго князя Петра Васильевича Шуйскаго-Великаго, казначея Дмитрія Владимірова, дьяковъ: Третьяка - Далматова, Мисюря Мунехина, Ивана Телешева и Луку Семенова. Они сказали: «Великій князь Василій Іоанновичъ, Божією милостію царь и государь всея Руси, говоритъ вамъ: «Объявляю вамъ милость, жалую васъ и въ имущества ваши не вступаю, но здѣсь на васъ приносили многія жалобы, за ваши неправды и обиды, а потому здѣсь вамъ, въ нашей отчизнѣ, во Псковѣ, быть не пригоже: отнынѣ вы должны находиться въ области московской; ступайте туда съ женами и дѣтьми». Всѣмъ имъ приказано тогда же готовиться къ отъѣзду. Ихъ повели по подворьямъ, велѣли взять женъ, дѣтей, легкіе пожитки, прочее все брошено, и въ ту же ночь съ плачемъ и рыданіемъ триста семей увезено въ Москву. Въ Новгородѣ находилось много Псковичей; триста чело-вѣкъ изъ нихъ захвачены по дорогѣ и также повезены въ Москву. Среднимъ и младшимъ гражданамъ объявили, что «государь ихъ жалуетъ жалованною грамотою и развода имъ не будетъ. Убылые замѣнены переселенцами изъ низовыхъ городовъ. Самовластно распоряжался покоритель Пскова, уничтожая все, что могло препятствовать укорененію самодержавія. Изъ десяти московскихъ городовъ собрано триста семей, имъ пожалованы дворы въ среднемъ городѣ, а Псковичей выпроводили въ окольные города и на посадъ. Деревни сведенныхъ бояръ псковскихъ розданы московскимъ боярамъ. Намѣстниками въ Псковѣ государь назначилъ боярина Григорія Ѳеодоровича Давыдова съ конюшимъ Иваномъ Андреевичемъ Челяднинимъ; дьяку Мисюру Мунехину приказалъ государь вѣдать дѣла приказныя, другому дьяку ямскому, Андрею Никифоровичу Волосатому, писать грамоты полныя, то есть, крѣпости кабалы и докладныя (о переходѣ холопа или объ увольне-

* Такъ онъ названъ въ Русскомъ Временникѣ, но въ псковской летописи (страница 179), онъ названъ Григорьемъ Ѳеодоровичемъ Морозовымъ.

ни); свѣрхъ-того назначено двѣнадцать городничихъ, двѣнадцать старостъ псковскихъ и двѣнадцать московскихъ. Имъ розданы деревни. Всѣмъ пригородамъ разосланы княжескіе намѣстники изъ боярскихъ дѣтей; они должны были привести пригорожанъ къ крестному цѣлованію. Въ столицу отправленъ Петръ Яковлевъ Захарьевъ отъ имени государева здравствовать всей Москвѣ, что Псковъ взятъ. Проживъ во Псковѣ четыре недѣли, Василій выѣхалъ въ Новгородъ, откуда и возвратился въ Москву, семнадцатаго марта 1510 года.

Государь оставилъ въ Псковѣ сто дѣтей боярскихъ и пятьсотъ пищальниковъ новгородскихъ; по возвращеніи въ Москву онъ прислалъ еще тысячу пищальниковъ и ворѣтниковъ, установивъ таксу и уничтоживъ беспошлинную торговлю, которая искони процвѣтала во Псковѣ. Двѣнадцать старостъ, выбранныхъ Васиіемъ изъ родовыхъ Псковичей, не имѣли довольно силъ положить преграду корыстолюбію и притѣсненіямъ своихъ товарищей, московскихъ тиуновъ, дяковъ и пригородскихъ намѣстниковъ, «которые торговали и продавали великимъ и злымъ умысленіемъ, подметомъ и поклепомъ. Великъ налогъ тогда былъ людямъ! Приставы брали отъ порукъ по пяти, по семи, по десяти рублей; а если кто изъ Псковитянъ ссыдался на грамоту великаго князя, того убивали». Несмотря на обѣщанія, что развода больше не будетъ, съ Старога Застѣнья въ Псковѣ всѣхъ жителей вывели и дома ихъ розданы приведеннымъ съ Москвы гостямъ; а въ Застѣньи было шесть тысячъ пятьсотъ дворовъ. Кремль опустѣлъ. Безпрерывно раздавался повсюду вопль. Десять пригородовъ, Кобылье городище и Вышегородище, съ того времени стали пусты отъ намѣстниковъ и тиуновъ. Быстро уничтожались послѣдніе слѣды вольности Псковитянъ: «Далъ великій князь Пскову уставную грамоту о судѣ и правдѣ, но бѣдные Псковичи не видали правды московской», пишетъ московскій лѣтописецъ: «ихъ правда и крестное цѣлованье улетѣли на небо и кривда начала ходить на землѣ». Вольность и торговля исчезли въ одно время: иноземные гости не хотѣли подвергать себя и свое имущество явнымъ опасностямъ, и всѣ удалились. «Кто только могъ, бросалъ жену, дѣтей и уходилъ въ чужія

страны, кому нельзя и некуда было скрыться, тѣ только и остались, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ: «земля не разступалась, а на небо не улетишь...» Многіе постригались, надѣясь принятіемъ иноческаго образа избавиться отъ плѣну и дожить вѣкъ на родинѣ. На второй годъ Василій свѣдалъ о насильствахъ, свелъ прежнихъ намѣстниковъ и прислалъ князя Петра Васильевича Шуйскаго-Беликаго, да Симеона Курбскаго; новые намѣстники добры были до Псковитянь, соблюдали уставную грамоту. Нѣкоторые изъ Псковичей, разбѣжавшихся до того времени, опять явились на родину, но кратковременное управленіе князей Петра Васильевича Шуйскаго и Симеона Курбскаго не могло возвратитъ древнему городу святой Ольги ни прежней силы, ни прежняго богатства: если ни отъ намѣстниковъ, такъ отъ дьяковъ терпѣли бѣдныя Псковичи. Желая водворитъ порядокъ, Василій Іоанновичъ часто перемѣнялъ дьяковъ, присылалъ изъ Москвы новыхъ; но и это не помогало: «дьяки московскіе были частныя (часто смѣняемые) и мудрыя, а земля пуста», замѣчаетъ псковская лѣтопись. Исключеніе составляетъ одинъ Мисюръ Мунехинъ, памятный сооруженіемъ большой церкви и новыхъ монастырскихъ зданій Печерской Обители, въ сорока верстахъ отъ Пскова *. Но и Мисюръ чѣмъ держался? Когда онъ умеръ (1528 г.), то въ его казнѣ нашли книги

* Въ 1519 году начаша Мисюръ Мунехинъ дьякъ, да его подъячій Ортюша Псковитинъ, назирати убогое мѣсто, не знаемо никимъ же, во дѣвѣнскихъ рубежахъ сорокъ верстъ отъ Пскова, въ Тайлодѣ негестѣ, семь верстъ отъ новаго городка нѣмецкаго, Печерскій монастырь, Вячлянскую пещеру, и начаша на праздники Пречистыя Богородицы ѣздити со многими людьми и монастырь кормити, а монастырь былъ на верѣ горы... И нача Пречистая недужныя изцѣляти и услыша вся земля русская, яко не токмо крестьянъ, (то есть, христіанъ православнаго исповѣданія), но латыни (римско-католиковъ), и нача Мисюръ волостями своею казною по обѣ стороны ручья горы копати и церковь большую создати, и въ гору копатися далѣ и глубже, и начаша монастырь строити и гору возыдоша вверхъ, а святыя Феодосія и Антонія снесоша съ горы въ Печеру въ новую церковь, и начаша съ проскурою и со святою водою къ государю ѣздити, и нача быти славою монастырь до моря Варяжскаго. (Выписка изъ лѣтописей въ 382 примѣчаніи къ VII тому исторіи государства русскаго.) Въ псковской лѣтописи, изданной М. П. Погодинымъ, этого извѣстія нѣтъ.

вкратцѣ написанныя: кому что далъ на Москвѣ боярамъ и дьякамъ, и великій князь все то выискалъ на себя; а иное его племянники. Подъячій Мисюра, Ортюша Псковитинъ, любезный его, призванъ въ Москву и былъ на пыткѣ. Тогда-то начался рядъ тѣхъ частныхъ и мудрыхъ дьяковъ, при которыхъ земля была пуста. Но ихъ любостяжаніе и корыстолюбіе послужили только къ обогащенію казны велико-княжеской, ибо «сами не одинъ не ѣхалъ по-здорову со Пскова къ Москвѣ, воюя другъ на друга», говорятъ лѣтописцы (*).

Такъ совершились судьбы древняго Пскова, родины Ольгиной, младшаго брата Новугороду Великому, участника славной Ганзы... Отнялась тогда слава Пскова: было плѣненье не иновѣрными, но единновѣрными! «И кто не заплачетъ и не возрыдаетъ о томъ?» говоритъ псковскій лѣтописецъ. Онъ обращается къ городу родному и слышитъ его стenanія; спрашиваетъ о чемъ сътуетъ и рыдаетъ славный Псковъ, «великій воградѣхъ»? И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о моемъ запустѣніи? Прилетѣлъ на меня многокрыльный орелъ, а крылья его со львовыми когтями и взялъ онъ отъ меня три кедрѣ Ливанова,—похитилъ, и красоту мою и богатства мои и чадъ моихъ. Землю мою онъ пусту сотворилъ, городъ раззорилъ, людей увлекъ въ плѣнъ, торжища раскопалъ, а другія коневымъ каломъ заметалъ. Отцовъ и братій нашихъ, матерей и сестеръ, говоритъ лѣтописецъ, развели по городамъ, гдѣ не бывали ни дѣды, ни прадѣды. А все зло на насъ отъ самоволія и непокоренія

* И этого характеристическаго описанія также нѣтъ въ изданіи М. П. Погодина. Въ карамзинской выпискѣ изъ лѣтописей (томъ VII, прилѣжаніе 383) читаемъ: «1528 года, марта одиннадцатаго престамлся дьякъ Мисюръ, и положенъ въ Печерѣ, и нача великій князь животь его съскивати, а на его мѣсто прислалъ Володимира Племиникова, и найдоща въ его казвѣ книги вкратцѣ написаны, кому что далъ на Москвѣ бояромъ или дьякомъ, и великій князь все то выискалъ на себя, и иное его племянники; и подъячій Ортюша Псковитинъ, любезный его, на Москвѣ на пыткѣ былъ; и бысть въ людехъ натяжъ о его животахъ. И быша по Мисюры дьяки частые и мудрые, а земля пуста, и нача казна великаго князя множитися во Псковѣ; а сами не одинъ не съѣхаша по-здорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя.»

Другъ другу: голова не вѣдаетъ, что языкъ говоритъ; своего дома не умѣемъ строить, а городами повелѣвать хотимъ *.—Замѣчательное сужденіе современника о народномъ правленіи.

Н. САВЕЛЬЕВЪ.

* Описать разореніе Пскова, лѣтописецъ оканчиваетъ свой разсказъ поученіемъ: «Ныяѣ же братія, сія видѣши, убойсися прешенія есѣе страшнаго, принадлежъ къ Богу своему, исповѣдующе грѣхость своихъ, да не виденъ въ большой гнѣвъ Господень и не наведетъ на ся казни больше первой: ждетъ бо нашего покаянія и обращенія и мы не покажемся, но еще на большій грѣхъ превратимся, на злыя поклєны, и лхія дѣла, и увѣчыє, крипаніє, а не вѣдуши глаго, что языкъ говоритъ, и не умѣюше своего дому строити, а градомъ содержати хопемъ. Сего ради самоволим и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на ны!» (Псковская лѣтопись, изданная М. Н. Погодинымъ, страница 179.) Далѣе (страница 181) читаемъ: «а все то за наше согрѣшеніє такъ Богъ неволѣлъ быти, зачѣмъ писано въ Акаликисноѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестой есть, но не убо пришелъ; шестое бо царство именуеть въ Руся Скимскаго. — Си бо шестой именуеть, и седьмой потомъ, а осьмой Антихристъ. Се бо Христось во святошъ Евангеліи глагола: да не будетъ бжжество ваше змиѣ, ни субботу. Се убо придетъ на ны змиа! Се бо царству разширится и злодѣйству размножится! Охъ! умы! да насъ Исусъ Христось, Богъ нашъ, избавить отъ всего зла и вѣчнаго мученія. и сподобить насъ вѣчныхъ благъ молитвами Святой Богородицы и всѣхъ святыхъ. Аминь.»

КАРПАТСКІЯ ГОРЫ ЗИМОЮ.

Ноябрь уже былъ на исходѣ; мирные люди, я хотѣлъ сказать, люди ни отъ кого, ни отъ чего не зависящіе, сосредоточивались въ городахъ и плотнѣе кутались въ комнатахъ; въ Петербургѣ, конечно, стояла вьюга на дворѣ и печи топились до бѣлокалительнаго жару, что, какъ вамъ извѣстно, означаетъ высшую степень жару; но мнѣ нездоровилось и особенно зѣвалось въ городѣ гдѣ я жилъ на ту пору, а городъ былъ Бухарестъ; теплая и ясная погода манила въ даль; а въ дали чуть видѣлась голубая полоса горъ, горъ Карпатскихъ, роскошнѣйшихъ горъ, какія я когда-либо видывалъ въ жизни, а я видывалъ ихъ довольно; горъ, которыя сулили мнѣ столько надеждъ.... Хотя я долженъ былъ ѣхать цѣлымъ караваномъ, однако сборы были не долги: три экипажа, каждый въ двѣнадцать лошадей, запряженныхъ гусемъ, вытянулись отъ моей квартиры въ длину нѣсколькихъ бухарестскихъ улицъ и въ ширину каждой изъ нихъ, совершенно запрудивъ собою путь другимъ; арнауты сидѣли на козлахъ, держа ружья на отвисѣ, какъ здѣсь водится, пугая собою однихъ ямщиковъ лошадиныхъ проходящихъ; бичи захлопали оглушительно поднимая крикъ десятка погонщиковъ, суруджи, который слышенъ былъ и среди этого шумнаго бичеванья и среди стука экипажей по мостовой. Мы отправились.

До Плоещи, верстѣ семьдесятъ, дорога ровна и скучна. Жители бѣдны и слабы, какъ жители бѣльшей части равнинъ Валахій и Молдавіи. Здѣсь еще отдается городомъ, его болѣзнями и нищетою. Но чѣмъ далѣе отъ Плоещи въ горы, тѣмъ народъ крѣпче, ловче; довольство развивается по мѣрѣ повышенія горной полосы. У Брязы представляется вамъ мѣръ Карпата, отдѣльный, счастливый своимъ уединеніемъ и безмятежною жизнію, населенный людьми, постигающими инстинктомъ все величіе окружающей ихъ природы и благословляющими ее за то, что она оградила ихъ отъ вліянія валахскихъ земскихъ властей, сунт-откермиторовъ и разныхъ зончѣвъ, которые показываются здѣсь только изрѣдка, налетомъ.

Плоещи въ родѣ нашего малороссійскаго порядочнаго городка, но отличается отъ него своимъ азіатскимъ духомъ, своею тѣснотою и этимъ вѣчнымъ базаромъ на улицахъ, столь общимъ всѣмъ городамъ Востока. Плоещи — главный городъ Праовскаго округа, чѣмъ онъ, конечно, долженъ гордиться, потому что далеко не стѣнитъ своего округа, и мѣстопробываніе откермитора, исправника, который, послѣ самаго радушнаго гостепрѣимства, снабдилъ насъ драбансами и письмами въ горы. До Брязы — сорокъ пять верстѣ отъ Плоещи — можно ѣхать въ коляскѣ: дорога, пока, хороша; но далѣе не совѣтую брать экипажа и лучше ѣхать верхомъ. До Кумарника часъ ѣзды, вдоль русла Праово, которую вы должны переѣхать на этомъ пространствѣ разъ пятнадцать. Дорога идетъ съ камня на камень, по осыпямъ горъ; несмотря на то, вы встрѣчаете безпрестанно ряды навьюченныхъ лошадей, а иногда и подводы съ тяжестями, потому что здѣсь путь сообщенія не почтовой, однако соединяетъ съ границею австрійскою, и собственно съ Кронштатомъ, до котораго отсюда часа четыре ѣзды.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о Кумарникѣ, чтобы вы имѣли понятіе о томъ, что означаетъ деревню въ горахъ, тѣмъ болѣе, что Кумарникъ можетъ назваться, по преимуществу, деревнею. Сотни три чистенькихъ, бѣленькихъ домиковъ, съ деревянными кровлями, разсѣяно на большомъ

пространствѣ, въ горахъ; почти каждый домикъ стоитъ особнякомъ, каждый обнесенъ садикомъ, состоящимъ преимущественно изъ деревьевъ сливныхъ и волоскихъ орѣховъ, также грушъ и яблоковъ и грядами кукурузы, а иногда и ячменю; въ домикъ чистота и довольство; широкая пара, устланная самодѣльными коврами или одѣлами и подушками, занимаетъ пол-комнаты, маленькая печь, которой тонка болѣею частію снаружи, въ сѣняхъ, нѣсколько образцовъ, нѣсколько кухонной посуды. Хозяйка рослая, съ прекрасной таліей, — принадлежность горныхъ жителей, — съ черными, блестящими глазами — принадлежность жителей Валахій — хозяйка и всѣ домохозяицы женскаго пола ткуть сукно и пестрядь для одежды мужской и собственной, потому что онѣ, подобно нашимъ Малороссіянамъ, ходятъ въ шерстяныхъ запасахъ; бѣлая, шитая въ узоръ рубаха дополняетъ ихъ нарядъ. Мужчинъ вы не увидите въ избѣ: благодаря благодатному климату, они всегда на дворѣ, всегда въ работѣ: горы не долины, земли мало: надобно трудомъ дополнять недостатокъ ея. Мужчины въ бѣлыхъ свиткахъ; только лапти, вмѣсто сапоговъ, да подбритые спереди волосы, какъ у Сербовъ и Черногорцевъ, отличаютъ отъ Малороссіяня. Грудь ихъ, мощная, обросшая волосами, всегда обнаженная въ стужу и въ жаръ: ей такъ легко дышать горнымъ воздухомъ! Воли и воли просить она, и какъ высоко цѣнить здѣшній житель эту волю, какъ благословляетъ Русскихъ, своею кровію искупившихъ ему свободу, какъ благоговѣть передъ именемъ русскаго царя, освободившаго его отъ чужеземнаго ига и даровавшаго ему «регламентъ!»

До самаго адрианопольскаго трактата здѣшній крестьянинъ не могъ располагать своею собственностію, на всѣ произведенія его назначались цѣны правительствомъ, которая доходила до трехъ рублей ассигнаціями за четверть пшеницы и все это отдавалось на откупъ или забиралось правительствомъ, по системѣ Мегемета Али; почему валахскій крестьянинъ и не думалъ о накопленіи своей собственности и если у него былъ годичный запасъ кукурузы, то онъ считалъ себя счастливымъ человѣкомъ. Теперь же обыкновенная годичная подать здѣшняго се-

денная состоитъ въ такъ-называемой десятищѣ, то есть, десятой части всѣхъ его сельскихъ произведеній въ пользу владѣльцевъ земли и государственной подати, простирающейся за одинъ червонецъ, со включеніемъ рекрутскихъ, дорожныхъ и другихъ повинностей; кромѣ-того онъ платитъ за налѣшекъ земли, определенной закономъ, если его имѣетъ, а его имѣетъ почти каждый; да работаетъ двѣнадцать дней въ пользу владѣльца. Правда, такъ какъ большая часть имѣній Валахін находится въ арендѣ и преимущественно у Грековъ, то часто права поселенцевъ нарушаются, но гдѣ же не бываетъ злоупотребленій власти! а въ Валахін и Молдавіи, конечно, болѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, временемъ и закономъ упрочившихъ права своихъ подданныхъ.

Кумарникъ, помѣстье господара Бибеско, доставшееся ему вмѣстѣ съ другими обширными владѣніями за женою, которая изъ фамиліи Бранковани, одной изъ богатѣйшихъ фамилій въ обѣихъ княжествахъ. Мы пріѣхали въ Кумарникъ вечеромъ. Молодая луна ярко освѣщала и чистенькой, бѣло-на-бѣло выкрашенный деревянный господарскій домъ, и широкій дворъ обнесенный небольшими пристройками и загородами, и всю картину, рисовавшуюся на немъ во фламандскомъ вкусѣ: два три горныхъ пастуха, въ шляхахъ съ широкими тульями, облокотившись на свои посохи, съ изумленіемъ глядѣли на толпу всадниковъ; нѣсколько собакъ лаяли изъ-дали, какъ-бы недоумѣвая, что имъ дѣлать при видѣ столь небывалыхъ пришельцевъ; устанные, безмятежно лежашіе быки приподняли свои головы; словомъ, все было въ вечернемъ сборѣ и все съ любопытствомъ глядѣло на насъ. Арендаторъ—Грекъ стоялъ на крыльцѣ. Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ ввелъ насъ въ комнаты, уютныя и убранныя, но въ которыхъ отзыдалось еще сыростію, несмотря на яркій огонекъ въ печи, потому что онѣ оставались долго нежилыми; только князь во время своихъ пріѣздовъ занималъ ихъ. Долго раздавался шумъ моего поѣзда на дворѣ, долго суетились въ комнатѣ домохозяды, укладывая мои вещи и заботясь о моемъ ночномъ пріютѣ; наконецъ, мало-по-малу, все пришло въ порядокъ; подали кипящій самоваръ и хозяева, пріимѣ-

тнѣ, что бесѣда ихъ начинается надобѣдать мнѣ, удалились. Ухъ, какъ легко! Теплота уже разливалась въ комнатѣ; отрадная влага чаю оживляла истомленные трудной дорогой мои члены; за окномъ шумѣла и кипѣла Права, вырвавшаяся изъ горныхъ ущелий и яростно несущаяся впередъ, какъ голодная львица; а мой самоваръ ворковалъ мнѣ про радости домашней жизни, про мирной кровъ; на дворѣ, противъ окна, высилась грознымъ великаномъ покрытая снѣгомъ, какъ гробовымъ саваномъ, конусообразная гора Пльшува и шумѣла и качалась покрытая иею дубовая трущоба, сверкая кристаллами снѣгу и переливаясь лучами иѣсяца; въ уютной комнатѣ было свѣтло, а на душѣ легко, и тѣлу такъ было покойно и мыслямъ такъ раздольно: ронялись и улетали онѣ свѣтлымъ хоромъ.... Мудръ тотъ человѣкъ, кто умѣетъ опредѣлить себѣ цѣль въ жизни и терпѣливо идетъ къ ней черезъ камни и болота, великъ, кто имѣетъ столько силы духа, столько твердости характера, чтобы достигнуть ея, — но гораздо мудрѣе, гораздо выше, тотъ, кто умѣетъ уловить минуту счастья, потому что счастье дается не произволомъ людей, не состоитъ подъ расчетомъ ихъ мудрости, а приходитъ ненарокомъ, нежданное, и уносится быстро, невозвратно... Чѣмъ болѣе я скитаюсь по свѣту, тѣмъ нахожу правильнѣе сравненіе жизни человѣческой съ вѣчнымъ странствованіемъ, и особенно по дорогамъ Россіи и въ Киргизской степи. — Оставимъ второму, какъ мало извѣстную для читателей, потому что я могъ дать только темное о ней понятіе—и скажемъ о первой, здѣсь, то есть въ Россіи, путешественникъ страдаетъ во всѣ времена года: зимою онъ ныряетъ изъ ухаба въ ухабъ, только двинувшись, какъ душа не выпадетъ изъ тѣла; лѣтомъ грузнетъ въ сыпучемъ песку, весною тонетъ въ разливахъ рѣки, а видѣ такъ грязнётся объ паромъ, что не только коляска, кости трещать; осенью, Боже мой, осенью!... Куда же вѣчно сплѣшится бѣдный странникъ? зачѣмъ такъ торопить зрителей и гонить ямщиковъ? Не то ли самое ждетъ его и впереди? Не тѣ ли же мѣки и на станціяхъ: самый воздухъ почтовыхъ станцій, какъ вамъ извѣстно, убійственъ. И такъ терпѣиво и терпѣиво, добрый путникъ! А если случайно встрѣтишь

на пути уютный и теплый приютъ, — скорѣй съ собою одеждою, пользуйся минутой покоя, пока всемогущая нужда не потребуетъ тебя снова въ дорогу.

Мирныя мысли навѣвали дремоту на отяжелѣвшіе глаза мои (какъ, можетъ-быть, и на ваши добрый читатель) и я едва дошелъ до постели, какъ сонъ склонилъ меня, сонъ крѣпкій и безмятежный. Вдругъ слышу, кто-то меня будить; протираю глаза и едва вѣрю тому, что вижу, при слабомъ свѣтѣ догорающихъ въ печкѣ углей. Тощая, полу-раздѣтая человѣческая фигура сидѣла на краю моей постели; лицо ея было блѣдно, но кротко; глаза мутны, но не злобщи и умильная улыбка, которая такъ убѣдительно ручалась за незлобныя намѣренія пришельца не сходила съ устъ его.

— Не обезпокоилъ ли я васъ? сказалъ мой ночной поѣздитель по-французски, тихимъ голосомъ.

— Странный вопросъ!

— Но мнѣ до васъ крайняя нужда.

— А, это другое дѣло! Говорите, чѣмъ могу служить вамъ?

— Вы изъ Аѳинъ?

— Нѣтъ, изъ Петербурга.

— Все-равно. Петербургъ греческая колонія, и вамъ, вѣрно, извѣстны всѣ новости нашей всемірной столицы, а эта новость громовымъ ударомъ раздалась въ свѣтѣ.

Я смотрѣлъ на незнакомца, какъ говорится, во всѣ глаза.

— У насъ говорятъ, что умеръ Сократъ, и умеръ въ темницѣ и умеръ осужденный; если это правда, то на свѣтѣ нѣтъ правды.

— Какой Сократъ?

— Какой! Мужъ Ксантиппы, сынъ Софрониска и Фенареты, свѣтило міра, величайшій мудрецъ нашего времени.

— Вашего времени!—Умеръ, и очень давно, такъ, лѣтъ зашестьдесятъ до Рождества Христова.—Съ этими словами я отворотился къ стѣнѣ и уже начиналъ дремать, ме-

жду-тѣмъ какъ потокъ непритворныхъ сокрушеній лился изъ устъ моего посѣтителя.

— Еще два слова, сказалъ онъ съ невыразимымъ страданіемъ сердца, которое заставило меня опять оборотиться къ нему лицомъ: — Живъ ли любимый ученикъ Сократа, мой единственный другъ — и онъ сказалъ какое-то тарбарское ния.

— Живъ и приказалъ вамъ кланяться. — Съ этимъ словомъ я натянулъ себѣ на голову одѣяло.

— Такъ онъ не забылъ меня! О, вы оживили меня, и я, уснокосный, оставляю васъ, — если только вамъ это не противно.

— Ни сколько, ни сколько, откликнулся я изъ-подъ одѣяла и едва только слышалъ шорохъ удаляющихся шаговъ, вскочилъ съ постели и заперъ на замокъ двери за незваннымъ гостемъ.

На другой день встрѣтилъ я въ козяйской семьѣ и своего ночнаго посѣтителя. Онъ былъ молчаливъ; тоска и мѣки изображались во всѣхъ чертахъ его блѣднаго и изнуреннаго лица.

— Что съ нимъ? спросилъ я сына арендатора.

Тотъ обвелъ указательнымъ пальцемъ вокругъ головы: знакъ очень понятный!

— Онъ очень страдаетъ?

— О, да, и помѣшательство его тѣмъ болѣе жалко, что обнаруживается одною глубокою меланхоліею, которая сохранила въ немъ все самопознаніе своего бѣдствія. Онъ рѣдко говоритъ, но изъ немногихъ словъ его видно, что онъ считаетъ себя п всѣхъ насъ жильцами древнихъ временъ и никакъ не признаетъ нашего девятнадцатаго по Рождествѣ Христовѣ вѣка. — Тутъ молодой человекъ разсказалъ мнѣ въ немногихъ словахъ его исторію.

Несчастный этотъ былъ родной племянникъ арендатора, сынъ ученаго, извѣстнаго въ Бухарестѣ и у насъ въ Россіи доктора Ф. Онъ кончилъ воспитаніе свое въ Парижѣ; но когда нить его умственныхъ занятій оборвалась, вмѣстѣ

съ послѣднимъ экзаменомъ, не удерживаемый ею, Ф. предался со всѣмъ жаромъ школьника упоенію парижской жизни, — не подготовленный разсудокъ его сокрушился въ вихрь свѣта; вскорѣ настала пора разочарованія сердечнаго и умственнаго, а за нею глубокая меланхолія.... Жалкій, но вѣрный оттискъ нашего вѣка!

Днемъ картины предстали нашимъ глазамъ отчетливѣе; правда, не было этой таинственной неопредѣлительности и трепетныхъ тѣней ночи, въ которыя робко и невольно всматривается глазъ и какого-то невнятнаго говора, къ которому прислушивается душа, зато панорама была шире и величественнѣе. Съ Пльшувы, которая какъ вѣрный стражъ стояла надъ Кумарникомъ, по ту сторону рѣки Праово, съ Пльшувы, на югъ, въ подозрную трубку видна была безпредѣльная даль, равнина, обнимающая Бухарестъ и самый городъ плавалъ въ туманѣ, какъ стадо лебедей въ озерѣ; окрестъ, какъ волны, вздымались горы; но на сѣверѣ, Бучечи, одна изъ высочайшихъ горъ Карпата, ревниво заслоняла отъ насъ видъ на Трансильванію. Мы рѣшились подняться на вершину Бучечи, или по-крайней-мѣрѣ до того пункта на ней, который былъ достигимъ. Вершина же оканчивалась обрывистымъ утесомъ, на которомъ не могъ держаться снѣгъ и носерединѣ знымы: какъ духъ тьмы возставалъ этотъ утесъ на бѣломъ полѣ снѣговъ.

Бучечи стоитъ на границѣ Валахія и Трансильванія; переночевавъ въ Синаѣ, большомъ монастырѣ, отстоящемъ за четыре часа отъ Кумарника, мы начали подыматься на Бучечи. Снѣгъ становился глубже; едва прикрытый тонкою ледяной корою, онъ мѣстами не сдерживалъ насъ и мы грузли и падали; панорама горъ растянулась шире и величественнѣе; казалось, вотъ горизонтъ замыкалъ ее, но по мѣрѣ возвышенія нашего онъ отступалъ — и новые дѣйствители, новые гиганты являлись на сцену. Тамъ ущелье черной змѣей лежало на бѣлой равнинѣ, тутъ обнаженная отъ своей зелени дубрава казалась синимъ озеромъ; туманы плавали то въ разрѣзѣ горы, вѣчалась ея лучезарной главой, то поверхъ ея свивалась и развивалась по волѣ вѣтровъ. Глухой гулъ казался

величественнымъ говоромъ стихій. Все было мощно, дивно, громадно! Шиллеръ сказалъ: даже въ дѣтской затѣи кроется иногда глубокой смыслъ; какая жъ мысль скрывается въ этомъ гигантскомъ чудно-гармоническомъ созданіи!...

Мы обогнули послѣднюю маковку, заслонявшую отъ насъ пикъ Бучечи. Туманы становились гуще, воздухъ сырѣе; солнце заводоключь толстою пеленой, холодъ проникалъ до костей. Цѣль была въ глазахъ нашихъ, хотя чуть видна въ туманѣ,—терпѣніе, терпѣніе! Мы утѣшались тѣмъ, что въ эту пору были, конечно, одни на такой высотѣ и горько ошиблись, какъ ошибаются болѣею частію люди въ пылу своей самонадѣянности: тутъ же шелъ человекъ, съ обмороженной головой, съ открытой грудью; обрывки тряпья прикрывали его плечи и руки, а забытые лапти, чуть держались на ногахъ. Это была одна изъ живописнѣйшихъ фигуръ нищеты, какія когда-либо мнѣ случалось видѣть. Обмороженный черепъ головы возвышался круто къверху и изобличалъ его породу; морозная пыль блестѣла на немъ; клоки волосъ у висковъ и курчавая борода развѣвались вѣтромъ; черные глаза метали искры еще непотухшаго внутренняго огня и казались еще чернѣй подъ сѣдыми нависшими бровями. Смуглое, морщинистое лицо носило выраженіе горя и заботы; это была фигура, годившаяся въ любой романъ Вальтеръ-Скотта и въ любую картину Рембранта. Старикъ шелъ, опираясь на посохъ, и видимо направлялся къ намъ. Мы приостановились.

— Не видали ль вы женщины? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Вотрите, — скажите, что отецъ ищетъ ее.

Мы было-сдѣлали ему нѣсколько вопросовъ въ свою очередь, но онъ удалился, не слушая насъ.

— Я вернусь назадъ, не могу дальше идти, — воскликнулъ Радованъ ...

Я привыкъ къ его дерзкимъ выходкамъ, но эта вывела меня изъ терпѣнія; я зналъ, что не физическая слабость составляетъ его отказываться отъ путешествія, а одно своеволие и отщепенство:

— Такъ пойдешь черезъ сягу.

— Я не хочу итти.

— Пойдешь противъ волн.—И я приказалъ ему итти впереди, чтобы онъ не скрылся отъ насъ. Не повиноваться нельзя было. Радованъ стиснулъ зубы и, едва удерживая кипѣвшій гнѣвъ, пошелъ впередъ. Пикъ на минуту проглянулъ изъ-за тумана и что-то странное, движущееся показалось на вершинѣ его. Радованъ остановился, прищурилъ глаза, всмотрѣлся, потомъ, приложившись къ ружью, сталъ цѣлится.

— Что тамъ такое? спросилъ я.

— Дикая коза, отвѣчалъ Радованъ.

— Человѣкъ! воскликнулъ другой арнаутъ и ударилъ по ружью его. Неприцѣленный выстрѣлъ раздался, но неразгаданное нами существо стояло неподвижно, почти на самой вершинѣ пика.

— Эгнуть бы тебѣ, проклятому, прошпнталъ сквозь зубы Радованъ, замахнувшись ружьемъ на своего соотечественника.

— Что за бѣшенство овладѣло имъ сегодня? спросилъ я.

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла, отвѣчалъ Нико, отстранившись отъ удара:— Не одобровать тебѣ, Радованъ: умереть отцовскою смертию.

— Погоди, умрешь прежде меня, да еще собачьей смертию, отвѣчалъ тотъ.

Сербъ обиды не прощаетъ, это я зналъ и только дождался случая, чтобы развести своихъ арнаутовъ.

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ впередъ, какъ-вдругъ, существо, стоявшее на вершинѣ утеса, соскочило оттуда съ легкостію лани и черезъ камни и кустарникъ, по глубокому снѣгу, неслось прямо на встрѣчу намъ.

Полу-нагая, дикая, гибкая, быстрая, вся огонь, вся отчаяніе, съ глазами искрометными, съ распушенными волосами, истерзанная, окровавленная, предстала передъ нами женщина и схватилась за руку Радована.

— А, ты здѣсь, ты здѣсь, вопила она: сама судьба при-

вела тебя сюда; сама судьба отдастъ тебя мнѣ; такъ ты не станешь итти наперекоръ судьбы: ты останешься здѣсь со мною въ горахъ, или уведешь меня къ себѣ въ городъ. Не выпущу, — кричала несчастная, которую съ силой оттолкнулъ Радованъ, освободивъ свою руку, — вцѣпилась въ его платье и волоклась за нимъ. Судорожно держалась она за него, какъ за свою послѣднюю надежду, какъ погибающій въ волнахъ держится за попавшуюся ему доску; напрасно арнауть толкалъ ее въ грудь ногою, она была безчувствена къ боли; тѣло ее замерло для мукъ, одна душа болѣла и болѣла невыразимо. — И самая смерть сжалась надо мною; такъ сжался же и ты. Помнишь ту ночь, въ Яссахъ, — а тебѣ и нужды нѣтъ до того, — помнишь, когда полу-живую втокнулъ ты меня въ чей-то дворъ, и заперъ калитку; только внутри я очнулась и очнулась на-бѣду; вѣкругъ меня были люди, звали меня притворщицей, воровкой, били, мучили и выбросили какъ собаку за ворота: я осталась тогда одна-одниёхонька въ свѣтѣ.... Я увидѣла тебя послѣ, когда ты сажился на козлы.... протягивала къ тебѣ руки, гнала за тобой, умоляла, ты не сжался.... Сжался жъ хоть теперь!

— Отстань отъ меня! закричалъ Радованъ и, истошая всѣ усилія, чтобы освободиться отъ нея, уже занесъ-было надъ нею прикладъ ружья. Несчастная не отшатнулась: она только прикрыла рукою свои глаза, какъ-бы для того, чтобы не видѣть страшнаго удара смерти и стояла. Дыханіе замерло въ груди ея. Но люди мои удержали ударъ и страдалница снова ожила для бѣдствій, и грудь ея всколебалась пуще прежняго и потокъ слезъ и потокъ рѣчей, полныхъ скорби и отчаянія, лился неудержанный, билъ ключомъ.

— Убей, убей! кричала она: пусть умру у ногъ твоихъ: съ меня и того довольно, и то мнѣ радость! А если ты улыбишься мнѣ на прощанье, моя краса, мое счастье, я съ того свѣта буду приглядывать за тобою; буду стеречь тебя отъ злой бѣды, отъ чорнаго недуга, отъ измѣны твоей голубицы.

— Прочь! говорилъ остервенѣлый арнауть: а вы, за кого заступаестесь, это собака, это Цыганка!...

— А! теперь ты говоришь, что я Цыганка; а что говорилъ, когда я жила въ Бухарестѣ? и ясною лебедью, и горлицей и ненаглядной своею и неразлучницею величалъ меня, — теперь я тебѣ собака, хуже, — постылая Цыганка; а что говорилъ, когда надъ тобой, больнымъ, просаживала я безсонныя ночи, а дни проводила въ трудѣ, чтобы выработать тебѣ покой и пищу? что говорилъ, когда прислонялъ мнѣ лицомъ, злою немощью повитымъ, ты, словно дитя нѣжной матерью, убаюкивался мною. А я всё была та же, была Цыганкой!... И скулистое, смуглое лицо ея выражало то отчаяніе, то мольбу, то надежду.

Непостигаю, какъ могла вообразиться мнѣ въ эту минуту женщина свѣтская, небрежно раскинувшаяся въ своемъ кабинетѣ, окруженная зеленью среди зимы и роскошью, въ благоухающей атмосферѣ, сіяющая при обманчивомъ свѣтѣ большаго китайскаго фонаря, вздѣтаго на жилѣ змѣи или на клыкѣ носорога, пластической, холодной, полудискусственной красотой, женщина, высказывающая избраннику своего сердца, положимъ хоть и не мужу, — тайну своей любви такъ осторожно, такъ прилично, такъ мѣрно, что незнаешь чему больше удивляться, ея уму или ея скромности.... Цыганка со своею дикою любовью напомнила мнѣ эту женщину; значитъ, самыя крайнія противоположности имѣютъ въ себѣ точки сближенія: такъ два мивуса дѣють плюсъ.

Несчастная билась на снѣгу, поалѣвшемъ отъ ея крови.

Мнѣ стала невыносима предстоявшая сцена. Ясно было, что эта Цыганка — дочь вострѣтывагогося намъ старика и я отправилъ ее, почти безчувственную, внизъ къ подошвѣ горы, куда направился старикъ и гдѣ черными пятнами видѣлось три, четыре цыганскія землянки, какъ заброшенныя могилы, и было душно и темно въ нихъ, какъ въ могилахъ: тамъ обитала нагая нищета, а тупая, бессмысленная покорность нищетѣ ужаснѣе самой отчаянной борьбы съ нею.

Между-тѣмъ началъ порошиться снѣгъ: онъ стѣнвилъ сильнѣе и сильнѣе помѣръ-того какъ мы приближались къ вершинѣ Бучечи. Совсѣмъ стемнѣло, а дѣнь былъ еще

высоко. Надо было искать убѣжища, чтобы въ потемкахъ не сорваться гдѣ-нибудь съ утеса, или не утонуть въ снѣгу. Мятель въ горахъ ужасна! Вѣтеръ вылъ, ударяясь въ утесы и стоналъ прорываясь черезъ дѣбри.

— Далеко ли до Сняя?

— Часа три и не по теперешней погодѣ.

До цыганскихъ землянокъ было ближе, но грустно и больно было провести тамъ ночь; притомъ же я болелъ новой сцены со стороны моего Радована.

— А гдѣ же монастырь Пещери, о которомъ вы мнѣ говорили? онъ и на картѣ значится здѣсь гдѣ-то недалеко.

— Недалеко и есть, да его на зиму заноситъ весь снѣгомъ, такъ что ни въ него никто не попадетъ, ни изъ него никто не выйдетъ.

— Ну, отвѣчалъ другой проводникъ: зима-то еще не глубокая, можетъ-быть и не замело его; держите только все правѣй!

Мы шли да шли; то грузли по колѣно въ снѣгу, то пробирались по голымъ отсыпямъ или чашею и валежникомъ. Вдругъ передовой вожатый остановился и пощупавъ палкою, а потомъ ногою что-то чернѣющее, — исчезъ такъ быстро, что никто изъ насъ и не примѣтилъ. «Дома» кричалъ онъ изъ-подъ ногъ нашихъ и голосъ его отдавался какъ изъ могилы. Другой вожатый смѣялся во все горло надъ нашимъ недоумѣніемъ.

— Ну, вотъ вамъ и Пещери! говорилъ онъ, — а вправду сказать больше на медвѣжью берлогу похоже, чѣмъ на монастырь — Что же вы стоите? спускайтесь скорѣе, пока не занесло ее совсѣмъ снѣгомъ; не бойтесь, не глубоко и не ушибетесь, и онъ, прочистивъ ногою отверстіе, которое мы до того и не примѣтили, спустился внизъ; за нимъ поспѣдовали и мы.

Всегда не забуду я зрѣлища которое представилось глазамъ моимъ въ ту пору. Нѣсколько человѣкъ, такъ чудно вошедшихъ со мною въ это святое убѣжище, засломили собою скудную струю дневнаго свѣту, стоя у входа, если можно назвать выходомъ отверстіе, въ которое мы во-

шли и которое мало-по-малу опять заносилось свѣгомъ. Только лампада, висѣвшая передъ небольшою божницею, служившею церковью и другая вдали освѣщала великолѣпнѣе и убожество этого жилища. Шла вечеря; одинъ монахъ отиравлялъ ее, трое другихъ благоговѣнно молились и не обращали вниманія на нашъ неожиданный приходъ. Это было все населеніе пещеры, которая, то подымаясь великолѣпными, на сталактитовыхъ колоннахъ уставленными куполами, то изгибалась темными, длинными корридорами и опять раскидываясь широкою площадью, терялась въ неизвѣданномъ пространствѣ и могла виѣщать, и нѣкогда вмѣщала, многія тысячи людей, какъ свидѣльствуютъ преданія, какъ говорятъ еще уцѣлѣвшіе человѣческіе останки и нѣкоторые искусственныя придѣлки въ самыхъ дальнихъ углахъ пещеры. Душа благоговѣнно трепетала въ этомъ чудномъ храмѣ и въ такую торжественную минуту, какъ-будто въ ней отражались и эти черныя, волнистыя тѣни и кристаллическія блески, являвшіяся на куполѣ пещеры, по волѣ лампаднаго свѣточа, колеблемаго порывомъ вѣтру.

Вечерня шла на валахскомъ языкѣ, но напѣвъ и многія слова напоминали намъ славянскій текстъ ея и дѣлали ее совершенно понятною для насъ. Вѣрно, давно мы не молились такъ искренно, какъ въ то время!... По окончаніи вечерней молитвы, добрые иноки не безъ удивленія обступили насъ. Мы сказали причину нашего посѣщенія и, загнаные непогодой, просили убѣжища на ночь. — Располагайте этой обителью, какъ собственнымъ жилищемъ, сказалъ со всевозможнымъ радушіемъ старшій изъ иноковъ: но не взъищите за скудность ея. — Скудность! А какой зодчій могъ бы воздвигнуть столь чудные чертоги! Если же инокъ разумѣлъ скудность жизненныхъ средствъ своихъ, то онъ былъ совершенно правъ въ выборѣ словъ: несмотря на то, что припасы были заготовлены на всю зиму, потому что монахи уже прекратили сообщеніе свое со свѣтомъ до весны, немногимъ можно было отъ нихъ поживиться. Люди мѣнимомъ разложили большой огонь. Между-тѣмъ, какъ они хлопотали около чайника, необходимой походной принадлежности Русскаго, монахи обѣли вокругъ меня

бливъ прѣсвѣтнаго огня. Разговоръ всего прѣжде склонился на церковнѣ. Само собою разумѣется, что Валахи слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ и обрядамъ грѣко-католической Церкви, какъ и мы. Церковныя книги ихъ переведены только въ началѣ семнадцатаго вѣка; до того же времени Богослуженіе отправлялось на славянскомъ языкѣ, на которомъ писаны были и всѣ акты княжества. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Богослуженіе отправляется на грѣцесловнъ языкѣ, но такихъ весьма немного. Христіанство въ Валахіи введено гораздо прѣжде, чѣмъ въ другихъ земляхъ, далѣе отстоящихъ отъ его благодатнаго источника. Еще въ 325 году находившійся въ Дакии епископъ Никита, бывши на соборѣ Никейскомъ, удостоился тамъ назначенія апостола или гласителя Слова Божія въ Ренеэю, нынѣшній Банатъ: онъ соорудилъ нѣсколько церквей и христіанство распространялось вокругъ его какъ свѣтъ отъ солнечнаго луча; но въ послѣдствіи религія, языкъ, на которомъ исповѣдывались они, самый бытъ народа былъ подавленъ, сглаженъ разрушительнымъ дѣйствіемъ обстоятельствъ. Первый митрополитъ Валахіи, былъ Нифонъ, нѣкогда митрополитъ константинопольскій, но потомъ овалый, севильскій, находившійся въ Адрианоуполѣ, и освобожденный воеводою Радудемъ, прославленнымъ исторіею Валахіи подъ именемъ Великаго. Нифонъ былъ достойный сподвижникъ Радуля и положилъ здѣсь краеугольный камень вѣры.

Ничто въ Валахіи считается всѣхъ монастырей и метохъ (младшихъ, подчиненныхъ монастырей) до 250. Нельзя не сознаться, что это не пропорціонально-большое число монастырей, владѣя множествомъ богатой земли, рѣкъ и озеръ, истощаетъ финансовыя средства княжества; особенно обременительны для него тѣ монастыри, которые принадлежатъ патріархамъ антиохійскому, іерусалимскому и другимъ; всѣ доходы этихъ монастырей отправляются къ ихъ владѣльцамъ, за границу княжества, а эти доходы огромны!

Несмотря однако на богатство монастырей, большіе долги тяготѣютъ на нихъ и эти долги выросли не отъ дѣ-

лишней ревности къ благолѣпію церкви и украшенію монастырей, но единственно потому, что настоятели ихъ, игумены, епископы, сами митрополиты, принуждены были покупать свои мѣста и для того занимали большія суммы, а чрезмѣрные проценты, которые здѣсь и нынче во всеобщемъ ходу, увеличивали эти долги, и довели многіе монастыри до того, что они принуждены были отдать за долги лучшія свои земли. Должно однако надѣяться, что столь бѣдственное состояніе монастырскихъ имѣній хотя нѣсколько измѣнится при настоящемъ порядкѣ вещей.

— А какъ велики ваши владѣнія и какъ велики долги на нихъ? спросилъ я, шутя, монаха, когда разговоръ началъ спадать съ предметовъ серьезныхъ на предметы общечитія.

— Долговъ, благодаря Бога, нѣтъ, а помѣстья не велики: одна покатошь этой горы, да приписныхъ къ ней три цыганскихъ лачуги; вы ихъ вѣрно замѣтили отсюда. Цыганъ-то было по-больше, да молодежь разбрелась, остались старики, да дѣти.

— Такъ женщина, что мы видѣли на самой вершинѣ?...

— А, это, вѣрно, бѣдная Оприна, сказалъ монахъ тихимъ голосомъ, изъ котораго замѣтно было, что ему извѣстно кое-что и изъ свѣтскаго быту.

— Какъ же можно въ такую пору, одной, на такой высотѣ!

— Что же будете дѣлать: ужъ это не въ первый разъ, и я говорилъ нѣсколько разъ отцу ея, — такъ не въ его, видите, волѣ.

— Странно!

— Тутъ цѣлая исторія. Оприна жила въ городѣ у бояръ; тамъ, прости Господи, и сошлась съ какимъ-то арнаутомъ, да вѣдь знаете, арнауту что въ женѣ! Ему нужна воля, а не жена; онъ ее и бросилъ. Бѣдняжка вернулась къ отцу, къ матери. Отецъ бы ничего, подъ-часъ еще прикроетъ ее отъ матери; да мать — бѣда; только и знаетъ что неволить дочь къ работѣ, а бѣдная за горемъ ни какой работы не сможетъ, на мѣстѣ не усидитъ, бьется, по-

отъ да и только; исчахла какъ щепка по немъ, прости Господи. Вотъ какъ наступилъ холодъ, мать со злобы и стала посылать ее за валежникомъ; а та рада-радѣхонька, что изъ избы вонь, и бродить, въ чемъ видѣли, по горамъ, да таскаетъ, что есть силы, дрова къ шалашу: горе смотреть на нея; хоть и соблазвъ, а иногда не утерпишь, послать къ ней съ цыганенкомъ кусокъ хлѣба, состраданія ради. Да и лапти-то мы ей выслали.—Недобрый арнауть! Тяжкой грѣхъ—хоть она и Цыганка, да всё же человекъ! Господи, прости ихъ! И старикъ поднимъ кверху глаза, испрашивая прощенія преступнику и его жертвѣ.

Я посмотрѣлъ на Радована; глаза всѣхъ были обращены на него; онъ это видѣлъ, онъ ясно понималъ этотъ безмолвный укоръ и сидѣлъ какъ на раскаленныхъ угляхъ.

— Да отстанете ль вы отъ меня, наконецъ воскликнулъ онъ: и будетъ ли мнѣ покой?

— Не будетъ, ни здѣсь, ни тамъ, если ты не исправилъ вины своей передъ Господомъ, произнесъ торжественно и пророческимъ голосомъ монахъ, какъ-бы вдохновенно угадавшій преступника и постигшій всю бурю, происходившую въ груди его.

Радованъ схватилъ свое ружье и, какъ сумасшедшій, кинулся изъ пещеры. Не скоро, послѣ того и не къ добру встрѣтился я съ нимъ опять!

Время было не позднее; спать было рано; стали мы рассказывать другъ другу про свое прежнее житье-бытье. Исторія монаховъ была коротка и проста. Одинъ изъ нихъ былъ мелкимъ торговцемъ, проторговался и пошелъ въ монахи; другой былъ пастухомъ; всегдашнее созерцаніе величія и лѣпоты міра навели его на мысли набожныя и благочестивыя; третій ни чѣмъ не былъ, такъ себѣ; четвертый, когда я сталъ спрашивать его—махнулъ рукой, — какъ-будто хотѣлъ сказать: эхъ, что вамъ до меня? По этому рѣзкому знаку вы сейчасъ узнаете южнаго Славянина, который такъ неохотно начинаетъ рассказъ о себѣ, и съ такимъ жаромъ продолжаетъ, если вы задѣнете его иѣжную струну. Монахъ, родомъ Булгаръ, подстреканный нами, наконецъ оживился воспоминаніемъ былого,

близкаго сердцу. Такъ бранный конь, застоявшійся долгое время въ неволѣ, сначала ступаетъ робко, недоувѣрчиво но почувавъ знакомый призывъ трубы, летитъ быстрымъ огнеметный....

На послѣдней, такъ сказать, страницѣ исторіи Валахіи является лицо свѣтлое, запечатлѣвшее жизнію бессознательную, безусловную любовь свою къ родицѣ: это ибати капитанъ Йордаки, о которомъ и нынче ни одинъ арнаутъ не вспомнитъ безъ сердечнаго трепета. Нашъ Българъ былъ сподручникомъ и нераздѣльнымъ спутникомъ Йордаки.

Вы слышали объ этеріи, возбужденной въ Молдавіи и особенно въ Валахіи въ 1821 году Ипсилантиемъ. Главная цѣль ея была, отвлечь силы Турковъ отъ Греціи, уже замышлявшей свое великое возстаніе. Въ то же время явился въ Валахіи Владиміреско со своими пашурами, и сталъ ратовать противъ Грековъ вообще и противъ греческихъ господарей особенно, угнетавшихъ и грабившихъ народъ. .. Ипсиланти и Владиміреско встрѣтились старыми знакомцами, а разстались врагами!—Немалая и третья вооруженная сила, по-видимому противодѣйствовавшая обѣимъ первымъ: это Савва, съ своими арнаутами, которыхъ было до тысячи человекъ. Савва—лицо занимательное. Онъ служилъ въ послѣднее время съ Турками, отличаясь своею храбростію и получилъ отъ нихъ въ награду званіе бимъ-баша; потомъ, когда Турки заключили миръ и ему нечего было дѣлать, перешелъ онъ съ преданнѣйшими себѣ арнаутами къ Калимахи, господарю Молдавіи и, наконецъ, въ Бухарестъ; дѣйствуя въ этомъ случаѣ по обыкновенному побужденію арнаута, — гдѣ больше смуть, туда и онъ! Ничтѣ такъ вѣрно не характеризуетъ Савву, какъ отзывъ объ немъ Йордаки и отзывъ перваго о самомъ Йордаки; надобно замѣтить, что они были соперниками славы между собою, но Йордаки всегда говорилъ:—Савва умнѣе и хитрѣе меня, и я отдаю ему справедливость, — и онъ уступилъ защиту города ему, а самъ отправился въ поле. Савва въ свою очередь говорилъ:—Йордаки храбрѣе меня, — и я отдаю ему первенство!

Господаря уже не было; въ Валахи кто говоритъ, что его отравили, но вѣрнѣе, что онъ умеръ своею смертию. Савва стоялъ въ Бухарестѣ, но вскорѣ одалъ его почти безъ бою Владимирско, а самъ укрѣпился въ митрополіи, что на краю города; ужъ Богъ знаетъ, какъ они между собою поладили. Валахи представляли самое жалкое зрѣлище. Всюду слышенъ былъ звукъ оружія и слышны отчаянія; сегодня грабили имущество эгерин, завтра имущество защитниковъ правъ; небыло никому покою, ни ослепшему ни горожанину; не гдѣ было зайти, ни въ горы ни въ долины, — и въ такомъ жалкомъ положеніи награницу Турки, для восстановления порядка и мечъ опустошенія пришелъ во Валахи. . .

Владимирско со своимъ отрядомъ былъ истребленъ. Вскорѣ выгнанъ былъ Исплантисъ. Савву Турки знали: предложили ему миръ и звали въ Бухарестъ. Зналъ и Савва Ахметъ-Пашу, командовавшего тогда въ Бухарестѣ: это былъ истинный Турокъ, вылитый въ форму янычара; жестокъ, какъ звѣрь, но слову вѣренъ и Савва поддался льстивымъ обещаніямъ; напрасно Юрдаки убѣждали его не вѣрить, — онъ поѣхалъ, а съ нимъ и часть его арнаутовъ. Турки приняли ихъ ласково, но разъ Ахметъ-Паша призвалъ Савву къ себѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы награждать его, и вѣшилъ въ него нѣсколько пуль. — Выстрѣлъ подалъ знакъ измѣны. Арнаути кинулись бѣжать, — Турки за ними; тѣ и другіе переимѣнились. Сорокъ арнаутовъ успѣли запереться въ церкви и двадцать четыре часа выдерживали осаду турецкаго войска, наконецъ разстрѣлаши всѣ патроны выжили съ тѣмъ, чтобы увереть, по дорого продать жизнь свою и разбѣжавъ толпу неприятеля направо и налево, двинулись однимъ дружнымъ, всеокрушающимъ мечомъ и пока не раздробился онъ въ куски, пока не палъ послѣдній арнаутъ, — кровь Турковъ не переставала литься. Валахи оставались безмолвными, трепетными зрителями этого зрѣлища.

Между-тѣмъ Юрдаки, принявшій эгеринъ, продолжалъ свое дѣло, съ другомъ своимъ Фурниемъ. Турки спешно двинулись къ горамъ. Юрдаки, отступая вдоль границы

Австрія и Молдавія, дорого продавалъ Туркамъ каждый шагъ земли, но для нихъ потеря ста человекъ была незаметна и пополнялась свѣжими людьми; а для Іордаки недочетъ десятка храбрыхъ сподвижниковъ былъ очень чувствителенъ. «Насъ-то всего оставалось человекъ триста, говорилъ Булгаръ, а Турковъ было до трехъ тысячъ; на-бѣду еще Чордаки тяжело заболѣлъ; стали-было совѣщаться, что дѣлать; даже приняли письмо отъ Ахметъ-Паши, гдѣ онъ обѣщала пощаду и прощенье всего, кто отдается безъ оружія, да Іордаки, хоть и при смерти былъ, а какъ присталъ, да какъ прикрикнулъ, такъ первый кто стоялъ возлѣ турецкаго посланца, тотъ ему и отсѣкъ голову. Рѣшили только, чтобъ послать въ городъ къ Нѣмцамъ просить доктора. Я поѣхалъ. Долго водили меня по городу отъ одного къ другому, то за карауломъ, то съ почетомъ, а кончилось тѣмъ, что доктора не дали, а сказали, что коли-де боленъ, такъ пусть самъ пріѣдетъ къ доктору: да еще прибавили въ-тихомолку: что примутъ насъ въ свои границы, если сдадимъ оружіе. — Я передалъ, какъ было, Іордаки. — Доктора мнѣ и не надо, сказалъ онъ: я, и безъ того не умру отъ болѣзни; а оружіе положить — не положу, пока живъ; умру, какъ подобаетъ. — На другой день ему стало лучше: онъ отступилъ къ монастырю Секою и тамъ заперся. Турки, какъ муравьи облѣпили монастырскія стѣны; сначала намъ то было и по рукъ; блии ихъ да блии, не стало свинцу, — заряжали серебромъ, а у кого было золото, тотъ и золота не жалѣлъ: только, чтобъ въ Турка влѣпнуть: на томъ свѣтѣ десятирицей отдастся.

— Не гнѣви Господа, замѣтилъ набожно старый монахъ.

Булгаръ перекрестился. — Стало и намъ жутко: не стало и крохи хлѣба! Капитаны (Іордаки и Фурмаки) стали толковать. Пыталнсь-было посылать малыя партіи на вылазки, да тѣ и не возвращались. Іордаки, отсчиталъ половину людей и сказалъ: одни идите съ Фурмакомъ, и попробуйте пробиться сквозь Турковъ, а другіе останьтесь со мною: увидимъ послѣ, что надо будетъ дѣлать. Кажется, капитанъ душка нацѣлитъ на Турковъ, когда замѣтитъ, что

еще можно будет померяться съ ними силами; а какъ гнѣтъ, такъ онъ уже рѣшилъ въ умѣ своемъ, что ему дѣлать. Мнѣ досталось на вылазку. На прощальнѣ Іордаки призывалъ меня къ себѣ и сказалъ:—Колн кто останется въ живыхъ, пусть отиинетъ къ сестрѣ моей, передастъ ей мое благословеніе и скажетъ, что я умеръ за вѣру и отечество: такъ пусть не плачетъ!—Только мы и ридѣлись. Чуть вышли за монастырскую ограду, Турки налетѣли на насъ словно пчелы на медовой сотѣ; мы шли-было кучкой, да гдѣ удержаться! Не успѣешь отмахиваться,—смотришь, то съ того боку нѣтъ товарища, то съ другаго; то тамъ колютъ тебя самого, то тамъ задѣваютъ. Канитана въ куски искрошили; а что Турковъ навалило, Господи, твоя воля! Какъ-вдругъ отхлынули они отъ насъ, какъ-будто все порѣшили и кинулись къ монастырю. Я посмотрѣлъ туда: ворота монастырскія на-стежь. Турки такъ и лѣзутъ въ нихъ.—А что будетъ? спросили меня товарищи.—Худо, брате!—Не успѣлъ я договорить, какъ земля дрогнула подъ нами, надъ монастыремъ поднялся густой столбъ дыму и пыли, и рухнули монастырскія зданія.—Іордаки взорвалъ порохъ и поднялъ себя и Турковъ на воздухъ.... Юнаку юнакская и смерть! Царство ему небесное!

И всѣ перекрестились.

—Было уже совсѣмъ темно. Нашихъ собралось чело-вѣкъ съ пятокъ, кто безъ ноги, кто безъ руки, кто безъ ружья. На Турковъ идти было нельзя; пожалуй, еще бы положили. Мы пошли въ австрійскія земли. Съ-тѣхъ-поръ я попробовалъ-было еще поскитаться по свѣту,—да всё какъ-то стало горько на свѣтѣ, тяжело на душѣ, хоть совѣсть и чиста.... Я пошелъ въ монастырь!

Къ этому отчетливо-историческому разсказу прибавить описаніе наружности Іордаки: его помнать еще многіе здѣсь. Іордаки былъ средняго росту, худощавъ; въ карихъ глазахъ его и во всѣхъ чертахъ лица отражалось совершенное спокойствіе и твердость воли непоколебимая; онъ никогда неизмѣнялъ своему слову и былъ вѣренъ дружбѣ, какъ истый Славянинъ. Іордаки вѣкогда ратовалъ за

одна дѣло съ нашими отрядами въ Сербіи и за свои отличную храбрость получили омперевій чинъ; можетъ-быть еще дѣла кто изъ нашихъ и, вѣрно, съ сердечнымъ удовольствіемъ вспомнитъ объ немъ. — Не убивайте его! говорилъ заиробрасный Ахметъ-Паша, посылая отрядъ противъ Іердаки: такого другаго человека не скоро найдете въ свѣтѣ.

На другой день, рано, оставили мы гостепріимныхъ людей Пѣшари. Солнце вставало, вершины горы уже виднѣлись надъ тѣмъ, а низменность еще покоилась въ туманѣ. На то: еще и горы, на то такъ и высоки, чтобы бодрствовать и не дремать надъ тѣмъ что у ногъ ихъ!

=

IV.
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
И
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПЧЕЛОВОДСТВО ВЪ РОССІИ.

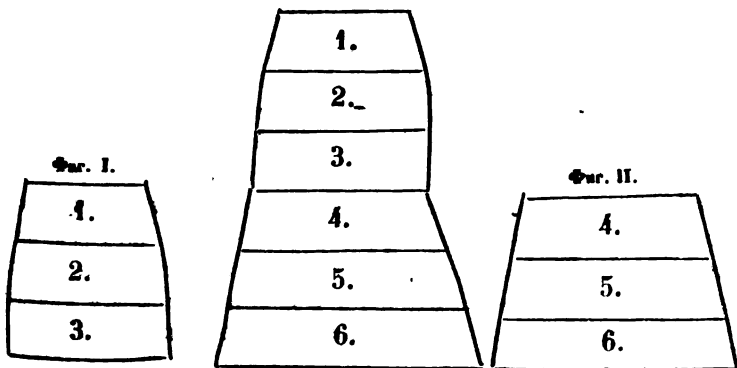
=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Вотъ нашъ колоколообразный улей. Фигура первая представляетъ верхнія его части, которыя могутъ составить малый улей; фигура вторая—нижнія части или подставки; фигура третья—тѣ и другія вмѣстѣ, или большой составной улей.

Фиг. III.

Т. LXIII. — Отд. IV.

1

При первомъ взглядѣ на полный составной улей (фиг. III) видно, что онъ одинъ заключаетъ въ себѣ улей малаго, средняго и большаго объема; что при нашемъ ульѣ пчелъ не нужно перегонять изъ одного дома въ другой ни въ благопріятные годы ни втеченіи неблагопріятнаго времени, потому что наше изобрѣтеніе доставляетъ вамъ возможность по произволу увеличивать или уменьшать объемъ пчельнаго жилища. Этотъ улей ставится на скамейку или бревно, но не прямо на землю. Каждая изъ частей его дѣлается отдѣльно.

Если лѣто хорошее, то должно подъ малый улей (фиг. I) подставлять просторныя подмостки, (фиг. II), одну, двѣ, три, сколько понадобится; впродолженіи ненастныхъ лѣтъ, пчелы должны оставаться въ ульѣ тѣсноватомъ.

Мы должны предупредить читателей, что подставки употребляются только втеченіи двухъ лѣтнихъ, изобилующихъ медомъ, мѣсяцевъ, то есть, когда въ маломъ ульѣ число рабочихъ пчелъ значительно приумножается, и сверхъ-того, на цвѣткахъ оказывается обиліе сахарной влаги. Если не подложить ни одной изъ подставокъ, то пчелы будутъ праздновать лѣтомъ на поверхности своего тѣсноватаго жилища, или же излишне роняться, по недостатку въ удобной вѣстимости для занятій многочисленныхъ трудолюбивыхъ работницъ. Употребляя эти подставки въ свое время, легко воспрепятствовать пчеламъ роняться, особенно тогда, когда онѣ уже долго размножились, что цвѣты едва въ состояніи доставлять имъ такое изобиліе медовой жидкости, какое нужно и для ихъ пропитанія и для снабженія владѣльцевъ желаемымъ количествомъ меда. По введеніи въ употребленіе этого улья отъ насъ будетъ зависеть, чтобы это намѣченное ронлось или же не ронлось. Устройство колоколообразнаго улья ясно показываетъ и то, что рои должны зимовать въ одной, или же въ двухъ частяхъ малаго улья: слѣдовательно, не будутъ терпѣть отъ стужи въ большомъ жилищѣ. Втеченіи весны и въ самомъ началѣ лѣта, пчелы также нуждаются въ теплой квартирѣ, спо-

собственной оозрѣванію и рожденію вѣннытъ рабочихъ пчелъ, необходимыхъ какъ для постройки сотевъ, такъ и для снесенія вѣтка. Когда чело медоносницъ, и сахарная жидкость въ цвѣтахъ, и солнечную жару, увеличилось, самъ глазъ показываетъ смѣтливому пѣсѣчнику, что его пчелы нуждаются уже въ просторнѣйшемъ жилищѣ не только въ длину, но и въ ширину; одинъ взглядъ на нашъ улей показываетъ, что легко удовлетворить этому требованію пчелъ, подставивъ подъ наполненный верхній улей, сначала подмоотку 4, а потомъ 5; впоследствии замѣтивъ, что обѣ подмоотки совершенно наполнены, а прибыль на цвѣтахъ еще не прекратилась, должно подставить и пустую подмоотку 6. Такимъ образомъ пѣсѣчнику остается только исполнять приказанія пчелъ, то есть, подставлять пустыя подставки или, въ отсутствіи пчелъ, вынимать оставленные ими подмоотки. У насъ величайшій недостатокъ въ пѣсѣчникахъ и бортникахъ, понимающихъ свое дѣло; вынуждаютъ ихъ изъ-за границы стѣдить многихъ денегъ и хлопотъ. Поэтому-то намъ и хотѣлось изобрѣсть такой улей, чтобы всякой смѣшанный крестьянинъ, всякая смѣтливая баба, въ состояніи были ухаживать за пчелами. Не наше дѣло судить, достигли мы этой цѣли или нѣтъ.

Пчелы по природѣ своей любятъ жить въ многочисленномъ семействѣ; но онѣ не должны быть стѣснены мѣстностію своего пріюта—онѣ любятъ приволье, особенно во время занятій. Сто тысячъ медоносницъ охотно будутъ оставаться неразлучными въ ульѣ, то есть, не будутъ роняться изъ милого материнскаго гнѣздышка, лишь бы въ немъ привольно могли трудиться.

Если желаете увеличить число ульевъ съ пчелами, въ свое время, до-вѣдая, то не подставляйте пустыхъ подмоотокъ до-тѣхъ-поръ, пока не выйдутъ по два роя, втеченіи одного хорошаго лѣта, изъ отличныхъ ульевъ, составленныхъ изъ трехъ малыхъ частей. Но чтобы роже тѣ в другія излішние не ронялись, не праздновали по причинѣ недостатка въ удобномъ мѣстѣ, то не жѣнаеть подставлять,

нодь ройшіеся ульи, по надобности, пустыя подмости. Въ истинѣ вышесказаннаго убѣдилъ насъ опытъ—виродженіи двадцати-пяти лѣтъ. Стенные пчеловоды не были бы принуждены дѣлать вредныхъ подконовъ подъ своими бездожками, если бы обзавелись подмостками. Но мы такъ много говорили о пользѣ соломеннаго улья, что теперь насъ, можетъ-быть, спросятъ: «Развѣ и изъ соломы можно сдѣлать цѣлый этотъ улей?» Почему же нѣтъ: сплетайте крѣпко соломѣ и вы увидите, что это возможно. Опытъ убѣдить читателей, что мы совѣтуемъ предпринимать и дѣлать только то, что возможно и полезно. Этотъ одинъ улей можетъ и долженъ доставлять роду человѣческому возможно величайшую и прочную прибыль. Онъ одинъ избавитъ нашу націю и отъ постыднаго убійства пчелъ—своихъ благодѣтельницацъ. Но какъ къ устройству колоколообразнаго улья служила намъ руководствомъ не только одна природа пчелъ, но притомъ различныя обстоятельства и наши нужды, то составъ его, равно какъ и природу пчелъ переменить не возможно; развѣ только удастся въ немъ кое-что по-проще сдѣлать. Вглянитѣ вновь на чертежъ полнаго колоколообразнаго улья и вы легко убѣдитесь во всемъ томъ, что о немъ было сказано выше и о чемъ ниже будетъ упомянуто.

Положимъ, что малочисленный рой былъ, во время ройки, собранъ въ улейкѣ фиг. I. Это насѣкомое отлично трудится и охотно приумножаетъ число сотрудницъ, если помѣщается въ улейкѣ, соответствующемъ его природѣ и нуждамъ. Въ благоприятное лѣто, пчелы наполняютъ свой домикъ втеченіи двадцати сутокъ, не болѣе, а мѣстами, въ иное лѣто впродолженіи нѣсколькихъ дней. Чтобы народившіяся пчелы не были празды, надобно подъ улей подвести подставку 4, а позже и 5. Въ мѣстахъ гдѣ много медовыхъ цвѣтовъ, или медовой тли (*aphis*), и притомъ въ хорошую лѣтнюю погоду, рой недавно собранный, въ непроходимомъ лѣсу, приумножаетъ свою силу дотога, что втеченіи одного, или двухъ мѣсяцевъ онъ совершенно наполняетъ медомъ составной улей (фиг. III). Но не позволяйте ро-

и тѣмъ и самому отличному, собранному въ это лѣто роевъ, потому что вышедшій рой, происходящій отъ роя новаго, весьма часто разбойничаетъ — воруетъ медъ изъ чужихъ ульевъ. Бывали пагубныя слѣдствія, отъ *на-роевъ*, то есть, роевъ, происходящихъ отъ новыхъ. Въ отличномъ перезимовавшемъ семействѣ, бываетъ часто отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ рабочихъ пчелъ, во время богатой ройки; однако жъ ни одна пчела не прайдуетъ на колокольномъ ульѣ, хорошо защищенномъ отъ солнечнаго жару. Ширина и длина его подмостокъ весьма удобна для занятій многочисленнаго роя. Въ верхней подставкѣ пчелы строятъ отъ девяти до десяти, во второй отъ десяти до тринадцати, въ третьей отъ тринадцати до шестнадцати сотовъ, длиною въ двѣнадцать вершковъ во всѣхъ, и такую же шириною внизу третьей подмостки. Лѣтки (очки), начавъ отъ улейка 1, до подмостки 6, постепенно должны быть просторнѣе.

Изъ всего этого ясно видно, что пчелы никакъ не могутъ ни прайдновать на ульѣ нашего изобрѣтенія, ни ройтись если мы не желаемъ приумножить число роевъ. Людямъ смѣтливимъ не нужно и опытовъ, чтобы удостовѣриться въ его пользѣ.

Въ предъидущихъ статьяхъ мы уже сказали нѣсколько словъ о томъ, какой ужасный вредъ дѣлаетъ пчеламъ дымъ: онъ изнурилъ не только домашнее пчеловодство, но отчасти и бортевое. Изъ колоколообразнаго улья и изъ ульевъ Амкуадина и Нутта, пчельныя произведенія собираются безъ дыму. Мы учились у нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ и литовскихъ пасѣчниковъ и бортищниковъ искусству возобновлять негодные соты, находящiеся вверху старинныхъ ульевъ и бортей, въ которыхъ рой обитаетъ уже втеченіи пяти и болѣе годовъ. Мы говорили уже, что составляетъ нашихъ пчеловодовъ, незнающихъ этого искусства, ежегодно убивать множество безцѣнныхъ роевъ, такъ называемыхъ старыхъ. Въ Россіи уже весьма мало пчелъ. Искусство возобновленія сотовъ, особенно въ бортяхъ, сопряжено не только съ неприятнымъ трудомъ, опасностью

шники бертника, съ потерєю пчелъ и меду, но и въ опасности отъ нежару: притомъ легко также погубить пчелиную предводительницу — душу роя. Рой, принадлежащій этой одной пчелы, и самъ скоро погибаетъ.

Имѣя отличныхъ пчелъ, купленныхъ въ южной, западной и сѣверной полосахъ, въ бездонныхъ и колодовыхъ ульяхъ, намъ хотѣлось, чтобы онѣ навсегда въ нихъ трудились. Мы пригласили со стороны, славнаго мастера-пчеловода для возобновленія въ нихъ старыхъ сотовъ; онъ употреблялъ всѣ способы, чтобы ни дымомъ, ни ложомъ не погубить ни малѣйшей части работницъ; но, къ сожалѣнію, оказалось, что при этой операціи нѣтъ возможности остаться безъ чувствительнаго убытку. Мы никакъ не соглашались на употребленіе средствъ, на время умерщвляющихъ пчелъ: они такъ же вредны пчеламъ, какъ сильный приемъ опиума человѣку; у тѣхъ мастеровъ, которые употребляли извѣстныя намъ средства, рои часто погибали. Во избѣжаніе злоупотребленія, мы ни о нихъ, ни о многихъ подобныхъ не станемъ говорить. Отъ всѣхъ этихъ неудачъ, хлопотъ и убытковъ избавляетъ насъ колоколообразный улей.

Теперь мы приступимъ къ описанію рациональныхъ способовъ собиранія меду и воску, дѣлающихъ честь нынѣшнему просвѣщенію, доставляющихъ намъ возможно-большую прибыль отъ этого насѣкомаго. Медъ и воскъ собираются изъ нашего улья два раза въ году. Одинъ разъ снимаются, втеченіи лѣта, та часть составнаго улья, которая долго находилась на самомъ верху подставныхъ частей, входящихъ въ составъ полнаго колоколообразнаго улья. Въ концѣ лѣта, вынимаются подставленные улейки, или подшестки. Улейкъ, находящійся на самомъ верху, снимается въ третій или четвертый годъ для того, чтобы мы не были принуждены вырѣзывать изъ него старыхъ, неподходящихъ сотовъ, какъ мы уже сказали прежде, когда говорили о возобновленіи сотовъ въ прежнихъ ульяхъ и бортихъ.

Рой, можетъ безопасно и выгодно жить втеченіи трехъ, четырехъ и пяти годовъ во всякомъ изъ улейковъ № 1

2 и 3; но лѣтомъ пятого года его непременно должно снять во избѣжаніе вышеобъявленной потери. Виродолженіи благодатныхъ лѣтъ для медоносницъ, особенно въ странѣ, издревле славящейся удачею пчеловодства, самый верхній улескъ можно снять даже по прошествіи двухъ мѣсяцевъ; если въ немъ былъ собранъ отличный рой, въ самомъ началѣ іюни мѣсяца. Но какъ вниманіе полныхъ улейковъ, въ которыхъ рои обитаютъ недавно, не доставляетъ значительной выгоды, а трудъ неизбѣженъ, то довольно снимать ихъ въ четвертое или пятое лѣто, слѣдующимъ способомъ.

Во время ройки надобно часто заглядывать въ этотъ улескъ, четвертаго или пятаго лѣта, подъ которымъ уже находятся двѣ подставки; то есть, № 4 и 5. Во всякомъ изъ улейковъ, означенныхъ цифрами 1, 2, 3, должно находиться удобное отверстіе въ стѣнкѣ, противоположной лѣтнику, для того, чтобы заглядывать въ него и для другихъ различныхъ занятій. Въ улескъ, который мы намѣреваемся снять, должно заглядывать только во время тихой и самой прекрасной погоды, и притомъ утромъ, отъ десяти до двухъ часовъ по полудни, потому что виродолженіи этихъ четырехъ часовъ, наибольшее количество пчелъ вылетаетъ на цвѣты; слѣдовательно, великое число пчелъ, оставшіяся дома, должны заниматься дѣломъ въ нижнихъ его частяхъ, и притомъ караулить, чтобы въ него не ворвался хищникъ. Если увидите, что въ наблюдаемомъ улейкѣ вѣтъ уже пчелъ, то снимите его осторожно, и верхъ наклонившагося подъ иныя, тотчасъ накройте досечкою (кропелькою), чтобы пчелы въ оставшихся не тревожились. Вотъ вамъ первая добровольная добыча отъ пчелъ въ снятомъ улейкѣ, ни мало не законченная горькимъ дымомъ! Вотъ легкій способъ возобновленія верхнихъ сотовъ, соотвѣтствующій понятіямъ свѣтлаго ума о совершенномъ ульѣ. Медъ, въ снятомъ улейкѣ, есть созрѣвшій плодъ, но насильно отдѣленный отъ своей материнской вѣтки, а медъ, собираемый изъ иныхъ улесквъ, подобенъ тому яблуду, который деревенскіе мальчишки сбиваютъ надую съ плодороднаго дерева. Потому

же пчелы не были въ снятомъ улейкѣ? Потому что наполнивъ его медомъ, онѣ должны были опуститься въ новоподставленные пустыя части составнаго улья и дѣхъ также наполнять сотами и медомъ. Эти предусмотрительныя, умныя созданія усильно стараются наполнить свое жилище сотами съ медомъ, чтобы не нуждаться въ зимѣ въ продолженіи осени, зимы, неблагоприятной весны, и можетъ-статься, и такого же будущаго лѣта. Притомъ пчелы по инстинкту знаютъ, что чѣмъ меньше будетъ пустаго мѣста въ ихъ жилищѣ, тѣмъ, конечно, теплѣе имъ будетъ зимовать. Наконецъ, пчелы измучились бы праздностью, имѣя сборъ на цвѣтахъ и пустыя кладовыя: онѣ весьма жадны къ труду.

Въ нашихъ городахъ сотовый медъ продается всего дороже перваго августа, по случаю поста передъ праздникомъ Успенія Богородицы. Снѣжно-бѣлый сотъ съ медомъ, вѣсящій два фунта, продается въ С. Петербургѣ по рублю серебромъ и дороже. Снимаютъ верхніе улейки и доставляютъ ихъ въ цѣлости, передъ первымъ августа, въ богатые города. Городскіе жители, охотно будутъ покушать у васъ эти улейки по высокой цѣнѣ. Одинъ изъ помѣщиковъ санктпетербургской губерціи, генералъ Ш... подалъ къ этой торговлѣ прекрасный примѣръ нинимъ пчеловодамъ, имѣющимъ составныя ульи. Трудяливыя и разчетливыя сельскія хозяйки, имѣя медъ, лѣтомъ, вѣроятно, готовятъ дома варенье, на цѣлый годъ; въ августѣ мѣсяцъ льготъ вдоволь, изъ которыхъ приготовляются вкусныя и вмѣстѣ почти даромъ прибрѣтенныя варенья. Наши прабабушки и бабушки продавали, но не покушали это лакомство. Кіевскія обывательницы издавна извѣстны по всей Россіи, какъ мастерицы на варенье. Мы познакомились въ 1835 году съ самой знаменитой изъ нихъ. Она дажда хорошее состояніе однимъ этимъ промысломъ. Но какъ въ настоящее время цѣна на отличный медъ возвышалась, то къ меду примѣшиваютъ иногда патоки; это варенье, конечно, не только менѣе вкусно, но и легко можетъ портиться или окиснуть. Патока менѣе вкусна и менѣе полезна для здоровья, чѣмъ эфирный медъ, преимущественно

собранный пчелами на цветахъ липы, бодяковъ (*cordus acanthoides*) и на множествѣ другихъ ароматныхъ растений, укрѣпляющихъ наше тѣло. Если когда-либо прѣсный и питательный медъ былъ полезенъ роду человѣческому, то именно въ настоящее время, прѣсный необходимо нуженъ, особенно для изнѣженныхъ дѣтей, а питательный для такихъ же родителей. Этими веществами можно поддержать хилое тѣло и другихъ здоровье.

Взгляните опять на чертежъ полнаго улья (фиг. III), чтобы удобнѣе понять второй способъ собиранія воску и меду, тоже безъ дыму.

Завѣтивъ, въ концѣ лѣта, что пчелы начинаютъ выгонять трутней изъ надежныхъ ульевъ, надобно немедленно, вынимать пустыя подмости, но только въ холодноватое раннее утро, передъ восходомъ солнца, для того чтобы облегчить пчеламъ эту борьбу или войну; чтобы они, лишивъ тунеладевъ, могли запасаться свѣжимъ медомъ, находящимся еще, въ концѣ лѣта, на цветахъ растений, поздно цвѣтущихъ. Наши сѣверныя медоносицы, услышавъ грустное прощаніе журавлей съ сѣверомъ, также заботятся о выгодной зимовкѣ. Изъ опыта известно, что трутни передѣлываютъ медъ въ воскъ необходимый имъ для постройки сотовъ или кладовыхъ на медъ и промѣбелей для рождающихся медоносицъ; но въ концѣ лѣта оборъ меду уже прекращается, магазиновъ не нужно и потому трутни—вонъ изъ улья.

Сильный мужчина, здоровая крестьянка осторожно поднимаютъ немножко вверхъ сложный, совершенно, или же отчасти наполненный улей, а мальчикъ, или дѣвочка, бѣшь шуму вынимаютъ пустыя подставки. Холодъ, прикосновенья сердитыхъ жилищъ въ верхнихъ, теплыхъ этажахъ или частяхъ составнаго улья, не позволяетъ имъ обезножить этихъ работниковъ. Во всякой подмосткѣ, какъ и въ улейникахъ № 1, 2 и 3, дѣлается отверстіе большаго объема внизу, въ стѣнкѣ противоположной лѣтнику, для того, чтобы сквозь него удобно заглядывать въ нижнія части улья. Это отверстіе служитъ, кромѣ-того и для сообщенія воздуха въ ичельномъ жильѣ, чтобы избавить

пчелъ лѣтомъ онъ излишней теплоты. Убѣдившись, что подмостки совершенно наполнены пчельными произведеніями, но что въ нихъ еще находится меньше, или большее количество пчелъ, должно оставить ихъ въ покоѣ и дожидаться болѣе усиленнаго колоду, который непременно заставитъ ихъ совершенно убраться изъ холодноватыхъ нижнихъ частей улья, въ верхнія, теплыя. Онѣ должны зимовать только въ двухъ улейкахъ, наполненныхъ сотами съ медомъ. Поздно вечеромъ, въ холодноватое время, надобно отдѣлять или перерѣзывать соты, идущіе сверху внизъ, тоненькою проволокою, чтобы они не препятствовали вынуть излишнія части сложнаго улья. Пчелы соберутъ медъ, появившіяся на перерѣзанныхъ сотахъ. Передъ восходомъ солнца, въ прохладную пору, снова нужно часто заглядывать въ нижнія части улья, чтобы видѣть не оставили ли пчелы уже нижняго своего жилья. Въ такомъ случаѣ надобно поступать почти такимъ же способомъ, какъ вы поступали, вынимая пустыя подставки. Но какъ соты, въ двухъ вверхъ поднятыхъ улейкахъ, продолжены были до исподу нижняго улейка, или подмостка, то чтобы пчелы, находящіяся между пластами, и впродъ имѣли сообщеніе между собою, надобно поставить снятые улейки на пустомъ, такомъ, котораго объемъ совершенно соответствуетъ нижнему улейку, наполненному медомъ. Этотъ, пустой, подставленный улейкъ будетъ служить, такъ сказать, переднею для пчелъ, находящихся въ двухъ, на нескѣ отдѣльныхъ. Вотъ второй плодъ, бывшій въ вынутыхъ подмосткахъ, доставленный вамъ пчелами безъ малѣйшаго насилія, безъ употребленія пагубнаго дыму и убійственнаго ножа! К чему прибѣгать къ жестокимъ и вреднымъ способамъ собиранія меду и воску, имѣя способы и приемы, одобренные лосымъ умомъ, опытомъ и впечатлѣнные очевидною пользою? Пчелы, какъ сказано, безъ дыму уступаютъ своему господину излишнюю часть своего сокровища — меду, лишь бы онъ поступалъ въ ними по законамъ природы и здраваго разсудка. Онѣ не покоряются только тому, кто не понимаетъ и не умѣетъ цѣнить ихъ. Но онѣ совершенно вѣжны — съ

включившимся совершенно послушным тому, кто умѣетъ вести за дѣло. Но развѣ пчелы такъ умны? О! всѣ дѣла этого наѣкомаго доказываютъ, что оно одарено сужденіемъ и предвидѣтъ будущее. Виродолженіемъ сорока-лѣтняго пристрастнаго и наблюдательнаго за пчелами, мы много собрали такихъ фактовъ, которые должны убѣдить всякаго, что онѣ, кромѣ удивительнаго инстинкта, одарены и способностями сужденія, въ своей сферѣ; но не наше дѣло намечать границу этому сужденію. Если желаете познаться съ высшими ихъ дарованіями, читайте сочиненіе подъ заглавіемъ: «Die Bienenzucht von G. C. V. Marten, Bern. 1839.» Не всѣ читатели знакомы съ естественною исторіею медоносницъ, но желательно, чтобы практики-пчеловоды знали то, что изъ шестидесяти тысячъ пчелъ, находившихся въ одномъ ульѣ въ концѣ ройки, остается, послѣ сбора сахарной влаги, на будущій расплодъ, только одна матка и отъ трехъ, до пяти тысячъ рабочихъ пчелъ. Избранныя, остаются въ материнскомъ гнѣздѣ, а прочія, безъ всякаго сопротивленія, добровольно улетаютъ изъ него скитаться по-міру. Вы съ сожалѣніемъ подумаете: бѣдныя изгнанницы! Онѣ безъ отдыха, усердно трудились днемъ и ночью, для общаго блага, а теперь безропотно подчиняются строгому закону судьбы и необходимости уменьшить число потребительницъ. Зналъ власть царицы этой семьи, любовь и почтеніе къ ней всѣхъ работницъ, нельзя не допустить, что здѣсь должна дѣйствовать ея верховная воля, а можетъ-быть и прихотливая милость, которая рѣшаетъ, кому съ ней оставаться, а кому пойти по-міру.... Этотъ таинственный процессъ, какъ и множество подобныхъ, донинѣ ускользаютъ отъ проницательности зоркихъ наблюдателей; но всякій, кто знакомъ съ удивительною разсудительностію пчелъ, съ ихъ умомъ, съ ихъ смѣтливостію, вполне чувствуетъ, что все здѣсь совершается по извѣстнымъ и логическимъ правиламъ. Кто умѣетъ чувствовать и познакомиться сколько-нибудь съ природою этого наѣкомаго, у того одно выраженіе—пчела, воспламеняетъ воображеніе и возвышаетъ душу.

Если бѣ Провидѣніе не одарило пчелъ такимъ див-

ныи инстинктомъ, если бъ онѣ не уцѣли въ случаѣ нужды разселиться, то слишкомъ размножившись, онѣ съѣли бы всею, зимой и въ началѣ холодноватой весны, весь медъ, который лѣтомъ собрали, и человѣку изъ него ничего бы не оставалось. Что же сталъ бы дѣлать человѣкъ? Онѣ, по своему обыкновенію, умерщвлялъ бы ихъ, чтобы пользоваться чужимъ добромъ и, такимъ образомъ, медоносы давно бы уже перевелись и мы не могли бы наслаждаться ихъ вкуснымъ даромъ, ни освѣщать храмовъ Божіихъ и нашихъ жилищъ воскомъ.

Трудно объяснить здѣсь всѣ удобства и выгоды, доставляемые колоколообразнымъ ульемъ, да притомъ мы и не предполагаемъ писать ему похвального слова. Очевидно, что слишкомъ уменьшившееся число пчелъ, передъ зимою, не можетъ страдать отъ холоду, во время зимы и въ началѣ будущей весны, въ квартирѣ, соответствующей числу жилищъ, и что пчеловодъ легче можетъ перемѣстить улей, малаго объема, на время зимы, въ теплое строеніе, или же подъ крышу, чѣмъ огромную колоду, во внутренности которой находится нѣсколько фунтовъ меду и пригоршня пчелъ.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ наше время, мужики начали вводить въ употребленіе весьма пагубный способъ возобновленія старыхъ сотовъ въ обыкновенныхъ ульяхъ. Мы уже говорили, что пасѣчники и бортики вырѣзываютъ, почти всякой годъ, нижніе, свѣжіе соты изъ ульевъ и бортей, стариннаго изобрѣтенія, оставляя для пропитанія бѣдныхъ труженницъ зимою, верхніе, закопченные пласты, похожіе болѣе на поддержаную черную кожу, нежели на восчаный сотъ, и что отъ этого пчелы погибають, зимою, въ негодныхъ своихъ гнѣздахъ. Старинные пчеловоды, зная искусство возобновлять описанные пласты вырѣзываніемъ, не были принуждены ни убивать, такъ называемыхъ нынѣ старыхъ роесъ, ни перегонять ихъ изъ негодныхъ гнѣздъ, въ пустые ульи, чтобы въ нихъ строили новые соты, соответствующіе своимъ нуждамъ. Конечно, перегонять пчелъ

въ пустые ульи, всё-таки выгодно, чѣмъ убивать ихъ; юны постараясь доказать, что это перемѣщеніе старыхъ роевъ сопряжено не только съ трудомъ, но и угрожаетъ домашнему пчеловодству гибелью. Хозяева-эгоисты, мадя къ барышнямъ не обращаютъ никакого вниманія на будущее: у нихъ лишь настоящее имѣетъ свою цѣну; они готовы всё въ пожертвовать своему корыстолюбію. Само собою разумѣется, что для такихъ людей удобства и выгоды потомства равно ничего не значатъ. Дикарь срубаетъ дерево, чтобы достать съ него плоды. Но мы не можемъ, не должны такъ мыслить и дѣйствовать, и потому обязаны позаботиться, чтобы не только мы, но и потомки наши могли пользоваться выгодами отъ пчелъ. Впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ, этого роду пчелогубцы, о которыхъ мы говоримъ, появились уже въ нѣсколькихъ лучшихъ для пчелъ губерніяхъ, потому что способу перемѣщать это насѣкомое легко научиться втеченіи одного или двухъ дней. Помѣщики, пренебрегая пчелами, получали отъ нихъ весьма ничтожную прибыль до-тѣхъ-поръ, пока не ввѣрили свои пасѣнки этимъ пчелодамъ. Не понимая слѣдствій, они считаютъ этотъ доходъ чистою находкой. Вотъ какъ эти люди перемѣщаютъ пчелъ. Они принуждены употреблять величайшее усиліе, — окуривать пчелъ жаркимъ дымомъ, чтобы заставить ихъ покинуть свое гнѣздо и въ немъ свое потомство и свое сокровище — медъ, и перенестись въ другой, пустой улей. Мы справедливо назвали бы жесточайшимъ варваромъ того, кто дерзнулъ бы насъ выгнать изъ собственнаго нашего всемъ изобильнаго жилья, и оставить въ немъ на вѣрную погибель не только средства къ семейной жизни, но и малыхъ намъ дѣтей. Все животныя также имѣютъ родительскія чувствованія, болѣе или менѣе развитыя. Возьмите изъ гнѣздышка птенцовъ колибри, и вы увидите, что родители будутъ кормить своихъ малютокъ даже и тогда, когда они находятся на бинникахъ въ вашихъ рукахъ, не обращая вниманія на опасность потерять свою жизнь. Пасѣчникъ, умертвивъ пчелиныхъ зародышей горячимъ дымомъ и отчасти огнемъ, принуж-

дасть пчелъ немогибшихъ перемѣщаться въ пустой улей. Родители, принужденные жестокимъ насилиемъ переселиться въ новое жилище, теряя въ прошломъ здоровье и часть своихъ дѣтенышей, не скоро забываютъ эту мучительную потерю; она разстроиваетъ ихъ здоровье и бываетъ причиною ихъ преждевременной смерти. А отъ дракунныхъ родителей происходятъ и ялые потомства.

Въ пчельномъ гнѣздѣ, лѣтомъ, находится наибольшее количество зародышей рабочихъ пчелъ; а отъ числа работницъ, конечно, зависитъ и количество пчельныхъ произведеній. Во время описанной перегонки зародыши остаются въ покинутомъ ульѣ, и сверхъ-того, часть работницъ погибаетъ во время этой операціи. Если изътокъ на цвѣтахъ скоро прекратится послѣ этого перемѣщенія, то несчастныя, переселенныя пчелы, не успѣвъ завестись нужнымъ медомъ для собственнаго пропитанія, выродожденія шести холодныхъ мѣсяцевъ, непременно должны погибать отъ голоду, какъ это много разъ уже испытали тѣ, которые позволяли себѣ перемѣщать такимъ образомъ свой рой. Кромѣ-того, во время перемѣщенія пчелиная матка часто бываетъ изувѣчена или гибнетъ; а слѣдствія сиротства ужасны и въ пчеловодствѣ.

Этотъ способъ былъ извѣстенъ за границу въ послѣднемъ вѣкѣ, но ученые пчеловоды, убѣдившись во вредѣ отъ него происходящемъ, отвергнули его. Правда, мы и сами иногда принуждены были перегонять пчелъ изъ однихъ ульевъ въ другіе пустые, или же имѣющіе пустыя удобныя соты; но, сознавая, что такое перемѣщеніе, при всемъ нашемъ знаніи сущности этого дѣла и величайшей осторожности, не всегда намъ удавалось. Это одна изъ причинъ, заставившихъ насъ заботиться объ изобрѣтеніи такого улья, который бы навсегда освободилъ насъ отъ мысли въ пчеловодствѣ. Впрочемъ не только наша колоколообразный улей, но и ульи: Нутта, Битла, Дюнуадина, Губерицъ и Биркенштоса совершенно освобождаютъ насъ отъ этого жестокаго средства. Зачѣмъ же прибѣгать къ нему? Медъ, собранный изъ помешованныхъ ульевъ, чернѣе

и сколько не горюваты, следовательно его всегда будут охотно покупать; а медъ, собранный выше описаннымъ способомъ, смѣшавшись съ побитыми червячками на грутней и пчелъ рабочихъ, и не только безвкусенъ, но легко окисаетъ. Цѣны на такой медъ слишкомъ незавидны; пудъ казанскаго меду стѣитъ отъ сорока до шестидесяти рублей, а малороссійскаго пудъ сбывается по десяти рублей, потому что въ Малороссіи этотъ способъ въ большомъ употребленіи. По счастью, наши крестьяне не позволяютъ этимъ невѣждамъ губить свое добро, хотя и сами научились описанному способу. Удивительно, что помѣщики, которые должны лучше понимать слѣдствія отъ такого пагубнаго обычая, чѣмъ ихъ крестьяне, первые однако жъ позволяютъ мучить пчелъ. Они постепенно получали бы гораздо болѣешую прибыль отъ своего пчеловодства, если бы употребляли одинъ изъ вышеупомянутыхъ ульевъ.

Въ первыхъ нашихъ статьяхъ мы уже говорили о преимуществѣ дикихъ пчелъ передъ тѣми, которыя члвобѣкъ держитъ въ искусственныхъ домахъ вокругъ своего жилища или даже въ лѣсахъ. Мы не станемъ обращаться снова къ этому предмету, хотя онъ требовалъ бы болѣе полного развитія, не допускаемаго здѣсь недостаткомъ мѣста; но поговоримъ о жизни этихъ дикихъ пчелконыхъ, которыя, повторяемъ, изъ европейскихъ странъ, водятся только у насъ въ Россіи, потому что только у насъ есть еще дѣйствительные, почти непроходимые лѣса.

Ичелный рой, совершенно наполнивъ свое естественное жилище, дупло, восчаными сотами и медомъ, оставляетъ съ этими соотропнцами и отыскиваетъ другое, пустое, чтобы въ немъ по-прежнему не только удобно размножаться, но и трудиться. Сильныя пчелы не могутъ ни одной минуты оставаться въ праздности: онѣ, особенно во время обильнаго сбора, вдругъ наполняютъ своимъ добромъ вновь избранное дупло. Часть изъ нихъ строятъ восчаныя ячеи — на медъ, и ячейки — на яички, часть рабочихъ пчелъ наполняютъ ихъ медомъ. Матка, обремененная со-

зрѣвшими во внутренности ея яичками, часто, напрасно отънекиваетъ пустой колыбелю.

Если въ пчельномъ домикѣ совершенно нѣтъ уже мѣста для занятій пчеламъ, то принеся новое мѣсто, они прежнее втеченіи лѣта оставляютъ. Вотъ какимъ образомъ онѣ это дѣлаютъ. Почувствовавъ необходимости перемѣстить жилище, пчелы высылаютъ во всѣ стороны свои летучіе отряды квартирмейстерши, которыхъ Литовцы называютъ *скалею*. Открывъ удобное мѣсто, часть изъ нихъ остается для очищенія его, а часть отправляется на цвѣты, чтобы собрать пищу для работницъ, занятыхъ приготовленіемъ жилья; возвратившись съ кормомъ, онѣ выпускаютъ свой хоботикъ, изъ котораго струится сладкая жидкость; голодная, принявъ крошечную частицу принесеннаго дара, какою гомеопаты подчуютъ своихъ пациентовъ, спѣшатъ снова къ начатымъ трудамъ. Въ минуту назначенную, кажется, пчелиною царицею, цѣлое общество вылетаетъ изъ своего гнѣзда, съ удивительнымъ торжествомъ, и несется на воздухъ, какъ туча, на то мѣсто, куда ведутъ ихъ квартирмейстерши. Всякая пчела вбираетъ въ себя столько остающагося меду, сколько въ состояніи помѣстить въ своемъ пузырькѣ, на случай нештатъ, то есть, когда дурная погода не позволитъ вылетать имъ на цвѣты, для собиранія свѣжаго корму. Бортники примааниваютъ эти летучія партіи, въ свои пустыя борты, различными лакомствами: осынивъ прежде пустыя борты свѣжими вѣтками отъ несноснаго солнечнаго жару они стараются какъ-можно лучше очистить пустую бортъ. Эти пчеловоды, которыхъ народъ считаетъ чародѣями, укрывшись за вѣтвями деревъ съ бортью, часто присматриваются: поправилось ли квартирмейстершамъ приготовленное для нихъ мѣстечко. Замѣтивъ, что квартирмейстерши оставили тутъ караульныхъ, они уже знаютъ, что рой, въ награду, за ихъ трудъ, наноситъ имъ меду. Въ доказательство, что дикія пчелы дѣйствительно перемѣщаются такимъ образомъ, мы приведемъ только слѣдующій случай. Во время

разрешонки одного спорнаго лѣсу, мужици, вырубая деревья на межѣ, свалили огромную старую липу, и въ дуплѣ нашли около пятнадцати пудовъ меду, бѣлаго какъ снѣгъ. Пчелы тутъ ни одной не было. Откуда же этотъ медъ? Пчелы, наполнивъ пустоту, перенеслись въ иную, чтобы не быть праздыми.

Пчелы, укрывающіеся въ дуплахъ, выродоженіи многіхъ столѣтій, всегда крѣпкаго тѣлосложенія, весьма сильны, плодородны, трудолюбивы, храбры; онѣ готовы отдать жизнь свою и погибнуть до послѣдней, но не уступятъ вамъ добровольно ни частички своего имущества. Онѣ часто ведутъ жестокую войну не только съ крошечными муравьями, но и съ огромнымъ звѣремъ; медвѣдь и человекъ для нихъ самые опасные враги; однако нѣ медвѣдя онѣ часто жалея одолеваютъ, но жаднаго человека съ топоромъ и огнемъ въ рукѣ, имъ весьма трудно побѣдить.

Двадцать пчелы обыкновенно живутъ въ дуплахъ высокихъ деревьевъ. Въ жилищѣ ихъ есть только одно крошечное отверстіе, сквозь которое медоносницы выходятъ изъ него за взяткомъ, и обратно входятъ съ медомъ. Къ меду, укрытому въ этой крѣпости, иногда весьма трудно пробраться и человекъ, снабженному топоромъ и огнемъ, потому что бортникъ виситъ на веревкѣ высоко отъ земли и находится въ опасномъ положеніи, а между-тѣмъ пчелы неотступно преслѣдуютъ его своими ужаленіями; защитившись отъ ихъ жалъ грубымъ платьемъ, онъ не можетъ свободно дѣйствовать; покрывъ лицо дурною маскою, чтобы лютыя медоносницы не могли повредить его зрѣніе, онъ, конечно, не въ состояніи всего хороша видѣть. Часто голубя или курице гаснетъ, и тогда онъ непремѣнно долженъ спускаться внизъ; а неумолимыя пчелы преслѣдуютъ его даже и на землѣ.

Если бы природа не внушила пчеламъ лютости и геройскаго самоотверженія, если бъ она не снабдила ихъ ужасными для насъ средствами, необходимыми для поддержанія существованія этихъ насѣкомыхъ, то мы нынѣ не отвѣдывали бы зрнаго меду, не любовались бы свѣтомъ вес-

ковыхъ свѣтъ, потому что люди, а отчасти и другія животныя, падкія на медъ, давно истребили бы это полезное насекомое.

Было время, когда люди чрезвычайно заботились о бортевыхъ пчелахъ. За истребленіе ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были даже назначены строгія наказанія. Во многихъ европейскихъ государствахъ искусство ухода за этими насекомыми, процвѣтая, доставляло весьма значительную прибыль. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, составляющихъ высшую Россійскую Имперію, пчеловодство было однимъ изъ прекраснѣйшихъ источниковъ прибыли отъ повсемѣстныхъ владѣній. Но какъ бортвега пчеловодства нельзя поддержать въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ господствуютъ пожары и безпорядокъ, то старинные владѣльцы лѣсовъ употребляли всѣ мѣры, чтобы поддерживать цѣлостъ лѣсовъ и процвѣтаніе этой промышленности. Бортники, бродя по лѣсамъ днемъ и ночью, чтобы пчелогубцы не грабдили бортей, смотрѣли также и за тѣмъ, чтобы пожаръ не причинилъ въ нихъ вреда бортничеству. Въ нашемъ большомъ сочиненіи о пчеловодствѣ есть любопытная, извлеченная изъ достовѣрныхъ документовъ вѣдомость о прекрасномъ доходѣ, который получали отъ пчелъ въ западныхъ губерніяхъ, втеченіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

По введеніи сахара въ употребленіе, пчеловодство начало упадать. Но дальновидные дѣды, а отчасти и отцы наши, старались однако жъ поддержать источникъ меду и воску. Къ сожалѣнію, внуки и сыновья не послѣдовали примѣру своихъ предшественниковъ. Искусные, въ своемъ занятіи, бортники, не сообщали своего знанія насѣдникамъ. Отцы наши, а отчасти и нѣкоторые изъ современниковъ, почувствовавъ недостатокъ прибыли отъ другихъ отраслей сельскаго хозяйства, обратились—было къ улучшенію своего пчеловодства; но не имѣя нужныхъ свѣдѣній о размноженіи пчелъ и сохраненіи ихъ отъ ущерба, подвергались перѣдно неудачамъ. Выродившіи однихъ благопріятныхъ лѣтъ и неопытные пчеловоды получали отъ своихъ насѣкомыхъ величайшую прибыль; но въ не-

кастные годы, пчелы, обитавшія въ ульяхъ и бортахъ, на большей части погибали. Помѣщики, много разъ испытывавъ неудачу въ этомъ предпріятіи, воображали себѣ будто прибыли отъ пчелъ ни какъ невозможно ни увеличить, ни упрочить.

Всѣ эти обстоятельства были причиною упадка не только бортеваго пчеловодства, но и лѣсовъ въ нашемъ отечествѣ. Нашлись (въ 1824 году) въ Царствѣ Польскомъ такіе близорукіе лѣсничіе, которые старались убѣдить всѣхъ и каждаго, будто бортевое пчеловодство бываетъ главною причиною пожаровъ въ лѣсахъ; они представляли нѣсколько сандѣтельствъ въ доказательство истинны своихъ словъ, и приняты были мѣры для уничтоженія бортничества, несмотря на то, что оно самыя лѣса процвѣтали втеченіи многихъ прошлыхъ вѣковъ; поэтому мы старались изобрѣсти и такую борть, изъ которой удобно было бы собирать медъ и воскъ, не употребляя огня. Это намъ удалось.

Выше сказано, что множество пчелъ ежегодно погибаетъ въ ульяхъ и бортахъ стариннаго изобрѣтенія, по неимѣнію такихъ людей, которые знаютъ искусство возобновлять старые соты въ пчелиныхъ жилищахъ. Изъ борти нашего изобрѣтенія, такъ же какъ и изъ нашего улья, удобно собирать пчелиныя произведенія — безъ дыму; удобно также возобновлять и старые соты. Слѣдовательно, не только бортевое пчеловодство усовершенствуется, но и лѣсничіе впредь не будутъ жаловаться на бортниковъ, что они бывають причиною пожаровъ въ лѣсахъ. Теперь намъ недостаетъ только руководства къ бортевому пчеловодству: мы надѣемся пополнить этотъ недостатокъ, но не прежде какъ обозрѣвъ бортничество и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ мы до нынѣ не могли еще лично заняться изслѣдованіемъ его мѣстныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ сочиненіи будетъ описано и устройство и употребленіе изобрѣтенной нами борти.

Многіе изъ читателей, вѣроятно, пожелаютъ узнать: сто ли ульевъ съ пчелами, или сто такихъ же бортей достав-

даютъ больше прибыли? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы часто, въ различныхъ странахъ, въсли произведенія, собранныя изъ нѣсколькихъ ульевъ, и изъ такого же числа бортей, находящихся одинъ близъ другихъ, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Изъ этого сравненія оказалось, что изъ десяти бортей, находящихся на опушкахъ лѣсовъ, и изъ десяти ульевъ, помѣщенныхъ близъ лѣсовъ, получается почти то же самое количество. Но меду и воску бываетъ гораздо болѣе, когда эти ульи находились въ началѣ весны въ лѣсу, а въ продолженіи лѣта между яровыми посѣвами, и преимущественно если вблизи было вдоволь гречихи, а борти находились посрединѣ довольно обширнаго чернаго лѣсу.

Ульи доставляютъ своему владѣльцу самую важную выгоду въ рояхъ; за перезимовавшій отличный рой можно получить отъ десяти до двадцати-пяти рублей ассигнаціями. Рой вылетѣвшій изъ борти, входитъ въ пустую бортъ тогда только, когда вашъ бортникъ приготовилъ ее по правиламъ искусства и когда въ лѣсу нѣтъ дуплистыхъ деревьевъ, удобныхъ для ихъ жительства. Въ противномъ случаѣ ваши рои изъ бортей улетаютъ въ сосѣднія борти, или же въ дуплы, находящіяся въ густомъ лѣсу. Но какъ это насѣкомое, по своей дикой природѣ и по своему инстинкту, всегда предпочитаетъ менѣе удобное дупло, чѣмъ старательно приготовленную бортъ, то искусство готовить пустыя борти весьма важно. И этимъ искусствомъ также славятся наши старинные бортники; теперь оно осталось собственностію весьма немногихъ стариковъ, которыхъ мужики считаютъ колдунами. Народъ, во многихъ мѣстахъ, увѣренъ, что домовой загоняетъ рой въ однѣ только борти своихъ любимцевъ. Литовскіе неопытные и притомъ мстительные бортники рассказывали намъ, что чернокосѣнщики-пчеловоды никогда не приносятъ свѣчь на жертвенникъ Всевышняго, приготовленныхъ изъ воску, выдѣланнаго собственными своими пчелами; но будто покупаютъ для этого воскъ у пасѣчниковъ которые трудятся по однимъ христіанскимъ законамъ.

Рой вылетѣвшій изъ улья, садится вблизи своего гнѣзда на вѣтви дерева, или на иномъ удобномъ мѣстѣ; онъ отдыхаетъ часъ, или два, въ такомъ мѣстоположеніи, въ которомъ имѣются дупла въ близкомъ лѣсу. Если пѣсчаникъ не успѣшитъ собрать его въ улей, и сверхъ-того, не запретъ въ клѣточкѣ его предводительницы, рой, отдохнувъ, песется далѣе въ лѣсъ. Въ степныхъ областяхъ, рой часто почуетъ на избранномъ мѣстѣ, будто дожидается, чтобы пѣсчаникъ собралъ его въ улей: здѣсь нѣтъ естественныхъ бортей или дупловъ; но если пѣсчаникъ не захѣтитъ роя отдыхающаго въ травѣ, или между вѣтвями дерева, рано утромъ другаго дня, то рой улетаетъ отъ него, въ надеждѣ открыть удобное мѣсто. Поэтому въ степяхъ часто находятся рои въ разбѣлкахъ береговъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Но теперь, можетъ-быть, насъ спросятъ: «Почему же вы стараетесь поддержать бортевое пчеловодство, и даете ему преимущество передъ домашнимъ, если оно меньше приноситъ прибыли, чѣмъ домашнее?» Вотъ наши причины:

Пчелы, трудящіяся въ ульяхъ, по различнымъ причинамъ, весьма скоро теряютъ природныя свои качества; сталъ бытъ ихъ должно часто подкрѣплятъ лѣсными, то есть, живущими въ своей стихіи—напривольѣ. Въ Саксоніи и бортевыя пчелы также потеряли уже природныя свойства, потому что бортики часто мучатъ ихъ дымомъ; но какъ въ Саксоніи нѣтъ уже роель, живущихъ отъ вѣковъ, по законамъ одной природы, то тамоннія бортевыя пчелы, не бывъ подкрѣпляемы совершенно дикими, вскорѣ сдѣлаются совсѣмъ дряхлыми. Въ борти, приготовленные рукою человѣка, часто вбираются и рои, выходящіе изъ естественныхъ бортей или дупловъ: эти рои подкрѣпляютъ и бортевое и домашнее пчеловодство. Къ-сожалѣнію, въ настоящее время пчелогубцы безнаказно убиваютъ пчелъ, открытыхъ въ дуплахъ, потому что не знаютъ цѣны имъ.

Пчелы находятъ въ лѣсахъ много сахарной жидкости; въ лѣсахъ то же имѣется тѣма тѣмущая тля (aphis, русс-

говъ), о которой мы уже говорили. Въ сочиненіи о Бортевомъ пчеловодствѣ мы постараемся убѣдить нашихъ согражданъ въ необходимости обратить на этотъ источникъ промышленности должное вниманіе, потому что отъ его благоразумнаго устройства зависитъ обиліе меду и воску.

Основываясь на описанныхъ выше свойствахъ пчелъ, ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе классы. Къ первому принадлежатъ рои, которые, отъ созданія міра повинѣ не испытали ига человѣческаго. Онѣ блаженствуютъ въ тѣхъ русскихъ лѣсахъ, гдѣ изрѣдка показываются одни лишь отчаянные охотники до звѣриной ловли. Изъ непреходимыхъ лѣсовъ, онѣ часто переселяются и въ малые сосѣдніе. Второю классъ составляютъ рои, перебравшіеся изъ природныхъ бортей въ искусственныя, приготовленныя бортниками въ густыхъ лѣсахъ, но только на время, потому что онѣ почти всегда возвращаются въ свои прежнія жилища. Третьей классъ заключаетъ въ себѣ рои, обитающіе въ бортяхъ, сдѣланныхъ недалеко отъ пасѣкъ: въ нихъ иногда входятъ на жительство и совершенно дикія медоносицы. Четвертый классъ состоитъ изъ такихъ пчелъ, которыя находятся въ необыкновенныхъ лѣсахъ, но отдаленныхъ отъ домашнихъ пчелъ. Пятый классъ заключаетъ въ себѣ рои, живущіе въ среднихъ лѣсовъ незначительнаго пространства. Шестой—рои, живущіе въ бортяхъ на опушкахъ лѣсовъ и въ ульяхъ, прикрѣпляемыхъ въ лѣсу къ деревьямъ. Седьмой составляютъ пчелы, трудящіяся въ ульяхъ, помѣщенныхъ въ пчельникѣ въ лѣсу, или близъ такихъ лѣсовъ, гдѣ пчелы живутъ не только въ бортяхъ, но и дуплахъ, особенно если пасѣчники часто подкрѣпляютъ свои ульи роями, собранными въ лѣсахъ. Осьмой классъ составляютъ пчелы живущія въ ульяхъ, въ лѣсной странѣ, гдѣ находятся борти. Девятый—рои, улетѣвшіе изъ пасѣкъ во время ройки, и блуждающіе въ окрестности. Наконецъ къ десятому принадлежитъ самая дряхлая порода этого насекомаго, находящаяся въ степныхъ странахъ, особенно если оно не было подкрѣплено боровками.

О пчелахъ писали весьма многіе; но какъ эти авторы не

ислѣдовали преимущества роевъ, обитающихъ въ различныхъ лѣсахъ, передъ трудящимися въ другихъ странахъ, то вложенная здѣсь постепенность доброты роевъ не была еще извѣстна.

Если хотите усовершенствовать свое пчеловодство и увеличить доходъ отъ земель, то приобретите пчелъ отличной породы, въ отдаленныхъ лѣсахъ, поручивъ это дѣло человѣку, въ знаніи и совѣстливости котораго нѣтъ никакого сомнѣнія. Онъ долженъ отправиться, передъ ройкою, въ лѣса не только изстарин, но и понынѣ славящіеся процвѣтаніемъ бортничества. Купленные рои надобно посѣщать въ колоколообразныхъ ульяхъ, чтобы облегчить перевозку на отдаленное мѣсто. Эти рои должны оставаться до осени между яровыми посѣвами близъ лѣсовъ, гдѣ были приобретены. Недавно собранныхъ пчелъ надобно щедро снабжать чистымъ медомъ на ночь—втеченіи нѣсколькихъ сутокъ. Поздно осенью пчелы свободны отъ своихъ занятій; это лучшая пора для переселенія ихъ. Мы перевозили это насѣкомое, въ ульяхъ нашего изобрѣтенія, на разстояніи въ двѣсти верстъ и съ полнымъ успѣхомъ. Такъ какъ рои первыхъ классовъ привыкли лѣтомъ и зимою дышать свѣжимъ воздухомъ, то и переселенныя изъ лѣсовъ должны зимовать на поверхности земли, даже и въ степныхъ мѣстахъ. Не лишнимъ считаемъ предупредить владѣльцевъ, которые будутъ радоваться своими дикими пчелами, что онѣ гораздо невѣжливѣе и больнѣе жалать, нежели тѣ, которыя уже привыкли къ людямъ. Ихъ можно посѣщать только съ сѣткой на лицѣ и шерстяными перчатками на рукахъ. Но зато эти злыя насѣкомыя будутъ наносить вамъ множество меду; зато онѣ выдержатъ обыкновенныя злоключенія безвредно. Многие изъ помѣщиковъ не вѣрятъ вышче, что усовершенствованное пчеловодство въ состояніи доставлять, особенно въ благопріятствующей ему странѣ, больше дохода, нежели земледѣліе. Не удивительно. Это происходитъ оттого что они не знаютъ способовъ ухода за этимъ насѣкомымъ, которыя увеличиваютъ и упрочиваютъ доходъ отъ нихъ. Но пусть они послѣдуютъ нашимъ совѣтамъ, улуч-

наютъ свои породы пчелъ пріобрѣтеніемъ пчелъ дикихъ и принявъ нашъ колоколообразный улей, избавятся отъ необходимости умерщвлять пчелъ дыномъ; тогда они въ нѣсколько лѣтъ убѣдятся, что наше отечественное пчеловодство, старинная промышленность нашихъ предковъ можетъ быть въ короткое время доведена до прежняго своего цвѣтущаго состоянія.

Н. ВИТВИЦКІЙ.

=

V.

КРИТИКА.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЛЪ. *Драматическое представлѣніе въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шиллера. Переводъ О. Миллера. Москва, въ Унив. тип., 1843 года, въ-8, стр. 146.*

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Барантъ, столь извѣстный своею «Исторіею герцоговъ Бургундскихъ», безспорно одинъ изъ первоклассныхъ талантовъ современной Франціи, подарившій соотечественниковъ превосходнымъ переводомъ драматическихъ сочиненій Шиллера, говоритъ въ жизнеописаніи его, приложенномъ къ переводу: «Не хочу, приводя произведенія Шиллера къ извѣстнымъ правиламъ, и сравнивая ихъ съ привычными намъ формами, разбирать хороши ли они, или дурыны. Такой разборъ дѣло излишнее и бесплодное. Напротивъ, весьма важно изыскать отношенія, какія имѣли творенія Шиллера къ характеру, положенію, мнѣніямъ его, и къ тому, что его окружало. Критическій взглядъ съ такой точки зрѣнія не имѣетъ характера столь легкаго, и столь рѣшительнаго, какой представляетъ намъ

критика осуждающая, или разрешающая, по большому или меньшему сходству предмета съ данными формами, но оно болѣе приближается къ изученію человека, къ наблюденію хода ума человеческого, наблюденію самому любопытному и самому полезному».

Мысль новой критики высказана здѣсь, но не вполне. Именно только вторая критика намъ возможна и достижима въ настоящемъ состояніи нашего вѣдѣнія, какъ убѣдилъ насъ опытъ. Въ чемъ различается прежняя критика отъ нынѣшней—назовемъ первую *классическою*, другую *романтическою*, не привязываясь къ строгому значенію названій?

Принявъ за высшій идеалъ произведенія Грековъ и Римлянъ, классики предписали опредѣленные правила искусства, вывели отсюда законы каждаго произведенія его, и критика ихъ составила повѣрку всякаго новаго произведенія съ догматизмомъ условныхъ правилъ. Вкусъ сдѣлался судьей вдохновенія поэтическаго и думы творческой.

Невѣрность такого уложенія оказывалась по немногу, и кончилась совершеннымъ разрушеніемъ законовъ классицизма.

Точно ли произведенія древнихъ составляютъ высшій идеалъ совершенства? Точно ли понимаете вы ихъ вполне? Неужели искусство должно остановиться, и быть неизмѣнимо и вѣчно одинаково, когда все другое измѣнилось—религія, общественность, философія, нравы, обычаи, одежда, все рѣшительно? И почему малѣйшій уголокъ Греціи долженъ быть мѣркою прошедшей, настоящей и будущей дѣятельности человечества въ изысканіи? Греки не представляютъ намъ идеала ни религіи, ни общественности, почему же въ изысканіи они намъ вѣчный идеалъ? Не должно ли искусство быть проявленіемъ всей жизни того или другаго общества, если не сводить его на пустую потѣху лѣнивой праздности? И неужели надобно осу-

дуть на ошибку и заблужденіе весь міръ, кромѣ Греціи, потому что произведенія искусства равно являлись всюду, хотя міръ древнихъ былъ вовсе неизвѣстенъ многимъ предшественникамъ и наследникамъ древняго міра?

Вопросы эти такъ естественны, и отвѣты на нихъ такъ отрицательно рѣшаются противъ классиковъ, что нельзя не удивляться, какъ могли защищаться классики, и какой жестокой и долговременной битвы стояла побѣда надъ ними.

Дѣло наконецъ рѣшилось. Доказано, что классики далеко не вполне знали міръ древнихъ, и произвольно вывели правила, какъ изъ твореній древнихъ, такъ изъ природы, которую хотѣли они передѣлывать по-своему; что, составляя идеалъ изящнаго въ древнемъ мірѣ, древніе не могли быть идеаломъ совершенно измѣненнаго новаго міра. Мы узнали съ другой стороны созданія романтизма, какъ назвали мы все не принадлежащее къ міру классическому. Увидѣли недостатки созданій, произведенныхъ по законамъ классическимъ, и убѣдились, что недостатки ихъ происходили не отъ скудости силы творцовъ, но отъ ограниченныхъ и ложныхъ правилъ классической теоріи.

Что было слѣдствіемъ? Другая крайность. Теоріи нѣтъ и быть не можетъ, сказали преобразователи. Каждый творить какъ ему угодно, презирая всѣ мнимыя условія искусства.

Опять надобно было время опровергнуть новую ошибку, новое заблужденіе. Надобно было убѣдиться, что теорія и практика, идеалъ и олицетвореніе его въ вещественной формѣ, неразрывно связаны въ человѣкѣ, и что частные проблески изящнаго суть доказательства высшаго, общаго, недостигаемаго человѣкомъ идеала. Вы отвергаете всѣ правила, всѣ системы, но уже самое *отверженіе* ихъ не дѣлается ли вашимъ правиломъ, вашею системою?

И такъ догматизмъ искусства долженъ существовать. Но гдѣ и какой онъ? На какихъ созданіяхъ утвердить его? Гдѣ повѣрка его? Рѣшеній вкуса недостаточно, но неужели строгій умъ долженъ быть судьею изящныхъ созданій, и на чемъ же опереться ему? Гдѣ его повѣрка?

Прежде нежели все это будетъ определено и рѣшено, человѣку надобно совершить громадный трудъ, и онъ началъ его, но только-что началъ.

Прежде всего должно было ему поставить себя внѣ міра классическаго и романтическаго, отвергнуть всѣ личныя, своекорыстныя отношенія современности, и всѣ заученныя преданія. Съ такимъ отвлеченіемъ долженъ человѣкъ ознакомиться со всеми созданіями искусства человѣческаго. Въ то же время рядъ обширныхъ изученій должно составить теоретическое познаніе законовъ творчества во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, повѣряемое великою наукою познанія человѣка, отвлеченнаго отъ его частнаго бытія, при изученіи частныхъ условій бытія его и дѣятельности. Тогда лѣтопись жизни человѣческой и художественныхъ созданій его представитъ намъ данныя для нашей теоріи.

Мы убѣдимся, что есть истины вѣчныя и неизмѣняемыя, есть законы, которыхъ никогда не перейти человѣку, если бы онъ и хотѣлъ переступить черезъ нихъ, уничтожить ихъ. Можете разбить ту, или другую форму—идея не гибнетъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ эта идея живетъ только непрерывнымъ измѣненіемъ формы, и такое измѣненіе составляетъ жизнь ея, сообразно независящимъ отъ нея условіямъ мѣста и времени, гдѣ она является, при непрерывномъ стремленіи къ недостигаемому идеалу. Тамъ, гдѣ она, ограниченная во времени и пространствѣ, восполняетъ требованія, ей современныя, удовлетворяетъ своевременному самодовольству человѣка, тамъ она прекрасна, изящна,

полпа. Она сама себя составляет условіи, предписываетъ законъ творчеству, является въ гениальныхъ творцахъ, въиць современнаго каждому изъ нихъ образованія, хотя несовершенство образованія всегда отражается на каждомъ генин, которые все суть посылки для рѣшенія задачи о жизни цѣлаго человечества.

Взглядъ съ этой точки примиряетъ насъ со всѣмъ, что производятъ тотъ или другой вѣкъ, та или другая страна, тотъ или другой генин. Какъ среди снѣговъ Сибири вы удивляетесь исполинской соснѣ, на знойныхъ берегахъ Индіи величественной пальмѣ, и на пескахъ Африки громадной адансоніи, такъ благоговѣнно преклоняетесь вы передъ поэмою Гомера, Данте, Гёте, передъ драмою Эсхила, Корнеля, Шекспира, и съ равнымъ наслажденіемъ остановитесь передъ пѣснью барда и менестреля, балладою Германіи, романсомъ Испаніи и народною пѣснью каждой страны. Здѣсь, обратно, вамъ будутъ понятны ошибки въ твореніяхъ искусства, объясняемыя условіями бытія его, недостаткомъ силъ творчества, законами его жизни и мѣста, или времени и пространства, здѣсь наконецъ объясняются законы критики и для современныхъ намъ созданій искусства, составляется теорія искусства современнаго, какъ посылка для будущаго, и опредѣляются достоинства и заслуги писателя, или его творенія. Сужденіе ваше будетъ несовершенно, потому что вы также не можете выйти изъ условій вашего вѣка, но оно будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ полнѣе живете вы жизнью вашего вѣка, какъ продолженія того, что прежде пережило и передумало человечество. Вы не можете предписывать закона творчеству, но укажете ему ошибку его, сообразно тому состоянію совершенства, которое показали вамъ практическое изученіе великихъ созданій, и данныя, извлеченныя изъ нихъ для теоріи.

Слѣдовательно, критика, которую назвали мы *романтическою*, въ противоположность классической, состоитъ не въ догматической повѣркѣ творимаго съ условными, неизмѣняемыми правилами, но въ изученіи того, въ какой степени то, или другое твореніе удовлетворяетъ современнымъ ему требованіямъ идеала, въ изысканіи причинъ, почему оно не удовлетворяетъ, въ указаніи чѣмъ могло бы оно удовлетворить.

Но такимъ образомъ, возражать намъ, вы опять составляете условія искусству, а каждое условіе не есть ли догматическое требованіе?—Нѣтъ, отвѣчаемъ мы, не условія, а тѣмъ менѣе неизмѣнныя правила предписываемъ мы, но высказываемъ требованія наши, и если мы указываемъ на то, чѣмъ можно было удовлетворить насъ, съ тѣмъ вмѣстѣ мы готовы принять все, чѣмъ твореніе искусства превзойдетъ наши требованія, принять, какъ дополненіе къ кодексу условій искусства. Разница между классиками и нами та, что они указывали предѣлы искусству—мы требуемъ указанія ихъ отъ него. Они хотѣли изъ правилъ извлечь созданіе, мы отъ созданія требуемъ правилъ. Не въ такомъ случаѣ искусство отдается совершенному своеволію—скажутъ намъ. Да, своеволію генія, которое онъ обязанъ выкупить полнымъ удовлетвореніемъ нашихъ условій—условіи, повторяемъ, не правилъ.

Теорія ваша признаетъ свое безсиліе, скажутъ намъ. Мы и не думаемъ гордиться силою ея, зная по умозрѣнію, что вся наша наука есть только стремленіе узнать истину, и по опыту, что всѣ мечты о мнимомъ достиженіи истины вполнѣ, чѣмъ гордились тотъ или другой вѣкъ, тотъ или другой мыслитель, всегда оказывались мечтами. Мы откровенно сознаемся даже и въ томъ, что заблужденіе и истина всегда идутъ рядомъ, и всѣ мы вносимъ въ сокровищницу вѣдѣній человечества свой участокъ того и другаго; оно отдѣляетъ лигатуру, принимаетъ къ расчету чи-

стый металлъ, и чеканить изъ него монету для общаго обращенія. Когда наполнится сокровищница человѣческаго знанія въ такой степени, что человѣкъ въ состояніи будетъ купить на него полное познаніе истины—мы не знаемъ.

Но какую богатую добычу человѣку доставляетъ направленіе критики, объясняемое нами! Искусство свободно; гению нѣтъ закона, но всякое искаженіе изящнаго предупреждается; ошибка и неполнота творенія указаны, и указаны не произволомъ, но отчетомъ въ условіяхъ его творчества. Здѣсь опредѣляются подвигъ и заслуга каждаго дѣятеля, потому что если они оцѣняются мѣрою совершенства, тѣмъ не менѣе онъ отвѣчаетъ только за то, что могъ, но не за то, что долженъ былъ произвести. Каждое твореніе, каждый творецъ дѣлается предметомъ отдавнаго изученія, стюдомъ критики. И сколько истинъ открывается намъ, какъ раздвигается нашъ обзоръ, соединяя нравственную фیزیологію человѣка, психологическую исторію его съ истинами, извлеченными изъ теоріи изящнаго, возрѣнной опытомъ! Какое дополненіе ко всякому другому изученію являетъ изслѣдованіе міра созданій искусства, вмѣстѣ съ изученіемъ ихъ причинъ и условій. Гамлетъ, Фаустъ, Божественная Комедія, соединенные съ исторіею творцовъ ихъ, вѣка ихъ, стоятъ изученія летописи какого-нибудь общественнаго переворота. Въ этихъ великихъ созданіяхъ отражается жизнь общества, имъ современнаго, отражается человѣкъ, а какая же наука выше его изученія? Здѣсь невольно повторяете слова одного изъ самыхъ прозаическихъ поэтовъ, но слова глубокія: «Нескончаемая, важнѣйшая наука для человѣка, есть—человѣкъ».

И если хотите возвышаться отъ прозы жизни къ ея поэзіи, если хотите великихъ уроковъ искусства, да будетъ предметомъ изученія вашего великое и изящное челоуѣчества, тѣ люди, на челоуѣ которыхъ отраженъ

божественный свѣтъ неба. Довольно земной суеты, довольно грязи на тропинкѣ, которою идетъ каждый изъ насъ. Войдемъ отдохнуть въ храмъ души избраннаго, въ область чловѣка, освященнаго гениемъ. Не будемъ входить въ эти храмы, эти области, съ чувствомъ изступленнаго изувѣра, но вступимъ въ нихъ съ любовью сердца и думой ума. Тогда посѣщеніе наше, услаждая душу среди бѣдности нашего бытія, возвыситъ ее, облагородитъ, напомнитъ ей небесную отчизну, укрѣпитъ на борьбу, примиритъ съ несовершенствомъ нашего жребія....

Просимъ извинить отступленіе отъ предмета насъ занимающаго. Оно было необходимо, какъ увидимъ далѣе, потому что мы хотимъ изучить одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій чловѣчества въ прошедшемъ вѣкѣ, въ одномъ изъ самыхъ образованныхъ народовъ Европы. Шиллеръ и его творенія суть задачи для теоріи искусства и исторіи чловѣка. Надобно условиться въ образъ возвращенія нашего, тѣмъ болѣе, что, можетъ-быть, намъ еще не однажды придется передавать читателямъ нашимъ подобныя отюды дѣятели искусства.

Мы рассказали жизнь Шиллера, какъ гражданина того времени и того общества, когда и гдѣ онъ жилъ. Не предупреждая нашихъ сужденій и выводовъ, рассмотримъ жизнь его, какъ чловѣка и художника.

Неразрѣшимою тайною Провидѣнія останется навсегда явленіе людей великихъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности чловѣческой. Если иногда кажется, что мы понимаемъ необходимость явленія ихъ, сколько случаевъ отрицательныхъ, гдѣ мы готовы сказать, что великій чловѣкъ, поэтъ, герой, царь, пришелъ слишкомъ рано, родился слишкомъ поздно. И сколько явленій не конченныхъ, такъ сказать, паденій отъ недостатка силъ, отъ упадка духа, отъ превратнаго стремленія въ жизни! Такъ непостижимо для насъ самое

сложеніе нравственныхъ стихій, изъ коихъ создается то или другое великое явленіе, и почему изъ окружающаго его устремляется онъ на то, а не на другое отношеніе. Для чего же теряться въ бесполезныхъ догадкахъ? Намъ остается только наблюдать и описывать что видимъ.

Тамъ непостижимою судьбою опредѣлено было, въ половинѣ прошедшаго вѣка, сыну полковаго лекаря и вѣмецкой булочницы, въ маленькомъ городкѣ виртембергскомъ, вѣстить въ душѣ своей стихіи великаго поэта.

Слабое, но выское дитя, онъ видитъ вокругъ себя добраго отца, благочестивую мать, набожнаго пастора, и все желаніе его стремится быть пасторомъ, поучать ближняго добру, которымъ исполнено сердце его, святой вѣрѣ, которою согрѣта душа его. Мать читаетъ съ нимъ псалмы и басни Геллерта — первое впечатлѣніе стиха шевелитъ въ немъ какое-то созвучіе, какъ будто на слышимые имъ звуки отвѣчаютъ въ душѣ его такіе же звуки. Онъ хочетъ вызвать эти таинственные звуки изъ души своей, и они высказываются *моли-твой*: первые стихи Шиллера были написаны имъ носомъ конфирмаціи, или перваго причащенія. Но вотъ новое впечатлѣніе: Шиллеръ въ театрѣ, и его поражаетъ эта жизнь въ дѣйствіи, гдѣ слово и стихъ являются воплощенными въ видимой дѣйствительности. Вотъ онъ — міръ поэзіи, раскрывшійся передъ взорами ребенка, и вотъ она, жизнь, окружающая его, какъ-будто противоположность міру поэзіи: Шиллеръ въ школѣ, въ академіи, по-неволѣ сброшенный съ того пути, которымъ хотѣлъ онъ идти въ міръ.

Сколько чувствъ, сомнѣній, страданій, опытовъ должна была искушать душа Шиллера въ борьбѣ съ людьми и съ самимъ собою до двадцати лѣтъ возраста, когда кончился первый періодъ его жизни, и въ первой драмѣ своей высказалъ онъ тайну души, и бурю,

тревожившую его! Тяжесть борьбы не всегда можно оцѣнить огромностью предметовъ боренія. Наполеонъ, сражавшійся съ Европою, и юный умъ поэта въ битвѣ съ самимъ собою и съ мелкими отношеніями жизни, говоря собственно, оказываютъ одинакій подвигъ, если все бытіе ихъ увлечено въ борьбу. Шваллеръ боролся и съ общественными отношеніями, въ какія былъ поставленъ, и съ безсознательностью своего демона, и съ ничтожествомъ того, чѣмъ хотѣла и не могла выразиться душа его.

Какъ-будто вознаграждая высокое назначеніе бытія мыслителями Европы, Германія лишена гражданской суетливости, лишена живости страстей, тревожащихъ другія общества. Порядокъ, чинность жизни, холодная нравственность, вмѣсто религіозной поэзіи, установленныя отношенія общественныя, наука, приведенная въ систему, семейная жизнь, какъ средство жить спокойно, общественныя увеселенія по расчету и размѣру, и уровень посредственности надъ всеми и надъ всеми — такова страна Нѣмцовъ, парникъ человечества, страна табачнаго дыму и пива, добрыхъ хозяекъ, красивыхъ печтательницъ двушекъ, здоровыхъ дѣтей. Въ жизни Нѣмцовъ нѣтъ средоточія, куда устремлялись бы умственная и вещественная дѣятельность ихъ, и все определено, начиная съ проповѣди, которую слушаютъ по воскресеньямъ, до бесѣды въ клубъ, которую заключаютъ день, съ чиннаго поздравленія при купаніи младенца до траурнаго платья при гробѣ отца, съ плана, по которому выигрываютъ побѣду, до трубки, которую выкуриваютъ поутру, потому что на ней вырвано: Morgen.

Не отъ такой ли сущности общей жизни Нѣмцовъ являются исключенія, великіе люди Германіи, Гёте, Гумбольдты, Гердеры, Канты, Шеллинги, путеводительныя звѣзды человечества? Не отъ того ли бываютъ великія пробужденія Нѣмцовъ, когда все за-

лежавшее въ обществѣ и душахъ ихъ возмущается бурю, времена Реформація, время битвъ съ Наполеономъ? Не отъ того ли, когда минуетъ время такихъ великихъ волненій, все снова плотно улегается въ душахъ и обществѣ, и засыпаетъ эпименидовымъ сномъ? Не отъ того ли устремленіе въ жизнь духа и созерцанія, самодовольство самыхъ геніальныхъ Германцевъ, и «универсальность», такъ-сказать, которая поглощаетъ все, кладетъ все въ свое знаніе, какъ ростовщикъ кладетъ въ свою кладовую всякіе заклады?

Не бурному духу Шиллера можно было ужиться въ обществѣ нѣмецкомъ, какъ-скоро столкнули его съ пути, который онъ набиралъ себѣ. Онъ сошелъ съ условій Нѣмца. У него уже не было цѣли въ жизни, не было отечества, котораго лишили его принужденіемъ воли: онъ Германецъ и поэтъ, возвѣститель тѣхъ страстей, тѣхъ идей, тѣхъ бурь, кеторыми полна душа его.

И первый откликъ этой пламенной, встревоженной, оскорбленной души, не тихая проповѣдь, которую готовилъ онъ некогда собратіямъ, но вопль негодованія, укоръ обществу, насмѣшка надъ его условіями.

Успѣхъ «Разбойниковъ» произвелъ новый переворотъ въ душѣ поэта. «Слѣдственно есть люди, которые понимаютъ меня: скорѣе къ нимъ, къ этимъ людямъ, мнѣ все сказать, мнѣ передавать душу мою, жить съ ними!» И онъ готовъ записаться въ общество комедіантовъ; онъ называетъ себя гражданиномъ вселенной—онъ не Нѣмецъ и не гражданинъ нѣмецкій—онъ человекъ и поэтъ!

Семь лѣтъ, слѣдовавшихъ за побѣгомъ Шиллера изъ отцовскаго дома, представляютъ урокъ поучительный. Бездомный странникъ, вольная птичка, Шиллеръ свергъ съ себя всѣ обязанности. Но здѣсь являются новыя требованія души и жизни. Его покоряютъ страсти; онъ самъ подчиняется обязанностямъ, которыя отвергалъ прежде, а недовольство самими собою засту-

пасть мѣсто прежней безсознательности требованій его демона.

Требованіе разгадаю: онъ поэтъ. Но что же будетъ онъ творить? Его первое созданіе приято съ восторгомъ, но величіе души именно сознается недовольствомъ успѣха, и всѣ могутъ быть довольны созданіемъ, кромѣ его. Умственное зрѣніе челоуѣка великаго тѣмъ болѣе просвѣтляется, тѣмъ дальновиднѣе становится онъ, чѣмъ идетъ онъ далѣе. Только посредственность засыпаетъ на успѣхѣ. Успѣхъ для челоуѣка великаго одръ Гватимозица, на которомъ самого себя допрашиваетъ онъ о сокровищахъ, сокрытыхъ въ душѣ его, и ему самому невѣдомыхъ. Тогда страшно состояніе его, если душа не отвѣчаетъ на вопросъ.

Шиллеръ увѣрился, что онъ долженъ быть поэтомъ драматическимъ. Но драма не можетъ быть вдохновеніемъ мимолетнымъ, вспышкой впечатлѣнія, безотчетнымъ порывомъ, чѣмъ бываетъ иногда лирическое созданіе. Драма требуетъ идеи болѣе окрѣплой, души, болѣе перегорѣвшей, познанія людей и свѣта, познанія жизни. Сказать свое чувство отъ самого себя, и пересоздать его въ жизнь, возсоздать его въ видимыхъ образахъ, разница огромная. Шиллеръ искалъ предмета драмы въ исторіи, находилъ его, и не могъ возсоздать ни одного. «Дайте мнѣ планъ—и возьмите у меня все!» говорилъ онъ. Онъ обращался къ образцамъ, къ твореніямъ другихъ, но нѣмецкая драма не могла удовлетворить его. Начало нѣмецкаго театра, какъ сценическаго искусства, восходитъ весьма не далеко. До двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Германіи вовсе не было правильнаго театра. Грубые фарсы Гаисъ Сахса и уродливыя трагедіи Грифіуса, были разыгрываемы охотниками и бродячими актерами. Готшведъ, Тредьяковскій Германіи, первый завелъ театръ въ Лейпцигъ, переводилъ французскія трагедіи, и заставлялъ звать за своими уродливыми переводами.

Илья Шлегель, Кронегкъ и другіе подражали Голландцамъ, Италіянцамъ, передѣлывали Англичанъ по правиламъ трехъ единствъ. Первый возсталъ противъ уродливаго классицизма Лессингъ, человекъ ума необыкновеннаго, критикъ остроумный, но умъ односторонній и не поэтическій, говорившій о Шекспирѣ, но не понимавшій его, способный разрушить, но не создать. Онъ хотѣлъ создать теорію и дать образцы, подражалъ реформаторамъ драмы во Франціи, увѣренный, что мѣщанская комедія и свобода романтизма въ трагедіи суть неперемѣнныя условія настоящей драмы. Лессингъ образовалъ великія сценическія дарованія, увлекъ зрителей, породилъ подражателей и послѣдователей, между коими явились Гёте, которому тѣсно было въ драмѣ, Лейзевицъ и Герстенбергъ, съ дикими созданіями безотчетнаго воображенія, Энгель съ комедіями. Среди такого броженія и борьбы мнѣній явился Шиллеръ и три первыя драмы его были подражаніемъ твореніямъ Лессинга, Гёте и ихъ товарищей по формѣ. Но чѣмъ были они по сущности? Уродливыми произведеніями ума юнаго, не знающаго ни людей ни жизни, мечтателя о свободѣ, потому что его записали въ военную школу, и наказывали за невыучку уроковъ, юноши, стѣсненнаго существованіемъ, и видящаго въ каждомъ счастливцѣ міра злодѣя, въ каждомъ вельможѣ хитраго тирана. Буршевая жизнь нѣмецкаго студента, кипѣніе умовъ, начинавшееся за Рейномъ, манера Шекспира безъ познанія глубины его, приторная сентиментальность любви, начитанная въ Вертерахъ и Зигвартахъ, студенческая философія, со всѣмъ желаніемъ юноши выражаться вычурно и жеманно — вотъ чѣмъ были созданія Шиллера. Если чѣмъ могли они быть замѣчательны, то добродушною искренностью поэта, всего себя отдаващаго своему творенію, тѣми проблесками дарованія, которыя видны были въ твореніяхъ Шиллера, при высокой любви къ добру и ка-

комъ-то суевѣрїи чести. Довольно для того, чтобы увлечь толпу, но не довольно для самого поэта, если онъ сознаетъ свое высокое призваніе, хоть темно, хоть безотчетно чувствуя, что не здѣсь тайна созданія твореній великихъ. Гдѣ же она? Шиллеръ самъ безжалостно осудилъ своихъ «Разбойниковъ», когда они сводили съ ума современную молодежь. «Странное недоразумѣніе жребія заставило меня быть поэтомъ», говорилъ онъ, и осемь лѣтъ назначеніе мое боролось съ моею жизнью. Страсть поэзіи такъ же пламенна и бѣщена, какъ первая любовь. То, чѣмъ хотятъ затушить, только разжигаетъ ее болѣе. Спасаясь отъ моей жизни, я улеталъ въ міръ идеаловъ, когда міръ дѣйствительный оставался для меня невѣдомымъ, и я былъ отдѣленъ отъ него желѣзными затворами. Людей я не зналъ. Женщины были мнѣ неизвѣстны, потому что двери дома, гдѣ жилъ я, отпирались только для тѣхъ женщинъ, которыя еще не начинаютъ, или для тѣхъ, которыя уже перестали увлекать насъ. Не зная ни людей, ни чловѣка, моя мысль по-неволѣ должна была перейти черезъ посредствующую черту между ангелами и демонами, и я долженъ былъ создать чудовищъ, по счастью не существующихъ въ міръ. Желаю имъ добраго здоровья, только для того, чтобы они показывали примѣръ нелѣпости, какая рождается изъ соединенія несообразностей. Мое твореніе явилось передъ людьми, и люди должны были имъ оскорбиться. Извиненіемъ меня могутъ быть только обстоятельства, въ какихъ я находился. Изъ всѣхъ обвиненій, какимъ подверглось мое созданіе, съ однимъ я соглашаюсь, съ тѣмъ, что я началъ изображать людей, не зная ихъ. Мои «Разбойники» разлучили меня съ моимъ семействомъ и моимъ отечествомъ. Осудать ли меня? Въ томъ возрастѣ, когда голосъ большинства тревожитъ насъ, и управляетъ нашими чувствами и мыслями, когда кровь кипитъ при рукоплесканіяхъ, когда предчувствіе ве-

лѣція, ожидающаго насъ, тревожить душу, когда впереди видимъ мы безсмертіе, среди наслажденія первыхъ похвалъ, неожиданныхъ и не заслуженныхъ, которыми упояли меня со всѣхъ сторонъ Германіи—мнѣ запрещено было писать»....

Мечта юноши! Теперь ему *не запрещаютъ* писать; что жъ онъ *не пишетъ*? Онъ берется за великія творенія Шекспира и не постигаетъ ихъ! «Когда въ первый разъ читалъ я Шекспира, говорилъ Шиллеръ—меня возмутили холодность и безчувствіе, съ которыми онъ шутитъ въ самыя патетическія минуты, портитъ фарсами самыя раздирающія сцены Макбета и Лира, останавливается, когда всѣ чувства мои потрясены, и хладнокровно вырываетъ у меня сердце, едва оно затихло. Я читалъ и изучалъ Шекспира много лѣтъ прежде, нежели согласился съ его гениемъ. Я былъ еще не способенъ тогда схватывать природу съ перваго взгляду».

И такимъ образомъ началась новая борьба поэта съ самимъ собою. Цѣль жизни угадана, но все что указало на нее, отвергнуто, какъ были отвергнуты всѣ первоначальныя очерки, которые поэтъ осудилъ до рожденія ихъ. Странное положеніе: чувствовать силы создавать, и не уметь создавать! Новая драма Шиллера носится передъ нимъ въ неясныхъ образахъ, а между тѣмъ начинается другая драма—дѣйствительной жизни, новое ученіе—наука людей и страстей. Ты говорилъ, что ошибался представляя людей, изображая ихъ чудовищами, что они не ангелы и не демоны. Изучи же, узнай ихъ, узнай и то, что влечетъ ихъ въ небо и низвергаетъ въ адъ—узнай страсти людскія!

И когда голова Шиллера исполнилась мечтами объ искусствѣ, его окружаютъ люди, съ нимъ знакомятся ихъ отношенія, ихъ злость и дружба. Онъ хотѣлъ удалиться отъ сильныхъ и великихъ міра, но невольно увлеченъ къ нимъ; онъ мечталъ только о похвалахъ,

не теперь слышитъ и осужденія, горькія, несправедливыя, клеветы на свой умъ и сердце. Онъ испытываетъ при несправедливости осужденія и легкомысленность похвалъ, пустоту суждений, и бѣгаетъ въ бурныя почвы на берега Эльбы укрыться отъ людей и отъ самого себя...

Да, и отъ самого себя. Міръ принялъ скитальца въ свои объятія, и потребовалъ отъ него, чтобы онъ узналъ и раздѣлилъ все, что терзаетъ и мучитъ этотъ міръ; онъ облекъ его въ ядовитую одежду Деяниры, и поэтъ, хотѣвшій отъ всего отторгнуться, воображавшій себя Геркулесомъ непобѣдимымъ, почувствовалъ весь мученія тлетворнаго яду, терзающаго другихъ людей.

Много было говорено противъ критики и за критику. Вопросъ не о пользѣ, потому что она неоспорима. Но критика въ отношеніи къ даровацію великому, судя его, указывая ему, вѣрно или невѣрно, ошибки его, не поселаетъ ли въ немъ недоувѣрчивости къ самому себѣ, не отнимаетъ ли у него той смѣлости, которая необходима для свободныхъ созданій? Нѣтъ, отвѣчаемъ рѣшительно, потому что огромное, великое дарованіе всегда подписываетъ само себя такой строгій приговоръ, какого не подпишетъ никакой, самый угрюмый критикъ. Съ другой стороны поэтъ въ минуты творенія другой человѣкъ, и онъ столько же помнитъ тогда о справкахъ съ критикою, сколько о бумагахъ, на которую бросаетъ свою мысль, или о перѣ, о карандашѣ, которыми пишутъ? Но когда прошли эти святыя минуты самозабвенія, расчетъ поэта съ самимъ собою конченъ. Онъ безжалостенъ къ самому себѣ. Извѣстно однако жъ, что ни одинъ изъ тѣхъ, кто презиралъ критикою, кто менѣе всего могъ бояться ее, не могъ однако жъ безъ какого-то раздраженія браться за листочки рецензій. Тутъ совсѣмъ другое отношеніе. Самое великое дарованіе не того ли боится что выскажутъ собственное его мнѣніе объ его созданіи, скажутъ то, чего не смѣ-

еть онъ сказать самому себѣ? Но критики никогда не достигнуть до такой степени. Потому Байронъ, нетерпеливо пробѣгавшій всѣ статьи объ немъ англійскихъ Reviews, черезъ минуту бросалъ ихъ съ усмѣшкою, говоря: «Врутъ и ничего не понимаютъ!» Въ Шиллера возбуждалось еще особенное чувство — прискорбія, и чѣмъ несправѣдливѣе была рецензія, тѣмъ болѣе, не оскорбляла, но печалила его: онъ страдалъ не за себя, но за глупость и безсовѣстность людскую...

Переходы отъ труда къ бездѣйствію, отъ надежды къ отчаянію, отъ міра идеаловъ къ міру существованію, истерзали Шиллера. Онъ перепуталъ, перемѣшалъ всѣ свои ученія, мнѣнія, планы, предпріятія—онъ начиналъ наконецъ терять даже свое внутреннее религіозное убѣжденіе. Бѣдствія революціи заставили его съ ужасомъ отвергнуть идеи, какія составлялъ онъ себѣ нѣкогда о благоденствіи людей при новомъ порядкѣ общественномъ. «Германскій поэтъ, говоритъ Барантъ, напитанный ученіемъ важнымъ и строгимъ, которое переходитъ далеко за время юности его, дѣлается по потребностью и привычкою всей его остальной жизни, удаленный отъ развлеченій свѣта, предаанный всѣмъ размышленіямъ, всѣмъ сомнѣніямъ умственнымъ, всѣмъ тревогамъ сердца, живеть въ мірѣ доступномъ только тѣмъ, кто хотъ иногда возносился размышленіемъ къ жизни созерцательной. Не поэтическія ли они, эти внутреннія скорби и радости, спокойствіе и тревога, возбуждаемая въ насъ мыслью о судьбѣ человека, будущности, предоставленной ему, свободѣ его, колеблющейся между добромъ и зломъ, времени, мгновенно пролетающемъ, вѣчности, медленно приближающейся, и объ идеѣ, въ одно время необходимой и недостижимой, идеѣ Бога? Есть что-то трогательное и высокое въ характеръ поэта, который со всеми ощущеніями своими соединяетъ такія идеи и такіе образы, славяетъ ихъ съ своею любовью, находитъ ихъ въ

глубинѣ души и въ окружающей его природѣ, не умѣетъ ни любить, ни удивляться безъ обращенія къ неисчерпаемому источнику всякаго удивленія и всякой любви. Мы во Франціи не знаемъ такой внутренней жизни, мы не понимаемъ людей, бытіе которыхъ протекаетъ въ тяжкихъ душевныхъ переходахъ, въ томленіи скептицизма, въ скорби при видѣ ослабляющихся, или вовсе исчезающихъ убѣжденій, и въ безнокойномъ стараніи вновь приобрѣсти ихъ. Исторія того или другаго нѣмецкаго писателя, жизнь котораго протекла однообразно, который спокойно прожилъ ее въ городкѣ своемъ и въ семьѣ своей, бываетъ иногда скорбною цѣпью, рядомъ бурь и битвъ внутреннихъ въ его нравственныхъ идеяхъ и въ его вѣрованіи. У насъ, послѣ нѣкотораго времени, умы укладываются въ порядокъ мнѣній, котораго держится, или который раздѣляетъ большее, или меньшее число людей образованныхъ. Чувствуютъ себя поддержанными въ своемъ убѣжденіи, утѣшенными въ сомнѣніяхъ, или развлеченными въ равнодушіи. Но не такъ бываетъ, когда люди живутъ среди уединеннаго созерцанія. Глубокіе вопросы овладеваютъ всеми способностями, потрясаютъ всю душу ихъ, и не даютъ имъ покою. «Сколько безсонныхъ ночей провелъ я, сколько слезъ пролилъ!» говорилъ человекъ, который далеко не былъ, ни столь страстнымъ, ни столь отвлеченнымъ, какъ Шиллеръ. Это говорилъ Виландъ, рассказывая о томъ времени жизни, когда невѣріе вольнодумцовъ поколебало мистическое направленіе души его».

Къ довершенію безпорядка въ душѣ Шиллера присоединилась несчастная любовь. Онъ влюбился въ жену друга своего, былъ любимъ взаимно, считалъ себя преступникомъ передъ дружбою, разрушителемъ священныхъ обязанностей супружества, нашелъ силы пожертвовать любовью долгу, но кровавыми слезами заплатилъ за жертву. Подъ именемъ Ауры, ее всѣмъ

настинизмомъ суевѣрной любви воспѣвалъ Шиллеръ свою идеальную Лауру, смѣшивая риторику школы съ восторгами поэзии (*Phantasie an Laura, Laura am Clavier, die Entzückung an Laura, das Geheimniss der Reminiscenz, Melancholie an Laura, der Triumph der Liebe*; сюда можно причислить даже *Семелу*, драматическія сцены, гдѣ любовь Зевеса губитъ бѣдную любовницу его). «На крыльяхъ любви, восклицалъ Шиллеръ, будущее падаетъ въ объятія прошедшаго, *перемѣя* преслѣдуетъ въ быстромъ полетѣ супругу свою—*вѣчность!* Я слышалъ голосъ оракула, говорившаго, что некогда оно догонитъ ее, и когда время соединится съ вѣчностью, и загорѣвшеюся міръ будетъ ихъ брачнымъ свѣтильникомъ, тогда, Лаура, прекраснѣе заалѣетъ заря для любви нашей, и продолжится во всю брачную ночь ихъ—Лаура, Лаура! радуйся!» Но самое замѣчательное стихотвореніе, въ которомъ осталась память несчастной любви его, было *Resignation*, предметъ восторга его современниковъ, одно изъ любимыхъ въ Германіи лирическихъ произведеній, которое тамъ все знаютъ наизусть. Оно такъ оригинально, такъ хорошо высказываетъ состояніе Шиллера, что мы передаемъ *содержаніе* его въ прозаическомъ переводѣ:

«И я также въ Аркадіи родился, и надъ моею колыбелью также природа обѣщала радости—и я также въ Аркадіи родился, но мимолетная весна отдала мнѣ только слезы.

«Одежды дѣтвоты, и не возвращается май жизни; онъ для меня отидеть. Богъ молчанія—плачьте, братья—Богъ молчанія обращаетъ къ землѣ факелъ свой—и огонь его догасть.

«Здѣсь стою я на мрачномъ прагѣ твоемъ, обильная страхомъ Вѣчность! Возьми расписку свою на счастье—и приношу ее нераспечатанную: я не зналъ счастья.

«Передъ тронъ твой несу мои сѣтованія, безвѣстная богиня! На землѣ есть утѣшительное преданіе, будто ты царствуешь здѣсь съ вѣсами правосудія, и награждаешь по достоинству.

«Здѣсь, говорятъ, страхъ ожидаетъ зло, и радости суждены добрымъ. Ты раскроешь покрывало сердца, изъяснишь мнѣ загадку судьбы, и зачтешь мнѣ мои страданія.

«Здѣсь найдутъ убѣжище изгнанники, здѣсь кончится терпимый путь терпѣнія. Дочь боговъ, которую называютъ мнѣ *Истиною*, которой большее число убѣгаетъ, которую знаютъ немногіе, связала жизнь мою тяжкими узами.

«Я заплачú тебѣ въ другой жизни — отдай мнѣ твою юность. Ничего не могу я дать тебѣ, кромѣ такого обѣщанія». Я взялъ у нея обѣщаніе на другую жизнь, и отдалъ ей юношескія радости.

«Отдай мнѣ женщину, столь дорогую твоему сердцу, отдай мнѣ твою Лауру. Скорбь твою награжу я за гробомъ». Я вырвалъ ее изъ растерзаннаго, окровавленнаго сердца, рыдалъ и отдалъ ее.

«Требуй уплаты по распискѣ у Смерти!» насмѣшливо говорилъ мнѣ свѣтъ. — «Ложь, подкупленная самовластіемъ, выдала тебѣ привидѣніе за истину, и ты ничто, едва привидѣніе исчезнетъ.

«Ядовитая насмѣшка преслѣдовала меня. «Передъ предразсудкомъ, освященнымъ годами трепещешь ты? Чтò такое твои боги, если не хитрая и произвольная развязка міра, которую умъ человѣческій придумалъ для человѣка?

«Чтò называешь ты будущимъ, которое закрыто гробомъ, вѣчностью, о которой столько говорятъ? Почтенная, потому что закрыта, исполнская тѣнь нашего страха, отразившаяся въ зеркалѣ нашей тревожной совѣсти!

«Ложное изображеніе жизни, мумія времени, сохранный бальзамировкой надежды въ могильномъ холодѣ.

«А надежда — разрушеніе обличаетъ ложь. И ты отдаешь за нее вѣрныя блага? Шесть тысячъ лѣтъ молчитъ смерть, и пришелъ ли кто изъ могилы увѣрить въ воздаліи?»

«Я видѣлъ время улетающимъ на берега твои. Цвѣтушая природа осталась послѣ него обезображеннымъ трупомъ,

ни одинъ мертвецъ не приходилъ ко мнѣ изъ могилы, но — твердо вѣрилъ я священному обѣщанію.

«Всѣми радостями пожертвовалъ я, и теперь повергаюсь передъ твоимъ правосуднымъ престоломъ. Я презрѣлъ насѣшны толпы, и только твои блага считалъ сокровищами. Ты, обѣщавшая воздаяніе! я требую награды!

«Равною любовью люблю я дѣтей монхъ,» говоритъ мнѣ незримый геній, «и два цвѣтка, внимайте, сыны земли, два цвѣтка есть для мудраго искателя — они называются: *Надежда* и *Наслажденіе*.

«У кого одинъ изъ нихъ, не требуй другаго. Наслаждайся, кто не можетъ вѣрить. Это ученіе вѣчно, какъ міръ. Жертвуй, кто можетъ вѣрить. Исторія міра есть судъ міра.

«Ты *надьялся*, и ты получилъ плату: твоя *вѣра* была твоимъ счастіемъ. Спроси вашихъ мудрецовъ. Чего не заплатило мгновеніе, того не возвратитъ Вѣчность»

Въ этотъ тревожный періодъ жизни, Шиллеръ перепробовалъ всѣ роды занятій, отъ лирической бездѣлки до обширной трагедіи; начиналъ романъ, принимался за драму, писалъ исторію, переводилъ Шекспира, брался за комедію, и все бросалъ неконченное, едва начатое. Послѣ долгаго размышленія надъ своимъ «Разбойниками,» которыхъ хотѣлъ онъ, то дополнить, то переделать, онъ оставилъ ихъ, какъ они были. «Они похожи на шалуна, у котораго добрыя качества зависятъ, можетъ-быть, отъ его шалостей, а исправляя его, мы только уничтожимъ въ немъ хорошее, не сдѣлавши его добрымъ», говорилъ Шиллеръ. Какъ легко могла тогда погибнуть пламенная, младенческая, всемъ увлекаемая душа поэта! Его спасло чувство, которое прежде доводило его до безумія—любовь. Чѣмъ пожертвовалъ Шиллеръ Лауръ, то возвратила ему Шарлотта, милое, доброе созданіе, съ любовью кроткою и нѣжною, съ душою, доступною всему прекрасному. Она увела его подъ тихій кровъ семейнаго счастья—онъ не пѣлъ ее въ стихахъ своихъ—

Счастливы вѣчно молчаливы,
Одно несчастіе крикунъ!

Но онъ любилъ ее и былъ счастливъ. Зато изъ прежняго міра своего, кромѣ любви Шиллеръ вынесъ только одно—убѣжденіе въ святомъ чувствѣ неба. Остальное все было потеряно. Онъ разочаровался даже въ мечтѣ быть поэтомъ, убѣдился въ недоступности тайнъ неба, человѣка и природы, рѣшился быть только семьяниномъ и полезнымъ трудомъ своимъ членомъ общества. Онъ примирился съ людьми, какъ съ избалованными, несчастными дѣтьми—онъ научился прощать имъ, жалѣть объ нихъ. Его звали ко двору—онъ отказался, какъ отказался отъ двора Клопштокъ, мирно доживавшій вѣкъ съ своею Минною. Шиллеръ, супругъ и отецъ, профессоръ Іенскаго университета, издатель книгъ и альманаховъ, счастливый въ своемъ садикѣ послѣ лекцій, добрый бюргеръ за рюмкою рейнвейна. Не троньте его ни судьба, ни люди. Дозвольте ему довольствоваться тихимъ пріютомъ на землѣ, съ надеждою неба за могилою. Люди и оставили, даже почтили Шиллера. Судьба льзветъ его, но самъ себя оставить ли онъ въ покоѣ? Удовольствуется ли его бурная душа мнимымъ спокойствіемъ и забвеніемъ своего призванія? Отъ чего же странная жизнь его? Для чего тяжкая, непрерывная работа его? Откуда и грусть о прежнемъ, тревожномъ состояніи своемъ, выражаемая въ унылыхъ звукахъ, какъ-будто онъ жалѣетъ объ немъ?

Изъ всѣхъ сочиненій Шиллера того времени самыя замѣчательныя, по отношенію къ поэту, создавшему ихъ, два. Одно изъ нихъ *Идеалы* (die Ideale.) Оно переведено Жуковскимъ въ прелестныхъ стихахъ, хотя въ нихъ не сохранены рѣзкія черты подлинника, нѣтъ и его *образности*, такъ сказать, или пластики, о чемъ поговоримъ мы далѣе, прилагая здѣсь переводъ Жуковскаго, потому что при всѣхъ недостаткахъ онъ вполне

сохраняетъ мысль подлинника, и можетъ служить намъ примѣромъ для сужденій обо всемъ, что переводилъ изъ Шиллера Жуковскій. Вотъ переводъ *Идеаловъ*:

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
 Съ мечтами, радостью, тоской,
 Куда полетъ свой устремила?
 Неумолимая! постой,
 О дней моихъ весна золотая,
 Постой!... Тебѣ возврату нѣтъ —
 Летитъ, молитвѣ не внимая,
 И все за ней помчалось вслѣдъ!

О, гдѣ ты, лучъ путеvodитель
 Веселыхъ юношескихъ дней?
 Гдѣ ты, надежда, обольститель
 Неопытной души моей (*)?
 Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры мною
 Къ твореньямъ пламенной мечты —
 Добыча истинѣ унылой
 Призраковъ древнихъ красоты.

Какъ древле рукъ своихъ созданье
 Боготворилъ Пигмаліонъ,
 И мраморъ внялъ любви стenanье,
 И, мертвый, былъ одушевленъ,
 Такъ пламенно объята мною
 Природа хладная была,
 И полная моей душою,
 Она подвиглась, ожила.

(*) Здѣсь въ первомъ изданіи «Идеаловъ» были еще восемь стиховъ, которые потомъ исключилъ Шиллеръ, но они замѣчательны, особенно въ четыре послѣдніе:

Die schöne Frucht, die kaum zu keimen
 Begann, da liegt sie schon erstarrt,
 Mich weckt aus meinen frohen Träumen
 Mit rauhem Arm die Gegenwart.

Die Wirklichkeit mit ihren Schranken
 Umlagert den gebund'nen Geist,
 Sie stürzt die Schöpfung der Gedanken,
 Der Dichtung schöner Flor zerreisst.

И юноши дѣля желанье,
 Нѣмая обрѣла языкъ,
 Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
 И сердца гласъ въ нее проникъ.
 Тогда и древо жизнь пріяло,
 И чувство ощутилъ ручей,
 И мертвое отзывомъ стало
 Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
 Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
 Картиной, звукомъ, выраженьемъ
 Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
 И въ вѣжномъ сѣмени сокрытой,
 Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ!
 Но, ахъ! сколь мало въ немъ развито,
 И малое—сколь бѣднѣй цвѣтъ! (*)

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою,
 Волшебнымъ очарованъ сномъ,
 Заботъ несвязанный уздою,
 Я жизни полетѣлъ путемъ.
 Желанье было — исполненье!
 Успѣхъ отвагу пламенилъ —

(*) Здѣсь въ первомъ изданіи слѣдовало живописное сравненіе стремленія поэта къ природѣ съ стремленіемъ воды въ океанъ:

Wie aus des Berges stillen Quellen
 Ein Strom die Urne langsam füllt,
 Und jetzt mit königlichen Wellen
 Die hohen Ufer überschwillt;
 Es werfen Steine, Felsenlasten
 Und Wälder sich in seine Bahn,
 Er aber stürzt mit stolzen Masten
 Sich rauschend in den Ocean!

So sprang, и прочее, какъ въ послѣдовавшихъ потомъ изданіяхъ.
 Вся такіа измѣненія любопытны для умнаго наблюдателя.

Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крылъ.

И быстро жизни колесница
Стезю младости текла;
Ее воздушная станция
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ Счастьемъ ключомъ,
И Слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ Истиною лучомъ.

Но, ахъ! еще съ полу-дороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги —
За роемъ вслѣдъ умчался рой.
Украдкой Счастье сокрылось,
Измѣной Знаніе ушло,
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной Истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный Славу похищаль,
И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ любви увялъ.
И все пустынно, тихо стало,
Окрестъ меня и предо мной,
Едва Надежды лишь сіяло,
Свѣтило надъ моею тропой.

Но кто жъ изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ,
Мой до могилы провожатай,
Участникъ радостей и бѣдъ?
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, Дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ!

И ты, товарищъ мой любимый,
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, Трудъ неутомимый,
Кому святая власть дана

Всегда творить, не разрушая,
 Мирить печальнаго съ судьбой,
 И силу въ сердцѣ водворяя,
 Беречь въ немъ ясность и покой.

Другое стихотвореніе показываетъ взглядъ Шиллера въ то время на знаніе: эта *Закрѣтый истуканъ въ Саисѣ* (das verschleierte Bild zu Saïs). Поэтъ рассказываетъ извѣстную легенду о погибели дерзкаго, осмѣлившагося заглянуть подъ покрывало, которымъ закрытъ былъ истуканъ Изиды въ египетскомъ, Саисскомъ храмѣ. Мы приводимъ русскій переводъ довольно вѣрный, хотя далеко не передающій мелодическихъ стиховъ подлинника:

Юноша, жадной познаній влѣкомый, въ древній Египетъ,
 Въ храмъ Саискій пришелъ, у жрецовъ изучаться желая
 Тайнамъ премудрости. Много онъ степеней быстро и скоро
 Пылкимъ умомъ пролетѣлъ, и всегда испытующимъ ду-
 хомъ

Рвался впередъ: іерофанты едва за нимъ успѣвали:
 Въ нетерпѣливомъ стремленіи — «что я знаю, скажите,
 Если *всего* я не знаю?» Такъ восклицалъ въ нетерпѣшии.
 «Или и въ мудрости также найду я немного и много?
 Или и мудрость земная, какъ счастье неполно земное,
 Есть собранье познаній, которымъ и больше и меньше
 Можемъ мы обладать, и всегда къ обладанью стремиться?
 Развѣ мудрость не есть единое вѣчнаго духа?
 Звукъ одинъ уничтожь — и разрушишь гармонию звуковъ;
 Цвѣтъ единый изъ радуги вынь — и все остальное
 Хаосъ нестройный, если прекрасное *все* не дополнить
 Вновь, полнотою небесной гармоніи, цвѣта и звука!»

Такъ говорилъ онъ съ жрецомъ, и въ храмъ отдален-
 ный вступаетъ.

Тихо было въ храмѣ, и жадные юноши взоры
 Вдругъ засверкали: предъ ними гигантскій, закрытъ покрыва-
 ломъ,

Въ мракѣ стоитъ истуканъ. Въ изумленіи юноша пылкой.
Онъ вопрошаетъ вожатаго: «Что̀ это? Что̀ здѣсь закрыто?
— Истина — такъ іерофантъ отвѣчаетъ. «Что̀ слышу? Что̀
внемлю?»

Юноша быстро воскликнулъ. «Истина! Къ ней я стремлюся —

Здѣсь предо мною она, и ее отъ меня закрываютъ!»

— Такъ судьбамъ всевышнимъ угодно — жрецъ отвѣ-
чаетъ.

Смертный никто, да не смѣетъ — изрекъ оракула голосъ —
Вскрыть покрывало, доколѣ я самъ его не открою.

Кто жъ святотатской, преступной рукою посмѣетъ, дотолѣ
Тайное, вскрыть покрывало, безумною волей ведомый,
Тотъ — «Окончи скорѣе!» — Увидитъ Истины образъ....

«Странный оракулъ! Но ты мнѣ повѣдай: ужели донынѣ,
Ты никогда не дерзнулъ поднять, открыть покрывало?»

— Я? никогда не дерзнулъ и помыслить, и смѣю ль помы-
слить....

«Буду смѣлѣе тебя, и могу ль удержаться: предъ мною
Истина съ легкой завѣсой». — Но вспомни прещеніе Бога —
Такъ возразилъ ему жрецъ — и помысли, о сынъ мой, по-
мысли:

Если бременемъ легкимъ рукъ твоей будетъ завѣса —
Тяжко на землю падетъ преступленье божественной воли!—

Полный думы тяжелой, юноша въ домъ возвратился.
Жажда палаящая знанія сонъ похищаетъ спокойный.
Онъ на одрѣ не находитъ покоя, горитъ нетерпѣньемъ....
Въ часъ полуночи оставилъ онъ одрѣ свой. Къ храму
влечется

Робкимъ и косвеннымъ шагомъ, невольно робѣя во мракѣ;
Безъ затрудненія онъ переходитъ оградіе храма,
И — въ средину храма заноситъ дерзкую ногу.... Сверши-
лось!

Вотъ онъ одинъ, посреди, окруженный мертвымъ молчань-
емъ,

Въ сумракѣ храма; все тихо вокругъ, только въ сводахъ
высокихъ
Шорохъ шаговъ его вторится въ звукахъ глухихъ и неслы-
шныхъ,

Храма безмолвіе онъ нарушаетъ, и тихнетъ мгновенно.

Сверху сводовъ, въ окно, свѣтитъ мѣсяць туманный, не-
ясно,

Блѣднымъ лучомъ серебрится помость обширнаго храма—
Ужасъ всееля, какъ богъ преступленія мститель, во мракѣ,
Длиннымъ закрытъ покрываломъ, стоитъ истуканъ несо-
линскій.

Робкой стопой подошелъ къ нему юноша тихо — онъ хо-
четъ

Дерзкой рукой спросить неиспытнаго страшную тайну;
Холодъ и жаръ протекли по костямъ его — будто безвѣст-
ной

Онъ отодвинуть десницей — и съ трепетомъ вспать от-
ступаетъ!

«Что ты дерзаешь? Куда, несчастный безумецъ?» Такъ
громко

Тайный въ душѣ его голосъ ему вопіетъ — «не трепещешь
Ты испытать непостижную тайну? Но вспомни глаголы —
Рекъ ихъ оракулъ священный: смертный никто, да не смѣетъ
Вскрыть покрывала, пока я самъ покрывала не вскрою!

Но не тотъ ли оракулъ прибавилъ глаголъ вдохновенный:
Если осмѣлится смертный — онъ Истину узритъ? Довольно —
О, что ни будетъ за сею завѣсой — я вскрою, увижу!»

Громкимъ воскликнулъ онъ голосомъ: «Видѣть хочу!» И —
... «Видѣть!

Глухо отгрянуло въ сводахъ, и долго гулъ не утихнулъ....
Рекъ, приблизился смѣло, и — вскрылъ покрывало завѣта....

Что онъ увидѣлъ? вы спросите. — Что онъ нашелъ? — Я
не знаю.

Слабый, безъ чувствъ, онъ найденъ былъ жрецами заут-
ра во храмѣ,

Близъ истукана Изиды, повергнуть во прахъ на помостъ. Что онъ видѣлъ? Что онъ нашель? Никому не повѣдагъ Косный языкъ его. Онъ навсегда погубилъ свою младость: Мрачный, погасшій, онъ скорбью увлекся къ раннему гробу. «Горе,» такъ онъ изрекъ въ минуту кончины правдиво, «Горе тому, кто мудрость купилъ преступленьемъ закона: Онъ не радостной — страшной, погибельной тайной вла- дѣть....»

Но дерзкій ученикъ египетскихъ іерофантовъ купилъ познаніе истины цѣною преступленія. Тотъ не погибнетъ, кто ищетъ ее трудомъ, наукою, вѣрою во все прекрасное, доброе, великое. Онъ, можетъ-быть, заплатитъ за нее жизнью, но зато умретъ съ сознани- емъ, что исполнилъ *призваніе* свое, съ надеждой тамъ, гдѣ отчаяніе терзаетъ счастливца міра. Такъ сбылось съ Шиллеромъ.

Съ переселеніемъ его въ Іену начался третій періодъ жизни его, время самое счастливое. Услаждаемый любовью, онъ былъ утѣшенъ всеобщимъ уваженіемъ. Онъ увидѣлъ и узналъ любовь, дружбу и славу. Надобно было судьбѣ соединить окрестъ него столько счастли- выхъ обстоятельствъ: милую жену, добрыхъ друзей, тихое довольство, людей высокаго образованія, страст- ныхъ просвѣщенія и образованности, и даже дворъ, напоминавшій что-то патріархальное, добродушно- германское, гдѣ новая драма была государственнымъ событіемъ, новое произведеніе искусства дѣломъ всѣхъ занимавшимъ. Не роскошествуя на собраніе мертвыхъ драгоценностей, какъ дѣлали въ Дрезденъ, не поку- вая античныхъ обломковъ, какъ въ Мюнхенъ, герцо- гиня Амалия, и добродѣтельный, просвѣщенный сынъ ея, герцогъ Карлъ Августъ, искали живой бесѣды мудрыхъ, собирали около себя поэтовъ, любили гер- манскихъ музъ, и покровительствовали имъ не тѣмъ

только, что давали имъ пенсію и награды. Дворскій этикетъ былъ забытъ; любимые собесѣдники герцога Веймарскаго и матери его были ученые и литераторы, когда Гёте былъ министромъ ихъ, Виландъ воспитателемъ дѣтей герцога, Гердеръ придворнымъ проповѣдникомъ.

Мы говорили объ обществѣ, въ которомъ жилъ Шиллеръ, о занятіяхъ и образѣ жизни его въ Іенѣ. Здѣсь обратимъ вниманіе только на тѣ отношенія, какія жили на него сильнѣйшее вліяніе съ 1789 по 1799 годъ, когда онъ переселился въ Веймаръ, и которыя *выработали*, такъ сказать, изъ него то, чѣмъ является онъ при концѣ земнаго поприща.

Конечно, первымъ должно поставить вліяніе Кантовой философіи на Шиллера, потому что трудно себѣ вообразить важность переворота, произведеннаго на умы Германцевъ и отразившагося на всю Европу отъ новыхъ, живительныхъ идей кѣнигсбергскаго мудреца. Чтѣ же должна была чувствовать впечатлительная душа Шиллера? Мы не будемъ здѣсь стоять ни за нѣмецкую философію, ни за философію вообще, тѣмъ болѣе, что Кантова философія была только критикою философическихъ идей. Мы сравнимъ только занятіе философіею съ наслажденіями купанья въ морѣ и укажемъ на возвышеніе самаго подвига Кантова, которая увлекла Шиллера въ неизвѣстный ему міръ. Она не рѣшила ему сомнѣній религіозныхъ, не опредѣлила его направленія художческаго, но она развила объемъ идей его, убѣдила въ нелѣпости скептицизма, показала благородное направленіе ума человѣческаго въ трудъ, которымъ долженъ онъ купить познаніе, покорить нау-

ку. Она возвысила передъ Шяллеромъ нравственное достоинство человека, убѣждая его силою ума въ бессомнѣе происхожденіе его, не доказывая этой высокой истины отверженіемъ перваго и единственнаго отличія человека отъ животныхъ, ума, не связывая воли его безусловнымъ повиновеніемъ угрюмому догмату, прежде всякаго изслѣдованія.

Но то, чего могъ лишить поэта философъ Кантъ, съ избыткомъ вознаграждалъ ему, нѣкогда ученикъ, тогда противникъ Канта—явленіе высокое и утѣшительное въ мірѣ мысленія, отрадное въ мірѣ поэзіи: мы говоримъ о *Гердерѣ*. Зная имя его, въ Россіи весьма мало знаютъ его многочисленныя, разнообразныя творенія. Уступая въ силѣ мысли Канту, служитель религіи, онъ шелъ въ философіи изъ противоположной точки зрѣнія, радужными цвѣтами поэзіи облакалъ уроки исторіи, и тамъ, гдѣ неумолимый Кантъ обращался къ силлогизму ума, онъ извлекалъ доказательства изъ взры сердца, можетъ-быть еще болѣе убѣдительною, нежели доказательства логики, если она озвѣщена свѣтомъ ума. Необытная ученость философа Канта замѣнялась у Гердера энциклопедическимъ образованіемъ поэта, и приводя къ единству идеи историческія, такъ же къ единству приводилъ онъ безчисленныя звуки, которыми отозвалась въ мірѣ поэзіи. Гердеръ знакомилъ Германію съ Шекспиромъ и Кальдерономъ, съ востокомъ и сѣверомъ. Какъ человекъ, въ противоположность Канту, уединенному, суровому, сдержанному, Гердеръ былъ весь любовь, весь чувство.

Къ Канту и Гердеру присоединился еще одинъ че-

ловѣкъ необыкновенный, мистикъ въ сердцѣ, эпикуреецъ въ твореніяхъ, стоикъ въ жизни, роскошный любимецъ граціи, германецъ душою и житель Аѳинъ по образованію, сохранившій до глубокой старости беззаботную веселость младенца — *Виландъ*, бывшій двадцатью пятью годами старше, и осьюю годами пережившій Шиллера. Его остроумная насмѣшливость, его страсть къ міру древнихъ, его критическое наблюденіе увлекали Шиллера въ поэтическую область искусства древнихъ, знакомили съ изученіемъ пластическаго взгляда ихъ на природу. Если Кантъ указывалъ поэту на безконечную область вѣдѣнія, Гердеръ наполнял ее идеями, Виландъ уводилъ Шиллера къ юности человечества.

Обращаемся наконецъ къ тому, кто болѣе всѣхъ другихъ способствовалъ перевоспитанію Шиллера — то былъ *Гёте*.

Не мѣсто здѣсь изображать исполненной образъ человѣка, втеченіи шестидесяти лѣтъ пережившаго и перечувствовавшаго всѣ идеи, всѣ впечатлѣнія своего времени. Не замѣчательно ли, что если Гёте не понравился Шиллеру при первомъ свиданіи, Шиллеръ также не понравился Гёте, считавшему его безразсуднымъ мечтателемъ? Уже въ бытность Шиллера въ Іонъ, печальный разговоръ послѣ засѣданія ученаго общества сблизилъ ихъ. Съ-тѣхъ-поръ дружба ихъ продолжалась до кончины Шиллера, и едва-ли Шиллеръ не былъ единственнымъ исключеніемъ, для котораго Гёте нарушилъ недоступность сердца, и безстрастіе, въ чемъ полагалъ онъ высшую степень силы человѣческой. Гёте съ восторгомъ смотрѣлъ на Шиллера, какъ

на истинный идеалъ поэта, изучалъ въ немъ святое чувство поэзии, и самъ оживалъ новою жизнью въ бесѣдѣ съ нимъ. Въ 1794 году писалъ онъ Шиллеру: «Всегда удивлялся я тѣй прямодушнѣй и столь радкой добросовѣстности, которая видна во всемъ, что вы пишете и дѣлаете, и отъ васъ самихъ хочу я узнать переходы вашего духа, особенно въ послѣдніе годы». Черезъ четыре года потомъ Гёте говорилъ Шиллеру: «Если я былъ для васъ представителемъ внѣшняго, вы отвлекли меня отъ внѣшняго къ внутреннему изученію самого себя — вы создали мнѣ вторую юность — снова сдѣлали меня поэтомъ». Все, что писалъ Гёте, посылалъ онъ Шиллеру, руководствовался его совѣтами, сообщалъ ему свои планы, идеи, мысли, чувства, сочинялъ съ нимъ вмѣстѣ, и вдохновеніи сердца его слушался болѣе рѣшеній собственнаго ума. Но зато онъ показалъ Шиллеру дѣтское мелочничество современнаго искусства, научилъ его презирать то, что «всѣ хвалятъ, кромѣ самого художника», научилъ его «не жалеть о томъ, чего у насъ нѣтъ, и цѣнить то, что мы имѣемъ», дорожить мыслью, и предоставлять все остальное случаю и времени. Гёте открылъ Шиллеру великую тайну простоты творенія при самопознаніи, и тайну самобытности духа среди внѣшнихъ впечатлѣній. Онъ показалъ ему сущность изящнаго, видимую въ твореніяхъ древнихъ, чего не могли объяснить ни Виландъ, ни эстетика.

И среди столь различныхъ элементовъ изученія, при неуспѣшномъ трудѣ, созрѣлъ геній Шиллера.

Тихою грустью сердца сдѣлались его прежніе порывы скорби, мирнымъ весельемъ души стали его необузданные восторги. Онъ вышелъ миръ между идеалами!

и существенностию въ разнообразныхъ явленіяхъ жизни, хотя иногда прорывалась невольная жалоба изъ его болейшей груди. Вотъ замѣчательное стихотвореніе, которымъ встрѣтилъ онъ новый, столь много обещавшій, столь мало исполнившій, девятнадцатый вѣкъ:

«Благородный другъ! гдѣ найдутъ себѣ убѣжище миръ и свобода? Въ буряхъ кончился вѣкъ протекшій, и смертию являетъ себя новый вѣкъ

Разорваны связи между народами, сокрушились прежнія формы, и бѣшенства войны не смирили ни Океанъ, ни богъ Нила, ни древній Рейнъ.

Два могучіе народа спорятъ о владычествѣ надъ міромъ, и двигаютъ молніями и трезубцами, уничтожая свободу всѣхъ другихъ народовъ.

Всѣ должны нести имъ золото, и какъ древле Бреннъ, Франкъ кладетъ булатный мечъ свой на вѣсы справедливости.

Торговые флоты свои простираетъ повсюду Британецъ, какъ многорукій полупъ, и область свободной Америки хочетъ замкнуть, какъ закинулъ свое царство.

До безвѣстныхъ звѣздъ южнаго полюса простираетъ онъ набѣгъ, захватываетъ острова и побережья, и — нигдѣ не находитъ рая.

Ахъ! тщетно на картѣ земли будешь ты искать счастливой страны, гдѣ были бы вѣчно зеленѣющіе сады радости и продолжалась прекрасная юность человечества.

Безмолечно разстилается передъ тобою міръ, и едва можетъ самое мореплаваніе измѣрять его, но на его неизмѣримой поверхности нѣтъ мѣста и десяти счастливымъ.

Въ святое уединеніе сердца долженъ ты бѣжать отъ волненья міра! Радость осталась только въ области ментаній, а прекрасное цвѣтетъ только въ пѣснопѣніяхъ!»

Руководимый Гёте, Шиллеръ перенесъ многогостроннюю дѣятельность науки въ единство труда, въ всеобъемлемость духа въ созданіи поэтическія. Но въ идеалахъ искалъ онъ теперь жизни, но научился въ

образы жизни оторвать идеалы, и воссоздавать по-
лучшею фантазію поэта живые образы ея. Валлен-
штейнъ что былъ плодомъ мысли, возведенной въ
художественное твореніе. *Марія Стуртъ*, *Орлеанская
Дѣва*, *Медонская Невѣста* были твореніемъ генія, со-
зидавшаго себя и жизнь. *Вильгельмъ Тель* явился по-
сѣднимъ выраженіемъ плодотворной мысли поэта,
который понималъ тогда Шекспира. Такимъ долженъ
былъ быть и его *Далатрій Самозванецъ*, котораго
хотѣлъ доиздать Гёте по смерти друга своего.

Гёте не присутствовалъ при смертномъ одрѣ Шил-
лера. Онъ самъ былъ тогда боленъ, и отъ него скры-
вали опасность и смерть Шиллера, котораго встрѣтилъ
онъ за нѣсколько дней, выйдя подышать свѣжимъ
воздухомъ весны. Шиллеръ, уже больнѣй, шелъ въ
театръ. «Я потерялъ друга», писалъ Гёте черезъ мѣ-
сяцъ по смерти Шиллера, «и въ немъ потерялъ поло-
вину моего бытія. Мнѣ надобно бы теперь начать но-
вый образъ жизни, по въ мои годы это невозможно.
Смотрю на грядущіе дни не думая о себѣ, дѣлаю что
ближе коннѣ, и ничего не предполагаю для завтра...
Мнѣ предлагаютъ торжествовать память умершаго
театральнымъ праздникомъ—люди изъ всякой потери и
всякаго несчастія дѣлаютъ себѣ забаву (einen Spass
herauszubilden suchen)»...

Заклучимъ указаніемъ на одно изъ послѣднихъ
стихотвореній Шиллера—«*Прощаніе съ читателемъ*»,
которое начинается онъ словами: «Умолкла муза, и
съ дѣвственною стыдливостію ждетъ приговора, кото-
рый чтить она, но котораго не боится. Она чув-
ствуетъ себя достойною вѣнка изъ рукъ того, въ чьей
груди бьется сердце для взящаго».

«Не долго хотятъ жить мои пѣсни, говорилъ уны-
лый поэтъ» не долго—пусть только порадуется ими
чувствующее сердце, которое окружаютъ они созда-
ніями фантазіи и побудятъ къ высокимъ сочув-

стадамъ. Не хотятъ они устремляться къ отдаленному потомству. Мгновенно рожденные, они улетаютъ съ полетомъ времени, окруженные легкимъ хоромъ часовъ!

«Пробудилась весна, и на согрѣтыхъ солнцемъ лугахъ возбуждена свѣжая жизнь; жадно пьеть ее прѣзбеніе, и подъ небесами раздаются веселые хоры павловъ; старецъ и юноша свѣшать наслаждаются вѣяньемъ весны и веселить слухъ и зорь».

Der Lenz entflieht! Die Blume schießt in Samen,
— Und keine bleibt von allen, welche kamen...

«Пролетѣла весна; цветы превратились въ стѣмена, и никто не остается изъ тѣхъ, которые приходили.

«Какія стѣмена принесла человечеству весна поэтической жизни Шиллера? Что осталось отъ него въ сокровищницѣ поэзіи? Переходимъ къ его твореніямъ. Поэта мы теперь знаемъ.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

ФЕВРАЛЬ, 1844.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

ЭХО ВЕРЕГОВЪ СОСНЫ. *Стихотворенія* И. Сулова. Москва, 1844, въ тип. университетской. Двѣ части, стр. 149—158.

Шумить Сосна широкая, и съ живописныхъ береговъ ея несутся къ намъ разныя эхи. Ахъ! какихъ тамъ нѣтъ эхъ! Есть эхи сердитые, эхи вѣжливые, эхи печальные, эхи радостные. Одно эхо говоритъ прозою, что, авторъ живетъ въ деревнѣ, «на берегу Сосны, которая протекаетъ въ орловской губерніи и, на границѣ елецкаго уѣзда, впадаетъ въ рѣку Донъ». А другое эхо отвѣчаетъ тому эху акростихомъ: — А у нашего автора есть жена *Грушенька!*.... Третье эхо вѣщаетъ, что у нихъ есть дочь *Машенька*. Изъ четвертаго раздастся интересное извѣстіе, что брата ихъ зовутъ *Орестомъ любезнымъ*. По свидѣтельству прочихъ эхъ, авторъ воспитывался въ *Дворянскомъ Полку*, попалъ въ 1812 году въ *Лобановское ополченье*, дошелъ до *Дрездена*, потомъ квартировалъ въ *Клину*, былъ въ

Т. LXIII. — Отд. VI.

1

области Ирана, за Балканами «зарубилъ сто замѣтокъ на челахъ сыновъ Ислама», и теперь пишетъ стихи — эхи. Вотъ, примѣрно сказать, эхи, которымъ берега Сосны оглашаетъ ракъ. Авторъ, въ дѣтствѣ, пошелъ купаться и ракъ имѣлъ несчастіе укусить его. Ракъ былъ въ отчаяніи, но авторъ не вынулъ его слезамъ, — раздавилъ дерзкаго чрепокожного:

«Я думалъ — прекрасно
Такъ раку отистить,
Анъ лучше бы было
Его мнѣ простить».

Вѣдь раки не люди,
Не знаютъ того,
Ужъ могутъ крѣпко
Поранить кого.

Природа дала мнѣ
Истинникъ, а не умъ,
У мнѣ нѣтъ разсудка,
Нѣтъ дѣльныхъ тѣхъ думъ,
Которыми въ свѣтѣ

Свой радуеть ракъ,
Вънецъ всѣхъ звореній,
Съ душой человѣкъ.

Все это постигъ я
Ужъ поздно умомъ,
И вотъ какъ сперва мнѣ
Вручили о томъ:

Когда отъ сосѣдей
Узнала маманъ,
Какой я для рака
Былъ плотый тиранъ,

Велѣла Егоркѣ
Бережно пришить....
Милъ цѣлымъ сутки
Нельзя было спсть.»

Прямо отсюда прорастаетъ нравоученіе:

«Вотъ такъ-то...
Норакъ я въ проракъ,
И слышно осталася
Милъ намлменъ ракъ.
Но польза и въ этомъ,
Возскорно, видна:
И се мллмътъ себлмлмътъ
Есть цмъ блмлмъ....»

Бытля?.... Быть не может! Это, вѣроятно, ошибается: смыслу не выходитъ. Вѣрно, *битля*, а не *бытля*, — потому что —

«Когда бы березокъ
Егоръ не принесъ,
Читать этой сказки
Тогда бы не пришлось...»

Послѣ этого происшествія, благодаря искусной операциі Егорки, взбитая березками поэзія начала быстро подниматься въ голову автора, и лишь-только онъ былъ въ состояніи *състь*, — что, какъ извѣстно, случилось уже по истеченіи сутокъ, — стихи *ползли*сь изъ шеи рѣкою, шире Сосны, плавнѣе Доски:

«Наша адуль-ская гора
Осіла горній сродъ,
Надъ высокими холмами
Видѣть мѣсяца восходъ.
Спать и роши, и долины,
Тихи сѣлы и поля,
Только шьдится сквозь скрыны
Заняльенна я струя,
И какъ-будто кто порою,
Скрытъ воздушной пеленою,
Говорить вблизя меня....»

.....

Кусть шатнулся девясилъ,
Молодой пограсся дубъ:
Подхожу узнать, *чтѣ была?*
Колькѣ емъ всерудея съ клубъ!
Слышу, горлица воркуеть:
Это чашѣмъ онъ шьдметъ!
О дуждѣ дъ она тѣскуеть,
Про дубовъ дъ съ нимъ поеть?
Вижу, вижу тутъ впилися
Дѣй пчелы въ истокъ цвѣтѣя.
Тамъ на воздухъ понеслися
Два прекрасныхъ мотылка.
Въ тинѣ бросилъ черенъ цыпкой,
И почувъ клена вѣтѣ,
Тихо выползла улетка
Поглядѣтъ на Божій сѣтѣ.
Вотъ надъ зыбкою долиной
Влетѣя моцѣтъ худый стрѣй.
Вотъ комаръ, соверникъ львиной,

Водить танцы съ стрекозой:
 Прочь, крылатый волокита,
 Иль не слышишь ты, хитрецъ,
 Что къ былнякѣ, гдѣ ракета,
 Стрекозу зоветъ самецъ!
 Не тебѣ чета уберемъ,
 Весь блистаетъ, какъ лазурь,
 Изъ тебя онъ выбьетъ скоро
 Соблазнительную дыру!
 Заигралася плутовка,
 Къ ней летитъ ревнивый другъ,
 И чурюкнувши съ улеской
 На врага пустился обругъ;
 И соперникъ лъва задорный,
 Въ этой битвѣ — стыдъ и срамъ! —
 Обезкрыленный, пол-мертвый,
 Палъ въ добычу муравьямъ....»

И такъ далѣе, до безконечности. Такова, на берегахъ Сосны, природа, вообще. А вотъ какова тамъ дѣла, въ особенностяхъ:

«Сафиръ блестяль въ ея очахъ
 Лучемъ чувствительности мылкой,
 Сѣли розы на щекахъ,
 Уста цѣли улыбкой.
 Младые доконы ея
 Вились зорными струями,
 И арча жале у насъ
 Ноги легкими перстами!»

Но не должно думать, чтобы на берегахъ Сосны все было такъ пасторально, такъ нѣжно, такъ сафирно. Когда Сосна въ дурномъ расположеніи духа, то аги береговъ ея раздаются прегорькими эниграммами.

«Въ Москвѣ твой купленъ модный токъ,
 Жеманна Степаньда,
 Но ты и въ немъ — о жалкій рокъ! —
 Какъ дѣва Эменида!»

«Астахъ, ловець нашъ удалой,
 Далъ выиѣ грубую промашку:

Травилъ онъ волка за горой,
А затравилъ.... дворяншку!»

На берегахъ Сосны—кто бы подумалъ, судя по ея остроумнымъ эстамъ!—водятся даже плохіе стихотворцы.

ЭПИГРАММА.

«Лукавому нашъ Рюминъ вдался,
Знать за отцовскіе грѣхи:
Сверва съ ума собити собрался,
А тамъ пришло.... за отцами!»

Но авторъ эвъ уже скоронилъ его своею «эпиграфией»:

Умолкни, звукъ печальныхъ лръ!
Разсѣйся, громкихъ рюмъ создатель!
Подъ камнемъ смъ вкушаетъ миръ
Плохой поэтъ, дурной писатель.»

БАГИРЪ—ХАНЪ. *Татарское преданіе. Сочиненіе М. Горева. Вильно, въ тип. Гликсберга, 1842., стр. 36.*

«Тамъ, гдѣ съ шумомъ о скалы
Море бьетъ волнами,
И Кавказъ средь тонкой мглы
Дремлетъ подъ свѣгами;
Налъ лиманомъ, на брегахъ,
Съ крѣпкою стѣною,
Съ минаретами въ дворахъ,
Съ грубой пестротою,
Станъ бакинскій оживлялъ
Глушь природы дикой.
И на воды оылдалъ
Пальмами открытый....»

Тамъ жилъ Баиръ Крутой, и вздумалъ свататься на красавицъ, которую любилъ сынъ его.

«Смъ не вѣдалъ, что отецъ
Любитъ съ нимъ одну,
И съ ней свадебный стнецъ
Вилъ себѣ съ кручину.»

Пока сынъ вилъ свадебный вѣнецъ, *Баширъ Крутой* велѣлъ заковать его въ цѣпи и привезти къ себѣ невѣсту.

« Вотъ прошелъ недѣли крутъ
Время улетѣло,
Сдѣла желанье моею долготъ,
Сердце потрясаетъ.»

Невѣсту привезли, но она рѣшительно не хочетъ быть женой *Башира Крутого*. *Баширъ Крутой* сердится, —

« Предлагаю парочкою
Брѣмя ей ее ссрава,
Нето — страшное одосство
Ше го китюкала!»

Между-тѣмъ отецъ невѣсты, узнавъ злость *Башира Крутого*, собираетъ воиновъ, идетъ освободить сына, отдать ему дочь....

« Вдругъ, откуда на возлихъ
Хлынулъ рой разбойный,
Крики страшны раздались,
Вой вскинулъ народный.
« Нападаюшь на дворецъ
Воиновъ тма джикитъ,
И Зельмиринъ тѣмъ отецъ
Средь знаменъ разсекитъ.
Осаждаютъ горны валъ,
Въ двери, въ окна лѣдутъ,
И пробившись чрезъ подвалъ,
Слугъ Башира рѣжутъ.»

Но они ялыли поздно, потому что дѣва не дождалась ихъ, прыгнула съ горы, и —

« Алкоранъ одинъ лежалъ,
Свѣчка потушилась,
Дѣва жъ бѣдная со скалы
Въ морь утопилась.
Башира на холму стоитъ,
Памазинъкъ прибрежный,
Хавскій трупъ подъ ней лежитъ,
Мескыя пораженцы.
А Кавказъ подъ сѣдлою»

Изъ-за тучъ взираетъ,
Море какъ шумитъ волной,
Плещетъ и стонетъ.....»

и вѣрнее вѣдѣть береговъ Видѣн. Но, вѣтъ, еще не вѣ-
щакъ: слѣдуетъ «Эпилогъ» о томъ, какъ —

«Счетаю годы и вѣка,
Битвы и раздоры,
Унесла времяя рѣка
Страшные позоры,
Свѣтъ оставилъ съ кинотъ,
Взрытый гроботами.....»

и о прочемъ. Входить въ подробности этого эпизода не
предстоитъ ни малой надобности. Эпилогъ не уступаетъ въ
достоинствахъ поэмѣ.

отшельникъ. *Романъ XIX вѣка. Москва, въ тип. С. С. Смирнова, 1849, въ—12. Дѣль части, стр. 74—94.*

Авторъ этого романа двенадцатилѣтнее екатеринское челове-
чѣкъ востанавль. Говоритъ Б*** однажды привелъ его къ себѣ,
дѣль кинотъ и велѣлъ нѣскорѣе отвезти въ городъ В***,
къ тамошнему губернскому предводителю дворянства. «Сбе-
рѣжь востанавль не долги: чемоданъ, шинель, дѣль подушки,
трубка и кинотъ, и дѣль въ шалашъ!» И вотъ авторъ съ
кинотомъ, шинелью, двумя подушками, трубкою, кинотомъ
и дѣлью съ шалашъ, ѣдетъ, прѣзжаетъ въ деревню Ч***,
велѣтъ востанавль самоваръ, раскуриваетъ трубу,
сидитъ подъ санемъ, и размышляетъ: «О! какъ
книжъ удивительно дѣльски бытъ обяма расхитъ тѣлоот-
ческый при взглядѣ на вселенную!...» Напившись чаю,
онъ ѣдетъ: слышитъ звонъ колокола, видитъ мона-
стырь, и опять размышляетъ.... До того размышляетъ,
что, вѣрѣсто поѣздкѣ въ городъ В***, куда его послали
за смотрѣнныя дѣлью, онъ своротилъ въ монастырь
и живетъ тамъ два дня. — Зачѣмъ? — Во-первыхъ, онъ
«уналъ на колѣни и заплакалъ». Во-вторыхъ, увидѣлъ
онъ Отшельника. «Представьте себѣ блѣдное съ жез-
люю лица, съ морщинами, всахуающее, стыдну бороду»,... и

авторъ «рѣшился, во что бы то ни стало, узнать короче» человѣка, у котораго блѣдное съ желтымъ лицо. Отшельникъ пошелъ къ могилѣ. Авторъ за нимъ. Отшельникъ — на колѣни и начинаетъ плакать. Авторъ тоже на колѣни и давай плакать съ нимъ дуэтъ, въ концѣ котораго, утирая слезы, открылъ онъ такой разговоръ: «Простите, что нарушаю ваше спокойствіе.» — Ничего! отвѣчалъ Отшельникъ: вы кто? — Такой-то. — А вы? — Я Отшельникъ. — Слово за словомъ, Отшельникъ началъ бранить себя, да такъ, что ужъ авторъ за него вступился. Отшельникъ вышелъ изъ себя. «Помилуйте! закричалъ онъ въ бѣшенствѣ: «помилуйте, да если бы вы знали какой я мерзавецъ!... вы, ужаснувшись, убѣжали бы отъ меня!... Пойдемте, я сообщу вамъ *самыя самыя* мои». И вотъ авторъ и отшельникъ съ блѣдыми съ *желтымъ* лицомъ пошли, и послѣдній сообщивъ предпослѣдному нижеслѣдующую жизнь:

Послѣдній былъ сынъ купца третьей гильдіи, Григорья Дмитріевича Ядрова, который «цонялъ вполнѣ землю и «человѣчество, и готовился вступить въ вѣчность». Мать была «женщина съ общими женскими слабостями: любилъ «за вересудить кого-нибудь, и тому подобное». Отшельникъ учился грамотѣ у дьякона, и опредѣлился въ лавку отцовскую. Старшій братъ его просился въ военную службу. «Родители, не видя въ немъ способности къ торговлѣ, опредѣлили его на *слабое* поприще». Въ 1800 году воступилъ онъ унтеръ-офицеромъ, и въ 1801 году пожалованъ прапорщикомъ. Не таковъ былъ Отшельникъ. Едва отецъ далъ ему волю, онъ поѣхалъ въ Нескучное, познакомился съ Карломъ Ивановичемъ Броцомъ..... влюбился въ его младшую сестру, написалъ къ ней письмо, и послалъ съ служанкою. Письмо было такое:

«Не почитайте меня безумнымъ, сударыня, когда прочтете это письмо. Любовь заставила написать его. Очарованный вами, я долго таилъ въ душѣ чувство любви, хотѣлъ забыть васъ, но напрасно. Во снѣ и на яву я думаю объ васъ. Ваши взоры преслѣдуютъ меня, и страдаю. Если вы человѣколюбивы, если не хотите моей смерти, не откажите мнѣ въ вашей любви. Въ противномъ случаѣ горестъ сведетъ меня въ могилу».

Слѣдствіемъ письма было свиданіе, и Отшельникъ подарилъ мамзель Броць на платье пять сотъ рублей. Здѣсь

начинаются ужасы. «Довольный тѣмъ, что *любилъ сердце любви,*» рассказываетъ онъ, «я возмечталъ о себѣ слишкомъ много, и *сдѣлался кокеткою,* даже рѣшился подкрашивать лицо свое бѣлилами и румянами!» Служанка Карла Ивановича Броца открыла Отшельнику, что Карлъ Ивановичъ совсѣмъ не Карлъ Ивановичъ, а Нилъ Ивановичъ, что мадамъ Броць не мать ему, а *мамзели* Броць совсѣмъ не сестры, а такъ, что-то не слишкомъ хорошее. Отъ такого открытія Отшельникъ вытерпѣлъ горячку съ пятнами, сталъ играть въ карты, сдѣлался шулеромъ, «въ двадцать четыре года отъ разврата походилъ на сорокалѣтняго, и получилъ ревматизмъ». Дошло наконецъ до того, что отецъ рѣшился Отшельника — исправить домашнимъ наказаніемъ, то есть, женить. Женить Отшельника на Вѣрѣ Ивановнѣ, дочери почтеннаго кушца, Ивана Федоровича, и супруги его, Надежды Ивановны, Филатовыхъ. «Они «приказали ей любить меня и быть мнѣ послушной. Она «исполняла въ точности ихъ приказаніе. Но, поправивъ «черезъ ея приданое мое состояніе, я забылъ о милой женѣ и опять пустился въ распутство. Чтѣ я былъ въ ея «объятіяхъ? Каменная статуя, *нечувствительное животное,* «звѣя, которую согрѣвали на сердцѣ, и которая узнавала того, кто любилъ ее. Распутства мои умножались....» Словомъ, Вѣра Ивановна съ горя умерла, пришелъ въ Россію Наполеонъ, брата отшельникова, офицера, убили и Отшельникъ пошелъ мстить за него Наполеону.

Чтѣ до-сихъ-поръ говорилъ Отшельникъ, могло быть правдою. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что онъ вѣдѣлъ въ Марьину Рошу, къ Цыганкамъ; но дажѣ онъ выдумываетъ немилосердо. Онъ говоритъ, что съ перваго дня подружился съ Кутузовымъ и произведенъ имъ въ прапорщики; что подъ Бородинымъ начальникъ его, капитанъ Самойловъ, убилъ болѣе пятидесяти Французовъ, а онъ Отшельникъ убилъ десять; что всего убито Французовъ *шестьдесятъ тысячъ,* и Наполеонъ съ остальными *блжалъ.* Потомъ Отшельникъ видѣлъ какъ умеръ Броць, въ страшныхъ терзаніяхъ совѣсти. Затѣмъ начали морить Наполеона въ Москвѣ. Иловайскій погналъ его изъ Москвы, а Отшельникъ гналъ до Бриенна, гдѣ у Наполеона убили 21,180 человекъ, по-

слѣ чего въѣхалъ Парижъ. Отшельникъ вышелъ въ отставку полковникомъ, и поѣхалъ въ Москву.

Тутъ авторъ и Отшельникъ пошли домой, поужинали, и Отшельникъ продолжалъ разсказъ о томъ, какъ онъ прѣѣхалъ въ Москву, не засталъ въ живыхъ ни отца ни матери, напился чаю у дяди своего, Андрея Игнатьевича Сурмина, на Рождественкѣ, и опредѣлился въ Отшельника.

Авторъ сдѣлалъ Отшельнику послѣ того допросъ: — «Почему вы поселились въ этомъ монастырѣ?» — Тутъ выгребень мой братъ. — «Кто поставилъ нагъ его постыломъ немощникъ?» — Я. — «Давно ли вы здѣсь?» — Цѣль лѣтъ. — «Не хотите ли опять въ миръ?» — Нѣтъ! и я те довольно привыкъ. — «Хорошо ли вамъ здѣсь?» — Нѣтъ, ноши нечувствуютъ сушасшедшииъ.

Потомъ авторъ съ Отшельникомъ уснули, и на другой день авторъ уѣхалъ. На разсвѣтъ другаго дня прѣѣхалъ онъ въ В^{***}, и отдалъ пакетъ предводителю. Тотъ отвѣчалъ: «Исполню непременно». Авторъ напился чаю, и тотчасъ уѣхалъ въ Москву.

Черезъ семь мѣсяцевъ опять посели авторъ въ В^{***}: онъ заѣхалъ въ монастырь и увидѣлъ, что Отшельника хоронятъ. «Крупная слеза выкатилась изъ глазъ моего Утөревъ ее. я молчалъ». Когда заиѣли вѣщуръ нагъ, авторъ «не могъ удержаться, чтобы не заплакать, и слезы ругьями струились по лицу». Когда Отшельника хоронили авторъ «уцалъ на могилу, и плакалъ, горько пладалъ, «мока слезы не перестали жечь». Тогда, «свѣтомъ нѣскольке кутымъ», онъ промолвилъ:

«Миръ праху твоему, богобоязненный мужъ! Покойся въ тишинѣ могильной. Ты научилъ меня смотреть на миръ должными глазами, и заставилъ жить для того, чтобы быть добродѣтельными!»

Въ заключеніе, онъ написалъ исторію Отшельника, началъ ее «романомъ двенадцатаго вѣка», написавъ на сѣрой бумагѣ и поставивъ на оберткѣ: «Цѣна десять рублѣй пятьдесятъ копѣекъ».

Это твореніе носитъ на себѣ всѣ признаки романа для иностранцевъ.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. *Сочиненіе М. Лермонтова.* *Издание третье.* С. П. - бурзь, въ тип. Глазунова. 1848, въ-12. Довъ части, стр. 173—290.

Книга эта возбуждала нѣкогда въ нѣкоторыхъ своихъ судьяхъ страдательный энтузіазмъ. Причина его весьма многими члнчителами казалась загадкою. Но возражать противъ такого энтузіазма было тогда неумѣстно: необузданные напастирисны какъ-разъ обаяли бы въ заветы всякаго, кто, при всемъ своемъ жажаніи, не могъ подняться на безпредѣльную восторги. Теперь — дѣло другое. Для автора началось уже потомство, и о твореніи его можно разсуждать ладнокрочно. Отироважностью никто теперь не задумаетъ обманывал, исключая быть-можетъ однихъ издателей. Ну, такъ откровенно сказать, «Герои нашего времени» — не такое произведеніе, которымъ русская словесность могла бы похвастаться. «Герои нашего времени» вовсе не принадлежатъ къ тѣмъ произведеніямъ, гдѣ, по словамъ Пушкина, —

«..... отразился вѣкъ,
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безирравственной душой,
Собялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безвѣрно.
Съ его одлбленными умами,
Внищавыми въ дѣйствіи нустомы».

Это, просто, неудачнѣйшій опытъ юнаго писателя, который еще не умѣлъ писать книги, учился писать; слабый, нестерпимый очеркъ молодого художника, который обѣщавъ что-то, — великое или малое, не знаетъ, — но только обѣщавъ. Тутъ на всякомъ шагѣ еще виденъ человекъ, который говоритъ о жизни безъ личной смѣлности, безъ обществѣ безъ наблюденія, о «всемъ времени» безъ пониманія прошедшаго и настоящаго; о счастіи по смѣлности монументовъ, о страстяхъ по слуху, о людяхъ по книгамъ, и думаетъ, будто вѣнчалъ сердце человекѣвское — нуъ разговоровъ въ мазури, будто можетъ судить о челоѣчествѣ, потому что глядѣлъ въ зеркалку на дѣвчонку, гуляющую по тротуару. Даровитому отъ природы Лермонтову повредило въ первой книгѣ именно то, что дѣлаетъ смѣшными всякаго дѣлательнаго мудреца. Она слышится рано пришлая за

романъ: въ его лѣта еще не пишутъ этого роду сочиненій. Со-временемъ пришла бы и для него пора наблюдений зрѣ-
 лыхъ, основательныхъ отчетовъ въ сердца и умъ, прекра-
 ныхъ разборовъ челоуѣка и прекрасныхъ книгъ. Онъ и
 дожидь до той поры. Дарованіе его тутъ ни мало не вни-
 ватъ. Но не забавно ли, теперь, когда изъ этого дарованія
 уже нельзя ничего извлечь для своихъ страстей, выдавать
 «Героя нашего времени» за что-нибудь выше миленькаго
 ученическаго эскиза? Совѣстно повторять, за что выдавалъ
 его при жизни и продолжаетъ выдавать по смерти Лермон-
 това услужливость тѣхъ людей, которые на имя его дѣла-
 ютъ *предпріимія*: она печатаетъ всѣ затерянные до-
 кументы стиховъ его, перечечатываетъ его книги безъ
 нужды, и, навязывая ихъ на публику объявленіями,
 хвалитъ все это такъ, что похвалу очень часто можно ве-
 чество за насмѣшку надъ покойнымъ поэтомъ или надъ
 родною словесностью. Но не станемъ терять времени надъ
 этимъ немымъ изданіемъ. Вотъ —

Очерки свѣта и жизни. *Повѣсти Владимира Войта.*
 СПб.—бургъ, въ тип. Жернакови, 1844, въ-12., стр. 444.

То же самое замѣчаніе, которое сейчасъ сдѣлано было о
 преждевременной попыткѣ Лермонтова изображать «свѣтъ
 и жизнь» не узнавъ на опытъ ни-того ни другаго, при-
 лагается и къ этимъ «Очеркамъ». Молодые люди назна-
 чены природою быть героями повѣстей и романовъ, но
 не сочинителями ихъ. «Очерки свѣта и жизни» состоятъ
 изъ трехъ повѣстей. Съ одной изъ нихъ, «Новый Ле-
 андръ», читатели наши знакомы. Въ другой авторъ раз-
 суживаетъ «истинное событіе» изъ жизни одного изъ
 русскихъ бояръ временъ Екатерины. Третья повѣсть—
 современная; завязка ея начинается въ *красавецъ пташко*
ряду съ Михайловскимъ Театромъ. Молодой сочинитель свѣта
 и жизни по своему вкусу, конечно, обладаетъ дарованіемъ,
 но оно требуетъ еще большихъ усовершенствованій. Авторъ
 этихъ повѣстей конечно будетъ очень приятнымъ писате-
 лемъ, когда онъ лучше изучитъ жизнь, общество и его обы-
 чай; глубже стаетъ выискать въ то, что именно въ жизни и
 обществѣ можетъ быть предметомъ художественнаго повѣ-

ствованіа, и что не стоитъ этой чести; тщательно будетъ соображать планъ своихъ разсказовъ; когда онъ исправится отъ молодости фразы и изысканности выраженія; когда узнаетъ со-временемъ всю прелесть простоты; когда разгадаетъ важную тайну экономіи на слова, и другую, не менѣе важную тайну—слова поставленнаго въ своемъ настоящемъ мѣстѣ, принадлежащемъ ему по праву логическаго владѣнія. Но тогда онъ, можетъ-быть, исправится вмѣстѣ и отъ повѣстей! Не предсказывая ничего—усовершенствованіемъ челоѣка нѣтъ предѣловъ!—нельзя умолчать, наэтотъ разъ, что повѣсти господина Войта напечатаны весьма красиво. Три картинки къ нимъ написаны графомъ Э. П. Толстымъ, и хорошо литографированы, особливо одна, гдѣ къ слову о Паганини, умный художникъ изобразилъ скрыпичнаго чудодѣя окруженнымъ фантастическими образами, стекающимися на звуки его волшебнаго смычка.

Семейство, или Домашнія радости и огорченія. Романъ шведской писательницы Фредерикки Бремеръ. Переводъ съ подлинника. С. П.-бургъ, въ тип. Фишера, 1842, въ-8., стр. 744.

Очень рады встрѣтиться съ госпожей Фредерикой Бремеръ! Слава ея въ Швеціи, Норвегій, Германіи, такъ велика, что «Библиотека для Чтенія», въ усердіи своемъ къ вользамъ русскихъ читателей, давно вознигла мысль познакомить ихъ съ этою швейской романисткою и, на сей конецъ, даже разорилась однажды: выписала себѣ полное собраніе ея сочиненій!... Что было послѣ, какъ она терпѣливо читала всѣ эти десять томовъ, какъ поинутно засыпала надъ ними, какъ не знала, что изъ нихъ взять, какъ чуть-чуть не взяла этого «Семейства», и какъ, наконецъ, благоразумно рѣшилась ничего не брать, это—секретъ редакціи, не подлежащій вѣдѣнію Лѣтописи. Но безспорно то, что «Библиотека для Чтенія» чрезвычайно рада, что не она, а кто-нибудь другой принялъ на себя трудъ представить русской публикѣ образецъ искусства, занимательности и хозяйственной философіи госпожи Бремеръ. Мы не говоримъ, чтобы романы ея были плохи или не стоили чтенія; но они.... не въ нашихъ читательскихъ нравахъ.

Изысканные скрипачи, воспитанники пальцеломной школы и мантика Паганини, говорятъ о важныхъ классическихъ концертахъ Вюгги, Роде, Шнора, что въ нихъ ничего нѣтъ для скрипки: *ничего, ничего!*.... То же самое изысканнѣйшій читатель вправе сказать о романахъ госпожи Бердери: читать *ничего!*.... Въ этихъ Ла-фонтеповскихъ *Familien-Gemälde*, тихихъ, кроткихъ, безстрастныхъ, въ этихъ благообразныхъ разсужденіяхъ, безъ выводовъ противъ общества, безъ презрѣнія къ приличіямъ, безъ погрома на весь родъ человѣческій, въ этихъ чинныхъ событіяхъ, безъ приступленій, безъ ядовъ, безъ киданья, безъ изверговъ, нѣтъ ничего для чтенія! Герри родилась — рать съ трубкой, фрау коллегіентъ, ретинъ съ кофейникомъ, двѣ дѣвочки съ голубыми глазами, съ княжками въ рукахъ, съ идеалами въ сердцахъ, чудакъ докторъ, бурный сынъ, маленькія любовнички, крошечныя страстишки, — немножко любить, не множко впадаютъ въ заблужденіе, немножко раскаяваются, плачутъ, мирятся или прощаются, но крѣпко-на-крѣпко женятся въ заключеніе, — и все это безпрестанно завтракаетъ, пьетъ кофе, ходитъ въ гости, страдаетъ подъ шляпкою, радуется подъ зонтикомъ, и къ концу книги, становится такъ непростительно счастливо, что просто книга — въ рукъ коня! Такъ только баловало Августа Давыдовича. Вы знаете, или уже не знаете, что въ грехъ тотъ у него всегда, но-немножко, но безпрестанно, спрдали, а въ четвертомъ добродѣтели торжественно вознаграждалась, зло наказывалось, любовнички поносились и въ-сѣкъ-воръ были непоколебимо счастливы, — что собою же въ дукѣ нашего времени. При такомъ трогательномъ сплоченіи романа, Нѣмецъ откладывалъ трубу, Нѣмка преледала витать чудомъ, и все семейство восклицало: — *Alles ist gut!* Ла-фонтевъ, гонорать, читывалъ романы свои въ рукописи прежде всѣхъ женъ. Въ одномъ романѣ онъ, славилъ любовничковъ спрдать болѣе обыкновеннаго, спрдать ужасно. Жена закричала въ слезахъ: «Мой другъ! да прои не ихъ поскорѣй!» — Невозможно, думалъ, отбѣчалъ романистъ: я обѣщалъ еще одинъ томъ... но, дорогая, я зато сдѣлалъ ихъ счастливѣе всѣхъ моихъ предшественниковъ романистъ. — Тамара была тогда молодѣя о романномъ правосудіи. О счастіи ли теперь дѣло! Кто же

не интересуется чужимъ счастьемъ! Тѣ которые начали страдать въ первыхъ главахъ романа, должны въ концѣ книги, если хотятъ доставить истинное удовольствіе читателямъ, лопнуть или по-крайней-мѣрѣ взбѣситься отъ боли. Впрочемъ, при всемъ подражаніи готическаго Лафонтеновскаго метода, у госпожи Бремеръ есть свои отличія. Всего любопытнѣе у нея шведскіе семейные нравы. Герои этого романа—ячювикъ маленькаго, убаюнаго шведскаго города, его жена, ихъ дѣти, родные сосѣди. Событія состоятъ изъ миниатюрной живописи мелкихъ подробностей ихъ малой жизни. Весь романъ—рѣзъ картинокъ въ родѣ старинныхъ нюрнбергскихъ группъ на стеклѣ. Трогательно, тихо, длинно и скудно, совершенно какъ въ семейномъ счастьи или какъ въ классическомъ романѣ. Послѣ Шведокъ, первыя читательницы госпожи Бремеръ—Нѣмки; но Нѣмкамъ, которыя въ послѣднее время слышали удивительныя успѣхи въ воззрѣніи на мужей, бракъ, любовь и счастье, Нѣмкамъ, у которыхъ уже есть свои Жоржъ-Сандъ, знаменитая Gräfflin von Nahr-Nahr, Нѣмкамъ эти романы кажутся уже немножко вялыми. Русскія читательницы, привыкшимъ къ сильнѣйшимъ ощущеніямъ французской школы, къ бурямъ, вихрямъ, сердцетрясеніямъ романтическаго романа, онѣ, я увѣрена, не пойдутъ. Читательницы, однако жъ, давно наслаждавшіяся блаженствомъ брака, могутъ сдѣлать изъ книгъ полезное домашнее употребленіе: романы госпожи Бремеръ вообще, и подлежащій романъ въ особенности—именно изъ тѣхъ романовъ, о которыхъ прежде говорилось—*мать помолитъ читать ихъ своей дочери, а теперь говоритъ—мать прикажетъ...* потому что дочери нѣтъ, безъ особеннаго приказанія, не жалны къ строгому классическому роду. Онѣ то же смѣкаютъ, что тутъ—*много мать для скрипки!*

Русскій переводъ сдѣланъ съ подлинника дамою, и сдѣланъ прекрасно.

Галерея женщинъ Жоржъ-Санда, украсившая исключительно четырьмя отличными предсказаніями на страли переплеталки. Москва, въ тип. Семена, 1849, №8, стр. XIX—269.

Вотъ славная романистка! Вотъ писательница, которая

понимаетъ страсти, прелесть страданія и всю скуку счастья! Вотъ литература новѣйшей любви!... Но, собственно, литература тутъ въ отставкѣ. Книга чисто орнаментная. Спекуляція чисто коммерческая. Французское изданіе этихъ женскихъ фигуръ давно валяется на столікахъ петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ. Оно уже затаскано, истерлось, разсыпалось. Вотъ, взамѣнъ его, чистое, свѣжее и, притомъ еще, русское изданіе. *Предпріятіе*, можетъ-быть, и не дурно. Иногородные, можетъ-быть, и бросятся на этихъ искусно подновленныхъ героинь Жоржа Санда. Но тѣмъ хуже для иногородныхъ. Они не вѣдаютъ, какъ всѣ подобныя женщины дѣлаются на свѣтѣ. Сперва красивая гравюра, изображающая миленкое женское лицо, украшаетъ какой-нибудь англійскій кеерсаке. По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ та же гравюра, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ одинаковаго съ нею происхожденія, является, съ новою подписью, въ новой книгѣ, галереѣ шекспировскихъ или байроновскихъ женщинъ. Когда въ Англии всѣ уже ее знаютъ, она по-тихоньку переходитъ на твердую землю, и, съ надлежащими измѣненіями въ подписяхъ, предстаетъ въ третій разъ передъ карманъ покупателя книгъ, во Франціи, какъ портретъ одной изъ героинь Жоржа Санда, въ Германіи—Шиллера или Гете, въ Даніи—Эленшлегера, и такъ далѣе. Обойдя всю Европу, теперь, благодаря нанкинскому миру, она можетъ еще отправиться въ Китай и возродиться тамъ въ званіи подлиннаго портрета одной изъ любовницъ Конфуція. Но надѣюсь, что, прежде, Россія хорошенько попользуется этими красавицами. Теперь, въ подражаніе парижской спекуляціи, масса нераскупленныхъ во Франціи гравюръ, браковъхъ оттисковъ, снятыхъ съ досокъ порядочно уже избитыхъ, съ присовокупленіемъ русскаго объяснительнаго текста, получила условленное заглавіе, «Галерея женщинъ Жоржа Санда». Вотъ Индіана, Лелія, Валентина, Луиза, Алезія, Юлія, Марса, Джованна, Нуна, Поллина, Фернанда, Консуэло, и прочая, и прочая, и, въ головѣ ихъ, сама Жоржъ Сандъ, съ растрепанными волосами, въ цвѣтахъ, въ перстняхъ, въ камняхъ. Любуйтесь на нихъ! Когда гравюры не пойдутъ на Руси въ этомъ видѣ, почему

бы нашей «предпримчивости», года через два, потому же способом не передѣлать ихъ на *русскіе нравы* и еще разъ не выдѣть за новостъ, уже какъ свое? Я совѣтовалъ бы обратить ихъ въ такомъ случаѣ въ «Галерею женщинъ *Мертвыхъ Душъ*». И это будетъ. Стоитъ только подать идею. О! при нынѣшней модѣ на *иллюстраціи* и *великокопныя изданія*, наша «предпримчивость» съумѣетъ извлечь пользу изъ этихъ гравюръ! Увидите!.... когда-нибудь, быть-можетъ очень скоро, портретъ Жоржа-Санда вдругъ засіяетъ у насъ въ *великокопномъ изданіи* съ русскою подписью—Помѣщица Коровочка, а Лелія примѣетъ чинъ, имя и фамилію госпожи Собаковичевой!

Изданій подобныхъ этому мы не считаемъ достойными, не только *подвалы*, но даже и вниманія, какъ бы красивы они ни были. Чуждые у насъ всякаго интереса, всякой цѣли, всякой пользы, и литературной, и художественной, они выражаютъ собою одну только торговую спекуляцію, одинъ, ничѣмъ благовиднымъ не прикрытый, расчетъ жадности — выгодно сбыть русскимъ любителямъ красивыхъ книгъ дешево купленный за границею остатокъ гравюръ, которыя ровно ничего не представляютъ и ни къ чему не служатъ. Добро бы еще имѣли онѣ примѣчательныя достоинства—а то въ нихъ и этого нѣтъ! Книжная торговля, которая хоть нѣсколько уважаетъ свое почтенное званіе, не должна позволять себѣ подобныхъ *предпріятій*. Есть сотни англійскихъ и французскихъ книгъ, съ прелестными гравюрами, которыя продаются весьма не дорого на-мѣстѣ и съ которыми спекуляція могла бы выступить передъ публикою не краснѣя, потому что въ этихъ картинкахъ заключается всеобщій интересъ, наставленіе для читателей всѣхъ народовъ, удовлетвореніе просвѣщеннаго любопытства. Есть иллюстрированныя путешествія, чудесныя собранія видовъ архитектурныхъ памятниковъ, галереи портретовъ историческихъ лицъ. Всѣ этого роду гравюры позволительно спекуляціи переносить изъ одной земли въ другую, потому что онѣ могутъ быть полезны, даже нужны, читателямъ книгъ. Прибыль, получаемая на нихъ—совершенно законна. Но портреты *женщинъ Жоржа Санда*!.... портреты произвольные воображаемыхъ безнравственныхъ

существовать!.... художественныя пошлости пенелестей, по поводу горячечныхъ грезъ женщины, отказавшейся отъ своего пола!..... Спекуляція впадаетъ иногда въ странныя отсутствія соображенія, увлекаясь надеждою на дурно разсчитанныя выгоды. Что бы ей, напримѣръ, взять, вмѣсто *женщинъ Жоржа Санда*, англійскій *Christian Annual*, это богатое собраніе прелестнѣйшихъ видовъ Палестины, Малой Азіи, и другихъ мѣстъ и памятниковъ, ознаменованныхъ событіями Священной Исторіи, интересныхъ для всякаго христіанина, любопытныхъ для каждаго грамотнаго человѣка? Спекуляція можетъ быть увѣрена, что подобное изданіе нашло бы на Руси тысячи жадныхъ покупателей. Сама критика охотно поддержала бы такое *предпріятіе*, хоть бы въ немъ литературнаго было, по обыкновенію, не много. Но.... *женщины Жоржа Санда!*....

Анекдоты Наполеона, съ очеркомъ *его жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія; поэтическія воззванія его къ войску и письма къ разнымъ извѣстнымъ особамъ Европы. Собралъ А. С. Москва, въ тип. Степанова, 1843, въ-18, 2 двѣ части, стр. 90 — 82.*

Товаръ — варяго-росскій. Эти анекдоты о бусурманѣ *Бонапартѣ* предназначены къ большому успѣху на Толкучихъ.

«Фортуна есть кокетка, баба негодная. Надобно пользоваться ея благосклонностію, и страшиться ея злѣва. Она женщина!» такъ говорилъ всегда Наполеонъ маршаламъ».

Это анекдотъ. А вотъ характеристика онаго бусурмана:

Наполеонъ не жалѣлъ денегъ на дворъ свой, на монументы, и другое тому подобное, но былъ скупъ при выдачѣ слѣдующаго на государственныя расходы; въ этомъ случаѣ онъ всегда находилъ отговорки и затрудненія. Всѣхъ чиновниковъ, которые завѣдывали расходами, онъ почиталъ плутами. — Чѣмъ менѣе кто изъ министровъ платилъ по расходамъ, тѣмъ болѣе входилъ въ благосклонность. Между странными привычками Бонапартѣ имѣлъ ту, что всегда садился на первый попавшійся ему столъ, правую руку опираясь на того, съ кѣмъ разговаривалъ, лѣвую обыкновенно качалъ въ воздухъ.

Хорошъ также анекдотъ на страницѣ 49, первой части: однажды, въ Тильзитѣ, Платовъ стоялъ передъ кабинетомъ

томъ Императора Александра: входятъ Императоръ и Наполеонъ. Императоръ представляетъ Платова Наполеону. «Удивительно, что сдѣлалось вдругъ съ Бонапартомъ: онъ *измѣнился въ лицѣ, отскочилъ, и бѣгомъ скрылся въ другую комнату*. Платовъ, увидя испугъ Наполеона, сказалъ: «Что онъ меня боится какъ кабана?»

Вотъ еще анекдотъ, удивительный въ своемъ родѣ:

«Странное дѣло, что Наполеонъ никогда не велъ себя съ дамами приличнымъ образомъ. Казалось, что онъ нарочно хотѣлъ возбудить къ себѣ ненависть. Весьма часто говорилъ онъ имъ не только странные, но даже непріятные для нихъ коммменты. Одной говорилъ онъ въ обществѣ: «Ахъ! Боже мой! какія у васъ красныя руки!» Другой: «Какая у васъ дурная прическа! Кто вамъ такъ *расплеталъ волосы?*»—Иногда: «Какъ нечисто ваше платье! Вы, вѣрно, никогда его не *перемываете?* Я видѣлъ его на васъ уже болѣе двадцати разъ!»

Библиотека для воспитанія. Москва, въ тип. Семена, 1843, въ-12. Три части, стр. III — 363 — 212 — II, 113 — 325 — 86.

Издатель предполагалъ въ 1843 году напечатать шесть частей. До новаго года онъ успѣлъ издать только три. «Библиотека» господина Семена должна состоять изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ назначены къ помѣщенію сочиненія о воспитаніи, заслужившія общей извѣстности, Песталоцци, Шварца, госпожъ Эджвортъ, Гемилтонъ, Гизо, Неккеръ — Соссюръ, и другихъ: эта часть — для родителей; во второмъ, избранныя статьи, повѣсти и рассказы, для дѣтей. Изъ перваго отдѣленія вышло только сочиненіе миссъ Эджвортъ о воспитаніи, рядъ весьма остроумныхъ и полезныхъ практическихъ замѣчаній. Второе гораздо богаче: сюда между прочимъ, внесены «Похожденія Петра Шлемиля», сказка Гофмана о Щелкунѣ, и изложеніе индѣйской мнѳологіи, едва-ли нужное для дѣтей. Но сверхъ-того тутъ же находится множество очень хорошихъ статейекъ. Вотъ это *предпріятіе*, такъ истинно полезное и дѣлающее честь книжной торговлѣ! Цѣль прекрасна. Исполненіе вообще удовлетворительно. Изданіе, не только опрятное, но даже изящное. Для полноты пользы слѣдовало бы еще исходатайствовать у переводчиковъ нѣсколько болѣе вниманія: одинъ изъ этихъ господъ на-

звание ораторіи Бетговена, «Иисусъ Христосъ на Горѣ Элеонской», переводитъ — «Христосъ въ оливковомъ саду». Другіе ему помогаютъ, каждый по своей части.

1. УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА ДЛЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. *Курсъ чистой математики, составленный А. Я. Кушакевичемъ и А. С. Кндеревымъ. Сп.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній. Часть пятая, 1843, въ-8., стр. 293.*

2. МАТЕРІАЛЫ КЪ СОСТАВЛЕНІЮ УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ ДЛЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. *Всеобщая и Русская Исторія, Книга первая. Исторія древнихъ азиатскихъ и африканскихъ государствъ. И. Шульгинымъ, главнымъ наблюдателемъ преподаванія историческихъ наукъ въ Военно-учебныхъ Заведеніяхъ. Сп.-бургъ, въ тип. Военно-учебныхъ Заведеній, 1843, въ-8., стр. III, VI и 144.*

3. КРАТКІЙ КУРСЪ МАТЕМАТИКИ. *Основанія Ариѳметики, съ присовокупленіемъ Логариѳмовъ простыхъ чиселъ. Составилъ Петръ Лейманъ. Сп.-бургъ, въ тип. Морского Корпуса, 1843, въ-8., стр. 170.*

Два первыя сочиненія принадлежатъ къ прекрасному, и донинѣ у насъ единственному, систематическому кругу классныхъ руководствъ, которымъ начальство Военно-учебныхъ Заведеній обогатило эти училища и литературу, открывъ ученымъ средства къ удобному предпріятію и исполненію подобныхъ трудовъ при пособіи особеннаго капитала, возникаго и непрерывно увеличивающагося изъ произведенія тѣхъ же трудовъ. Объ этой благодѣтельной мѣрѣ уже было здѣсь говорено. Планъ успѣшно приводится въ исполненіе, и вскорѣ Военно-учебныя Заведенія будутъ обладать полнымъ собраніемъ своихъ собственныхъ руководствъ, совершенно приспособленныхъ, и къ ихъ потребностямъ, и къ современному состоянію каждой науки. Многія изъ этихъ руководствъ охотно принимаются и другими учебными заведеніями: неоспоримое доказательство ихъ внутренняго достоинства.

Третья книга, трудъ господина Леймана, предназначена къ употребленію воспитанниковъ Училища Торговаго Мореплаванія.

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ, въ видѣ учебника. Сочиненіе Н. И. Давлищева, члена Совѣта Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ. Варшава, въ казенной типографіи. 1843, въ-8., стр. 272, съ таблицами и картами.

Также — классное руководство. Оно написано для гимназій Царства Польскаго согласно съ системою мѣстнаго преподаванія. Книга обогащена синхронистическими таблицами и хронографическими картами. Изложеніе кратко, но ясно и даже изящно. Авторъ дѣлитъ исторію Польши на семь временъ: время основанія, время удѣловъ, время воссоединенія, время ограниченія самодержавія, время развитія анархій, съ учрежденія избирательнаго престола, и время разрушенія, отъ кончины Юанна III Собѣскаго. Исторія заключается 1795-мъ годомъ.

1. КРАТКАЯ ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ. Константина Арсеньева. *Осьмнадцатое изданіе, вновь исправленное.* С П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1843, въ-8., стр. 284.

2. КРАТКАЯ ГЕОГРАФІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ, изданная по руководству господина статскаго совѣтника и кавалера И. А. Гейма. *Дѣнадцатое изданіе.* Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-12., стр. 169.

Первая изъ этихъ двухъ безсмертныхъ, то есть, не умирающихъ, учебныхъ книгъ, такъ извѣстна, что и говорить объ ней нечего. Исторія второй болѣе любопытна. Въ началѣ девятнацаго столѣтія трудолюбивый лексикографъ, И. А. Геймъ, издалъ довольно посредственную компіляцію, подъ названіемъ «Начертаніе всеобщаго землеописанія». Одинъ изъ учениковъ Гейма, въ 1823 году, выбралъ изъ книги его цифры и имена, назвалъ книжечку «Краткою географіей для дѣтей, по руководству господина статскаго совѣтника и кавалера И. А. Гейма», и пустилъ въ книжную торговлю. Уже двадцать два года какъ умеръ Геймъ, какъ умерло его «Землеописаніе», а «Краткая географія по руководству господина статскаго совѣтника и кавалера, И. А. Гейма», который и не думалъ никого руководствовать, живо, здраво, перепечатывается до безконечности отъ слова до слова, съ сохраненіемъ даже всѣхъ его титуловъ на заглавномъ листѣ, и благополучно продается почтенному со-

словію родителей, во умноженіе разума ихъ потомства и блага издателей. Но замѣчательнѣе всего, что критика всегда, постоянно, періодически при каждомъ новомъ изданіи, твердила во всеуслышаніе — книжка, именуемая «Краткая географія по руководству юслюдина статскаго советника и кавалера И. А. Гейма» — вздорная книжка! — и, несмотря на всѣ ея возгласы, разсужденія, доказательства, книжка живетъ, перепечатывается, продается, достигла двѣнадцатаго изданія и не думаетъ подавать въ отставку. Послѣ этого, скажите: къ чему служить критика!

COURS ÉLÉMENTAIRE D'HISTOIRE NATURELLE, à l'usage des établissements de SA MAJESTÉ L'IMPÉRATRICE, par E. Ménétrières et L. Loustannau. Première partie. Zoologie. St.-Petersbourg, chez Edouard Pratz, 1844, 8-co., pp. XX, 144.

Послѣ хорошаго учебнаго руководства къ географіи, нѣтъ, можетъ-быть, ничего труднѣе какъ написать хорошее учебное руководство къ естественной исторіи. Оба предмета необыкновенно обширны, съ обоими сопряжена огромнѣйшая номенклатура, занимательность того и другого заключается вся въ безчисленныхъ подробностяхъ каждаго отдѣльнаго предмета; но если рама тѣсна, то сочинитель принужденъ на каждомъ шагѣ разставаться съ самыми любопытными подробностями, чтобы сохранить полноту въ чемъ-нибудь, хоть въ исчисленіи предметовъ, хоть въ одной терминологіи, и тогда содержаніе книги по необходимости состоитъ почти изъ простаго списка собственныхъ именъ и техническихъ названій. Это, разумѣется, не удовлетворяетъ читателя. Но какъ сдѣлать иначе? Многіе пытались держаться середины, и никому не удалось составить что-нибудь порядочное: пускаясь въ подробности нѣкоторыхъ предметовъ, избирая предпочтительно одни предметы передъ другими, устраняя произвольно разныя составныя части цѣлаго для краткости, не было и нѣтъ возможности составить полезной книги. Отсюда — столько плохихъ, безобразныхъ, руководствъ къ географіи и къ естественной исторіи. †

При этомъ общемъ и, можно сказать, непреодолимомъ неудобствѣ обѣихъ наукъ, естественная исторія имѣетъ однако жъ важное преимущество передъ географіей: она

обладаетъ ученою, превосходно обработанною, системою классификаціи, тогда какъ географія совершенно лишена этого важнаго пособія. Учебное руководство къ естественной исторіи, которое представляетъ ясно, правильно, отчетливо, всю систему науки въ ея современномъ видѣ посредствомъ настоящей классификаціи предметовъ, тѣмъ самымъ уже — превосходное *руководство*, хоть бы оно состояло изъ простаго списка терминовъ: съ помощію его, ученикъ вдругъ обнимаетъ все знаніе трехъ царствъ природы, преподаватель, слѣдуя принятому въ немъ порядку предметовъ, съ удобною постепенностью можетъ развивать ихъ подробности, почерпнутыя въ безчисленныхъ монографіяхъ, слушатель, и читатель книгъ по этой части, легко классифицируютъ въ памяти получаемыя свѣдѣнія, и учебная книга вполне достигаетъ своего назначенія. Идея, кажется, проста, но и тутъ не многіе умѣютъ вышутаться изъ затрудненій. Иные, держась слишкомъ близо ученой точности системы, составляютъ классныя книги, слишкомъ ученыя для начинающихъ. Другіе, стараясь быть популярными, не даютъ ни какого понятія о настоящемъ видѣ науки. Нѣкоторые умудрившись, рѣшаются, съ горя, изобрѣтать свои собственныя *краткія системы* и производятъ книги, совершенно смѣшныя. Въ такихъ учебныхъ книгахъ у насъ нѣтъ недостатку. Казалось, даже, что намъ суждено не видать у себя порядочнаго учебнаго руководства къ естественной исторіи. Къ счастью, наконецъ, дѣло поступило въ руки отличнаго теоретическаго и пракческаго натуралиста, опытнаго преподавателя, человѣка съ яснымъ возрѣніемъ и со вкусомъ. Господинъ Менетриѣ показалъ образецъ того, какъ должно составлять для низшихъ училищъ руководство по части естественной исторіи. Изъ предисловія видно, что, кромѣ этого ученаго естествоиспытателя, тутъ участвовалъ еще и другой извѣстный натуралистъ Императорской Академіи Наукъ, именно, господинъ академикъ Брандтъ, а заглавный листъ показываетъ, сверхъ-того, содѣйствіе третьяго, знакомаго съ дѣломъ, сотрудника. Изъ сліянія такой массы познаній должна была возникнуть книга, совершенно соотвѣтствующая и своему назначенію и наукѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ

«Начальномъ курсѣ естественной исторіи», написанномъ на французскомъ языкѣ для заведеній Ея Императорскаго Величества, очень искусно соединена ученая форма системы съ популярною удобопонятностью; ничего не забыто, и нѣтъ ничего лишняго; объемъ каждаго отдѣленія хорошо соображенъ съ его относительной важною; подробности устранины, но все главные, характеристическія черты отдѣловъ обрисованы надлежащимъ образомъ въ изложеніи сжатою, быстрою, и между-тѣмъ занимательною; преподаватель и ученикъ имѣютъ передъ глазами все, что нужно для начинающихъ, — полную систему органической природы въ настоящемъ состояніи знанія, подлинную классификацію ея предметовъ, терминологію на трехъ языкахъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, главнѣйшія отличительныя свойства и примѣчательнѣйшіе общіе нравы каждой породы, наконецъ необходимыя анатомическія данныя, которыми должно руководствоваться при изслѣдованіи живыхъ существъ. Отъ преподавателя теперь зависитъ изустно распространить каждую статью наблюдательными частностями сообразно со временемъ, предписаннымъ для курса, и съ понятливостью слушателей. Литература естественной исторіи такъ обширна, наблюденія надъ частностями такъ разнообразны и любопытны, что преподавателю стѣдуетъ только имѣть нѣсколько начитанности и вкуса, чтобы, съ такимъ учебникомъ въ рукѣ, увлечь воображеніе юношества и поселить въ немъ любовь, страсть, энтузіазмъ къ изученію природы. Когда такимъ же образомъ будетъ изложена, во второй части, естественная исторія растительнаго царства, — въ этой первой заключается все царство животное, — лучшей учебной книги невозможно и желать для заведеній, въ которыхъ преподаются первыя основанія зоологіи и ботаники.

Священная исторія въ разговорахъ для маленькихъ дѣтей. Сочиненіе А. Ишимовой. Изданіе второе. С. П. — бурга, въ тип. И. Академіи Наукъ. 1844, въ-16., стр. VII и 153 съ картинками.

Сочинительница этой книги обладаетъ особеннымъ даромъ говорить съ дѣтьми. Никто по-русски не умѣетъ говорить съ ними такъ просто, понятно и занимательно.

Ея «Русская исторія для дѣтей» поддается большою любовью у маленькихъ читателей и давно уже напечатана вторымъ изданіемъ. «Священная исторія для дѣтей» также является въ свѣтъ вторично. Это у нихъ—одна изъ самыхъ любимыхъ книгъ.

Покровъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы надъ Россією, или Сказанія о самыхъ чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери, въ память отечества, провозвѣщенныхъ. Москва, въ тип. Унив.регентской, 1843; въ 12., стр. VIII—203.

Трудъ, достойный вниманія всякаго православнаго христианина. Авторъ представляетъ свѣдѣнія о двадцати одной чудотворной иконѣ изъ числа знаменитѣйшихъ. Сколько святыхъ, великихъ воспоминаній рождаются при этомъ благочестивомъ чтеніи! Тамъ празднество «Владимірской иконы» знаменуетъ избавленіе Россіи отъ полчищъ Тамерлана. Здѣсь праздникъ «Федоровской Богоматери» говоритъ объ избраніи на престолъ царя Михаила. При имени «Донской Богоматери» предстаетъ избавленіе Москвы отъ крымскихъ хищниковъ. Торжество «Казанской иконы» говоритъ объ освобожденіи Москвы въ 1613 году. Отъ «Знаменія Новгородской» враги бѣгутъ отъ стѣнъ Новгорода. Въ «Смоленской иконѣ» отражается великій двенадцатый годъ. Передъ нею преклонялись сѣдоволосый вождь Русскихъ и тысячи подвластныхъ ему воиновъ наканунѣ бородинской битвы. «Тихвинская икона»—память спасенія Тихвина въ бѣдственную годину Самозванцовъ. Сочинитель, вѣроятно, будетъ продолжать свой трудъ. По наданнымъ извѣстіямъ, число чудотворныхъ иконъ Богоматери простирается въ Россіи до ста тридцати. Если съ нѣкоторыми изъ нихъ не соединяются историческія замѣчанія, зато объ нихъ извѣстны трогательныя преданія. Таковы иконы Богоматери «Неопалимыя купины», донныя выносимой на пожары, «Взысканія погибшихъ», передъ которою молятся о тѣхъ, чья судьба остается безвѣстною въ далекихъ странствованіяхъ, «Всѣхъ Скорбящихъ Радости», «Благоуханный цвѣтъ», «Призри на смиреніе», «Слово плоть бысть», «Мати дѣво»,

«Живоноснаго источника», «Утоли моя печали», и многія другія.

Письма о спасеніи міра Сыномъ Божиимъ. *Изданіе второе. Сп.—бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1844, въ 16, стр. 204.*

Одно изъ тѣхъ краснорѣчивыхъ созданій автора «Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ», которыя пріобрѣлъ онъ почетное мѣсто въ русской духовной литературѣ и сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ людей, услаждающихъ душу назидательнымъ чтеніемъ. Оно уже извѣстно читателямъ этого журнала. Второе изданіе, исправленное авторомъ, напечатано очень красиво.

Письма Русскаго изъ Персіи. *Н. М. Сп.—бургъ, въ тип. Олѣдьянаго Корпуса Внутренней Стражи, 1844, 18. Двѣ части, стр. 315—334.*

Надо наконецъ принять рѣшительную мѣру съ нашими романистами! Долго ли будутъ они потчивать насъ безвкусными вымыслами, небывальными характерами, скучнымъ разсказомъ, рогатыми фразами, дикими понятіями о жизни и человѣкѣ? Станемте читать путешествія! Авось испугаются и напишутъ что-нибудь порядочное. Начнемте вотъ съ этого, съ «Писемъ Русскаго изъ Персіи». Какая разница съ романомъ!... Нашъ путешественникъ ничего не выдумываетъ, не сочиняетъ *жизни какъ она есть*, а подбираетъ жизнь готовую вдоль большой дороги и кладетъ ее въ книгу безъ передѣлки, безъ разсужденій, безъ слогу, безъ всякой фальши. Съ предшественниками своими онъ нигдѣ не встрѣчался, все, что видѣлъ, видѣлъ собственными своими глазами, и все, что говоритъ, говоритъ по своему крайнему разумѣнію: нельзя не любить нашего соотечественника за его рѣдкую откровенность. Онъ—человѣкъ военный, словомъ хитрить не любитъ, въ красный стиль не вдается, и пишетъ такъ, какъ путешествуетъ, верхомъ. Онъ былъ отправленъ въ Персію съ особеннымъ препорученіемъ, прибылъ въ Тебризъ въ маѣ 1839 года, поѣхалъ въ Тегеранъ, прожилъ тамъ болѣе года, поѣхалъ въ Испаганъ, и, черезъ Гульпайганъ, Гамаданъ и Загянъ, воротился опять въ Тебризъ. Дорогою замѣчалъ онъ все, Персію, Персіанъ,

даже Персіанокъ: къ досадѣ, не зналъ персидскаго языка, и принужденъ былъ сообщаться съ ними черезъ переводчиковъ. Это существенно помѣшало его удовольствию, но ни сколько не помѣшало наблюдательности. Онъ мало говорилъ, зато много смотрѣлъ, на Персію, на Персовъ, на Персіанокъ, на все.

•Базаръ въ Персіи мѣсто сборища всѣхъ праздныхъ и тунеядцовъ. Туда идутъ курить кальянъ, пить кофе, рассказывать свои новости, узнавать чужія, и покупать товары. Базары на Востокѣ вообще великолѣпны, а въ Тавризѣ особенно. Это широкая улица, покрытая высокими стрѣлчатыми сводами, въ которыхъ сверху продѣланы, на опредѣленныхъ разстояніяхъ одно отъ другаго, небольшія отверстія для освѣщенія внутренности. Свѣтъ падаетъ сверху, яркими столбами, на шумную толпу, на пестрые товары, разложенные по бѣлкамъ и на прилавкахъ, и чудно освѣщаетъ все зданіе, перспектива котораго великолѣпна. Купцы сидятъ на коврахъ посреди своихъ товаровъ, или курятъ кальяны въ самыхъ лавкахъ, вдающихся углубленіями въ каменные стѣны базара, въ видѣ обыкновенныхъ комнатъ, запираемыхъ снаружи крѣпкими дверьми. Отъ прямой главной улицы идутъ боковыя: ведущія въ разные караванъ-сэраи, которые называются по именамъ хозяевъ ихъ, или областей и земель, которымъ принадлежатъ торговцы, какъ-то: армянскій, грузинскій: караванъ-сэрай, или наконецъ, по именамъ откуда преимущественно доставляются продаваемые въ каждомъ изъ нихъ товары. Многіе караванъ-сэраи весьма красивы, и всѣ вообще весьма грязны. Въ каждомъ изъ нихъ довольно большая площадка, окруженная каменнымъ двухъ-этажнымъ строеніемъ, смѣшанной, но болѣе однако жъ арабской архитектуры, владычествующей на Востокѣ, и вмѣстѣ съ магометанствомъ оставшейся памятникомъ двухъ-вѣковаго владычества Калифовъ. Посерединѣ площадки бассейнъ съ водою, и иногда фонтанъ. Вокругъ разстилаютъ ковры, и на нихъ нѣжатся Персіане, въ черныхъ шапкахъ, съ черными бородами своими, въ красивой, привольной одеждѣ, съ важною осанкою и съ богатыми кальянами. Иные изъ караванъ-сэраевъ покрыты высокими и широкими куполомъ. Среди ужасныхъ жаровъ здѣшнихъ въ нихъ всегдашняя прохлада, и азіятская лѣнь находитъ роскошное мѣсто отдыха. Впрочемъ, не подумайте, что таковы всѣ караванъ-сэраи. Въ болѣе части ихъ всегдашняя нечистота и неопрятность, и во всѣхъ отъ зари до зари шумъ и толкотня. Кромѣ-того на базарахъ порядочная грязь, что однако жъ дѣлается съ умысломъ для уничтоженія пыли, взбиваемой тысячами народа и всякихъ четвероногихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для прохлады, за которою такъ же гоняются здѣсь, какъ у насъ за тепломъ. Всегда съ большимъ удовольствіемъ гуляю я по тавризскому базару. Пестрота, разнообразіе, шумъ здѣсь такъ велики, что кажется будто вся жизнь городская соединилась на базарѣ, и остальная часть города, или полу-жива, или вовсе мертвая. Разнообразіе истиннаго образцовое. Подъ однимъ и тѣмъ же сводомъ найдешь кузнеца

подковать, дождавъ, портнаго сшить платье, повара накормить, чѣмъ угодно, купца удовлетворить мяснымъ вкусомъ всѣми восточными рѣдкостями, шалами, шелковыми тканями, коврами. Тутъ все шибко—роскошь и бѣдность. Въ суетливой толпѣ видятъ множество вышивки; съ потолка до потолка закрыты темво-синими, бумажными и шелковыми сатинами, съ длинными, бѣлыми покрывалами, которые на затылкъ придерживаются красивыми, а часто драгоценными крючками; спереди, противъ глазъ, въ нихъ кисейныя, шитыя рѣшетки, сквозь которыя смотрятъ на Божій свѣтъ огненные восточныя глаза, соблазнительныя какъ запрещенный плоды.

Нашъ путешественникъ видѣлъ перваго министра *Тамъ Алата на землю*, Ходжу Мирза-Агасси, представлялся шаху, вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ, въ лѣтнемъ лагерѣ близъ Тегерана. Шахъ и его министры жили въ палаткахъ. Жаръ доходилъ до двадцати осьми градусовъ. Лагерь являлъ картину безобразной пестроты и толкотни. Сотни просителей тѣснились у входу въ палатку визиря, и получали въ отвѣтъ несправные удары налками отъ фершаней и часовыхъ. Министръ всталъ при входѣ гостей, употчивалъ ихъ шербетомъ, калѣномъ и конфектами, разсыпался въ изъявленіяхъ преданности Россіи, въ похваляхъ Русскимъ, хвасталъ своимъ арсеналомъ, и лгалъ—*миллионы!* — по-персидски.

Хаджи старъ, но еще бодръ, хотя ему будетъ лѣтъ шестьдесятъ пять; говоритъ съ большою живостью, внимательно слушаетъ, и весьма разговорчивъ. Черныя, блестящіе глаза его выразительны; римскій носъ, смуглое, худощавое лицо и маленькая, рѣдкая борода, составляютъ въ цѣломъ что-то значительное; глубокія морщины говорятъ о минувшихъ страстяхъ, бѣглые глаза о хитромъ умѣ, и перемѣнчивыи разговоръ объ уклончивомъ характерѣ и поверхностныхъ свѣдѣніяхъ. Онъ былъ простой мулла, школьный учитель и астрологъ. Строгою жизнью и просками обратилъ онъ на себя вниманіе любимцовъ Фетхъ-Али-шаха, дѣда нынѣ царствующаго Магомета-Шаха. Избранный въ наставники Магомета, бывшаго въ то время еще принцомъ, Хаджи овладѣлъ умомъ его и довѣренностью, участвовалъ въ заговорѣ противъ Каймакама, перваго министра при Фетхъ-Али-шахѣ, а въ началѣ царствованія бывшаго государя Персін, старался о низверженіи Каймакама, и когда по повелѣнію шаха задушили его, Хаджи сдѣлался его преемникомъ и первымъ министромъ. Нынѣ власть его неограниченная. Онъ дѣлаетъ все, чего захочетъ шахъ, а шахъ дѣлаетъ только то, чего хочетъ его министръ. Но Хаджи никогда не хвалится своею властью; онъ знаетъ, что такая похвальба погубила его предѣстника. «Я факиръ, я нищій!» говоритъ онъ каждому. «У меня ничего нѣтъ, и я нищій»

не могу сдѣлать. Или къ шаху, или ево о. ильети, и онъ все сдѣлаетъ! Надобно однако жъ сказать, что Хаджи добръ, часто удерживаетъ шаха отъ жестокости, и рѣдко отойдетъ отъ него бѣдный безъ помощи. Онъ женатъ на дочери Фетхъ-Али-шаха.

«Отъ перваго министра отправились мы къ шаху. Онъ принялъ насъ въ саду, въ кругломъ кіоскѣ, устланномъ кашмирскимъ шёлкомъ. Передъ дверьми сада, отъ которыхъ тянулась длинная аллея вплоть до кіоска, возвышалась, въ родѣ ширмы, небольшая стѣна; зайдя за нее, мы увидѣли шаха, сидѣвшаго въ возвышенномъ кіоскѣ на полу, поджавши ноги по восточному обычаю. Послѣ нѣсколькихъ шаговъ, мы остановились, и приложили правыя руки къ шляпамъ; пройдя половину разстоянія, мы опять остановились и сдѣлали то же; третій привѣтъ нашъ былъ у кіоска, куда мы вошли не снимая шляпъ, и только оставя у дверей галоши. Подлѣ шаха, на коврахъ, лежали пара пистолетовъ и сабля; передъ нимъ стояла чернильница, и разбросано было нѣсколько бумагъ. Съ привѣтливою улыбкою благодарилъ онъ посланника за посѣщеніе, пригласилъ сѣсть въ креслахъ, шагахъ въ пятнадцать отъ него. Когда посланникъ представилъ намъ, шахъ обратился ко мнѣ съ непринужденнымъ радушіемъ, проговорилъ обыкновенный Персидскій привѣтъ: «*тош омедитъ*» (добро пожаловать, и «здоровы ли вы?») и обращаясь къ посланнику, прибавилъ: «Каждый новый русскій гость доказываетъ новое къ намъ расположеніе русскаго императора. Мыумѣемъ цѣнитьэто, и просимъ васъ, господинъ министръ, изъяснить Е. И. В., отъ имени нашего признательнаго за вниманіе его». «Гдѣ видѣли вы въ послѣдній разъ императора? каково здоровье его?» были первые вопросы шаха мнѣ, и когда я отвѣчалъ, онъ продолжалъ разговоръ опять вопросами: «Сколько дней ѣхали вы? Такъ ли тепло теперь въ Петербургѣ, какъ здѣсь въ Тегеранѣ?» Потомъ шахъ началъ разспрашивать посланника: «Не пріѣхалъ ли къ нему курьеръ изъ Петербурга? Что пишутъ новаго? Что дѣлаютъ Англичане въ Китаѣ, и Могометъ-Али въ Египтѣ?» Шахъ большой охотникъ до новостей. Любимицы ежедневно являютъ къ нему по утрамъ съ большими запасами новостей; и если сказать нечего, выдумываютъ ихъ и собираютъ на базарахъ, гдѣ часто старое продается за новость. У шаха пріятная наружность; лицо полное, бѣлое; прекрасныя, выразительныя, черныя, блестящія глаза, и густая, окладистая борода; ростъ средній; черты лица пріятны, и въ нихъ нѣтъ ничего суроваго, хотя суровость часто является къ его дѣлахъ. Бывши принцемъ, Могометъ-шахъ подавалъ большія надежды, отличался дѣятельностью и воинскими способностями; находясь при отцѣ своемъ, Аббасѣ-Мирѣ, преобразовалъ персидскія войска. Онъ долженъ былъ завоевать престолъ Персій, хотя и по праву принадлежавшій ему. Теперь онъ совершенно вѣрнулся своему первому министру, и изъ когтей орла владѣли не попался въ когти ястреба, потому что тому или другому можно уподобить каймакана и Хаджи. У шаха не подавали намъ ни шербета, ни чашки: кавказъ, такую почестя оказываютъ только первому министру его; намъ откланился шаху по прежнему, тремя привѣтами....

Вотъ что нашъ путешественникъ видѣлъ въ Гамаданѣ.

Прежде всего отправился я осматривать гробницу Эсенри и Мардохея. Моріеръ говоритъ, что это зданіе должно отнести къ первымъ вѣкамъ исламизма, а Мальколмъ приводитъ переводъ еврейской надписи, сдѣланной на плитѣ, находящейся въ стѣнѣ зданія, внутри. Надпись утверждаетъ, что зданіе построено въ 4474 году отъ С. М., т. е. надъ гробницами Эсенри и Мардохея. Исторія Мардохея извѣстна. Плѣнникъ Навуходоносора, онъ принялъ вмѣсто дочери Эсенри. Она была потомъ супругою Артаксеркса, и Мардохею сдѣлался спасителемъ Евреевъ. Суза была тогда мѣстомъ пребыванія царей. Какимъ образомъ очутились въ Гамаданѣ гробницы Эсенри и Мардохея? Но Евреи свято вѣрятъ преданію объ нихъ. Зданіе страннаго, некрасиваго виду, четырехугольное, съ эллиптическимъ куполомъ и небольшою пристройкою, служащею входомъ, или сѣнями; ихъ закрываютъ большимъ камнемъ, въ видѣ двери. Все зданіе кирпичное, и оштукатурено. Насилу могъ я дожидаться старика-жидка, у котораго былъ ключъ; занимъ надобно было идти въ домъ его, и главное—обѣщать ему денегъ. Онъ отвергъ маленькую дверь особымъ ключемъ, просунувши руку внутрь зданія, черезъ отверстіе въ двери. Первая комната была завалена соромъ. Тутъ видна плита, подъ которою находится прахъ какого-то «Данила Начальника». Больше жидъ ничего не умѣлъ сказать. Не помню, читалъ ли я гдѣ объ этой могилѣ, но проводникъ говорилъ, что Данилъ погребенъ здѣсь давно. Отсюда надобно было пробраться въ другую комнату, черезъ квадратное, фута въ полтора отверстіе, служащее вмѣстѣ двери, что особенно трудно было для приземистаго Армянина, моего гамаданскаго чичероне. Посреди небольшой комнаты, освѣщенной сверху нѣсколькими маленькими окнами, продѣланными въ куполѣ, я увидѣлъ двѣ гробницы, на подобіе саркофаговъ. Рѣзныя, пирамидальныя крышки ихъ сдѣланы изъ кипариснаго дерева, и покрыты лакомъ, но многіе куски крышекъ отвалились; мѣсто ихъ замѣнила бумага, а отпавшіе куски дерева сдѣлались предметомъ промышленности жидовъ, которые продаютъ ихъ желающимъ. Съ боковъ, гробницы обиты досками. На стѣнахъ комнаты видны кое-гдѣ еврейскія надписи изъ Талмуда. Полъ выстланъ камнемъ. Украшеній никакихъ нѣтъ, кромѣ кучъ сору въ углахъ. Этотъ памятникъ считается священнымъ у Евреевъ. Они приходятъ сюда на поклоненіе изъ далекихъ областей Персіи, по которой разсѣяно племя ихъ, какъ всюду по лицу земли. Въ Гамаданѣ до двухъ-сотъ еврейскихъ семействъ. Они платятъ въ годъ до пяти сотъ червонцевъ подати, и занимаются только мелочною торговлею.

Нашъ путешественникъ видѣлъ еще множество другихъ вещей, но объ нихъ надо читать въ книгѣ, которая совершенно заслуживаетъ этой чести.

Правда, мысли и мнѣнія Наполеона о всеобщемъ испугѣ, святой исторіи и святомъ дѣлѣ, изъ сочиненій

Собранный Ф. Кауслерами, перевел по
210 штаба Я. Леонтьевъ. С П.-бурга, в
вз-8. Девъ части, стр. 520—270.

чтительное, не только для воен-
читателей. Всякой, кто любить
— немножко военный. Возвръ-
ликаго истребителя своихъ
ожать ополченія народовъ
этого искусства, не мо-
общаго любопытства. Кни-
ла. Переводъ прекрасенъ.

испытанный указатель къ Исторіи Го-
суда, Н. М. Карамзина, составленный,
исправленный и приспособленный къ
ея изданію, П. Стоевымъ, и двадцать четыре, со-
ставленные Карамзинскими и Строевыми родовыми таб-
лицами книгъ российскихъ. Изданіе И. Эйнерлинга. С П.-бурга,
Прага, 1844, вв-8., стр. 495 и 45.

прекрасное предпріятіе Эйнерлинга исполнено самымъ
тщательнымъ образомъ. «Исторія Россійскаго Госу-
ства», огромная и, безспорно, первая книга въ рус-
литературѣ, ему обязана наконецъ достойнымъ се-
зданіемъ, которое тѣмъ болѣе примѣчательно, что
масотою, изящностью, полнотою и уютнымъ объемомъ,
содержитъ еще важное достоинство чрезвычайно умѣ-
рой цѣны. Вся «Исторія Россійскаго Государства»
теперь не болѣе шестнадцати рублей серебромъ.
гъ господина Эйнерлинга дѣлаетъ честь русскому
печатанію. Частный человекъ, не типографъ, не
продавецъ, совершилъ то, чѣмъ могли бы гордиться
на, Морре или Дядо. Русская публика оценитъ усер-
мустрашннмаго и искуснаго издателя. У кого есть пре-
изданія «Исторіи» Карамзина, и тѣ запасутся изда-
гъ господина Эйнерлинга, потому что оно лучше всѣхъ
иныхъ, полнѣе, богаче драгоцѣнными свѣдѣніями, удоб-
къ употребленію. «Ключъ къ Исторіи Россійскаго Го-
ства» — необходимое допленіе къ этому великому
изданію. Господинъ Эйнерлингъ обогатилъ свое изданіе

и этииъ важнымъ пособіемъ къ справкамъ. «Ключъ» составляетъ отдѣльный томъ: онъ напечатанъ въ томъ же форматѣ и такъ же красиво какъ и текстъ исторіи.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕХАНИКИ, для Артиллерійскихъ офицеровъ и для инженеровъ военныхъ и гражданскихъ. Сочиненіе А. Морена, изданная по Высочайшему повелѣнію, подъ руководствомъ Военно-ученаго Комитета. Перевелъ съ французскаго К. Майдель. Сп.-бургъ въ тип. Артиллерійскаго Департамента В. М., 1843, въ-8., стр. 405.

Сводъ положеній и формулъ механики, утвержденныхъ практикою и необходимыхъ въ практикѣ. Теоретическія доказательства устранены и тѣмъ книга сдѣлана удобною для всеобщаго употребленія. Переводчикъ, воспитанникъ Артиллерійскаго Училища, офицеръ гвардейской артиллеріи, выполнилъ дѣло свое отлично, внимательно, добросовѣстно. Даже французскіе вѣсы и мѣры въ многочисленныхъ таблицахъ приведены всѣ въ русскія: одинъ уже этотъ огромный и скучный трудъ показываетъ рѣдкую тщательность переводчика. Наши переводчики обыкновенно не утруждаютъ себя такими хлопотливыми дѣлами.

1. О СРЕДСТВАХЪ КЪ ПОСОБІЮ ОТРАВЛЕННЫМЪ РАЗНЫМИ ЯДОВИТЫМИ СОСТАВАМИ. Профессора Е. Р. Гепера. Съ нѣмецкаго перевелъ, съ добавленіемъ способовъ къ открытію ядовъ въ судебныхъ случаяхъ, докторъ Павелъ Нароновичъ. Сп.-бургъ, въ тип. Крайя, 1844, въ-8., стр. VII, и 175.

2. КЛИНИЧЕСКАЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ. Содержащая (въ себѣ) описанія всѣхъ внутреннихъ болезней въ алфавитномъ порядкѣ, съ изложеніемъ ихъ признаковъ, различій и леченія, съ приложеніемъ краткой рецептуры и фармакологіи. Составленная для врачей и учащихся, докторомъ Марчеллою Франко. Перевелъ съ нѣмецкаго Константинъ Рубенштейнъ. Москва, въ Университетской тип., 1843, въ-16., стр. VI, 768 и 40.

3. ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ВѢДЪ ПРАКТИЧЕСКИХЪ ВОЛЪЗНЕНІЙ, или Критическія и опытія изъ

сладостями: подѣ прилежитѣмъ вѣднѣ болѣе, съ терпѣннѣмъ и рецептами. Сочиненіе Рикора. Переводъ съ французскаго Степана Климонковъ. Москва, въ Университетской тип., 1845, въ-8., стр. II, 642 и IV.

Первое изъ этихъ трехъ сочиненій заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: токсикологія, — вопросъ совершенно современный; она занимаетъ теперь множество врачей и химиковъ, и притомъ книга сама по себѣ можетъ быть полезна въ домашнемъ и хозяйственномъ быту. Прибавленіе переводчика о способахъ къ открытію ядовъ въ судебныхъ случаяхъ доказываетъ его доброе намѣреніе, но, какъ человѣкъ ученый, онъ вѣроятно и самъ не принимаетъ нѣсколькихъ страницъ рѣчи о такомъ сложномъ, нѣжномъ и спорномъ предметѣ, за что-нибудь серьезное въ 1844 году.

Къ чему можетъ служить вторая книга, которая хочетъ лечить людей карманно по алфавиту, о томъ знаютъ ея издатели. Надо имѣть странное понятіе о нынѣшнемъ состояніи медицины, и какъ науки, и какъ практическаго искусства, чтобы переводить и издавать такіа сочиненія!

Третья книга, сочиненіе Рикора — полная и дѣльная монографія своего предмета. Авторъ ея — первый по этой части практикъ во Франціи. Онъ рѣшительный меркуріалистъ. Новыя методы леченія не увлекаютъ его, и, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительность ихъ еще не доказана. За переводъ этого примѣчательнаго трактата русская врачебная практика должна быть благодарна господину Климонко.

Книга объ вѣчисленіи процентовъ, по билетамъ банковъ и Сохранной казны. Составилъ М. Поднебесный: СПб.-бургъ, въ тип. Вишнєбера, 1844, въ-8., стр. 168.

Авторъ желаетъ, чтобы критику на его книгу написали капиталисты.

Новыя брошюры.

О Еврейскихъ Праздникахъ. Маистра іеромонаха Іосафа. Одесса, 1843. — Праздники у Евреевъ — двѣт. LXIII. — Отд. VI.

якіе, «непостоянные» и «переходящіе». Къ первымъ относятся субботы и новомѣсячія; ко вторымъ Пасха, Пятидесятница, Кущи, называемыя большими сраженіями, Новый Годъ, Очищеніе, Радость о законѣ, Обновленіе, Фури, или Жребій и праздникъ седмиць. Пятидесятый день послѣ Пасхи празднуется Евреями въ память полученія Закона на Горѣ Синайской. Праздникъ Кущей, или Сѣней, отправляется въ сентябрѣ, въ память странствованія Израильтянъ въ пустынь. Въ праздникъ Новаго года, начинаемаго съ сентября, Евреи приносятъ покаяніе, потому что думаютъ, что Богъ судить въ тотъ день всѣхъ людей на небесахъ и вносятъ жребій ихъ въ книги праведныхъ, грѣшниковъ, и кающихся, которые могутъ еще покаяніемъ спасти себя отъ осужденія. Въ десятый день послѣ Новаго года наступаетъ праздникъ Очищенія. Каждый мужчина зарѣзываетъ бѣлаго пѣтуха, и каждая женщина курицу, съ особенными обрядами. Пока женщины жарятъ эти жертвы Очищенія, мужчины совершаютъ въ синагогѣ *могать*, или покаяніе: каждый становится на колѣни и получаетъ отъ другаго тридцать девять ударовъ бичомъ, читая про себя исповѣдь во всѣхъ грѣхахъ и ударяя каждый разъ въ грудь руками. По возвращеніи домой, одѣтые въ бѣлыя рубашки по-верхъ платья, Евреи съѣдаютъ курецъ и пѣтуховъ, поутру зарѣзанныхъ. Праздникъ Радости о законѣ, *Симгасъ тора*, установленъ въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х., вмѣсто прежняго торжества Субботнихъ лѣтъ, то есть, каждаго седьмаго года, и Юбилея, или пятидесятаго года, которые отправлялись нѣкогда въ храмѣ іерусалимскомъ. Онъ бываетъ въ сентябрѣ, по окончаніи праздника Кущей, и состоитъ въ чтеніи закона Моисеева. Днемъ Обновленія, въ ноябрѣ, воспоминается обновленіе храма при Маккаведахъ: онъ отличается зажженіемъ свѣчъ по домамъ Евреевъ. Наконецъ, послѣдній праздникъ, *Фури* или *Пуримъ*, въ февралѣ, посвященъ памяти о спасеніи при Мардохеѣ. Это—родъ масляницы, и тогда совершается большая часть свадебъ у Евреевъ. Таамаудъ разрѣшаетъ даже выпить лишнее.

Извѣстно, что Евреи раздѣляютъ годъ на дунные мѣсяцы. Многія изъ молитвъ Евреевъ трагическы. Каждую

субботу вечеромъ они поютъ въ синагогахъ: «Милосердый Богъ! Ты прощаешь и не губишь грѣшника; скорый на отвращеніе гнѣва Своего, Ты не изливаешь на насъ всей ярости Твоей! Боже, на лица насъ милости Твоей, и да охраняютъ насъ милость и истина Твоя! Яви намъ, Боже, спасеніе наше, и изведи насъ изъ среды лѣнщиковъ!» Мысль, что пророкъ Іиія придетъ возвестить имъ яришествіе Мессіи, выражается особенною поэтическою пѣснью, «Это пиръ царя Давида!» восклицаетъ Еврей, совершая правосожаніе субботы.

ПРИЗВАНІЕ на престолъ всероссійскій Михаила Теодоровича Романова. Сочиненіе Георгія Львова. Сп.-бургъ, 1843. — Это собственно — поясненіе на картину, которую весьма давно обѣщали выдать господинъ Гварій Львовъ и, наконецъ, выдалъ весьма недавно, Картина нелзя сказать, чтобъ была ужасно удивительна, но зато поясненіе написано великолѣпно, высокимъ слогомъ, и безъ правописанія. Тутъ не говорятъ, а *рекутъ*, не идутъ, но *шествуютъ*, и такъ далѣе. Авторъ почерпаетъ историческую мудрость изъ Ядра Россійской Исторіи, источника всякой мудрости.

ТРУБКА ТАБАКУ. Сп.-бургъ, 1844. — Пущо въ славу одного табачнаго фабриканта. Настоящая цѣль брошюры — объявить, какъ-будто не нарочно, объ его лавкѣ. Литературнымъ образомъ рекомендуютъ вамъ покупать табакъ у «добраго Винклера, къ домъ Рѣшетниковой, по Гороховой Улицѣ, у Каменнаго моста». Тамъ «добрый Винклеръ» снабжаетъ лучшими сигарами и двухъ рублевымъ вагштафомъ, который, говоритъ «Трубка табаку», гораздо лучше нежели вагштафъ «знаменитаго, но неглижирующаго, промывателя».

О ВОЛОСАХЪ. Философическое и практическое сочиненіе, съ подробнымъ изложеніемъ удивительныхъ лекарственныхъ силъ макассарскаго масла. Сочиненіе Руанда. Переводъ съ французскаго Н. рѣ В. оль. Изданіе второе. Москва, 1843. — Приглашеніе покупать макассарское масло. Это философическое сочиненіе принадлежитъ къ парижской литературѣ. Знаменитый Геліо каждый годъ

пишетъ, на него философическія возраженія, доказывая, что гораздо согласнѣе съ философіей волюсь — покушать его парки.

L'APPRENSU DE DIVERSS BÉNÉFICES DE MÉDICATIONS et des bains de vapeur, par M. le docteur Franceschi. St.-Petersbourg, 1845. — Медико-философическая вывѣска къ заведенію паровыхъ ваннъ, учрежденному въ Петербургѣ австронъ. Авторъ доказываетъ, что всѣ извѣстные способы врачеванія, аллопатія, гомеопатія, гидропатія — вздоръ: однимъ только способомъ можно возстановить свое здоровье, именно, его паровыми ваннами; ни болѣзни, ни даже старость, не осмѣлятся заглянуть въ двери къ тѣмъ, кто захочетъ употреблять ванны доктора Франчески.

О милостыни. Москва, 1845. — Авторъ открылъ, что помогать бѣднымъ — весьма похвально и советуется подавать милостыню.

ВЕСЬДЫ О МИРОЗДАНІИ. Сочиненіе Ильина. Москва, 1845. — Авторъ, человекъ весьма ученый, посвятивъ книжечку свою «Его высокоблагородію Павлу Платоновичу Григоровичу», подробно излагаетъ тайну сотворенія міра. Одного только не можетъ разгадать онъ вопроса, именно, того, «который, при разсмотрѣніи видимаго міра, несколько *раздается* въ умѣ нашемъ: долго ли будетъ существовать вещественный составъ міра?» За этотъ неаконнорожденный вопросъ, который, впрочемъ, какъ изъ дѣла видно, «несоленно *родился* въ умѣ» автора, онъ дѣлаетъ своему уму строгій выговоръ, и объявляетъ: «Рѣшеніе столь важнаго вопроса недоступно пытливости человѣческаго ума, и результатомъ всѣхъ соображеній моихъ выходитъ: *«Я не знаю этого!»*»

КНИГА ХАМЕЛЕОНЪ. Забавная фокусная игрушка для дѣшей. СПб.-бургъ, 1845. — Тетрадка съ картинками и буквами, которую можно вертѣть на четыре манера, и каждый разъ выходить другой манеръ буквъ и картинокъ.

ВЕРЕГИТЕСЬ, РЕЦЕНЗЕНТЫ!! Разсказъ Августа Ловалда. Рисунки Вируста. СПб.-бургъ, 1844. — Объ рецензентахъ тутъ ничего нѣтъ. Вся исторія состоитъ изъ случайныхъ до-

смерти, до немецкаго остроумія, разоназъ о томъ, какъ молодая актриса заочно влюбилась въ рецензента, который написалъ ей похвалу: она зоветъ его къ себѣ, привозитъ старыя, лысый уродъ гелертеры, и уѣзжаетъ обратно съ длиннымъ носомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Выходящее въ Москвѣ «Живописное Обзоріе» объявляетъ о вступленіи своемъ въ осьмой годъ благополучнаго существованія. Въ ряду нашихъ иллюстрированныхъ изданій оно, безспорно, занимаетъ первое мѣсто и заслуживаетъ перваго вниманія. Поговоримъ объ немъ. Начатое господиномъ Семеномъ и впоследствии перешедшее во владѣніе Ксенофонта Алексѣевича Полеваго, «Живописное Обзоріе» первое ознакомило русскихъ читателей съ политическими, и вѣтченіи сени лѣтъ составило богатое, чрезвычайно разнообразное, собраніе красивыхъ и любопытныхъ картинокъ; выбирая лучшія изъ англійскаго Penny Magazine и французскаго Magazin pittoresque. Кроме иностранныхъ рисунковъ, оно дало читателямъ сотни любопытныхъ изображеній отечественныхъ предметовъ, видовъ русскихъ городовъ, церквей, монастырей и памятниковъ; портретовъ; снимковъ съ подписей; народныхъ костюмовъ, и прочая. Число всѣхъ этихъ картинокъ простирается до двухъ тысячъ, составляя очень занимательную галерею исторіи, географіи, естественныхъ наукъ, художественныхъ произведеній и этнографическихъ данныхъ. Статьи, которыя служатъ нмѣ поясненіемъ, всегда очень хорошо обдѣланы; онѣ даже большею частью оригинальныя и, кромѣ того, между ними соблюдается систематическое соотношеніе: содержаніе каждого года внимательно соображено съ содержаніемъ всѣхъ предыдущихъ годовъ. Такимъ образомъ составляется живописный курсъ знаний; доступныхъ для каждого, по ясности изложенія и по необыкновенно дешевой цѣнѣ. Съ новаго года «Живописное Обзоріе» присовокупило особенный листокъ, гдѣ помѣщаются библиографическія замѣчанія о новыхъ

книгахъ. Два донынѣ извѣстные намъ номера нынѣшняго года богаты содержаніемъ: Болгары, Араратъ, Несеніе креста (картина Себастіана дель-Піомбо), Диогенъ (картина Сальватора Розы), Сочельникъ и Новый годъ, Зима (рисунокъ Гранвилля), Дѣвушка съ собачкою (картина Грѣза), Нѣмецкій разнощикъ, Соборная толедская церковь, Парки (статуя Пилона), Еврей музыкантъ, Морская битва: тринадцать большихъ рисунковъ и тринадцать статей, написанныхъ занимательно, легко, живо. Два листка библіографическихъ извѣстій наполнены короткими, но хорошими, замѣчаніями. Говорить, будто «Живописнаго Обзорнія» расходится три тысячи экземпляровъ и будто издатель очень доволенъ этимъ. Издатель, если ему угодно, можетъ себѣ быть доволенъ, но мы не довольны. На это же самое изданіе въ Англіи считаютъ *сто двадцать тысячъ* подписчиковъ, во Франціи—*сорокъ тысячъ*, въ Германіи—почти столько же. По народонаселенію, эти страны далеко не стоютъ Россіи: а между-тѣмъ въ Россіи на такое красивое, привлекательное, полезное и дешовое чтеніе—только три тысячи подписчиковъ!.... три тысячи въ осьмомъ году существованія!.... и этимъ еще издатель, говорятъ, доволенъ!.... Плохой признакъ. Люди же хотятъ просвѣщаться, даже и за безцѣнокъ. Неужели любовь къ чтенію, рвеніе къ образованности, у насъ ослабѣваютъ?.... Наше русское сердце будетъ тогда только довольно, когда намъ скажутъ, что у господина Ксенофонта Полеваго на «Живописное Обзорніе»—полтора ста тысячъ подписчиковъ.

— «Санктпетербургской Флоры», издаваемой господами Левинымъ и Селезневимъ, вышла осьмая книжка. Въ ней двадцать пять рисунковъ, по-прежнему, отлично литографированныхъ и хорошо раскрашенныхъ.

— На-днякъ выйдеть *Описаніе турецкой войны 1828 года*, составленное Н. А. Лукьяновичемъ и обогащенное девятнадцатью планами сраженій и осадъ, и двумя картинами. Авторъ уже съ выгодной стороны извѣстенъ прежними трудами. Ему были открыты все военные архивы.

VII.

ОШИБКА.

=

LE JOUR LE JOUR. *Поденщина господина Фредерика Сулид.* Новости свежѣе быть не можетъ: романъ написанъ *поденно*, — нынѣшніе романисты хвастаютъ этимъ, — и *поденно* напечатанъ въ «бѣлетонѣ» *Journal des Débats*, втеченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, въ родѣ ежедневной газеты чувствъ героини и героя. Такую форму прійметъ окончательно романъ: между переворотами сердца, которые донынѣ составляли предметъ искусства, поэтическаго соображенія, художественнаго труда, и «испанскими дѣлами», не будетъ ни какого различія; читатель, каждое утро, узнаетъ за завтракомъ изъ своей любимой газеты, что третьяго дня сдѣлалъ Нарваэсъ и сколько слезъ пролила вчера Андія или Лиза. Свѣтъ достигаетъ удивительнаго совершенства! Несправедливо было бы не довести тотчасъ же до свѣдѣнія нашихъ читателей такихъ новыхъ сердечныхъ событій. Вотъ какъ происходила эта исторія:

Вечеромъ двадцать-пятого декабря прошлаго 1843 года, въ столичномъ городѣ Парижѣ, комнаты мосье Симона, стряпчаго, были освѣщены, какъ-будто для балу. Въ столовой накрытъ былъ столъ. А между-тѣмъ, въ десять часовъ никто еще не пріѣзжалъ. Мадамъ Симонъ, женщина лѣтъ тридцати-шести, еще недурная, очень просто, но очень мило одѣтая, ходила по комнатамъ, чтобы посмотреть все

ли такъ приготовлено, какъ она приказала. Молоденькая дѣвушка сидѣла за фортепiano и небрежно проигрывала какіе-то танцы. По-временамъ она зѣвала и переворачивая ноты, всякой разъ окидывала глазами комнату и бормотала:

— Какъ скучно! Боже мой, какая скука!

Нарядъ ея былъ слишкомъ простъ для бала, но слишкомъ богатъ для такой молоденькой дѣвушки. Ей было только семнадцать лѣтъ. Цѣрое атласное ея платье съ высокими воротомъ, застѣгивалось сверху до низу бѣлыми пуговками; изъ-подъ широкихъ рукавовъ, разрѣзныхъ до локтя, выставлялись другіе рукава изъ стариннаго венеціанскаго кружева: ~~тамъ одна стоили~~ ^{тамъ одна стоили} добраго наряда; на лѣвой рукѣ сіялъ браслетъ: одинъ брилліантъ въ самой простой оправѣ; но съ однимъ этимъ браслетомъ скромное семейство могло бы прожить всю жизнь въ довольствѣ: брилліантъ стѣнитъ тысячь пятьдесятъ. Съ перваго взгляду ее можно было бы принять за молоденькую женщину во всемъ блескѣ первыхъ дамскихъ нарядовъ, которые составляютъ главную прелесть Медоваго мѣсяца; но поглядѣвъ хорошенько, несмотря на ея гордый видъ, нельзя было не догадаться, что тутъ еще не бывало ни любви, ни брака. Въ двойной дѣйствительности молоденькой дѣвушкѣ есть что-то сухое, натянутое, и оно тотчасъ бросается въ глаза. Смотритъ она прямо; жесты у ней какіе-то угловатые, сжатые. Любовь, такъ сказать, развязываетъ этотъ взоръ; дѣлаетъ его гибкимъ, придаетъ ему и милую томность и внезапный блескъ, которые обличаютъ бѣнне сердца; замужство точно такъ же развязываетъ походку, жесты, все движенія: женщина становится вольнѣе и болѣе гибкою, хотя болѣе прежняго чувствуетъ свое достоинство.

Въ туалетѣ этой дѣвушки можно было охуждать многое; въ ней самой ничего. Она была красавица въ полномъ смыслѣ слова; не только прекрасна, но сверхъ-того и миловидна; потому что съ красотою, которая происходитъ отъ правильности чертъ лица, она соединяла и ту, болѣе рѣдкую красоту, которую придаетъ фizioномія. Лицо ея выражало величіе, рѣшительность и умъ, что, конечно,

не могло нравиться тѣмъ мужчинамъ, которые болтаются женскихъ претензій на независимость.

Считала дѣвушка жаловалась на скуку про себя, потому что вполголоса, потому и вслухъ, такъ что наконецъ мадамъ Симонъ уединилась и остановилась посреди залы.

— Тебѣ скучно, Сабина? сказала она протнмъ, сънисходительнымъ тономъ, но безъ всякой примѣси пугливой привязанности, по которой тотчасъ можно узнать мать.

— Мнѣ, маменька (такъ называла она мадамъ Симонъ, хотя была и не дочь ей): нисколько.

И покраснѣла.

— Что жъ ты такое говорила?

— Мнѣ досадно, что я не могу порядочно разыграть воть этого пассажа: десять разъ его твердила.

— О, нѣтъ, что-нибудь да не то. Ты играешь эти ноты прекрасно, да и другія, по-труднѣе этихъ... Тебѣ не нравятся наши обыкновенные гости, тебѣ скучно у насъ.

— О, маменька, какъ вы можете это думать? вскричала Сабина, вскочивъ и подбѣжавъ къ мадамъ Симонъ: неужели я такъ неблагодарна, что не умѣю цѣнить вашей привязанности ко мнѣ?

— Это еще не значитъ, чтобы ты была неблагодарна. Я увѣрена, что ты умѣешь цѣнить нашу привязанность, наши попеченія о тебѣ. Но, мы ли виноваты, или ты сама, только все это ни къ чему не ведетъ. Ты скукаешь у насъ.

Сабина опустила голову и слезки выкатились изъ прекрасныхъ глазъ ея.

— Да, признаюсь, я несчастлива.

Мадамъ Симонъ подвела ее къ кушеткѣ и внутренно смѣясь надъ тѣмъ, что эта молоденькая, прекрасная, богатая дѣвушка, вздумала считать себя несчастною, она сказала:

— Сядь-ка сюда; расскажи мнѣ о своемъ горѣ. Что тебя мучитъ? Какая негодная мысль забралась тебѣ въ голову? Признайся и увидишь, что твое горе разсѣется, какъ-скоро ты вѣрнешь мнѣ свою тайну.

Дѣвушка отвернулась и молчала.

— Но скажи же мнѣ, что съ тобою?

— Ничего, маменька, право ничего. Я несчастлива и

только. Меня тоска беретъ, когда я подумаю, что сегодня надобно веселиться.

— Да чего же тебѣ недостаетъ? чего тебѣ хочется?

— Ничего.

— Полно реблчаться, авай, порассудимъ вмѣстѣ...

— Можно ли рассуждать о томъ, что чувствуешь не-
вѣрно?

— Ну, вотъ это одна изъ тѣхъ тотоныхъ, стереотипныхъ фразъ, которыя мужъ мой такъ ненавидитъ. Если бъ онъ это слышалъ, онъ бы завелъ съ тобою ссору.

— Папенька всегда очень добръ до меня, почти такъ же какъ вы, сказала Сабина; но онъ не понимаетъ женскаго сердца.

Мадамъ Симонъ улыбнулась такъ лукаво, что на минуту десятью годами помолодѣла.

— Съ этимъ я не согласна, моя милая, сказала она. Я, напротивъ, думаю, что мужъ мой очень хорошо знаетъ женское сердце. Я женщина, а я его люблю. Мнѣ было осьмнадцать лѣтъ, когда я его полюбила; теперь мнѣ тридцать шесть, а я всё-еще люблю его.

— О, неужели вы были влюблены въ него? вскричала Сабина съ такимъ простодушнымъ удивленіемъ, что нельзя даже было и обидѣться этимъ вопросомъ.

— Да, влюблена; любила его страстно, со всеми признаками пламенной любви. Не спала по ночамъ. Когда онъ долженъ былъ прійти къ намъ вечеромъ, я ждала его съ самаго утра. Когда онъ приходилъ, я на него и не смотрѣла, боясь, чтобы не замѣтили моей радости. Если онъ говорилъ съ другой, я наблюдала за измѣненіями его лица, угадывала его слова, сердце у меня сжималось. А когда онъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ приближался ко мнѣ, сердце мое распускалось, мнѣ было легче, я свободнѣе дышала; я была счастлива.

— Неужели? спросила опять Сабина, съ тѣмъ же простодушнымъ удивленіемъ: но онъ тогда еще не былъ стряпчимъ?

Ясно, что эти двѣ идеи, любовь и стряпчій, никакъ не вязались въ умѣ Сабини.

— Нѣтъ, онъ и тогда былъ стряпчимъ. Но теперь онъ толстѣтъ, тяжелѣтъ, волосы у него съ просѣдью; а тогда вѣдъ

онъ былъ не такой. Онъ былъ молодъ, хорошъ, ловокъ, одѣвался прекрасно; серьёзенъ, когда нужно, несель какъ-вельза болѣе — при случаѣ и однажды — вообрази, маюй дерзкой: и не подумалъ о томъ, что онъ страпчій — однажды онъ сказалъ мнѣ: «Mademoiselle, я люблю васъ, и если это вамъ не противно; то я буду просить у батюшки вашей руки». Я задрожала и, помнится, сказала, что надо бы было прежде всего обратиться къ батюшкѣ. Онъ отвѣчалъ съ такою же дерзостію и такою же почтительностью: «Знаю, но не лучше ли прежде узнать не противно ли это вамъ, чтобы не навлечь на васъ неприятностей, если бъ батюшка принялъ мое предложеніе благосклонно; а вы отказались?» Я не знала, что дѣлать, а онъ сказалъ — и несмотря на всю его самоувѣренность и рѣшимость, голосъ его дрожалъ — онъ сказалъ:

— Смѣль — нуи не громкое.

— Это всёгда будетъ ния почтенное.

— Бываютъ чувствованія, продолжала мадамъ Симонъ, которыхъ во всю жизнь не забудешь и не умѣешь себѣ порядочно объяснить. Онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ прямо мнѣ въ глаза; грудь его сильно вздымалась; онъ былъ блѣденъ и смалъ зубы, какъ-будто боялся; чтобы то, чѣмъ волновалось его сердце не поднялось на губы. Наконецъ, нестерпимое его счастье таки вырвалось наружу... слезы покатылись у него изъ глазъ... Краснорѣчивѣе этого выразиться было невозможно. Я ушла... О, моя милая, повѣрь мнѣ, неволью полюбили человека, котораго сдѣлаешь до такой степени счастливымъ, хоть бы онъ былъ страпчій... хоть бы...

— И вы до сихъ поръ его такъ любите? спросила Сабина, которая слушала все это, какъ-будто ей рассказывали волшебную сказку.

— Теперь немножко иначе, отвѣчала смѣясь мадамъ Симонъ.

— Я такъ и думала, сказала Сабина, улыбаясь.

Мадамъ Симонъ приняла серьёзный видъ и продолжала: — Немножко иначе, но такъ же сильно. Проживъ двадцать лѣтъ съ человекомъ, который всегда любилъ и уважалъ тебя; кротно но твердо управлялъ твоею жизнью; не сердился за то, что ты иногда скушна ния весела: базъ при-

чины; доставлялъ тебѣ общее уваженію, потому что самъ умѣлъ приобрести его; заботился всю жизнь о томъ, чтобы тебѣ было хорошо — этого человека нельзя не любить, Сабина; конечно, не съ первымъ пыломъ юности, но съ разумною, спокойною и неизмѣнною привязанностію.

Сабина выслушала все это съ большимъ вниманіемъ, потомъ сказала: — А, такъ вы были счастливцы!

— А ты никогда не будешь счастлива? Не правда ли? спросила мадамъ Симонъ, снова развеселившись.

— О, я, это дѣло совсемъ другое, отвѣчала Сабина, и прекрасное лицо ея открылось горестію.

— Ты сиротка, моя милая, и, конечно, это большое несчастіе; какъ бы мы ни любили тебя, ничто не замѣнитъ мать.... отца....

Сабина покраснѣла и крупныя слезы покатались изъ глазъ ея.

— Вы знаете, сказала она, что на это я ничего не могу вамъ отвѣчать; вы знаете, что здѣсь же, у васъ въ домѣ, одинъ человекъ сказалъ: лучше ей быть сиротою, чѣмъ имѣть такого отца.... и....

— Извини, моя милая, сказала мадамъ Симонъ, кѣмъ обидѣвъ ее: я тебя огорчила.... мнѣ бы не должно было говорить объ этомъ... Но вѣдь ты не разсудительна. Тебѣ семнадцать лѣтъ, ты хороша какъ ангелъ, добра, хотя немножко избалована, ты чрезвычайно богата... кто бы тебѣ ни понравился, всякой за счастье, за честь почитать тебя своимъ мужемъ.....

— Поэтому-то я и не могу быть счастлива, отвѣчала Сабина. Меня, можетъ-быть, будутъ любить, потому что я хороша, а это, просто, утѣшительное.... Или потому только что я богата, а это низость.

Мадамъ Симонъ хотѣла было отвѣчать, но Сабина продолжала съ живостію:

— О, я совсемъ не такъ безразсудна, какъ вы думаете. Вотъ уже полгода какъ я вышла изъ пансіона. Лѣтомъ, у васъ на дачѣ, всѣ за мною ухаживали, а на другихъ дѣвухъ и не обращали вниманія.... Признаюсь, куда я оставалась въ вѣстимой, такое предпочтеніе мнѣ всемірно; но уйдя въ свою комнату и пораздумавъ объ этомъ, я

сама себя упрекала.... Я видѣла ясно, что мнѣ только льстятъ, а не любятъ меня и что эти люди ухаживаютъ только за моими богатствами.

— Какъ можно такъ думать! Вокругъ твоихъ обожателей есть напримѣръ мосье де-Беллес... У тебя сто тысячъ дохода, а у него десять или двѣнадцать миллионъ капитала: такъ ты бѣдна передъ нимъ и ужъ онъ-то, вѣрно, ухаживаетъ не за твоимъ богатствомъ.

— Ну, этотъ напрасно трудится, сказала ещѣяса Сабина: я его терпѣть не могу. Онъ ходячій миллионъ; на лицѣ написано сколько у него дохода.... Этотъ...

— Этотъ нынче здѣсь ужинаетъ. Твой ходячій миллионъ такъ откровенно напрашивался, что мужъ не могъ не пригласить его.

— А, такъ по-крайней-мѣрѣ, у насъ будетъ одинъ порядочный танцоръ и хорошій музыкантъ....

— То есть, всѣ другіе неучя, чурбаны....

— Нѣтъ! Но.... признайтесь откровенно.... конторщики стряпчаго!... Вѣдь это, право, народъ не слишкомъ любезный ...

Въ эту самую минуту кто-то весело закричалъ въ другой комнатѣ: — Кто здѣсь дурно говоритъ о конторщикахъ стряпчаго?

— Ай, ай! вскричала Сабина, закрывая лицо руками: папенька! Достанется мнѣ теперь.

И Симонъ принялся исчислять всѣ добродѣтели, которыми одарены конторщики стряпчихъ. Правда, сказалъ онъ заключеніе, они не обязаны быть остроумными, но какъ законъ запрещаетъ имъ произносить рѣчи въ судахъ, такъ они по-крайней-мѣрѣ не адвокаты, а это стонтъ многихъ первоклассныхъ добродѣтелей.

Окончивъ свою рѣчь, Симонъ уѣлся передъ каминомъ, а Сабина сказала:

— Если они не говорятъ рѣчей въ судахъ, то говорятъ ихъ дома.

— Послушай, Сабина, вскричалъ Симонъ, если ты назовешь меня адвокатомъ, я тебя разбраню.

— А вѣжливы ли конторщики съ дамами? спросила Сабина.

— О, ные изъ нихъ страшные курмахеры.... сколько

можно въ вытертомъ фракѣ и съ пятидесятью франками въ мѣсяцъ жалованья.

— А когда они сами дѣлаются стряпчими, такъ эта вѣжливость совѣмъ вѣдучу пропадаетъ?

— Это что знаешь? Тѣмъ я передъ тобой провинился?

— Кажется, мы съ вами еще сегодня не видались.

— Да, да, а я забылъ поцѣловать тебя, сказалъ Симонъ, вставая.

Сабина убѣжала на другой конецъ комнаты, закричавъ: — Теперь поздно....

— Ну, если ты хочешь, чтобъ я гонялся за тобою, чтобы поцѣловать тебя, такъ погоди немножко, сказалъ Симонъ, снова сядя на свое мѣсто: дай мнѣ отогрѣть ноги. Я ужасно прозябъ.

— А я кое-что объ васъ знаю, сказала Сабина, взявъ его своими хорошенькими ручками за голову:... Вы были влюблены....

— Ба!

— И я за это еще больше люблю васъ, сказала Сабина, кокетничая съ своимъ старымъ опекуномъ.

— Счастье мое, что я не имѣлъ дѣла съ такою ужасной кокеткой, какъ ты.

— Какъ я? вскричала Сабина съ величайшимъ простодушіемъ: какъ можно такъ ужасно клеветать на меня!

— Ну, да хорошо, этому скоро будетъ конецъ: у меня уже цѣлый десятокъ жениховъ для тебя, и....

— Какіе вы сегодня несносные! сказала Сабина, съ досадою сядя играть за фортепіано.

— Что съ ней? спросилъ Симонъ, смотря на жену.

Та отвѣчала ему ужимкою, какъ-будто хотѣла сказать: «Такъ, ничего; дѣвичьи капризы». Въ это самое время человѣкъ доложилъ, что пріѣхалъ маркизъ де-Беллестаръ.

Маркизъ Александръ де-Беллестаръ былъ рослый, дюжій молодецъ, крѣпкій на своихъ жилистыхъ ногахъ; подъ пестрымъ, раззолоченнымъ его жилетомъ скрывалась широкая, могучая грудь; геркулесовскія его руки съ трудомъ прятались въ узкихъ перчаткахъ. Сабина видывала его уже и прежде, однако теперь бросила на него взглядъ болѣе чѣмъ любопытный, одинъ изъ тѣхъ непостижимо быстрыхъ взглядовъ, которыми дѣвушки въ секунду

осматриваютъ мужчину, если предугадываютъ въ немъ мужа.

Какой бы ни былъ результатъ этого экзамена, онъ не проявился на лицѣ Сабинны, и когда маркизъ поклонился ей, она отвѣчала ему съ ловкостью и свободностію благово- ситанной дѣвицы. Мосье Симонъ нахмурился: ему не нравилось, что молоденькая дѣвушка до такой степени вла- дѣетъ собою.

Начался общій разговоръ и маркизъ, довольно ловко пользуясь обстоятельствомъ, обращался къ Сабинѣ. Извѣстно, что во Франціи существуетъ обычай дѣлать въ Новый Годъ подарки. Такъ какъ это время приближалось, то маркизъ де-Беллестаръ говорилъ о безчисленномъ множествѣ прелестныхъ вещицъ, выставленныхъ въ ма- газинахъ. Онъ вездѣ былъ, все видѣлъ, все оцѣнилъ и если не все купилъ, то только потому, что ему некого окру- жать блескомъ роскоши.

При всемъ своемъ умѣ, мосье Симонъ былъ только муж- чина. Ему показалось, что все это было сказано хорошо и кстати. Мадамъ Симонъ, напротивъ, нашла, что мар- кизъ слишкомъ явственно намѣкалъ на то какъ весело бы- ло бы его женѣ. Что думала Сабина, этого никто бы не узналъ; а пріятельницы ея были одного мнѣнія съ мадамъ Симонъ, такъ что когда одна изъ нихъ спросила какъ зо- вутъ этого молодого человѣка, другая отвѣчала: — Мар- кизъ Вещицынъ.

Тутъ между дѣвушками начались разговоры, шепотъ, тихій хохотъ, маркиза разобрали по ниточкѣ и это имъ осталось его неотъемлемымъ достояніемъ.

Кромѣ Беллестара тутъ было еще нѣсколько молодыхъ людей; но тѣ держались всторонѣ, по-дальше отъ важ- наго гостя, въ общій разговоръ не пускались и толковали между собою, тоже насмѣхался надъ бѣднымъ маркизомъ: то были конторщики мосье Симона.

Въ это самое время въ дверяхъ гостинной показался какой-то молодой человекъ. Хозяинъ тотчасъ пошелъ къ нему навстрѣчу. Молодой человекъ подалъ ему нѣсколько бумагъ и поговоривъ съ нимъ, хотѣлъ уйти.

— Какъ, Сильвестръ, вы не остаетесь съ нами? сказалъ Симонъ.

— Извините: мнѣ пора домой; тѣтушка будетъ беспокоиться, если я ворочусь позже обыкновеннаго.

— А я просилъ васъ предупредить ее; нужды нѣтъ, я пошлю ей сказать, что вы у насъ.

Молодой человѣкъ былъ въ большомъ смущеніи. Онъ съ печальнымъ и кроткимъ видомъ посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ-будто подумалъ: «Что мнѣ дѣлать посреди этой роскоши и веселости?» Потомъ онъ сказалъ:

— Я не здоровъ, мосьё Симонъ, и мнѣ лучше бы....

— Если бъ надобно было проработать всю ночь, вы были бы здоровы, возразилъ Симонъ съ дружескимъ упрекомъ. Вы не слушаетесь меня оттого, что мы теперь не въ конторѣ. Гортензія, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ: помоги мнѣ; скажи мосьё де-Проні, что ты разсердишься, если онъ не останется у насъ.

Отговариваться дольше было невозможно, и Сильвестръ остался. Разговоръ его съ хозяевами обратилъ на него общее вниманіе. Молодые конторщики смотрѣли на него съ почтеніемъ и одинъ изъ нихъ сказалъ:—Онъ еще блѣднѣе обыкновеннаго. Дѣвушки поглядывали на него украдкой и, видно, онъ показался имъ очень замѣчательнымъ, потому что онѣ всѣ вмѣстѣ спросили:—Кто это? Де-Белле-старъ тоже устремилъ на него свои большіе глаза и принялъ самый надмѣнный видъ. Ему стало досадно: у этого молодаго человѣка было все, чего недоставало богатому маркизу: умное, благородное выраженіе лица, гибкій и стройный станъ, маленькія, красивыя руки и ноги. Де-Проні было только двадцать лѣтъ; но онъ казался старше, потому что лицо у него было смуглое и почти всегда задумчивое.

Что касается до Сабинны, то по лицу ея теперь, какъ и всегда, нельзя было узнать что она думаетъ; но черезъ минуту глаза ея пробѣжали по комнатамъ и остановились тамъ, гдѣ былъ де-Проні: ясно, что она не только замѣтила, но даже искала его. Сильвестръ держалъ въ рукахъ альбомъ и смотрѣлъ рисунки; нѣкоторые онъ перевернулъ, какъ-будто они не стоятъ вниманія; другіе разсматривалъ съ видомъ знатока. Наконецъ онъ вдругъ остановился какъ-будто его поразило что-то необыкновенное: брови его нахмурились, на устахъ мелькнула горькая,

надменная улыбка; онъ въ ту же минуту поднялъ глаза, какъ-бы некаясь кого-то и встрѣтился съ глазами Сабинны. Она удивилась, замѣтивъ, что онъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ-будто обидѣлся тѣмъ, что на нею смотрять. Она тотчасъ отошелъ отъ стола и такъ скоро, что оставилъ альбомъ раскрытымъ на той самой страницѣ, гдѣ былъ рисунокъ, который такъ встревожилъ его.

Сабина продолжала разговаривать съ своими пріятельницами, но не смущала глазъ съ альбома, и, увидѣвъ, что де-Пронн ушелъ въ комнату мадамъ Симоннъ, смежную съ гостинойю, предложила своимъ подругамъ показать имъ свои рисунки и побѣжала къ столу, чтобы другой кто не взялъ альбома прежде ея. Онъ былъ раскрытъ на извѣстномъ рисункѣ самой Сабинны. Тутъ изображены были ея замокъ и паркъ, и она постичь не могла отчего этотъ рисунокъ такъ взволновалъ де-Пронн.

Въ это время пришли сказать, что ужинъ готовъ. Сабина замѣтила, что одинъ Сильвестръ не поторопился подать руку дамѣ. Онъ стоялъ второнѣ. Сабина, какъ воспитанница козница, пропускала вѣкъ впередъ. Отъ этого вышло, что они остались вдвоемъ позади всѣхъ. Сабина остановилась какъ-будто удивляясь, что осталась одна, пожала плечами, какъ-будто хотѣла сказать: «меня-то и забыли», потомъ притворившись будто теперь только замѣтила де-Пронн, и сказавъ:—«Ахъ, извините», пришла въ столовую.

Женщины безжалостны. Это пожатіе плечами, это извиненіе значили: «Вы неучъ; вы такъ неучтивы, что даже не подали мнѣ руки». И за что же такая немилость? За то, что бѣдный молодой человекъ съ досадою смотрѣлъ на очень посредственный рисунокъ мамзель Сабинны Дюранъ. Мамзель Дюранъ! Имя, слишкомъ не аристократическое, не громкое, а оно между-тѣмъ принадлежало дѣвушкѣ прекрасной, богатой, которая, по словамъ мадамъ Симоннъ, могла выйти за кого хотѣла. Но при этомъ простомъ имени было сто тысячъ доходу съ прекрасныхъ земель въ Нормандіи и Симоннъ увѣрялъ, что лучшая пріятельность на эти земли стоить любого диплома, хоть бы маркискаго, или герцогскаго.

Угадалъ ли Сильвестръ что значила улыбка и извине-

вѣя Сабинны, или что́ другое его огорчало, только она́ въ самымъ недовольнымъ видомъ вошла въ столовую.

Замѣтивъ, что Сабина сидитъ на концѣ стола и какъ-будто боится, чтобы его не посадили подлѣ ея, она́ перемѣстилась на другомъ краю, гдѣ бы слѣдовало сидѣть младшему изъ конторщиковъ странчаго. Мадамъ Симонъ хотѣла посадить его по-выше, но мужъ остановилъ ее и сказалъ:

— Оставь; такъ очень хорошо: наши дѣти не обомыт концамъ стола.

Это сказано было очень не-впопадъ. Сабина одѣлала самую надмѣнную мину, обижаясь, что ее поставили на одну доску съ камиль-нибудь конторщикомъ, а Сильвестръ, для котораго это должно бы быть лестнымъ, издрогнувшись какъ-будто ему сказали что́-нибудь оскорбительное.

Маркизь де-Беллестаръ замѣтилъ досаду Сабинны и былъ очень доволенъ ею. Потомъ взглянулъ на Сильвестра, у котораго на лицѣ было написано огорченіе, и сказалъ довольно громко своей осѣдкѣ мадамъ Симонъ.

— Этотъ молодой человекъ, вѣрно, лишился своихъ родителей, что онъ такой печальный.

— И родителей и всего своего имѣнія, коледно отвѣчала мадамъ Симонъ.

— А велико оно было? спросилъ превратительно де-Беллестаръ.

— Огромное.

— А что за люди были его родители? спросилъ опять маркизь, развалившись на стулѣ, чтобы придать своему вопросу еще болѣе надмѣнности.

— Онъ изъ очень хорошей фамиліи.

— Какъ же его зовутъ?

— Моссе́ де-Проніи.

— Позвольте, я что́-то слышалъ объ этихъ де-Проніи. Кажется, замокъ Риёвъ близъ Кодебска былъ ихъ.

— Да.

— Помню, помню.... Тутъ было скверное дѣло, прибавилъ онъ, произнеся голосъ и взглянувъ на Сабину, которая съ жаднымъ вниманіемъ подслушивала ихъ разговоръ.

Де-Беллестаръ бросилъ на нея одинъ изъ своихъ са-

ныхъ побѣдоносныхъ и вмѣстѣ самыхъ скромныхъ взглядовъ. Онъ убѣдился, что Сабина глазъ съ него не спускаетъ. Сабина потушила глаза и покраснѣла. Маркизь благосклонно самъ себѣ улыбнулся. Напрасно трудился. Сабина слушала его потому, что онъ говорилъ о Сильвестрѣ, котораго досаду она замѣтила; и покраснѣла не оттого, что смотрѣла на Беллестара и онъ поймалъ ее, а оттого, что подслушивала, что онъ говорилъ о Сильвестрѣ. Она задумалась: теперь она понимала отчего рисунокъ въ ея альбомѣ до такой степени взволновалъ Сильвестра. Этотъ рисунокъ представлялъ замокъ Ріезъ, который некогда принадлежалъ де-Прові или его роднымъ; а теперь принадлежитъ ей, мамзель Дюранъ.

Было о чемъ задуматься, было о чемъ и пораздумать. Но шутивыя ссоры хозяйина съ гостями за то, что они мало ѣдятъ и мало пьютъ и забавная жадность младшаго изъ конторщиковъ мосё Симѳна, шестнадцати-лѣтняго Раднѳ, который какъ ребенокъ восхищался всѣмъ что ѣлъ и видѣлъ, безпрестанно развлекали Сабину.

Послѣ ужина мадамъ Симѳнъ устроила танцы. Маркизь де-Беллестаръ торжественно подошелъ къ мамзель Дюранъ съ приглашеніемъ, но маленькой Раднѳ уже предупредилъ его. Сабина иногда принимала важный видъ, но несмотря на то была еще настоящій ребенокъ, веселый и рѣзвый. Она танцевала съ Раднѳ, танцевала съ де-Беллестаромъ, танцевала со всѣми желающими и совершенно забыла, что тутъ въ комнатѣ есть человекъ, который въ одинъ вечеръ два раза неприятно на нее подѣйствовалъ. Сильвестръ, напротивъ, какъ всѣ люди, у которыхъ въ сердцѣ настоящее горе, былъ печаленъ; общее веселье не только не развлекало его, но даже какъ-будто огорчало. Между-тѣмъ онъ сидѣлъ въ углу и не трогался съ мѣста. Что жъ его тутъ удерживало? Этого, вѣроятно, онъ и самъ не умѣлъ бы объяснить. Онъ былъ еще тутъ, когда мадамъ Симѳнъ предложила дѣвицамъ спѣть что-нибудь. Ни одна не рѣшалась начать. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Сабина храбро подошла къ фортепіано и взяла первый попавшійся романсъ. То былъ извѣстный романсъ *L'Orphelin*.

Когда сердце взволновано какимъ бы то ни было ощу-

щеніемъ, то оно гораздо легче чѣмъ въ спокойное время поддается ощущенію, совершенно противоположному. Такъ было и теперь. Сабина сѣла за фортепiano съ ощущеніемъ безотчетной радости, между-тѣмъ меланхолическая музыка романса постепенно овладѣла ею, такъ, что она пѣла съ возрастающимъ чувствомъ, и дойдя до припѣва

Pitié, Madame,
Pour l'orphelin,
Qui vous réclame
Un peu de pain,

(сжальтесь надъ сироткой, который проситъ куска хлѣба), пропѣла ихъ съ такимъ чувствомъ, что со всѣхъ сторонъ раздались восторженные рукоплесканія. Это значило еще ударить по струнѣ, которая и безъ того уже сильно звучала. Совершенно предаваясь своему чувству, Сабина уже не однимъ голосомъ, но взорами, игрою физиономіи, съ такою истинною выражала отчаяніе нищеты, которая проситъ хлѣба, что по окончаніи втораго куплета, рукоплесканія раздались еще громче прежняго. Но они еще не дошли до ея слуха, какъ она услышала заглушенный крикъ горести и увидѣла, что Сильвестръ сидѣлъ, закрывъ глаза руками и тщетно стараясь удержать свои слезы. Разумѣется, что такое торжество было лестно для самолюбія Сабини. Начавъ третій куплетъ, она обратилась въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ де-Пронн и при второмъ стихѣ встрѣтилась съ нимъ глазами. Но глаза его были уже сухи; онъ смотрѣлъ на пѣвицу прямо, рѣшительно, какъ-будто стыдась своей слабости и стараясь, чтобы никто не могъ и подозрѣвать ея. Мало-по-малу глаза его принимали выраженіе угрожающее. Сабина хотѣла бы скрыться отъ этого взгляду, но, поддаваясь какому-то обаянію, никакъ не могла не смотрѣть на Сильвестра и это такъ на нея подействовало, что она смѣшалась, послѣднія слова замерли у нея на устахъ и она вдругъ остановилась.

Всѣ бросились къ ней, думая что она не здорова. Она скоро оправилась: де-Пронн уже не было въ залѣ; но съ этой минуты Радивнѣ уже не веселилъ ее своей дѣтской живостью и даже маркизъ не казался ей смѣшнымъ. Впрочемъ, балъ черезъ нѣсколько времени кончился и она ушла въ свою комнату.

На другой день, въ праздникъ Рождества Христова, бѣдная церковь Saint-Vincent-de-Paule была рано утромъ уже полна народомъ. Недалеко отъ дверей сидѣла старуха, высокая, худая, въ черномъ платьѣ, въ бѣдномъ перкалевомъ чепчикѣ. Тонкія, блѣдныя ея губы быстро шевелились, произнося молитвы, которыя она читала уже шестьдесятъ лѣтъ и которыя, можетъ-быть, ни разу не доходили до ея сердца. Это было замѣтно и во взглядахъ, которые она по временамъ бросала вокругъ себя: въ глазахъ ея сверкала злоба старой дѣвки, которая ненавидитъ все, что моложе, лучше, богаче, счастливѣе ея. То была мамзель де Пронн, тѣтка Сильвестра, такъ же какъ и онъ, разоренная Дюраномъ, отцомъ Сабины. Сильвестръ стоялъ подлѣ старухи на колѣнахъ, погружившись въ размышленія, не безъ примѣси мірскаго, но между-тѣмъ сообразныя съ священнымъ мѣстомъ гдѣ онъ находился. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что ненавидитъ невинную Сабину, какъ-будто дочь можетъ отвѣчать за низкіе поступки отца, въ которыхъ не участвовала, о которыхъ даже не знала.

Вдругъ позади послышался шумъ: стоящіе разступались, чтобы кого-то пропустить. Сильвестръ оглянулся и очутился лицомъ къ лицу съ мамзель Дюранъ, которая, прѣвхавъ въ церковь съ старой гувернанткою, искала глазами свободнаго стула. Де-Пронн машинально всталъ и уступилъ ей свой стулъ. Сабина холодно поклонилась, по-видимому, и не замѣтивъ, что это онъ, и сѣла на его мѣсто. Въ это время мамзель де-Пронн оглянулась и устремила на сосѣдку злые глаза свои: она увидѣла только молоденькую и хорошенькую дѣвушку, но уже и отъ одного этого глаза ея налились желчью. Но, Боже мой, что сказала бы она, если бъ узнала, что племянникъ усадилъ подлѣ нея дочь Дюрана, того Дюрана, котораго она называла не иначе какъ воронъ, грабителемъ, злодѣемъ, извергомъ! Сильвестру это тотчасъ пришло въ голову и онъ былъ въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что въ то же время въ умъ его блеснула другая тягостная, ужасная мысль. Что подумаютъ, когда узнаютъ, что онъ оказываетъ услуги дочери человѣка, который своими низкими поступками довелъ все его семейство до нищеты. Разумѣется, добрые люди скажутъ:

— «Что же ему дѣлать! конечно, онъ помнить, что отецъ этой мамзель Дюранъ ограбилъ и свелъ въ гробъ его отца, но вѣдь она воспитанница мосье Симона, а у де-Пронъ только и за душой, что полторы тысячи франковъ, которые онъ получаетъ отъ хозяина, такъ по-неволѣ станешь гнуть-ся, когда ѣсть нечего!»

Въ эту минуту бѣдный Сильвестръ готовъ былъ бѣжать къ Симону, чтобы отказаться отъ своего мѣста, но онъ не могъ оставить тѣтку одну. Эта мысль напомнила ему, что отецъ его говорилъ о ней на смертномъ одрѣ. «Бѣдная сестра, по моей винѣ лишилась всего что имѣла, такъ по крайней-мѣрѣ ты долженъ кормить ее». Конечно, онъ могъ бы прискать другое мѣсто; но другаго мѣста пришлось бы, можетъ-быть, преждать цѣлый мѣсяць; чѣмъ же въ это время содержать бѣдную старуху? Что же ему, несчастному, оставалось дѣлать? Подавить благородную гордость, которая кипѣла у него въ груди и нести свое тяжелое бремя.

Служба кончилась. Уходя, Сабина поблагодарила де-Пронъ и взглянула на него: на лицѣ Сильвестра выражалась такая суровость, такая жестокая угроза, что она затрепетала и въ смущеніи опустила голову. Тутъ она еще разъ утвердилась, что у этого человѣка непременно должно быть что-нибудь противъ нея. Мамзель де-Пронъ встала и подавая ему руку спросила:

— Кто эта долговязая дыда, которую ты усадилъ подлѣ меня?

Сказать что это мамзель Дюранъ, разумѣется, было невозможно. Сильвестръ хорошо зналъ, какая лавина ругательства обрушилась бы вслѣдъ затѣмъ и на Сабину и на него. Онъ смутился и занкаясь отвѣчалъ:

— Это одна дѣвушка, которую я видѣлъ у мосье Симона.

— А! сказала мамзель де-Пронъ, устремивъ на него свой кошачій взглядъ.

— Она дочь одного изъ его довѣрителей, продолжалъ Сильвестръ.

— И ѣздить въ церковь безъ матери?

— Кажется, у ней нѣтъ матери.

— Зачѣмъ же отецъ отпускаетъ ее одну?

— Она, кажется, круглая сирота, отвѣчалъ Сильвестръ, стараясь увернуться отъ этого допросу.

— А какъ зовуть эту сиротку?

Въ эту минуту Сильвестръ довольно грубо оттолкнулъ какую-то старуху, вскричавъ:

— Да смотри же: ты по ногамъ ходишь.

Вѣдная старуха и не дотрогивалась до него.

— Съ которыхъ это поръ, Сильвестръ, ты научился обходиться такимъ образомъ съ женщинами? сказала мамзель де-Пронн. Ты грубишь ей, потому что она стара и дурна, а если бъ она была похожа на ту франтиху, такъ ты бы сталъ извиняться передъ ней, хоть бы она наступила тебѣ на ногу.

Сильвестръ былъ вѣ себя отъ досады, и надѣялся только на то, что какой-нибудь случай обратитъ вниманіе его тѣтки на другой предметъ и заставитъ ее прекратить свои разспросы. Между-тѣмъ они вышли изъ церкви и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что мамзель Дюранъ стоитъ на троттоарѣ, ожидая своей кареты. Нищія, увидѣвъ богатую даму, толпой бросились къ ней: Сабина раздавала имъ всякія монеты какія попадались подъ руку. Карета подѣхала, заставивъ отступить тѣхъ, которые уже сошли-было съ троттоара. Сабина стала на подножку и обернувшись, чтобы сказать человѣку куда ѣхать, увидѣла Сильвестра. Она вспыхнула, Сильвестръ поклонился, не зная самъ что дѣлаетъ и она отвѣчала ему холоднымъ, но вѣжливымъ поклономъ. Оглянувшись на тѣтку, де-Пронн увидѣлъ, что она впилась ему въ лицо своимъ желтыми глазами.

— Гм! сказала злая дѣвка: сиротка, которая катается въ каретѣ, пріѣзжаетъ въ церковь безъ матери.... знаемъ мы что это за птицы!

Сильвестръ притворился будто не слыхалъ; но у тѣтки его были когти на языкѣ, и она продолжала царапать племянника, чтобы заставить его кричать.

— Стыдъ и срамъ, право! Этакія времена! Эти твари вѣдь и не стыдятся....

— Тѣтенка, помилуйте, что это вы говорите? вскричалъ Сильвестръ съ негодованіемъ.

— Станетъ ли порядочная дѣвушка разѣзжать одна!... Ну, да, впрочемъ, если ты ее знаешь.... А какъ зовуть эту чистую голубицу?

Этого-то Сильвестръ и боялся.

Т. LXIII. — Отд. VII.

— Ее зовуть.... Право, не помню.

— А! ты не помнишь какъ зовуть женщину, которую ты посадилъ подлѣ тётки.... которая краснѣетъ, раскланивался съ тобою.... которой дѣла въ рукахъ твоего хозяйства.... сиротка, которая развѣзжаетъ въ щегольскомъ экипажѣ! Хорошо.... хорошо....

— Но, тётушка....

— Прошу не забывать, Сильвестръ, что есть вещи, которыхъ я не хочу знать....

— Но, тётушка....

— Лишь бы только эти нитрижки не отвлекали тебя отъ дѣла....

— Но, тётушка....

— Только въ другой разъ прошу покорно не назначать свиданія при мнѣ: я не намѣрена играть роль....

— Это хоть кого бы вывело изъ терпѣнія. Сильвестръ бросилъ ея руку и пошелъ впередъ. Мамзель де-Пронн окаменѣла отъ злости. Но Сильвестръ тотчасъ пришелъ въ себя и воротился.

— Тётушка, сказалъ онъ, прошу васъ покорнѣйше не дѣлать обидныхъ предположеній насчетъ этой дѣвушки. Вы ея совѣтъ не знаете и распускать объ ней подобныя слухи было бы гнусно.

Твердость Сильвестра остановила потокъ ругательствъ, который кипѣлъ уже на языкѣ злой дѣвки; однако жъ она не намѣрена была уступить такъ скоро и продолжала:

— Тѣмъ лучше для нея, если она изъ порядочнаго семейства.

Сильвестръ вздрогнулъ: по инстинкту злости мамзель де-Пронн попала прямо на слабое мѣсто своей жертвы. Старуха почувствовала, что Сильвестръ задрожалъ, и продолжала ироническимъ тономъ:

— Тѣмъ лучше для тебя, мой милый. Бывало не разъ, что конторщики стряпчихъ женились на богатыхъ и сами дѣлались стряпчими. А когда дѣвушка не только богата, да и хороша, такъ тѣмъ лучше.

Мысль соединить имя свое съ именемъ дочери банкрота Дюрана, какъ громомъ поразила Сильвестра.

— Ради Бога, тётушка, вскричалъ онъ, оставьте эту

женщину въ покоѣ. Вы не можете представить себѣ, какъ вы меня мучите.

Между-тѣмъ они дошли до дверей своего дому.

— Миѣ надобно идти въ контору, сказалъ Сильвестръ.... Прощайте, тѣтушка.

— Я думала, что въ Рождество не работаютъ, сказала она.... Впрочемъ, я не хочу мѣшать ничѣмъ свиданіямъ....

Сильвестръ не отвѣчалъ, но отвернулся и пошелъ.

— То есть, свиданіямъ по дѣламъ, прибавила она злобно смѣясь.

Она остановилась на порогѣ и посмотрѣвъ вслѣдъ за нимъ, сказала:

— Я узнаю, я все узнаю; отъ меня ты не украдешься.

Мысль о возможности союза между нимъ, Сильвестромъ де-Проннъ, и Сабиню Дюранъ, заставила его разобратъ, изслѣдовать свои чувства и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что въ сердцѣ его вмѣсто ненависти врядъ-ли не кроется любовь. Какъ, влюбиться такъ скоро въ дѣвушку, которой почти не знаешь!... Объяснять непостижимыя странности человѣческаго сердца мы не беремся, но только челоуѣкъ избѣженный тѣмъ, что влюбился, можетъ быть до такой степени не въ духѣ, какъ былъ Сильвестръ, когда пришелъ въ контору, особенно, когда ему сказали, что теперь нельзя видѣться съ мосьё Симонъ.— Отчего? Оттого, что у него въ кабинетѣ мамзель Дюранъ; двое или трое уже приходили и имъ отказали. Это чрезвычайно удивило Сильвестра, тѣмъ болѣе что мосьё Симонъ жилъ въ бель-этажѣ, а кабинетъ и контора его были совершенно отдѣльно, на верху, и потому Сабина никогда туда не заходила. Но онъ еще болѣе удивился бы, если бъ зналъ о комъ тамъ разговариваютъ.

Воротившись изъ церкви, Сабина пошла прямо, не въ свою комнату, а въ кабинетъ своего опекуна.

— Господи, Боже мой! вскричалъ онъ шутя, когда Сабина отворила дверь: ужъ не процессъ ли какой завелся у тебя? О какомъ ты дѣлѣ пришла со мной посоветоваться?

— О дѣлѣ очень важномъ, отвѣчала она серьезно.

— Я къ вашимъ услугамъ.

Усаживая Сабину подлѣ себя, Симонъ внимательно по-

смотрѣлъ на нея и замѣтилъ, что она дѣйствительно чѣмъ-то занята. Ему пришло въ голову, что ее пугаетъ то, что онъ говорилъ вчера о женихахъ и то, что онъ пригласилъ къ себѣ маркиза де-Беллестара. Поэтому мосьё Симонъ чрезвычайно удивился, когда она вдругъ спросила его:

— Скажите мнѣ, папенька, что такое мосьё де-Пронъ?

— Де-Пронъ? сказалъ Симонъ, пристально смотря на нея.... Сильвестръ?

— Ну, да, Сильвестръ де-Пронъ, вашъ старшій конторщикъ.

Видно, этотъ вопросъ былъ не такъ простъ, какъ могъ бы показаться съ перваго взгляду, потому что такое печальное нападеніе чрезвычайно смутило стараго стряпчаго. Онъ нахмурился, завертѣлся въ креслахъ и сдѣлавъ два или три глухихъ восклицанія, наконецъ сказалъ:

— Да онъ мой старшій конторщикъ, какъ ты сама сейчасъ сказала: больше ничего.

— Вы очень понимаете, что я не объ этомъ васъ спрашиваю.

— Онъ прекрасный молодой человекъ, сказалъ Симонъ немножко оправившись.

— Благородный человекъ и съ большими достоинствами: это вы сами при мнѣ не разъ говорили.

— Ну, такъ что жъ тебѣ еще хочется знать? Да притомъ, что это за вопросы?

— Ради Бога, папенька, не спрашивайте меня, а отвѣчайте.... Мнѣ хочется и.... мнѣ непременно нужно знать, кто такой этотъ мосьё де-Пронъ.

Мосьё Симонъ молчалъ и почесывалъ себѣ лобъ.

— Странно, что ты меня объ этомъ спрашиваешь, сказалъ онъ наконецъ: однако жъ....

Онъ остановился и задумался.

— Да ради Бога, отвѣчайте же мнѣ, сказала дѣвушка съ нетерпѣніемъ.

— Милая моя, сказалъ онъ: это дѣло важное, очень важное....

— Такъ я не ошиблась! вскричала Сабина съ живостію: скажите же мнѣ все.... вы должны мнѣ все сказать....

Симонъ взялъ воспитанницу свою за руки и, замѣтивъ,

что у ней на глазахъ слезы, понялъ, что она угадала истину.

— Сабина, отвѣчалъ онъ, я скажу тебѣ все, что тебѣ нужно знать; но прежде всего ты должна мнѣ признаться, зачѣмъ ты у меня это спрашиваешь.

Сабина покраснѣла и не знала что отвѣчать; наконецъ, потушивъ глаза, она сказала:

— Можетъ-быть, мосьё де-Пронъ принуждаетъ меня къ этому своимъ поведеніемъ.

— Своимъ поведеніемъ! вскричалъ Симонъ. Неужели онъ сдѣлалъ тебѣ какую-нибудь неучтивость, или сказалъ что-нибудь неприличное?

— О, нѣтъ! мосьё де-Пронъ человѣкъ слишкомъ благовопитанный для этого. Но иногда и безъ того можно видѣть, что кому-нибудь непріятно встрѣчаться съ вами.

— Неужели онъ тебѣ это показалъ?

— Онъ, можетъ-быть, не хотѣлъ показать, но я замѣтила.

— Ты правду говоришь, Сабина? сказалъ Симонъ съ строгимъ видомъ. Я очень люблю Сильвестра, потому что онъ дѣйствительно прекрасный человѣкъ; а, можетъ-быть, отчасти и потому, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Но я бы никогда не простилъ ему, если бъ онъ какимъ-нибудь образомъ показалъ тебѣ, что ему можетъ быть непріятно встрѣчаться съ тобою.

— А, такъ онъ имѣетъ причины не любить... можетъ-быть ненавидѣть меня?

— Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать; но есть вещи, которыя трудно забыть.... Но, признайся мнѣ откровенно: кто сказалъ тебѣ, что по нѣкоторымъ причинамъ, Сильвестру, можетъ-быть, тяжело когда онъ встрѣчается съ тобою?

— Никто, я сама замѣтила и догадалась по нѣкоторымъ словамъ, которыя случайно слышала.

Сабина рассказала опекуну исторію о своемъ альбомѣ; потомъ какимъ образомъ узнала, что рисунокъ, который Сильвестръ нашелъ тамъ, долженъ былъ произвести на него непріятное впечатлѣніе. Потомъ она говорила о странномъ смущеніи Сильвестра, когда она пѣла романсъ. Однимъ словомъ, она сказала ему все, исключая только того, чего женщины никогда не говорятъ и почему именно онъ

чувствуютъ, понимаютъ, угадываютъ тысячи вещей тамъ, гдѣ мы, мужчины, ровно ничего не видимъ. Она не сказала, что, сдѣлай то же самое кто-нибудь другой, она бы этого и не замѣтила. Впрочемъ, ей не для чего было хитрить съ опекуномъ; онъ задумался и совѣмъ не намѣревался добиться отчего все это такъ интересуетъ его воспитаннику. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ сказалъ:

— Ты меня ставишь, Сабина, въ самое затруднительное положеніе. Миѣ очень не легко сказать то, о чемъ ты спрашиваешь.

Сабина вздрогнула и опустила голову.

— Я долженъ сказать тебѣ это и скажу въ свое время; но разсказъ мой теперь могъ бы имѣть послѣдствія, въ которыхъ меня непременно будутъ обвинять. Миѣ надобно подумать, принять нѣкоторыя мѣры. Дай миѣ мѣсяць сроку.

— Ни дня, ни минуты, сказала Сабина дрожащимъ голосомъ. О, я понимаю, я все понимаю.... Теперь я все знаю. Мосѣ де-Прон разоренъ моимъ....

Она не успѣла выговорить слова, которое такъ пріятно для всѣхъ дѣтей, а для нея такъ тягостно было произнести: у дверей кто-то постучался и Радинѣ—кромѣ его никто и не посмѣлъ бы этого сдѣлать—Радинѣ доложилъ, что нѣсколько человѣкъ, которымъ Симонъ назначилъ въ этотъ день свиданіе по дѣламъ, давно уже ждутъ его.

Радинѣ надѣялся—было взбѣсить хозяина, прервавъ его разговоръ со своей питомницей, но онъ ошибся: мосѣ Симонъ очень радъ былъ, что это избавляетъ его отъ необходимости отвѣчать Сабинѣ и велѣлъ позвать всѣхъ. Потомъ, обернувшись къ Сабинѣ, онъ сказалъ:

— Мы еще поговоримъ съ тобою объ этомъ завтра.

Чтобы возвратиться въ свою комнату, Сабина должна была пройти черезъ кабинетъ Сильвестра и контору, гдѣ работали другіе писцы. Сильвестръ сидѣлъ, какъ-бы читая дѣло. Но онъ дотога погрузился въ свои размышленія, что даже не замѣтилъ той, о комъ въ эту самую минуту думалъ. Она остановилась, чтобы посмотреть на него. Горестная преданность судьбѣ своей, выражавшаяся на лицѣ этого молодаго человѣка, такъ сильно подѣйствовала на Сабину, что у ней навернулись на глазахъ слезы..... Она сдѣлала шагъ къ нему... Онъ оглянулся и, увидѣвъ

ее, чуть не вскрикнулъ, но тотчасъ удержался, всталъ, и почтительно поклонился.

Сабина ушла, сдѣлавъ легкое движеніе нетерпѣнія.— Ахъ, думала она, если бъ я была мужчина, я бы протянула къ нему руку и сказала: подѣлитесь какъ братья.

Мосѣ Симонъ воспитывалъ Сабину не такъ какъ обыкновенно воспитываютъ опекуны и даже многіе родители. Онъ заботился не о томъ только, чтобы она хорошо держалась, хорошо танцевала и училась музыкѣ: онъ обращалъ самое строгое, бдительное вниманіе на ея нравственное воспитаніе, тщательно удалялъ отъ нея дурныя привычки, развивалъ въ ней чувства строгой честности, однимъ словомъ, неусыпно пекся о сохраненіи дѣвственности души ея во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь это поставляло его въ самое затруднительное положеніе.

Сабина была, къ несчастію, дочерью человѣка, который нажилъ себѣ состояніе нечестными, постыдными спекуляціями, но дѣлалъ ихъ всегда такъ, что придраться къ нимъ, законнымъ образомъ, было не возможно. Мать Сабини не участвовала въ этихъ гнусныхъ дѣлахъ, но была нѣкоторымъ образомъ нравственною сообщницею мужа, потому что хранила богатство, неправомерно прибрѣтенное. Имѣніе ея было совершенно отдѣльно отъ мужняго и при всякомъ банкротствѣ Дюрана, имѣніе жены его увеличивалось. Поэтому когда Сабина начинала спрашивать о своихъ родителяхъ, мосѣ Симонъ и жена его уклонялись отъ прямыхъ отвѣтовъ, или отлагали свои объясненія до другаго времени. Между-тѣмъ несмотря на всѣ предосторожности, Сабина вдругъ узнала, что есть человѣкъ, который имѣетъ полное право негодовать на эти богатства, не честно прибрѣтенныя. Что жъ должна была дѣлать Сабина, судя по чувствамъ, которыя опекунъ внушилъ ей? Если бъ она узнала навѣрное, что отецъ ея дѣшилъ семейство де-Пронъ всего его состоянія, она, конечно, захотѣла бы возвратить Сидвестру все отнятое. Поступокъ благородный, который сдѣлалъ бы величайшую честь и ей и ея опекуну, если бъ она была мужчиною. Но теперь враги Симона стали бы разслаблять, что это онъ побудилъ, даже принудилъ свою питомицу къ такому безкорыстному поступку—вѣроятно, не безъ выгоды для само-

го себя—а у него, какъ у всякаго честнаго человека, враговъ было много. Сабинѣ было уже почти осьмнадцать лѣтъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она сдѣлалась бы совершеннолѣтнею и воспользовалась бы, по влеченію сердца, свободою располагать своимъ имуществомъ. Чтò жъ оставалось дѣлать опекуну? Выдать ее по-скорѣе замужъ, чтобъ она не оставалась безъ руководителя. Разсудивъ такимъ образомъ, москѣ Симонъ написалъ къ маркизу де-Беллестару, прося его на другой день къ себѣ; потомъ пошелъ въ свою комнату, надѣясь найти тамъ жену и Сабину. Но онъ узналъ, что воспитанница его, подъ предлогомъ головной боли, заперлась въ своей комнатѣ. Онъ хотѣлъ идти къ ней, но жена остановила его и спросила: — Скажи, пожалуйста, чтò такое было у васъ съ Сабинной?

— Я расскажу тебѣ послѣ; а ты, сдѣлай одолженіе, вози ее куда-нибудь съ собою всѣ эти дни. Новый Годъ на дворѣ; притомъ въ концѣ недѣли ея именины; надобно покупать подарки, обнови; таскай ее, подъ этимъ предлогомъ, по магазинамъ и пусть она покупаетъ чтò ей вздумается. Можешь изстратить на это хоть десять тысячъ.

— Странное дѣло! Вообрази, какой вопросъ она мнѣ сдѣлала. Вдругъ говоритъ: скажите мнѣ откровенно, какъ вы думаете: если я попрошу у папеньки сто тысячъ франковъ изъ моихъ денегъ, — дастъ ли онъ мнѣ ихъ?

— Я такъ и думалъ! вскричалъ Симонъ съ досадою.

Удивленная тѣмъ, что этотъ смѣшной вопросъ сердитъ мужа, мадамъ Симонъ сказала: — Разумѣется, я расхоталась и отвѣчала, что ты не долженъ и не можешь этого сдѣлать.

— Разумѣется, не долженъ и не могу.... И послѣ этого-то она ушла въ свою комнату?

— Да, скоро послѣ этого. Но, кажется, мой отвѣтъ нисколько не оскорбилъ и даже не удивилъ ее. Но только она просила меня не сказывать этого тебѣ.

Симонъ рассказалъ жейѣ въ короткихъ словахъ свой разговоръ съ Сабинной и просилъ сходить за нею. Она тотчасъ воротилась съ извѣстіемъ, что Сабина послала нанять факръ и по-тихойкò уѣхала со двора съ своей гувернанткой. Это чрезвычайно поразило и мужа и жену, особенно когда они узнали, что гувернантка справлялась

у людей, гдѣ живетъ де-Проні. Однако жъ мосьё Симонъ просилъ жену показать будто она совсѣмъ не знаетъ этого и обѣщала развѣдать зачѣмъ Сабина ѣздила.

Съ часъ спустя послѣ этого Сабина воротилась. Черезъ полчаса послѣ того, мадамъ Симонъ вошла въ ея комнату и тотчасъ догадалась, что случилось что-нибудь чрезвычайное, потому что Сабина была необыкновенно весела, и въ глазахъ ея блистало чувство самодовольства. Мадамъ Симонъ, зная, что въ радости человекъ всегда доверчивъ, спросила:

- А что твоя головная боль? прошла?
- Совсѣмъ прошла.
- Вѣрно, оттого что ты проѣзжалась?
- О, да, я увѣрена.
- Такъ, видно, ты надѣлала много хорошаго?
- Да, я надѣюсь, что сдѣлала хорошо.
- Нельзя ли узнать что это такое?
- Узнаете въ Новый Годъ. Это маленькой сюрпризъ, который я готовлю и вамъ и доброму папенькѣ.

Вскорѣ послѣ этого пришелъ къ Симону бриллианщикъ, мосьё Леонаръ, который работалъ для родителей мамзель Дюранъ, зная ее съ дѣтства, и былъ давно знакомъ съ мосьё Симонемъ. Леонаръ сказалъ, что къ нему пріѣзжала мамзель Дюранъ и просила ста тысячъ франковъ займа, подъ закладъ своихъ бриллиантовъ, которые стоили гораздо болѣе. Изумленный такою просьбою молодой дѣвушки и зная, что она еще несовершеннолѣтняя, онъ не рѣшился тотчасъ дать ей денегъ, обѣщавъ принести отвѣтъ на другой день и долгомъ счелъ предупредить объ этомъ опекуна. Хорошо зная свою воспитанницу и вспомнивъ свой утренній разговоръ съ нею, мосьё Симонъ, не показывая ни малѣйшаго удивленія, сказалъ Леонару, чтобы тотъ принесъ на другой день деньги, прибавивъ, что онъ ручается въ уплатѣ ихъ.

На другой день маркизь де-Беллестаръ явился въ назначенное время къ мосьё Симону. Входя въ кабинетъ, званный богачъ сказалъ:

- Вамъ угодно было видѣться со мною, мосьё Симонъ. Я къ вашимъ услугамъ и очень радъ буду, если могу чѣмъ-нибудь быть вамъ полезнымъ.

— Благодарю васъ, маркизь. Я только хотѣлъ спросить васъ объ одномъ дѣлѣ, весьма важномъ для меня.

— Что вамъ угодно?

— Скажите мнѣ откровенно: угадалъ ли я ваши намѣренія? Вы желали быть на моей вечеринкѣ и, мнѣ кажется, что вамъ всего больше хотѣлось видѣть мою воспитанницу, мамзель Дюранъ.

— Быть-можетъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ спросить: что вы о ней думаете?

— Что она прекрасна, очень умна, хорошая музыкантша и восхитительно танцуетъ.

Этотъ отвѣтъ совершенно сбилъ Симона съ толку: онъ воображалъ, что де-Беллестаръ влюбленъ въ Сабину. Но чтобы тотъ не подумалъ, будто онъ навязываетъ ему свою воспитанницу, Симонъ тотчасъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, извините, маркизь, что я васъ побеспокоилъ.

Удивленный тѣмъ, что его такимъ образомъ сироваживаютъ, маркизь сказалъ:

— Но кромѣ моего мнѣнія о мамзель Дюранъ, вы, вѣрно, еще о чемъ-нибудь хотѣли спросить меня?

— Ни о чемъ больше, отвѣчалъ мосьё Симонъ. Но я не знаю к чему намъ хитрить. Скажу вамъ откровенно: мнѣ казалось, что воспитанница моя вамъ нравится. Добиваясь приглашенія на мою вечеринку, вы ясно выказали мнѣ свои намѣренія; но по тому какъ вы отозвались теперь о Сабинѣ, я вижу, что свиданіе съ нею въ воскресенье, измѣнило ваши намѣренія. Такъ оставьте этотъ разговоръ.

— О, вы слишкомъ проворны, любезный мосьё Симонъ, сказалъ маркизь. Женитьба дѣло серьезное: тутъ торопиться нельзя. Вы угадали: мамзель Дюранъ дѣйствительно мнѣ очень нравится; но прежде нежели предложить ей свою руку, я бы хотѣлъ короче познакомиться съ ея характеромъ, съ привычками, узнать кое-что объ ея вкусахъ, объ ея....

Маркизь остановился.

— О чемъ же еще? спросилъ мосьё Симонъ, замѣтивъ

что Беллестаръ съ особеннымъ выраженіемъ проговорилъ послѣднія слова.

— Объ ея поступкахъ, если вамъ непременно угодно знать.

— Какъ объ ея поступкахъ! вскричалъ Симонъ, почти обидѣвшись.

— О, я увѣренъ что всё они совершенно невинны, отвѣчалъ маркизъ; но, можетъ-быть, не всё они запечатлѣны осмотрительностію, благоразуміемъ, необходимыми въ свѣтъ, гдѣ должна жить жена моя.

— Маркизъ, смѣю васъ увѣрить, что поступки моей воспитанницы не заслуживаютъ ни малѣйшаго порицанія.

— Всё безъ исключенія? спросилъ де-Беллестаръ съ хитрымъ видомъ.

— Признаюсь вамъ, маркизъ, я не понимаю что вы хотите сказать; но во всякомъ случаѣ, ясно, что вы сомнѣваетесь, и потому я прошу васъ покорно объяснить мнѣ ваши слова.

— Я думалъ, что объясненій вамъ никакихъ не нужно, сказалъ маркизъ.

Это уже относилось прямо къ Симону: маркизъ, явно, обвинялъ его въ томъ, что онъ кое-что знаетъ, но старается утаить. Мосье Симону и въ голову не приходило, чтобы Беллестаръ зналъ о томъ, что Сабина была на каутиѣ у Леонара; онъ сталъ бояться не надѣлала ли она сама чего и потому сказалъ съ нѣкоторою живостію:

— Маркизъ, я привыкъ отвѣчать откровенно, когда меня откровенно спрашиваютъ. Такъ позвольте мнѣ замѣтить, что послѣ того что вы сказали, вы и для меня и для чести моей воспитанницы должны объясниться съ полною откровенностію.

Маркизъ, помолчавъ съ минуту, отвѣчалъ: — Само собою разумѣется, почтеннѣйшій мосье Симонъ, что я не имѣю никакого права дѣлать вамъ вопросы. Да и о чемъ мнѣ васъ спрашивать? О мадамъ-азель Дюранъ? Я знаю, что она во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка рѣдкая. Объ ея состояніи? Я увѣренъ, что оно въ самомъ лучшемъ положеніи, потому что оно въ вашихъ рукахъ.

Симонъ ясно видѣлъ, что какое-то непостижимое для него обстоятельство совершенно измѣнило намѣреніе де-

Беллестара въ отношеніи къ Сабинѣ, и потому сказалъ съ нѣкоторою запальчивостію:

— Признаюсь, маркизь, я ожидалъ отъ васъ болѣе нескрепности и — благородства.

— Мосѣ Симонъ! вскричалъ маркизь.

— Маркизь, отвѣчалъ стряпчій: намъ не для чего продолжать этотъ разговоръ. Повторяю вамъ: я всегда готовъ отвѣчать откровенно, когда меня откровенно спрашиваютъ; а на слова, которыхъ смыслу я не понимаю, хотя и вижу въ нихъ недоброжелательство, мнѣ отвѣчать нечего.

— Какъ угодно, сказалъ съ досадою маркизь: желаю вамъ найти для мадамъ Дюранъ мужа, нечѣмъ взыскательнаго чѣмъ я.

Симонъ поблѣднѣлъ отъ досады, и сказалъ:

— Мосѣ де-Беллестаръ, вотъ уже десять лѣтъ, какъ я завѣдываю вашими дѣлами: желаю вамъ найти стряпчаго, который бы велъ ихъ лучше меня.

Маркизь видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко и хотѣлъ поправить дѣло.

— Право, я не понимаю что вы хотите сказать, мосѣ Симонъ.

Вспыльчивый Симонъ едва удерживался, чтобы не поспориться съ маркизомъ слишкомъ рѣшительно и какъ-бы для того, чтобы заставить себя быть еще осторожнѣе при свидѣтеляхъ, онъ отворилъ дверь своего кабинета и кликнулъ Сильвестра. Тотъ испугался, взглянувъ на блѣдное лицо и дрожащія губы своего хозяина.

— Мосѣ де-Пронн, сказалъ Симонъ, прикажите приготовить къ сдачѣ всѣ бумаги по дѣламъ маркиза де-Беллестара и сдайте тому, кому поручено будетъ принять ихъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Сильвестръ.

Тутъ маркизь ясно увидѣлъ, что довольно глупо сыгралъ роль, которую придумалъ для себя и надѣясь еще какъ-нибудь поправить свой промахъ, продолжалъ сидѣть у камина. Симонъ, воображая, что маркизь не понимаетъ, что ему остается только взять шляпу и идти вонъ, спросилъ Сильвестра:

— Не дожидается ли кто тамъ меня?

— Бриллианщикъ мосѣ Леонаръ давно ужъ ждетъ.

— Мосѣ Леонаръ! Я очень радъ, вскричалъ маркизь.

Не понимая чему маркизь обрадовался, Симонъ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ. Тотъ наконецъ рѣшился приступить прямо къ дѣлу и, какъ-бы отвѣчая на безмолвный вопросъ, сказалъ съ таинственнымъ видомъ:

— Я сейчасъ отъ него, мосѣ Симонъ.

Эти слова озадачили Симона. Теперь ясно было, что Леонаръ проговорился. Поступокъ Сабинны, конечно, долженъ былъ обезопасить челоуѣка, который имѣлъ на нея виды и, следовательно, необходимо надобно было объяснить дѣло.

— Попросите мосѣ Леонара подождать; черезъ нѣсколько минутъ я къ его услугамъ, сказалъ нечаянно Симонъ.

Сильвестръ вышелъ; опекунъ Сабинны воротился къ маркизу и тотъ, не дожидаясь вопроса, сказалъ.

— Я случайно узналъ отъ Леонара зачѣмъ мадамозель Дюранъ прѣвѣжала къ нему, но онъ сказалъ, что далъ знать объ этомъ вамъ и, признаюсь, мнѣ не вѣрилось.

— Леонаръ сказалъ вамъ правду; онъ дѣйствительно уведомилъ меня объ этомъ и я просилъ его дать Сабинѣ деньги, которыхъ она просила. Теперь она его ждетъ и надобно чтобы онъ снесъ ей эту сумму: иначе я не достигну своей цѣли.

Симонъ кликнулъ бриллианщика и сказалъ ему:— Подите къ мадамозель Дюранъ; отдайте ей деньги, которыхъ она просила взаймы; но не забудьте: она должна думать, что никто кромѣ васъ объ этомъ не знаетъ.

Бриллианщикъ ушелъ и Симонъ сказалъ маркизу:— Случай принудилъ меня къ объясненію, которое для меня очень тягостно по многимъ причинамъ, и я готовъ бы даже былъ принять эти сто тысячъ франковъ на свой счетъ, лишь бы только избавитъ отъ объясненія.

Маркизь съ удивленіемъ поглядѣлъ на него.

— Выслушайте меня, сказалъ Симонъ, и вы увидите, что это съ моей стороны совсѣмъ не такъ великодушнo, какъ вы, можетъ-быть, думаете. Впрочемъ, теперь я уже не прошу васъ объяснить мнѣ свои намѣренія насчетъ моей воспитанницы. Каковы бы они ни были, я во всякомъ случаѣ долгомъ считаю сдѣлать вамъ это объясненіе, и я думаю, что вамъ слѣдовало бы потребовать его

отъ меня откровенно. Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что все это останется между нами.

Де-Беллестаръ обѣщалъ никому не сказывать, и Симонъ разсказалъ ему, что де-Пронъ, отецъ Сильвестра, ввѣрилъ все свое и сестрино имѣніе Дюрану, и тотъ, просто, ихъ ограбилъ; говорилъ о томъ какія высокія попятія имѣеть Сабина о чести; но это, по-видимому, не слишкомъ пошло маркизу; наконецъ разсказалъ, что было между его воспитанницей и Сильвестромъ и заключеніе объявилъ, что Сабина, безъ всякаго сомнѣнія, хочетъ отдать эти деньги де-Пронъ. Но и это не развеселило маркиза. Впрочемъ, Симонъ очень хорошо понималъ, что тотъ думаетъ.

Дѣйствительно, маркизъ говорилъ самъ себѣ: если Сабинѣ вздумается возвратить все несправедливо пріобрѣтенное, по принадлежности, то у нея, пожалуй, и ничего не останется. Чтобы успокоить его, Симонъ сказалъ:

— Если бъ я мѣсяца два назадъ выдалъ Сабину замужъ, то, конечно, она не сдѣлала бы безъ воли мужа того, что сдѣлала теперь не спросившись у опекуна. Конечно, и теперь она не имѣла на это никакого права, и я могъ бы остановить ее однимъ словомъ, но вотъ почему я на это не рѣшился. Она повиновалась бы мнѣ безъ ропоту, но не покинула бы своего намѣренія и подождала бы того времени, когда будетъ имѣть полное право располагать своимъ состояніемъ какъ ей угодно. Если бъ я удержалъ ее теперь, она сдѣлала бы тогда еще больше. Давъ ей волю, я выигрываю мѣсяцъ, можетъ-быть два, а между-тѣмъ я выдамъ ее замужъ и тогда новыя обязанности заставятъ ее быть осторожнѣе.

Все это развеселило маркиза, на лицѣ его снова появилась улыбка, и онъ сказалъ:

— Вы очень хорошо сдѣлали, и....

Пользуясь такимъ добрымъ расположеніемъ, Симонъ рѣшился довершить свою побѣду и сказалъ:

— Теперь вотъ почему я охотно бы заплатилъ сто тысячъ франковъ за то только, чтобы не быть обязаннымъ представлять объясненія кому бы то ни было, и вотъ почему тутъ не было бы съ моей стороны бодящаго великодушія. Я довольно богатъ; дѣтей у меня нѣтъ и потому

я намѣревался отказать большую часть моего имѣнія Сильвестру де-Проні и притомъ больше чѣмъ сколько хочетъ дать ему Сабина. Слѣдственно, я ничего бы не потерялъ, принявъ эти сто тысячъ на себя, когда надобно будетъ отдавать отчетъ по опежѣ....

— О, этотъ отчетъ не затруднитъ васъ: я готовъ написать его не читавши, сказалъ де-Беллестаръ.

— Что вы этимъ хотите сказать, маркизъ?

— Я прошу у васъ руки вашей воспитанницы; а что касается до этихъ ста тысячъ франковъ, то я принимаю ихъ на свой счетъ.... если только она согласится выйти за меня.

— Извините, маркизъ, сказалъ Симонъ: Сильвестръ гордъ, и онъ не согласится принять отъ чужаго....

— О, онъ не долженъ знать объ этомъ: пусть онъ думаетъ, что это деньги мадмоазель Дюранъ.

— Какъ же вы это хотите сдѣлать?

— Позвольте мнѣ не говорить вамъ объ этомъ, пока я не узнаю, что мадмоазель Дюранъ принимаетъ мое предложеніе. Женить это можетъ сдѣлать, но отъ человѣка посторонняго оно было бы неприлично.... даже невозможно. Помогите только мнѣ и извините, что я сначала колебался. Когда любишь, то всего боишься.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, сказалъ Симонъ. Послѣ завтра именины Сабинны. Вы этого не должны знать; но если вамъ угодно пріѣхать, то мы будемъ очень рады.

Маркизъ вышелъ изъ кабинета стряпчаго, съ самымъ торжественнымъ видомъ, чрезвычайно довольный собою: онъ придумалъ средство сдѣлать вмѣстѣ доброе дѣло, пріятный подарокъ и произвести одинъ изъ тѣхъ поразительныхъ эффектовъ, которые съ-разу покоряютъ сердца дѣвушекъ. Онъ былъ въ восхищеніи отъ своей выдумки.

Когда онъ проходилъ черезъ кабинетъ Сильвестра, тотъ сказалъ ему:

— Кому прикажете, маркизъ, передать ваши дѣла?

— Ба! отвѣчалъ онъ, оставьте ихъ у себя. Мы помирились, и кто знаетъ, можетъ-быть, это будетъ полезно и для васъ.

— Какимъ это образомъ? спросилъ сухо Сильвестръ.

— Узнаете послѣ.... Прощайте, прощайте: мнѣ некогда.

Де-Беллестаръ ушелъ и де-Проннъ сѣлъ на свое мѣсто, сказавъ про себя:—Видно, онъ женится на ней.

Послѣ, Радинѣ переписывая бумагу, которую въ то время составлялъ де-Проннъ, нашелъ въ ней чернильное пятно: чернила расплылись по слезѣ.

На другой день одна изъ пансіонскихъ пріятельницъ Сабинны, Аврелія С*** получила отъ нея слѣдующее письмо:

«Милая моя Аврелія, ты не можешь вообразить какъ много мнѣ надобно рассказать тебѣ. Ты уже знаешь, что я общала мадамъ Симонъ провѣздить съ нею нынче шѣдлый день по магазинамъ. Я вослала въ опеку неспросить денегъ, потому что я не хочу трогать своихъ ста тысячъ франковъ; притомъ, если бъ я показала, что у меня есть деньги, то, разумеется, стали бы допытываться, откуда я ихъ взяла. Утромъ опекунъ пришелъ ко мнѣ, положилъ на столъ четыре свертка золота и спросилъ:— Довольно?

Это меня удивило. Бывало, онъ принесетъ нѣсколько лундоровъ, и еще изъ-дали бранится:—Вѣчно этой дѣвочкѣ давай денегъ.... Вы, сударыня, мотаете ужасно. Да ужъ конечно: это въ послѣдній разъ я исполняю ваши прихоти.

Еще въ прошломъ году это такъ было. Я, бывало, называю его скупымъ, скрягой, вытягиваю у него по лундору вдесятеро противъ того, сколько онъ принесъ сначала, прошу его, умоляю, плачу, грожу, а онъ смѣется. Дѣло доходило до того, что я крапа у него кошелекъ. Мы чуть не дрались и исторія кончалась тѣмъ, что мы оба принимались хохотать: онъ какъ ребенокъ, какъ я, а я какъ мнѣ, я думаю, уже не хохотать.

И что же ты думаешь? теперь мнѣ какъ-то страшно, больно стало, что добрый мой опекунъ не бранитъ меня. Точно, какъ-будто онъ сказалъ мнѣ: «Теперь ты остаешься одна». Мнѣ сгрустнулось; и онъ, замѣтивъ это, спросилъ: что со мною. Нельзя же было мнѣ сказать, что я грущу оттого, что онъ не бранитъ меня. Но онъ и не добивался. Если онъ имѣетъ противъ меня что-нибудь, такъ отчего же не сказать? Неправда ли, это не хорошо?

Я уже хотѣла спросить его въ чемъ я виновата, но пришла горничная мадамъ Симонъ, сказать, что она готова и тутъ только опекунъ сказалъ мнѣ:

— Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобою; но теперь уже некогда.

Я непремѣнно хотѣла знать тотчасъ въ чемъ дѣло.

— Какая ты любопытная и своенравная, сказалъ онъ шутя.

— О нѣтъ, это не любопытство, но я вижу, что вы на меня сердиты... а я не хочу, чтобы вы на меня сердились... я хочу знать въ чемъ я виновата....

Никогда не видывала я, чтобы мой опекунъ былъ такъ растроганъ. Онъ взялъ меня за обѣ руки, задумчиво посмотрѣлъ на меня, потомъ обнялъ меня съ удивительнымъ чувствомъ и сказалъ:

— О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты была моя дочь!

Онъ ушелъ и въ дверяхъ встрѣтился съ женою. Та чрезвычайно удивилась, замѣтивъ, что мы оба такъ растроганы, и спросила меня что это случилось. Я рассказала, и вообрази, она тоже, съ какимъ-то горестнымъ выраженіемъ, вскричала:

— О, какъ бы я мнѣ этого хотѣлось для него.... для себя.... да и для тебя, бѣдняжка.

— Да скажите же, ради Бога, что это значитъ?

— Онъ самъ тебѣ скажетъ. Но не бойся: горестъ его происходитъ отъ тебя, но ты не виновата....

— Да растолкуйте же мнѣ, ради Бога...

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь проговориться.... Пойдемъ скорѣе. Не бери своихъ денегъ: мы велимъ принести сюда все что купимъ, а если понадобится, то я тебѣ дамъ.

Она проворно собрала свои перчатки, муфту и вышла изъ моей комнаты, не дожидаясь меня. Я побѣжала за нею и замѣтила, что она украдкой отерла слезу. Ума не приложу, что все это значитъ.

Мы перебывали во всѣхъ магазинахъ.... и знаешь ли ты, чего мы искали? Помнишь ли ты мое кисейное платье съ матовыми полосками, то самое, которое было на мнѣ, когда послѣ долгой ссоры, мы съ тобою помирились и подружились? Ну, мнѣ непремѣнно хотѣлось точно такое платье, и—представь—мадамъ Симонъ, узнавъ отчего мнѣ вздумалъ

лось купить точно такое платье, принялась искать его такъ же усердно, какъ я. Но что же ты думаешь?... какъ нарочно, нигдѣ нѣтъ: эта юбка вышла изъ моды. Надъ нами чуть не сибялись, когда мы ее спрашивали. Наконецъ мы прѣехали въ магазинъ de la Ville de Paris — попытаться послѣдній разъ. Покупателей было безчисленное множество. Прикащики какъ угорѣлые кидались во все стороны. Какъ тутъ прикажешь съискать кисейное платье! Однако жъ я ухитрилась. Сначала мы вошли въ ту комнату, гдѣ шелковые товары. Я отобрала пять платьевъ и объявила рѣшительно, что эти я покупаю; потомъ велѣла отложить еще пять, и сказала, что объ этихъ мы поговоримъ послѣ, на что прежде всего мнѣ надобно съискать такой-то юбки.... Ну, ужъ, mesdames, я надѣюсь, что въ нынѣшнемъ году вы будете довольны моими подарками: я всежъ вамъ купила премиленькія матеріи, прелесть!... Прикащикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, однако жъ тотчасъ повелъ насъ въ ту комнату, гдѣ кисея, и сказалъ тамъ другому прикащику, чтобы непременно нашли мнѣ платье какого я требую. Тотъ отвѣчалъ:

— Если непременно надобно, такъ будетъ найдено.

Онъ перерылъ все свои товары, но нигдѣ не нашелъ; однако жъ сказалъ намъ, что достанетъ въ другомъ магазинѣ и усадилъ насъ сколько можно лучше посреди толпы покупателей. Подлѣ насъ продавались платья простые... ты не повѣришь, какія дешевыя!... такъ что вокругъ насъ былъ Богъ знаетъ что за народъ. Что за лица, та chère! и что за вещи эти люди покупали! Толстыя матушки покупали *гостиницы* для своихъ дочекъ (я думаю такихъ же толстыхъ); молодые люди для кого-то, мужа для жень. Первые и послѣдніе рассказывали во всеуслышаніе для кого они покупаютъ эти подарки, молодые люди секретничали и брали все, о чемъ прикащикъ, по обыкновенію, говорилъ:—Этой матеріи нынче очень много спрашиваютъ.

Это насъ ужасно забавляло. Вдругъ, смотрю, идетъ мосье Сильвестръ. Онъ подошелъ къ прилавку, прямо противъ насъ, и потому мнѣ очень хорошо было его видно, а онъ насъ и не замѣтилъ. Мнѣ, да и мадамъ Симонъ, ужасно хотѣлось звать, что онъ покупаетъ.

Мы не слышали что онъ говорилъ, но видѣли, что передъ

нимъ разложили меринсы; онъ тотчасъ отбросилъ все свѣтлыя и яркіе цвѣта. Онъ стоялъ бокомъ къ намъ и потому мнѣ очень хорошо было видно его лицо.... Ясно было, что онъ не знаетъ на что рѣшиться. Долго разсматривалъ перинсы каштановаго цвѣту и потомъ смязалъ что-то прикащику. Я не слыкала что онъ сказалъ, потому что онъ говорилъ очень тихо; но прикащикъ отвѣчалъ довольно громко:

— Это самый широкій и добротный.... Меньше шестнадцати франковъ за метръ взять никакъ нельзя.

На лицѣ мосьё де-Пронъ выразилось огорченіе; онъ опять спросилъ что-то и прикащикъ отвѣчалъ:

— Пять или шесть метровъ.

Ты не можешь вообразить, ма снѣге, какъ мнѣ больно было смотрѣть на него. Этотъ прекрасный молодой человѣкъ, такой благородный, такой трудолюбивой, рѣшившись сдѣлать подарокъ, и то только одинъ, принужденъ хлопотать изъ какихъ-нибудь двухъ трехъ лундоровъ, между-тѣмъ какъ я истратила Богъ знаетъ что безъ всякой нужды.... потому что — признайтесь, mesdames, вамъ вѣдь нѣтъ ни какой надобности въ моихъ подаркахъ: вы все сами богаты. Все это пришло мнѣ въ голову не вдругъ, а по-немногу, и особенно потому, что мадамъ Симонъ, которая тоже все на него смотрѣла, сказала вполголоса:

— Бѣдный Сильвестръ!

Я молча пожала ей руку, но очень сильно, потому что говорить я была не въ состояніи. Не знаю, угадала ли она что у меня было на умѣ, или ей пришло то же самое въ голову.... ты не можешь вообразить какая она добрая!... Она встала и пошла въ ту сторону, гдѣ былъ де-Пронъ. Въ это время онъ сказалъ:

— Не знаю, хорошо ли это будетъ.

— Смотря по тому для кого вы изволите покупать, отвѣчалъ прикащикъ.

— Для женщины старой, которая одѣвается очень просто.

— Вѣрно, для старой нянюшки?

Бѣдный Сильвестръ вздрогнулъ, какъ-будто его булавкой укололи. Въ это самое время мадамъ Симонъ сдѣлала видъ какъ-будто только увидала его и, сказала:

— Ахъ, здравствуйте, мосьё де-Пронъ. Чтò это вы покупаете?

Сильвестръ оглянулся и покраснѣлъ. Я думала, что ему досадно будетъ, что мадамъ Симонъ его тутъ застала. Однако жъ, кажется, нѣтъ; онъ вѣжливо поклонился и даже улыбнулся, хоть немножко принужденно.

— Не знаю самъ чтò бы мнѣ купить, мадамъ Симонъ.

— Да я думаю! Вы, мужчины, въ этихъ дѣлахъ толку не знаете.... Позвольте я вамъ куплю.

— Сдѣлайте милость, но....

— Не беспокойтесь, я много не потрачу, сказала мадамъ Симонъ, улыбаясь....

Она такъ мило улыбается, та снѣге, что тогда кажется, будто ей только двадцать пять лѣтъ....

— Лишняго я не дамъ, но мы, женщины, умѣемъ покупать. Спросите у Сабинны, какъ мы все хорошо купили.

Онъ еще не видалъ меня, а тутъ принужденъ былъ подойти ко мнѣ. Я угадала намѣреніе доброй мадамъ Симонъ и рѣшилась удержать его, чтобы онъ не видалъ, чтò она тамъ дѣлаетъ.

— Сколько хлопотъ всѣмъ въ это время, сказала я, взглянувъ на него ласково.

Я взглянула на него такъ, та снѣге, какъ-будто хотѣла сказать:—Я, право, добра, и повѣрьте, что я умѣю цѣнить ваши достоинства.

— Да, сказалъ онъ: много хлопотъ тѣмъ, у кого много друзей и кому надобно дѣлать много подарковъ.

— Дарить такъ пріятно! сказала я не подумавши.—Чтò ты прикажешь дѣлать! Я знала, что онъ несчастливъ, мнѣ хотѣлось бы утѣшить его вниманіемъ, ласкою, и между тѣмъ я невольно оскорбила его чувствительную душу. Онъ обернулся-было, чтобы итти къ мадамъ Симонъ. Она прислала мнѣ его за тѣмъ, чтобы я удержала его, и я рѣшилась удержать его во чтò бы то ни стало. Къ счастью, въ это самое время воротился прикащикъ, который ходилъ за кисеею. Я воспользовалась этимъ и сказала де-Пронъ.

— Такъ какъ мадамъ Симонъ взялась купить за васъ, то посмотрите покуда мои покупки.

Онъ, по-видимому, не зналъ чтò ему дѣлать.

— Пойдемте, пожалуйста, прибавила я: одна я никакъ не рѣшусь подойти къ прилавку.

Тогда мнѣ и въ голову не пришло, что я отдаюсь, нѣ-которымъ образомъ, подъ его покровительство; но я тотчасъ замѣтила, что онъ смутился, и смотрѣлъ на меня съ какимъ-то безпокойствомъ, какъ-будто не вѣрилъ ушамъ своимъ. Мнѣ казалось, что ему досадно, что ненависть ко мнѣ выходитъ изъ его души.... Мнѣ показалось.... Но нѣтъ, этого я не скажу, даже и тебѣ.

Я подошла къ прилавку и принялась отыскивать свое платье. Мосѣ де-Пронн смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Вы, вѣрно, удивляетесь, что я покупаю кисейное платье зимой, сказалъ я.

— Это, вѣрно, для какой-нибудь дѣвушки, чтобъ она могла нарядиться весной?

— Совѣмъ нѣтъ, для себя и на пятницу.

Онъ всё смотрѣлъ на меня, вѣроятно, удивляясь моей фамилярности съ нимъ. Мнѣ хотѣлось занять его, а можетъ-быть и показать, что я гораздо простѣе и добрѣе, чѣмъ какъ онъ думалъ. Я сказала:

— Мнѣ хочется снискать точно такое платье, какое было на мнѣ, когда мы сошлись съ теперешнею моею лучшею пріятельницею. Мы ненавидѣли другъ друга, потому что одна другой не знали, а впрочемъ, можетъ-быть, мы уже и тогда любили другъ друга, да только сами этого не понимали.

Тутъ я увидѣла свое платье, и ты не можешь вообразить какъ я обрадовалась!

— О, это платье принесетъ мнѣ счастье! Теперь я увѣрена, что въ пятницу у меня будетъ очень весело:—въ пятницу у меня вечеръ, въ моихъ комнатахъ, сказала я де-Пронн, совѣмъ забывъ что было между нами.

Онъ слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ; но ты можешь вообразить, какъ онъ изумился, когда я прибавила:—У меня будутъ всё свои; если бы вы пришли, мосѣ де-Пронн, я была бы очень благодарна.

Тогда мнѣ казалось, что все это простая учтивость; а теперь, какъ я принуждена вспоминать всѣ эти слова, чтобы написать ихъ, такъ мнѣ самой страшно. Сама посуди, ша сѣге: вѣдь я ему говорила, что иногда можно нена-

видѣть другихъ по тому только, что не знаешь ихъ хорошенько, можно любить самъ того не понимая, сказала что у меня будутъ только свои, что это платье принесетъ мнѣ счастье, да, какъ-тутъ, и пригласила его. Право, я и теперь красѣю; а тогда ничего. Вотъ что значитъ, та сѣге, говорить не подумавши.

Въ это время подошла къ намъ мадамъ Симонъ и я весело сказала ей:

— Я пригласила мосьё де-Пронъ къ себѣ на вечеръ. Не правда ли, что онъ непремѣнно долженъ прійти?

— О, конечно, любезный мосьё Сильвестръ, приходите. Это будетъ очень хорошо, сказала мадамъ Симонъ.

Я замѣтила, что это было ей очень пріятно.

— Непремѣнно буду, отвѣчалъ де-Пронъ. Я очень благодаренъ вамъ, прибавилъ онъ кланаясь мнѣ.

— Я купила вамъ что нужно, сказала мадамъ Симонъ, и велѣла положить съ нашими вещами. Намъ принесутъ, все это домой со счетомъ.... и тогда мы разотчемся съ вами. Правду сказать, я издержала больше чѣмъ думала, но зато хорошо.

Ты видишь какъ она добра. Притворяется, будто слишкомъ много издержала, для того чтобы де-Пронъ не догадался, что она дѣлаетъ ему подарокъ!

Мадамъ Симонъ пошла съ нимъ подъ руку; мы еще кое-что купили и отправились домой.

Какъ-скоро мы воротились, опекунъ сказалъ мнѣ:—Мнѣ надобно поговорить съ тобою, моя милая, нынче вечеромъ.

Что-то онъ мнѣ скажетъ! Подожди до завтра....

Да, чуть не забыла сказать: смотри же, въ пятницу, ты непремѣнно должна быть у меня: безъ тебя мнѣ и праздникъ не въ праздникъ.

Притиска поздно ночью. Ахъ, та сѣге, что со мною было. Ты не можешь вообразить себѣ!... Но я буду рассказывать все по порядку.

Мы пообедали довольно скучно, какъ бываетъ обыкновенно, когда ожидаешь важнаго происшествія. Послѣ мы всѣ трое сидѣли нѣсколько времени молча; наконецъ мадамъ Симонъ сдѣлала мужу знакъ; онъ усѣлся подлѣ меня и сказалъ:

— Ты знаешь, моя милая, какъ мы съ женою тебя любимъ. Теперь наша привязанность къ тебѣ подвергается жестокому испытанію.

— О, повѣрьте, и я не меньше люблю васъ, и готова выслушать все что бы вы мнѣ ни сказали.

Я думала, что онъ хочетъ побранить меня за то, что я сдѣлала у Леонара. Не знаю, почему мнѣ всё казалось, что опекунъ непремѣнно долженъ знать объ этомъ; но я нисколько не боялась: я была увѣрена, что когда онъ узнаетъ на что мнѣ нужны эти деньги, то непремѣнно одобритъ мое намѣреніе. Вообрази же мое удивленіе, когда онъ сказалъ мнѣ:

— Я долженъ сказать тебѣ, Сабина, что на тебѣ свѣтается маркизъ де-Беллестаръ.

— Маркизъ де-Беллестаръ! сказала я съ неудовольствіемъ. Я такъ и думала, что этимъ кончится.

Мадамъ Симонъ взглянула на мужа, какъ-будто хотѣла сказать: Видишь, я поняла? Я, что она раздѣляетъ мое мнѣніе о маркизѣ, и сдѣлалась смѣлѣе. Мужъ сердито посмотрѣлъ на нея и сказалъ:

— Маркизъ де-Беллестаръ проситъ руки твоей и я общалъ ему отвѣтъ черезъ два дня.

— Можете отвѣчать хоть сегодня. Я не согласна.

— Послушай, Сабина, сказалъ опекунъ: подумала ли ты о томъ что дѣлаешь?

— Нисколько, да и надобности нѣтъ. Я отказываю ему, просто, потому что онъ мнѣ не нравится.

— Онъ человекъ знатный.

— Знаю.

— Можетъ современемъ занять важное мѣсто.

— Быть-можетъ.

— Человекъ честный.

— Иначе бы вы, конечно, и не предлагали мнѣ его въ нуждѣ.

— Человекъ благородный и у него гораздо больше нѣжности чувствованій, чѣмъ какъ ты, можетъ-быть, думаешь.

— Вѣрю.

— И послѣ всего этого ты ему отказываешь?

— Послушайте, паненька, сказала я опекуну: ненави-

сти я не знаю, да притомъ и смѣшно было бы мнѣ ненавидѣть мосьё де-Беллестара; но я вамъ скажу только одно: мнѣ страшно, когда я подумаю, что могла бы быть его женою; я готова выйти Богъ знаетъ за кого, лишь бы только не за него.

— Позволь, моя милая, поразсудимъ объ этомъ вмѣстѣ, сказалъ онъ взявъ меня за руку. (Это онъ всегда дѣлаетъ, когда хочетъ убѣдить меня, что я сама не знаю что говорю и потому я поостереглась.) Ты уже знаешь маркиза мѣсяцовъ пять или шесть; видѣла его, хоть не часто, однако жъ довольно, чтобы составить себѣ о немъ свое мнѣніе.

— Да у меня и есть свое мнѣніе объ немъ, и очень рѣшительное.

— Позволь, позволь: ты не даешь мнѣ говорить, какъ обыкновенно дѣлаютъ люди, которые боятся, чтобы ихъ не убѣдили. Выслушай меня, и отвѣчай тогда только, когда я спрошу. Тебѣ въ первый разъ говорятъ, что маркизь де-Беллестаръ на тебѣ сватается; но мысль, что это можетъ случиться, вѣрно, не разъ приходила тебѣ въ голову, когда ты замѣтила, что онъ чаще сталъ ѣздить къ намъ, или когда мы шутили на этотъ счетъ. Отчего же тогда она тебя не пугала?

Этого мнѣ и въ голову не приходило; но оно, точно, правда. Я покраснѣла и, подумавъ немножко, сказала:

— Правда, эта мысль прежде меня не пугала; а теперь она для меня ужасна, но не потому, чтобы съ тѣхъ поръ я имѣла какія-нибудь новыя причины нелюбить мосьё де-Беллестара.... Послушайте, вы сами не разъ называли меня кокеткою: можетъ-быть, мнѣ пріятно было, что такой знатный, богатый, свѣтскій человѣкъ за мною ухаживаетъ, и я никогда не подумала серьезно о томъ, что онъ можетъ просить руки моей; но теперь, какъ надобно рѣшить участь всей моей жизни, мысль быть его женою меня испугала. Да притомъ я не могу объяснить вамъ того, чего сама хорошенько не понимаю. Вы спрашиваете меня, и я отвѣчаю вамъ откровенно. Вы хотите знать согласна ли я выйти за мосьё де-Беллестара и я говорю вамъ рѣшительно:—Никогда, ни за что на свѣтѣ.

— Однако жъ тебѣ пора подумать о замужствѣ, Сабина,

сказалъ опекунъ: не хочешь за того, кого я предлагаю, такъ выбери сама жениха.

— Да я совсѣмъ не тороплюсь выйти замужъ я, и безъ того счастлива, и....

— Ба! сказалъ опекунъ: всѣ дѣвочки то же говорятъ.....

Мнѣ стало досадно.—Да, я счастлива... или лучше сказать была счастлива, но если я вамъ въ тягость, если вамъ хочется по-скорѣе сбыть меня съ рукъ....

— Фи, Сабина! Этого я отъ тебя не ожидалъ, вскричалъ опекунъ съ досадою. Кто-жъ тебѣ сказалъ, что ты намъ въ тягость?

Я заплакала. Мадамъ Симонъ подошла ко мнѣ, обняла меня и сказала:—полно, моя милая.... Вѣдь тебя никто не принуждаетъ. Ну, ты рѣшительно не хочешь за маркиза де-Беллестара?

— Нѣтъ, и сто разъ нѣтъ.

— Да скажи же, ради Бога, отчего? вскричалъ съ досадою опекунъ мой.

— Э, Боже мой, отчего! отвѣчала мадамъ Симонъ. Да, просто, оттого, что не хочется; онъ ей не нравится: вотъ и все тутъ.

Тутъ мнѣ пришло въ голову то, что опекунъ говорилъ мнѣ утромъ. Онъ ходилъ скорыми шагами по комнатѣ. Я высвободилась изъ объятій мадамъ Симонъ и пошла прямо къ нему. Онъ остановился.

— Что вы хотѣли сказать нынче утромъ? спросила я.

— Что такое?

— Что значать ваши слова:—О, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты была моя дочь....

— О, да, какъ бы я этого желалъ! вскричалъ онъ, поднявъ глаза кверху, какъ-будто призывалъ небо въ свидѣтели искренности своего желанія.

— Да отчего же?

— Отчего?... Черезъ три мѣсяца тебѣ будетъ осьмнадцать лѣтъ. Я сдамъ тебѣ твое имѣнiе. Что ты тогда будешь дѣлать?

— Я останусь жить у васъ.

— А добрые люди станутъ говорить, что я держу тебя у себя, для того, чтобы управлять твоимъ имѣнiемъ и не давать отчетовъ попечителю и фамильному совѣту.

— Я избавлю васъ отъ клеветы. Я буду жить одна.

— Одна! Это невозможно.

Я видѣла ясно, что ему надобно что-то сказать шпѣ; но онъ не рѣшается.—Послушайте, сказала я: вы не откровенны со мною... Я вижу, что вы что-то отъ меня скрываете. Неужели вы считаете меня не достойною довѣренности? Вы на меня сердитесь. Коли я въ чемъ-нибудь виновата, такъ для чего же вы не скажете прямо? Я постараюсь оправдаться.

— Нѣтъ, моя милая, ты ни въ чемъ не виновата.... Но ты правду говоришь; ты дѣвушка съ характеромъ: съ тобою можно и должно говорить откровенно. Ты спрашиваешь отчего бы мнѣ хотѣлось, чтобы ты была моею дочерью..... Оттого, что тогда ты была бы мамзель Симонъ.....

— А не мамзель Дюранъ.... О, теперь я все понимаю! вскричала я заливаясь слезами.

Я закрыла лицо обѣими руками и упала въ кресла. Мамъ Симонъ обняла меня и сердито посмотрѣла на мужа.

— О, да, конечно, это жестоко, сказалъ опекунъ; но послушай, Сабина, неужели ты думаешь, что клевета пощадила бы прекрасную, богатую мамзель Дюранъ, которая жила бы одна, въ полной свободѣ?

— Я заставлю ее замолчать, сказала я съ твердостью.

— Заставишь ее замолчать! Но на тебя уже и теперь клеветуютъ. Читай, сказалъ опекунъ, подавая мнѣ письмо.

О, моя, милая! что я прочла тутъ! Это было письмо къ маркизу де-Беллестару. Его стыдили, что онъ хочетъ жениться на дочери вора, наследницѣ грабителя... Этого мало.... тутъ говорили, что я.... Но нѣтъ, этого я не въ состояннн написать.... Ты, дочь честныхъ родителей, ты не должна и знать подобныхъ словъ.... Боже мой! что я имъ сдѣлала!... Моя ли вина!... Это гнусное письмо опекунъ мой получилъ отъ маркиза при благородной, прекрасной запискѣ, въ которой онъ говоритъ, что ничто на свѣтѣ не помѣшаетъ ему дать мнѣ свое имя, потому что я этого заслуживаю своими качествами и добродѣтелями; что онъ поставитъ меня въ свѣтѣ такъ высоко, что никакія грязныя воспоминанія не могутъ запятнать моего добраго име-

ни; что послѣ такой клеветы, онъ хотѣлъ бы отвѣчать
мымъ людямъ объявленіемъ о нашей помолвкѣ.

— Если ты выйдешь за бѣдняка, говорилъ мнѣ опе-
кунъ: то въ свѣтѣ станутъ говорить, что ты заплатила
ему своимъ богатствомъ за его имя ...

Но нѣтъ, я не стану пересказывать тебѣ всего что онъ
говорилъ. Онъ былъ такъ добръ, такъ благороденъ, такъ
нѣжно убѣждалъ, такъ трогательно просилъ меня....

Теперь все кончено: я просила опекуна написать мынче
къ маркизу, что я принимаю его предложеніе.

А между-тѣмъ.... Аврелія.... я....

Нѣтъ, нѣтъ: я невѣста де-Беллестара.

О, какъ я несчастна!....

«Сабина».

На другой день послѣ ссоры Сильвестра де-Проні съ
тѣткой, онъ, чтобы она не начала опять разговоръ о вче-
рашней встрѣчѣ, сказалъ ей, что мамзель Дюранъ, по всей
вѣроятности, выходитъ за маркиза де-Беллестара и пода-
рилъ ей платье, которое мадамъ Симонъ для него купила.
Это однако жъ не умлостивило старой дѣвкн и она разра-
зилась ругательствами противъ человѣка, который не
стыдится жениться на дочери вора, и прочее. Теперь не
мудрено догадаться кто писалъ безъимянное письмо, кото-
рое получилъ маркизь де-Беллестаръ.

На другой день, мосьё Симонъ, идя въ свой кабинетъ,
позвалъ Сильвестра, взявъ нѣсколько связокъ бумагъ и
сказалъ ему: — Любезный другъ, у меня есть до васъ прось-
ба: сдѣлайте мнѣ одну работу.

— Я всегда готовъ исполнять свою обязанность, отвѣ-
чалъ Сильвестръ.

— Это не касается до вашей обязанности; это мое соб-
ственное дѣло, и его надобно сдѣлать скоро, а мнѣ неког-
да. Надобно составить счетъ по управленію имѣніемъ
Сабины Дюранъ.

Мосьё Симонъ не рѣшился взглянуть въ это время на
Сильвестра, развязалъ неизвестно зачѣмъ одну кипу и ска-
залъ: — Вы найдете здѣсь всѣ нужныя бумаги, крѣпости,
инвентаріа, контракты, квитанціи....

Онъ готовъ бы былъ не считать всѣ бумаги, какія тутъ
есть и какъкъ нѣтъ, чтобы только не глядѣть на де-Про-

ви; но потомъ ему стало страшно, что тотъ молчитъ; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что лицо Сильвестра судорожно сжалось и онъ тяжело дышетъ, какъ человекъ, который получилъ сильный ударъ въ сердце и съ трудомъ приходитъ въ себя.

— Что съ вами? спросилъ онъ.

Сильвестръ не могъ выговорить ни слова, но сдѣлалъ жестъ, который значилъ: — Ничего.

— Вы нездоровы?

— Да, я немножко не здоровъ: у меня нынче иногда голова кружится; но это скоро проходитъ, отвѣчалъ де-Пронъ глухимъ голосомъ.

— Можетъ-быть вамъ труднѣе будетъ заняться этой работой?

— Нисколько.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы занялись этимъ здѣсь, у меня въ кабинетѣ и кончили ее по-скорѣе.

— Очень хорошо.... Къ какому дню прикажете кончить?

— Да дня въ два, въ три. Я, кажется, выдамъ Сабину за маркиза де-Беллестара; такъ мнѣ хотѣлось бы показать ему отчетъ еще до помолвки. Если будутъ какіе-нибудь споры, такъ лучше кончить ихъ теперь, чѣмъ послѣ.

— Ваша правда, отвѣчалъ холодно де-Пронъ: когда прикажете начать?

Лицо его было спокойно, голосъ твердъ, но душевное страданіе всё-таки было замѣтно: глаза его блуждали, грудь высоко вздымалась, сердце билось такъ сильно, что удары его были слышны. Мосѣ Симону стало стыдно, что онъ, по настояніямъ жены своей, рѣшился подвергнуть несчастнаго молодого человека такому жестокому испытанію, и онъ отвѣчалъ, вставая:

— Начните.... послѣ.... я вамъ скажу....

И ушелъ изъ кабинета, хлопнувъ дверью такъ сильно, что она опять отворилась. И пора было ему уйти: Сильвестръ могъ бы умереть, если бъ принужденъ былъ долге удерживаться и скрывать свою горестъ. Симонъ остановился въ сосѣдней комнатѣ, самъ совершенно разстроенный. Вдругъ онъ услышалъ шумъ, заглянулъ въ свой кабинетъ: Сильвестръ упалъ на кресло, гдѣ долженъ былъ

работать, и ударился головою объ столъ. Кулаки его были сжаты надъ головою, какъ-будто онъ хотѣлъ раздавить ее тутъ; изъ груди его вырвались глухіе стоны. Симѡнъ не смѣлъ подойти, чтобы своимъ присутствіемъ еще не усилить его горести. Наконецъ съ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ сдѣлался страшный нервическій припадокъ; онъ бился, говорилъ, плакалъ, рыдалъ. Пароксизмъ ослабѣвалъ на минуту и потомъ снова усиливался. Симѡнъ подошелъ, обнялъ бѣдняка и сказалъ:

— Полноте, Сильвестръ, полноте, успокойтесь.

Этого было довольно. Сильвестръ видѣлъ, что есть человѣкъ, который понимаетъ его и принимаетъ въ немъ участіе. Онъ сталъ по-немногу успокаиваться и приходитъ къ себѣ.

— Простите меня, Сильвестръ, и бросьте эти бумаги, сказалъ Симѡнъ черезъ нѣсколько времени.

— О нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ де-Проні, рѣшительно вставая: я непремѣнно долженъ сдѣлать эту работу.

— Послушайте, Сильвестръ, это уже упрямство: я виновать передъ вами и вы, принуждая себя къ этой работѣ, хотите сдѣлать меня виноватымъ до конца.

— О нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ де-Проні, я не противъ васъ, а противъ себя принимаю это намѣреніе. — Онъ горько улыбнулся и продолжалъ:

— Въ матеріальной жизни я былъ сурово воспитанъ; я долженъ такъ же воспитать и свое сердце. Послѣ отца я остался двѣнадцати лѣтъ, съ бѣдной моей тѣткой. Ей почти вечѣмъ было жить, а у меня были дѣтскія прихоти: я любилъ то, не любилъ другаго.... батюшка баловалъ меня.... онъ былъ такъ добръ!

Двѣ слезы выкатились изъ глазъ Сильвестра при этомъ воспоминаніи. Онъ опять улыбнулся и продолжалъ:

— Но тѣтушка не была снисходительною къ дѣтскимъ прихотямъ; она говорила: что хорошо для однихъ, то хорошо и для всѣхъ; она говорила, и говорила правду, что кто бѣденъ, тотъ не долженъ ничѣмъ не пренебрегать, ничѣмъ не брезговать. И она нарочно приготавлила намъ къ обѣду то, чего я не любилъ, чего никогда прежде не ѣлъ.... Трудно мнѣ было преодолѣть отвращеніе, которое

я считалъ непреодолимымъ, однако жъ я переломилъ себя: я ко всему привыкъ....

Симѣнъ слушалъ его съ такимъ печальнымъ видомъ, что тотъ опять улыбнулся и сказалъ:

— А, вы, видно, не имѣли понятія о такихъ страданіяхъ нищеты!.... О, то ли еще въ ней есть!

И улыбаясь, онъ продолжалъ:

— То, что тѣтушка сдѣлала для моей физической природы, я хочу, я долженъ сдѣлать для своей нравственной природы. Во мнѣ есть, можетъ-быть чувствованія.... несправедливая ненависть.... идеи.... которыя я долженъ уничтожить, вырвать съ корнемъ изъ своего сердца.... Я буду *жестать* эту работу, пока не сдѣлаюсь нечувствительнымъ къ ея отвратительности — какъ бывало дѣлалъ съ любимыми кушаньями тѣтушки. Кто бѣденъ, тотъ ничего не долженъ ненавидѣть.

И отвернувшись, онъ прибавилъ:—И ничего любить.

— Если вы непременно хотите, сказалъ Симѣнъ съ лживымъ удовольствіемъ: то тѣмъ лучше.... тѣмъ лучше. Любезный другъ, прибавилъ онъ, подавая Сильвестру руку: теперь я уже не сержусь на жену за то, что она заставила меня подвергнуть васъ такому жестокому испытанію....

— Для чего же?....

— Обвините меня, любезный Сильвестръ. Я только теперь знаю всю цѣну вамъ; но женщины въ этихъ вещахъ пронцательнѣе насъ.

— Что это значить?...

— Вы будете завтра у Сабинны?

Де-Проні покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, потомъ опять покраснѣлъ. Симѣнъ боялся, чтобы съ нимъ снова не сдѣлался припадокъ.

— Приходите... Вы, можетъ-быть, мнѣ понадобится.... А счетъ бросьте: онъ теперь уже не такъ нуженъ.

Къ счастію, Сильвестръ не понялъ, что Симѣнъ хотѣлъ этимъ сказать.

На другой день вечеромъ въ комнатахъ Сабинны собрались всѣ ея пансіонскія пріятельницы, свѣженькія, розовенькія дѣвушки. Ни Сильвестра, ни Беллестара еще не было. Маленькая гостипая Сабинны была убрана *букетамъ*.

Между всѣми красовался одинъ букетъ, который отличался отъ другихъ своей огромностью и тѣмъ, что въ немъ было кое-что кромѣ цвѣтовъ. Вокругъ корешковъ было великолѣпное жемчужное ожерелье, и брилліантовыя серьги, изъ середины букета выглядывалъ огромный солитеръ; который стоилъ страшной суммы. Разумѣется, что это былъ букетъ де-Беллестара, а брилліанты тѣ самыя, которыя Сабина заложила Леонару, а маркизъ выкупилъ. Билеты были присланы при слѣдующей запискѣ:

«Mademoiselle, принимая мою руку и мое имя, вы дали мнѣ право надѣяться, что съ-этихъ-поръ у насъ будетъ все общее. Позвольте же мнѣ принять участіе и въ вашемъ добромъ дѣлѣ».

— Хорошо, печально сказала мадамъ Симонъ, передавая письмо Сабинѣ.

— Да, не дурно, отвѣчалъ Симонъ.... Но потомъ прибавилъ вполголоса: — Однако жъ посмотримъ.

Прѣчитавъ записку, Сабина покраснѣла. Надобно было объяснить ей какимъ образомъ маркизъ узналъ о ея займѣ. Мосьё Симонъ и жена его старались выставить поступокъ Беллестара въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; они говорили долго... Сабина молчала. Ее возмущала дерзость чловѣка, котораго она почти не знала и который безъ спросу виѣшался въ ея доброе дѣло. Но она старалась увѣрить себя что ошибается и что поступокъ де-Беллестара долженъ быть прекраснымъ, когда такіе люди, какъ опекунъ и мадамъ Симонъ, его хвалятъ.

Наконецъ явился и самъ маркизъ, разфранченный, раздушенный. Увидѣвъ свой букетъ, онъ преисполнился огромнаго торжества, радости во сто тысячъ франковъ. Къ счастью его, Сабина была въ это время въ своей комнатѣ и не видала этого. Потомъ разклавиваясь съ нею, онъ сказалъ вполголоса:

— Вы ангелъ.

— Вы очень добры, отвѣчала она.

Маркизъ де-Беллестаръ подошелъ къ мадамъ Симонъ. Въ это время Сабина увидѣла, что Сильвестръ вошелъ въ комнату и остановился у дверей. Онъ поклонился ей издали, но безъ малѣйшаго смущенія: лицо его было спокойно; ничто въ немъ не обличало внутренняго волненія. Са-

бывъ стало грустно. Она надѣялась, что онъ будетъ такъ же нечалеиъ какъ она; напротивъ, во весь вечеръ онъ велъ себя какъ всѣ, принималъ участіе въ общемъ разговорѣ, не старался обращать на себя вниманія неумѣстной живостію, но и не удалялся отъ веселостей. Она цѣлый вечеръ любезничала, улыбалась, смѣялась, но на душѣ у нея было тяжело. Оба были несчастны. Сабина не понимала какихъ усилій стоило несчастному Сильвестру это наружное хладнокровіе. На другой день она написала объ этомъ къ своей пріятельницѣ Аврелии С^{***} и простодушно выразила горькое чувство обманутой любви. Отправивъ это письмо, она подъ предлогомъ головной боли, оставалась въ своей комнатѣ; только вечеромъ ѣздила куда-то съ своей гувернанткой въ наемной каретѣ.

Де-Проні цѣлый день не былъ дома и воротился только около полуночи. Придверникъ дому, гдѣ онъ жилъ, не имѣлъ обычая разговаривать съ такими ничтожными жильцами какъ Сильвестръ; но тутъ онъ остановилъ его и сказалъ съ важностію.

— Мосьё де-Проні, здѣсь происходятъ дѣла дивныя, которыя мнѣ совсѣмъ не нравятся.

— Чтò такое?

— Извольте видѣть: часовъ въ шесть,..... да, должно быть такъ, потому что мы съ женою сядемъ обѣдать.... часовъ въ шесть входитъ въ мою каморку какая-то дама, или дѣвица чтò ли.... Богъ ее вѣдаетъ. Она была въ бѣломъ чепчикѣ и пріѣхала въ фіакрѣ.... входитъ, подаетъ мнѣ какой-то пакетъ и говоритъ: «Отдайте мосьё де-Проні». Это былъ какой-то портфель или книга, завернутая въ бумагу и запечатанная сургучомъ по всѣмъ швамъ.

— Хорошо, сказалъ я: положите вотъ тутъ.

— Это вещь очень важная, чтобы она не затерялась; и ради Бога, отдайте самому мосьё де-Проні, въ руки.

— Не затеряется, отвѣчалъ я, никогда: мосьё де-Проні скоро прійдетъ; онъ обыкновенно около этого времени возвращается домой: я даже удивляюсь, что его до-сихъ-поръ нѣтъ.

Только-что я это выговорилъ, за дверьми послышался тоненькой голосокъ:—Пойдемъ, пойдемъ скорѣе, говорилъ кто-то: Боже мой! если онъ насъ здѣсь застанетъ!

Старуха ушла, догнала другую, Молоденькую.... я не видалъ ее въ лицо, а увѣренъ, что она молоденькая: у ней голосокъ такой свѣженькой... залѣзли въ фіакръ, да и слѣдъ простылъ.

— Ну, гдѣ жъ этотъ пакетъ?

Видно того, чтобы отвѣчать прямо, придверникъ продолжалъ свой рассказъ по плану, заранѣе составленному.

— Я хотѣлъ-было спрятать пакетъ въ ящикъ. Вдругъ кто-то стучится, какая-то рожища всовывается въ мое оконце и говоритъ тоненькимъ голоскомъ:—Письмо къ мамзель де-Проні.

— Положите вотъ тутъ, говорю я мальчику, а онъ, плутъ, смотритъ на пакетъ, и, видно, разобралъ уже адресъ.

— Надо отдать по-скорѣе, сказалъ онъ: это очень нужно.

— Ну, такъ снесите сами.

Я имѣлъ полное право послать его самого, потому что, согласитесь, я не обязанъ безпрестанно бѣгать по лѣстницамъ.

— Не снести ли кстати ужъ и этотъ пакетъ?

Онъ уже и схватился-было за него.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезнѣйшій, не извольте-ка это трогать. Это велѣно отдать самому мосьё де-Проні, въ собственныя руки.

Это не удивило Сильвестра, потому что онъ посылалъ Раднѣ къ тѣткѣ съ запиской.—Да дайте же мнѣ этотъ пакетъ, сказалъ онъ.

— Позвольте, позвольте; дайте рассказать порядкомъ. То ли еще было! Минуть черезъ двадцать мальчикъ сбѣжалъ съ лѣстницы, постучался коми въ окно, и закричалъ:—«Спрячь свой пакетъ, старый хрычъ», да и былъ таковъ. Я слишкомъ разсудителенъ, чтобы обращать вниманіе на ругательства мальчишки. Только вотъ приходитъ сама тѣтушка, съ такимъ ласковымъ видомъ, что я тотчасъ подумалъ, ужъ извините:—вѣрно, мерзость какую-нибудь хочетъ сдѣлать!

— Нѣтъ ли чего къ намъ? спросила она.

— Ничего.

— Странно: племянникъ пишетъ, что принесутъ пакетъ

на его имя и просить, чтобы я отнесла этотъ пакетъ къ нему въ контору: говорить, что очень нужныя бумаги.

Я, дуралей, подумалъ, что она и правду говоритъ. Да отчего же бы и не повѣрить? Сами посудите. Вынулъ пакетъ изъ ящика, пощупалъ со всѣхъ сторонъ; вижу,—бумаги; я и отдалъ ей и говорю: — Вотъ онъ; спешите по скорѣе къ вашему племяннику.

Она такъ и схватила, да и говоритъ: — Хорошо, хорошо, я ужъ знаю что съ нимъ дѣлать.

— Вы говорили, что это такъ нужно?

— Да вѣдь нельзя же мнѣ идти со двора не одѣвшись.

И то дѣло. Тѣтушка ваша недобрая женщина, но я ее уважаю, потому что она ваша тѣтушка. Нельзя же мнѣ было отнять у нея пакетъ, хоть правду сказать, я больша жалѣлъ, что отдалъ ей. Посмотримъ, думаю я себя, пойдеть ли она со двора. Проходитъ четверть часа: нейдеть полчаса: всё нейдеть; часъ: всё-таки нейдеть. Плохо, думаю я, семь пойду спрошу куда она дѣвала пакетъ. Прихожу къ вашей квартирѣ, звоню разъ, звоню два, три: ни гугу! Что за притча! думалъ я. Звоню во всю мочь, такъ что всѣ ваши сосѣди сбѣжались. — Что тутъ такое? — Ничего, мнѣ только надобно знать дома ли мамзель де-Пронь.

Одинъ сосѣдъ, котораго окна прямо противъ вашихъ говоритъ:—Какъ не дома: вонъ у ней и свѣчка горитъ, она безъ нужды свѣчей тратитъ не станетъ.

Я зналъ, что это она хитритъ; однако жъ, чтобы жильцы не удивлялись, я и говорю имъ: — Давеча приходилъ къ ней какой-то молодой человѣкъ, а я знаю, что ей надобно было со двора идти. Я боюсь, ужъ не случилось ли съ нечего.

Вотъ мы и принялись шумѣть; кто звонить, кто кричить, кто кулаками колотить. Гвалтъ подняли такой, что Божу спаси. Доняли-таки мы ее! Кричить:—Что тамъ такое? Кто это тутъ стучитъ?

Я закричалъ ей сквозь замѣкъ: — А, такъ вы живы? Пакетъ-то? Куда вы его дѣвали?

— Пакетъ тамъ, гдѣ ему должно быть.

— Ну, ну, хорошо; только ужъ будьте увѣрены, что расскажу объ этомъ мосѣ де-Пронь, какъ-скоро онъ пойдеть.

— Спасибо, сказалъ, де-Пронн, не видя во всемъ этомъ ничего особенно важнаго, и хотѣлъ-было итти домой; но придверникъ удержалъ его.

— Позвольте, позвольте, еще не все. Черезъ полчаса послѣ этого, смотрю, мамзель де-Пронн опять ко мнѣ пожаловала, да такая тихая, водой не замутишь. Ну, думаю я себѣ, опять надуть хочеть!

— Какъ это вамъ не стыдно, любезный другъ, говоритъ она съ улыбочкой (вѣдь этакія притворщицы, эти женщины; Господи, Боже мой, что за племя такое кошачье!): какъ это вамъ не стыдно стучаться такимъ образомъ въ двери!

— А зачѣмъ же вы это подтибрили у меня пакетъ на имя вашего племянника?

— Ахъ, Боже мой, какое счастье, что онъ не попался ему въ руки! Вообразите, цѣлая куча ругательныхъ писемъ. Онъ бы, бѣднакъ, съ ума сошелъ, если бъ прочиталъ ихъ! Вѣдь есть же на свѣтѣ такіе злые люди! Ради Бога, мой любезный, не говорите ему ничего объ этомъ пакетѣ: что его, бѣднаго, тревожить.

Да какъ бы вы думали: даетъ мнѣ десять франковъ, когда мнѣ отъ нея во всю жизнь и соломенки не досталось. Видно, ужъ что-нибудь не даромъ.

Де-Пронн поблагодарилъ придверника и пошелъ домой. Все это его встревожило. Что жъ это за пакетъ могъ быть? Кто его принесъ? И зачѣмъ тѣтка его скрываетъ?

Сильвестръ, какъ и всѣ, у кого слугъ нѣтъ, всегда носилъ въ карманѣ второй ключъ отъ своей квартиры. Онъ отперъ замкъ; но дверь не отворилась: она была заперта изнутри задвижкой. Мамзель де-Пронн въ состояніи была бы не пускать его домой, просто, за то, что онъ поздно воротился; но послѣ того, что говорилъ ему придверникъ, эта предосторожность поразила его. Онъ звонилъ нѣсколько разъ; никто не отпиралъ. Сильвестръ призадумался и не зналъ на что рѣшиться. Подождалъ немножко; потомъ приложилъ ухо къ замочной скважинѣ и услышалъ, что кто-то тихонько крадется въ двери. Онъ кликнулъ тѣтку; она не отвѣчала. Сильвестръ позвонилъ и ему послышалось, что задвижку отодвинули; попробовалъ: дверь отперта. Онъ вошелъ: вездѣ темно; обыкновенно если его не было, тѣтка, ложась спать оставляла ночникъ:

теперь ночника не было; а между-тѣмъ запахъ отъ сальной свѣчки, только-что затушенной, показывалъ, что мамзель де-Проні до-тѣхъ-поръ не спала. Сильвестръ вошелъ въ комнату тѣтки: огонь въ каминѣ не былъ погашенъ, а между-тѣмъ она, изъ предосторожности отъ пожару, всегда гасила на ночь огонь. Де-Проні отыскалъ ошупью шипцы, досталъ изъ каминна уголь, долго раздувалъ его. Все это дѣлало такой шумъ, что въ другой разъ тѣтка его непременно пробудилась бы, но она не шевелилась. Наконецъ онъ добылъ огню. Тѣтка его лежала на постели подъ одѣяломъ и притворялась спящею; но, посмотрѣвъ на нея внимательно, онъ замѣтилъ, что она совсѣмъ одѣта. Сильвестръ рѣшился надѣлать такого шума, чтобы она не могла уже притворяться, будто не слышитъ. Онъ нарочно уронилъ желѣзные шипцы на полъ. Мамзель де-Проні вздрогнула, но не подымалась.

Сильвестръ пошелъ въ свою комнату, думая что, можетъ-быть, она тамъ гдѣ-нибудь положила пакетъ; но его нигдѣ не было. Роясь въ ящикахъ, Сильвестръ наконецъ открылъ тотъ, въ которомъ обыкновенно лежали платье и бѣлье мамзель де-Проні: ящикъ былъ пустъ. Онъ сталъ искать и увидѣлъ, что узелъ съ платьемъ и бѣльемъ лежалъ въ комнатѣ тѣтки подъ столомъ. Ясно было, что она хотѣла совсѣмъ уйти отъ него и рѣшилась во что бы то ни стало, избѣжать немедленнаго объясненія. Сильвестръ сталъ думать о томъ что говорилъ ему придверникъ, соображать всѣ обстоятельства, и вдругъ, какъ-бы пораженный внезапною мыслию, онъ закричалъ: — Тѣтушка! Тѣтушка!

Притворяться долѣе было невозможно и она отвѣчала соннымъ голосомъ: — Что тебѣ нужно?

— Извините, что я разбудилъ васъ: ко мнѣ принесли пакетъ. Гдѣ онъ?

— Я никакого пакета не видала, сказала она, садясь на постели.

Она точно была совсѣмъ одѣта.

— Я знаю навѣрное, что пакетъ принесли. Пожалуйста мнѣ его.

— Я ничего не знаю, отвѣчала она; легла опять, повернулась къ стѣнѣ и закрылась одѣяломъ.

— Послушайте, тётушка, это дѣло важное; пакетъ адресованъ на мое имя и вы не имѣете права его удерживать.

Мамзель де-Пронн поднялась опять и указывая на узелъ съ платьемъ, сказала:—Видишь, тебѣ недолго ждать: скоро ты отъ меня совсѣмъ избавишься. Мнѣ надобно было бы уйти нынче же вечеромъ, я отложила до завтра и Богъ наказалъ меня за это.

— Да зачѣмъ вамъ уходить?

— За тѣмъ, что мнѣ надобно жить съ тобою: ты гуляка, негодный развратникъ. Ты думаешь, я не знаю, что ты былъ совсѣмъ не въ конторѣ, а таскался Богъ вѣсть гдѣ. Живи себѣ какъ хочешь, а я буду жить одна.

— Да чѣмъ же вы будете жить?

— Ужъ объ этомъ не изволь беспокоиться: я отъ тебя ничего не потребую.

Это еще болѣе изумило Сильвестра; но ему и въ голову не приходило, чтобы у ней были какія-нибудь тайныя средства для жизни. Онъ думалъ, что это просто капризь, угроза, которой она не можетъ исполнить и потому сказалъ:— Удерживать васъ я не могу, но прежде вы должны отдать мнѣ мой пакетъ.

— Говорятъ тебѣ, что пакета никакого нѣтъ.

— О, такъ я же найду его, вскричалъ Сильвестръ съ досадою, бросившись къ постели, чтобы посмотреть нѣтъ ли пакета подъ подушкою.

Старуха вскочила, съ бѣшенствомъ оттолкнула его и вскричала:

— Неужели ты осмѣлишься наложить на меня руку?

— Говорятъ вамъ, отдайте мнѣ пакетъ, сказалъ де-Пронн, наконецъ совершенно выведенный изъ терпѣнія.

Старуха забыла роль, которую хотѣла играть и сверкая глазами, какъ львица, у которой хотятъ отнять дѣтенышей, вскричала дрожащимъ отъ ярости голосомъ: — Не отдамъ! Хоть убей, не отдамъ!

И говоря это она собирала вокругъ себя юбки. Ясно было, что она спрятала что-то въ свои большіе карманы, которые, по-старинному, носила подъ платьемъ.

— Тётушка, сказалъ Сильвестръ, помолчавъ немного: клянусь вамъ честью моего отца: вы не выйдете отсюда, пока не отдадите мнѣ пакета.

— Такъ ты хочешь убить меня, злодѣй? закричала старуха, отступая въ уголъ.

Глаза ея блуждали, какъ у помѣшанной, губы дрожали; она была страшна.

— Тётенька, сказалъ Сильвестръ кротко: прійдите въ себя, подумайте, чтó вы дѣлаете. Этотъ пакетъ адресованъ на мое имя; онъ мой, а не вашъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала мамзель де-Пронн, глухимъ голосомъ: это мое добро; она возвратила его мнѣ и я не выпущу его изъ рукъ.

Эти слова, вырвавшіеся у испуганной старухи, еще болѣе изумили Сильвестра. Онъ еще не догадался въ чемъ дѣло; но начиналъ приближаться къ истинѣ. Онъ подошелъ по-ближе. Старуха совсѣмъ прижалась въ уголъ, какъ хищный звѣрь, на котораго нападаютъ въ берлогѣ.

— Этотъ пакетъ привезла мамзель Дюранъ?

— Не знаю.

— И въ немъ, можетъ-быть, были..... деньги?

— А, ты хочешь украсть ихъ у меня? Ограбить меня? закричала старуха, поднося когти прямо къ лицу Сильвестра.

Теперь де-Проннъ видѣлъ ясно, что ему прислали деньги, что эти деньги прислала или привезла мамзель Дюранъ! Онъ забылъ на минуту и сопротивленіе тётки и странное свое положеніе въ отношеніи къ ней и чувствовалъ только свое униженіе.

— О! деньги! денегъ мнѣ! вскричалъ онъ со слезами ярости и отчаянія. Потомъ виѣ себя началъ ходить большими шагами по комнатѣ, рвалъ на себѣ волосы, стоналъ и плакалъ, восклицая по временамъ: Деньги! мнѣ деньги!

Покуда онъ ходилъ, старуха съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдовала за нимъ глазами; но отчаяніе, горесть племянника нисколько не возбуждали ея состраданія. Она думала только объ одномъ, какъ бы стстоять сокровище, которое хотѣла себѣ присвоить. Вдругъ Сильвестръ остановился передъ нею и сказалъ рѣшительно:

— Отдайте мнѣ эти деньги.

Она не отвѣчала, но злобно захохотала.

— Подайте деньги! вскричалъ онъ виѣ себя.

Въ этой тѣсной комнатѣ двѣ страшныя страсти сталки

вались между собою. Гордость Сильвестра бушевала при мысли оставить у себя хоть что-нибудь изъ милостыни, которую ему прислали. Въ душѣ мамзель де-Проні кипѣло корыстолюбіе старухи, которая всю жизнь терпѣла нищету, теперь получила неожиданно средства существовать безбѣдно и ихъ хотѣть отнять у нея!

Она молчала. Тутъ Сильвестръ совершенно вышелъ изъ себя, схватилъ ее за обѣ руки, сжалъ ихъ изъ всей силы и сказалъ:—Подайте деньги!

Старуха не вырывалась, но, задыхалась отъ ярости, проговорила:—Убійца! Убійца!

Эти слова привели Сильвестра въ себя; онъ опустилъ руки мамзель де-Проні, упалъ на постель и вскричалъ со слезами:—О, я несчастный! Зачѣмъ я родился на свѣтъ! Потому, онъ всталъ и подойдя къ тѣткѣ, сказалъ:—Да развѣ вы не понимаете, что если я не возвращу ей этихъ денегъ, то долженъ убитъ, потому что буду обезславленъ на всю жизнь?

— Пустяки, не убьешься! отвѣчала старуха, пожавъ плечами.

— Клянусь вамъ, сказалъ Сильвестръ: если я завтра же не возвращу этихъ денегъ той, которая осмѣлилась прислать мнѣ ихъ, то я застрѣлюсь: клянусь вамъ честью отца моего.

— Ну, такъ что жъ, пожалуй: лучше застрѣлиться, чѣмъ умереть съ голоду, и если тебѣ охота стрѣляться, такъ кто жъ не велитъ? отвѣчала старуха.

Несчастный Сильвестръ былъ совершенно уничтоженъ. Эти слова разрушали его единственную привязанность, ту, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ, для которой обрекъ себя на нищету. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на тѣтку, какъ-будто думая, что не такъ понялъ, что она сказала; но мамзель де-Проні, пользуясь его уныніемъ, сказала еще холоднѣе прежняго:

— Кто жъ не велитъ! Ты не первый и не послѣдній убьешься оттого, что у тебя нѣтъ ни характера, ни воли. Да, правду сказать, я плохо и понимаю, зачѣмъ и жить на свѣтъ человеку, который ни на что не годенъ.

Въ этихъ словахъ было какое-то радостное, свирѣпое выраженіе, котораго передать невозможно. Не мудро.

Чорствая холодность сердца старой дѣвки во сто разъ непостижимѣе самыхъ бурныхъ волненій души пылкой женщины.

Де-Проні погрузился въ глубочайшее уныніе. Онъ понималъ, что старуха, тѣтка его, считаетъ эти деньги своей собственностью, своей послѣдней, неожиданной надеждою и ни за что въ свѣтѣ добровольно съ ними не разстанется; но онъ чувствовалъ также, что надобно возвратитъ ихъ во что бы то ни стало. Долго стоялъ онъ молча; наконецъ сказалъ:—Завтра я рѣшу что мнѣ дѣлать; до-тѣхъ-поръ прошу васъ только объ одной милости: не уходите, не поговоривъ со мною.

Старуха съ презрѣніемъ отвернулась отъ мужчины, котораго побѣдила своей непоколебимой твердостью. Сильвестръ ушелъ въ свою комнату. Въ головѣ у него было темно и осталась одна только ясная мысль, сознаніе, что онъ дошелъ до крайней степени злополучія и что ему не остается другаго убѣжища, кромѣ смерти.

Само-собою разумѣется, что де-Проні не смыкалъ глазъ въ эту ужасную ночь. Мысли, однѣ другихъ печальнѣе, однѣ другихъ ужаснѣе, безпрестанно смѣнялись въ головѣ его. Впрочемъ, онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что ему удастся преодолѣть сопротивленіе тѣтки и думать только, какъ бы наказатъ ту, которая осмѣлилась податъ ему милостыню.

Не спала и мамзель де-Проні. Она слышала какъ Сильвестръ ходилъ по комнатѣ, рыдалъ и говорилъ вслухъ самъ съ собою. Нѣсколько разъ подходила она на цыпочкахъ къ стеклянной двери, отдѣлявшей ея комнату отъ комнаты Сильвестра и убѣдилась, что украдкою уйти невозможно, а надо уйти, чтобы поселившись гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголку, жить подъ чужимъ именемъ и спокойно наслаждаться тѣмъ что судьба послала. Ей и въ голову не приходило, чтобы она не имѣла права воспользоваться этими деньгами. Но какъ удержать ихъ? Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, она убѣдилась, что надобно возвратитъ часть, чтобы спасти остальное. Сколько жъ отдать? Такъ какъ это милостыня, даръ, то могли прислать и не сто тысячъ, а тридцать, двадцать, десять, даже пять, даже три: даръ всё-таки значительный. И она

отложила пять тысячъ; ну, а если Сильвестръ не повѣритъ, что прислали такъ мало? Нѣтъ, надобно прибавить. И она, терзаясь, прикладывала еще пять тысячъ, доходила постепенно до тридцати, потомъ опять отлагала десять, двадцать пять тысячъ. Тяжела была ей эта борьба! Наконецъ она завернула особо двадцать тысячъ, и въ это время послышались у дверей шаги Сильвестра: борьба прекратилась. Мамзель де-Пронъ проворно легла опять въ постель. Сильвестръ подошелъ къ ней и сказалъ съ величайшею кротостію:

— Ну, что жъ, тѣтенька, одумались ли вы? рѣшились ли возвратить деньги, которыхъ мы не должны принимать, не можемъ принять?

Мамзель де-Пронъ медленно вытянула изъ-подъ одеяла руку и, подавая Сильвестру пачку банковыхъ билетовъ, сказала:

— Вотъ они. Оскорбили не меня, а тебя; дѣлай что хочешь. Оставь меня только въ покоѣ. Страданія мои скоро кончатся. Я надѣюсь уже не вставать съ постели.

Бѣдный Сильвестръ съ восторгомъ поцѣловалъ изсохшую руку злой старухи. — Вы спасли мнѣ жизнь! вскричалъ онъ. Взглянувъ на пачку, де-Пронъ тотчасъ увидѣлъ, что тутъ должно быть тысячъ двадцать, и ему даже въ голову не пришло спросить: всё ли тутъ. Внѣ себя отъ радости, онъ отъ души благодарилъ тѣтку, просилъ у ней прощенія и ушелъ въ свою комнату. Мамзель де-Пронъ съ безпокойствомъ ждала когда онъ пойдетъ со двора, чтобы потомъ самой бѣжать.

Это было въ воскресенье. Вечеромъ, въ гостиной у стряпцаго сидѣли онъ самъ, мадамъ Симонъ, Сабина и маркизъ де-Беллестаръ. Симонъ велѣлъ всѣмъ отказываться, чтобы доставить жениху и невестѣ случай сблизиться. Но и опекунъ, и жена его, и ихъ питомица были скучны и молчаливы. Симонъ шевелилъ уголья, мадамъ Симонъ вышивала въ пальцахъ, Сабина разеянно перелистывала альбомъ. Одинъ Беллестаръ, грѣясь у камина, говорилъ безъ-умолку, изчислялъ свои богатства, толковалъ о томъ, какія удовольствія ожидаютъ маркизу де-Беллестаръ посреди упоенія самой роскошной жизни въ большомъ свѣтѣ. Онъ не обращалъ вниманія ни на что и самодовольно

любовался планами, которые создалъ для будущей своей брачной жизни.

Въ это время слуга пришелъ доложить, что москѣ де-Пронъ неотступно проситъ, чтобы его впустили, говоря, что ему необходимо нужно повидаться съ москѣ Симонъ.

Это всѣхъ поразило. Маркизь, досадуя, что ему помѣшали, вскричалъ:—Да развѣ ты не сказалъ ему, что ничего не вѣлѣно принимать? Можетъ прійти и въ другой разъ.

Москѣ Симонъ, напротивъ, вскричалъ:—Нѣтъ, нѣтъ, позови его. И потомъ, какъ-бы извиняясь, прибавилъ:—Можетъ-быть, у него есть какія-нибудь важныя дѣла.

Черезъ минуту Сильвестръ вошелъ въ комнату. Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ; глаза его потускли. Онъ подходилъ болѣе на ходячій трупъ, чѣмъ на живаго человѣка.

— Что съ вами, любезный Сильвестръ? сказалъ Симонъ, подходя къ нему.

— Сейчасъ скажу вамъ; но позвольте мнѣ собраться съ мыслями.... Я не думалъ найти здѣсь....

— Пойдемте въ мой кабинетъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, позвольте мнѣ говорить здѣсь.... Это нужно, необходимо для моей чести.... моего достоинства... моей....

Онъ не могъ выговорить слова «мести.» При видѣ Сабинны все негодование, весь гнѣвъ его исчезли, и въ сердцѣ у него осталась только горечь.

— Москѣ Симонъ, сказалъ онъ, помолчавъ немного: вотъ уже семь лѣтъ какъ я имѣю честь работать у васъ, былъ такъ счастливъ, что заслужилъ вашу довѣренность и стараюсь всегда быть достойнымъ вашихъ милостей.

— Я всегда былъ доволенъ вами, какъ-желая болѣе, всегда имѣлъ къ вамъ полную довѣренность, а то чтѣ вы называете мои милостями, не чтѣ иное какъ справедливость, и даже очень не щедрал.

— Благодарю васъ, сказалъ де-Пронъ, кланяясь: послѣднія ваши слова помогаютъ мнѣ приступить къ предмету, о которомъ мнѣ безъ того трудно было бы говорить. Да, вы платили мнѣ не много, но вы не могли больше давать мнѣ: иначе всѣ ваши товарищи стали бы на васъ жа-

ловаться. Я зналъ, что ожидаетъ меня и добровольно избралъ эту каррьеру. Конечно, я жилъ въ бѣдности, почти въ нищетѣ; но слышали ли вы отъ меня когда-нибудь хотя малѣйшую жалобу на мое положеніе? Понялъ ли я когда-нибудь на жестокость судьбы? Вспоминалъ ли о богатствѣ, котораго лишился?....

— Никогда, никогда! сказалъ Симонъ: вы всегда вели себя какъ благородный человѣкъ, который чувствуетъ свое достоинство и не унижается бесплодными жалобами.

— Если такъ, продолжалъ Сильвестръ, дрожащимъ голосомъ: то растолкуйте мнѣ, почему кто-то, кого я не знаю... и не хочу знать, прибавилъ онъ едва слышно— счелъ себя въ правѣ бросить милостыню бѣдняку, который ни у кого ничего не просилъ?

Положеніе дѣйствующихъ лицъ этой маленькой драмы было довольно странно: всѣ знали, что хотѣлъ сказать Сильвестръ, а, между-тѣмъ, всѣ должны были показывать, что ничего не знаютъ. При словѣ «милостыня», Сабина потупила глаза, сознавая свою ошибку; мадамъ Симонъ печально улыбнулась, но съ гордостію взглянула на Сильвестра: ей пріятно было что человѣкъ, котораго она такъ любитъ и уважаетъ, снова занимаетъ мѣсто, принадлежащее ему по всѣмъ правамъ. Беллестаръ улыбнулся и слегка пожалъ плечами, какъ-будто подумалъ:—Сколько хлопотъ изъ пустяковъ! Одинъ Симонъ хорошо игралъ свою роль и сказалъ:

— Милостыню, вамъ! Я не понимаю что вы хотите сказать, любезный другъ.

де-Проні поглядѣлъ на мадамъ Симонъ, на Беллестара, и тотчасъ увидѣлъ, что они все знаютъ.

— Какъ же иначе назвать, сказалъ онъ: значительную сумму, которую кто-то привезъ къ намъ въ домъ и велѣлъ отдать мнѣ, сумму, на которую я не имѣлъ ни малѣйшаго права, кромѣ моей бѣдности?

— Что жъ тутъ мудренаго? сказалъ де-Беллестаръ. Вѣрно, какой-нибудь человѣкъ богатый, чувствительный и великодушный, зная васъ, захотѣлъ помочь вамъ.

Не будь тутъ Беллестара, де-Проні, вѣроятно, кончилъ бы свои объясненія съ такою же умѣренностію, какъ на-

чалъ; но внимательство этого чловѣка было искрою, брошенною въ порохъ. Сильвестръ вскинулъ:

— Я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы допрашиваться по какой причинѣ надо мною сжалились, а чтобы объявить, что мнѣ не нужно этого соболѣзнованія, что я считаю его оскорбленіемъ для себя и если бы я зналъ, что сердце, въ которомъ родилось это состраданіе, бьется подъ синнимъ фракомъ, то я бы потребовалъ удовлетворенія отъ того, кто осмѣлился оскорбить меня.

Маринъ застегнулъ свой синій фракъ до самаго верху, какъ-будто приготавливаясь къ рукопашному бою и окинулъ Сильвестра взорами съ головы до ногъ.—Сердце, которое бьется подъ синнимъ фракомъ, сказалъ онъ: нисколько не виновато въ состраданіи, котораго васъ считали достойнымъ, но я готовъ принять отвѣтственность за это на себя.

— Господа, вскричала мадамъ Симонъ, вставая съ своего мѣста и указывая на Сабину: вы забываете, что мы здѣсь! И она побѣжала къ мамзель Дюранъ, которая, закинувъ голову назадъ, прижавъ руку къ сердцу, казалось, задыхалась.

— Мосье де-Пронъ, сказалъ съ строгимъ видомъ Симонъ, ставъ между Сильвестромъ и Беллестаромъ: развѣ вы пришли сюда за тѣмъ, чтобы заводить ссоры? въ моемъ домѣ?

— Извините меня, отвѣчалъ Сильвестръ: я искренно сожалею, что навлекъ на себя упрекъ въ неуваженіи къ вашему дому, особенно, когда я здѣсь въ послѣдній разъ; но, мнѣ кажется, что здѣсь всѣ понимаютъ, о чемъ я говорю и только не хотятъ признаться.

Никто не сказалъ ни слова. Сильвестръ посмотрѣлъ на тѣхъ, которыхъ называлъ своими друзьями, на тѣхъ, съ кѣмъ разставался и, снова погрузившись въ горестъ, вскричалъ почти со слезами:

— О, вы всѣ знали!

Потомъ, обращаясь къ каждому по-одиначкѣ, онъ сказалъ мадамъ Симонъ, которая держала Сабину въ своихъ объятіяхъ:—Вы знали, но я не сержусь за то, что вы до этого допустили, потому что вы не знали меня. И вы знали, мосье Симонъ, и позволили сдѣлать мнѣ эту обиду! Развѣ

я когда нищенствовалъ? Развѣ я жаловался на свою бѣдность? Развѣ я не трудами добывалъ себѣ насущный кусокъ хлѣба? За что жъ было оскорблять меня?

Потомъ онъ обратился къ Сабинѣ, которая горько плакала, и сказалъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ:—Что я вамъ сдѣлалъ? Развѣ я когда-нибудь нарушалъ уваженіе, которыми обязанъ вамъ... не только потому, что вы питомца человѣка, который мнѣ покровительствовалъ, но и потому, что вы добры, благородны, украшены всѣми добродѣтелями.... неужели вы не знаете, что дать мужчине денегъ значитъ нанести ему жесточайшее оскорбленіе?... Но нѣтъ, вы знали, потому что сдѣлали это украдкой....

Сабина вырвалась изъ объятій мадамъ Симонъ и подошла къ Сильвестру, сказала съ неизъяснимымъ выраженіемъ гордости и мольбы:

— Клянусь вамъ честью, я не знала, что это унижительно для васъ; но я знала, что отъ меня вы ничего не примете.

— Ни отъ васъ, ни отъ кого на свѣтѣ! сказалъ съ мрачнымъ видомъ Сильвестръ.

— Но отъ меня это была не милостыня, а возвращеніе....

— Сабина, Сабина, ты ничего не должна Сильвестру! вскричалъ Симонъ, видя, что приближается опасность, которой онъ такъ старался избѣжать.

— Мосѣ Симонъ совершенно правъ, сказалъ де-Пронъ: вы мнѣ ничего не должны, и мнѣ очень совѣстно, что я такъ жестоко упрекалъ васъ въ поступкѣ, причиною котораго была чистота и благородство вашихъ чувствованій. Повѣрьте, я умѣю цѣнить ихъ, я искренно благодаренъ вамъ, но согласитесь, что я не могу принять отъ васъ денегъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Сабина: вы не принимаете, и хорошо дѣлаете; а я не хочу пользоваться имѣніемъ, которое несправедливо отнято у васъ, и тоже хорошо дѣлаю.

Твердая рѣшимость, съ которою она произнесла эти слова, всѣхъ испугала. Симонъ, жена его, Сильвестръ, вскрикнули вмѣстѣ:

— Что ты дѣлаешь, Сабина?

— Что это ты говоришь, моя милая?

— Что вы хотите сказать, мамзель Дюранъ!

— Это уже слишкомъ!

Разумѣется, что послѣднее восклицаніе сдѣлалъ Беллестаръ.

Сабина, какъ-будто ничего не слыхала и продолжала съ прежнею рѣшительностію.

— Ни милостыни, ни дара тутъ быть не можетъ; между нами можетъ быть только расчетъ, и я непремѣнно хочу, чтобы расчетъ былъ сдѣланъ.

— Ты забываешь, что я здѣсь, сказалъ Симонъ: ты не можешь располагать своимъ имуществомъ.

— Я скоро буду имѣть право располагать имъ и тогда, мосье де-Проні, я надѣюсь, что вы не будете имѣть причины на меня жаловаться.

Дѣло, по-видимому, должно было тѣмъ и кончиться, но маркизь де-Беллестаръ, нѣсколькими словами придалъ ему совсѣмъ новый оборотъ.—Мы всѣ понимаемъ, сказалъ онъ Сильвестру: благородныя чувствованія, которыя заставляютъ васъ отказаться отъ этихъ ста тысячъ; но, будьте великодушны, примите ихъ.

— Какъ..... какъ вы сказали..... сто..... сто тысячъ франковъ? вскричалъ Сильвестръ прерывающимся голосомъ.

— По-крайней-мѣрѣ я слышалъ, что мамзель Дюранъ хотѣла послать къ вамъ сто тысячъ.

— Э, Боже мой, что за надобность сколько тутъ было! сказала Сабина.

— О, ради Бога, сжальтесь надо мною, скажите: вы имъ послали сто тысячъ? вскричалъ Сильвестръ въ невыразимомъ разстройствѣ чувствъ.

Сабина въ испугѣ потушила глаза, а Симонъ вскричалъ съ нетерпѣніемъ:

— Да говори же: сколько ты ему послала?

— Сто тысячъ.

— Сто тысячъ! закричалъ де-Проні въ совершенномъ отчаяніи. О, я бѣгу, сказалъ онъ, бросаюсь къ дверямъ; но сдѣлавъ два шага, онъ остановился и схватился за сердце. Симонъ подбѣжалъ къ нему. Лицо Сильвестра искажилось, глаза закрылись; онъ проговорилъ невнятно:

— Бѣгите.... бѣгите на мою квартиру.... тѣтушка.... и упалъ безъ чувствъ на полъ.

Онъ лежалъ совершенно неподвижно. Когда Симонъ съ помощію лакея сталъ поднимать его, члены Сильвестра сгибались безъ малѣйшей упругости и были тяжелы какъ члены трупа. Лицо покрыто смертною блѣдностью, ротъ полу-раскрытъ и изъ него выступали одна за одной капли крови; грудь сильно вздулась. Большаго положили на диванъ; безжизненное лицо его было обращено къ серединѣ комнаты, какъ-будто онъ глядѣлъ на окружающихъ. Симонъ, стоя на колѣняхъ, щупалъ пульсъ его, который не бился. Мадамъ Симонъ бѣгала и суетилась; приносила разные спирты и соли. Маркизь де-Беллестаръ велѣлъ взять свою карету, чтобы послать за докторомъ; потомъ сталъ по-прежнему къ камину и, по-видимому, очень жалѣлъ, что попалъ въ такой свѣтъ, гдѣ бывають подобныя сцены. Сабина стояла въ ногахъ дивана; опущенныя ея руки скрестились пальцами; голова наклонилась впередъ; глаза, немножко раскрытые, были устремлены на Сильвестра; ротъ немножко открытъ. То было выраженіе испуга и горести, доведенныхъ до высочайшей степени. То была превосходная статуя, почти такая же бѣлая какъ мраморъ, такая же неподвижная и столь же холодная. Въ эту минуту Сабина не думала. Мысль, самая мимолетная, хотъ на мгновеніе нарушила бы эту совершенную неподвижность. Но Сабина не думала: она страдала, страданіемъ глубокимъ, но безъ порывовъ. Жизнь Сабини, казалось, улетѣла вмѣстѣ съ жизнью Сильвестра и когда онъ вздохнулъ и кровь сильно полилась у него изъ горла, она тоже испустила глубокий вздохъ: они вмѣстѣ возвратились къ жизни.

Разумѣется, что де-Беллестаръ не понималъ тайной причины горести своей невѣсты. Онъ одаренъ былъ блаженнымъ самодовольствомъ глупцовъ и ему никогда въ голову не приходило, чтобы женщина, которую онъ удостоилъ своего вниманія, могла думать о комъ-нибудь другомъ. Когда Сильвестръ сталъ оживать, маркизь подошелъ къ Сабинѣ и сказалъ:

— Успокойтесь; это ничего: просто, обморокъ; теперь нѣтъ никакой опасности....

Сабина не слушала его, не взглянула на него, не спуска-

да глазъ съ лица Сидьвестра и проговорила почти шепотомъ: — О, да, я спасу его....

— Но теперь онъ уже спасенъ, сказалъ де-Беллестаръ: успокойтесь, прийдите въ себя....

Тутъ она точно пришла въ себя, возвратилась къ дѣйствительной жизни, то есть, возвратилась къ де-Беллестару, и какъ-будто видъ его напомнилъ ей все прошедшее, какъ-будто онъ сдѣлалъ новое предложеніе, она отвѣчала отворкувшись....

— О, теперь никогда!... никогда!...

Де-Беллестаръ не попалъ, но эти слова поразили его.

Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ докторъ и велѣлъ пустить кровь. Маркизь отправился домой. Сабина принуждена была уйти. Входя въ свою комнату, она остановилась и стала прислушиваться: насы пробѣли двѣнадцать. Начался Новый Годъ.

Второго января, съ маркизомъ случилось происшествіе, которое имѣло сильное вліяніе на судьбу героевъ нашего романа, и мы тотчасъ расскажемъ этотъ случай, чтобы скорѣе воротиться къ людямъ, по-интереснѣе этого ходячаго милліона.

Отъ скуки онъ поѣхалъ къ своему брилліантщику, Леонару, смотрѣть вещи, которыя заказалъ для невѣсты. Само собою разумѣется, что Леонаръ питалъ глубокое уваженіе къ такому богатому покущику какъ маркизь; притомъ Леонаръ былъ чрезвычайно болтливъ и ему непременно надобно было рассказывать слухи, сплетни, пустяки, что бы то ни было, лишь бы только рассказывать. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ долгомъ почелъ сообщить де-Беллестару разговоръ, который происходилъ дня за три передъ тѣмъ у него въ магазинѣ между двумя дѣвками. Одна изъ этихъ дѣвицъ была мамзель Аврелія С***, къ которой Сабина питала неограниченную довѣренность, другая, по-видимому, ихъ общая, пансіонская подруга.

Онѣ, къ большому удивленію Леонара, разговаривали о брилліантахъ, которые Сабина у него заложила, и потомъ Аврелія С*** сказала вполголоса, но такъ, что эти слова дошли до чуткаго слуха любопытнаго Леонара: — Вообрази, ма сѣге, она выходитъ за этого бѣднаго маркиза, а сама до-уши влюблена въ Сидьвестра де-Продъ. — Быть не

можетъ!—У меня есть письмо, въ которомъ она сама мнѣ призналась.

При извѣстныхъ намъ чувствованіяхъ маркиза де-Беллестара и мнѣніи его о себѣ самомъ—разумѣется, это извѣстіе поразило его какъ громомъ, и онъ думалъ только о томъ какъ бы скорѣе и самымъ чувствительнымъ образомъ наказать недостойную, которая не умѣла оцѣнить его.

Какъ-скоро Сильвестру стало по-лучше, Симонъ послалъ къ нему въ квартиру узнать, тамъ ли его тѣтка. Ее не было; она ушла тотчасъ послѣ него, и оставила у придверника письмо на имя Сильвестра. Въ этомъ письмѣ, злая старуха, осыпая ругательствами и покойнаго Дюрана, и несчастную Сабину и самого Сильвестра, объявляла, что такъ какъ покойный де-Пронъ, братъ ея и отецъ Сильвестра, взялъ у нея 309,522 франка и ввѣрилъ ихъ Дюрану, за которымъ они и пропали, то эту сумму долженъ ей Сильвестръ, и потому она рѣшилась подать на него просьбу, чтобы черезъ него добраться до Сабинны. «Она хотѣла зажать намъ ротъ своими ста тысячами! писала мамзель де-Пронъ: погоди, голубушка! Я тебя выведу на свѣтлую воду. Начнется процессъ, такъ весь свѣтъ узнаетъ подлости отца твоего, узнаютъ и за что ты такъ щедро платишь моему племяннику» и прочее и прочее. Между-тѣмъ Симонъ принужденъ былъ сообщить это письмо Сабинѣ. Можете представить себѣ каково было несчастной дѣвушкѣ читать такія мерзости! Но это было нужно для того, чтобы показать, что хотя мамзель де-Пронъ, конечно, не можетъ выиграть своего нелѣпаго процесса, однако жъ при помощи какого-нибудь адвоката-сутяги — а ихъ въ Парижѣ не мало — можетъ надѣлать бѣдпой мамзель Дюранъ множество неприятностей. Оставалось одно средство избавиться отъ всѣхъ этихъ неприятностей: отыскать мамзель де-Пронъ и отыскать ее какъ-можно скорѣе, пока она еще не успѣла подать просьбы, и какъ-нибудь сдѣлаться съ нею. Къ счастью, это былъ Новый Годъ, а въ этотъ день ни одного адвоката нѣтъ дома. Всѣ рыщутъ по городу; да если бы какой-нибудь лѣнивый или слишкомъ важный, и былъ дома и согласился приняться за работу, такъ всѣ-таки просьбы подать нельзя. Разсудивъ такимъ обра-

зомъ и оставивъ планъ покоевъ, дѣятельный Симонъ тотчасъ пустился въ путь.

Но пусть его ищетъ, а мы между-тѣмъ посмотримъ, что дѣлаетъ Сильвестръ.

Всю ночь у него былъ страшный жаръ, и въ бреду онъ высказалъ все что у него было на душѣ. Такимъ образомъ, Сабина, которая сидѣла у его постели съ опекуномъ своимъ и женой его, убѣдилась наконецъ въ томъ, что другіе давно знали. Къ-утру онъ успокоился и лежалъ въ совершенномъ изнеможеніи физическомъ и душевномъ. Въ это время пріѣхалъ де-Беллестаръ. Узнавъ, что Симона нѣтъ дома, а мадамъ Симонъ и Сабина не принимаютъ, онъ прошелъ прямо въ комнату Сильвестра и, подходя къ его кровати, сказалъ:

— Я пріѣхалъ, мосьё де-Пронъ, узнать о вашемъ здоровьѣ.

— Благодарю васъ, маркизь, за участие, отчего бы оно ни происходило.

— Оно очень естественно, отвѣчалъ маркизь: всѣ здѣсь насъ любятъ: мосьё Симонъ называетъ васъ своимъ другомъ, мадамъ Симонъ любитъ васъ какъ сына, мамзель Дюранъ вамъ покровительствуетъ.

— Я горжусь дружбою мосьё Симона и расположеніемъ ко мнѣ его почтенной супруги; что касается до покровительства мамзель Дюранъ, то вы видѣли какъ я на это смотрю.

— Но вы, кажется, не понимаете причинъ этого покровительства.

— Я очень понимаю отчего оно происходитъ: она знаетъ, что часть ея имѣнія принадлежитъ намъ и я удивляюсь какъ вы этого не знаете, когда это имѣніе скоро будетъ вашимъ.

— Вы ошибаетесь. Можетъ-быть причины ея поступка съ вами, заставятъ меня отказаться отъ своего предложенія.

Сильвестръ вообразилъ себѣ, что де-Беллестаръ хочетъ отказаться отъ руки Сабинны, потому что боится процесса. Это его взволновало. — Я въ отчаяніи, сказалъ онъ, если своими необдуманными словами подалъ поводъ къ разрыву, всегда неприятому. Мы не имѣемъ никакого права

требовать отъ мамзель Дюранъ возврата того, что отнялъ у васъ отецъ ея. Имѣніе ея совершенно свободно.

— О, я знаю, что имѣніе ея свободно; но я желалъ бы, чтобы она сама и сердце ея были также свободны; прибавилъ онъ, пристально посматрѣвъ на Сильвестра.

Надобно быть Беллестаромъ, чтобы говорить постороннему такіа вещи о своей невѣстѣ, но надобно быть и Сильвестромъ, человѣкомъ, угнетеннымъ нищетою, чтобы не понять такого намека. Онъ не понялъ.

— Какъ, вскричалъ онъ простодушно: вы думаете, что мамзель де-Пронн не свободна, что опекунъ ея употребляетъ во зло власть свою?

Беллестаръ съ недоумѣніемъ посматрѣлъ на него и сказалъ: — Ни сколько! Но я думаю не занято ли ея сердце, не любить ли она кого?

Глаза де-Пронн помутнились, лицо его снова приняло страшное выраженіе. Мысль, что Сабина кого-нибудь любить, чуть не задушила его и онъ произнесъ глухимъ, прерывающимся голосомъ: — Вы думаете, что она любитъ... Сабина любитъ ... но кого же?...

— Можетъ-быть васъ.

— Меня!... меня!.....

Сильвестръ закрылъ глаза, какъ-будто любовь Сабинны молніей блеснула передъ нимъ. Онъ едва дышалъ. Потомъ какъ-бы встряхнулся, чтобы разогнать видѣніе, сѣлъ на постели и принялся пристально смотрѣть на Беллестара. Что происходило въ это время въ головѣ его, мы не знаемъ, но, видно, въ идеяхъ его произошелъ быстрый перевероть, потому что онъ вдругъ сказалъ: — Вы подлець!

Маркизь, сидѣвшій подлѣ постели Сильвестра, вскочилъ, блѣднѣя отъ ярости; изъ груди его вырвался глухой крикъ и рука невольно поднялась. Эта угроза какъ-бы оживила Сильвестра; онъ нагнулся къ маркизу и сказалъ: — Да, вы подлець: вы клеветаете на дѣвушку, потому что она беззащитна, что у ней нѣтъ родныхъ.... потому что она, можетъ-быть, показала вамъ, не знаю какъ, что она васъ не любитъ!... Она, конечно, васъ не любитъ, она слишкомъ ужна, слишкомъ благородна, слишкомъ возвышенна для этого.... И вы, съ досады, обвиняете ее въ любви ... къ кому же?... (Сильвестръ горько улыбнулся).... ко мнѣ!...

когда она меня совѣмъ почти не знаетъ.... когда я ничто... когда я долженъ бы быть ся неприятеlemъ... Да, да, это подлость.... но вы ея никому не повторите.... потому что.... я....

Онъ пытался подняться съ постели, но не могъ. Бедле-старъ холодно посмотрѣлъ на него и сказалъ: — Когда вы въ состояніи будете встать съ постели, мы поговоримъ объ этомъ.

— Теперь же.... теперь! вскричалъ де-Пронн.

— Не торопитесь для меня: я отъ этого не хуже буду спать.

И онъ ушелъ.

Сильвестръ снова опустился на постель, сказавъ самъ себѣ: — О, мерзавецъ! И онъ говоритъ, что она меня любить....

Мы уже сказали, что Симонъ отправился отъискивать мамзель де-Пронн; но найти ее было не легко. Она, разумѣется, не сказала дома куда переѣзжаетъ. Симонъ осмотрѣлъ ея квартиру: всѣ ящики были открыты; платье и бѣлье унесено. Значитъ, съ нею былъ большой узелъ. Не сама же она несла его. Ясно, что она взяла фіакръ или коммиссіонера. Кучеръ или коммиссіонеръ должны знать куда она отправилась. Но всѣ фіакры на сосѣднихъ площадяхъ были въ разгонѣ, коммиссіонеры въ сосѣднихъ улицахъ всѣ разосланы. Затрудненія никогда не останавливали Симона. Онъ велѣлъ придвернику созвать вечеромъ всѣхъ ближнихъ коммиссіонеровъ, а самъ отправился въ конторы фіакровъ и просилъ прислать кучеровъ въ квартиру мамзель де-Пронн, говоря, что она съ ума сошла и убѣжала. Возвращаясь оттуда, онъ встрѣтилъ своего младшаго канторщика Радинн. Свѣтлая мысль блеснула въ головѣ Симона: Радинн былъ у мамзель де-Пронн въ то самое время, какъ Сабина привезла деньги. Можетъ-быть, она что-нибудь говорила ему. Симонъ зазвалъ Радинн завтракать и, точно, узналъ отъ него больше чѣмъ надѣялся. Радинн служилъ прежде у одного москѣ Фюмтиѣра. Этотъ человекъ былъ иѣкогда адвокатомъ, выключенъ изъ сословія за плутни и теперь занимался запрещеннымъ ремесломъ: содержалъ родъ ломбарда; давалъ денегъ взаймы ремесленникамъ за огромные проценты,

недѣ залога платья и всякой дряни. Радино́ часто видывала мамзель де-Проні у этого человѣка. Она приходила къ нему совѣтоваться какъ бы завести съ мамзель Дюранъ процессъ, чтобы возвратить свое потерянное имущество. Симонъ отправился съ Радино́ къ Фюмтиѳеру. Мамзель де-Проні была тамъ. Выгнанный адвокатъ, за «приличное вознагражденіе» убѣжденіемъ, угрозами, заставилъ ее подписать формальную бумагу, въ которой она признавалась, что получила отъ племянника восемьдесятъ тысячъ франковъ и за то передавала ему все свои права и претензіи по имуществу, которые похитилъ у нихъ Дюранъ. Такимъ образомъ это непріятное дѣло было кончено и опасность со стороны злой старухи миновалась.

Тотчасъ послѣ Беллестара, пріѣхалъ къ Сильвестру докторъ. Найдя больного въ ужасномъ волненіи, онъ далъ ему успокоительное лекарство и заставилъ его спокойно лежать въ постели. На другой день, то есть, втораго января, Сильвестръ всталъ съ постели, сидѣлъ въ комнатѣ Симона, и былъ счастливъ, потому что мечталъ. Утромъ зашелъ къ нему на минуту Симонъ. Потомъ пришла мадамъ Симонъ, усѣлась подлѣ него и ласково разговаривала съ нимъ о разныхъ постороннихъ вещахъ. Черезъ нѣсколько времени пришла и Сабина. Она была блѣдна и еще прекраснѣе обыкновеннаго. Спросивъ Сильвестра о здоровьи, она сѣла подлѣ мадамъ Симонъ, и потупивъ глаза, погрузилась въ глубокую задумчивость, какъ-будто приготовлялась къ тяжкому испытанію. Сильвестръ по-сматривалъ на нея съ боязливымъ удивленіемъ. Черезъ нѣсколько времени человѣкъ пришелъ сказать мадамъ Симонъ, что ее зоветъ мужъ. Сабина съ трепетомъ схватила ее за руку, но та сдѣлала ей знакъ, чтобы она осталась, сказавъ:—«Я скоро ворочусь». Ясно было, что мадамъ Симонъ хотѣла доставить имъ свиданіе наединѣ. Зачѣмъ?

Оба долго молчали. Оба не рѣшались начать говорить. Наконецъ Сабина, собравшись съ силами, сказала:

— Вы теперь совѣмъ поправилсь?

— Да, мнѣ теперь лучше... и я очень благодаренъ вамъ за участіе.

— Мосьѣ де-Проні, мнѣ о многомъ надобно поговорить

съ земли, сказала Сабина, чтобы что-нибудь начать разговоръ.

— Со мной... со мной? спросилъ Сильвестръ, треща всѣмъ тѣломъ.

Сабина замѣтила его волненіе и ободрилась.

— Да, съ вами, отвѣчала она, печально улыбаясь: и прежде всего я должна просить у васъ прощенія въ томъ, что безъ намѣренія оскорбила васъ....

— О, не говорите объ этомъ! вскричалъ Сильвестръ: я самъ виноватъ, я не понялъ вашего прекраснаго, благороднаго намѣренія.... Ради Бога, не говорите больше объ этомъ....

Бѣднякъ воображалъ, что Симонъ прислалъ къ нему свою питомицу просить прощенія. Сабина рѣшилась поглядѣть на него. Онъ сидѣлъ опустивъ голову, съ трудомъ дышалъ и, казалось, едва удерживался, чтобы не закричать.

— Вамъ дурно? сказала она.

— О, я страдаю не оттого, что боленъ! вскричалъ онъ.

Сабина знала, что онъ ее любитъ. Она и въ этомъ восклицаніи видѣла выраженіе любви его.

— Но что же съ вами? спросила она, треща отъ надежды услышать отвѣтъ, какого желала.

— Что со мною?.... Вы хотите знать, отчего я страдаю?.... Горестъ моя для васъ чужда....

— О итъ, ваша горестъ не чужда мнѣ.... Можетъ-быть, я затѣмъ и пришла, чтобы утѣшить васъ....

Сердца, угнетенныя злополучіемъ, не вѣрятъ счастью... Сильвестръ смотрѣлъ на нея и не вѣрилъ ни глазамъ ни ушамъ своимъ. Сомнѣніе затѣмъвало для него очевидность. Наконецъ онъ сказалъ:

— У меня нѣтъ горести, въ которой бы вы могли утѣшить меня.... Будьте только вы счастливы.... Я больше ничего не желаю.... И если для этого вамъ нужна жизнь моя... О, съ какою радостію я бы ее отдалъ!...

Онъ замолчалъ.

— О! говорите же, говорите, сказала Сабина, подавая ему руку.

Сильвестръ взялъ ее руку и сказалъ:—О, я знаю, вы добры... вы великодушны... я бы хотѣлъ вамъ выра-

зять это какъ чувствую, но... О, ради Бога, скажите мнѣ, зачѣмъ вы пришли сюда.... Вы видите, что я не понимаю.... не смѣю понять васъ... Скажитесь надо мною....

— Зачѣмъ я пришла?... какъ же мнѣ сказать это.... вы знаете, что я страдаю.... не правда ли?... вы знаете, что есть вещи, которыхъ я должна стыдиться....

— О, нѣтъ, вскричалъ Силвестръ: нѣтъ, вамъ не въ тѣмъ упрекать себя... вы ни въ чемъ не виноваты....

— Благодарю васъ; но я хотѣла бы взглянуть зло, въ которой не виновата....

— Опять! опять! вскричалъ онъ и началъ ходить ежомъ шагами по комнатѣ. Теперь Сабина его не понимала. Наконецъ онъ остановился передъ нею и сказалъ:— Послушайте, чтобы успокоить вашу совесть, я сдѣлаю для васъ то, чего бы ни одѣлалъ ни для кого на свѣтѣ.... Вы такъ достойны счастья!... Я хочу, чтобы вы были счастливы.... (Онъ задыхался.)... Я приму отъ васъ какъ уплату долга то, чего не могу принять какъ даръ....

— О, да я не то хотѣла сказать, вскричала Сабина, со слезами на глазахъ... то, что дѣлается обиднѣе... не даръ и не уплата долгу....

Силвестръ едва дышалъ.... Она ждала, чтобы онъ сказалъ что-нибудь... Онъ не вымолвилъ ни слова. Она отвернулась и со слезами на глазахъ проговорила:

— Если вы меня не понимаете, такъ-мнѣ нечего больше сказать вамъ.

Теперь онъ понималъ, но не вѣрилъ своему счастью. Онъ думалъ, что Сабина сама ошибается, что она состраданіе принимаетъ за любовь, что великодушіе вводитъ ее въ заблужденіе.... Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ выговорить ни слова.

— Вы знаете, что я нынче утромъ отказала маркизу, сказала Сабина послѣ нѣкотораго молчанія.

— О, слава Богу! вскричалъ онъ: вы не могли бы быть съ нимъ счастливы; онъ не въ состояніи понимать нашего сердца.... Слава Богу! теперь я свободна!....

Онъ думалъ о томъ, что теперь можетъ драться съ маркизомъ, не подвергаясь опасности убить жениха Сабинны. Она поняла это иначе и сказала, протягивая къ нему руку:

— И я тоже свободна!

Прекрасное лицо ея выражало такую небесную радость, такую истинную мольбу; она съ такими дѣтскими простодушіемъ, съ такою чистосердечною любовью сама предлагала ему свою руку, что наконецъ онъ сталъ вѣрить, что она его любитъ.... невозможно.... Теперь ему стало страшно.... умереть когда она его любитъ!

— О, нѣтъ! вскричалъ онъ.... Это невозможно.... невозможно.... ради Бога, не говорите мнѣ этого.... нѣтъ, вы не любите меня.... Это неправда.... не можетъ быть.... вы не знаете....

И несчастный приискивалъ всевозможныя причины, чтобы только оттолкнуть ее отъ себя:—Нѣтъ, говорилъ онъ почти въ безпамятствѣ: нѣтъ, и что объ этомъ скажутъ.... Де-Пронн и мамзель Дюранъ.... это будетъ ужасно.... на меня будутъ клеветать.... обвинять меня... Это было бы несчастіе.... ужасное несчастіе....

И онъ заплакалъ.

— Сабина! вскричалъ онъ: я родился на несчастіе.... я готовъ отдать вамъ жизнь.... но....

Въ это время онъ взглянулъ на Сабину: она сидѣла опустивъ голову. Лицо ея покрылось смертною блѣдностію. Видно было, что она старается подавить нестерпимое страданіе. Сильвестръ бросился къ ногамъ ея:

— Чтò съ вами?... Боже мой, чтò съ вами?... Я огорчилъ.... я оскорбилъ васъ.... О, я люблю васъ.... люблю какъ безумный.... Говорите, говорите, ради Бога, чтò я долженъ дѣлать?...

— Ничего, сказала она съ величайшей холодностію: ничего.... Теперь и я наконецъ поняла васъ.

Она встала. Онъ хотѣлъ удержать ее. Сабина, безъ гнѣва, но съ ледяной холодностію вырвала у него свою руку и ушла.

— Боже мой! Чтò я надѣлалъ! сказалъ онъ, и въ совершенномъ изнеможеніи опустился на кровать. Онъ не въ состояніи былъ отдать себѣ отчета въ томъ, чтò съ нимъ случилось.

Сабина побѣжала къ себѣ въ комнату. Тамъ ждала ее мадамъ Симоннъ. Та, взглянувъ на разстроенное лицо дѣвушки, вскричала:—Чтò съ тобою?

— Какой стыдъ! Какой стыдъ! сказала Сабина вполголоса и съ помутившимися глазами.

— Онъ тебѣ не любить?

— Любить и отказывается: мосье де-Проні низко жениться на мамзель Дюранъ....

— Быть не можетъ, чтобы онъ это сказалъ тебѣ....

— Сказалъ.

— Но....

— О, ради Бога, не говорите объ этомъ.... никогда.... И одного такого удара довольно, чтобы умереть.

Утромъ этого дня Симонъ написалъ къ маркизу де-Беллестару письмо, въ которомъ говорилъ, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ мамзель Дюранъ «принуждена отказаться отъ чести, которую онъ сдѣлалъ ей своимъ предложеніемъ». Черезъ нѣсколько часовъ онъ получилъ отвѣтъ. Маркизь писалъ, что «по нѣкоторымъ причинамъ» онъ самъ принужденъ бы былъ отказаться отъ своего предложенія; что, впрочемъ, эти причины видны изъ письма, которое онъ посылаетъ; наконецъ, что онъ уже просилъ руки мамзель Аврелии С^{***}. Онъ прислалъ то самое письмо Сабинны, въ которомъ она признавалась своему другу Аврелии С^{***}, что любитъ Сильвестра де-Проні. Симонъ цѣлое утро не былъ дома; воротившись, онъ нашелъ у себя это письмо и пошелъ съ нимъ въ комнату Сабинны. Мадамъ Симонъ плакала; Сабина лежала въ ужасномъ жару.—Что это значитъ? вскричалъ Симонъ.—Она говоритъ, отвѣчала мадамъ Симонъ вполголоса: что онъ признался ей въ любви, но считаетъ для себя унижительнымъ жениться на мамзель Дюранъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ Симонъ. Что онъ, съ ума что ли сошелъ!

Онъ побѣжалъ въ комнату Сильвестра. Его тамъ уже не было. Больной ушелъ, неизвѣстно куда. Думая, что де-Проні воротился домой, Симонъ написалъ къ нему письмо, наполненное упреками и поздно вечеромъ получилъ отвѣтъ, въ которомъ Сильвестръ объяснялъ свой поступокъ, и въ вкраенныхъ выраженіяхъ говорилъ о любви своей къ Сабинѣ. Въ припискѣ было сказано: «Если вы не получите другаго письма отъ меня, одинъ изъ моихъ пріятелей»

лей скажетъ вамъ гдѣ я. Прощайте... Можетъ-быть навсегда»....

Симонъ не зналъ, что де-Беллестаръ былъ у Сильвестра и, слѣдственно, ничего не подозрѣвалъ; ему не приходило также въ голову, чтобы де-Пронн думалъ убиваться; онъ вообразилъ, что Сильвестръ хочетъ уѣхать изъ Парижа; но какъ было уже поздно, то Симонъ отложилъ свиданіе съ нимъ до утра.

На другой день докторъ, за которымъ мадамъ Симонъ посылала, нашелъ, что Сабина въ довольно опасномъ положеніи. Ему рассказали причину ея нездоровья, и мадамъ Симонъ предлагала прочесть ей письмо Сильвестра, чтобы успокоить ее; но докторъ отвѣчалъ: —

— Теперь она не въ состояніи понимать его.

— Неужели она такъ плоха?

— Она недалеко отъ воспаления въ мозгу. Возбудить въ ней сильное чувство, какое бы то ни было, значило бы усилить болѣзнь. Ей надобно пустить кровь.

И онъ такъ усердно пустилъ ей кровь, что Сабина совершенно ослабѣла. Мадамъ Симонъ, да и самъ твердый Симонъ, сидя у ея постели, съ безпокойствомъ смотрѣли на свою милую питомицу. Она взяла ихъ руки и сказала едва слышнымъ голосомъ:—Вы-то меня любите... Неправда ли?

— Слава Богу, вскричалъ докторъ: она спасена!

— Она очень слаба, замѣтила вполголоса мадамъ Симонъ.

— Э, да развѣ вы не видите, что она спасена: она чувствуетъ потребность быть любимой.

Мадамъ Симонъ чуть не обняла доктора за эти слова.

Это было пятого января утромъ. Успокоившись насчетъ Сабинны, Симонъ побѣхалъ къ де-Пронн. Его не было дома; онъ приходилъ наканунѣ и ушелъ со двора рано утромъ, сказавъ тѣткѣ, что, можетъ-быть, не увидитесь съ нею, потому что отправится въ далекое путешествіе. Статушка не обратила на это ни малѣйшаго вниманія: она думала только о своихъ семидесяти тысячахъ.

Тутъ только Симону пришло въ голову, что, можетъ-быть, маркизь де-Беллестаръ вызвалъ Сильвестра на дуэль, чтобы отмстить за предвѣщеніе, которое оказала ему

Сабина. Симонъ тотчасъ поѣхалъ къ маркизу. Беллестаръ тоже рано утромъ уѣхалъ со двора. Плохо. Симонъ сталъ расспрашивать. Съ маркизомъ поѣхали двое изъ его пріятелей, а за ними повели въ каретѣ шесть собакъ и охотниковъ. Люди знали только, что баринъ поѣхалъ на охоту къ одному изъ этихъ двухъ господъ. Симонъ слышалъ, что у нихъ обонянь есть помѣстья, но въ разныхъ сторонахъ. Куда жъ съѣзжать? Онъ рассудилъ, что маркизъ, на своихъ лошадахъ далѣе первой станціи не поѣдетъ; слѣдственно, чтобы узнать куда онъ отправился, стоило только дожидаться возвращенія кучера. Но ждать надобно было еще часа два. Чтобы какъ-нибудь убить время, Симонъ отправился на станцію руанской желѣзной дороги, думая что можетъ-быть тамъ удастся что-нибудь узнать. Но тамъ ни собакъ ни охотниковъ не видали. Оттуда онъ пошелъ на станцію орлеанской желѣзной дороги. Тамъ сказали, что точно два охотника съ собаками поѣхали по желѣзной дорогѣ.

— А три молодыхъ человѣка въ охотничьихъ платьяхъ, тоже?

— Да почему мы знаемъ? Мы вѣдь не смотримъ кто въ какомъ платьѣ.

— Не брали ли у васъ трехъ билетовъ на имя маркиза де-Беллестара?

Никто не хотѣлъ искать. Симонъ упрасивалъ, умасливалъ; наконецъ одинъ кассиръ порылся въ книгѣ и сказалъ:—Взято три мѣста до Шанрозѣ, но только на имя не маркиза де-Беллестара, а мосье де-Проні.

Чего же лучше? Надобно ѣхать въ Шанрозѣ. Но до времени отправленія поѣзда оставалось еще три четверти часа; а между-тѣмъ мало ли что могло случиться. Симону и въ голову не приходило, что они отправились уже два часа назадъ и что если они поѣхали съ тѣмъ, чтобы драться, то разнимать ихъ уже поздно. Эти три четверти часа показались ему тремя вѣками. Чтобы жена не беспокоилась, онъ написалъ ей: «Я попалъ на слѣдъ Силвестра; ѣду въ Корбель, и надѣюсь привести вамъ его живымъ и здоровымъ», и послалъ записку съ своимъ кучеромъ.

Наконецъ поѣздъ отправился. Пріѣхали въ Шанрозѣ. Тамъ, точно, видѣли собакъ съ двумя охотниками и еще

троихъ молодыхъ людей. О Беллестарѣ и его пріятеляхъ не было ни слуху. Они, видно, пріѣхали въ каретѣ. Симонъ побѣждалъ по всѣмъ трактирамъ этого мѣстечка, чтобы узнать не останавливались ли тамъ охотники. И точно, они были въ одномъ изъ нихъ. Трактирщикъ слышалъ только какъ они говорили, что охота будетъ въ помѣсть графа Б*** *посль дѣла*. Симонъ взялъ проводника и отправился туда. Это путешествіе было ужасно для него. «Если они охотятся, думалъ онъ, значитъ, что Сильвестръ убитъ или раненъ; они бросили его гдѣ-нибудь въ деревнѣ, а сами изволятъ забавляться». Онъ каждую минуту останавливался и прислушивался—можно вообразить себѣ съ какимъ чувствомъ. Вдругъ вдали послышался лай. Черезъ нѣсколько минутъ показались три охотника; Симонъ бросился къ нимъ: Беллестара тутъ не было. Потомъ пронесся мимо доѣзжачій. Симонъ хотѣлъ спросить его; но тотъ даже не оглянулся. Въ это время въ сосѣдней, темной аллеѣ послышался веселый разговоръ: ѣхали дама верхомъ и съ нею кавалеръ.

— Какъ, говорила смѣясь амазонка: неужели совсѣмъ оторванъ?...

— Какъ-будто и не бывало....

— А какой носъ-то былъ прекрасный! вскричала дама, захохотавъ во все горло.

— И этотъ великолѣпный носъ изорванъ, изломанъ, уничтоженъ пулею какого-то конторщика, сказалъ молодой человѣкъ, смѣясь.

— Какъ! вскричалъ Симонъ, бросаясь къ нимъ.... а Сильвестръ...?

Молодой человѣкъ взглянулъ очень неласково на докучнаго человѣка, который прерывалъ такой интересный разговоръ.

— Чтò вамъ угодно? сказалъ онъ.

— Скажите, ради Бога, чтò стало съ его противникомъ?...

— Я почемъ знаю, спросите у....

— Какъ вы безжалостны, сказала вполголоса амазонка: это, вѣрно, отецъ его: видите какое испуганное лицо. Потомъ, обратившись къ Симону прибавила:—Вамъ сынокъ

храбрый молодой человекъ, а маркизъ остался на всю жизнь безъ носу.

— О, да благословитъ васъ Богъ за это извѣстiе! вскричалъ Симѳнъ. Но не знаете ли вы гдѣ жъ онъ теперь?

— Я слышала, воротился въ городъ.

Кавалеръ былъ одинъ изъ самыхъ короткихъ прiятелей и секундантъ де-Беллестара, а дама — прекрасная львица, которую маркизъ перекупилъ за огромную сумму у одного голландскаго банкира.

Шестаго января, въ праздникъ Рождества Христова, въ пять часовъ по полудни, комнаты стряпчаго мосѣ Симѳна были освѣщены точно такъ же, какъ въ тотъ день, когда началась наша повѣсть. Симѳнъ точно такъ же сидѣлъ у камна и ворочалъ уголья; мадамъ Симѳнъ точно такъ же ходила и смотрѣла все ли хорошо приготовлено. Только Сабина сидѣла не за фортепiанами, а въ большихъ креслахъ, блѣдная, слабая; но лицо ея было озарено тихой радостью. Между-тѣмъ время текло; стали собираться гости: нѣсколько дѣвушекъ, подругъ Сабинины; нѣсколько пожилыхъ прiятелей и прiятельницъ Симѳновыхъ и добрый докторъ. Всѣ переглядывались, шептались между собою и по временамъ посматривали на часы. Пробыло шесть часовъ, и всѣ стали беспокоиться. Мадамъ Симѳнъ подошла къ мужу и спросила: — Увѣренъ ли ты, что Сильвестръ получилъ твое письмо?

— Вообразите, докторъ, сказалъ Симѳнъ врачу, который стоялъ недалеко отъ нихъ: жена заводитъ со мной ссору за то, что нашъ побѣдоносный герой полуминутою опоздалъ.

Мадамъ Симѳнъ пожала плечами и сказала: — А всё-таки лучше было сѣздить самому.

— Ну, сами посудите, докторъ, сказалъ Симѳнъ: Д*** который былъ секундантомъ Сильвестра, привезъ мнѣ отъ него, нынче утромъ, самое сумасбродное письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что готовъ застрѣлиться для счастья Сабинины. Д*** сказалъ мнѣ, что Сильвестръ остался въ Корбелѣ и ждетъ моихъ приказанiй. Конечно, я бы могъ ѣхать съ Д***, но у меня уже ноть вчерашней скачки все тѣло какъ-будто избито. Я просилъ Д*** чтобы онъ непремѣнно привезъ Сильвестра сегодня и далъ записку къ нему.

— И вотъ я часовъ шесть не могу до биться, что онъ къ нему писалъ, сказала мадамъ Симонъ.

— Смотрите, любезный другъ, сказала улыбаясь докторъ: отъ олинкомъ напряженнаго любопытства происходить иногда разныя болѣзни. Чтобъ не пришлось вамъ платить мнѣ за визиты!

— Вы шутите, докторъ, а посмотрите какъ Сабина беспокоится, сказала мадамъ Симонъ.

— Совсѣмъ не беспокоится; она держитъ руку въ карманѣ, а въ карманѣ у ней письмо де-Пронъ. Она не можетъ читать его при всѣхъ, такъ держитъ въ рукѣ, и счастлива.

— Ну, что же ты написалъ? спросила мадамъ Симонъ.

— Опять-таки! Этакая неотвязная! Ну, вотъ что я написалъ: — «Да прѣзжай же, сумасшедшій!»

— Ну?

— Больше ничего.

— Больше ничего!

— Ничего. Только я вложилъ въ пакетъ письмо Сабины, которое прислалъ мнѣ маркизъ, а самому Д*** отдалъ письмо маркиза, чтобы онъ показалъ его Сильвестру. Послѣ этого прѣдетъ, не бойтесь.

— Но, замѣтилъ докторъ: такъ какъ побѣдоносный герой не могъ прѣхать прежде шести часовъ, то надобно было сказать, что онъ будетъ въ девять.

— Да подите жъ вы съ женщинами! отвѣчалъ Симонъ: это все вышло оттого, что я при женѣ рассчитывалъ, въ которомъ часу Сильвестръ можетъ прѣхать. Она и разболтала.

— Велите подавать кушать. Я берусь сказать мамзель Дюранъ, что ея любезный не можетъ прѣхать раньше, какъ часа черезъ два.

Мадамъ Симонъ вышла, чтобы распорядиться объ обѣдѣ, а докторъ подошелъ къ своей больной и рассказалъ ей въ смѣшномъ видѣ о ссорѣ мужа съ женой. Она улыбнулась и сказала:

— Они такіе добрые! И вы тоже, докторъ! И всѣ тоже.

Когда человекъ счастливъ, ему всѣ кажутся добрыми.

За столомъ докторъ усѣлся подлѣ Сабины и не давалъ ей ни минуты покою, говорилъ безъ умолку, смѣшая,

сердцѣ, то позволялъ ей кушать, то запрещалъ, чтобы только разлечь и не давать ей задумываться и беспокоиться. Но онъ уже истощилъ все свои усилія; Сабина то задрагивала, то съ безпокойствомъ поглядывала на дверь, дыханіе ея становилось прерывистымъ... Вдругъ раздался звонокъ, хлопнула дверь, потомъ другая, и Сильвестръ явился съ своимъ пріятелемъ. Все вскрикнули отъ радости, все руки протянулись къ приблившему; потомъ все обернулось къ Сабинѣ. Она лежала, блѣдная, безжизненная, на спинѣ кресель, а докторъ, безъ милосердія, рѣзалъ столовымъ ножомъ поясъ, ленты, спурки. — Ничего! ничего! кричалъ онъ, только воздуху и холодной воды!

Сильвестръ бросился-было къ ней, но мадамъ Симонъ его удержала. Сабину вынесли и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ лежалъ Сильвестръ: онъ, пораженный ужаснымъ ударомъ; она, постигнутая внезапнымъ счастьемъ.

Мадамъ Симонъ, докторъ и нѣсколько женщинъ остались съ больною, все прочіе воротились въ столовую. Одни стоятъ съ салфеткою въ руцѣ, другіе еще держатъ на видкѣ кусокъ, котораго не успѣли положить въ ротъ. Все спрашиваютъ, все беспокоятся. Наконецъ все обратилось къ Сильвестру и пристають къ нему, отчего онъ такъ поздно пріѣхалъ. Но онъ стоитъ, прижавшись ухомъ къ двери и не отвѣчаетъ, потому что ничего не слышитъ. Наконецъ мадамъ Симонъ растворила немножко дверь, и, просунувъ только голову, сказала: — Ей лучше.

— Что она, совсѣмъ пришла въ себя? спросилъ Симонъ.

— Да. Она раскрыла глаза и посмотрѣла на меня. Я сказала:—Онъ здѣсь. Она отвѣчала:—Знаю. Я его видѣла. Но она еще очень слаба, и докторъ не велѣлъ впускать никого, никого.

Второе «никого», разумѣется, относилось къ Сильвестру.

Тутъ все опять обратилось съ вопросомъ къ Сильвестру, но ему было не дотога, и Д^{***} принялся рассказывать ихъ приключенія: какъ они выѣхали изъ Корбеля, какъ загнали лошадь, какъ потомъ сканали оба на одной лошади, непрерывно давая на водку, чтобы хозяинъ несчастной влячи не сердился; какъ свалились въ грязь и къ

сколько времени бѣжали пѣшкомъ, какъ навоонецъ на послѣдней станціи у нихъ не стало денегъ и Д*** принужденъ былъ заложить свои часы, чтобы достать лошадей. Сабина услышала говоръ и смѣхъ, спросила что это такое, и мадамъ Симонъ безпрестанно, то выходила въ столовую послушать что говоритъ Д***, то возвращалась къ Сабинѣ, чтобы пересказать ей что слышала.

Черезъ нѣсколько времени отдакъ былъ приказъ садиться за столъ и объявилъ, что больная выйдетъ какъ-скоро одѣнется. Наконецъ она появилась, опираясь на руку доктора. Сильвестръ бросился—было къ ней; но докторъ тихонько оттолкнулъ его, сказавъ: — Хорошо, хорошо, ваша рѣчь впереди.

Бѣдняка де-Проні усадили по-дальше отъ Сабины. Докторъ опять помѣстился возлѣ нея. Сабина слушала рассказы доктора, Сильвестръ шутки Симона; но влюбленные видѣли и слышали только другъ друга, хотя оба сидѣли, потупивъ глаза въ тарелку и, молча, улыбались.

Подъ конецъ обѣда подали огромный великолѣпный пирогъ. Въ немъ спрятанъ былъ бобъ. Известно, что кто найдетъ этотъ бобъ, тотъ дѣлается королемъ или королевой. Всѣ заранѣе радовались и дѣлали самыя блестящія обѣщанія на случай повышения. Пирогъ разрѣзали, раздали и всѣ принялись искать боба. Никто не находилъ, стали уже думать, что кто-нибудь нашелъ и спряталъ, чтобы не исполнять своихъ обѣщаній; наконецъ тихій, слабый голосъ сказалъ:

— У меня.

— Со всѣхъ сторонъ раздавалось:—Сабина! Мамзель Дюранъ! Да здравствуетъ Сабина! Да здравствуетъ мамзель Дюранъ!

И потомъ всѣ вмѣстѣ воскликнули:—Да здравствуетъ королева!

Тутъ, заглушая шумъ, Симонъ вскричалъ:—Но этой королевы надобно король.

Все смолкло. Всѣ взоры обращались съ Сабины на Сильвестра, съ Сильвестра на Сабину.

Сильвестръ дрожалъ. Сабина покраснѣла, не смѣла смотрѣть, не могла вымолвить ни слова. Выбрать его, значило признаться передъ двадцатью человѣками въ люб-

идъ къ нему. Наконецъ она замѣтила безмолвіе, которое воцарилось вокругъ нея; взяла трепещущей рукой бобъ, приподнялась, протянула руку къ Смѣльестру и сказала едва слышнымъ голосомъ:

— Хотите быть моимъ королемъ?

Редостыныя крики, громкія рупелесканія заглушили отъ вѣтъ Смѣльестра. Онъ вскочилъ и бросился въ погоню Сабинны. Мадамъ Симонъ обняла ихъ, Симонъ тоже, докторъ тоже, всѣ тоже и....

Свадьба ихъ назначена десятаго октября.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Les Mystères de Paris, Парижскія таинства*, романъ въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ, господъ Sue и Minaux.

Полтора годатынулся этотъ романъ, въ *Journal du Débats*, полтора года вниманіе читателей во всей Европѣ было направлено до такой степени, что нѣсколько разъ обрывалось. Во Франціи еще хуже: тамъ *Mystères de Paris* читали всѣ кто умѣетъ читать, читали даже и тѣ, которые читать не умѣютъ: они наслаждались общимъ ужасомъ при помощи какого-нибудь грамотнаго дворника или таковой же кухарки. Послѣ этого не мудрено, что въ децѣ перваго представленія драмы, выкроенной изъ этого романа, за мѣста въ театрѣ платили огромныя суммы, дороже чѣмъ мы платимъ за италіянскую оперу, и полицейской командѣ было больше дѣла, чѣмъ въ дни возмущеній. Спектакль продолжался съ семи часовъ до втораго. Не мудрено. Легко ли втиснуть восемь томовъ романа въ драму? А урѣзать почти невозможно: все золото, вся грязь этого романа сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ публики и она не уступитъ изъ нихъ ни кусочка, ни горсти. Спрашивается: хороша ли драма?—Превосходна! говорятъ одни журидалы. — Несносна! кричатъ другія. А между-тѣмъ ее дають всякой день в театрѣ всякой день переполненъ, какъ стаканъ воды, въ который уже нельзя положить и розоваго листочка. Дѣло въ томъ, что роль нотаріуса Жака Ферраца играетъ Фридерикъ Леметръ, актеръ не только даровитый, но гениальный. Эта роль, говорятъ, его лучшее созданіе.

2. *Le vieux Consul, Старый Консулъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, господина Pongou.

Т. LXIII. — Отд. VII.

6

Слава господина *Понсара*, автора «*Лукреція*», не дала спать господину *Понроа*, до-тѣхъ-поръ, пока и онъ не написалъ трагедіи по всѣмъ формамъ классической школы. Старый Консулъ — *Марій*. Трагедія начинается нѣжнымъ объясненіемъ въ любви.

— Этого, я думаю, довольно для васъ, проникательные читатели, чтобы обсудить достоинство и не желать знать содержанія новаго произведенія «возвратной» школы французскихъ драматурговъ.

3. *Caqliostro*, комическая опера, въ трехъ дѣйствіяхъ, слова господинъ *Скриба* и *Сенъ-Жоржа*, музыка *Adam'a*.

Тутъ ния, а не исторія *Кальюстро*. Знаменитый шарлатанъ, который, въ самый невѣрующій вѣкъ заставилъ Французовъ вѣрить, что онъ умѣетъ дѣлать золото и эликсиръ молодости и долгой жизни — не дѣлалъ того, что заставляетъ его дѣлать *Скрибъ*, однако жъ могъ дѣлать, а этого и довольно.

Какъ бы то ни было — *Кальюстро* во всей своей славѣ и силѣ. Правда, его сажаютъ въ тюрьму за долги; ему бы, конечно, стоило только изготовить слитокъ золота, чтобы раздѣлаться съ кредиторами, но онъ лѣнится и вмѣсто того доказываетъ имъ, что его взяли по ошибкѣ, по странному его сходству съ однимъ негодяемъ, по имени *Джованомъ Балзамо*, а что онъ, графъ *Кальюстро* никому ничего не долженъ. А дѣло въ томъ, что *Джовано Балзамо* и графъ *Кальюстро* одно и то же, а у этого одного и того же нѣтъ ни гроша. Чтобы помочь горю, онъ рѣшается жениться на дѣвушкѣ, за которой миллионъ приданого. Правда, тѣтка этой дѣвушки, маркиза *Вольмеранжъ*, не согласится выдать ее за него и притомъ сама дѣвушка, графиня *Цецилія*, любитъ другаго, но это все препятствія пустыя. *Кальюстро* видѣлъ какъ жениху и кузену *Цецилин*, таинственно подали какое-то письмо. Этого довольно, чтобы возбудить ревность дѣвушки. И дѣйствительно, кузенъ былъ нѣкогда влюбленъ въ италіянскую пѣвицу *Кориллу*, которую спасъ, когда она тонула въ *Тибрѣ*. *Корилла* и сама является, передаетъ молодой графинѣ письма, подарки кузена и молодые люди ссорятся. Одно препятствіе устранено. Теперь стоитъ только поладить съ маркизою. Это бездѣлка. Маркиза проесть живой воды, чтобы помоло-

дѣтъ. Не этотъ эликсиръ у Кальюстро весь вышелъ. Правда, есть нѣсколько капель, но отъ нихъ можно помолодѣть развѣ только минуты на двѣ.—Нужды нѣтъ, дайте хоть эти, говоритъ маркиза. Она пьетъ. Входитъ маркизъ Карраколи и, увидѣвъ ее, спрашивается:—Кто эта молоденькая дѣвушка? Маркиза въ восторгѣ:—Зеркало! ради Бога зеркало! Зеркала Кальюстро припряталъ. Входятъ другія, но.... живая вода уже перестала дѣйствовать: маркиза опять старуха. Надобно вамъ замѣтить, что маркизъ Карраколи не кто иной, какъ слуга, шпионъ и помощникъ Кальюстро. Впрочемъ, великій алхимикъ приготовитъ живой воды, если маркиза выдастъ за него свою племянницу. Маркиза на все согласна.

Но кузенъ покупаетъ у Карраколи всѣ секреты Кальюстро и даже несмышленыя инструкціи, которыя онъ давалъ всякой день своему помощнику. Въ комическихъ операхъ плуты всегда очень неосторожны. Кузенъ является съ этими бумагами въ лабораторію графа и требуетъ, чтобы тотъ подовсалъ формальное отреченіе отъ руки Цециліи. —Согласенъ, говоритъ Кальюстро. Не угодно ли? прибавляетъ онъ подавая кузену свою табакерку. Тотъ нюхаетъ и—засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Его опускаютъ въ подземелье—и дѣло съ концомъ.

Свадебный договоръ графа Кальюстро съ графинею Цециліей уже готовъ: остается только подписать. Маркиза отдаетъ ему портфель съ приданымъ, а Кальюстро подноситъ ей бутылочку живой воды. Маркиза хочетъ тотчасъ выпить. —Позвольте, позвольте, говорятъ шарлатанъ: этому эликсиру надобно простоять въ бутылкѣ по-крайней-мѣрѣ три мѣсяца: иначе онъ не произведетъ никакого дѣйствія.

Вдругъ являются три новыхъ лица, которыя портятъ все дѣло. Шѣвица Корилла, баварскій князь, который хочетъ на ней жениться и самъ кузенъ, который вырвался изъ подземелья. Корилла знала, что Кальюстро обѣщала показать гостямъ ясновидящую. Она является подъ покрываломъ этой ясновидящей; Кальюстро ее магнетизируетъ и предсказанія начинаются.—«Я вижу плута Бальзамо, говоритъ ясновидящая: онъ женатъ въ Италіи, и теперь хочетъ жениться отъ живой жены».—Боже мой,

чей это голова! Кальиостро срываетъ съ нея покрывало. Это жена его! «Да, это я, говоритъ она, и если ты не уступишь невѣсты и приданого прежнему жениху, я донесу на тебя, и ты будешь повѣшенъ за то, что хотѣлъ жениться отъ живой жены». Кальиостро повинуется. Ясновидящая продолжаетъ:—«Я вижу несчастную италіанскую женщину которой бракъ съ плутомъ Бальзамо расторгнутъ напою». — Боже мой! я былъ свободенъ!

Но уже поздно. Онъ принужденъ возвратитъ маркизѣ ея слово и отказаться отъ невѣсты и приданого. Тронутая его мнимымъ великодушіемъ, маркиза подаетъ ему руку и говоритъ:—Поступокъ вашъ не останется безъ награды. Черезъ три мѣсяца — я ваша.

Музыка Адама легка, мила, и даже не такъ небрежно написана, какъ у него часто водится.

Кромѣ этого есть еще два или три водевиля, но это водевили чисто карнавальныя: они и не имѣли претензіи прожить долѣе масляницы, слѣдственно и не имѣютъ никакого права на ваше вниманіе.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.—Первая половина музыкальной нашей эпохи проходитъ довольно вяло. Много было надеждъ, и почти всѣ онѣ рушились, одна за другою. Сервѣ не пріѣхалъ: энтузіазмъ Берлинцевъ преградилъ ему путь въ Петербургъ, и вѣроятно мы не услышимъ его до весны. Эрнстъ предпочелъ Парижъ. Сестры Миланоло, въ путешествіи своемъ на сѣверъ, съ трудомъ пробрались сквозь лавры до Лейпцига, гдѣ онѣ находятся въ эту минуту, и откуда поѣдутъ еще въ Берлинъ. Три первыя недѣли Великаго Поста наполнены были однимъ пѣніемъ. Рубини, Тамбурины, Гарсія—Гарсія, Рубини, Тамбурины—все одни и тѣ же лица—все одинъ и тѣ же аріи—ну, право, слава Богу, что это безконечное наслажденіе на первый случай кончилось! Разнообразіе тоже имѣетъ свое достоинство въ человѣческихъ удовольствіяхъ. Но надо отдать справедливость Рубини и Тамбурины: они участвовали во всѣхъ концертахъ, которые даны были въ пользу другихъ, въ пользу нуждающихся въ этомъ пособіи, но сами не дали концертовъ,

предоставляя вниманіе, время и деньги концертной публики менѣе счастливымъ артистамъ, тѣмъ, чье единственное средство къ существованію — концерты.

Это благородное безкорыстіе Рубини и Тамбурини достойно ихъ великихъ талантовъ и не можетъ не доставить имъ особеннаго уваженія русской публики.

Лишь-только Европа узнала о новой страсти Петербурга, объ его фюге къ пѣнію, она прислала ему цѣлый хоръ пѣвицъ и пѣвцовъ. Рубини, Тамбурини, Пазини; Гарсія, Ассандри, Тадини, Шюцъ: этихъ вы уже знаете. Но въ Петербургѣ находятся еще — знаменитая Ронци, пѣвица вренемъ Каталани, — знаменитая Деранкуръ, — знаменитая Финкъ-Лоръ, — знаменитая Шоберлехнеръ. Сколько общали намъ чудесъ! Сколько было ожиданій! И чѣмъ они кончились? Сяньора Ронци отказалась отъ своего концерта. Мадамъ Деранкуръ, кажется, не поправилась публікѣ. Госпожа Шоберлехнеръ рѣшилась дать только одинъ концертъ. Вся надежда теперь на госпожу Финкъ-Лоръ: эта еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и голосу; объ ея талантѣ говорятъ много хорошаго; первый концертъ ея будетъ въ понедѣльникъ, 6 марта. Слышали ль вы, что мамзель Пажъ тоже ѣдетъ къ намъ? Вы спросите: кто такова мамзель Пажъ?... Да я по чему знаю, кто она такова! Я читалъ только, что она къ намъ ѣдетъ. Жюль Жаненъ говоритъ, что она чудесно играетъ *le gamain de Paris*. Въ Парижѣ давали недавно новый водевиль, *Les Gamins de Paris*, во множественномъ числѣ. «*Le roi de ces gamins*, говоритъ онъ, *c'était Mlle Page, et elle y était avenante, jolie, très déleurée. Je dis: y'était, car elle n'y est plus. Elle quitte sa ville de Paris. A peine a-t-elle fait ses preuves de gentillesse, Mlle Page s'en va, et pour aller—qui le croirait — en Russie! — Mais on ne va pas en Russie, quand on est jeune, quand on commence à peine à être belle et fêtée. On va en Russie à quarante ans, et encore! — Voilà à quoi sert de dire tout-de-suite à ces enfans qu'elles ont les plus beaux yeux du monde: elles le croient, et pour s'en assurer elles s'en vont dans le pays des glaces. Oh! le mauvais calembour!*» Сорокъ лѣтъ! Очень благодарны! Нотъ-то пѣвца,

чтомы сами, нашимъ раболѣпствомъ къ старой славѣ, нашею неопытною въ дѣлахъ искусства, поселили мнѣніе въ этихъ дамахъ вообще, и въ вокальныхъ знаменитостяхъ въ—особенности, будто въ Россію довольно отправиться въ сорокъ лѣтъ, et encore!... Что видя, и господинъ Моликъ съ своей скрипкой отправился въ нынѣшнемъ году dans le pays des glaces. Ему слѣдовало пріѣхать двадцать лѣтъ тому назадъ, et encore!...

— Клара Виякъ (госпожа Шуманъ) даетъ первый свой концертъ 3 февраля.

— Листъ проводитъ зиму въ Веймарѣ, гдѣ онъ занимаетъ должность директора придворной капеллы, которая подъ его руководствомъ исполнила недавно нѣсколько большихъ классическихъ твореній.

— Любительницы фортепіано, Листа, восторговъ, меланхоли, и прочаго, очень хорошо знаютъ очаровательную піесу *La Complainte*, которую *онъ* (Листъ!) игралъ нѣсколько разъ въ здѣшнихъ концертахъ, которая получила такой необыкновенный успѣхъ, которой было съ тѣхъ норъ нѣсколько изданій, до того что въ эту минуту ее разыгрываютъ во всѣхъ концахъ Россіи. Піеса была сочиненія господина Шиллера, одного изъ превосходнѣйшихъ піанистовъ нашихъ, который къ своей прекрасной игрѣ присоединилъ въ послѣднее время новый примѣчательный талантъ и общается сдѣлаться любимымъ композиторомъ сердецъ нѣжныхъ, любящихъ, задумчивыхъ. Этотъ самый артистъ издалъ теперь, у господина Бернара, новую піесу, *L'Echo du passé*: она кажется еще плѣнительнѣе первой, — прелестное мечтаніе, — трогательная и премило развитая идея грусти, таинственныхъ воспоминаній и нѣжнаго сожалѣнія о прошедшемъ, — голосъ души, исполненный глубокаго чувства и чрезвычайно сладкаго выраженія. Сочиненіе это предназначено безъ-сомнѣнія къ такому же успѣху какъ и *La Complainte*, потому что оно вмѣстѣ и прекрасно и нетрудно: нельзя не отдать полной похвалы господину Шиллеру за то, что въ сочиненіяхъ своихъ онъ думаетъ прежде всего объ идѣ и правильномъ ея развитіи, не запуская счастливой музыкальной мысли пошлыми блестящи-

ли пассажами, натянутыми эффектами изъясненной и болышею частію ложной гармоніи, и сумасбродными трудностями, этимъ любимымъ щегольствомъ нынѣшнихъ фортепіаннхъ писателей, въ которыхъ однако жъ можетъ перещеголять ихъ всякая кошка, прыгая ночью по клавиатурѣ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро.)

- MEMOIRE SUR LE CATARRHE DE L'OREILLE moyenne et sur la surdité, qui en est la suite, par Hubert-Valleroux — in-8. Paris, 1843. (72 c.)
- COMPLEMENT AUX SOUVENIRS D'UN AVEUGLE. — Voyage autour du monde de par E. Guillou, mis en ordre par J. Arago. 2 vol. gr. in-8. ornés de gravures. Figures noires (4 r. 57 c.) même ouvrage, fig. color. (6 r.)
- CONSEIL AUX INSTITUTEURS, par Dubois. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (30 c.)
- TRAITÉ DE CRISTALOGRAFIE, par W. H. Miller, trad. par de Senarmont. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1842. (1 r. 43 c.)
- TRAITÉ DE PERSPECTIVE PRACTIQUE, pour dessiner d'après nature, par Thénot. 1 vol. gr. in-8. orné de 28 planches. Paris, 1843. (2 r. 85 c.)
- RELATION DE VOYAGE en Orient, de 1830 à 1838, par Aucher-Eloy, revue et annotée par le Comte Jaubert. 2 vol. gr. in-8, Paris, 1843. (3 r. 43 c.)
- TABLEAUX DE LA SOCIÉTÉ CHRÉTIENNE, au IV siècle, d'après les lettres des pères l'Eglise grecque, par Genin. gr. in-8. Paris, 1842. (75 c.)
- CATÉCHISME, ou Abrégé de la foi, illustré par 9 belles gravures sur acier. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (1 r. 28 c.)
- LA GASTRITE, par Besuchet. 3 édit. 1 vol. gr. in-8. (1 r. 15 c.)
- MANUEL COMPLET DE GALVANOPLASTIE, par Smés. Suivi d'un traité de Daguerrotypie par Valicourt gr. in-18, avec fig. Paris, 1843. (1 r.)
- MANUEL COMPLET DU FILATEUR, par M. M. Jullian et Lorentz. 1 vol. gr. in-18, avec planches. Paris, 1843. (1 r.)
- TRAITÉ DE GÉODÉSIE, ou exposition des methodes trigonométriques et astronomiques, par Puissant. 3 édition. 2 vol. gr. in-4. Paris. (11 r. 43 c.)
- LE MARIAGE AU POINT DE VUE CHRÉTIEN, ouvrage spécialement adressé

- ... aux jeunes femmes du monde. 3 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (4 r. 60 c.)
- LA PASSION de N. S. Jesus-Christ, suivant la concordance des quatre évangélistes, précédée d'un pèlerinage à Jerusalem. 1 beau vol. gr. in 8, illustré, par Owerbeck. Paris, 1843. (2 r. 85 c.)
- ETRENNES POUR 1843. Les Eglises de Paris, 20 gravures sur acier, avec le texte. 1 beau vol. gr. in-8. Paris 1843. (3 r. 43 c.)
- ESSAI SUR LES OBUSIERS par Ed. Dusaert. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (2 r. 15 c.)
- PETITE MÉTÉOROLOGIE DU JEUNE AGE, ou les météores à la portée des enfants, par J. Denay. Paris, 1843. (80 c.)
- DE LA PAIX, de son principe et de sa réalisation, par Pecqueur, ouvrage couronné par la société de la morale chrétienne. gr. in-8. Paris, 1842. (3 r.)
- NOUVEAU PROJET DE TRAITÉ DE PAIX PERPÉTUELLE, par P. R. Marchand, gr. in-8. Paris, 1842. (1 r. 72 c.)
- L'ANGLETERRE, L'IRLANDE ET L'ECOSSE. Souvenirs d'un voyage solitaire ou méditations sur le caractère national des anglais. 2 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (4 r. 57 c.)
- LE CANADA PITTORESQUE, faisant suite aux voyages en Amérique, en Suisse, en Ecosse etc. 60 Livraisons, gr. in-4, avec 120 gravures sur acier. (21 r. 43 c.)
- ESSAI D'ETYMOLOGIE PHILOSOPHIQUE, ou recherche sur l'origine et les variations des mots qui expriment les actes intellectuels et moraux, par l'abbé Chavée, gr. in-8. Bruxelles, 1843. (50 c.)
- LE VÉRITABLE MANUEL DES CONJUGAISONS ou les conjugaisons mises à la portée de tout le monde, par M. M. Bescherel frères. 1 vol. gr. in-18. Paris, 1843. (85 c.)
- TABLES DES POUSSÉES DES VOUTES EN PLEIN CEINTRE, par Garidel, gr. in-4. Paris. (2 r. 40 c.)
- NOTICE sur la fabrication des eaux minérales artificielles, par Soubeiran. 3 édit. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r. 15 c.)
- MÉMORIAL DE GOUVERNEUR MORRIS, homme d'Etat Américain, ministre plénipotentiaire des Etats-Unis en France, de 1792 à 1794, trad. de l'anglais de J. Sparks. 2 vol. gr. in-8. Paris. 1842. (4 r. 30 c.)
- COURS DE PHILOSOPHIE POSITIVE, par A. Comte. 6 gros vol. gr. in-8. Paris. (14 r. 30 c.)
- CAMPAGNE DE CIRCUMNAVIGATION DE LA FRÉGATE L'ANTÉROUS, pendant les années 1837, 38, 39 et 40, sous le commandement de M. Lapérouse. Livrais. 1 à 4; gr. in-8. Paris. (8 r.)
- LE LIVRE DE LA JEUNE FEMME CHRÉTIENNE. Lettres à une filleule pour les différents ages de sa vie. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843.

- GUIDE PICTORIQUE DE L'ÉTRANGER**, dans Paris et ses environs avec 40 vignettes sur bois dans le texte et un plan de Paris. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r. 30 c.)
- TRAITÉ DES ERREURS ET DES PRÉJUGÉS**, par Gratien de Semur. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r.)
- HISTOIRE MILITAIRE DES ÉLÉPHANTS** depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu, par Armandi. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (2 r. 30 c.)
- KEEPSACK TYROL** par M. Mercey. 1 vol. gr. in-4, avec gravures sur acier. Paris, 1842, relié, tranche dorée. (4 r.)
- NOTICE HISTORIQUE SUR LA GUYANE FRANÇAISE** par Ternaux-Compans, gr. in-8. Paris, 1843. (1 r.)
- JÉRÔME PATUROZ** à la recherche d'une position sociale et politique. 3 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (6 r.)
- HISTOIRE MARITIME DE FRANCE**, par L. Guerin. 2 gros vol. gr. in-8, orné de 32 belles gravures. Paris, 1843. (5 r. 72 c.)
- HISTOIRE DE LA PEINTURE AU MOYEN-ÂGE**, par Eméric-David, avec une notice sur l'auteur, par Jacob, gr. in-12. Paris, 1842. (85 c.)
- ÉTAT DE LA QUESTION D'AFRIQUE** par G. de Beaumont. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1843. (50 c.)
- TRAITÉ DE LA LÉGISLATION** et de la jurisprudence des chemins de fer, par Nogent-St.-Laurens. 1 vol. gr. in-8. Paris, 1842. (2 r. 30 c.)
- COURS D'ASTRONOMIE**, et cours de minéralogie, géologie et géognosie, à l'usage des gens du monde, par M. M. Mutel et Barruel. 2 vol. gr. in-8. Paris, 1843 avec planches. (2 r. 85 c.)
- LES MUSÉES D'ESPAGNE**, d'Angleterre et de Belgique, guide et memento de l'artiste et du voyageur, par L. Viardot. 1 vol. gr. in-12. Paris, 1843. (1 r.)
- DE L'AGRANDISSEMENT DE L'ENCEINTE DES FORTIFICATIONS DE PARIS** par Rabusson, gr. in-8. Paris, 1842. (1 r. 15 c.)
- JOURNAL DES OPÉRATIONS DE L'ARTILLERIE AU SIÈGE DE SCHWIDNITZ** en 1807, par Marion, gr. in-8 Paris, 1842 (90 c.)
- TRAITÉ DE PHYSIOLOGIE**, considérée comme science d'observation, par C. F. Burdach, avec des additions; trad. de l'Allemand par Jourdan. 9 vol. gr. in-8; avec planches. (18 r.)
- LES AENATURES DE JEAN-PAUL-CHOPPART** par L. Desnoyer. Un beau vol. gr. in-8, illustré. Paris, 1843. (2 r. 15 c.)
- COURS RAISONNÉ ET PRATIQUE D'AGRICULTURE ET DE CHIMIE AGRICOLE**, par Schedweiler. 2 vol. gr. in-8. Bruxelles, 1841-43. (4 r. 30 c.)

ESSAI SUR L'ÉDUCATION DES ANIMAUX. Le chien pris pour type, par A. Léonard. 1 vol. gr. in-8. Lille, 1842, (1 r. 43 c.)

JERUSALEMMA LIBERATA DI TORQUATO TASSO, questa edizione precedata della vita di Tasso. 1 bellissimo vol. gr. in-8, adorno di 180 vignette. Brusselle, 1843. (4 r.)

OPERE COMPLETE DI A. MANZONI CON UN discorso préliminaire di N. Tommaseo, ed. agguenté e osservazioni critiche. 1 vol. gr. in-8. Orné de grav. Paris, 1843. (3 r. 43 c.)

MÉMORIAL DE L'ARTILLERIE, ou recueil de mémoires, expériences, observations et procédés relatifs au service de l'artillerie No. 5. 1 vol. gr. in-8; avec plan. Bruxelles, 1843. (2 r. 15 c.)

MÉMOIRE SUR LES ÉQUIPAGES DES PONTS MILITAIRES, par J. Cavallé. 1 vol. gr. in-8; avec 10 planches. Paris, 1843. (2 r. 15 c.)

DE L'ORGANISATION DES PRINCIPALES PARTIES DU SERVICE DE L'ARTILLERIE, par un officier. Paris, 1843. gr. in-8. (80 c.)

Въ томъ же магазинѣ поступило въ продажу Путешествіе по Святой Землѣ, А. Норова. Изданіе второе, дополненное, съ приложением на путешествіе Иумена Даміла съ XII-мъ столѣ. Два тома, въ б. 8-ю долю листа, съ 12-ю гравюрами на стали, двумя планами, картою и еще неизданнымъ изображеніемъ внутренности Вергена Гроба Господня, цѣна 5 р. 75 к. сер. безъ пересылки.

Тутъ же можно получить книгу того же автора:

Путешествіе по Египту и Нубіи, служащее дополненіемъ къ Путешествію по Святой Землѣ, 2 тома въ б. 8-ю д. л. съ 20 гравюрами и картою, цѣна 5 р. 75 к. серебромъ.

Вышелъ и раздается подписчикамъ шестой выпускъ Медицинскаго Энциклопедическаго Лексикона, издаваемаго господами Демиъ, Тарасовымъ и Стрелковскимъ.

Выпускъ седьмой выйдетъ въ концѣ марта. Господамъ подписчикамъ выдаются вновь полученные номера журнала l'illustration, и журналы бруссельскаго изданія, полученные сухимъ путемъ.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Исакова, комиссіонера библіотеки гвардейскаго корпуса, въ С.-Петербургѣ въ Гостинонъ Дворѣ No 22.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебрѣ.)

Для скрипки съ акомпаниментомъ фортепиано.

- BERIOT. Scène et air varié, oeuvre 42. (2 r.)
 JANSA. Dix airs de Franz Schubert, oeuvre 62. (3 r. 43 c.)
 — Idem, seconde collection, oeuvre 63. (3 r. 72 c.)
 KALLIWODA. Introduction et variations sur un thème original, oeuvre 118.
 (1 r. 29 c.)
 LÉON DE ST. LUBIN. Poème d'amour de Hensek, transcrit. (1 r. 15 c.)
 RIES (H.) Souvenir : deux chants, oeuvre 19. (1 r. 15 c.)

Для одной скрипки.

- BACH (J. S.) Six sonates, publiées par David ; trois cahiers, chaque (1 r. 72 c.)
 BERIOT. Trois études pour deux violons, oeuvre 43. (2 r.)
 KAYSER. Terpsichorens Lieblingsklänge, pour violon seul, quatre cahiers, chaque (58 c.)
 Сто русскихъ народныхъ пѣсень. (2 r.)

Для двухъ фортепиано.

- CHERUBINI. Ouverture des Deux journées, à 8 mains. (1 r. 72 c.)
 GLUCK. Ouverture d'Iphigénie en Aulide, à 8 mains. (1 r. 72 c.)
 HERZ. Quatrième concert, oeuvre 131. (4 r.)
 MOZART. Sinfonie en ut majeur, à 8 mains. (6 r. 29 c.)
 WEBER. Ouverture solennelle, à 8 mains. (2 r. 15 c.)

Этюды для фортепиано.

- BERTINI. Cinquante préludes, oeuvre 141, trois cahiers. chaque (1 r. 72 c.)
 — La gymnastique des doigts, préparation à l'étude. (1 r. 29 c.)
 CRAMER. Vingt-quatre préludes d'utilité générale, oeuvre 96. (1 r. 15 c.)
 CZERNY. Vingt-quatre études de salon, caractéristiques et pittoresques
 oeuvre 692, 4 N-os, chaque (2 r.)
 DOBKLER. Cinquante études de salon, oeuvre 42, deux livraisons, chaque
 (5 r. 72 c.)
 HERZ. Trente études progressives, oeuvre 119, dont quinze pour les-pe-
 tites mains. (2 r. 58 c.)
 HUENTEN. Vingt-cinq études nouvelles, oeuvre 114. (2 r. 58 c.)
 KALKBRENNER. Douze nouvelles études progressives. (2 r. 58 c.)
 SCHAB. Le casse-bras, étude-exercice, oeuvre 37. (85 c.)
 VOLLWEILER. Trois études mélodiques. (1 r. 29 c.)

Для фортепиано въ четыре руки.

- BERTINI. Grand duo, d'après l'opéra : La part du diable. (1 r. 72 c.)
 CHOPIN. Quatre mazurkas, oeuvre 30. (1 r. 15 c.)
 DOBKLER. Fantaisie brillante d'après Beatrice di Tenda. (2 r.)
 HUENTEN. Italia, trois fantaisies variées, oeuvre 115, trois cahiers, chaque
 (1 r. 15 c.)

- LEMOINE. Les deux frères : deux petits ronds, chaque (94 c.)
 LISZT. Fantaisie sur Robert. (2 r. 29 c.)
 LOUIS. Variations brillantes d'après Parisina, oeuvre 84. (1 r. 50 c.)
 MENDELSSOHN. Préludes et fugues. (1 r. 29 c.)
 ONSLOW. Quatuor oeuvre 61. (2 r. 58 c.)
 SCHUNKE. Bibliothèque du jeune pianiste, 7 cahiers, chaque. (72 c.)

Для одного фортепьяно.

- BURGMÜLLER. Fantaisie et rondo pastoral (air suisse) oeuvre 70. (1 r. 29 c.)
 BURGMÜLLER. Sans amour, souvenir de Masini, fantaisie. (1 r. 15 c.)
 CZECHY. Rondino d'après La favorite, oeuvre 711. (1 r.)
 DOERFLER. Impromptu fugitif, oeuvre 39. (58 c.)
 DREISCHOCK. Impromptu, oeuvre 21. (94 c.)
 DUVERNOY. Petites pièces sur des thèmes favoris de Halevy, Meyerbeer et Weber, oeuvre 118, trois cahiers, chaque (86 c.)
 EWERS. Chansons d'amour, oeuvre 13, six cahiers, chaque (86 c.)
 HELLER. Fantaisie sur la Juive, oeuvre 31. (1 r.)
 HRZ. Trois airs de ballet de Charles VI en ronds brillants, chaque (86 c.)
 LEMOINE. Les riens, deux petits ronds. (94 c.)
 OSBORNE. Grande fantaisie sur les plus jolis motifs de Bellini. (1 r. 72 c.)
 ROSELLEN. Fantaisie brillante sur Don Pasquale. (1 r. 43 c.)
 ROSÉNHAIN. Grande valse de concert. (1 r.)
 SCHAD. Divertissement sur des airs tyroliens, oeuvre 16. (1 r. 15 c.)
 TAUBERT. Variations sur des airs Ecossais, oeuvre 53. (1 r. 29 c.)
 THALBERG. Grand caprice sur Charles VI, oeuvre 48. (1 r. 72 c.)
 WOHLFAHRT. L'ami du piano, leçons progressives pour les enfans. (1 r. 43 c.)
 WOLFF. (E.) Six mélodies caractéristiques, oeuvre 60, chaque (86 c.)

Танцы для фортепьяно.

- BERNARD. Souvenir de M-me Viardot-Garcia, grande valse d'après la Sembrambula, avec portrait. (1 r.)
 СОКОЛОВЪ. Воспоминание о Рубини, большой вальсъ. (85 c.)
 LÉANDRE. La Peri, contredanses nouvelles d'après ce ballet. (60 c.)
 OSSIPOFF. Le voleur, contredanses favorites. (60 c.)
 BERNARD. Souvenir, nouvelles contredanses. (60 c.)
 ЛЯДОВА. Молодой невестъ, французскій кадрили. (60 c.)
 ЕГО ЖЕ. A la plus belle, contredanses françaises. (60 c.)
 Le maître de danse, collection de toutes les danses caractéristiques, Menuet, Allemande, Gavotte, Pas de châte, Tyrolienne, la Russe avec châte, Pas tambourin, la Russe, la Cachucha, Solo Espagnol, Boléro et Pas de folies. (1 r. 15 c.)

Вальсы для всего оркестра.

- STRAUSS. Minos-Klänge. — Lustwandler. — Walhalla-Toaste, chaque (4 r.)
 LANNER. Die Schönbrunner. — Heimweh. — Hexen-Tänze, chaque (4 r.)

Лавтениу. Londoner saison. — Leinate's Klänge. — Catherinen-Walzer, chaque (3 г. 15 с.)

Новѣйшіе французскіе кадрили А. Дядова, для небольшого балнаго оркестра (8 инструментовъ), каждый (2 р.)

Парижскіе Метрономы 17 р. — съ колокольчикомъ 50 р.

Парижскіе отличные смычки, по 14 р. Парижскій лучшій канцоль по 60 к. за штуку.

Настояшія италянскія струны для скрипки, віолончели и гитары, также лучшія струны для фортепіано.

Скрипки, цѣной отъ 50 р. до 300 р. асс:— шести и семи-струнные гитары, віолончели, фортепіано и флигеля лучшихъ мастеровъ и прочее.

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бернара, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чапмана.)

Тутъ же раздается вышедшая перваго марта третья тетрадь музыкальнаго журнала: «Музыкальность», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы:

Лизт. Il m'aimait tant, mélodie. — КУЛЛАК. Romance des Capuletti Montechi, transcrit. — WOLFF. La coquette, impromptu. — ВЕРТИНИ. La chasse à l'ours, bagatelle. — ЛЕАНДРЕ. La Peri, contredances. — МАССИНИ. Романсъ: «Узнай, пойми любовь мою.» — Nouvelle romance française. Литературное прибавленіе.

Подписная цѣна 10 р. сер. съ пересылкою 11 р. 50 к. серебромъ.

М О Д Ы.

— Балныя платья въ это время не нужны. Вотъ нѣсколько скромныхъ, но милыхъ нарядовъ, въ которыхъ можно явиться всюду въ постное время. — Платье атласное гранатоваго цвѣту, убранное кругомъ двумя широкими biais изъ темнаго бархату той же тѣни; корсажъ высокій, гладкій; рукава гладкіе; все убрано бархатомъ. — Платье зеленое, атласное, убранное широкимъ воланомъ изъ чернаго кружева; корсажъ высокій, гладкій; рукава гладкіе. — Платье повалиновое море, коричневаго цвѣту, убранное впереди вдоль юбки пятью полосами бархату, того же цвѣту, узкими и сближенными у кушака, раздѣлившись къ низу, гдѣ онѣ также становятся шире; корсажъ высокій, гладкій, съ отворотами, обшитыми бархатомъ; рукава гладкіе, съ бархатными браслетами.

— Главное дѣло теперъ — миленькій верхній костюмъ; въ которомъ можно было бы явиться полутру въ публичномъ

и вѣтъ, въ концертѣ, на прогулкѣ, и такъ далѣе. Вотъ оченъ милая маркиза съ капюшономъ, черная, атласная, убр-

ная на концахъ и кругомъ пелерина широкой изъ того же атласу оборкой; кругомъ нашитъ маленькій атласный буфъ того же цвѣту. Къ ней утреннй капотъ кашмировой фиолетоваго цвѣту, подбитый такимъ же атласомъ; корсажъ раскрытый, впереди до кушака съ атласными отворотами; рукава восточные, подбитые атласомъ и отвороченные. Или капотъ зеленый съ коричневыми клѣтками; юбка раскрытая съ бархатными отворотами; корсажъ высокй, гладкй съ бархатными отворстами, обшитый по краямъ

и около маленькаго воротничка узенькимъ аграмантомъ; рукава à la religieuse съ бархатными отворотами, также обшитыми аграмантомъ.

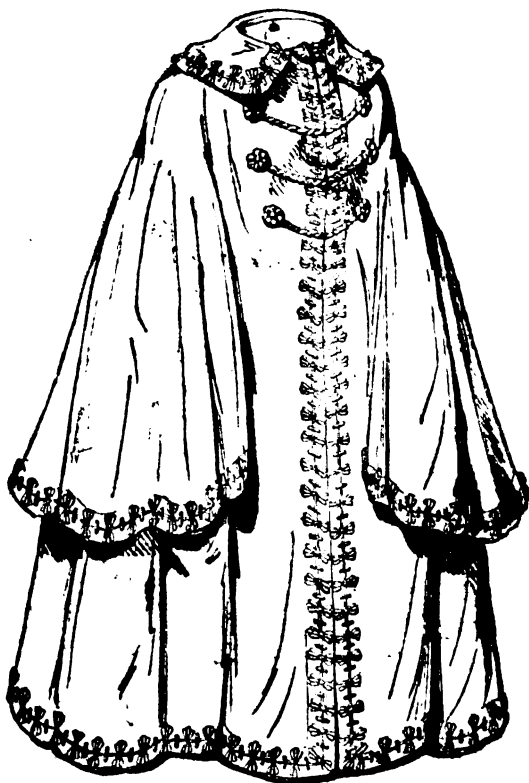
— Но вотъ капотъ-чудо, вмѣстѣ капотъ и маркиза, созданіе совершенно художественное, изобрѣтеніе достойное соннета: капотъ кашмировой или другой, расходящійся на юбки, украшенный того же цвѣту темнымъ тисненымъ

бархатомъ, который обходитъ всю юбку кругомъ и кроме того на корсажѣ и на полахъ образуетъ видъ маркизы: другими словами, къ капоту, котораго подолъ обшитъ такимъ изъ бархатомъ, пришита маркиза той же матеріи, такъ, что полы капота и маркиза расходятся вмѣстѣ; маркиза спереди повсюду прикрѣплена къ капоту и въ самомъ узкомъ мѣстѣ талии собрана мелкими складками, какъ со-

бираются теперь многіе шарфы и маркизы; на плечахъ — вальерицъ, граціозно огибающій рукава, такъ что, когда рука спущена, маркиза кажется отдѣльно надѣтою; пелеринъ также обшитъ тисненымъ бархатомъ; но обѣимъ сторонамъ бархату пришита еще узенькая, атласная лента, собранная, въ серединѣ или узенькое кружево; корсажъ подъ пелериномъ обыкновенный, гладкій; рукава, выходящіе изъ-подъ пелерина — à la religieuse, съ обшлагами, по которымъ нашиты въ видѣ клѣтокъ бархатныя ленточки того же цвѣту какъ и вся уборка.

— Плащи, приготовляемые для весны удивительно кра-

савы. Вотъ общая ихъ форма. Ихъ дѣлаютъ изъ темныхъ атласовъ съ агрантными украшеніями.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
~~CANCELLED~~

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1916

ОСВОБОЖДЕННЫЙ УЗНИКЪ.

Снова я на свободѣ; полнѣе вздохнуть,
Больше воздуха просить усталая грудь.

Я и веселъ и свѣжъ,—а давно ли
Въ безотрадной томился неволѣ;

А давно ль я всё думалъ,—вотъ идуть за мной...
Да мурлыкалъ мнѣ пѣсни сосѣдъ за стѣной....

Послѣ все расскажу вамъ отъ скуки;
Отъ цѣпей отдохнули бы руки.

Нѣтъ, не видѣлъ я васъ, и съ неробкимъ челомъ
Безотвѣтенъ стоялъ передъ грознымъ судомъ!

Но, друзья мои, если бъ вы знали,
Какъ они меня тяжело пытали....

Я какъ камень молчалъ,—а вверху надо мной
Сквозь рѣшетку окна яркій лучъ золотой

Проливала молодая денница—
И свѣтила на мрачныя лица....

Я взглянулъ на окно, я припомнилъ о васъ,
Что друзья не забудутъ условленный часъ!....

И теперь, на веселомъ просторѣ,
Мы размыкаемъ старое горе!—

Гдѣ мой конь?... полетѣть бы хотѣлось скорѣй,
Повидаться съ одною знакомкой моею;

Что она,—весела, иль уныла,
Иль меня равнодушно забыла?....

А. ПАЛЬМЪ.

АМУРЬ-ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Изъ Гёте.)

Утромъ рано, снѣлъ я на дикой скалѣ, неподвижно
Взоръ устремивъ на влажный туманъ: беспредѣльный и
сѣрый,
Какъ нагрунтованный холстъ, отъ меня закрывалъ онъ
окрестность.

Въ эти минуты малютка ко мнѣ подошелъ, и сказалъ онъ:
Удивляюсь; пріятель, что тебѣ за охота
Такъ прилежно, часъ цѣлый, смотрѣть на пустую хол-
стину?...

Развѣ на-вѣкъ потерялъ ты любовь къ рисованью и пол-
нымъ

Жизни картинамъ?—И думалъ я, смотря на ребенка:
Крошка! хочетъ учителемъ быть, даетъ мнѣ совѣты....

— Если ты будешь всегда безсиченъ и грустенъ, сказалъ
мнѣ

Мальчикъ: увлечь, исчезнетъ на-вѣки твоё дарованье.
Вотъ, поучись у меня рисовать картинки,—я тотчасъ
Нарисую тебѣ красивый ландшафтъ, для примѣру....
И, протянувъ ручонку, на сѣромъ коврѣ беззаботно
Началъ писать картинку, пальчикъ поднявши румяный.

Прежде всего, начертил онъ янтарно-румяное солнце,
 Такъ естественно, что въ глазахъ у меня заблестѣло;
 Послѣ разсыпалъ груду золотыхъ облаковъ въ поднебесья.
 Поднялъ холмы одинъ за другимъ, и душистыя лица
 Къ значному скату горы нагнулись густыми кудрями;
 Дальше, провелъ онъ рѣку, такъ живо, легко, что, каза-
 лось,

Звонкія воды плескались, и солнце сквозь нихъ проникало.

Яркій рубинъ и смарагдъ разсыпалъ въ лугу благовопномъ,
 Подлогъ тумана согналъ съ глубоко-лазурнаго неба,
 И открылъ мнѣ цѣнь горъ, увѣчанныхъ синими льдами.
 И восхищенный нежданной картиной и возрожденный
 То на художника, то на картину смотрѣлъ я безмолвно.

«Вотъ теперь ты узналъ, что я понимаю искусство,
 Мальчикъ сказалъ: но картина еще не готова». И послѣ,
 Тамъ, гдѣ солнце роняло сквозь вѣтви на ясныя воды
 Дождь лучей золотыхъ, представилъ онъ стройную дѣву.
 Тонкая ткаць обвила ея лилейные члены,
 А каштановыхъ кудрей каскадъ, волнуемый свѣжимъ
 Сіяньемъ утра, бросалъ на лицо ея зыбкія тѣни.

— Чудный мальчикъ! вскричалъ я: ради Бога, скажи мнѣ,
 Кто тебя научилъ такъ вѣрно, умно и проворно
 Мысли свои отражать на холстѣ, оживлять ихъ перста
 ми?....

И, пока я говорилъ, подулъ вѣтерокъ, закачалась
 Яркіе листья деревъ, зашумѣла рѣка, распахнулся
 Флёръ, закрывавшій красы плѣнительной дѣвы,—
 И, едва касаяся волнъ бѣлосвѣжною цожкой,
 Приближалась она къ скалѣ, на которой сидѣлъ я,
 Нѣмъ и недвижнѣмъ, какъ камень, взоръ устремивъ на кар-
 тину....

И. КРЕШЕВЪ.

Не вѣрайся, другъ мой, счастью, —
 Счастье—вѣтеръ переменный....
 Не вѣрайся клятвамъ страстнымъ, —
 Клятвы такъ обыкновенны!

Свѣжихъ чувствъ живыя искры
 Не растрчивай напрасно; —
 Вѣрь, дается намъ немного
 Дней безоблачныхъ и ясныхъ....

Въ битвѣ жизни ты увидишь
 Мало витязей отважныхъ; —
 Мы впередъ идемъ безопасно, —
 Оглянуться только страшно....

А. НАЛЬМЪ.

(Изъ Шеник.)

=

Приди къ ней поутру, когда пробуждена,
 Подъ легкимъ пологомъ покоится она;
 Ланиты жаркія играютъ алой кровью,
 И грудь роскошная волнуется любовью,
 А юное чело и полный нѣги взоръ
 Еще ведутъ со сномъ неясный разговоръ....

А. НАЛЬМЪ.

ИДЕАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА.

=

ЧАСТЬ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Графиня Марія жила въ Вѣнѣ очень скромно, но приятно, и даже счастливо. Весною она обыкновенно уезжала къ водамъ, въ Германію, Францію или Италію; осенью возвращалась на берега Дуная и, среди столичной толпы, среди забавъ, шалостей и шуму, проводила зиму въ отрадномъ уединеніи, на степной сторонѣ бурной жизни-рѣвки, въ пустыняхъ дружбы и умной бесѣды. Звуки радости, отголоски глупостей, вздохи досады, потѣхи клеветы, доходили до отшельницы любви и страстей, но она не участвовала, ни въ радостяхъ, ни въ глупостяхъ, ни даже въ клеветѣ. Рѣшительно отказалась она отъ звучныхъ и яркихъ бурь свѣта, и приняла на себя должность умной женщины, которая, забывъ, что была некогда прелестною, и даже, что не совсѣмъ еще лишилась миловидности, позволяетъ всѣмъ по-моложе себя безпрепятственно быть красавицами по личному усмотрѣнію каждой.

Графиня Марія уже вступала въ старость: она это чувствовала, и благовременно, лишь-только послѣднія

розы начали терять свое благоуханіе, приняла мѣры чтобы сдѣлаться плѣнительною старушкою. Теперь она уже не обрѣзывала своего возраста: напротивъ, съ неподражаемою наглостью прибавляла себѣ шесть лишнихъ годовъ, чтобы приводить въ изумленіе новыхъ знакомцевъ необычайнымъ сохраненіемъ своей наружности и поселять въ нихъ родъ восторгу къ себѣ, какъ необычайному явленію. Тѣ, кого она увѣряла, что ей уже «подъ шестьдесятъ», съ перваго слова были въ восхищеніи отъ нея, по личной выгодѣ: каждый или, всё-равно, каждая, — потому что въ этомъ случаѣ пѣть родовъ въ грамматикѣ человѣческаго самолюбія, — утѣшался пріятною мыслью о возможности для себя быть молодымъ еще въ шестьдесятъ лѣтъ, невольно любилъ графиню Марію какъ живое доказательство основательности этой надежды, и, въ энтузіазмъ, прибавлялъ ей отъ себя еще шесть годовъ, такъ, что о графинѣ Маріи говорили въ Вѣнѣ какъ о феноменѣ: свѣтская миселогія создала для ея отдаленной молодости баснословную красоту, и, если-бы благоразуміе подавшаго въ отставку идола не окружало его таинственнымъ уединеніемъ, нашлись бы еще изувѣры; готовые положить свѣжіе вѣчки на жертвенникъ преклонившей Венеры.

Но мало произвестъ этотъ эффектъ: отшельница умѣла еще усилить его полнымъ отсутствіемъ притязаній на наружность; она какъ-будто не замѣчала разительнаго противорѣчія между приписываемымъ ей истиннымъ возрастомъ и пріятностью своего лица, близкою и гладкостью шеи, превосходно отдѣляющейся отъ глубокаго траура, безукоризненнымъ цвѣтомъ волосъ, заботливо поддерживаемыхъ въ надлежащей свѣжести, и примѣчательною красотой руки, маленькой, мягкой, полной, совершенно классической. Все искусство употребила она на украшеніе этой удивительной старости прелестями ума, любезности и кротости. Мужчины любили ея общество; и какъ она соблюдала строгій вы-

борь въ знакомствахъ, допуская къ себѣ только людей примѣчательныхъ, то спускать ея дружбу равнялось для многихъ диплому на умъ и высокую образованность. Даже и до траура она мало выезжала въ свѣтъ, никогда не являлась въ больницкѣ собраніяхъ, жила въ небольшомъ кругу избранныхъ, составленномъ изъ свѣтскихъ, ученыхъ и артистическихъ «гемпльностей», какъ говорятъ въ Вѣнѣ, съ необходимою прибавкою двухъ или трехъ молодыхъ и миленькихъ женщинъ, совершенно преданныхъ упрому, безнравственно доброму другу, хозяйкѣ. Домъ ея сдѣлался любимымъ центромъ занимательнѣйшихъ людей въ австрійской столицѣ изъ туземцевъ и путешественниковъ разныхъ націй: тѣ, которые были приняты, чувствовали себя счастливыми въ этой роскошной атмосферѣ дружескихъ вниманій, теплаго участія въ прекрасномъ, непринужденной веселости, увлекательныхъ и разнообразныхъ разсужденій, любопытныхъ разсказахъ о всѣхъ странахъ, всѣхъ знаменитыхъ людяхъ, всѣхъ великихъ событіяхъ и надеждахъ искусства.

Старшая дочь графини Маріи, Катенька, и мужъ ея, находились также въ Вѣнѣ: они, по праву, принадлежали къ этому обществу, но вообще мало имъ позволялись. Маркизъ же понималъ пристрастія своей тещи къ умнымъ людямъ и бѣгалъ отъ этихъ утомительныхъ бесѣдъ, въ которыхъ человекъ явственно выходитъ изъ нормальнаго состоянія своей породы, употребляя голову, и привыкшій къ ней языкъ, главное орудіе питанія и личныхъ выгодъ, на предметы, выходящіе изъ круга положительной жизни. Катенька, сдѣлавшая тигрицею ревности, преслѣдовала супруга своего по пятнамъ во всѣхъ его уклоненіяхъ къ другому роду удовольствій. Такимъ образомъ, дружескія собранія у графини Маріи благополучно избавлялись и отъ злобы Катеньки и отъ глузости маркиза, къ великому удовольствію хозяйки.

Изъ женщинъ, самымъ замѣчательнымъ членомъ

этого общества была одна молодая соотечественница и отчасти родственница графини Маріи, прелестная вдовушка лѣтъ двадцати-пяти или шести, рѣзвая, веселая, острая, исполненная талантовъ, добродѣтелей и душъ. Она недавно пріѣхала въ Вѣну изъ Карльсбада, куда возила своего возлюбленного мужа, преждевременнаго старика, вѣчно больного тирана. Прославленные цѣлительныя воды оказали дѣйствіе, достойное ихъ врачебной знаменитости: мужъ мигомъ умеръ. Полина Ч^{***}, оросивъ потоками слезъ драгоценный прахъ супружескаго счастья, прямо съ могилы порхнула свободною птичкою въ Вѣну, гдѣ у нея вовсе не было знакомыхъ и гдѣ, поэтому, присутствіе, ласковый пріемъ и, въ скоромъ времени, дружба почтенной родственницы сдѣлались для нея настоящимъ кладомъ. Графиня Марія, казалось, нѣжно любила мадамъ Ч^{***}, и мадамъ Ч^{***} оказывала ей искреннюю преданность. Есть читательницы, которыя не вѣрятъ въ дружбу двухъ женщинъ; я самъ вѣрю только вполонину, но дѣло въ томъ, что, недавно надѣвъ трауръ, графиня Марія считала молодую вдову-родственницу весьма пріятною для себя подругою на указное время горести. Обѣ безутѣшныя легко сблизились другъ съ другомъ, находя въ этомъ обоюдную пользу,—мадамъ Ч^{***} очень пріятный печальный домъ въ незнакомомъ городѣ,—графиня Марія очень занимательное для посѣтителей украшеніе дому. Какъ бы то ни было, обѣ вдовы, и мудрая и прелестная, были неразлучны, къ несказанному удовольствію знаменитыхъ друзей мудрой.

По мужской части, въ эту зиму самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, самымъ дорогимъ гостемъ, самымъ уважаемымъ другомъ, числился тоже одинъ соотечественникъ графини Маріи, человекъ, славный тогда во всей Европѣ своими военными подвигами, умомъ и благородствомъ души, мужчина лѣтъ сорока-двухъ, не совсѣмъ хорошій собою, съ сухими и рѣзкими чертами лица, но съ чрезвычайно умнымъ выраженіемъ и

съ такими глазами, которые женщины, через полчаса знакомства, провозглашали чудесными. Въ Вѣнѣ, куда пріѣхалъ онъ провести зиму послѣ курса водъ въ южной Германіи, любопытство всего общества было обращено на него. Но онъ, по-возможности, избѣгалъ достойно заслуженныхъ почестей, жилъ очень скромно и почти не показывался свѣту: его можно было встрѣтить поутру только на какомъ-нибудь уединенномъ гульбищѣ или въ книжныхъ лавкахъ, гдѣ онъ забиралъ книги цѣлыми кипами. Графиня Марія усердно за нимъ ухаживала: сама она искала его общества и дружбы, гордилась его вниманіемъ, всѣми мѣрами привлекала его къ себѣ и, казалось, успѣла. Этотъ интересный путешественникъ полюбилъ ея домъ, и вскорѣ сталъ посѣщать почти ежедневно любезную соотечественницу, которой наконецъ сдѣлался онъ короткимъ и искреннимъ другомъ. Нѣкоторые остроумные туземцы замѣчали, что графиня Марія питаетъ къ нему даже болѣе чѣмъ дружбу: внимательность ея къ знаменитому иностранцу доходила до материнской нѣжности и онъ, съ своей стороны, нерѣдко показывалъ при всѣхъ чувства благодарнаго и почтительнаго сына. Съ нимъ однимъ говорила она о своихъ семейныхъ дѣлахъ, ему одному ввѣряла душевныя скорби и тайныя слезы, для него, преимущественно, изобрѣтала удовольствія, въ которыхъ должны были участвовать прочіе друзья дому. Европа, тогда, только-что начинала отдыхать послѣ продолжительной политической бури, какъ-вдругъ зашумѣла страшная буря литературная: предводительствуя въдьмами, мертвецами, висѣльниками, палачами, каторжниками, привидѣніями, порокомъ, безобразіемъ, преступленіемъ, ужасомъ, романтизмъ поднялъ открытый бунтъ противъ чиннаго классическаго прекраснаго, котораго бесплодный деспотизмъ всѣмъ было ласкушалъ; для челоуѣчества начиналась новая эра: въ то же время, какъ на землѣ явилась первая желѣзная дорога, изобрѣтена была и первая тридцати-лѣтняя жен-

щина, и тутъ же сдѣлали чрезвычайно важное для повѣствовательной занимательности открытіе — что у дѣтей, обыкновенно, нѣтъ отцовъ. Эти великія идеи начинали уже проникать въ Вену съ первыми незабвенными романами юной школы, и сказанные остроумные туземцы, соображая сію материнскую привязанность и оную сыновнюю почтительность (слово того времени), нерѣдко восходили до высокаго романтическаго умоваключенія, что тутъ скрывается вещь крайне интересная, — преступленіе, — промакъ юности, — или другое прекрасное новачко изобрѣтенія.

Знаменитый путешественникъ зашелъ однажды къ графинѣ Маріи, возвращаясь съ прогулки. Хозяйка была занята съ своимъ докторомъ въ кабинетѣ. Онъ не велѣлъ докладывать о себѣ: сказавъ, что подождеть въ гостиной, пока докторъ не уйдетъ, онъ сѣлъ въ кресло чтобы отдохнуть и предаться той задумчивости, которая составляетъ отличительный признакъ и первое наслажденіе великихъ умовъ. Консультація длилась безъ конца. На столикѣ лежалъ великолѣпный альбомъ графини Маріи, наполненный прелестными рисунками, произведеніями карандаша и кисти всѣхъ вѣднѣйшихъ художниковъ. Онъ взялъ альбомъ и сталъ ихъ разсматривать. На четвертой или пятой страницѣ, поразилъ его внезапно портретъ женщины удивительной красоты: это былъ портретъ Анны, старшей дочери хозяйки. Путешественникъ долго и внимательно всматривался въ эти чудесныя черты; онъ какъ-будто былъ взволнованъ; закрывалъ страницу и переходилъ къ другимъ рисункамъ; потомъ вдругъ возвращался къ портрету и смотрѣлъ на него съ новымъ восхищеніемъ или новымъ безпокойствомъ. Этотъ рисунокъ, это расположеніе подробностей, эта кисть, вся эта картина, казались ему знакомыми. Наконецъ, одинокимъ зрителемъ невольно овладѣла глубокая дума; нѣсколько времени сидѣлъ онъ въ совершенномъ забытьи; раскрытый альбомъ лежалъ у него на колѣняхъ, и онъ не при-

Мгненьемъ какъ въ гостиную вбѣжала легкими шагами молодая и стройная женщина въ дорожномъ траурномъ костюмѣ. Карета ея стояла еще у подъезда: путешественница, вскорхнувъ на крыльцо, была принята слугами съ признаками изумленія и почтительной радости; они толпою провожали ее вверхъ по лѣстницѣ, хотѣли опередить, бѣжать съ докладомъ, но гостья удержала ихъ положительнымъ приказаніемъ не давать знать объ ея прѣздѣ, предоставляя себѣ удовольствіе нечаяннаго появленія. Слуги остались у дверей гостиной: гостья вбѣжала одна и, скользя по ковру, невидимо приблизилась къ неподвижному гостю, задумчивому наблюдателю портрета, сидѣвшему спиною къ дверямъ. Она остановилась недалеко отъ столика, передъ которымъ сидѣлъ незнакомый другъ хозяйки, и начала развязывать шляпку. Лица гостя не было видно вполне, но портретъ, приведшій его въ интересную меланхолю, могла она ясно различить съ того мѣста, гдѣ стояла. Видъ этого портрета возбудилъ ея женское любопытство: она, безъ шума, немножко подвинулась впередъ, чтобы мелькомъ взглянуть въ лицо любителю столь занимательной живописи, который, вдругъ увидѣвъ гостью передъ собою, вскочилъ съ кресель какъ бы испуганный и едва успѣлъ положить незакрытый альбомъ на столъ. Было мгновеніе, когда той и другому казалось, будто они видятъ сонъ: гость не постигалъ чуда, которое такъ внезапно осуществило передъ нимъ портретъ, гостья не вѣрила столь неожиданной встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго полагала въ другомъ концѣ свѣта и не надѣялась никогда увидѣть. Они покраснѣли, оба вмѣств. Сильное душевное волненіе, котораго невозможно было скрыть при такой нечаянности случая, привело ихъ въ толкое (такъ тогда говорили) замѣшательство, что они забыли даже поклониться другъ другу.

— Вы здѣсь!

— Вы здѣсь!

Невольно, и какъ-бы со страхомъ, произнесено было съ обѣихъ сторонъ въ одно и то же время. Анна принуждена была присѣсть, чувствуя, что ноги ея дрожать. Валеріанъ подражалъ ея прищѣру. Два неумышленные преступника находились другъ противъ друга; портретъ—*corpus delicti* — лежалъ между ними, и ни какое оправданіе не было возможно. Оба они, не зная что сказать, изъ-дали, смотрѣли украдкою на этотъ портретъ. Такой странной окказіи я не читалъ ни въ одномъ романѣ!

Присутствіе портрета на столѣ принесло большое удовольствіе Аннѣ, потому что показывало, чѣмъ гость занимался въ минуту ея появленія; впрочемъ, она давно знала, черезъ Софію, что онъ сохраняетъ особенную привязанность и удивленіе къ той, которую нѣкогда любилъ такою прекрасной любовью. Въ Валеріанѣ этотъ портретъ производилъ совсѣмъ противное дѣйствіе: онъ напоминалъ ему самыя горестныя минуты жизни: это былъ тотъ роковой портретъ, который стоялъ на столѣ у покойной тѣтки Анны въ страшный день вѣчнаго прощанія со счастьемъ, и который просилъ онъ мадамъ Б*** сберечь какъ памятникъ. Передъ смертью, она завѣщала его графинѣ Маріи, потому что, видя дочь несчастною въ замужствѣ, графиня горько сожалѣла о прошедшемъ и себя обвиняла во всемъ. Валеріану давно былъ извѣстенъ переходъ незабвеннаго портрета въ руки прежней своей гонительницы, старавшейся теперь нѣжною дружбою и безкорыстною преданностью загладить прежнюю вину честолюбивой матери: онъ столько разъ видѣлъ, такъ хорошо помнилъ эту картинку, что не могъ не узнать ея теперь въ альбомѣ; а узнавъ, нельзя ему было не подумать печально о томъ, какой женщины, какого друга для всей жизни, лишился онъ въ этихъ печальныхъ происшествіяхъ. Валеріанъ находился именно въ томъ возрастѣ, когда холостяки начинаютъ болѣе чѣмъ когда-либо дорожить воспоминаніями и ощущать при

нихъ сильныя сожалѣнія: встрѣча съ портретомъ рас-трегала его до глубины души, и Анна застала эксъ-поэта среди самыхъ грустныхъ размышленій о прошедшемъ и о настоящемъ. Что касается до нея, то вамъ уже извѣстно, что первый предметъ страсти остался навсегда въ ея душѣ идеаломъ, невидимымъ другомъ, таинственнымъ утѣшителемъ, которому посвящались всѣ минуты уединенія среди бѣдствій, униженій и страданій: она постоянно думала объ немъ, думала съ восторгомъ, съ любовью, которой самая чистота усиливала огонь, пожирающій воображеніе, и мечтамъ которой предавалась она тѣмъ свободнѣе, что вѣчная разлука и потеря всякой надежды дѣлали ихъ невинными и совершенно безопасными. О состояніи ея сердца часто разсуждала съ Валеріаномъ Софія, сдѣлавшаяся, послѣ смерти матери, его лучшимъ и даже единственнымъ другомъ вдали отъ столичнаго шума. Смыслъ волненія Анны точно такъ же не могъ ускользнуть отъ его про-ницательности, какъ для нея была ясна причина задумчивости надъ портретомъ. Понятно, что, при та-кихъ обстоятельствахъ, два самые умные человека, встрѣтаясь нечаянно и прочитавъ въ глазахъ другъ у друга свои завѣтныя тайны, не сѣмъютъ сказать ничего умнаго. Въ доказательство этой истины, я привожу коротенькій разговоръ прежде-бывшихъ жениха и невѣсты.

— Матушка, кажется, совсѣмъ не ожидала васъ.

— По-крайней-мѣрѣ не ожидала меня прежде весны, но я скорѣе рѣшилась подвергнуться непріятностямъ зимняго пути чѣмъ ждать такъ долго.

— И вы пріѣхали однѣ!

— Мужъ мой изъ Дрездена отправился въ Парижъ. Я продолжала путь одна.

— Вы храбры. Дороги должны быть ужасны.

— Отъ Праги я встрѣчала много снѣгу.

— Я читалъ въ газетахъ, что многія рѣки выступили изъ береговъ, и прочая.

Они непременно дошли бы до дома, который тогда шелъ на дворъ, если бы графиня Марія не удалилась разговору въ гостиницѣ и не вышла съ докторомъ изъ кабинета. Анна бросилась въ объятія матери. Докторъ, замѣтивъ варыи семейныхъ чувствъ, уларилъ въ разсыпную, кланаясь во всѣ стороны. Валеріанъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы закрыть альбомъ, и намѣренъ былъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, удалиться, но желая мѣшать первому свиданію матери съ дочерью послѣ долговременной разлуки.

— Гдѣ же твои дѣти? спросила мать,

— Они скоро будутъ, отвѣчала Анна: ѣдутъ въ другой каретъ, съ гувернанткой. Я опередила ихъ, чтобы скорѣе васъ увидѣть.

Мать еще разъ нѣжно поцѣловала ее, и, тогда, обратилась со всѣмъ своимъ вниманіемъ къ Валеріану. Завязался разговоръ, не занимательный ни для одного изъ трехъ собесѣдниковъ, потому что каждый думалъ о другомъ. Валеріанъ замѣтилъ, что мать вовсе не спрашиваетъ о мужѣ Анны: она даже избѣгала рѣчи объ немъ. «Тутъ скрывается что-то непріятное!» подумалъ онъ. Анна примѣчала ту же самую осторожность и безпокойлась о причинѣ такого благоразумія, полагая, что клевета уже успѣла опередить ее.

Валеріанъ собрался итти домой. Напрасно графиня Марія задерживала его своей любезностью: онъ чувствовалъ себя слишкомъ разстроеннымъ, слишкомъ полнымъ чувства, и непременно желалъ удалиться. Мудрая женщина поняла его побужденія и, не сопротивляясь долѣе, провожала друга до дверей прихожей.

— Надѣюсь, сказала она, при прощаніи: что этотъ нечаянный пріѣздъ не разстроитъ нашей дружбы, и что вы будете навѣщать меня такъ же часто какъ прежде.

— Этого не могу обѣщать вамъ, отвѣчалъ Валеріанъ съ улыбкою, которую хотѣлъ закрыть свое смущеніе.

— Послушайте, мой другъ! съ живостью возразила

графинки это.... смешно! У васъ столько ума и благо-
родства души, что и того и другаго слишкомъ достанеть
на подобный случай. Для общаго счастья, намъ, всемъ
троимъ, не следовало никогда разлучаться. Богъ су-
дилъ иначе.... Я вечно буду упрекать себя за.... мно-
гое... Простите матери... Вернуть прошедшаго не воз-
можно. Но можно облегчить горе несчастныхъ вели-
кодушіемъ и благородствомъ. Замените прежнія чув-
ства свои къ этой бедной женщинѣ доброю дружбою къ
матери и дочери. Это доставить намъ... родъ счастья...
утѣшеніе, въ которомъ мы очень нуждаемся... особен-
но она.... Не оставляйте сиротъ. Она то же сирота,
какъ и я.

— Сирота? повторилъ Валеріанъ съ изумленіемъ.

— Да! она сдѣлала глупость, которой я бы воспре-
пятствовала, если бъ была на-мѣсть, по которой те-
перь.... по-крайней-мѣрь по моему убѣжденію... уже
нельзя поправить. Женщина никогда не должна раз-
ставаться съ мужемъ... каковъ бы онъ ни былъ; но,
однажды допустивъ до этого....

— Такъ они разстались? спросилъ Валеріанъ, еще
болѣе изумленный этою неожиданною развязкою своихъ
недоумѣній.

— Ахъ, не говорите объ этомъ! печально отвѣчала
графиня Марія. Узнаете все отъ другихъ, потому что
уже начинаютъ говорить..... Такихъ вещей невозмож-
но долго скрывать. Но вы видите, что намъ обѣимъ
очень нужна ваша помощь, ваша дружба, ваши совѣ-
ты. Къ кому могу я обратиться? кому вѣряться?....
Моему любезному зятю маркизу? Хорошъ совѣтникъ!
Притомъ, онъ сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ
гдѣ.... Не оставляйте насъ!

Валеріанъ съ чувствомъ пожалъ руку, которую она
къ нему протягивала, и сказалъ:

— Пришлите за мною, когда я буду вамъ нуженъ.

— Нѣтъ, этого я не хочу. Посыщайте меня по-преж-
нему, какъ будто ничего не случилось. Не теряйте

твердости духа: вы доказали, что она велика въ васъ..... когда захотите. Надобно только захотѣть. Мужайтесь. Изъ-дали или вблизи—вѣдь всё-равно!.. Мы обречены быть другъ для друга постояннымъ источникомъ многихъ, многихъ страданій.... и нѣсколькихъ утѣшеній.... тѣхъ утѣшеній, которыя доставляетъ дружба и которыя теперь я предпочитаю всѣмъ прочимъ.... Анна тоже: жизнь и ее надѣлила опытностью. Да и вы, мой другъ, тоже! Неправда ли?... Я такъ думаю.

— О!... да! отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ и цѣлуя руку ея. Прощайте!... до свиданія.

Они разстались. Графиня Марія возвращалась въ гостиную совершенно довольная своимъ материнскимъ благоразуміемъ. Она съ перваго взгляду вполне разгадала тайныя чувства потеряннаго зятя и несчастной дочери. Воспрепятствовать развитію этихъ чувствъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, не было возможности, если предоставить имъ естественное теченіе. Но она надѣялась управлять ими съ помощью своего искусства. Мудрость опытной матери присоветовала ей дать имъ другое, болѣе невинное, направленіе и, вызвавъ противника на благородство, устранить всю опасность. Это почитала она долгомъ, при всей снисходительности своихъ старинныхъ правилъ къ страстямъ, и, зная Валеріана, была увѣрена въ успѣхъ. Но, въ гостиной, съ досадою увидѣла она дочь въ слезахъ. Анна стояла передъ раскрытымъ на столикъ альбомомъ, держа руку на своемъ портретѣ, и плакала. Примѣтивъ мать, она подбѣжала къ ней и судорожно сжала въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ! мамеяка! какая встрѣча! вскричала она. Могла ли я ожидать ея?... Могла ли думать, что, именно здѣсь, именно сегодня, буду плакать по другой причинѣ кромѣ радости видѣть васъ?... Какой жестокой ударъ!

Мать была встревожена, и растрогана сама этики

врывомъ долго подавляемаго чувства, но отвѣчала съ притворнымъ равнодушіемъ мудрецовъ:

— Чтѣ же тутъ за ударъ? Я не вижу ничего особеннаго. Мало ли кому случается въ жизни, вдругъ встрѣтить челоуѣка, котораго мы нѣкогда любили....

— И не переставали любить.... подхватила Анна, рыдая.

— И это случается, продолжала мать. Тогда мы употребляемъ всю нашу волю, при помощи которой, для женщины, нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы не обнаружить этого, чтобы превратить слѣпую страсть въ благородное чувство, въ состояніе сердца болѣе тихое, но зато и болѣе прочное, даже болѣе усладительное, особенно по прошествіи первой молодости. Если захочешь умно вести себя съ нимъ, можешь имѣть теперь, подобно мнѣ, добраго и преданнаго друга. Мы даже и нѣсколько обязаны вознаградить его вѣрною дружбою за страданія, которыя причинили, за счастье, котораго онъ лишился и ничѣмъ замѣнить не можетъ. Онъ говоритъ, что теперь уже не въ состояніи ощущать любви. Тѣмъ лучше! Для тебя, можетъ-быть, и совсѣмъ нечего сожалѣть о прошедшемъ. Вышедши за него, ты вѣроятно перестала бы любить.... потому что ужъ всегда таковъ конецъ! А мужчинъ, подобныхъ ему, такъ мало на свѣтѣ, что, изъ такого челоуѣка, право, жалъ дѣлать мужа.... созданіе.... которое рано или поздно надо разлюбить, по положенію, лишивъ душу восторговъи, слѣдственно, счастья. Если бъ мы, женщины, были умны, то такихъ мужчинъ всегда берегли бы себѣ на дружбу. Въ мужья годятся и другіе. Не много въ нихъ пользы!..... ты сама знаешь. За чтѣ ты прогнала своего?

— Я?... я его прогнала! вскричала Анна, блѣднѣя. Кто вамъ это сказалъ?

— Я знаю все, отвѣчала мать, смягчая голосъ и переходя отъ разсужденія къ нѣжности. Говори со мной, мой ангелъ, откровенно. Вовсе не думаю дѣлать тебя

Т. БКНБ: — Отд. I.

7

упрековъ: я всегда этого ожидала,.... или, скорѣе, бо-
-ялась.

— Но я его не прогоняла!

— Однако жъ ты здѣсь, а онъ теперь въ Парижъ: маркизъ получилъ письма оттуда, и увѣряетъ, что Эдуардъ тамъ слыветъ холостякомъ, получаетъ большіе удовольствія у женщинъ, предался отчаянной игрѣ, и о тебѣ вовсе не думаетъ. Катенька имѣетъ извѣстія изъ Германіи отъ своихъ пріятельницъ: по ея реляціи, вы поссорились за долги, которые Эдуардъ сталъ вновь дѣлать, ты отказала ему въ деньгахъ и велѣла убраться. Говорятъ, ты сдѣлалась ужасно скупой и жадной.

— О томъ, какъ онъ велѣтъ себя въ Парижѣ, я ничего не знаю, и знать не хочу, спокойно отвѣчала Анна. Я готова вѣрить, что извѣстія Катеньки справедливы. Насчетъ новыхъ долговъ, вѣсь не обмануди. Но все остальное — ложь. Въ скупости и жадности никто, упрекать меня не можетъ. Мы не поссорились, и я не велѣла ему убраться: напротивъ, онъ неожиданно далъ мнѣ отпускную, самъ, добровольно, уехалъ отъ меня, и едва ли съ намѣреніемъ воротиться. Когда дѣла наши нѣсколько поправились послѣднимъ благодѣяніемъ покойнаго батюшки, Эдуардъ, по страсти своей къ роскоши и блеску, началъ снова мотать. Требования его сдѣлались непомерными и настоятельными: онъ старался убѣдить меня въ необходимости поддерживать свое достоинство, но, послѣ столькихъ благовѣреній, убѣжденія эти не могли казаться мнѣ неправдоподобными. Я не могла согласиться на его желанія, да къ нему же права: вы знаете, что покойный батюшка, все что сберегъ, оставилъ не мнѣ, а моимъ дѣтямъ, а мнѣ назначилъ, только почетельницею изъ имѣнія. Эдуардъ сердился, хотѣлъ употребить власть своею покровленіемъ его на мнимую скупость мою чертъ моихъ выходило изъ всѣхъ границъ приличій; но я ограничила въ присутствіи моихъ денегъ колѣсницами своего состоянія. Онъ принужденъ былъ уступить. Зависимость отъ меня каза-

ласть ему: несносною. Обращение со мною приняло видъ доблady и, даже, жалобнаго. Виднщяя свадъ, очень сомнительнаго качества, всегда занимали Эдуарда гораздо болые чымъ семейныя обязанности. Я терпѣла все безъ малейшей жалобы и безъ упрековъ: вы знаете мой характеръ и можете мнѣ вѣрить. Мы жили безъ ссоръ, но уже кнзъ совершенно чуждые другъ для друга. Заметивъ долги, которые мнѣ сдѣлалъ, я приняла мѣры противъ возобновленя подобнаго случая. Мы ѣхали къ вѣнѣ, и остановились въ Дрезденѣ. Эдуардъ, завелъ тамъ знакомства, которыми я имѣла бы полное право обидѣться, принялъ мнѣ жрать, и принудилъ меня написать къ вамъ, что мы остаемся въ Дрезденѣ на всю зиму, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, и движемся сюда только весной. Впрочемъ, и мѣсяца было двинуться съ мѣста: мой мужъ потратилъ на прикормъ свонкы знакомствъ почти всю нашу дорожную сумму. Надобно было ждать приемылки денегъ. Между тѣмъ онъ игралъ въ карты и, однажды, выигралъ довольно много. Это даило советамъ другое направление его мыслямъ. Онъ хотѣлъ поназвать мнѣ, что можетъ не зависѣть отъ желы и не нуждается въ елледротахъ. Его шрвыи знакомства увлекали въ Парижъ: онъ объявилъ вдругъ, что не поедетъ въ Вѣну, что я могу продлжать путь одна и бытъ останется до весны въ Дрезденѣ, гдѣ ему всемо; или, и хотѣлъ что обещанствъ, и отправитъ ю Францію. Онъ даило снабдилъ о мои деньги на путешествие, убивдалъ копннать къ тамъ. Варе срашентесь, маленька, что тутъ уже нечего: было ждате дойти. Я повинивалась съ первого слови. Просьбы мои не могли бытъ повннать его нахреней. На томъ конрпцѣ, куда увлекли его новыя страсти, кромѣ стыда и расореня не было и ожидать ничего для себя и для моихъ дтей: наверное пришлое бы выкупать, или уда, или же живнеть, гдѣ-нибудь въ Пторскимъ, или бытъ увидѣть былицю публичнаго соблазна. Эдуардъ сталъ для меня ужасенъ. Одинъ видъ его заставлялъ

меня дрожать. Рѣшите теперь сами, маменька: должна ли я была оставаться долѣе при немъ, противъ его желанія?... должна ли была удерживать его при себѣ?

Мать глубоко вздохнула.

— До послѣдней минуты, увѣрю васъ, продолжала Анна: мы сохранили наружное согласіе; я сочла нужнымъ употребить всю кротость, все терпѣніе, чтобы не показать мужу того, что уже чувствовала и знала, а именно—что меня покидаютъ. Это было единственное средство отклонить явный разрывъ. Я собралась въ дорогу безъ роптанія. Эдуардъ провожалъ меня до первой станціи отъ Дрездена. Онъ не говорилъ, когда и гдѣ мы увидимся, и я, съ моей стороны, не спрашивала. Мы разстались какъ добрые знакомые. Вотъ вся истина, которой Богъ и моя совѣсть свидѣтели....

Анна принуждена была остановиться: слезы подавляли ея голосъ. Мать не нарушала ни однимъ словомъ своего торжественно-печальнаго молчанія. Спустя нѣсколько времени, Анна присовокупила:

— Я медленно и грустно добралась до Праги, но долѣе не могла вѣхать. Ужасное чувство—быть покинутой мужемъ—разстроило мое воображеніе и здоровье. Я приходила въ отчаяніе, желала умереть, и первое появленіе лихорадки обрадовало меня какъ доска снесенія. Но вскорѣ физическія страданія заглушили бурю души: я вдругъ ощутила мрачное спокойствіе, мало-помалу привыкла къ своему новому положенію, и наконецъ перестала думать о томъ, что случилось. Случай доставилъ мнѣ извѣстіе, что мой мужъ, вскорѣ послѣ моего отъѣзду, поскакалъ въ Парижъ за моей недостойной соперницей: и выслушала это, признаюсь, такъ равнодушно, какъ-будто дѣло шло о постороннемъ для меня человѣкѣ. Я чувствовала, что между нами все кончено. Болванъ, однако жъ, при тревожномъ и медленномъ выадоравливаніи, задержала меня болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Прагѣ. Я не хотѣла писать къ вамъ, добрая маменька, чтобы не опечалить васъ неожиданно

моимъ несчастіемъ, и въ той надеждѣ, что горестъ ваша будетъ сноснѣе, когда, при личномъ свиданіи, вы раздѣлите есо мною и я доставлю ей всѣ нужныя объясненія,

Графиня Марія нѣжно прижала дочь къ сердцу и заплакала вмѣстѣ съ нею.

— Я и очень рада, сказала она, что ты уже успокоилась и не требуешь утѣшеній. Я совершенно одобряю твое поведеніе. Сожалѣю только объ одномъ: зачѣмъ ужъ лучше ты не поссорилась въ заключеніе? Надобно было вспылить, сдѣлать сцену, разыграть трагедію.

— Какъ, трагедію?

— Да такъ!... какъ водится!... какъ исконно принято въ подобныхъ случаяхъ. Кчему эта кротость. Ты говоришь, все кончено: къ несчастію, ничего тутъ не кончено. Послѣ ссоры, послѣ упрековъ, послѣ обнаруженія всей его низости, онъ не смѣлъ бы являться къ тебѣ на глаза: а теперь, какъ вы разстались друзьями, того и жди, что, надѣлавъ глупостей и долговъ, преспокойно протянетъ въ первой бѣдѣ законныя объятія къ своей кроткой овечкѣ, которая, какъ ему навѣрное кажется, ничего не понимаетъ и всегда вдастся въ обманъ. Разлука, конечно — большое несчастіе, но разлука безъ ссоры — большая ошибка! Какъ теперь сдѣлать, чтобы преградить этому негодному человеку обратный путь къ тебѣ?... Валеріанъ, одинъ, можетъ подать намъ добрый совѣтъ.

— Боже мой! вы хотите, маменька, сообщить ему такую унижительную для меня тайну?

— Тайну, которую уже знаютъ весь Дрезденъ и весь Парижъ, и которую вскорѣ будетъ знать половина Вѣны?... Не забудь, Анна, что съ твоей красотой нельзя нигдѣ остаться не замѣченною, и что пріятельницы Катеньки уже расписываютъ о твоей тайнѣ очень любопытныя записочки. Скрывать такія вещи отъ благородныхъ и умныхъ друзей, которые могутъ намъ помочь, смѣшно и опасно. А впрочемъ не беспокойся: онъ уже знаетъ....

— Уже знает? Скоро же по міру ходить недоброе!... Что же онъ думаетъ обо 'всемъ этомъ'?

— То, что долженъ думать всякой умный человекъ, который тебя знаетъ.

— Я опасуюсь его состраданія. Презрѣнія его не боюсь. Я чувствую, что тверже перенесла бы его насмѣлки чѣмъ состраданіе. Если онъ сталъ золь или считаетъ себя обиженнымъ, то теперь имѣетъ полный предлогъ надсмѣхаться надо мною. Я гордо попраля его прекрасную любовь: и какъ наказана!... О! да, да! пусть онъ знаетъ, какъ я несчастна. Разскажите ему все, маленька. Нькогда онъ понималъ и умѣлъ цѣнить мои побужденія: быть не можетъ, чтобы онъ забылъ ихъ. Но если мое отрѣченіе отъ его любви было для него полезно, если оно сдѣлало его великимъ человекомъ и онъ наполнилъ своимъ именемъ Европу, если новая и неожиданная слава доставила ему минуты высшего упоенія... о! пусть же онъ знаетъ, какими страданіями, какими бѣдствіями купила я ему у судьбы все это. Что былъ бы онъ теперь, если бы я, какъ монастырка, вышла за него, тогда, ничего не разбирая въ человѣкѣ, который мнѣ понравился, все въ женихъ своемъ нахотѣ прелестнымъ, и безотчетно восхитался бѣдами счастіями возлюбленнаго? Вѣрно, это замѣчаніе не разъ и ему приходило въ голову. Что былъ бы онъ теперь?... мой мужъ, и только! Я хорошо поступила!... Ты правы, маленька, прибавила она, улыбаясь своимъ словомъ изъ такихъ мужичиъ какъ онъ, жаль дѣлать мужей, даже и для себя. Ахъ! если бы, хоть за все что я перенесла для его блага, и что должна еще перенести, онъ согласился быть мнѣ истиннымъ другомъ!... и была бы еще тогда собою, вознаграждена и счастлива была изъ женщинъ!...

— Ты еще его очень любишь, я вижу? печально спросила мать.

— Превычайно! съ жаромъ отвѣтила Анна. Онъ не только и живу! мав ли можно было разучиться любить его!

... 473006

Съ той минуты, какъ я узнала, что желаніе сдѣлать-
ся женщиной поворотила; достойнаго той любви, которо-
ую я въ свою жизнь имѣла; равнано въ мракъ: истинно
въ дружескую душу, исторгло: прыпнула, куда они бы-
ло бросило по мнущей слабости; и въведенно: же-
лду: людьми, онъ сталъ мнѣ дороже: ямъ кожда-любю.
Всѣ мои: страданія: ничего не: значило: въ сравненіи съ
добротой, которое: явилось: мнѣ: пріятно: ихъ: причиною.
Она: назвала: мнѣ: добротой, потому: что: явилась: къ:
себѣ: торжеству: и: кротости. Если: я: перемѣ: нить: вѣсно:
вѣно, часто: думала: и: если: вадуми: на: наказаніе: за:
омерзѣніе, которое: явилось: ему, стажа: пускай: буду: мнѣ:
казана: тѣмъ: гнѣвнѣ: справедливымъ: божь: удручить: меня,
тѣмъ: болѣе: возры: залю: его,

— Ты: невозможно: вдалека: въ: возгорженности, прати:
ко: замкнула: мать.

— Онъ: очень: естественна: въ: гору: и: несчастія, мамши:
ка. Онъ: —: утѣшеніе, даже: счастье, полюбилъ, стражду:
нѣтъ: душою. Съ: этими: дѣтскими: чувствами, кото-
рыя: вѣкъ: кажутся: возгорженности, я: твердо, сво-
кой: и: смѣю: сказать, безъ: и: дѣтъ, прошла: черезъ: все:
это: страшное: испытаніе, которое: неба: назвало: моею:
слабости. Онъ: мнѣ: замкнула: отъ: вѣкъ: соблазновъ: и,
даже, отъ: отчаяніи. Я: сколько: же: обязана: ево: благо-
родной: любви, сколько: ево: мной. Мы: должны: быть:
друзьями, и: если: вы: это: устроите, маменька, я: буду:
вѣкъ: обязана: очастіемъ, о: которомъ: много: мечтала, на:
котораго: никогда: не: ешла: надѣяться....

— Я: думаю, сказала: графиня: Марія, съ: примѣнною:
вѣдностью: что: это: сдѣлается: само: собой, безъ: всяка-
го: устройства. Вы: оба, мамеся, какъ: хорошо: распо-
ложены: другъ: къ: другу, что: навѣрное: не: поссоритесь:
съ: первымъ: разу: не: за: пустякомъ. Остальное: зависитъ:
отъ: твоего: благоразумія.

Лина: усмѣхнулась, и: разсказала: матери: о: томъ, какъ:
вошла: въ: комнату: и: въ: какомъ: положеніи: застала:
необычайнаго: гостя. Онъ: пустился: въ: разсказъ: здані-

винныя замѣчанія, которыя женщины умѣютъ дѣлать съ такою прелестью насчетъ тѣхъ, кого любятъ.

— Онъ немощно дикарь, сказала въключенно графиня Марія. Онъ несчастенъ душою, то есть, душа ему въ тягость, не знаетъ, бѣдный, что съ ней дѣлать и куда ее дѣвать, какъ все неразвращенные холостяки, которые до сорока лѣтъ сохранили душу.... это у мужчинъ — чрезвычайная рѣдкость. Въ люди, среди самаго полнаго вѣдуннаго благополучія, всегда гонится желаніемъ внутренняго, душевнаго счастья, хоты, обыкновенно, ему не вѣрять и не умѣютъ имъ пользоваться, когда оно представитъ.

— А онъ такой добрый, такой благородный! приговорила Анна, вдыхая слова. Онъ такъ достоинъ быть вполне счастливымъ, не только во вѣдунномъ мірѣ, но и въ своемъ внутреннемъ, въ которомъ только умная и нѣжная женщина можетъ развить настоящее блаженство! Ваша дружба, мамежка, должна приносить ему большое наслажденіе. Боже мой! чего не сдѣлала бы я для его удовольствія, для его счастья!... все, все на свѣтъ!...

— Ну! я полагаю, что въ твоей дружбѣ найдеть ему несравненно болѣе наслажденія чѣмъ въ моей, замѣтила мать, улыбаясь и призадумываясь.

О чемъ же она думала?... Читатели — читатели! я не боюсь, онъ понимаютъ дѣло — читатели: тотчасъ вообразить, будто, при этой готовности вълюбленной и восторженной дочери сдѣлать все на свѣтъ для его счастья, матери пришли въ голову какія-то странныя наслажденія — не то чтобъ лишнія — для счастья нѣтъ ничего лишняго — а, такъ сказать, не совсемъ правильныя въ дружбѣ. Такія мысли не могли никогда родиться въ умѣ опытной женщины. Она ничего не боялась, и если читатели боятся, то они, значитъ, не имѣютъ яснаго понятія о разницѣ между любовью и дружбою, о сущности той и другой. Дружба, самая настоящая дружба, можетъ существовать между

влюбленности это несомненно. Любить душою — лю-
 бить сердцем — любить головою — любить любовью —
 любить дружбою, это — такие пустые выражения, кот-
 торых и разбирать не стоит. Кто любит, тот лю-
 битъ, и всегда любит однимъ и тѣмъ же местомъ,
 головою, то есть, воображеніемъ, то есть, душою.
 Сердце, самый безчувственный мускулъ въ тѣлѣ, ни-
 чего ни любитъ, ни ненавидѣть не можетъ: оно совер-
 шенно связано съ головою, съ душою, съ воображе-
 ніемъ, во всемъ, что касается до приписываемыхъ ему
 ощущенийъ, желаній, чувствованій. Духъ души живетъ
 въ человѣкѣ: такъ и живетъ духъ способъ любить
 всею душою, какъ любить въ страстной любви или
 въ страстной дружбѣ. Обожаніе друга или обожаніе лю-
 бовица всегда и во всякомъ случаѣ — одинаковое состо-
 яніе души и, относительно къ чувству, между друж-
 бою и любовью нѣтъ различія ни на волосъ. Пламен-
 ная дружба, пламенная любовь — чувства совершенно
 тождественныя, все та же любовь. Но оно можетъ со-
 четаться, въ людяхъ вообще и въ женщинахъ въ осо-
 бенности, съ другимъ какимъ-нибудь чувствомъ, на-
 примѣръ, съ любопытствомъ. Исторически известно,
 что любовь, въ общепринятомъ значеніи этого слова,
 родилась изъ чистой любви-дружбы черезъ присо-
 единеніе къ ней любопытства. Это — фактъ. Онъ вѣ-
 ченъ и неизмѣненъ. Осмысливая на немъ, очень легко
 сдѣлать точное, простое и удивительно краткое опредѣле-
 ніе любви и дружбы двухъ половъ: любовь съ любо-
 пытствомъ, это — любовь; любовь безъ любопытства,
 это — дружба. Вотъ и все тутъ. Какое же любопыт-
 ства могло быть у женщины, давнымъ-давно вышедшей
 замужъ? Ясное, я не умю выразиться; но дѣло въ
 томъ, что за прекрасную Анну нечего было опасать-
 ся, и графиня Марія приадумалась советомъ о дру-
 гомъ. Она, просто, не знала, какъ сказать дочери объ
 одномъ весьма важномъ обстоятельстве, — не знала съ
 чего начать, — и, подумавъ немножко, начала такъ:

— Ты говоришь, мой друг, что все сделала бы для счастья; О счастье! оно и сама я давала размышляю: Его надо женить. Моего-спать-она думает, что, некоторым образом, я лишила его, счастья, что, без меня, ты была бы теперь его женою, а мне, что покойная твоя тетка, его прачечница, мне одной приписывала всю неудачу твоей, любви. Это неправедливо, какъ тебе самъ известно; и теперь бытъ онъ какъ дуракъ до сихъ поръ, и поэтому, я считаю себя какъ-бы обязанною стараться перъ заманить ему, давно потерянное счастье дружить, помыслъ, съживитъ. У меня состарился маленький мальчикъ. Мне хотѣлось бы вознаградить его за тебя, маленькимъ, прелестною, женщиною, умницею, милою, и которую между прочимъ, богатую... от которого ты скоро познакомишься и, я уверена, подружисься. Сюда пришла молодая вдова, Полина Ч^{ва}, племянница твоей покойной тетки. Ты извѣрно обь ей и не слышала: ее почти прямо изъ институтъ выдана замужъ за богатого человека, который получилъ ее замужкомъ. Это также — одно изъ немаловажныхъ достоинствъ. Подобныя вышколали ее отлично, она приобрѣла бытность въ счастье горести, и будетъ хорошая жена для человека, который захотитъ ее собою; а она въ ужасномъ восхищеніи отъ Валеріана. Она, притомъ, влюблена въ него. Хорошо, что ты пришла въ время. Если ты его такъ любишь и все готова сдѣлать для его счастья... и... разумеется... если найдешь сама, что Полина Ч^{ва} стоитъ его... ты можешь итъ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Ему непременно нужно женатися: онъ погибнетъ отъ скуки своей холостой жизни. — У... Во время этой мудрой рѣчи, лицо Анны постепенно измѣчалось, а при заключеніи она чуть не заплакала. Конечно, можно хотѣно все на свѣтъ сдѣлать для счастья обаятельнаго друга; но все же съ некоторыми ограничениями: напримѣръ, очень опасно отдаваться его счастию съ другомъ: Чужой другъ — женатый мужъ... —

особенно, мужчина только-что женившийся на молодой и прекрасной женщиной!.. Къ кому онъ гонится? Мужчины дѣталь-суть только и интересны, пока не женаты. Женись. Мистъ сегодня, завтра, вся женщины найдешь, что онъ истрасть безъ чувства, а что его дѣлаешь холода ужасны. Пригвозди, что Анна молчишь, какъ предвещуешь!

— Какъ ты объ этомъ думаешь, мой другъ?

— Я думаю, маленька, пока что ты, равнодушно смотришь Анна. Не лажу не знаю Полины Ч... Кто бы составилъ основательное мнѣніе о такомъ предметѣ, мнѣ нужно сперва наблюдать-ее... наблюдать-ее... Крижу. Если убѣдусь, что она дѣйствительно достойна его и можетъ сделать его счастливымъ... Проче-му смѣшить, добрая женщина? прибавляла она съ жадностью: время терпѣть. Позвольте сперва мнѣ, бедной, нѣсколько насладиться его обществомъ, не дѣлать вниманія его съ другой.

— О! это само-собою разумно! сказала графиня Марія, обнимая дочь, огорченную безъ указку... Я и не думала смѣшить. Посмотришь, увидишь, и дѣлать сына? Все здѣсь зависитъ отъ тебя.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ приходомъ детей. Анна, двухъ прелестныхъ малютокъ, отъ которыхъ графиня Марія пришла въ такое восхищеніе, что на долгое время забыла о всѣхъ своихъ планахъ. Анна, напротивъ, наблюдала въ смонъ, тревожномъ состояніи духа! Эти ветрчя, эти планы матери, въ благораву-ши которыхъ нелюб было не согласится, эта новая и неожиданная неизвѣстность насчетъ чувствованій и будущей судьбы любимата человека, растрепали ее совершенно! Съ Полиной Ч... повсаконилась она, какъ съ врагомъ, недоверчиво и со страхомъ; но вскоре увидѣла, что Полина фонсе не коварная и не опасная женщина, — милая, рзвая, стирвенная болтушка, шельмихой окрившая, — следовательно, недале-покидала и созданная для того, чтобы со управя-

ля другіе. Черезъ нѣсколько дней знакомства, Полина была уже въ рукахъ Анны, которую легкость этого завладѣнія значительно успокоила. Она убѣдилась, что эта женщина, въ нужномъ случаѣ, можетъ сдѣлаться сильнымъ орудіемъ ея воли и, при всѣхъ своихъ прелестяхъ, никогда не будетъ имѣть большой власти надъ умомъ Валеріана, по-крайней-мѣрѣ власти, вредной для бывшей его нещсты. Полина, даже, не угадала во-все настоящаго чувства Анны къ Валеріану, ни обрат-но. Она вѣрила, что все прошедшее давно кончено, ва-быто и невозвратно, — потому что сама неспособна была любить слишкомъ сильно и долго, — какъ и три четверти женщинъ, по-крайней-мѣрѣ, — или, если угод-но, какъ всѣ обыкновенныя женщины. Это зависитъ отъ большой нѣжности ихъ существа, простое слѣд-ствие которой — необыкновенная подвижность вообра-женія и неспособность его очень долго удерживать впечатлѣнія. Либихъ почти того мнѣнія, что женское воображеніе — некристаллизирующаяся жидкость въ без-прерывномъ броженіи. Буддійскіе мудрецы утвержда-ютъ, что мужчина созданъ Хормуздою изъ огня, а жен-щина изъ воды: подложи огонь подъ воду, она ки-пится, но продолжительнаго кипѣнія не можетъ вы-нести, — или испарится и улетитъ въ небеса, — или по-бѣжитъ черезъ край, потушитъ огонь, простынетъ, и прійдетъ снова въ совершенное спокойствіе, какъ-будто ни въ чемъ не бывала, до подложенія новаго огня. Огонь и вода — враги: оттого мужа и жены не могутъ жить въ согласіи. Эти нѣхристи все на свѣтѣ объясняютъ такимъ образомъ! Однако жъ, въ ихъ ученіи, есть одна дѣльная статья: огонь, говорятъ они, созданъ сіять, освѣщать, жечь, уничтожать и производить, словомъ, творить чудеса: обязанность его — нагрѣвать воду постоянно и такъ искусно, чтобы она всегда кипѣла въ ровной мѣ-рѣ, не испаряясь, и не проливаясь; тогда и огонь ве-села и вода въ восторгъ отъ него: любитъся на блескъ, и любитъ огонь. Когда вода посчастливится попасть

на такой отличный огонь, то она может кипеть до безмолвности. Взаключеніе, буддійскіе философы допускаютъ, — и нынѣшній Далай-лама написалъ объ этомъ книгу на Тибетскомъ языкѣ, — что между огнями, созданными Хормуздоу изъ своего дыханія, есть такіе дрянные огоньшки, которые ни свѣтятъ ни жгутъ; они — настоящее мученіе воды, однажды пришедшей съ ними въ прикосновеніе; бѣдная вода, немножко согрѣтая или по-немножку и неровно нагреваемая, такимъ ничтожнымъ, темнымъ огонькомъ, ни холодна ни кипитъ; всё надеется закипеть, всё ждетъ, что еще будетъ веселою, счастливою, и высыхаетъ до дна въ этомъ бесплодномъ стремленіи къ наслажденію. *Омъ маңи радма!* да сохранить великій Хормузда всякую свѣтлую и сладкую воду отъ подобнаго испытанія, потому что изъ воды и создано небо! говоритъ Далай-лама.

Но оставимъ въ покоѣ эти азіатскія умозрѣнія. Я долженъ сказать вамъ, что если положеніе Анны, въ первые дни пребыванія ея въ Вѣнѣ, было довольно мучительное, Валеріанъ тоже не наеждался отличною веселостью. Встрѣча съ Анной произвела въ немъ сильное сотрясеніе. Природная склонность къ уединенію и задумчивости всегда поддерживали въ душѣ его нѣжную память о той, которая своей красотой и своей любовью озарила его молодость. Онъ былъ увѣренъ, что другой такой женщины не встрѣтитъ на свѣтѣ и что любви для него уже не существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Анны, трудно было влюбиться въ другую женщину, такъ мало матеріальному какъ онъ. Жениться безъ любви онъ не хотѣлъ, находилъ это отвратительнымъ, и онъ рѣшился-было доживать вѣкъ въ холостомъ чинѣ. Въ минуты одиночества, скуки, душевнаго томленія, когда человекъ ищетъ въ мірѣ своего воображенія увлекательныхъ образовъ и забвенія настоящаго, образъ Анны являлся ему добровольно и, часто, при этихъ случаяхъ, трогательная слеза собиралась на глазахъ его: онъ чувствовалъ въ

сердце позволяюще привязанность къ несчастливой женщи-
нѣ, которая имѣла такое влияние на его судьбу,
думала объ ней съ признательностью и уваженіемъ,
сострадала къ ней несчастливой, любила зная все, что
до нея касалось, и истинно желала ей какого-нибудь
утѣшенія. Она была любимымъ предметомъ безъ спе-
съ Софій, съ которою онъ такъ часто рѣдился въ по-
слѣднее время! Тайное влеченіе къ Аннѣ обмѣнило его въ
Винн и съ графиней Маріей, хотя съ нею не могло быть
подобныхъ разговоровъ. Изъ этого видно, что, не будучи
влюбленнымъ въ давнопроникнувшаго невесту, онъ то-
же не переставалъ любить ее, даже любить очень дѣл-
но, и что въ душѣ ея были все приготовленія къ
тому, чтобы опять влюбиться при первомъ удобномъ слу-
чав. Эта бѣда съ нею и приключилась. Нѣсколько мѣ-
нута свиданій воскресили всю прежнюю страсть, и онъ
почувствовалъ себя несчастнымъ! Подобное увлеченіе,
въ положеніи Анны, не могло принести ему ничего хоро-
шаго: онъ зналъ это, и приходящій въ отчаяніе,
что не можетъ преодолѣть вѣломности и тѣ, которую уже
срединыя. Съвѣтъ графини Маріи и Фриблгунга къ ома-
рѣдѣніямъ Друнескаго соображеніемъ души казался ему
мудрымъ, и онъ рѣшился принять предложеніе: посел-
ленію, какъ единственное средство къ усможденію и
себя и Анны. «Не оставяйте сироты!» были послѣд-
нія слова матери. Вспомнивъ ихъ, Валериану, невольномъ
было и колебаться и колебаніе онъ самъ шопотомъ Аннѣ,
они безъ всякихъ обмѣновъ подали другъ другу ру-
ку, и черезъ пять минутъ были уже такіе друзья, какъ
и въ примѣру во всей древней исторіи. Это
«Завсѣ я хотѣлъ распространить о великомъ между
вѣдомостями» вопросъ, «Друзья» между лицами и душой
различныхъ половъ. Многи читательницы въ россіи
и читаютъ отъ меня полную диссертацию о такомъ
важномъ предметѣ. Что, сообразивъ подруга, дружица,
я не вижу, что чутъ можно сказать описанію послѣ
буддійскихъ мудрецовъ, которыхъ теорія о водѣ и янго

утверждена самим Далай-ламою, и после нашего опрелъденія любви и дружбы. Любовь безъ добротыства!... и, вѣдь, конецъ. Всякая любовь можетъ быть друбною, какъ скоро къ ней не примѣшивается добротыство, безпокойное чело воображенія, дытка и, кукла роду, челоувицкаго. Стрѣтъ только не, дарятъ, да и воображенію, — а въ, большей части случаевъ, это такъ, легко! — и, при любви, дружба готова. При дружбѣ, точно такъ же, готова, любовь, когда злой дукъ возбуждаетъ воображеніе, подстрекая добротыство. Въ рай, любовь была друбною, пока была, чистотою. Очистишь, немножко, любовь, такъ чтобы она, опять была друбною, каждые два челоувица, могутъ еще воссоздать, для себя, рай, на землѣ. Умныя женщины совершенна, правы, предпоицая, вробне, дружбу любви: чувство — та же; восторгъ, очарованіе, внутреннее, самоудовольствіе, сладкія вибраціи сочувствія, блаженство — та же; словомъ, настоящая любовь, безъ всѣхъ, неудобствъ и, тяжести, любви.

Но, полно, рассуждать. Приступимъ къ фактамъ. Ашиа и Валеріанъ, въ садахъ, своей, прекрасной, дружбы, были, счастливы, какъ въ, рай. Сколько, необыкновенныхъ, анимательныхъ, трогательныхъ, вещей, могли они, умно, и, живо, на, спонойно, различать, какъ, другъ, другу, изъ, исторіи, своего, сердца, и, своей, жизни! Благочестіе, рвѣхъ, добродѣтели, бесла, было, для, нихъ, неродоуимо, и, въ, землѣ, на, свѣтъ. Каждый, изъ, двухъ, принималъ, и, живѣйшее, участие, во, всемъ, что, касалось, другаго, былъ, самымъ, понятливый, того, слушателемъ, самымъ, милымъ, для, него, разсказчикомъ, самымъ, гордымъ, угадчикомъ, его, мыслей, самымъ, точнымъ, предвидѣлемъ, его, желаній, нужды, и, удовольствій. Почему, же, это, не, рай!.. Прибавьте, что, какъ, свидѣнія, изъ, прианій, не, были, ли, слишкомъ, часты, и, самымъ, продолжительны, и, то, вѣтъ, и, въ, немъ, и, не, было, ни, какой, другой, видоугла: а, Турчи, вѣтъ, и, это, земной, рай, со, всеми, своими, волшебствами, съ, и

бовью, со счастьемъ, съ кейфомъ, исчезъ отъ перваго зѣвка!

Счастье Анны, однако жъ, не было совсѣмъ безоблачно. Самъ Валеріанъ нагналъ на него тучу. Графиня Марія требовала отъ него совѣту насчетъ мѣръ, которыя надлежало принять, чтобы обезпечить Анну отъ возвращенія къ ней Эдуарда со срамомъ и долгами, и Валеріанъ, привыкшій брать все приступомъ, рѣшилъ, что надо просить о разводѣ: законные поводы были въ ея пользу; Эдуардъ бросилъ жену, не давая о себѣ знать, ведетъ жизнь неприличную, подаетъ соблазны. По мнѣнію Валеріана, эти поводы следовало употребить въ дѣло безъ отлагательства, потому что она исчезнуть, если мужъ вдругъ проиграется и будетъ принужденъ искать у жены прибѣжища. Валеріанъ настаивалъ на разводѣ. Но время темло, графиня говорила что ей нужно постепенно приготовить дочь къ такой важной мѣрѣ, и прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ безъ всякаго рѣшенія. Одна мысль объ этомъ ужасала Анну: она не хотѣла отнять отца у своихъ дѣтей, не хотѣла замѣнать опасный семейственный примѣръ дочери, опасалась быть принужденною, при разводѣ, выдать своего сына безнравственному отцу, будучи уверена что онъ непременно потребууетъ своего любимаго. Графиня Марія совсѣмъ не была противницею разводу; хотъ почитала эту крайность болшимъ несчастіемъ для семейства: она наконецъ дала уразумѣть дочери, что когда Валеріанъ такъ горячо желаетъ волиго ея освобожденія, то онъ вѣроятно готовъ самъ на ней жениться. Этихъ словъ было достаточно чтобы произвести страшную бурю въ душѣ бѣдной Анны. Должна ли она еще разъ отказаться отъ единственнаго въ мѣръ счастья — для дѣтей — для своего долга — для самого Валеріана? Съ дѣтьми и съ долгомъ можно бы какъ-нибудь справиться, но существующимъ на подобный случай примѣрамъ. Она не перестанетъ быть для нихъ образцовою матерью. Въ знаменитомъ свѣдѣнн отчизн они и

ли бы и лучший примѣръ и вѣрнѣйшую опору, чѣмъ въ такомъ отцѣ какъ Эдуардъ или чѣмъ въ покинутой, незащитной матери. Но Валеріанъ?... Онъ, конечно, изъ любви къ ней, приметъ чужихъ дѣтей великодушно и будетъ имъ нѣжнымъ отцомъ: но не обременять ли они его?..... онъ не богатъ; слава далеко не увеличила его состоянія..... будетъ ли онъ счастливъ съ этою прибавкою заботъ? не огорчатъ ли эти дѣти его когда-нибудь своимъ поведеніемъ? не станутъ ли со-временемъ ненавидѣть собственныхъ его дѣтей, не внесутъ ли въ домъ неудовольствій, завистей, раздоровъ?.... О! отказаться слишкомъ трудно! Но согласиться не легко для совѣстливо любящей души, которая чувствуетъ всю обширность своихъ нравственныхъ обязанностей. Анна провела нѣсколько дней въ самомъ мучительномъ бореніи съ самой собою: она плакала, впадала въ отчаяніе, и даже мудрость матери не могла тутъ ничего помочь; напротивъ, еще увеличивала пытку, потому что графиня Марія, взамѣнъ каждой важной невыгоды, находила по два десятка маленькихъ, но весьма пріятныхъ выгодъ въ послѣдованіи совѣту Валеріана. Нѣсколько дней сряду была она грустна и молчалива въ его присутствіи, и онъ тщетно старался вывѣдать причину этого состоянія. Но, однажды, когда имъ удалось провести весь вечеръ безъ свидѣтелей—втроемъ—онъ, она, и дружба—въ этотъ длинный какъ книга, короткій какъ счастье вечеръ, который остался незабвеннымъ въ лѣтописи человѣческаго сердца, — словомъ, однажды, когда Анна вышла къ нему съ заплаканными глазами и съ блѣднымъ лицомъ, измученнымъ бессонницею, онъ, отъ имени дружбы и всего что для нихъ было свято, потребовалъ доставить доказательство полной и безусловной довѣренности, заклиная ее спокойствіемъ всей своей жизни.

— Хорошо, сказала она: я ничего не утаю, но эта

откровенность будетъ послѣднимъ роковымъ приговоромъ всему моему счастью.

— Что вы это говорите, мой добрый другъ? вскричалъ встревоженный Валеріанъ, судорожно схвативъ ея руку. Во мнѣ ли вы сомнѣваетесь?

— О! нѣтъ! Напротивъ, все горе въ томъ, что я не могу въ васъ сомнѣваться.

— Такъ горя для васъ нѣтъ ни какого, пока я живъ. Говорите теперь все. Я за все отвѣчаю. Я теперь ужъ не отстану. Вы молчите?.... Такъ стойте же: я понимаю, что для васъ трудно произнести первое слово. Лучше, стану говорить я за васъ. Вы озабочены моимъ настойчивымъ предложеніемъ развестись съ вашимъ недостойнымъ мужемъ?

— Вы этого желаете непременно?

— Непременно, нѣтъ; но если вы меня любите,

— Если я васъ люблю! Такъ это ужъ не советъ друга, а приговоръ судьбы? Мнѣ остается только слѣпо повиноваться?

— Какъ-скоро это слово — для васъ судьба, то покоритесь ему какъ судьбѣ. На этотъ разъ, особенно когда мы сами пріймемъ дѣлать для себя судьбу, судьба можетъ-статься будетъ благосклоннѣе и справедливѣе къ намъ обоимъ.

— Великодушный человекъ! сказала Анна, устремляя на него свои чудесные глаза, покрытые блестящею слезою страсти, признательности и печали: вы хотите дать пристанище любви и блаженства женщины обезславленной, покинутой, преслѣдуемой; существу предназначенному быть всегда....

— Не употребляйте этихъ словъ со мною, Анна! съ ужасомъ возразилъ Валеріанъ. Вы для меня, до-сихъ-поръ, та же, безъ всякихъ замѣнній, какою были, когда я васъ оставилъ.... когда вы меня отвергли....

— Для вашего же блага....

— Согласенъ. Но вы видите, что я исправился. Я теперь.... не малодушный.

— Но..... зато,.... жестокий, замѣтила она, прелестно улыбаясь.

— Да еще и злопамятный, прибавьте, примолвилъ Валеріанъ весело: ничего не забыть!.... даже того какъ вы удивительны, какъ прекрасны.... и умомъ, и сердцемъ, и всѣмъ, какъ невыразимо можно быть счастливымъ съ вами.

— Счастливымъ!.... со мною!.... грустно повторила она, съ выраженіемъ горькаго сомнѣнія.

— Что это значитъ, Анна? вскричалъ встревоженный Валеріанъ. Неужели, если бы вы были теперь свободны, вы отвергли бы меня во второй разъ?

Несчастная женщина зарыдала и, упавъ къ нему на грудь почти безъ чувствъ, произнесла тихо, едва внятнымъ, голосомъ:

— Отвергла бы,....

Валеріанъ былъ пораженъ какъ громомъ. Изумленный, дрожа и обливаясь холоднымъ потомъ, онъ употреблялъ всѣ усилія дружбы, нежности, участія, чтобы успокоить ее и получить объясненіе этого страшнаго слова. Но она, задыхаясь отъ плачу, говорила только: «Для вашего счастья!.... потому что слишкомъ люблю васъ!.... не помрачу такой прекрасной жизни!.... умру.... простите меня!» Бѣдный отверженный плакалъ вмѣстѣ съ нею, цѣлуя голову своего убійцы, прижимая друга къ сердцу, и не понимая, за что получилъ отъ него новый ударъ. Наконецъ, Анна пришла постепенно въ себя и могла отвѣчать на его вопросы.

— Ваша маменька вчера еще говорила мнѣ, что вы согласны на разводъ?

— Если нужно.... я буду просить о разводѣ.... но что жъ изъ этого?.... вы сожалѣли бы потому сами, что подали мнѣ такой совѣтъ.

— Я не могу сожалѣть ни въ какомъ случаѣ, потому что не могъ подавать его иначе какъ только съ цѣлью, которая не терпитъ двухъ поясненій, выходя изъ устъ

человѣка, благороднаго и постигающаго всю важность такого совѣту.... и которую вы должны были понять тотчасъ.

— Я поняла.... сначала, не хотѣла вѣрить сама своему счастью.... такъ оно велико!... мысленно поцѣловала ваши руки изъ благодарности.... но я поняла также.... О! мой другъ! когда вы нашли меня сегодня въ такомъ разстроенномъ и жалкомъ видѣ, это значило, что я вполне измѣрила бездну моихъ несчастій и, въ отчаяніи, прорыдала цѣлую ночь, сообразивъ все и убѣдясь окончательно, что не могу составить вашего счастья.... что цѣной вашего покою я не должна покупать для себя блаженства....

— Моего покою?.... Я не вижу, чѣмъ тутъ мой покой нарушится такъ жестоко? Я, слава Богу, не ребенокъ, и знаю, что кто желаетъ имѣть жену, тотъ долженъ немножко побезпокоиться, а кому небо пошлетъ такую жену какъ вы, тотъ и очень можетъ подвергнуть себя нѣкоторымъ безпокойствіямъ: онъ слишкомъ щедро награжденъ за нихъ впередъ.... Вы, конечно, говорите о своихъ дѣтяхъ; о томъ, что они не слишкомъ богаты и, вѣроятно, будутъ бѣдны, потому что большую часть ихъ имѣнія придется уступить отцу ихъ для полученія разводу; о томъ, что мое состояніе также невелико, а я, по любви къ вамъ, захочу воспитать, содержать и пристроить ихъ прилично званію ихъ матери и моему наравнѣ съ..... прочими..... (Поцѣлуй въ ручку) что это можетъ мнѣ быть въ тягость..... Не бойтесь, милая Анна: я не пропаду. Богатымъ я никогда не буду, потому что не къ тому стремлюсь, да и не умѣю стремиться: различіе въ состояніяхъ, у вашихъ и нашихъ дѣтей, не могло бъ быть поводовъ къ взаимной зависти; всѣ они были бы равно богаты — богаты честною умѣренностью и нашею любовью.

— Благодарю васъ, добрый другъ. Я была въ томъ увѣрена. Но не то хотѣла я сказать, хотя много размышляла о нашихъ общихъ средствахъ. Я знала

напередъ, что передъ такого роду затрудненіями ваше великодушіе и ваша любовь не останются, и это — послѣдняя статья, на которую желала я обратить ваше вниманіе. Не станемъ говорить объ ней: лишніа издержки могла бы я вознаграждать вамъ порядкомъ, заботливостью, попеченіями о домѣ. Даже трудъ, если бы онъ былъ нуженъ, не страшенъ для меня: я уже была въ нищетѣ. Но есть другія, гораздо важнѣйшія уваженія, которыхъ моя любовь не можетъ упустить изъ виду. Выслушайте меня.

— Слушаю, сказалъ Валеріанъ уныло.

— Я опасная женщина.

— Ужасно!

— Не шутите. Мое лицо злобщее.

— Вотъ этого я и не примѣтилъ! Въ самомъ дѣлѣ?....

Позвольте взглянуть.....

Онъ вдругъ посмотрѣлъ ей въ глаза такимъ выразительнымъ, такимъ свѣтлымъ и умнымъ взоромъ любви, удивленія, восторгу, что она затрепетала отъ сладости, потеряла память, и опустила голову на его плечо. Дыханіе сперлось въ груди. Она не могла говорить. Валеріанъ съ жаромъ цѣловалъ ея руку.

— Злобцаго рѣшительно ничего нѣтъ, произнесъ онъ спокойно, заключеніе.

Анна молчала.

— Кромѣ красоты, похвалы которой вамъ уже наскучили, я не вижу въ лицѣ вашемъ.....

— Не смотрите на меня такъ, въ другой разъ, прервала она тихимъ, полнымъ нѣги голосомъ: я не выдержу, и сдѣлаю васъ несчастнымъ.....

— И безъ того уже вы дѣлали меня довольно несчастнымъ.

Она вздохнула.

— Хуже настоящаго быть не можетъ, примолвилъ онъ печально.

— О! не говорите! въ тысячу разъ можетъ быть хуже! сказала она, вдругъ опомнившись. Какъ, кромѣ красо-

ты, вы въ лицѣ моемъ ничего не видите?... Если еще остался какой-нибудь слѣдъ ея, онъ долженъ быть мнѣ дорогъ, потому что это—слѣдъ того, чѣмъ я некогда обратила на себя ваше вниманіе. Но я васъ увѣряю, что въ моемъ лицѣ есть что-то недоброе: оно привлекаетъ бѣду изъ-подъ земли, какъ магнитъ—железо. За мною слѣдуютъ несчастія всюду, куда я ни повернусь. Домъ, въ которомъ я живу, уже означаетъ пальцемъ рока. Не придумаешь, откуда берутся мерзости, ужасныя исторіи, клевета, гоненія, горе.....

— Вы слишкомъ много страдали отъ злобы и глупости людей за свою удивительную, идеальную красоту, замѣтилъ Валеріанъ, и поэтому вамъ кажется.....

— А вы ни сколько не страдали отъ нихъ же за свой необыкновенный умъ, за свой геній? съ живостью прервала она. Можете ли сказать, что и теперь не страдаете по той же причинѣ? что вы не окружены враждою? что подъ вами не роется зависть и клевета? что посредственность не составляетъ противъ васъ во мракъ кововъ и заговоровъ?

Валеріанъ вздохнулъ въ свою очередь, не отвѣтивъ ни малѣйшаго слова.

— Нѣтъ, мой единственный, несравненный другъ! продолжала она съ глубокимъ и живымъ чувствомъ. Я не присовокуплю моего горя къ вашему, чтобы вы страдали вдвойнѣ. Я — женщина обезславленная: не запятнаю вашего порогу моею нечистой ногой, не сваю на ваше прекрасное имя всей грязи, которую люди набросали на мое, не сдѣлаю васъ предметомъ насмѣшекъ для легкомысленности за покровъ, который вы распрострете надо мною, не уменьшу собою уваженія, которымъ вамъ обязаны даже и враги ваши. Вокругъ меня кипятъ вражды, ненависти, мщенія: хотите ли, чтобы я принесла вамъ ихъ въ приданое? чтобы я, которая люблю васъ въ тысячу разъ болѣе себя, ставлю выше всего въ мѣрѣ, обожжаю, добровольно повергла мой идолъ въ подлую борьбу съ ними? чтобы васъ преслѣдо-

вали еще и за меня? чтобы даже на васъ указывали пальцами за то блаженство, которое вы мнѣ подарите? Нѣтъ, нѣтъ, я не достойна быть вашей женою!.... теперь ужъ не достойна!.... Вамъ нужно чистое имя, которое было бы подъ пару вашему. Мое слишкомъ затаскано безсовѣстною наглостью людей.....

Она горько заплакала. Валеріанъ тихо жаль ея руку и смотрѣлъ на нее съ глубокимъ соболезнованіемъ. Онъ не смѣлъ говорить изъ уваженія къ ея добродѣтельной и святой горести.

— Ахъ, мой другъ! сказала она утирая слезы: кто столько перенесъ въ жизни за то, что вы у меня называете красотою, тотъ долженъ подумать дважды, прежде чѣмъ отдастъ себя любимому человеку — и еще какъ любимому!.... Помните ли ваше прекрасное и поэтическое сравненіе, которое меня такъ восхищало, сравненіе большой женской красоты съ большимъ мужскимъ гениемъ? Оно, можетъ-быть, справедливо; эти двѣ вещи очень сходны между собою: но какая, въ то же время, ужасная разница между ними! Ваше геній мощенъ, силенъ; наша красота — слаба и беззащитна. Тотъ производитъ все благое на землѣ; другая разсѣваетъ только зло и горе какъ изъ Пандориной ящички — куда ни ступить ногой, новый гробъ растетъ — какъ подъ ногами Чумы поэта — гдѣ ни мелькнетъ, кипятъ все звѣрскія страсти, вспыхиваютъ раздоры, увядаетъ счастье. Я понимаю, какимъ образомъ многіе народы некогда сочли женщину серіозно началомъ зла: они думали о женщинѣ какъ о представительницѣ идеальной красоты. Страшный даръ для такого пѣжнаго существа какъ женщина! Пагубная игрушка! Всякое дыханіе падаетъ на блескъ ея ѣдкимъ пятномъ. Человекъ носить для ней въ сердце только..... сумасбродное обожаніе и остервененіе разъяреннаго тигра. О! сколько я вытерпѣла за нее! сколько бѣдствій разлила она вокругъ меня? Да и что принесла она мнѣ въ супружествѣ? Эдуардъ глушь, это правда: но я чувствую сама, что большую

часть его глупостей вызвала моя несчастная красота, усиливъ и подстрекая его тщеславіе. Для полноты моего униженія недоставало только того, чтобы эта красота встрѣтила срамъ въ той самой оградѣ, которая должна была служить ей защитою, въ нѣдрахъ самаго брака. Судьба не забыла послать мнѣ и это. Повѣрите ли?... вамъ могу я открыть то, чего не смѣю сказать родной матери..... повѣрите ли, что мой мужъ..... дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу при одномъ воспоминаніи о такой низости..... что когда мечты его самолюбія стали оказываться пустымъ дымомъ, когда надежды его были одна за другой обмануты, онъ вдался въ искушеніе употребить мою красоту орудіемъ къ своему возвышенію и запуталъ-было меня въ такія сѣти, изъ которыхъ я едва спаслась; примѣтивъ погибель уже на краю ея.....

— Мерзавецъ! подумалъ Валеріанъ, съ негодованіемъ, между-тѣмъ какъ Анна продолжала:

— Съ той минуты между нами все было кончено. Я гнушалась его какъ гада, и можете быть увѣрены, что теперь, когда, къ счастью, собственная вѣтренность этого ужаснаго человѣка унесла его отъ меня, никогда рука моя не коснется его руки, никогда взоръ такого мужа не упадетъ на то бессильное но гордое чело, которое онъ собирался помазать срамомъ въ пользу своего честолюбія. Я чувствую къ нему омерзеніе!... О прочихъ его поступкахъ не говорю: я забыла ихъ въ презрѣніи, котораго они заслуживаютъ. Таковы были для меня, въ бракъ, выгоды той красоты, которую столько женщинъ легкомысленно мнѣ завидовало. Кончились ли мои несчастія? Достигла ли я уже предѣла мученій, которыя она доселѣ мнѣ причиняла? О! далеко нѣтъ! Вражды, ненависти, мщенія, не утихнутъ, когда уже и слѣда яблока раздору не станетъ: они слишкомъ глубоки и слишкомъ многочисленны. Гоненіе пойдетъ еще и за моимъ гробомъ на кладбище: самолюбія злопамятны; легкомысленность всегда дѣ-

ательна. Я знаю что меня ждетъ! Мои дѣти, для которыхъ я только и дышу воздухомъ, будутъ меня стыдиться и ненавидѣть: клевета и преслѣдованіе допоздуть до нихъ подъ личиною участія, мои палачи взбунтуютъ ихъ противъ меня, самъ отецъ ихъ, а когда отца не станетъ, то его родственники, друзья, товарищи разврату, научатъ ихъ быть моими злодѣями, помогутъ имъ обременить меня упреками и огорченіями, исторгнуть предназначенное имъ имѣніе изъ моихъ рукъ, довести мать до униженія и нищенства. Моя дочь, эта милая крошка, которую вы такъ любите, но, которой, какъ кажется, не суждено быть красавицей, уже и теперь меня не любитъ: ни какими нѣжностями я не могу внушить ей привязанности къ себѣ. Вижу ясно, что въ ней растетъ—первый и самый опасный врагъ мнѣ. О! я это предчувствую—послѣднія слезы моей жизни будутъ слезы матери, растерзанной неблагодарностью дѣтей..... Могу ли я принять васъ, моего ангела, въ долю по такой печальной будущности? Смѣю ли ввести въ вашъ домъ, среди вашихъ добрыхъ дѣтей, такое опасное прибавленіе къ семейству, каковы дѣти Эдуарда? Какой подадутъ они примѣръ тѣмъ, которыхъ Богъ дастъ нашей любви? какое доставятъ вамъ утѣшеніе? Охъ!... умоляю!... прогоните меня отъ себя? оставьте мнѣ одной нести крестъ, къ которому я приговорена судьбою! не берите его на свои невинныя плеча: на немъ постыдная и мучительная гибель! Я—несчастіе, Валеріанъ! не дотрогивайся до меня! оттолкни меня отъ себя!... я не въ силахъ отстать сама.... оттолкни!

Валеріанъ, напротивъ, крѣпко прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ самыя губки, на которыя изъ глазъ его упали двѣ крупныя слезы. Анна совсѣмъ и не защищалась. Отъ чего жъ тутъ защищаться!... Онъ хотѣлъ что-то сказать. Она закрыла ему ротъ своей чудесной ручкою. Онъ поцѣловалъ и это.

— Не говорите!... Я не въ силахъ.... Я совершенно

въ вашей власти. Вамъ стóитъ только протянуть руку и взять меня: но, заклинаю васъ, не берите!... Не говорите, не говорите ни слова! Не хочу слушать! Голова и безъ того ходитъ у меня кругомъ. Скажете слово, и я... погублю васъ! Позвольте мнѣ, свѣтлая звѣзда моя, изъ-дали обожать васъ и молиться о вашемъ спокойствіи: для меня и это—слишкомъ много счастья! Подарите мнѣ навсегда свою дружбу. Она моя—честь, мой рай на всю остальную жизнь. Дайте мнѣ слово, что о другомъ никогда не упомянете.... что откажете мнѣ, если бы я, быть-можетъ, завтра стала предлагать вамъ сама.... потому что я за себя не отвѣчаю! Придетъ ночь, я опять проплачу до утра: знаю, что буду въ отчаяніи, буду сожалѣть.... но я полагаюсь на вашу твердость.... Не правда ли, мы навсегда, навсегда, останемся друзьями?

Валеріанъ, въ отвѣтъ, осыпалъ ея руку кругомъ поцѣлуями, для того чтобы скрыть свою улыбку и не говорить, пока она совсѣмъ не успокоится. Этой улыбки Анна не примѣтила, и, среди ласкъ, продолжала уже небрежнымъ тономъ, съ очаровательною беззаботностью самаго дружескаго изліянія души, тихимъ и спокойнымъ голосомъ, какъ-будто бы изнемогала отъ наслажденія и болтала только для потѣхи:

— Друзьями! Я такъ свободно говорю объ этомъ великомъ счастьи, какъ-будто родилась не подъ своей звѣздою. А я знаю, что лишусь и его! Даже предчувствую, что лишусь вашей сладкой дружбы по какому-то ужасному случаю. Всѣ мои несчастія я предчувствовала за долгое время; этотъ зловѣщій даръ—ужаснѣйшее изъ моихъ мученій. Кассандра—не басня. Я вѣрю, что она существовала, и многія женщины, судя по себѣ, должны вѣрить подобно мнѣ. Когда одна и та же мысль, обыкновенно печальная, станетъ возвращаться періодически, въ извѣстное время, это у меня—вѣрный признакъ, что она сбудется. Давно ли я въ Видѣ?... Сама не помню... Кажется, третій или четвертый мѣсяць?

Это время, благодаря вамъ, мой добрый другъ, пролетѣло для меня какъ молнія, въ упоеніи и радости, какихъ я никогда не ощущала. Я даже и Вѣны не привѣтила. А между-тѣмъ Вѣна уже привѣтила меня! Никуда не ѣзжу, ни съ кѣмъ не знакома, видѣли меня всего только два или три раза на гуляньѣ въ Пратеръ, и уже все знаютъ обо мнѣ, уже что-то такое говорить.... сестра не хочетъ сказать, что.... Не то ли, что недавно видѣла я во снѣ? Поздно вечеромъ, послѣ того какъ вы ушли.... мы въ тотъ вечеръ много говорили съ вами о сладостяхъ нашей дружбы.... когда я лежала спать, мнѣ отдали съ почты письмо, изъ нашего отечества, отъ одной моей знакомки. Я начала читать. У меня вдругъ зарябило въ глазахъ: все цвѣта радуги замелькали на бумагѣ, и каждое слово казалось написаннымъ другими чернилами. Въ третьей строчкѣ было слово «дружба»: буквы его все явились мнѣ красными. Я не могла дочитать до конца, бросила письмо и потушила свѣчи. Во снѣ я увидѣла, будто читаю это письмо и знакомка моя пишетъ, что она знаетъ все: въ Вѣнѣ мнѣ очень весело, я открыто живу съ любовникомъ, именно, съ вами, и повѣдка моя къ Катери—вещь условленная; мы заранѣе согласились съѣхать съ вами здѣсь, у маменьки, которая потворствуетъ нашей интригѣ, а мужу дали денегъ и отправили бѣдняжку въ Парижъ. Я проснулась въ испугѣ, съ глазами въ слезахъ. Уже было свѣтло въ комнатѣ. Въ письмѣ, сколько я помнила, не упоминалось ничего подобнаго. Мнѣ тотчасъ вспало на мысль, что это, вѣрно, та самая исторія, которой Катенька не хочетъ сказать.... та, которую теперь рассказываютъ въ Вѣнѣ. Со мной другихъ и не бываетъ!... Мигомъ сочинять цѣлый романъ глупостей, и такъ хорошо подберутъ обстоятельства, что, не въ добрый часъ, можно самой на себя всему повѣрить. Я взяла письмо: у меня снова начало рябитъ въ глазахъ, и то же самое слово «дружба» блистало предъ мной краснымъ.... ка-

кого-то кроваваго отливу. Съ трудомъ могла я прочитывать его до конца. Вижу, вздоръ! въ письмѣ и поминуть нѣтъ о нашей интригѣ!..... Бьюсь объ закладъ, что это — Катенькина исторія! Не хочу только спрашивать, потому что заботливая сестрица ничего не можетъ рассказать, чтобъ не прибавить своихъ мыльных замчаній, которыя всегда злѣе самой злобы и огорчаютъ меня болѣе чѣмъ клевета постороннихъ. Объ исторіи я скоро забыла; но эти кровавыя буквы слова «дружба» поразили меня съ тѣхъ норъ тягостнымъ предчувствіемъ, неотвязною мыслью о крови, которая, вотъ уже третій разъ предстаетъ передъ меня первая поутру, когда я просыпаюсь. Во снѣ являються мнѣ гробы, кладбища, мертвыя головы. Я вижу несчастье! У меня отнимутъ твою дружбу. Я погибну.... Addio, mio dolce bene!

Она произнесла эти послѣднія слова такъ хладнокровно, съ такимъ страшнымъ спокойствіемъ, что Валеріанъ ужаснулся. Рука его случайно коснулась ея лица, брошеннаго небрежно на подушку оттомана: уши, лобъ и носъ Анны были холодны какъ ледъ, изъ глазъ, неподвижно устремленныхъ въ потолокъ, тихо текли слезы, блѣдная кожа щекъ мерцала мелкими каплями росы, какъ, въ утреннее время, поверхность мраморной статуи. Въ этомъ состояніи болѣзненнаго раздраженія, при классической, истинно художественной красотѣ всѣхъ чертъ и формъ, она дѣйствительно походила на Праксителиву статую прорицающей Кассандры, — если только искусство можетъ состязаться съ природою въ осуществленіи типовъ совершенства. Рука Валеріана прошла по ея лицу и шеѣ: она не чувствовала этого и, не перемѣняя положенія, продолжала, въ забытьѣ:

— Бѣгите меня!....

• Per me si va nella città dolente,
Per me si va nel eterno dolore..... *.

* Черезъ меня — дорога во градъ скорбій! Черезъ меня — дорога въ печаль безконечную! Начало надписи на воротахъ ада, у Данте.

Валеріанъ вскочилъ съ своего мѣста, приподнялъ голову одной рукою и, обвинивъ другою плечи, посадилъ Анну прямо.

— Ну, теперь ужъ полно! сказалъ онъ, крѣпко поцѣловавъ своего страшнаго друга: видите, я до-сихъ-поръ не прерывалъ васъ, слушалъ со вниманіемъ; сердце у меня разрывалось, но я молчалъ, благоговѣя передъ вашею святою скорбью и удивляясь красотамъ вашей души. Далѣе слушать не хочу. Вы больны, ваши нервы сильно разстроены, воображеніе доведено страданіемъ до страшнаго напряженія воспримчивости. Вамъ надо успокоиться.

Она безчувственно посмотрѣла на Валеріана. Потомъ глаза ея вдругъ заблестали любовью, она бросилась къ нему на шею, судорожно прижалась къ груди и вскричала:

— Ахъ! я съ ума сойду!.....

Спустя минуту, руки ея добровольно упали и она снова погрузилась въ нервическое изнеможеніе.

— Развеселись, мой чудесный другъ, нѣжно говорилъ ей Валеріанъ: перестань думать о прошедшемъ, брось эти мрачныя мысли, эти предчувствія, всѣ эти горькія наслажденія отчаянія; имѣй болѣе упованія на конечное торжество блага и добродѣтели, и не говори мнѣ впередъ такихъ вещей: я не стану ихъ слушать.... Сегодня я не хочу объясняться съ тобой: ты, бѣдная моя Анна, не въ такомъ положеніи, чтобы.....

— Не брани меня!.... прервала она тихимъ голосомъ. Въдъ ты требовалъ отъ меня полной довѣренности.... безусловной откровенности.... я открыла тебѣ всю мою душу.... всю.... Въ ней темно и страшно: не правда ли?.... Хочешь на мнѣ жениться: такъ долженъ знать что я за женщина!.... Намопившаяся здѣсь.... (Она положила руку его на своемъ сердцѣ).... горечь обиды разлилась по всему существу моему.... Я ужасно перемѣнилась: теперь во мнѣ не узнаешь своей Анны-

нервѣсты!.... Гдѣ то время? Какъ теперь къ нему воротиться?....

— Не бойся, мой добрый ангелъ, воротимся, воротится и то время, само, будешь еще весела, будешь еще блаженствовать и благодарить Бога за жизнь, которая теперь представляется тебѣ бременемъ: я.... отвѣчаю за твое счастье. Только не плачь сегодня ночью; усни спокойно, съ моей любовью, а завтра прійдутъ другія мысли, и все устроится....

— Едва-ли!

— Я.... говорю, что все устроится. Въ израженномъ состояніи души, тебѣ нельзя вѣрно судить о вещахъ, слишкомъ близко касающихся сердца. Огорченію всегда преувеличиваетъ. Ты должна слушаться меня, исполнять, что я скажу: я смотрю на все съ болѣе хладнокровіемъ. Общаешь слушаться лучшаго своего друга?

— Не бери меня! вскричала она, сильно сжать его руку.

— Возьму!... ты принадлежишь мнѣ,.... одному мнѣ! отвѣчалъ Валеріанъ съ нѣжною твердостью.

— Будешь сожалѣть!

— Это ужъ мое дѣло.

— Люди задяты тебя за меня!

— Я теперь умѣю бить людей.

— Но сама я—несчастіе!.... я—начало ада!.... Страшись меня!

— Я не боюсь несчастія. Уже имѣлъ я честь сказать тебѣ, что теперь я не—малодушный.

— Но я была бы малодушна, если бы, ватренетая теперь передъ своимъ горамъ, съ которыми такъ долго боролась, принесла тебя въ жертву ему, чтобы уничтожить губителя.

— Твоей избранный полъ застрахованъ у природы, и убыткамъ отъ малодушія не подвергается: оно, напротивъ, одна изъ самыхъ могущественныхъ предостерѣній «слабости, которую ведутъ женщины».

— Такъ дѣлай со мной что хочешь, злой волшебникъ! сказала она, увлекаемая безъ сопротивленія страстными объятіями возраждающагося изъ пеплу жениха. Тебѣ одному знать. Я — твоя, всегда сердцемъ и душой принадлежала тебѣ. Спаси меня, если можешь.... если еще возможно.

— Не думай ни объ чемъ, милая Анна! говорилъ онъ съ жаромъ, вѣя себя отъ радости: ввѣрься моей защитѣ! полагайся на силу моей любви! Этимъ тализманомъ, и злой взоръ завистника оттолкнется отъ твоего жилища и голова твоя закроется отъ всѣхъ стрѣлъ горя. Мы будемъ счастливы!... невыразимо счастливы!....

И такъ далѣе. Очень длинно.

Полчаса спустя, голова Анны снова покоилась на подушкѣ дивана, прелестно откинутаая назадъ; вѣки были спущены; правая рука играла волосами Валеріана, который, сидя въ низкихъ креслахъ возлѣ, глядѣлъ и цѣловалъ лѣвую. Анна говорила:

— Странное дѣйствіе восторженнаго блаженства! Душа, кажется, тонетъ, тонетъ, въ сладости и сонъ разливается по всему тѣлу..... Тишь послѣ бури..... Не могу раскрыть глазъ.... и все передо мною такъ свѣтло, такъ ясно!.... Нѣтъ, я такого сильнаго счастья не вынесу. Я такъ счастлива, такъ счастлива, что непремѣнно заплачѣ за эти минуты высокаго наслажденія какою-нибудь жестокою потерей.... О! если бѣ гроза обрушилась только на меня и миновала твою драгоценную голову!... Милый мой воскреситель! останься друзьями.... Не спиши: подумай хорошенько обо всемъ, что я говорила, возьми срокъ, тогда мнѣ скажешь, и я все исполню по твоему рѣшенію. Нето, я тебѣ объявляю.....

— Анна, ты опять принимаешься за свое! съ живостью перебилъ Валеріанъ, Что это значитъ? Давно ли дала ты свое согласіе? давно ли осчастливила?.... а теперь....

— Развѣ я дала мое согласіе?

— Да какъ же!

— Нѣтъ, согласія я не давала, не дамъ. Я предоставила все твоей волѣ. Бери меня насильно. Хочешь бѣды?... бери самъ!... я не даю, буду защищаться... среди самаго блаженства.... Ахъ! какъ мнѣ сладко!... не дамся!

— Знаешь, мой прекрасный другъ, что ты теперь дѣлаешь? замѣтилъ Валеріанъ, стараясь казаться веселымъ: какъ это называется въ прозаическомъ языкѣ людей?

— Что такое?

— Да то, что ты дѣлаешь!

— Что жъ я дѣлаю особеннаго?

— Капризы, мой ангелъ.

— А въ самомъ дѣлѣ: можетъ, это и капризы?

— Чистѣйшіе!... увѣряю тебя. Я, прежде, не зналъ за тобою этого искусства.

— Искусства дѣлать капризы?... Немудрено, что не зналъ, потому что я, до-сихъ-поръ никогда и не дѣлала. Не противъ кого было дѣлать! Не было милаго. Не было моего солнца!... Я всю жизнь была такъ печальна!

— Такъ это новое изобрѣтеніе, нарочно въ честь мою?

— Да. А развѣ оно тебѣ непріятно?

— Не то чтобъ непріятно, но и нельзя сказать, чтобы было очень восхитительно.

— А я думала, напротивъ, тебѣ что тебѣ очень весело видѣть меня счастливою до сумасбродства, до капризовъ. Что же тутъ неестественнаго?... Счастіе въ броженіи!

Валеріанъ засмѣялся и распѣловалъ свою несравненную.

— Видишь, каково дѣлать счастливыми не рожденныхъ для этого состоянія! продолжала тѣмъ же беззаботнымъ тономъ: они даже и не умѣютъ наслаждаться счастіемъ. Вотъ я уже сдѣлала капризъ! Не знаю какой и какъ. Да онъ самъ собою сдѣлался. Но, видно,

былъ не изъ огромнѣйшихъ, когда ты смѣешься. Жаль! А я желала бы сдѣлать такой страшный капризъ, чтобы испугался, чтобы я тебя опротивѣла.

— Опять! вскричалъ Валеріанъ.

— Да! опять! отвѣчала она задумчиво. Зачѣмъ тебѣ не нравится, когда я хочу любить тебя такъ, какъ сама разумью! любить безъ эгоизма, любить болѣе самой себя, любить какъ любятъ въ небѣ — для твоего счастья, а не для своего наслажденія? Когда я вижу, чувствую, имѣю предчувствіе, что ты дѣлаешь пагубную ошибку, собираешься уронить себя по великодушію ко мнѣ, бредешь въ бездну печалей, въ которой мнѣ суждено непременно погибнуть, зачѣмъ не позволяешь мнѣ удержать тебя во что бы то ни стало? Всѣ средства ускользнули изъ моихъ рукъ: я теперь безоружна, и мнѣ остаются только одни капризы. погоди, твоя Анна еще надѣлаетъ ихъ столько, и такихъ огромныхъ, что ты ужаснешься, и она спасетъ тебя.

Валеріанъ всталъ и взялъ со столика шляпу.

— Что это? спросила Анна съ безпокойствомъ: ты хочешь уйти?

— Сейчасъ уйду, если ты не перестанешь предсказывать мнѣ и себѣ несчастій, которыя существуютъ только въ твоёмъ воображеніи.

— Перестану! перестану!.... Не уходи, я умру. Не оставляй меня одну въ этомъ положеніи, въ которое самъ ты меня привелъ. Между желаніемъ себѣ величайшаго на землѣ счастья, которымъ одинъ можешь подарить меня, и невольнымъ, неотвязнымъ, непреодолимымъ опасеніемъ за твое, я теряю умъ и память. Остайся. Сядь возлѣ меня и поговоримъ о другомъ дѣлѣ. (Валеріанъ уже сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, цѣловалъ ея руку, и снова прошло нѣсколько времени въ ласкахъ, взглядахъ, трепещущемъ страстью молчаніи, блаженствѣ.) Ахъ! мой другъ! впервые я сегодня узнала чары поцѣлуя!.... Это сожигаетъ душу. Я и забыла о дѣлѣ. Что же я хотѣла тебѣ сказать!.... Не

бойся, мой очаровательный «равнодушный»!.... ты всё боишься..., Ничего не стану предсказывать. Хочу просить тебя объ одномъ предметъ, который давно уже лежитъ на сердцѣ. Любишь ли меня искренно, глубоко, какъ любилъ нѣкогда?

— О! мой ангелъ! моя жизнь! моя надежда! люблю тебя въ тысячу разъ живѣе чѣмъ тогда, потому что ты въ тысячу разъ возвыщеннѣе и удивительнѣе. Сказать не могу какъ люблю!

— Все для меня сдѣлаешь?

— Все, все на свѣтъ!

— Исполнишь о чемъ буду просить?

— Исполню. Разумѣется, что просьба будетъ сообразна съ благоразуміемъ и моими силами.

— О! совершенно сообразна! Благоразумнѣе ничего придумать нельзя. Съ нѣкоторыхъ поръ, это—лучшая мечта моя.

Она быстро придвинулась къ Валеріану и возла между двухъ ладоней одну его руку. — Помните ли, Валеріанъ, я говорила вамъ сегодня о необходимости имени чистаго, неоскверненнаго безчестнаго мѣломъ, подѣ пару къ вашему славному, прекрасному имени?

— Помню. Что жъ изъ этого?

— Женитесь на Полинь Ч...!

— На комъ? спросилъ онъ, съ величайшимъ удивленіемъ, и какъ-бы не вѣря ушамъ своимъ.

— На Полинь Ч..., влюбленницѣ вашего друга, мужа покойной моей тѣтушки. Развѣ вы ее не знаете?

Валеріанъ опять хотѣлъ встать. Она удержала.

— Да вы, милая Анна, въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдите! сказалъ онъ, глядя на нея съ нѣжнымъ упрекомъ и, въ досадѣ, отодвигаясь съ креслами.

Анна такъ крѣпко держала руку Валеріана, что, при этомъ движеніи, соскользнула съ оттомана на коверъ и очутилась передъ нимъ на коленяхъ. Валеріанъ хотѣлъ поднять ее. Она не допустила: осталась на зем-

тъ, въ полу-сидячемъ положеніи, опираясь локтями и рудью на его колыци.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая! говорила она со страстью. Не обижайте этого сердца, которое бьется только для васъ....

— Такихъ предложеній я не хочу слушать, и не стану.

— Вы должны слушать!... должны выслушать меня до конца! должны оказать эту честь моей любви, моей преданности, моимъ жестокимъ мукамъ! Это не капризъ. Я говорю очень серьезно. Не забудьте, что я убиваю себя, чтобы моей кровью купить для васъ у судьбы покой жизни и отраднѣй семейный бытъ. Я даю вамъ жену, которая совершенно можетъ обезпечить то и другое. Она мила, добра, кротка: вы сами говорили мнѣ недавно, когда я спрашивала, какъ ее находите, что она предестна! Она васъ любитъ; не любить васъ нельзя; всякая женщина, которая васъ узнаетъ, предастся вамъ душой и сердцемъ. Имя ея не запятнано клеветою и не навлечетъ, на васъ, злорѣчивыхъ толковъ, на вашъ домъ—обидныхъ подозрѣній. Степень красоты ея именно такая, что вполне прельщаетъ взоръ, не возбуждая сильной зависти въ женщинахъ и бурныхъ страстей въ мужчинахъ. Она моложе меня. Дѣтей у нея нѣтъ. Если угодно, то она и богата; во сто разъ богаче меня, у которой своего нѣтъ ни гроша.... Берите ее!

Анна вдругъ выпрямилась на колыняхъ, и, судорожно сжавъ объ его руки, продолжала говорить съ жаромъ, глотая слезы, потоками дившіяся изъ полныхъ огня глазъ.

— Вадеріанъ!... Заклинаю тебя моей любовью, моимъ счастьемъ, бери ее! женись на ней! предоставь меня моей страшной судьбѣ, только, и сожалѣй отъвоей злополучной Аннѣ. Съ этою женщиною будешь счастливъ, мнѣ доставишь покой и утѣшеніе. Полина искренно меня любитъ, и я, со временемъ, заслужу еще большую ея привязанность. Она благородна и умѣетъ вѣрно дѣлать

вать: сама втайнѣ любя тебя, она уважаетъ нашу любовь и нерѣдко плачетъ со мною обо мнѣ. Она позволить тебѣ любить меня, быть другомъ бѣдной Аннѣ.... На старости лѣтъ, когда вражды втолкнутъ меня въ тину послѣднихъ униженій, когда мои дѣти меня ограбить и доведутъ до нищеты, я прійду въ вашъ домъ, буду вамъ служить, буду воспитывать вашихъ дѣтей, внушу имъ къ тебѣ мою любовь.... мою!... знаешь ее?... и буду счастлива, глядя на ваше счастье. Соглашусь быть у васъ ключницей, кухаркой, прачкой, судомойкой: только позволь мнѣ служить тебѣ, заботиться о твоихъ удобствахъ, видѣть и любить тебя....

Она страшно зарыдала и, безъ памяти, упала, сперва къ Валеріану на колѣни, а потомъ на полъ. Онъ, съ разорваннымъ сердцемъ, съ лицомъ плавающимъ въ слезахъ, дрожащими руками поднялъ ее съ земли и положилъ на оттоманъ. Моленія, ласки, поцѣлуй любви, постепенно привели ее въ чувства. Она открыла глаза.

— Ты должна чувствовать себя въ высшей степени несчастною, сказалъ Валеріанъ: когда создаешь такія мечты и рѣшаешься дѣлать мнѣ такія предложенія.

— Да! прошептала она.

— Бѣдный мой другъ!... какой адъ клокочетъ въ твоей истерзанной душѣ!

— Чтѣ?... онъ ужасенъ?...

— О! да! свѣше всего чтѣ можно представить себѣ воображеніемъ.

— Ты не зналъ еще, не видалъ никогда, настоящей любви слабости къ могуществу и совершенству, которыми она удивляется?... Нѣтъ, ты не могъ имѣть понятія о любви Анны!... Знай же, что такой адъ происходилъ въ ней во всѣ дни ея жизни.... въ день ея злосчастной свадьбы.... въ роковой часъ вѣчанія.... въ ночь, которая за тѣмъ послѣдовала.... въ минуты, когда она съ притворнымъ спокойствіемъ улыбалась рабѣнству толпѣ, и во всѣ минуты твоихъ тор-

жествъ и твоихъ опасностей.... Думалъ ли ты, въ сраженіяхъ, что сердце Анны всегда трепещетъ возлѣ тебя?... Куда же ему было бѣжать, гдѣ искать пріюта, отъ обидъ, отъ низости и злобы людей? Оно, невидимо, жалось къ тебѣ, повсюду слѣдовало за тобою, и всегда терзалось страшною пыткой безсильной заботы о счастіи своего идола. Встань, не стой на колѣняхъ: это — мое мѣсто.... Сядь, мой другъ, сюда, и поцѣлуй меня.... дай мнѣ еще одинъ.... одинъ только поцѣлуй.... тотъ, котораго я всю жизнь ждала какъ награду за все! Мы не дорого продаемъ вамъ бездны мученій нашей любви, не правда ли?... Вотъ этимъ поцѣлуемъ все заплачено!... и еще какъ щедро!... Бѣдныя мы существа!... Ты не чувствовалъ, какъ мое сердце жалось къ тебѣ?

— Нѣтъ, Анна, не говори этого! сказалъ Валеріанъ. Нельзя мнѣ было не чувствовать всего, что происходило въ этомъ благородномъ сердцѣ. Я зналъ все, и не по одному сочувствію: положительно и подробно зналъ я о твоихъ чувствованіяхъ, о твоихъ мученіяхъ, о твоёмъ страшномъ горѣ, сокрушался ими, благоговѣлъ передъ силою твоей любви ко мнѣ, какъ теперь благоговѣю передъ ея деликатностью и ея высокими, восторженнымъ самоотверженіемъ, хоть и не одобряю ихъ.

— Не одобряешь? спросила она, прелестно улыбаясь. Ну, это я напередъ знала. Вы, мужчины, не любите въ насъ слишкомъ сильной привязанности, пугаетесь настоящей женской любви, къ слову «восторженность» привязываете насмѣшливое значеніе. Но, мой другъ, истинная любовь, въ женщинѣ, которая хоть гдѣскольکو выше простыхъ скотскихъ ощущеній, не что иное какъ восторженное состояніе ума, воображенія, души! Она рождается изъ восторгу, питается восторгомъ, и живетъ только до-тѣхъ-поръ, пока горитъ восторгъ. Вы, господа, не очень жалуete такую любовь: тонкость ея условій и требованій тягостна для

васъ, и вы предпочитаете — по-меньше любви, но по-болѣе уступчивости и овецей кротости. Валеріанъ можетъ ли быть совершенно откровененъ со мною?.. такъ откровененъ какъ я сегодня была съ тобой?

— Могу. И хочу.

— Такъ скажи по совѣсти, что ты думаешь обо мнѣ въ эту минуту?

— Я думаю, что ты и твоя любовь заслуживаютъ высочайшаго удивленія.

— Только-то?

— Только.

— Нѣтъ, ты думаешь еще что-то. Я вижу это въ твоёмъ лицѣ, читаю въ глазахъ.

— Читай вслѣхъ. Слушаю.

— Ты думаешь, что мы, то есть, я съ моею любовью порядкомъ помучили тебя сегодня!

Она улыбулся и поцѣловала ее.

— Видишь, что это — правда! Вы требуете отъ женщинъ, непременно, истинной любви... на меньше и вы соглашаетесь!... но когда она передъ вами предстанетъ вы — назадъ! Правдѣ, ты стоишь того чтобы тебя расцѣловать: ты еще малодушенъ. Вся вы малодушны, въ этомъ отношеніи. Я очень рада, что ты безосторожно приказалъ мнѣ сегодня быть безусловно откровенною и я предъявила тебѣ всю свою любовь... собственно не всю: о! ты еще не знаешь и половины того, какъ я тебя люблю!... Но съ тебя довольно и этого: ты ужъ немножко испугался такой любви; станешь думать, не пугаешься еще болѣе; а тамъ мало-по-малу, придетъ тебѣ въ голову, что такая любовь, какова напримѣръ Полина, въ самомъ дѣлѣ удобнѣе для супружества: неговоря уже о многихъ другихъ неудобствахъ, сопряженныхъ со мною. Я заронила въ тебя эту идею она разовѣетъ, вырастетъ, и хоть выборъ твоего сердца для меня, не сомнителенъ, — увидишь! — ты однако жъ предпочтешь мнѣ Полину и, заключеніе спектакля женишься на ней.

— Ты ужасная насмышница! сказала Валеріанъ, хоча. Какъ острога, это—предположеніе очень мило: изъ него можно было сдѣлать хорошую комедію; но какъ примѣненіе ко мнѣ, оно совсѣмъ неумвѣстно. Женой у меня можетъ быть только одна женщина: ты — или никто! И что ты будешь моею женою, это я тебѣ объявляю.

— А у меня есть предчувствіе, что будетъ Полина.

— Шутя, сколько угодно, но я получилъ твое согласіе, и не возвращу его. Ты — моя, а дѣло съ концомъ: распорядись, какъ хочешь съ своими самоотверженіями и опасеніями за мое счастье. Нѣтъ! такой женщины какъ ты, я не выпущу изъ рукъ, хоть бы мнѣ это стоило головы. Чтобъ провести съ такимъ другомъ остатокъ этой ничтожной жизни, которую я столько разъ предавалъ на волю нуля перваго попавшагося на встрѣчу дурака, я оставляю свое поприще, затворюсь съ тобою въ предѣлахъ скромной частной жизни, удаюсь, самъ, и удалю тебя отъ злобы людей, и мы будемъ счастливы какъ-нельзя болѣе. Опасность несогласій въ семействѣ по поводу дѣтей графа Эдуарда, единственное важное обстоятельство изъ всѣхъ, которыми ты меня пугаешь — потому что — извини! — твоей необъятной любви я не пугаюсь ни сколько, и противопоставляю ей другую такую же, свою! — опасность этихъ несогласій и соблазновъ весьма легко предупредить: стоитъ только отдать, теперь же, все имѣніе отцу ихъ, а обезпеченіе ихъ судьбы я беру на себя. Нѣтъ имѣнья, нѣтъ и расчетовъ. За это имѣнье, которое мигомъ доставитъ согласіе графа Эдуарда на разводъ и которое онъ непременно промотаетъ, можно вознаграждать дѣтей его твоею частью изъ имѣнія нашей матушки; долю свою уступивъ имъ заранѣе, и когда они подрастутъ, бабушка будетъ очень рада взять ихъ къ себѣ, окончитъ ихъ воспитаніе и надѣлать ихъ по своей смерти благами земными, отъ которыхъ мы напередъ отказываемся. Такимъ образомъ они будутъ исполнѣ

зависть отъ бабушки, и отецъ ихъ съ ней станетъ вѣдаться, ей угождать, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться отъ своего потомства или по случаю его. Видишь, мое сердце, что все можно устроить....

— Ты уже слишкомъ великодушень! сказала Анна, пожимая ему руку съ благодарностью.

— Чтò за великодушіе — купить себѣ и милому другу счастье души цѣною денегъ! возразилъ онъ. Это, просто, торговая операція, въ которой выгода — очевидно на моей сторонѣ. Для счастья души, для соединенія въ это счастье двухъ такихъ испытанныхъ любвей какъ наши, милая Анна, можно сдѣлать всѣ пожертвованія; но самопожертвованій и я теперь не одобряю, а деликатности твои нахожу рѣшительно неумѣстными. Вѣдь ты же, нѣкогда, прогнала меня отъ себя за самопожертвованія?... вспомни только, мой другъ!... оно было бесполезно: ты насмѣхалась надъ ними, и справедливо.... а теперь сама хочешь ихъ дѣлать.... Нѣтъ, на самопожертвованія я теперь не согласенъ!... Хоть ты—и женщина, хоть совершенство и слезы—ваше дѣло, какъ ты тогда говорила. Отложимъ деликатности всторону: за ними не доберешься до счастья никогда. Когда женщина и мужчина вступаютъ въ бракъ, они, если не круглые глупцы, должны напередъ знать, что супружеское блаженство ихъ нераздѣльно съ разными житейскими непріятностями, какъ для одной стороны такъ и для другой. Имъ обоимъ равно слѣдуетъ вѣдать, что покровительство, защита и удовольствія жены будутъ стоить мужу хлопотъ и трудовъ; что вознагражденіе мужа за это потребуетъ отъ жены терпѣнія и причинитъ ей разныя безпокойства. Если бы пришлось подниматься на самопожертвованія, чтобы доставить другъ другу вполнѣ беззаботное блаженство, такъ нельзя было бы заключить ни одного брака: обѣ стороны самопожертвовали бы собою, чтобы не помѣшать взаимному спокойствію, и не кому было бы жениться. Ты принуждаешь теперь свою любовь, отказы-

ваться отъ меня по случаю непріятностей, которыя могутъ причинить мнѣ твоя знаменитая красота и происшедшія отсюда обстоятельства твоего положенія. Моя любовь точно такъ же могла бы отказаться отъ тебя не далѣе какъ по тому великодушному уваженію, что сказанная любовь можетъ подвергнуть тебя опасности быть больной каждыя два года. Подумай только, мой другъ, до чего было бы доведено человечество деликатностями взаимной любви!... (Анна засмѣялась.) Мой другъ! когда невеста и женихъ разсчитываютъ, что, въ ихъ брачномъ счастіи, удовольствія и непріятности каждаго будутъ на-половину, это уже — очень выгодный бракъ, отличное земное счастіе, и они должны жениться тутъ же на-мѣсть. Можно согласиться и на три доли непріятностей. Заключение: въ супружествѣ, кромѣ общихъ удовольствій любви и дружбы, обѣ стороны ищутъ своихъ выгодъ, ведутъ эгоизмъ по правиламъ двойной бухгалтеріи, живутъ въ долгъ другъ у друга, и никогда не сводятъ счету, не сравниваютъ итоговъ, если знаютъ свое ремесло, ремесло быть счастливымъ вдвоемъ. На этомъ основаніи, я насильно — потому что тебѣ такъ угодно! — женюсь на моей Аннѣ, приказываю тебѣ выйти за меня замужъ безъ церемоній, а тамъ употреблю мою верховную супружескую власть чтобы безъ церемоній тебя заставить быть совершенно счастливою, сколько это возможно въ «сей юдоли плача». Я скомандовалъ.

— Слушаю-съ.

— Вотъ это умно!

— Такъ мы съ тобой рѣшительно женихъ и невеста вторично? сказала Анна, съ нѣжностью протягивая къ нему руку.

— Рѣшительно и невозвратно, отвѣчалъ Валеріанъ, пламенно прижимая эту драгоценную руку къ сердцу. Спокойна ли ты теперь? Не будешь плакать ночью?

— Нѣтъ, плакать не буду. Буду лелѣять всей душою сладкую мечту нашего счастія. Дай Богъ, чтобы

она не скоро разсылась и мое блаженство продолжилось. Ты, однако жъ, Валеріанъ, не забывай о Полинь. Будь съ ней милъ! можетъ пригодиться.

— Несносная! замѣтилъ онъ шутливымъ тономъ.

— Это настоящій мой титулъ въ любви, возразила она, цѣлуя его. Ты меня имъ не обидишь. Твое дѣло—разсуждать, мое—чувствовать. Ты разсуждаешь такъ убѣдительно, что я не придумаю ни какого возраженія на твои доводы. Я чувствую, тоже, убѣдительно, но не могу передать этого роду убѣжденія. Въ числѣ этихъ чувствованій есть и предчувствія.... Но не станемте смущать ими нашего настоящаго блаженства.... Будемте однако жъ осторожны.

— Осторожность, во всякомъ случаѣ, необходима, присовокупилъ Валеріанъ: необходима и для самаго успѣху. Я желаю, чтобы наши надежды оставались тайною между тобою, мной и матушкой, до окончанія разводу. Я самъ поговорю съ нею. Знаешь ли, что мнѣ вдругъ пришло въ голову?

— Что такое?

— Полина навѣрное не твое изобрѣтеніе. Это—проектъ графини Маріи, бьюсь объ закладъ.

— Вы, мужчины, удивительно догадливы. Только теперь приходитъ тебѣ въ голову такое великое открытіе?

— Какъ же мнѣ было угадать!

— Однако жъ матушка, до моего пріѣзду, усердно хлопотала о томъ, чтобы вознаградить тебя Полиной за потерю Анны!

— Теперь.... какъ все соображаю.... Но можетъ-быть она еще не оставила своего челоуѣклолюбиваго плану? Что, какъ она, въ отвѣтъ, заговоритъ мнѣ о Полинь....

— Не заговоритъ. Планъ оставленъ съ той минуты, какъ ты завелъ рѣчь объ разводѣ. Что ей Полина!

— Вознаградить! сказалъ Валеріанъ про себя. Какая странная идея! Вознаградить меня Полиной за Анну!

— А Полина всё-таки ползетъ тебѣ на умъ! забыла Анна съ усмѣшкой.

Бесѣда любовниковъ, бесѣда нужная къ свѣдѣнію для читателя, почти тѣмъ и кончилась: о прибавленіяхъ къ ней, маловажныхъ для исторій, здѣсь для краткости не упоминается. Прибавленія продолжались болѣе двухъ часовъ. Я чувствую, что и это уже слишкомъ длинно: но—не забудьте—весь вечеръ! и какой еще вечеръ!... Чего не наговорятъ другъ другу любовники во весь вечеръ! Надо же было привести хоть треть ихъ бесѣды. Я очень не охотно расстаюсь съ прибавленіями: они были очаровательны. Но надо!

Что Анна, послѣ этого вечера, чувствовала себя невыразимо счастливою, несмотря на привычку къ опасеніямъ, вперенную слишкомъ частыми бѣдствіями жизни, это не подлежитъ ни спору ни сомнѣнію. Но точность повѣствованія принуждаетъ меня сказать, что блаженство ея было, на слѣдующее же утро, нарушено маленькою семейною непріятностью. Маркизь, который всегда подмигивалъ къ Аннѣ, душевно ненавидѣлъ Валеріана, еще съ оныхъ временъ, во-первыхъ, по-дѣломъ, за свое супружеское счастье, потому что по милости этого стихотворца невзначай женился на ангелѣ доброты, Катенькѣ, во-вторыхъ, по-пустякамъ, за то что этотъ генералъ мѣшалъ ему теперь строить свои глупые глаза прекрасной свояченицѣ, единодушно прозванной въ Вѣнѣ—*die Göttliche*. Тотчасъ послѣ пріѣзду Анны, любезный Джуліо нашелъ средство дать знать въ Парижъ графу Эдуарду, что его жена часто видится и очень дружна съ прежнимъ своимъ женихомъ. Эдуардъ, занятый игрою и своей пѣвицей, сначала не обратилъ вниманія на это извѣстіе. Но вскорѣ дѣла его стали приходиться въ упадокъ, онъ предвидѣлъ необходимость обратиться къ денежнымъ средствамъ супруги, маркизь притомъ тайно написалъ ему, что дѣло, какъ кажется, клонится къ формальному разводу, и негодный мужъ счелъ за-нужное вдругъ сдѣлать грозное нападеніе на покинутую же-

ну, чтобы, настраивая ее и поставивъ въ виноватыя, содрать что-нибудь съ несчастной для почину, а тамъ, если можно, захватить опеку надъ имѣніемъ и дѣтьми. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Аннѣ безсовѣстное письмо, исполненное наглостей, упрековъ и угрозъ, называя себя «обманутымъ» и «обиженнымъ» супругомъ, а ее «невѣрною» и «преступною» женою, измѣнницей, безстыдницей, которая «срамитъ его ни какимъ позоромъ не запятнанное имя», своимъ «безнравственнымъ поведеніемъ» подаетъ публичный соблазнъ, живетъ открыто съ любовникомъ, котораго, будто-бы, онъ съ матерью заранѣе вызвали въ Вѣну, удаливъ мужа подъ благовиднымъ предлогомъ, и прочая, и прочая. Мессиръ Эдуардъ грозилъ Аннѣ не болѣе и не менѣе какъ процессомъ и заключеніемъ въ монастырь. Такого же роду письмо написалъ онъ и къ графинѣ Маріи, обвиняя ее въ безчестномъ содѣйствіи къ интригѣ и разврату дочери, съ намѣками на торжественное и примѣрное мщеніе. Можно себѣ представить впечатлѣніе, которое эти два отвратительныя посланія произвели въ домъ. Анна упала въ обморокъ, рыдала, негодовала. Графиня Марія получила припадокъ истерики, и немедленно послала за маркизомъ, будучи увѣрена, что примѣрный зять горячо вступится за честь тещи и свояченицы. Но, къ удивленію ея, синьоръ Джуліо принялъ сторону герра Эдуарда. Онъ важно заговорилъ о супружескихъ правахъ почтеннаго свояка, о приличіяхъ, о пользѣ благопристойнаго поведенія, и тому подобномъ, и, когда негодующая мать мимоходомъ намѣкнула о разводѣ, италіанскій дипломатъ явился такимъ горячимъ защитникомъ общественной нравственности въ этомъ отношеніи, какъ-будто ему обѣщали за это кардинальскую шляпу, председательствомъ священной инквизиціи и чинъ *primus defensor matrimonii*. Графиня Марія поссорилась съ нимъ на-голову, выбрала и прогнала. Анна между-тѣмъ написала записочку къ Валеріану.

Лишь-только онъ прѣхалъ, мать и дочь выбѣжали къ нему, съ письмами Эдуарда въ рукахъ.

— Читайте!

Онъ прочиталъ.

— Что же вы теперь скажете о моихъ предчувствіяхъ, спросила Анна. Вотъ, мой сонъ! Вотъ, слово въ слово, исторія, которую я вамъ еще вчера рассказывала!

Валеріанъ, негодуя всей душою на низкій поступокъ Эдуарда, очень посредственно былъ изумленъ сходствомъ сновидѣнія съ клеветою, заключенною въ этомъ письмѣ. Всѣ наши сны, какъ иногда ни кажутся намъ длинными, происходятъ въ тотъ моментъ, когда мы просыпаемся въ короткое время переходу умственныхъ органовъ отъ соннаго оцѣпенѣнія къ бдящей дѣятельности мозга, освѣженнаго отдыхомъ. Для хорошо устроенныхъ головъ, это вообще—минута самыхъ свѣтлыхъ помысловъ. Часто, задачи, которыхъ мы ни какъ не могли разрѣшить вечеромъ, разрѣшаются на слѣдующее утро сами собою, тотчасъ послѣ пробужденія,—на «свѣжій умъ», какъ исконно говорится,—или даже въ самое мгновеніе пробужденія: тогда эта счастливая мысль, это самое и простое и самое естественное выраженіе затруднявшаго насъ обстоятельства, проснувшись кажутся «сновидѣніемъ». Не мудрено, что Анна, которая, наканунѣ, весь день мучила себя догадками о томъ, «что скажутъ», «что могутъ сказать», «что уже и говорятъ», объ ея отношеніяхъ къ Валеріану, на другой день, просыпаясь, вдругъ получила, въ видѣ сна, ясное соображеніе того, что, судя по наружностямъ, можно было сказать объ этихъ отношеніяхъ клеветца, то есть, связывая наружности между собою самымъ простымъ или самымъ глупымъ образомъ, и что въ самомъ дѣлѣ уже говорили. Клевета—удивительная мастерица на простоту, которой лицевая сторона — гений, а изнанка — глупость. Стоитъ только вдругъ впасть на простоту, съ той или другой стороны: сдѣлаешь или *chef-d'oeuvre* искусства или глупость пер-

вой руки. Разгадываніе глупостей принадлежит къ лицевой сторонѣ простоты, къ сторонѣ, изъ которой вытекають самыя высокія явленія въ наукахъ и художествахъ. Дѣлать глупости весьма легко — взять да и дѣлать! — мы это знаемъ по опыту, — но подражать глупостямъ — верхъ ума и искусства чедовѣческаго. Одни только гении дѣлають истинно хорошія подражанія глупостямъ. Такія поддѣльные глупости называются «высокимъ комизмомъ», когда рѣчь идетъ о глупостяхъ очень смѣшныхъ. И это — самая трудная умственная фабрикація. Модіеръ всегда будетъ великъ за то, что такъ подражалъ чужимъ глупостямъ, какъ будто онѣ были его собственныя, натуральныя. Подражать и разгадывать — всё-равно: для подражанія, нужно разгадать. Глупость и клевета — тоже всё-равно. Коротко сказать, есть мгновенія, гдѣ мы, не будучи ни гениями ни духовидцами, угадываемъ глупость, клевету, вовсе объ ней не думая, вдругъ, невзначай, просыпаясь и еще не раскрывъ глазъ. Такіе же моменты пробужденія, моменты самыхъ естественныхъ представленій, самой прямой связи между разнородными или разбросанными идеями, словомъ, такія же «вѣщія сны» случаются и наяву: но они вообще не имѣють ни опредѣлительности ни какого колориту постоянныхъ сновидѣній, всдыхивающихъ въ головѣ послѣ ночнаго отдыха мозгу, и извѣстны подъ именемъ «предчувствій». У женщинъ съ хорошо устроенною яєловою, при особенной нѣжности органовъ умственной дѣйствія, слишкомъ скоро подвергающихся утомленію, такіе неясныя «вѣщія сны наяву» весьма обыкновенны. У мужчинъ, способныхъ къ болѣе продолжительному и болѣе сильному напряженію головы, если голова — не тупа, ани, изъ прелюбствія, тутъ же превращаются въ великія открытія и шумныя изобрѣтенія. Однажды Ньютонъ ходилъ по саду, умъ спалъ въ головѣ пресмыкающаго. Яблоко упало съ яблони. Умъ проснулся. Онъ всталъ съ

на-яву, разившійся вдругъ *предчувствіемъ* появленія
наго присутствія тяжести въ природѣ. Въ другой,
хорошей, но менѣе сильной головѣ, это «предчувствіе»
и осталось бы предчувствіемъ. У Ньютона, при его
теризнѣ, оно повело умъ къ угаданію законовъ все-
общаго тяготѣнія тѣлъ, однихъ на другія. Отыска-
ніемъ этихъ удивительныхъ законовъ облылось предчув-
ствіе Ньютона. Я, темный человекъ, плянуль, не ви-
жу, почему предчувствіе какой-нибудь бѣды, прямото
судствія человеческихъ глупостей, было бы мудре-
нее предчувствія всеобщаго тяготѣнія, для прехитро-
го и глубоко запрятаннаго. Когда сбилось, отъ слова
до слова, предчувствіе Ньютона о страданіи тѣлъ па-
дать одни на другія, то такъ же легко можетъ сбыться
и мое, наиримѣръ, предчувствіе о великой бѣдѣ, которая
меня ожидаетъ: у меня есть невольное предчувствіе, что
какой читатель заснетъ въ этомъ мѣстѣ. Но это филосо-
фико-физиологическое отступленіе написано здѣсь, не ка-
кихъ-нибудь теорій ради, а для оправданія моей исто-
рической правдивости, да не скажутъ люди, будто
я представляю Анну существомъ сверхъестественнымъ
или новой Писіей. Я представляю ее такъ точно,
какъ она была, и какъ бывають другія, — очень ум-
ною женщиною, съ воображеніемъ чрезвычайно бы-
строудвижимымъ и доведеннымъ страданіями до выс-
шей степени восторженности, чрезвычайно деятель-
нымъ и, поэтому, непрерывно впадающимъ въ утом-
ленія, отъ которыхъ она часто пробуждалась вдругъ
весьма свѣтлыми, то есть, весьма простыми и есте-
ственнымъ идеями, въ видѣ утреннихъ сновидѣній, на-
завшихся ои и многими великими предсказаніями бу-
дущаго, или въ видѣ ясныхъ сновъ на-яву, назы-
ваемыхъ его предчувствіями.

Почему Валеріанъ не крайне удивился еходу въ клеветы,
пералазной грѣзу Эдуарду коварнымъ маркизомъ,
съ вторичнымъ разказомъ Анны о нисѣцѣ, читанномъ
оно по снѣ? Потому что насчетъ сбывающихся сновъ

онъ былъ совершенно того же мнѣнія, какъ и я: эти смы всегда — такія умныя идеи, такія простыя, прямыя и естественныя наведенія, что, въ свѣтлую минуту ума, ихъ право можно выдумать и не ложась спать. На этомъ основаніи онъ отвѣчалъ Аннѣ только:

.. — Вижу. Вы правы.

.. И, обращаясь къ графинѣ Маріи, замѣтилъ:

.. — После этихъ мерзкихъ и наглыхъ обвиненій, въ которыхъ замѣнено мое имя, ваше дѣло становится личнымъ моимъ дѣломъ. Честь Анны и ваша не могутъ страдать за меня: я долженъ закрыть васъ объихъ собою, и вашей дочери, графиня, не останется другаго средства къ оправданію законности отношеній своихъ ко мнѣ какъ принять мое имя.

.. Анна схватила его за руку и упріютилась у его плеча, какъ серна, спасающаяся подъ дубъ отъ бури.

— Я именно хотѣлъ сегодня поговорить съ вами объ этомъ. Вчера графиня Анна осчастливила меня своимъ согласіемъ: теперь я прошу васъ даровать мнѣ лестное право именоваться вашимъ сыномъ и утвердить нашу взаимную, долговременную привязанность вашимъ благословеніемъ.

— Ахъ! отъ всей души благословляю васъ, мои дорогія дѣти! вскричала мать, со слезами на глазахъ цѣлуя Валеріана и Анну. Любите другъ друга, и любите меня. Не могу вамъ высказать, какъ я рада, что наконецъ сбылось мое пламеннѣйшее желаніе видѣть васъ обоихъ счастливыми вмѣстѣ! Моя Анна очень виновата, что такъ долго церемонилась съ этимъ извергомъ и сопротивлялась разводу. Надобно было начать дѣло тотчасъ, не ждать обидныхъ нападеній, предупредить замыслы негодая. Теперь вотъ ужъ онъ грозитъ намъ процессомъ? Какъ мы съ нимъ раздѣлаемся?

— Будьте совершенно спокойны, добрая маменька, отвѣчалъ Валеріанъ: я съ нимъ скоро раздѣлаюсь; за деньги онъ продастъ душу свою, и мы уже говорили вчера съ Анной о предложеніяхъ, которыя можно ему

сдѣлать съ совершенною надеждою на успѣхъ. Я сейчасъ поѣду къ адвокату, посоветуюсь, и все устрою. Изъ нѣкоторыхъ выраженій этихъ писемъ, я заключаю, что графъ Эдуардъ намѣренъ разгласить по всей Вѣнѣ то, что онъ называетъ своей «обидой». Васъ здѣсь все знаютъ, и его дерзкія обвиненія могли бы подать поводъ къ пересудамъ, отъ которыхъ всегда выгоднѣе уклониться благовременно. Это тѣмъ болѣе необходимо, что здѣсь, какъ кажется, у него есть сообщники. Позвольте мнѣ быть совершенно откровеннымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вашей чести и вашемъ спокойствіи. Я съ нѣкоторыхъ поръ сильно подозреваю, что маркизъ состоитъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ графомъ Эдуардомъ, и что эту неприличную выходкою вы обязаны именно его вмѣшательству: я знаю его вражду ко мнѣ и особенную способность къ подобнымъ продѣлкамъ.

— О! въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія! приколвила графиня Марія. Я уже примѣтила это сегодня сама. Они составили планъ преслѣдовать насъ клеветою. Я боюсь, что графъ Эдуардъ, спасаясь отъ долговъ и тюрьмы, пожалуетъ сюда лично: когда оба зятя соединятся здѣсь противъ меня, я не въ состояніи буду и оправдаться передъ общимъ мнѣніемъ. Вы совершенно правы: надо по-скорѣе оставить Вѣну. Они, пожалуй, согласятся между собою дѣлать намъ непріятности повсюду. Но мы исчезнемъ такъ, что они не догадаются, куда мы дѣвались. Нѣтъ ничего легче какъ скрыть левъ маркиза сторону, въ которую мы уведемъ: я съ нимъ только-что поссорилась. Онъ знаетъ нашъ планъ отправиться на лѣто въ Баденъ-Баденъ, и я скажу Катенькѣ адресовать свои письма ко мнѣ туда, а сама съ Анной уѣду въ Женеву. Изъ Женевы мы можемъ перепорхнуть....

— Въ Баньеръ, маменька! быстро подхватила Анна, которой было извѣстно, что Валеріанъ намѣренъ провѣстъ тамъ лѣто....

— Хорошо, въ Баньеръ, продолжала мать. Мы давно совѣтовали побывать на этихъ водахъ. Поѣздка въ Баньеръ тѣмъ болѣе кстати, что мы разъедемся съ графомъ Эдуардомъ въ двѣ противныя стороны, если ему вздумается искать насъ здѣсь или въ Баденъ-Баденъ.

— Если вы рѣшаетесь ѣхать въ Баньеръ, то я отправляюсь съ вами, я буду вашимъ провожатымъ, сказалъ Валеріанъ.

— Вотъ и прекрасно! воскликнула графиня Марія. Такъ рѣшено: секретъ, и черезъ двѣ недѣли — мы ѣдемъ все вмѣстѣ, сперва, въ Швейцарію.

— Черезъ двѣ недѣли слышномъ скоро, замѣтилъ Валеріанъ: я бы совѣтовалъ оставаться здѣсь до получения изъ Парижа согласія на разводъ; тогда и вы будете спокойнѣе, и я получу полное право консультировать вамъ открыто. На это нужно по крайней мѣрѣ недѣли три или четыре: Притомъ, и дороги, до конца нынѣшняго мѣсяца, будутъ еще очень дурны.

— Хорошо, сказала графиня Марія: мы съѣдемъ, какъ вы желаете. Вы нашъ защитникъ: мы отъ васъ зависимъ.

Валеріанъ поѣхалъ къ своему банкиру. Взявъ у него десять векселей; каждый по двадцати тысячъ франковъ, и забравъ нужныя справки, онъ отправился къ невѣстному брачному дѣлу страченому, преемственному плуту, то есть, очень искусному ходатаю. Въ три дня все было готово, всѣ доверенности, отказы, условія, прошенія, подписаны, Анна приложила руку, и страчій самъ поспѣвалъ въ Парижъ: онъ долженъ былъ, въ случаѣ упрямства Эдуарда, подкрѣпить уступки Анны и свои убѣжденія волшебнымъ видомъ наличности, противъ которой не можетъ устоять. Валеріанъ поручилъ отрядившему торговаться, прибавляя по двадцати тысячъ, постепенно отъ сорока до двухъ сотъ.

Прошли двѣ недѣли. Графиня Марія начала дѣлать приготовленія къ путешествію. Любопытны были те

няты своимъ счастьемъ, для котораго составляли они самые очаровательные планы, какъ-вдругъ Анна замѣтила въ своемъ другѣ необыкновенную задумчивость и съ трудомъ скрываемое безпокойство. Нѣсколько дней тщетно упрашивала она объяснить причину этого грустнаго состоянія. Валеріанъ говорилъ, что онъ чувствуетъ себя не здоровымъ, наконецъ признался, что ему необходимо отлучиться изъ Вѣны недѣли на двѣ по весьма нужному дѣлу. Сначала онъ не хотѣлъ сказать, куда ѣдетъ. Наконецъ, назвалъ Базель. Анна желала знать по-крайней-мѣрѣ сущность этого весьма нужнаго дѣла. Валеріанъ долго избѣгалъ прямого отвѣту, но, напоследокъ, долженъ былъ открыть, что получилъ письмо изъ этого города, отъ одного изъ своихъ друзей и сослуживцевъ, который, находясь въ опасномъ состояніи здоровья, желаетъ непременно увидѣть любимаго товарища передъ смертью и поручить ему свое семейство и свои дѣла. Валеріанъ увѣрялъ, что это предложеніе и эта поѣздка крайне ему неприятны, но долгъ дружбы и чести не позволяютъ отказать-ся. Анна была печальна, однако жъ успокоилась.

Наканунъ отъезду Валеріана получены были извѣстія изъ Парижа. Эдуардъ все подписалъ за уступку части дѣтскаго имѣнія и ста двадцати тысячъ надличными деньгами при подписаніи. Дѣти оставались за матерью, но подъ опекою бабушки и на ея попеченіи. Радость Анны не знала предѣловъ. Валеріанъ, напротивъ, казался довольно равнодушнымъ къ столь вожделѣнному успѣху. На заботливое замѣчаніе Анны онъ отвѣчалъ, что, въ немъ, успѣхъ не можетъ дѣлать такого впечатлѣнія, потому что онъ ни одной минуты не сомнѣвался въ его неизбѣжности.

День простианія съ милымъ, день самыхъ горькихъ слезъ и самыхъ сладкихъ поцѣлуевъ, прошелъ благополучно для Анны. Валеріанъ былъ чрезвычайно неженъ, много говорилъ о будущемъ, о семейномъ блаженствѣ, котораго онъ ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

объ удовольствіяхъ предстоящаго имъ общаго путешествія въ Баньеръ, о прелестяхъ уединенныхъ прогулокъ въ Пиренеяхъ, о восторгахъ, о любви, и о прочемъ; рассчитывалъ день своего возвращенія и его радости; но, главное, обѣщалъ писать каждый третій день съ дороги. Анна много плакала, но, внутренно, была спокойна. О предчувствіяхъ, при прощаніи, не было и рѣчи. Къ великой радости Валеріана, тревожныя предчувствія Анны совершенно исчезли съ нѣкотораго времени: умъ избѣжился довѣрчивымъ сномъ на розахъ счастливой любви, не подвергаясь, болѣе, внезапнымъ непріятнымъ пробужденіямъ. Надо сказать правду—не въ обиду чьему бы то ни было уму, а такъ, вообще—что, въ счастіи, умъ дѣлается большимъ осломъ.

Валеріанъ, съ примѣрною акуратностью, сдержалъ обѣщаніе. Черезъ каждые три дня, Анна, просыпаясь, получала отъ него письмо. И какое письмо! Вы знаете, что Валеріанъ былъ нѣкогда превосходный поэтъ, обладалъ удивительнымъ даромъ выражать звучно, тонко и вѣрно всякія чувствованія и ощущенія, придавать каждой ихъ подробности колоритный оттѣнокъ, мысли превращать въ образы, слова зажигать огнемъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ сжегъ стихи, онъ писалъ только прозою, но и въ прозѣ сохранялъ онъ то же самое художественное богатство чувства и слогу. Долгъ истинны однако жъ вынуждаетъ меня внести въ эту неліцебрную лѣтопись фактъ, прискорбный для всей человѣческой природы, что, несмотря на торжественную клятву не заниматься впередъ стиходѣльнымъ ремесломъ, несмотря даже на генеральскій чинъ, Валеріанъ, по-временамъ, кропалъ украдкою стишки, — признаться, довольно посредственныя, за потерю снаровки въ этомъ мудреномъ дѣлѣ, — которые тутъ же онъ и бросалъ въ огонь. Русская пословица правду говоритъ—пьянину могила, рѣемача палка не исправятъ. Таковъ чловѣкъ! Пиши онъ въ прозѣ умнѣе и изящнѣе самого Платона, а всё-таки нечистый клонитъ грѣшную руку

къ риемованной околесицѣ, если умъ съ-молоду въ ней развратился. Но забудемъ эту слабость Валеріана. Онъ выкупилъ ее другими достоинствами. Проза его была такъ хороша, такъ живописна, свѣтла, легка, блестяща, такъ литературно изящна, что знатоки удивлялись столь высокой степени искусства въ человѣкѣ непечатанномъ, не-литераторѣ: поэтому, можно себѣ представить, какъ были написаны письма къ Аннѣ! У ней кружилась голова. Она перечитывала ихъ по двадцати разъ каждое, и чувствовала себя такъ счастливою въ этой звучно вибрирующей атмосферѣ художественнаго языка страсти, что ей чуть-чуть не захотѣлось рѣшительно, чтобы отсутствіе милаго продлилось цѣлый годъ, для собранія бѣльшаго числа такихъ писемъ. Особенно живое и трогательное письмо было отъ 28 апрѣля, писанное въ четыре часа утра изъ Базеля: оно жгло душу знойнымъ дыханіемъ страсти, раздирало сердце болѣзненными стопами любви, тоски, грусти, и какихъ-то неясныхъ нареканій на судьбу. Но оно было и послѣднее. Прошло три, четыре, пять, шесть дней: писемъ нѣтъ. Анна ужасно встревожилась. Она не постигала причины этого жестокаго молчанія: перечитывала послѣднее письмо, взвѣшивала каждое его слово, старалась проникнуть тайный смыслъ непонятныхъ иносказаній, поразившихъ ее еще при первомъ чтеніи, и не могла вывести ни какого вѣроподобнаго заключенія. Глаза уже начинали плакать, но сердце все-еще надѣялось.

На десятый или одиннадцатый день послѣ этого письма, Катенька пріѣхала къ матери и, посидѣвъ у ней минутъ пять, пошла къ Аннѣ. Катенька была беззаботна, весела, какъ-будто не примѣчала печали сестры: поговоривъ о послѣднихъ вѣнскихъ гуляньяхъ, позлословивъ своихъ австрійскихъ знакомокъ, она завела рѣчь о театрѣ, о музыкѣ, о новыхъ романахъ, —отсюда перескочила къ весеннимъ шляпкамъ, —наконецъ пошла посмотреть работу Анны. Нагнувшись надъ пяль-

цами и пристально глядя на рукоделье, она сказала:

— Чудесный узор! Гдѣ ты его купила?... А ты знаешь, Анна, что съ тобой случилось большое несчастье?

— Знаю, отвѣчала она равнодушно: я неосторожно прорывала канву ножницами. Но это можно задѣлать.

— Конечно, можно. Кстати, ты не слыхала, куда уѣхалъ генералъ?

Катенька передъ ней всегда такъ называла Валеріана, съ особенною ужимкою въ произношеніи. На этотъ разъ она еще усилила терпкость своей ужимки. Анна вздрогнула и поблѣднѣла. Тогда только догадалась она, что злая сестрица клонить рѣчь къ какому-то несчастію другого роду. Катенька, не сводя глазъ съ узора, въподлѣбья наблюдала Анну съ любопытствомъ змѣи, ужалившей безпечнаго путника. Чтобы не доставить ей наслажденія любоваться на свои страданія, Анна подавила въ себѣ всѣ движенія трепещущей души и хладнокровно отвѣчала:

— Какъ же мнѣ не знать, куда уѣзжаютъ лучшіе друзья наши? Онъ уѣхалъ на Рейнъ, кажется, въ Базель.

— А не знаешь зачѣмъ?

— Слыхала что-то, но не помню. По своимъ дѣламъ.

— Удивительныя дѣла!.... У него тамъ была назначена дуэль.

— Дуэль? повторила Анна съ удивленіемъ.

— Конечно, дуэль. Они дрались на шпагахъ.

— Кто, они?.... Съ кѣмъ онъ дрался?

— Вотъ пріятныя шутки! Какъ-будто ты не знаешь! Возможно ли не знать, куда уѣзжаютъ и съ кѣмъ дерутся наши лучшіе друзья?

— Увѣрю тебя, что я вовсе ничего не знаю. Говори, съ кѣмъ, за что, что такое случилось? Говори все, не мучь меня!

— Случилось, мой другъ.... случилось.... говорила толстая маркиза, расхаживая по комнатѣ въ своемъ широкомъ траурѣ, съ важностью погребальной колесницы: случилось то, чего и произнести нельзя, не

разорвавъ твоего сердца.... Дрались извѣстно за что!.... за что обыкновенно дерутся мужчины: за красавицу. Твой мужъ....

— Мой мужъ? вскричала Анна съ ужасомъ, вснакивая съ дивана. Онъ дрался съ моимъ мужемъ?.... Онъ дрался съ графомъ Эдуардомъ на шпагахъ?.... Такъ онъ убить!.... Онъ убить!.... Этотъ звѣрь кололъ фехтовальныхъ учителей.

— Хорошо же ты честишь своего мужа!

— У меня нѣтъ мужа! Онъ меня оставилъ. Онъ отрекся отъ меня.... и отрекся какъ негодяй.... за деньги! Вотъ, на столъ, бумаги, имъ подписанныя, которыми все между нами уничтожено. Я ни знать его ни слышать объ немъ не хочу!

— Такъ вы уже — въ формальномъ разводѣ? Извини, Анна; я этого не знала.... вы отъ меня все скрываете. Разводъ!.... это однако жъ ужасное дѣло!... ты должна быть очень несчастна.

— Я, напротивъ, очень счастлива, что избавилась отъ такого злодѣя. Говори мнѣ всю правду: генералъубить?

— Но мужъ.... мой другъ.... всё-таки мужъ! ядовито продолжала Катенька, какъ-будто не слыша вопроса сестры.

— Повторяю тебѣ, Катенька, что у меня нѣтъ мужа! съ твердостью сказала Анна. Ты, я вижу, пришла сюда надсмѣхаться надо мною, играть моими страданіями? Это безсовѣстно со стороны сестры! Ты, всю жизнь свою, употребляла во зло мою кротость и уступчивость въ отношеніи къ тебѣ: но это превосходить уже всякую мѣру. Я долѣе не могу выдержать. Извини, если я тебѣ скажу мое настоящее мнѣніе о твоихъ поступкахъ. Ты—не женщина, а тигрица. Ты—предательница. Эта дуэль — твоя работа съ мужемъ! Вы ее устроили! Я отдамъ свою голову, что это—вы! Знаю я васъ! Вы завидовали всякой минутѣ моего покою, вы отравляли каждое мое невинное удовольствіе, вы, первые, поддерживали своимъ притворнымъ

участіемъ и злобнымъ соболѣзнованіемъ всѣ клеветы глупаго свѣта на меня. У меня былъ другъ.... единственный человекъ, котораго я любила.... ты донесла на меня нашей матери, и я никогда не забуду, какъ ты бросила мнѣ въ голову альбомомъ, гдѣ я скрывала его имя. Съ-тѣхъ-поръ и донынѣ твое величайшее наслажденіе — раздражать мнѣ сердце всѣмъ, что до него касается; твой мужъ, также, всегда меня за него преслѣдуетъ, и вы-то, вы, лишили теперь меня и моихъ дѣтей послѣдней опоры въ этой жизни!...

Анна закрыла лицо руками и горько зарыдала, съ отчаяніемъ кидаясь всѣмъ тѣломъ на софу. Къ удивленію, бывшая Катенька не вспылила: она такъ привыкла къ смиренной терпѣливости сестры, что эта вспышка, это смѣлое и неожиданное обличеніе ея козней, привели ее въ замѣшательство.

— Ты... видно.... очень.... разстроена своимъ душевнымъ горемъ, когда принимаешь такой обидный тонъ съ сестрою, сказала она смущеннымъ голосомъ, въ которомъ примѣтно трепетала испуганная злоба. Я никогда еще не видала тебя въ такомъ раздраженіи. Правда, у тебя всегда былъ другой, твой любимый, способъ — оскорблять меня молчаніемъ: одно другаго стоить!... Ты меня обвиняешь въ несчастіи, которое тебя постигло.... Изъ уваженія къ твоему страданію и моему достоинству, я не стану и оправдываться. Время покажетъ, кто тутъ, собственно, виноватъ. Ты никогда меня не любила, не знаю за что, и можешь, по обыкновенію, продолжать свои несправедливости ко мнѣ, сколько тебѣ угодно. Я лишила тебя друга! Я лишила тебя послѣдней опоры въ жизни! Если онъ тебѣ — другъ и опора, такъ утѣшься: онъ живъ и здоровъ!... наслаждайся себѣ имъ, а сестры по-напрасну не обижай!

— Онъ живъ?... вскричала Анна, срываясь съ софы. Онъ живъ!... Боже милосердый! благодарю Тебя....

Она упала на колѣни и стала молиться.

— Но это... однако жъ... большое несчастіе... для всего

семейства... и для тебя въ-особенности, что... онъ живъ, присовокупила Катенька, продолжая ходить по комнатамъ и спуская слова по капль, какъ драгоценный аптечный ядъ. Ужъ лучше бы онъ погибъ. Несчастіе!... страшное несчастіе!

— Я не понимаю, Катенька, сказала Анна, вставая: что такое онъ тебѣ сдѣлалъ? зачѣмъ желаешь ты ему погибели? зачѣмъ называешь жизнь его несчастіемъ для всего семейства?... Ты очевидно намѣрена—терзать меня сегодня для своей потѣхи.

— Ты всё сердишься, Анна, холодно отвѣчала маркиза: ты думаешь, будто я хочу мучить тебя, а я, только не знаю съ чего начать, какъ приступить къ горестному извѣстію, которое мы сегодня получили, и которое наполнило нашъ домъ новымъ трауромъ. Я боялась разразить тебя, объявивъ вдругъ.... Твой мужъ убитъ!

Анна посмотрѣла на нее пристально, и отворотилась. Холодная дрожь пробѣгала по всему ея прекрасному тѣлу. Малютка дочь подбѣжала къ ней въ эту минуту съ своей игрушкой: она положила руку на ея голову, и не трогалась. Маркиза, съ послѣднимъ своимъ словомъ, уже надѣвала шляпку передъ зеркаломъ.

— Ну, вотъ ты всё сердишься! сказала она, оборачиваясь къ остолбенѣвшей сестрѣ и завязывая ленты подъ своимъ жирнымъ подбородкомъ. Впрочемъ, это очень естественно: я совершенно вхожу въ твое положеніе, понимаю, что такое—потерять мужа!... Прощай, Мнѣ некогда. Я должна по-скорѣе возвратиться домой: мужъ ждетъ ѣхать въ Пратеръ. Прощай, мое сердце!... не печалься: вѣдь онъ живъ!... Это напечатано въ базельской газетѣ, а завтра, вѣрно, напечатаютъ и здѣсь. Но ты ужъ начала молчать: хочешь непременно взбѣсить меня!.... Нѣтъ, ты — недобрая. Прощай. — Да! да! договаривала она, удаляясь: страшное, невознаградимое несчастіе для жены — потерять мужа!...

Анна цоворотила свою чудесную голову, чтобы съ презрѣніемъ взглянуть на толстую змью, тяжело пре-

смыкающуюся къ дверямъ съ своимъ отвратительнымъ жаломъ впереди, и приняла прежнее положеніе. Холодная какъ ледъ, бѣлая и неподвижная какъ пароскій мраморъ, безъ мысли, безъ чувства, безъ сознанія самой себя, она была похожа на стоячую статую, опирающуюся одной рукою на играющаго ребенка, съ глазами поднятыми вверхъ, и лицомъ, выражающимъ оканчившуюся на вѣчныя времена безнадежность.

— *Дружба красными чернилами, ... кровавыми буквами...* произнесла она вполголоса, и снова замолкла.

Спустя минутъ пять, она съѣла и хотѣла думать.... о себѣ.... или о чемъ-нибудь: не могла. Брала книгу, брала работу: но занятіе не шло никакъ. Хотѣла плакать: слезы не текли, хотя дыханіе спиралось отъ давленія душевной боли. Въ этой мучительной безчувственности провела она около часу, пока не пріѣхала Полина Ч^{...}.

Едва войдя въ комнату, добрая подруга бросилась прямо къ бѣдной Аннѣ, обняла ее и заплакала.

— О чемъ ты плачешь, мой ангелъ? спокойно спросила Анна.

— О тебѣ! объ васъ, несчастныхъ! отвѣчала Полина. Можно ли не плакать?

— Развѣ ты уже знаешь?

— Знаю! знаю!... всѣ подробности, всѣ мерзости, всѣ подлости....

— Отъ кого?

— Этого ужъ никакъ не могу сказать..... по-крайней-мѣрѣ пока не услышу твоего мнѣнія.

— Да у меня ни какого мнѣнія быть не можетъ. Подробности мнѣ вовсе неизвѣстны. Расскажи сперва. Ты уже знала прежде?

— Кое-что знала.... а именно то, куда онъ ѣдетъ и зачѣмъ.

— Какъ же ты мнѣ, ничего не сказала?... Какой же ты мнѣ другъ въ бѣдѣ?

— Нельзя было, душенька, никакъ нельзя! Возможно ли смущать твое спокойствіе, наполнять твою душу

тревогою, страхомъ, опасеніями, на все продолженіе такого длиннаго дѣла?... дѣла неизбежнаго, неотвратимаго, но которое между-тѣмъ могло кончиться безъ важнаго послѣдствія? Да ты бы, до-сихъ-поръ, уже умерла! Притомъ, я дала слово.

— Кому?

— Кому жъ болѣе какъ нетвоему Валеріану? Онъ пріѣхалъ ко мнѣ, чрезвычайно разстроенный и печальный: жаль было смотрѣть!... и сказалъ, что долженъ мнѣ... мнѣ одной!... вѣрить очень важную тайну, какъ лучшему твоему другу, потому что черезъ недѣлю можетъ быть очутится самъ онъ въ сырой землѣ рейнскихъ береговъ и не будетъ свидѣтеля передъ тобою его послѣднему горестному положенію. Тутъ онъ мнѣ разсказалъ, что дня черезъ три послѣ полученія тобой этого негоднаго письма отъ мужа, какой-то генералъ, кажется, маркизовъ пріятель, лично вручилъ ему письмо отъ графа, исполненное самыхъ гнусныхъ обвиненій и угрозъ. Письмо оканчивалось вызовомъ на дуэль, какъ твоего обольстителя. Податель былъ одинъ изъ-секундантовъ графа Эдуарда. Твой Валеріанъ не далъ тотчасъ отвѣту: онъ даже хотѣлъ окончателью отвергнуть этотъ поединокъ, какъ вещь недостойную ни его званія ни его имени. Но графъ Эдуардъ, какъ-будто опасаясь отказать, наслалъ къ нему, одно за другимъ, три письма, еще наглѣе и обиднѣе перваго, и копіи этихъ писемъ маркизъ раздавалъ самъ всѣмъ знатнѣйшимъ сослуживцамъ Валеріана, которые здѣсь находятся, и многимъ австрійскимъ генераламъ. Такія же копіи были распространены въ Парижѣ между знакомцами Валеріана. Кромѣ-того графъ Эдуардъ расписалъ объ немъ, прямо отъ своего лица, ужаснѣйшія мерзости къ разнымъ почтеннымъ лицамъ въ Вѣнѣ. Люди маркиза разносили эти письма. Тогда еще я не знала, но теперь мнѣ извѣстно, что графъ Эдуардъ, самъ, не только вовсе не думалъ о дуэли, но даже положительно отвергъ первый намѣкъ маркиза объ ней: собственные его секунданты

разсказываютъ это, и самъ онъ; говорятъ, умирая, сказалъ Валеріану: «Не извиняйтесь, не вы меня убили, а этотъ интригантъ, Италіанецъ, мой своякъ. Онъ всему виноватъ. Я не думалъ васъ обижать: онъ меня принудилъ.» Словомъ, душенька мой другъ, маркизь, да и твоя сестра, столько настаивали на необходимости этой дуэли, и такъ горячо заклинали графа Эдуарда вступить за честь свою, обмыть въ крови стыдъ, нанесенный всему семейству, и прочая, и прочая, общая разныя выгоды отъ этого, что онъ наконецъ рѣшился. Особенно настрашали они его разводомъ и раздражили увѣреніемъ, будто Валеріанъ повсюду публично называетъ его подлецомъ: а Валеріанъ клянется, что, никогда, даже имя графа Эдуарда не было имъ произнесено передъ людьми, исключая дружескихъ разговоровъ съ тобой и съ твоей маменькой. Рѣшась однажды, графъ Эдуардъ сказалъ другу маркиза, какому-то парижскому Италіянцу, котораго твой зять приставилъ къ нему, для подстреканія: «Я студентскихъ дуэлей за угломъ не люблю. Притомъ у меня всегда было правиломъ — драться за всѣхъ женщинъ, но никогда за жену. Если я нарушу теперь правило, такъ ужъ развѣ для того чтобы объ этой дуэли заговорили въ Европѣ. Драться, такъ драться на славу и весь міръ.» Какъ имя Валеріана славно во всей Европѣ, то графъ Эдуардъ, просто, затѣялъ въ этой дуэли спекуляцію на знаменитость, увидѣлъ въ ней средство сдѣлаться интереснымъ особенно въ Парижѣ. Съ этою цѣлью они расписали письма, распечатали статьи по газетамъ, всѣми мѣрами придавали гласность дѣлу и поддерживали его занимательность для публики. Твоему Валеріану, душенька, никакъ невозможно было отказать!... по ихъ мужскимъ законамъ. Онъ принялъ; выборъ оружія предоставилъ секундантамъ графа Эдуарда, но требовалъ чтобы дуэль состоялась сейчасъ, безъ отлагательства, на границъ Швейцаріи. Валеріанъ самъ назначилъ мѣсто и день. Послали эстафету

въ Парижъ: и вообрази, какой странный случай! Эстафета опередила вашего стряпчаго: у графа Эдуарда, который все до послѣдней копѣйки истратилъ на шалости или проигралъ, не на что было даже выѣхать изъ Парижа. Онъ находился въ величайшемъ затрудненіи, какъ-вдругъ — комедія! — является человекъ съ выгодными предложеніями и съ кучею денегъ: говорятъ, съ Валеріана же съ деньгами!.... Не правда ли, что это странно?

Анна только вздохнула. Полина продолжала:

— Опоздай стряпчій дня два: дуэль не состоялась бы, графъ Эдуардъ не явился бы въ назначенный день на Рейнъ. Онъ по-скорѣ кончилъ дѣло со стряпчимъ, подписалъ бумаги, получилъ деньги, и поскакалъ въ Базель. Мнѣ сказывали, будто онъ поспѣлъ туда только за три часа до назначеннаго срока. Валеріанъ ждалъ уже полторы сутки: думали, что противникъ не явится. До отъѣзду своего отсюда, твой добрый Валеріанъ принималъ всѣ возможныя мѣры, чтобы слухъ о дуэли не дошелъ до васъ, для твоего же, душенька, спокойствія. Въ его отсутствіе, мнѣ поручено было сторожить тебя: и, видишь, я почти не выходила отсюда! Къ счастью, маменька твоя была не совсѣмъ здорова и никого не принимала: въ противномъ случаѣ, я, право; не знала бы какъ отклонить бѣду; весь городъ говоритъ объ этой дуэли. Какъ она происходила, этого описать я не умѣю: секунданты графа Эдуарда, по его желанію, избрали расправу на шпагахъ,.... онъ, говорятъ, чрезвычайно искусенъ въ этомъ оружіи!... твой не сдѣлалъ ни какого возраженія; начали драться, и дрались, очень, очень долго.... не могу сказать сколько времени.... противникъ оказывалъ большую занальчивость и кольнулъ твоего въ плечо, но желѣзо скользнуло по кости, а самъ онъ наткнулся на шпагу Валеріана. Онъ жилъ еще четыре часа послѣ этого. Ахъ! эти мерзкіе мужчины, съ ихъ дуэлями!.... Ну, что имъ за охота?

— Такъ Валеріанъ раненъ? задумчиво спросила Анна.

— Рамень въ правое плечо.... Но не безпокойся, душенька мой другъ!.... пожалуйста не безпокойся!.... въ самомъ верху.... очень легко.... говорить—ничего!

— Ты, милая Полина, проболталась. Значить, онъ—здесь и ты уже съ нимъ видѣлась; ты знаешь все черезъ него.... Позволь, я лягу.... я очень слаба.... не могу говорить.

— Право, его здесь нѣтъ! сказала Полина, покраснѣвъ до ушей, между-тѣмъ Анна ложилась на софѣ.

Анна посмотрѣла ей въ глаза.

— Право, нѣтъ! повторила Полина, краснѣя еще болѣе: увѣряю тебя, душенька!

— Чтò ты меня обманываешь, добрая душа? Какъ ты мило ни вертѣлась въ своемъ разсказѣ, я примѣтила, по многимъ выраженіямъ и подробностямъ, что твои свѣдѣнія происходятъ изъ самаго достовѣрнаго и притомъ самаго свѣжаго источника. Признайся: онъ—у тебя, и онъ тебя прислалъ сюда? Ты даже не сила шаяпки: спѣшишь къ нему съ отвѣтомъ.

Полина, красная какъ раскаленный уголь, кинулась къ Аннѣ на шею, цѣлуя и прося извиненія.

— Омъ этого ждала, говорила она: ему такъ угодно, чтобы ты не знала объ его пріѣздѣ, нѣсколько времени. Я—такая безтолковая!.... никакъ сплутовать долго не умѣю.... хотъ это иногда и очень нужно. Меня всегда поймають! Умоляю тебя, душенька другъ мой, ангелъ—Анна моя прелесть, не выдавай меня: онъ подумаетъ, что я—ужасная дура!.... не говори ему, что я такъ дурно исполнила его порученіе, когда съ нимъ увидишься.

Анна тяжело вздохнула и, возведя глаза къ небу, повторила грухимъ голосомъ:

— Когда я съ нимъ увижусь!...

Въ этомъ же положеніи она впала въ глубокую задумчивость. Полина долго ждала, пока Анна заговоритъ, но та всё смотрѣла вверхъ, и нѣжная дуэнья, въ безпокойствѣ своемъ, рѣшилась спросить:

— Что это значит, Анна? Что ты это хотела сказать?

Анна не слышала. Полина взяла ее за руку: рука была холодна и как-будто не принадлежала къ живому тѣлу. Подруга потрясла эту руку, дергала къ себѣ, схватила обѣими своими руками и жала изо всей силы. Несчастная ничего не чувствовала.

— Анна!.... Анна!.... что съ тобой! Анна!.... другъ мой!.... отвѣчай!.... я стану плакать.

Она повернула ей голову, начала цѣловать, шевелить, кликать. Анна нѣсколько освободилась отъ оцѣпенѣнія.

— Боже мой! страшно на тебя смотреть! говорила кузина. Какъ ты себя чувствуешь?

— Я.... убита, отвѣчала она едва слышимымъ голосомъ.

— Лягъ немножко выше.

Она помогла ей приподняться.

— Когда же вы увидите?

Анна, отирывая глаза, снова посмотрѣла въ небо и сказала:

— Тамъ!..... если можно.....

— Анна!... ради Бога!.... что ты это говоришь?.... ты его убиваешь!

Анна произнесла, глухимъ голосомъ, какъ будто изъ два могилы:

— Кровь отца дѣтей моихъ между нами.... ее нельзя переступить.... намъ нѣтъ возможности видѣться.

— Бѣдные вы! уныло воскликнула Полина, и слезы полились изъ глазъ ея. Бѣдные, бѣдные!.... Онъ былъ уверенъ, что ты это скажешь.... Боже мой! надобно же было такое несчастіе! такое стеченіе обстоятельствъ!.... Онъ говоритъ, Анна, что, безъ тебя, ему счастья на свѣтъ нѣтъ. И я вѣрю. Представить себѣ не можешь, какъ онъ огорченъ этимъ происшествіемъ, какъ печаленъ, въ какомъ уныніи.... и какъ тебя любитъ!.... какъ удивляется твоей прѣкрасной душой, твоему уму, сердцу, твоей высокой.... какъ онъ говоритъ, «дочери-видицей» любви!.... какъ

сострадаетъ къ твоему положенію! Въ самомъ дѣлѣ, ты, вмѣстѣ, и самая чудесная и самая несчастная женщина въ мірѣ.

— О! если бѣ я могла заплакать!... болѣзненно протонала Анна, стараясь выдохнуть изъ груди страданіе, которое уже не истекало спасительною влагою глазъ. Но, нѣтъ! я уже плакать не буду..... Отъ страшнаго удару въ душу источникъ слезъ вдругъ изсякъ. Въ мозгу и во всѣхъ нервахъ я чувствую жесткую деревянную сухость. Голова и грудь придавлены двумя утесами. Вѣроятно, такъ останусь навсегда..... Лишиться слезъ, Полина: какое мучительное состояніе!...

Она должна была остановиться и замолкнуть на нѣсколько минутъ, чтобы собрать остатки силъ: потомъ продолжала, тѣмъ же слабымъ голосомъ, съ частыми остановками.

— Что со мной будетъ?... Сойду ли я съ ума?... Это было бы: большое счастье для меня!... Здѣсь, подъ этого столика, часа два тому, стояла я..... когда въ ушахъ моихъ громомъ разразилось убійственное извѣстіе..... и осталась какъ вкопанная. Не знаю, что со мною происходило послѣ этого: помню только..... что первая мысль.... невольное движеніе души.... была — броситься изъ окна на мостовую.... подошелъ ребенокъ: я вспомнила о дѣтяхъ, и удержалась.... Теперь ты — единственная приличная связь между мною и нимъ...: подлѣ однихъ кровомъ мы съ нимъ никогда быть не можемъ, для этихъ дѣтей, которые однако жъ..... О! я знаю мою участь.... и онъ ее знаетъ..... Вотъ еще прибавился для нихъ новѣйшій и страшнѣйшій изъ всѣхъ предлогъ вражды, ненависти и презрѣнія къ матери.... Меня раздавятъ этимъ обвиненіемъ.... Долгъ! долгъ!.... страшное слово! Жертвуй всею для него, хоть знаешь напередъ, чѣмъ тебя заглазятъ... Было у меня, въ мѣстѣ, послѣднее убѣжище, послѣднее душевное счастье, которое берегла я на это страшное будущее..... теперь и оно пропало! Теперь нѣтъ уже нельзя быть и вашею служею!

— Чьей агутей? спросила Полина, съ особеннымъ удареніемъ любовитства на первомъ словѣ.

— Спроси у Валеріана, сказала Анна. Онъ знаетъ, чьей..... Спроси непременно: снажи, что я хочу, чтобъ онъ тебѣ сказалъ.... Прондай, мой ангелъ: поцѣлуй доной..... онъ тебя ждетъ..

Полина поцѣловала у Анны оба глаза, закрытые блѣдыми векомъ съ богатою рѣсницей, постояла несколько мгновений воля съ софы, глядя на нее съ глубокимъ шрискорбѣемъ, и ушла тихими шагами. Она была уже у дверей, когда Анна кликнула ее.

— Веротись, Полина.... Дай я тебя поцѣлую. (Она открыла глаза и съ чувствомъ поцѣловала ее въ красивые розовыя губки.) Это мой послѣдній.... прощальный.... поцѣлуй Валеріану: отдай ему когда-нибудь.... постарайся, отдать по-скорѣе. Я сюда положила залогъ счастья для него. Вся моя жизнь тутъ. Въ-сто жизни у меня теперь — долгъ. Я больше не живу.

Полина удалилась, желая себѣ отъ своего сердца скорѣйшей возможности исполнить со всей точностью порученіе Анны, на прочномъ основаніи законовъ. Она и исполнила, не далее какъ черезъ годъ. Валеріанъ подвергся операциі съ удивительнымъ твердыемъ.

Анна ушла съ матерью въ Баденъ-Баденъ и возвратилась въ свое отечество. Бя уже никогда не видала въ обществѣ: она жила затворницей, посвятивъ себя исключительно воспитанію дѣтей, которые, достигнувъ совершеннолѣтія, своей неблагодарностью и злою оправдали несчастія матери. Негодная дочь продала ее родственникамъ мужа за нѣсколько ленточекъ. Сыновья, два достопамятные негодяя, связавшись съ ними же, и съ старинными врагами Анны, которые съ радостью удостоили ихъ своего покровительства, облепившись съ матерью почти какъ съ губицей ихъ добродѣтельнаго родителя, обижали ее, обирали, и замучили окончательно отъстами въ управленіи имѣніемъ. Грѣшная Марія прожила за границею свое земное доля Анны

она была такой ничтожною, что она, въ одномъ дѣтѣ, встрѣтилась бы еще разъ лицомъ къ лицу съ нищетою, если бы извѣсны, магия оскорбленія со стороны дѣтей не сократили ея страдальческой жизни. Она умерла, со рока-четыреохъ лѣтъ отъ роду, еще почти такой же удивительной красавицей, какъ была въ Вѣвѣ. Несмотря на удивленіе и скромность жизни, украшенной всеми добродѣтелями, клевета не забыла терзать ея до послѣдней минуты; все предубѣжденія противъ нея сократили свою силу, все средства униженія свое дѣятельность; ей и въ соронѣ три года приписывали еще любовниковъ; еще и въ этомъ возрастѣ честь имени той красавицы нередко дѣлалась жертвою безстыднаго самохвальства мужчинъ.

- Замѣчательно, что со времени потрясенія тѣла всѣмъ происшествіемъ, она уже не могла плакать.

- Краткое, но чистосердечное, объясненіе съ прелестными читательницами.

Льгу себя надеждою, что она благоволять еще отчасти помнить тотъ роскошный вечеръ высокаго сердечнаго наслажденія, въ который стоковница Анна разсказывала Валеріану о замѣчательномъ явленіи; письмо, покрывашемся радужными цвѣтами, и словъ «дружба», принимаемъ среди этихъ цвѣтовъ кровавый огнь, — вечеръ незабвенный, — единственный во всей ея жизни вечеръ настоящаго чувства: блаженства любить и быть любимой; въ: все совокупилось; и дружба, и любовь, и пламенные рѣчи, и воспитательныя бесѣды, и важныя разсужденія; и порывы; и взрывы; и тиши, и буря волнующагося чувства, и иривыя забытыя отъ душевной сладости; и восторги, и слезы; и горести; и надежды среди отчаянія; и опасенія среди обольстительной надежды; и лесть; и упоеніе; и немножко лебоньства — немножечко! — и, для полноты блаженства, кое-какъ капризы... и (онъ такое гадкое слово!) и... другимъ, лучшимъ словомъ — мученіе возлюбленнаго отъ избытку счастья. Все тутъ было, — что тутъ меня есть! прел

чувствіе, что прелестныя читательницы страшно возне-
 будуютъ на меня за введеніе капризовъ въ картину это-
 го вечера: любви и дружбы, пріймутъ это за личное,
 найдутъ жаловаться на меня въ цензуру. Оправданіе
 мое было бы очень легко: для меня, не было бы ничего
 легче какъ вынустить капризы—раввъ я такой до нихъ
 охотникъ—прочь ихъ, и пишу далѣе: но для вѣрно-
 сти фактовъ я долженъ былъ ввести ихъ: не лгать же
 мнѣ!... не могу жъ я всенародно увѣрять, что не бы-
 ло ни одного каприза, когда были — и порядочные!
 Что сказала бы исторія? Но оправдываться я не хо-
 чу: въ судъ прелестныкъ читательницъ оправданія не
 пріемаются: Приказали—скучно!... и меня, безответца-
 го преступника, ведутъ на казнь позорную. Такъ по-
 бивайте же меня камнемъ гнву своего! Такъ рвите
 же мою правдивую, ничего не вынускающую и ничего
 не прибавляющую льтопись любви и дружбы въ ку-
 ски, въ клочки, въ щепотки! Разнесите всъ странички
 ея по воздуху!... Исполняйте же, сударины, свой
 грозный приговоръ,—я жду,—и пусть первую стра-
 ничку вырветъ изъ моей книги та, которая когда-либо
 провела вечеръ истиннаго душевнаго блаженства съ ми-
 лымъ и не помучила его, отъ избытку счастья, ни од-
 нымъ капризомъ....

Что касается до самаго явленія, именно, до явленія
 слова «дружба» въ красномъ или кровавомъ видѣ,—а
 это уже касается собственно до читателей,—то смѣю до-
 ложить, что тутъ не было ни симпатическихъ примѣтъ,
 ни мистическихъ предзнаменованій, ни магнитической
 чертовщины,—не было ничего особеннаго,—и меня со-
 всѣмъ незачто вести на правожъ критики, править съ
 меня должъ вѣроподобію. Дружба Анны съ Валеріаномъ,
 особенно при совершенно вѣроятномъ и даже неизбеж-
 номъ вѣдѣствѣ такихъ родныхъ какъ маркизь и
 Катенька, могла естественно, и должна была необхо-
 димо, имѣть послѣдствіемъ дуэль и гибель одного
 изъ двухъ, мужа или его преемника. Это послѣд-

ствіе — такой логическій выводъ изъ окружающихъ Анну обстоятельство, что онъ самъ добровольно, даже безъ участія воли, выводился изъ идей этихъ обстоятельствъ, идей уже присутствующихъ въ умъ, существовать въ немъ безъ ея въдома, не ясно, и долженъ былъ существовать. Онъ только не выходилъ наружу, — не проявлялся, какъ говорятъ мудрецы, — не принималъ формы настоящей, то есть, ясной и опредѣлительной, мысли, и только потому что Анна не засыла размышлять формальнымъ образомъ или избѣгала размышлять о самомъ прямомъ по человѣческой логикѣ послѣдствіи всехъ окружающихъ обстоятельствъ. Не въ одно изъ пробужденій ума, — здѣсь онъ пробудился отъ нечаяннаго письма слова «дружба», — въ одинъ изъ тѣхъ сновъ наяву, которые случаются передъ настоящимъ сномъ, когда рѣбить въ глазахъ разными цвѣтами, этогъ, уже тайно существовавшій въ умъ, готовый логическій выводъ принялъ на-мгновение форму видѣнія, и скрытая въ выводѣ понятія дуэли, смерти, крови, выразилась колоритно, краснымъ цвѣтомъ буквъ слова «дружбы». Понятіе «кровь» такой прямой отвѣтъ на понятіе «дружба» при мужъ дуэлистъ и зятъ истинномъ врагъ, что въ случаѣ шерцанія разныхъ цвѣтовъ въ глазахъ, настоящее чудное дѣло было бы тогда только, когда бы нечаянно подъ это шерцаніе слово «дружба» приняло, не красный, а голубой цвѣтъ. «Дружба» зеленого цвѣту, тоже, не была бы чудное дѣло, потому что зеленый цвѣтъ — гармоническій съ краснымъ и служить ему отвѣтомъ въ газету. Это оптика, а не примѣты или предзнаменованія. А впрочемъ, для меня всё-равно: я писалъ дѣло, рассказывалъ какъ оно было, и ввроподобилъ отчету не отдаю.

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

=

КАБАНИСТЪ.

РОМАНЪ АЛЕКСИСА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Въ третьемъ этажѣ довольно большаго дома въ Дрезденѣ, посреди обширной залы былъ круглый столъ, покрытый камковою скатертью; на столѣ стояли расписанныя фарфоровыя чашки, а вокругъ него стулья съ высокими спинками; на стульяхъ сидѣли дамы съ напудренными волосами и въ платьяхъ съ фижмами. Между ними не было ни одной хорошенькой, не исключая даже и молоденькой дѣвушки лѣтъ семнадцати, чинно сидѣвшей возлѣ матери. Это было одно изъ такъ называемыхъ *кофейныхъ* собраній, въ которыя, по обычаю утвержденному въѣками, и понынѣ еще существующему въ Германіи, мужчины не допускаются.

Но, вѣроятно, въ этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, потому что передъ дамами стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ красивомъ французскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, и съ странными, танцорскими ужимками.

Хозяйка безпрестанно наполняла чашки чернымъ, грѣшнымъ кофе, суетилась около гостей и по временамъ уходила въ другую комнату.

Т. LXIII. — Отд. II.

— Что это случилось съ доброй нашей Клинкауфъ? спросила одна изъ *кофейницъ*, когда хозяйка опять удалилась: ей не сидится на мѣстѣ—она точно осемнадцатилѣтняя дѣвушка. Каммергеръ, не знаете ли, что это значитъ?

Мужчина лукаво улыбнулся, погладилъ морса и, приложивъ палецъ къ губамъ, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Она наблюдаетъ.

— За кѣмъ? за чѣмъ? спросили всѣ кофейницы вмѣстѣ.

— За семействомъ графа Мерони.

— Фи! вотъ скверные люди! сказала одна толстая кофейница.

— Терпѣть ихъ не могу! прибавила другая, худощавая.

— И есть за что! продолжала дородная. Привезли съ собой раненаго гусара и ухаживаютъ за нимъ какъ Богъ знаетъ, за кѣмъ. Говорятъ даже, что дочь—то сидѣла возлѣ кровати и читала ему.

— Можетъ ли это быть! вскричали всѣ, и мать закрыла опахаломъ лицо своей дочери. Всѣ приступили къ каммергеру, чтобы онъ, знакомый съ домомъ графа, рассказалъ что тамъ дѣлалось.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ онъ съ притворною скромностію.

— Полноте, баронъ фонъ-Курцъ: вѣдь тутъ всё спонтається нечего, сказала толстая дама и пожала руку каммергеру.

— Ну, такъ и быть! отвѣчалъ баронъ: я могу рассказать вамъ все что видѣлъ, безъ зазрѣнія совѣсти, потому что они сами ни отъ кого не скрывали своихъ поступковъ. Дочь графа еще прошлымъ лѣтомъ познакомилась съ однимъ гусарскимъ поручикомъ. Графъ замѣтилъ, что отъ этого знакомства добра не будетъ, и строго—на—строго запретилъ дочери имѣть какое-либо сношеніе съ этимъ человекомъ. Но, вѣдь вы знаете, графиню....

— Знаемъ, знаемъ! воскликнули хоромъ кофейницы.

— Запрещеніе отца только раздражило ее, продолжалъ баронъ: и, говорятъ, что не смѣя дѣйствовать явно, она каждый день принимала къ себѣ поручика, переряжанцагося крестьянкой и даже.... не ручаюсь за достоверность этого—сама ходила къ нему въ гусарскомъ костюмѣ.

мѣ. Наконецъ они условились бѣжать и въ ту самую ночь, когда возгорѣлась гохкирхенская битва. Объ этомъ узналъ какой-то прусскій ротмистръ, который также волочился за графинею. Онъ вызвалъ почтеннаго господина Стефана на дуэль и былъ убитъ. Ротмистръ былъ любимецъ короля и потому поручика немедленно арестовали. Но послѣдній впадаетъ въ горячку, сбиваетъ съ себя цѣпи, садится на коня и стремглавъ мчится къ графскому дому, гдѣ дочь графа ожидала уже его въ мужскомъ платьѣ. Они хотятъ бѣжать, раздается выстрѣлъ и поручикъ безъ чувствъ падаетъ на землю. Графиня бросается съ пистолетомъ къ отцу и съ угрозами заставляеть его взять съ собою раненаго.—Вотъ какъ было дѣло!

— Боже мой! до чего мы дожили!

— А что еще хуже, прибавила толстая: такъ поручикъ этотъ — австрійскій дезертёръ, убѣжавшій, съ полковой казною, къ Пруссакамъ. Это вѣрно: иначе они не поторопились бы выслать его по-скорѣе изъ Дрездена.

— А развѣ его выслали?

— А вы не знаете? Какъ же! въ графскомъ фаэтонѣ еще! Я сама, собственными глазами видѣла. Когда экипажъ доѣхалъ до вала, то Кроаты подскочили къ нему.... ихъ хотѣли остановить, говоря, что тутъ лежитъ тяжело раненый, но они не обратили на это вниманія, и одинъ изъ нихъ полѣзъ уже въ карету, какъ-вдругъ оттуда полетѣли ему въ голову перины и подушки, и въ то же мгновение выскочилъ больной, и съ такими проклятіями и крикомъ, что десятеро здоровыхъ не перекричали бы его, бросился на Кроатовъ, и давай колотить, кого по головѣ, кого по спи-
нѣ!.....

— Чѣмъ же это кончилось?

— Ужасной суматохой, во время которой, больной выхватилъ у одного Кроата лошадь, вскочилъ на нее и ускакалъ!....

Всѣ молчали и мѣняясь значительными взглядами, покачивали головами.

— Странно!

Въ это самое время отворилась боковая дверь, изъ-за которой выглянула хозяйка.

— Баронъ Курцъ! сказала она таинственно.

Баронъ послѣдовалъ за нею и дверь затворилась.

— Это еще страннѣе! сказала дородная дама, вставъ съ мѣста и величественно прохаживаясь по комнатѣ.

Тощая дама сказала, что она не понимаетъ, что сдѣлалось съ хозяйкой.

— Это даже не прилично! продолжала толстая: пригласить насъ къ себѣ и уходить въ другую комнату! Это, просто, оскорбительно!

— И что она за знатная дама такая, что осмѣливается такъ дерзко поступать съ нами? спросила одна изъ кофейницъ.

— А вотъ я пойду и напрямки скажу ей, что она поступаетъ невѣжливо, вскричала толстая, и пошла въ дверь, которая въ то же мгновеніе отворилась.

— На минуточку, ma chère, сказала хозяйка, сдѣлавъ знакъ толстой дамѣ, чтобы она послѣдовала за нею.

Дверь опять затворилась.

— Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ воиъ! закричала тощая.

— Маменька, они даже закрыли замочную скважину, сказала молодая дѣвушка, которая по неопытности своей на цыпочкахъ подошла къ дверямъ и приложила глаза къ замку.

— Что у нихъ тамъ за тайны?

Дверь опять отворилась.

— Милая Зюсмилхъ: на одно словечко! произнесла хозяйка сладкимъ голосомъ. Тощая послѣдовала за нею и дверь опять была заперта.

Это было знакомъ ко всеобщему возстанію.

— Мы не останемся здѣсь ни минуты! насъ дурачатъ, и оскорбляютъ! заговорили всѣ вмѣстѣ, хватаясь за платки, шляпы, зонтики.

— Пойдите, mesdames, сказала рѣшительно мать молодой дѣвушки: если мы уйдемъ, то ничего не узнаемъ, а чѣмъ мы хуже другихъ? Войдите прямо въ комнату, и докажемте, что мы не позволимъ водить себя за носъ!

— Докажемъ!.... подтвердили всѣ.

Отступленіе было отмѣнено—аттака рѣшена. Но прежде чѣмъ онѣ успѣли подойти къ двери, она еще разъ отворилась.

Появился камергеръ. Осторожно затворилъ онъ за со-

бою дверь и приложивъ палець къ губамъ, тихо сказалъ, что онъ пришелъ съ объясненіями.

— Съ объясненіями! вскричали всѣ въ одинъ голосъ. Прошла гроза, всѣ лица прояснились.—О, говорите! милый камергеръ! Что такое?

— Государственное дѣло! Только, mesdames, умоляю васъ: будьте скромны. Это главное условіе милой хозяйки нашей: она прислала меня къ вамъ съ приглашеніемъ на рекогносцировку....

Едва произнесъ баронъ слово приглашеніе, какъ всѣ дамы бросились въ сосѣдную комнату....

Графъ Мерони сидѣлъ на софѣ въ одной изъ комнатъ своего дома. Взоръ его безпрестанно обращался съ невыразимымъ безпокойствомъ на дверь къ алькову, находившемуся въ глубинѣ комнаты. Дочь его сидѣла у окна.

— Ты удивительно перемѣнилась, Евгенія, сказалъ графъ, прервавъ наконецъ молчаніе: втеченіи одного года, ты, изъ гордой, своенравной амазонки, сдѣлалась покорной рабой тысячи мелочныхъ, ничтожныхъ обстоятельствъ.

— Вы опять начинаете разговоръ, который мнѣ такъ не нравится?

— Это одно замѣчаніе. Впрочемъ, я правъ. Больному нашему стѣитъ только поднять голову и ты вскакиваешь, бѣжишь къ нему. Онъ вздохнетъ—ты бѣжишь смотрѣть не слишкомъ ли много дровъ въ каминѣ; онъ накинетъ на себя одѣяло и ты спѣшишь узнать не открыто ли въ цѣломъ домѣ гдѣ-нибудь окно.

— Вы знаете, батюшка, что насмѣшки ваши мало дѣйствуютъ на меня; кому же вы забываете условіе наше....

— Нисколько. Я согласился оставить его у себя въ домѣ, скрыть его, потому что ты говорила, что онъ слишкомъ недоровъ и не можетъ слѣдовать за выступавшими Пруссаками, а ты обѣщала мнѣ....

— Отказаться отъ него — прервала Евгенія рѣшительно.

— Точно; ты обѣщала это мнѣ въ вознагражденіе за опасность, которымъ я подвергаюсь.

— Я обѣщала это вамъ, потому что не предвидѣла другихъ средствъ спасти его: но, довольно.

— И ты сдержишь обѣщаніе?

— Я никогда не измѣняла своему слову.

Въ это время изъ двери алькова вышла Амалия. Тихо притворила она дверь и приблизясь съ недовольнымъ видомъ къ разговаривавшимъ, сказала:

— Если вы не забыли, что здѣсь въ комнатѣ больной, то говорите по-тише.

— Не требуетъ ли онъ Евгеніи къ себѣ? спросилъ насмѣшливо графъ.

— Онъ спитъ, отвѣчала Амалия, удаляясь.

— Батюшка, еще разъ повторяю, насмѣшки ваши....

Слова Евгеніи были прерваны слугой, который принесъ нѣсколько писемъ. Печать и надпись на одномъ изъ нихъ обратили не себя вниманіе графа.

— Наконецъ! вскричалъ онъ, распечатывая письмо. Онъ читалъ и лицо его мало-по-малу прояснилось; нѣчто въ родѣ радости сверкнуло въ глазахъ его; онъ снова прочелъ письмо; потомъ съ выраженіемъ внутренняго удовольствія сложилъ его, посмотрѣлъ на дочь и сказалъ:

— Онъ ѣдетъ.

— Кто? спросила Евгенія равнодушно.

— Кто?... Старый другъ, о которомъ мы совсѣмъ почти забыли. Онъ ѣдетъ въ Дрезденъ.

— Я не знаю всѣхъ вашихъ друзей.

— Но этого ты знаешь. Маркизъ будетъ къ намъ.

— Врагъ Пруссаконъ!

Графъ недавно только разлучился съ Пруссаконъ, а потому еще невольно вздрогнулъ при этомъ недипломатическомъ восклицаніи дочери.

— Осторожнѣй, Евгенія! сказалъ онъ оглядываясь.

— Ужъ не боитесь ли вы больнаго?

— Боятся! намъ нечего бояться, Дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Конечно, и на меня слава Фридриха подействовала, и меня она ослѣпила, но теперь я вспомнилъ, что я Саксонецъ, и чѣмъ обязанъ отечеству! сказалъ графъ патетически.

— За чѣмъ же приказываете вы мнѣ быть осторожной? спросила Евгенія и скоро вставъ, пошла къ алькову: ей послышалось, что больной проснулся. Она отворила дверь,

но увидѣвъ, что ошиблась, воротилась къ отцу, оставивъ дверь не затворенною.

— А! другъ мой, продолжалъ графъ: Фридрихъ намъ не такъ уже страшенъ, но у него есть деньги, а *qui pecuniam habet, habet omnia!*

Графъ попалъ на любимую свою тему и по-видимому, намѣревался распространиться насчетъ прусскаго короля, когда вошла Амалия. Взоръ ея упалъ на растворенную дверь алькова; съ быстротою молніи бросилась она туда и, захлопнула дверь, вскрикнувъ:

— Боже мой! что вы сдѣлали?

— Что такое? спросилъ графъ, вскочивъ съ дивана.

— Сколько разъ говорила я вамъ, что не должно оставлять этой двери отворенною! Если госпожа Клинкауфъ дома, то все погибло!

— Почему?

— Да развѣ вы не знаете, что любимое занятіе ея наблюдать за тѣмъ что происходитъ у сосѣдей и особенно у насъ?

— Въ такомъ случаѣ онъ не можетъ долѣе оставаться у насъ! вскричалъ графъ. Надо отпратить его!

— Поздно! отвѣчала Амалия, подойдя къ окну. Все открыто!

— Открыто! повторила Евгенія съ выраженіемъ боязни.

Вмѣсто отвѣту Амалия показала ей на другую сторону улицы. Изъ окна третьяго этажа была направлена къ нимъ внизъ зрительная труба. Нельзя было видѣть кто наблюдаетъ, потому что труба выставилась между задернутыми занавѣсами, но по безпрестанному движенію ея и по изрѣдко показывавшимся чепчикамъ можно было заключить, что хозяйка этой квартиры была не одна.

— О, Евгенія! что ты сдѣлала! вскричалъ графъ, опустившись опять на диванъ.

— Горевать нечего! сказала Амалия: теперь надо подумать о томъ, какъ поправить дѣло.

Графъ вскочилъ: — Я самъ отправлюсь къ австрійскому комиссару. Одна благородная откровенность можетъ спасти насъ.

— Ни съ мѣста! вскричала Евгенія, схвативъ отца за руку.

— Смѣлѣе, графиня! сказала Амалія, нѣ-скоро надѣвая шляпку и шаль. Я помогу вамъ!

— Я надѣюсь, что вы не осмѣлитесь въ моемъ домѣ....

— Запереть васъ? прервала его Амалія: и ключъ возьми съ собою, если вы не останетесь въ покоѣ.

— Вы забываетесь! вскричалъ графъ, стараясь придать себѣ всевозможную важность: я приказываю вамъ, я умоляю васъ. Чтò вы хотите дѣлать?

— Итти къ Клинкауфъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.... чтобы выиграть время, которымъ вы, я надѣюсь, будете умѣть воспользоваться.

— Неужели вы думаете, что заставите все общество ея молчать?

— Можетъ-быть.

— Не можетъ быть! Не навлекайте на меня непріятности! Какія средства думаете вы употребить?

— Я налью яду въ ихъ кофе!...

И Амалія выбѣжала изъ комнаты. Графъ хотѣлъ догнать ее, но едва вышелъ онъ на лѣстницу, какъ уже компаньонка была на улицѣ.

— Батюшка, сказала ему Евгенія, когда онъ воротился въ комнату: простите меня. Еще разъ даю вамъ твердое обѣщаніе, изгнать изъ сердца своего привязанность къ этому человѣку и навсегда отказаться отъ него!.....

— Не въ томъ дѣло теперь, сказалъ отецъ, съ безпокойствомъ прохаживаясь по комнатѣ:—Подумай, чтò предстоитъ намъ! Его разстрѣляютъ, а я буду обезчещенъ, лишусь имѣнія....

— Какъ! вы думаете, что его будутъ судить какъ дезертѣра?...

— Ничего я не думаю и думать не хочу! Твое легкомысліе, твое своенравіе навлекли на насъ бѣду.... Конечно, его будутъ судить какъ дезертѣра! Кажется, и не ошибутся.

— Это было бы ужасно!

— То-то ужасно! Теперь ты опомнилась. Тѣмъ болѣе, что ты его никогда не любила, никогда; это была просто одна прихоть....

— Хоть бы я его и не любила, но спасу его. Жизнію своею пожертвую....

— Тице!

Дорожная карета, запряженная шестью почтовыми лошадами, подъехала къ графскому дому. Графъ выглянулъ въ окно и поспѣшно отскочивъ вскрикнулъ съ отчаяніемъ:

— Это онъ!

— Кто?

— Маркизь.

— О, какая идея!

— Чтѣ такое?

— Послушайте, батюшка: маркизь вашъ другъ.... мы вѣтримся ему.... начинаетъ смеркаться.... въ дорожной каретѣ маркиза отправимъ мы сегодня же больного изъ Дрездена.

— Вздорная идея! Одно имя Пруссака ненавистно маркизу. Все погнбло, если онъ узнаетъ, кого мы скрываемъ. Надобно, чтобы онъ не засталъ насъ здѣсь; пойдѣмъ, скорѣй!

Но уже было поздно, потому что въ то же мгновеніе камердинеръ отворилъ дверь и мужчина, невысокаго росту, закутанный въ широкую дорожную шинель, вскочилъ въ комнату и бросился къ графу.

— Получили письмо мое? спросилъ рѣзкій, звонкій голосъ.

— Только-что получилъ, любезнѣйшій маркизь. Вашъ прїездъ....

— Это дочь ваша? спросилъ вновь прибывшій, не давъ договорить графу и подходя къ Евгениі.

— Дочь моя, Евгенія.

— Какъ она выросла, похорошѣла!... Графиня, вотъ уже будетъ лѣтъ десять, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ.

Посмотрѣвъ нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ на графиню, онъ сбросилъ съ себя шинель. На немъ былъ красный французскій кафтанъ, великолѣпно украшенный золотыми шитьемъ, но по покрою уже нѣсколько вышедшій изъ моды. Съ придворною ловкостью поклонился маркизь Евгениі и, по старому обычаю, подошелъ къ рукѣ. Только потомъ бросился онъ съ необыкновенною живостію въ объятія графа.

— Давно мы съ вами не видались; жаль, жаль!... Бурт

ное, ненавистное время.... А прогроз, который годъ графинн?

Евгенія хотѣла отвѣчать, но маркизь, какъ-бы забывъ вопросъ свой, продолжалъ, обратившись къ графу:

— Славная была бы парочка—мой сынъ и ваша дочь, а?

— Вы, кажется, воспитываете сына вашего за границей? возразилъ графъ, стараясь измѣнить направлѣнiе разговора.

— Я его не воспитываю—жизнь должна воспитать его, вотъ мое правило!

— Вы, вѣроятно, устали, другъ мой. Въ ваши лѣта....

— Что въ мои лѣта? Тотъ, кого одолеваетъ лѣта, не мужчина, а баба! вскричалъ маркизь вскочивъ и вытянувшись, какъ-бы желая показать, какъ онъ еще твердъ. Знаете ли въ чемъ состоитъ настоящее мужество? Развѣ тотъ мужественъ, кто прокалываетъ насавозъ друга и недруга? Ничего не бывало. Только тотъ мужественъ, кто умѣетъ управлять судьбой, кого три раза изображаетъ грозь, а онъ всё твердъ на ногахъ! Тотъ мужественъ, кто будучи три раза выброшенъ за двери, войдетъ въ нихъ и четвертый разъ и не боится бороться ни съ предрасудками.... ни съ лѣтами!...

Гордо прохаживался онъ по комнатѣ, но вдругъ остановился; отъ пронизательнаго взору его не ускользнула болязненные взгляды Евгенiи и отца ея.

— Тамъ у васъ больной? спросилъ онъ, указавъ на альковъ.

— Дальнiй родственникъ.... по персидемте лучше въ другую комнату: тамъ будетъ лучше.

— Онъ раненъ?

— Нѣтъ, тамъ.... простуда.... съ замѣтательствомъ отвѣчалъ графъ.

— А эта перевязка откуда?

— Ему нукаали вчера кровь.... скоро сказала Евгенiя.

— Это не такая повязка! Она покрывала рану, наложенную саблей. Я это хорошо знаю: я вѣдь учился хирургiи. Покажите мнѣ больного.

— Ради Бога, вскричала Евгенiя, бросившись къ маркизу.... но онъ уже былъ у двери алькова....

— Успокойся! Онъ вѣдь его не знаетъ, шепнулъ графъ дочери.

Амалия скоро перешла черезъ улицу и на лѣстницѣ дома, въ которомъ жила фрау Клинкауфъ, встрѣтила гостей ея. На лицахъ, сіяющихъ радостью, прочла она намѣреніе ихъ, итти пересказывать только-что собранныя новости. Встрѣча съ Амалией остановила ихъ.

— Вы еще не знаете?... спросила Амалия послѣ первыхъ привѣтствій.

— Чтѣ такое? спросила Клинкауфъ, провожавшая гостей.

— Новость! отвѣчала Амалия и это могущественное слово произвело магическое дѣйствіе на всѣхъ дамъ: всѣ лица опять обратились къ лѣстницѣ.

— Зайдите, миленькая, зайдите! просила хозяйка.

— И мы! вскричали хоромъ кофейницы.

— О, нѣтъ, сказала Амалия, зачѣмъ вамъ беспокоиться... вы сами скоро узнаете эту исторію....

Почтенныя дамы въ нерѣшимости поглядывали одна на другую.

— Еще довольно рано и милая наша Клинкауфъ, вѣроятно, позволить намъ?... сказала дородная.

— Пожалуйста, пожалуйста, вы меня премного обяжете!

Нѣсколько минутъ спустя всѣ уже опять сѣдѣли около кофейнаго стола.

— Какъ давно мы не видались! говорила Амалия; такъ ли поступають съ друзьями, милая фрау Клинкауфъ! Графъ говорить: «я, вѣроятно, чѣмъ-нибудь обидѣлъ фрау Клинкауфъ: она не ходитъ къ намъ, не кланяется; чтѣ бы это значило?»—Если и въ самомъ дѣлѣ графъ провинился въ чемъ-нибудь, то мы-то чѣмъ виноваты? за чтѣ же мы терпимъ? Ахъ, и добрая графиня неутѣшна. Помните ли, гдѣ мы въ послѣдній разъ видѣлись? У католической церкви. Мы шли у церкви, а вы у мосту.... нѣтъ, виновата. Мы шли у мосту, а вы у церкви.... кажется такъ? И вы погрозили еще намъ пальцомъ. Да, да, много горя перетерпѣли мы въ послѣднее время! О, милая, душечка, фрау Клинкауфъ, какъ я рада, что вижу васъ. Какъ провели вы все это время?

— Но вы, кажется, хотѣли.... начала тощая.

— Ахъ, фрейлейнъ Эусмильхъ! Божусь, васъ узнать нельзя: какъ вы пополнили! Вотъ, подумаешь, ные худѣютъ, а другіе полнѣютъ! Все зависитъ отъ характеровъ.... ахъ, скажите пожалуйста, была ли у васъ вода въ погребахъ во время послѣдняго сильнаго вѣтру?

— Кофе ужъ простылъ, а нето я предложила бы вамъ чашечку, сказала хозяйка.

— О, кофе вашъ пользуется такою славой въ Дрездегѣ, что грѣшно было бы отказаться, возразила неожиданно Амалия и подвинула стулъ по-ближе къ кофейнику.

— Но что же случилось? спросила толстая дама, подсѣвъ къ Амалии.

— Сейчасъ, сейчасъ! Я такъ устала.... крутая лѣстница. Позвольте мнѣ кусочекъ пирожного....

— Вы хотѣли намъ рассказать, — начала опять хозяйка, подавая Амалии тарелку съ пирожнымъ, за которое она схватилась съ жадностію избалованнаго ребенка. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что Амалия не могла уже болѣе отговориться.

— Можно ли при ребенкѣ? спросила она, взглянувъ на молодую дѣвушку. .

— Оттилія, ступай въ другую комнату! сказала мать; но Оттилія не повиновалась.

— Маменька, вы сказали, что когда я буду *большая*, то могу все знать.

— Оттилія, не упрямясь.

— Маменька, вы говорили, что я теперь *большая*.

Каммергеръ вышелъ изъ сосѣдней комнаты. Онъ не зналъ о прибытіи Амалии и разслышавъ послѣднія слова молодой дѣвушки, подскочилъ къ ней, поцѣловалъ руку ея и сказалъ:

— Кто можетъ огорчать васъ?

— Фрейлейнъ Амалия хочетъ рассказать исторію, а мнѣ велѣтъ выйти въ другую комнату.

— Фрейлейнъ Амалия!...

Появленіе каммергера спасло Амалию; она скоро подошла къ нему и дружески схватила его за руку:

— Добрый, добрый каммергеръ! вотъ мы опять *вмѣстѣ*. Помните, какъ я боялась за васъ. Нѣтъ ничего хуже боязни! Не правда ли?

Каммергеръ не зналъ, что отвѣчать; Амалія не знала чѣмъ все это кончится и какимъ образомъ ей выпутаться изъ бѣды.

— Слава Богу, продолжала она: теперь вы спасены! А худо бы вамъ пришлось, если бѣ попались Пруссакамъ въ руки.

— А propos! сказала дородная дама, кстати о Пруссакахъ! Счастливо ли выѣхалъ изъ городу прусскій поручикъ, который жилъ у васъ въ домѣ? Я видѣла, какъ его сажали въ карету; онъ, бѣдненькой, былъ едва живъ; мнѣ было очень жаль его, такъ и казалось, что онъ умретъ, не доѣхавъ до заставы.

— Что дѣлать! Мы всѣ смертны, отвѣчала Амалія.

— Такъ онъ уѣхалъ? спросила хозяйка, сдѣлавъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Уѣхалъ, ma chère, равнодушно отвѣчала Амалія: да и Богъ съ нимъ, онъ мнѣ порядочно надоѣлъ.

— Но скажите намъ, пожалуйста, милая Амалія, кто у васъ въ домѣ боленъ?

Этотъ рѣшительный вопросъ наэлектризовалъ все общество; злобные взгляды были устремлены на молодую дѣвушку, которая невольно покраснѣла, потупила глаза, но тотчасъ же поправила и схвативъ руку сосѣдки своей, сказала таинственно:

— Слѣдовательно вамъ все извѣстно!... Полагаюсь на скромность вашу.... сдѣлайте одолженіе, закройте двери на замокъ....

Желаніе ея было тотчасъ исполнено.

— Ваша проникательность не обманула васъ. Точно, мы скрываемъ у себя челоуѣка, который ни за что въ мірѣ не захочетъ, чтобы кто-нибудь въ Дрезденѣ зналъ, что онъ здѣсь въ городѣ....

— Кто же это? Кто же это? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Онъ полагается на вашу скромность.... продолжала Амалія. Маркизь де-Кабанисъ здѣсь!...

— Маркизь! вскричали всѣ.

— Я только-что хотѣлъ доложить вамъ о томъ, сказалъ каммергеръ.

— Какъ! вскричала хозяйка: вы, баронъ, это знали и молчали?

— Карета маркиза только-что подъехала къ графскому дому и я спѣшилъ сюда, чтобы передать вамъ эту новость, когда....

Въ то же мгновеніе всѣ были уже у оконъ.

Амалія стояла одна посреди комнаты и только наступившія сумерки могли скрыть блѣдность, покрывшую щеки ея. Судорожно сжавъ въ рукахъ батистовый платокъ свой, она грызла зубами кончикъ его и нетерпѣливо ударяла ногою по полу.

Когда карета была разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ, то кофейницы воротились на прежнія мѣста и хозяйка иронически взглянувъ на Амалію, сказала:

— Странно! Какъ это маркизь пріѣхалъ, когда онъ уже такъ давно лежитъ въ постели, больной, и у васъ же въ домѣ?

— Да, это точно было бы очень странно, сказала Амалія, принужденно засмѣявшись. Но у насъ въ домѣ другой и маркизь только теперь пріѣхалъ....

— Чтобы навѣстить его! сказала одна изъ дамъ.

— Именно.

— А тотъ больной?

— Вотъ это-то и есть тайна! Но вы скоро ее узнаете.... Позвольте мнѣ только сходить домой.... Я тотчасъ ворочусь и тогда вы узнаете, кто этотъ таинственный незнакомецъ, которому теперь, вѣроятно, уже нечего опасаться!

Она пошла къ дверямъ, но ее не пустили.

— Пойдите, вскричала хозяйка: я пойду съ вами.

— И мы, и мы! закричали гости.

— Ради Бога, говорила Амалія, вы знаете маркиза.... мы помѣшаемъ ему.... радость свиданія съ человѣкомъ, котораго онъ такъ любитъ....

— Это, вѣроятно, сынъ его! закричала торжествуя фрау Клинкауфъ.

Амалія замолчала; сумерки вторично послужили ей скрыть радостную улыбку, появившуюся на лицѣ ея. Она бросилась на грудь къ хозяйкѣ.

— Боже мой! вскричала она: не измѣните мнѣ; я вамъ ничего не говорила!

— Это сынъ его! повторили всѣ въ комнатѣ. Амалія рѣшилась воспользоваться изумленіемъ, которымъ пора-

зѣла всѣхъ неожиданная новость, чтобы удалиться, но едва подошла она къ дверямъ, какъ онѣ съ шумомъ распахнулись и комната освѣтилась....

Два высокіе камердинера съ зажженными свѣчами въ рукахъ остановились на порогѣ, черезъ который величественно перешагнулъ маленькій человѣкъ въ великолѣпномъ красномъ французскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ. Бросивъ пуховую шляпу подъ мышку, онъ остановился и окинулъ все собраніе быстрымъ, испытующимъ взоромъ. Эффектъ былъ самый театралный и замѣтно было, что онъ былъ подготовленъ съ намѣреніемъ.

Когда собравшіяся дамы пришли нѣсколько въ себя, легкій шорохъ пробѣжалъ по комнатамъ.

— Это маркизъ! это маркизъ!

— Инойъ часть кланяться, mesdames! сказалъ вошедшій, слегка кивнувъ головою, и всѣ дамы низко присѣли, только одна Кликауѣ бросилась къ маркизу.

— Oui, c'est mon cher marquis! вскричала она.

— Bonjour! отвѣчалъ ей маркизъ ласково и указавъ на Амалію, продолжалъ тихо: — А что, эта дама нездорова?

Бѣдная Амалія была въ отчаяніи. Она видѣла, что всѣ хитрости ея ни къ чему не послужили и что появленіе маркиза разстроитъ все дѣло.

— Ma chère, сказала торжествуя хозяйка: вотъ маркизъ самъ пришелъ рассказать намъ то, что вы такъ упорно отъ насъ скрывали.

— А! теперь знаю, сказалъ маркизъ и подойдя къ Амаліи, съ участіемъ взялъ ее за руку и продолжалъ: благодарю васъ! Я знаю, что тайна вамъ вѣренна, для васъ святое дѣло!

— Тайна! повторили всѣ; наконецъ-то мы все узнаемъ!

— Именно! вскричала хозяйка рѣшительно, бросивъ недоумчивый взглядъ на Амалію: скажите намъ откровенно, mon cher marquis, кто этотъ больной, который скрывается въ домѣ Мерони — прусскій офицеръ или сынъ вашъ?

Амалія невольно вздрогнула.... но какъ описать изумленіе ея, когда маркизъ отвѣчалъ:

— Мой сынъ!

Не довѣряя своему слуху, Амалія съ изумленіемъ смотрѣла на маркиза; она готова была броситься къ нему на шею.

— Какъ благодаренъ я вамъ, продолжалъ онъ, обращаюсь къ Амаліи: за вашу скромность. Но теперь я готовъ самъ все объяснить; потрудитесь только сказать мнѣ, что вы мнѣ уже сообщили.

— Ничего, ничего! вскричали дамы, но Амалія разсудила, что это *ничего* не дурно объяснить нѣсколькими словами, за которыми маркизъ слѣдилъ весьма внимательно. Когда она кончила, то маркизъ ласково кивнулъ головою и началъ чрезвычайно длинную рѣчь о дружбѣ, благородствѣ, скромности и любви къ ближнему. Многія изъ дамъ приложили платки къ глазамъ и самъ маркизъ казался весьма растроганнымъ.

— И онъ былъ спрятанъ тамъ во все время осады? спросила хозяйка.

Маркизъ поднялъ руки къ небу и сталъ говорить объ ужасахъ войны, объ опасностяхъ, о жестокости солдатъ и, вѣроятно, еще болѣе отдалился бы отъ своего предмета, если бы фрау Кликауфъ, съ жаромъ преслѣдовавшая идею свою, не прервала его.

— Но зачѣмъ вы это такъ долго отъ насъ скрывали?

— Завтра, завтра все узнаете; завтра передъ вами откроется завѣса.... теперь же я долженъ удалиться; мнѣ надо отдохнуть....

Амалія, не понимавшая причины, заставлявшей маркиза такъ дѣйствовать и приписывавшая это одной изъ тѣхъ странныхъ прихотей, которыми онъ отличался, была очень рада тому, что онъ рѣшился наконецъ удалиться. Она боялась, чтобы другая прихоть не заставила его перемѣнить своей идеи и испортить все дѣло.

— Еще одна просьба, *mesdames!* говорилъ маркизъ прощаясь. Не давайте никому знать о томъ, что вы узнали, пока я не поговорю съ коммендантомъ. Мало ли что можетъ выйти.... многое еще долженъ я буду вамъ сообщить, *mesdames!*.... онъ предназначенъ къ чему-то высокому, великому.... а потому, промолчите только одинъ денекъ!

Всѣ обѣщали исполнить его желаніе.

Выходя на улицу, маркизъ спросилъ Амалію:

— Какъ вы думаете: промолчатъ ли онѣ до утра?

— Промолчать, отвѣчала она: потому что теперь разсказывать некому: всѣ уже спать.

Въ домѣ графа, маленькаго маркиза считали какимъ-то непонятнымъ существомъ. У него вездѣ были повѣренныя, начиная отъ графа и до камердинера его; но каждому повѣрялъ онъ что-нибудь другое и когда случайно повѣренныя измѣняли ему, то выходило, что каждому повѣрялъ онъ вещи совершенно противорѣчившія одна другой и никто не могъ понять ни настоящихъ мнѣній, ни намѣреній маркиза. Несмотря на то его очень уважали; графъ всегда слѣдовалъ совѣтамъ его, хотя неизвѣстно было, дѣлалъ ли онъ это изъ уваженія къ уму или же изъ уваженія къ богатствамъ и вліянію его. Чувства Евгенія къ маркизу составляли нѣчто среднее между недоброжелательствомъ и презрѣніемъ; бывали однако жъ минуты, когда ей казалось, что воодушевленіе чудака было неподдѣльно и выказывало душу благородную. Амалія менѣе другихъ была расположена къ нему и только у фрау Клинкауфъ она впервые посмотрѣла на него пріятно, не чувствуя однако жъ охоты сдѣлаться повѣренною его и не желая даже разспрашивать о причинѣ его непонятнаго поступка.

Только одно въ маркизѣ было ясно и неизмѣнно — это была ненависть его къ королю прусскому. Человѣкъ, который окутывалъ какою-то таинственностію самыя незначительныя поступки свои, который скрывалъ каждый шагъ свой, переставалъ быть дипломатомъ, когда рѣчь заходила о Фридрихѣ. Тогда онъ забывалъ все и ненависть его выражалась потокомъ словъ.

Возвратившись съ Амаліей въ домъ графа, маркизъ, забывъ все до того происшедшее, пустился съ хозяиномъ въ длинныя разсужденія о Фридрихѣ и этотъ разговоръ, не прерываясь ни на минуту продолжался во все время ужина, когда наконецъ Евгенія и Амалія, вставъ съ мѣсто своихъ, не дали знать гостю, что пора идти спать.

Графъ проводилъ маркиза въ приготовленную для него комнату и тамъ спросилъ его, гдѣ онъ пропадалъ впродолженіи цѣлаго года и чѣмъ въ это время занимался.

— Сейчасъ узнаете, отвѣчалъ маркизъ, пристально по-

Т. LXIII. — Отд. II.

смотрѣвъ на него; потомъ побѣжалъ къ сундукамъ своимъ, вынулъ изъ одного что-то блестящее и съ торжествующимъ видомъ обратился къ графу.

— Это что? спросилъ изумленный хозяинъ.

— Корона! отвѣчалъ маркизъ; потомъ вынулъ ландарту и раскрылъ ее на столѣ.

— Это что? спросилъ онъ, указывая на одну точку нальцемъ.

Графъ наклонился:—Островъ Корсика, если я не ошибаюсь.

— Вы не ошибаетесь.

— Но что же это значитъ?

— А вы еще не поняли?

— Ничего.

Маркизъ презрительно пожалъ плечами.

— Развѣ вы не знаете, сказалъ онъ: что предки мои въ седьмомъ колѣнѣ происходятъ отъ королей аррагонскихъ, а въ третьемъ отъ графовъ савойскихъ? Вслѣдствіе этого я имѣю полное и законное право на опустѣвшій престолъ корсиканскій!...

Графъ невольно улыбнулся, но маркизъ не замѣтилъ того, и продолжалъ:

— А знаете ли кому этотъ народъ предложилъ корону? Фридриху прусскому!... Понимаете ли, графъ, Фридриху прусскому! Понимаете ли, сколько мужества надо имѣть, чтобы состязаться съ этимъ человекомъ, котораго они называютъ великаномъ?

— Я удивляюсь, началъ графъ....

— И очень хорошо дѣлаете. Спокойной ночи.

Графъ поклонился съ полу-комическою торжественностью и удалился; онъ слышалъ какъ маркизъ заперъ двери на замокъ и задвижку.

Все утихло въ домѣ графа. Онъ самъ давно уже спалъ. Удалившись въ свою комнату, онъ долго разсуждалъ самъ съ собою и сравнивалъ честолюбіе маркиза съ своимъ собственнымъ—тамъ несбыточные фантази, тутъ существованность. Маркизъ, подвергался тысячѣ опасностей, всё оставался на одной и той же точкѣ; онъ же, обезопасивъ себя со всѣхъ сторонъ, быстро достигалъ честолюбивыхъ цѣлей своихъ, хитро вкравшись въ милость двухъ

враждебныхъ державъ. Императрица австрійская довѣряла ему, король прусскій видѣлъ въ немъ челоуѣка, искренно преданнаго ему!.... Однако жъ оны его не соглашались съ этими сладкими мечтами; что-то темное лежало на груди его и давило ее; онъ хотѣлъ бѣжать, но не могъ; хотѣлъ звать на помощь, но у него не было голоса.... еще одно усиліе и онъ проснулся....

Башенные часы пробили три, комната графа была освѣщена и передъ кроватью его стояла странная фигура, которая могла занять весьма приличное мѣсто въ его сновидѣніяхъ.... въ развѣвающейся ночной рубахѣ, съ обнаженными ногами, безъ парика и съ свѣчотою въ рукахъ, стоялъ передъ нимъ маркизъ....

— Что вамъ угодно? вскричалъ графъ голосомъ, дрожащимъ отъ страху и ужасу. Онъ хотѣлъ вскочить, броситься на ночнаго посѣтителя, схватить его за горло и задушить, но маркизъ, какъ-бы предвидя нападеніе, сталъ уже въ оборонительную позицію.

— Протрите глаза, сказалъ онъ.

— Горить! вскричалъ графъ вскочивъ.

— Нѣтъ еще, но надъ головами нашими собирается гроза; молнія можетъ ударить, и тогда.... я не шучу.... вставайте скорѣй!

Графъ всталъ. Между-тѣмъ какъ онъ, полу-сонный, одѣвался на-скоро, странный гость его скорыми шагами, почти припрыгивая, бѣгалъ изъ одного угла въ другой.

— Готовы ли? спросилъ онъ наконецъ, остановившись передъ графомъ. Садитесь же: я расскажу вамъ все дѣло, а вы принимайте мѣры.

— Но, ради Бога, почтенный другъ мой, вы проступаетесь.

— Не бѣда! Когда непріятель у дверей, намъ не до панталонъ!

— Я не думаю.... сказалъ графъ боязливо: кажется, все тихо въ домѣ.

— Но на долго ли? спросилъ маркизъ, надѣвая мѣховой халатъ, который подалъ ему графъ. Едва успѣли они сѣсть на диванъ, какъ на дворѣ послышалась суматоха. Изъ сараевъ вытаскивали кареты, изъ конюшни выводили лошадей, кучера бранились.

— Ужъ не хотите ли вы ѣхать, маркизь?

— До разсвѣту.

— Что же такое случилось? Вы не могли получить никакого извѣстiя съ-тѣхъ-поръ, какъ мы расстались. Вамъ, вѣрно, приснилось.

— А что такое жизнь наша, какъ не сонъ?

— Не въ томъ дѣло теперь, маркизь. Зачѣмъ вы разбудили меня?

— Надо его снасти!

— Кого?

— Этьена.

— Но мы уговорились о томъ уже вчера.

— Я съ вами, графъ, никогда не уговаривался. Вы все лавируете. Во время бури не должно лавировать. Корабль лежитъ въ неприятельской гавани. Надо выбраться изъ нея въ ночной темнотѣ....

— Но мы успѣемъ завтра....

— Не завтра, а сейчасъ! Австрiйцы шутить не любятъ, Клинкауфъ молчать не можетъ; что вчера знали тринадцать бабъ, о томъ сегодня узнаетъ весь городъ и тринадцать деревень! Этьенъ долженъ сейчасъ же удалиться изъ Дрездена.

— Помилуйте, вы подвергаете жизнь его опасности....

— Ничего не бывало. Онъ свѣжъ и здоровъ. Я сейчасъ былъ у графини....

— Въ этомъ костюмѣ?

— Ничего! Послѣ завтра онъ будетъ совсѣмъ здоровъ; сегодня жъ мы уложимъ его еще въ подушки. Я послалъ уже за паспортами. Теперь остается мнѣ еще спросить: остаетесь вы или ѣдете съ нами? Поѣдемте.

— Но откуда взялась эта необыкновенная заботливость ваша? Вы цѣлый годъ не беспокоились о немъ, вы молчали когда онъ вступилъ на службу къ королю, котораго вы ненавидите, вы даже не знали, гдѣ онъ....

— Несмотря на то, я не переставалъ заботиться о немъ! Если бъ я сдѣлался королемъ корсиканскимъ, то онъ былъ бы наслѣднымъ принцомъ!

— Да, но признали ли бъ Корсиканцы его сыномъ вашимъ?

— Говорятъ вамъ, что онъ сынъ мой, мой собственный, мой родной сынъ!

— Но я не понимаю....

— И не зачѣмъ! — Хотите или не хотите? спросилъ маркизъ, вскочивъ съ мѣста и протягивая къ графу его панталоны. Графъ сталъ одѣваться, а маркизъ, скрестивъ руки на груди, продолжалъ:

— Я очень доволенъ, что онъ любитъ дочь вашу и любимъ ею. Она обратитъ его на путь истинный. Ну, скажите сами, какъ можно любить короля прусскаго?

— Конечно, но если вы надѣетесь на помощь Евгениі, то можете ошибиться. Она не захочетъ....

— Мы должны хотѣть, женщины жъ должны повиноваться.

Графъ пожалъ плечами:—Но если она сама любитъ прусскаго короля?

Эти слова поразили маркиза своею неожиданностію. Вытаращивъ глаза, открывъ ротъ, смотрѣлъ онъ на графа впродолженіи нѣсколькихъ минутъ; потомъ махнулъ рукою, улыбнулся и весело сказалъ:

— Тѣмъ лучше!.... Знаете, что мы тогда сдѣлаемъ? Мы оставимъ его въ прусской службѣ. Онъ отличится. Мужествомъ и пріятной наружностью одаряла его природа, благородную гордость внушила ему отецъ, деньги у него будутъ, умъ есть. Онъ скоро сдѣлается ротмистромъ, майоромъ, полковникомъ, генераломъ.... Онъ уже спасъ королю жизнь, спасетъ еще другой и третій разъ. Рѣшительное сраженіе. Подъ королемъ убита лошадь. Этьенъ уступаетъ ему свою. Фридрихъ находится въ опасности попасть въ плѣнъ. Этьенъ, освобождаетъ его, собираетъ гусаровъ, нападаетъ на непріятеля, обращаетъ въ бѣгство и одерживаетъ побѣду. Фридрихъ бросается къ нему на шею, генералы снимаютъ шляпы.—«Этотъ человѣкъ спасъ Пруссію!» восклицаетъ король....

— И?...

— И Этьенъ дѣлается необходимымъ ему. Тогда я, какъ отецъ Этьена, заставлю Фридриха возвратитъ мнѣ то, что отнялъ у меня его отецъ!

— Планъ вашъ прекрасенъ, но.... подумайте прежде о

томъ, какъ бы вывезть по-скорѣе сына вашего изъ Дрездена.

— Справедливо! отвѣчалъ маркизъ и услышавъ приближавшіеся шаги, проворно выскочилъ изъ комнаты. Въ то же время въ другую дверь вошла Евгенія, одѣтая по дорожному. Она подошла къ отцу и подала ему руку.

— Я вижу, сказалъ графъ: что вы не только уговорились безъ меня, но и привели уже все въ исполненіе. Но, милая моя, выдержитъ ли больной?....

— Посмотрите на него, отвѣчала Евгенія, засмѣявшись, и отворила дверь.

Въ залу, гдѣ подъ присмотромъ Амаліи укладывались и увязывались ящики, чемоданы и сундуки, вошелъ больной офицеръ, поддерживаемый двумя слугами. Лицо его было еще блѣдно, глаза тусклы, но довольно твердая походка и свѣжій цвѣтъ губъ, свидѣтельствовали о счастливомъ выздоровленіи. Графъ ласково подошелъ къ нему и занявъ мѣсто одного слуги, самъ взялъ больного подъ руку и пошелъ съ нимъ къ софѣ.

— Вы слишкомъ добры, графъ, сказалъ больной. Надѣюсь, что скоро я уже не буду вамъ въ тягость.

— Вы очень поправились въ послѣдніе дни.

— Я всѣмъ обязанъ попечительности милаго вашего семейства, однако жъ и свиданіе съ покровителемъ, вторымъ отцомъ моимъ, имѣло на меня благотѣльное дѣйствіе....

Дѣла и хлопотъ было болѣе, нежели можно было ожидать. Паспортовъ долго не присылали, почтовые лошади опоздали и свѣтлое солнце осенняго утра освѣщало уже дрезденскія кровли, когда вещи не были еще уложены, а лошади не запряжены. Любопытство сосѣдей заставляло графа страдать; онъ былъ всѣмъ недоволенъ, и при малѣйшемъ шумѣ вздрагивалъ. Наконецъ затрубили почталіоны....

— Больного надо посадить въ мою карету, сказалъ маркизъ: она удобнѣе другихъ. Но ему необходимъ женскій присмотръ.

— Такъ дочь моя поѣдетъ съ нимъ, сказалъ графъ.

— Амалія поѣдетъ съ цоручикомъ, сухо отвѣчала Ев-

генія, гордо посмотрѣвъ на отца: она лучше умѣетъ ухаживать за нимъ.

Наконецъ всѣ усѣлись. Одинъ маркизъ замѣшкался, но онъ поставилъ уже одну ногу на подножку, какъ вдругъ кто-то схватилъ его сзади за руку. Онъ оглянулся—передъ нимъ стояла фрау Клинкауфъ.

— Что это значитъ? спросила она.

Маркизъ нѣсколько смутился, но тотчасъ же довольно забавная мысль блеснула въ умѣ его.

— Сядьте со мною, сказалъ онъ таинственно: я вамъ сообщу вещи, отъ которыхъ у васъ волосы дыбомъ станутъ!

Но фрау Клинкауфъ была хитра; изъ подлобья взглянула она на дорожную карету:

— Вы уѣзжаете? Зачѣмъ? Куда?

— Счастливъ тотъ, кто можетъ теперь оставить Дрезденъ!

— Отчего? Что такое? продолжала она, крѣпко сжавъ руку маркиза. Чего намъ бояться?

— Всего!

— Отъ Фридриха?

Маркизъ утвердительно кивнулъ головою.

— Кто больной?

Маркизъ пожалъ плечами.

— Говорите, я не отпущу васъ, маркизъ. Кто больной?

Маркизъ съ безпокойствомъ сталъ оглядываться. Вдругъ увидѣлъ онъ незнакомаго мужчину, выходившаго изъ соседняго дома и указавъ на него пальцомъ, сказалъ:

— Спросите его. Онъ все знаетъ!

— Неужели? Поэтъ нашъ, господинъ Робенеръ! воскликнула Клинкауфъ, всплеснувъ руками. Маркизъ воспользовался этимъ случаемъ, вскочилъ въ карету и Клинкауфъ не успѣла еще опомниться, какъ колеса застучали по мостовой.

Поэтъ Робенеръ очень удивился, когда на него налетѣла фрау Клинкауфъ и на всѣ разспросы ея отвѣчалъ, что семейство графа Мерони очень милое, любезное семейство, но когда она стала называть его измѣнникомъ, сообщникомъ тайныхъ замысловъ и заговоровъ графа, челоуѣ-

комъ скрытнымъ, то поэтъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой и поворотивъ въ другую улицу, проворчалъ сквозь зубы:

— Бѣдняжка! Я давно замѣчаю, что она не въ полномъ разумѣ!....

Фрау Клинкауфъ ничего больше не узнала.

Солнце давно уже закатилось и путешественники наши счастливо выбравшись изъ Дрездена, были уже въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города.

Мѣсяцъ освѣщаль песчаную дорогу, по которой медленно тянулись экипажи. По обѣимъ сторонамъ дороги лежали огромные камни, казавшіеся при лунномъ свѣтѣ какими-то блѣдными привидѣніями; далеко распространялся мелкій сосновый и еловый кустарникъ, только на горизонтѣ присоединявшійся къ черному, мрачному бору.

Стефанъ ѣхалъ въ одной каретѣ съ Амаліей. Оба молчали. Вдругъ поручикъ вздрогнулъ....

— Чтò съ вами? спросила Амалія.

— Мнѣ показалось, что кто-то сидѣлъ на одномъ изъ этихъ камней и скрылся при нашемъ приближеніи.

— Вы еще въ горячкѣ. Кто рѣшится ночевать въ такомъ мѣстѣ?

— Вы не вѣрите въ привидѣнія?

— Ради Бога, не говорите теперь о привидѣніяхъ.

— Какъ! такъ и вы, безстрашная спасительница моя, можете болтаться?

— Все хорошо въ свое время. Днемъ я могу смѣяться надъ привидѣніями, но ночью и въ лѣсу.... это дѣло другое!

Стефанъ поспѣшно схватился за пистолеты.

Этьенъ, ради Бога, чтò это?....

— Ничего, ничего! Вѣроятно, колеса дурно смазаны.

— Опять!.... Нѣтъ, это свистъ.

— Успокойтесь, привидѣнія никогда не свищутъ, отвѣчалъ Стефанъ, медленно взводя курокъ.

Нѣсколько свистковъ раздались съ разныхъ сторонъ.

— Поѣзжай скорѣе! закричалъ Стефанъ кучеру, опустивъ стекло и высунувъ голову въ каретное окно. Пошелъ!

— Ради Бога, не кричите! сказала Амалия, схвативъ руку поручика: — Они услышатъ..... посмотрите..... тамъ....

Этьенъ почти невѣжливо оттолкнулъ Амалию. Онъ видѣлъ, что возлѣ экипажей, ѣхавшихъ вперед и сзади, двигались какія-то длинныя тѣни....

— Это не привидѣнія, шепнулъ Этьенъ Амалии, которая едва дышала.

— Австрійскіе патрули?

— Хуже!

— О, что жъ это кучера не погоняютъ лошадей....

— Мы въ глубокомъ песку....

— Что вы дѣлаете?

— Посмотрите.... тамъ, въ кустарникахъ.....

— О, ради Бога, не стрѣляйте, Этьенъ!.... Дайте мнѣ одинъ пистолеть.

Была мертвая тишина, даже лошади, казалось, были объаты страхомъ; онѣ не ржали, копыта ихъ углублялись въ песокъ. Вдругъ послышался опять рѣзкій свистъ и въ то же мгновеніе что-то затрещало, застучало и громкій крикъ прервалъ тишину ночи.... Этьенъ растворилъ дверцы кареты, выстрѣлилъ....

Амалия закрыла глаза и громкими криками звала на помощь, вока голосъ Стефана не заставилъ ее замолчать.

— Ступайте, помогите, сказалъ онъ, и Амалия чрезвычайно удивилась, когда вся помощь, которую отъ нея требовали, состояла въ томъ, чтобы пособить Евгеніи выбраться изъ опрокинувшейся кареты. Она больно ушиблась, рука ея была въ крови.

Графъ, дрожа какъ осиновый листъ; бросился къ дочери и заключилъ ее въ свои объятія.

— Слава Богу, вскричалъ онъ: все кончилось!

— Но что случилось? спросила Евгенія, какъ-бы прорывшись отъ сна.

— Это объяснить тебѣ другъ и спаситель навѣ, отвѣчалъ графъ и обратился къ Стефану: — Въ кого вы стрѣляли?

— Не знаю, отвѣчалъ разсѣянно поручикъ.

Кучера и камердинеры громко спорили. Кучера говори-

ли, что это съ ними подшутили дѣшше, а камердинеры утверждали, что за кустами были мародѣры.

— Я видѣлъ, говорилъ одинъ камердинеръ: своими глазами видѣлъ, и готовъ побожиться, что это были прусскіе мародѣры, и если бъ поручикъ не выстрѣлилъ во-время, то намъ пришлось бы плохо! Я самъ видѣлъ, какъ они разбѣжались по кустамъ!

— Разбѣжались? сказалъ одинъ изъ кучеровъ. Ну, плохо же ты знаешь прусскихъ мародѣровъ! Ихъ и пушка не испугаетъ, не только-что пистолетный выстрѣлъ.

— Боже мой, Боже мой, что теперь дѣлать! вскричалъ графъ съ отчаяніемъ. Они могутъ воротиться и вторично напасть на насъ!... Евгенія, у тебя кровь на рукѣ!...

— Что я сдѣлалъ! вскричалъ Стефанъ, бросившись къ Евгеніи, между-тѣмъ какъ Амалія обвязывала ей руку.

— Успокойтесь, Этьенъ, отвѣчала графиня ласково. Я упала на стекло каретнаго окна. Это ничего!

Между-тѣмъ послышался конекій топотъ. Прусскіе гусары въ бѣлыхъ шинсляхъ показали на поворотѣ дороги. Всѣ чрезвычайно обрадовались; гусары приблизились и узнавъ въ чемъ дѣло, помогли поднять карету; вскорѣ все снова пришло въ прежній порядокъ.

Только тогда замѣтили отсутствіе маркиза. Его искали, звали, но тщетно. Всѣмъ пришло тогда на мысль, что, вѣроятно, онъ попался въ руки мародѣрамъ. Дамы стали просить гусаровъ, чтобы они пустились за ними въ погоню, но старшій унтеръ-офицеръ отказался, говоря, что число гусаровъ, бывшихъ съ нимъ, слишкомъ не велико, чтобы можно было идти на встрѣчу отчаяннымъ мародѣрамъ.

— Притомъ же, говорилъ онъ: если въ самомъ дѣлѣ мародѣры овладѣли имъ, то тутъ можетъ помочь только добрый выкупъ, между-тѣмъ какъ насиліе и угрозы могутъ подвергнуть опасности жизнь господина маркиза!

Путешественники наши, видя, что всѣ старанія ихъ отъискать маркиза, были тщетны, поѣхали наконецъ далѣе, сопровождаемые гусарами, или лучше сказать, слѣдя за ними. Много было догадокъ, предположеній о томъ, куда дѣвался маркизъ и всѣхъ угѣдала мысль, что маркизъ такой человекъ, который сумѣетъ выпутаться изъ бѣды.

Переночевавъ на небольшомъ постояломъ дворѣ, путешественники рано утромъ собрались опять въ дорогу, вслѣдъ за гусарами. Наконецъ къ вечеру увидѣли они колокольню графскаго села и крышу замка. Графъ вздохнулъ свободно.

Съ грустнымъ, тягостнымъ чувствомъ вступили путешественники наши въ опустошенный замокъ. Полу-согнившая солома, сѣно, отбитые кирпичи, доски и куски разбитой посуды валялись по паркетамъ. Въ одной изъ комнатъ, середина полу была прожжена. Видно было, что солдаты, недовольствуясь печами, вздумали равводить огонь посреди комнаты. Великолѣпныя дубовыя двери и мебель были употреблены на дрова, окна и зеркала разбиты, картины изрублены саблями, обои оборваны!

— Не знаю, какъ мы тутъ устроимся! говорилъ графъ вздохнувъ; потомъ обратившись къ крестьянамъ, которые собрались, чтобы встрѣтить своего господина и съ печальными лицами слѣдовали за нимъ, онъ сказалъ:

— Васъ, вѣроятно, они еще хуже обидѣли? Все перепортили?

— Нето, что перепортили, а просто ничего не оставили, отвѣчалъ староста.

— Отъ кого же вы больше потерпѣли?

— Всѣ хороши! и свои и чужие. Только отъ одного избави насъ, Боже: отъ нападенія мародѣровъ. Ихъ не слышать, не видать, какъ—вдругъ, откуда ни возьмись, налетятъ; смотришь..... ашь на небѣ ужъ зарево!

Графъ старался успокоить крестьянъ, хотя самъ безпокоился чуть ли не больше ихъ и отпустилъ депутацію съ обѣщаніями постараться вознаградить всѣ ихъ потери и убытки.

По счастью оказалось, что въ верхнихъ этажахъ замка сохранился еще нѣкоторый порядокъ; только кое—гдѣ были разбиты стекла, тутъ нѣсколько пуль всажено въ стѣну, тамъ къ женскимъ головкамъ на картинахъ приклеены усы изъ войлока или лошадиного волосу.

Въ разоренномъ селеніи графа сгоялъ отрядъ прусскихъ солдатъ, и въ начальникъ ихъ, семейство графа узнало стараго знакомаго, капитана, квартировавшаго у нихъ и въ прошломъ году. Это утѣшило графа, но не на долго:

онъ узналъ, что отрядъ долженъ былъ выступить въ тотъ же вечеръ. Тогда опять овладѣлъ имъ страхъ, при воспоминаніи объ ужасахъ, рассказываемыхъ про мародѣровъ и трусливый придворный внутренно раскаявался, что покинулъ Дрезденъ.

Смерклось. Вдругъ сильный шумъ и крикъ на дворѣ замка вызвали всѣхъ обитателей его на крыльцо. Толпа крестьянъ съ криками мести тащила кого-то къ замку.

— Поймали, поймали! разбойника! зажигателя! слышались восклицанія въ толпѣ.

Сердце Стефана невольно сжалось..... Онъ хотѣлъ скорѣе увидѣть обвиняемаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшился этой минуты.

— Спасите! Освободите меня изъ рукъ этихъ нечестивцев! кричалъ чей-то голосъ и графъ съ невыразимымъ изумленіемъ узналъ..... маркиза!

— Чтò вы дѣлаете? закричалъ графъ крестьянамъ: вы ошиблись!

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ дюжій парень, тащившій маркиза за галстухъ: у меня, кажись, свои глаза — я не ошибся, потому что со вчерашней ночи преслѣдую этого молодца! Скажи-ка, зачѣмъ ты бродилъ около деревни, когда стало смеркаться? зачѣмъ перескочилъ ты черезъ изгородь, когда я окликнулъ тебя? зачѣмъ убѣжалъ ты въ лѣсъ, когда я за тобой погнался? Зачѣмъ загѣзъ ты на сѣнникъ, гдѣ я тебя поймалъ? Э, братъ, ты малъ, да удалъ! Ну, отвѣчай же! и крестьянинъ такъ крѣпко дернулъ маркиза за галстухъ, что чуть не задушилъ его. Видите ли, ваше сіятельство, онъ молчитъ — значитъ, онъ настоящій разбойникъ!

Крестьянинъ говорилъ съ такою увѣренностію, что въ толпѣ товарищей его послышался грозный для маркиза ропотъ.

— Ради Бога, объяснитесь, маркизъ, сказалъ графъ.

— Онъ говоритъ правду — только въ послѣднемъ солгалъ. Похожъ ли я на разбойника?

— Зачѣмъ же вы не вошли прямо въ замокъ?

— Зачѣмъ? Неужто вы хотите, чтобы я жилъ въ одномъ домѣ съ ненавистными Пруссаками? Теперь они удалились и я вернулся къ вамъ!

— Ахъ, Боже мой! А мы думали, что вы попались въ руки разбойникамъ?

— Подите вы, съ вашими разбойниками! Гдѣ они у васъ? Да и могутъ ли быть разбойники въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ, ни пещеръ? Могутъ ли быть разбойники въ песчаной степи? У васъ крадутъ, воруютъ, грабятъ, убиваютъ, а разбойниковъ быть не можетъ! Скажите вы сами, олухи, продолжалъ маркизъ съ жаромъ, обращаясь къ крестьянамъ: куда могутъ скрыться ваши разбойники, когда выпадетъ снѣгъ? Говори ты, дуралей!

При послѣднихъ словахъ маркиза, увѣренность въ томъ, что онъ поймалъ разбойника, покинула крестьянина; онъ отпустилъ галстухъ маркиза, почтительно снялъ шапку и отступилъ на нѣсколько шаговъ, почесывая голову.

Стефанъ обнялъ маркиза, но послѣдній, казалось, не былъ расположенъ къ нѣжности.

— Могъ ли я остаться съ вами, продолжалъ маркизъ, обращаясь къ графу: когда полетѣли къ вамъ на помощь прусскіе гусары? Я ушелъ въ кустарникъ и не показывался, хотя очень хорошо слышалъ, какъ вы звали меня.

— Жаль только, замѣтилъ графъ, что вы попались въ руки крестьянамъ.....

— Это не бѣда! Мужикъ не можетъ обидѣть дворянина; толчки ихъ получили платье мое, а не я!

Крестьяне разошлись.

За ужиномъ маркизъ, по обыкновенію своему, сталъ бранить Пруссаконъ и съ живостію переходя отъ одного предмета къ другому, опять заговорилъ съ графомъ о союзѣ дѣтей ихъ, которые вставъ изъ-за стола удалились въ углубленіе окна и тамъ дружески разговаривали.

— Графъ! вскричалъ маркизъ, поднявъ стаканъ съ виномъ: за здоровье дѣтей нашихъ!

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ графъ. Этьенъ, Евгенія! Ступайте сюда!

— Обнимитесь! закричалъ маркизъ.

Стефанъ покраснѣлъ; Евгенія поблѣднѣла; слезы выступили на глазахъ ея и она бросилась въ объятія Амаліи.

Маркизъ нахмурился, недопилъ стакана и вскорѣ удалился. Графъ послѣдовалъ за нимъ.

— Этьенъ, другъ мой, сказала графиня, когда они остались одни: я давно желала поговорить съ вами. Мы были увлечены однимъ чувствомъ — мы думали, что любимъ другъ друга, но вскорѣ я замѣтила, что вы сдѣлались холодны ко мнѣ, что вы поняли, что не можете быть счастливы со мною.....

— Евгенія! прервалъ слова ея Стефанъ: вы ошиблись. Могу ли, смѣю ли я любить васъ?.... Вѣроятно, есть еще люди, изъ соотечественниковъ моихъ, которые видятъ во мнѣ не что иное какъ измѣнника, дезертера; ни чѣмъ еще не удалось мнѣ оправдать себя въ глазахъ товарищей, Фридриха, въ вашихъ глазахъ, Евгенія!.... Надѣяться на богатства, которыя обѣщаетъ мнѣ странный покровитель мой, называющій себя отцомъ моимъ по какой-то непонятной прихоти, было бы неблагородно!.... Себѣ одному хочу я быть обязанъ вашей.... вашей дружбой!

Евгенія промолчала нѣсколько секундъ, потомъ продолжала:

— Вы благородный человекъ, Этьенъ! и я надѣюсь, что мы останемся друзьями..... добрыми друзьями! Я понимаю, что вы можете и должны любить Фридриха, одного Фридриха. Вы Пруссакъ. Вы дрожите?.... Дайте мнѣ руку..... Я поклялась отцу моему, что откажусь отъ васъ, но только одно желаніе спасти васъ, могло исторгнуть у меня эту клятву. Теперь отецъ мой съ радостію готовъ дать согласіе на союзъ нашъ, потому что онъ вѣритъ словамъ маркиза, что вы законный сынъ его..... но я буду тверже отца моего.... я сдержу слово свое..... Прощайте, Этьенъ, другъ мой!

И странная дѣвушка, которой весь характеръ состоялъ изъ противорѣчій, еще разъ пожала руку Стефану и удалилась, но едва вышла она за дверь, какъ вся твердость покинула ее; слезы ручьями покатились по щекамъ ея..... героиня была слабая дѣвушка.

Прошло нѣсколько дней въ скучной, томительной однообразности.

Однажды Стефанъ засталъ маркиза въ своей комнатѣ. Гусарскій мундиръ его лежалъ на полу.

— Что это значитъ? спросилъ Стефанъ.

— Я не хочу, чтобы ты больше носилъ этотъ мундиръ!

Съ живостию схватилъ Стефанъ долманъ свой и вмѣсто отвѣта поцѣловалъ выпитый на немъ вензель короля, счистилъ пыль и бережно повѣсилъ его на мѣсто.

— Кчему это? сказалъ Этьенъ послѣ нѣкотораго молчанія: вы должны знать, что никакія угрозы не заставятъ меня....

— Да я развѣ угрожаю? Я прошу, умоляю! Послушай, Этьенъ, будь разсудителенъ. Славѣ и могуществу Фридриха пришелъ конецъ. При Гогкирхенѣ онъ былъ побѣжденъ; при Кайѣ онъ потерялъ цѣлую армию; при Куннерсдорфѣ его окончательно уничтожили. Онъ самъ лежитъ въ Глогау, закутанный въ фланель: у него хирагра и подагра; руками не можетъ пошевелить, ноги околѣбли....

— Но голова жива и здорова!

— А кчему ему теперь голова? Повѣрь мнѣ, Фридрихъ ужъ не поправится: онъ погибъ безвозвратно!....

Стефанъ схватилъ со стѣны саблю, до половины обнажилъ ее и воскликнулъ:

— Такъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ будетъ не одинъ, когда наступитъ послѣдній часъ его!

Движеніе это понравилось маркизу, однако жъ преслѣдуя идею свою, онъ продолжалъ:

— Не думай, что Фридрихъ умретъ славною смертію... нѣтъ! онъ погаснетъ какъ лампа, въ которой выгорѣло все масло. Да и что тебѣ въ Фридрихѣ?

— Спросите лучше всю Европу, весь міръ: всѣ удивляются этому чудному генію! Отчего не одна Пруссія, а даже непріатели отдають ему справедливость!.... И вы сами можете ненавидѣть его, но невольно должны удивляться ему!....

— Но, послушай, продолжалъ маркизъ: что ты будешь отвѣчать, когда я тебѣ скажу, что, во-первыхъ, ты со-сѣмь не Пруссакъ; что родительскій домъ твой не въ Берлинѣ; что предки твои молились не въ лютеранскихъ церквахъ; что кости ихъ покоятся не въ Пруссіи; если я скажу тебѣ, что....

— Остановитесь! вскричалъ Стефанъ. Смертная блѣдность покрывала щеки его. Онъ схватилъ руку маркиза и вперивъ въ него неподвижный взоръ, произнесъ мрачнымъ, дрожащимъ голосомъ: — Если убѣжденія, доказательства

ваши могутъ быть оскорбительны для моей матери, то не говорите.... не снимайте завѣсы съ тайны, хотя бы за нею скрывалось блаженство всей моей жизни. Не разрушайте единственныхъ драгоценныхъ воспоминаній, которыя я унесъ изъ родительскаго дому!

Маркизь молча смотрѣлъ на Стефана.... слезы катились по щекамъ страннаго старика. Вдругъ бросился онъ на шею къ Стефану, и крѣпко прижалъ его къ груди своей.

— Тебѣ нечего краснѣть за мать; ты можешь гордиться ею, точно такъ, какъ и она можетъ гордиться такимъ сыномъ!.... Завтра, продолжалъ маркизь съ чувствомъ пожавъ руку Стефана: завтра ты все узнаешь!

— Завтра, отвѣчалъ поручикъ: завтра сюда ожидаютъ гусаровъ и я намѣренъ послѣдовать за ними....

— И я больше не стану удерживать тебя! Ты вездѣ и всегда будешь благородный человѣкъ!.... Жди меня къ себѣ въ полночь.... благословляю тебя, сынъ мой!.... Маркизь еще разъ поцѣловалъ молодаго человѣка и скоро вышелъ изъ комнаты.

Сцена эта сильно взволновала Стефана. Въ комнатѣ ему было душно: онъ вышелъ на свѣжій воздухъ. Солнце чрезвычайно теплаго весенняго дня благотѣльно подѣйствовало на него. Воздухъ освѣжилъ его горящее лицо. Медленно прохаживался Стефанъ по липовой аллеѣ. Спокойствіе и тишина опять возвратились въ селеніе; дѣти весело рѣзвились на солнышкѣ; женщины развѣшивали бѣлье. Всѣ ласково кланялись молодому офицеру, который неоднократно навѣщалъ нуждающихся и помогалъ имъ.

Сухіе листья хрустѣли подъ ногами его, когда Стефанъ направилъ шаги къ небольшой рощѣ. Свѣтлое, голубое небо блестѣло надъ пространными полями; жаворонки взвивались высоко, и весело распѣвали. Было воскресенье и, казалось, сама природа праздновала день отдохновенія и молитвы.... Стефанъ мысленно перенесся въ Берлинъ....

Громкій лай вывелъ его изъ задумчивости. Огромная, косматая собака, оскаливъ зубы, ворчала на Стефана. Она сторожила спящаго путника, лицо котораго было обращено къ забору; возлѣ него лежали посохъ, связка лохмотьевъ и сапоги. Только разсмотрѣвъ огромное тѣло, мускулистые члены, широкія плечи и огрубѣлыя, загорѣ-

ляя ноги путника, можно было понять, какъ онъ могъ такъ спокойно и крѣпко спать на твердой землѣ, на пыльной подушкѣ, на крапивѣ, которая не имѣла никакого дѣйствія на его твердую кожу. Муравьи, жилище которыхъ путникъ прижалъ локтемъ, не беспокоили его, осы и пчелы тщетно жужжали надъ самымъ ухомъ..... Онъ спалъ, сторожимый вѣрной собакой.

Увидѣвъ, что Стефанъ остановился, собака опять легла, не переставая однако жъ глухо ворчать и глазами слѣдя за каждымъ движеніемъ незнакомаго человѣка. Вѣтеръ наносилъ на спавшаго сухіе листья.... Сколько бѣдствій перенесъ, вѣроятно, этотъ бѣднякъ и всѣ они, казалось, скользили по очерствѣлой натурѣ его, такъ же легко, такъ же незамѣтно, какъ и поблекшіе листья!... Онъ терпѣлъ голодъ и жажду и едва-ли когда бывалъ сытъ.—Онъ терпѣлъ морозъ и забывалъ все, когда ему приходилось провести ночь возлѣ печи.—Онъ странствовалъ по свѣту босыми ногами для того, чтобы при людяхъ являться въ сапогахъ!...

Стефанъ наклонился, чтобы положить въ руку бѣдняка монету.... Но собака бросилась на него и монета упала на землю, возлѣ изголовья путника, лицо котораго всё-еще было обращено къ забору....

— Что вы тамъ дѣлаете? вскричалъ чей-то голосъ, Стефанъ быстро оглянулся и увидѣлъ графа, проѣзжавшаго въ кабриолетѣ.—Погода чудесная и мнѣ хочется осмотрѣть свое имѣніе; поѣдьте со мною.

Стефану не хотѣлось, чтобы графъ увидѣлъ спавшаго бѣдняка, хотя самъ не зналъ почему; онъ скоро пошелъ къ кабриолету и занялъ мѣсто возлѣ графа.

—

Задумчиво сидѣлъ Стефанъ въ комнатѣ своей, у окна. Была ночь. Вихорь, уже съ вечера подымавшій пыль, былъ предвѣстникомъ грозы, нагонявшей тяжелыя тучи на горизонтъ. Теплый воздухъ превратился въ рѣзкій, ночной холодъ; только изрѣдка проглядывали кое-гдѣ на небѣ звѣздочки и появлялась тусклая луна, какъ-бы изъ-за туману. Верхушки лигъ шумѣли, ударяясь одна о другую и жалобно завывалъ вѣтеръ въ трубы....

На баиенныхъ часахъ пробило три удара—три четверти двѣнадцатаго.

— Онъ придетъ, думалъ Этьенъ:—и я все узнаю! Зачѣмъ? Отчего сердце мое сжимается при этой мысли?...

Въ корридорѣ слышались медленные, легкіе шаги... Кто-то подошелъ къ дверямъ....

— Кто тамъ? спросилъ Стефанъ; отвѣту не было. Онъ взялъ свѣчу, отворилъ двери—въ корридорѣ никого не было, только свѣтлые глаза большой собаки блестя въ темнотѣ. Стефанъ узналъ собаку; появленіе ея въ замкѣ удивило и обезпокоило его, тѣмъ болѣе, что однимъ прыжкомъ вскочила она въ комнату, обнюхала всѣ углы и какъ-бы не находя того, чего искала, такъ же скоро убѣжала, прежде нежели молодой офицеръ могъ прийти въ себя.

Опять наступила тишина. Вѣтеръ нѣсколько утихъ, хотя верхушки деревъ еще покачивались со стороны на сторону и воробьи, съ злобѣющимъ карканьемъ, летали по воздуху, не рѣшаясь еще искать убѣжища на шевелящихся вѣтвяхъ. Небо обложилось тучами. Стефанъ подошелъ опять къ окну и мало-по-малу, когда глаза его привыкли къ мраку, онъ сталъ различать предметы.... Тамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка, близъ корчмы, что-то двигалось.... Тучи разступились и блѣдный свѣтъ луны упалъ на выбѣленную стѣну корчмы ... Тамъ стояла толпа людей.

Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу. Этьенъ оглянулся—передъ нимъ стоялъ маркизь:

— Этьенъ, видишь? сказалъ онъ тихимъ голосомъ: Нѣтъ, тутъ не видно; пойдѣмъ къ тому окну.

— Я ничего не вижу.

— Тамъ—огонѣкъ....

— Это не огонѣкъ.

Вдругъ что-то яркое поднялось изъ-за деревьевъ сада.... По небу распространилось красное зарево.

— Этьенъ, гдѣ это?

— У овчарни!

Въ то же мгновеніе у воротъ замка кто-то закричалъ:

— Пожаръ! И эхо, разносясь по пустымъ покоемъ нижняго этажа, повторяло: пожаръ! пожаръ!...

— Отчего тамъ могъ сдѣлаться пожаръ? съ живостію спросилъ маркизъ, между-тѣмъ какъ Стефанъ уже опоясывалъ саблю.

— Позаботьтесь о томъ, чтобы пробили тревогу!... И Этьенъ сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ конюшню, разбудилъ денщика своего и самъ отвязывая лошадь, кричалъ:— На коней! Къ оружію! Пожаръ!

Когда лошадь была осѣдлана, тревога распространилась уже по всему замку и въ деревнѣ крестьяне выбѣгали на улицы, разбуженные звономъ колокола, висѣвшаго посреди деревни, на площадкѣ... Маркизъ никому не хотѣлъ передать приказанія молодаго офицера, онъ самъ стремглавъ бросился къ колоколу и звонилъ изъ всей мочи.

Овчарня лежала внѣ деревни, за рощей. Крестьяне бросились туда... Высокимъ столбомъ подымалось пламя къ небу. Изрѣдка слышались отчаянный крикъ и жалобное блеяніе овецъ.

— Скорѣй ребята! закричалъ Стефанъ: спасемте, что еще можно!

Ворота были немедленно выломаны и овцы, стадами выбѣжали оттуда. На нѣкоторыхъ ярко пылала жирная шерсть. Стали искать овчара. Его нашли въ постелѣ, связаннымъ по рукамъ и по ногамъ.

— Кто связалъ тебя? спрашивали крестьяне.

— Извѣстно кто! отвѣчалъ несчастный, избитый овчаръ.

— Они хотѣли тебя сжечь?

— Не меня одного, а всѣхъ и все!

Странное предчувствіе овладѣло Стефаномъ.

— Говори; вскричалъ онъ: что они хотѣли дѣлать?

— Поджечь замокъ и все селеніе, отвѣчалъ овчаръ, котораго наконецъ развязали. Они грозили, что съ меня съживаго сдерутъ шкуру, если только пикну.— Сжальтесь надо мной, ваше благородіе: защитите отъ изверговъ, а я таки буду кричать во все горло; не боюсь ихъ!

Стефанъ провелъ рукою по лбу, на которомъ, несмотря на нестерпимый жаръ, выступилъ холодный потъ.

— Всемогущій! вскричалъ онъ; поспѣшимъ назадъ, къ замку!

— Замокъ горитъ, замокъ горитъ! закричали голоса

въ толпѣ; и точно, башни зѣмка, видѣвшіяся изъ-за роши, были ярко освѣщены.

— Къ зѣмку! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

Въ овчарнѣ уже нечего было спасать. Овецъ оставили на произволъ судьбы, и всѣ бѣгомъ отправились къ зѣмку. Всякой понималъ, что овчарня была зажжена только для того, чтобы отвлечь вниманіе крестьянъ отъ села и зѣмка.

Всѣ въ селеніи были на ногахъ. Женщины, старикки, дѣти, бѣгали, суетились съ крикомъ и воплемъ.... Никто не думалъ о сопротивленіи. Несчастные хозяева домовъ сами на своихъ плечахъ выносили на площадь вещи, которыми разбойникамъ—мародѣрамъ угодно было овладѣть. Посреди кучъ наваленныхъ вещей, пожитковъ, столгу у колокола маркизъ; потъ градомъ катился съ лица его, но онъ неутомимо продолжалъ звонить, не обращая вниманія на мародѣровъ, окружавшихъ его, съ громкимъ смѣхомъ.

Наконецъ Стефанъ съ болышею частію крестьянъ подошлѣлъ къ зѣмку. Далекое разливался свѣтъ отъ яркаго пламени, и старыи зѣмокъ, освѣщенный тысячами огней, блескѣлъ какъ волшебное зданіе. Вездѣ шумъ, трескъ, крики и вопли!... Въ погребахъ буйная толпа ликовала вокругъ бочекъ съ виномъ. Слуги графа мужественно защищались и отстаивали каждый шагъ. Стефанъ, пробравшійся во внутренность зѣмка, по пылающей лѣстницѣ, хотѣлъ броситься на помощь къ слугамъ, какъ—вдругъ на встрѣчу къ нему прибѣжала горничная, съ распущенными волосами, въ изорванномъ платьѣ, спасавшаяся отъ преслѣдованія пьянаго мародѣра:

— Спасите, спасите! Тамъ.... на верху.... графиня! вскричала она.

Ударъ сабельными ножами повергъ преслѣдователя на полъ, и однимъ скачкомъ Стефанъ очутился въ залѣ. Тамъ буйство было въ полномъ разгулѣ. Опрокинутая мебель, разбитыя стекла, пьяные мародѣры....

Кто-то дрожащимъ голосомъ звалъ Стефана на помощь; онъ бросился къ двери въ сосѣдную комнату—она была заперта.

— Сюда, сюда! вскричала Амалия, вбѣжавъ въ залу, и схвативъ офицера за руку, потащила его за собою.

Раненный графъ съ дочерью спасался отъ разбойниковъ изъ одной комнаты въ другую. Наконецъ попали они въ комнату, откуда уже не было выхода; по счастью, они успѣли еще захлопнуть за собою и замкнуть плотную дубовую дверь, но это не остановило канибаловъ. Евгенія и отецъ ея слышали страшныя проклятія и тяжелые удары потрясали дверь. Евгенія прижалась къ отцу, который находился въ состояніи близкомъ къ отчаянію.... Съ одной стороны дверь трещала подъ тяжелыми ударами злодѣевъ, съ другой пламя длинными полосами врывалось въ окна....

Вдругъ съ страшнымъ трескомъ сорвалась дверь съ петель и повалилась на разбойниковъ,—они невольно отступили, но въ то же мгновеніе опять хотѣли броситься впередъ, когда передъ ними стала Евгенія, величественная, гордая.... Взоръ ея былъ подобенъ взору разгнѣванной богини.

Несмотря на то, одинъ изъ дерзкихъ злодѣевъ осмѣлился протянуть къ ней руку, но другой оттолкнулъ его.

— Ты развѣ забылъ, что она принадлежитъ мнѣ! закричалъ повелительный голосъ.

— Сжальтесь, сжальтесь! Это единственное дитя мое! умолялъ отецъ.

Все бы погибло, если бъ въ это время не подоспѣлъ Стефанъ съ Амаліей. Съ саблей въ рукахъ пробилъ онъ себѣ дорогу и напалъ на начальника шайки такъ неожиданно, что тотъ пошатнулся, однако жъ устоялъ на ногахъ. Одинъ взглядъ Евгенія придалъ молодому офицеру непонятную силу и онъ во второй разъ напалъ на того, который казался начальникомъ шайки. Оба противника скрежетали зубами и дрались съ ожесточеніемъ. Наконецъ Стефанъ начиналъ одолевать, когда неизвестно откуда явившаяся, огромная собака напала на него сзади и впѣлилась зубами въ воротникъ. Тщетны были всѣ усилія офицера освободиться отъ этого неожиданнаго противника.... Онъ находился въ страшной опасности....

На дворѣ раздались пистолетные выстрѣлы, трубные сигналы и Амалія, съ лицомъ, сіяющимъ радостью, вбѣжала въ комнату, крича:—Спасеніе! о счастье, спасеніе!

Стефанъ взглянулъ противнику своему въ лицо и за-

дрожагъ... Нѣсколько минутъ спустя все въ залѣ утихло—мародёры частію успѣли убѣжать, частію были схвачены; собаки не было, страшный начальникъ шайки исчезъ!

Жители зѣмка были обязаны спасеніемъ отряду кирасировъ подъ начальствомъ полковника, который въ прошломъ году, будучи еще маіоромъ, квартировалъ у нихъ съ своимъ отрядомъ.

Вскорѣ явился унтеръ—офицеръ, съ рапортомъ, что большая часть мародёровъ была поймана, и что крестьянамъ, съ помощію солдатъ, скоро удастся затушить пожаръ. Мало—по—малу всѣ успокоились. Передъ уходомъ въ свою комнату, Евгенія поблагодарила Стефана краснорѣчивымъ, выразительнымъ взглядомъ. Графъ также удалился къ себѣ и Стефанъ, на—единѣ съ полковникомъ, объявилъ ему твердое намѣреніе свое не оставаться болѣе въ бездѣйствіи и присоединиться къ полку.

— Прекрасно! сказалъ полковникъ, крѣпко пожавъ руку молодого офицера: но я бы вамъ посоветовалъ, удалиться отсюда по—скорѣе и безъ прощаній, которыя, я знаю по опыту, чертовски тягостны!

— Я готовъ повиноваться вамъ, полковникъ, отвѣчалъ Стефанъ съ живостію: только, мнѣ хотѣлось бы....

— Повидаться съ маркизомъ, благодѣтелемъ вашимъ, который, какъ я слышалъ, здѣсь? прервалъ его полковникъ. Это совершенно справедливо. А я велю куда съѣзжать лошадей и готовиться къ отъѣзду....

Стефанъ еще разъ пожалъ руку полковнику и приказалъ денщику своему укладывать вещи.

— Господинъ поручикъ, сказалъ управляющій графъ, встрѣтивъ Стефана на лѣстницѣ: извините, что я безпокою васъ; однако жъ долгомъ считаю доложить вамъ....

— Чтѣ такое? Ты отъ маркиза?

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ управляющій, съ едва замѣтной насмѣшливой улыбкой: господинъ маркизъ опять исчезъ и мы, вѣроятно, не раньше увидимъ его, какъ когда выступятъ отсюда Пруссакки. Но, извольте видѣть, у меня всѣ ключи отъ погребовъ и я нѣкоторымъ образомъ сдѣлался тюремщикомъ пойманныхъ мародёровъ. Они не уйдутъ: за это я ручаюсь. Но одинъ изъ нихъ—по—видимому начальникъ шайки, почему мы и посадили его осо-

бо и надѣли на него цѣпи, по приказанію полковника — убѣдительно просить, чтобы ему позволили поговорить съ вами.

— Со мной? Чтò ему до меня?

— Я бы не осмѣлился доложить вамъ объ этомъ, если бы онъ не просилъ такъ убѣдительно. Онъ раненъ и такъ ослабѣлъ отъ потери крови, что мнѣ даже казалось, что у него былъ бредъ, когда онъ умолялъ меня отдать вашему благородію этотъ бисерный кошелѣкъ.

Управляющій испугался живости, съ которою Стефанъ схватилъ кошелѣкъ, съ трепетомъ разсматривая его.

— Впрочемъ, я могу поручиться за него; онъ въ такомъ состояніи, что не можетъ имѣть злаго умысла.

Стефанъ задумался, закрывъ руками лицо; потомъ, поднявъ голову, съ боязненнымъ ожиданіемъ спросилъ управляющаго:

— Какъ ты думаешь, какая участь ждетъ этого несчастнаго?

Управляющій съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Если военный судъ не приговоритъ его къ пулѣ, то врядъ-ли крестьяне наши оставятъ его въ-живыхъ! Вѣдь тутъ разбой и зажигательство.

— Въ военное время на эти вещи не такъ строго смотреть! сказалъ съ неудовольствіемъ Стефанъ.

— Это вамъ лучше знать, отвѣчалъ медленно управляющій и поклонился, не безъ изумленія посмотрѣвъ на офицера: — У меня ключи съ собою, и если вамъ угодно, то я проведу васъ къ погребамъ.

Въ низкомъ, узкомъ, мрачномъ и сыромъ подвалѣ сидѣлъ гусарскій офицеръ на табуретѣ, поддерживая голову рукою. У ногъ его стоялъ фонарь, а возлѣ табурета лежалъ на соломѣ плѣнный. Онъ спалъ, побѣжденный слабостью или усталостью. Уже нѣсколько разъ подносилъ офицеръ фонарь къ лицу его; онъ схватилъ плѣнника за руку, чтобы разбудить его, но тотчасъ осторожно оставилъ ее, какъ бы желая и страшась его пробужденія. Нѣсколько разъ уже отиралъ онъ слезы, которыя упорно струились изъ глазъ его.... Сердце его сильно билось, но жалобное ви-

зжанье собаки, царапавшейся у желѣзной рѣшетки подвального окна, заглушало громкое бѣненіе сердца офицера....

Визгъ собаки разбудилъ наконецъ несчастнаго.

— Ты здѣсь? спросилъ онъ, скоро поднявшись и думая увидѣть возлѣ себя собаку. Онъ осмотрѣлся, отвелъ рукою волосы, омоченные кровью и опустившіеся къ нему на лицо. Взоръ его остановился на офицерѣ, который, закутавшись въ бѣлый плащъ, сидѣлъ возлѣ него неподвиженъ и безмолвенъ, какъ мраморная статуя. Дрожащій свѣтъ фонаря освѣщалъ блѣдное, юношески прекрасное лицо офицера, имѣвшее на себѣ выраженіе грусти, и рѣзкія, жесткія черты преступника, осѣненныхъ включенной бородой; на этомъ лицѣ выражались жестокость и тупоуміе, только въ большихъ глазахъ былъ еще лучъ утѣшительный, заставлявшій надѣяться, что не всѣ еще человѣческія чувства угасли въ этомъ несчастномъ!...

Наконецъ офицеръ прервалъ свое выразительное молчаніе.

— Что тебѣ надо? спросилъ онъ.

Плѣнникъ щелкнулъ пальцами, показалъ на окно и сказалъ:

— Это моя собака.

— Ты, вѣроятно, позвалъ меня не для того, чтобы говорить о собакѣ?

— Это доброе животное. Лучше другаго человѣка.

— Да, лучше зажигателей и воровъ, съ невольнымъ трепетомъ произнесъ Стефанъ.

— Я никогда не воровалъ.

— Что тебѣ надо отъ меня?....

— Я только хотѣлъ просить васъ о собакѣ.... я досталъ ее щенкомъ.... Она никогда не покидала меня.... право, никогда.... управляющій хочетъ взять ее себѣ!

— Всякой имѣетъ на то право.

— Пускай ее лучше впускаютъ ко мнѣ. Вѣдь собака не поджигала замка!

— Несчастный! Неужели ты меня ни о чемъ другомъ не хочешь просить, какъ.... о собакѣ?

Плѣнникъ молчалъ. Онъ посмотрѣлъ на офицера, потомъ на полъ; щелкнулъ языкомъ и опять сталъ смотрѣть на окно, возлѣ котораго всё-еще визжала собака.

— Неужели ты думаешь, что я пришелъ за этимъ?

Онъ молчалъ.

— Знаешь ли ты меня?

Онъ бросилъ на офицера взглядъ быстрый, какъ молнія, и опять опустилъ глаза.

— Ты знаешь? повторилъ офицеръ вздрогнувъ.

— Я зналъ, что вы придете...

— Готлибъ! вскричалъ офицеръ, не въ силахъ будучи болѣе противиться одолѣвшему имъ чувству.

Плѣнный задрожалъ такъ сильно, что по подвалу разнесся звукъ затрясшихся цѣпей. Глаза его засверкали лихорадочнымъ огнемъ; губы дрожали, дыханіе сдѣлалось шумнымъ; какой-то глухой свистъ слышался въ груди его, но онъ молчалъ.

— О, Готлибъ! вскричалъ Стефанъ, между-тѣмъ какъ слезы брызнули изъ глазъ его, и протянувъ руку къ несчастному продолжалъ: — Братъ! такъ ли мы должны были встрѣтиться!

Цѣпи зазвучали громче прежняго и плѣнный бросился на протянутую къ нему руку. Онъ всё-еще дрожалъ, но взоръ его былъ мягче; нѣжнѣйшія, умершія чувствованія пробудились въ немъ какъ-бы нечаянно, противъ его воли. Почти нельзя было узнать голосу, которымъ онъ произнесъ:

— О! я былъ увѣренъ....

— Что я тебя узнаю, Готлибъ?

— Они гоняли меня сквозь строй, спорили воротникъ съ моего мундира, изгнали меня, шопрали ногами, а вы всё-таки узнали меня! Да вознаградите васъ за то Господь!

— Готлибъ, мы когда-то говорили другъ другу — ты.

— Когда-то!... Но вы теперь знатный офицеръ, баринъ, а я даже не дослужился и до ефрейтора!

— Но мы братья! сказалъ Стефанъ и сжалъ голову брата въ рукахъ своихъ.

Не какъ журчащій ручей, но какъ бурный потокъ, уносящій съ собою и части береговъ, между которыми течетъ, какъ вулканъ, извергающій накопившіяся горючія вещества, изливалась горечь Готлиба. О чемъ говорили братья, что они говорили другъ другу — никому не извѣстно; такъ точ-

но протрезвившійся не помнить что говорилъ, когда винныя пары бродили въ головѣ его.

— Я всегда думалъ: онъ не забылъ меня, говорилъ Готлибъ, держа руку брата: вѣдь я жъ не забылъ его. Во всю жизнь мою, только одинъ маленькій Фрицъ любилъ меня.... онъ даже плакалъ, когда меня били и просилъ за меня. Это одно пріятное воспоминаніе, которое я унесъ съ собою изъ отцовскаго дому!

Стефанъ отеръ слезу и сдѣлалъ знакъ, чтобы братъ его пересталъ объ этомъ говорить.

— О, любезнѣйшій господинъ ротмистръ, или какой вашъ чинъ: позвольте мнѣ высказать все, что у меня на душѣ. Я уже въ то время зналъ, что вы будете знатнымъ баринномъ, а я останусь ничтожнымъ бѣднякомъ. Но помните ли, какъ я васъ уже и тогда умолялъ, не презирать бѣднаго Готлиба. И вы исполнили просьбу мою: я негодяй, а вы знатный баринъ, но несмотря на то, всё-таки пришли навѣстить меня! Вы не испугались цѣпей моихъ, вы пожалели мнѣ руку!...

— И ты думалъ обо мнѣ?

— О, часто! Я узналъ, что вы ушли отъ Австрійцевъ и я болѣе прежняго полюбилъ васъ. Я всё надѣялся, что мы гдѣ-нибудь встрѣтимся; однако жъ я опускался всё ниже и ниже. О, все пошло бы иначе, если бъ вы были со мною! А то, я нигдѣ не встрѣчалъ ласковаго лица. Всѣ называли меня негодлемъ.... О! я еще отплачу имъ за это! вскричалъ вдругъ Готлибъ, въ которомъ непріятныя воспоминанія пробудили опять чувство мщенія и злобы.... Но, продолжалъ онъ болѣе нѣжнымъ голосомъ: я увѣренъ, что вы добрый начальникъ и никого напрасно не наказывали. Если бъ я провинился, вы наказали бы меня, да потомъ опять посмотрѣли бы ласково и все было бы хорошо. Неправда ли, вы взяли бы меня къ себѣ въ денщики и, клянусь, я никому не сказалъ бы, что я братъ вашъ!... О, тогда все пошло бы иначе!

Слова эти, на которыя Стефанъ не зналъ что отвѣчать, какъ-бы облегчили грудь несчастнаго; онъ дышалъ свободнѣе, голосъ его становился мягче. Стефанъ пришелъ съ намѣреніемъ сдѣлать Готлибу строгіе упреки и выговоры за его преступленія, но теперь онъ не зналъ что

говорить, онъ не могъ приискать словъ довольно нѣжныхъ для несчастнаго, съ души котораго отпала грубая кора отъ одного прикосновенія нѣжнѣйшихъ воспоминаній.

— Ахъ, Готлибъ, вскричалъ онъ наконецъ: если бъ я могъ спасти тебя!

— Исполняйте долгъ вашъ: я заслужилъ наказаніе. Но повѣрьте, я былъ не дурной солдатъ, божусь вамъ — подлець тотъ кто скажетъ противное! Я славно дрался, добрый ротмистръ: только на бѣду мою, не могъ сносить обидъ!

— Но, несчастный, ты былъ начальникомъ шайки разбойниковъ!

— Славный былъ народъ!

— Какъ ты попалъ къ нимъ?

— Изъ полку меня выгнали, такъ куда жъ мнѣ было дѣваться? Я не могъ кланяться и улыбаться, когда спина болѣла отъ фухтелей; не могъ не пить, когда жажда мучила меня; не могъ не играть, когда были деньги и не понималъ зачѣмъ мужику жить лучше меня. Десять разъ обѣщали произвестъ меня въ унтеръ-офицеры, но для этого нужно было ладить съ мужиками; а я не хотѣлъ! Саксонцы враги короля моего, а его враги — мои враги!.... Я былъ крестьянъ; они жаловались; меня наказывали — прогнали.... что жъ мнѣ было дѣлать?

— Ты сдѣлался зажигателемъ, Готлибъ!

— Каково горѣло? а?

— Несчастный! ты еще шутишь! Что тебѣ сдѣлалъ графъ?

— Что сдѣлалъ? Я до него давно добирался! Ну, да можетъ-быть и не ушло еще!

— Графиня твоя благодѣтельница!

— Ее никто и не смѣлъ трогать. Я взялъ ее подъ свою защиту и, клянусь вамъ, не причинилъ бы ей ни малѣйшаго зла! Я помню, какъ она бросила мнѣ кошелёкъ: васъ я тогда не узналъ. А я никогда не забываю если мнѣ что-нибудь сдѣлаютъ, доброе или злое. Я дурной человекъ, это правда, но во мнѣ есть еще кое-что доброе.

— Однако ты не раскаяваешься въ своихъ преступленіяхъ! Ты могъ равнодушно смотрѣть на пламя, пожирившее добро столькохъ невинныхъ людей.

— Да вѣдь это непріатели наши, ротмистръ. Пруссаку я въ жизнь не сдѣлалъ зла. А что жъ касается до пламени, то я, напротивъ, даже очень радъ ему, потому что только тогда, когда оно освѣтило лицо ваше, я узналъ своего маленькаго Фрица и ужъ тогда не подымалась у меня рука, хоть бы меня тутъ же на мѣстѣ убили.

— Да проститъ Господь тѣмъ, которые вынудили тебя сдѣлаться преступникомъ! сказалъ офицеръ, прижавъ голову брата къ груди своей.

— Позвольте жъ узнать, продолжалъ плѣнникъ послѣ нѣкотораго молчанія: исполните ли вы теперь просьбу мою?

— О чемъ же ты просишь?

— О собакѣ. Если бъ она умѣла говорить, то сказала бы вамъ, что я ее не укралъ и что я очень любилъ ее. Правда, она напала на васъ, но винить ее въ этомъ нельзя. Если бъ теперь кто-нибудь вздумалъ обидѣть васъ, то и я бросился бы на того какъ собака....

Стефанъ обѣщалъ исполнить желаніе брата и какъ-бы стыдясь, что не могъ сдѣлать большаго для него, перемѣнилъ разговоръ. Въ это время на дворѣ послышалось пѣніе стараго кирасира, сдѣлавшаго лошадь. Онъ пѣлъ пѣсню, сложенную солдатами на смерть генерала Шверина и каждый куплетъ оканчивался слѣдующими стихами:

На полѣ битвы палъ,
Шверинъ, мой генералъ!
Умеръ Шверинъ!

Готлибъ приподнялъ голову; глаза его блестя; громкимъ голосомъ повторилъ онъ:

На полѣ битвы палъ,
Шверинъ, мой генералъ!

— Ты былъ въ прагскомъ сраженіи?

— Я стоялъ за генераломъ, когда онъ палъ. О, это былъ великій день!... И опять пробудился въ плѣнникѣ жаръ, при воспоминаніи о знаменитомъ днѣ. Стефанъ внимательно слушалъ, съ какимъ восторгомъ описывалъ онъ битву и побѣду. Слѣдовательно, не все еще умерю въ несчастномъ!

— Ты еще Пруссакъ въ душѣ?

— По гробъ!

— Ты любишь короля?

— Всей душой.

— Обстоятельства его плохи. Онъ боленъ. Непрiятель приближается къ Берлину. Готлибъ, если бъ ты былъ свободенъ, перемѣнилъ ли бы ты свое поведенiе?

— Я бы сталъ жить и дѣйствовать только за короля своего, Фридриха единственнаго! вскричалъ Готлибъ, зазвучавъ цѣпями.

За замкомъ раздались звуки трубъ. Долгъ службы звалъ Стефана. Онъ готовъ былъ отдать пол-жизни своей, лишь бы снятъ съ Готлиба оковы.

— Не унывай, Готлибъ, говорилъ онъ, прижимая его къ груди своей: мы еще увидимся. Не унывай, король твой живъ еще и ты Пруссакъ!

Затворивъ за собою дверь погреба, офицеръ вынулъ кошелекъ свой и хотѣлъ уже обратиться къ управляющему, но, къ изумленiю своему, увидѣлъ вмѣсто него двухъ кирасировъ, поставленныхъ на часы къ плѣнникамъ.

— Одно средство осталось, подумалъ Стефанъ и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ.

Случаю ли, или чему-нибудь другому онъ обязанъ былъ что встрѣтилъ Евгенiю въ залѣ. О, какъ нѣженъ былъ теперь взоръ ея, какъ она ласково подала ему руку, которую Стефанъ схватилъ съ жаромъ и прижалъ къ губамъ своимъ.

— Евгенiя, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, не откажите мнѣ въ просьбѣ моей....

— Я готова отдать за своего избавителя жизнь мою... Но это одни пустыя слова... Говорите! Чѣмъ могу я быть вамъ полезною?

— Примите подъ свое покровительство несчастнаго, окованнаго цѣпями — начальника шайки мародѣровъ.... онъ можетъ еще исправиться.... Притомъ же онъ мнѣ.... Это несчастный братъ мой! О, Евгенiя, обстоятельство это становится, можетъ-быть, между нами вѣчную преграду, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно привязываетъ меня къ вамъ узами благодарности! О, спасите его, спасите! Это единственное желанiе мое, Евгенiя....

— Я свято исполню его..... отвѣчала она и молодые люди упали другъ другу въ объятія.... Они уже не говорили ни слова, ни одинъ звукъ не исторгся изъ груди ихъ и никто не помѣшалъ долготу, пѣмому, горестному, сладкому прощанію....

Только тогда, какъ въ третій разъ прозвучали трубы, когда Стефанъ сидѣлъ уже на лошади, вошла Амалія; графиня приложила горящее лицо къ груди подруги, и обѣ молча прислушивались къ удалявшемуся топоту коней и утихавшему звуку трубъ.... Все смолкло.

Слезы ручьями струились по щекамъ Евгеніи, но она не могла выговорить ни слова....

Прошелъ еще годъ. Зима 1759 году явилась новой непріятельницей ничѣмъ непоколебимаго героя — Фридриха. Войска его много пострадали на зимнихъ квартирахъ въ Саксоніи, но Фридрихъ доказалъ, что умѣетъ бороться и со стихіями. Съ свѣжими войсками выступилъ онъ въ походъ въ новомъ году, но новыя бѣдствія поразили его. Преслѣдуемый Дауномъ и въ свою очередь преслѣдуя Лассей, знаменитый государь-полководецъ совершилъ славный переходъ изъ Саксоніи въ Силезію, и изъ Силезіи въ Саксонію. Никто не осмѣливался напасть на льва, котораго армія изнывала отъ июльскихъ жаровъ! — Наконецъ, собравъ послѣднія силы, Фридрихъ, вмѣсто того чтобы защищаться, атаковалъ непріятеля и осадилъ Дрезденъ. Прусскія бомбы громили стѣны столицы, но всё было тщетно; Фридрихъ долженъ былъ отступить и самъ чуть не попался въ руки осажденныхъ. Непобѣжденный однако жъ отступилъ онъ въ Силезію, но тамъ еще бдльшая опасность ожидала его. Малочисленная армія прусская была окружена при Литвицѣ, желѣзныя руки охватили Фридриха, и, казалось, наступилъ послѣдній часъ великаго!.... Тогда геній его пробудился, величественнѣе нежели когда-либо. Вечеромъ всѣ считали его погибшимъ, но прежде нежели лучи утренняго солнца озарили лагерь Дауна, Фридрихъ успѣлъ уже побить Даудона и шелъ къ спасенному Бреславлю!

Надобно было отказаться отъ надежды побѣдить Фридриха. Рука, подымавшаяся на него дрожала, хорошо рассчитанный ударъ дѣлался невѣрнымъ, отъ одного взгляда

ду Фридриха. Тогда испрители рѣшились лишить прусскаго короля средствъ къ продолженію войны. Берлинъ былъ средоточіемъ цвѣтущей промышленности; тамъ, какъ гидра, выросло войско, оттуда наполнялась касса Фридриха, и туда-то обратились взоры политическихъ его противниковъ. Уже грозныя тучи собирались надъ столицей Пруссіи, когда Фридрихъ узналъ о томъ.

Въ рѣшительныя минуты Фридрихъ никогда не колебался. Два гусарскіе офицера были немедленно посланы изъ главной квартиры съ депешами въ Берлинъ. Въ депешахъ были только слѣдующія слова: — *Фридрихъ идетъ*. Но эти слова стояли цѣлой арміи. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобы по-скорѣе дать знать комманданту Берлина, что Фридрихъ знаетъ о нападеніи непріятеля и что онъ идетъ уже изъ Силезіи, чтобы спасти свою столицу — но исполненіе этого препорученія было трудно, опасно. Уже въ окрестностяхъ Берлина стали появляться австрійскіе волонтеры; только черезъ чащу сосновыхъ кустарниковъ, черезъ песчаныя степи, гдѣ нельзя было встрѣтить грабителей, могли пробираться офицеры.

Одному изъ нихъ не суждено было дойти до Берлина; онъ попался въ руки австрійскимъ бродягамъ и былъ убитъ!

Терпя голодъ и жажду добрался наконецъ другой офицеръ до небольшого городка Вендишъ-Буххольцъ. Тамъ рѣшился онъ переѣннить мундиръ на одежду простаго гражданина, по общему совѣту всѣхъ жителей городка и по убѣдительной просьбѣ самаго бургомистра.

— Не беспокойтесь, говорилъ послѣдній: король узнаетъ васъ и въ этой одеждѣ!

Молодой офицеръ былъ не кто иной, какъ поручикъ Стефанъ; но трудно было узнать его; лицо его загорѣло, и мягкое, нѣсколько томное выраженіе его приняло характеръ твердости. Только глаза остались тѣ же, хотя въ нихъ свѣтилось что-то болѣе рѣшительное....

Провожаемый благословеніями жителей городка, Стефанъ пошелъ по дорогѣ къ Берлину. Не зная хорошенько дороги, онъ заблудился въ лѣсу, и послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительной ходьбы, выбрался наконецъ на большую дорогу; но тутъ новая бѣда ожидала его. Едва про-

шелъ онъ нѣсколько шаговъ, утопая въ глубокомъ песку, какъ на него наѣхалъ отрядъ казаковъ, которые взяли его въ вожатые. Стефанъ даже обрадовался этому случаю, потому что усталъ до крайности; вскочивъ на маленькую, но быструю и живую казацкую лошадь, повелъ онъ отрядъ, и такимъ образомъ скорѣе и безопаснѣе приближался къ своей цѣли.

Мѣстоположеніе измѣнялось—рыхлая земля становилась всё тверже и тверже, свѣтлая зелень пробивалась по сторонамъ дороги и вмѣсто сосновыхъ кустарниковъ на сырой почвѣ высились березы. Стефанъ зналъ, что черезъ березовый лѣсъ дорога вела прямо къ Берлину, башни и колокольни котораго стали уже показываться на горизонтѣ.... сердце его сильно билось.... онъ оглянулся и увидѣлъ, что казаки нѣсколько поотстали отъ него и о чемъ-то съ жаромъ разговаривали.... онъ поворотилъ лошадь, пришпорилъ ее и успѣлъ уже ускакать шаговъ пятьдесятъ, прежде нежели за нимъ пустились въ погоню....

Громкіе крики неприятелей и шпоры Стефана какъ бы придали лошади крылья; она летѣла.... ее даже не остановилъ широкій ровъ.... привыкнувъ къ подобнымъ препятствіямъ, она перескочила черезъ него, но по ту сторону было глубокое болото.... Несмотря на то, она смѣло шла впередъ, но съ каждымъ шагомъ углублялась всё болѣе и болѣе.... почувавъ опасность, она остановилась... ни шпоры, ни удары, ничтò не дѣйствовало, лошадь не трогалась съ мѣста....

За Стефаномъ слышался громкій, дикій смѣхъ.... но вотъ, одинъ казакъ свистнулъ и лошадь подняла голову, выпрямила уши.... еще свистъ, другой, третій и лошадь поворотила назадъ....ничтò не могло удержать ее; съ шумительными усиліями бросилась она къ своимъ, не давъ даже всаднику соскочить съ нея. Дюжая рука схватила Стефана и сбросила его на-земь, въ то же мгновеніе блеснули острія нѣсколькихъ пикъ, но начальникъ отряда остановилъ казаковъ и сказалъ имъ нѣсколько словъ на языкѣ, непонятномъ Стефану. Казаки опустили пики и, громко смѣясь, схватились за нагайки. Кровь закипѣла въ жилахъ Стефана, онъ хотѣлъ вскочить, но старшій казакъ

остановилъ его, приставивъ конецъ пикки къ груди его и сказавъ:

— Никсъ, мусь! никсъ!

Скрежеща зубами выхватилъ Стефанъ изъ-за пазухи небольшой пистолетъ и прицѣлился имъ въ лицо казака, который замахнулся на него нагайкой. Это движеніе, казалось, рѣшило судьбу его.... нѣсколько пикъ были занесены надъ нимъ, еще минута и....

— Стой! закричалъ кто-то повелительнымъ голосомъ: что это значитъ? И казаки остановились въ недоумѣніи.

Генералъ съ нѣсколькими другими офицерами подскакалъ къ казакамъ и требовалъ, чтобы ему объяснили дѣло; потомъ, сдѣлавъ знакъ Стефану, чтобы онъ всталъ, устремилъ на него пронизательный взглядъ.

— Не крестьянинъ? спросилъ онъ по-нѣмецки.

— Я Пруссакъ.

— Откуда?

— Изъ Вассербурга.

— Куда?

— Въ Берлинъ. Меня взяли въ вожатые....

— Зачѣмъ пистолетъ?

— Меня котѣли.... Грозный взглядъ Стефана и нагайки въ рукахъ казаковъ, объяснили генералу все дѣло. Онъ еще нѣсколько секундъ внимательно смотрѣлъ на Стефана.

— Но зачѣмъ ты носишь при себѣ оружіе?

— Военное время, генераль.

— Ты имѣешь важныя дѣла въ Берлинѣ?

— Малѣйшее замедленіе можетъ принести въ подобное время большой убытокъ помѣщику.

Генералъ посмотрѣлъ еще на Стефана, потомъ пожалъ плечами, какъ-бы сожалея, что долженъ былъ исполнить долгъ свой, и приказалъ одному изъ офицеровъ имѣть надзоръ надъ плѣннымъ.

— Пока не рѣшится судьба Берлина, дѣла твои надобно отложить, сказалъ генералъ: но мы еще увидимся! прибавилъ онъ, и ускакалъ.

Неожиданное заступничество спасло Стефана отъ смерти, но, несмотря на то, онъ былъ несчастливъ, тѣмъ болѣе, что не могъ даже узнать имени своего избавителя.

Т. ЕЖИИ — Отд. II.

Но что ему было въ жизни, когда онъ не могъ идти въ Берлинъ? На груди его была некра, которая могла превратиться въ свѣтлое пламя, если бь онъ могъ перекинуть ее въ Берлинъ; но теперь она только жгла внутренность его, убивала его!... Стефанъ пролежалъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ и однажды узналъ изъ разговора двухъ офицеровъ, говорившихъ по-французски, что Берлинъ еще не взятъ. Это успокоило молодого Пруссакъ.

Вдругъ пришло приказаніе перевести Стефана съ гауптвахты въ одну изъ комнатъ замка, въ которомъ была главная квартира. Тамъ наконецъ удалось ему утолить голодь и жажду, мучившіе его на гауптвахтѣ, гдѣ никто о немъ не заботился. Къ крайнему удивленію, ему предоставлены были даже нѣкоторыя удобства, которыхъ военнопленныи и ожидать не могъ. Никто изъ окружающихъ его не говорилъ ни по-нѣмецки, ни по-французски, а потому Стефанъ ни какъ не могъ узнать, кому обязанъ этими милостями.

Окно новой темницы его было безъ рѣшетокъ, но оно приходилось надъ самой рѣчкой, въ самомъ широкомъ и быстромъ мѣстѣ. О бѣгствѣ нечего было и думать.

Около вечера вошелъ въ темницу офицеръ, съ прешорученіемъ отъ генерала Тотлебена, который требовалъ Стефана къ себѣ. Молодой Пруссакъ послѣдовалъ за офицеромъ и былъ введенъ къ генералу, спасшему ему жизнь.

Генералъ Тотлебенъ прохаживался съ адъютантомъ своимъ взадъ и впередъ по комнатѣ; увидѣвъ Стефана, онъ отдалъ адъютанту нѣсколько приказаній, и обратившись къ вошедшему, заговорилъ съ нимъ по-французски:

— Вы вассербургскій помѣщикъ?

Стефанъ только поклонилъ головою: онъ не могъ изустно подтвердить ложь свою.

— Слѣдовательно наружность обманчива, продолжалъ генералъ: казаки приняли васъ за военного и вотъ причина ихъ дурнаго обхожденія съ вами. Я очень радъ, что увѣрился теперь въ томъ, что вы не военный.

— Ваше превосходительство, каждый Пруссакъ — солдатъ, когда рука его нужна королю.

— Хорошо, хорошо, нетерпѣливо прервалъ его генералъ: въ Берлинъ вы должны будете представить мнѣ бу-

маги и документы ваши. Теперь прошу у васъ извиненія въ обидѣ, причиненной вамъ на большой дорогѣ. Въ военное время этого избѣгнуть нельзя.

— Человѣколюбіе вашего превосходительства всѣмъ извѣстно и сверхъ признательности цѣлаго народа, вы приобрѣтете уваженіе великаго монарха, котораго завистники и недоброжелатели называютъ честолюбцемъ....

— Вы горячо стоите за вашего короля.

— Встрѣчали ли вы, ваше превосходительство, Пруссакъ, который бы говорилъ или думалъ иначе?

— Но вы не природный Пруссакъ....

Стефанъ смутился; онъ чувствовалъ, какъ щеки его горѣли....

— Я, кажется, имѣлъ уже честь доложить вашему превосходительству....

— Хорошо, хорошо! прервалъ генералъ слова его: я ошибся—извините. Но скажите, долго ли продолжится прусскій восторгъ вашъ? — Положимъ, что онъ устоитъ еще во время войны, потому что здѣсь онъ находитъ на каждомъ шагу пищу, но, что будетъ тогда, какъ Фридрихъ состарѣтся и въ мирное время перестанетъ быть идеаломъ тѣхъ, которые ждуть отъ него перерожденія цѣлаго міра; когда мнительность его увеличится съ годами, и когда надежда не будетъ уже оживлять свѣтлые, большіе глаза одинокаго старца?—Хоть я нахожусь въ числѣ враговъ Фридриха, но не думайте, чтобы я былъ нечувствителенъ къ очарованію, производимому однимъ его присутствіемъ. Я жилъ при Потсдамскомъ дворѣ, я самъ жаждалъ взгляда Фридриха и при ласковомъ словѣ его, зима превращалась для меня въ прелестнѣйшее лѣто, на сухихъ, мерзлыхъ сучьяхъ цвѣли роскошнѣйшіе цвѣты! Разговоръ его былъ увлекателенъ, остроуміе очаровательно!.... Но съ каждымъ годомъ это солнце издавало менѣе свѣту. Взоръ его дѣлался серіознѣе, мрачнѣе, разговоръ отрывистѣе, остроуміе болѣе ѣдкимъ и колкимъ. Самое счастье перестало уже имѣть вліяніе на нравъ его, мнительность его была оскорбительна, упрямство нестерпимо. Пусть онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой войны, пусть онъ состарѣтся еще десятью годами и едва-ли тогда будетъ считать кого-нибудь изъ окружающихъ его до-

стойнымъ ласковаго слова; когда, мучимый подагрой, съ пасмурнымъ лицомъ и опершись на костыли, будетъ онъ бродить какъ прищелецъ съ того свѣта, когда любимая собака его и флейта не вызовутъ на уста его улыбки, когда Потсдамъ, боясь угрюмаго короля, онѣмѣетъ какъ могила—тогда мы увидимъ, устоитъ ли еще восторгъ ваш!

— Ваше превосходительство.... началъ Стефанъ, съ изумленіемъ смотря на генерала, въ словахъ котораго выражалось глубокое убѣжденіе.

— Не удивляйтесь откровенности моей, продолжалъ Тотлебенъ болѣе спокойнымъ голосомъ: я люблю открытыя, прямыя лица и читаю въ нихъ охотнѣе, нежели въ запечатанныхъ документахъ. Ваше лицо дышетъ прямодушіемъ.

На лицѣ Стефана выступила яркая краска.

— При всемъ умѣ и учености, которые встрѣчались при дворѣ Фридриха, мнѣ не случилось видѣть тамъ лицъ, подобныхъ вашему. Всѣ, по-видимому, старались быть похожими на Фридриха; носы и подбородки заострились, всѣ черты принимали какую-то рѣзкость; не было прямого, открытаго лица, на которомъ взоръ могъ бы отдохнуть. Всѣ хотѣли казаться умными.

— О той тѣни, которую вы, ваше превосходительство, можете набрасывать на героя нашего, подданные его и подумать не смѣютъ....

— Да, подданные! сказалъ генералъ, бросивъ значительный взглядъ на молодаго офицера: но три четверти солдатъ его иностранцы.... Кстати, вотъ что можетъ подтвердить слова мои. Послушайте, я расскажу вамъ содержаніе этого письма; огорченный отецъ проситъ меня позаботиться объ его сынѣ. Молодой человекъ, повинувшись юношескому восторгу, произведенному дѣяніями Фридриха, оставилъ знамена своей императрицы и перешелъ на службу къ королю прусскому. Отецъ, сильно негодуя на поступокъ сына, узналъ въ послѣднее время, что на него возложено порученіе, которое можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія для молодаго человека....

— Гдѣ теперь этотъ отецъ? неосторожно прервалъ Стефанъ генерала.

— Я не имѣю права открыть мѣстопробыванія его, тѣмъ

богѣ, что на самомъ письмѣ не означено мѣсто, откуда оно отправлено. Впрочемъ, мнѣ пріятно услужить старому другу.... Вы, можетъ-быть, знаете его сына, поручика Стефана? Онъ служитъ въ черныхъ гусарахъ.

— Воспитанника маркиза де-Кабаниса? спросилъ Стефанъ. Сердце его сильно билось.

— Именно. Если случай сведетъ васъ съ нимъ, то предостерегите его. Если я узнаю его, то долженъ буду немедленно арестовать и передать Австрійцамъ.

— Я слышалъ однако жъ, что онъ получилъ въ Австріи отставку, на которую имѣлъ полное право.

— Но если я имѣю хотя не официальные, но частныя извѣстія, что поручикъ Стефанъ съ тайнымъ порученіемъ отъ короля прусскаго, пробирается въ Берлинъ, черезъ лагерь соединенныхъ войскъ, чтобы возпрепятствовать счастливѣйшему случаю къ окончанію войны, то хотя вы и не военный, но согласитесь, что молодой Стефанъ можетъ сильно повредить намъ, и что попавшійся намъ въ руки, онъ будетъ преданъ военному суду. Благодарю Создателя, что не имѣю официальнаго описанія пріятельнаго молодого человѣка, чтобы, если я случайно встрѣчусь съ нимъ, имѣть право не узнать его, потому что, увѣрю васъ, по долгу службы я долженъ былъ бы погубить сына моего друга!... Потрудитесь передать слова мои молодому офицеру, если вы его знаете—скажите ему, чтобы онъ повѣрилъ словамъ человѣка, хорошо знающаго Фридриха. Я знаю его.

— Но если другъ мой, началъ говорить Стефанъ, послѣ минутнаго молчанія: отдавая полную справедливость вашей пронизательности, и вопреки признательности за великодушіе вашего превосходительства, останется вѣрнымъ Фридриху?

— Я и тогда не перестану уважать его, сказалъ съ живостію Тотлебенъ и пожалъ молодому человѣку руку.

Офицеръ, явившійся съ докладомъ къ генералу, прервалъ разговоръ. Стефанъ отступилъ почтительно.

— Дѣла ваши, господинъ помѣщикъ, продолжалъ генералъ, вы должны будете отложить на нѣкоторое время. Всѣ сообщенія съ столицей пресѣчены и, я надѣюсь,

вы *извините* необходимость, заставляющую меня удерживать васъ въ главной квартирѣ нашей *юстемь*.

— Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, отправить въ Берлинъ письмо, которое объяснитъ пріятелямъ моимъ причину моего отсутствія.

— Я надѣюсь, я увѣренъ, отвѣчалъ генералъ пожавъ плечами: что вы покоритесь необходимости — и не будете писать.

Отчего легкое одѣяло, которымъ снабдила Стефана необычайная предусмотрительность кастеляна замка, гдѣ онъ былъ заключенъ, отчего это одѣяло давило его свищовою тяжестью? И ночь была такъ холодна! Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, надъ широкой Шпреею носился вѣтерокъ, струившій гладкую, зеркальную поверхность ея, въ которой въ тысячи искрахъ отражалась луна.

Онъ вскочилъ. Все было тихо. Только по ту сторону рѣки, отъ песчаной поляны, ярко освѣщенной лучами мѣсяца, отдѣлялась фигура быстро скакавшаго всадника. Онъ подѣхалъ къ подъемному мосту и требовалъ, чтобы его спустили, но сторожъ не повиновался—надобно было доложить комманданту. Наконецъ цѣпи зазвучали; мостъ опустился и всадникъ поскакалъ къ замку.

Зачѣмъ пріѣхалъ этотъ курьеръ? Съ приказаніемъ итти на Берлинъ? Съ извѣстіемъ о сдѣлѣ столицы? Можетъ-быть, Фридрихъ приближался?... Сильно билось сердце Стефана. У него на груди было письмо Фридриха, письмо, которое могло спасти всю Пруссію — и онъ не могъ летѣть въ Берлинъ! Отчаяніе овладѣло имъ.... съ движеніемъ нетерпѣнія, досады, бросился онъ къ двери.... она не была заперта. Что это значило?

Увы! она была замкнута крѣпчайшимъ замкомъ—великодушіемъ генерала! Онъ зналъ настоящее имя своего плѣнника, зналъ о возложенномъ на него порученіи — и молчалъ. Нѣтъ! Стефанъ не могъ употребить его довѣренности во зло; съ горестнымъ чувствомъ затворилъ онъ дверь и воротился къ окну, гдѣ холодный ночной воздухъ нѣсколько освѣжилъ горѣвшее лицо его.

Вдругъ какой-то звукъ достигъ до его слуху.... ему показалось, что кто-то произнесъ имя его.... Не былъ ли

это обманъ взволнованной фантазіи?... Но нѣтъ.... опять.... и опять все утихло, только вода плескала о стѣны замка. Стефанъ выглянулъ въ окно. Луна вполониву скрылась за сосновый лѣсъ и освѣщала только верхнюю часть замка; рѣка и мостъ были погружены въ глубокой мракъ. Однако жъ Стефану показалось, что кто-то шевелится подв окномъ его. Всмотрѣвшись пристальнѣе, онъ увидѣлъ челнокъ, приставшій къ самой стѣнѣ и въ немъ человека, облокотившагося на весло. Ни одинъ лунный лучъ не освѣщала лица незнакомца, ночной вѣтеръ не доносилъ до Стефана словъ, которыя онъ произносилъ, однако жъ ему казалось, что онъ узналъ незнакомца, слышалъ слова его!

Тысячи предположеній тѣснились въ умѣ Стефана. Онъ высунулъ изъ окна, и шопотомъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Пріятель, отвѣчалъ незнакомецъ.

Плѣнникъ не колебался болѣе. Онъ обвязалъ платкомъ бумажникъ, въ которомъ хранилась депеша, поцѣловалъ его и сложилъ руки, какъ-бы къ молитвѣ.... незнакомецъ слѣдилъ за всѣми движеніями Стефана и одобрительно покачивалъ головой. Бумажникъ выпалъ изъ рукъ офицера, вода всплеснула отъ движенія, приданнаго челноку незнакомцемъ, старавшимся поймать драгоценную вещь.... Незнакомецъ поднялъ голову, еще разъ кивнулъ плѣннику и отчалилъ. Стефанъ показалъ на Берлинъ, потомъ протянулъ надъ незнакомцемъ обѣ руки, какъ-бы благословляя его и тотъ, по-видимому, понялъ его.

Незнакомецъ едва касался веслами поверхности воды, несмотря на то, челнокъ его летѣлъ. Онъ присталъ къ противоположному берегу; тамъ кто-то ждалъ и вскорѣ оба исчезли.... все утихло, только покинутый челнокъ медленно плылъ по теченію....

Свинцовая тяжесть свалилась съ груди молодого офицера. Онъ упалъ на колѣни и горячею молитвою благодарилъ Всевышняго....

Утромъ вошелъ къ Стефану кастелянъ или управитель замка.

— Что мнѣ съ вами дѣлать? спросилъ онъ остановившись у дверей и съ видимой нерѣшительностію почесывалъ за ухомъ.

— Я правый, возразилъ съ некоторымъ изумленіемъ Стефанъ.

— Да у кого вы въ праву?

— У Русскихъ.

— Ну, такъ съ Богомъ, вы можете отправляться отсюда. Русскіе удалились.

— Удалились! вскричалъ Стефанъ съ невыразимой радостію; слѣдовательно Берлинъ спасенъ?

Управитель пожалъ плечами.

— Взять? Отвѣчай же!

— Нѣтъ еще, по счастью.

— Сдѣлся на капитуляцію?

— На капитуляцію, утвердительно повторилъ управитель.

Стефанъ съ отчаяніемъ ударилъ себя въ голову.

— Да, ваше благородіе, продолжалъ кастелянъ, если бы напрямѣръ тамошніе генералы узнали, что всемогущій король нашъ идетъ къ нимъ на помощь, то все было бы иначе.

Кастелянъ не могъ понять причины горести, овладѣвшей Стефаномъ, однако жъ счелъ за нужное, посоветовать ему не ходить въ Берлинъ.

— По-крайней-мѣрѣ, шепнулъ онъ ему еще на-ухо, когда офицеръ выходилъ уже изъ замка: сбрейте усы и надѣньте парикъ, а то прусскаго военнаго легко узнать. Да хранитъ Господь короля нашего!

Стефанъ и не хотѣлъ скрываться. Мысль сдѣлаться-мученикомъ, не утратила его—онъ смѣло пошелъ по дорогѣ къ Берлину. Она была покрыта болѣе крестьянами, отправлявшимися съ припасами на рынокъ, нежели солдатами. Но иногда останавливали ихъ проѣзжавшія пушки и военные обозы. Помѣщики въ тяжелыхъ, старомодныхъ паретахъ ѣхали въ столицу, надѣясь быть тамъ въ безопасности отъ бродившихъ мародѣровъ.

Вездѣ слышались рассказы о великодушныхъ поступкахъ гражданъ, о мужествѣ гарнизона. Но увы! всѣ услажда ихъ были тщетны—непріятель былъ въ Берлинѣ. Немалекъ отъ столицы дорога перерѣзывается длиннымъ болотомъ, черезъ которое идетъ мостъ. Тамъ собралась толпа народу, остановились нѣсколько экипажей и взоры

слѣдили за рукой человѣка, рассказывавшаго о геройскихъ подвигахъ нѣсколькихъ пѣхотинцевъ и объяснявшаго мѣстность, гдѣ происходило дѣло.

— Вотъ тамъ, говорилъ онъ: у сосны, казаки догнали ихъ. Пѣхотинцы ретировались на мостъ; они лучше бы сдѣлали, если бъ прямо бросились въ тростникъ; вотъ тамъ у того камня упалъ одинъ изъ нихъ, пронзенный пикою—еще трое остались на мосту. Они выстрѣлили залпомъ и два казака были убиты. Тогда они стали защищаться прикладами....

— Откуда шли эти солдаты? спросилъ кто-то въ толпѣ.

— Отъ замка, въ которомъ была главная квартира русскихъ войскъ. Казаки еще ночью замѣтили ихъ и преслѣдовали до утра. Долго дрались они, наконецъ изъ трехъ остался одинъ, высокій, дюжій молодецъ. Огромная собака не отставала отъ хозяина и отчаянно грызлась;—разбивъ прикладъ, онъ сорвалъ деревянную планку съ перилъ и защищался ею, но и та вскорѣ разлетѣлась въ щепы. Ему приходилось плохо; онъ понялъ это, свистнулъ собаку, и вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ, спрыгнувъ въ воду—собака за нимъ.

— И утонулъ?

— Нѣтъ. Онъ добрался до камышу, и по камышъ въ водѣ, пробираясь далѣе. Два казака послѣдовали за нимъ.... раздались два выстрѣла. Пули засвистѣли въ камышъ, но Пруссакъ присѣлъ, исчезъ и появился только тамъ, гдѣ, какъ вы видите, столько желтенькихъ цвѣтковъ. Казаки закричали что-то по-своему и пустились за нимъ въ погоню, но лошадь одного заупрямилась, и онъ долженъ былъ вернуться. Другой казакъ вѣхалъ далѣе.... Онъ почти настигъ Пруссака, какъ-вдругъ собака бросилась на лошадь, схватила ее за гриву.... она на дыбы, а Пруссакъ воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, нанесъ казаку дубиной такой ударъ, что тотъ покачнулся, да и бухъ въ воду!... Посмотрѣли бъ вы тогда, какъ озлились казаки, оставшіеся на мосту! Одинъ командовалъ и страшные выстрѣлы изъ нѣсколькихъ карабиновъ потрясли воздухъ....

— И Пруссакъ погибъ? •

— Не извѣстно. Тамъ, гдѣ такъ высоко растетъ камышъ выглянулъ онъ въ послѣдній разъ. Но собака страш-

но была, изъ чего мы и заключили, что солдатъ либо убить, либо утонуть.....

Съ стѣсненнымъ сердцемъ слушалъ Стефанъ этотъ разсказъ; мрачно смотрѣлъ онъ на пробѣжавшихъ непріятелей, и вмѣшавшись опять въ толпу, пошелъ далѣе.

Думалъ ли Этьенъ, что воротится на родину при такихъ тягостныхъ, грустныхъ обстоятельствахъ?... Онъ всегда воображалъ, что воротится домой въ тихій, мирный воскресный день; при торжественномъ колокольномъ звонѣ думалъ онъ ступить на чисто выметенную мостовую, по которой медленно шелъ изъ церкви разряженный народъ. На всѣхъ лицахъ надѣялся онъ увидѣть спокойное, благочестивое выраженіе и ему казалось, что только изрѣдка взоръ ихъ обращался на загорѣлаго незнакомца. — Случай привелъ Этьена къ тѣмъ самымъ воротамъ, въ которыя онъ вышелъ изъ Берлина, но гдѣ же было воскресенье, тишина, миръ, спокойствіе? Колокола были въ движеніи, но звонъ ихъ былъ заглушенъ крикомъ, шумомъ бушевавшей толпы.

Онъ остановился у отворенной калитки кладбища. Верхушки акацій и платановъ медленно покачивались, стряхивая желтѣющіе листья на черные кресты, на мраморныя плиты съ золотыми надписями, и на вѣчнаго ангела смерти, съ опрокунутымъ факеломъ.... Было тихо и пусто на обширномъ кладбищѣ.... только какой-то старикъ, медленно вставъ съ широкой мраморной плиты, тихими шагами шелъ къ выходу. Онъ долженъ былъ итти мимо Стефана. Мѣсто, уравнивающее королей и нищихъ, сближаетъ и незнакомцевъ. Молодой человекъ поклонился старику; тотъ тоже поклонился и бросивъ на незнакомца равнодушный, холодный взглядъ, пошелъ далѣе.

Стефанъ не могъ тронуться съ мѣста. Онъ прислонился къ стволу, обхватилъ стволъ его неподвижнымъ взглядомъ слѣдилъ за старикомъ....

То былъ отецъ его!

Этьенъ хотѣлъ бѣжать за нимъ, броситься къ ногамъ его, прижать его къ груди своей!.. Но нѣтъ—зачѣмъ? Не выражалось ли во взорѣ старика холодное, ледяное равнодушіе?... Нѣтъ! не равнодушіе, но горесть, глубокая горесть всегда была въ потухшемъ взорѣ его, во впалыхъ

щекахъ, въ дрожащихъ рукахъ... одна горестъ привела его сюда.

Но кого оплакивалъ бѣдный старикъ?

Колѣни Стефана дрожали, грудь его сжалась, когда онъ нетвердымъ шагомъ подошелъ къ бѣлой мраморной плитѣ, на которой такъ долго сидѣлъ старикъ, отецъ его.... Сквозь горячія слезы, выступившія на глазахъ его, онъ съ трудомъ прочелъ слѣдующее:

«Здѣсь покоится прахъ Анны, Софїи, Стефаніи Бомъ, родившейся 3 мая 1712 года, скончавшейся 1 мая 1760 году. Она перешла въ вѣчность, гдѣ краткую страдалицу, вѣрную супругу и добрую мать ждетъ вѣнецъ, которыми съѣнитъ ее Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, въ награду за безчисленныя страданія, которыя она не копейки жизни своей, переносила съ терпѣніемъ и примѣрною покорностью христіанки.

«Да покоится мирно прахъ ея!

«Супругъ ея

«Карлъ, Готлибъ, Христіанъ Бомъ.»

Стефанъ уже не плакалъ. Источникъ слезъ его, казалось, изсякъ—глаза горѣли. Онъ читалъ и перечитывалъ надпись, пока всѣ буквы не слились въ глазахъ его... надгробный камень то вышпался, то понижался, все на кладбищѣ вертѣлось около него, воздухъ сбѣлался тяжелымъ, точно будто передъ грозой....

Неизвѣстно, долго ли сидѣлъ Стефанъ на надгробномъ камнѣ матери, но когда онъ пришелъ въ себя, то успокоительныя слезы тихой грусти текли по щекамъ его. Онъ плакалъ долго и, казалось, все окружающее его, сочувствовало его скорби о невознаградиной потерѣ.

Стефанъ всталъ, хотѣлъ разогнать непріятный сонъ, но увы! все это была истина!... Въ чащѣ кладбища было мрачно, но на горизонтѣ стала уже появляться утренняя заря.... послѣднія звѣзды угасали. Онъ всталъ, стряхнулъ ночную росу съ сюртука своего и готовился идти—куда? Чтò ему теперь дѣлать въ Берлинѣ?... Исполнить порученіе короля и посмотреть на старый, отцовскій домъ!

Было свѣтлое, холодное осеннее утро. Утренняя заря освѣщала красноватымъ свѣтомъ сѣрыя кровли королев-

скаго замка, величественно возвышавшагося надъ невысокой массой домовъ, тонувшихъ еще въ сѣромъ туманѣ. Все еще спало; даже часовые дремали, опершись на ружья; не слышно было ни рыночнаго шума, ни стуку колесъ на мостовой, но только однообразное хлопанье отдаленныхъ мельницъ. Стефанъ долго бродилъ по городу и когда все въ немъ стало оживать, когда на башенныхъ часахъ пробило семь, онъ вошелъ въ улицу, дорогу къ которой никто ему не показывалъ, хотя уже двадцать лѣтъ проша съ-тѣхъ-поръ какъ онъ не былъ въ ней....

Ставни были закрыты. Паутины затянули подвальныя окна и трава пробивалась между щелями каменныхъ ступеней. Дверь была заперта изнутри, что можно было узнать по концу ключа, высовывавшемуся изъ замочной скважины; следовательно, домъ былъ обитаемъ, хотя въ немъ и вокругъ него царствовала мертвая тишина.... Стефанъ стоялъ уже у дубовой двери, обращенной темной охрой; стальная колотушка была уже въ рукахъ его, но онъ не смѣлъ постучаться; что-то невѣдомое его удерживало.

Изъ-за угла показались два человѣка; оба были стары и оба терпелись.... въ одномъ Этьенъ узналъ отца своего, а въ другомъ доктора Цирлейна, котораго двадцать лѣтъ не могли измѣнить. Старики шли прямо къ дому. Докторъ первый замѣтилъ Этьена и указывалъ на него тростью, отецъ пожалъ плечами и отвѣчалъ что-то очень равнодушно. Кровь бросилась молодому офицеру въ лицо, онъ весь задрожалъ и однимъ прыжкомъ соскочилъ съ крылечка и, не оглядываясь, убѣжалъ. Поворотивъ за уголъ сосѣдней улицы, онъ устыдился своей трусости; вернулся, но уже было поздно. Дверь только-что захлопнулась и ключъ щелкнулъ въ замкъ.

Стефанъ нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на домъ, въ которомъ онъ провелъ дѣтство. Тысячи воспоминаній, горестныхъ, тягостныхъ, тѣснились въ умѣ его....

Между-тѣмъ улицы оживлялись. Рѣдко можно было встрѣтить порядочно одѣтаго человѣка; на всѣхъ лицахъ было написано безпокойство, всѣ какъ-будто куда-то торопились, едва даже кланяясь знакомымъ. Около главной гауптвахты, которую занялъ непріятель, было пусто, толь-

ко на близлежащемъ бульварѣ, увидѣлъ Стефанъ двухъ маститыхъ Евреевъ, съ длинными бородами и въ богатыхъ костюмахъ; оба казались погруженными въ разговоръ о какомъ-то важномъ дѣлѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ шелъ молодой человекъ; по костюму его, изъ тонкаго сукна и шелку, по бѣлью удивительной бѣлизны, по тщательно завитому и напудренному парикку, и, наконецъ, по легкой, граціозной походкѣ можно было узнать человека, принадлежащаго къ французской колоніи; а полу-скрытыя брыжки свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ духовнаго званія. На молодомъ лицѣ его выражались добродушіе, умъ, но въ это время болѣе всего любопытство. Онъ остановился, осмотрѣлся и не увидѣвъ никого, приставилъ находившуюся тутъ лѣстницу къ окну караульни, взобрался на нее, взглянулъ въ окно, вскрикнулъ съ ужасомъ и упалъ бы навзничъ, если бъ одинъ изъ подоспѣвшихъ Евреевъ не поддержалъ его.

— Герръ кандидатъ, что съ вами? О вай, герръ Эфраимъ: посмотрите, какъ онъ блѣденъ!

— О вай, герръ Ицигъ, какъ бы онъ не умеръ у насъ на рукахъ, отвѣчалъ Эфраимъ, помогая пріятелю своему поддерживать молодого человека.

— Нѣтъ, нѣтъ; онъ ужъ открываетъ глаза.... Онъ приходитъ въ себя.... Герръ кандидатъ, что съ вами?

Молодой человекъ не отвѣчалъ; только съ выраженіемъ ужасу указывалъ на окно караульни, откуда выглядывало широкое лицо казака, съ длинною черною бородой и изрубленное нѣсколькими сабельными ударами. Кандидатъ хотѣлъ посмотреть въ окно и лицо его почти столкнулось съ лицомъ казака: тотъ смѣялся надъ молодымъ человекомъ, на котораго одинъ видъ грознаго казака, произвелъ такой ужасъ!

Замѣтивъ, что онъ находился въ рукахъ Жидовъ и что вокругъ нихъ начинала уже собираться толпа народу; молодой кандидатъ испугался этого почти столько же, сколько казака. На-скоро поклонившись Жидамъ и поблагодаривъ ихъ за помощь, онъ увѣрялъ, что одно желаніе взглянуть по-ближе на сыновъ Урала, заставило его посмотреть въ окно караульни, и поспѣшно удался. Этьемъ вмѣшался въ толпу и вмѣстѣ съ нею бродилъ изъ одной

части города въ другую, безъ всякой цѣли. Онъ видѣлъ, какъ австрійскіе солдаты, не обращая вниманія на запрещенія начальниковъ, грабили мирныхъ гражданъ; онъ видѣлъ, какъ они бросали изъ оконъ магазиновъ товары на улицу, только для того, чтобы разбить или разорвать ихъ. Не-разъ кипѣла въ немъ кровь, и онъ готовъ былъ измѣнить себѣ, но толпа не давала ему времени исполнить это, увлекая его всё далѣе и далѣе. Наконецъ, измученный, усталый, голодный, опустился онъ на скамью передъ питейной лавкой, не заботясь о шумѣ, въ ней происходившемъ. Тамъ толпились Австрійцы, Рускіе, Берлинцы, мужчины, женщины и дѣти; слышались угрозы, смѣхъ, ругательства, драка. Изъ лавки тащили за хвостъ старую, уже негодную казацкую лошадь, на которой сидѣла верхомъ, обратившись спиной къ лошадиной головѣ и держась за хвостъ, безобразная старуха, раскраснѣвшаяся отъ злобы. Чепчикъ былъ надѣтъ на головѣ ея задомъ-напередъ, длинныя, грязно-сѣдые волосы были растрепаны, изорванная гусарская куртка играла роль шпенсера и на одной ногѣ старухи была ботфорта. Но болѣе всего обезображивало ее бѣшенство, которое не находило приличныхъ словъ, чтобы излиться наружу. Судороги подергивали распухшее лицо, глаза были на выкатѣ, на губахъ пѣна.

Толпа уличныхъ мальчишекъ съ громкимъ смѣхомъ попрыгивала около нея, напѣвая:

Фрау Курцина, фрау Курцина,
Гадкая ты образина!

Изъ разговоровъ мальчишекъ Этьенъ узналъ, что Курцина осмѣлилась ударить казака! Она не испугалась тѣхъ, передъ которыми отступила въ Шпандау храбрая, двадцати-тысячная прусская армія! Но дорого поплатилась супруга адвоката за одинъ ударъ. Казаки съ громкимъ смѣхомъ рѣшили заставить ее проѣхаться на старой клячѣ и въ такомъ нарядѣ по всему городу. Бурнымъ потокомъ лился ругательства изъ устъ озлобленной старухи, когда вдругъ она увидѣла при поворотѣ въ другую улицу человека, который привлекъ на себя все ея вниманіе.

Окруженный нѣсколькими австрійскими солдатами кра-

ся около стѣнъ согбенный, полу-отжившій, худощавый старичишка. Лицо его было похоже на старый измятый пергаментъ и сѣрые глаза, въ которыхъ выражались зависть и недоброежелательство, свѣтились въ глубокихъ глазныхъ впадинахъ. Онъ шелъ опираясь на палку, и когда нахлынувшая изъ-за угла толпа заставила его остановиться, взоръ его встрѣтился со взоромъ старухи и, казалось, въ послѣднемъ выразилось еще болѣе ненависти.

— Куда изволите пробираться, герръ адвокатъ? вскричала она; что это головушку изволили повѣсить? Кажись, вы богатый человекъ? Не прикажете ли рюмочку сладкой водочки? Нечего! другіе безъ васъ все выкушали. Опоздали! что дѣлать!.... А куда дѣвался мужъ, когда чужіе люди обижали жену? а?

Адвокатъ молчалъ и очень равнодушно слушалъ ругательства жены.

— Не бойсь, оглохъ?... Такъ я жъ тебя отрекомендую, постой! — Знаете ли, кто этотъ человекъ? Каверза, крючкотворецъ, скупецъ, обманщикъ, мошенникъ, онъ укралъ и уничтожилъ для своей пользы духовную, женился на честной вдовѣ, чтобы лишить ее всего, онъ выгнанъ изъ службы, замаранъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ уже подъ висѣлицей и опять туда попадетъ! Это мужъ мой, адвокатъ Шляпаліусъ!

Адвокатъ всё молчалъ; слова старухи, казалось, не производили на него никакого впечатлѣнія; это дотога возбѣсило ее, что она готова бѣ была соскочить съ лошади и броситься на мужа, если бѣ не была привязана.

— Постой, дружокъ, я жъ тебѣ прочищу слухъ, да открою глаза! Вы думаете, что я не знаю, куда онъ идетъ? Онъ хочетъ показать гдѣ хранится казна королевская! Ахъ, онъ извергъ, злодѣй, Каранбъ! Всмотритесь, добрые люди, въ лицо измѣнника, предателя! Это мужъ мой, адвокатъ Шляпаліусъ!

Послѣднія слова уже не достигли цѣли своей. Австрійская стража увлекла своего плѣнника. Непозвѣстно, чего ожидали Австрійцы отъ адвоката, однако жъ видно было немаловажное, потому что два военные комиссара уже ждали на гауптвахтѣ, куда его привели. Ходьба утомила его. Онъ попросилъ, чтобы ему позволили от-

дохнуть и дали чѣмъ—нибудь подкрѣпить силы. Солдаты разгоняли народъ, толпившійся у входа, между тѣмъ какъ адвокатъ, обмакивая ломтики бѣлаго хлѣба въ рюмку ливера, съ ужасомъ замѣтилъ, что онъ былъ не одинъ. Возлѣ него сидѣлъ молодой человѣкъ съ усами.

— Только одно слово, подлецъ, шепнулъ молодой человѣкъ на-ухо адвокату: и ты погибъ!.... И изъ-подъ полы сюртука его высунулось дуло пистолета.

— Что вамъ угодно? спросилъ дрожащимъ голосомъ Шлипаліусъ, уронивъ ломтикъ хлѣба въ рюмку.

— Негодяй! Что ты хочешь дѣлать? .

— Ничего.....

— Измѣнить королю!

— Сжальтесь, нѣтъ..... я несчастный, обиженный, разжалованный чиновникъ.....

— Я тебя знаю, молчи!.... Если ты покажешь комиссарамъ мѣсто, гдѣ они могутъ найти только одинъ шокъ съ деньгами, запечатанный королевскою печатью, только одинъ талеръ съ изображеніемъ короля, такъ знай, что я, какъ злой геній твой, буду всюду преслѣдовать тебя и ты не избѣгнешь моего мщенія. Это такъ же вѣрно, какъ то, что я тебя знаю и что ты нѣкогда зналъ меня.

— Кто.... кто вы? спросилъ адвокатъ вперивъ безжизненный взоръ въ незнакомца.

— Сынъ инспектора Бома; тотъ самый, котораго ты оклеветалъ, отвѣчалъ Этьенъ и вскочилъ:—Помни, что я тебѣ сказалъ.

— Всемогущ..... началъ адвокатъ, но слова замерли на языкѣ его, руки его судорожно сжались и онъ повалился на полъ; голова его упала на ногу Этьена.

Слова Этьена убили старого скрягу!....

— Что это? вскричалъ молодой офицеръ съ ужасомъ.

— Что это? повторило за нимъ нѣсколько голосовъ.

— Старикъ умеръ!

— Онъ задушилъ его!

— Это шпіонъ! .

— Ловите его!

Но Этьенъ открылъ уже окно и хотѣлъ выскочить на улицу, какъ—вдругъ нѣсколько человѣкъ схватили его. Всякое сопротивленіе было напрасно и Этьенъ бы погибъ,

если бъ въ то же время не послышался крикъ часоваго:

— Къ оружію! къ оружію!

Солдаты въ суматохѣ бросились вонъ; Этьенъ былъ свободенъ и хотѣлъ уже выскочить въ окно, какъ-вдругъ вспомнилъ, что видѣлъ за паухой адвоката бумажникъ: въ немъ, можетъ-быть, хранились бумаги, которыя могли быть полезны неприятелю. Онъ выхватилъ его съ неприятнымъ чувствомъ, и минутою спустя, былъ уже на улицѣ.

Стефанъ хотѣлъ войти въ какой-нибудь домъ, но вездѣ двери и ворота были заперты. Онъ бѣжалъ, и тяжелые шаги преслѣдовавшихъ слышались за нимъ. Вдругъ изъ-за угла выѣхали нѣсколько русскихъ офицеровъ; въ генералѣ, ѣхавшемъ впереди, Стефанъ узналъ Тотлебена.

— Куда? закричалъ послѣдній громовымъ голосомъ, обращаясь не къ бѣглецу, а къ преслѣдовавшимъ его Австрийцамъ. Грабить запрещено! Назадъ—по домамъ!

— Мы за бѣглецомъ, отвѣчалъ Австріецъ.

— Кто онъ? Что онъ сдѣлалъ?

— Убилъ проводника на гауптвахтѣ.

— Это дѣло другое, вскричалъ Тотлебенъ, удаляясь: исполняйте вашу обязанность.

Но уже было поздно. Стефанъ успѣлъ поворотить за уголъ, увидѣлъ полу-растворенную дверь, бросился къ ней, захлопнулъ ее за собою и не останавливаясь побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Вбѣжавъ на чердакъ, онъ увидѣлъ, что не было спасенія.... шумъ приближался... онъ могъ уже разлышать голоса Австрийцевъ, подымавшихся вслѣдъ за нимъ по лѣстницѣ.... Стефанъ подбѣжалъ къ слуховому окну, крыша не крута и плотно примыкала къ кровлѣ сѣшняго дому.... не разсуждая объ опасности, которой подвергался, онъ взобрался на крышу, счастливо достигнувъ до третьяго дому. опять спустился въ слуховое окно на чердакъ. Тамъ силы покинули его, но онъ былъ спасенъ... вдали слышался еще глухой гулъ, на улицѣ раздавался барабанный бой.... но шумъ мало-по-малу утихалъ. Опустившись на жесткій полъ, Стефанъ былъ побѣжденъ усталостію и вскорѣ глубокой сонъ оковалъ его изнеможенные члены....

На башенныхъ часахъ пробило полночь, когда Стефанъ отирься глава. Онъ находился въ глубокомъ мракѣ и сп-

какимъ могъ бы дожидаться утра, чтобы выйти изъ этого дому, если бъ его не мучилъ—на страхъ, не безпокойство—но голодъ! Онъ во весь прошедшій день не бралъ куса хлѣба въ ротъ. Куда идти? Чтѣ предпринять?... Ощупью нашла онъ маленькую дверь, которая уступила давленію руки его... по узенькой, крутой лѣстницѣ, придерживаясь за веревку, служившую перилами, спустился онъ къ другой двери, которая, по счастью, не была заперта... но въ цѣломъ домѣ былъ глубокой мракъ и мертвая тишина... онъ продолжалъ пробираться ощупью и дотронулся до ручки двери... придавилъ ее, ручка заскрипѣла, дверь отворилась.... По запаху Стефанъ узналъ, что находится въ кухнѣ; но уви въ кухнѣ царствовала нѣмецкая аккуратность: все было замкнуто, тарелки вымыты, нигдѣ даже нельзя было найти корки черстваго хлѣба.... Съ невыразимой досадой хотѣлъ уже Стефанъ разломать замокъ шкафа съ съѣстными припасами, какъ-вдругъ его поразилъ лучъ или, лучше сказать, точка свѣту, пробивавшагося сквозь замочную скважину.... слѣдовательно, въ сосѣдней комнатѣ горѣла свѣча или лампа. Онъ приложилъ ухо къ двери.... ничего не было слышно. Постучаться ли? думалъ Стефанъ приложивъ руку къ двери; но она была только притворена и отворилась безъ малѣйшаго шума.

Стефанъ очутился въ маленькой, уютненькой комнатѣ; двѣ нагорѣвшія свѣчи стояли на кругломъ столѣ; на зеленемъ диванѣ сладко дремала молодая дѣвушка, съ прелестными, нѣжными чертами лица. Она сидѣла такъ тихо, какъ—будто бы прежде чѣмъ сонъ овладѣлъ ею, каждая складка плетя ея была живописно распададена; бѣленькія ручки лежали на колѣняхъ; ножки, обутыя въ атласныя башмачки на высонихъ наблукахъ, покоились на скамейкѣ; головка, съ высокой, ватѣйливой фривурой, была прилонена къ подушкамъ осторожно, чтобы не испортить, не изнять прически. Если бъ грудь не подымалась при ровномъ, спокойномъ дыханіи дѣвушки, то ее можно было бы принять за прелестную восковую фигуру въ брачномъ нарядѣ!.... Точно, это была цѣлѣста, счастливая не-вѣста: завтра предстоялъ ей радостный день.... все это можно было прочесть на лицѣ ея....

Какъ человѣкъ, знакомый со всеми обычаями берлин-

царь, Этьенъ понялъ, что одна Фризура была причиною страннаго, необыкновеннаго положенія молодой дѣвушки. Утромъ парикмахеру нельзя было привести ее въ порядокъ, потому что она требовала долгаго, тщательнаго труда, и для того это обыкновенно дѣлалось съ вечера!

Этьенъ снялъ со свѣчей, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на очаровательное существо, одинъ видъ котораго удалялъ всякую недобрую мысль! Какъ все мило было въ маленькой комнаткѣ, въ которой нигдѣ не замѣтно было ни богатства, ни роскоши, но вездѣ удобство, вкусъ и чистота!... Стефану страшно было посмотреть на себя, оборваннаго, замараннаго, небритаго!... Ни за что въ мірѣ не хотѣлъ бы онъ разбудить дѣвушки, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ удалиться.... онъ приблизился къ лицу ея и увидѣлъ очаровательную улыбку. Она, вѣроятно, мечтала о женихѣ!...

Чѣмъ болѣе всматривался Стефанъ въ прелестное личико, тѣмъ знакомѣе оно ему казалось. На груди молодой дѣвушки что-то блеснуло — это былъ медаліонъ. Этьену былъ знакомъ портретъ, на этомъ медаліонѣ представленный.... такъ точно! Это былъ портретъ тѣтушки его сужитницы! Медаліонъ же прислалъ онъ самъ изъ Вѣны, въ подарокъ милой кузинѣ своей, Стефаніи....

Такъ это была она! Прелестная дѣвушка, очаровательная повѣста, была кузина его, Стефанія....

Итъ! онъ не хотѣлъ испугать ея. Онъ хотѣлъ воротиться на дѣстницу, въ сѣни, на чердакъ и ждать тамъ появленія дня.... но надобно же было востыться съ милою подружкою дѣтскихъ игръ его.... Мысленно и душевно желая ей счастья въ предстоящемъ бракѣ, Этьенъ приложилъ губы къ блѣдному лбу ея.... но онъ забылъ, что прошло болѣе недѣль, какъ бритва не касалась подбородка его.... Молодая дѣвушка вздрогнула.... проснулась.... открыла глаза, но тотчасъ же опять закрыла ихъ....

Испугавшись, Этьенъ хотѣлъ отступить, но нечаянно задѣлъ за столъ.... улынувшись нумъ, она поняла, что страшное видѣніе не было ономъ и опять открыла глаза.

— Боже милосердый! провучалъ серебристый голосокъ. Руки ея судорожно сжались, сердце перестало биться, она: задрожала....

Ночной гость, испугавшийся не меньше ея, показывал ей знаками, чтобы она молчала, но она, вѣроятно, не поняла движенія его и вскрикнула.... по счастью страхъ и ужась нѣсколько заглушили голосъ ея....

— За что хотите вы убить меня?.... Ахъ!.... смальтесь! произнесла она замирающимъ голосомъ, когда страшный незнакомецъ схватилъ ее за руку.... Ей казалось, что послѣдняя минута ея настала, глаза ея невольно сомкнулись, губы дрожали, она готова была лишиться чувствъ.

Долго Этьенъ шепталъ ей на-ухо тихимъ, нѣжнымъ голосомъ:—Стефанія! милая Стефанія!.... Она не слышала или не понимала значенія словъ его.

— Я не убійца, не разбойникъ, продолжалъ онъ: не съ дурнымъ намѣреніемъ пришелъ сюда.... Меня преслѣдуютъ.... я Пруссакъ.... старый знакомый.... другъ, родственникъ....

Слова эти, казалось, нѣсколько успокоили молодую дѣвушку; она опять открыла глаза, однако жъ не безъ страху и трепету смотрѣла на страшнаго незнакомца, съ длинными усами, небритой бородой, загорѣлымъ и замараннымъ лицомъ, въ грубомъ, фризовомъ сюртукѣ.... онъ сидѣлъ возлѣ нея, на диванѣ, куда не садился еще ни одинъ мужчина и тѣмъ болѣе въ полночь и наединѣ съ нею!.... И въ жесткой, растрескавшейся рукѣ солдата, лежала бѣленькая, пухленькая ручка молодой дѣвушки.... Онъ пристально смотрѣлъ на нея, но во взорѣ его она прочла не злобу, а дружбу и участіе....

— Какъ ты похорошѣла! сказалъ онъ, какъ-бы въ вольномъ восхищеніи....

И она уже не кричала, сердце ея опять забилося, румянецъ выступилъ на свѣжихъ щечкахъ....

— Боже мой! Что со мною? Что это значитъ? произнесла она едва слышнымъ голосомъ и слезы выступили на глазахъ ея.

— Не сердитесь на меня, кузина.

— Но кто вы? спросила она глубоко вздохнувъ и пристально взглянувъ на незнакомца.

— Я былъ нѣкогда принятъ какъ родной въ домѣ вѣшемъ, милая Стефанія. Мы часто видѣлись, мы играли

вмѣстѣ, мы любили другъ друга.... меня зовутъ Этьеномъ!.... Мать моя умерла, она была родная сестра твоего отца.

Слезы ручьями полились по щекамъ Стефаніи.... Стефанъ прижималъ маленькую ручку къ губамъ своимъ.

— Ахъ, мосьё Этьенъ: кто бы могъ это ожидать!

— Милая, прелестная кузина, вы не забыли меня! сказалъ Этьенъ, приблизивъ лицо свое къ лицу молодой дѣвушки....

— Я невѣста! сказала она быстро отвернувшись.

— Отъ души поздравляю васъ! возразилъ Этьенъ задумчиво.

Наступило минутное молчаніе, во время котораго Стефанія, закрывъ лицо руками, какъ-бы старалась привести въ порядокъ мысли, толпившіяся въ умъ ея.

— Сколько времени прошло съ-тѣхъ-поръ.... сказала она наконецъ глубоко вздохнувъ.

— Какъ я не переступалъ черезъ порогъ вашего дому? прервалъ ее Этьенъ: и какъ все пережилось!

— Ахъ, Боже мой! Вы, можетъ-быть, несчастны?.... Зачѣмъ не пришли вы къ намъ днемъ?....

— Никто не долженъ знать, что я въ Берлинѣ! Тотъ, кто произнесетъ мое имя, погубитъ меня!

Стефанія вздрогнула и невольно приблизилась къ гостю, котораго голосъ былъ чрезвычайно нѣженъ, хотя видъ очень страшенъ.

— Ради Бога, скажите, что же вы сдѣлали?

Въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ онъ ей положеніе свое и случай, приведшій его въ этотъ домъ. Она вздрогнула при мысли объ опасности, которой онъ подвергался, пробираясь по крышамъ....

— Но по какому случаю, продолжалъ онъ: застаю я кухню свою, дочь такой примѣрной хозяйки, въ этомъ странномъ положеніи?

— Вы, можетъ-быть, помните еще мосьё Трепсона, нашего парикмахера? отвѣчала молодая дѣвушка, между-тѣмъ какъ яркій румянецъ разлился по щекамъ ея:— Ему завтра нельзя рано прійти, такъ онъ убралъ мнѣ голову съ-вечера, чтобы завтра не было задержки....

— А завтра что?

Она отвѣчала легкимъ пожатіемъ руки.

— Но зачѣмъ же въ такое безпокойное время? прелестная кузина.

— Родители наши давно уже назначили этотъ день.

— А кто же счастливецъ?

— Мосьё Меравъ, добрый двоюродный братъ нашъ. Вы, вѣроятно, помните его.

— Счастливый Меравъ!.... Онъ, кажется, учился богословію?

— Боже мой! если бъ онъ зналъ, вскричала Стефанія, какъ-бы невольно, и закрыла руками лицо.

— Я пойду къ нему. Еще до разсвѣту узнаетъ онъ, какой случай....

— Ради Бога, не дѣлайте этого! Никто, никто не долженъ знать....

— Такъ я удалюсь изъ Берлина прежде, нежели кто-нибудь узнаетъ, что я былъ здѣсь.

— О, это было бы ужасно!

Этьенъ понялъ тогда, какой опасности, какому позору подвергалась бѣдная Стефанія. Невольное посвященіе его навѣки могло разстроить счастье и спокойствіе цѣлаго семейства.

— Будьте счастливы, милая, добрая Стефанія, сказалъ онъ съ рѣшимостію.

— Куда вы?.... Она быстро встала.

— Прочь отсюда, прочь изъ дому вашего прежде, нежели кто-нибудь увидитъ меня. Отопните мнѣ дверь.

— Невозможно! У маменьки ключъ.

— Слѣдовательно, милая кузина, намъ остается разбудить маменьку вашу и сдѣлать ее нашей повѣренною.

— Ахъ! и это невозможно....

— Почему? Неужели вы думаете, что маменька наша....

— Я должна идти черезъ спальню маменьки, Пудель брата моего бросится на меня; моська, которая спитъ на стулѣ, возлѣ постели маменьки, залаетъ и въ домѣ подымется страшная суматоха. Невозможно!

— Но тамъ, кажется, комната слугъ. Кто нибудь изъ нихъ согласится....

— Этьенъ!.... ради Бога: вы погубите меня!

— Однако жъ здѣсь оставаться я не могу и не долженъ. Я проберусь опять въ сѣни или на чердакъ, и утрожь, когда двери будутъ отворены, удалюсь изъ этого дому.

Стефанія закрыла глаза платкомъ.

— Не плачьте, милая кузина. Никто не увидитъ меня и вы не подвергаетесь ни малѣйшей опасности.

— Нѣтъ, братецъ, сказала Стефанія съ внезапной твердостью, которой она и сама въ себѣ не подозрѣвала: Нѣтъ я не согласна на это. Въ домѣ нашемъ квартируетъ австрійскій майоръ, а на чердакѣ спитъ денщикъ его; Онъ можетъ увидѣть васъ, и тогда вы погибли.

— Такъ мнѣ остается только выпрыгнуть въ окно.... или провести ночь въ кухнѣ.

— Нѣтъ, кухарка встанетъ съ разсвѣтомъ.

— Чтѣ же прикажете мнѣ дѣлать?

— Извините, братецъ, но.... согласитесь ли вы провести остальную часть ночи въ моей гардеробной? Помните ли какъ мы, въ дѣтствѣ, скрывались тамъ играя въ прятки?

— Я буду вспоминать о прекрасномъ прошедшемъ времени.

— Но я запру васъ на ключъ....

— Я на все согласенъ.

— Ахъ, Боже мой! тамъ нѣтъ софы.... вскричала Стефанія, отворивъ дверь темненькой гардеробной.

— На полу всё-таки мягче, нежели на морозной землѣ или на голыхъ каменьяхъ, отвѣчалъ Этьенъ улыбаясь.

— Неужели вамъ приходилось?...

— Вотъ уже два года, какъ я прусскій солдатъ и во все это время надъ головами черныхъ гусаровъ не было другой палатки, кромѣ небеснаго свода.

— И офицеры? Ахъ, какая ужасная вещь война!

— До свиданія, милая Стефанія. Забудьте нарушителя вашего спокойствія....

— Какъ вы блѣдны!... Вы, можетъ-быть, нездоровы?

— Завтра, не болѣе какъ въ полчаса, я вылечусь.

— О, говорите, чтѣ у васъ болитъ! Вотъ въ этомъ ящикѣ домашняя аптечка маменьки.

Этьенъ, улыбаясь; взглянулъ на ящикъ.

— Не трудитесь, милая кузина, сказалъ онъ: эти порціи слишкомъ малы — онѣ мнѣ не помогутъ.

— Неужели жъ я вамъ ничѣмъ не могу помочь? спросила она умоляющимъ голосомъ.

— Я уже самъ искалъ лекарства въ кухнѣ, но ничего не нашель.

— Въ кухнѣ?

— Когда не поѣшь часовъ пятьдесятъ сряду, то кусокъ хлѣба лучше лекарства!

— Кусокъ хлѣба? Ахъ, Боже мой, вы, вѣроятно, еще не ужинали?

— Не ужиналъ, не обѣдалъ и не завтракалъ. Впрочемъ, это не бѣда; завтра я поправлюсь. Спокойной ночи.

Однакожъ послѣднее сообщеніе Этьена испугало будущую хозяйку чуть-ли не болѣе самаго появленія его. До-тѣхъ-поръ ей казалось, что пропустивъ одинъ обѣдъ или ужинъ, можно умереть съ голоду, а потому не говоря ни слова, она схватила ключи, пошла въ чуланъ, находившійся возлѣ самой кухни, и тотчасъ же воротилась съ холодными кушаньями.

— Помните ли, братецъ, шопотомъ говорила Стефанія Этьену, который помогалъ ей ставить блюда на столъ: помните ли, какъ мы иногда забирались въ чуланъ?

— Помню, помню! отвѣчалъ молодой поручикъ, съ жадностію посматривая на блюда.

— Я не могу достать вина, продолжала молодая дѣвушка — оно на погребѣ; кому же, мнѣ кажется, что вино въ теперешнемъ состояніи, вино можетъ повредить....

— Конечно, конечно.... только, кажется, я видѣлъ тамъ двѣ бутылки?

— Это ликеръ и желудочная водка, которую вы, вѣроятно, не станете пить.

— О нѣтъ, нѣтъ; впрочемъ, если водка полезна для желудка, то, знаете, не худо бы попробовать ее, если позволите....

Въ нѣсколько минутъ исчезло все съ блюдъ и тарелокъ, стоявшихъ на столѣ. Съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣла Стефанія на своего кузена: все это еще казалось ей свидѣніемъ; но Этьенъ кончилъ, всталъ, поцѣловалъ руку

молодой дѣвушки, протислся съ нею и пошелъ къ маленькой двери гардеробной.

— Будетъ ли отецъ мой въ числѣ гостей вашихъ? спросилъ онъ, остановившись на порогѣ.

Стефанія глубоко вздохнула и опустила глаза: — Ахъ, вы, вѣроятно, не знаете, какъ все измѣнилось....

— Послѣ смерти моей матери?

— Да; она много пострадала отъ несчастія, постигшаго вашего батюшку.

— Несчастія?

— Всему виной адвокатъ Шлипаліусъ.

— Онъ не избѣгнетъ наказанія.

— О, если бъ вы знали, какъ жестоко поступилъ онъ съ батюшкой вашимъ, затѣявъ съ нимъ процессъ, отъ котораго герръ инспекторъ лишился всего своего имѣнія.

— Небо справедливо! невольно воскликнулъ Этьенъ.

— Всѣ родственники отступились отъ вашего батюшки.... дурныя были времена!

— Но я увѣренъ, что въ вашемъ домѣ, отецъ мой находилъ всегда дружбу, утѣшеніе?

— Мы очень сожалѣли о немъ. Но, не желая ссориться съ другими родственниками, папенька не могъ принимать его у себя въ домѣ.... однако жъ маменька часто посылала къ вамъ въ домъ, съ нашего стола....

— О, какъ вы были добры къ моей матери! Вы посылали ей съ вашего стола! Боже мой, какая невыразимая милость!... вскричалъ молодой офицеръ съ горестнымъ чувствомъ.— Спокойной ночи, кузина. Завтра наступитъ торжественнѣйшій день вашей жизни.... Стефанія, одного желаю вамъ: чтобы судьба никогда не довела бы васъ до того, чтобы почтенная родня посылала вамъ съ своего стола!... Лучше страдайте, умирайте съ-голоду, но не принимайте того, что сострадательность родственниковъ принесли вамъ съ своего стола!

Этьенъ не могъ уснуть. Онъ слышалъ какъ Стефанія плакала, несмотря на то, что она крѣпко прижимала платокъ ко рту, чтобы заглушить рыданія свои, и онъ плакалъ вмѣстѣ съ нею!...

Все уже начинало оживать въ домѣ, когда Стефанъ

улыбнлась, что кто-то вошелъ въ комнату молодой дѣвушки. Это была ея мать, совѣтница.

— Каково прелева ты ночь, моя милая? спросила она.

— Хорошо, маменька, право хорошо.

— Что съ тобой? Ты неспокойна. Ты плачешь?... Перестань, моя милая, у тебя раскраснѣются глаза.... Говори, что у тебя на сердцѣ?

— Ничего....

— У тебя руки замараны въ сажѣ....

— Нѣтъ, это такъ.... я....

— Ты опять была въ кухнѣ.... я узнаю въ тебѣ дочь мою: ты будешь хорошая козлячка.... Но какой здѣсь безпорядокъ, коверъ затоптанъ....

— Ахъ, маменька, если бъ вы знали, что происходитъ въ душѣ моей....

— Э! другъ мой, какъ мнѣ не знать! Я сама была молода. Конечно, грустно оставлять родительскій домъ, но вѣдь ты выросла вѣстѣ съ женихомъ своимъ, вы не чужіе. Онъ добръ, кротокъ, любимъ и уважаемъ всѣми; притомъ же ты сама знаешь, какъ онъ повинуется намъ. Я должна благодарить Господа, что прежнія надежды и желанія мои не исполнились.... Я очень любила маленькаго Этьена, но ты сама знаешь, какимъ дурнымъ человѣкомъ онъ сдѣлался....

— Ради Бога, говорите тише, маменька!

— Никто не услышитъ насъ.... я очень была расположена къ этому мальчику, но умерла бы съ горя, если бъ всенный сдѣлался членомъ нашего мирнаго, благочестиваго семейства! Подумай сама, милая Стефанія: если бъ какой-нибудь гусарскій офицеръ поднесъ прелестную, блестящую ручку твою къ губамъ своимъ.... эи! какой ужасъ!.. Боже милостивый, что съ тобой?... Ты дрожишь, какъ въ лихорадкѣ... она падаетъ... въ обморокъ!.. Помогите!

Стефанія не упала въ обморокъ, потому что тогда шурвы молодыхъ дѣвушекъ были еще не такъ слабы и раздражительны, какъ въ наше время, но пораженная слабиз матерн, она опустилась на диванъ, въ то самое время, когда совѣтница вошелъ въ комнату съ женихомъ ея.

— Что съ вами? вскричалъ женихъ, бросившись въ дивану.

— Слабость! голова кружится.... отвѣчала мать: — вотъ она уже поправляется, скоро все пройдетъ.... Ветань, дочь моя; мосьѣ Меранъ, препоручаю вамъ заботиться о счастіи моей дочери. Дай Богъ, чтобы вы умѣли оцѣнить прекраснѣйшее сокровище, которое можетъ вамъ вручить материнское сердце.

Молодой человѣкъ съ чувствомъ приложилъ руку невесты къ груди своей и молча поцѣловалъ ее въ лобъ.

Двери растворились и кто-то вошелъ сказать, что кареты поданы и священникъ ждетъ.

Этьенъ слышалъ удалявшіеся шаги, двери затворились и все утихло. Что дѣлать? Дверь гардеробной осталась запертою; Этьену не возможно было выйти.... Безпокойство начинало овладѣвать имъ, когда онъ услышалъ, что дверь съ шумомъ растворилась, кто-то вбѣжалъ въ комнату, бросился къ двери гардеробной и въ то же мгновеніе отперъ ее.

Этьенъ увидѣлъ передъ собою жениха, мосьѣ Мерана, и узналъ въ немъ того самаго молодого человѣка, котораго такъ испугало страшное лицо казака....

— Этьенъ! вскричалъ молодой человѣкъ, схвативъ офицера за руку и бросившись къ нему на грудь. Стефанія мнѣ все открыла, мнѣ одному! Я выведу васъ изъ дому. Спасайтесь, если въ Берлинѣ вамъ нельзя остаться! Возвратитесь, когда пройдетъ опасность и не забывайте, что у васъ здѣсь есть друзья, искренно привязанные къ вамъ.... Прощайте! теперь каждая минута дорога.... Отсутствіе мое можетъ возбудить подозрѣніе.... а вы знаете родственниковъ нашихъ....

— Благородный человѣкъ! вскричалъ Этьенъ. Господь вознаградитъ васъ. Мы еще увидимся!

— Да хранитъ Господь великаго короля нашего, вскричалъ Меранъ, и даруетъ побѣду храбрымъ его воинамъ! Богъ съ вами, Этьенъ! Вы не забудете, гдѣ оставляете искреннихъ друзей.

Нѣсколько минутъ спустя Этьенъ былъ уже на улицѣ. Куда идти?... И, самъ не зная какъ, онъ опять очутился у того дому, къ которому вчера боялся подойти.... Онъ постучался.... Ему отворили и слуга, лицо котораго было

ему незнакомо, проводилъ его въ залу и пошелъ доложить о немъ хозяину.

Оставшись одинъ, Этьенъ осмотрѣлся. Все было холодно, чуждо ему. Сквозь потускнѣвшія окна, затянутыя паутиной, скупо пробивался дневной свѣтъ; штукатурка сыпалась со стѣнъ и съ потолка; на полу, на мебели, вездѣ было замѣтно отсутствіе взора заботливой хозяйки.... Никто не замѣтилъ бы, если бъ бѣднѣйшій Готтлибъ вступилъ въ эту комнату, не отряхнувъ снѣгу съ сапоговъ своихъ!

Дверь растворилась и старикъ, котораго Этьенъ видѣлъ на кладбищѣ, вошелъ въ комнату. Онъ кашлялъ и равнодушно смотрѣлъ на незнакомаго человѣка. Въ звукахъ голоеу его была еще та рѣшимость, съ которою онъ прежде приступалъ къ каждому дѣлу.

— Кто вы? Что вамъ надо?

Куда дѣвалась твердость Этьена? Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и съ большимъ усиліемъ произнесъ:

— Я нѣкогда былъ не чужой въ домѣ вашемъ.... Неужели вы не узнаете меня?

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ.

— Неужели черты мои совершенно изгладились изъ вашей памяти?

— Некогда мнѣ вспоминать о старыхъ знакомыхъ. Меня всѣ забыли.

— Однако жъ въ этомъ домѣ провелъ я дѣтство свое.... я....

Дрожащій голосъ Этьена заставилъ старика пристальнѣе взглянуть на него.

— Меня зовутъ Этьеномъ....

Сильно подѣйствовало это имя на стараго адвоката Шлипаліуса, на милую Стефанію; свѣжо было оно еще въ памяти совѣтницы, а здѣсь.... здѣсь оно не произвело никакого дѣйствія!... Нѣтъ, этотъ старикъ, который спокойно смотрѣлъ въ лицо молодому человѣку, не могъ быть отцомъ его!

— Простите, продолжалъ старикъ такимъ же холоднѣйшимъ, безъразвительнѣйшимъ голосомъ: зрѣніе мое ослабѣло.... притомъ же мы такъ давно не видались....

— Но въ этомъ домѣ называли меня сыномъ, здѣсь жила мать моя!

Старикъ покачалъ головой и утеръ слезу.

— Присядайте, маркизъ: здѣсь все въ такомъ беспорядкѣ.

Этьенъ не ожидалъ отцовской любви; онъ думалъ, что будетъ встрѣченъ съ гнѣвомъ, но не съ такимъ равнодушіемъ! Какъ ледъ былъ холоденъ полъ подъ ногами его, кровь застывала въ жилахъ!... Онъ надѣялся еще, что рука въ руку съ человѣкомъ, который назывался отцомъ его, онъ прольетъ слезу о доброй матери своей... но увы! лѣта все уничтожили!

— Садитесь, маркизъ, повторилъ инспекторъ, подавая стулъ молодому человѣку. Оба сѣли.

— Плохія времена теперь, маркизъ, продолжалъ старикъ: я вамъ крайне благодаренъ, что вы пришли навѣстить меня. Никто ко мнѣ не ходитъ.

— Никто?... А родственники?

Инспекторъ пожалъ плечами.

— Кто пойдетъ къ раззорившемуся старику? Ни на кого полагаться не должно. Я былъ долго боленъ и тогда узналъ, что есть на свѣтѣ злые люди!

Стефанъ вскочилъ — ему жаль стало старика. Тотъ проводилъ рукою по лбу, какъ-бы желая прогнать тягостныя воспоминанія.

— Зачѣмъ вспоминать прошедшее! сказалъ опять инспекторъ: я ставлю себѣ за особую честь, маркизъ, что вы удостоили посѣтить старика въ убогомъ его жилищѣ. Вы здѣсь, вѣроятно, съ австрійскими войсками?

— Я на службѣ у великаго Фридриха, отвѣчалъ Этьенъ.

— Да, да, сказалъ старикъ, какъ-бы припоминая что-то: — это очень похвально съ вашей стороны, что вы не совсемъ забыли Пруссію. Чѣмъ могу я служить вамъ?

Молодой человѣкъ съ чувствомъ схватилъ руку старика:

— Благодарю васъ за то, что вы сдѣлали для матери моей — я видѣлъ ея надгробный камень.

Инспекторъ отвернулся, сдѣлавъ знакъ рукою, чтобы Этьенъ молчалъ; потомъ глубоко вздохнувъ, сказалъ: — Она теперь поживаетъ въ мирѣ. Прекрасная была женщина!

— Скажите мнѣ, какъ она провела послѣдніе дни своя?

— Зачѣмъ припомирать прошедшее!

— Я не видѣлся съ нею послѣ того, какъ ушелъ изъ вашего дому.

— Это не моя вина!... Спросите у маркиза, зачѣмъ у него на все есть свои причины.

— Маркизъ? Боже мой! Онъ здѣсь?

— Былъ.

— Онъ былъ здѣсь, и несмотря на то вы въ бѣдѣсти и нуждѣ? невольно вскричалъ молодой офицеръ.

Инспекторъ пожалъ плечами, и отвѣчалъ:

— Онъ уже такъ много для меня сдѣлалъ, что невѣжливо было бы просить его....

— Просить! Но развѣ онъ не могъ видѣть своими глазами, что вы находитесь въ бѣдѣности? Маркизъ не скупъ.

— Онъ былъ не при деньгахъ.

— Видѣлъ ли онъ матушку?

— Она умерла на рукахъ его.

— И она ему простила?

Старикъ поднялъ глаза къ небу: — Этотъ ангелъ ни на кого, въ жизнь свою, не сердился!

— Неужели жъ я ничего не узнаю о послѣднихъ минутахъ ея жизни?

— Маркизъ можетъ рассказать вамъ, какъ все было. Три дня онъ не отходилъ отъ ея постели.

— Неужели.... неужели она.... и не вспомнила обо мнѣ?

— Не помню.... ахъ, нѣтъ! виновать, вспоминала... она всё писала къ вамъ письма....

— И вы не говорите мнѣ о томъ ни слова! Гдѣ же письма? Давайте ихъ скорѣе!

— Маркизъ ввѣлъ ихъ съ собою.

— Всѣ?

— Нѣтъ.... она оставила мнѣ одно, съ тѣмъ, чтобы я доставилъ его къ вамъ; но гдѣ жъ мнѣ было искать васъ, въ военное время....

— Давайте скорѣе!

— Сейчасъ принесу.

Этьенъ хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но старикъ остановилъ его и сказалъ:

— Нѣтъ, останьтесь здѣсь: вы не можете слѣдовать за мною.... у меня есть еще свои заботы, свои тайны, которыхъ ни съ кѣмъ не хочу раздѣлять. Я тотчасъ вернусь.

Молодой человекъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на старика, однако жъ, не понимая даже смысла словъ его, не

водило остановился при повелительномъ его движеніи. Не прошло минуты послѣ ухода старика, какъ дверь опять рас-
сторжидась и въ залу вошелъ докторъ Цирлейнгъ.

— *Salve! salve!* закричалъ онъ. Старые знакомые. *Salve, domine!* Хе, хе! постарѣли, подросли, загорѣли.... ну что, отвѣдали пороку? Хе, хе! Вы видите, я все тотъ же, на ногахъ днемъ и ночью, зимой и лѣтомъ, въ снѣгъ и дождь!

— Вы остались истиннымъ другомъ стараго инспектора; вы поступили какъ благородный человѣкъ! сказалъ Этьенъ, съ чувствомъ пожимая руку стараго доктора.

— Я держусь старинныхъ правилъ; не люблю слѣдовать модѣ, *domine*.

— Вы были здѣсь при несчастіи, постигшемъ инспектора?

— Еще бы! Я и самъ кое-что потерялъ при этомъ дѣлѣ.... не бѣда! А всемъ одолжены почтенному Шлицалюсу, пьяницѣ, крючку....

— Какъ могъ отецъ мой вѣрнуться этому человѣку?

— *Socius*, значить по-латыни слѣпой, а Французы говорятъ *aveugle*. Я не глазами врачъ, а то вымечалъ бы слѣпоту вашего батюшки. Слушать не хотѣлъ — ну, вотъ и поплатился. Шлицалюсъ подобралъ все дѣла его къ ручкамъ, да и спросилъ: *quid parcs, domine?*

— Негодяй! Но судьба наказала его.

— Слышалъ, слышалъ. Ударъ *in flagranti!*... Туда в дорога!

— А какъ здѣсь въ домѣ?

— Плохо.

— Очень плохо?

— Очень плохо.

— Нельзя ли нѣсколько помочь ему, на первый случай, двумя стами червонцевъ?

Докторъ посмотрѣлъ на офицера, и отвѣчалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Смерть не Шлицалюсу: ее не подкупить.

— Смерть?

— Да, смерть; это кровожадный звѣрь, *domine!* это ползущая змѣя, акула, хищная птица: отъ неѣ съ-сетесь ни въ воздухъ, ни въ водѣ, ни въ землѣ, ни въ ог-

нѣ. Докторы! кричатъ всѣ, чини тутъ, поправляй тамъ.... Да! чини-себѣ, сколько хочешь, а всё-таки лекарство не кровь, пластырь не мясо, а травами не заткнешь дыры, въ которую пролетѣла пуля! Чини, чини! А что тутъ чинить, когда все еукино протерлось!... Со смертью не совладаешь; придетъ она за всѣми, какъ теперь пришла за Готлибомъ Бѣномъ!

— Готлибомъ! вскричалъ Этьенъ, схвативъ доктора за руку.

— Да, да; онъ долго боролся со смертью, но видно пришла пора покориться ей. Пуля не своей братъ!

— Онъ раненъ пулей?

— Пулей! Нѣтъ, одной мало для такой здоровой натуры. Онъ прострѣлянь какъ рѣшето.

— При осадѣ Берлина?

— Да; вотъ идетъ самъ отецъ его; пускай онъ вамъ порасскажетъ все дѣло. Готлибъ былъ бы добрый мальчикъ, если бъ ему умѣли внушить страхъ Божій.

Старикъ остановился на порогѣ и знакомъ подозвалъ къ себѣ молодого офицера.

— А мнѣ нельзя? спросилъ докторъ.

— Готлибъ желаетъ поговорить съ Этьеномъ, любезный докторъ: а вы знаете, что минуты его сочтены.

— Понимаю, понимаю. Онъ хочетъ отдать послѣдній рапортъ офицеру—однако присутствие доктора необходимо, чтобъ было кому сказать: *hic est finis!*

Инспекторъ провелъ Этьена въ комнату больного. Докторъ послѣдовалъ за ними; отецъ раненаго съ осторожностію затворилъ дверь, чтобы сквозной вѣтеръ не обезпокоилъ больного; потомъ, сложивъ руки, сталъ у постели его. Но глаза умирающаго были обращены на одного Этьена. Загорѣлое лицо сдѣлалось желтымъ; губы увеличались, но онъ не могъ произнести ни одного слова.

— Ты раненъ, Готлибъ? спросилъ Этьенъ, протянувъ къ нему руку.

Больной кивнулъ головою; но, какъ-будто неведя жизнь пробудилась въ старикѣ, отецъ его; на исхудалыхъ, блѣдыхъ щекахъ инспектора выступила краска, глаза басуркала и опершились одной рукою на синику кровати, онъ произнесъ съ жаромъ:

— Раненъ ли ты, Готлибъ! спрашиваютъ они:—Покажи же тѣло свое, покажи то мѣсто, по которому не проскользнула пуля, на которомъ нѣтъ рубца!... Конечно, ты раненъ, потому что не прятался за кусты, во время опасности! Ты также бѣжалъ, преслѣдуемый неприятелями, но, какъ храбрый солдатъ короля прусскаго не надѣвалъ чужаго сюртука, не снималъ своего мундира! Ты пришелъ въ Берлинъ и тутъ еще доказалъ свое мужество.... Да! если бъ всѣ Берлинцы были похожи на тебя, то неприятель не прогуливался бы по нашимъ улицамъ!... Клянусь тебѣ, Готлибъ: послѣ подобнаго поступка я въ душѣ просилъ у тебя прощенія, въ томъ что такъ жестоко поступалъ съ тобою! Но Господь знаетъ, что я хотѣлъ сдѣлать изъ тебя честнаго человѣка!...

И старикъ опустилъ голову на грудь....

— Готлибъ, ты не узнаешь меня? спросилъ Этьенъ.

— Ахъ, поручикъ, я надѣялся, что увижусь съ вами при лучшихъ обстоятельствахъ, отвѣчалъ больной съ усмѣлкой.

— Называй меня братомъ, Готлибъ!

— Тотъ долженъ гордиться, кого ты назовешь братомъ! вспылчиво закричалъ старый инспекторъ:—Когда его высочество вступить въ Берлинъ, то я самъ пойду къ нему и расскажу, какъ ты одинъ дрался съ десятью неприятелями! И король повѣритъ словамъ престарѣлаго отца! Да, маркизь: я горжусь такимъ сыномъ и хотъ я долженъ буду самъ остаться безъ куска хлѣба, но поставлю ему великолѣпный памятникъ, потому что онъ пожертвовалъ своей жизнью за отечество!

— Только не хочу попасться къ нимъ въ плѣнъ, пропнешь тихимъ голосомъ больной, не спуская глазъ съ брата.

— Будь спокоенъ. Говорятъ, что неприятель выступалъ изъ Берлина.

— А-га!... Докторъ, дайте мнѣ ружье.

Докторъ пожалъ плечами и значительно взглянулъ на Этьена.

— Докторъ, ружье! повторилъ больной, протягивая къ чему-то руку; глаза его страшно блуждали.

— Готлибъ, братъ: ты еще слишкомъ слабъ.

Т. LXIII. — Отд. II.

14

— Я не саабы! Я думаю гусаровъ одними ударами выбить изъ объѣда. Ухъ, какъ они полетѣли!

— Подожди, когда силы опять воротятся....

— Ужъ ты не опитъ ли у Австрийцевъ?

— Я добрый Прусакъ и подобно тебѣ, пробрался въ Берлинъ. Успокойся, любезный Готлибъ: иначе мы попадемся въ руки къ непріятелю!

Больной пристально взглянулъ на него мутными глазами и какъ-будто бы только теперь узналъ, схватилъ Этьена за руку и притягивая его къ себѣ, произнесъ тихимъ голосомъ:

— Тихе, тихо! Мнѣ надо поговорить съ тобою.

И больными глазами показывалъ отцу и доктору, чтобы они удалились. — Докторъ отступилъ, но инспекторъ не хотѣлъ идти. Минуты, сына его были дочтены и онъ долженъ былъ оставить его одного съ незнакомцемъ! Но этотъ незнакомецъ былъ такъ растроганъ, съ такою нѣжностью обнялъ одною рукою больного, съ такою любовію называлъ Готлиба братомъ и слезы, катившіяся по щекамъ его были такъ краснорѣчивы! Старикъ удалился съ докторомъ.

Этьенъ стоялъ одинъ у постели больного, который крѣко сжималъ руку его....

— Я вѣдь зналъ, что ты не забудешь меня! Ты не дашь мнѣ въ обиду!

— Никогда, Готлибъ.

— Ахъ, вы такой знатный баринъ. — Я даже не редакторъ; нѣтъ у меня здѣсь товарищей кромѣ одного, который никогда не покидалъ меня.

— Кто это?

— Вглянись небомъ, я не оставляю руки вашей, хоть бы смертный холодъ уже разливался по членамъ моимъ, я не оставляю васъ, пока вы не дадите слово исполнить мою просьбу.

— Что такое?

— Возьмите его къ себѣ.

— Кого?

— Берегите его, какъ-будто-бы онъ важъ спасъ жизни.

— Друга твоего?

— Да, да, единственнаго моего друга — мою собаку.

Чтобы она не попала къ Австрийцамъ. Хоть она только собака, но, право, лучше многихъ людей. Братъ, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Видъ это вамъ ничего не стоитъ; о, она хитра и умна; она сама добудетъ себѣ кусокъ хлѣба.

— Не безпокойся о собакѣ своей, любезный Готлибъ!

— Слѣдовательно, вы согласны...

— Охотно.

— О, благодарю! Вы увидите, какъ она будетъ любить васъ.... Тирасъ, Тирасъ!

Собака, лежавшая подъ кроватью и не трогавшаяся съ мѣста, вѣроятно изъ боязни, чтобы ее не прогнали, вдругъ однимъ прыжкомъ очутилась на постели и стала ласкаться къ хозяину, который нѣжными словами отвѣчалъ на ея радость. Казалось оба совершенно понимали другъ друга.... собака лизала руки хозяина, который гладилъ ее....

— Оставь ее, Готлибъ: она безпокоитъ тебя, сказалъ Этьенъ; но больной ничего не слышалъ.

— Да, да, назови ее Готлибомъ!.... Прелестная графиня называла ее этимъ именемъ....

— Общаю тебѣ все, что ты хочешь, только оставь ее теперь....

— Прелестная графиня очень любила ее. Она позволяла ей класть голову къ себѣ на колѣни и гладила ее.... она тамъ такъ избаловалась, что на хлѣбъ и смотрѣть не хотѣла.... Смотри же, назови ее Готлибомъ и проси графиню, когда ты на ней женишься, чтобы она не велѣла сажать ее на цѣпь: это вѣрное животное! И я былъ вѣренъ.... Я ничему не учился, не могъ сносить обиду, но былъ вѣренъ, Богъ свидѣтель....

Этьенъ употребилъ усиліе, чтобы заставить его замолчать; Готлибъ повиновался, но еще молча, съ умоляющимъ взоромъ указывалъ на собаку, которая, опустивъ голову, опять ушла подъ кровать.... Тогда, казалось, разсудокъ покинулъ Готлиба, онъ сталъ кидаться со стороны на сторону съ такой силой, что Этьенъ принужденъ былъ позвать доктора.

— Пускай идутъ, закричалъ больной, когда дверь отворилась: пускай всѣ идутъ! Я съ ними справлюсь!.... Тирасъ! Пиль!

Когда инспекторъ вбѣжалъ съ докторомъ въ комнату, то большой, съ необыкновенной силой оттолкнувъ отъ себя офицера, принялъ на постели оборонительное положеніе. Въ это же время случайно подъ окнами проходилъ отрядъ австрійскихъ солдатъ. Знакомая музыка поразила слухъ больного.

— Сюда!.... Я Пруссакъ, закричалъ онъ:—Сюда, я покажу вамъ, какъ мы умѣемъ драться прикладами.... Игратьте, насвистывайте, барабайте!... ура! впередъ! Съ нами Фридрихъ! Впередъ!

Пароксизмъ достигъ высочайшей степени и пова старика старались успокоить больного и заглушить крики его; Этьенъ не могъ усмирить собаку, которая съ громкимъ лаемъ бросалась къ окну.

— Поймать меня! продолжалъ больной, между-тѣмъ какъ барабанный бой Австрійцевъ сопровождалъ дикія его восклицанія:—Какъ бы не такъ! Вотъ депеши! Братъ, лови ихъ.... Фридрихъ идетъ къ Берлину!.... Прочь съ мосту! За мной, вѣрная моя собака!.... И онъ выхватилъ изъ-за пазухи бумажникъ, бросилъ его къ Этьену, потомъ оттолкнувъ стариковъ, соскочилъ съ постели и закричалъ: Побѣда! и безъ чувствъ упалъ на полъ... Силы покинули его, раны его раскрылись; съ страшнымъ, предсмертнымъ хрипѣніемъ лежалъ онъ на полу....

— Сынъ мой, сынъ мой, говорилъ съ рыданіями старикъ, когда больного опять уложили на кровать: не умирай! Поживи еще, и прости отцу своему, который былъ строгъ, потому что любилъ тебя болѣе, нежели отецъ долженъ любить сына! Открой еще разъ глаза, скажи еще одно слово, выслушай меня, взгляни еще разъ на меня!.....

Слова эти были произнесены тихимъ, задыхающимся голосомъ; лицо старика покоилось на груди умирающаго... докторъ отступилъ; старикъ поднялъ голову и взглянулъ на доктора, какъ-бы желая прочесть утѣшительную мысль на лицѣ его.... Вдругъ свѣтлый солнечный лучъ проникъ въ окна и палъ на лицо Готлиба.... казалось, послѣдній взглядъ его былъ обращенъ къ отцу.

Прошло еще нѣсколько минутъ гробовой тишины; по-

тогда докторъ медленно подошелъ къ Этьену и шепнулъ ему на-ухо:

— Его уже не постигнетъ теперь никакое несчастіе!

— Онъ простилъ, шепнулъ Этьенъ старому отцу, неподвижно стоявшему возлѣ покойника.

Прошло около четверти часа.... всѣ опустили головы, преклонили колѣни, и, казалось, молились.... Инспекторъ всталъ первый.

— Ну, что, старый дружище? спросилъ докторъ, слегка ударивъ старика по плечу.

— Теперь я одинъ.... сказалъ отецъ. Голосъ его былъ тверже прежняго.

Этьенъ сказалъ нѣсколько словъ доктору на-ухо и вынулъ ему въ руку кошелекъ.

— Это очень кстати, отвѣчалъ Цирлейнъ: потому что послѣднія деньги свои онъ употребилъ на мраморную плиту, на могилѣ вашей матушки.

Они вышли въ другую комнату. Необыкновенная твердость выражалась въ поступи и во взглядѣ инспектора; когда онъ послѣдовалъ за ними и замкнулъ за собою дверь. Онъ молча смотрѣлъ на доктора и офицера, какъ-бы ожидая, чтобы они удалились, и не желая задержать ихъ новымъ разговоромъ.

— Что теперь, старый дружище? спросилъ докторъ.

— Благодарю васъ за услуги, докторъ; онѣ мнѣ теперь уже не нужны.

— О-го, инспекторъ: моихъ рукъ вы не минете. Мы еще увидимся.

— Благодарю и васъ, маркизъ, за вашу услужливость, и не забуду ея.—Старикъ поклонился.—Не могу ли я чѣмъ служить вамъ?

— Вы забыли.....

— Я ничего не забылъ!

— Письмо матери моей.

— Виноватъ ... Онъ вынулъ изъ стараго бюро письмо.... загадка жизни Этьена была уже въ рукахъ его, и онъ скорыми шагами подошелъ къ окну.

— О, нѣтъ, маркизъ, не здѣсь! вскричалъ старикъ, остановивъ его. Въ этомъ домѣ довольно горя.... Не хочу, чтобы посторонніе страданія стали между мною и сыномъ

монитъ. Прощайте, маркизъ.... вамъ здѣсь нечего дѣлать и домъ этотъ принадлежитъ мнѣ—пока я еще живъ. Желаю вамъ счастливаго пути—прощайте!

Захлопнувшись за Этьеномъ дверь дома, который онъ некогда называлъ родительскимъ!.... Съ невыразимо-тягостнымъ чувствомъ стоялъ онъ на улицѣ, когда кто-то слегка ударилъ его по плечу.

— *Salve, faveque, domine!* сказалъ докторъ. Зачѣмъ грустить? Повѣрьте, вся наша жизнь не стоитъ одной слезинки! Гомеръ сказалъ: Одинъ день плачьте объ умершихъ, не больше. И такъ да хранить васъ Господь.—До свиданія!

Въ курткѣ простаго ремесленника вышелъ Этьенъ въ Бранденбургскія ворота изъ Берлина, вторично иростившись съ городомъ, который не хотѣлъ признать его сыномъ! Но какъ не сходны были чувствованія удалявшагося молодого человѣка съ мечтаніями девяти-лѣтняго мальчика! Тогда маленькія рученки его простирались къ бездонечному міру какихъ-то неясныхъ ожиданій и надеждъ; теперь за нимъ лежала жизнь, исполненная грустныхъ испытаній, а передъ нимъ.... еще горести, еще страданія, еще мштанія!....

Несмотря на то, Этьенъ былъ спокойце. Претерѣнными страданіями казались ему уплаченными долгами въ счетъ жизни. Онъ дышалъ свободце, его поддерживала мысль, что теперь онъ самъ долженъ былъ создать себѣ будущность...

Этьенъ поднялъ бумажникъ, который бросилъ ему Готлибъ въ послѣднемъ пароксизмѣ горячки; онъ взялъ его съ собою, потому что это былъ тотъ самый бумажникъ, который онъ бросилъ невзвѣстному, модъ-хавшему ночью на лодкѣ подъ окно его тюрьмы. Денегни, которыя надо было вручить комманданту Берлина, были еще нераспечатаны; но, можетъ-быть, въ нихъ заключались приказанія, которыя могли имѣть нѣкоторую важность и послѣ занятія столицы непріателемъ. Коммандантъ и другіе генералы, къ которымъ были адресованы денегни, всѣ находились теперь въ крѣпости Шпандау, слѣдовательно, туда долженъ былъ идти Этьенъ.

Былъ уже вечеръ; когда онъ вышелъ на дорогу къ крѣпости. Вскорѣ видны были мрачныя ея стѣны, коло-

кальни и крыши домовъ. Множество палатокъ было разбросано по полю, дымъ отъ сотни сторожевыхъ огней кружился въ воздухъ.... еще шагъ, и Стефанъ услышитъ клики прусскихъ часовыхъ: онъ будетъ между своими!

Но близъ подножія горы овладѣло имъ то благодѣтельное чувство безопасности, которое такъ часто вело Фридриха къ побѣдѣ и только однажды—при Гохкирхенѣ—было пагубнымъ. Этьенъ хотѣлъ еще разъ отдохнуть въ уединеніи, подумать о судьбѣ своей. Что ожидало его? Какъ примутъ его? Мечты о наградахъ улетѣли: онъ не выполнялъ прещорученія, даннаго Фридрихомъ!

Этьенъ выбралъ уединенное мѣсто подъ тремя, отдѣльными стоявшими березами, верхушки которыхъ слегка покачивалъ вечерній вѣтерокъ. Печать съ письма, въ которомъ заключались послѣднія слова и мысли матери его, сорвана.... Это была торжественнѣйшая минута его жизни. .

Письмо было коротко — въ конвертѣ находилось еще другое письмо, написанное дрожащей рукой больной; вѣдѣ видны были слѣды слезъ....

«Бѣдный, бѣдный Этьенъ!—Какъ давно мы съ тобою не видались! — Н меня заставляютъ просить тебя, угрожать тебѣ... итѣ, сынъ мой: это свыше силъ моихъ! Онъ хотѣтъ, чтобы ты вышелъ въ отставку и не служилъ болѣе королю. Люби, чти отца твоего, сынъ мой... онъ разлучилъ меня съ тобою, но я все простила ему. Поди къ отцу твоему, онъ добръ.... О! если бы ты видѣлъ, какъ онъ не отходилъ отъ постели моей: ночью не смыкалъ глаза! Если въ душѣ моей и было какое-либо непріятное чувство къ нему, то послѣднее доказательство любви его примирило меня съ нимъ. Я опять люблю его, сколько мнѣ позволяетъ долгъ мой.—Хоть онъ и говоритъ, что ты скоро будешь здѣсь, но я чувствую, что уже не увижусь съ тобою!... Онъ разсказалъ мнѣ все, о чѣмъ ты умалчивалъ въ письмахъ твоихъ. Да благословитъ тебя Господь, сынъ мой! Благословляю графиню Евгению... Люби отца своего, и слѣдуй добрымъ побужденіямъ твоего благороднаго сердца. Мы увидимся.... въ лучшемъ мѣрѣ. Господь съ тобою, вѣжно любимый сынъ мой, Господь съ тобою!

Душевно любящая тебя мать.»

Солнце уже низко опустилось, озаряя письмо краснымъ своимъ свѣтомъ; Этьенъ не сводилъ глазъ съ этихъ строкъ, на которыхъ высохли слезы драгоценнаго ему существа.

Какое-то движеніе заставило его посмотреть в сторону. Воявъ него на травѣ лежала собака. Вѣрное животное какъ-бы поняло желаніе покойнаго господина своего и послѣдовало за его братомъ!... Этьенъ поглядилъ собаку, потомъ обратилъ вниманіе на письмо, вложенное въ конвертъ; оно было отъ маркиза:

«Этьенъ, исполни волю твоей умирающей матери. О, если бы ты хоть нѣсколько былъ похожъ на нея! Она была настоящей ангелъ. Мы оба ея не стоимъ. — Не забывай кто ты, и действуй согласно съ мнѣніемъ и своимъ состояніемъ. Теперь ты самъ долженъ заботиться о себѣ. Денегъ я тебѣ присылать не могу. Вообще не надѣйся слѣшкомъ на меня. Съ Корсиканцами дѣлать нечего. Всѣ эти господа глухими, не исключая графа Мерони. Не полагайся на него. Если Беринъ будетъ занятъ, то на дондонскомъ Тодерѣ опять будетъ развѣваться знамя СтUARTовъ. Тогда мнѣ нужно будетъ туда направить виды свои, а для этого необходимы деньги. О, зачѣмъ я не набобъ! За деньги Англичанинъ поворотитъ назадъ теченіе Темзы. Если ты будешь въ Мадридѣ, то не прозѣвай боя быковъ — это все, что есть замѣчательнаго во всей Испаніи. Интриги, разбойники, дураки. Въ Лондонѣ мы подроемся подъ Фридриха. Если бъ ты остался въ австрійской службѣ, то командовалъ бы теперь полкомъ. Впрочемъ, это не ушло. Если ты образумился, то сожги по-скорѣе прусскій мундиръ свой, чтобы я не видѣлъ и пеплу!... Скромность и молчаніе»

Твой — .

Равнодушно спрятавъ Этьенъ это письмо въ карманъ: оно не пробудило въ немъ ни нѣжныхъ, ни грустныхъ ощущеній. Оставался еще бумажникъ-адвоката.

— Нѣтъ, сказалъ Этьенъ: это я просмотрю въ крѣпости; здѣсь для него воздухъ слишкомъ чистъ!

Онъ всталъ и когда первый прусскій часовой встрѣтилъ его обычнымъ окликомъ: Кто идетъ! — громко отвѣчалъ:

— Вѣрный слуга Фридриха!

Евгенія сидѣла въ своей комнатѣ, погружившись въ глубокую задумчивость. Вѣтеръ завывалъ въ длинныхъ, пустыхъ корридорахъ; крупные хлопья снѣгу ударяли о стекла оконъ.

— Это ты, Амалія? спросила она вздрогнувъ и обративъ взоръ къ тихо отворявшейся двери:

— Кого же вы еще ждете? отвѣчала Амалія. Но какой

здѣсь сквозной вѣтеръ.... Боже мой, да у васъ открыто окно.... Посмотрите, сколько нанесло снѣгу!...

Графиня закрыла окно и спросила: — Неужели тебѣ холодно?

— Хорошо вопросъ! Да посмотрите хоть сами на дворъ; посмотрите на эту угрюмую поляну, которая тянется въ безконечность и бѣлѣется въ ночной темнотѣ! Это ужасно! Какая польза отъ скучной зимы?

Графиня не отходила отъ окна и съ кажимъ-то боязливымъ вниманіемъ смотрѣла вдаль, между-тѣмъ какъ компаньонка ея грѣла у камина руки.

— Дровъ больше нѣтъ. Я позволю, чтобы принесли еще.

— Зачѣмъ? мы скоро пойдѣмъ спать.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ мы въ этомъ негодномъ замкѣ, я не могу спокойно провести ни одной ночи.

— Давно ли ты сдѣлалась такой трусихой?

— Съ тѣхъ поръ какъ офицеры, которые у насъ квартируютъ, рассказываютъ намъ каждый день послѣ обѣда страшныя исторіи о привидѣніяхъ....

— Стыдись!

— А развѣ вамъ не страшно здѣсь?

— Что это.... Амалия!

— Боже мой, какъ вы меня испугали!... Это, вѣроятно, кошка пробѣжала по крышѣ.

— О, Амалия, посмотри какъ вихрь крутитъ снѣгъ. Теперь страшно быть въ дорогѣ.

— Ужъ не ожидаете ли вы его сегодня?

— Что-то тайное, необъяснимое говоритъ мнѣ, что я его скоро увижу.

— Какъ вы чудны! Вотъ уже два года, какъ мы его не видали, и вы непремѣнно думаете, что онъ нарочно выберетъ эту холодную, ненастную, страшную ночь, чтобы сдѣлать вамъ визитъ. Посмотрѣла бы я, что бы вы оказали, если бъ онъ прискакалъ теперь сюда замороженный, оконченѣйшій, съ краснымъ носомъ и длинными ледяными сосульками на усахъ?

— Я бросилась бы ему на шею!

— Ахъ, какъ все измѣняется со временемъ! Сначала вы полюбили его, потомъ разлюбили....

— Не разлюбила, а отказалась отъ него по необходимости.

— Потому опять полюбили....

— Узнавъ, что Этьенъ сынъ маркиза, отецъ мой самъ требовалъ, чтобы я за него вышла.

— И вы готовы провиниться воль отца. О, какая презрительная покорность! сказала Амалия съ легкой иронией.

— Ты опять шутишь.

— А вы опять начинаете скучать, между-тѣмъ какъ весь нынѣшній вечеръ были такъ милы, такъ любезны, что очаровали всѣхъ офицеровъ и въ-особенности стараго генерала, который такъ любилъ Этьена.

— Если онъ любитъ Этьена, то зачѣмъ же онъ не вступился за него, когда его предали военному суду?

— Что ему было дѣлать? Самъ король приказалъ судить поручика.

— Судить! и за что? За то, что неприятели овладѣли Берлиномъ! Фридрихъ хотѣлъ наказать другаго за свою собственную оплошность.

— Вы могли бѣ быть защитницей поручика передъ судомъ.

— Конечно; я бы спросила ихъ, какое они имѣютъ право судить человека, который одинъ пробрался черезъ пуштыни, рѣки, озера, лѣса и неприятельскія цѣпи, на каждомъ шагу подвергаясь опасности быть скваченнымъ какъ ящигъ, безчестно разстрѣляннымъ или повѣшеннымъ, и все это изъ одной любви къ неблагодарному королю своему! Этьенъ дошелъ до Берлина, и его нельзя обвинять въ томъ, что гарнизонъ не могъ отстоять столицу!

— Да вѣдь его обвиняютъ не въ томъ; а за чѣмъ онъ остался нѣсколько дней въ Берлинѣ, и не отправился немедленно въ Шпандау?

— Надобно жѣ было ему отдохнуть. Притомъ же братъ его умиралъ.

— Я вижу, что поручикъ сообщалъ вамъ мельчайшія подробности, въ письмахъ своихъ изъ Шпандау. Однако жѣ онъ не упомянулъ объ одномъ обстоятельстве....

— О какомъ?

— Я не выдаю этого за правду.... только я слышала, будто онъ встрѣтилъ тамъ первую любовь свою....

— Какая низкая клевета! Ему было девять лѣтъ, когда онъ ушелъ изъ Берлина.

— Никто и не говоритъ, что онъ былъ влюбленъ въ Берлинь, а только они тамъ встрѣтились.... случайно....

Крикъ ужасу прервалъ слова Амаліи. Нѣсколько обломковъ кирпичей съ грохотомъ повалились въ каминъ, сорванные сильнымъ порывомъ вѣтру, дверь съ шумомъ растворилась и Амалія бросилась на грудь къ подругѣ, съ ужасомъ восклицая: Тамъ! тамъ — и указывая на дверь.

— Это онъ! Это онъ! вскрикнула Евгенія, высвободившись изъ объятій Амаліи и бросившись ласкать и обнимать чернаго, косматаго пуделя, который радостно подбѣжалъ къ ней.

— Откуда эта собака? Чтò съ вамп, графиня? спросила наконецъ Амалія, опомнившись.

Но Евгеніи уже не было въ комнатѣ. Скоро послѣдовала она за собакой.... сбѣжала съ лѣстницы, въ сѣни.... широкая дубовая дверь отворилась снаружи и холодный, ночной воздухъ охватилъ молодую дѣвушку; вѣтеръ со свистомъ ворвался въ сѣни и каменный полъ вмигъ покрылся хлопьями снѣгу....

— Ты дура! вскричала Евгенія и бросилась на грудь къ входящему.

Счастливецъ испугался опасности, которой подвергалось это молодое существо, полное жизни.... Онъ окуталъ Евгенію плащомъ своимъ и прижалъ губы ко лбу ея.

Она не взглянула еще на лицо его. Мысли сверкали въ головѣ ея, какъ молнія отъ встрѣчи двухъ громовыхъ тучъ. Чтò, если это не онъ? Зачѣмъ онъ молчалъ?... о! это было бы ужасно.... она не перенесла бы этого! Вся душа ея наполнилась молитвой ко Всевышнему; и Онъ услышалъ ея мольбы!... То былъ Этьенъ. Она узнала это по первымъ звукамъ его голоса, когда онъ произнесъ ея имя.

— Это ты, говорила она: ты живъ, ты со мною.... это не сонъ, не обманъ воображенія! Но чтò же ты молчишь?

— Я Евгенія, я, отвѣчалъ Этьенъ, стараясь затворить одной рукою дверь, которая безпрестанно отворялась отъ сильнаго напору сквознаго вѣтру.

— Проянь, прочь отсюда, вскричала Евгенія: это та са-

мая дверь, возлѣ которой мы стояли, когда въ первый разъ разлучались. Не хочу болѣе разлучаться съ тобою!...

Она повела его въ залу. На томъ же диванѣ, на которомъ онъ сидѣлъ въ первый разъ раненный и въ вестгерскомъ мундирѣ, сидѣлъ онъ и теперь съ Евгеніей; рука въ обвилась вокругъ его шеи.... Она плакала на груди его.... Онъ былъ такъ счастливъ.... Они говорили много, много, сами не зная о чемъ.

— Боже мой! Ты ѣхалъ верхомъ въ такую бурную ночь! Руки твои холодны. Ужъ не раненъ ли ты?...

— Добрый геній провожалъ меня и защищалъ отъ всѣхъ опасностей.

— Слѣдовательно, ты подвергался опасностямъ? О, я не хочу, чтобы ты больше подвергался имъ....

Вмѣсто отвѣту, Этьенъ скоро всталъ.

— Чтò съ тобою?... Евгенія подняла голову и увидѣла, что они были не одни. Зала была наполнена народомъ. Улыбки, любопытство, изумленіе, удовольствіе выразались во всѣхъ взорахъ. Нѣсколько свѣчей освѣщали счастливую чету, которая не замѣтила прихода столькихъ людей. Только одно лицо было нерадостно — лицо хозяина замка.

— Честь имѣю доложить вашему превосходительству, началъ Этьенъ, подойдя къ генералу и приложивъ руку къ каскѣ.

— Что вы счастливо прибыли, прервалъ его, улыбаясь, генераль:—Это меня радуешь тѣмъ болѣе, что прелестная хозяйка наша осчастливлена вашимъ приѣздомъ.

— Я долженъ доложить вашему превосходительству.... повторилъ поручикъ.

— Послѣ, послѣ! Несправедливо было бы помѣшать радости, блаженству перваго свиданія послѣ долгой, мучительной разлуки. Эта радость, прибавилъ онъ вполголоса: можетъ вознаграждать за несправедливость монарха. Почтенный хозяинъ нашъ, вѣроятно, того же мнѣнія, продолжалъ генераль, обратившись къ графу.

— Конечно, конечно; мнѣ только жаль, что дорогимъ гостямъ моимъ причинили это безпокойство.... возразилъ графъ, съ притворной улыбкой.

— Можно ли это назвать безпокойствомъ? прервалъ его

генералъ, указывая на Евгенію, которая теперь только, казалось, вполнѣ наслаждалась блаженствомъ свиданія. Блестящимъ, свѣтлымъ взоромъ смотрѣла она на все собраніе, какъ-бы желая показать всѣмъ, какъ она счастлива!

— Вотъ, господа, поручикъ Этьенъ, недавно исполнив- ній весьма почетное и трудное порученіе, которымъ ко- роль хотѣлъ заставить его исправить ошибку, слѣдланную въ первомъ порученіи; поручикъ счастливый женихъ графини, милой хозяйки нашей. Поздравляйте, господа, поздравляйте! А я прежде всего поздравляю достойнаго хо- зяина нашего. Взоръ его блеститъ радостно, руки не- волюно простираются къ давно ожидаемому зятю! Не про- тивьтесь побужденіямъ вашего сердца, графъ.

Графу показалось, что въ послѣднихъ словахъ генерала скрывалась насмѣшка, но скривъ неудовольствіе, онъ съ притворной радостью обнялъ поручика.

— Я жду васъ у себя, шепнулъ генералъ Этьену на-ухо и простился съ Евгеніей, сказавъ голосомъ, въ которомъ было истинное, душевное участіе: — Надѣюсь, графиня, что вы будете довольны мною.

Вскорѣ всѣ разошлись. О, какъ Евгенія была счастлива, когда у себя въ комнатѣ, могла броситься на шею къ Ама- лии, проливая радостныя слезы!

Этьенъ пошелъ къ генералу и очень удивился когда тотъ, зѣвая, сказалъ ему:

— Ахъ, вы еще съ докладомъ; а я хотѣлъ лечь спать.

— Я пришелъ по приказанію вашего превосходитель- ства, чтобы доложить.... началъ Этьенъ, тѣмъ болѣе изумленный, что ему извѣстна была аккуратность генера- ла въ дѣлахъ службы.

— Что все удалось? Я это знаю, прервалъ его генералъ: — Подробности завтра расскажете.

— Я имѣю сообщить важныя обстоятельства....

— Тѣмъ лучше. Вы удивляетесь, какъ я могу быть такъ невнимателенъ къ вашимъ докладамъ? Я хочу избавить васъ отъ сухихъ служебныхъ дѣлъ послѣ такой блажен- ной минуты. Завтра, любезный поручикъ: завтра. Желаю вамъ спокойной ночи.

— Другихъ приказаній не будетъ, генераль? спросилъ Этьенъ улыбаясь.

— Приказаній? Боже сохрани! Сегодня никакихъ приказаній не будетъ. А каковъ воздухъ въ моей комнатѣ?

— Здѣсь немного холодно.

— Мнѣ кажется, что возлѣ постели моей откуда-то дуетъ. Сдѣлайте одолженіе, не въ службу, а въ дружбу: помогите мнѣ перенести кровать мою къ той стѣнѣ.

Этьенъ исполнилъ желаніе генерала, который повросилъ еще взвѣсть курки своихъ заряженныхъ пистолетовъ и положить ихъ на столикъ передъ кроватью.

— Неужели вы боитесь нападенія, генераль?

— Нѣтъ, но безъ этихъ предосторожностей я не могу уснуть. При малѣйшемъ шумѣ, хватаюсь я за пистолеты и мнѣ не-разъ уже случалось стрѣлять въ стѣну. Поэтому я всегда сплю одинъ. Прощайте, любезный поручикъ: я надѣюсь, что никто не обезпokoитъ меня въ эту ночь, прибавилъ генераль, возвысивъ голосъ и значительно улыбался.

Пѣтухи уже прошѣли, когда Евгенія стала засыпать, но зато сонъ ея былъ тѣмъ покойнѣе и продолжительнѣе. Было уже совершенно свѣтло, когда прервалось какое-то сладостное сновидѣніе графини и она проснулась, подкрѣпленная и освѣженная. Она открыла глаза, вздрогнула, громко вскрикнула и спряталась подъ шелковое одеяло....

Передъ кроватью ея, у самаго изголовья, сидѣлъ какой-то мужчина, въ старомъ, истертомъ костюмѣ, съ измѣтши манжетамъ и фризурой. Положивъ одну ногу на другую, онъ казался углубленнымъ въ чтеніе какой-то книги.

— Каково позволили почивать, графиня? спросилъ онъ, вѣжливо наклонившись къ Евгеніи.

— Кто вы? Прочь отсюда, прочь! вскричала она.

— Неужели вы меня не узнаете? спросилъ мужчина, не трогаясь съ мѣста.

— Но зачѣмъ вы пришли сюда? Какъ вы осмѣлились, маркизъ....

— Тсъ! Не произносите моего имени....

— Но скажите мнѣ, ради Бога, маркизъ: кто вамъ далъ право и возможность войти ко мнѣ?

— Права никто мнѣ не давалъ, а возможность доставили вы мнѣ сами, когда вчера выбѣжали съ Фрейлейнъ Амаліей на встрѣчу Этьену, не затворивъ дверей.

— Слѣдовательно, вы провели всю ночь въ моей комнатѣ? Это ужасно! Но гдѣ вы были?

— Тамъ, въ большомъ платяномъ шкафу.

— Какъ можно провести тамъ ночь!

— Я прекрасно спалъ. О, если бъ вы знали, въ какихъ неприятныхъ положеніяхъ долженъ былъ проводить дни несчастный Карлъ Эдуардъ, претендентъ на шотландскій престолъ, такъ вы пролили бы горячія слезы!...

— Я очень сожалею объ участи претендента, но не принимаю съ какой стати....

— Съ какой стати? вскричалъ маркизъ, вскочивъ съ кресель. Это я вамъ сейчасъ объясню. Извольте видѣть....

— Я вижу, маркизъ, что вы забываете, что находитесь въ комнатѣ чужой дѣвицы....

— Чужой!.... Развѣ отецъ не имѣетъ права входить во всякое время въ комнату своей дочери?

— Я еще не имѣю права называть васъ отцомъ, отвѣчала Евгенія покраснѣвъ: притомъ же сынъ вашъ, вѣроятно, не знаетъ, что вы здѣсь?

— Не знаетъ. Много будетъ знать, скоро состарѣется. Кому же я хочу, чтобы вы рассказали ему все дѣло. Готовы ли выслушать меня?

— Подумайте, маркизъ, положеніе мое....

— Пустяки! Слушайте: У Гуго Капета было семь овиновей....

— Боже мой! вы, кажется, хотите заставить меня выслушать всю французскую исторію, до Людовика Пятнадцатаго?

— Правда, я началъ немножко издалека. Скажу вамъ только одно: родъ Кабанисовъ происходитъ отъ графа Парижскаго, дяди Гуго Капета; слѣдовательно, это, во всякомъ случаѣ, должно оправдать участіе, которое я принимаю въ дѣлѣ Стуртовъ. Я могу повѣрить вамъ за тайну, что я нахожусь въ близкихъ сношеніяхъ съ шотландскимъ претендентомъ; въ письмѣ, которое я вчера получалъ изъ Рима, претендентъ обѣщаетъ мнѣ пожаловать

Этьена въ полковники, когда Французы пристанутъ къ берегамъ Шотландіи, чтобы защищать правое дѣло.

— Такъ вы только за этимъ пришли сюда, маркизь? Ради Бога, подумайте о моемъ положеніи и оставьте меня одну....

— Вы хотите встать?... Что жъ вы прежде не говорили? Извините меня, я сейчасъ исчезну, или, — знаете что — я обернусь къ вамъ спиной, вы спокойно встанете, будете одѣваться, а я между-тѣмъ расскажу вамъ всю родословную нашу.

Графиня, невольно улыбаясь, отвергла это забавное предложеніе.

— Ну, всё-равно, отвѣчалъ маркизь: завтра, въ это же время, я опять буду у вашей постели и вы узнаете, кто Этьенъ и къ чему онъ предназначенъ.

— Зачѣмъ же вы хотите отложить это до завтра?

— Днемъ я принужденъ прятаться. Никто не долженъ знать, что я здѣсь; я надѣюсь, что вамъ не нужны будутъ платья изъ этого шкапу?

— Какъ, вы хотите провести тамъ цѣлый день?

— Вы можете запереть меня на ключъ.

— Ни за что!

— Какъ хотите! Я знаю всѣ закоулки въ этомъ замкѣ, и потому найду себѣ другое убѣжище. Завтра въ это же время мы увидимся. Будьте здоровы.

Онъ проскользнулъ въ дверь и исчезъ.

Никогда еще Евгенія не одѣвалась такъ скоро и безъ помощи горничной. Она сошла въ залу, гдѣ уже ожидалъ ее Этьенъ. Они упали другъ другу въ объятія и молчаніе, краснорѣчивѣе всякихъ словъ, длилось долго, долго....

— Этьенъ, сказала наконецъ графиня: счастливъ ли ты теперь?

— О, Евгенія!

— Неправда ли, мы уже никогда не разстанемся?... Ты молчишь?

— Служба....

— Я хочу, чтобы ты оставилъ службу! вскричала графиня съ живостію! И что, кромѣ неприятностей, доставила тебѣ до-сихъ-поръ эта служба?

— Неужели ты хочешь, чтобы я вышелъ въ отставку въ чинѣ поручика?

— Ты честолюбивъ, Этьенъ....

— Нѣтъ, Евгенія, я не ищу ни чиновъ, ни славы; я только хочу, чтобы Фридрихъ принужденъ былъ взглянуть на меня милостиво и сказалъ: «Онъ исполнилъ долгъ свой!» Неужели ты хочешь, чтобы я оставилъ службу, едва избавившись отъ военнаго суда? Нѣтъ, Евгенія: я хочу выйти съ честію!

— Но развѣ удачнымъ исполненіемъ новаго опаснаго порученія ты не искупишь того, что они называютъ твоимъ преступленіемъ?

— Я исполнилъ долгъ свой....

— Опять долгъ!... Расскажи мнѣ лучше въ чемъ состояло это порученіе?

— Счастливыи случай помогъ мнѣ удачно исполнить его. При быстрой, неожиданной переувнѣ маршрута нельзя было взять съ собою полковой казны, въ которой заключалась весьма значительная сумма. Она была зарыта въ болото въ надеждѣ, что на обратномъ пути ее можно будетъ найти и взять съ собою. Однако вскорѣ Австрійцы заняли это мѣсто. Войска наши остановились зимовать въ недалекомъ разстояніи; мы узнали, что кладъ нашъ, незамѣченный непріателемъ, находился въ томъ же мѣстѣ; что непріятельскіе посты были тамъ не сильны. Фридрихъ нуждался въ деньгахъ—онъ требовалъ, чтобы кто-нибудь рѣшился достать оставленную сумму и генералъ, покровитель мой, посоувѣтовалъ мнѣ взять это порученіе на себя. Мѣстность мнѣ была знакома; я зналъ, что тутъ силой ничего нельзя сдѣлать; надобно было дѣйствовать хитростью—и дурная погода помогла намъ. Съ эскадрономъ смѣльчаковъ пробрался я ночью, въ страшную мятелицу, къ нашему кладу.... Мы ночевали въ кустахъ, въ чащѣ лѣсной, въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ....

— Фи! прервала его Евгенія: и все это за ящикъ золота! Я понимаю, что можно жертвовать жизнію за короля, за друга своего, но чтобы....

— Чтобы встрѣтить отца своего! прервалъ Этьенъ улыбаясь.

— Маркиза?

— Именно. Занимаясь химическими проектами своими, онъ какъ-то случайно узналъ о зарытой казнѣ нашей. Маркизь былъ въ Англiи, гдѣ сдѣлался ревностнѣйшимъ приверженцомъ Стуртовъ, но услышавъ объ оставленной кассѣ Фридриха, немедленно воротился въ Германiю. Тутъ онъ узналъ, что его кто-то предупредилъ. Несмотря на то, онъ доложилъ о томъ фельдмаршалу и пока тотъ дѣлалъ нужныя распоряженiя, маркизь самъ отыскалъ мѣсто и въ продолженiи двухъ дней сторожилъ его, бродя въ окрестностяхъ. Мы встрѣтились ночью въ жалкой корчмѣ. Маркизь крайне обрадовался, принявъ насъ за Австрiйцевъ, присланныхъ за казной, но каковъ былъ ужасъ его, когда онъ узналъ Пруссаконъ, и меня! Однако съ обыкновеннымъ своимъ присутствиемъ духа, онъ употребилъ всю хитрость свою, чтобы помочь намъ переправиться за границу. Полковая казна была уже въ рукахъ нашихъ. Маркизь переряжается крестьяниномъ, пѣшкомъ идетъ на встрѣчу къ Австрiйцамъ и сбиваетъ ихъ съ толку и съ дороги; а намъ показываетъ путь, по которому мы счастливо воротились домой; потомъ маркизь исчезъ.

— Мнѣ кажется, что и мой отецъ зналъ о зарытыхъ деньгахъ, и что онъ первый далъ знать о томъ фельдмаршалу.

— Я увѣренъ....

Разговоръ ихъ былъ прерванъ офицерами, которые вошли въ залу вмѣстѣ съ графомъ.

На всѣхъ лицахъ написано было удовольствiе; только графъ одинъ не могъ даже притвориться веселымъ. Угрюмо смотрѣлъ онъ на дочь свою, которая съ лицомъ, блестящимъ радостью, слушала привѣтствiя и комплименты офицеровъ. Нѣсколько разъ прошелся графъ по залѣ, надѣясь, что мрачный видъ его разгонитъ счастье, выражавшееся на лицѣ Евгении, но она и не взглянула на него. Наконецъ, какъ-бы выведенный изъ терпѣнiя—онъ подошелъ къ Евгении, и не обращая вниманiя на поручика, сказалъ, что желаетъ поговорить съ нею до обѣда. Генералъ, слышавъ слова его, значительно улыбнулся и сказалъ:

— Это будетъ, вѣроятно, весьма интересный разговоръ, и я охотно подслушалъ бы его за дверями, если бъ въ такомъ

благовоспитанномъ обществѣ подслушивающе было позволено.

Графъ поблѣднѣлъ, съ безпокойнымъ изумленіемъ посмѣтрѣлъ на генерала, не говоря ни слова вышелъ въ другую комнату, бросился на диванъ и тяжело вздохнулъ.

— О чемъ вы задумались? спросила Амалия, которая пришла вслѣдъ за нимъ. Кажется, вамъ не понравились слова генерала?...

— Кажется, вамъ не нравится жить въ моемъ домѣ? Мы разстанемся, если вамъ угодно, отвѣчалъ графъ, не смотря на нея.

— Невольте приказывать, я буду умѣть отвѣчать вамъ, сказала Амалия, съ шумомъ придвинувъ стулъ къ дивану.

Графъ съ удивленіемъ посмѣтрѣлъ на нея и спросилъ: не хочеть ли она еѡ выгнать изъ замка.

— Можетъ-быть, отвѣчала она. Любезный дядюшка, пера намъ поговорить по-серіознѣе и опредѣлить взаимныя наши отношенія. Вы не знаете сколько слезъ пролила я тайнѣ, когда вы поступали со мною какъ съ Сандриль-оной.... но всему своей чередъ. Теперь я требую, чтобы со мною поступали не какъ съ ребенкомъ, не какъ съ бѣдной родственницей, живущей у васъ изъ милости, а какъ съ племянницей и воспитанницей графа Мерони!

— Давно ли вы перестали быть ребенкомъ?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ научилась подслушивать за дверями, произнесла она громко и ударила на каждомъ словѣ: съ-тѣхъ-поръ какъ я узнала, что любезный дядюшка мой находится въ перепискѣ съ австрійскими генералами и доноситъ имъ обо всемъ, что здѣсь происходитъ....

— Тише, тише, ради Бога! прервалъ ее графъ.

— Съ-тѣхъ-поръ, продолжала Амалия тѣмъ же голосомъ: какъ я узнала, что онъ послалъ нарочно въ австрійскій лагерь, чтобы дать знать о скрытой полковой казнѣ....

— Въ умѣ ли вы!...

— Я вамъ сказала, какое участіе я принимаю въ прусскомъ королѣ, а потому берегитесь, чтобы мнѣ не пришла охота....

— Ради Бога, милая Амалия, замолчите!... Говорите, что вамъ угодно?

— Видите ли, дядюшка, я говорила, что мы войдем другъ друга. Не правда ли?

— О, какъ-нельзя лучше, отвѣчалъ графъ поморщась.

— Такъ на первый случай, мы оставимъ Фридриха въ покоѣ, и поговоримъ о свадьбѣ....

— О свадьбѣ?

— На которую вы должны дать свое согласіе.

Графъ съ гнѣвомъ приподнялся, но встрѣтивъ взоръ племянницы, опять опустился на диванъ и съ принужденною ласкою отвѣчалъ:

— Но, скажите мнѣ, милая Амалія, какія права можетъ имѣть этотъ несносный поручикъ на руку моей дочери?

— Не о томъ рѣчь. Дочь ваша сама съумѣетъ постоять за себя. Я говорю о себѣ и хочу просить милостиваго соизволенія вашего на трудный, важный поступокъ, къ которому хочу приступить.... Я хочу замужъ.

— И вы уже.... то есть, васъ уже выбрали? По мнѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Я сама избрала. Ахъ, любезнѣйшій дядюшка, сказала Амалія опустивъ глаза: я была бы чрезвычайно неблагодарна, если бъ не вознаградила привязанности барона фонъ-Курца. Вы, вѣроятно, сами замѣтили, какъ онъ обходится со мною, съ-тѣхъ-поръ, какъ живетъ здѣсь въ замкѣ. Да и самое присутствіе его въ замкѣ, занятыхъ Пруссакими, не есть ли доказательство....

— Мнѣ кажется, вы не въ своемъ умѣ.... вы, за камергера?

— Конечно, любезный дядюшка, я сама знаю, что онъ не дальняго ума, что остроуміе его не замѣчательно, что онъ даже.... глуповатъ. Но, признаюсь вамъ, я всегда желала себѣ глупаго мужа. Всякій умный человѣкъ по дому христіанина и любви къ ближнему, долженъ защищать и брать подъ свое покровительство человѣка.... не умаго. Вотъ почему мнѣ кажется, что, не унижая своего достоинства, я могу выйти за барона.

— Еще бы! вскричалъ графъ, какъ-бы испугавшись дерзости молодой дѣвушки. Камергеръ, баронъ, наследникъ майората!...

— На колѣняхъ признался мнѣ въ искренней, пламен-

ной, вѣчной любви своей! Я сжалась надъ нимъ и рѣшилась осчастливить его!

— Каммергеръ съ ума сошелъ!

— Напротивъ, я думаю, что это самая умная вещь, которую онъ сдѣлалъ въ жизнь свою.

Графъ презрительно пожалъ плечами.

— Благословите жъ меня, дражайшій дядюшка! вскричала Амалія, опустившись на колѣни.

— Пожалуй, если баронъ рѣшился.... *сдѣлать эту глупость*, хотѣлъ сказать графъ, но остановился и продолжалъ: жениться на васъ.

— Не въ томъ дѣло, дядюшка. Ужъ если я хочу, то ему и говорить нечего. Благословите жъ меня, дядюшка.

— Съ Богомъ, даю вамъ мое полное и совершенное благословеніе!

— Сколько это: полное и совершенное?

— Я не понимаю васъ.

— То есть, сколько дадите вы мнѣ приданого?

Графъ всталъ и хотѣлъ удалиться, но Амалія удержала его.

— Любезный дядюшка, сказала она: при всякой пере-
мѣнѣ жизни, человѣкъ долженъ приводить въ порядокъ дѣла свои....

— Какое безстыдство!

— Гдѣ же тутъ безстыдство? Вѣдь я прошу денегъ не для себя, а для васъ же. Неужели вы хотите, чтобы я по-
ѣхала въ церковь въ обноскахъ графини, вашей дочери? Что скажутъ тогда про васъ? Васъ назовутъ скупцомъ. Неужели это вамъ пріятно?

— А какъ высоки требованія ваши?

— Они должны быть согласны съ знатымъ и менемъ и богатствомъ вашимъ.

— Вы получите въ приданое триста талеровъ, сказалъ графъ вставая.

— Триста талеровъ! Ахъ, любезнѣйшій дядюшка, мнѣ бы довольно было сотой доли этого; но подумайте, здѣсь дѣло идетъ о вашей чести. Свѣтъ не долженъ имѣть права сказать, что вы скупецъ.

— Шестисотъ талеровъ, и оставьте меня въ покоѣ!

— Вы шутите. Неужели вы не понимаете, что шесть тысяч талеровъ я отъ васъ и принять не могу?

— Что.... шесть тысяч талеровъ!

— Чего вы испугались? Видъ это всё для васъ.... и если хорошенько подумать, такъ, право, и шести тысяч мало. Только десять тысяч талеровъ можете вы дать племянницѣ, которую воспитали какъ родную дочь, которой известны всѣ домашнія и всѣ государственныя ваши тайны. Да, дядюшка, вы должны быть, и будете великодушны! До свиданія, искренно любимый дядюшка: добрый дядюшка, замѣнившій мнѣ отца, до свиданія!

Еще болѣе раздосадованный рѣшительнымъ и сильнымъ поступкомъ Амаліи, графъ пошелъ къ дочери съ твердымъ намѣреніемъ вступить въ права отца. Накмурившись, угрюмый, мрачный, вошелъ онъ въ комнату дочери и безъ обиняковъ объявилъ, что никогда и ни за что въ мірѣ не согласится на бракъ ея съ безимяннымъ, съ несноснымъ поручикомъ, какъ онъ называетъ Этьена.

— Я сначала соглашался на этотъ бракъ, говорилъ онъ: потому что повѣрилъ сумасброному маркизу, но теперь ясно вижу, что все это одинъ обманъ! Неужели ты не замѣтила еще, что маркизъ, чтобы достигнуть цѣли своей, готовъ создать себѣ отчизну, родословную? Неудивительно послѣ этого, что ему вздумалось создать себѣ сына!

— Помилуйте, батюшка, отвѣчала Евгенія съ улыбкой и спокойствіемъ, которое крайне изумило отца ея: есть доказательства....

— Хороши доказательства! возразилъ съ досадою графъ: все это поддѣльное, фальшивое! Если маркизу вздумается, то онъ докажетъ тебѣ, что Этьенъ сынъ Маріи Терезіи! Повѣрь мнѣ, моя милая, выбрось эти пустыя мечты изъ головы и подумай о томъ, что молодой человекъ, безъ роду, безъ племени, безъ состоянія, безъ всякихъ видовъ на будущее, тебѣ не мужъ!.... Если Этьенъ повѣритъ старому сумасброму, то вмѣстѣ съ нимъ сдѣлается посмѣшителемъ цѣлаго свѣта; да, дочь моя, я готовъ сказать это въ глаза маркизу....

Двери съ шумомъ распахнулись и слуга громкимъ голосомъ доложилъ:

— Маркизь де-Кабанисъ!

Въ то же мгновеніе маленькій человѣчекъ стоялъ посреди комнаты и простиралъ руки къ графу. Они дружески обнялись.

— Какъ я счастливъ, что вижу лучшаго, искреннѣйшаго моего друга! воскликнулъ графъ.

— Очень радъ, очень радъ, говорилъ маркизь: но, ради Бога, удалите людей и говорите тише; никто не долженъ знать что я здѣсь. Миѣ нужно сообщить вамъ кое-что весьма важное, графъ, но послѣ, послѣ; теперь потрудитесь прислать ко миѣ сюда, молодаго маркиза де-Кабаниса.... Послѣднія слова произнесъ онъ съ особеннымъ напыщеннымъ выраженіемъ.

Графъ и дочь его удалились и нѣсколько минутъ спустя, Этьенъ стоялъ передъ диваномъ, на которомъ лежалъ маркизь.

— Этьенъ! вскричалъ послѣдній, вскочивъ съ дивана и схвативъ молодаго офицера за грудь: я въ жизнь свою не видѣлъ такого безтолковаго, не говорю дипломата, а просто человѣка, двуногое животное! А между-тѣмъ я доѣзжалъ до границъ Азіи и былъ на островахъ Атлантическаго Оксана. Глупѣйшій изъ свиты мароккискаго государя, умнѣ этого Мерони! Онъ воображаетъ себя тонкимъ дипломатомъ, а между-тѣмъ онъ больше ничего, какъ.... безтолковое животное! Не хочу имѣть съ нимъ никакого дѣла, и ты, Этьенъ, долженъ поклясться миѣ, что не женишься на его дочери....

— Не могу исполнить вашего желанія....

— Ты благородный человѣкъ, Этьенъ: обними меня! Требованіе мое жестоко, несправедливо.... выборъ твой прекрасенъ. Графиня дѣвушка благородная; кому же она не дочь его....

— Какъ! вы думаете....

— Ничего я не думаю и ничего думать не хочу; только, не можетъ быть, чтобы она была его дочь! Въ жилахъ графини течетъ другая кровь; я сейчасъ перечту тебѣ всѣхъ кавалеровъ, которые были въ то время при саксонскомъ дворѣ....

— Ради Бога, батюшка, не дѣлайте такихъ предполо-

женій. Обида, нанесенная покойной матери ея, может крайне огорчить Евгению....

Старый маркизь схватилъ руку Этьена и съ особеннымъ выраженіемъ нѣжности посмотрѣлъ на него.

— А что, если бь кто-нибудь осмѣлился оскорбить твою мать, Этьень?... Ты блѣднѣешь.... Старикъ опустилъ руку офицера и украдкой утеръ слезу.

— Оставьте мрачныя мысли, сказалъ Этьень:—Мы такъ давно не видались, что я не имѣлъ еще случая поблагодарить васъ за то, что вы сдѣлали для бѣдной страдальницы на смертномъ одрѣ ея. Мать моя умерла на вашихъ рукахъ.

Старый чудакъ былъ удивительно растроганъ: онъ цѣловалъ, обнималъ Этьена, плакалъ, рыдалъ.

— Хотите ли наконецъ поднять завѣсу, скрывающую мое происхожденіе? спросилъ Этьень, потому что онъ видѣлъ, что старику надобно было наконецъ повѣрить кому-нибудь свою тайну.

— Да, Этьень, отвѣчалъ маркизь растроганнымъ голосомъ: не хочу болѣе скрывать отъ тебя тайны твоего происхожденія. Ты родился подъ злополучнымъ созвѣдіемъ, но тебѣ, Этьень, остается въ утѣшеніе, что ты не можешь обвинить ни меня, ни мать твою; она страдала, она была ангелъ, я поступилъ съ нею безчеловѣчно....

Старикъ замолчалъ, побѣжденный горестными воспоминаніями; въ это время послышался звонъ колокола, зващаго обитателей замка къ обѣду.

— Я пошлю сказать, что я боленъ, вскричалъ Этьень; но маркизь принудилъ его итти, объявивъ, что онъ теперь ничего рассказывать не можетъ и не будетъ, и чтобы Этьень обождалъ до вечера.

Всѣ сидѣли уже за столомъ, когда молодой офицеръ сошелъ въ столовую. Всѣ были веселы, разговорчивы, только одинъ Этьень сидѣлъ задумавшись....

— О чемъ вы задумались? сказала Амалия, схвативъ поручика за руку: послушайте лучше исторію, которую общаетъ рассказать генералъ. Онъ говоритъ, что это будетъ что-то страшное, очень страшное!

Генералъ улыбнулся: — Я увѣренъ, что повѣсть эта на-

пугаетъ не однихъ дамъ, сказалъ онъ, значительно взглянувъ на графа. Слушайте!

— Слушайте, слушайте! вскричала Амалія, дернувъ за руку камергера, который разговаривалъ о чемъ-то съ однимъ изъ офицеровъ.

Настало молчаніе и генералъ началъ:

— Знаете ли вы, что такое геній-истребитель? Нянюшки и горничныя наговорили мнѣ о немъ столько ужасовъ, что я, будучи еще ребенкомъ, составилъ себѣ самое странное понятіе объ этомъ таинственномъ, загадочномъ существѣ. Никто въ семьѣ нашей не позаботился о томъ, чтобы изгнать эту дурь изъ головы моей и когда я вступилъ въ лицей, то сдѣлалось еще хуже. Я жилъ въ грязномъ, отвратительномъ, жидовскомъ кварталѣ, у портнаго. Однажды вечеромъ, я слышалъ, какъ воротившись домой отъ какого-то умиравшаго родственника, жена портнаго сказала: «Я думаю, что въ эту ночь придетъ за нимъ истребитель».

Я былъ малый не трусливый, но эти слова такъ подѣйствовали на меня, что я долго не могъ уснуть. Это было въ дождливую, ноябрьскую ночь. Вѣтеръ завывалъ въ трубы, срывая съ крышъ черепицы. Я видѣлъ, какъ какое-то невѣдомое мнѣ существо слетѣло на домъ родственника хозяйки моей. Я хотѣлъ бѣжать, кричать, но не могъ. Вдругъ я проснулся и услышалъ, какъ пробило три часа. Потъ такъ и лилъ съ меня. Я помолился Богу, спрятался подъ одеяло и спокойно проспалъ до утра. Представьте себѣ ужасъ мой, когда утромъ хозяйка сказала мнѣ: «Ровно въ три часа ночи пришелъ за моимъ родственникомъ геній-истребитель!» Понимаете ли? — ровно въ три часа!

— Это ничего не доказываетъ, сказалъ графъ.

— Да, если бъ видѣнія мои этимъ и ограничились; но послѣ этого истребитель мнѣ часто являлся, отвѣчалъ генералъ задумчиво. Сколько разъ предвѣщалъ онъ мнѣ смерть людей близкихъ моему сердцу, товарищамъ... Слушайте далѣе. Я вступилъ въ полкъ. Въ сilesкую войну я былъ тяжело раненъ; меня отослали въ госпиталь. Чѣмъ болѣе усиливалась болѣзнь моя, тѣмъ явственнѣе представлялся мнѣ истребитель. Во снѣ и на яву слышалъ и видѣлъ я, какъ онъ заходилъ въ номера, и обни-

малъ опасно больныхъ. Однажды, ночью, мнѣ дѣйствио представилось, какъ этотъ страшный герій медленно вошелъ въ номеръ пятый. Утромъ я спросилъ фельдшера: «Кто скончался въ эту ночь?»—«Фельдфебель, въ пятомъ номерѣ!»

Слѣдующая ночь была еще безпокойнѣе. Къ утру вынесли изъ лазарета человекъ пять или шесть. Мнѣ хотѣлось пожить, господа; карьера моя была хороша, раны не опасны, король не-разъ милостиво заговаривалъ со мною—слѣдовательно, вы поймете, отчего сердце мое такъ сильно забилось, когда, въ одну изъ этихъ страшныхъ ночей, я услышалъ, что истребитель подошелъ къ моей двери.... Постоялъ нѣсколько секундъ, оборотился и вышелъ къ моему сосѣду, молодому прапорщику, который въ ту же ночь Богу душу отдалъ. Докторъ нашелъ, что болѣзнь моя приняла весьма дурное направление, онъ сомнительно покачивалъ головою и приказалъ, чтобы въ слѣдующую ночь меня не оставляли одного. Приказаніе врача крайне обрадовало меня. Можетъ-быть, привидѣніе испугается совершенно здороваго человека!

Наступилъ вечеръ, ночь, полночь; цѣбухи пропѣли, все было тихо. Сердце мое стало биться ровнѣе, дыханіе мое сдѣлалось легче, свободнѣе.... вдругъ слышу въ корридорѣ знакомые шаги... дверь въ мою комнату растворилась и онъ вошелъ.... Не могу описать вамъ ужасу, который тогда овладѣлъ мною; часъ мой пробилъ, подумалъ я, и лишился чувствъ....

Генералъ замолчалъ. Всѣ присутствовавшіе не сводили съ него глазъ.

— Однако жъ вы не умерли, сказалъ съ недобрыми улыбкой Этьенъ.

— Нѣтъ. Но въ эту самую ночь заболѣлъ фельдшеръ, спавшій у меня въ комнатѣ; утромъ его вынесли отъ меня безъ чувствъ, а къ полудню онъ скончался.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ кто-то: лучше всего удалиться отъ вашей спальни.

— Именно! сказалъ генералъ и строго посмотрѣлъ на хозяина, который незвольно потупилъ глаза.

Нѣсколько минутъ спустя, генералъ продолжалъ:

— Прощо нѣсколько лѣтъ; видѣнія были рѣже, и не те

они предвѣщали мнѣ кончину людей мало мнѣ знакомыхъ. При самомъ началѣ этой компаніи я стоялъ въ Магдебургѣ съ гарнизономъ. Въ домѣ, который я занималъ, вовсе не было жильцовъ; слуги жили въ нижнемъ этажѣ. Однажды ночью, лишь-только я погасилъ свѣчу, мною овладѣло какое-то странное ощущеніе.... въ бюро моемъ было нѣсколько тысячъ талеровъ золотомъ и другія драгоценныя вещи; мнѣ было досадно, что я не помѣстилъ возлѣ себя человѣка. Однако безпокойство это скоро прошло и я уснулъ.... Скрыпъ корридорной двери разбудилъ меня. Кто-то подходилъ къ моей комнатѣ.... Это было шарканье генія-истребителя.... Глухо капляя, остановился онъ у двери моей.... она была заперта на замѣкъ и на задвижку, но несмотря на то, отворилась.... Я хотѣлъ вскочить, вступить въ борьбу съ смертоноснымъ привидѣніемъ, но не могъ пошевелиться ни однимъ членомъ, не могъ отвести отъ него взору.... Медленно подошло оно къ моей кровати, протянуло костлявыя руки и.... Я лишился чувствъ.

Однако жъ сюда воля моей была въ этотъ разъ такъ могущественна, что черезъ нѣсколько минутъ я опять пришелъ въ себя. Видѣніе исчезло. Я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, но несмотря на то, былъ твердо убѣжденъ, что на слѣдующій день долженъ буду умереть. Минуты мои были сочтены. Я хотѣлъ смѣло идти на встрѣчу смерти; вскочилъ съ постели, на-скоро одѣлся, опоясалъ саблю и позвонилъ. Мнѣ принесли огню, я тотчасъ же послалъ за докторомъ и когда тотъ пришелъ, я рѣшительно объявилъ ему, что долженъ черезъ нѣсколько часовъ, можетъ-быть и минутъ, умереть. Докторъ пощупалъ пульсъ мой и, покачивая головой, съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Ночь ужъ въ этотъ разъ совсѣмъ непонятно, по какому чуду вы остались въ-живыхъ!... замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Вдругъ въ домѣ поднялась страшная суматоха, продолжалъ генералъ: деньщикъ мой случайно нашелъ подъ кроватью моею бѣглаго арестанта, который убилъ унтеръ-офицера. Я, вѣроятно, не избѣгъ бы участи послѣдняго, если бъ геній-истребитель не предостерегъ меня. Арестан-

та схватили, предали военному суду и въ тотъ же день онъ въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на свѣтъ Божій.

— Непостижимо! сказалъ Этьенъ.

— Непостижимо, какъ человѣкъ можетъ до такой степени поддаваться обману слишкомъ пылкаго воображенія, замѣтилъ графъ, пожавъ плечами и поднявъ глаза къ потолку.

— Вы думаете? спросилъ генералъ съ грустной улыбкой.

— Что же, спросила Амалія, это было послѣднее видѣнiе ваше?

— Извините, но я не хочу болѣе продолжать разговора, непріятнаго нашему хозяину, отвѣчалъ генералъ.

— Ради Бога, не беспокойтесь обо мнѣ! вскричалъ графъ, съ притворной веселостью:— Всякая сказка должна имѣть какой-нибудь конецъ.... продолжайте, генералъ, продолжайте!

— Мнѣ непріятно....

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричали всѣ присутствовавшіе, рассказывайте все, все!

— Господинъ поручикъ, продолжалъ генералъ, обращаясь къ Этьену: вы очень удивились, заставъ меня вчера вечеромъ въ такомъ странномъ расположеніи духа. Я долженъ признаться вамъ, что имѣлъ какое-то предчувствіе.... Вы ушли. Я боялся погасить свѣчу; на замерзлыхъ стеклахъ рисовались страшныя лица, дрова въ каминѣ трещали болѣе обыкновеннаго, со всѣхъ сторонъ дулъ сквозной вѣтеръ.... я замкнулъ дверь, положилъ заряженные пистолеты со взведенными курками возлѣ себя и старался уснуть.... Въ цѣломъ домѣ царствовала мертвая тишина; вдругъ услышалъ я знакомое кашлянье, и шорохъ костлявыхъ шаговъ....

— Въ этомъ замкѣ?

Генералъ кивнулъ головою.— Это былъ гений-истребитель. Я не сомнѣвался въ томъ. Дверь растворилась и.... избавьте меня отъ дальнѣйшихъ рассказовъ....

— Батюшка, что съ вами! вскричала графиня.

— Ничего, милая Евгенія, ничего, возразилъ графъ, отклоняя отъ себя дочь: — Продолжайте, продолжайте, генералъ.

— Я кончилъ.

— И вы увѣрены, что, видѣли что не во снѣ?

— Совершенно.

— Что это? Какъ графъ поблѣднѣлъ! замѣтилъ кто-то.

— Вамъ нечего беспокоиться, графъ, сказалъ генералъ: я увѣренъ, что это посѣщеніе касается собственно до меня: подъ кроватью у меня ни кого не было, а за обоями могутъ скрываться развѣ только мыши, и я сомнѣваюсь, чтобы геній-истребитель сталъ беспокоиться для нихъ.

— Когда это было? спросилъ графъ, едва слышнымъ голосомъ. Всѣ посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Ровно въ два часа.

— Возможно ли! проговорилъ или, лучше сказать, проstonалъ хозяинъ.

— Графу дурно! вскричалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Всѣ бросились помогать хозяину, но онъ, собравъ послѣднія силы, всталъ, взялъ дочь за руку и молча помонившись собранію, пошелъ къ дверямъ; но у самага порогу упалъ безъ чувствъ.

Суматоха, страхъ, безпокойство. Одинъ генералъ, не трогаясь съ мѣста, улыбался и поглаживалъ усы. Наконецъ графа привели въ чувство и онъ могъ удалиться. Евгения хотѣла послѣдовать за нимъ, но генералъ останоилъ ее и шепнулъ ей на-ухо:

— Успокойтесь, прелестная графиня: батюшка вашъ не умретъ — я за это ручаюсь.

Потомъ обратившись къ Этьену, онъ спросилъ:

— Поняли ли вы меня? — Я надѣюсь, что графъ не захочетъ болѣе подслушивать за деревянной перегородкой, когда вы придете ко мнѣ съ докладомъ.

—

— Милая дочь, сказалъ графъ на другой день Евгенин: ты не оставила еще своего намѣренія выйти за Этьена?

— Только смерть одного изъ насъ, можетъ заставить меня отказаться отъ этой мысли....

— Охъ! не говори о смерти, сказалъ графъ вздохнувъ, и позвонилъ. Онъ спросилъ вошедшаго слугу, куда дѣвался маркизъ.

— Онъ исчезъ со вчерашняго вечера, отвѣчалъ камердинеръ.

— Ну, такъ позовите ко мнѣ молодаго поручика.

— Что вы хотите дѣлать, батюшка? Вамъ нуженъ покой; вы дурно спали....

— Я хочу привести дѣла свои въ порядокъ: а какое дѣло можетъ быть для меня важнѣе твоей будущности, милая моя! Я согласенъ на бракъ твой съ Этьеномъ.... Что почести и всѣ блага земныя для человѣка, который стоитъ на краю могилы!...

— Батюшка, напрасно вы думаете....

— Оставь, дитя мое.... Этьенъ добрый молодой человѣкъ, только жаль, что у него такой безтолковый отецъ! Этотъ старый, безхарактерный маркизъ воображаетъ себя тонкимъ дипломатомъ. Смѣшно и жалко!...

Графъ замолчалъ, увидѣвъ поручика. Онъ приказалъ ему преклонить вмѣстѣ съ Евгеніею колѣни, сложилъ руки ихъ, благословилъ, обнялъ и сдѣлался гораздо спокойнѣе.

Нѣсколько минутъ спустя въ комнату графа вошелъ съ веселымъ видомъ генералъ.

— Не боюсь болѣе смерти! вскричалъ онъ, смѣясь отъ души: вообразите, графъ, денщикъ мой нашелъ за обоими мертвую летучую мышъ! Вотъ зачѣмъ приходилъ страшный истребитель.... Вы не повѣрите, какъ я радъ этому случаю.

— Такъ вы думаете?... спросилъ графъ, посмѣшиво вставъ.

— Конечно! это не первый примѣръ; точно такъ дѣлался мнѣ однажды истребитель, чтобы предсказать смерть дворовой собаки....

И графъ видимо сталъ поправляться; онъ сдѣлался веселѣе, разговорчивѣе и болѣе другихъ смѣялся надъ сужденіемъ генерала....

Ждали генерала. Онъ поскакалъ со свитой своею въ главную квартиру, къ королю, чтобы доложить ему о счастливаніи спасенія полковой казны; уѣзжая онъ подалъ Этьену руку и шепнулъ ему:

— Надѣюсь возвратиться сегодня съ доброй вѣстью; заслуга ваша такъ очевидна, что король долженъ будетъ отдать вамъ справедливость.

Сумерки покрывали уже пространныя снѣговыя поля и

замерзшіе пруды, которые видны были изъ оконъ залы. Легкій вѣтерокъ поднималъ на воздухъ прозрачную снѣговую пыль. Къ замку подъѣзжала толпа всадниковъ.

Этьенъ былъ въ залѣ съ Евгеніей; склонивъ голову на грудь ея, она шептала ему:

— Надѣйся, Этьенъ, надѣйся! О, какъ сердце твое бьется! Это добрый знакъ.... генераль возвращается съ радостною вѣстью!

Этьенъ молча, съ грустнымъ выраженіемъ лица, покачалъ головой.....

Офицеры собрались уже въ залѣ; генераль разговаривалъ съ хозяиномъ.

— Понимаешь ли ты теперь, что сказалъ про меня король? спросилъ Этьенъ кивнувъ графинѣ.

— Но вѣдь генераль не сказалъ тебѣ еще ни слова.

— Неужели ты думаешь, что онъ сталъ бы медлить, если бы имѣлъ сказать мнѣ что-нибудь радостное?

Въ это время генераль подошелъ къ нимъ. Молча пожатъ онъ руку Этьену и отвелъ его всторону.

— На одно слово, поручикъ! сказалъ онъ. Вы сами знаете, какъ я люблю васъ... исполните же мою просьбу.

— Приказывайте, ваше превосходительство.

— Выходите въ отставку.

Этьенъ молчалъ.

— Вы независимы, продолжалъ генераль: богаты, счастливы... не ищите ни славы, ни почестей: вамъ навсегда дорога закрыта къ нимъ. Вожусь вамъ, мнѣ жалко, мнѣ грустно разставаться съ вами, но... выходите въ отставку!

Этьенъ слегка поклонился и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: — Ваше превосходительство, я остаюсь на службѣ.

— Этьенъ; сказалъ генераль съ чувствомъ: выходите въ отставку.

— Что предстоитъ мнѣ, если я не послѣдую вашему совету?

— Вы никогда, никогда не оправдаетесь передъ нимъ!

— Такъ я, во крайней мѣрѣ; надѣюсь оправдаться передъ собственною совѣстью и соотечественниками своими. Да, генераль, хоть бы война эта продолжалась еще тридцать лѣтъ, хоть бы волосы мои посѣдѣли, хоть бы я по гробъ

остался поручикомъ, но до окончанія компаніи въ отставку не выйду.

Генераль смотрѣлъ на него съ выраженіемъ внутренняго удовольствія.

— Что всѣ мои убѣжденія противъ такой рѣшимости? сказалъ онъ пожавъ плечами:— Но ищите себѣ награды въ собственномъ мужествѣ, въ собственномъ героизмѣ своемъ!... Фридрихъ молчалъ во все время, какъ я ему докладывалъ о вашихъ дѣйствіяхъ. Я кончилъ и ожидаю отвѣта или какого-нибудь замѣчанія. «Прощай!» сказалъ король разсѣянно. Воспользовавшись этимъ я рѣшился предложить ему повышение ваше—но ошибся. Нахмуривъ брови посмотрѣлъ онъ на меня и спросилъ насмѣшливо: «Ты думаешь?» потомъ понюхалъ табакъ, и прибавилъ: «А я не думаю!» и отвернулся.

— Это еще слишкомъ милое, сказалъ Этьенъ съ горькой насмѣшкой: я думалъ, что онъ спроситъ, всѣ ли деньги? Не утаилъ ли я чего-нибудь?

— Не судите великаго слишкомъ опрометчиво, другъ мой. Сохраните еще въ душѣ часть того чувства, которое вы нѣкогда питали къ нему. О, если бы вы его теперь увидели! Онъ быстро клонится къ упадку, послѣдніе жизненные соки его изсасали... Онъ сталъ мнительнѣе нежели когда-либо, носитъ ядъ на груди!—Побѣда при Торгау, вѣроятно, послѣдній перлъ въ діадемѣ его славы!... Дай Богъ еще, чтобы эта великая звѣзда нашего столѣтія угасла въ какой-нибудь славной битвѣ!....

— Но я слышалъ, что онъ успѣлъ уже сформировать новую армію? спросилъ Этьенъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Кчему же это поведетъ? возразилъ генераль. Мы возьмемъ еще какого-нибудь Дауна, поразимъ Шведовъ, и хоть бы каждый изъ новобранцевъ нашихъ былъ вмѣстѣ и Геркулесъ и Леонидъ, то невозможно бороться съ страшными силами, которыя шлетъ на насъ Елизавета. Отъ Ледовитаго моря и отъ Урала, изъ Сибири и съ Китайскихъ границъ летятъ на Пруссію войска, которыя подавятъ ее.... если неожиданное чудо не спасетъ насъ!

—

Никогда еще обитатели замка не были такъ молчаливы за ужиномъ. Мокрый снѣгъ, бившій въ стекла, и завываніе вѣтру навело на всѣхъ какую-то тоску. Ранѣе обыкновеннаго поднялся генераль.... Вдругъ послышался сильный звонъ у наружныхъ дверей.

— Кто это въ такую погоду?

Это былъ фельдъегерь; тяжелые шаги его уже слышались на лѣстницѣ.

— Это должно быть что-нибудь важное, сказалъ генераль, посмотрѣвъ на часы: потому что фельдъегерь отправленъ изъ лагеря два часа спустя послѣ нашего выѣзда отсюда.

— Ваше превосходительство, сказалъ курьеръ: важная депеша отъ его высочества принца Генриха, который изъ особеннаго благоволенія къ вашему превосходительству, приказалъ мнѣ доставить ее непременно сегодня же.

Графиня посмотрѣла на Этьена; онъ отрицательно покачивалъ головой.

Генераль разломалъ печать, руки его дрожали, лицо измѣнилось.... Какъ-бы невольно сложилъ онъ руки, измявъ депешу.... на глазахъ выступили слезы радости. Потомъ, обратившись къ присутствовавшимъ, произнесъ онъ торжественнымъ голосомъ:

— Господа! Пусть каждый изъ насъ, кто Пруссакъ въ душѣ, воздастъ Всевышнему искреннюю, благодарственную молитву.... Фридрихъ спасенъ! Елисавета, императрица російская, скончалась. Петръ Третій вступилъ на престолъ и предлагаетъ королю нашему свою помощь!.... Да здравствуетъ король нашъ, Фридрихъ, во вѣки! Онъ побѣдилъ самую судьбу!....

Письмо Этьена къ Евгеніи.

Мы стояли передъ Швейдницемъ. Едва показались первые лучи солнца на горизонтѣ, какъ непріятель привѣтствовалъ насъ залпомъ изъ всѣхъ своихъ орудій. Тогда Фридрихъ командовалъ на приступъ и черезъ нѣсколько минутъ завязался страшный бой. Съ саблей въ рукахъ преслѣдовали мы Австрійцевъ.... О! Евгенія, ты не можешь понять, какое блаженство ощущали мы, сражаясь передъ глазами Фридриха! Солнце радостно освѣщало поле кровавой бит-

вы... Ты видишь, какъ война дѣлаетъ насъ безчувственными, заставляя говорить о блаженствѣ и радости тамъ, гдѣ текла кровь тысячъ людей.

Послушай же, Евгенія, чѣмъ кончился для меня этотъ день. Ты легко повѣришь, что я исполнилъ долгъ свой. Полкъ нашъ дѣлалъ чудеса храбрости. Быстро взобрались мы на высоты, на которыя были направлены. Австрійскіе кирасиры отступили ... сквозь густой пороховой дымъ замѣтили мы еще небольшой отрядъ неприятельской конницы, прикрывавшій медленное отступление какого-то тѣмнаго раненаго генерала.

— Дѣти! вскричалъ командиръ нашъ: кто хочетъ отрѣзать ему отряду дорогу? Охотники, впередъ!

Мы всѣ двинулись впередъ.

— Поручикъ, шепнулъ мнѣ генералъ, указывая саблей на отступавшихъ неприятелей: тамъ вы можете выложиться въ ротмистры. Самъ Фридрихъ смотритъ на васъ!

Трубы зазвучали; высоко поднялась пыль подъ копытами лошадей нашихъ. Надежда ослѣпила меня.... Я ничего не видѣлъ, не слышалъ, не разсуждалъ и опомнился тогда только, когда лошадь моя остановилась какъ вкопанная, на краю пропасти. Какъ описать тебѣ то, что я ощущалъ, когда увидѣлъ, что майоръ Ицвицъ, поступившій хладнокровнѣе и, слѣдовательно, благоразумнѣе меня, почти настѣлъ неприятельскій отрядъ...

— Маршъ, маршъ, друзья! закричалъ я, и отчаяніе ли, выразившееся въ этомъ восклицаніи или что другое, придало лошадиныи нашимъ крыльямъ.... мы летѣли и вскоре окружили майора! Неприятель былъ въ несколькихъ шагахъ отъ насъ, какъ-вдругъ.... передъ глазами Фридриха, лошадь моя светилась.... я умалъ! Радостнымъ кланьемъ возвѣстилъ мнѣ, что Ицвицу удалось отрѣзать дорогу неприятелю и даять въ плѣнъ раненаго генерала!....

Не стану описывать тебѣ боли отъ ранъ, полученныхъ мною при паденіи; она ничто въ сравненіи съ мученіями, терзавшими мою душу.

Никто изъ окружавшихъ Фридриха, не смѣлъ вымолвить слова, когда начальники прискакали съ рапортами. Всѣ ожидали грома. Меня тутъ не было, но мнѣ послѣ передали слово въ слово весь разговоръ его.

— Честь имѣю доложить вашему высочеству, сказала добрый другъ и покровитель мой, генералъ: — что поручика Спеева и опрометчивость слѣдовало бы арестовать....

— Ты думаешь? спросилъ король.

— Точно такъ, ваше высочество: я думаю, что онъ заслуживаетъ строгій выговоръ.

— Ты хочешь, кажется, учить меня, какъ я долженъ поступать?

— Надобно показать примѣръ, ваше высочество; не только за то, что поручикъ поступилъ такъ безразсудно, но....

— Кто изъ насъ не ошибался?

— Но, продолжалъ генералъ: ясно, что поручикъ поступалъ изъ одного честолюбія и притомъ, чтобы только перебить дорогу майору Иццину не пожалѣвъ лошадей, пустивъ ихъ во весь споръ....

— Неужели ты думаешь, что ошибки нельзя исправить?

— Я только хотѣлъ посоветовать вашему высочеству....

— Не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ, вспыльчиво закричалъ король и велѣлъ позвать меня.

Не могу описать тебѣ того сладостнаго ощущенія, которое произвелъ на меня слова короля!

— Я знаю, сказалъ онъ: ты храбрый охотникъ и зато я даю тебѣ орденъ рангъ le capitaine; что ты потерялся, ошибся, это не бѣда! Постарайся только при первомъ случаѣ исправить свою ошибку — это долгъ всякаго благороднаго человѣка!

И собственными руками привѣсилъ онъ мнѣ крестъ; руки его коснулись груди моей.... Что еще рассказывать? О, если бъ ты была со мною! Мы въѣхали въ завоеванный городъ. Звонятъ во всѣ колокола.... Товарищи поздравляютъ меня.... генералъ съ лукавой усмѣшкой ударилъ меня по плечу и велитъ тебѣ кланяться. Не забывай его въ своихъ молитвахъ.... до свиданія!

—

Евгенія нѣсколько разъ поцѣловала эти драгоценныя строки и уже легкая, красноватая полоса показалась на горизонтѣ, когда она уснула..... но душа ея была слишкомъ полна счастьемъ, радостью — она не могла долго спать. Теплые лучи лѣтняго солнца пробивались сквозь шпалѣй какъ снѣгъ пологъ кровати. Графиня отдернула завѣсъ и съ удивленіемъ опять увидѣла возлѣ кровати своей, чудака въ изношенномъ красномъ французскомъ костюмѣ, маркиза де-Кабаниса.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ разговоръ его съ Этьеномъ былъ прерванъ обѣденнымъ звономъ, старыи чудаки исчезъ и не появлялся въ замкѣ.

— Каково изволили почивать, графиня? спросилъ онъ, сложивъ книгу, которую читалъ.— Я удивляюсь, что вы такъ рано проснулись.

— А я еще болѣе удивляюсь, что нахожу здѣсь васъ, вмѣсто мосіи горничной. Потрудитесь сперва позвать ее, потомъ я буду къ услугамъ вашимъ.

— Въ предстоящемъ намъ дѣлѣ присутствіе горничной вашей совсѣмъ не нужно. Будьте какъ дома, милая дочь моя!

— Покорно благодарю за гостепримство, отвѣчала Евгенія съ улыбкой.

— Нѣза что, нѣзачто! Я пришелъ, чтобы передать вамъ вотъ эти двѣ бумаги. Судья и его актуаріусъ просидѣли у меня цѣлую ночь, писали, подписывали и запечатывали; я люблю, чтобы у меня все шло живо, живо! Такъ какъ я посыпалъ золотымъ пескомъ, то перья летѣли! Вотъ, милая Евгенія, примите эти документы.....

— Что это?

— Я дарю вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе весь этотъ замокъ со всѣми его принадлежностями!

— Этотъ замокъ? Помилуйте, маркизь: вѣдь онъ принадлежитъ отцу моему?

— Принадлежалъ! До полуночи. Вчера вечеромъ я его купилъ, въ полночь была заключена и подписана купчая, слѣдовательно, вы можете спокойно оставаться въ постели; вы у себя дома.

Евгенія съ изумленіемъ смотрѣла то на маркиза, то на бумаги, съ огромными печатями.

— А-га! продолжалъ онъ: посмотримъ, скажетъ ли еще батюшка вашъ, что отдаетъ дочь свою за нищаго. Давайте мнѣ еще три, четыре, пять такихъ замковъ, какъ этотъ и я сейчасъ же заплачу вамъ за нихъ наличными деньгами!

— Вы великодушный отецъ, сказала Евгенія, и поднесла ему руку.

— Это еще не все! Пусть меня только удовлетворятъ и съ такимъ блескомъ явлюсь въ Берлинъ, что обо мнѣ заговорятъ и во дворцахъ, и въ бѣдныхъ хижинахъ! Тогда я не побоюсь Фридриха, пусть онъ опять подыметъ меня палку....

— Боже мой, что случилось?

— Что случилось!... Онъ не хотѣлъ дать мнѣ удовлетвореніе и когда я настаивалъ, онъ даже замахнулся на мнѣ

свою тростью! Я вызывалъ его на дуэль, а онъ отвѣчалъ, что если я хочу встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, то могу вступить на службу къ Австрійцамъ. Отвѣтъ недурень, но мнѣ оттого не легче! И я былъ на службѣ у Австрійцевъ, я былъ даже въ Крыму, у хана. Спросите-ка, зачѣмъ ханъ не прислалъ войска свои на помощь къ прусскому королю? Зачѣмъ не пришли Турки, которыхъ онъ звалъ? О, хотъ бы онъ позвалъ къ себѣ на помощь самого китайскаго императора, такъ я отправился бы и къ нему! Я старикъ, но въ позорѣ моемъ я нашелъ жизненный миксиръ, давшій мнѣ новыя силы!

— Но чтò сдѣлалъ вамъ король прусскій?

— Не хотѣлъ дать удовлетворенія!

— Но за чтò?

— За то, что отецъ его оскорбилъ, опозорилъ меня, травилъ жизнь мою, заставилъ меня сдѣлаться жестокимъ, безчеловѣчнымъ!.... Я вызывалъ старика, но онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я заказалъ себѣ сперва по-выше кадуки, чтобы достать до него!

— Въ чемъ же состояло это оскорбленіе?

— Неужели долженъ я пересказать вамъ слово въ слово къ онъ.... Нѣтъ, ни за чтò въ мірѣ!

— Я желала только знать причину.

— Причина та, что я сдѣлался католикомъ! продолжалъ маркизъ, съ особеннымъ жаромъ. Я принялъ католическую вѣру, потому что *долженъ* былъ принять ее. Только съ этимъ условіемъ мнѣ были возвращены всѣ мои ущества, находившіяся на югѣ. Бѣднякомъ—протестантъ уѣхалъ изъ Берлина и возвратился туда маркизомъ, гачомъ, католикомъ. Я представился королю, чтобы погостарить его за милости, оказанныя отцу моему. Но я забылся и прикрикнулъ на меня какъ на измѣнника, тупника. Чувствуя свое достоинство, я отвѣчалъ ему томъ же тономъ. Короля мучила въ то время подагра, наскочилъ на меня, поднялъ руку.... и не знаю какъ образомъ я полетѣлъ съ лѣстницы! Я былъ обезцвѣтъ, опозоренъ, лишенъ дворянства!

— Я могу представить себѣ, любезный маркизъ, сказанія: какъ это—пріятно; но вы напрасно обращаете

такъ много вниманія на вспышку стараго, угрюмаго короля. Притомъ же съ тѣхъ поръ прошло столько времени.

— А знаете ли, когда это было? За нѣсколько дней до рожденія Этьена.

— Кажется, въ это время маленькая непріятность должна была бы изгладиться изъ вашей памяти.

— Маленькая! вскричалъ маркизь и слезы навернулись на глазахъ его, между-тѣмъ какъ онъ продолжалъ болѣе и болѣе растроганнымъ голосомъ: можно ли назвать маленькимъ несчастіе, уничтожившее всѣ надежды, все благополучіе мое! Изъзнатнаго, богатаго, всѣми уважаемаго человѣка, я сдѣлся изгнанникомъ, бѣглецомъ, изъ счастливаго мужа вдовцомъ....

— Боже мой, неужели горестъ убила жену вашу? О, это не можетъ быть....

— Слушайте, слушайте.... продолжалъ маркизь; рыданія заглушали голосъ его;—Я пришелъ дамой. Она стояла передо мной во всей красотѣ, юности, материнской недротности, женскаго смиренія.—«Что съ тобою?» спросила она, бросивъ безпокойный взглядъ на мое разорванное платье, на растрепанные волосы, на мое блѣдное лицо, на блуждающій, дикій взоръ.... О, она была чиста, непорочна, и должна была остаться такою.—Я, отвѣчалъ ей: вы отдали руку вашу благородному дворянину.... Я теперь болѣе не дворянинъ: я лишенъ чести, шпага моя сломана, шляпа моя затоптана въ грязи.... бракъ нашъ не дѣйствителенъ....

— Безумный человѣкъ! вскричала Евгенія съ ужасомъ:—Вы могли это сдѣлать!

— Графиня, честь всякаго дворянина неприкосновенна, святыня, отвѣчалъ маркизь съ величіемъ, которое поразило графиню изумленіемъ.

— Что же вы сдѣлали? спросила она послѣ минутнаго молчанія, во время котораго маркизь рыдалъ, закрывъ лицо руками.

— Я развелся съ ней, отвѣчалъ маркизь, утеревъ слезы.

— Несчастная!

— Точно, она не была счастлива. Моя ли это вина? отдалъ ее за добраго, честнаго человѣка. Онъ былъ дворянинъ, слѣдовательно, могъ быть прибитъ, не

шаясь чести. Этьенъ родился за нѣсколько дней до вторичной свадьбы матери его.... могъ ли я знать, что ни онъ, ни она не будутъ счастливы?...

— О, маркизъ! вскричала Евгенія съ невольнымъ чувствомъ ужасу: вы поступили безчеловѣчно! Вы убили жену свою, наполнивъ жизнь ея страданіями; вы разстроили всю будущность вашего сына! О, это безчеловѣчно!

Маркизъ былъ такъ пораженъ словами ея, что нѣсколько минутъ не могъ вымолвить ни одного слова. Потомъ онъ схватилъ руку Евгеніи и вскричалъ:

— Зачѣмъ же никто не остановилъ, не предостерегъ меня! .. О, вы правы, я убійца.... жены.... сына.... я самоубійца!...

И изнеможенный, онъ опустился въ кресла. Молчаніе продолжалось довольно долго.

— Да, сказалъ наконецъ старикъ болѣе спокойнымъ голосомъ: теперь я вполнѣ постигаю, что не одно дворянство даетъ человѣку честь и благородство.... Умѣть сбрасывать съ себя обиды подобно лебедю, счипающему грязь съ бѣлоснѣжныхъ крыльевъ своихъ, есть также достоинство; не тотъ дворянинъ у кого орденъ на груди, а тотъ, у кого онъ въ сердцѣ....

— Ахъ, знаете ли, вскричала Евгенія, желая дать другое направленіе мыслямъ маркиза: знаете ли, что Этьенъ получилъ отъ короля крестъ *Pour le mérite*?

— Этьенъ!... Крестъ.... *Pour le mérite*.... отъ короля.... отъ Фридриха Великаго! вскричалъ маркизъ, вскочивъ съ кресла.

— Я вчера получила о томъ извѣстіе отъ самого Этьена. Король былъ очень милостивъ къ нему.

Маркизъ прохаживался большими шагами по комнатѣ, разстегнувъ кафтанъ свой.

— Фридрихъ настоящій король! онъ великій, онъ единственный король!—говорилъ старикъ. Боже мой! Да какъ же это онъ далъ орденъ Этьену?... О, не рассказывайте. Я все понимаю. Одного взгляда генія достаточно, чтобы понять человѣка достойнаго. Онъ знаетъ, что такое честь. Теперь все поправится. Извините! Мнѣ душно въ комнатѣ! Король отдалъ наконецъ справедливость моему Этьену; да еще какой король—Фридрихъ! Это, просто, чудо. Или,

лучше сказать, тутъ никакого нѣтъ чуда. Не имѣете ли вы какихъ порученій къ Этьену? Скорѣй, скорѣй, вставайте же скорѣе!—Онъ позвонилъ.—Пишите, если хотите, только скорѣе, потому что черезъ четверть часа я ѣду въ Силезію. Посмотрю, присталъ ли крестъ единственному сыну моему, маркизу Этьену де-Кабанису!

—
Великій документъ славы Фридриха, начатый словомъ *Мольмцъ*, былъ наконецъ заключенъ словомъ *Губертсбургъ*! Наступилъ миръ послѣ семи лѣтъ опустошительной, кровавой войны.

Войска Фридриха возвращались въ Берлинъ.... Стечение народа у заставъ было многочисленное; мартовское солнце освѣщало движущіяся массы, экипажи, лошадей, загорѣлыя лица побѣдителей.

Нѣсколько всторонѣ отъ дороги остановилась коляска. Дѣвушка, стоявшая въ ней, съ безпокойнымъ вниманіемъ слѣдила за медленно проходившими солдатами. Старикъ, углубившись въ уголъ коляски, съ недовольнымъ видомъ смотрѣлъ на оборванныхъ мальчишекъ, взлѣзавшихъ на запятки, даже на козлы, несмотря на толчки лакея и кучера и со всѣхъ сторонъ окружавшихъ карету.

— Евгенія, ради Бога, не высовывайся изъ коляски, шенталь старикъ:—всѣ па тебя смотрятъ!

— Всѣ такъ заняты собственными ожиданіями и радостями, что никто не обращаетъ на насъ вниманія, отвѣчала графиня.

— Мы слишкомъ удалены отъ дороги; онъ, во всякомъ случаѣ, не узнаетъ тебя.

— О, я увѣрена, что онъ узнаетъ меня.

Графъ покачалъ головой. Громко зазвучали трубы, шапки и шляпы полетѣли вверхъ, восторгъ былъ невыразимый, крики мальчишекъ оглушали графа и онъ мысленно проклиналъ необузданную, грубую радость черни, когда Евгенія растворила дверцы и минуту спустя лежала на груди статнаго, загорѣлаго и запыленного гусара.

— Я говорила вамъ, что онъ узнаетъ меня! твердилъ взоръ Евгенин, полный блаженства и обращенный къ отцу, которыйи пришелъ еще въ большее отчаяніе, увидѣвъ какъ эта сцена свиданія заняла мальчишекъ, которые

тутъ же принялись представлять ее. Одинъ занялъ роль поручика, другой лошади его, третій графини и громко смѣявшаяся толпа безпрестанно требовала повторенія этой сцены. Евгенія улыбнулась, раздѣлила между мальчишками всѣ деньги, которыя были у ней въ кошелекѣ и обрадовала отца, сказавъ ему, что она пойдетъ пѣшкомъ съ Этьеномъ, который отдалъ лошадь свою слугѣ. Нѣсколько минутъ раздавались еще въ воздухѣ восклицанія мальчишекъ: «да здравствуетъ статный поручикъ! да здравствуетъ красавица графиня!»

Вскорѣ Евгенія вышла съ женихомъ своимъ изъ толпы.

— Что съ тобой, Этьень? спросила графиня, почувствовавъ пожатіе руки жениха своего, который невольно остановился.—На кого ты такъ пристально смотришь?

Мимо ихъ проходилъ старикъ, котораго велъ подъ-руку слуга. Онъ былъ одѣтъ скромно, но чисто и опрятно. Старикъ часто останавливался, какъ-бы для того, чтобы погрѣться на весеннемъ солнышкѣ; видно было, что зрѣлище проходившихъ солдатъ радовало его.

— Давно уже, сказалъ онъ проводнику своему голосомъ, дрожащимъ отъ дряхлости: давно уже солнышко не было такъ ясно и такъ тепло. Жаль, что оно не свѣтитъ, не грѣетъ въ могилѣ.... тамъ такъ мрачно и холодно.

Онъ пошелъ далѣе.

— Это онъ, сказалъ Этьень шопотомъ.

— О, я узнала его! отвѣчала Евгенія. Этьень, не правда ли, мы завтра же постараемся облегчить участь бѣднаго старика?...

Этьень молча пожалъ руку ея.

— Завтра же, продолжала она: а нето будетъ поздно!... Этьень молча пожалъ ея руку.

— Теперь, Этьень, продолжала она: пойдемъ туда, гдѣ покоится прахъ доброй твоей матери. Я сорву листокъ съ плакучей ивы, осѣняющей могилу ея и буду хранить его какъ святыню. Пойдемъ, Этьень, она благословитъ насъ свыше, и это, вѣрно, принесетъ намъ счастье....

Заходящее солнце бросало послѣдніе лучи свои на счастливую чету; вечерній вѣтерокъ начиналъ уже шумѣть въ древесныхъ листьяхъ. Долго и молча сидѣли молодые лю-

ди на бѣлой мраморной плитѣ, покрывавшей могилу добродѣтельной женщины....

Когда они возвращались въ городъ, то имъ опять попалась толпа мальчишекъ. Опять раздались восклицанія: «да здравствуетъ статный поручикъ и красавица графиня!» Крики эти оглушали Евгенію, а потому она просила Этьена, чтобы онъ заставилъ мальчишекъ замолчать.

— Ты не знаешь берлинскихъ мальчишекъ, возразилъ онъ улыбаясь. Угрозы только увеличатъ зло. Самъ Фридрихъ признаетъ ихъ могущество.

Несмотря на то, что послѣднія слова были сказаны по-италіянски, мальчишки прочли на лицѣ графини неудовольствіе.

— Эй, вы! закричалъ одинъ изъ буйной толпы: слышите ли, графиня не знаетъ по-нашему; она башкирская принцесса и поручикъ похитилъ ее! Кричите громче, авось она что-нибудь пойметъ!... И мальчишки принялись кричать еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ.

— Ты видишь, другъ мой, сказалъ Этьенъ улыбаясь.

— О, я уже однажды пострадала, и, кажется, на этомъ самомъ мѣстѣ, отъ вашихъ уличныхъ мальчишекъ, возразила Евгенія: но это было очень давно. При началіи первой сilesской войны, отецъ мой, бывшій посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, долженъ былъ возвратиться въ Дрезденъ. Около этой самой заставы насъ стала преслѣдовать толпа уличныхъ мальчишекъ. Кучеръ, камердишеры и самъ папенька тщетно приказывали имъ оставить насъ въ покоѣ. Особенно помню я одного предерзаваго мальчишку, который прицѣпилъ сапци свои къ нашему экипажу и ни за что не отпускалъ, хотя кучеръ больно стегнулъ его по лицу кнутомъ. Я помню, какъ мнѣ стало жаль бѣднаго мальчика, я заступилась за него, но онъ отвѣчалъ мнѣ что-то очень грубо....

— Боже мой! вскричалъ Этьенъ съ пзумленіемъ: да развѣ ты не читала записокъ моихъ?

— Странное наказаніе бѣднаго Готлиба произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я не могла читать дальше.

— О, Евгенія, слѣдовательно мы старые знакомые. Посмотри на этотъ значокъ на щекѣ моей; это слѣды отъ удара, нанесеннаго мнѣ кучеромъ!

• — Возможно ли! вскричала Евгенія, сжавъ руку жениха своего.

Сдѣлалось темно, и при свѣтѣ фонарей Этьенъ показалъ графинѣ мѣсто, гдѣ онъ чаще всего игралъ въ шарики. Евгенія просила его, чтобы онъ показалъ ей домъ, гдѣ протекло дѣтство его.

— Въ другой разъ, въ другой разъ, Евгенія! отвѣчалъ поручикъ съ неволью грустнымъ чувствомъ. Они прошли далѣе.

— Видишь ли ты на сѣромъ домѣ свѣтъ? Въ этомъ домѣ жилъ Шлпцаліусъ, а свѣтъ происходитъ....

— Отъ лампы Фрау Курцины! прервала графиня съ живостію. Жива ли она?

— Я думаю, отвѣчалъ поручикъ, потому что подошедъ по-ближе къ лавкѣ, они услышали громкій хриплый женскій голосъ. Евгенія взглянула въ окно и увидѣла старуху, еще бодрую, которая рассказывала сосѣдамъ и прохожимъ, окружившимъ двери лавки о чемъ-то, съ большимъ жаромъ. Она бранила казаковъ, которые хотѣли не платя, ѣсть кислую капусту. ея, бранила адвоката и всѣхъ прежнихъ мужей своихъ; бранила молодыхъ людей, стариковъ, погоду, войну, миръ, магистратъ, Французовъ, прусскихъ генераловъ и самого короля; а мальчишки, которыхъ она безпрестанно отгоняла, по-прежнему распѣвали:

Фрау Курцина, фрау Курцина,
Галка ты образна!

Было поздно, когда молодые люди воротились домой. Графъ, обезпокоенный продолжительнымъ отсутствіемъ дочери и маркизъ де-Кабанисъ, встрѣтили ихъ на крыльцѣ.

Внезапная смерть стараго инспектора Бома заставила отложить свадьбу молодыхъ людей на нѣскольکو недѣль. Между-тѣмъ Фридрихъ очень ласково принималъ графа Мериона и наконецъ изъявилъ желаніе видѣть при дворѣ дочь графа и будущаго зятя его. Маркизъ былъ крайне обрадованъ честію, которую король оказалъ его сыну.

За день до свадьбы, графъ съ Евгеніей и Этьеномъ явился во дворецъ.

Король стоялъ у небольшого мраморнаго столика окруженный величественными полководцами во всевозможныхъ мундирахъ, важными дипломатами и дамами, разряженными со всѣмъ великолѣпіемъ тогдашней моды. Вездѣ видно было шитье, ордена, брилліанты, золото—и посреди всего этого блеску стоялъ Фридрихъ, небрежно одѣтый, съ желтымъ лицомъ, изпещреннымъ морщинами, но съ блескомъ генія въ глазахъ, съ блескомъ, передъ которымъ тусклѣли брилліанты и блѣднѣли самыя яркія краски. Передъ королемъ стояла дама, высокаго росту, въ великолѣпномъ нарядѣ, и о чемъ-то очень живо разговаривала съ монархомъ. Возлѣ нея стоялъ баронъ фонъ-Курцъ, въ почтительномъ разстояніи.

Евгенія ощущала какую-то невѣдомую робость. Колѣни ея подгибались; она машинально подвигалась впередъ. Какое жъ было изумленіе ея, когда дама, разговаривавшая съ Фридрихомъ, оглянулась, ласково кивнула ей и сдѣлала знакъ, чтобы она подошла....

— Это супруга гофмаршала фонъ-Курца, саксонскаго чрезвычайнаго посланника при берлинскомъ дворѣ! произнесъ кто-то тихимъ голосомъ за графиней.

Евгенія не слышала, что говорилъ ей король; онъ сказалъ ей нѣсколько словъ, удивившихъ всѣхъ придворныхъ, не привыкшихъ къ любезностямъ Фридриха. Она пришла въ себя только тогда, когда король обратился къ Этьену.

— Что? спросилъ онъ его: тебѣ всё-еще хочется воевать?

— Ваше высочество, отвѣчалъ Этьенъ: тотъ васъ худо понимаетъ, кто не знаетъ, что вы сами въ душѣ желаете мира.

— Ты на дѣлѣ доказалъ неустрашимость свою, но всё-таки не годишься для военной службы; ты слишкомъ горячъ; все мѣтишь въ фельдмаршалы и забываешь, что не всякому удается быть и генераломъ.

Этьенъ молчалъ; король хотѣлъ уже удалиться, но остановился, и опять обратившись къ поручику, сказалъ ему шопотомъ:

— Я еще въ долгу у тебя. Понимаешь? Проси себѣ какой-нибудь награды. Проси!

— Ваше высочество, проговорилъ Этьенъ, едва слыш-

нымъ отъ внутренняго счастья голосомъ: послѣдними словами я вознагражденъ за все....

— Такъ я жалую тебя въ камергеры. Понимаешь? Я ѣду сейчасъ въ оперу. Ты будешь тамъ съ своей невѣстой? Она прелестна. Поздравляю тебя.

И быстро отвернувшись, Фридрихъ удалился.

Кто могъ быть счастливѣе Этьена? Графъ и баронъ фонъ-Курцъ пожимали ему руку, поздравляли его; супруга гофмаршала, Амалія, обнимала графиню и обращаясь къ дамамъ, окружавшимъ ее, говорила:

— Рекомендую вамъ, mesdames, милую кухню мою, о которой я вамъ говорила. Сдѣлайте одолженіе не сердитесь на нея за то, что она похищаетъ у васъ одного изъ любезнѣйшихъ кавалеровъ. Вы не можете вообразить себѣ, mesdames, какъ мы дружны.... О, обними меня еще разъ, ma chère petite cousine!

Выходя изъ дворца, Евгенія невольно вздрогнула, когда какой-то придворный лакей бросился на шею къ отцу ея, потомъ къ ней, потомъ къ Этьену и какъ помѣшанный отъ радости, кидался, во всѣ стороны.

— Я все слышалъ, все видѣлъ! вскричалъ маркизъ де-Кабанисъ — это былъ онъ! — Фридрихъ поступилъ какъ праведный судья, какъ король! На это только Фридрихъ способенъ, одинъ Фридрихъ! Сынъ мой, камергеръ... Теперь моя очередь. Ступайте, ступайте! послѣ оперы мы увидимся. Ступайте скорѣй, Фридрихъ идетъ!

—

Едва началась опера, какъ двери ложи графа Мерони безпрестанно отворялись. Посланные отъ маркиза являлись одинъ за другимъ, съ порученіями отъ стараго чудака. Онъ просилъ, чтобы Этьенъ и Евгенія не засиживались въ театрѣ, и по-скорѣе возвратились домой. Привыкнувъ къ странностямъ маркиза, они не обратили на это вниманія, и просидѣли до окончанія спектакля; но чрезвычайно удивились, когда подѣзжая къ дому своему увидѣли, что онъ весь былъ илюмпнованъ. По обѣимъ сторонамъ каждой ступени стояли плоски, внутри люстры, канделябры, лампы, подсвѣчники были развѣшаны и разставлены. Корридоры были убраны цвѣтами, апельсинны-

ми и другими душистыми деревьями. Слуги были въ парадныхъ ливреяхъ и самъ маркизь въ новомъ ярко-пунцовомъ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, вышитомъ золотомъ, съ треугольной шляпой на головѣ, сидѣлъ на креслахъ, поставленныхъ на нѣкоторомъ возвышеніи, какъ-бы для того, чтобы придать имъ видъ трона. Передъ нимъ на столѣ лежала шпага. Онъ хотѣлъ торжественно принять вышедшихъ, но не выдержалъ, соскочилъ съ креселъ, обнималъ всѣхъ, плакалъ, рыдалъ, снималъ со свѣчей, усаживалъ всѣхъ по мѣстамъ и, наконецъ, ударивъ по шпагѣ, воскликнулъ:

— Теперь я смѣло могу носить ее! Старый долгъ уплаченъ, честь моя восстановлена. Этьенъ, милый сынъ мой, если ты когда-нибудь поколеблешься, чтобы отдать жизнь за этого великаго короля и за весь домъ его, то проклетіе мое и всѣхъ предковъ твоихъ, до Гуго Капета, падеть на тебя! Тутъ справедливость, милость, истина, *lux in aeternum!*... Я встрѣтилъ его на лѣстницѣ, онъ только-что хотѣлъ садиться въ карету:

— Ваше высочество! закричалъ я ему: требую справедливости!

— Кто ты?... Ты не лакей! вскричалъ король: орлиный взглядъ его узналъ подъ ливреей, дворянина.

— Non, sire, je suis un outrage, возразилъ я.

— Мнѣ надо вѣхать въ оперу....

— Дайте мнѣ сатисфакцію!

— Какую тебѣ сатисфакцію? И Фридрихъ засмѣялся.

— Ваше высочество, я отецъ поручика и камергера Этьена де-Кабаниса.... Я тотъ несчастный, на котораго опустилась рука отца вашего. Рука эта теперь скелетъ: она не можетъ возвратити мнѣ чести моей. Эта же рука, ваше высочество! вскричалъ я, схвативъ руку короля: это рука побѣдоноснаго героя и отъ нея требую я удовлетворенія!... Фридрихъ нахмурился, пристально посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Ты, кажется, перемѣнилъ вѣру?

— Точно такъ, ваше высочество: но развѣ католикъ не вправе требовать отъ васъ удовлетворенія?

— Хорошо, хорошо, послѣ оперы, завтра, послѣ завтра, когда-нибудь....

— Ваше высочество, итальянская опера и плясумы не убьютъ отъ васъ, потому что вы надѣли на нихъ золотыя кандалы.... Не бѣда, если васъ и подождутъ минутъ пять, между-тѣмъ какъ я ждать не могу: я старъ и могу умереть черезъ пять минутъ....

— Правда, правда, сказалъ король призадумавшись: что же тебѣ нужно? Ты обиженъ,—не такъ ли?—отцомъ моимъ, и я долженъ отвѣчать за него. Чего же ты требуешь?

— Государь, вскричалъ я: я требую, чтобы вы возвратили мнѣ честь, какъ возвратили ее сыну моему.

— Не хочешь ли ты, чтобы я и тебя сдѣлалъ камергеромъ?

— Я камергеръ двора его высочества короля Сардинскаго.

— Не требуешь ли ты денегъ?

— Я богатъ.

— Денегъ бы ты и не получилъ отъ меня, замѣтилъ король засмѣявшись. Какое жъ тебѣ дать удовлетвореніе?

Я задрожалъ и бросилъ взглядъ на шпагу Фридриха.

— А-га! сказалъ онъ: въ тебѣ, я вижу, течетъ дворянская кровь. Обнажай шпагу, защищайся!

— Государь, вскричалъ я внѣ себя и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ невыразимой радости, государь! Я не ношу шпаги съ-тѣхъ-поръ, какъ....

— Всѣ-равно! отвѣчалъ Фридрихъ, обнаживъ шпагу, сталъ во вторую позицію, коснулся до меня остриемъ и спросилъ:—Удовлетворенъ ли ты теперь?

— Государь, я не смѣлъ ожидать такого счастья! закричалъ я, бросился ему въ ноги, цѣловалъ сапоги его и выплакалъ бы на нихъ послѣднія слезы свои, если бъ онъ не отдернулъ ноги..... не вставая прислушивался я къ удалявшимся шагамъ короля.... Друзья мои, друзья мои! Понимаете ли вы мое счастье? Со мной дрался Фридрихъ, Фридрихъ великій, Фридрихъ единственный!...

Этѣнъ долженъ былъ надѣть отцу своему шпагу и торжественное волненіе старика какъ-бы невольно сообщилось всѣмъ присутствовавшимъ. Растроганнымъ голосомъ благословилъ старикъ дѣтей своихъ.....

На другой день была свадьба.

Радость была общая и она еще болѣе увеличилась, когда вдругъ передъ самымъ обѣдомъ совершенно неожиданно явился Фридрихъ. Онъ поздравилъ молодыхъ и назвалъ Этьена однимъ изъ храбрѣйшихъ своихъ офицеровъ. Посѣщеніе короля было непродолжительно; онъ зашелъ мимоѣдомъ, отправляясь въ Потсдамъ, но маркизъ сталъ съ-тѣхъ-поръ утверждать, что весь домъ дрожитъ отъ радости, почему впоследствии и велѣлъ срыть его и на этомъ самомъ мѣстѣ выстроилъ огромное, великолѣпное зданіе.

Еще надобно замѣтить, что въ самый день свадьбы, рано утромъ, явился на кухню плѣшивый, худощавый старикъ, Италіянецъ, который настоятельно требовалъ, чтобы ему позволили приготовить бывшему ученику своему поленту....

II. ФУРМАНЪ.

=

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

на дѣла

И Р Л А Н Д І И.

=

Въ нынѣшнее время вниманіе всей Европы возбуждено въ высочайшей степени страннымъ зрѣлищемъ, которое представляютъ Ирландія и Англія, готовая дойти до величайшихъ крайностей въ ссорѣ; которая многимъ на твердой землѣ кажется настоящею загадкою. Чтобы вполне постигнуть сущность этой распри, надобно знать подробности историческаго хода соединенія этихъ двухъ странъ, то, какимъ образомъ Англія завоевала Ирландію, духъ законодательства покоренной страны, измѣненія, которыя произведены въ немъ въ послѣдствіи. Тѣ, которые толкуютъ о послѣднихъ событіяхъ въ Ирландіи, судятъ о нихъ болѣею частію ложно, потому что не потрудились познакомиться съ событіями прежнихъ временъ, изслѣдовать источникъ борьбы, въ которой, по-видимому, принимаютъ столь живое участіе. Впрочемъ, участіе къ судьбѣ Ирландіи происходитъ болѣею частію не отъ искренняго состраданія къ соотечественникамъ О'Коннелла, а отъ болѣе или менѣе скрытной ненависти къ Англіи. Тѣ, которые всего болѣе толкуютъ объ ирландскихъ дѣлахъ, очень бы затруднились, если бы ихъ спросили въ чемъ состоятъ эти страданія и до какой степени справедливы жалобы и требованія Ирландцевъ. Общее мнѣніе на твердой землѣ вообще не располо-

жено въ пользу Англій. Крайнія партіи, ни въ чемъ несогласныя между собою, дружно ненавидятъ Англію. Умѣренныя партіи любятъ ее—по теоріи, но на практикѣ совсѣмъ не расположены къ ней. Одни только люди, которые въ состояніи возвыситься надъ страстями толпы, питаютъ къ англійской націи уваженіе, котораго вполне заслуживаетъ одинъ изъ величайшихъ народовъ въ мірѣ, нація, которая весьма сильно содѣйствовала матеріальному и нравственному развитію человѣчества. Массы почти вездѣ расположены къ ней враждебно, по соперничеству въ промышленности и торговлѣ. Политическія партіи во Франціи, въ Германіи, въ Италіи и другихъ странахъ, враги постепеннаго и умѣреннаго развитія человѣчества, также почитаютъ Англію своею самой страшною противницей. Для первыхъ она горнило, гдѣ вырабатываются революціи; другіе, съ болѣею основательностію, считаютъ англійскую аристократію основнымъ камнемъ общественнаго европейскаго здания и самую важную препоною въ достиженіи своихъ демократическихъ цѣлей. Не мудрено, что при такихъ положеніи вещей, особенно когда къ этому примѣшается названіе исторіи, почти всѣ цдохо публицисты принимаютъ борьбу между Ирландіею и Англіею и публицисты толкуютъ о ней вкривъ и вкосъ.

Мы намѣрены бросить бѣглый взглядъ на исторію знаменитыхъ сношеній британскихъ острововъ и, можетъ-быть, эту статью съ удовольствіемъ прочтутъ въ такое время, когда всѣ публицисты разсуждаютъ о процессѣ О'Коннелла и газеты наполнены описаніемъ малѣйшихъ его подробностей.

Списокъ бѣдствій Ирландіи очень длиненъ. Семь столѣтій эта несчастная страна терпѣла всѣ роды угнетеній. Прежде всего является въ этомъ спискѣ завоеваніе Ирландіи викингами, и угнетеніа кельтическаго племени племенемъ англо-норманскимъ. Завоеваніе совершено было довольно страшнымъ образомъ: островъ бѣднѣй, почти дикій, лезавшій подлѣ Англій, не обращалъ на себя вниманія ея правительства; но и оны годился знаменитому Нормандцамъ для того, чтобы имѣть удовольствіе повоевать тамъ. Они предприняли на свой собственный счетъ въ

скалко экспедицій въ ту страну, завоевали часть острова, построили тамъ укрѣпленные замки и образовали, подъ покровительствомъ Англіи, родъ феодальной колоніи. Вскорѣ въ этой части острова начали строиться города и явилось особенное правительство, имѣвшее свои права и преимущества. Завоеватели были Англичане, но составили нѣкоторымъ образомъ отдѣльный народъ, повиновавшійся тому же государю и этотъ народъ всё болѣе и болѣе распространялъ свои завоеванія и покорялъ себѣ туземцевъ. Исторія этого времени представляетъ непрерывный рядъ войнъ и возмущеній, которыя часто возобновляли всё бѣдствія первоначальнаго завоеванія. Ирландія среднихъ вѣковъ, всегда побѣждаемая, никогда не была вполне поработана. Могушественные норманскіе бароны, которые распространили свое владычество по всей Англіи и уничтожили даже тѣнь саксонской національности, ни какъ не могли утвердить своего господства на томъ же основаніи по ту сторону канала Святаго Георгія. Обширныя болота Ирландіи и дремучіе лѣса, покрывающіе западную часть ея, особенно Коннахтъ, нѣсколько вѣковъ представляли надежное убѣжище непокорнымъ Целтамъ и дали имъ возможность, цѣною бѣдности и всѣхъ возможныхъ лишеній, сохранить свою дикую независимость.

Съ царствованія Генриха Второго и до Елисаветы, исторія Ирландіи не что иное какъ цѣпь возмущеній, то погашаемыхъ, то снова вспыхивающихъ. Во все это время, Англичане, можно сказать, не селились, а стояли лагеремъ въ Ирландіи. Владычество ихъ никогда не простиралось далѣе Листерта, провинціи, самой близкой къ Англіи. Далѣе этихъ предѣловъ они только производили набѣги, изъщеснія или для добычи. Три четверти Ирландіи провели четыре вѣка въ непрерывной войнѣ; туземцы часто терпѣли пораженія, но покорены никогда не были. Въ той-то непрерывной борьбѣ образовался энергичней, гордый характеръ Ирландцевъ. Привычка, приобретенная въ непрестанныхъ битвахъ обязанъ они дивной гордостью, по которой, уже и лишившись возможности матеріальнаго совершенстванія, они умѣли сохранить неприменно-

словесными, даже до нашего времени, свои національные нравы, вѣру, физиономію.

Многіе публицисты восхищаются усиліями Ирландцевъ сохранить свою независимость, но надобно признаться, что для этого народа было бы гораздо лучше, если бы Англичане совершенно покорили его еще во времена Генриха Второго. Утвердивъ свое владычество надъ коренными жителями, норманскіе бароны не считали бы уже себя предводителями войска, расположеннаго въ землѣ завоеванной; они современемъ полюбили бы свое новое отечество и одарили бы его мудрыми законами, которые, еще въ средніе вѣки, упрочили благосостояніе Англій. Четырехъ вѣковъ было бы слишкомъ достаточно для того, чтобы племя завоевателей слилось съ племенемъ покоренныхъ, такъ что когда во время реформацій, вспыхнула религиозная война, къ ней не примѣшивалась бы національная ненависть.

Начиная съ царствованія Елисаветы, къ гоненію политическому присоединилось гоненіе религиозное. Ирландцы, изъ ненависти къ завоевателямъ, не хотѣли принять протестантской вѣры Англичанъ, хотя тѣ употребляли и угрозы и обольщенія, чтобы заставить ихъ отказаться отъ католицизма. При Елисаветѣ они боролись явно, открытой силою; но были побѣждены и при Іаковѣ Первомъ, при Карлѣ Первомъ оказывали сопротивление скрытое и страдали отъ надменнаго владычества послѣдней изъ Тудоровъ столько же, какъ и отъ жестокостей Стюартовъ.

Когда началась парламентская революція, Ирландцы подумали, что это самое удобное время для того, чтобы отмстить Англичанамъ, которыхъ они въ то время считали не только притѣснителями, но гнусными еретиками. Они поднялись всѣ до одного, чтобы истребить своихъ завоевателей и произвели ужаснѣйшія убійства. За страшнымъ мятежемъ 1641 года послѣдовали войны еще болѣе ужасныя и месть кровавая. Дикая жестокость республиканскихъ генераловъ, судебныя злодѣянія Кромвелля, если не оправдывали, то по-крайней-мѣрѣ заставляли забывать преступленія, совершенныя инсургентами.

При возстановленіи дома Стуратовъ, Ирландія страдала и волновалась, но не прибѣгала къ насиліямъ. Она питала тайную, какъ-бы инстинктивную, привязанность къ Стуратамъ, хотя Карлъ Второй, не столько по злости, какъ по слабости характера, предалъ своихъ вѣрныхъ католическихъ подданныхъ тиранству англійскихъ протестантовъ.

Послѣ революціи 1688 года, Ирландія еще разъ попыталась завоевать свою независимость. Она сражалась за своего короля, за свою вѣру, за свое политическое существованіе, но счастье, по-прежнему, ей не благопріятствовало. Ирландцы, разбитые на-голову въ Боннскомъ сраженіи, снова, безъ силы и безъ всякихъ средствъ сопротивленія, подпали подъ власть побѣдителей протестантовъ.

Битва Боннская и взятіе Лиммерика, были послѣдними дѣйствіями гражданскихъ и религіозныхъ войнъ, терзавшихъ Ирландію впродолженіи цѣлыхъ шести столѣтій. Англійское владычество непоколебимо утвердилось на всемъ островѣ. Даже Коннахтъ, послѣднее убѣжище непокорныхъ Ирландцевъ, былъ совершенно порабощенъ. Начиная съ 1690 года, войны и матеріальныя насилія прекратились; но вмѣсто ихъ явилось законное тиранство и судебное притѣсненіе. Богатые помѣщики, владѣльцы укрѣпленныхъ замковъ, граждане главныхъ торговыхъ городовъ, военные и гражданскіе чиновники, были или Англичане и протестанты, или Цельты, измѣнявшіе вѣрѣ своихъ предковъ, и принявшіе новую религію съ обыкновеннымъ фанатизмомъ новообращенныхъ. Собственно народъ состоялъ изъ однихъ бѣдняковъ и сохранилъ католическую религію. Надобно впрочемъ признаться, что эта вторая часть ирландской націи была тогда совершенно ничтожна, невѣжественна, суевѣрна и чрезвычайно безпокойна. Все народонаселеніе острова составляло не болѣе милліона душъ, и самая богатая, дѣятельная, промышленная, просвѣщенная часть его была ревностно привязана къ протестантской религіи. Законы, которыми управлялась Ирландія, были составлены протестантами: само собою разумѣется, что они писали ихъ для себя, чтобы упро-

чить свое владычество и обуздывать католиковъ, еще слишкомъ склонныхъ къ дикой независимости своихъ предковъ.

Въ царствованіе Вильгельма Третьяго и королевы Анны мало-по-малу составлялось чудовищное законодательство, известное подъ названіемъ уголовного уложенія, котораго явною, признанною цѣлю было удерживать католиковъ въ нищетѣ и униженіи, нарушая ихъ публичные и частныя права, оскорбляя ихъ вѣрованія и самыя привязанности. Считаемо излишнимъ приводить здѣсь подробности этого варварскаго кодекса: Съ-тѣхъ-перъ какъ публика занимается Ирландіей, газеты обратили общее вниманіе на главныя ея постановленія.

Слѣдствія этихъ законовъ были пагубны. Съ Ирландіей поступали жестоко въ томъ убѣжденіи, что она не успеетъ, пока народъ не будетъ мало-по-малу принужденъ принять протестантскую религію и не будетъ падать подъ вліяніемъ болѣе просвѣщеннаго духовенства. Все это было бесполезно: католицизмъ не только не ослабѣвалъ, но укрѣплялся ненавистью бѣдныхъ къ религіи богатыхъ. Всѣ усилія заставить Ирландцевъ принять протестантскую вѣру были тщетны. Уголовныя законы, именуемые религіознымъ фанатизмомъ, мало-по-малу лишились своего первоначальнаго характера, и сдѣлались, въ рукахъ ирландскихъ протестантовъ, средствомъ гражданскаго преобладанія. Впродолженіи болѣеи части семнадцатаго столѣтія, поселянинъ католикъ былъ настоящимъ рабомъ своего господина, протестанта. Законы исполнялись такимъ образомъ, что ему тогда труднѣе было добиться правосудія отъ протестантскаго судьи, чѣмъ нынѣ невольникамъ въ колоніяхъ отъ европейскыхъ судей. Въ весь этотъ періодъ Ирландія представляла самое прискорбное зрѣлище, какое только можетъ встрѣтиться глазу наблюдателя въ образованномъ обществѣ: богатые угнетали бѣдныхъ, владѣльцы земель притѣсняли работниковъ, и все это на основаніи религіозныхъ законовъ, исполняемыхъ протестантскими правителями и судьями.

Размышляя о вліяніи какое все это должно было проводить на взаимныя сношенія различныхъ классовъ обще

ства, легко понимаешь отчего происходить затруднительность нынѣшняго положенія Ирландіи и ясно видишь, откуда простекають глубокая антипатія, непрерывной противоборство, существующія и понынѣ, хотя уже всѣ уголовные законы отмѣнены, отчего и понынѣ Ирландскій поселянинъ и помѣщикъ совершенно чужды другъ другу. Вотъ въ чемъ заключается главное препятствіе, встрѣчаемое людьми, которые искренно желали бы содѣйствовать нравственному и матеріальному улучшенію этой несчастной страны.

Перечитывая описаніе столькихъ бѣдствій, столь долго-временнаго угнетенія, невольно начинаешь строго судить о народѣ, который былъ виновникомъ всего этого или по-ирландскій-мѣръ сообщникомъ своихъ правителей. Но подвѣргая это благородное негодованіе холодному разбору разсудна, не можешь не сознаться, что Англичане временъ Вильгельма Третьяго и королевы Анны, совсѣмъ не такъ виновны, какъ кажутся, когда судишь о нихъ по понятіямъ и чувстваваніямъ деовинадцатаго столѣтія. Законы противъ Ирландскихъ католиковъ были дѣломъ не Англичанъ, но самихъ Ирландцевъ, протестантской части народонаселенія острова и, надобно замѣтить, что она главнѣйше состояла изъ туземцевъ. Ирландія управлялась своими собственнымъ парламентомъ, и всѣ члены его были протестанты. Англійскіе протестантскіе парламентъ и правительство, только поддерживали своимъ могуществомъ національное правительство Ирландіи. Угнетая католиковъ, употребляя всѣ средства, чтобы сдѣлать отправление ихъ религіи не только затруднительнымъ, но даже уничтожительнымъ, государственные люди того времени не сознавали преступленія, которое совершали противъ человечества; они только соображались съ тогдашними мнѣніями, строго примѣняли на дѣлѣ правила нетерпимости, противъ которыхъ никто въ Европѣ не возставалъ. Прежде нежели осудимъ ихъ, вспомнимъ, что они были современниками благочестивыхъ прелатовъ, по настоянію которыхъ отмѣненъ «Нантскій эдиктъ» и что они жили въ такое время, когда изданіе «Чернаго кодекса» было почитаемо дѣломъ, истинно филантропическимъ.

Въ первой половинѣ осьмнадцатаго столѣтія духъ вѣро

терпимости сдѣлалъ большіе успѣхи въ Великобританніи. Современники Лока и Юма не могли питать ненависти къ иновѣрцамъ, которою одушевлены были послѣдователи Мильтона. Поэтому всѣ образованные люди въ Англіи мало-по-малу стали смотрѣть съ настоящей точки зрѣнія на уголовные законы тяготѣвшіе надъ ирландскими католиками и общее мнѣніе съ возрастающимъ жаромъ требовало отмѣны этихъ варварскихъ постановленій.

Въ Дублинѣ былъ особый ирландскій парламентъ, но политическія преобразованія на дѣлѣ зависѣли отъ Англіи. Ирландское законодательное собраніе, на основаніи статутовъ, изъ которыхъ самый древній носитъ имя Пойннинга, намѣстника Генриха Седьмого, до такой степени зависѣло отъ лондонскаго правительства, что оно, собственно говоря, было не чтѣ иное какъ орудіе въ рукахъ его. Пока партія Стуартовъ сохраняла еще признаки жизни, для ирландскихъ католиковъ ничего не хотѣли сдѣлать, потому что они считались самыми ревностными приверженцами этой партіи. Но когда она совершенно исчезла, правительство стало выказывать болѣе благопріятное расположеніе къ нимъ. Однакожъ только въ 1778 году, когда война за независимость Америки потрясла въ Англіи власть министерства лорда Норта, приверженцы вѣротерпимости могли наконецъ разрушить часть чудовищнаго зданія уголовныхъ законовъ, воздвигнутаго въ Ирландіи по ненависти къ католикамъ.

Не одна отмѣна уголовныхъ законовъ была слѣдствіемъ американской революціи; она въ-особенности произвела сильное вліяніе на ирландское народонаселеніе Ирландіи. До того времени оно терпѣливо сносило политическое владычество Англіи, безъ котораго и не могло бы силою поддерживать свои религіозныя преимущества и свое гражданское господство надъ католическимъ народонаселеніемъ. Ирландскіе протеставты жертвовали своими политическими правилами для того, чтобы имѣть средства держать въ рабствѣ земляковъ своихъ, исповѣдовавшихъ другую вѣру. Движеніе, произведенное въ умахъ событіями великой борьбы Америки съ Англіею, и распространеніе идей вѣротерпимости, измѣнили расположеніе умовъ ир-

ландскихъ протестантовъ и побудили ихъ требовать болѣе национальной независимости.

Обстоятельства имъ чрезвычайно благопріятствовали. Регулярныя войска были почти все въ колоніяхъ и потому англійское правительство, чтобы защитить Ирландію отъ угрожавшей ей высадки, принуждено было обратиться къ достаточнымъ классамъ ирландскаго народонаселенія, состоявшимъ почти исключительно изъ протестантовъ и образовать изъ нихъ отряды милиціи, которые приняли названіе соединенныхъ-волонтеровъ. Эти отряды составляли довольно значительный корпусъ: онъ предохранялъ Ирландію отъ войны съ иностранцами, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ англійскаго парламента уравниенія Ирландіи въ политическихъ правахъ съ Англіею и требовалъ такъ, что отказать было невозможно.

Торжество волонтеровъ совершилось въ 1782 году. Министерство Фокса объявило, что англійскій парламентъ никогда не имѣлъ права издавать законовъ для Ирландіи и нарушать независимость ирландскаго парламента. Это значило отказаться, по-крайней-мѣрѣ оффиціально, отъ всякаго владычества надъ Ирландіею, даже отъ всякаго вліянія на эту страну. То было совершенное освобожденіе Ирландіи, уничтоженіе оеки, которую Англія присвоила себѣ надъ этой страной.

Движеніе въ 1782 году было чисто протестантское; католики принимали въ немъ только страдательное участіе, одобряли его, но существенно ему не содѣйствовали. Однако жъ патріотическій подвигъ волонтеровъ, по-крайней-мѣрѣ въ минуту торжества, не могъ не имѣть вліянія и на судьбу католиковъ. Поэтому первымъ дѣйствіемъ ирландскаго парламента, сдѣлавшагося независимымъ, была отмена части уголовныхъ законовъ, оставшихся послѣ переворота 1778 года.

Какъ невыгоденъ былъ для Ирландіи мирный переворотъ 1782 года, онъ однако жъ далеко не обезпечилъ независимости ирландской націи. Правда, ирландскій парламентъ объявленъ независимымъ и во всемъ равнымъ парламенту англійскому; но такъ какъ составъ его не былъ преобразованъ, то и перемѣна была весьма незначительна. Ирланд-

ская нижняя палата состояла большею частью изъ представителей такъ-называемыхъ «гнилыхъ мѣстечекъ» и городскихъ сословій, весьма немногочисленныхъ и совершенно преданныхъ протестантскому дѣлу. Палата состояла изъ трехъ сотъ членовъ, а графства избирали только двадцать четыре изъ нихъ; города, имѣющіе больше шести тысячъ жителей, около пятидесяти членовъ; остальные были избираемы богатыми владѣльцами мѣстечекъ, а эти владѣльцы жили большею частью въ Англіи и находились въ совершенной зависимости отъ министерства.

Безъ преувеличенія можно сказать, что ирландскій парламентъ, даже и послѣ 1782 году, былъ сословіемъ самымъ продажнымъ и недобросовѣстнымъ. Конечно, и въ немъ были исключенія, имена незапятнанныя, какъ напримѣръ, Генри Гратема, лорда Чарльмонта, люди, на которыхъ не могло падать ни малѣйшее подозрѣніе; но эти рѣдкіе примѣры дѣлаютъ еще болѣе разительною безсовѣстностію большинства.

Добившись національной независимости, соединенные-волонтеры стали требовать парламентской реформы; но дѣйствовали въ этотъ случай уже не съ такимъ жаромъ и не съ прежнимъ единодушіемъ. Многіе изъ нихъ боялись приступить къ внутреннимъ преобразованіямъ на основаніи правилъ справедливости, чувствуя очень хорошо, что это повело бы къ уравниенію католиковъ въ правахъ съ протестантами, чего, конечно, нежелалъ никто изъ нихъ. Однако жъ, такъ какъ идея вѣротерпимости все болѣе и болѣе распространялась, то весьма вѣроятно, что искренніе ирландскіе реформаторы восторжествовали бы наконецъ надъ религіозными предрасудками и непріязнью, если бъ война съ французскою республикою не остановила правильнаго теченія преобразованій въ Англіи. Государственные люди этой страны чувствовали необходимость измѣненій въ законодательствѣ, требуемыхъ духомъ времени. Известно, что Питтъ, министръ короля, который не любилъ нововведеній, объявилъ однако жъ, еще въ 1785 году, что въ парламентъ должно быть произведено рѣшительное преобразование. Онъ, вѣроятно, и произвелъ бы его еще до

Французской революціи, если бъ его не остановили болѣзнь Георга Третьяго и явное нерасположеніе принца Валлійскаго.

Если бы Питту удалось осуществить въ Англіи свой планъ парламентскаго преобразованія, онъ, безъ-сомнѣнія, распространилъ бы его и на Ирландію, а эта мѣра была бы для нея величайшимъ благодѣяніемъ, потому что невозможно было бы коснуться политическаго зданія, воздвигнутаго тамъ протестантами на основаніи искусственномъ, не довольно широкомъ; не признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ правъ католической части народонаселенія и не уравнявъ ее съ остальною. До-тѣхъ-поръ католики не могли занимать никакихъ гражданскихъ должностей, не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Впрочемъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ это не казалося такою чудовищною несправедливостію; какъ нынче. Народонаселеніе острова было весьма незначительно и католическую религію исповѣдывали только низшіе, невѣжественные классы общества. Но съ того времени народонаселеніе быстро возрастало, промышленность обогатила множество католическихъ фамилій, просвѣщеніе распространилось между классами самыми необразованными: Устранять долге католиковъ отъ участія въ общественныя дѣлахъ было невозможно.

Если бъ парламентское преобразование и уравниеніе въ правахъ католиковъ съ протестантами были произведены до 1792 года, когда еще революціонный страсти не волновали этой страны и не возмущали слова вѣковой ненависти между различными племенами, населявшими Ирландію, то это избавило бы ее отъ длиннаго ряда страданій и несчастій. Но Провидѣнію не угодно было, чтобы эти благодѣтельные мѣры осуществились въ то время.

Французская революція застала ирландскихъ реформаторовъ въ самомъ началѣ поврѣща и остановила ихъ успѣлія. Въ 1790 году они еще добились отмены остальныхъ уголовныхъ законовъ, тяготѣвшихъ надъ католиками и доставили имъ право подавать голоса на выборахъ: это была уже уступка огромная, и она, конечно, повела бы къ совершенному уравниенію, если бъ Ирландія не остановилась на пути правильнаго и мирнаго возрожденія, на поприщѣ, которое открыла Американская война.

Ненетовства демократическаго духа во Франціи, гнусныя ужасы 1793 года произвели рѣшительное противодѣйствіе въ богатыхъ и образованныхъ классахъ Англіи и Ирландіи. Волонтеры были распущены безъ малѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны; предводители ихъ даже и не протестовали противъ этой мѣры. Всѣ, которые въ 1782 году были реформаторами, сдѣлались рѣшительными охранителями, какъ-скоро анархическая пропаганда французскаго конвента начала потрясать общественный порядокъ въ самомъ основаніи. Между-тѣмъ событія во Франціи, разстроившія высшіе классы партій реформаторовъ, устремили остатки этой партій на путь революціи. Нѣкоторые изъ прежнихъ волонтеровъ составили тайное общество подъ названіемъ Соединенныхъ-Ирландцевъ и старались привлечь къ себѣ низшіе классы безъ различія исповѣданія и происхожденія, чтобы испровергнуть весь общественный порядокъ. Ультра-демократическій и республиканскій духъ этого общества, его явное намѣреніе послѣдовать примѣру Франціи, удалило отъ него всѣхъ людей, которые по своему просвѣщенію, характеру или богатству занимали въ свѣтѣ почетное мѣсто.

Соединенные-Ирландцы, ослѣпленные своими страстями, заблуждаясь насчетъ своихъ силъ, даже насчетъ числа своихъ членовъ и особенно, надѣясь на сильное пособіе со стороны Франціи, попытались въ 1798 году произвести революцію. Въ результатѣ этой попытки нельзя было и сомнѣваться. Не имѣя ни предводителей, ни опредѣленнаго направленія, ни заранѣе принятыхъ плановъ, инсургенты только производили ужасныя безпорядки и метили тѣмъ, которыхъ считали своими врагами, особенно же Англичанамъ. Они нигдѣ не могли устроить порядочнаго сопротивленія и разсѣялись почти безъ битвы, какъ-скоро англійская армія выступила въ поле.

Правительство поступило съ ними строго: наказаніе походило болѣе на отщепеніе, чѣмъ на справедливое возмездіе подданнымъ, которые вовлечены были въ заблужденіе. Какъ бы то ни было, англійское правительство достигло своей цѣли. Революціонный духъ былъ подавленъ, и реформаторская партія почти совсѣмъ уничтожена.

Инсуррекция 1798 года доставила великому министру, управлявшему тогда судьбами Англии, Питту, предлогъ и средства къ исполненію плана, который, онъ, по всей вѣроятности, давно уже замыслилъ. Ведя борьбу на-смерть съ Франціею, онъ, вѣрно, не-разъ имѣлъ случай замѣтить, какииъ опасностямъ подвергала Англію законодательная независимость Ирландіи и, конечно, желалъ соединить дублинскій парламентъ съ лондонскимъ. Общее мнѣніе въ Англии было сильно расположено въ пользу этой мѣры и парламентъ доставилъ министру все средства для ея исполненія.

Но надобно было преодолѣть важное затрудненіе: необходимо было истребовать на это согласіе ирландскаго парламента и заставить его произнести смертный приговоръ себѣ самому. Питтъ думалъ-было рѣшить дѣло явной борьбою; но это ему не удалось. Первый проектъ законодательнаго союза, представленный въ 1799 году, былъ отвергнутъ ирландскою нижнею палатою. Тогда министерство прибѣгло къ мѣрѣ, которая всегда удавалась въ дублинскомъ парламентѣ: оно начало производить подкупы въ огромномъ размѣрѣ. Питтъ купилъ множество «гнилыхъ мѣстечекъ»; раздавалъ мѣста, почести, пенсіоны, и въ какой-нибудь годъ пріобрѣлъ такой успѣхъ, что билль о соединеніи ирландскаго парламента съ англійскимъ былъ утвержденъ большинствомъ ста-шестидесяти-осьми голосовъ противъ семидесяти-трехъ.

Остановимся на минуту, чтобы рассмотреть этотъ знаменитый актъ, который служитъ теперь, если не причиною, то по-крайней-мѣрѣ предлогомъ къ волненію въ Ирландіи. Не станемъ разбирать дѣйствій и достоинствъ людей, принимавшихъ участіе въ этомъ событіи, но постараемся изслѣдовать, дѣйствительно ли эта мѣра такъ незаконна и несправедлива въ отношеніи къ Ирландіи, какъ обыкновенно говорятъ, и заслуживаетъ ли она упреки и ругательства, которыми осыпаютъ ее О'Коннель съ братіей.

Мѣра, сама по себѣ, была полезна. Соединяя ирландскій парламентъ съ англійскимъ, Питтъ не дѣйствовалъ исключительно въ пользу какой-либо политической партіи

или религиозной секты. Онъ старался собрать подъ своимъ Вестминстера все совѣщательныя собранія не для того, чтобы поработить Ирландію, чтобы заставить ее повиноваться своей деспотической волѣ. Для этого не стоило бы и трудиться: онъ очень хорошо зналъ, что ирландскій парламентъ, въ тогдашнемъ своемъ составѣ всегда будетъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ умнаго министра. Инсуррекция 1798 года показала ирландскимъ протестантамъ, которые одни пользовались политическими правами, что безъ помощи англійскихъ штыковъ, они сдѣлались бы жертвами ненависти и жадны къ мести, которыми одушевлены огромное большинство католическаго народонаселенія. Поэтому чувство собственной слабости доставляло партію, изъ которой исключительно состоялъ ирландскій парламентъ, въ совершенную зависимость отъ лондонскаго кабинета. Если бы Питтъ хотѣлъ только господствовать въ Ирландіи, то ему стоило бы лишь объявить дублинскому парламенту, что англійское министерство не будетъ болѣе защищать его противъ католиковъ, и парламентъ, чтобы не лишиться его покровительства, сдѣлалъ бы все, что ему было угодно. Но не такова была идея его. У него была мысль великая. Соединяя подъ однимъ правительствомъ оба острова, раздѣленные между собою каналою Святаго Георгія, онъ надѣялся подкрѣпить могущество Великобританіи, которое подвергалось тогда сильнымъ ударамъ. Онъ осуществлялъ идею одного изъ людей, которые наилучшимъ образомъ понимали науку правленія, Кромвелля: тотъ, за два вѣка передъ тѣмъ, тоже хотѣлъ слить ирландскій и англійскій парламенты въ одно словіе. Первою мыслью Питта было усилить правительство, сдѣлавъ законодательную власть общею обѣимъ странамъ; но онъ хотѣлъ также принести пользу Ирландіи, избавивъ ее отъ господства протестантской партіи, слѣпой и несправедливой. Онъ хотѣлъ, посредствомъ соединеннаго парламента, доставить католикамъ совершенное уравненіе въ правахъ, чего никогда не добился бы отъ отдѣльнаго ирландскаго парламента. Питтъ не исполнилъ этого прекраснаго плана по тому только, что не могъ преодолѣть сопротивленія Георга Третьяго, особенно въ такое время, когда могущество Франціи угрожало самой Англійи.

Вообще этого значащаго государственнаго челоѣка плохо понимаютъ. Питтъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, и никогда не былъ зараженъ религіозною нетерпимостію. Конечно, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые пристращаются къ своимъ мечтамъ, и, какъ-скоро рѣчь идетъ о любимыхъ ихъ предметахъ, не обращаютъ вниманія ни на какія препятствія, ни на неудобства, которыя можетъ повлечь за собой ихъ завѣтная идея. Онъ не походилъ на тѣхъ отважныхъ и пустозвонныхъ полтиковъ, которые, опираясь на гуманитарныя, неисполнимыя идеи, хотятъ перестроить все общественное зданіе сверху до-низу. Питтъ былъ геній глубокій и холодный, одушевленный только любовью къ отечеству. Вступивъ на поприще, онъ тотчасъ увидѣлъ, какія части зданія требуютъ поправки и вознамѣрился перемѣнять ихъ. Если бъ онъ управлялъ Англіею во время мирное и спокойное, то былъ бы реформаторомъ подобно Пилю и Каннингу, соединяя въ себѣ одномъ смѣлость и обширность замысловъ втораго съ благоразуміемъ и довкостью перваго. Но какъ-скоро началась буря французской революціи, Питтъ, съ обыкновенной проникательностью высшихъ умовъ, угадалъ какія буйства произведетъ разнузданный духъ демагогіи и какииъ опасностями подвергнетъ онъ всю Европу. Осторожный министръ тотчасъ отложилъ свои планы преобразованій, чтобъ быть въ готовности встрѣтить бурю. Онъ понялъ, что при разлитіи революціонныхъ идей, которыя могли проникнуть и въ Англію, не благоразумно было бы ослабить уваженіе націй къ историческимъ преданіямъ, перестроивъ части зданія, освященнаго вѣками. Какъ-скоро революція начала угрожать Европѣ, Питтъ, чтобъ удержать пожаръ въ предѣлахъ несчастной страны, гдѣ онъ начался, объявилъ войну Франціи. Онъ обратилъ все свои силы на этотъ главный предметъ и пожертвовалъ ему всеи другими политическими видами. Такимъ образомъ онъ спасъ общественный порядокъ въ Европѣ и удержалъ цивилизацію въ границахъ правильнаго, постепеннаго развитія, въ которыя она до того заключалась. Угнетать Ирландію онъ и не думалъ. Это доказывается и самымъ актомъ законодательнаго соединенія двухъ частей Великобританіи.

Главные постановленія этого акта заключаются въ слѣдующихъ осьми статьяхъ:

1, Королевства Англія и Ирландія соединяются впредь на вѣчныя времена, въ одно государство, подъ названіемъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи.

2, Право наслѣдія престола Соединеннаго Королевства опредѣляется нынѣ существующими законами.

3, Соединенное Королевство имѣетъ быть представлено однимъ парламентомъ, который называется парламентомъ Великобританскимъ и Ирландскимъ.

4, Двадцать осемь мірскихъ ирландскихъ перовъ, избираемыхъ на всю жизнь соединенными перами, такъ же какъ и четыре епископа, смѣняющіеся по очереди, принимаются въ палату перовъ Соединеннаго Королевства; въ нижнюю палату Ирландія посылаетъ сто членовъ, именно: шестьдесятъ четырехъ членовъ, избираемыхъ тридцатью двумя графствами, одного отъ дублинскаго университета, четырехъ отъ городовъ Дублина и Корка, и тридцать одинъ отъ тридцати-одного изъ главныхъ городовъ или мѣстечекъ.

5, Церкви (протестантскія) Англіи и Ирландіи соединяются и составляютъ одну церковь подчиненную тѣмъ же законамъ, тѣмъ же правиламъ (*discipline*), какъ національная англійская церковь.

6, Подданные обонихъ государствъ пользуются въ отношеніи къ промышленности, торговлѣ и навигаціи одинакими правами.

7, Англія и Ирландія участвуютъ въ общихъ государственныхъ издержкахъ въ пропорціи пятнадцати къ двумъ. Это распределеніе устанавливается на двадцать лѣтъ; по истеченіи же означеннаго срока издержки распределяются соединеннымъ парламентомъ.

8, Существующіе нынѣ законы и судебныя мѣста продолжаютъ свои дѣйствія и впредь, за исключеніемъ апелляціи на рѣшенія канцлерскаго суда, которая представляется палатѣ перовъ Соединеннаго Королевства.

Изъ этого видно, что въ постановленіяхъ о гражданскихъ условіяхъ и экономическихъ отношеніяхъ обонихъ королевствъ актъ соединенія не подлежитъ ни малѣйшему

упреку. Англія и Ирландія совершенно сравнены между собою. Если и есть пожертвованія и уступки съ которой-либо стороны, то, конечно, со стороны Англии, потому что она согласилась открыть Ирландіи свои колоніи и раздѣлить съ нею выгоды монополіи, которою дотогѣ одна пользовалась.

Въ отношеніи религіозномъ, союзъ не такъ благопріятенъ католическому большинству ирландской націи. Законы, существовавшіе по этому предмету, оставлены въ своей силѣ, а на основаніи этихъ законовъ католикамъ воспрещены всѣ гражданскія и судебныя должности. Но измѣнить эти законы Актомъ Соединенія было невозможно. Не надобно забывать, что Англія заключала союзъ съ представителями власти, то есть, съ протестантами, которые никогда не отказались бы отъ своихъ правъ, если бѣ въковыя привилегіи ихъ не были оставлены за ними.

Впрочемъ, это условія второстепенныя: главныя постановленія акта тѣ, которые распредѣляютъ политическую власть и общественныя тягости между обѣими странами.

Послѣ соединенія обохъ королевствъ, нижняя палата состояла изъ шести-сотъ-пятидесяти-осьми членовъ: въ томъ числѣ Ирландіи должны были принадлежать сто членовъ, остальные за тѣмъ пять сотъ пятьдесятъ осемь Великобританіи. Въ палатѣ перовъ Ирландія имѣла тридцать-два представителя. Наконецъ изъ государственныхъ расходовъ на ея долю падали двѣ семнадцатыхъ части. Развѣ это можно назвать распредѣленіемъ несправедливымъ, злоупотребленіемъ власти, унижительными условіями, предписанными побѣдителемъ народу побѣжденному? Минутное размышленіе убѣдитъ насъ въ противномъ.

Число представителей Ирландіи въ палатѣ перовъ покажется съ перваго взгляду слишкомъ незначительнымъ, особенно, если сравнить его съ нынѣшнимъ числомъ членовъ палаты перовъ. Но надобно вспомнить, что въ 1800 году это число было гораздо менѣе и потому неравенство совсѣмъ не такъ велико. Притомъ, что такое было Ирландская палата перовъ? Собраніе людей, которые продавались лондонскимъ министерствамъ и отдавали Ирландію на-придачу. Уничтоженіе такой палаты было настоящею услугою этой странѣ; но допущеніе въ верхнюю па-

лату ирландскихъ перовъ было совѣтъ не благодареніемъ для Ирландіи. Съ 1800 года и до нашего времени они составляли самую рѣшительную часть партіи, которая постоянно противится всѣмъ уступкамъ и преобразованіямъ.

Министры, слѣдовавшіе за Питтомъ, давали перекое достоинство многимъ Ирландцамъ: теперь ихъ въ верхней палатѣ болѣе пятидесяти, кромѣ тридцати двухъ прежнихъ представителей ирландскаго царства. Весьма сомнительно, чтобы истинные друзья Ирландіи радовались этой милости.

Что касается до состава нижней палаты послѣ Союза, то, какъ мы уже сказали, Ирландія имѣла въ ней сто представителей, Англія и Шотландія пять сотъ пятьдесятъ осемь: слѣдственно, политическое вліяніе первой въ отношеніи къ вліянію Великобританіи было какъ 1 къ 5. Въ то время содержаніе между народонаселеніями той и другой страны представляло почти ту же пропорцію. Въ 1800 году въ Англіи и Шотландіи считалось одиннадцать милліоновъ жителей, въ Ирландіи не было четырехъ. Слѣдственно пропорція между тѣмъ и другимъ народонаселеніемъ была какъ 1 къ 4. Разница незначительная. Несправедливости тутъ не было никакой, особенно потому, что Англія была несравненно богаче, образованнѣе, гуще населеннѣе Ирландіи. При томъ въ 1800 году развѣ въ Ирландіи еще не было и вообще полагали, что ея народонаселеніе гораздо менѣе. Въ одномъ оффиціальномъ документѣ 1785 года сказано, что въ Ирландіи жителей 2.845,000, и очень естественно, что люди, занимавшіеся распредѣленіемъ политическаго вліянія, приняли за основаніе своихъ расчетовъ это самое число, а оно именно и представляетъ пропорцію какъ 1 къ 4.

Разсматривая распредѣленіе общественныхъ тягостей, надобно признаться, что Ирландіи также не на что жаловаться, потому что на ея долю пала только осьмая часть расходовъ, между-тѣмъ какъ она получила пятую часть политическаго вліянія. Если бы даже тѣ, которые теперь хотятъ расторгнуть Союзъ, были призваны тогда распредѣлить между обоими государствами участіе въ правленіи и въ расходахъ, то, вѣрно, и они не могли бы сдѣлать больше Питта.

Съ 1800 года Ирландія была управляема, какъ и остальныя части государства, законодательными властями, заступающими въ Вестминстерѣ. Но не лишилось ли чего-нибудь при этой перемѣнѣ огромное большинство жителей Ирландіи и не имѣютъ ли они причины сожалѣть о національномъ парламентѣ? Ни сколько. Дублинскій парламентъ состоялъ изъ однихъ протестантовъ и хотя въ 1792 году католики получили право участвовать въ выборахъ, однако жъ никогда не могли бы имѣть вліянія на нижнюю палату, потому что, за исключеніемъ графствъ, которыя избирали весьма небольшую часть палаты (шестьдесятъ четыре члена изъ трехъ-сотъ), они нигдѣ не могли пользоваться своимъ правомъ. Въ двадцати-шести главныхъ городахъ депутатовъ избирали городскія сословія, а они состояли изъ самыхъ отчаянныхъ протестантовъ. Что касается до мѣстечекъ, которыя избирали сто-осемьдесятъ-четырехъ депутатовъ, то они состояли въ совершенной зависимости отъ богатыхъ помѣщиковъ-протестантовъ, а тѣ, располагая большинствомъ въ нижней палатѣ, обыкновенно продавали его, для собственной своей пользы, англійскому правительству. Воскресить такое анти-національное собраніе было бы безразсудствомъ, истиннымъ несчастіемъ для Ирландіи. Если бы нынче англійское правительство возвратило Ирландіи ея прежній парламентъ, оно должно было бы дать ему армію, чтобъ удерживать безпокойныхъ католиковъ; и тогда, безъ-сомнѣнія, вся Ирландія въ одинъ голосъ требовала бы сохраненія нынѣшняго порядка вещей, потому что онъ несравненно лучше того, которымъ бы его замѣнили. Прежняя ирландская конституція была чудовищнымъ сборищемъ несправедливостей и насильствъ; преобразовать этого было невозможно, такъ надобно было уничтожить. Но еще большимъ несчастіемъ было бы для Ирландіи, если бь Англія, сдѣлавъ все по-старому, утранила ее отъ участія въ торговлѣ съ колоніями, а она имѣла бы на то полное право. Ирландія, съ своимъ независимымъ правительствомъ, въ два года была бы совершенно разорена.

Но всѣмъ этимъ причинамъ Актъ Соединенія былъ истиннымъ благодѣліемъ для Ирландіи. Питтъ считалъ его единственнымъ средствомъ упрочить въ Ирландіи матери-

альное благосостояніе и религиозный миръ. Онъ обѣщалъ католикамъ представить въ соединенный парламентъ, какъ скоро тотъ устроится, билль о дарованіи имъ всѣхъ правъ англійскихъ гражданъ. Уравненіе ихъ въ правахъ съ протестантами было, въ глазахъ его, необходимымъ слѣдствіемъ соединенія обѣихъ странъ. Къ несчастію, планы его встрѣтили неодолимое сопротивленіе.

Пока продолжалась война съ Наполеономъ, парламентъ не имѣлъ ни времени ни охоты заниматься преобразованіями гдѣ бы то ни было, въ Англій или въ Ирландіи. Виги, во время непродолжительнаго своего управленія дѣлами, ничего не сдѣлали для послѣдней страны. По заключеніи мира, огромные усилія, пріобрѣтенныя правительствомъ, которые партія торя, по справедливости приписывала себѣ, придали ей такую силу, что всѣ реформы, казалось, были отложены на неопредѣленное время. Уравненіе католиковъ въ правахъ съ протестантами, которое въ 1800 году едва не совершилось; въ 1817 считалось невозможнымъ.

Однако жъ духъ преобразованій подавленный заботами о войнѣ и радостью торжества, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, пробудился съ новой силою. Со всѣхъ сторонъ раздались энергическія жалобы на несправедливое неравенство, освященное закономъ. Просвѣщеннѣйшіе члены партій торя почувствовали всю важность этого движенія умовъ и разсудили, что наступило время удовлетворить нѣкоторымъ изъ требованій реформистской партіи. Каннингъ и друзья его, проникнутые этой идеею, стали распространять ее въ своей партіи и съ жаромъ принялись за дѣло вѣротерпимости.

Между-тѣмъ ирландскіе католики, которые, благодаря гражданской свободѣ, дышали свободно, чрезвычайно размножились, разбогатѣли и просвѣтились. Предводители ихъ поняли, что время мятежей и пасивственныхъ переворотовъ прошло; что они могли достигнуть своей цѣли только продолжительнымъ, искуснымъ употребленіемъ законныхъ средствъ. Еще въ 1810 году, въ Дублинѣ образовался комитетъ для того, чтобы всѣми законными средствами поддерживать права католиковъ. Этотъ комитетъ, которымъ сначала нѣсколько лѣтъ управлялъ John Leogh,

распространилъ свои отрасли по всей Ирландіи. Онъ разрослася въ безмолвіи и прежде чѣмъ англійское правительство узнало о его существованіи, уже устроилъ во всей странѣ огромное общество, къ которому принадлежало почти все католическое народонаселеніе.

Это знаменитое общество, извѣстное подъ именемъ Католическаго, дисциплинированное своимъ пачальникомъ О'Коннелемъ, вдругъ показалось на свѣтъ въ 1835 году. Огромность его состава и страшное вліяніе, которое оно имѣло на массы ирландскаго народа, произвело въ Англій величайшій эффектъ. Общество, не выходя изъ границъ законности, произвело и поддерживало столь грозное волненіе, что въ нѣсколько лѣтъ поставило англійское правительство въ необходимость или уничтожить его силою, или обезоружить уступками. Предводители партіи тори, управлявшіе тогда государствомъ, долго колебались и, наконецъ, рѣшились прибѣгнуть ко второму изъ этихъ средствъ. Герцогъ Веллингтонъ и сэръ Робертъ Пиль, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ покинули Каннинга, чтобы не слѣдовать за нимъ по новому пути, который онъ хотѣлъ положить для внутренней политики; теперь они рѣшились исполнить всѣ требованія католиковъ. Поведеніе ихъ было весьма благоразумно. Они уступили, чувствуя, что англійская нація не стала бы ихъ поддерживать, если бъ они вздумали, для поддержанія преимуществъ ирландскихъ протестантовъ, прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, которыя были въ употребленіи у реформаторовъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій.

Билль 1829 года, начертанный сэромъ Робертомъ Пилемъ, былъ безъ всякихъ ограниченій. Исключенія, которыя тяготѣли надъ католиками въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, были совершенно уничтожены. Имъ не дозволено было только носить званія регента государства, лорда-намѣстника Ирландіи, канцлеровъ Англій и Ирландіи и президента генеральнаго собранія шотландской церкви. Эти исключенія основаны на причинахъ весьма важныхъ, они имѣютъ въ себѣ ничего несправедливаго въ отношеніи къ католикамъ, ничего оскорбительнаго для нихъ.

Однако жъ этотъ актъ, которымъ католики обязаны были на доброй волѣ, а опасеніямъ парламента, не удовлетво-

ривъ католической партіи. Она требовала еще отъѣмы десятины, и послѣ 1830 года волненіе началось снова и еще сильнѣе прежняго.

О'Коннелль, полновластно управлявшій католической партіею, началъ съ министерствомъ лорда Гре достопамятную борьбу, которая, по-видимому, должна была повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Но министерство представило свой знаменитый билль о преобразованіи парламента, и О'Коннелль тотчасъ прекратилъ всѣ свои нападенія, всѣ неприязненные дѣйствія. Вполнѣ постигая всю важность этой мѣры для католиковъ, онъ вдругъ перешелъ отъ матажной оппозиціи къ самой неограниченной преданности партіи виговъ.

Пока судьба билля была еще сомнительна и реформа не рѣшена, ирландскіе католическіе члены палаты были самыми вѣрными союзниками, самую надежную опору лорда Гре. Имъ надобно приписать добрую часть побѣды, которую этотъ министръ, поддерживаемый общимъ мнѣніемъ, одержалъ надъ палатою перовъ.

Билль о реформѣ былъ полезенъ также и для Ирландіи, въ-особенности для католиковъ. Ирландіи даровано было пять новыхъ представителей: одинъ дублинскому университету и четыре городамъ, которыхъ населеніе увеличилось. Избирательныя права были распространены. До того времени этими правами пользовались только городскія сословія мѣстечекъ, состоявшія исключительно изъ протестантовъ-фанатиковъ; на основаніи билля о реформѣ всѣ обыватели мѣстечекъ, платящіе десять фунтовъ стерлинговъ за наемъ квартиры, получили право подавать голосъ на выборахъ и католики пріобрѣли большинство почти вездѣ.

Какъ-скоро этотъ законъ былъ принятъ, именно съ 1849 года, волненіе началось еще грознѣе прежняго. Оно въ-особенности направлено было противъ десятины, налога, который былъ довольно тягостенъ и притомъ казался имъ уничижительнымъ, потому что католики платили его протестантскимъ пасторамъ. Въ этотъ разъ О'Коннелль не совладилъ съ волненіемъ, которое самъ возбудилъ и не могъ удержать его въ предѣлахъ законности. Католическіе крестьяне, приведенные въ отчаяніе бѣдностію и раздраженные тѣмъ, что надежды ихъ на уничтоженіе десятины не исполнились, объявили протестантскому духовенству страш-

ную войну. Сопротивленіе взиманію этой подати было такъ сильно, что протестантскіе пасторы не могли собирать ея даже при помощи полиціи и солдатъ регулярной арміи. Министерство лорда Гре тщетно пыталось преодолѣть это всеобщее сопротивленіе строгими мѣрами. Даже и пользуясь властію, которая дарована была правительству биллемъ 1833 года, оно не могло заставить католическихъ поселянъ платить протестантскимъ пасторамъ установленную подать; правительство, чтобы облегчить нищету, въ которую впадо духовенство, взяло десятину на откупъ, но и тутъ всё дѣйствія его остались безъ успѣху.

Министерство было не единодушно насчетъ мѣръ, которыя надлежало принять въ отношеніи къ католикамъ. Нѣкоторые изъ членовъ кабинета были расположены къ уступкамъ; но ихъ настоянію, вмѣстѣ съ биллемъ о мѣрахъ строгости противъ непослушныхъ, парламенту представился былъ другой билль, которымъ положено начало преобразованію протестантской церкви въ Ирландіи. По силѣ этого закона, который, послѣ долгой борьбы, былъ принятъ обѣими палатами, католики избавились отъ налога, извѣстнаго подъ названіемъ церковной подати (*vestry cess*), которую протестанты имѣли право разлагать на всѣхъ жителей приходу для поддержанія своихъ храмовъ. Сборъ, доставляемый этимъ налогомъ, замѣненъ былъ вычетомъ изъ доходовъ духовныхъ бенефіцій и доходами десяти епископствъ и другихъ высшихъ духовныхъ званій, которыя положено было уничтожить по смерти тогдашнихъ сановниковъ.

Этотъ билль былъ важнымъ событіемъ для католической Ирландіи, и по преобразованіямъ, которыя онъ производилъ, и потому, что могъ служить примѣромъ на будущее время. Правительство однажды уже коснулось церковныхъ доходовъ и потому обстоятельства могли заставить его сократить доходы духовенства до того, чтобы они удовлетворяли только существеннымъ потребностямъ небольшого числа жителей Ирландіи, исповѣдующихъ протестантскую религію. О'Коннелъ неотступно этого требовалъ, а правительство старалось привлечь его къ себѣ, благоприятствуя его видамъ.

И дѣйствительно, большинство министерства вскорѣ на-

чало извлекать изъ начала, постановленнаго биллемъ 1833 года, послѣдствія, по его мнѣнію необходимыя. Оно поддерживало мистера Ward'a, когда тотъ предлагалъ парламенту объявить, что правительство имѣетъ право присвоить лишніе доходы духовенства мірскому употребленію, и ямсно обратить ихъ на учрежденіе въ Ирландіи безвозмездныхъ школъ. Четыре министра, ревностные протестанты, лордъ Стенли, сэръ Джемзъ Гремъ, герцогъ Ричмондъ и лордъ Годричъ, не соглашаясь съ этимъ, вышли изъ кабинета. Лордъ Гре, который неохотно слѣдовалъ политикѣ своихъ товарищей въ отношеніи къ Ирландіи, послѣдовалъ примѣру этихъ четырехъ министровъ и также оставилъ свое мѣсто.

Нельзя сказать, чтобы эти государственные люди дѣйствовали по чувству религіозной непріязни къ католикамъ. Требованіе католической партіи было въ сущности совершенно несправедливо. Богата или бѣдна протестантская партія, это до католиковъ не касается. Католики не имѣютъ никакого права на богатства протестантовъ. Довольно и того, что они ничего не платятъ на содержаніе духовенства не свдого исповѣданія и имъ вѣтъ никакого дѣла до доходовъ этого духовенства точно такъ же, какъ протестантамъ до доходовъ католической церкви. Да и этими доходами они обязаны великодушію протестантовъ и церковнымъ мнѣніямъ, принадлежащимъ по закону ихъ церкви. Такимъ образомъ теперь уже католики начинаютъ угнетать протестантовъ. О'Коннель и его послѣдователи хотятъ ограбить протестантскую церковь въ пользу своей партіи. Четыре министра, которые не хотѣли удовлетворить этого незаконнаго требованія и сэръ Робертъ Пиль, который объявилъ, что никогда на это не согласится, совершенно правы. Теперь уже требуютъ отъ протестантовъ не удовлетворенія справедливыхъ жалобъ, не прекращенія дѣйствительныхъ страданій, а непріязненныхъ дѣйствій противъ своей собственной церкви.

По удаленіи изъ кабинета несговорчивыхъ протестантовъ, образовалось министерство лорда Мельборна, которое, за исключеніемъ кратковременной и тщетной попытки министерства сэра Роберта Пила, управляло государствомъ шесть лѣтъ. Образованіе министерства лорда Мельборна

было важнымъ событіемъ для Ирландіи. Оно было составлено съ явною цѣлію удовлетворить ея справедливымъ требованіямъ. Въ первый разъ еще министерство пало, потому что отказалось исполнить желаніе Ирландцевъ, и новый кабинетъ громко изъявилъ намѣреніе одинаково обходиться и съ протестантами и съ католиками. Въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ вѣковъ католики заняли важныя судебныя и государственныя должности. Назначеніе господина О'Лохлена директоромъ дѣловыхъ очередей, то есть, вторымъ лицомъ въ совѣстныхъ судахъ, и господина Шила членомъ тайнаго совѣта, ознаменовали наступленіе для Ирландіи новой эры, начиная съ которой религіозныя различія совершенно уничтожились въ глазахъ либеральной партіи.

Лордъ Мельборнъ ввѣрилъ управленіе Ирландіею людямъ съ характеромъ твердымъ и примирительнымъ, которые умѣли пріобрѣсти довѣренность и уваженіе католиковъ. Два лорда-намѣстника, которые управляли Ирландіею при этомъ министерствѣ, лордъ Мельгревъ и лордъ Фортски, дѣйствовали сообразно съ истинными выгодами страны; благодаря ихъ справедливости и безпристрастію, въ Ирландіи воцарилось спокойствіе, о какомъ тамъ до того времени и не имѣли понятія.

Ирландія многимъ обязана этимъ лордамъ-намѣстникамъ, но еще болѣе министру статсъ-секретарю Ирландіи, лорду Морпету, который въ продолженіи шести лѣтъ употреблялъ власть свою на то, чтобы изгладить слѣды религіозныхъ распрей и исцѣлить язвы страны. Вѣроятно, что этотъ государственный человѣкъ, самый отличный въ партіи виговъ по своимъ талантамъ, будетъ еще имѣть случай, какъ министръ или какъ лордъ-намѣстникъ, довершить дѣло примиренія, которое онъ началъ при Мельборнѣ.

Законодательныя попытки министерства въ пользу новыхъ требованій католиковъ не имѣли такого успѣху, какъ его административныя мѣры. Оно принуждено было отказаться отъ знаменитаго начала присвоенія лишнихъ доходовъ церкви мірскому употребленію, чтобы парламентъ согласился принять бѣдаль о замѣнѣ десятины постоят-

нынѣ доходомъ и пять разъ принималось за дѣло, чтобы провести законъ о преобразованіи городскихъ сословій въ Ирландіи, да и тутъ должно было согласиться на разныя измѣненія своего проекта, которыя нѣсколько уменьшили его дѣйствительность. Несмотря на это, два закона, о которыхъ мы говоримъ, привесли Ирландіи большую пользу.

Законъ, превратившій десятиду въ востояннцѣй леденный налогъ, сократилъ ее до трехъ четвертой того количества, которое она составляла, когда была платима натурою. Сверхъ-того налогъ почти прямо обратился на помещиковъ, которые болѣею частію протестанты, и это прекратило шекотливыя отношенія между лютеранскими пасторами и католическими поселянами. Съ изданіемъ этого закона, безпокойства въ земледѣльческихъ округахъ совершенно прекратились и духовенство государственной церкви стало получать свои доходы безъ нѣлѣшнихъ препятствій и затрудненій. Помѣщики платятъ налогъ правительству и оно уже содержитъ протестантское духовенство.

Преобразование городскихъ сословій, хотя не столь важное, какъ въ Англіи и Шотландіи, было однако жъ чрезвычайно важнымъ торжествомъ для католиковъ. Эти городскія сословія были какъ-бы цитаделями протестантскими, гдѣ еще держался духъ нетерпимости прошлыхъ вѣковъ. Уничтоживъ ихъ привилегіи, даровавъ всѣмъ гражданамъ право занимать публичныя должности, и распространить право участвовать въ выборахъ на всѣхъ тѣхъ, которые владѣютъ нѣкоторымъ состояніемъ, законъ доставилъ католикамъ перевѣсъ въ управленіи почти всѣхъ городовъ. Этому-то закону католики обязаны были удовольствіемъ видѣть какъ предводитель ихъ О'Коннель, занимая первую въ государствѣ муниципальную должность, въ званіи дублинскаго лорда мера, выступалъ въ торжественныхъ процессіяхъ тотчасъ вслѣдъ за лордомъ-канцлеромъ, выше всѣхъ должностныхъ лицъ и даже самого лорда-канцлера.

Во все продолженіе министерства лорда Мельборна, Ирландія была совершенно покойна. О'Коннель и другіе начальники католической партіи вели себя весьма благора-

зую. Отказавшись отъ волненія и преувеличенныхъ требованій, они всѣми силами старались сохранить въ государствѣ спокойствіе. Дѣло въ томъ, что имъ уже ничего не оставалось требовать отъ протестантовъ: одновѣрцы ихъ пользовались совершенно одинаковыми правами съ гражданами, исповѣдующими государственную религію, и Ирландія наслаждалась всѣми торговыми и промышленными выгодами, которыя доставилъ ей актъ законодательнаго соединенія Ирландіи съ Англіею. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ королевы Викторіи, Національное Собраніе, по предложенію О'Коннелла, приняло слѣдующее опредѣленіе, которое показываетъ тогдашнее расположеніе католической партіи.

«Національное Собраніе, проникнутое живѣйшей признательностію къ лорду Мюльгреву (впослѣдствіи лорду Норманби) за его твердое, человѣколюбивое и безпристрастное управленіе, вполне цолагаясь на благодѣтельные намѣренія ея величества, а главное, исполненное искреннѣйшей и почтительнѣйшей признательности къ ея величеству, всемілоостивѣйшей государынѣ, за національную, просвѣщенную политику, ознаменовавшую начало ея царствованія, объявляетъ, что желая доказать полную свою довѣренность къ правительству, оно расходится и предоставляетъ исполненіе своихъ намѣреній ирландскимъ членамъ парламента, поддерживающимъ правительство».

Это благоразумное рѣшеніе, принятое по требованію О'Коннелла, составляетъ разительную противоположность съ невѣрными, злобыми чувствами противъ Англіи и самихъ иговъ, которыя онъ выказывалъ при всякомъ случаѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Въ этомъ опредѣленіи не узнаешь человѣка, который во время борьбы своей съ министерствомъ лорда Гре, доходилъ до того, что совѣтовалъ своимъ согражданамъ не потреблять никакихъ продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ или таможенными пошлинами, для того, чтобы уменьшить доходы казны. Спокойное, перидочное поведеніе Ирландцевъ во время министерства лорда Мельборна доказываетъ также успѣхи, потерѣе этотъ впередъ сдѣлалъ въ истинной ни-

цилизации. Какъ-скоро этотъ столь буйный народъ пересталъ унижать несправедливыми законами, онъ началъ уважать законы и спокойно переносилъ страданія своей коренной нищеты, которой никакими средствами невозможно прекратить въ короткое время.

Но вскорѣ все измѣнилось. Министерство виговъ, падѣлавъ множество ошибокъ, всё болѣе и болѣе теряло своихъ приверженцевъ въ Англии. Оно запутало государственныя финансы, и возлобило протестантовъ своею снисходительностію къ несправедливымъ требованіямъ О'Коннеля. Съ другой стороны, самъ О'Коннель, видя что вліяніе его въ Ирландіи уменьшается, потому что онъ поддерживаетъ министерство слабое, которое уже ничего не можетъ для нея сдѣлать, рѣшился возобновить волненіе; но теперь оно уже не имѣло другой цѣли, кромѣ доставленія ему личныхъ выгодъ и удовлетворенія его тщеславія. Образованіе министерства изъ членовъ партіи торъ было для него ударомъ ужаснымъ. Онъ падѣлялся, что новое министерство начнетъ противодѣйствіе, будетъ унижать католиковъ, угнетать Ирландію, и такимъ образомъ, произведетъ тамъ общее раздраженіе. Но онъ обманулся въ своей надеждѣ. Сэръ Робертъ Пиль вѣбрилъ управление Ирландію человѣку кроткаго характера и всѣми уважаемому. Онъ съ удивительной энергіею сдерживалъ свою партію, которая хотѣла бы отмѣнить уступки, уже сдѣланныя Ирландіи. Онъ объявлялъ, что всегда готовъ произвести всѣ реформы, полезныя для этого острова, лишь бы только не касались собственности протестантскаго духовенства и не жертвовали имъ фанатизму католиковъ, которые изъ гонимыхъ пытались сдѣлаться гонителями. О'Коннель понималъ, что при подобномъ министерствѣ, которое притомъ располагало въ обѣихъ палатахъ огромнымъ большинствомъ, ему уже не добиться отъ парламента ничего такого, что бы могло придать ему, О'Коннелю, еще большую важность въ глазахъ Ирландцевъ. Онъ сталъ болѣе, что бы соотечественники его не привыкли мало-по-малу къ министерству торъ, и не стали ожидать всего добраго отъ него, оставивъ въ поноѣ своего «Избавителя», который теперь уже могъ быть уволенъ въ отставку. Чтобы избежать этой бѣды, онъ вдругъ принялъ отважное и безраз-

судное намѣреніе: покинулъ скамьи нижней палаты, отправился со всеми католическими членами въ Ирландію и снова началъ тамъ свои интриги, провозглашая повсюду необходимость отдѣлить Ирландію отъ Англіи расторженіемъ законодательнаго союза. Цѣль его была очевидна. Не пользуясь ни какимъ вліяніемъ въ парламентѣ великобританскомъ, онъ надѣялся самовластно господствовать въ парламентѣ ирландскомъ и управлять родиною по своему произволу. Ясно, что если бы ему удалось образовать ирландскій парламентъ, то въ Ирландіи началось бы рѣшительное гоненіе противъ протестантовъ и страна снова погрузилась бы во все ужасы релігіозныхъ войнъ. Чтобы прикрыть настоящія свои намѣренія, О'Конпель придумалъ разныя неосновательныя причины неудовольствій и жалобъ, льстилъ тщеславію католиковъ надеждою обогнать и унижить протестантское духовенство, старался воспламенить патриотизмъ ирландскихъ протестантовъ возможностью сдѣлать свое отечество государствомъ самостоятельнымъ и такимъ образомъ ему удалось ввести въ заблужденіе католическое народонаселеніе селъ и деревень, невѣжественное, исполненное фанатизма, и нѣсколькихъ протестантовъ, честолюбивыхъ, и близорукихъ. Съ помощію католическаго духовенства, которому подавалъ безумныя надежды добиться преобладанія надъ духовенствомъ протестантскимъ и отомстить своимъ противникамъ, онъ производилъ настоящіе театральные эффекты, чтобы ослѣпить толпу, но ему не удалось ввести въ заблужденіе министерства тори. Сэръ Робертъ Пильочень хорошо понялъ, что общественное мнѣніе въ Ирландіи совсѣмъ не поддерживаетъ этихъ фарсовъ, что все разсудительные Ирландцы, протестанты и католики, страшатся разрыва союза, какъ конечнаго разоренія для своего отечества и что можно дѣйствовать открыто противъ челоуѣка, который вдается въ подобныя сумасбродства. «Избавителя» отдали подъ судъ. Остальное извѣстно. О'Конпель, своими земляками, приговоренъ къ тюремному заключенію. И тотъ, кто вчера еще слылъ великимъ челоуѣкомъ, сегодня кажется смѣшнымъ болѣею части своихъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ. Можно сказать, не боясь ошибиться, что серіозная роль О'Коннеля кончена

навсегда. Расторженіе союза, идея безразсудная, вредная для Ирландіи и даже неудобосполнимая, не могла не погубить его въ общемъ мѣнѣн и его паденіе есть, безъ-сомнѣнія, самое важное благодѣаніе, какое Ирландія получила отъ него со времени отмены десятины и преобразованія городскихъ сословій.

=

КАРДИНАЛЪ РИШЛІЁ.

=

Великія событія порождаютъ великихъ людей. Бываютъ времена, когда царства идутъ путемъ однажды продолженнымъ. когда никакая могучая идея не тревожитъ умовъ; въ эти времена люди являются мелкими, ихъ страсти, ихъ честолюбіе, все уравнивается съ обстоятельствами и мы готовы обвинять природу въ безсиліи. Но Провидѣніе какъ-бы соразмѣряетъ людей съ обстоятельствами и какъ-скоро царство созрѣло къ перевороту, въ немъ является человѣкъ, который возвышается надъ толпою, властвуетъ надъ событіями и мощной рукою ведетъ народъ къ цѣли ему предназначенной.

. Къ числу такихъ людей безспорно принадлежитъ и Ришліё. Изученіе жизни человѣка, который испровергъ остатки феодализма, утвердилъ во Франціи монархическую власть, и имѣлъ сильное вліяніе, не только на свое отечество, но и на судьбу всѣхъ другихъ европейскихъ державъ, безъ-сомнѣнія, предметъ чрезвычайно завлекательный. Не мудро, что многіе занимались этимъ изученіемъ, но никто изъ историковъ, писавшихъ о Ришліё, не разсмотрѣлъ этого необыкновеннаго явленія съ такою подробностію, проникательностію, многосторонностію, какъ господинъ де Карне, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ публицистовъ нашего времени, и мы долго считаемъ представить нашимъ читателямъ сокращеніе его статьи; впрочемъ будемъ смотрѣть на знаменитаго министра Людовика Тринадцатаго, какъ долженъ смотрѣть иностранецъ, на котораго не дѣйствуютъ ни

національныя привязанности, ни политическія идеи для него чуждыя.

Чтобы составить себѣ полное понятіе о дѣйствіяхъ Ришліе и средствахъ которыя онъ употреблялъ, чтобы видѣть съ чего онъ началъ и до чего дошелъ, надобно бросить бѣглый взглядъ на положеніе Франціи передъ тѣмъ, какъ власть перешла въ его мощныя руки.

Вѣсть о несчастной кончинѣ Генриха Четвертаго поразила Францію неожиданнымъ ударомъ. Знаменитый министръ его, старикъ Сюлли, скрылся въ Бастилію, чтобы выждать событія, протестанты заперлись въ укрѣпленныхъ городахъ своихъ, правители провинцій, не открывая своихъ намѣреній, готовились пристать къ той сторонѣ, которая восторжествуетъ; но герцога д'Эперноа, угрозами, привудилъ парижскій парламентъ провозгласить регентство вдовствующей королевы. Къ счастью, въ это время, принцевъ королевской крови, которые могли бы оспаривать регентство у Маріи Медичи, не было въ Парижѣ. По совѣту старыхъ министровъ Генриха Четвертаго, прицамъ и знатымъ розданы были огромныя суммы, сокровища, накопленные втеченіи минувшаго царствованія истрачены въ нѣсколько дней и тѣмъ купленъ миръ какнхъ-нибудь года на два.

Черезъ нѣсколько времени принцы вступили въ союзъ съ любимцемъ королевы, извѣстнымъ Кончини, который сдѣлался уже маршаломъ и маркизомъ Анкрскимъ. Советники покойнаго короля, управлявшіе дѣлами въ первое время регентства, были устранены и власть перешла въ руки хитраго Италіянца. Но союзъ принцевъ и знатнѣйшихъ во Франціи дворянъ съ такимъ ничтожнымъ человекомъ, не могъ быть продолжительнымъ; Кончини очень хорошо это чувствовалъ и потому старался раздѣлить ихъ, противопоставляя принцевъ Лотарингскихъ принцамъ королевскаго дому, то подкупая однихъ, то задаривая другихъ. Но подобныя средства могли только на короткое время удержать ихъ отъ явнаго возстанія, потому что казна была уже истощена. Чтобы приобрести для себя надежную опору въ преемникѣ Карла Пятаго, королева-правительница, не посовѣтовавшись съ принцами, вдругъ заключила договоръ о бракосочетаніи еще малолѣтнаго Людовика Три-

надцатаго съ инфантною Анною Австрійскою и принцессы Елисаветы Французской съ принцемъ, который назывался впоследствии Филиппомъ Четвертымъ. Вѣсть объ этомъ событіи, которое должно было придать королевскому дому новую силу для борьбы съ гугенотами, возстановила всѣхъ знатныхъ. Имъ уже наскучило жать пустую губку, какъ говоритъ одинъ современный писатель. Принцъ Кондэ и герцогъ Бульонскій удалились отъ двора; герцогъ Вандомскій убѣжалъ изъ Лувра, гдѣ онъ былъ заключенъ и отправился въ Бретанью, которую онъ управлялъ; герцогъ Неверскій овладѣлъ Мезіеромъ; маркизъ де Кёвръ-Ланомъ; герцогъ Маёнскій лучшими крѣпостями въ Иль-де-Франсѣ; Пикардія возстала подъ предводительствомъ своего правителя, герцога Лонгвильскаго и вся страна отъ Поату до береговъ Прованскихъ оглашалась грозными криками реформатовъ. Кондэ издалъ манифестъ, въ которомъ, по обыкновенію, говорилъ объ униженіи дворянства, угнетеніи народа, растратѣ казны, розданной тѣмъ же самымъ, которые на это жаловались, и заключеніе требовалъ созванія генеральныхъ штатовъ. Противиться было трудно: требованія мятежниковъ были исполнены, бракосочетаніе короля отложено до его совершеннолѣтія, и генеральные штаты созваны, сначала въ Сансъ, а потомъ въ октябрѣ 1614 года въ Парижѣ. Между тѣмъ подкупы начались снова и главные заговорщики, Кондэ и герцоги Менскій, Неверскій, Бульонскій, Лонгвильскій и Роганскій положили оружіе. Одинъ герцогъ Вандомскій въ Бретань, не хотѣлъ примириться съ регентствомъ.

Между тѣмъ, наступило совершеннолѣтіе короля, то есть, ему исполнилось тринадцать лѣтъ и генеральные штаты собрались. Принцы надѣялись было, при этомъ случаѣ, низвергнуть приверженцевъ регентши и потомъ управлять королемъ-ребенкомъ по своей волѣ. Но Кондэ дѣйствовалъ въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ чрезвычайно искусно: подъ предлогомъ необходимости смирить герцога Вандомскаго, онъ повезъ Людовика Тринадцатаго въ Бретанью и такимъ образомъ выигралъ нѣсколько недѣль, составилъ по выбору королевы тайный совѣтъ и когда генеральные штаты собрались, ко-

роль торжественно объявлялъ, что онъ совершенно дозволяетъ управленіемъ своей родителницы и оставляетъ ей всю власть, которую она до того пользовалась.

Дворъ старался посѣять раздоръ между членами штатовъ и успѣлъ въ томъ какъ-нельзя болѣе: собраніе, отъ котораго принцы такъ многого ожидали, разошлось, поставивъ только нѣкоторыя незначительныя мѣры. Не успѣвъ въ своемъ намѣреніи съ этой стороны, принцы пытались достигнуть той же цѣли посредствомъ парижскаго парламента. Это судебное мѣсто пригласило герцоговъ и перовъ для общаго совѣщанія о бѣдствіяхъ государства и представленіяхъ, которыя надлежитъ сдѣлать королю. Канцлеръ Силлеръ, именемъ короля объявилъ, что судебныя мѣста не имѣютъ права заниматься безъ королевскаго требованія государственными дѣлами, и одного этого протеста довольно было, чтобы уничтожить оппозицію парламента, который въ то время не имѣлъ приверженцевъ.

Воисторжествовавъ тайнымъ образомъ надъ всеми своими противниками, Марія Медичи и маршалъ Анкерскій рѣшились совершить оба брака, которые должны были доставить колеблющейся монархіи надежную помощь католіческаго престола. Юный король, сопровождаемый цѣлою арміею, отправился черезъ непокорныя провинціи, чтобы встрѣтить невѣсту на предѣлахъ своего государства и проводить ее къ нонанской границѣ. Принцы свои протестовали противъ союза съ Испаніею, отпизнались слѣдовать за дворомъ, и рѣшились собраться въ Парижѣ, и овладѣть особою короля. Обстоятельства имъ благоприятствовали, потому что, подъ предлогомъ нарушенія какихъ-то привилегій, реформаты подняли оружіе въ Нотъ, въ Долине, въ Лангдокъ. Генеральное собраніе протестантскихъ церквей, созванное на основаніи королевскаго повелѣнія, въ Греноблѣ, перешло, по собственному произволу и несмотря на запрещеніе двора, въ Нимъ. Реформаты, посредствомъ своихъ уполномоченныхъ, общались съ королемъ, но съ условіемъ, чтобы требованія феодальнаго союза были исполнены. Такимъ образомъ протестантизмъ превратился изъ религіозной секты въ политическую партію. Въ свитѣ вдовствующей королевы былъ

молодой прелать, который пояля это очень хорошо и не забывалъ во всю жизнь.

Маршалъ Анкрекїи, расположившись въ Никардїи, прирїялъ Парижъ армію; маршалъ Воа-Дофинъ выступилъ въ поле, чтобы удерживать принцевъ, которые владѣли лучшими крѣпостями въ государствѣ. Повсюду возникла война; но война мелочная и по причинамъ и по своимъ дѣйствїямъ. Герцогъ де-Гвизъ, которому обѣщано было званіе коннетабля, присталъ ко двору и предводительствовалъ десятию тысячами человекъ, прикрывалъ королевскїи походы, который, впрочемъ, медленно подвигался впередъ и принужденъ былъ часто останавливаться, чтобы отражать непрїятеля.

Наконецъ, въ 1615 году двойственный союзъ былъ заключенъ. Это событіе нанесло сильный ударъ партїямъ гугенотской и феодальной. Теперь все оцмъ поланской монархїи всегда готовы были поддержать французскїи королевскїи домъ; прїтомъ средніе классы и народъ были совсѣмъ не расположены къ принцамъ и общее мнѣніе было въ пользу этого союза. Дворъ искусно воспользовался такимъ направленїемъ умовъ; и, употребивъ обыкновенное свое средство, подкупъ, отвлекъ отъ союза сначала герцоговъ Маеинскаго и Лонгвилльскаго, а потомъ и Бульёнскаго, всегда готоваго на интриги и предательство. Справедливыя и даже неосновательныя жалобы реформатовъ были удовлетворены, англїйскїи посланникъ принялъ на себя посредничество между ними и дворомъ, и послѣ продолжительныхъ переговоровъ, въ которыхъ участвовали королевскїе комиссары, агенты принца Кондэ и депутаты протестантскихъ церквей, миръ заключенъ былъ въ Луденъ.

Принцъ Кондэ, который еще недавно объявленъ былъ вѣнъ закона, а теперь велъ съ дворомъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, послѣ этого мира, воображалъ, что онъ уже можетъ по своему произволу управлять государствомъ. Онъ переселялся со своими приверженцами въ Парижъ, велъ себя съ чрезвычайной наглостью, составилъ вопреку себя настоящїи дворъ, такъ что Лувръ опустѣлъ, завелъ обыкновенныя свои интриги въ парламентъ, вступилъ въ тайныя сношенїя съ англїйскимъ посланникомъ и агента-

ни Нидерландовъ. Все это возбудило зависть юнаго короля и опасенія вдовствующей королевы.

Первый принцъ королевскаго дома, пользуясь народною ненавистью къ маршалу Анкрскому, вознамѣрился нанести послѣдній ударъ партіи регентства. Но отъ хитраго Италіянца не скрылось, что въ тайномъ совѣтѣ принцевъ замышляютъ на жизнь его, и, по его внушенію, Марія Медичи, трепеща за своего любимца, рѣшилась на поступокъ отважный. Принцъ Кондѣ, въ Луврѣ, посреди своихъ приверженцевъ, былъ взятъ подъ стражу и посаженъ въ Бастилію. Впрочемъ, эта мѣра была не столь отважна, какъ казалось съ перваго взгляду. Принцы не имѣли приверженцевъ ни между низшими классами, ни даже между мелкимъ дворянствомъ. Попытка произвести въ Парижѣ возмущеніе кончилась только разграбленіемъ дома маршала Анкрскаго, и принцы, удалившись въ Соассонъ, тщетно старались возжечь снова въ провинціяхъ междоусобную войну. Правительство опять прибѣгло къ обыкновеннымъ своимъ средствамъ и отпаденіе герцога де-Гвиза отъ феодальной партіи привело ее въ совершенное безсиліе. Принцы, лишившись при новомъ разладѣ съ дворомъ, всѣхъ своихъ окладовъ и пенсіоновъ, пламенно желали съ нимъ помириться. Имъ помогло злодѣйство мелкаго провансальскаго дворянчика, сокольничаго, Альберта де-Люнья. Праздная жизнь Людовика Тринадцатаго была долговременнымъ дѣтствомъ безъ простодушія, безъ вѣжності, дѣтствомъ, за которымъ должна была послѣдовать преждевременная старость и совершенное оцѣпенѣніе чувствъ и души. Де-Люнь, забавляя несчастнаго монарха, вкрался въ его довѣренность и сдѣлался его неразлучнымъ собесѣдникомъ. Пользуясь въ началѣ своего поприща покровительствомъ маршала Анкрскаго, онъ уже достигъ при дворѣ до важныхъ званій, но ему хотѣлось играть роль политическую, а для этого необходимо было приобрѣсти покровительство могущественныхъ непріятелей маршала. Для достиженія своей цѣли, онъ вознамѣрился убить Кончини, и такимъ образомъ помирить дворъ съ его главными вассалами, и де-Люнь сталъ обдумывать свой умыселъ съ спокойствіемъ совѣсти, которое можно объяснить только гнусными правилами, или лучше сказать отсутствіемъ всѣхъ

нихъ нравственныхъ правилъ, порожденнымъ обстоятельствомъ того смутнаго времени.

Чтобы исторгнуть у короля согласіе на такое злодѣйство, надобно было посорить его съ матерью, отравить умъ его безпокойствомъ и опасеніями, овладѣть его слабой, себялюбивой душою, посредствомъ страха. Де-Люинъ приписывалъ преступныя причины малѣйшимъ поступкамъ маршала, представлялъ королю, что этотъ иностранецъ пользуется неограниченною властью и принимаетъ мѣры, чтобы сдѣлаться совершенно независимымъ отъ короля и быть въ состояніи даже противиться ему въ случаѣ нужды; что онъ совершенно овладѣлъ умомъ вдовствующей королевы, склоняетъ ее къ младшему сыну, Гастону, и возбуждаетъ противъ старшаго; онъ показывалъ королю подложныя письма, наполненныя оскорбленіями и угрозами противъ монарха и даже пользовался вліяніемъ на суевѣрнаго Людовика астрологовъ и гадалщицъ. Однимъ словомъ, онъ не давалъ ни минуты покою болѣзненной душѣ слабаго юноши и, наконецъ, достигъ своей цѣли, получивъ желаемое повелѣніе. Послѣдствія извѣстны. Кончина былъ умерщвленъ въ самомъ дворцѣ, трупъ несчастнаго растерзанъ яростною чернью и сожженъ у подножія статуи Генриха Четвертаго, и вдовствующая королева получила отъ семнадцатилѣтняго сына повелѣніе отправиться въ изгнаніе.

Такимъ образомъ Людовикъ Тринадцатый началъ кровавою уступкой въ пользу феодальной партіи царствованіе, которому суждено было уничтожить эту партію.

Таково было положеніе Франціи передъ появленіемъ на политическомъ поприщѣ человѣка, жизнь котораго мы намѣреваемся изобразить. Королевская власть не имѣла никакой силы, не пользовалась никакимъ уваженіемъ; принцы королевскаго дому и другіе знатные дворяне, составляли заговоры, занимались интригами, думали только о себѣ, нисколько не помышляя объ общемъ благѣ; тѣ, которые должны были бы пещись о благосостояніи и неприкосновенности отечества, безъ зазрѣнія совѣсти соединялись то съ гугенотами, то съ Испанцами; парламентъ въ государственныя дѣла почти не вмѣшивался; низшее дворянство и граждане о нихъ и не заботились; повсюду цар-

своимъ совершенное безначаліе. Такое положеніе дѣлъ необходимо должно было замѣниться. Орудіемъ для совершенія переворота Провидѣніе избрало Армана-Жана Дюпlessi де-Ришліе.

Жизнь этого человѣка, занимательная во всѣхъ отношеніяхъ, совсѣмъ не отличается тѣмъ характеромъ строгаго единства, который старались придать ему многіе историки. Стремясь къ власти, онъ выказывалъ качества совершенно противоположныя тѣмъ, которыя проявились въ немъ съ такимъ блескомъ, когда онъ достигъ власти и Шатобрианъ справедливо сказалъ о немъ, что «возвышеніемъ своимъ обязанъ онъ своей гибкости, славою—своей гордостью».

Онъ былъ сынъ бѣднаго дворянина изъ провинціи Поату, и родился въ 1585 году. Въ молодости Арманъ Дюпlessi служилъ въ военной службѣ; но одинъ изъ его братьевъ, Альфонсъ, бывшій люсонскимъ епископомъ, отказался отъ своего званія и пошелъ въ монастырь; тогда Арманъ рѣшился посвятить себя духовному званію, чтобы, по обычаю того времени, не выпускать изъ своей бѣдной фамиліи, мѣста почетнаго и доходнаго. Онъ занимался нѣкоторое время богословіемъ, отправился въ Римъ и двадцати-двухъ лѣтъ отъ-роду былъ облеченъ въ санъ люсонскаго епископа. Возвратившись во Францію, онъ, казалось, совершенно посвятилъ себя духовному званію, снова принялся за изученіе богословія, писалъ подлечившія сочиненія противъ реформатовъ, нѣсколько постовъ говорилъ проповѣди въ Парижѣ, и такъ протекала его бездѣятная юность. Марія де-Медичи съ удовольствіемъ слушала молодого предата, который обратилъ на себя вниманіе двора своимъ правдынымъ, одушевленнымъ лицомъ и благороднымъ видомъ. Онъ умѣлъ приобрести покровительство маршала Анкерскаго, и тотъ представилъ его вдовствующей королевы. Ришліе былъ избранъ въ депутаты при собраніи генеральныхъ штатовъ 1614 года, пріѣхалъ къ партіи королевы, съ жаромъ защищалъ союзъ съ Испаніею, доказывалъ необходимость оставить власть въ рукахъ регентши и сильно противился всѣмъ мѣрамъ, которыя внушены были генеральнымъ штатамъ принцами.

Такая преданность не осталась безъ награды, Черезъ

вѣроятно и ѿлучивъ по закрытіи штатовъ, но волею вдовствующей королевы, онъ былъ наименованъ великимъ милостыне-раздавателемъ Анны Австрійской. Маршалъ Анришій выхлопоталъ ему позволеніе продать свою должность и это доставило Ришелье возможность жить при дворѣ довольно открытымъ образомъ. «Я приобрѣлъ благорасположеніе маршала, говоритъ самъ Ришелье въ своихъ Запискахъ: и поправился ему съ перваго нашего свиданія. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что у него есть подъ рукою молодой человекъ, который поучитъ *тшѣ bagboni*. Потомъ онъ сталъ неблагополонъ ко мнѣ, во-первыхъ, потому что видѣлъ противорѣчіе, котораго не ожидалъ отъ него, во-вторыхъ, потому что мнѣ много вредилъ Руссе, который не упускалъ ничего чтобы погубить меня, и Барбена».

Послѣ бракосочетанія короля, Коняччи, желая имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи испанскаго двора, наиревался отправить туда епископа лиссонскаго. Ришелье очень радъ былъ принять на себя это порученіе; но по вѣстимъ прища Кольде подѣ стражу и разграбленіи дому маршала Анжрсакаго, регентши и Коняччи сочли необходимымъ измѣнить составъ совѣта и допустить въ него только людей, совершенно и^н преданныхъ. Ришелье они назначили для исправленія должности государственнаго секретаря вмѣстѣ съ старикомъ Вильроа, который, прослуживъ при трехъ царствованіяхъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, не имѣлъ уже силы характера, необходимой въ трудныхъ обстоятельствахъ. Сдѣлавшись товарищемъ Манго и Барбена, вкорныхъ рабовъ регентши, повинуясь маршалу Анжрскому, котораго не любилъ и не уважалъ, Ришелье былъ въ этомъ кабинетѣ орудіемъ послушнымъ и второстепеннымъ. Въ одномъ только случаѣ проявилась его собственная, твердая воля. Маршалъ назначилъ ему, по званію статсъ-секретаря, большое жадованье и требовалъ, чтобы онъ отказался отъ своего епископства, «но, принявъ въ соображеніе, говоритъ Ришелье, обстоятельства, могущія случиться, какъ отъ неостояннаго характера этого человека, такъ и отъ переменъ въ его общественномъ положеніи, я никакъ на это не соглашался, за что онъ, паррасно, на меня сердился». Изъ этого видно, что первые уещыи

не ослѣпляли молодаго министра, что онъ не хотѣлъ играть въ слишкомъ большую игру и умѣлъ соглашать честолюбіе съ благоразуміемъ.

Въ послѣдніе дни жизни маршала Анкресаго, между нимъ и новымъ статсъ-секретаремъ были неудовольствія; ноту Записокъ Ришліе ясно видно, что онъ предугадывалъ паденіе своего покровителя и принималъ уже мѣры, чтобы сблизиться съ принцами и съ братьями королевскаго любимца де-Люнния. И онъ дѣйствовалъ не безъ успѣху. Тотчасъ по умерщвленіи несчастнаго Флорентинца, Ришліе былъ призванъ во дворецъ и король объявилъ ему, «что не смѣшиваетъ его съ коварными совѣтниками маршала и будетъ обходиться съ нимъ хорошо». Де-Люнни утѣрялъ его въ своей преданности и, объявилъ, что онъ одинъ сохранитъ мѣсто свое въ совѣтѣ и что король приказалъ ему немедленно туда отправиться.

Пожертвовать маршаломъ было не мудро, потому что его уже не было на свѣтѣ; но вдовствующая королева была жива, она имѣла нѣкогда большое вліяніе на короля, могла и снова овладѣть умомъ его: въ этомъ отношеніи надобно было поступать очень осторожно. Марія съ высоты могущества низверглась вдругъ въ самое жалкое положеніе: у дверей ея спальни стояли солдаты и даже въ ея постели вскали пороку, который, какъ утѣряли, она прятала въ своей комнатѣ, чтобы взорвать сына на воздухъ. Отказаться отъ своей покровительницы въ такое время было бы постыдно, недостойно дворянина и еще болѣе епископа, да притомъ и опасно; но совершенно предаться ей въ несчастіи было бы самопожертвованіемъ, труднымъ, и можетъ-быть безъ всякаго вознагражденія въ будущемъ. Ришліе удалось выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія; поставленный обстоятельствами между вдовствующею королевою и королемъ, онъ съ взымательной ловкостью умѣлъ сохранить привязанность одной и пріобрѣсти благорасположеніе другаго, не нарушилъ приличія и не повредилъ своимъ выгодамъ. «Я спросилъ де-Люнния какъ-можно осторожно, чтобы не рассердить его: позволить ли онъ мнѣ видѣться съ бывшею регентшею, прибавивъ, что если ему угодно будетъ одѣлать мнѣ эту милость, то я, конечно, буду стараться не раздра-

жать, а укрощать королеву». Это было позволено. Когда Ришліе въ первый разъ явился въ совѣтъ, новые министры объявили, что не хотятъ имѣть съ нимъ никакого дѣла; это показало люсонскому епископу, что при дворѣ ему удержаться будетъ трудно и потому онъ рѣшился играть роль мученика вѣрности. Въ то самое время, какъ любимая подруга Маріи Медичи была приговорена къ казни за колдовство и чародѣйство, и матежные принцы съ торжествомъ возвратились въ Лувръ, Марія Медичи, съ немногими служителями, отправилась въ мѣсто своего изгнанія, городъ Блоа. «Я провожалъ ее изъ Парижа, говоритъ Ришліе и мнѣ пріятнѣе было принимать участіе въ ея скорби, нежели пользоваться благами, которыми хотѣли надѣлать меня враги ея». А за этимъ въ его Запискахъ слѣдуетъ довольно замѣчательное признаніе. «Я непремѣнно хотѣлъ имѣть на это письменное дозволеніе отъ самого короля, для того, чтобы они не поставили потомъ мнѣ въ вину, что я за нею послѣдовалъ и не сталъ бы утверждать, будто я сдѣлалъ это по собственному побужденію». Какая осторожность!

Въ Блоа Ришліе сдѣлался главнымъ совѣтникомъ Маріи Медичи, и тотчасъ вступилъ въ сношенія съ де-Люншемъ, отдавалъ ему самый подробный отчетъ во всѣхъ ея дѣйствіяхъ и ручался за ея поведеніе. Нелегко было выдержать эту двуличную роль. Король и его любимецъ де-Люинь, были довольно хорошо расположены къ епископу люсонскому, но члены совѣта не довѣряли ему, ненавидѣли его и, наконецъ, по ихъ настоянію, король приказалъ ему выѣхать изъ Блоа. Ришліе тщетно расточалъ въ письмахъ къ Людовику Тринадцатому и къ де-Люиню увѣренія въ своей преданности къ нимъ; онъ принужденъ былъ удалиться, сначала въ свое епископство, а потомъ въ Авиньонъ. Это пріобрѣло ему полную довѣренность Маріи Медичи: она считала удаленіе епископа новымъ гоненіемъ на себя.

По-неволѣ возвратившись на два года къ своей паствѣ и къ духовной жизни, Ришліе написалъ нѣсколько богословскихъ твореній, впрочемъ очень посредственныхъ.

Ссылка въ Авиньонъ, чрезвычайно прискорбная для Ришліе, положила, однако жъ, начало его быстрому возвыше-

нью. Въ темную зимнюю ночь вдовствующая королева убила изъ бласского замка, спустившись со стѣны по веревочной лѣстницѣ. Герцогъ д'Эпернонь, поссорившійся съ дворомъ, собралъ нѣблую армію и принялъ Марію Медичи въ области, которая состояла подъ его управленіемъ. Вдова Генриха Четвертаго одѣлала воззваніе ко всѣмъ лодовальнымъ, то есть, ко всѣмъ честолюбцамъ и гонимцамъ снова начать противъ сына междоусобную войну, одна только погаснущую.

Со времени смерти маршала Анкроаго ничто не помѣнилось, ни коренныя учрежденія, ни вѣданы и надежды аристократовъ. Де-Люинъ, умертвивъ Кончини, удовлетворялъ ихъ мести, и союзъ между нимъ и феодалскою партіею былъ запечатѣвъ этой кровью; но потомъ обстоятельства заставили его мало-по-малу отдѣлаться отъ нея и его стали обвинять въ томъ, что онъ дѣлалъ друзей своихъ, мстившимъ дакъ онъ только защищался. Новые министры не соглашались возвратитъ свободу принцу Кондѣ и предать обязанности государства на разграбленіе знатнымъ, не давали однако жъ имъ ни областей въ управленіе, ни уириаленнмакъ городовъ, чтобы сохранить цѣлость государства. При томъ большая часть добычи отъ Кончини и несчастной жены его, досталась де-Люиню и въ этомъ состоялъ, если не единственный, то по-крайней-мѣрѣ главный результатъ послѣднато переворота. Де-Люинъ очень хорошо понималъ, что для сохраненія власти и для спасенія трона, необходимо примириться съ вдовствующей королевою, которая находилась въ Ангюлемѣ и имѣла уже въ своемъ распоряженіи значительныя силы. Гугеноты сбѣгались ее асбить своронъ и предлагали ей свои небезкорыетныя услуги, а слабое и нерышительное управленіе герцога де-Люиня снова обратило общее мнѣніе въ пользу Маріи Медичи. Поэтому примиреніе было нелегко и герцогъ поручилъ это дѣло епископу'юсовскому. Риншіе, въ величайшей своей радости, получилъ въ Авньонѣ королевское повелѣніе немедленно отправиться къ вдовствующей королеви. Но лонкій прелать уверилъ ее, что она предпринимала это путешествіе не по приказанію двора, а изъ преданности къ ней. Поэтому, прибывъ въ Ангюлемъ, онъ одѣлался главнымъ совѣтникомъ королевы, руководителемъ войскъ и

дѣйствій. Ему не трудно было внушить ей желаніе сблизиться съ сыномъ и съ дворомъ, но Марія Медичи, какъ и всѣ предводители партій, совершенно завистьла отъ своихъ приверженцевъ: поэтому всѣ усилія Ришелье почти годъ оставались тщетными. Свиданіе матери съ сыномъ въ Турѣ не произвело ничего, кромѣ лицемѣрныхъ увѣреній во взаимной преданности и привязанности. Притомъ бывшая регентша заботилась не о томъ, чтобы привлечь къ себѣ сердце Людовика Тринадцатаго, а чтобы снова овладѣть потерянною властью, а при видѣ матери, въ душѣ молодого короля снова возникли подозрѣнія, мучившія его во всю жизнь.

Тутъ случилось событіе, которое весьма хорошо характеризуетъ эти времена слабости и безначалія. Опасаясь знатныхъ, которые грозили ему своей мстью за нѣмѣну, де-Люинъ пытался было сблизить короля съ вдовствующею королевою; но потомъ, замѣтивъ что Марія Медичи желаетъ только одного—власти, онъ рѣшился противопоставить ей принца Кондѣ, и предводитель мятежной партіи принцевъ, проведѣвъ три года въ заключеніи, былъ освобожденъ. Приведенная въ негодование этой отиѣною главной нѣры ея управленія, вдовствующая королева тотчасъ прервала свои переговоры съ дворомъ и призвала къ себѣ на помощь всѣхъ внутреннихъ честолюбцевъ, всѣхъ высшихъ неприятелей. Принцы и знатные раздѣлились: каждый предъявлялъ свои требованія и готовился поддерживать ихъ со шпагою въ рукахъ. Въ Манъ, въ Анжѣ, въ Поатѣ, въ Сентонжѣ, раздались звуки оружія и частная ссора между герцогомъ де-Люинемъ и герцогомъ д'Энриномъ разрослась въ междоусобную войну.

Армія сошлась близъ Анжера, но дрались неохотно и предводители ихъ поняли, что пора перестать играть въ войну. Началась переговоры; епископъ люсонскій принялъ въ нихъ дѣятельное участіе и въ августѣ 1620 борьба окончилась всеобщимъ миромъ, заключеннымъ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣ предъидущіе мирные договоры. Знатные обѣихъ партій получили все чего ни требовали. Въ дуракахъ остались только скромные; но этихъ было не много. Въ дѣтворахъ междоусобной войны, каждый получилъ какой-нибудь вымырышъ, а Ришелье самый большой: ему на-

значена была кардинальская шапка. Для него еще не настало время вступить въ совѣтъ: тамъ застѣдали люди, сдѣлавшіеся министрами по умерщвленіи маршала Амкрскаго; но въ санѣ кардинала можно было и подождать, да притомъ этотъ же самый санъ подавалъ ему надежду, что ждать придется не долго. Ришліё, къ удовольствію всего двора, и особенно Марін Медичи, выдалъ любимую свою племянницу за маркиза Комбалё, племянника герцога де-Люннѣ. Вдовствующая королева надѣлила эту дѣвушку приданымъ и твердо была увѣрена, что ея вѣрный совѣтникъ, единственно изъ преданности къ ней, рѣшился вступить въ свойство съ любимцемъ короля.

Несмотря однако жъ на обѣщанія, данныя люсонскому епископу въ Анжерѣ, онъ долго не получалъ кардинальской шапки, потому ли что римская канцелярія была нерасположена къ нему или по интригамъ его непріятелей, которые боялись, что это еще увеличитъ могущество Ришліё. Какъ бы то ни было, только онъ уже въ 1622 году, по кончинѣ кардинала де-Ретцъ былъ возведенъ въ санъ кардинальскій. Между-тѣмъ событія шли своей обычной чередою, дѣла запутывались и по-немногу приближали честолюбиваго прелата къ цѣли всѣхъ его желаній.

Король вознамѣрился дозволить въ Беарнѣ исповѣдованіе католической религіи, которое уже лѣтъ пятьдесятъ было запрещено въ этой провинціи, и реформаты снова принялись за оружіе. Въ Ла-Рошелѣ состоялось собраніе; правительство требовало, чтобы оно разошлось; собраніе отказалось и напомнило королю, что реформаты возвели отца его на тронъ.

Находясь въ сильно укрѣпленномъ городѣ, собраніе нисколько не боялось королевскихъ войскъ, и спокойно занималось правительственными дѣлами. Оно раздѣлило все государство на осмынадцать церковныхъ округовъ, которые подраздѣлялись еще на церкви простые и сложные. Въ каждый изъ этихъ округовъ опредѣлены были военные начальники и гражданскіе правители; изданы законы для управленія государствомъ и въ мирное и въ военное время. Герцогъ Роганскій и братъ его, герцогъ Сусбраскій, назначенные главнокомандующими гугенотскихъ войскъ, готовили себѣ такое же положеніе, какое за-

нялъ въ Нидерландахъ домъ Оранскій. «По всему было видно, говоритъ Ришелье, что они намѣревались учредить въ государствѣ республику».

Людовикъ Тринадцатый выступилъ въ походъ. Въ этой войнѣ онъ выказалъ блистательную храбрость, единственное качество, которымъ отличался жалкій монархъ, совершившій великія дѣянія тогда только, когда совершенно подчинился своему министру. Жители Ла-Рошели были объявлены государственными преступниками и виновными въ оскорбленіи королевскаго величія. Людовикъ Тринадцатый взялъ приступомъ городъ Сенъ-Жанъ д'Анжели, а между-тѣмъ герцогъ Мэнскій овладѣлъ Неракомъ и многими крѣпостями въ Гюевнѣ. Но соперничество принцевъ, мучившее Людовика въ Луврѣ, не оставляло его въ покоѣ и въ лагерѣ. Онъ безпрестанно опасался своей матери, которая слѣдовала за арміею; а самонадѣянная неопытность де-Люнья, который былъ пожалованъ въ коннетабли, тяготѣла надъ военными дѣйствіями. Осада Монтобана положила конецъ успѣхамъ королевскаго оружія. Всѣ силы монархіи не могли преодолѣть надежнаго оплота реформатовъ, не столько по геройской оборонѣ жителей этого города, какъ по слабости двора и унынію арміи. Герцогъ Мэнскій палъ подъ стѣнами Монтобана и французское дворянство неохотно повиновалось коннетаблю, который былъ нѣкогда сокольничимъ и учился военному искусству на охотѣ. Де-Люнь былъ вмѣстѣ и хранителемъ печати и коннетаблемъ, почему современники говорили о немъ, что онъ чрезвычайно способный правитель въ военное время и генералъ—въ мирное.

Де-Люнь принужденъ былъ снять осаду Монтобана, не могъ даже взять Монгёра, ничтожнаго мѣстечка въ Лангдокѣ. При томъ король все болѣе и болѣе охлаждвалъ къ нему, общественное мнѣніе все болѣе и болѣе противъ него возставало и онъ не чувствовалъ въ себѣ силы бороться съ всеобщимъ, заслуженнымъ презрѣніемъ. Горестъ свела его въ гробъ; онъ умеръ и король остался одинъ, безъ опоры. Кто жъ овладѣетъ теперь милостію и довѣренностію государя? спрашивали все, потому что никому и въ голову не приходило, чтобы онъ могъ дѣйствовать самъ собою. Власть перешла въ могучія руки человѣка, который дол-

гдѣ время безмолвно готовился къ борьбѣ на-смерть съ безпокойною, мятежной знатью. Утомленная непрерывными переворотами, Франція желала власти сильной, съ такою же пламенной страстью, съ какою стремилась она къ деспотизму неслѣ всѣхъ безпорядковъ, и Ришліэ неслѣ регентства, былъ почти тѣмъ же, чѣмъ Наполеонъ послѣ директоріи.

И какія трудныя политическія и общественныя задачи надлежало рѣшить въ то время и во Франціи и въ Европѣ! Во Франціи протестанты, образуя государство въ государствѣ, почти безпрерывно бунтовали; дворъ раздѣлялся на нѣсколько партій, къ которымъ вскорѣ присоединилась еще партія Гастона Орлеанскаго, брата Людовика Тринадцатаго. Европа, взволнованная реформою, еще не устоялась. Въ Германіи начиналась Тридцати-лѣтняя война. Императоръ Фердинандъ Второй восторжествовалъ надъ Богеміею и выгналъ оттуда курфирста Фридриха, на котораго протестанты возложили королевскую корону; но протестантскіе принцы возобновили Смалькальденскій союзъ и Швеція уже готовилась выступить вслѣдъ за Даніею на попріще битвъ. Императоръ съ своей стороны дѣлалъ огромныя приготовленія и вокругъ него собирались всѣ силы католиковъ. Валленштейнъ возвышался какъ звезда первой величины на мрачномъ горизонтѣ Германіи и уже изучалъ въ небесахъ таинственныя предвѣщанія своего величія. Императоръ Фердинандъ старался возобновить тѣсную связь Австріи съ Испаніею и дѣйствовалъ за-одно съ набиетомъ Санъ-Лоренсо, чтобы господствовать надъ Италіею. Главною мыслию его было снова начать дѣло Карла Пятаго. Филиппъ Четвертый, который по смерти отца своего вступилъ на престолъ испанскій и владѣлъ всею полуденною Европою, отъ Неаполя до Лиссабона, во всемъ согласовался съ своимъ родственникомъ. Принудить Англію къ бездѣйствію, возбудить тамъ католическую партію, лишить Францію вліянія на вѣнскія дѣла, подкупить принцевъ и знатныхъ, которые безпрерывно возмущали ея внутреннее спокойствіе; уничтожить Голландію и отменить ей за долговременное перемиріе, къ которому принудила она своихъ прежнихъ властелиновъ; привлечь къ себѣ герцога Савойскаго, чтобы безпрятственно

управлять дѣлами Италіи; противопоставить папу Венеціи и древнее величіе имперіи замысламъ курьеретовъ; замысль была обширный планъ, внушенный испанскому министру его неизвѣнною мыслію о всецѣлительной монархіи.

Въ началѣ этой долговременной борьбы императоръ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ. Извѣстно, что положеніе дѣлъ измѣнилось тогда только, когда, по настоянію Франціи, выступила на поприще Швеція. Если бы Римліе своими смѣлыми соображеніями не оставилъ торжества австро-испанской политики, Франція, не имѣя никакого вліянія на эти важныя событія, конечно, опустылаась бы; и можетъ быть на долго, на чреду державъ второстепенныхъ.

И между-тѣмъ судьба человѣка, который своими отважными планами и побѣдоноснымъ оружіемъ, приводилъ съ трепетомъ всю Европу, завистля отъ прихотей королевы, отъ интригъ Гастона, отъ какого-нибудь разговору короля съ своимъ дуковникомъ, отцомъ Госселемъ, или надюказель ла-Файеттъ. Вся драматическая занимательность жизни Римліе заключается именно въ рѣзкой противоположности между строгостію предпріявій и шаткостью основаній желанья, который ихъ замыслилъ.

По смерти коннетабля де-Люмья, вдовствующая королева получила позволеніе засѣдать въ совѣтѣ, и рассчитанная умѣренность, съ которою она пользовалась этимъ привилегіею, разсѣяла на время все опасенія ея сына. Вступленіе Маріи Медичи въ совѣтъ необходимо должно было повлечь за собою вступленіе Римліе въ министерство. Видя, что это неизбѣжно, и желая угодить вдовствующей королевы, герцога де-ла-Вильяма предлагалъ назначить его статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ и король изъявилъ на то свое согласіе. Римліе было тогда тридцать девять лѣтъ.

Кардиналъ, достигнувъ цѣли всѣхъ своихъ желаній, отказывался отъ званія, которое король возлагалъ на него. Въ Запискахъ своихъ онъ подробно излагаетъ причины, которыя представлялъ Людовику Тринадцатому въ оправданіе своего отказа. Это одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ въ его «Политическомъ завѣщаніи».

«Кардиналъ, говоритъ онъ, по многимъ соображеніямъ

и многими причинами, отказывался сколько было возможно. Онъ представлялъ королю, что Господь Богъ надѣлялъ его нѣкоторыми качествами и силою ума, но съ такою слабостію тѣла, что это послѣднее качество лишаетъ ему пользоваться остальными въ шумѣ и тревоженіи сѣта. Въ доказательство справедливости словъ своихъ, онъ говорилъ, что готовъ исполнять все, что королю угодно будетъ возложить на него и въ публичныхъ и въ частныхъ дѣлахъ, готовъ служить ему всеми своими способностями, не только не присутствуя въ совѣтѣ. Чтобъ быть членомъ совѣта, надобно выполнять столько условій несовѣтныиъ съ слабостію его сложенія, не всѣми извѣстною, что онъ считаетъ долгомъ совѣсти отказаться отъ этой чести и прочее.

Чтобы попасть въ совѣтъ, Ришелье указывалъ на свои костью; вступая туда, онъ его отбрасывалъ. Принявъ управленіе иностранными дѣлами, онъ на другой же день началъ распорядиться въ совѣтѣ самовластно. Кардиналь самъ давалъ ему право председательствовать въ совѣтѣ, чего, впрочемъ, никто у него и не оспаривалъ, и этотъ человекъ, столь покорный при маршалѣ Анкерскомъ, сталъ гибкій и уступчивый при коннетаблѣ де-Лювиѣ, вдругъ обнаружилъ свой повелительный характеръ, котораго никто и не подозрѣвалъ въ немъ. Дѣло въ томъ, что теперь уже передъ нимъ не было никого, кто бы могъ ему противиться, и необходимо было господствовать надъ королемъ: иначе бы онъ увернулся отъ своего министра и подставилъ шею подъ ярмо какого-нибудь ничтожнаго любимца. Въ то время, когда Ришелье вступилъ въ совѣтъ, мѣсто было не занято и надлежало тотчасъ овладѣть имъ, чтобы самому удержаться.

Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ какими средствами ему удалось надолго подчинить себѣ непостояннаго Людика Тринадцатаго.

=

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ВОЛЬНОЙ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ
КОМПАНИИ НА АКЦІЯХЪ

ДЛЯ ТОРГОВЛИ ХЛѢБОМЪ.

Тысячу разъ было сказано, и никто въ томъ не сомнѣвается, что, въ Россіи, главный источникъ государственнаго и народнаго богатства — земледѣліе. Много пишутъ, разсуждаютъ и говорятъ о способахъ къ его усовершенствованію, но оно всё-таки какъ будто не подвигается. Удачныя частныя примѣры, мѣстныя хорошія нововведенія, остаются только примѣрами и нововведеніями, изъятными случаями отдѣльныхъ успѣховъ, которымъ не стараются подражать даже ближайшіе сосѣди. Равнодушіе! невѣжество! рутинна—говорятъ агрономы: пусть ихъ говорятъ; а кто посудитъ здравымъ русскимъ толкомъ, несбытымъ мечтательными теоріями, такъ скажетъ, что это—очень естественно: иначе и быть не можетъ! Вы намъ говорите, господа агрономы: «учитесь *ученому* земледѣлію, учитесь земледѣлію *раціональному*, подражайте земледѣлію англійскому, бельгійскому, ломбардскому, китайскому, покупайте усовершенствованныя орудія, разводите скотоводство и плодонеремывности». Очень хорошо. Но кто мнѣ возвратитъ капиталъ, который я положу на мое ученіе, на пріобрѣтеніе усовершенствованныхъ орудій, на покупку богатыхъ породъ скота? Мои произведенія? мой хлѣбъ, котораго пудъ я продаю по гривеннику, когда годъ мало-мальски урожайный или, всё-равно, когда земледѣльческія усовершенствованія мои и моихъ сосѣдей вѣнчаются успѣхомъ и доставляютъ всѣмъ намъ хорошія жатвы? Я готовъ, по вашему совѣту, перенять всѣ пріемы у англійскаго, бельгійскаго и ломбардскаго

земледѣлія, если вы мнѣ доставите англійскіе, бельгійскіе и ломбардскіе пути сообщенія, которыхъ огромная, плоская, безрѣчная, почти безморская Россія, по своему геологическому устройству и географическому положенію, имѣть не можетъ, эти частые, многочисленныя города, которые на всемъ пространствѣ страны содержатъ хлѣбъ въ высокой и, главное, вездѣ *роеной* цѣнѣ. Безъ этого, по-напрасну хлопочете. Не только полеводство и скотоводство, но даже и инструментная часть сельскаго хозяйства не выйдетъ изъ своего первобытнаго, грубаго состоянія, потому единственно, что земледѣльцы наши не видятъ вознагражденія за труды свои по причинѣ ничтожества цѣнъ на хлѣбъ, даже при посредственномъ урожаѣ. Исполненный патриотическихъ чувствованій, всякой русскій хозяинъ съ признательностью смотритъ на заботливость нашихъ экономистовъ и агрономовъ объ улучшеніи и усовершенствованіи отечественнаго земледѣлія. Равнодушія въ насъ нѣтъ. Къ рутинѣ мы отнюдь не такъ привязаны, какъ насъ увѣряютъ. Боже мой! можно ли русскаго человѣка обвинять въ пристрастіи къ старинѣ послѣ Петра Великаго? Наша нынѣшняя слабость напротивъ—подражать всему иностранному, подражаемому и неподражаемому. Да и кто себѣ врагъ на пахатной землѣ? Какъ можно не цѣнить, не перенимать, не заводить на своемъ родномъ полѣ того, что должно умножить наши доходы и уменьшить опасности отъ голодныхъ годовъ! То, чему насъ учатъ, что намъ преподано, мы все поняли и уразумѣли досконально. Мы вытвердили наизусть всѣ способы распознавать почвы, удобрять ихъ сообразно съ качествомъ, давать каждому растенію кушать то, что ему по сердцу и по животу; новыя, чудесныя земледѣльческія орудія и машины намъ указаны и мы съ полнымъ вниманіемъ наблюдали примѣненіе ихъ къ практическому дѣйствованію. Наша братья готова все это принять въ повсемѣстное руководство и увѣрена какъ-нельзя лучше, что образцовыя выгоды, которыя должны доставить намъ нововведенія, могутъ осуществиться. Это несомнѣнно. Но мы требуемъ рассмотрѣнія слѣдующаго вопросу: возможно ли частному лицу, одинокому земледѣльцу, изучившему и узнавшему все это, воспользо-

но ли ему личными трудами своими, по показаннымъ въ книгахъ и даже на дѣлѣ образцамъ, обработать свой участокъ земли и завести на немъ такія орудія и машины? Если предположить у насъ капиталы, — предположеніе было бы довольно смѣлое, но предполагать можно все на свѣтѣ, даже деньги у русскаго земледѣльца, — и предположить въ насъ всю подобающую готовность употребить эти капиталы на орудія и машины, то надо также предположить и кое-какое знаніе ариметики. Каждый изъ насъ прежде всего долженъ же спросить себя: можетъ ли капиталъ, положенный на это, быть вознагражденъ, за покрытіемъ всѣхъ годовыхъ издержекъ, годичнымъ урожаемъ, хотя бы урожай былъ самъ-двадцать? и въ состояніи ли будетъ, при этихъ издержкахъ, земледѣлецъ, взятый въ одномъ тяглѣ, бездомочно уплачивать государственныя подати, когда цѣна на хлѣбъ не болѣе двадцати-пяти копѣекъ ассигнаціями за пудъ, какъ то часто бываетъ во многихъ губерніяхъ, лишенныхъ водяныхъ сообщеній и способовъ сбывать свои сельскія произведенія?

Люди, въ ариметическомъ дѣлѣ смышленные, очень легко могутъ вычислить всѣ потребности поселянна, оцѣнить ихъ количествомъ пудовъ хлѣба, а не рублями, и изъ итога пудовъ хлѣба, по соображенію цѣнъ, вывести денежныя силы земледѣльца. При этомъ расчетѣ, если оставить земледѣльцу необходимое количество хлѣба на продовольствіе его семейства и скота, откроется, что въ лучшій урожай онъ не болѣе можетъ удѣлить въ продажу, какъ сто пудовъ разнаго хлѣба, и это еще слишкомъ много. Изъ пятаго нумера Санктпетербургскихъ Вѣдомостей благополучно наступившаго 1844 года, каждый можетъ видѣть, что мы — слава Богу! — сыты, жаловаться не можемъ, хлѣбъ повсюду очень дешевъ, а въ черниговской губерніи, гдѣ мимоходомъ будь сказано, течетъ Днѣпръ, рѣка великая и славная, пудъ ржи недавно продавался по четырнадцать копѣекъ ассигнаціями. Слѣдовательно за 100 пудовъ земледѣлецъ тамъ получилъ только 14 рублей ассигнаціями, или четыре цѣлковыхъ. А между-тѣмъ нужды поселянна, государственныя и житейскія, едва-ли можно удовлетворить ста рублями. Сто рублей! Это для нѣкоторыхъ губерній представляетъ около *семи сотъ пудовъ*

хлѣба, для другихъ пять сотъ, триста или, по меньшей мѣрѣ двѣсти! Безъ ста рублей трудно справиться поселанину. На одно тягло надо положить три души малолѣтнихъ, съ умершими и отданными въ рекруты: слѣдовательно, оныхъ государственныхъ податей и другихъ повинностей оно должно платить въ общей сложности до шестидесяти рублей ассигнаціями. А житейскія его потребности, ремонтъ сбруи, сохи, косы, серпа, топора, покупка соли, и прочая: все это, какъ извѣстно, требуетъ пятидесяти рублей въ годъ. По ограниченной пропорціи, ведро вина на тягло, — безъ этого русскій крестьянинъ не сдѣлаетъ ни помочи при уборкѣ хлѣба, ни проведетъ своего праздника, ни даже не отдохнетъ отъ трудовъ, — на эту статью нужно ему десять рублей пятьдесятъ копѣекъ. Для выкурки этого ведракупить у него не болѣе одного пуда десяти фунтовъ ржи. Между тѣмъ, земледѣлецъ, на покупку этого ведра вина долженъ употребить по черниговскимъ цѣнамъ семьдесятъ пять пудовъ ржи. Вотъ уже слишкомъ сто двадцать рублей неизбѣжныхъ издержекъ въ году для поселанина. Послѣ этого, нечего приписывать затрудненій земледѣльца необразованности земледѣлія. Эти затрудненія всегда будутъ существовать, потому что нужды его увеличиваются безпрестанно, а цѣны на хлѣбъ, въ урожайный годъ, и теперь еще такія же, какія были въ шестнадцатомъ столѣтіи. Не остается другаго средства какъ, для удовлетворенія неизбѣжныхъ нуждъ, продавать рабочій скотъ и лишаться самыхъ земледѣльческихъ орудій. Въ оренбургской губерніи, во многихъ татарскихъ селеніяхъ, гдѣ, слѣдовательно, даже и вина не пьютъ, гдѣ вовсе не предаются невоздержности, поселяне дошли до того, что семь и десять дворовъ, на правѣ товарищества, составляя для пашни одинъ только сабанъ въ видѣ обыкновенной сохи, запрягасмый въ пять или шесть лошадей, обрабатываютъ землю поочередно, три дни для одного, потомъ для другаго, и такъ далѣе, теряютъ короткое рабочее время, засѣваютъ хлѣба слишкомъ мало и терпятъ величайшую нужду; большая часть ихъ, вовсе оставила домашнее хозяйство, и вѣчно нанимается въ годовые работники за плату, едва достаточную на взносъ податей. Невѣжество ли въ земледѣльческомъ дѣлѣ виновато этому? Нѣтъ.

нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Виновато одно только то обстоятельство, что цѣны на всѣ предметы безпрерывно возвышаются, а цѣны на хлѣбъ остаются всё тѣ же, по физическимъ неудобствомъ русскѣй земли. Какъ можно сказать, что русское земледѣліе неподвижно, что оно не дѣлаетъ успѣховъ? На томъ же мѣстѣ, гдѣ за полтора столѣтія жило двѣнадцать милліоновъ человѣкъ, теперь живетъ сорокъ восемь милліоновъ кореннаго русскаго народа, новей почти нѣтъ, почвы выпахались, и при малѣйшемъ урожаѣ некуда дѣвать хлѣба! Можно ли сравнить упряжь, инструменты, заботливость, трудолюбіе, промышленность нынѣшняго нашего земледѣльца съ тѣмъ, что было при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ? Нѣтъ, порокъ земледѣлія нашего не состоитъ въ неподвижности; оно напротивъ движется впередъ слишкомъ скоро въ сравненіи съ цѣнами на его произведенія, потому что кормить нынче вчетверо болѣе народу и всё-таки принуждено сбывать свои продукты по цѣнамъ, водившимся при вчетверо меньшемъ населеніи. Горе его, слѣдовательно, не невѣжество, не неумѣнье добывать большое количество произведеній, не равнодушіе къ улучшеніямъ, но окаменѣлость цѣнности хлѣба, пораженной вѣковою неподвижностью. Этотъ несомнѣнный фактъ подаетъ поводъ многимъ изъ нашихъ ученыхъ экономистовъ къ выхваливанію чудесныхъ дѣйствій мануфактурной промышленности. По ихъ теоріи, въ мануфактурахъ—единственное спасеніе для нашего земледѣлія: надо, говорятъ они, уменьшить число рукъ, добывающихъ хлѣбъ, обративъ ихъ къ промышленности другаго рода; тогда одна половина народа будетъ пахать землю, а другая кушать плоды трудовъ ея, и цѣнность хлѣба возвысится. Съ перваго взгляду, эта блистательная мечта кажется похожею на дѣлю. Но не трудно доказать, что она—только мечта, чадо пылкаго воображенія и оболъстительной односторонности. Намъ указываютъ на Англію. Да въ Англіи, — въ этихъ случаяхъ говорится всегда о собственной Англіи, а не о всей Великобританіи,—высокія цѣны на хлѣбъ происходятъ вовсе не отъ того, что мануфактурною промышленностью занимается тамъ пятая часть народонаселенія (3,000,000 человѣкъ), но единственно отъ равнаго всегда раздѣленія хлѣба по всему государству при

сжатости совершенно морской страны, при возможности и помощи безчисленных и отличных путей сообщения и благодаря сильной торговой промышленности. Мы видимъ, сколько могутъ произвести издѣлій три милліона человѣкъ, отданныхъ мануфактурамъ. Земля уже тѣсна для плодовъ ихъ труда, размножаемаго волшебствомъ машинъ. Если Россія когда-либо увидитъ у себя три милліона мануфактурныхъ работниковъ, то и она не будетъ знать, куда дѣвать свои издѣлія. Для внутренняго потребленія нашего три милліона мануфактуристовъ — самое высокое число рукъ, какое можно отдѣлать отъ производства хлѣба. Это кушающее народонаселеніе можетъ образоваться у насъ только изъ дворовыхъ людей и отставныхъ солдатъ. Но оно существуетъ и теперь! У насъ несравненно болѣе трехъ милліоновъ человѣкъ, которые хлѣба не производятъ, а только потребляютъ его, не считая городовъ. Возьмите огромную массу нашихъ дворовыхъ людей, возьмите огромнѣйшую въ мірѣ армію, возьмите еврейское народонаселеніе: окажется, что у насъ, непродизвавшихъ потребителей хлѣба, желудковъ, соотвѣтствующихъ англійскимъ мануфактурнымъ, въ полтора раза болѣе чѣмъ въ Англии. Однако жъ это не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на цѣнность нашего хлѣба. Прибавьте къ нимъ, если угодно, еще три милліона предполагаемыхъ въ будущемъ мануфактурныхъ работниковъ: цѣнность хлѣба все-таки не измѣнится, потому что въ то же время общее народонаселеніе государства умножится десятью или двадцатью милліонами душъ, большее количество земель будетъ разработано и земледѣліе произведетъ новую прибавочную массу хлѣба.

... Неужели же мы на вѣчныя времена обречены продавать нашъ хлѣбъ по четырнадцати, двадцати пяти или сорока копѣекъ?... Вотъ на что наши агрономы и экономисты не обращаютъ вниманія: не два или три милліона лишнихъ непродизвавшихъ потребителей опредѣляютъ въ Англии и вездѣ, гдѣ есть хорошія и легкія сообщенія, цѣну хлѣба не сама природа, другими словами, *неурожаемъ*. Несмотря на всѣ усовершенствованія сельскаго хозяйства въ Англии, такъ же какъ у насъ, каждый годъ извѣстная часть государства болѣе или менѣе страдаетъ неурожаемъ, а круглымъ числомъ каждыя пять лѣтъ случается общій неурожайный

годъ. Обладая на маленькомъ пространствѣ безчисленными каналами, каменными и желѣзными дорогами, сплавыми рѣками и огромнѣйшимъ развитіемъ морскихъ береговъ, Англія, при помощи богатыхъ и дѣятельныхъ торговыхъ компаній, непрерывно передвигаетъ свой хлѣбъ по всему государству съ удивительною легкостью, какъ шашки по шахматной доскѣ, мгновенно наполняя имъ пустыя мѣста и сохраняя избытокъ въ запасъ на случай общаго неурожайнаго года. Такимъ образомъ, хлѣбъ тамъ всегда распределенъ по-ровну на всей поверхности острововъ и цѣны вездѣ равны: между Лондономъ и самымъ отдаленнымъ мѣстечкомъ почти нѣтъ примѣтной разницы въ цѣнахъ этого основнаго матеріала британіи; всегда повсюду удерживается онъ въ одинаковой цѣнѣ, пудъ пшеницы отъ 5 до 6 рублей ассигнаціями, пудъ ржи отъ 3 до 4. Вотъ настоящая тайна англійскаго земледѣлія какъ народнаго богатства! То же самое происходитъ въ Бельгій и въ Италіи. Хорошо быть земледѣльцемъ тамъ, гдѣ произведенія вашей земли тотчасъ сами собою приходятъ въ движеніе, легко отыскиваютъ себѣ выгодный сбытъ и не залежатся на-мѣстѣ. Плохо земледѣльцу тамъ, гдѣ, по физическому устройству страны, надо продать свой тяжелый, неподвижный хлѣбъ за безцѣнокъ, чтобы добыть копѣйку на удовлетвореніе первыхъ потребностей.

Не обвиняйте же насъ въ невѣжествѣ, когда земледѣліе наше не перенимаетъ вашихъ ученыхъ приемовъ. Не для чего перенимать: вотъ и все тутъ! Тогда какъ въ окрестностяхъ двухъ или трехъ большихъ городовъ и въ областяхъ пораженныхъ частнымъ неурожаемъ, цѣны на хлѣбъ довольно выгодны, въ остальной части нашей сухой и обширной земли онъ отдается почти даромъ жителю среднихъ городовъ или жадному спекулянту, потому что онъ самъ собою неподвиженъ. Но вы тотчасъ заговорите мнѣ о годахъ болѣе или менѣе общаго неурожаю. Тутъ-то и ожидаю я васъ, господа земледѣльческіе рационалисты. Да! общій неурожай постигаетъ насъ положительно одинъ разъ каждые пять лѣтъ; тогда сами земледѣльцы вынуждены покупать для себя хлѣбъ слишкомъ по два рубля за пудъ. Съ перваго взгляда, такое возвышеніе цѣны подаетъ умозри-

делая поводъ къ совершенно естественному заключенію, будто одинъ неурожайный годъ покрываетъ четыре урожаяныхъ и дешевыхъ. Но возьмемъ дѣло на мѣлокъ: нѣтъ ничего яснѣе ариметики. Тягло, какъ мы видѣли, можетъ продать въ годъ много-много сто пудовъ разнаго хлѣба. Положимъ четыре года постояннаго и большаго урожая. Положимъ, что втеченіи этого времени тягло продавало даже по полтора ста пудовъ. Положимъ еще, что при такомъ изобиліи хлѣба, какимъ-то чудомъ цѣны были постоянно выгодныя, на примѣръ по осьмидесяти копѣекъ за пудъ. Это составитъ сто двадцать рублей въ годъ: мы видѣли, что тяглу на подати и первыя потребности жизни и хозяйства нужно именно сто двадцать рублей ежегодно. Сколько же тутъ осталось на худой годъ? Въ неурожайный годъ у хозяина ровно нечего продать: вотъ онъ уже въ долгу по крайней-мѣрѣ рублей на шестьдесятъ: это итогъ податей съ его тягла. Теперь надо купить хлѣба на прокормленіе семейства и обдѣлываніе полей: опять рублей шестьдесятъ долгу. Хорошо покрытіе четырехъ хорошихъ годовъ пятью худыми! Стоить только взглянуть въ началѣ самаго урожайнаго года на пустоту сельскихъ гумениковъ, чтобы убѣдиться до какого положенія приводитъ поселянна страшная несоразмѣрность цѣнъ на хлѣбъ въ урожайные годы съ дороговизною всего прочаго и съ непрерывнымъ увеличеніемъ его необходимыхъ издержекъ. Онъ долженъ былъ продать даже количество хлѣба, нужное на сѣмена. Словомъ, урожайный годъ — разореніе для земледѣльца, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ сбыту; а неурожайный — гибель его: онъ обогащаетъ однихъ только хлѣбныхъ торговцевъ, подрядчиковъ, поставщиковъ, запасавшихся хлѣбомъ за безцѣнокъ во время урожая; для земледѣльцевъ же дорогой годъ ни мало неутѣшителенъ; а если не родилось и столько, сколько нужно для семейнаго продовольствія, то дорогой годъ — бѣда его. Вотъ причина, отнимающая у него охоту, не только къ изысканію, мудреному обработыванію земли, но даже къ вѣковому, обыкновенному рутинному, *невѣжественному*, какъ вы позволите говорить. Не видя вознагражденія за труды, онъ впадаетъ въ мелочное торгашество, приучающее простолюдиновъ къ плутовству и вредному праздношатательству.

Для улучшенія быту земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, для усовершенствованія нашего земледѣлія, нужно только одно, — именно, то, что способствуетъ въ Англіи, Бельгійи и Италіи процвѣтанію сельскаго хозяйства, — нужно привести въ возможное однообразіе цѣны на хлѣбъ по всему государству. Когда пудъ хлѣба будетъ повсюду, въ урожайные и неурожайные годы, не дешевле и не дороже одного рубля двадцати копѣекъ, тогда наше земледѣліе разовьется удивительнымъ образомъ въ нѣсколько лѣтъ и мы докажемъ, что въ невѣжествѣ и пристрастіи къ рутинѣ упрекать насъ нельзя.

Но какъ достигнуть до этого результата? Кто можетъ пособить вѣковому горю? Кто долженъ подумать о приведеніи цѣнъ на хлѣбъ въ ровность и выгодное состояніе? Отвѣтъ: сами производители хлѣба; помѣщики; землевладѣльцы. Отчего бы всѣ русскіе помѣщики не могли составить между собою всеобщей торговой компаніи на акціяхъ, которая покрыла бы Россію сѣтью своихъ операцій, взяла въ руки продажу произведеній своихъ акціонеровъ, и распредѣляла хлѣбъ нашъ по ровну на всемъ пространствѣ государства. Нужна только умная голова для управленія дѣломъ: капиталы найдутся. Благодарственное Правительство, за важныя услуги и обязанности, которыя такая компанія приняла бы на себя, охотно даровало бы ей разныя привилегіи и льготы. Ея облигаціи принимались бы всѣми, какъ наличныя деньги и, когда кредитъ компаніи утвердился бы на прочномъ основаніи, само казначейство не отказалось бы отъ уваженія къ столь вѣрнымъ векселямъ. Компанія обязалась бы продовольствовать всю Россію всегда по одинаковымъ цѣнамъ, установленнымъ по согласію съ правительствомъ на извѣстное число лѣтъ, и улучшать пути доставленія въ мѣстахъ, лишенныхъ водяныхъ и желѣзныхъ сообщеній: въ этомъ послѣднемъ условіи, столь выгодномъ для государства — нужда и польза самой компаніи; она, по естественному ходу дѣлъ своихъ, принуждена была бы пролагать на свой счетъ дороги къ большимъ рѣкамъ, класть торцовые проѣзды и желѣзные рельсы, очищать главныя теченія отъ препятствій и опасностей, чтобъ быстро, удобно и дешево

передвигать массы хлѣба въ тѣ мѣста, гдѣ обнаруживается неурожай, заграничное требованіе или вызовъ военныхъ начальствъ. Монополія тутъ быть не можетъ. Какая монополія, гдѣ *есть* производители участвуютъ въ продажѣ своихъ собственныхъ продуктовъ черезъ свое довѣренное лицо, правленіе компаніи? Одни лабазники пострадаютъ бы при этомъ случаѣ: но пусть ихъ продаютъ хлѣбъ насчетъ компаніи по равнымъ, установленнымъ, цѣнамъ, съ приличнымъ процентомъ въ свою пользу. Это по-крайней-мѣрѣ будетъ честная мелочная торговля, чуждая безнравственной спекуляціи на нужду поселянна или мотовство помѣщика. Большіе хлѣботорговцы, привыкшіе къ своему обороту и имѣющіе связи съ иностранными рынками, упроченныя многолѣтнимъ кредитомъ, промыслу этого не оставятъ: они охотно будутъ платить за хлѣбъ дороже, покупая его безъ хлопотъ и обмановъ у компаніи, и перепродадутъ всегда съ большою выгодною; они даже очень рады будутъ отдѣлаться такимъ образомъ отъ нынѣшнихъ *закупщиковъ*, которые такъ часто причиняютъ имъ важныя убытки своей несостоятельностью, неаккуратностью, готовностью на разныя хитрости и приносятъ столько вреда русскому кредиту по заграничной торговлѣ. Но продавая дороже, компанія поставитъ русскій хлѣбъ иностраннымъ комиссіонерамъ всё-таки дешевле нынѣшняго, потому что теперь, черезъ бородатыхъ закупщиковъ, хлѣбъ, котораго пудъ стоитъ во внутреннихъ губерніяхъ осемь гривенъ, обходится лондонскому купцу въ четыре и пять рублей. Одно уже это обстоятельство показываетъ, что торговлю хлѣбомъ надо подчинить особымъ правиламъ, съ пользою для государства и для земледѣльцевъ.

Откуда взять капиталъ, достаточный на такіе обширныя обороты?—Отъ самихъ же производителей хлѣба, отъ землевладѣльцевъ. — Чтобы пользоваться выгодами, приносимыми компаніею, надо вступить въ нее. Она должна положить правиломъ, что покупаетъ хлѣбъ по установленнымъ, довольно высокимъ цѣнамъ только у своихъ акціонеровъ, то есть, у тѣхъ землевладѣльцевъ, которые, напримѣръ, на сто душъ крестьянъ возьмутъ одну акцію во сто рублей се-

ребромъ. Вся Россія вступитъ въ компанію; самый мелкій и бѣдный землевладѣлецъ тотчасъ найдетъ сотню рублей, потому что въ одинъ годъ онъ выручитъ за нихъ вдвое или втрое болѣе. Акціи непременно пойдутъ вверхъ, и въ скоромъ времени эти сто рублей будутъ представлять капиталъ въ пятьсотъ или тысячу рублей. Какъ не достать денегъ! Казна сама возьметъ акціи на томъ же положеніи за своихъ крестьянъ. Вотъ уже капиталъ въ двадцать милліоновъ рублей серебромъ. Капиталисты и богатое купечество возьмутъ на свою долю акціи на десять милліоновъ, какъ скоро увидятъ успѣшное начало. Въ три или четыре года соберется капиталъ милліоновъ въ тридцать серебромъ. Образование его пойдетъ тѣмъ легче, что значительную часть своихъ акцій компанія можетъ промѣнять на товаръ, на хлѣбъ. Учреждаясь на правилахъ публичнаго банка, компанія исходатайствуетъ себѣ уставомъ право выпустить въ обращеніе своихъ кредитныхъ облигацій на сумму равную ея наличному капиталу. Вотъ уже шестьдесятъ милліоновъ рублей серебромъ. Правительство имѣло бы всегда достаточное обезпеченіе: во-первыхъ, въ огромныхъ запасахъ хлѣба въ магазинахъ компаніи; во-вторыхъ, въ самыхъ ея наличныхъ капиталахъ, остающихся безъ употребленія, которые были бы всегда помѣщены въ государственныхъ банкахъ; сверхъ-того компанія приняла бы на себя всю поставку провіанта для армій; она продовольствовала бы народъ въ случаяхъ частнаго и общаго неурожая; она кормила бы города. Правленіе ея состояло бы, разумѣется по выборамъ акціонеровъ, изъ знаменитѣйшихъ сановниковъ государства, важнѣйшихъ землевладѣльцевъ и первыхъ въ имперіи негоціантовъ, изъ людей съ вѣсомъ и умомъ, опытныхъ въ дѣлахъ, усердныхъ къ общему благу, благоразумныхъ въ совѣтахъ. Государственное казначейство находилось бы по-необходимости въ текущемъ расчетѣ съ кассою компаніи. Въ случаѣ непредвидимой нужды оно могло бы дѣлать значительные займы у компаніи за весьма умѣренные проценты съ предоставленіемъ ей права вычесть полученную впередъ сумму изъ платы землевладѣльцамъ, которые осенью представляютъ ей свой хлѣбъ, и снабдить ихъ квитанціями: казначейства пріймутъ эти квитанціи въ счетъ податей. Та-

кимъ образомъ для государственнаго казначейства образовался бы родъ Англійскаго Банка, солидный въ денежныхъ дѣлахъ товарищъ и помощникъ, источникъ неисчислимыя блага для земледѣлія и промышленности, для финансовъ и для народа. Для правительственныхъ финансовъ первымъ благомъ было бы уже то, что, при этой системѣ, голодные годы вовсе не страшны, а податныя недонимки невозможны, и что всѣ поставки провіантовъ для армій производились бы исправнѣе, дешевле, по опредѣленнымъ и постояннымъ цѣнамъ. Для ближайшаго наблюденія за благоразуміемъ дѣйствій компаній и для легкости взаимныхъ сдѣлокъ, операцій, и условій между ней и правительствомъ, довѣренныя члены министерствъ финансовъ, удѣловъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ могли бы быть членами ея правленія. Какъ весь хлѣбъ, производимый землевладѣльцами и ихъ поселянами, поступалъ бы въ продажу не иначе какъ черезъ компанію, то правительство, безъ всякихъ хлопотъ, тотчасъ узнало бы земледѣльческіе доходы всѣхъ частныхъ имѣній и опредѣлило бы настоящую цѣнность различныхъ земель: контроля вѣрнѣе нельзя и придумать, а тамъ уже легко было бы опереть подати на землю, отчего государственные доходы умножились бы несомнѣнно. Развитие народнаго богатства, естественно слѣдующее за присвоеніемъ произведеній земледѣлія приличной, ровной и на извѣстное число лѣтъ постоянной цѣнности, доставило бы государству новый источникъ дохода изъ постепенно усиливающагося потребленія предметовъ, обложенныхъ пошлинами. Самая служба много выиграла бы отъ учрежденія такой компаніи: землевладѣльцы, находящіеся на службѣ, пользуясь болѣе ровными и выгоднѣйшими доходами отъ своихъ отчинъ, не были бы такъ часто принуждаемы вдругъ оставлять свое поприще, чтобы спастись имѣніе отъ сльдствій урожайныхъ или неурожайныхъ годовъ. Крестьяне почти повсюду достигли бы приличнаго довольства и благословляли бы свою судьбу.

На случай неурожайныхъ годовъ, почти всѣ государства съ давняго времени предпринимали заведеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; но опытъ доказалъ, что ни пра-

вительства, ни частные люди не имѣли въ этомъ желаемаго успѣху. Нынче у насъ продовольствіе обезпечивается гораздо благонадежнѣе учрежденіемъ общественныхъ запасекъ. При всемъ томъ, продажа этого хлѣба за безцѣнокъ не вознаграждаетъ земледѣльца за труды. Въ мѣстахъ, не имѣющихъ никакого сбыту, цѣны на произведенія земли устанавливаются винокурами и немногими торговцами, которые, пользуясь народною нуждою передъ срокомъ взносу податей, и зная, что кромѣ ихъ купить некому, рѣшаютъ судьбу земледѣльцевъ по своему корыстолюбивому произволу. Компанія, которая, по условію съ правительствомъ, обязалась бы покупать и продавать хлѣбъ и въ урожайные и въ неурожайные годы по одинаковымъ цѣнамъ, нашла бы въ нынѣшнихъ заведеніяхъ для народнаго продовольствія важную помощь на первый случай: существующія зданія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ надлежало бы предоставить въ ея распоряженіе. Хлѣбъ, купленный компаніей у землевладѣльцевъ, могъ бы оставаться нѣкоторое время въ этихъ зданіяхъ, въ вѣдѣніи ея приставовъ и приказчиковъ, пока не предстанетъ нужда двинуть его въ мѣста потребленія. Землевладѣлецъ, продающій свой хлѣбъ компаніи, обязался бы содержать въ совершенной исправности дорогу, ведущую черезъ его имѣніе къ ближайшей изъ пристаней, избранныхъ на берегахъ славныхъ рѣкъ или моря, гдѣ будутъ учреждены главные складочные анбары. Онъ даже принялъ бы на себя доставку своихъ произведеній въ эти анбары по первому хорошему пути. Въ областяхъ, удаленныхъ отъ пристаней, компанія могла бы назначить одинъ или два самые удобныя для себя пункта, куда землевладѣльцы, по требованію, свозили бы купленный у нихъ хлѣбъ, а отъ этихъ пунктовъ уже сама компанія двигала бы его въ приличное время до береговъ рѣкъ или въ ту сторону, гдѣ возникаетъ требованіе: землевладѣльцы помогли бы ей и подводами и исправленіемъ мѣстной торговой дороги, согласно съ ея правилами или съ временными условіями. Землевладѣльцы радушно оказали бы всевозможное содѣйствіе своей благодѣтельница. Компанія могла бы выдавать имъ, въ несчастныхъ случаяхъ, ссуды подъ залогъ хлѣба, за приличные проценты, и принимать на страхъ

хлѣбъ на корню отъ градобитія и даже отъ другихъ стихическихъ опасностей. Самимъ уже вступленіемъ въ эту компанію, землевладѣлецъ сдѣлался бы капиталистомъ; его акція или акціи, сначала представляющія малое достоинство, въ скоромъ времени превратились бы для него въ важное денежное средство. Полисы акцій передавались бы изъ рукъ въ руки, какъ наличныя суммы. Онѣ были бы принимаемы и казною, наравнѣ съ банковыми билетами, въ залоги при всѣхъ общественныхъ предпріятіяхъ и подрядахъ. Такимъ образомъ Россія наполнилась бы непрерывно движущимися капиталами, и изъ совокупленія акцій, изъ мелкихъ вначалѣ взносовъ, вдругъ возникъ бы огромный въ государствѣ народный капиталъ, котораго цѣнность возвышалась бы постоянно, потому что компанія получила бы большія и несомнѣнныя выгоды, доказываемыя ежегодно хорошими дивидендами. Выгоды компаніи ясны: если бы она продавала хлѣбъ только десятью процентами дороже того, какъ будетъ покупать его, какой огромный доходъ составило бы это отъ всей массы хлѣба, продающагося въ Россіи! Кромѣ того, при продажѣ каждаго имѣнія, новый владѣлецъ, чтобы пользоваться выгодами учрежденія, долженъ былъ бы вступить въ компанію, то есть, внести вновь въ ея кассу первоначальную цѣну акцій по числу душъ, живущихъ на купленной землѣ, потому что старыя акціи, возвысившіяся въ цѣнѣ, остались бы за прежнимъ владѣльцемъ, а новый, не будучи акціонеромъ не имѣлъ бы права продавать своего хлѣба конторамъ компаніи. Одна уже эта статья приносила бы ей ежегодно огромный доходъ. Каждый землевладѣлецъ долженъ былъ бы, для своей пользы, выписать себѣ журналъ компаніи, въ которомъ она печатала бы всѣ свои рѣшенія: вотъ опять добрый милліонъ цѣлковыхъ чистаго барыша. Дивиденды могли бѣ быть очень велики и лѣтъ черезъ двадцать всякая акція компаніи несомнѣнно равнялась бы порядочному состоянію. Кредитъ ея былъ бы колоссальный, внутри государства и за границею. Кредитныя билеты компаніи благо-разумно выпускаемые въ оборотъ, оживляли бы промышленность и предпріятія новыми приливами вѣрныхъ замѣтныхъ. Народное наше богатство начало бы съ этого важнаго учрежденія новую и весьма блистательную эру, и тогда-то

Россия вступила бы действительно въ кругъ промышленныхъ земель. Она кромѣ того имѣла бы то важное преимущество передъ другими подобными странами, что промышленность ея была бы основана на земледѣліи и въ точности ссображена съ этимъ угловымъ камнемъ всякой полезной и правильной дѣятельности народовъ. Компания была бы обязана имѣть всегда въ своихъ магазинахъ запасное количество хлѣба, достаточное на потребности цѣлаго года впередъ; впоследствии она могла бы имѣть и двойное количество, на случай двухъ неурожайныхъ годовъ и на непредвидимыя требованія заграничной торговли. Зная, что происходитъ на поляхъ и анбарахъ всѣхъ земледѣльцевъ, она заранѣе рассчитывала бы съ достовѣрностью нужды продовольственныя и коммерческія, и покупала бы только то количество, которое можетъ быть употреблено выгодно для производителей и безъ отягощенія для потребляющихъ классовъ. Землевладелецъ, обезпеченный въ своихъ постоянныхъ доходахъ хорошими цѣнами, не имѣлъ нужды и права продавать за безцѣнокъ на-сторону остальное количество своего хлѣба, не купленное компаніей, принужденъ былъ бы сохранить его на черную годину. Если бы у него накопилось довольно много такихъ остатковъ, онъ понималъ бы, что хлѣба производить слишкомъ много, болѣе нежели какъ нужно на потребности внутренняго и заграничнаго продовольствія и обратился бы къ другому роду, сельской промышленности. Компания такимъ образомъ была бы вѣрнымъ регуляторомъ земледѣльческаго производства, и такъ же спасительно управляла бы движеніемъ нашего хлѣба, первымъ богатствомъ Россіи, какъ Англійскій Банкъ управляетъ движеніемъ денегъ, главною статьею государственныхъ силъ Англии. Съ начала весны, уѣздныя или губернскія конторы компаніи, состоящія изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ акціонеровъ, исправляющихъ, если угодно, должность свою по выборамъ, срочно и даже безденежно, получали бы ежемѣсячно отъ всѣхъ земледѣльцевъ, на форменныхъ печатныхъ листахъ, свидѣнія о состояніи и успѣхахъ хлѣба ихъ на полѣ. Въ свидѣніи своемъ, за августъ мѣсяць, каждый земледѣлецъ долженъ былъ бы означить, сколько онъ въ нынѣшнемъ году можетъ представить компаніи хлѣба своего и крестьянскаго.

въ зернѣ и къ какому времени, или сколько долженъ будетъ купить у нея, въ случаѣ неурожаю, и въ какое именно время. Мѣстныя конторы, составивъ изъ этихъ донесеній таблицы, отправили бы ихъ въ правленіе компаніи, которое такимъ образомъ знало бы съ достовѣрностью въ началѣ сентября, сколько въ эту минуту хлѣба во всей Россіи и сколько его въ каждомъ уголку, гдѣ избытокъ, гдѣ недостатокъ, откуда надо взять и куда перекинуть, какое количество нужно имѣть въ запасѣ для внутреннихъ потребностей и сколько надо держать въ готовности для заграничной торговли, по свѣдѣніямъ и мнѣнію неограниченно членовъ правленія. Къ октябрю мѣсяцу правленіе компаніи сдѣлало бы общій расчетъ, и обнародовало бы черезъ свой журналъ, что оно покупаетъ *всѣ* объявленный хлѣбъ или только *известную его пропорцію*, — три четверти, двѣ трети, пять-седьмыхъ, и такъ далѣе. Превзлѣчивать своихъ урожаевъ или неурожаевъ землевладѣльцы не могли бы ни подъ какимъ видомъ, потому что болѣе действительно нужнаго компанія не купить, а всякое ложное показаніе имъ же нанесетъ убытокъ. Все было бы ясно и чисто какъ солнце. Цѣнность cadaго мѣсяца тотчасъ пришла бы въ самую точную известность. При продажѣ мѣсяца не могло бы быть обмановъ. Цѣны на земельную собственность неизбѣжно возвысились бы отъ возвышенія доходовъ. Всѣ выиграли бы при этой великой мѣрѣ, и частные люди и казна, — казна вдвое, — потому что съ качествомъ своимъ сборщицы податей она соединяетъ званіе самой значительной землевладѣльцы въ государствѣ. Такъ точно, посредствомъ своихъ конторъ Англійскій Банкъ управляетъ движеніемъ капиталовъ въ государствѣ и даже за его предѣлами. Этотъ банкъ, мудрейшее и самое благотѣльное изъ всѣхъ финансовыхъ учрежденій, своимъ благоразуміемъ всегда склоняетъ въ пользу Англійскій балансъ обращающихся въ мѣрѣ денежныхъ массъ. Русская компанія, которая была бы не что иное какъ *всеобщее застрахованіе урожаевъ, выюды и доходовъ съихъ земледѣльцевъ имперіи*, умѣла бы очень легко склонить въ пользу Россіи балансъ движенія хлѣба во всемирной торговлѣ. Этотъ результатъ такъ простъ и неизбеженъ, что предложеніе и не требуетъ доказательствъ. Ка-

дая, страна могла бы выдержать соперничество съ Россіей, могла компанія допустить и одновременно начала бы бродить въ карьеру русскія горы хлѣба?

Каковы мои посылы? вселеннѣчскія размышленія, которые иногда вдуваю въ головѣ своей, между тѣмъ какъ некривичная въ перу рука держитъ безпробльнуто голу-

paterna rura bobus exercet suis.

Мнѣ, пожалуй, кажутся, что я размышляю по-пустому, гоняю мечту, предлагаю дѣло; возжелѣнное, спасительное, даже необходимое, но несбыточное. Какъ, мечту? Какъ, несбыточное дѣло? Да что жъ я тутъ предлагаю новаго и неизданнаго? Я просто предлагаю уредить на Руси, изъ частныхъ и правительственныхъ вкладовъ, изъ личнаго взносу отъ каждаго землевладѣльца, по цѣлковому съ православной души, *Королевскій Англійскій Банкъ*. Но предлагаю, не копировать Англійскій Банкъ буквально, а завести подобный ему, существенно приспособленный къ особенному положенію и капитальной нуждѣ Россіи. Тотъ банкъ — для денегъ, а этотъ былъ бы — банкъ для хлѣба; для хлѣба, который — наша денга, нашъ капиталъ, голова и сердце нашихъ финансовъ. Что сдѣлано въ Англии, то можетъ быть сдѣлано и вездѣ: не боги жъ горшки обжигаютъ! Надобно только вылѣпить горшокъ по печкѣ и поставить его въ своемъ мѣстѣ — *приспособить* — какъ говорится. Если угодно, то, другими словами, предлагаю я, по примѣру германскаго *Zollverein*'а завести на землѣ русской *Brodverein* между землевладѣльцами всѣхъ губерній. Что такое нѣмецкій Цольферейнъ, если не взаимное всеобщее застрахованіе коммерческихъ и финансовыхъ выгодъ между разными частями Германіи, если не торговое общество, которому отдѣльныя владѣнія ввѣрили дѣла свои для избѣжанія затрудненій, отягощавшихъ всю страну, когда каждое владѣніе дѣлало обороты на свой собственный счетъ и по своему личному разумѣнію? Извѣстно всякому, какъ благодѣтельно для Германіи это учрежденіе. Почему жъ русскіе землевладѣльцы не могли бы заключить между собою подобной сдѣлки посредствомъ учрежденія общей компаніи, которой ввѣрили бы они управление своимъ хлѣбомъ, отдавъ ей каждыи нынѣшнія свои права личной

продажи сто по разорительнымъ случайнымъ цѣнамъ? Я думаю, что это очень просто, разумительно и совершенно удобоисполнимо. Это я и предлагаю. Разумѣется, умные люди не станутъ слушать меня, землаго Сибиряка. Жив ли подавать имъ совѣты! Да я объ этомъ и не думаю. Советовать, сочинять проекты — сохрани мои Боже! Я только бросаю идею. Авось она жива и на семь годна. Авось упадетъ на богатую умомъ почву, разовьется, и вырастетъ великолѣпнымъ деревомъ, подѣл стѣно котораго не будемъ мы бояться разоренія, и галочку въ неурожайные годы и продавать нашего крошечнаго хлѣба по четырнадцати копѣекъ мѣсь въ годы обилья и благодати, которую — то же разореніе. О чемъ и пламенно молю Всевышняго.

НИКОЛАЙ ТИМАШЕВЪ.

Бугульма.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ПРИКЛАДНОЙ АНАТОМИИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА. П. И. Пирогова, доктора медицины, ординарнаго профессора Императорской Медико-хирургической Академіи, и прочая. Атласъ съ текстомъ русскимъ и нѣмецкимъ. Изданіе М. Д. Ольхина. Санктпетербургъ, 1843—1844.

Великолѣпнѣйшее и самое замѣчательное въ русской медицинской литературѣ твореніе, плодъ долголѣтнихъ трудовъ геніальнаго человѣка, изданіе, приносящее истинную честь патріотическому усердію перваго изъ нашихъ книгопродавцевъ, должны найти себѣ мѣсто въ этомъ журналѣ, несмотря на кажущуюся неприступность предмету. Мы смѣло говоримъ — «кажущуюся»: это обще принятое мнѣніе о неприступности анатомическихъ разборовъ человѣческаго тѣла для свѣтскаго читателя основано единственно на остаткахъ стариннаго предубѣжденія толпы противъ вскрыванія мертвыхъ; въ сущности—все здѣсь одушевлено занимательностью истинно романическою, все приводитъ въ восхищеніе умъ, расположенный къ любознанію, все просто, ясно, привлекательно, для самаго обыкновеннаго вниманія. Разсматриваніе внутренняго устройства нашего тѣла возноситъ насъ выше самихъ себя и составляетъ источникъ высокаго удовольствія для души: проникая взоромъ въ этотъ удивительный механизмъ, на который исчерпаны всѣ средства земной природы, человѣкъ чувствуетъ себя благороднѣе, убѣждается въ выпренности своего назначенія и, съ искреннею, посвященною вѣрою, предается волѣ благаго

Провидѣнія, которое такъ мудро, такъ внимательно расположило въ немъ все для его дѣятельности, могущества, наслажденія и счастія. Нельзя безъ глубокаго восторгу смотрѣть на это изумительное произведеніе божественной механики, на это неподобное сплетеніе тысячи рычаговъ, пружинъ, привязей, подпорокъ, трубокъ, сосудовъ, каналовъ, теченій, дѣйствующихъ за-одно съ математическою вѣрностью на всемъ пространствѣ. Чудное зрѣлище получаетъ еще бѣольшую степень занимательности, когда умный ножъ Пирогова срѣзываетъ ихъ постепенно слоями въ прекрасномъ рисункѣ, на отлично отгѣенныхъ и раскрашенныхъ таблицахъ, и, какъ-будто приподнявъ занавѣсъ, ясно, осязательно обнаруживаетъ ихъ взаимныя отношенія, порядокъ, цѣль и пользу, въ каждомъ отдѣльномъ членѣ. Надобно только слѣдовать за нимъ и смотрѣть. Пять донынѣ вышедшихъ тетрадей этого превосходнаго творенія посвящены разбору руки. Мы будемъ говорить о рукѣ. Отъ всѣхъ тонкихъ и глубокихъ подробностей, которыя могли бы затруднить непривычное вниманіе читателя, мы напередъ отказываемся. Цѣль наша просто—показать точку зрѣнія, съ которой должно разсматривать предметы, изображенные въ этихъ таблицахъ. Это, вмѣстѣ, облегчитъ просвѣщенному любопытству чтеніе пояснительнаго текста, излагающаго названія, форму и назначеніе каждой части, мастерски приспособленнаго къ достиженію предположенной пользы въ искусствѣ, и исполненнаго чрезвычайно свѣтлыхъ взглядовъ, счастливыхъ соображеній, новыхъ открытій.

Если общій механизмъ человѣческаго тѣла—верхъ совершенства во всемъ созданіи, то рука, безспорно, цѣль и честь этого механизма. Въ природѣ, нѣтъ ничего выше и удивительнѣе. Рука—наружное орудіе безсмертной души, внѣшняя исполнительница всѣхъ ея помысловъ, дѣйствующій рычагъ сокровенной частицы Божества.

которую мы носимъ въ себѣ, магическій жезлъ владычества челоуѣка надъ природою. Рука—творящій источникъ всего нашего благосостоянiя, всего величiя. Рука—самое неисповѣдимое проявленiе безконечной созидающей Мудрости, которая все устроила и все охраняетъ. Пораженные ея глубоко разсчитаннымъ устройствомъ, Галенъ и Авиценна, написали отдѣльные трактаты объ этомъ чудесномъ членѣ. Белль избралъ устройство руки главнымъ доказательствомъ существованiя всеобщаго Провидѣнiя и величiя Творца, и посвятилъ этому предмету цѣлую книгу. Пироговъ начинаетъ съ руки разборъ челоуѣческаго тѣла. Все это показываетъ, что мы приступаемъ къ предмету, истинно великому и въ высочайшей степени способному вознаградить читателя удовольствiемъ за вниманiе, несмотря что дѣло идетъ объ *анатомiи*. Не пугайтесь названiя. Анатомiя—земная астрономiя. Чудеса неба она показываетъ здѣсь на землѣ, въ этихъ маленькихъ мiрахъ, которые мы называемъ органическими существами.

Наука имѣетъ полное право почитать руку исключительною принадлежностью челоуѣка. Если подъ словомъ «рука» разумѣть только членъ, на которомъ большой палецъ можетъ принимать перпендикулярное положенiе къ другимъ пальцамъ и составлять орудiе для лучшаго схватыванiя, то сюда подойдутъ и такъ называемыя *четвероруки* животныя, или обезьяны. Но обезьянъ и переднiя и заднiя оконечности, то есть, и руки и ноги, приспособлены къ ихъ образу хожденiя, перелезванiю и перескакиванiю съ одной вѣтви дерева на другую, къ чему у нѣкоторыхъ породъ этихъ животныхъ служить и хвостъ, составляя для нихъ пятый, очень полезный членъ.

Вооруженныя оконечности приносятъ большую пользу многимъ животнымъ. Но челоуѣкъ утратилъ бы все свое могущество съ такими орудiями. «Если бы чело-

вѣкъ, давно сказалъ Галенъ, былъ одаренъ орудіями защиты, данными лошадямъ, онъ никогда не сдѣлался бы работникомъ и художникомъ, не имѣлъ бы латъ, не сковалъ бы меча и копья, не сдѣлалъ бы узды, чтобъ управлять конемъ и, сидя на немъ, не могъ бы преслѣдовать льва. Онъ не зналъ бы музыки, не изобрѣлъ бы ни флейты, ни лиры, не построилъ бы домовъ, не воздвигъ бы храмовъ, не написалъ бы законовъ; безъ письменъ и искусства руки, онъ не могъ бы бесѣдовать съ мудрецами древности и сегодня разсуждать съ Платономъ, а завтра съ Аристотелемъ или Иппократомъ».

Рука не—отдѣльный инструментъ; это не—прибавочная часть. Все тѣло соображено съ рукою, и движется за нею. Нельзя разсматривать только одну ея кисть: мы должны обозрѣть всѣ части, которыя находятся въ связи съ ручною кистью. Напримѣръ, кости, начиная отъ плеча до концовъ пальцевъ, такъ связаны между собою, что по-необходимости надобно обратить на нихъ вниманіе. Съ другой стороны, чтобъ понять, какъ расположены органы, приводящіе въ движеніе пальцы, надобно сравнить устройство человѣческаго тѣла съ тѣлами животныхъ.

Ни что такъ удивительно не приспособлено и не направлено къ своей цѣли, какъ кости, посредствомъ которыхъ производится движеніе «верхнихъ конечностей», или рукъ. Со способностью сгибать и распрямлять руку, мы соединяемъ обширное и свободное движеніе и возможность направлять пальцы во всѣ стороны: но такія же кости, которыя изумляютъ насъ въ человѣкѣ, находимъ мы и въ переднихъ пластахъ кита, и въ ногахъ черепахи, и въ крылѣ птицъ. Тѣ же самыя кости, какъ и у человѣка видимъ мы превосходно приспособленными къ хожденію въ лапѣ льва и медвѣдя, въ копытѣ лошади, въ ногѣ верблюда; къ лазѣнью и рытью

земли — въ одаренныхъ длинными когтями лапахъ лѣнница, котораго Бюффонъ, именно за эти лапы, оплакивалъ какъ созданіе обиженное природою, какъ жертву промаховъ ея въ органической механикѣ.

Путешественники нашего времени изъясняютъ такое же сожалѣніе къ этимъ животнымъ. Между-тѣмъ какъ другія четвероногія, разказываютъ они, живо мелькаютъ въ поляхъ и лѣсахъ, лѣннинецъ виситъ на деревѣ, ухватившись за него своими сильными лапами. Взоръ, движенія, крики этого бѣднаго, безобразнаго, хилаго животнаго возбуждаютъ состраданіе. Его заднія ноги слишкомъ коротки, шерсть похожа на засохшій жиръ. Его визгъ заставляетъ тигра дрожать и убѣгать. Эта картина не вѣрна: лѣннинецъ не можетъ ходить подобно другимъ четвероногимъ, это правда; но, онъ вытягиваетъ переднія лапы, цѣпляется когтями за неровности, встрѣчаемыя на поверхности, и притягиваетъ свое туловище впередъ. Вотъ что подало поводъ путешественникамъ называть его беззащитнымъ, изувѣченнымъ твореніемъ. Но если этому уродливому созданью удастся доползти до какой-нибудь вѣтви, покрытой жесткою корою, тогда движенія его дѣлаются быстрее: протягивая надъ головою длинную переднюю лапу, лѣннинецъ перелѣзаетъ съ сучка на сучокъ, съ вѣтви на вѣтвь, съ одного дерева на другое; буря для него — счастье; когда вѣтеръ шумитъ, сгибая деревья и заставляя вѣтви переплетаться между собою, тогда-то лѣннинецъ идетъ быстрымъ шагомъ.

Состраданіе естествоиспытателей къ участи неуклюжихъ животныхъ вовсе не основательно. Имъ бы ужъ слѣдовало сожалѣть столько же объ участи личинки мухи, потому что она не можетъ летать. Нельзя предполагать, чтобы насѣкомое, не побуждаемое къ летанью, не получившее для этого еще крыльевъ, могло имѣть инстинкты, не соответствующіе своей организаціи. На

земль, движенія лѣнивца дѣйствительно медленны; его длинныя переднія лапы и короткія заднія ноги могутъ затруднять движенія, но когда животное находится въ своемъ элементѣ, среди деревь и вѣтвей, тѣ же самыя члены становятся орудіями, которыя доставляютъ ему пищу, кровь и защиту отъ враговъ. Не должно судить о неудобствахъ движеній животныхъ по нашимъ чувствамъ. Движеніе клюва ласточки, когда она ловитъ насѣкомое, такъ быстро, что мы не видимъ его: только слышимъ, какъ клювъ щелкнетъ; напротивъ, какія противоположныя средства употребляетъ хамелеонъ, чтобы добыть себѣ пищу! Онъ лежитъ тихо, какъ высохшій листъ, кожа его принимаетъ цвѣтъ окружающихъ предметовъ; между-тѣмъ какъ въ другихъ животныхъ видна живость, сообразная съ быстротою ихъ желаній, въ его сморщенной мордѣ едва замѣтны признаки жизни; его вѣки едва открыты; но медленность, съ которою онъ протягиваетъ свой языкъ къ насѣкомому, вѣрнѣе поражаетъ жертву чѣмъ самыя ловкія движенія.

Все въ природѣ соображено съ назначеніемъ существа и съ его пользами. Всѣ существа, принадлежащія къ огромному отдѣлу позвоночныхъ животныхъ, имѣютъ черепъ для охраненія мозгу, сердце для кругообращенія крови, и пять отдѣльныхъ органовъ для внѣшнихъ чувствъ. Главная особенность, отъ которой они получили названіе «позвоночныхъ», заключается въ цѣпи костей, соединяющихъ голову съ туловищемъ. Эта цѣпь костей, называемыхъ «позвонками», какъ стволъ, служитъ основаніемъ для реберъ, и для особеннаго прибора, посредствомъ котораго совершается дыханіе. Къ ея положенію, крѣпости и формѣ принаровлены кости переднихъ конечностей, то есть, лапъ и рукъ.

Рука, раздѣляется на три части, — плечо, руку и кисть.

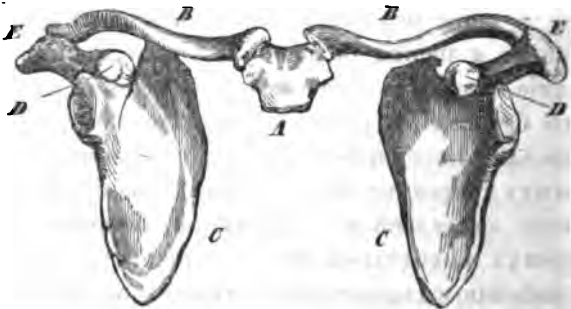

При взглядѣ на человѣческой скелетъ, насъ тотчасъ поражаетъ въ немъ разница въ силѣ и твердости между верхними и нижними конечностями. Не только нижнія конечности въ человѣкѣ, относительно, длиннѣе и шире нежели у другихъ животныхъ, но и тазъ шире, и шейка бедренной кости лежитъ косые. Разстояніе большихъ отростковъ бедренной кости отъ впадины безыменныхъ костей гораздо длиннѣе у человека нежели у котораго-нибудь изъ позвоночныхъ. Твердость этихъ костей, величина отростковъ, большая масса мускуловъ на ядвѣе и въ пахахъ, отличаютъ человека отъ прочихъ животныхъ. Все это способствуетъ къ прямому хожденію и дѣлаетъ совершенно свободнымъ владѣніе рукою для исполненія искусственныхъ работъ. Рассматривая самыхъ похожихъ на человека животныхъ, именно, обезьянъ, тотчасъ видно, что ихъ тазъ и нижнія конечности не созданы собственно для прямого хожденія. Между-тѣмъ тотчасъ же замѣтно, что въ своихъ сильныхъ, длинныхъ рукахъ эти животные имѣютъ

только вѣрное средство къ защитѣ и оборонѣ отъ непріятеля.

Плечевой суставъ, посредствомъ котораго верхняя оконечность прикрѣпляется къ туловищу, и отъ котораго берутъ свое начало всѣ мускулы руки, у чело­вѣка въ особенности и у каждаго животнаго вообще устроенъ очень просто. Но если разсматривать его во всемъ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ, то эта простая вещь становится чрезвычайно сложною. Со всемъ тѣмъ мы увидимъ, что у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ эти кости удерживаютъ свое назначеніе, несмотря на странное измѣненіе формы сосѣднихъ частей. У чело­вѣка онѣ лежатъ на ребрахъ, непосредственно на приборѣ, окружающемъ органъ дыханія. У другихъ животныхъ, напротивъ, плечевыя кости расположены такъ, что могутъ совершать свои дѣйствія, не будучи поддержи­ваемы грудною кѣткою.

Ключица — косточка (В), идущая отъ передней верх­ней части груди (А) вбокъ къ отростку (Е) лопатки (С), котораго другой конецъ (D) называется *вороньимъ носомъ*.

Отъ этой кости очень много зависитъ четырехуголь­ный видъ груди и свободное движеніе руки. Она удер­живаетъ плечо въ отдаленіи отъ груди и направляетъ дѣйствія мускуловъ, проходящихъ отъ груди на верх-

ною половину руки, или на собственно такъ называемую плечевую кость, которая безъ того притянулась бы впередъ къ груди и сжала бы верхнюю часть туловища.

Разсматривая движеніе передней оконечности у различныхъ животныхъ, мы легко можемъ отыскать причину, почему у однихъ находимъ ключицы, у другихъ — нѣтъ. Животныя, которыя летаютъ, роютъ землю, или лазятъ, какъ напримѣръ, летучія мыши, кроты, дикобразы, векши, муравьеѣды, броненосцы, лѣнивицы, снабжены этою костью, потому что по ихъ организаціи передняя оконечность должна двигаться вбокъ и кнаружи. Такое же свободное движеніе передней оконечности замѣчаемъ мы у льва, собаки, куницы, медвѣдя; они берутъ лапою, обращаютъ и поворачиваютъ ее болѣе или менѣе ловко. Поэтому и у нихъ есть ключица, хотя и несовершенно образованная. У многихъ изъ этихъ животныхъ, даже у льва, кость, замѣняющая ключицу, тоже очень несовершенна: она, правда, соединяется съ лопаткою, но не съ грудною костью. Она лежитъ между мясомъ и представляетъ только начатокъ кости. Когда медвѣдь поднимается на заднія ноги, по его неуклюжей фигурѣ и движеніямъ лапъ ясно видно, что кости его переднихъ оконечностей устроены иначе нежели у пережевывающихъ животныхъ и у лошади. Медвѣдь можетъ снять шляпу съ своего вожатаго и держать ее, онъ можетъ задавить звѣря. Медвѣдь-муравейникъ, у котораго зубы очень малы, имѣетъ чрезвычайно сильныя лапы: онъ можетъ ими задавить самага сильнаго изъ своихъ враговъ, ягуара. Эти движенія, такъ же какъ способность лазить, зависятъ отъ присутствія ключицы, хоть она и не вполне развита.

У животныхъ разрывающихъ землю, и летающихъ, кромѣ летучей мыши, ключицы, относительно, очень длинны и крѣпки.

Какъ ни неуклюжею кажется намъ фигура кангуру, или двуутробки, и въ ней мы находимъ удиви-

тельное отношеніе между костями оконечностей. Двухутробка сидитъ на своихъ сильныхъ заднихъ ногахъ и на хвостъ, какъ на треножникъ: переднія лапы у нея, слѣдовательно, остаются свободными. Двухутробка одарена ключицею, а имѣя эту кость она можетъ употреблять переднія лапы для своей защиты; ими она схватываетъ самую сильную собаку, поднимаетъ одну изъ заднихъ ногъ, и острымъ копытомъ раздираетъ на части своего врага. А между-тѣмъ кангуру животное не слишкомъ поворотливое, у него нѣтъ ни роговъ, ни зубовъ, ни когтей, оно совершенно беззащитно!

Ни гдѣ такъ ясно не обнаруживается, что употребленіе данной части тѣла опредѣляетъ ея форму въ природѣ, какъ въ ключицѣ и лопаткѣ птицъ.

Плечо у птицъ составлено изъ соединенія трехъ костей, лопатки, ключицы и дужки (*furcula*). Всѣ эти части вовсе непохожи на тѣ, съ которыми ихъ сравниваютъ. Лопатки у нихъ—длиныя, тонкія, какъ лезвие ножа; кости ключицы, напротивъ, крѣпкіе куски

костяного вещества, соединяющіеся своими нижними концами передъ грудною, гдѣ онѣ образуютъ вилочку. Дужковая кость—часть свойственная исключительно птицамъ. Вѣроятно, она не что иное какъ, измененный организаціею, клювовидный отростокъ лопатки. Какъ бы то ни было, въ расположеніи этихъ костей природа нашла самое удивительное средство укрѣпить плечевое сочлененіе и выиграть мѣсто для прикрѣпленія мускуловъ, движущихъ крыло.

Другое замѣчательное обстоятельство въ организаціи птицъ—то, что при полетѣ, онѣ не двигаютъ своихъ крыльевъ попеременно, а въ одно время. Вотъ почему у нихъ три плечевыя кости соединены между собою такъ, что образуютъ твердую podporку, fulcrum.

При разсматриваніи лопатки открывается вліяніе плечевыхъ костей на движеніе и поворотливость животныхъ. Лопатка—плоская, треугольная кость, лежащая надъ ребрами, на словъ мускуловъ. На переднемъ углу ея находится сплюснутая поверхность, или ямочка, для головки кости верхней половины руки. Лопатка опускается и поднимается при каждомъ движеніи члена. Со всѣхъ сторонъ, отъ головы, спины, реберъ, грудной кости, къ ней идутъ мускулы и двигаютъ ее въ разныя стороны. Всѣ эти мускулы, дѣйствуя въ одно время, укрѣпляютъ лопатку, и приподнимаютъ ребра для дыханія или укрѣпляютъ вообще все туловище.

Такое двойное назначеніе лопатки весьма замѣчательно: съ одной стороны, она служитъ основаніемъ для костей переднихъ конечностей, и всегда находится у животныхъ, у которыхъ есть хоть что-нибудь похожее на руку; съ другой, она—центръ и point d'appui мускуловъ дыхательныхъ и дѣйствуетъ даже когда животное вовсе лишено конечностей.

Мы видимъ, что только въ известныхъ классахъ жи-

вотныхъ лопатка соединяется съ костями туловища посредствомъ ключицы. Малѣйшее углубленіе на отросткѣ лопатки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно прикрѣплена ключица, показываетъ уже геологу, къ какому классу долженъ онъ отнести окаменѣлые остатки животнаго.

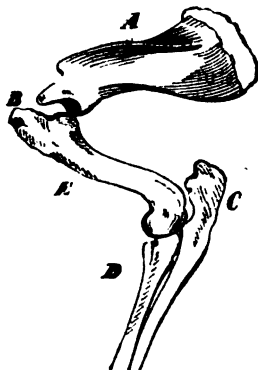
Чрезвычайно замѣчательно положеніе лопатки у лошади. У ней нѣтъ ключицы. Передняя нога прикрѣплена къ туловищу только одними мускулами. Мускуль *serratus magnus*, широкій у человѣка, у лошади особенно силенъ, потому что вся тяжесть туловища падаетъ на него. Вся быстрота бѣгу у лошади и у другихъ четвероногихъ зависитъ отъ силы лядвей и заднихъ ногъ. Единственно дѣйствіемъ лежащихъ здѣсь мускуловъ подвигается животное впередъ при галопѣ или бѣгѣ. Очевидно, что если бы переднія оконечности были крѣпко соединены съ туловищемъ, и еще посредствомъ кости, они не были бы въ состояніи выдержать удару всей тяжести животнаго, при паденіи тѣла его на переднія ноги. Если бы даже переднія ноги лошади были такъ же крѣпко устроены какъ заднія, и тогда они переломились или были бы вывихнуты.

Въ костяхъ передней оконечности лошади, мы за-

мвчаемъ, что лопатка лежитъ косвенно къ груди, а кость верхней половины руки, *humerus*—косвенно къ лопаткѣ, и что кости нижней половины руки лежатъ подъ угломъ къ плечевой кости. Если бы эти кости лежали на прямой линіи, концомъ къ концу, толчокъ при опущеніи передней части тѣла передавался бы какъ въ плотномъ столбѣ, и кости ноги или въхъ сочлененія много бы пострадали.

Большая или меньшая сила члена, если не свобода и быстрота движенія, зависитъ отъ угла, подъ которымъ кости лежатъ одна къ другой. Мы ясно чувствуемъ, что у насъ меньше силы въ рукѣ, когда она вытянута, и что, по мѣрѣ того какъ сгибаемъ руку, силы

у насъ становится больше; однимъ словомъ, что въ рукѣ нашей тѣмъ болѣе развивается силы, чѣмъ сухожильная часть мускуловъ болѣе приближается къ перпендикуляру съ костью, или съ рычагомъ. Чѣмъ острѣе уголъ, составляемый лопаткою съ плечевою костью, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ мускулы, которые отъ лопатки идутъ къ плечевой кости; потому что, въ этомъ случаѣ, уголъ, образуемый прикрѣпленіемъ мускуловъ къ кости, болѣе подходитъ къ прямому. Стоить только взглянуть на скелетъ слона, быка, оленя, чтобы убѣдиться въ вѣрности этого закона. Если лопатка

лежитъ косвенно къ груди, зубчатый мускуль, который, начинаясь отъ реберъ, прикрѣпленъ къ самой высокой ея части, пріобрѣтаетъ самую большую силу для поворачиванія ея. Если же лопатка составляетъ прямой уголъ съ плечевою костью, въ такомъ случаѣ, мускуль, прикрѣпленный къ послѣдней кости дѣйствуетъ сильнѣе. На основаніи того же самаго закона, при косвенномъ положеніи плечевой кости, и въ отношеніи къ двумъ костямъ предплечія, локтевой кости и лучу, увеличивается сила мускула, прикрѣпленнаго къ головкѣ локтя. Вообще, при такомъ положеніи плечевой кости къ предплечію, членъ выигрываетъ и въ силѣ и въ упругости. Отъ этого, при скачкѣ, животное можетъ прыгнуть дальше, не подвергаясь ни какой опасности, потому что тяжесть его тѣла слабо давитъ на переднія части. Прямо стоящій человекъ не можетъ вспрыгнуть тотчасъ : онъ сначала долженъ присѣсть, для того чтобы дать костямъ ногъ угловое положеніе. Сайга, и другія робкія животныя этого класса, могутъ сдѣлать скачокъ на бѣгу : преимущество это зависитъ отъ угловаго расположенія костей въ оконечностяхъ.

Въ этомъ рисункѣ изображены нога слона и нога верблюда. Съ перваго взгляду видно, что нога слона назначена для поддержанія тяжелаго тѣла, и что со-

вершенную противоположность съ нею составляетъ нога верблюда. Далѣе, мы видимъ, что косвенно лежащая плечевая кость необходимо должна быть коротка, иначе нога будетъ отодвинута слишкомъ назадъ, и тогда шея и голова выдадутся слишкомъ впередъ. Въ лошади, короткая плечевая кость—необходимое условіе. Но не одни быстрыя животныя являютъ эту отличительную черту въ организаціи: у птицъ съ долгимъ полетомъ, напримѣръ у ласточки, плечевая кость короткая. Это однако жъ должно, кажется, приписать еще другому обстоятельству, а именно: чѣмъ короче плечо, тѣмъ быстре раскрываются крылья.

У человѣка и у млекопитающихъ, плечевая кость, кромѣ-того что служить основаніемъ для прочихъ костей члена, составляетъ еще чрезвычайно важную часть для органа дыханія. Мы находимъ однако жъ, что у некоторыхъ животныхъ, лопатка и ключица не лежатъ на ребрахъ. Очевидно, что эти кости, для составленія плеча требуютъ какой-нибудь другой опоры, или должны быть расположены инымъ образомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, у лягушки, механизмъ дыханія совершенно отличенъ отъ млекопитающихъ. У нея нѣтъ реберъ. Поэтому у лягушекъ кости плеча образуютъ широкое плоское кольцо.

. Еще яснѣе видно это устройство въ скелетѣ сирены и протей.

У этихъ пресмыкающихся, которыхъ ребра просто — крошечные отростки, выходящіе изъ переднихъ спинныхъ позвонковъ, кости плеча, не имѣя подпоры въ груди, предоставлены самимъ себѣ, и поэтому грудина, ключицы, лопатки, прикрѣпляются къ позвоночному столбу подобно тазу, образуя кольцо, къ боковымъ частямъ котораго прилегаютъ ручныя кости.

У черепахъ мы опять находимъ новое расположеніе этихъ костей, зависящее отъ одного чрезвычайно замѣчательнаго обстоятельства. Ребра и позвоночный столбъ у нихъ, подобно стропиламъ на крышѣ, лежатъ подъ толстою покрывкою, или щитомъ. Будучи соединены съ верхнимъ пластомъ, эти кости, расположены, слѣдовательно, снаружи плеча. Такимъ образомъ лопатки и ключицы, вмѣсто того чтобъ быть снаружи, вдаются внутрь груди. Не находя подпоры ни въ позвоночномъ столбѣ, ни въ ребрахъ, лопатки и ключицы должны по-необходимости упасть другъ на друга и образовать кольцо.

Въ рыбахъ, у которыхъ дыхательный приборъ устроенъ по совершенно особенному плану и у которыхъ нѣтъ собственно реберъ, плечевыми костями можно назвать тѣ кости, отъ которыхъ идутъ грудныя нервы; но у нихъ такъ называемый отростокъ лопатки прикрѣпленъ уже не къ ребрамъ или къ позвоночному столбу, а къ пловъ, и оба плеча составляютъ кольцо.

Спрашивается: почему жъ у низшихъ позвоночныхъ животныхъ плечевой составъ имѣетъ такую неполную форму? Эти животные — холоднокровныя; имъ не нужно дышать такъ часто, какъ животнымъ теплокровнымъ, и они должны часто долго оставаться подъ водою. Вотъ почему у нихъ легкія — пузырьчатыя, и почему они глотаютъ, а не вдыхаютъ воздухъ. Вотъ, наконецъ, почему гады могутъ жить и въ водѣ и на сушѣ. Будь у нихъ такія же легкія какъ у теплокровныхъ, сжимающіяся только въ слабой степени, имъ не было бы возможности оставаться подъ водою: они не могли

бы вырвать, потому что имъ пришлось бы бороться съ легкостью своего тѣла, подобно нѣкоторымъ млекопитающимъ при ныряніи. Костяной поясъ, составляющій у нихъ плечо, поэтому, находится въ известномъ отношеніи со способомъ ихъ дыханія: грудь ихъ, заключающая въ себя пузырьчатые легкія, сжимается, для того что бы удельный вѣсъ тѣла могъ уменьшиться.

Разсмотримъ теперь локтевую кость, но не съ той сухой стороны, съ которой разсматриваютъ ее обыкновенно. Головка этой кости у человѣка имѣетъ большую полу-сферическую поверхность, которая входитъ въ суставную впадину лопатки. Мы видимъ также, что два возвышенія, къ которымъ прикрѣплены мускулы, не выдаются слишкомъ много впередъ, такъ что, при поворачиваніи руки, никакъ не могутъ столкнуться съ краями плечевой впадины и, слѣдовательно, не могутъ помѣшать движенію руки.

Для убѣжденія себя въ томъ, что отъ строенія плеча зависитъ форма всей руки, предположимъ, что натуралистъ находитъ въ землѣ кость такого виду:

Какому животному принадлежала она? Шарообразная форма суставной поверхности и слабо выдающіеся возвышенія показываютъ, что членъ дѣйствовалъ свободно и обнималъ большое пространство. Свобода движенія въ плечѣ ведетъ къ заключенію, что конечность, или лапа, тоже двигалась свободно, и что запястье могло поворачиваться ладонью вверхъ. Мы тотчасъ бросаемъ взглядъ на ту часть кости, отъ которой начинаются мускулы выворачивающіе. Возвышен-

ность и длина гребенка, на нижней и верхней части локтевой кости доказываютъ, что тутъ находились сильные мускулы, и что, следовательно, лапа была крѣпкое движеніе. Изъ этого мы заключаемъ, что кость принадлежала по всему вѣроятію медвѣдю.

Представимъ себѣ теперь, что головка у этой кости такая:

что бугорки очень возвышены и допускаютъ одинъ только видъ движенія; что суставная поверхность гораздо меньше выпукла. Разсматривая нижнюю часть такой кости, мы найдемъ, что выемки, въ которыя входятъ головки костей предплечія, такъ глубоки, что членъ могъ двигаться только наподобіе петли у дверей. Далѣе мы замѣтимъ, что ни форма суставной поверхности, ни возвышенность отъ гребенка, о которомъ мы говорили, не дадутъ намъ повода думать, чтобы животное могло поворачивать лапу. Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что животное, которому принадлежала эта кость, было травоядное четвероногое, съ копытами.

Скелеты крота и летучей мыши представляютъ нѣтъ лучшей примѣръ того, какъ форма костей конечностей соответствуетъ образу жизни животнаго. Кроту назначено природою витать подъ землею. У летучей мыши—тѣ же кости, но они расположены такъ, что составляютъ крыло, которое поддерживаетъ ее на воздухѣ и даетъ ей возможность прицѣпляться къ стѣнѣ. У обоихъ этихъ животныхъ мы можемъ отличить всѣ кости верхней конечности: но какъ различно онѣ сформированы и какъ различно расположены! У крота

грудная кость и ключицы чрезвычайно широки, лопатка покрыта на рычагъ, локтевая кость толстая и короткая, съ выдающимися гребешками. Гребешки, отъ которыхъ берутъ свое начало мускулы, поворачивающіе ладонь, необыкновенно высоки; собственная лапа—широкая, плоская и такъ выворочена, что можетъ отбрасывать землю всторону, какъ плугъ.

Въ скелетъ летучей мыши все противоположно этому. Кости тонки и нежны. Несмотря, что всѣ кости у нихъ очень вытянуты, пальцы однако жъ такъ длинны, что трудно съ перваго разу отгадать что это такое.

Первое условіе въ жизни птицъ — чтобъ тѣло ихъ имѣло малый удѣльный вѣсъ, второе — чтобъ поверхность груди была сколько можно обширнѣе и движеніе реберъ какъ-можно менѣе, для того чтобы крыловые мускулы имѣли достаточно мѣста для своего прикрѣпленія. Оба эти условія достигаются небольшимъ измѣненіемъ въ устройствѣ дыхательнаго прибора. Ихъ легкія чрезвычайно богаты кровеносными трубками и въ высокой степени губчаты, но не способны растягиваться отъ давленія воздуха. Воздухъ прогоняется сквозь ихъ мякоть и, посредствомъ множества отверстій, входитъ въ общую полость груди и брюха, такъ, что въ одно и то же время онъ и сожигаетъ углеродъ крови и горячій и, слѣдовательно, разрѣженный, проникаетъ во всѣ полости тѣла, даже въ пустоты костей, чтобы сдѣлать тѣло птицы легкимъ для плаванія въ атмосферѣ.

Мы видѣли какъ важенъ для силы мускуловъ вѣсъ тѣла, и не трудно теперь понять, почему походка птицъ такъ не тверда. Съ другой стороны замѣчено, что очень небольшая прибавка къ вѣсу тѣла мѣшаетъ птицѣ подняться на воздухъ. Извѣстно, что коршунъ, если его испугать, тотчасъ послѣ того какъ онъ поѣстъ, не иначе можетъ подняться какъ извергнувъ рвотою все что у него есть въ желудкѣ.

Всякому извѣстно, что грудная кость у птицъ идетъ во всю длину тѣла, такъ что покрываетъ общую полость груди и брюха. Очевидно, что для дыханія довольно если эта кость только немного подвинута; но тутъ выигрывается мѣсто для помѣщенія и прикрѣпленія крыловыхъ мускуловъ. Другая замѣчательная вещь въ скелетѣ птицъ — та, что задніе позвонки, не отдѣльныя косточки, а соединены въ одну плотную массу. Это было необходимо, потому что для чрезвычайно усиленнаго дѣйствія крыловыхъ мускуловъ нужно, чтобъ они были привязаны къ крѣпко соединен-

ными между собою костямъ туловища. У страуса и казуара, птицъ не летающихъ, позвоночный столбъ состоитъ изъ отдѣльныхъ позвонковъ, какъ у всѣхъ млекопитающихъ.

Какъ у птицъ позвоночный столбъ — одна, плотная кость, и такъ высоко поднять къверху, то туловище не можетъ гнуться: въ противномъ случаѣ, этому помѣшала бы грудная кость. Вотъ почему устройство шеи и головы у птицъ — вещь въ высокой степени изумительная. Гибкая, длинная шея, на которой помѣщена голова съ клювомъ, съ одной стороны, замѣняетъ имъ руку, а съ другой, служитъ вмѣсто баланса и даетъ способъ удерживать въ равновѣсїи тѣло при хожденїи, бѣгѣ и полетѣ. Страусъ — безъ гребешка на грудной кости, между-тѣмъ какъ перелетную птицу тотчасъ можно отличить по величинѣ этого отростка. И въ самомъ дѣлѣ, въ углу, который этотъ гребешокъ образуетъ съ тѣломъ грудины, помѣщается сильный летательный мускулъ, — мускулъ

грудной. По вычисленїю Борелли, онъ по всю тяжесть возмъ прочихъ мускуловъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Но кромѣ птицъ и летучихъ мышей, другїя животныя могутъ также держаться въ воздухѣ, напри-

щерб, летающія зенки, летающія ящерицы. У ящериц ребры, которые тут не нужны для дыхания, очень длинны, и покрыты тонкою перепонкою, на подобіе зонтика.

Еще болѣе любопытный примѣръ страннаго образованія передней оконечности видимъ мы у допотопнаго птеродактыла. Это животное опрокидываетъ вверхъ дномъ всю зоологическія системы. Его морда была похожа на птицій клювъ, шея была длинная и гибкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ ротъ вооруженъ зубами, какъ у крокодила, кости переднихъ оконечностей — длинныя и расположенныя какъ въ крыльѣ птицы. Все убѣждаетъ, что тѣло птеродактыла не было покрыто перьями, потому что у него не было клюва. Точно также строеніе его заднихъ оконечностей не похоже на ноги летучей мыши, потому что у него особенно длиненъ только второй палецъ, между-тѣмъ какъ третій, четвертый и пятый, совершенно такіе же какъ пальцы прочіихъ четвероногихъ и вооружены острыми, тонкими когтями, похожими на ногти. Запястье съ пальцами — вдвое длиннѣе всего тѣла, и весьма вѣроятно, что это животное было, какъ летучая ящерица, покрыто кожею.

На концѣ верхней части локтевой кости находится «головка», крючковатый отростокъ, нѣчто похожее на шарниръ. Лучевая кость, напротивъ, близъ локтя имѣетъ маленькую, гладкую, круглую головку, прикрепленную къ локтевой кости посредствомъ связокъ. Въ этихъ связкахъ лучевая кисть, или лучъ, движется свободно. Сверхъ-того на краю головки она имѣетъ вда-

длинку съ гладкою поверхностью, которая прилегаетъ къ возвышеніямъ кости верхней половины руки. Лучъ двигается только въ направленіи своей оси и вертится около локтевой кости, какъ при локтѣ такъ и около кисти. Въмѣстѣ съ поворотомъ луча поворачивается и кисть. Такое движеніе у животныхъ съ копытами было бы не только бесполезно, но даже вредно. У лошади поэтому кости нижней части руки твердо соединены между собою и не могутъ поворачиваться ладонью вверхъ. Человѣкъ, незнающій анатоміи, найдя гдѣ-нибудь кость, скажетъ только, что на этомъ мѣстѣ жило и умерло какое-то животное. Анатомъ, напротивъ по этой одной кости опредѣлитъ, не только какъ велико было животное, но даже форму тѣла, устройство челюстей, зубовъ, ногъ и, наконецъ, внутреннее расположеніе органовъ. Вотъ онъ нашелъ кость, соответствующую у четвероногихъ лучу человеческой руки. Разсматривая форму кости, онъ открываетъ, что членъ не имѣлъ движенія въ различныя стороны, какъ у животныхъ плотоядныхъ; следовательно, служилъ только къ поддержанію тѣла и хожденію, а не къ хватанію добычи; следовательно, у этого животнаго не было ни руки, ни пальцевъ, ни когтей; следовательно, кости ручной кисти соединялись какъ у лошади въ одну кость, такъ называемую копытную.

Движенія ноги у копытнаго животнаго состоятъ въ простомъ сгибаніи и выпрямливаніи, и предполагаютъ отсутствіе ключицы, следовательно очень ограниченное движеніе въ плечевомъ составѣ. Животное копытное не имѣетъ нужды въ такихъ зубахъ, какіе бываютъ у плотоядныхъ животныхъ, потому что для хватанія живой добычи необходима подвижная лапа. Поэтому уже ясно, что животное передними зубами могло только шинать траву, а задними ее пережевывать. Расположеніе зубовъ въ челюсти придаетъ ей особенную форму. Отъ этого и мускулы, приводящіе

ее въ движение, получаютъ особенную форму. Тутъ сейчасъ можно составить себѣ предварительный очеркъ черепа. По свойству зубовъ дѣлается заключеніе о формѣ желудка, кишечнаго канала и такъ далѣе.

Вотъ, какъ тѣсно связаны между собою всѣ части скелета!

Въ кисти человѣческой руки содержатся восемь костей запястья, такъ плотно соединенныхъ между собою, что они составляютъ шаръ, подвижной при нижнемъ концѣ костей второй половины руки. Между этими костями и пальцами лежатъ кости пясти, составляющіе ладонь. Большой палецъ не имѣетъ пястной кости, и непосредственно лежитъ на костяхъ запястья. Поэтому кисть состоитъ изъ двадцати девяти костей, которыя расположены такъ, что рука получаетъ большую силу, упругость и подвижность.

- Посмотримъ еще разъ переднюю ногу лошади. Кости этой оконечности книзу становятся постоянно тверже. Двѣ кости, соответствующія костямъ нижней части человѣческой руки, слились у лошади въ одну и движеніе локтеваго сустава ограничивается сгибаніемъ и выпрямливаніемъ члена. Запястье, которое у лошади неправильно называется коленнымъ, устроено особеннымъ образомъ: пястные кости и пальцы совершенно измѣнены, такъ что ихъ едва можно узнать. Въмѣсто четырехъ костей пясти, у лошади мы находимъ одну кривую кость, такъ называемое берцо, позади котораго лежатъ двѣ небольшія косточки, похожія на грифель; головки ихъ служатъ отчасти къ образованію коленного сустава, между тѣмъ какъ къ нижнему концу своему онѣ становятся постепенно тоньше и соединяются съ берцомъ посредствомъ упругихъ связокъ.

При здоровомъ состояніи сочлененія, эти маленькія косточки играютъ роль пружинокъ, которыя, при поднятомъ состояніи ноги, расправляются содвигуе колѣно.

Предполагая, что головка маленькой пястной кости, *A*;

служить отчасти къ образованію сустава, всё-таки не видно, какимъ образомъ при выпрямленіи ноги кости занятыя, лежа на большой пястной или большеберцовой кости, могутъ опускаться внизъ; также непонятно, какимъ образомъ эта кость можетъ усиливать упругость ноги. Но, обративъ вниманіе на то, что головка грифельной кости лежитъ въ суставъ позади центра движенія, мы тотчасъ поймемъ, что, при сгибаніи сустава, во время подниманія ноги, она претерпываетъ такое сильное давленіе, что опусканіе ея становится неизбежнымъ. Ясно, что при каждомъ воднятіи и сгибаніи члена, грифельная кость сдавливается книзу: она упруга, и потому помогаетъ выпрямленію члена вмѣстѣ со всеми мускулами, служащими къ выпрямленію ноги. Далѣе мы видимъ, что какъ-скоро грифельныя кости, окостенѣвая, теряютъ свою упругость и сливаются съ большимъ берцомъ, то лошадь, лишаясь этого механизма, необходимаго для быстраго выпрямленія члена, начинаетъ часто, тѣ называется, падать на ноги. У страуса, колѣно на пружинѣ. Въ прямомъ положеніи ноги связка *B* (стр. 66) лежитъ въ левой, передней ямкѣ, воздѣ гладкаго бугорка *A* головки кости, но какъ скоро колѣно начинаетъ гнуться, связка скользитъ по

буторку и переходить въ лѣвую, заднюю ямку, такъ что мускуль *C*, лежащій на коленѣ, можетъ удобно растягиваться. Это скользящее связки — настоящее пружинное дѣйствіе, бросающее уголъ колѣна впередъ.

Сравнивъ со строеніемъ человѣческой руки, мы замѣчаемъ, что въ лошадиной ногѣ первые пять пальцевыхъ костей сливаются въ одну большую *пулосую* кость, что второй рядъ этихъ костей слитъ тоже въ одну кость, поменьше, и, наконецъ, третій рядъ костей, то есть, ноготныхъ превратился въ копыто. Естественное жилище лошадей — обширныя равнины и степи: поэтому и всѣ части лошади удивительно приспособлены къ этому роду мѣстности. Болѣзни, которыя такъ часто поражаютъ ноги городскихъ лошадей, происходятъ именно отъ того, что наши твердыя мостовыя дѣйствуютъ чрезвычайно вредно на ихъ ноги, приспособленныя природою къ почвѣ болѣе уступчивой. Лошадь, по своей тяжести и силѣ, должна имѣть ноги крѣпкія и упругія, и мы видимъ, что расположеніе костей вполне соответствуетъ этимъ главнымъ условіямъ. Если бы кости, составляющія ногу лошади, лежали прямо одна на другой, нога не имѣла бы ни какой упругости; природа предупредила этотъ недостатокъ: у лошадей кости ногъ болѣею частью лежатъ косвенно, и свадя идетъ крѣпкая связка, прикрѣпленная къ самой оконечности ноги, къ копыту.

У верблюда кости ногъ покоятся на мягкой, упругой подушкѣ.

Въ лошадиной ногѣ существуетъ подобная же ткань, но она не приходитъ въ непосредственное съ землею, и назначеніе ея совсемъ другое. У лошади пяточная поверхность ноги тоже не претерживаетъ давленія тяжести цѣлаго животнаго: поверхъ роговаго пласта, или треугольнаго отростка, входящаго въ полость копыта, лежитъ другой мягкій слой, упругая подушка. Вотъ какія части поддерживаютъ всю тяжесть тѣла; онѣ выдавливаютъ наружу роговую часть копыта, и ее-то мы видимъ, когда лошадь ставитъ ногу на землю. Передній конецъ копытной чашки или та часть, которая при подниманіи копыта послѣдняя отдѣляется отъ земли, одарена особенною крѣпостью. Крѣпость эта необходима для того, чтобы выдерживать напоръ тяжести по направленію къ землѣ и впередъ, тогда какъ боковыя части копытной чашки болѣе упруги и эта упругость защищаетъ ногу отъ вреднаго дѣйствія сильныхъ сотрясеній. Эта стѣнка не сливается съ копытомъ: между ними лежатъ упругія пластинки. Когда лошадь ставитъ ногу на землю, тяжесть всего тѣла упирается на копыто; но, какъ копыто соединяется съ кольцомъ роговой стѣнки съ помощью упругихъ пластинокъ, то боковыя части копыта раздвигаются, и тяжесть удерживается краемъ стѣнки; при чемъ пяточная поверхность не должна опускаться до земли, иначе это — вѣрный признакъ страданія ноги. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что между внутреннимъ устройствомъ стопы и наружною ея покрывкою, будь это коготь или копыто, цѣльное или раздвоенное, всегда находится постоянное отношеніе. Примѣромъ можетъ служить также лошадь. Случались нѣкоторые, впрочемъ очень рѣдкіе, примѣры лошадей, у которыхъ на ногахъ вмѣсто копытъ были пальцы. Светоній говоритъ, что такая лошадь находилась въ конюшняхъ Цезаря, другая была у Льва Десятаго, и, наконецъ, Жозефа Сентъ-Илеръ видѣлъ лошадь, у которой на пе-

реднихъ ногъ было по три; а на заднихъ по четыре пальца. Понятно, что у такихъ лошадей пальцы ногъ оканчивались, уже не копытомъ, а ногтями, и вообще должно замѣтить, что какъ-только у животнаго пять пальцевъ съ принадлежащими имъ костями, то эти пальцы всегда снабжены правильно образованными ногтями, если же нога оканчивается только двумя пальцами, раздвоенною ступнею какъ у пережевывающихъ, то пальцы бывають окружены роговымъ пластомъ; наконецъ, если каждый рядъ пальцевыхъ костей переобразовался въ одну сплошную кость, нога животнаго заключается роговою чашкою или копытомъ, какъ у лошади, зебра, осла, и прочая. У животныхъ пережевывающихъ, какъ и у лошади, пястная кость, состоитъ изъ одной трубчатой кости, то есть, большаго берца, но ступня раздвояна: такое устройство, усиливая упругость ноги, выполняетъ еще и другое, болѣе важное назначеніе; нога труднѣе входитъ въ мягкую почву и притомъ легче можетъ быть изъ нея вынута. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что корова вынимаетъ свои ноги изъ болотистой почвы гораздо удобнѣе чѣмъ лошадь: это зависитъ отъ того, что, во время выниманія ноги, подъ круглою и притомъ вогнутою поверхностью лошадиного копыта, образуется безвоздушное пространство, тогда какъ раздвоенная ступня, по своей конической формѣ, глубоко проникая въ землю, легко изъ нея освобождается. У серны и другихъ животныхъ, похожихъ на оленя, находимъ еще одинъ боковой палецъ: на него упирается меньшая пястная кость съ двумя соответствующими ей путовыми костями; она лежитъ

посади большой пястной кости, но прикреплена къ ней связками, отчего этотъ палецъ пріобрѣтаетъ значительную упругость. Къ этому же пальцу идетъ часть сухожилья большаго сгибающаго мускула, отъ чего упругость еще болѣе увеличивается, особенно когда животное, лежа на землѣ, вспрыгиваетъ на ноги. Рисунокъ показываетъ, что меньшая пястная кость, находившаяся въ коленномъ составѣ лошадей подъ видомъ грифельной кости, тутъ служитъ къ усиленію упругости оконечностей.

У свиньи, два боковые пальца коротки и не касаются земли, однако жъ содѣйствуютъ къ опорѣ животнаго въ то время, когда ноги погружаются глубже въ мягкую почву. У оленя, какъ видно въ томъ же рисункѣ, эти кости крѣпки, но лежатъ глубоко внизу, палецъ выдается къзади, и даетъ ступнѣ горизонтальное положеніе. Ступня, представляя такимъ образомъ большую поверхность для опоры животнаго, замѣняетъ для него лыжи, столь необходимыя для ходьбы по снѣгамъ Лапландіи.

Мы показали уже, почему въ ногѣ слона кости стоять совершенно прямо одни надъ другою: въ костяхъ составляющихъ ступню этого животнаго, есть тоже нѣкоторыя отличія. Ступня живаго слона кажется на-видѣ простою, круглою, гибкою массою. Когда животное стоитъ, эта часть ноги имѣетъ сходство съ основаніемъ столба или съ нижнею частью пня въ большомъ деревѣ; но, рассматривая кости ступни, найдемъ, что это широкое основаніе состоитъ изъ запястья, пясти, и пальцевыхъ суставовъ, и что притомъ эти кости получили совершенно другое назначеніе нежели тѣ же кости у животныхъ, о которыхъ было говорено. Онѣ не соединяются съ подвижнымъ рычагомъ и не имѣютъ собственнаго движенія, какъ у животныхъ плотоядныхъ, но служатъ только для того чтобы расширять основаніе столба, то есть, ступню, и придать ей известную степень упругости.

Мы уже видели, въ рисункѣ, кости ноги верблюда и слона. Въ ногу верблюда, которая не поддерживаетъ такой огромной массы тѣла какъ нога слона, онѣ расположены косвенно и самое направленіе плечевыхъ костей указываетъ на желаніе природы сдѣлать животное болѣе легкимъ. Нижняя часть ноги плоска, какъ подонива башмака, но между подонивомъ и костями съ лежащими возлѣ нихъ сухожиліями, находится столь мягкая и упругая подушка, что ступня животного чрезвычайно легка и надежна. Замѣтимъ, что ступня страуса имѣетъ сходство со ступнею верблюда.

Животныя, принадлежащія къ породѣ собакъ и кошекъ вообще плотоядны, и у обоихъ породъ лапы снабжены ногтями или когтями, но нравы этихъ двухъ породъ и способъ, употребляемый ими для добыванія пищи, совершенно различны. У собакъ преобладаютъ тонкое обоняніе и неутомимость въ бѣгъ; онѣ гоняютъ добычу до-тѣхъ-поръ, пока она падетъ отъ изнеможенія. Напротивъ, кошки отличаются остротою зрѣнія, терпѣливостью, бдительностью и способностью подзаты. Кошка не гонится за своей добычей, но бросается на нее въ нѣсколько прыжковъ, и если попытка не удалась, кошка, мурлыча, ложится снова на сторожку. Кости и тутъ вполне приспособлены къ образу жизни. У собаки и волка когти жестки, крѣпки, выносятъ давленіе и трѣніе и назначены къ тому, чтобы во время продолжительнаго бѣганія покрывать ступню и доставлять ногѣ большую опору. Тигръ, напротивъ, прыгаетъ на добычу и закусываетъ въ тѣло войманнаго животного свои острые, кривые когти. Какъ эти когти закривлены и отъи остры, то ступня одарена слѣдующимъ удивительнымъ приборомъ, который защищаетъ ихъ отъ страданія: послѣдняя кайцевая кость съ приращиваніемъ на концѣ когтемъ, подгибается сбоку и такъ сочленена,

что упрямая связка *A*, оттягивая кость назадъ, вмѣстѣ съ тѣмъ острый конецъ ногтя направляетъ впередъ. Она отгибаетъ кость снизу, между головкою и подушкою, и вторая половина ея *BC* придерживаетъ коготь въ этомъ положеніи, дѣйствуя наподобіе шнура на тѣннрномъ колесѣ. *D* и *E* мускулы, служащіе къ выпрямленію ногтя.

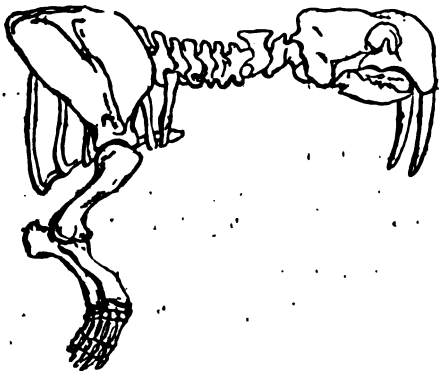
Передніе концы послѣднихъ пальцевыхъ костей, при обыкновенной походкѣ животнаго, упираются въ землю, при чемъ когти сами собою входятъ въ свои влагалища, но когда оно бросается на добычу, сухожиліе сгибающаго мускула выдвигаетъ кости впередъ. Когти бенгальскаго тигра такъ остры и крѣпки, а лапа его такъ сильна, что, бросаясь на чловѣка, онъ однимъ ударомъ пробиваетъ у него черепъ.

Устройство костей, соединяющихся съ когтями, представляетъ разительный примѣръ того согласія, которое существуетъ между образомъ жизни животныхъ и общимъ ихъ развитіемъ въ отношеніи руки. Впрочемъ должно замѣтить, что между оконечностями животныхъ, обитающихъ въ лѣсахъ и окончностями тѣхъ животныхъ, которыя лазятъ по сучьямъ деревьевъ, есть некоторыя различія. У вѣнши когти расходятся въ обѣ стороны, и она бѣгаетъ съ необыкновенною легкостью по дереву вверхъ, внизъ, и крѣпко удерживается за углы вѣтвей. Обезьяна лазитъ тоже по деревьямъ и, прыгая съ одной вѣтви на другую, отнимаетъ заднія ноги прежде чѣмъ переднія ухватятся за

новую опору, однако жъ прыжки ея легки и востра вѣрны. Лѣшвецъ, напротивъ, лишень возможности схватывать; его пальцы просто — крючки, и вся его сила заключена въ однихъ только плечахъ. Онъ не ухватывается за вѣтвь дерева, но вѣшается на ней и цѣпляясь съ одной вѣтви на другую, отнимаетъ лапу и вытаскиваетъ свои острые когти тогда только, когда другая лапа получила уже надежную опору; такіа движенія производитъ онъ и передними, и задними конечностями, а туловище между-тѣмъ виситъ.

У земноводныхъ млекопитающихъ, какъ то, у моржа и тюленя, ноги чрезвычайно коротки и едва выдаются изъ тѣла, а пальцы преобразованы въ плавательныя перья.

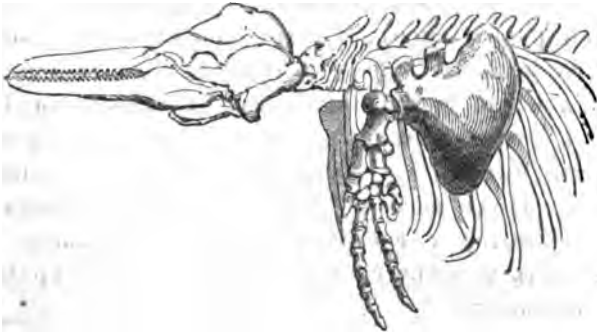
Кости, составляющія переднюю ногу моржа, по своему полному развитію, совершенно согласуются съ

прочими частями животнаго. Эти кости участвуютъ въ составленіи плавательнаго прибора, потому что моржъ живетъ въ водѣ; вышедши на берегъ только за тѣмъ, чтобы накормить своихъ дѣвятилетней или погрѣться на солнцѣ и очутясь внѣ воды, онъ становится самымъ неловкимъ и беззащитнымъ животнымъ. Въ китахъ мы видимъ млекопитающихъ безъ заднихъ ногъ: они получаютъ широкою лопатку, кости верхняго плеча икъ чрезвычайно коротки, а кости нижней части

руки и ладони плоски и соединены кожистыми перепонками. Отъ этого образуется плавательное перо. Киты живутъ постоянно въ водѣ и выходятъ на поверхность ея только для перемѣны воздуха.

У дельфина мы опять встрѣчаемъ кости переднихъ

оконечностей, но форма ихъ отлична отъ тѣхъ же костей у другихъ животныхъ. Тюлени и моржи выходятъ иногда изъ воды и остаются нѣкоторое время на берегу: дельфины безъ исключенія находятся постоянно въ водѣ и конечности ихъ преобразовались въ плавательныя перья или въ руль. Кто видалъ дельфина въ бурномъ морѣ, тотъ знаетъ, какъ искусно владѣеть онъ этимъ орудіемъ, и какъ удачно принаровдентъ самый приборъ къ жидкой стихіи.

Последніе примѣры мы приведемъ изъ міра доисторическаго. Возьмемъ плесіосаура и ихтіосаура.

Эти животныя занимали мѣсто между крокодилами и рыбами; конечности или рули ихъ состоятъ изъ множества взаимно сочленяющихся костей, и между ними замѣчаются верхнее плечо, локтевую кость, лучъ, кости запястья и пальцевъ.

Въ лапахъ этихъ животныхъ видно преобразование ногъ въ плавательныя перья рыбъ.

Убѣдясь, что всѣ измѣненія костей, встрѣчающіяся въ переднихъ конечностяхъ животныхъ, соотвѣтствуютъ извѣстнымъ определеннымъ цѣлямъ, бросимъ быг-

дый взглядъ на образование костей въ руку человека и потомъ обратимся къ другой половинѣ нашего предмета.

Отличіе руки орангъ-утанга отъ руки человека состоитъ въ малости большого пальца, который доходитъ едва до основанія прочихъ пальцевъ, тогда какъ сила человеческой руки зависитъ вполне отъ длины и крѣпости большого пальца, отъ способности дѣлать боковыя движенія и отъ чрезвычайной его подвижности. Какъ крѣпость этого пальца равняется крѣпости другихъ четырехъ, вмѣстѣ взятыхъ, то ему присвоено названіе *большаю*. Подъ него подложена толстая мускульная подушка, которая составляетъ исключительную принадлежность человеческой руки и усиливаетъ крѣпость всѣхъ пальцевъ.

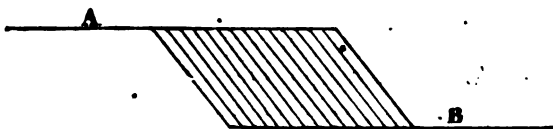
Альбиноусъ называлъ большой палецъ *меньшою рукою*, помощницею большой, — *manus parva, majori adjungit*. Потерять большой палецъ значитъ почти то же что потерять дѣльную руку.

Всякому извѣстно, что мускулами называются тѣ части животнаго тѣла, которыя составляютъ собственно такъ называемое «мясо». Мускуль сдѣланъ изъ параллельно положенныхъ волоконъ (фибръ), которыя одарены особенною способностью укорачиваться и удлиняться. Эта способность известна на рогагому языкѣ науки подъ именемъ «мышечной раздражительности». Каждый мускуль состоитъ изъ соединенія миллионовъ такихъ волоконъ, которыя начинаются гдѣ-нибудь отъ одной общей точки и сходятся снова въ одинъ волокнистый кантикъ, — сухую жилу, — прикрѣпляющійся къ какой-нибудь подвижной части. Мѣсто, гдѣ сухая жила соединяется съ такою подвижною частью, называется точкою прикрѣпленія. Въ плечѣ и рукѣ человека, найдено болѣе пятидесяти мускуловъ, которые все вмѣстѣ дѣйствуютъ для произведенія одного движенія. Но это еще не объясняетъ намъ игры разныхъ частей руки

при каждомъ произвольномъ движеніи. Взаимное отношеніе мускуловъ становится особенно ошутительнымъ, когда одинъ изъ большихъ членовъ тѣла пораженъ тѣмъ, что медицина называетъ «воспаленіемъ». Въ стоячемъ положеніи, мы не можемъ поднять или выпрямить руки безъ измѣненія положенія цѣлаго тѣла; тѣло стремится найти равновѣсіе, и въ этомъ дѣйствіи участвуютъ цѣлыя сотни мускуловъ. Въ мускулахъ заключается сила тѣла. Каждый мускулъ содержитъ въ себѣ часть этой общей силы, но эти части силы уравновѣшены между собою самымъ чуднымъ образомъ. Какъ-скоро членъ долженъ быть приведенъ въ движеніе дѣйствіемъ одного или цѣлою партіею мускуловъ, сложная сила всѣхъ этихъ мускуловъ не можетъ превзойти силы мускуловъ, имъ противодѣйствующихъ, или антагонистовъ. Что же происходитъ? Мускулы-антагонисты тотчасъ теряютъ свою напрягательную силу, ослабѣваютъ, удлинняются и облегчаютъ дѣйствіе первыхъ. Когда членъ находится въ покое, сила мускуловъ, вслѣдствіе кореннаго закона, приходитъ въ равновѣсіе: такое состояніе называется *тономъ* или *естественнымъ напряженіемъ* мускуловъ. Привязывая тяжесть къ сухожилію разгибающаго мускула, находимъ, что мускулъ вытягивается до-тѣхъ-поръ, пока его тонъ, или естественное напряженіе, противодѣйствуетъ тяжести; но если вмѣстѣ съ тѣмъ вытягивается и сгибающій мускулъ, — естественный антагонистъ разгибающаго, — тяжесть опускается еще ниже, потому что разгибающій мускулъ ослабѣваетъ и становится длиннѣе. Движеніе члена порождаетъ дѣятельность въ обоихъ родахъ мускуловъ; но эта дѣятельность, находящаяся подъ вліяніемъ воли, въ однихъ мускулахъ обнаруживается сокращеніемъ; въ другихъ растяженіемъ. Если бы не было такого устройства, тѣло, вмѣсто естественныхъ, непринужденныхъ и нѣжныхъ дѣйствій членами, при каждой попыткѣ къ движенію впадало бы въ судоро-

роги, которыя случаются всякой разъ, когда два мускула тянуть въ двѣ противныя стороны и одинъ не можетъ преодолѣть другаго или преодолеваетъ съ большою трудностью.

Посмотримъ теперь механизмъ дѣйствія мускуловъ въ рукѣ. Во всѣхъ мускулахъ оконечностей, фибры, или волокна, имѣютъ косвенное направленіе между линиями движенія.

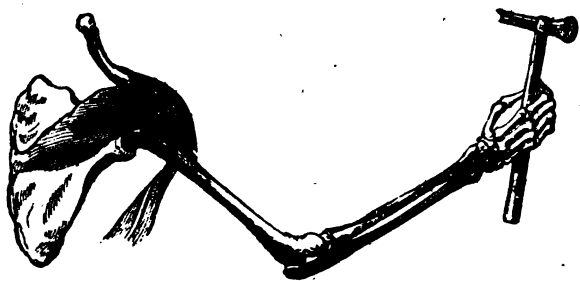

Здѣсь: *А* сухожильное начало мускула, *В* его сухожильное окончаніе или точка прикрѣпленія, и между обоими сухожилиями мясистыя волокна, идущія въ косвенномъ направленіи. Мускульное волокно, дѣйствуя въ такомъ направленіи, теряетъ нѣсколько своей силы, но зато пріобрѣтаетъ свойство, сокращаясь, протягивать дальше подвижную часть, къ которой прикрѣплено сухожилие, и приносить выигрышъ во времени. Этотъ механизмъ объясняется тѣмъ закономъ, что быстрота движенія въ пространствѣ, и сила, и тяжесть, которая движетъ, всегда равны, слѣдовательно, съ увеличеніемъ силы въ мускулѣ, замедлялась бы быстрота движенія. Съ тою же цѣлю, сухія жилы мускуловъ проходятъ черезъ суставы оконечностей; онѣ дѣйствовали бы несравненно сильнѣе, если бы направленіе ихъ къ оконечностямъ пальцевъ было совершенно прямолинейное; но какъ онѣ уклоняются отъ этого направленія, то пальцы движутся со скоростью, пропорціональною потерѣ въ силѣ.

Теперь посмотримъ на сходство этихъ явленій съ явленіями въ нѣкоторыхъ механическихъ снарядахъ. Положимъ, что машина приведена въ движеніе силою вѣтру или воды: желая увеличить быстроту колесорот-

наго движенія, приспособляютъ особеннаго роду балансъ съ длинными рычагами. Сначала колесо вертится очень медленно, но постепенно, ускоряя ходъ отъ дѣйствія новыхъ толчковъ, приобретаетъ наконецъ неизмѣрную быстроту и неизмѣрную центробѣжную силу; если при такомъ постоянно ускоряющемся движеніи тяжесть колеса будетъ слишкомъ велика, то машина разлетится въ куски, да и самыя стѣны зданія разстрескаются. Тѣло, находящееся въ покоѣ, получивъ толчокъ отъ другаго тѣла, приходитъ въ движеніе; второй толчокъ сообщаетъ тѣлу уже гораздо болѣе быстры, потому что сила, которая содержала первое тѣло въ первоначальномъ покоѣ, уже уничтожилась; вся сила втораго толчка обращается на ускореніе движенія. Слѣдующіе толчки дѣйствуютъ точно такъ же. Движеніе ускоряется до-тѣхъ-поръ, пока получить быстроту, равную силѣ давленія того тѣла, которое дало ему первоначальный толчокъ.

Въ механикѣ животнаго тѣла, замѣчается такой же размѣнъ силы на быстроту, только въ низшей степени. Напримѣръ, когда человекъ ударяетъ молотомъ, то лежащій на плечѣ мускулъ (*deltoideus*), дѣйствуя на плечевую кость и поднимая длинный рычагъ,

образуемый всею рукою и молотомъ, теряетъ очень много своей силы, потому что точка его прикрѣпленія находится слишкомъ близко къ плечевому суставу. Но

такая потеря силы вознаграждается другим путем: потеря силы в мускулъ, зависящая отъ его прикривленія, восстанавливается быстротою, сообщенною молотку, потому что, пробывая большее пространство, онъ приобретаетъ болѣе быстроты, а быстрота — та же сила. При быстротѣ паденіи тяжелаго тѣла, прибыль въ силу обнаруживается тѣмъ, что толчокъ такого тѣла производитъ дѣйствіе, гораздо значительнѣе нежели дѣйствіе, зависящее отъ взаимнаго напряженія всѣхъ мускуловъ. Мы видимъ, что этотъ механизмъ основанъ на началахъ маховаго колеса, отъ котораго машина получаетъ такую силу, что ея толчокъ чеканитъ золото и серебро. Чѣмъ отличается механизмъ руки отъ книгопечатнаго станка? На концѣ рычага въ этой машинѣ утверждены тяжелый шаръ, и потому его трудно привести въ движеніе. Тинографщикъ беретъ за рычагъ вблизи шара и приводя его въ движеніе, сообщаетъ шару быстроту, не превышающую быстроты руки; рычагъ поднимается впередъ, а рука тинографщика къ винту. Если бы онъ съ самаго начала ухватился за рычагъ въ этой точкѣ, онъ не сдвинулъ бы его даже съ мѣста, но какъ рычагъ уже приведенъ въ движеніе, то рука, всею своею силою, дѣйствуетъ на него въ точкѣ ближайшей къ винту, между-тѣмъ какъ быстрота движенія тяжелаго шара на переднемъ концѣ рычага усиливается болѣе и болѣе. Отъ такого соединенія силы съ быстротою, винтъ въ станкѣ получаетъ гораздо болѣе давленія чѣмъ при постоянномъ дѣйствіи руки на рычагъ вблизи шара.

Здѣсь также мускулъ плеча поднимаетъ длинный рычагъ руки очень медленно; но какъ-скоро рука приведена въ движеніе, то это движеніе усиливается съ каждымъ слѣдующимъ сокращеніемъ мускула, а движеніе передняго конца руки становится гораздо быстрѣе нежели быстрота движенія въ точкѣ прикрив-

плотнѣ сухожилія. При дѣйствіи другаго мускула, опускающаго руку внизъ, участвуютъ двѣ соединенныя силы, тяжесть и собственная сила мускула. Когда молотъ упадаетъ, движеніе его ускоряется дѣйствіемъ собственной его тяжести; но если къ этому присоединится еще дѣйствіе самаго мускула, то отъ сліянія двухъ, постоянно увеличивающихся силъ, быстрота движенія внизъ значительно ускорится.

Движенія ладони и пальцевъ совершаются по такимъ же законамъ, и эти части руки удивительно приспособлены къ дѣйствіямъ живымъ и очень быстрымъ. Руки пианиста и наборщика могутъ служить лучшимъ примѣромъ этой быстроты. Ступня и ладонныя пальцы одарены также большою силою, быстро-движностью и упругостью. Движенія пальцами совершаются не только посредствомъ большихъ, на нижней половинѣ руки лежащихъ мускуловъ; эти мускулы служатъ единственно для обнаруженія силы болѣе значительной; на ладони и между пястными костями помещены маленькіе мускулы (такъ называемые червообразные и межкостные), — они-то производятъ быстрыя и нѣжныя движенія въ пальцахъ и отводятъ ихъ одинъ отъ другаго по всемъ возможнымъ направленіямъ. Эти маленькіе мускулы прикреплены къ нижнимъ концамъ пальцевыхъ костей въ томъ мѣстѣ, гдѣ кости образуютъ первый суставъ; какъ прикрепленіе находится почти возлѣ самой центральной точки движенія, точки покою, то концы пальцевъ отъ дѣйствія маленькихъ мускуловъ движутся чрезвычайно быстро. Кроме этихъ мускуловъ, есть еще другіе, но они имѣютъ уже совсѣмъ другое назначеніе. При схватыванія и сжатія рукою какого-нибудь тѣла, соединенная сила мускуловъ должна быть весьма значительна. Посмотрите на матроса, который, ухватившись за канатъ, повисаетъ всюю тяжестью своего тѣла на одной рукѣ. Легко предста-

вить себя, какъ сильно должно быть давленіе на эту руку! Оно превышаетъ крѣпость костей и сухожилий: сосуды и нервы разорвались бы непременно, если бы ладонь, нижняя поверхность и концы пальцевъ не были окружены подушками, которыя защищаютъ руку точно такъ же, какъ упругая ткань защищаетъ ногу у лошади и верблюда. Въ помощь этой подушкѣ дасть особенный мускуль, идущій поперечно черезъ ладонь и при внутренней, то есть, локтевой ея сторонѣ служащій подпорою мясистой подушкѣ; при схватываніи, этотъ мускуль дѣйствуетъ очень сильно, кроме того поднимаетъ края ладони и черезъ это образуется горсть, ковшъ, которымъ Диогенъ пилъ воду. На концахъ пальцевъ такія же подушки помогаютъ еще чувству осязанія и усиливаютъ воспріимчивость нервовъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

Всѣ эти поясненія, взятые изъ механики, заставляютъ удивляться степени силы мускуловъ, и въ самомъ дѣлѣ эта сила заслуживаетъ удивленія. Никогда тяжесть, сила воды, расширение и сгущеніе паровъ, образованіе газу, упругость воздуху и другія силы, всѣ вмѣстѣ или каждая отдѣльно, не могутъ имѣть столь разнообразнаго приложенія какъ эта чудная сила мягкихъ ниточекъ, волоконъ, или *фибръ*, заключающихся въ мускулахъ. Она основана вся на свойствѣ мускуловъ—сокращаться, или сжиматься. Это свойство многимъ показалось такимъ чуднымъ, что для него придумали мистическое названіе—*жизненность*. Но животная фибра сокращается и въ мертвомъ состояніи, вѣтъла. Баранья струна віолончели или скрипки—не что иное какъ пучокъ тѣхъ же фибръ, тотъ же мускуль, только волокна здѣсь скручены, для прочности. Когда эта струна находится въ вибраціи, она—длиннѣе обыкновеннаго; середина ея качается далеко въ обѣ стороны, хотя струна крѣпко натянута и концы ея укрѣплены. Прикоснитесь до нея въ это время чѣмъ-нибудь:

вибрація миттєвременно прекращається, струна приводить въ споможіє і становить коротче, ~~сокращается~~. Въ животі тѣль должно вродскодить то же самое: ~~фибры~~ мускуловъ должны находится въ востоянномъ вибраціонномъ напряженіи или растяженіи, а нервы очевидно служатъ къ ограничиванію въ нихъ вибрацій, отъ чего они и сокращаются. Такимъ ввроятнo образомъ мускульная сила играетъ свою важную роль при движеніи, давленіи, дыханіи, рвчи, пищевареніи, употребленіи пищи и кровообращеніи.

Въ тѣль животнаго, каждый мускуль имѣеть свой собственный, опредѣленный образъ дѣйствія; это общее правило проявляется во всѣхъ мускулахъ, начиная съ постоянно и неутомимо сжимающагося и растягивающагося сердца, до такого мускула дѣйствующаго на писчее перо во время писанія. Въ однихъ мускулахъ постоянная дѣятельность прерывается короткими промежутками покою, въ другихъ она обнаруживается правильными періодами; одни подвержены вліянію воли, другіе не зависятъ отъ этого вліянія.

Ежели артерія оконечности раздѣлена на четыре или пять вѣтвей, которыя вновь соединяются, какъ на примѣръ, у лѣнивцевъ, то черезъ это возбуждается большее расширеніе и бoльшая сжимаемость и такія, чисто механическія, проявленія всегда бываютъ соразмѣрны усиленію или уменьшенію кровообращенія. Особенное образованіе кровеносныхъ сосудовъ оконечностей можетъ замѣнять обращеніе только во время покою животнаго; но если члены находятся въ движеніи, то обращеніе крови пріобрѣтаетъ всегда ускоренное движеніе. Говоря о направленіи кровеносныхъ сосудовъ, мы касаемся вопросу: справедливо ли, что перевѣсъ правой руки надъ лѣвою зависитъ отъ направленія артеріальныхъ стволовъ въ обихъ рукахъ? Хотя замѣнено, что артерія правой

руки имѣть такое положеніе въ отношеніи къ сердцу, что кровь можетъ удобнѣе проникать въ тѣнчайшія вѣточки этой руки, но такой взглядъ на предметъ слишкомъ ограниченъ: причина этого явленія скрыта гораздо глубже. Должно замѣтить, что вся правая сторона тѣла имѣетъ перевѣсъ надъ лѣвою, уступающею первой, не только въ силѣ мускуловъ, но и во всемъ своемъ устройствѣ. Органы движенія на правой сторонѣ развиты сильнѣе, въ чемъ можетъ убѣдить насъ непосредственное вымѣриваніе. Вообще принято, что такой перевѣсъ зависитъ отъ большаго упражненія правой руки, но перевѣсъ замѣчается даже въ самой конструкціи правой половины тѣла и члены лѣвой стороны скорѣе подвергаются разнымъ болѣзнямъ. Балетныя танцоры выполняютъ всѣ труднѣйшіе па — правою ногою; для того чтобы выполнить то же лѣвою ногою, они должны упражняться вдвое больше. Наблюдая за походкою людей, мы рѣдко встрѣтимъ человѣка, который идучи дѣлалъ бы совершенно равныя движенія тѣломъ въ обѣ стороны; лѣвая нога становится не такъ твердо какъ правая и пальцы ея менѣе обращены кнаружи. Особенное устройство женщинъ, и то, что уругость ихъ походки зависитъ болѣе отъ движенія въ сочлененіи ступни съ голенью чѣмъ отъ бедра, дѣлается причиною, что слабость лѣвой ноги у нихъ еще явственнѣе. Въ общежитіи все направлено къ правой сторонѣ; напримѣръ, ходъ винта, рѣзущая часть сверла, и такъ далѣе, можно принять, что это не дѣлается произвольно, но связано съ естественнымъ свойствомъ тѣла. И такъ, перевѣсъ правой руки не — слѣдствіе упражненія и особеннаго направленія артерій, но природное, естественное устройство для весьма явственной цѣли. Читатели могутъ быть помнать приведенныя здѣсь однажды изслѣдованія того же вопросу: въ нихъ оказывалось, что большее развитіе правой стороны должно почестъ за результатъ особеннаго положенія зародыша въ чревѣ матери.

Вся органы внешнѣхъ чувствъ, за исключеніемъ осязанія, развиты у животныхъ совершенно въ члвкѣ у чело-
 вѣка. У орла и сокола, у газели и у всѣхъ живот-
 ныхъ изъ породы кошекъ, преобладаетъ чувство зрѣ-
 нія; собака, волкъ, гіена, одарены необыкновенно тон-
 кимъ обоняніемъ; острота слуху — принадлежность
 низшихъ животныхъ; но чувство осязанія, котораго
 органъ рука, развито преимущественно въ чело-
 вѣкѣ. Говоря о преимущественномъ развитіи какого-нибудь
 чувства въ известномъ животномъ, не должно думать,
 чтобы, одни нервы были грубѣе образованы и менѣе
 чувствительны, другіе устроены иѣжнѣе и опреде-
 лены для впечатлѣній болѣе иѣжныхъ. Если глазные
 нервы тоньше чѣмъ нервы пальцевъ, то, съ другой
 стороны, должно помнить, что нервная оболочка гла-
 за совершенно нечувствительна къ тѣмъ качествамъ
 матеріи, которыя мы узнаемъ съ помощью осязанія.
 Каждый нервъ чувствъ образованъ для одного из-
 вѣстнаго чувствованія, служить для опредѣленнаго от-
 правленія, и иѣжность ткани не имѣетъ тутъ ни какого
 вліянія. Осязательный нервъ кожи нечувствителенъ
 къ впечатлѣніямъ свѣту и звуку совсѣмъ не потому
 чтобы строеніе его было иѣсколько грубѣе; полно-
 та системы состоитъ въ томъ, что каждый нервъ ода-
 ренъ воспримчивостью къ одному только опредѣленно-
 му впечатлѣнію. Нервъ кожи способенъ только къ
 осязанію, какъ глазной нервъ — только къ зрѣнію.
 Если бы такая способность зрительнаго нерва зависѣла
 отъ болѣе иѣжнаго строенія его ткани, если бы нерв-
 ная сѣтка глаза (retina) была чувствительна къ свѣ-
 товому началу потому только, что она иѣжнѣе и во-
 обще чувствительнѣе осязательныхъ нервовъ, то нашъ
 глазъ испытывалъ бы постоянную боль; но уже
 сказано, что нервная оболочка глаза, нечувствительна
 къ боли и принимаетъ только впечатлѣнія свѣту и
 цвѣтовъ.

Боль и раздраженіе, ощущаемыя въ глазу отъ пыли или другихъ постороннихъ веществъ, которыя иногда попадаютъ въ него, зависятъ не отъ глазнаго нерва, а отъ другихъ нервовъ, и служатъ доказательствомъ, что поверхность глаза чувствительна къ впечатлѣніямъ совсемъ другаго рода. Во время операций иссѣченія глаза, когда острее хирургической иглы проникаетъ черезъ наружныя оболочки глаза, больной чувствуетъ уколъ, и это зависитъ отъ раненія чувствительнаго нерва; но когда острее иглы проходитъ черезъ нервную сѣть глаза, которая не что иное какъ расширенный зрительный нервъ, выстилающій внутреннюю поверхность глазнаго яблока, больной видитъ только искры, оттого что зрительный нервъ столько же нечувствителенъ къ дотрогиванію сколько осязательный къ свѣту. Сильная чувствительность кожи къ самымъ маловажнымъ ранамъ породила мысль, будто боль должна быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже рана: это не справедливо, и не сообразно съ благими, вездѣ явственно обнаруживающимися законами творящей природы. Чувствительность кожи не только служитъ къ осязанію, но она вѣсть такъ сказать охранный сторожъ глубже лежащихъ частей, и какъ къ этимъ частямъ не можетъ прикоснуться ни какое постороннее тѣло, не проникнувъ сначала кожи и не возбудивъ въ насъ чувства боли, то понятно, почему глубже лежащія части вовсе не нуждаются въ усиленной чувствительности. Если бы глубокія части, принимающія участіе въ движеніяхъ тѣла, обладали такою же чувствительностью какъ наружная кожа, это не только не приносило бы имъ ни какой пользы, но, напротивъ, при каждомъ естественномъ движеніи тѣла, было бы источникомъ постоянныхъ болѣзненныхъ ощущеній. Оперированные увѣряютъ, что самую сильную боль они ощущали при разрывѣ кожи, но при прониканіи по-

жа въ глубже лежащія части боль значительно умни-
шалась. И такъ, чувствительность наружной кожи—
спасительный предостерегатель раненія глубоко-лежа-
щихъ, болѣе важныхъ частей. Теперь, рождается дру-
гой вопросъ: могутъ ли глубоко лежащія части под-
вергаться поврежденіямъ безъ предшествовавшаго раз-
дѣленія цѣлости кожи? Это не подлежитъ ни какому
сомнѣнію; онѣ подвержены переломамъ, вывихамъ и
сотрясеніямъ, хотя кожа остается неповрежденною.
Замѣчательно, что глубокія части, почти нечувствитель-
ныя къ дѣйствию ножа и огня, оказываютъ неимовѣр-
ную чувствительность, подвергаясь размноженію или
разрыву, и эта чувствительность скрытыхъ частей къ
такого рода насиліямъ инстинктивно побуждаетъ насъ
быть осторожными при соскакиваніи съ высокаго мѣста,
при подниманіи слишкомъ тяжелаго или задержива-
ніи быстро движущагося тѣла, точно такъ же какъ
чувствительность наружной кожи заставляетъ избѣгать
остраго ножа и раскаленнаго желѣза.

Чувствительность руки къ теплотѣ не зависитъ отъ
чувства осязанія; она имѣетъ мѣсто въ кожѣ и ограни-
чивается поверхностью тѣла. Внутреннія части сохраня-
ютъ всегда одинаковую температуру, но наружныя, бу-
дучи подвержены частымъ переменамъ окружающей ат-
мосферы, побуждаютъ насъ защищать ихъ отъ вредна-
го дѣйствія холоду и жару. Когда рука лишается спо-
собности ощущать теплоту и холодъ, но въ ней еще
остается движеніе, человекъ беретъ раскаленные метал-
лы, и кожа сгараетъ, не ощущая ни малѣйшей боли.
Въ такой рукѣ человекъ чувствуетъ постоянный хо-
лодъ, не увеличивающійся отъ прикладыванія веществъ,
еще болѣе понижающихъ температуру, и не уменьша-
ющійся отъ искусственной теплоты.

Намъ бы слѣдовало теперь поговорить еще объ об-
щемъ расположеніи, въ рукѣ, мускуловъ, нервовъ и

кровеносныхъ трубокъ, но съ помощію нашихъ рисунковъ на деревѣ невозможно дать понятія о такихъ тонкихъ и сложныхъ пружинахъ. Читатель, котораго это общее, слишкомъ поверхностное, изложеніе предмету сколько-нибудь увлекло въ пользу анатоміи человѣческаго тѣла, должны обратиться къ огромнымъ, отлично нарисованнымъ, блестящимъ таблицамъ Н. И. Пирогова и къ подлинному тексту замѣнитаго хирурга нашего, который въ то же время—превосходный писатель на обоихъ языкахъ.

==

МАРТЪ, 1844.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

ОПЫТЪ НИДЕРЛАНДСКОЙ АНТОЛОГІИ. П. Корсакова. Сп.-бургъ, въ тип. К. Жернакова, 1844, въ-12., стр. 261.

Имя П. А. Корсакова съ почетомъ записать въ лѣтописи русской литературы за услугу, имъ оказанную: онъ первый познакомилъ соотечественниковъ съ голландскою поэзіею. Мы были старые знакомые съ голландскимъ языкомъ, съ наукою, искусствомъ, жизнью Голландцевъ, потому что первымъ европейскимъ урокомъ обязаны Голландіи. Но мы вовсе не знали, да и другіе плохо знали, что у флегматической Голландіи, у этихъ холоднокровныхъ; неподвижныхъ Голландцевъ, есть своя поэзія, своя, обширная, разнообразная словесность, и были дарованія необыкновенныя. Это было *открытие*, вещь нынче очень рѣдкая. П. А. Корсаковъ былъ, не Колумбъ, но, крайней-мѣрѣ, Кукъ или Ванкуверъ литературный: онъ открылъ голландскую словесность. Этотъ журналъ радужно предоставлялъ нѣсколько разъ страницы свои въ распоряженіе П. А. Корсакова, и читатели, конечно, помнятъ любопытныя статьи его о голландской литературѣ и о Фондлѣ. Ободренный успѣхомъ первыхъ опытовъ, П. А. Корсаковъ продолжалъ труды свои. Они удостоились одобренія Ея Величества Королевы Нидерландской, Анны

Т. LXIII. — Стл. VI.

В

Павловны, превосходно знающей языкъ своего новаго отечества, и которая, письменно, и лично, когда П. А. Корсаковъ въ 1841 году былъ въ Голландіи, изъявила ему лестное желаніе, чтобы онъ не переставалъ своими переводами знакомить Русскихъ съ голландскою словесностью. Плодомъ усерднаго старанія П. А. Корсакова исполнить столь лестное порученіе была изданная нынче «Нидерландская Антологія», посвященная Великому Князю, генерал-адмиралу, Константину Николаевичу, удостоившему ее самаго лестнаго вниманія.

Кто возьметъ эту антологію изъ одного любопытства, тотъ увлечется чтеніемъ ея. Переводчикъ собралъ давнѣе нежели съ тридцати поэтовъ, а кромѣ *Билдердейка*, *Катса*, *Фондела*, *Фейта*, донинѣ едва-ли по именамъ знали мы Ансло, Беллами, Брейна, Вилье, Гейгенса, Геннзія, Гильмана, Гоофта, Хроота, Брезта, Дехтера, Портюала, Зефекота, Кирхнера, Лейкена, Сифле, Смита, Хрофезанле, Схимегеймера, Тессельсхаде, Толмекса, Шаранга, Коненга, Ферстехена, Финкенса, Хиселерса, которыхъ сочиненія передаетъ намъ П. А. Корсаковъ. Не бойтесь непозитическихъ именъ, и прогуляйтесь по цѣлому словію, куда искусною рукой русскаго переводчика пересажены розы, крупнѣе драгоцѣнныхъ голландскихъ тюльпановъ. Все это тѣмъ любопытнѣе, что гораздо болѣе было переведено донинѣ и на французскій языкъ, и даже на нѣмецкій, несмотря на всепереводительность Нѣмцовъ, со шведскаго нежели съ голландскаго. Что это значитъ, случайность, или другое какое обстоятельство! Не говорите, что причиной — особенный характеръ голландской поэзіи или бѣдность ея. Она разнообразна и богата. Мы укажемъ еще на одну забытую богатую словесность: переведа такъ много съ испанскаго, Французы и Нѣмцы забыли о португальскомъ языкѣ, и португальская словесность совершенная terra incognita въ Европѣ. Всего скорѣе можно рѣшить это недоразумѣніе тѣмъ извѣстнымъ закономъ, что суженая книгѣ или цѣлой литературѣ нѣмецкимъ терпѣніемъ не объѣдешь. Воспользуемся же съчастливою случайностью трудовъ нашего соотечественника, и увѣримся, что Голландцы не только умѣютъ дѣлать свѣрь и солить сельди, но сердца ихъ также отзываются

на всѣ прекрасныя думы человѣка, что эпиграмма ихъ также бываетъ остра и любовь также сумасшедшая.

Въ антологіи П. А. Корсакова помѣщено около ста сонетовъ небольшихъ піесей. Тутъ весь нашъ трудъ можетъ состоять въ указаніи на самое характеристическое: нельзя судить ни о поѣтахъ отдѣльно, ни о словесности вообще, по выбору немногихъ піесей. Ограничимся выпискою нѣкоторыхъ, искренно желая продолженія столь удачныхъ опытовъ.

Вы знаете *Гугона Гроціуса*, то есть, *Гугона де-Хроота*, какъ философа и юриста: но кто знаетъ, что онъ писалъ стихи? Вотъ стихи его, въ альбомѣ другу, написанные въ 1621 году:

• Кто вѣкъ свой узникомъ проводитъ весь, какъ мы,
Изъ чрева матери, своей живой тюрьмы,
На свѣтъ выходитъ бѣлой,
Чтобъ душу запереть въ тюрьму другую—тѣло,
И заключиться вновь въ подземной тѣмѣ гробницѣ,
Того ли устрашать звукъ узъ и мракъ темницъ! •

Вотъ стихотвореніе Беллами «Другу Виллему Карпу».

• Какъ пышно высятся въ концѣ пути,
Въ концѣ пути наземной жизни,
Недвижной вѣчности гора,
Гдѣ Божество отъ вѣка обитаетъ!
Да, тамъ Оно живетъ, на выси недоступной,
И въ безпредѣльный долъ временъ
Струить потоки благодати,
Живящіе стремленіе ручья.
Какъ ни горька временъ долины, почва,
Но сладости не портитъ горнихъ водъ,
И вкусомъ вѣчности, и силой,
Ихъ каждый отзывается глотокъ.
Присядемъ же, о другъ, на берегъ,
Мы у ручья воды живой,
И устремимъ свой взоръ на гору,
На гору вѣчности влади.
Всмотрись въ нее: за длинными рядами,
Рядами длинными высокихъ тѣхъ деревъ,
Не видишь ли таинственнаго блеску'
Въ дали глубокой ты?

Тамъ быть должна гора. Но что за дымъ, туманомъ,
 Изъ-за лѣсовъ клубится вверхъ?
 О, другъ! ужели свѣтъ туманный только проблескъ,
 Или возмстиву сіякіе горы?
 Встань, другъ мой! Что сидѣть безцѣлочно!
 Спокойно, весело отправимся мы въ путь.
 У долинаго ручья истокъ быть долженъ въ выси —
 Отправимся къ нему.

И вѣрно, другъ, въ концѣ того пути
 Въ концѣ пути тревожной нашей жизни,
 Найдешь и мы желанный ключъ,
 Живая струя ручья въ сея.

И, вѣрно, другъ, въ концѣ того пути
 На гору вѣчности взберемся мы съ тобою,
 И взоръ свой долу обращая,
 Тамъ отдохнемъ у свѣтаго ключа.
 Оттуда странникъ утомленный,
 Блуждая взоромъ вѣкъ горы,
 Увидитъ собственный свой путь —
 Ручей, влившійся въ долину.

Оттуда странника послѣднего внизу,
 Въ долину времени увидишь,
 Когда и онъ, какъ ты,
 На гору вѣчности взбираться также будетъ...
 Взгляни, какъ вдругъ прочистилась даль,
 Брось взоръ за эти пышные деревья —
 О, другъ! возмстиву, за ними вижу гору,
 Да, гору вѣчности — не дыми!

Болѣе другихъ обильную жатву собрать переводчикъ съ Бильдердейка и Катса, двухъ блестящихъ свѣтилъ голландской словесности. Мы приведемъ здѣсь «Сіамцовъ», восточную параболу, Бильдердейка.

Гдѣ зло въ крови народа заносило,
 Безсмысленна казнь тамъ зло остановить.

Но какъ же герою пособить?

А вотъ какъ — выслушайте дѣло.

*

Одинъ сіамскій царь воровъ велѣлъ карать
 Ужасной казнью; въ порокъ уличенныхъ,

Онъ золотомъ топлонныхъ

Велѣлъ всѣмъ горда задивать.

Что жъ вышло? Судьи, тѣ же люди,
Придумали и тутъ, какъ лангу понагрѣты:
Намѣсто золота мѣдь желтую томили,
А золото—въ карманѣ! Когда жъ то зло открыли,
Судью съ грабителемъ одна постигла смерть.

Другіе, прежнихъ по-хитрѣ,
Придумали ту мѣдь томпакомъ зашпигать,

И хотъ обманѣ ихъ обличить
Гораздо сдѣлалось труднѣе,
Но долго ль, коротко ль, а всё открылся онъ.

Въ правдивомъ гнѣвѣ, принужденъ
Видѣ царь сіамскій убѣдиться,

Что воровство не прежде прекратится,
Какъ онъ всѣхъ подданныхъ спаситъ:

Надъ кѣмъ же царствовать тогда ему въ Сіамѣ?
Къ Задигу, мудрецу, тиберскому онъ Ламѣ,
Въ недоумѣніи спѣшитъ.

Мудрецъ былъ точно мудръ, не милоя, не ломая,
Царю все дѣло справить взялся.

«Чтобъ съ корнемъ воровство въ Сіамѣ истребить,
Ты домысли; онъ сказалъ, воровъ — переродить,
А къ этому твоей едва-ль достанетъ силы —
Горбатиыхъ править лишь могилы.

Но вотъ тебѣ, о царь, мой дружескій совѣтъ:
Карай преступника, гдѣ явно злодѣянье;
Гдѣ нѣтъ уликъ — молчи, скрывай негодованье.

Когда жъ пересоздать захочешь свѣтъ,
На это есть секретъ —
Образованье, воспитанье,
Устрой въ имперію твоею

Ты школы, гдѣ бѣ наставники дѣтей
Вакѣианъ Вожескииъ и честности учнай;
Гдѣ бѣ и наставники, какъ ты, добро любяи,
И обновляемый твой народъ
Цѣль правосудья безъ болани,
По убѣжденію пойметъ,

И мудрому царю не нужны будутъ казни».

Заключимъ выписки, которыя отчасти могутъ показывать и характеръ и разнообразіе «Нидерландской Антологіи», антологомъ Катса:

Въ пескахъ пустыни пилатрихъ
Увидѣть пирамиду,

И думаетъ : Вотъ пышный домъ царей
Его верхи сводъ неба подпирають!
Глупецъ, не зналъ, что прахъ одинъ царей
Вмѣщаетъ пышная гробница — пирамида....

*

Кто по наружности лишь судить о вещахъ,
Тотъ строитъ домъ на облакахъ.

Во всемъ этомъ есть много своего, особеннаго, самобытнаго. Авторъ антологіи прибавилъ къ общей литературной исторіи замѣчательный фактъ, что изученіе голландской словесности несправедливо было до-сихъ-поръ пренебрегаемо образованною Европою, которая между-тѣмъ отъ всей души вѣрѣдко восхищается чухонскою и монгольскою литературами.

СТИХОТВОРЕНІЯ КАРА-ИСКАНДЕРА. Москва, въ тѣмъ. Университетской, 1849, въ-12, стр. 108.

Старая сказка! Несмотря на татарское имя, поэтъ — не большой бусурманъ, совсѣмъ не такой нехристь, за ка-кого выдаетъ себя: онъ просто—приверженецъ извѣстнаго поэтическаго расколу, который вѣрять въ могущество рюмы, полагаетъ, что когда строчка короче ширины страни-цы, такъ это—стихъ, а если тутъ есть *дѣва, луна и мечта*, имѣющія въ основаніи своемъ *чашу*, такъ это — *поэзія*. Синьоръ Кара-Искандеръ увѣренъ даже и въ томъ, что если Пушкинъ писалъ поэму о Черкесахъ, то и другимъ не-премѣнно надо писать черкесскія поэмы, и что если есть «Наложница» Баратынскаго, такъ всякій поэтъ обязанъ поставить литературѣ свою «Наложницу», дотога, что и герой *оной* наложницы долженъ называться Арсеніемъ, какъ у Баратынскаго.

Вслѣдствіе таковаго татарскаго вѣроисповѣданія своего, синьоръ Кара-Искандеръ ведетъ новаго Арсенія, скуки ради; куда-то на Востокъ, перевозить его въ какомъ-то мѣстечкѣ черезъ рѣку, ломаетъ ему, не голову, что было бы гораздо лучше, а drogу. Прибѣгаетъ жидъ, тащитъ Арсенія къ себѣ въ домъ, беретъ «пещись о сломанной ко-ляскѣ», не «надѣвъ на душу маски», а между-тѣмъ —

Доогавить гостю развлеченье
 Желая какъ-нибудь на двою
 Онъ дочь прекрасную свою
 Ему представилъ съ утѣшеньемъ....

Жидъ былъ человѣкъ радикально особенный, да и дочь его была жидовка необыкновенная.

Одни создавѣя искусствъ
 Въ гармоніи поспорить стройной
 Души и формы съ ней могли.
 Какая жъ дѣва сей земли,
 Всегда холодной и вѣнастой
 Могла затмить ее красой?....
 Ее вы можете принять
 За дѣву лучшую земную....
 Она, какъ ница, и сама
 Отрадныхъ жаждала познаній,
 По днямъ любила изучать
 Красы художескихъ созданій,
 И въ атмосферѣ ихъ дышать....

Пока починавали дрогу и отецъ Лейзы «лекся осломанной коляскѣ», Арсеній, отъ нечего дѣлать, бродилъ по саду. Вы безъ всякаго поясненія понимаете, что Арсеній былъ самый «разочарованный юноша», полный поэтической негоды, какой только таскался съ хандрою и глупостью по бѣлому свѣту, что былъ мизантропомъ на балахъ, пилъ мертвую чашу съ подобными себѣ великими философами и курилъ сигары какъ дикій Sioux. Таковы нынче герои поэмы!

Вдругъ слышитъ онъ, пѣз-за кустовъ,
 Аккорды звучные безъ словъ,
 Какъ-будто персты пробѣжали
 По струнамъ арфы золотой,
 Предъ пѣньемъ дѣвы молодой,
 И вслѣдъ за ними зазвучали,
 И стройной полились волной
 Напѣвы яль:ли неземной....

Арсеній тотчасъ понялъ напѣвы пѣсни неземной, и
 вѣкъ —

Вдругъ устремился быстро онъ
 Въ закрытый чащей павильонъ....

И началъ говорить прямо:

«К чему скрыватьсѣ, онъ сказалъ:
Я васъ люблю, и такъ недарно
Признанье ваше услышалъ,
Любовью дышащее рече.
Я васъ люблю, какъ не любилъ,
Я никого еще на свѣтѣ,
Съ стремленьею въстать душевными силъ,
Съ отрадой быть въ евангелии общилъ!
И если я вразумлюсь такъ,
Къ кому любовь отомстятъ ваша —
Клянусь — достоинствъ не найдетъ
Меня любви радая чаша!»

Лейза отвѣчала Арсенію маленькою кабалистическою галиматіей:

И вы, вы любите меня?
Жидовку, жадков творенье,
Лишенное небесъ шеня?

На что Арсеній отвѣчалъ — crescendo:

Люблю ли я? к чему сомнѣнья,
И гдѣ явку я вамъ въ отвѣтъ?
Въ мой любви разлечилъ ясти,
Дитя еси разныя промашажденье —
Еврей, Французъ, Индѣецъ, Грекъ,
Лишь былъ бы существо живое,
Съ отзвученіемъ на все радное,
Въ высокому смыслѣ челоука,
И ты не лучшее ль созданье
Среди созданий всѣхъ земель?
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ существованье
Свое узрѣлъ — клянусь, досель!
Тебя въ немъ не было прадеснѣй,
Ты совершенства идеаль,
Ты ангель на землѣ небесный,
И предъ тобой я блѣденъ, малъ....
— Я недостойна силъ похваля!»

сначала стыдливо отвѣчала Лейза. Потомъ она воскликнула: «Судьбы свершается опредѣленье!» Слѣдуютъ точки. Черезъ нѣсколько строчекъ, Арсеній продолжаетъ, не любить.... точки....

«Онъ пересталъ къ ней на свиданье
Являться вовсе въ павильонъ,»—

Наконецъ пришелъ, и безъ чиновъ говоритъ:

Я обманулъ тебя невольно,
Я грѣшилъ вѣдливо и божьно
Меня сжимаетъ эта грудь,
О, Лейза! правды проклятыя
Обрушь на голову мою....
Кляни, кляни, кляки, кляки —
Теперь и въ будущіе дни!

Остальное тоже.....точни: рассказывать нечего. Лейза осталась «безъ силъ, съ опухшими отъ слезъ глазами», и, кажется, умерла. По-крайней-мѣрѣ, въ концѣ поэмы кого-то хоронять, «идетъ задумчивый отецъ, и съ грудъ съ стеллажи ударяетъ, смоласлашю рукой». Если этотъ задумчивый отецъ—жидъ, отецъ Лейзы, такъ его стоило поколотить не по груди, а по спинѣ, за то что онъ *вошелъ ослепленой молчотъ*, безъ всякаго печанія о дочери.....точни.

Другая поэма, или не поэма, а «эпизодъ изъ незаконченной поэмы» — преужасная поэма! Гисторія начинается тѣмъ, что ѣдетъ Черкесъ, и у него —

«....Что-то въ буркѣ за сѣдомъ,
Вольшиимъ жотается узломъ.»

Черкесъ прѣбываетъ къ какому-то старику и рассказываетъ ему свои похождения. Они впрочемъ давно были извѣстны изъ «Цыганъ» Пушкина. Черкесъ, какъ Алеко Замѣйру, подстерегъ свою жену, которая пѣла, на голосъ — «Старый мужъ, грозный мужъ!»

«Милый другъ, нѣжный другъ!
Лишь узнала тебя,
Полюбила тебя,
Разлюбивъ его адругъ!

*

Ты со мной наконецъ!
Насеода я еняла
Во уцесны съ чала
Мой шеридеи еянецъ!»

Потомъ дѣло пошло далѣе; рассказываетъ рогатый мужъ —

«...вслѣдъ за пѣсней до меня
Достигли, пламенный огня,
Лобзанья страстныхъ двухъ устъ!
Я задрожалъ, и быстро въ кусты
Съ проклятьемъ бросился...»

Пока онъ оставался въ кусты, любовники убѣжали.
Рогачъ бросился его догонять, и когда, говорить, до-
гналъ —

«Я весь затрясся — мой языкъ
Вдругъ испустилъ какой-то крикъ!»

Потомъ рассказчикъ развернулъ и показалъ старику, что
такое у него —

.... въ буркѣ, за сѣдломъ,
Большимъ моталосл улоомъ.»

Старикъ полюбозытствовалъ, посмотрѣлъ, и увидѣлъ
..... страшныя точки!.... голову сына.... словомъ, преужас-
ный «Эпизодъ изъ неоконченной поэмы!»

Кромѣ одной полной поэмы и одного эпизода изъ по-
эмы, у Егъ Присутствія Кара-Искандера есть стихи къ 'со-
вѣду, который игралъ на гитарѣ, къ свѣчкѣ, которая ге-
рѣла на столикѣ, къ чашѣ юности, которую онъ выпилъ,
къ старому дому; гдѣ онъ былъ молодъ, и еще кое-что
для грузу. Лучше всего — *пѣснь Алкивиада на орги*. Онъ
приказываетъ какимъ-то «преlestнымъ твореньямъ» сбросить
«долой пышныя ризы», напиться до-пьяна, и пля-
сать вокругъ себя безъ всего, даже безъ манжетокъ, —

«Чтобъ, въ блаженствѣ утопая,
Жизнь земную полюбить,
И о сѣтломъ счастьи рая
За мошлой не просить!»

Какое татарское желаніе!

Кстати о пѣсни на голосъ «Старый мужъ, грозный мужъ».
Мы чуть-чуть не забыли, что знаменитая мадмоазель Эли-
за д'Улибишевъ издала новый томикъ своихъ прелестныхъ
стихотвореній на своемъ прелестномъ языкѣ, — съ пре-
дисловіемъ, — да еще какимъ! Въ предисловіи этомъ, есть
нѣжная пѣсня на тотъ же голосъ, обращенная — къ кому,
вы бы подумали? — къ *Осипу Ивановичу Сенковскому*, кото-
раго мадмоазель Элиза д'Улибишевъ, видно, почитаетъ ав-

торомъ статьи, напечатанной здѣсь въ 1842 объ ея твореніи «*Étincelles et cendres*». Къ сожалѣнію, Осипъ Ивановичъ Сенковскій, которому некогда читать ни *étincelles* ни *cendres* мадамозель Элизы д'Улибичевъ и который такою литературой никогда не занимался, вовсе не прикосновень къ этой статьѣ, и остроуміе мадамозель Элизы пропадаетъ даромъ, а остается только неприличіе самопронзвольно выставлять въ печати, по однимъ догадкамъ, съ опасностью ошибиться и потомъ сожалѣть объ ошибкахъ, чужое частное имя, не подавшее ни какого повода къ вызову себя на сцену. Мадамозель Элиза потрудилась прислать въ редакцію Лѣтописи свое второе твореніе —

PENSÉES ET SOUCIS, suivis de la Sylphide-poète, par mademoiselle Elisa d'Oulibicheff, auteur des «Étincelles et cendres», Moscou, 1843, 8vo, —

и при томъ твореніи вторую пѣсню, адресованную къ нему же Осипу Ивановичу Сенковскому, но уже на голосъ болѣе жалобный, и которою она умоляетъ критиковъ —

«Laissez lui donc sa foi ! laissez lui sa chimère !
Laissez-la croire en elle, pour qu'elle croie en vos dieux !
Laissez l'être opprimé, méconnu sur la terre,
Exhaler vers le ciel sa plainte solitaire
En versant tous les pleurs que contiennent ses yeux !»

Доложивъ о такомъ происшествіи, и считая долгомъ буквально исполнить столь справедливую просьбу, да и не предполагая въ читателяхъ большаго любопытства знать эти *pensées et soucis*, обращаемся къ нашему дѣлу. Вотъ —

1. ГЕЛИОДОРА, или Греганка, играющая на лютнѣ. Сочиненіе Амндау. Переводъ съ Нѣмецкаго. Изданіе второе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-12. Три части, стр. 240—188—178.

2. ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА, или Отецъ и Сынъ. Испанская повѣсть. Переводъ съ Французскаго. А. Биструковой. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-18. Четыре части, стр. 84—82—72—53.

3, КОНТРАШКО ПУДАННИЦЪ, бунтовщица, блондъ и царствованіе Петра I. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва, въ тип. Степанова, 1843, въ-16. Девъ страницъ, стр. 87—89.

4. ВОЛШЕБНЫЙ ЗАМОКЪ, или Сказка о мамантманъ рыцаря Родрига, и о волшебницѣ Раосъ, продавшей душу свою демону. Москва, въ тип. Степанова, 1843, въ-12, стр. 192.

Извините, что это все..... съ позволенія сказать..... романы. Всѣ они напечатаны на бумагѣ неопредѣленного цвѣту, таинственно грязнаго съ сѣрымъ отливомъ, съ картинками, писанными углемъ на лубкѣ. Видно, имѣютъ счастье находить себѣ читателей, когда нѣкоторые изъ нихъ напечатаны уже вторично. И какъ было не найти! Тутъ все есть, — страшное, печальное, веселое, оригинальное и переводное. «Геліодора» — романъ чувствительный. Начинается тѣмъ, что корабль, на которомъ Геліодора съ лютнею, или лютня съ Геліодорою, плыли, разбивается. Все погибло, кромѣ Геліодоры и лютни, и вотъ —

«Солице садилось. Величественно отражались темнѣющія скалы съ своими дѣсистыми вершинами, какъ ограничили иллучныя краснаго залива въ блестящемъ, тихо волнуемомъ морѣ. Въ царствующей тишинѣ слышно было тихое дываніе дѣвушки, покоящейся близъ самаго берега на пригоркѣ. Незнакомка, въ сей день свершивъ продолжительное путешествіе, и своротивъ съ дежащей вправо большой дороги, заснула здѣсь, отдыхая, и наслаждалась вечернею прохладою.»

Спящая незнакомка была Геліодора, Пока она спала —

«Медленно приблизился юноша, и увидѣлъ спящую дѣвушку. Пойдя ближе, и прелестный видъ поразилъ взоры его. Колосница въ терзая зари надвигала на нея слабое мерцаніе, которое на нѣсколько минутъ предало возбужденное воображеніе юноши мнѣть, будто онъ перенесенъ въ златыя времена, когда небесныя существа сходили къ раю смертныхъ, и ходя между ими, облегчали имъ труды дневныхъ работъ житейскихъ. Онъ стаѣ на колѣни, почтительно наклонивъ къ спящей и мрачный видъ его развеселился при воззрѣніи на спящую, слышавъ на себѣ прелестномъ лицѣ. Иногда простирала она руку (не бойтесь ничего за Геліодору!), дабы разбудить ее, но наслажденіе пріятнымъ покоемъ, которое познавалъ по тихой улыбкѣ усть ея,

удерживала его, и такъ, какъ полемскія ея было безмятежно, те онъ доволновался тѣмъ (пожалуйста ничего не бойтесь за Геліодору!) что—дала свободу взорамъ своимъ показывая на ея преставленіе....

Потомъ..... Потомъ ничего замѣчательнаго не было.

«Юноща сорвалъ въ Десто одну изъ пріятно благоухающихъ розъ развалинами розъ. Она уже поблекла, но онъ положилъ ее отеревъ на грудь дѣвушки, и удался потомъ съ глубокимъ впечатлѣніемъ сею зрѣвша въ сердца.»

Геліодора встала, и въ первой хижинѣ нашла своего отца. Затѣмъ она отправилась съ лютнею на свадьбу въ достѣвнѣцъ замокъ князя Гвидо; подслушала, какъ невѣста стоваривалась убѣжать съ тѣмъ юношею, который положилъ на грудь Геліодоры розу, и наконецъ Геліодору увезли ошибкою вмѣсто невѣсты. Слѣдуетъ описаніе утра: «Ясно восходило *младае утро*», и прочая, въ высокомъ слогѣ. Геліодора подошла къ окну, и заговорила: «Жизнь! гдѣ и какъ ты обнаруживаешь, ся, любезное, пріятное явленіе! *Питая сосцами цѣлый міръ, онъ все исходитъ удовлетворенный изъ твоихъ объятій!*» Является юноша, положившій розу. Онъ обрадовался, что вмѣсто невѣсты увезли Геліодору. «Съ завтрашняго дня я буду жить только для услугъ тебѣ! Тебѣ одной посвящу храмъ сердца моего, и не оскверню никакою жертвой цному божеству!»

Что было далѣе съ Геліодорою, лютнею и юношею, можно узнать изъ трехъ частей романа, весьма прекраснаго и чтенія достойнаго.

Кто желаетъ знать какіе страшные романы пишутъ нынче въ Парижѣ, тотъ долженъ непременно прочитать «Желѣзную маску». Прекрасная переводчица изъясняетъ, что «Желѣзную маску» уже давно перевели, но она переработать ее вновь, надѣясь любителямъ страшнаго чтенія доставить высокое наслажденіе. Съ первой страницы начинаются ужасы: лица закрываютъ желѣзными масками герою и героинѣ, ввозятъ бѣдняжекъ на необитаемый островъ, громъ раздробляетъ маски, разбиваются корабли, рѣжутъ, губятъ, и наконецъ герой романа женится на своей дочери, сдѣлавшейся королевою. Окончаніе романа самое поэтическое:

«Дождь Нелра дещель въ спальню своей супруги. Но прежде нежели поидѣтъ къ законамъ Личия, онъ на груди невобранной уви-

далъ изображеніе желѣзной маски. «Ты дочь моя!» сказала дочь Цедро, схвати въ углу стоявшую шпагу. «Нѣтъ! я не должна жить больше! Я вижу наказаніе неба!» при этихъ словахъ онъ пронзилъ себя шпагою. «Должна умереть и я!» сказала королева, выкинув шпагу изъ груди своего отца, и пронзая свою собственную. Молодой Кристианъ также пронзилъ свою грудь. Должно на все остальное опустить занавѣсъ...»

Въ «Кондрашкѣ Булавинѣ» также «пронзительно» рѣжутъ, ругаются, дерутся, но всего больше пьютъ. Даже на картинкѣ «Кондрашка Булавинъ, въ городѣ Черкасскѣ, пируетъ съ своими товарищами».

«Волшебный замокъ» — ужасъ, въ которой пронзительно дерутся рыцари. Вы, конечно, знаете, что рыцарскія сказки принадлежатъ къ любимому чтенію Варяго-Россовъ. Но надобно видѣть, какъ за прилавкомъ мелочной лавочки сидитъ бородатый чтецъ и душевно восхищается битвами Гуаковъ и Родриговъ, самодѣльщиной поставщиковъ его умствснныхъ наслажденій! Пушкинъ въ этомъ мірѣ — писатель второстепенный, запутанный, темный, *неподробный*. Здѣсь, напротивъ, все..... *подробно!* — то есть, удивительно.

тысяча и одна минута. *Собраніе русскихъ сказокъ, писанныхъ Иваномъ Ваненко. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ-12. Четыре части, стр. 209—248—246—248.*

Книга *расейская*. Но ее надо поставить отдѣльно отъ другихъ, во-первыхъ, потому что она напечатана весьма опрятно, а во-вторыхъ, помнится, мы уже встрѣчали прежде какое-то произведеніе шутливаго Ваненка. Новое — въ его же старомъ родѣ, но хуже стараго тѣмъ, что въ этой книгѣ больше книжности, сирѣчь, чопорности, а это-то и губить сочинителей въ тонѣ Ваненка. Надобно, либо оставаться въ своей кожѣ, либо совсѣмъ содрать ее съ себя. Умный мѣщанинъ ни мало не смѣшонъ, даромъ-что кланяется по-своему и говоритъ какъ умѣеть мѣщанинъ. Смѣшонъ онъ, когда перенимаетъ ухватки свѣтскаго челоуѣка у водевильнаго актера и у чиновника тринадцатаго класса. Начитавшись другихъ *сочинителей*, Ваненко принялся разводить свою простонародную шутку модною болтовнею, и думаетъ, что — теперь-де я

и разговорился по-книжному. Какое заблужденіе! Онъ не знаетъ, что въ настоящемъ литературномъ искусствѣ лучшая книга всегда—та, которая менѣе другихъ посылаетъ на книгу, какъ въ живописи лучшая картина—та, которая какъ-можно менѣе напоминаетъ о краскахъ, кисти и полотнѣ.

1. ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ. Романъ Еженя (?) Сю. Перевелъ В. Строевъ. Сп.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-8. Два тома, въ семи частяхъ, стр. 114—80—92—135—118—104—140—123.

2. ГЕРОЛЬШТЕЙНЪ. Эпизодъ Парижскихъ Тайнъ. Сочиненіе Е. Сю. Сп.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-8.

3. ЖЕЛѢЗНАЯ ЛАМПА ДАНИЛА ГРАНИЛЬЩИКА. Сочиненіе Мишеля Массона (Реймона). Перевелъ съ французскаго бар. Вальсбергъ. Москва, въ тип. Евреинова, 1843, въ-12. Три части.

Вопросъ: литературное ли дѣло, книга ли — «Парижскія тайны!»..... Но этотъ вопросъ уже рѣшилъ Карлъ Нодіе. Чѣчь зашла о Бальзакѣ, Сю, Сулиѣ, Жаненѣ. «Я всѣхъ ихъ очень люблю, сказалъ онъ: люблю за то, что — умные люди!.... пишутъ все, но литературой вовсе не занимаются. Она для нихъ—дѣло постороннее.»

Именно, на литературу смотрятъ они какъ на дѣло постороннее. Въ этомъ — вся тайна «Парижскихъ Тайнъ». Мирному, невинному человѣку приносятъ поутру чашку кофе, яйцо въ смятку, сигарку, стаканъ воды съ сахаромъ и газету. Онъ пьетъ кофе, съѣдаетъ яйцо, закушиваетъ сигарку и читаетъ попеременно, то газету, то вѣстникъ, перемѣшивая политику съ какой-то любовною исторіей, извѣстія о настоящихъ пожарахъ и истоящихъ преступленіяхъ съ рассказомъ о странныхъ вѣщахъ объ «аду въ сердцахъ», о невѣроятныхъ убійствахъ, измѣнахъ, вѣроломствахъ. Почитавъ полчаса, онъ вымоетъ, бросаетъ листокъ подъ столъ, отправляется къ юмму дѣламъ, и на другой день требуетъ опять такого же завтрака. Черезъ полгода, черезъ годъ, литераторъ, для котораго литература—дѣло постороннее, почтительно догадывается ему, что вы, дискать, прочитали мой романъ.—

Какой романъ?—Романъ въ фельетонѣ; посмотрите: вотъ, изъ листовъ, вышла огромная книга.—Книга! Какъ, нуле-ли я *читала книгу*? Вотъ какой вздоръ! Да я книгу не читаю! —Поймали васъ, почтеннѣйшія! Это была книга. Вотъ она теперь—въ красивомъ форматѣ. Вотъ другое изданіе съ картинками. Не угодно ли купить?—На что?—Поставьте въ своей библіотекѣ. Вѣдь листки вы растеряли!—Да на что мнѣ ваша книга! Я книгъ терпѣть не могу: только напрасну отнимаютъ время, отвлекаютъ отъ дѣла.... При-томъ и скучно: за книгу надо съестъ какъ за работу..... тру-диться..... читать..... Мнѣ дѣнь *читать*! —Такъ не угодно ли *посмотрѣть*? Вотъ вамъ билетъ въ кресла: я передѣлать мой романъ, не только въ книгу, но тоже и въ драму!—Но романы мнѣ надоѣли! — Помилуйте! развѣ это романы?... это только такъ говорится... въ самой же дѣлѣ это—го-родскіе факты.... *османъ, какъ она есть*.... картинки со-временныхъ нравовъ.—Чьихъ нравовъ?—Вашихъ, моихъ, всѣхъ. — Монхъ? Подите.... тутъ такія мерзости! — Из-вините, это все истины. Знаете ли? одного героя моего романа уже вчера послали на каторгу, а другой сегодня бросился въ Сену. — Да мнѣ-то что за дѣло до этихъ мерзавцевъ?—Какъ! развѣ они мерзавцы? Взглядитесь: это герои добра, чести, истины.... А тѣ, кого называли мы добродѣтельными людьми — негодяи и плуты! — Что же смотреть? Длaczego не уничтожать этого гнѣва *здѣйствъ*? — Объ этомъ всѣ теперь заговорили, и мой ро-манъ будетъ причиною великаго юридическаго и гра-жданскаго перевороту. Посмотрите въ объявленіи моего книгопродавца: государственный вопросъ! объ немъ бу-дутъ говорить въ палатѣ депутатов! Для пособія этимъ паріямъ человѣчества завтра дадутъ балъ, послѣ завтра разыгрываютъ лотерею въ пользу Совѣ и Шуриверовъ!... — Въ самомъ дѣлѣ? — Стану ли я лгать! Пожалуйте ле-нежки за вашъ экземпляръ. Я пишу не изъ какого-нибудь безсмертія. Прахъ съ нимъ! Черезъ мѣсяцъ забудутъ моя книга.... Я наготовлю между-тѣмъ другую... Хотите ли? я веду вамъ другаго знатнаго человѣка забѣлкой въ тра-тирахъ, а дочь его кухаркой въ карчевнѣ....—А будитъ ли это также любовнито какъ... знаете?... та... премилая исторія!... какъ-бишь ее?—Будьте спокойны истины я-

голо, трупъ въ анатомическомъ театрѣ..... Подишите только на газету.—Непремѣнно!—А книга-то моя!...—Хорошо, дайте одинъ экземпляръ, въ маленькомъ форматѣ, и иллюстрированный. Да, кстати, дайте ужъ и билетъ на драму изъ важной книги: надо посмотрѣть декорации. Хороши ли? — Съ натуры сняты!.... Харчевня; потомъ тюрьма каторжныхъ, гдѣ они дерутся, и бьютъ другъ друга кандалами; потомъ удивительный домъ сумасшедшихъ.... еще лучше чѣмъ въ натурѣ.... двое сумасшедшихъ грызутъ другъ друга; а заключеніе.... хмъ!.... вы понимаете?... будетъ такая декорация... нельзя только вслухъ сказать.... да вы сами увидите. Все, увѣрю васъ, снято съ натуры!

Такимъ же образомъ создается и слѣдующій романъ. Работа легкая: стоитъ только читать газету уголовного суда, и писать. Вкусъ, умъ, искусство.... въ нихъ ли дѣло!.... «Пишите какъ-нибудь.... да только по-скорѣй!» говоритъ издатель газеты.—Переводите какъ-нибудь! говоритъ другой: время пройдетъ, кто послѣ стаетъ читать!

Русскій переводъ, говорятъ, наполнялъ цѣлый годъ одинъ изъ здѣшнихъ журналовъ. Теперь изъ ключковъ сшитая книга полетитъ читать запоздалое любопытство провинцій. Извините, что рѣчь объ ней помѣщена въ литературной лѣтописи: дѣло собственно принадлежитъ къ четвертому отдѣленію журнала, да мѣста тамъ не достало, за другими промышленостями.

Переводъ «Желѣзной лампы» извѣстенъ еще съ 1836 года—тѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

1. МАЛЕНЬКІЯ ДѢТИ. Повѣсти. Подарокъ умнымъ дѣтямъ на сельскій день праздника. Сп.-бургъ, въ Жил. Фишера, 1841, въ-12., стр. 205, въ картинками.

2. СКАЗКА ВЪ ВИДѢ АЛЬМАНАХА НА СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ 1844 года. А. П. Зонтагъ. Изъ Гауфа. Москва, въ тип. Семена, 1844, въ-12., стр. 274.

3. ВЕЛИКОЛѢННАЯ РУССКАЯ АЗБУКА. Подарокъ для добрыхъ дѣтей. Сп.-бургъ, въ тип. Journal de Saint-Petersbourg, 1844, въ-8.

Книжки, глаголемыя дѣтскими, являются предпочти-

тельно передъ Новымъ Годомъ вмѣстѣ съ новыми куклами, и передъ Святой, вмѣстѣ съ красными лицами. Онѣ пишутся вовсе не для чтенія. Главная цѣль этой литературы — чтобы дѣти дрались между собою. Для этого, сказанные книжки должны быть очень красивы, даже *великолепны*, какъ говоритъ «Великолѣпная русская азбука». У насъ эта отрасль промышленности только-что начинается, но все подаетъ надежду, что съ каждымъ годомъ она будетъ совершенствоваться. Въ Англии, Германіи, Франціи она доведена до высшей степени развитія: дѣти регулярно дважды въ годъ вышибаютъ себѣ глаза и зубы... такъ хороши тамъ дѣтскія книги!

«Маленькія дѣти» — книжечка, выкопанная изъ груди книжечекъ старика Бланшара.

«Сказка въ видѣ альманаха» — перепечатка изъ «Библиотеки для воспитанія», господина Семена. «Желая доставить публикѣ возможность пріобрѣтать ее отдѣльно», говорятъ издатели, *мы пускаемъ оную въ продажу.*»

«Великолѣпная азбука» — просто азбука съ бордюрами по страницамъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ *въ 1835 году*. Авраама Норова. *Изданіе второе, дополненное, съ прилѣжаніями на Путешествіе игумена Даниила въ XII вѣкѣ. СПбургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1844, въ-8. Довъ части, стр. VII и 384—366, съ картою, планами и рисунками.*

При первомъ изданіи этой прекрасной книги, мы отдали ей всю должную справедливость. Авторъ подвергнулъ свое превосходное сочиненіе исправленіямъ и дополненіямъ. Къ числу первыхъ принадлежитъ повѣрка со вновь вышедшими послѣ перваго изданія описаніями Палестины, особливо съ превосходными *Biblical researches*, Робинсона и Смита, напечатанными въ 1841 году въ Англии. Повѣрка эта подтвердила точность изслѣдованій автора, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ англійскіе путешественники говорятъ въ духѣ протестантскомъ, отвергая нѣкоторыя изъ священныхъ преданій Палестины. Дополненія къ книгѣ господина Норова составились изъ повѣрки знаменитаго разсказу Даниила Паломника, драгоценной рукописи, гдѣ какой-то *ру-*

скій тумень Данила описываетъ свое странствованіе въ Палестину во время перваго крестоваго походу. Балдвинъ былъ тогда королемъ іерусалимскимъ. Текстъ Данила Паломника приводилъ въ отчаяніе археографовъ грубѣйшими ошибками переписчиковъ, какъ приводили ихъ въ отчаяніе тексты космографіи Несторовой до Шлецера, и какъ теперь сердца ихъ болятъ отъ путешествія Аванасія Тверитянина въ Индію, матеріалу, любопытнаго для индійской географіи XV вѣка, но невѣроятно какъ обезображеннаго. Повѣрка господина Норова возвратила текету путешествія Данила все его историческое достоинство. Второе изданіе книги великолѣпно, какъ и первое, число гравюръ умножено новою, вырѣзанною на деревѣ, гравюрою Гроба Господня, съ рисунка господина Ефимова.

1. ОПИСАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828 И 1829 ГОДОВЪ. *Сочиненіе мардіи капитана Лукьяновича, съ приложеніемъ двухъ картъ и девятинадцати плановъ. Сп.-бургъ, въ шит. Праца, 1844, въ 8., детъ части, стр. XIV и 360—362.*

2. КАРТЫ И ПЛАНЫ КЪ ОПИСАНІЮ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1828 И 1829 ГОДОВЪ, СОСТАВЛЕННАМУ ЛУКЬЯНОВИЧЕМЪ. Сп.-бургъ, въ тип. Праца, 1844, въ-8.

3. ИСТОРИЯ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ, въ 1828 и 1829 годовъ. *Варшава, въ тип. Глюксберга, 1843, въ-8. Двѣ части, стр. XXIII и 403—303, съ картою и планами.*

Сочиненіемъ господина Лукьяновича замѣщается промежутокъ, донынѣ ощутительный въ библіотекѣ русскаго военнаго читателя. Превосходными твореніями А. И. Данишевскаго изображены были подробности войны Отечественной, шведской и турецкой, происходившихъ въ царствованіе Императора Александра. Отъ этого знаменитаго писателя ожидаемъ мнѣншевозвращаія галереи огромныхъ картинъ, начатыхъ имъ,—описанія двухъ великихъ войнъ 1805, 1806 и 1807 годовъ, которыми дѣятельно занимается онъ теперь, и которыя, какъ слышно, дополнитъ шло-сѣдствіемъ очеркъ персидской войны 1812 года. Таинныя образомъ все военныя событія въ царствованіе Алек-

самара поступать въ достойніе исторіи. Достопамятная во многихъ отношеніяхъ турецкая война 1828 и 1829 годовъ, возбуждающая донынѣ столько превратныхъ толковъ въ Европѣ, нѣвѣстна была намъ только по частнымъ, во многомъ невѣрнымъ, и вообще недостаточнымъ, описаніямъ. Только подвигъ покорителя Эрзерума нацѣли себѣ достойнаго историка въ господинѣ Ушаковѣ. Но Варна, Шумла, Бойлашти, Браиловъ, Кулерва, Адрианополь, все, чѣмъ ознаменовалась война 1828 и 1829 годовъ въ Европейской Турціи, ждали своего рѣшителя. Они шли теперь трудолюбиваго и дѣятельнаго лѣтописца къ господинѣ Лукьяновичу. Испросивъ позволеніе правительства, нѣсколько лѣтъ посвятилъ онъ разсмотрѣнію военныхъ архивовъ, издеченію оттуда матеріаловъ, дополненію ихъ записками очевидцевъ и участниковъ, и, какъ опытъ своего труда издавъ теперь въ двухъ томахъ, описаніе кампаніи 1828 года. Въ другихъ двухъ томахъ будетъ описана кампанія 1829 года. Слѣдствіе, точность, безпристрастіе разсказу, основаннаго на официальныхъ документахъ, приносятъ честь автору и заставляютъ желать скорѣйшаго окончанія принятой передъ исторіей обязанности. Мы упомянули о запискахъ очевидцевъ и участниковъ. Ими снабдили господина Лукьяновича, особенно, генераль-адъютантъ, нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, бывшій тогда начальникомъ главнаго штаба; генераль-адъютантъ Головинъ, начальствовавшій отрядомъ подъ Варною; генераль-лейтенантъ Куріановъ, начальникъ отряда въ Правладѣ; генераль-майоръ Трусовъ, и полковникъ Мещъ, начальствовавшіе нѣмъ осадными работами подъ Варною; дѣйствительный статскій совѣтникъ Анвради, предъ полковникъ генеральнаго штаба, предварительна изучившій мѣстность театра войны, а потомъ находившійся нѣмъ Шумлою; генераль-адъютантъ Сухозанетъ; и многія другія лица, о которыхъ съ благодарностію упоминаетъ авторъ.

Сущность труда господина Лукьяновича изложена имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ, которыя говоритъ онъ, посвящая свое сочиненіе Государю Императору: «Велю заводу моему отнестись къ пробовамъ, предвѣстнымъ сличеніямъ,

основанномъ на достовѣрныхъ историческихъ отчетахъ и запискахъ очевидцевъ и участниковъ войны. Излагая событія, я не дерзалъ судить объ нихъ. Исторія наречеть судъ. Современникамъ принадлежатъ вѣрная лѣтопись и сохраненіе свѣдѣній».

Послѣ краткаго изложенія политическихъ событій, предшествовавшихъ войнѣ, авторъ описываетъ положеніе и состояніе земель, гдѣ она происходила, силы Россіи и Турціи, планы военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ и, послѣдовательно всѣ событія кампаніи 1828 года. Повѣствованіе заключается дипломатическими актами, и официальными отчетами о состояніи войскъ.

Изданіе прекрасно. Оно дополнено планами битвъ и сраженій, и двумя, превосходно составленными, весьма хорошо литографированными, картами. Мы поговоримъ о содержаніи книги господина Лукьяновича въ отдельной статьѣ. И по предмету, и по достоинству, она вполне заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Второе изданіе «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Турціи, въ 1828 и 1829 годахъ», доказываетъ, какъ хорошо оцѣнилась русская публика это важное сочиненіе. Въ свое время былъ даже отданъ подробный отчетъ въ ея содержаніи. Второе изданіе совершенно сходно съ прежнимъ и снабжено прежними картами и планами. Новымъ украшеніемъ его можно почесть портретъ князя Варшавскаго, гравированный въ видѣ медали, по способу Николая и Бета, въ Берлинѣ: этотъ способъ имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды, но отдѣлка прелестна.

Записки о Политической Экономіи. Т. Степанова. Спб.-бурж., въ тип. Ольхина, 1844, въ-8. Часть первая, стр. СІІІ и 370.

Авторъ начинается обзорніемъ всѣхъ политическихъ наукъ, и насчитываетъ ихъ, по числу семи древнихъ мудрецовъ, ровно семь.

«Что такое земной шаръ? что такое всѣ творенія живущія на немъ? въ какомъ безусловномъ отношеніи и связи находятся они между собою? какое должно быть управленіе ихъ? Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ

«составляетъ предметъ философіи. — Философія слово «страшное въ обыкновенномъ понятіи людей,» продолжаетъ авторъ: «подъ этимъ словомъ поверхностные умы аразумѣютъ нѣчто сверхъестественное, неземное. Отчего это происходитъ? Оттого, что они не понимаютъ настоящаго значенія философіи. Есть ли въ мірѣ какой-либо человекъ, который не былъ бы философомъ? Ты имѣешь какое-нибудь понятіе о томъ, какъ міръ сотворенъ, что такое ты самъ: слѣдственно, ты философъ.»

Какъ, по этому выходитъ, что и я—философъ?..... Вотъ этого ужъ я никакъ не полагалъ! Хорошо, что мнѣ попалась умная политическая экономія! Въ умной книгѣ все найдешь.

«Часто однако жъ понимаютъ философовъ за людей «странныхъ, и даже смѣшныхъ. Этому другая причина: человекъ, занимающійся отвлеченными понятіями, почти всегда разобицается со многими обычаями, принятыми въ общественномъ мірѣ; онъ посвящаетъ всего себя міру идеальному, и люди, совершенно чуждые самодѣятельнаго мышленія, вмѣсто благодарности за труды, предпринимаемыя для пользы человечества, выказываютъ къ нимъ холодность и пренебреженіе,» не понимая, разумѣется, что всѣ они сами — философы, и притомъ еще безусловные.

Да, безусловные! Вотъ и я самъ — философъ безусловный! Я чувствую, что я — совершенно безусловный. Этотъ титулъ мнѣ чрезвычайно нравится. Преимное слово! Этимъ словомъ, напримѣръ, авторъ доказалъ ясно, что естественное право принадлежитъ къ политическимъ наукамъ. «Естественное право,» говоритъ онъ, продолжаетъ «ислѣдованіе природы человѣческой тамъ, гдѣ оканчивается «своизысканія философія. Оно изъясняетъ безусловные законы обществъ и народовъ, то есть (слушайте! слушайте!) «законы взаимнаго отношенія гражданъ въ частности, законы гражданъ въ отношеніи къ обществу и правительству, и безусловные законы взаимнаго отношенія народовъ между собою. Политика, дипломатія и политическая экономія «основываются на естественномъ правѣ. Они занимаются «ислѣдованіемъ законовъ, по которымъ государства раскрываются въ нравственныхъ и физическихъ силахъ.

«*Политика показывает законы нравственно совершенствованія, по которымъ общества достигаютъ образованности. Политическая экономія показываетъ законы физическаго совершенствованія, по которымъ общества достигаютъ богатства. Дипломатія поясняетъ начала, проистекающія изъ сущности условнаго развитія государствъ.*»

Если кому не совсѣмъ понятно, тотъ, значитъ, плохой философъ. Но быть не можетъ, чтобы, прочитавъ цѣлую книгу, написанную такимъ образомъ, человекъ не составилъ себѣ какого-нибудь понятія о политической экономіи: а какое-нибудь понятіе — первый признакъ философа. Впрочемъ, много и понимать не надо, потому что — *есть ли въ мірѣ какой-либо человекъ, который не былъ философомъ?* Это — дѣло рѣшеное. Я, напримѣръ, совсѣмъ-таки непонимаю, какимъ образомъ *усовершенствуюсь я физически* (у меня отъ природы нѣтъ праваго глаза и лѣвой руки), какъ сдѣлаюсь я Аполлономъ или Геркулесомъ, когда *достигну богатства по законамъ политической экономіи*: но всё же я — философъ, по собственнымъ словамъ ея.

Такія-то великія открытія дѣлаетъ политическая экономія въ своихъ «Запискахъ». За этимъ безусловно-глубокомысленными открытіями слѣдуетъ вступительная рѣчь, говоренная авторомъ въ 1832 году, потомъ опять рѣчь, говоренная въ 1835, потомъ наконецъ «Записки» вводятъ васъ въ тайны великой науки. Вообще онѣ очень не хвалятъ всѣхъ политическихъ экономистовъ, предшествовавшихъ своему автору. Этотъ хваленый Адамъ Смитъ... что такое этотъ Адамъ Смитъ?

«Онъ не могъ представить науки въ совершенствѣ; твореніе его имѣетъ недостатки, ошибки; предметъ машинъ имъ не разгаданъ; понятіе его о богатствѣ приводитъ въ затрудненіе и сбивчивость; другія статьи не полны, не върны, а иные предметы вовсе упущены изъ виду!»

А Лодердаль? — «Въ немъ виднѣнъ умъ не всегда основательный.»

А Рикардо? «Его можно упрекнуть въ томъ, что онъ чрезвычайно кажется холоднымъ, равнодушнымъ съ мильнѣтъ о природѣ и человѣкѣ.»

А Сисмонди? — Просто дрянъ, даже не философъ, хоть, собственно, нѣтъ во всемъ мірѣ человека, который не

были бы философомъ. Хорошо политическiй эгоистъ: «старается сблизить теорiю съ оныганами! Ну, чему это!... особенно для насъ, безусловныхъ философовъ, назовы все мы, безъ исключенiя.

«Записки» затмили Смита, затмили Рикардо и всю эту толпу старыхъ практическихъ болтуновъ. Онѣ принесли совершенно новый видъ наукъ; съ нихъ начинается новая эра политической экономи. Опыты, факты—ветерону! Умзрiе — впередъ! И «Записки» торжественно начинаютъ проповѣдать свои учене обѣ искусствамъ быть богатымъ:

«Душа и матерiя — два главныхъ основанiя всего существующаго. Преобразуя матерiю, душа произвела неограниченныи рядъ многообразныхъ творенiй. Высшее раскрытiе является въ человѣкѣ. Человѣкъ субъектъ въ условномъ отношенiи, а вся наша природа его объектъ, а вообще человекъ и природа объектъ Творца, и никакъ не могутъ выйти изъ предѣловъ безусловнаго дѣятелiя. Неполнозначны ли законы условно, или не исполняются, они, всѣравны, неизмѣнныи безусловно, или, лучше сказать, они всегда исполняются положительно или отрицательно. (Когда кто-нибудь, какой-нибудь философъ, взялъ у васъ деньги и не отдастъ, вы не должны подавать его всеюи ко епископу: онъ, знаете, исполняетъ законъ, только — отрицательно).... Всякая наука имѣетъ свои идеи. Идеи суть идеи, назначенныи природою для жизни человѣческаго, индивидуальной, общественной и народной. Въ обществѣ не должны быть бѣдныи — идея (и еще какая умная! какая практическая!); всѣ производители должны пользоваться богатствомъ сравнительно съ физическими и нравственными силами — идея (чудесная!); торговля должна пользоваться совершенною свободою — идея!» (великодушная!)... А идеи, назначенныи природою для человѣчества, предметъ для науки, мы это знаемъ.

Искусели въ самомъ дѣлѣ у природы когда-нибудь водилась такая идея, что въ обществѣ не должны быть бѣдныи?... Если она водилась, то какъ я ни безусловный философъ, а дельцъ согласенъ, что наука подхватываетъ у природы безусловно странныи идеи. Не далеко уйдетъ она съ нами!

Подъ картечнымъ огнемъ такихъ идей, я закрываю «За-

писки о политическомъ экономіи,» и, клянусь вамъ, что впередъ они меня не поймутъ: право!—какъ я безусловный философ!—второго тома читать не стану.

повѣдка въ якутскѣ. И. Щукина. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С Ц.-бурск., съ тѣмъ. А. Восточнаго Писателя, 1846, 8-8., стр. 111 и 215, съ картинками.

Встрѣтивши одного стараго знакомаго, вы непременно въ тотъ же день встрѣтите другаго и третьяго — идемъ И, право, очень счастливые. Вотъ еще одинъ старинный знакомый, простой, безвѣстнѣйшій, но умный и дѣловитый. Для этой «повѣдки» въ Якутскѣ — какъ для иного прогулка въ Павловскій Доксалъ; а кажется, не близко — чуть не девять тысячъ верстъ. Скажите, что видѣли новаго по дорогѣ, въ Якутскѣ? Оттаяла ли тамъ земля? По-прежнему ли мерзнуть ртуть? Что знаменитый шергинскій колодець? Что якутскіе пѣвчіе, якутскіе балы, Якуты, Тунгусы, старикъ Иньгинъ, гусельныя горы, ленскія щетки, ленскіе столбы, бурдукъ, юкола, сора, урма, удамъ? Видите, мы не забыли ничего, что вы намъ однажды рассказывали. Нѣтъ ли прибавленій? Есть!... бермъ, утлюги, томы! — Это очень любопытно. — Есть прибавленныя статистическія свѣдѣнія. — Хорошо; но мы выберемъ что-нибудь болѣе занимательное. Да чего лучше: золото! теперь всѣ бредятъ золотомъ!

Мы встрѣтили партію золотоискателей, производившихъ поиски по рѣкѣ Чуѣ, впадающей въ Лену. Далекое поднимались они по этой рѣкѣ вверхъ, обыскали впадающія въ нее рѣчки, и находили почти вездѣ золото, но въ бѣдномъ содержаніи. Прошлаго лѣта прѣски дѣлѣ утѣчались такъ же успѣхами. Золотоискательство вскружило теперь головы любителей денегъ. Читая въ газетахъ о бѣдственныхъ успѣхахъ нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, легко подумать вскому, что стоитъ только послать партію въ Сибирь, и оттуда богатство пойдетъ рѣкою. Пользуясь этимъ видѣніемъ, аферисты, профхавшіе Сибирь на почтовыхъ, вылаютъ себя въ столицахъ за людей, достигшихъ дѣло золотопромышленности, обольщаютъ будущими успѣхами, смыкаются на офенціальныя свѣдѣнія и удержаютъ незнающихъ дѣла. Составляется компанія, учреждаются панъ, аферистъ за сигнуется огромное жалованье и содержаніе на счетъ вкладчиковъ.

Онъ ѣдетъ въ Сибирь, покупаетъ домъ, или нанимаетъ прекрасную квартиру, и пьетъ шампанское стаканами. А золото? Онъ посылаетъ въ разные мѣста партіи, подъ предводительствомъ приказчиковъ, которые въ свою очередь не торопятся подвергать себя мучительнымъ трудамъ. Проходить лѣто, и золото найдено, но въ такомъ содержаніи, что не стоитъ разработки. Между-тѣмъ, каждая партія стоила въ лѣто тысячу пятнадцать рублей ассигнаціями. Аферистъ пишетъ компаніи утѣшительное письмо, посылаетъ образчики найденнаго золота, и требуетъ денегъ на слѣдующее лѣто. — Оно проходитъ такъ же, какъ и прошелшее.

Конечно, мы читали въ газетахъ, что въ 1842 году на принскихъ мочетнаго гражданина Никиты Федоровича Мясникова промыто золота болѣе ста пудовъ. Уснѣхъ, превышающій всякое желаніе! Но кто знаетъ, что стоило г. Мясникову добраться до счастливой разсыпи. Десять лѣтъ разъѣзжали партіи его по тайгамъ Сибирскимъ, истратили болѣе полумилліона, и только въ одиннадцатое лѣто награждено терпѣніе и возвращены убытки. Устоять въ своемъ намереніи, втеченіи десяти несчастливыхъ годовъ, могъ только г. Мясниковъ, при его богатомъ состояніи. Сколько же искателей разорилось, о томъ не пишутъ въ газетахъ. Въ 1841 году, изъ ста партій, разъѣзжавшихъ по Енисейской губерніи, нашли золото только двѣ, и то не весьма богатаго содержанія. Счастливицы на перечесть, а потерявшіе все состояніе — молчать.

Въ Россіи думаютъ, что золото промывается изъ песковъ, слѣдовательно легко. Нѣтъ, весьма часто золотоносный пластъ покрытъ валунами огромныхъ камней на сажень толщиной. Пробить шурецъ на такой мочѣ стоитъ величайшаго терпѣнія, издержекъ и времени, а между-тѣмъ партія можетъ дѣлать поиски только въ продолженіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ концѣ мая растаиваетъ земля, а въ началѣ сентября она опять покрывается снѣгомъ.

Золота ищутъ обыкновенно по берегамъ рѣчекъ. Эти берега бываютъ болотисты, завалены упавшимъ лѣсомъ и камнями. Слава Богу, если золотискателю удастся въ день развѣдать на десять верстъ разстоянія!

Отправляясь на поиски, партія запасается съѣстными припасами, даже кормомъ для лошадей, потому что встрѣчаются такіа мѣста, гдѣ нечѣмъ накормить коней. Жалованье приказчику, плата работникамъ, покупка лошадей, заготовленіе съѣстныхъ припасовъ, все вмѣстѣ взятое, составляетъ итогъ тысячу въ пятнадцать рублей ассигнаціями.

Многіе, какъ говорится, промыли все свое состояніе; за всѣмъ тѣмъ, неудачи не останавливаютъ предприимчивыхъ. Каждый годъ образуются новыя компаніи. Теперь искатели бросились въ вершины рѣки Олѣкмы, и, говорятъ, поиски ихъ увѣнчались блистательными

усиѣхали. Покатости Яблонскаго, или Становаго Хребта должны содержать въ себѣ богатую находку.— Но чего будетъ стоить доставка туда припасовъ, и гдѣ взять работниковъ? На промыслахъ работаютъ только поселенцы. Старожилъ не пойдетъ въ работники: у него есть домъ, пашня. Теперь выписываютъ Киргизовъ изъ Омской области. Есть проекты вызвать работниковъ изъ Вятской и Пермской губерній.

Работники на золотыхъ промыслахъ, впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ, питаются говядиною, а разѣзжающіи партіи запасаются сушенымъ мясомъ; отъ того цѣна на говядину быстро возвысилась. Въ Красноярскѣ, отъ 1 руб. 80 коп., поднялась она до 11 руб. 50 коп. за пудъ.

Если разсматривать золотопромышленность со стороны пользы и вреда для жителей Сибири, выходятъ слѣдующія заключенія. Нѣсколько десятковъ человѣкъ обогатилось. Это золотопромышленники счастливые. Нѣсколько сотенъ разорилось отъ неудачъ. Чиновники, живущіе однимъ жалованьемъ, стали терпѣть нужду отъ дороговизны, а деньги, разсыпавшияся работникамъ, стекаются все въ питейный откупъ!

ЕРМПЕТЪ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СВОЕМЪ СОСТОЯНІИ. *Сочиненіе А. Б. Клода-Беля. Переводъ съ французскаго. Изданіе книгопродавца Василья Полякова. Сп.-буревъ, въ тип. Ш. О. Внутренней Стражи и у Жермакова, 1842—1843, въ-8. Двѣ части, стр. XI, LXXI и 277—XII, IX и 439, съ картинками, планами и портретами.*

Переводъ извѣстной книги придворнаго исторіографа наши египетскаго. О подлинникѣ читатели этого журнала знаютъ его мнѣніе; о героѣ книги—тоже. О переводѣ Летописи не считаетъ умѣстнымъ говорить. Почему? — *Идеал!*... и всё тутъ. Такова у ней идеалъ, что это было бы неумѣстно, ненужно, невеликодушно.

ВАНТОНЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ ПОСЛѢДНЯГО СТОЛѢТІЯ, заключающій въ себѣ двенадцать литографированныхъ, на китайской бумагѣ отпечатанныхъ портретовъ, съ присоединеніемъ біографіи каждаго лица. *Изданіе старое. Сп.-буревъ, въ тип. Саламова, 1843, въ-8, стр. 77, съ портретами.*

Краткія жизнеописанія и портреты Императора Алек;

сандра, Наполеона, Фридриха Великаго, Шахмута, Евгения Боарнэ, Каподистрии, Талерана, Кутузова, Веллингтона, Блюхера, Морэ, графа Васильева. Главное достоинство сочинения — въ этихъ портретахъ: они нисколько не замѣнились со времени перваго изданія, сохраняемы же съ совершенствѣмъ, — точно такъ же какъ и текстъ біографій, принадлежащихъ къ портретамъ.

DIE PRAWA RUSSKAJA. (ПРАВДА РУССКАЯ, древнѣйшая русская книга правъ, по самымъ древнимъ открытымъ и собраннымъ рукописямъ сличенная, объясненная и издощающаяся, Д. П. Э. С. Тобиномъ (E. S. Tobien), доцентомъ русскаго права при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ и членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Часть I. Рукописи и изданія, системы и тексты Русской Правды. С Н.—Бурѣвъ въ тип. И. Академіи наукъ, 1886, 84-4., стр. IV и 86, со стихами.)

Если такъ же тщательно будутъ обработаны авторомъ историческіе и юридическіе выводы изъ Русской Правды, какъ обработаны имъ источники, то можно поздравить историю нашей юриспруденціи съ приобретеніемъ такого тщательнаго и такого ученаго сотрудника. Авторъ своего и по словечку перебралъ шесть извѣстныхъ донынѣ синоновъ Русской Правды: — Татищева, Строева, Болтина, Крестинина, Калайдовича и Карамзина, — работа благодарная, но необходимая. По выходѣ второй части труда господина Тобина, мы долгомъ почтемъ изложить подробно результаты его трудолюбивыхъ изслѣдованій. Собственно, это — inauguralное сочиненіе, написанное для публичной защиты тезъ въ здѣшнемъ университетѣ, при полученіи степени доктора правъ. Вотъ содержаніе этихъ тезъ.

Правда Русская относится, не только ко времени до введенія христіанства въ Россію, но даже до пришествія въ Россію варяжскихъ князей. — Вопреки мнѣнію Шлегеля, статьи, на которыхъ основана эта древнѣйшая правовая Правда, можно почитать перенесенными у Славянъ Иудеями. — Повальный обыскъ русскаго судопроизводства остатокъ древнѣйшаго права, объясняемаго Правдою, — Правда не была исключительнымъ правомъ одного Новго-

редъ. — Нам остается въ уставѣ о наследствѣ въ древнѣйшихъ спискахъ — доказательство древности ихъ, а не недостатковъ къ спискамъ. — Сличеніе списковъ приводитъ къ выводу, что мы имѣемъ ихъ три самостоятельныя изданія, три параллельна разнѣя права, и не должны считать краткіе списки остатками (Tüchting) полнѣйшихъ, утраченныхъ. — Всѣ подробныя списки имѣли одинъ источникъ. — Безпорядокъ статей Карамзинскаго списка произошедъ отъ недосмотрчивости тѣхъ, которые разбирали его.

Слово *зала* (еще ли не имѣетъ на желѣзо, либо ли *зала* нашъ будетъ), значить по мнѣнію автора — средство для излеченія обжоги, *сапои*, *заро*, *завоп*. *Seif*, бывшее въ употребленіи при юридическихъ испытаніяхъ *судамъ Везиммъ*.

Непонятныя названія, *Изгой*, *Колбегъ*, и даже *Варгъ*, авторъ беретъ изъяснить латышскій языкъ. Мы очень сожалѣемъ, что не слышали защищенія этой любопытной тезы. По явственному смыслу Правды, *Изгой* не можетъ означать никого другаго кромѣ человѣка финскаго или чуждаго происхожденія, потому что только этого племени нѣтъ въ исчисленіи русскихъ народовъ, а оно не могло быть пропущено въ законѣ. Если латышскій языкъ подтверждаетъ это значеніе, то латышскій языкъ правъ и чести достоинъ. Слово *Варгъ*, *waging*, происходитъ ли оно отъ *wag* (война; *waging*, война), или отъ *woeg* (союзъ, долгъ, *сир*, *вѣра*), легко можетъ находиться въ латышскомъ языкѣ, въ которомъ находится такое множество словъ старинныхъ сѣверо-германскихъ, готскихъ. Но любопытнее знать, какъ латышскій языкъ вывернется съ *Колбегъ*. Развѣ ужъ Латыши, вправду, происходятъ отъ Турки? Потому что слово *Колбегъ*, собственно, *кул-бегъ* дошло въ употребленіи на всемъ Востокѣ и составляетъ таинственный, старинный, историческій титулъ вѣжаръ *судовъ-губернатора*, получающаго постолько жалованье отъ своего государя. До послѣдней минуты своего существованія титулъ этотъ носили и князья. Въ Персіи и теперь *солдатъ* называется въ отношеніи къ правительству, *кулъ-губернаторъ*, а въ отношеніи къ гражданскому *судову бегомъ*, «господиномъ». Въ обыкновенномъ употребленіи эти слова часто соединяются вмѣстѣ и образуютъ

почетный титулъ *Кулбегъ*, «рабъ-господинъ». Не должно сививать этого титула съ другимъ, который различается только одною буквою, *куль-бегъ*, «господинъ рабовъ», и значить — начальникъ тѣлохранителей, капитанъ придворной стражи. То и другое слово — коренныя турецкія. Въ *Правдѣ*, названіе *Кулбегъ* явственно означаетъ гвардію русскихъ князей изъ Половцевъ или другихъ турецкихъ князиковъ, какъ *Варягъ* гвардію изъ Норвежцевъ. «*Аще ли буди Руссия* (потомокъ Норманновъ), *любо Варягъ* (наемный воинъ Норвежець), *любо Колбегъ* (наемный воинъ Турокъ), *любо Словсинъ* (Новгородецъ, или житель изъ другаго мѣста, но того же слова, того же языка), *любо Изгой* (Финнъ, Чухонецъ)...» Самая исторія эпохи показываетъ, что приведенныя четыре слова не могутъ имѣть другихъ значеній. Мы предаемъ это невинное замѣчаніе критическимъ соображеніямъ ученаго автора при дальнѣйшихъ его изслѣдованіяхъ.

1. краткія поученія священника Родіона Путятина. *Изданіе второе. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1843, въ 8., стр. 146.*

2. страждущій и умирающій Искушитель. *Благодѣтелины размышленія и бесѣды о страданіяхъ Господа нашего, Иисуса Христа, на каждый день мѣсяца. Аркадій Марковъ. Москва, въ тип. Степанова, 1844, въ-12.*

Вотъ поученія, которыхъ надобно желать по-больше, и думаетъ каждый, читая собраніе поученій священника Родіона Путятина. Такъ должно говорить народу, научая его великимъ нравственнымъ истинамъ; говорить просто, собирая языкъ понятный, краткій, и растворяя его христіанскою протостью бесѣды. И доказательство того — второе изданіе поученій: они нашли многихъ читателей? А какъ оцѣнить добро, которое посѣяли они словомъ истины, бесѣдою благочестія?...

Изъ посвященія книги Евгению, архіепископу ярославскому, видно, что почтенный отецъ Родіонъ Путятинъ находится священникомъ при ярославскомъ кафедральномъ соборѣ.

Другая книга раздѣлена на множество небольшихъ ду-

хотѣвшихъ «размышленій». Послѣ каждаго слѣдуютъ «Благочестивыя обѣты».

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ РЫХЛОВСКОЙ ПУСТЫНИ, или *Пустынно-Рыхловскаго Николаевскаго Общежительнаго Мужескаго Монастыря*, со дней явленія чудотворнаго образа свѣтителя Христова Николая на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии устроенъ сей монастырь, до настоящаго времени. Выбранное изъ разныхъ старинныхъ рукописей, исторій, указовъ и Высочайшихъ грамматъ, хранящихся въ оной пустыни, тицаніемъ и трудами архимандрита Мельхиседека. Москва, въ тип. Университетской, 1844, въ-8., стр. 144, съ картинами.

Рыхловская обитель находится въ черниговской губерніи, недалеко отъ береговъ Десны, въ двѣнадцати верстахъ отъ Короца. Обитель славится чудотворною иконою, и строгимъ уставомъ, какой введенъ въ нее для общаго пустыннаго житія отшельниковъ. Уставъ этотъ приложенъ при «Описаніи,» и весьма любопытенъ, какъ излагающій подробно обѣты иноковъ, образъ жизни, имъ предписанный, труды и обязанности, на нихъ возлагаемыя. Кромѣ назидательной жизни, благоустройство и благолѣтіе обители возлагается на избранныхъ для того братій, исполняющихъ должности ризничаго, главщика, уставщика, кружечнаго, будильщика, казначея, рухляднаго, эконома, келаря, повара, хлѣбопекаря, трапезнаго, больничнаго, гостеприимщика, сторожа, и прочая. Должность каждаго опредѣлена, и опредѣленіе сопровождается благочестивыми поученіями о долгѣ и трудѣ его. Вотъ, для примѣру, обращеніе къ самому меньшему изъ братій, иноку, завѣдывающему поварнею. «Къ тебѣ слово мое, о чадо поваре, иже жжешься на великій день отъ огня, и трудишься раскаловати дрова, варити вареніе, носити воду, чистити и очищати зеріе; и одымляется лицо твое, чернѣютъ одежды твои, и все тѣло твое сажн наполняется, и уже потѣнися и ознобился отъ труда, да уготовляеши ястіе, яко да предложши трапезу братіи, ты со свѣтыми имѣти будеши наслѣдіе, и въ нѣдрѣхъ Авраамовыхъ успокоишися, точю терпя потерни, и провождай дни твои радуясь, и только да будеши усердонъ въ дѣлѣ твоємъ, яко и во снѣ твоємъ

да помышляеши службу твою. Конды твои да не зѣло горять, имуще мало воды; мѣдни и треноги твои также да не горять праздно. Егда сварши вареніе, помой сосуды твои, яко да не возмуть запахъ и дадутъ братіи безсмачіе. Ястія же твои да кипятъ добръ, зеліе подобнѣ; червленый лукъ да разварится въ вареніи, и да не останется суровъ и будетъ бесполезенъ. Отъ утра, аки огонь, гряди на службу твою, и совершай добръ дѣло твое,» и прочая.

ОПИСАНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРІИ. *Сочиненіе Якоби, поручика прусской шардейскаго артиллеріи. Перевелъ лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады поручикъ Безакъ. СПб.-бургъ, въ тип. Артиллерійскаго Департамента В. М., 1843, въ 8., стр. VII—175, съ таблицами и рисунками.*

Если бы спросили, кто болѣе всѣхъ трудится у насъ въ литературѣ, и какая отрасль литературы богаче прочитъ, рѣшительно нужно было бы отвѣчать: военные, и военная. Въ послѣднее время особенно, безпрестанно стали выходить сочиненія и переводы по всѣмъ частямъ военныхъ знаній, начиная съ исторіи до частной техники. Всѣ они показываютъ знаніе дѣла въ тѣхъ, кто за нихъ берется, и, зашѣтимъ, издаются со всею отчетливостію учёныхъ и дѣльныхъ книгъ.

Въ сочиненіи Якоби изложена система нынѣшняго устройства французской артиллеріи, со всѣми техническими подробностями, таблицами, рисунками. Это книга не для чтенія, и тѣмъ болѣе не для общаго чтенія, но она драгоценность въ библіотекѣ военнаго человѣка. Какъ для него любопытно будетъ, напримѣръ, изложеніе споровъ о системахъ Грибовала и Аликса!—потому что въ великомъ искусствѣ битъ непріятеля бываетъ споръ не менше какъ въ нѣмецкой философіи. Многія подробности любопытны однако жъ и не для артиллериста: напримѣръ, извѣстіе, что при началѣ 1813 года у Наполеона артиллерія состояла еще изъ 27,976 орудій, и что двѣ трети этого количества отобрали у него въ два года, до послѣдняго разсчета съ нимъ подъ Ватерлоо.

**ОТНОШЕНІЯ ТВОРЕНІИ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ ПРИМЕРОВЪ
ЭМАЛЬНИГО ИСКУССТВА, ОСНОВАННЫМЪ Н. ВЕНРАТОМЪ.
СД.-Бурга, со титл. Д. Вильгельмъ Таровскій, 1843, см. 8,
стр. VII-196, со рисунками.**

Кто подумаетъ, что здѣсь описано производство эмале-
выхъ вещей, тотъ ошибется: рѣчь просто — о *глазурованіи*
чугунной посуды, которая могла бы замѣнить луженую и ф-
дную, и муравленую глиняную. Господинъ Венратъ сперва
излагаетъ идею, — безусловную важность своего предмету;
потомъ слѣдуетъ литература искусства глазуровать чу-
гунные горшки, литература обширная, великія творенія
Эргарта, Эрбе, Прехтля, Шубарта, Лаудона, Пердонне,
Флаха, Кля. Но важнѣе всѣхъ, по мнѣнію господина Вен-
рата, сочиненія Гордана, который обработалъ эту *вѣтъ*
человѣческихъ познаній въ теоретическомъ отношеніи, со-
общилъ нѣсколько рецептовъ и различныхъ предложеній,
*не упомянувъ впрочемъ о разныхъ препятствіяхъ, затрудне-
ніяхъ, и ложныхъ, недоказанныхъ взглядахъ и мнѣніяхъ*
относительно къ искусству». Вообще, господинъ Венратъ
утверждаетъ, что «сочиненій въ техническо-химическомъ
и аналитическомъ отношеніи, а равно какихъ-либо осно-
вательныхъ теоретическихъ руководствъ для практиче-
скаго производства глазуровки чугунныхъ горшковъ,
нѣ имѣется». Онъ «надѣется своею книгою пополнить
столь существенный недостатокъ въ энциклопедіи человѣ-
ческихъ знаній». Право, это стоитъ «Записокъ о политич-
еской экономіи». Но вѣдь — есть ли въ мірѣ хоть одинъ
человѣкъ, который, лудя горшки, не былъ бы философомъ?

Новыя брошюры.

**ВВЕДЕНІЕ ВЪ ГРАММАТИКУ РУССКАГО ЯЗЫКА. Москва,
1845. Третья перекл. — Выучить читать русскія слова за-
бавно? Какая таѣя забава, въ нашииъ особенныиъ ре-
миниски? Хотите ли забавнаго? Читайте русскія граммати-
ки: посмотрите какъ насъ учатъ правильно говорить и
правильно писать. Невольно будете смеяться, читать, ва-
ривать, хоть это введеніе въ русскую грамматику. Не-**

до знать, что она писана по той системѣ, по какой учились своему языку москѣ Журданъ, который серозѣ дѣтъ говорить прозою, самъ того не зная, что это — проза!... Не вводя въ святилище грамматикки, «Введеніе» предлагаетъ вамъ сперва *осемьдесятъ два* вопроса. Когда вы изучите эти вопросы, тогда «Введеніе» поведетъ васъ въ грамматику. Оно беретъ въ основаніе слѣдующія «безусловныя» истины. «Птицы рождаются для летанія, кони для бѣганія, дикіе звѣри для ярости; такъ намъ свойственна дѣятельность ума и смышленность, и это уиѣряетъ насъ въ небесномъ происхожденіи души нашей.» *C'est de la grammaire, ma femme! comprends-tu?* Первый вопросъ: «Что значить—говорить?» Иной, пожалуй, отвѣтитъ, что «говорить» значить — раскрывать ротъ и издавать звуки, имѣющіе, если не здравый смыслъ, по крайней—мѣрѣ какое-нибудь значеніе. Кто такъ отвѣтитъ, тотъ недостойнъ, во всю жизнь свою, быть введеннымъ въ грамматику. «Введеніе въ грамматику» объясняетъ, что «говорить» значить *сказывать.* Да! *сказывать!*... не сказки, — «что мы видимъ, слышимъ, обоняемъ, вкушаемъ, осязаемъ», и прочая. Однимъ словомъ, «Введеніе» *сказываетъ*, что «чего не знаемъ, того и сказать не можемъ», а между-тѣмъ само беретъ *сказывать* намъ о грамматикѣ. Это называетъ оно — логикою. Но опять *сказывать* значить совсѣмъ не то, что вы думаете. «Сказывать значить — словами *показывать*, ибо *кажу, кажешь, казать*, въ малороссійскомъ, значить *говорить*». Послѣ-того «Введеніе» словами *показываетъ* весьма тонкое различіе между словами *показывать* и *болтать*: «Онъ *болтаетъ*, то есть, производитъ словами дѣйствіе, подобное *болтанію сливокъ въ бутылкѣ*».

Дальнѣйшіе вопросы, которые должны вы разрѣшить до приступленія къ грамматикѣ: чѣмъ мы *видимъ*? чѣмъ *слышимъ*? чѣмъ *обоняемъ*? чѣмъ *вкушаемъ*? чѣмъ *осязаемъ*? что *знаемъ* посредствомъ зрѣнія, слуху, обонянія, вкусу, осязанія? что такое умъ, воля, вселенная, природа, міръ, душа? что такое наука, ощущеніе, созерцаніе, наблюденіе, видѣніе, бытіе? что значить *условіе*? что значить *вспоминаніе*, воображеніе, фантазія? И прочая, и прочая. И уже прошедши такимъ образомъ полную энциклопедію,

вась спрашиваютъ: Что такое грамматика? И открываютъ великую тайну: *Грамматика есть наука правильно говорить и писать.* Подите говорите!

И если пошли говорить правильно, такъ отвѣчайте мнѣ на слѣдующій вопросъ: что такое выдѣлаете, когда кладете въ ротъ кусокъ арбуза и жуete его?—Мы кушаемъ.—Не правда! вы... вы *видоизмѣняете.* Я совѣтую вамъ говорить правильно. К чему жъ грамматика!... Вы *видоизмѣняете*, собственно — *производите опыты* надъ арбузомъ (стр. 23). «Чтобы узнать внутренніе признаки предмета, его *видоизмѣняютъ*: разрѣзываютъ ножомъ, разрубаютъ топоромъ, распилываютъ пилою, нагрѣваютъ, растопляютъ, смѣшиваютъ, измѣняютъ; на примѣръ: *кладете въ ротъ кусочекъ арбуза, рыбы, гриба, горошенку перца, жуete*, — это значитъ — *производите опыты.* Опыты, производимые (надъ учениками?) посредствомъ *съченія*, называются *анатомическими*, посредствомъ *нагрѣванія* — *химическими.*» Вотъ, какъ надо говорить *правильно, грамматически!* А что происходитъ съ вами, когда вась *«трогаютъ пальцомъ, ладонью, палкою? когда засвиститъ въ «теръ, замочитъ муха, попадетъ въ ротъ сахаръ, перецъ, ананасъ, рѣдька, мясо, рыба? когда ноги устанутъ отъ ходьбы, мысли зароятся въ голову, закипятъ желанія въ «руды, сердце наполнится чувствованіями?»*—Вы... *ощущаете!* Видите ли, что значитъ наука грамматика! Сорокъ лѣтъ попадаетъ вамъ въ ротъ, то муха, то рѣдька, то ананасъ, то рыба, и вы не знали того, что съ вами тогда происходитъ одно изъ удивительнѣйшихъ явленій въ природѣ: вы—*ощущаете!* Теперь, еще одинъ вопросъ; если его разрѣшите, такъ ужъ я скажу, что вы знаете грамматику какъ само «Введеніе»: что вышло бы, если бъ *дѣти были какъ стаканы?*... Не умѣете дать отвѣту? Согласитесь, однако жъ, что «когда предметы не имѣли бы ни малѣйшаго сходства между собою, или не имѣли ни какого различія, тогда бы невозможно было знать что-нибудь. Представимъ себѣ двѣнадцать человекъ дѣтей въ одномъ домѣ, совершенно сходныхъ между собою какъ дюжина стакановъ: что вышло бы?» Ну, говорите же!... Не знаете?... Вотъ видите! сорокъ лѣтъ смѣтрите на дѣтей и на стаканы, *ни* можете догадаться, что если бы *дѣти были какъ стаканы,*

то «вышло бы... замышательство»! Эту великую истину открываетъ намъ грамматика. Химія, какъ вы знаете, есть наука которая производитъ опыты посредствомъ *нагрѣванія*. Это — ея характеристика. Она утверждаетъ, что мѣдъ растворяется только въ сѣрной и нѣкоторыхъ другихъ кислотахъ. Но пусть бы она спросила у грамматик: такъ узнала бы, что мѣдъ очень удобно *разводится словою*, отъ чего и происходитъ «мѣдный вкусъ». «Вкушаемъ мы ртомъ, и узнаемъ вкусъ такихъ предметовъ, которые *разводятся словою*: наприкладъ, какой вкусъ имѣетъ хлѣбъ черный и бѣлый; ржаной, пшеничный, крупичатый, перецъ и сахаръ, медъ и укусъ? Вкусъ предмета узнается, когда *лизнемъ* его, *положимъ въ ротъ*, *разжужемъ*. Слѣдовательно, посредствомъ вкуса узнаются *только тѣ* предметы, которые *растворяются словою*». Посмотримъ, какъ *разогрѣетъ* химія это открытіе грамматик, которая учитъ *правильно говорить и писать!*

ТАРЪ. НОВОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ГОМЕОПАТИИ. Г. Г. Г. ТАРА. *Томъ первый. Руководство къ познанію гомеопатическихъ лекарствъ, или изложеніе главнѣйшихъ дѣйствій гомеопатическихъ лекарствъ, съ показаніемъ клиническихъ наблюденій. Тетрадь первая. Переводъ съ французскаго. Москва, 1844.*— Драгоценность для любителей децилонныхъ частицъ одного грана ромашки. Переводъ съ третьяго изданія. Гомеопатія дѣлаетъ удивительные успѣхи. Во время перваго изданія у нея было сто сорокъ пять лекарствъ противъ всѣхъ болѣзней, а теперь, въ третьемъ, уже *двѣсти три*, и всѣ — непогрѣшимыя.

О РАБОТАНИИ ШАЛЕЙ НАПОДОБИЕ ДОРОГИХЪ, съ указаніемъ *практическимъ, упрощеннымъ и новымъ*. Сочиненіе Овдара Державина. Москва, 1843.—Сочинитель сочиненія велитъ ткать на жаккардовомъ станкѣ, и говорить, что рисовать узоры для шалей есть великій мастеръ въ Москвѣ; Иванъ Герасимовъ, который учился у Андреева, а Андреевъ у Иванова, а Ивановъ у Петрова, а Петровъ у тѣхъ, которые нѣкогда учились въ Англій и во Франціи. Герасимовыхъ въ Москвѣ, намъ кажется, долженъ быть не одинъ десятокъ, а употребленіе жаккардова станка по-

известно, но способъ выпуклостей рельефно на такомъ станкѣ принадлежитъ къ русскимъ изобрѣтеніямъ. Онъ изобрѣтенъ С. Д. Соповымъ, московскимъ фабрикантомъ, который получилъ на него привилегію, выдана въ 1836 году, и изобрѣтеніе господина Сопова давно обнародовано правительствомъ.

ЗАПИСКИ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА, въ стихахъ. Книжка первая. С П.—бургъ, 1844.

Начало:

Скучно. Плачешь мой парикъ,
Нить вышивъ на кончикѣ,
И послѣдній рубль мой дай:
Былъ одной задышкой...

Середина:

«Вонъ, съ лорнеткою въ ручкѣхъ,
Франтъ, причесанный на азъ,
Предо мной въ формѣ
Талъ глядитъ изъ лощины...

Конецъ:

Говори еще мнѣ здорь,
Если хочешь таски...
«Ой,» кричу я, «ой, ай, ой!
Ушибусь я върию!
Если стукнусь головою,
Это будетъ скверно!»

Разумѣется! Даже очень скверно!

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОПЪ, или Собраніе мелкихъ сочиненій П. Машкова, автора повѣсти «Мужъ подъ Башмакомъ». С П.—бургъ, 1844. — 2. ГРОШОВЫЙ МЕРТВЕЦЪ, или Испуганные разбойники, новѣйшая сказка Москва, 1843, съ эпиграфомъ: «За деньги много бѣдъ мы получаемъ, — А безъ нихъ жизнь въ горести превращаемъ». — 3. СОННИКИ ИЛИ ВАЖДЕВЧА, изданіе автора. Москва, 1853. — Три творенія иностранной литературы, которую изобрѣлъ господинъ Машковъ.

СВѢДСКАЯ ЧТЕНІЕ. Книжка вторая, изданная княземъ В. Ф. Одоевскимъ, и А. П. Заблоцкимъ. С П.—бургъ, въ тип. М. Государственныхъ Имуществъ, 1844, въ 8. стр. 188, съ картинками.

Первая книжка этого простонароднаго «чтенія», писаннаго о простонароднымъ языкомъ, издана уже вторично.

СЕЛЬСКІЯ ВЕСЕЛІЯ. СПб.-бургъ, въ тип. Шварца, 1844,
св-12., стр. 340.

Тутъ есть проза и стихи для парней:

Ой, люди, тара ра,
На горѣ стоитъ гора!
Ворона на дубу
Играетъ въ луду.
Пряниками заблаетъ;
Пошелъ хромой тараканъ
На улицу поправитъ.
Знай камлѣй сверкающій.
Теплѣеюй шесточникъ.
Сказки не бражники,
Въ деревяной стуль
Водяно, толкитъ.

ВОСКРЕСНЫЯ ПОСЛѢДІЯ. Книга для добраго народа
русскаго. Пятюкъ пересел и стеровъ, СПб.-бургъ, въ тип.
Жернакова, 1844, св-16., стр. IV и 160—IV и 160.

Тоже книга для парней.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Знаменитый военный писатель, А. И. Данилевскій, окончилъ и, какъ можно надѣяться, издастъ къ зыгъ новое твореніе: «*Описаніе войны съ Наполеономъ въ 1805 году*». Можно вообразить интересъ книги! Кроме того, и другіе, не менѣе важные, труды генерала Данилевскаго, при его удивительномъ трудолюбіи, быстро подвигаются къ окончанію: они относятся къ войнамъ 1806 и 1807 годовъ. Эте извѣстія стоятъ трехъ сотъ другихъ литературныхъ извѣстій.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Сомнительность нынѣшней химической теории окисленія крови кислородомъ воздуха при дыханіи. Замѣчанія господина Вё-Люссака.* Двѣ главныя теории дыханія предложены были физиологами и химиками. По одной, образованіе угольной кислоты, воды и свободнаго азоту въ выдыхаемыхъ ртомъ парахъ происходитъ въ легкихъ, въ моментъ прикосновенія кислороду вдохнутаго воздуха къ крови, содержащейся въ этомъ органѣ. По другой теоріи кислородъ не дѣйствуетъ такъ быстро на кровь: онъ только поглощается ею въ легкихъ; кровь уноситъ его съ собою въ потокъ кровообращенія, окисляется имъ въ артеріяхъ, здѣсь начинается образованіе изъ него и углероду крови угольная кислота, кровь, испорченная ею, переходитъ въ вены и, наконецъ, возвращается въ легкія, гдѣ угольная кислота уходитъ въ горло, а новый воздухъ насыщается се опять кислородомъ для обратнаго поступленія въ артеріи.

Со времени тщательныхъ и весьма тонкихъ опытовъ господина Магнуса надъ артеріальною и венною кровью, вторая теорія получила большой вѣсъ въ наукѣ. Она теперь принята повсюду, и почти никто не сомнѣвается въ ея основательности. Господинъ Магнусъ открылъ угольную кислоту, кислородъ и азотъ въ самой крови, въ артеріяхъ и въ венахъ, и первая теорія упала.

Но результаты опытовъ господина Магнуса были ли разобраны съ строгимъ критическимъ расчетомъ? Нѣтъ; никто не разбиралъ ихъ, и дѣло нынче пришло въ забвеніе.

Что первая теорія недоказана, объ этомъ и спору быть не можетъ. Но и вторая не можетъ представить правильныхъ доказательствъ въ свою пользу.

Если угольная кислота образуется въ крови послѣ выхода ея изъ легкихъ и выгоняется изъ нея вмѣстѣ съ азотомъ при возвращеніи въ легкія, то очевидно, что въ венахъ должно находиться угольной кислоты и азоту болѣе чѣмъ въ артеріяхъ. Количества угольной кислоты и азоту, найденныя господиномъ Магнусомъ въ крови артерій и въ крови вень не согласны съ этимъ выводомъ: онъ получилъ гораздо болѣе и угольной кислоты и азоту изъ артеріальной крови, чѣмъ изъ венной.

Если угольная кислота, вода и азотъ выдыхаемаго воздуха образуются въ артеріяхъ и венахъ, то надобно было показать, что количества этихъ веществъ, открытыя въ венной крови, достаточны на потребности выдыханія. Между-тѣмъ господинъ Магнусъ показываетъ въ венной крови количества угольной кислоты, азоту и воды совершенно ничтожныя въ сравненіи съ тѣмъ, что мы выдыхаемъ.

Словомъ, разобравъ дѣло безъ пылкихъ увлеченій, должно сознаться, что мы еще вовсе не знаемъ, откуда берется угольная кислота, азотъ и вода, выдыхаемые нами, гдѣ они образуются, къ чему служитъ воздухъ, поглощаемый горломъ, и какъ собственно происходитъ дыханіе.

Чтобы положить первое основаніе какой-нибудь правдоподобной теоріи дыханія, надо сперва предпринять опыты нарочно съ этою цѣлью, вывести численные факты, все разобрать, взвѣсить, и сообразить. Принятое нынче толкованіе можетъ-статься и справедливо: но гдѣ на него доказательства? Господинъ Гё-Люссакъ объявляетъ, что онъ соединился съ господиномъ Мажанді, для произведенія новыхъ опытовъ по этому предмету, чтобы исправить столь важное и, въ самомъ дѣлѣ, досадное упущеніе со стороны науки.

(Въ послѣдніе мѣсяцы, засѣданія парижской академіи наукъ, которыя, какъ извѣстно, составляютъ главный центръ для ученыхъ извѣстій изъ всей Европы, были такъ мало занимательны, что мы не могли извлечь изъ нихъ ничего. Въ наукахъ, точно такъ же какъ и въ политикѣ, случаются эпохи безъ новостей.)

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

1. *Метеорологическій самонаблюдатель профессора Витстона.* Объ этомъ остроумномъ изобрѣтеніи была уже рѣчь на послѣднемъ ученomъ съѣздѣ въ Коркѣ. Всѣ барометрическія, термометрическія и психрометрическія наблюденія не требуютъ отнынѣ, ни нарочныхъ производителей, ни даже человѣческаго вниманія. Инструментъ профессора Витстона, его *самонаблюдатель*, *Self-regiator*, производитъ ихъ каждые полчаса днемъ и ночью, и записываетъ на двѣ руки на листѣ бумаги впродолженіи трехъ недѣль безъ помощи человѣка. Пяти минутъ достаточно потомъ, чтобы пустить въ ходъ машину на другія три недѣли, то есть, завести часы, положить въ цилиндры новые листы бумаги и зарядить маленькую гальваническую банку. Сварядъ состоитъ изъ часовъ, завѣдывающихъ временемъ, и особенной механики, приводимой въ ходъ посредствомъ пружины или гири. Здѣсь находятся цилиндры, которые тихо движась, подставляютъ бумагу подъ карандашъ или другой инструментъ, производящій на ней отмѣтки. Безъ рисунка невозможно дать понятія объ устройствѣ этого любопытнаго и полезнаго снаряду. Любители вѣрныхъ метеорологическихъ фактовъ давно уже хлопчутъ о замѣненіи усердія человѣческаго къ наукѣ о воздухѣ механизмами, которые не заснутъ, не пойдутъ въ гости къ пріятелямъ, не прогуляютъ урочнаго времени и, потомъ, не внесутъ градусовъ въ книгу на-угадъ, какъ ни попало: а надо признаться, что, досихъ-поръ, всѣ удивительные выводы, которые сдѣлали мы изъ метеорологическихъ наблюденій разныхъ странъ, основываются на наблюденіяхъ, записанныхъ именно съ такою аккуратностью. Въ новѣйшее время изобрѣтено нѣсколько различныхъ самонаблюдателей: одинъ въ-особенности, устроенный господиномъ Юргенсономъ въ Копенгагенѣ, отличался замысловатостью. «Но самонаблюдатель» профессора Витстона затмѣваетъ все что донынѣ сдѣлано по этой части.

2. *Вліяніе цвѣтныхъ свѣтовъ на ростъ и цвѣтъ растений.* Наблюденія профессоровъ Гонта и Дрепера и господина Герднера. Первые произведены въ Европѣ, вторыя и третьи въ Америкѣ; но мы соединимъ ихъ вмѣстѣ. Господинъ Gardner сѣялъ въ Нью-Йоркѣ различныя растенія въ

ящикахъ, растилъ ихъ въ темной комнатѣ, и выставлялъ ихъ подъ солнечный лучъ, проходящій сквозь сильную призму, которая, разумѣется, разбивала его на семь различныхъ свѣтовъ, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый. Подъ каждымъ изъ этихъ свѣтовъ находилось болѣе чѣмъ по ста молодыхъ растений, блѣдныхъ, совершенно лишенныхъ зелени отъ темноты, въ которой они родились и воспитывались. Растенія, подверженные дѣйствию желтаго свѣту, становились зелеными въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Профессоръ Дарегъ нашелъ, что подъ этимъ свѣтомъ они поглощаютъ и разлагаютъ самое большее количество угольной кислоты, которая составляетъ основаніе ихъ питанія. Другіе свѣта оказали гораздо слабѣйшее дѣйствіе въ обоихъ этихъ отношеніяхъ. Но всѣ вообще растенія склонились къ синему свѣту, такъ что отъ начала краснаго до предѣловъ синяго нагнулись они направо, подъ синимъ остались въ прямомъ положеніи, а подъ фиолетовымъ направились лѣво. Наблюденія профессора Гонта были уже записаны въ этомъ журналѣ: тѣ, о которыхъ теперь будемъ говорить, служатъ имъ только подтвержденіемъ и дополненіемъ. Профессоръ Нунтъ производилъ свои опыты, въ Ливерпулѣ, по другой методѣ; онъ не употреблялъ призмы, ставилъ растенія, просто, подъ свѣтъ, пропускаемый сквозь цвѣтныя стекла. Что до клоненія, то онъ получилъ одинаковый результатъ: растенія рѣшительно предпочитаютъ глядѣть на синий свѣтъ, и вытягиваются къ нему стволами непомѣрной длины, если стоятъ далеко отъ его предѣловъ. Отъ свѣту, проходящаго сквозь красное стекло, они, напротивъ, прячутся какъ отъ врага, и готовы тннуться до-нельзя чтобы выйти изъ-подъ его зловредной власти: болѣею частью, они пропадаютъ подъ нимъ. Но относительно къ способности придавать имъ зелень, желтый свѣтъ не оказалъ у профессора Гонта такой силы, какъ у господина Герднера. Самаго богатого роста, самой сильной зелени достигали растенія у него подъ тѣмъ же синимъ свѣтомъ, къ которому и любятъ клониться. Это — нѣсколько понятнѣе американскихъ открытій, по которымъ растенія благоденствуютъ подъ однимъ свѣтомъ, а ползутъ къ другому. Профессоръ Гонтъ на-

ходить, однако жъ, что синій свѣтъ для нихъ слишкомъ силенъ: они развиваются немощно въ большіе листья, тѣлѣтые и высокіе стволы, растутъ безъ конца и не достигаютъ зрѣлости, не цвѣтутъ и не даютъ плодовъ. Желтый свѣтъ гораздо полезнѣе имъ: развитіе не такъ богато, земля слабѣе, но зрѣлость вѣрна.

Всѣ эти опыты очень любопытны, по цѣль, для которой они дѣлаются, не заслуживаетъ большаго уваженія, потому что ни къ чему не ведетъ. Оптики увѣрили себя, будто въ бѣломъ солнечномъ свѣтѣ заключаются семь цвѣтныхъ лучей, будто каждый бѣлый лучъ — пучокъ (faisceau) семи разноцвѣтныхъ ленточекъ; будто въ этомъ пучкѣ одни лучи назначены производить свѣтъ, другіе теплоту, третьи химическія явленія. Это просто — глазоной обманъ; заблужденіе ошибочнаго производства битическихъ опытовъ. Хотятъ добиться, какіе лучи блага луча, свѣтотворные, теплотворные или химическіе, даютъ жизнь растеніямъ; а такихъ лучей нѣтъ, и быть не можетъ, по здоровой логикѣ. Кто говоритъ, что бѣлый лучъ составленъ изъ семи разноцвѣтныхъ лучей, тотъ ужъ не долженъ бы совѣститься доказывать, что и звукъ, ударяющійся объ наше ухо, составленъ изъ семи различныхъ звуковъ, изъ семи отдѣльныхъ нотъ, потому что одна и та же струна можетъ дать ихъ. Цвѣтные свѣта — *сдѣлствія* блага свѣту, его произведенія, чада, а не составныя части. Если подъ желтымъ свѣтомъ растенія живутъ лучше, совершеннѣе, чѣмъ подъ прочими, это просто оттого что желтый свѣтъ *сильнѣе* всѣхъ прочихъ, ближе къ бѣлому, натуральному, основному. Подъ бѣлымъ, солнечнымъ свѣтомъ жизнь ихъ еще правнѣе чѣмъ подъ желтымъ.

3. *О должностяхъ кожи. Въ чемъ состоитъ простуда?* Исслѣдованія доктора Виллиса. Докторъ Willis, разными опытами и замѣчаніями, доказываетъ; что должность кожи состоитъ въ выпариваніи изъ насъ *чистой* воды, лишней для тѣла, не пропуская ни какихъ солей или другихъ веществъ. Возраженіе противъ этого результата можно сдѣлать слѣдующее: сбра, принятая внутрь, выходитъ же *связою* кожу?... Но докторъ Виллисъ въ правѣ отвѣчать: такъ не принимайте сбра!... не выйдетъ! Она *выходитъ*,

потому что лишняя для тѣла, какъ выходитъ лишняя чистая вода; прочія вещества, которыя находятся въ тѣлѣ, не лишни для него и потому, въ здоровомъ состояніи человека, не выходятъ сквозь кожу. Впрочемъ, выводъ доктора Виллиса подходитъ подъ явленія химическаго выпариванія: соли и другія тѣла не улетаютъ изъ растворовъ при высыханіи въ нихъ воды. Въ сутки, человекъ выпариваетъ изъ себя сквозь кожу 33 унціи (два съ половиною фунта воды). Но нужно было бы еще удостовѣриться, не выходятъ ли или не входятъ ли газы? Всѣ животныя черепошки пропускаютъ воздухъ.

Животныя, по опытамъ доктора Виллиса, далеко не такъ способны выносить высокую температуру, какъ обыкновенно говорятъ въ физиологіяхъ. Въ комнатахъ, доведенныхъ до 40° теплоты, кровь животныхъ быстро разгорячается отъ 5° до 7° выше обыкновенной своей температуры, и они умираютъ, отъ усиленнаго выпариванія чистой воды сквозь кожу. Это вѣроятно: потому что тогда все должно сгущаться въ ихъ тѣлѣ. На-оборотъ: воспрепятствуемъ совершенно кожѣ пропускъ воды, остановимъ совсѣмъ испареніе, температура тѣла быстро понижается. Можно произвести искусственную простуду, необыкновенно сильную, въ самой жаркой комнатѣ. Fourcault, Vescoval, Breschet, покрывали у животныхъ кожу лакомъ, непронускающимъ ни водянаго пару! ни газовъ: внутренняя теплота ихъ быстро уменьшалась; животныя погибали черезъ нѣсколько часовъ. Пораженные водяною болѣзнію, у которыхъ кожа имѣетъ видъ тонкаго стекла, ощущаютъ, какъ извѣстно, сильный холодъ. Въ климатахъ жаркихъ и сухихъ животныя и люди скоро становятся тощими и ослабѣваютъ отъ сильной утраты воды сквозь кожу. Напротивъ, тамъ, гдѣ воздухъ очень сыръ, насыщенъ водою и не беретъ ея изъ кожи, болѣзнь и смерть скоро приходятъ отъ дѣйствія, подобнаго покрыванію кожи лакомъ, отъ простуды.

Простуда поэтому не что иное какъ засореніе поръ кожи вдругъ остановившимся въ нихъ веществомъ, обыкновенно жирнымъ, которое дѣлаетъ ее неспособною выпаривать изъ насъ по десяти золотниковъ чистой воды въ часъ, и все, что можетъ возвратитъ кожѣ надлежащую ея

скважистость, растворить замазку поръ—хорошее лекарство отъ простуды. Основываясь на теоріи доктора Виллиса, надо полагать, что обмываніе кожи амміакомъ — первое средство противъ простуды: извѣстно какъ онъ хорошо растворяетъ животныя жиры. Натиранія спиртами не имѣютъ другой цѣли: крѣпкій спиртъ, вводимый въ поры натираніемъ кожи до-красна, растворяя жирныя частицы, освобождаетъ дѣрки отъ этихъ затычекъ. Часто горячія ванны производятъ то же самое дѣйствіе. Иной разъ и холодная вода, проливаемая въ большомъ количествѣ снаружи на кожу, можетъ раскрыть поры, вымывъ изъ нихъ соръ силою. Тогда кожа обильно потѣетъ: вотъ тайна идронатіи. Потогонныя лекарства дѣйствуютъ обратнымъ образомъ: присутствіе ихъ въ тѣлѣ заставляетъ внутреннюю воду напирать на кожу, и вода выталкиваетъ пробки изъ поръ; это значитъ—клинь клиномъ выгонять. Таковы прямыя послѣдствія теоріи доктора Виллиса о назначеніи кожи—служить тѣлу рѣшетомъ, пропуская воду, и останавливая растворенныя въ ней вещества, отъ чего происходитъ и наше здоровье и то неудобство, что эти останавливаемыя вещества легко запружаютъ рѣшотку при внезапной перемѣнѣ температуры воздуха и разныхъ другихъ случаяхъ. Странно, что такое малое количество воды—десятью золотниками въ часъ больше или меньше,—производитъ такія сильныя разстройства въ тѣлѣ!

ПОЛНАЯ НЕВѢСТА ВЪ ДВАДЦАТЬ ВЕРШКОВЪ. Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ сообщаютъ извѣстіе, что въ Ла-маншскомъ департаментѣ, въ деревнѣ Морвилль, находится дѣвушка, двадцати четырехъ лѣтъ отъ-роду, ростомъ — аршинъ съ четвертью. Эта дѣвушка родилась надлежащей пропорціи и росла до половины четвертаго года; тутъ вдругъ ростъ ея остановился, но здоровье этимъ не разстроилось. Всѣ наружныя формы развились въпослѣдствіи, какъ подобаетъ невѣстѣ: только понятія, умъ и характеръ остались тѣ же, какіе были у четырехъ-лѣтняго ребенка. По двадцати-первому году, въ 1840, она стала расти снова, подрасла на пол-вершка, и опять ростъ ея остановился. Явленіе это интересно для физиологівъ, но оно не такъ необыкновенно, какъ полагаютъ.

ОСВѢЩЕНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМЪ. Давно надѣлись, долго искали средствъ, и не могли никакъ примѣнить электрическую искру къ практической пользѣ, какъ средство, къ дешевому, сильному, прекрасному и совершенно безопасному освѣщенію. Усилія этого рода, со времени Дэви, были дѣлаемы многими и здѣсь, въ Петербургѣ, но такъ же безуспѣшно какъ и въ другихъ мѣстахъ. Затруженія состояли въ томъ, что никогда не могли получить постояннаго продолжительнаго тока изъ сильныхъ гальваническихъ батарей; что сильныя батареи обходились слишкомъ дорого, и въ постройкѣ, и въ содержаніи; и что, по мысли, поданной знаменитымъ опытомъ Дэви, старались всегда помѣщать искру въ стекляныхъ сосудахъ, изъ которыхъ предварительно вытянуть воздухъ. Два острые уголька, насаженные на концы двухъ проволокъ, прикрѣпленныхъ къ полосамъ сильной гальванической батареи, вводятся въ стеклянный безвоздушный шаръ или цилиндръ, и придвигаются близко другъ къ другу заостренными оконечностями: между ними тотчасъ является искра, невыносимой для глазъ бѣлизны, сіяніе, освѣщающее все вокругъ, если искра велика, на огромныя разстоянія, свѣтомъ совершенно солнечнымъ. Ночью, этотъ свѣтъ поражаетъ глаза настоящимъ блескомъ молніи во время ночной грозы. Всякое другое освѣщеніе дѣлается при немъ непримѣтнымъ и темнымъ. Но считали необходимымъ заключать угольки въ безвоздушное пространство, потому что, въ воздухѣ, кислородъ его, соединяясь съ углемъ, быстро пережигаетъ его, обращая въ угольную кислоту и золу. Въ безвоздушномъ пространствѣ, которое для обыкновенной практики слишкомъ затруднительно, этого быть не можетъ; но тамъ, до сихъ поръ, встрѣчалось другое неудобство: сильный электрическій токъ переноситъ частички одного уголька на другой, по своему направленію, и это обстоятельство скоро разстраиваетъ опытъ. Но, въ Англии, какъ кажется, успѣли преодолѣть всѣ эти, и другія, неудобства. Изъ *The Mining journal* видно, что въ нынѣшнемъ году, уже многія рудокопни и ломни каменнаго угля освѣщены тамъ электричествомъ. Искра помѣщена, не въ безвоздушномъ шарѣ, а только въ шарѣ, очень сильна, необыкновенно продолжительна, и гальва-

ническій токъ, который производитъ ее, весьма умѣренный. Подробности устройства намъ неизвѣстны: они составляютъ секретъ изобрѣтателя, который получилъ привилегію на свой снарядъ.

АНАТОМІЯ ЧЕРВЕЙ. Это заглавіе не должно ужасать, не только читателей, но даже и читательницъ. Въ природѣ все занимательно, все — повѣсть, все — романъ; да какой еще романъ! Можетъ ли «Новая Элоиза», или «Ваверли» сравниться съ одной главой этого романа, съ одной тетрадью Пирогова, изображающей внутренній механизмъ руки человѣческой? Но во всемъ этомъ безконечномъ и безконечно интересномъ романѣ, нѣтъ, можетъ-быть, главы любопытнѣе той, которая заключаетъ въ себѣ созданія, почитаемыя нами за самыя презрѣнныя: она почти вовсе неизвѣстна и каждая строчка ея открываетъ намъ чудеса, о которыхъ человѣкъ и не догадывался.

Въ природѣ, какъ извѣстно, каждая вещь имѣетъ два конца, начиная съ палки. Нѣмцы, которые во всемъ видятъ туманную задачу и поводъ къ сочиненію новаго слова, назвали это *полярностью*, терминомъ, заимствованнымъ отъ электричества, отъ янтара и магнита, которыхъ одинъ конецъ притягиваетъ, другой отталкиваетъ, одинъ дѣйствуетъ, другой принимаетъ дѣйствіе. У палки, по ихъ теоріи, тоже два полюса: конецъ, который вы держите въ рукѣ, почитаютъ они, въ своихъ умозрѣніяхъ, за полюсъ отрицательный, а тотъ, который кладете или *полагаете* на спину ближняго, за полюсъ *положительный*. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ концѣ — довольно много положительнаго. Мужчина и женщина, — по-нѣмецки — не что иное, какъ палка: тотъ — полюсъ положительный, та — полюсъ отрицательный. Теорія забавна и пуста, но фактъ занимателенъ для наблюденія: природа рѣшительно любитъ выворачивать каждое свое дѣло на изнанку и *вездѣ* показываетъ двѣ его стороны. Оно иначе и быть не можетъ: какъ все должно имѣть начало и конецъ, то есть два конца, или, если угодно, двѣ стороны, то когда мы видимъ какую-нибудь часть творенія, устроенною въ одномъ порядкѣ, навѣрное найдется другая часть, устроенная въ

обратномъ. Такимъ образомъ и животное царство представляетъ намъ два взаимно-обратные способа построения живаго тѣла. Въ одной половинѣ этого царства каменное вещество поглощаемой пищи скопляется внутри тѣла и строитъ кости, остовъ, настоящія лѣса, на которыхъ мясо развѣшано: это такъ называемыя «позвоночныя животныя»; въ другой половинѣ та же самая каменная матерія пищи испаряется въ видѣ поту изъ мяса наружу и образуетъ около тѣла, внутри совершенно мягкаго, болѣе или менѣе твердую наружную кость, или скорлупу: такія животныя получаютъ названіе «безпозвоночныхъ» или «мягкотѣлыхъ»: сюда принадлежатъ раки, пауки, насѣкомыя, черви, улитки, кораллы, губки, и такъ далѣе. Всю эту вторую половину можно было бы назвать по-настоящему просто насѣкомыми, и вотъ почему. Въ отдѣлѣ созданий, имѣющихъ кости внутри тѣла, каждое животное составляетъ вольное, независимое отъ другаго существо; оно движется и живетъ на свой собственный счетъ, пользуясь свободною волею; нѣкоторыя позвоночныя животныя даже проводятъ всю жизнь свою совершенно одиноко; другія однако жъ, охотно соединяются въ пары, а иныя и составляютъ между собою болѣе или менѣе правильныя общества, какъ на примѣръ, люди, многія породы обезьянъ, дикія лошади, быки, восточныя собаки, американскія степныя собачки, шеншилы, журавли, дикіе гуси, лягушки, и прочая; но каждое существо живетъ своей отдѣльной жизнью и имѣетъ отдѣльныя потребности. Въ отдѣлѣ животныхъ съ наружными костями замѣчается то же самое: есть существа, преданныя одинокой жизни; есть другія, созданныя для попарнаго быту; есть наконецъ настоящія общества. Но самый удивительный феноменъ этого рода представляютъ черепа. Известно, что тѣло ихъ составлено изъ большаго числа колець,* отчего они и называются «кольчатыми животными». У другихъ животныхъ, позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, тѣло состоитъ всегда изъ трехъ частей, — головы, груди и желудка, соединенныхъ между собою двумя трубами, шеей и станомъ. У нѣкоторыхъ голова срастается съ грудью, у другихъ грудь съ желудкомъ, у иныхъ наконецъ всѣ три части бываютъ сшиты.

вмѣстѣ. Но у большей части, они отдѣлены болѣе или менѣе тощими промежутками. У насѣкомыхъ и многихъ дѣвицъ эти три прибора жизни чуть-чуть держатся вмѣстѣ: такъ тонки у нихъ шейки и талии! Несправедливо поэтому назначать эту отдѣльность головы, груди и желудка, отличительною чертою такъ называемыхъ *насекомыхъ*, за это присвоивать имъ исключительно такое имя, которое легко можно примѣнить ко многимъ существамъ съ внутренними костями. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ различаются охотничьи собаки и насѣкомыя? Гораздо основательнѣе было бы—всѣмъ животнымъ съ наружною костью дать одно общее имя, «насекомыя», обращая вниманіе болѣе на ихъ сущность, чѣмъ на форму, которая терпитъ разныя уклоненія отъ предполагаемаго типа. Каждое кольцо червя — совершенно отдѣльное существо, отдѣльное насѣкомое, имѣющее свои ноги, свой желудокъ, свое сердце, свою нервную систему: только головы нѣтъ, да еще противоположной оконечности. Видя, какъ часто своя голова у каждаго однороднаго общественнаго существа подаютъ поводъ къ безпорядкамъ, природа оборотила здѣсь человѣческое и другія позвоночныя и безпозвоночныя общества наизнанку, — сдѣлала экономію головъ, — склеила вмѣстѣ рядъ отдѣльныхъ однородныхъ существъ, составила длинный четки снизанныхъ вмѣстѣ желудковъ съ ногами, сердцами, нервами, и въ началѣ этой цѣпи приставила одну общую голову, съ общимъ умомъ и ртомъ, приспособивъ, разумѣется, противоположный конецъ цѣпи къ другимъ общимъ потребностямъ.

Каждое кольцо такой цѣпи животныхъ съ одной общою головою, оторванное отъ своего длиннаго тѣла, можетъ жить отдѣльно: голова у него тотчасъ вырастаетъ сама собою, и велѣдъ затѣмъ оно производитъ позади себя потомка, который образуетъ второе кольцо; далѣе, такимъ же образомъ появляется третье кольцо, или животное, между первымъ и вторымъ, котораго оно отпихиваетъ по-дальше; тамъ возникаютъ четвертое, пятое, шестое, и наконецъ одноголовное неразрывное семейство достигаетъ почтенной длины. Голова и половые органы, поэтому, существуютъ уже у этихъ животныхъ, когда

они еще склеены въ одного червя: эта головка, эти органы только не развиты, но могутъ правильно развиваться при первомъ разъединеніи сковаанныхъ общемою жизнію созданий. Все это еще болѣе уподобляетъ ихъ пчеламъ, и другимъ обществамъ насѣкомыхъ, состоящимъ изъ вольныхъ членовъ. Естественно, что такъ связанная существа, не только живутъ общемою физическою жизнію, но и чувствуютъ все за-одно.

Способъ соединенія этихъ животныхъ въ цѣпныя семейства и происходящія отъ этого инстинкты кольчатыхъ тварей весьма различны. Есть кольчатая кочующая, воинственная, съ независимымъ духомъ, съ свободной жизнію. Есть другія кольчатая, живущія въ трубочкахъ, смиренныя затворники, которые, по выходѣ изъ яйца, тотчасъ строятъ себѣ жилище въ видѣ трубочки и уже никогда оттуда не выходятъ. Это жилище, которое владѣлецъ дѣлаетъ длиннѣе и расширяетъ помѣръ своего росту, есть иногда известковая трубочка, а иногда состоитъ изъ вещества довольно похожаго на мокрая кожу или пергаментъ. Оно плотно облегаетъ кольчатое животное, которое поднимается и опускается въ немъ, не имѣя надобности сгибаться: ноги его устроены такъ, что одинаково свободно и скоро движутся въ обоихъ направленіяхъ. Такимъ образомъ эти животныя проводятъ всю жизнь въ положеніи, похожемъ на положеніе ребенка въ пеленкахъ. Трубочка ихъ сзади плотно закрыта и только впереди имѣетъ круглое отверстіе, единственное окошко, черезъ которое эти затворники могутъ выглянуть на окружающій міръ, схватить добычу, — свою пищу и подвергнуть кровь свою живительному дѣйствию воды, замѣняющей имъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Такъ не думайте, чтобы они почти безпрестанно выставляли свою богато убранную головку для того, чтобы людей посмотреть и себя показать. Воспользуйтесь этой привычкою, которая для нихъ необходимость, и рассмотрите ихъ дивныя формы. Микроскопа тутъ не нужно. Положите только этотъ кусокъ камня, эту старую раковину, покрытую кольчатыми животными, въ сосудъ съ морской водою: вы тотчасъ увидите, что круглую пластинку, которою трубочка закрывается, потихонько, осторожно приподнимаютъ; это открывается ста-

вень дому; жилецъ скоро выгянетъ. Посмотрите: надъ каждою изъ этихъ затворокъ выставляется какъ-будто распуколка, темнаго фіолетоваго цвѣту, или краснаго, голу-боватыя, желтоватыя, или изпещренныя всѣми цвѣтами. Они растутъ, выставляютъ свои вѣтви, изукрашенныя самыми яркими цвѣтами; видомъ всѣ они похожи на страусовыя перья или марабу. Точно цвѣты распускаются; но только эти цвѣты лучше тѣхъ, которые растутъ у насъ на клумбахъ: эти живые. При малѣйшемъ потрясеніи жидкости, блестящія былинки, съ быстротою молніи исчезаютъ, скрываются въ своей каменной одеждѣ, гдѣ они не боятся никакихъ вѣшнихъ непріятелей.

Къ кочующимъ кольчатымъ принадлежатъ хетоцтѣры, которые какъ-будто раздавлены посерединѣ и у которыхъ въ трехъ кольцахъ кишки, совсѣмъ открытыя, лежатъ на спинѣ; эхиуры, которыхъ зоологическія сродства замѣтны снаружи только по всовывающимся и высовывающимся крючечкамъ; сипункули, на цилиндрическомъ тѣлѣ которыхъ незамѣтно никакихъ членовъ, ни малѣйшаго раздѣленія на кольца; дюжардиніи, у которыхъ не видно никакихъ дыхательныхъ органовъ, и которыхъ ноги, покрытыя длинными щетинками, отнюдь не служатъ для движенія: эти животныя движутся въ жидкости посредствомъ маленькихъ кружковъ, состоящихъ изъ вибрирующихъ волосковъ и прикрѣпленныхъ по бокамъ тѣла, въ видѣ колесъ парохода. Къ кольчатымъ трубчатымъ принадлежатъ хлоремы, у которыхъ кровь зеленая, а тѣло окружено свалеными волосками въ нѣкотораго рода прозрачнаго желѣ и которыя могутъ прятать свои головы и вѣтви въ ящичекъ изъ перекрещенныхъ волосковъ; амфикоры, у которыхъ глаза и въ головѣ и на кончикѣ хвоста; теберелии, которые осуществляютъ басни о Бриареѣ, потому что у нихъ сто рукъ, которыми они строятъ себѣ жилища изъ песчинокъ, изъ обломковъ раковинъ, доставая иногда эти матеріалы футахъ въ двухъ отъ себя. Рядомъ съ этими двумя группами, и образуя два отдѣльныхъ типа, помѣщаются земляные черви, которыхъ всѣ знаютъ и пѣвки, къ которымъ врачи прибѣгаютъ такъ часто, что онѣ уже перевелись почти во всѣхъ европейскихъ болотахъ.

До-сихъ-поръ мы говорили еще только о наружности

кольчатыхъ животныхъ. Хотите ли теперь познакомиться съ ихъ внутреннею организаціею? Поглядите на эту ешпсе sanguinea, великолѣпную породу, которая бываетъ иногда фута въ два съ половиною. Это длинное тѣло раздѣлено на кольца, которыя не больше полуторы линіи въ длину и линіи въ восемь или въ десять въ ширину. Отыскать въ этомъ узкомъ пространствѣ мускулы, посредствомъ которыхъ животное движется, кишки и другіе сосуды, которыми оно питается, нервы, которые придаютъ ему жизнь, не легко, тѣмъ болѣе, что всѣ эти ткани очень скожи между собою. Однако жъ не унывайте: прильпите кольчатое къ черному воску подъ водою, вооружите глаза простымъ увеличительнымъ стекломъ, руки самыми тоненькими щипчиками и иголками вмѣсто анатомическаго ножа; снимите эту кожу, покрытую переливающимися красками и взгляните на нея въ микроскопъ, чтобы видѣть рѣшетчатое строеніе, которое придаетъ ей эти красивыя цвѣта; потомъ обнажайте, слой за слоемъ, органы животнаго и открытія, самыя любопытныя, вознаграждать васъ за ваши труды.

Начните съ нервной системы, важнаго прибора, о которомъ говорили, что животное въ немъ и заключается. Вотъ во-первыхъ, мозгъ, расположенный въ головѣ; у спинной стороны. Отъ него идутъ нервы въ глаза и въ щупальцы, органы зрѣнія и осязанія. Позади начинается второстепенная нервная система, которая вся распредѣляется по хоботу и желудку; впереди, другая, особая система, которая идетъ къ губамъ и, вѣроятно, придаетъ имъ способность распознавать вкусъ. По бокамъ тянутся двѣ полоски, которыя образуютъ кольцо вокругъ полости рта и сходятся подъ брюхомъ. Оттуда начинается родъ лѣстницы, состоящей изъ двухъ снурковъ, идущихъ отъ одного конца тѣла до другаго и связывающихъ между собою продолговатая массы, нервные узлы, находящіеся въ каждомъ кольцѣ. Эти нервные узлы придаютъ кольцамъ жизнь и чтобы умертвить которое-нибудь кольцо, стоитъ только вынуть или какъ-нибудь уничтожить принадлежащій къ нему нервный узелъ. Изъ обѣихъ сторонъ каждаго изъ этихъ центровъ, выходятъ пять нервныхъ стволовъ, которыхъ вѣтви расиредѣляются по кишкамъ, мускуламъ туловища и

погъ. Такъ какъ колець въ *eunice sanguinea* около трехъ-сотъ, то у этого кольчатаго животнаго одинъ мозгъ или главный нервный центръ, триста второстепенныхъ нервныхъ центровъ и три тысячи нервныхъ стволовъ, не считая тѣхъ, которые идутъ къ губамъ и хоботу, общимъ у всего общества этихъ слѣпленныхъ между собою организмовъ.

Перейдемъ къ прибору, назначенному для питанія животнаго. Ротъ его имѣетъ видъ воронки; въ глубинѣ рта толстый хоботъ, съ сильными мускулами и вооруженный осемью роговыми челюстями. Берегите пальцы: эти загнутые и острые зубы легко могутъ проткнуть вашу кожу и укусить васъ до-крови. За хоботомъ вы видите пищепроводное горло, потомъ цѣлый рядъ большихъ кармановъ, ихъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ кольцу и отдѣленъ отъ двухъ сосѣднихъ узкимъ перехватомъ. Такимъ образомъ у этого животнаго около трехъ сотъ желудковъ.

Между мускулами и кишками, на спинной сторонѣ тѣла, находятся два извилистыхъ сосуда, наполненныхъ алою кровью. Это двѣ большія жилы, въ которыя съ обѣихъ сторонъ вливается кровь, послужившая уже для питанія и слѣдственно имѣющая нужду въ обновленіи воздухомъ. Жильный стволъ относитъ ее въ жабры, которыя съ обѣихъ сторонъ тѣла, начиная съ двадцать-пятаго кольца, образуютъ два ряда кисточекъ, то красныхъ, то желтоватыхъ, смотря потому, приливаетъ ли въ нихъ кровь или выгоняется оттуда. Другой сосудъ выходитъ изъ жабры и соединяется съ толстою артерією, лежащею въ срединѣ между кишками. Изъ этой артеріи идетъ съ обѣихъ сторонъ и въ каждомъ кольцѣ толстый стволъ, котораго основаніе то сжимается, то расширяется и, такимъ образомъ, устремляетъ кровь въ вѣтви, разносящія ее по всѣмъ органамъ. Но отбросимъ всѣ подробности: всё-таки у *eunice* останется, кромѣ сосудовъ, которые идутъ съ одного конца тѣла до другаго, шесть сотъ жабръ, шесть сотъ сердець, и столько же главныхъ артерій и венъ. Изъ этого видно, что на каждый желудокъ приходится по два сердца, то есть, что въ каждомъ кольцѣ соединены въ одномъ существѣ два существа разныхъ половъ, и что *eunice* въ триста колець, собственно говоря,

есть цѣпь шести сотъ животныхъ, мужскихъ и женскихъ, которыя соединены по-парно и всѣ вмѣстѣ повинуются одной головѣ. Вотъ *des ménages bien assortis!*

Теперь удвоимъ свое терпѣніе: постараемся разобрать мускульные узлы, перекрещенные между собою и составляющіе мясо колець, которыя приводятъ въ движеніе ноги, ихъ два пучка острыхъ щетинъ, ихъ четыре иглы, коническія и крѣпкія, какъ охотничьи колья. Въ мясистой части каждаго кольца не меньше тридцати отдѣльныхъ мускуловъ. Въ каждомъ простѣнкѣ между кольцами по десяти мускуловъ. Съ каждой стороны два большихъ мускула, прикрѣпленныхъ къ серединѣ кольца и къ основанію ногъ, двигаютъ ихъ назадъ и впередъ. Мускулистый карманъ, состоящій изъ десятка связокъ, окружаетъ каждый пучокъ шерстинокъ и игolocекъ и служитъ для того, чтобы выдавливать ихъ наружу; съ каждой стороны осемь мускуловъ притягиваютъ ихъ внутрь и сообщаютъ движеніе разнымъ частямъ ноги. Такимъ образомъ каждое кольцо снабжено ста двадцатью мускулами, а принявъ въ расчетъ мускулы хоботу и головы и рассматривая это общество существъ съ общей жизнію, какъ одно существо, мы увидимъ, что оно приводится въ движеніе слишкомъ тридцатью тысячами мускуловъ. Весьма вѣроятно, что въ иныхъ емісе это число бываетъ вдвое болѣе. Трудно опредѣлить до какой длины можетъ дойти это животное, потому что пока оно живо и производитъ потомство, къ нему прибавляются новыя кольца. Число этихъ колець, вѣроятно, ограничивается только продолженіемъ жизни животнаго и также трудностію доставлять питаніе послѣднимъ кольцамъ тѣла, уже слишкомъ длиннаго; брюха, помѣщенные на оконечности тѣла, не получая достаточнаго количества пищи, дѣлаются слабыми и, наконецъ, останавливаютъ ростъ общаго тѣла.

Мы рассмотрѣли одну изъ породъ, которая наиболѣе приближается къ первоначальному типу кольчатыхъ. У другихъ соединеніе отдѣльныхъ существъ дотого тѣсно, что они сливаются между собою и образуютъ одну сплошную массу. Доверины напимѣръ, длиною въ нѣсколько линій; но посмотрите на нихъ въ микроскопъ: вы увидите ноги и органы. Вмѣсто кожи у нихъ прозрачная пле-

ва, мускулы туловища сливаются въ два или три плана, едва замѣтные; мускулы между кольцами не существуютъ и замѣняются простою перепонкою; ножные мускулы не что иное какъ однородные шнуры изъ сжимающагося вещества. Пищеварительный приборъ, нервная система, почти тѣ же, зато обращательные органы состоятъ изъ одного спиннаго ствола, а органовъ дыханія совсѣмъ нѣтъ. У афлебинъ все тѣло составляетъ мѣшокъ, въ которомъ плаваетъ почти прямая кишка; внутреннихъ перегородокъ нѣтъ, обращательныхъ органовъ тоже, а жидкость, замѣняющая у нихъ кровь, приводится въ движеніе вибрирующими шерстинками, расположенными у основанія каждой ноги.

Это сліяніе отдѣльныхъ существъ въ одну массу доходить до крайнихъ своихъ предѣловъ въ классѣ собственно такъ называемыхъ червей. Здѣсь съ самомъ длинномъ тѣлѣ встрѣчается самое простое устройство. Большая немерта представляетъ весьма замѣчательный примѣръ этого. Вообразите себѣ животное въ тридцать или сорокъ футовъ длиною, въ пять или шесть линий шириною, плоское какъ тесемка, бурога или фіолетоваго цвѣту, гладкое и лоснящееся какъ лакированная кожа: такова немерта, которой анатомію понынѣ еще никто не изучалъ. Этотъ огромный червь живетъ обыкновенно подъ камнями, на днѣ моря, въ расщелинахъ скалъ, свернувшись, переплетшись такъ, что, кажется, никто его не распутаетъ; сжиманіемъ своихъ мускуловъ, онъ непрерывно развязываетъ и завязываетъ новые узлы. Это животное питается тѣмъ, что сосетъ родъ маленькихъ, плоскихъ устрицъ, которыя пристають къ подводнымъ камнямъ. Изсосавъ всѣхъ сосѣднихъ устрицъ, онъ вытягиваетъ изъ-подъ камня свою длинную темно-цвѣтную ленту, которая оканчивается головою, похожею на змѣиную, но безъ широкой пасти и безъ страшныхъ зубовъ. Глазъ не замѣчаетъ ни малѣйшаго сжиманія, никакой явной причины этого движенія и только микроскопъ показываетъ намъ, что немерта скользитъ въ водѣ посредствомъ вибрирующихъ, чрезвычайно тонкихъ щетинокъ, которыми покрыто все ея тѣло. Она сначала какъ-бы не рѣшается пуститься въ путь, поглядываетъ во всѣ стороны и осматриваетъ окрестность, пока

не найдетъ, иногда шагахъ въ пятнадцать или въ двадцати отъ себя, камня, который для нея годится. Тутъ она начинаетъ мало-по-малу распускаться, чтобы перенестись въ свое новое жилище и помѣръ-того какъ клубокъ развивается съ одного конца, онъ свивается и спутывается съ другаго. Ткани этого животнаго дотога упруги, дотога сжимаются, что немерта футовъ въ тридцать, становится не больше трехъ или даже двухъ съ половиною, какъ скоро вы погрузите ее въ винный спиртъ.

Эти длинныя тѣла состояются изъ колець, изъ отдѣльныхъ животныхъ, изъ независимыхъ брюховъ и сердець, но потомъ они сливаются между собою до такой степени, что невозможно различить предѣлы этихъ частныхъ центровъ общей жизни. Въ немертахъ есть всѣ главные жизненные приборы, но въ самой простой формѣ; нервная система состоитъ изъ двухъ боковыхъ узловъ, отъ которыхъ идутъ до самыхъ конечностей тѣла два шнура, которые пускаютъ отъ себя только очень маленькія вѣтви. Два большіе сосуда лежащіе по бокамъ, идутъ вдоль этихъ нервныхъ стволовъ, третій извивается въ серединѣ: у всѣхъ трехъ нѣтъ никакихъ вѣтвей. Ротъ состоитъ изъ круглаго, едва замѣтнаго отверстія. Онъ входитъ въ длинный кишечный хоботъ, который отдѣляется отъ кишки собственно перехватомъ и въ концѣ кишки отверстія нѣтъ. Такимъ образомъ одно и то же отверстіе служитъ для приниманія пищи и для изверженія того, что остается послѣ пищеваренія. Отъ каждаго кольца остаются только личинки, которые хорошо развиты и соединеніемъ своимъ образуютъ длинныя полосы. Немерты, существа совершенно беззащитныя, которыхъ верхняя оболочка до чрезвычайности мягка и состоитъ изъ одной плевы, подвергаются въ первомъ періодѣ своей жизни множеству опасностей, и обыкновенно дѣлаются впоследствии жертвами другихъ породъ, которыя лучше ихъ вооружены и питаются ими. Зато природа надѣлила ихъ чрезвычайною плодородностію. Во время метанія икры, многія изъ нихъ превращаются въ настоящіе мѣшки, наполненные яицами. Немерта, футовъ въ осемь или десять, производитъ по-крайней-мѣрѣ четыреста или пять сотъ яиць.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЛАМАНДСКАГО ЖИВОПИСЦА МААСА.

Разсказъ господина Бертю. Николай Маасъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Рембрандта, жилъ у воротъ Антверпена, въ предмѣстьи полу-испанскомъ, полу-брабантскомъ. Онъ занималъ одинъ изъ тѣхъ хорошенькихъ домиковъ, какіе умѣютъ строить только въ Бельгій: Большой садъ, съ старыми деревьями и свѣтлымъ ручейкомъ, окружалъ домъ, по бокамъ котораго стояли двѣ легкія башенки, и лѣстница изъ голубоватаго песчанику развивалась широкой спиралью, съ рѣзными перилами. Лѣстница вела къ столовой, которая въ этотъ день, двадцать-девятого сентября 1648 года, была убрана прекраснѣйшими цвѣтами, какіе только прелестная Дѣйвеке нашла въ саду. Стѣны, двери, столъ, все было убрано благовонными гирляндами и посерединѣ комнаты былъ приготовленъ роскошный обѣдъ.

Дѣло въ томъ, что въ этотъ день крестили перваго ребенка, котораго Богъ далъ Маасу и женѣ его, послѣ трехлѣтняго счастливаго супружества. Восприемникомъ былъ самъ Іордансъ, а жена бургомистра мейнгера Роккока, съ величайшемъ удовольствіемъ согласилась быть кумою знаменитѣйшаго въ Антверпенѣ живописца; и крестить сына артиста, котораго весь городъ уважалъ за честность, талантъ, и тихую, скромную жизнь. Само собою разумѣется, что при такомъ знаменитомъ кумѣ и такой прекрасной кумѣ, крестины должны были быть великолѣпныя. Зато Дѣйвеке поднялась съ семи часовъ утра, и, въ коротенькой юбкѣ, съ засученными рукавами, принялась мѣсить пирожное и присматривать за приготовленіями къ пиршеству. Самое тонкое, прекрасное бѣлье вынуто было изъ завѣтныхъ шкафовъ, которые рѣдко отворялись; серебро на столѣ такъ и сіяло; Дѣйвеке всемъ распоряжала, все устроивала, за всемъ присматривала и только по-временамъ ходила въ дѣтскую, чтобы покормить своего ребенка; ему было еще только два мѣсяца, а мать воображала себѣ, что онъ уже улыбается. Счастливыи Маасъ ничего не дѣлалъ: только любовался на жену и сына. Кисть была у него въ рукѣ, но онъ не писалъ и поминутно покидалъ картину, стоящую на мольбертѣ, обнималъ мать и цѣловалъ пухленькую щечку здоровенькаго ребенка.

Наконецъ часъ великаго торжества приблизился и Ни-

колай Маасъ пошелъ надѣвать свое лучшее платье. Дѣйствительно тоже принарядилась по-праздничному и надѣла на свою хорошенькую головку одинъ изъ тѣхъ богатыхъ кружевныхъ чепцовъ, которые еще и понынѣ въ употребленіи въ той странѣ, и которыхъ длинныя барбы такъ хорошо идутъ къ свѣтлорусымъ волосамъ и голубымъ глазамъ. Вскорѣ послышался стукъ кареты и крики сосѣднихъ мальчишекъ, собравшихся вокругъ дому, возвѣстили о прибытіи кумы. Вслѣдъ за каретой появилась кавалькада: то были ученики Иорданса, сопровождавшіе своего учителя. Они прискакали такъ скоро, что Иордансъ успѣлъ спрыгнуть съ коня, преклонить колѣно и подать кумѣ руку, когда она выходила изъ кареты. Какъ-скоро она взошла на лѣстницу, гдѣ ожидали ее Маасъ съ женою, ее привѣтствовали громкими рукоплесканіями и веселая ружейная пальба бросила на воздухъ вѣнки дыму и пламени.

Кума, нѣжно обнявъ молодую родильницу, надѣла ей на шею богатую золотую цѣпь; потомъ взявъ изъ рукъ ея ребенка, положила ему на грудь серебряную погремушку, прекрасной работы и серебряный бокалъ. Между-тѣмъ четверо учениковъ Иорданса, по знаку учителя, поставили къ ногамъ бургомистерши двѣ деревянныя шкатулки, расписанныя рукою великаго мастера. Эти ларчики были гораздо драгоцѣннѣе богатыхъ кружевъ и превосходныхъ золотыхъ вещицъ, которыя въ нихъ лежали. На стѣнкахъ изображены были торжество святой Маргариты надъ нечистымъ и мученія святой Агаѳи, которымъ праздновали въ день рожденія жены бургомистра Роккокка. Взамѣнъ этого подарка, она, съ обворожительной улыбкой надѣла на шею Иорданса шелковый шарфъ, который своими руками вышила золотомъ, потому, говорила она, что вы съ этой минуты мой рыцарь.

Иордансъ почтительно поклонился и подалъ ей руку. Кортежъ устроился, выстрѣлы раздались снова, народъ принялся кричать пуше прежняго. Всѣ торжественно отправились въ церковь, гдѣ церемонія должна была совершиться съ подобающею пышностію. Духовенство было въ самыхъ богатыхъ облаченіяхъ и священникъ, совершавшій таинство, произнесъ коротенькую рѣчь, въ которой, какъ и слѣдовало, поздравилъ Мааса и жену его съ пре-

краснымъ выборомъ духовныхъ отца и матери новорожденнаго. Изъ церкви воротились съ такою же торжественностію и вскорѣ многочисленные гости усѣлись вокругъ пышно убраннаго стола. Остальная часть дня проведена была очень весело: пили за здоровье всѣхъ и cadaго и особенно новаго христіанина.

Когда обѣдъ кончился, кумъ встала изъ-за стола, обняла хозяйку, и простилась со всѣми присутствующими. Вскорѣ изъ многочисленныхъ гостей, которые сидѣли за столомъ живописца, не осталось никого. Послѣ шуму множества посѣтителей наступила тишина, къ которой такъ пріятно возвратиться послѣ волненія, даже и веселаго. Николай Маасъ усѣлся подлѣ жены, которая укачивала на рукахъ ребенка. Онъ положилъ голову на ея плечо и предался сладостнымъ мечтамъ и чувству своего блаженства, какъ-вдругъ въ дверяхъ показался путникъ, съ дорожнымъ посохомъ въ рукѣ и съ котомкой за плечами. Маасъ вскрикнулъ отъ удивленія и радости, и побѣжалъ къ нему.

— Янъ! Янъ! сказалъ онъ: это ты! Осемь лѣтъ мы съ тобою не видались. О, какъ я радъ, что ты пріѣхалъ и именно сегодня, въ такой счастливый для меня день!

— Къ несчастію, отвѣчалъ пришедшій: я принесъ не радостныя вѣсти.

— Чтò такое? спросилъ живописецъ.

И взявъ путешественника подъ руку, онъ повелъ его въ самую уединенную часть саду. Тамъ они проговорили съ четверть часа. Когда Маасъ воротился въ комнату, лицо его было покрыто смертною блѣдностію и онъ едва удерживалъ свои слезы. Онъ подошелъ къ Дѣйвеке, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Милая моя, я долженъ на нѣкоторое время разстаться съ тобою.

— Разстаться? вскричала она, поблѣднѣвъ не меньше мужа. Разстаться! Боже мой, чтò это значить?

— Послушай, Дѣйвеке, не правда ли, что, по-твѣду, мнѣ лучше умереть, чѣмъ сдѣлаться неблагодарнымъ, низкимъ, презрѣннымъ человѣкомъ?

— Да, проговорила она едва внятнымъ голосомъ.

— Прекрасно, моя милая: а если бъ я остался здѣсь и покойно наслаждался своимъ блаженствомъ, я бы заслу-

жилъ, чтобъ ты меня презирала: я бы измѣнилъ всѣмъ обязанностямъ челоуѣка и христіанина.

— Такъ поѣзжай же, поѣзжай, и да хранить тебя Господь Богъ!

И говоря это, она обнимала сына, чтобы скрыть отъ мужа слезы, которыя катились изъ глазъ ея.

— Выслушай меня, Дейвеке, и рѣши сама, ѣхать мнѣ или оставаться. Лѣтъ пятнадцать назадъ я жилъ въ Голландіи, былъ безвѣстнымъ ученикомъ Рембрандта, окруженъ соперниками, мнѣ трудно было пробиться сквозь толпу, чтобы составить себѣ имя и состояніе. А между-тѣмъ надобно было выйти изъ бѣдности, во что бы то ни стало, потому что мать моя была уже стара и работать почти не могла. Я рѣшился на отважный поступокъ: надѣясь на счастье, я уѣхалъ въ Англію. Тамъ, говорилъ я самъ себѣ, ванъ-Дейкъ, такой же безвѣстный бѣднякъ, какъ и я, нашелъ славу и богатство. Продавъ все что у насъ было, мы съ матушкою, отправились въ Лондонъ. поселились въ дрянной, закопченной горенкѣ и вскорѣ начали жалѣть о нашей прекрасной Голландіи. Черезъ нѣсколько времени горе мое превратилось въ отчаяніе. Я не зналъ англійскаго языка, не имѣлъ въ Лондонѣ никакихъ знакомыхъ, былъ какъ-бы потерявъ въ огромномъ городѣ и средства мои вскорѣ истощились. Матушка никогда не жаловалась, скрывала отъ меня свое безпокойство, но я видѣлъ, что она день-о-дню таетъ и, наконецъ, отъ трудовъ и лишеній, у ней началась медлительная лихорадка.

Однажды, когда я продалъ уже все что у меня было, даже платье, мы съ утра ничего не ѣли и я сидѣлъ въ безмолвномъ отчаяніи у постели моей бѣдной матери. Мы не смѣли взглянуть другъ на друга. Наконецъ, не могли удержать своихъ стоновъ, она проговорила едва слышнымъ голосомъ:

— Неужели Господь Богъ не скажится надъ нами! И потому, помолчавъ немного прибавила:

— Мнѣ очень хочется ѣсть!

Она попыталась-было приподнять голову, но не могла, и сказала: — О, какъ ужасно умирать съ-голоду!

Я убѣжалъ.

Не знаю сколько времени блуждалъ я по городу безъ

цѣли, самъ не зная куда иду, въ совершенномъ безуміи. Наконецъ, совершенно изнуренный голодомъ, холодомъ, усталостію, огнемъ, я упалъ отъ слабости, у какой-то стѣны.

— О, Боже мой! сказалъ я: если это смерть, то благодарю тебя!

Въ это время мимо меня проѣзжалъ верхомъ какой-то господинъ. Услышавъ подобныя жалобы въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, онъ съ удивленіемъ остановился; сошелъ съ лошади и съ помощію человѣка, который былъ съ нимъ, поднялъ меня.

— Кто вы? спросилъ онъ меня не-голландскн; и отъ чего вы такъ желаете смерти?

— Несчастный иностранецъ, отвѣчалъ я: у меня нѣтъ ни куска хлѣба и мать моя умираетъ съ-голоду.

— И такія вещи случаются въ Англии, въ Лондонѣ! вскричалъ онъ. Боже мой! какъ трудно дѣлать добро, даже при самомъ пламенномъ желаніи.

Онъ взялъ меня подъ-руку и съ величайшей внимательностію поддерживалъ пока мы шли, минутъ семь или восемь. Наконецъ мы пришли къ одному домику и провожатый моего благодѣтеля отперъ ее. Я очутился въ комнатѣ, гдѣ топился каминъ; меня отогрѣли, накормили, дали мнѣ немножко вина и тогда только я снова получилъ сознаніе своего несчастія.

— Матушка! вскричалъ я, матушка! О, ради Бога, позвольте мнѣ снести это кушанье къ ней: она умираетъ съ-голоду!

— Пойдемте къ ней вмѣстѣ, сказалъ незнакомецъ: я помогу ей.

Минутъ черезъ десять старушка моя ожила и благословляла Бога: благодѣтельный человѣкъ, который спасъ меня отъ смерти, положилъ на ея постель большой кошелѣкъ золота. Уходя, онъ сказалъ мнѣ:

— Помогаю вамъ, я только исполнилъ долгъ христіанина въ отношеніи къ несчастному брату. Теперь, если вы достойны выйти изъ бѣдности, если вы честны и трудолюбивы, докажите это и увидите, что милость Божія никогда не покинетъ того, кто ея достоинъ.

Маасъ прервалъ разсказъ свой, обнявъ жену и прижавъ ребенка къ груди своей; сказалъ:

— Милосердый Господь Богъ не покинулъ меня въ дни испытаній и злополучій; онъ не оставитъ меня и при исполненіи моего долгу.

Я былъ бы человѣкомъ низкимъ и неблагодарнымъ, если бъ не старался оказаться достойнымъ моего благодѣтеля. Мы перешли въ другую квартиру, по-здоровѣе и покойнѣе прежней, здоровье матушки моей стало поправляться и я принялся за работу: написалъ портретъ прехорошенькой дѣвушки, которая жила у насъ по сосѣдству. По англійскому обыкновенію, я выставилъ этотъ портретъ въ Темпльбарѣ. Но онъ не обратилъ на меня ни чьего вниманія и никто не заказывалъ мнѣ портретовъ. Я уже снова погружался въ уныніе, какъ однажды благодѣтель мой пришелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вы еще у меня въ долгу; я доставлю вамъ средство расплатиться: сдѣлайте мой портретъ во весь ростъ.

Само собою разумѣется, что я съ живѣйшею радостью принялся за работу и трудился съ величайшимъ стараніемъ. Я кончилъ портретъ недѣли въ двѣ и спросилъ моего тинштвеннаго покровителя, куда отослать картину.

— Я самъ прищу за нею, отвѣчалъ онъ.

Въ тотъ же вечеръ человѣкъ пришелъ за картиною, но онъ не сказалъ мнѣ имени своего господина. На третій же день самые знатные и богатые придворные заказали мнѣ свои портреты, и я въ короткое время нажилъ себѣ состояніе.

Графъ Стратфордъ, который былъ въ то время всемогущъ при дворѣ, тоже заказалъ мнѣ свой портретъ. Ободренный его ласковымъ обхожденіемъ, я просилъ, чтобы онъ доставилъ мнѣ честь сдѣлать портретъ короля. Онъ улыбнулся и велѣлъ мнѣ прийти на другой день во дворецъ. И, вообрази мое удивленіе, Лейвеке, когда я увидѣлъ, что Карлъ Первый—тотъ самый кавалеръ, которому я обязанъ былъ жизнью матушки, моей собственной жизни и всѣмъ моимъ состояніемъ. Я упалъ къ ногамъ короля; онъ милостиво поднялъ меня и назначилъ своимъ придворнымъ живописцемъ.

Мы прожили въ Лондонѣ лѣтъ осемь, но матушкѣ моей

непремѣнно хотѣлось передъ смертью воротиться въ свой родной Антверпенъ и я долгомъ почелъ исполнить ея желаніе. Мы отправились изъ Лондона и я поселился здѣсь, къ моему счастью, потому что безъ того у меня можетъ быть и не было бы такой жены, какъ ты, моя милая. Но между-тѣмъ, какъ я здѣсь блаженствовалъ съ тобою и нашимъ ребенкомъ, занимался только искусствомъ и нисколько не думалъ о политикѣ, въ Англіи происходили ужасныя вещи. Джонъ Стендишъ привезъ мнѣ горестныя извѣстія. Мятежные подданные заключили Карла Перваго въ темницу и даже угрожаютъ его жизни!

— Теперь я все понимаю, сказала Дѣйвеке, отирая свои слезы: поѣзжай, мой милый. Я тебя не удерживаю. Имѣніе твое, жизнь твоя, принадлежатъ твоему благодѣтелю. Если нужно, пожертвуй ими, чтобы спасти его. Поѣзжай. Богъ благословитъ тебя, а я буду молиться ему за васъ.

— О, благодарю, благодарю тебя, моя Дѣйвеке, за твое мужество, за твои благородныя чувствованія. Благодарю за то, что ты придаешь мнѣ душевную силу; теперь она необходима.

Они обнялись и черезъ три дня послѣ того Николай Маасъ и Джонъ Стендишъ вышли на берегъ въ Лондонъ.

Между-тѣмъ какъ благодарный Фламандецъ отправлялся въ Англію, чтобы какою-нибудь отважной попыткой спасти своего благодѣтеля, королева Генриетта, удалившись во Францію, испрашивала пособій своему супругу; но благородныя ея усилія были тщетны: при смятеніяхъ и междоусобной войнѣ de la Fronde, никто не слушалъ просьбъ несчастной королевы. Когда королевская армія осадила *франдеровъ* въ Парижѣ, озлобленные мятежники не постыдились взлечь мечь свою на королеву, которая жила между ними въ Луврѣ. Однажды дочь Генриха Четвертаго подверглась оскорбленіямъ черни; стекла въ окнахъ ея комнатъ были выбиты и со всѣхъ сторонъ раздавались зенстовыя крики. Нѣсколько человекъ ворвались даже въ Лувръ и кто знаетъ, до чего дошла бы ихъ ярость, если бъ злодѣевъ не остановилъ одинъ иностранецъ; онъ загородилъ имъ дорогу и говорилъ имъ такъ убѣдительно, что они устыдились своего поступка и ушли.

Этотъ иностранецъ былъ Николай Маасъ. Онъ пошелъ потому къ королевѣ. Несчастная государыня сидѣла одна въ, несмотря на холодъ, въ цѣлодневной комнатѣ. Генриетта держала на колыскахъ маленькую дочь свою и старалась согрѣть ея, прижимая къ своей груди. Сънѣ ея, Карлъ, стоялъ послѣ и, обнявъ маленькую свою шнагу, готовился зацѣплять мать. Николай Маасъ, преклонивъ одно колено и привѣтствовалъ королеву по-англійски.

Вы Англичанинъ, вы можете-быть изъ Англіи прѣѣхали! вскричала она. О, скажите мнѣ, что дѣлается съ королевѣ. Вотъ уже почти двѣ недѣли какъ я не имѣю никакихъ вѣстѣй объ ней; я живу въѣзницей въ Парижѣ. Французскій дворъ меня поцѣлуетъ и никто надо мною не скажется! Меня заставляють терзаться немощностью и ожиданіемъ.

— Я изъ Англіи, ваше величество, отвѣчала Маасъ слабымъ и печальнымъ голосомъ.

— Что жъ король? Скажите мнѣ, что ея нѣтъ?

Маасъ горестно взглянулъ на небо и со слезами сталъ читать молитвы объ усопшихъ. Королева поблѣднѣла какъ мертвецъ и судорожно прижала къ себѣ дѣтей.

— Стыдъ и горе землѣ предательской и преступной! вскричала она.

— Король, умирая, простилъ враговъ своихъ, простоярьлъ живущихъ.

Королева встала, начала ходить большими шагами по комнатѣ и потомъ ушла въ кресла. Слезы ручьями полились изъ глазъ ея, и это ее облегчило.

— Я всѣми силами стараюсь спасти короля, сказалъ Маасъ; вы съ нѣсколькими прѣятелями не преданъ своей жизни и неразъ подвергали ее опасности. Но всѣ наши усилія остались тщетными и плодомъ ихъ было только то, что король мнѣ поручилъ передать вамъ свое послѣднее прощаніе.

Цѣлую недѣлю королева была въ ужасномъ помѣшеніи между жизнью и смертью. Николай Маасъ не покидалъ ея ни на минуту. Какъ умный и преданный служитель, онъ раздѣлялъ горестъ несчастной вдовы и беспрестанно говорилъ ей о материнскихъ ея обязанностяхъ, о томъ какъ нужна ея жизнь дѣтямъ: Благодаря такимъ утѣшеніямъ челоуѣка, который неразъ подвергалъ себя опа-

снотя за жизнь Карла Перваго, королева, убитая горестью, оправилась и сносила жестокое испытаніе, посланное Богомъ, съ терпѣніемъ истинной христіанки, Притомъ ей всморъ надобно было думать о томъ, какъ бы спасти дѣтей отъ холоду и голоду, потому нѣо средства ея совершенно истощились, а французская регентша, Анна Австрійская, удалившись съ Людовикомъ Четырнадцатымъ въ Сентъ-Жерменъ, и сама претерпѣвая лишенія, забыла о страданіяхъ англійской королевы. Голодь, который свирѣствовалъ въ Парижѣ, проникъ и въ Лувръ, дошелъ и до той, которая нѣкогда занимала одинъ изъ прекраснѣйшихъ троновъ во всемъ мірѣ. Королева, двое дѣтей ея и двое или трое слугъ, которые остались ей вѣрными, терпѣли нужду во всемъ: у нихъ не было ни дровъ, ни хлѣба. Кардиналъ де-Резъ изобразилъ это жестокое положеніе нѣсколькими словами, ужасными въ простотѣ своей. «Потомство съ трудомъ повѣритъ, говоритъ онъ, что у дочери Генриха Четырнадцатаго, въ Луврѣ, не было ни полѣна дровъ, чтобы не дрожать отъ холоду, вставая съ постели».

Если бъ королева Генриетта была одна, она умерла бы, но не протянула бы руки, а теперь она принуждена была, какъ сама говоритъ, просить у парламента милосердія на пропитаніе. Парламентъ долго не отвѣчалъ. Однажды, дѣти Карла Перваго цѣлый день тщетно просили у матери куска хлѣба: наканунѣ она продала свои платья, чтобы накормить малютокъ. Таково было положеніе англійской королевы, когда однажды вечеромъ, Николай Мансъ съ радостнымъ видомъ вошелъ въ ея комнату и положилъ къ ногамъ ея около десяти тысячъ эво. Съ ними явилась голодевшая женщина, съ ребенкомъ на рукахъ.

— Вотъ, ваше величество, голубица, которая привнесла намъ зеленую вѣтвь утѣшенія и надежды, сказалъ онъ, представляя свою дѣвѣе королевы.

Вдова Карла Перваго заплакала.

— Нѣтъ, сказала она, нѣтъ! Я не приму этого послѣднего доказательства преданности; я не потерплю, чтобы вѣрный слуга пожертвовалъ мнѣ всемъ своимъ состояніемъ.

— Ваше величество ошибаетесь, отвѣчалъ Маасъ съ такимъ хладнокровіемъ, что королева повѣрила; я бы за счастье почелъ продать свой домъ, чтобы пособить вдовѣ государя, которому я обязанъ и жизнью и состояніемъ..... но это было не нужно. Эти деньги изъ Англии. Одинъ вѣрный слуга вашего величества привезъ ихъ къ Дѣйвекѣ; она тотчасъ пустилась въ путь и ей удалось пробраться въ Парижъ.

Онъ придалъ этой великодушной лжи такой видъ истины, что королева приняла его деньги. Сердце Мааса забилось высокой радостію, какую Богъ даруетъ только людямъ истинно благороднымъ. Когда Генриетта вышла изъ комнаты, онъ бросился на шею къ Дѣйвекѣ и вскричалъ, плача отъ радости:

— Богъ наградитъ тебя въ лучшей жизни за то, что ты такъ хорошо поняла и исполнила мою мысль!

— Я не колебалась ни минуты, сказала она спокойно: я все продала.... твои картины, наше серебро, даже нашъ домъ, и привезла все это къ тебѣ для королевы. Богъ не оставитъ нашего ребенка, прибавила она, прижимая малютку къ своей груди.

Между-тѣмъ какъ супруги предавались радости свиданія и веселились тѣмъ, что съ такимъ великодушіемъ исполнили долгъ признательности, вокругъ Лувра раздались страшные крики: чернь снова пришла оскорблять английскую королеву за то, что она не хотѣла измѣнить дѣлу регентши и Людовика Четырнадцатаго.

— Ваше величество, сказалъ Маасъ, бѣгите изъ Лувра: здѣсь вы не въ безопасности; поѣзжайте въ Шаліо: тамъ, вы знаете, у васъ есть надежное убѣжище.

— Но какъ добраться туда? Какъ выйти изъ Парижа?

— Простыхъ людей и осаждающіе и осажденные проносаютъ. Надѣньте платье моей Дѣйвекѣ. Вѣрный слуга, котораго я научу что ему дѣлать, проводитъ и будетъ охранять васъ. Я буду сколько можно удерживать этихъ безумцевъ, а вы между-тѣмъ проберетесь въ Шаліо.

— Но вы?

— Я ужъ знаю, что мнѣ дѣлать, ваше величество, отвѣчалъ Маасъ и переглянулся съ женою. Та поняла его и сказала:

— Я прошу ваше величество только объ одной милости: возьмите съ собою моего ребенка и примите его подъ свое покровительство.

— Такъ вы будете въ опасности? вскричала Генриетта: о, нѣтъ, я не хочу подвергать васъ опасностямъ, которые угрожаютъ мнѣ одной.

— Неужели ваше величество думаете, что я рѣшился бы подвергать жену опасности? сказалъ Маасъ съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ. Благоволите послушаться моего совѣту и поѣзжайте въ Шаліо. Въ остальномъ положитесь на мое благоразуміе.

Королева согласилась, одѣлась въ платье Дѣйвеке и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того благополучно пробралась черезъ шаліосскую заставу. Между-тѣмъ Николай Маасъ велъ переговоры съ негодями, которые осадили Лувръ, и, наконецъ, отворилъ имъ ворота. Ненстовая чернь бросилась въ комнаты англійской королевы и схватила тамъ женщину въ траурномъ платьѣ и въ плащѣ. Они хотѣли уже вести ее въ Шатлѣ, какъ слуга королевы, Джонъ Стендишъ, воротился и сбѣгалъ Маасу условленный знакъ. Живописецъ тотчасъ побѣжалъ къ своей Дѣйвеке.

— Прошу покорно, жена моя! вскричалъ онъ. Она и не понимаетъ, что эти добрые люди принимаютъ ее за королеву Генриетту. Говорятъ, господа, что королеву предувѣдомили о вашемъ посѣщеніи и она укрывалась въ парламентѣ.

— Эта женщина обманула насъ, надсмѣялась надъ нами! Надобно отыскать ей! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Жена моя только-что пріѣхала изъ Нидерландовъ и не знаетъ ни слова по-французски. Она не понимаетъ, что вы говорите и потому не знаетъ зачѣмъ вы ее окружили и кого вы ищете.

— Вы служители Англичанки! Вы насъ обманываете!

— Если не вѣрите, то сведите насъ въ парламентъ. Тамъ вы узнаете, правду ли я сказалъ.

Хладнокровіе Мааса обмануло этихъ ненстовыхъ злодѣевъ: они отпустили Дѣйвеке и пошли въ парламентъ. Черезъ часъ послѣ того Николай Маасъ и жена его были уже у королевы, въ Шаліо, и виѣ всякой опасности.

Когда королева Генриетта основала въ Шалід монастырь Визитандинокъ и миръ прекратилъ безпорядки, возмущавшіе Францію, Николай Мантъ воротился въ Антверпенъ, и тамъ своими превосходными портретами снова нажилъ своё состояніе, равное тому, которыйтъ пожертвовалъ для вдовы короля; своего благодѣтеля. Вислѣдствіи онъ разбогачилъ дотога, что могъ принять званіе антверпенскаго бургомистра.

~~Смѣсь~~ **Смѣсь**. Романъ графини Ганъ-Ганъ. Мы представили читателямъ нынѣшнѣе *Вампиръ-Слѣпота*. Теперь, нужно еще представить ихъ *Клмичеву Жоржу-Ганду*, — потому что таковы чинъ благородной графини Иды Ганъ-Ганъ въ нынѣшней германской литературѣ, пожалованной общимъ мнѣніемъ. Прозваніе это не совсѣмъ точно: между графиней Ганъ-Ганъ и барономъ Дюлованъ, кромѣ пріимчательнаго писательскаго таланта, нѣтъ ни какого сходства. Въ особнѣ сочиненія мадамъ Дюлованъ — болѣе или менѣе ясныя, болѣе или менѣе непримѣчныя нападки на законы гражданскіе, нравственныя и свѣтскіе, и овладѣніе оное на все, что въ обществѣ мѣшаетъ ея страстямъ или фантазіямъ, простираетъ она до демагогическаго мистицизма, котораго дѣ-особенности исполнены послѣднія творенія этой странной писательницы. Ничего подобнаго нѣтъ у графини Ганъ-Ганъ: она, напротивъ, увѣрена, что наши личныя «несчастія» происходятъ, не отъ организаціи нынѣшнихъ обществъ, не отъ принятыхъ между людьми правилъ или обыкновеній, но отъ насъ самихъ; она почитаетъ людей не законнѣю-злыми, но законнѣю-пустыми; совѣтуетъ, не предаваться страстямъ необузданно, но побѣждать ихъ, и утверждаетъ, что, на этотъ конецъ, для женщины, заниматься домашнимъ хозяйствомъ гораздо полезнѣе, чѣмъ носить усы и ходить въ венгеркѣ. Нѣмецкая романистка не отрекается отъ сана женщины, и въ скромности полагаетъ основаніе правъ ея пола на уваженіе. Брака она не уничтожаетъ; мужей, правда, не очень любитъ: да кто жъ ихъ нынче любитъ!... такихъ тирановъ!... Отличительная черта ея ученія — оправданіе нецѣлостности. Каждый разъ какъ заходитъ рѣчь объ этой статьѣ, она становится чрезвычайно красо-

рѣчивую и неисчерпаемую на доказательства. Любить, любить и любить! — такова ея тебрія, но — любить *все* любовное — а не *одно* что-нибудь такое: это сично! Любить одного, но ея мѣвнїю — просто выдумка тяжелыхъ гѣмпецкихъ недаитовъ, которые въ любви и женищинахъ ничего не съясляютъ. На этомъ основанїи, героини ея романовъ, не переставъ еще любить одного героя, влюбляются уже въ другаго, и такъ далѣе, до безконечности, до сорока пяти лѣтъ. Въ этомъ сцѣвленїи любви состоитъ, главнѣйшее единство ея сочиненїй, которыя мы напрасно назвали *романами*: графиня Ганъ-Ганъ говоритъ, что она не пишетъ романовъ, а пишетъ дѣло, — о томъ, какъ любовь, въ любящемъ сердцѣ, всегда рождается изъ любви и, въ свою очередь, производитъ новую любовь. Преимущественно, этимъ направленїемъ отличается знаменитѣйшее изъ ея сочиненїй, «Графиня Фаустина»: порѣствуется у мудрецовъ, будто она графиня Фаустина — сама графиня Ида фонъ Ганъ-Ганъ лично. Это придаетъ особенный интересъ творенїю, и мы должны непременно познакомить нашихъ читателей вообще и читательницъ въ-особенности съ такою любопытною книгою. Но, сперва, въ виду имѣемъ мы и «Цеццїя,» сочиненїе болѣе всѣхъ прочихъ подходящее къ роману.

Графиня Ганъ-Ганъ начала свое литературное поприще въ 1838 году, *былко* (Novelle,) подъ заглавїемъ «Auch der Gesellschaft». Въ слѣдующемъ году издала она «Der Rechte», въ 1840 «Gräfin Faustine», въ 1841 «Ulrich», въ 1842 «Reisebriefe», въ 1843 «Sigismund Förster» и «Cecil». Она также писала и въ стихахъ, и небольшой драматической поэмѣ своей дала названїе «Арабескъ.» Всѣ эти книги напечатаны въ Берлинѣ.

Графиня Ida von Nahn-Nahn, и по происхожденїю и по замужству, принадлежитъ къ одному изъ знатнѣйшихъ ганнверекскихъ родовъ: десять столѣтїй гнѣздятся въ ея благородномъ гербѣ. Будучи еще очень молода, вышла она замужъ за своего кузена, графа Ганъ-Гана, и спустя нѣсколько лѣтъ, развелась съ нимъ.... за *непостоянство*: тогда, видно, еще не знала она, что, въ природѣ, одна любовь рождаетъ другую. Послѣ-того жила она во мнѣтихъ

столицахъ Германіи и путешествовала по южнымъ странамъ Европы съ другомъ своимъ, Бистромомъ, которому посвящена «Фаустина». Года три тому, графиня Ганъ-Ганъ, въ то время еще очень миловидная, потеряла одинъ глазъ, по неосмотрительности навѣстнаго берлинскаго хирурга Диффенбаха, съ которымъ за этотъ глазъ завела потомъ процессъ, но, кажется, ничего не выиграла. Ей теперь почти тридцать пять лѣтъ, съ чѣмъ-то.

Вотъ, на первый случай, «Сигизмундъ Форстеръ,» въ самомъ сжатомъ очеркѣ, какъ необходимое вступленіе къ «Щепицѣ».

У профессора Целлера, въ Боннѣ, былъ балъ, — не какой-нибудь высоко-аристократическій, великолѣпный и скучный, но такой, какой можетъ быть у профессора балъ, на которомъ большая часть молодыхъ гостей — студенты. Было очень весело. Танцевали до-упаду.

Сигизмундъ Форстеръ, молодой студентъ, слушавшій курсъ правъ у профессора Целлера, вальсировалъ съ Тоской Бейронъ, свояченицею того же профессора. Они носились по залѣ легко и согласно.

— Какой чудесный вальсъ! сказала Тоска съ улыбкой полного удовольствія.

Музыка была самая обыкновенная.

Они вели ничего не значущій разговоръ, но Сигизмундъ находилъ, что каждый взглядъ Тоски, каждая улыбка, каждый звукъ ея голоса восхитительны. Сигизмундъ впродолженіи всего бала танцевалъ только два, три раза и только съ Тоской. Остальное время онъ смотрѣлъ, какъ танцуетъ она. Отъ дѣвушки такое обстоятельство никогда не укроется. Тоска видѣла это и ей было жаль, что такой ловкій, прекрасный кавалеръ такъ мало танцуетъ; она какъ-будто боялась, чтобы онъ не соскучился, и потому, когда Сигизмундъ подошелъ просить ее на послѣдній вальсъ, она тотчасъ пошла, хотя помнила, что была уже ангажирована. Вслѣдъ за Сигизмундомъ подошелъ другой молодой человекъ, очень скромный, смиренный, блондинъ, тотъ самый, которому вальсъ былъ обѣщанъ. Тоска очень ловко сыграла роль изумленной; очень ласково извинилась, подарила бѣдняка улыбкой и тѣмъ дѣло кончилось. Тайно она дала

себѣ слово вознаградить господина фонъ-Гельдерна за потерянный вальсъ цѣлымъ котильономъ.

Такія маленькія балныя плутовства у дѣвушекъ — не рѣдкость: со всякою случается. Дѣвушкѣ нельзя же сказать одному — «съ вами я не хочу» или другому — «съ вами мнѣ очень хочется танцевать». Она принуждена принимать всякое приглашеніе, и принимаетъ, хотя бы только изъ опасенія даже тѣни возможности просидѣть одинъ танецъ. Но потомъ, въ правильной очереди безъ труда производится умышленный безпорядокъ, и дѣвушка очень искусно умѣетъ устроить дѣла такъ, что страдаетъ всегда тотъ, кто по скромности, перенесетъ несправедливость не обидѣвшись, и къѣмъ она нисколько не интересуется. Почти у каждой хорошенькой дѣвушки есть на-примѣтъ такой барашекъ, и она очень остерегается оскорбить въ подобномъ случаѣ кого-нибудь другаго. Безъ хитрости и жестокости почти ничего не дѣлается на свѣтѣ, а балная зала — нашъ женскій приготовительный классъ.

Баль кончился.

— Лампы совсѣмъ потускли отъ пыли, сказалъ Сигизмундъ одному изъ товарищей, провожая глазами уходящую Тоску. Пойдемъ домой.

— Пойдемъ. Чтѣ жъ мы будемъ дѣлать? Какой глаголъ ты хочешь спрягать? Пить? играть?

— Оба! Да, смотри, берегись! Мнѣ сегодня счастье везеть!

Они пошли. Во всю остальную часть ночи предметомъ разговора была Тоска, — по-крайней-мѣрѣ Сигизмундъ постоянно сводилъ рѣчь на нее, такъ, что Фридрихъ наконецъ объяснилъ восторженному пріятелю, что онъ ему надоѣлъ.

— Жаль мнѣ тебя! возразилъ Сигизмундъ: чтѣ до меня, такъ я въ жизнь свою не бывалъ веселѣе сегодняшняго.

Къ нимъ пришло еще нѣсколько товарищей. Сигизмундъ приказалъ подать шампанскаго.

— Даб удегъ вамъ извѣстно, что въ честь Тоски Бейронъ! сказалъ онъ: только шампанское достойно того, чтобы его пили за здоровье такой красавицы. Тоска Бейронъ! Тоска Бейронъ, цвѣтъ германскихъ дѣвушекъ!...

— Паскаль Вивасъ! Паскаль Вивасъ, цвѣтъ испанскихъ рыцарей! перебилъ съ жонглера Фридриха.

— Ты, Сигизмундъ, въ восторженномъ бреду не забывай, что пародируешь Улана, скакать третій.

— Виновать ли я, что Уланъ ценомъвался мои стихи? шутливо отвечалъ Сигизмундъ: впрочемъ, его Паскаль Вивасъ можетъ имѣить себя въ болыную востъ. Что я вспомнилъ объ немъ именно теперь.

— А помнишь ли ты начало? «По салу, въ вечерней мгнѣ, шла графиня Юлія....» Неужно бы, если бы я тебѣ довелъ сказать на такомъ же сноту, на какомъ стоялъ Паскаль Вивасъ. Жаль только, что Тоска не графиня.

— Жаль? спросилъ Сигизмундъ протянуло.

— Разумнѣе, жаль: оно звучитъ какъ-то, торжественно, повѣстически.... Графиня Тоска Бейронъ!

— Если бы Тоска была графиня.... сказалъ Сигизмундъ съ живостью и вдругъ замолчалъ.

— Что жъ бы тогда?

— Тогда она была бы мнѣ не дороже этого! отвечалъ Сигизмундъ спихивая щелчкомъ пробку съ шампанской бутылки.

— Это что-то непонятно, проговорилъ третій собесѣдникъ, видимо цѣмбяясь въ лицѣ.

— Не прогнѣвайся, дружище, сказалъ Сигизмундъ ласково: ты—графъ фонъ-Гогенбергъ, но я люблю тебя ровно столько, сколько любилъ бы просто господина Гогенберга. Между мужчинами это иная статья. Мужчины въ жизни лучше научаются понимать и больше имѣютъ средствъ доказать лично, въ чемъ заключается истинное благородство. Но женщины твоего званія вообще существа такіа чопорныя, что я никакъ не могу преодолѣть своего отвращенія къ нимъ.

— Однако жъ, любезная и очень умная мать Тоски Бейронъ графиня же, замѣтилъ Гогенбергъ.

— Что? вскричалъ Сигизмундъ и, поблѣднѣвъ, поставилъ бокаль на столъ.

— Да, да! я тебѣ говорю, что она графиня, и пригомъ изъ весьма знаменитаго дому. Не могу только вспомнить фамиліи....

— Какъ же она вступила въ такой мезаморбозъ? спросилъ Сигизмундъ язвительно, взявъ другой бокаль.

— Неравный брак? возразилъ Гогенбергъ съ удивленіемъ: ну, признаюсь! строго же ты разграничиваешь слова, когда изъяснишь, что баронъ фонъ-Бейронъ-Кемпсскій съ гербовна намоуъ было не было графинь!

— А кто же этотъ баронъ фонъ-Бейронъ-Кемпсскій?

— Дядя, мой генералъ, отецъ Тоски Бейронъ! отвѣчалъ радомъ Гогенбергъ и Фридрихъ.

— А! такъ она баронесса фонъ-Бейронъ! протозеркаль Сигизмундъ медленню, въ раздумьѣ.

— Какъ же! можетъ смѣять прїѣзды ко двору, наравнѣ со вѣликою вѣстною дамой; насчитываетъ съ матерней и съ вѣдовской стороны до тридцати двухъ высшородныхъ предковъ.

— Чортъ пѣвери всѣхъ предковъ! вскричалъ Сигизмундъ и, раздробивъ бокаль, бросилъ черепки объ полъ.

Графинеръ вежечилъ.

— Полноте вздорить, ласково сказалъ Фридрихъ усаживая его: будь у Тоски шестьдесятъ четыре предка или не будь у нея ни одного, все-таки она царь-дѣвица, красавица, милованная вѣструшка, шивовничекъ, — какъ мы имѣли честь призвать ее за красоту и колкость, за привлекательность и восхитительные капризы. Однимъ словомъ, она красавица: это главное. Красотою она всѣхъ очаровываетъ, а это важной дѣвушкѣ дороже неслѣвшихъ предковъ.

— Да; но ей не все-равно кого очаровывать, возразилъ Сигизмундъ: графинѣ нуженъ по-крайней-мѣрѣ баронъ. Сиротка баронессу Тоску фонъ-Бейронъ, захочетъ ли она выйти за нѣкого-нибудь доктора юриспруденци или медиканта?

— Я не вижу причинъ, почему бы ей особенно могъ полюбиться врачъ.... развѣ я удостоюсь этого счастья, возразилъ Фридрихъ шуточно: въ такомъ случаѣ оно еще было бы понятно. А чтѣ до юристовъ, такъ примѣръ—ея сестра, профессорша.

Сигизмундъ неистово захохоталъ.

— Любезнѣйшій! вскричалъ онъ: такой непригожей и, кажется, еще немножко горбатой дурочкѣ, безъ сомнѣнія, было некого больше очаровывать кромѣ достопочтеннаго профессора Целлера. Тоска, дѣло друге!

— Ну, да кто жъ станетъ тотчасъ заводить рѣчь о су-

прудствѣ? Съ такимъ шиповничкомъ потанцуеть, поболтаешъ, пошутить; тебѣ наскажутъ милыхъ колкостей и.... если счастье повлечетъ.... пожалуй, подь-часъ сорвешь поцѣлуй....

— О! пусть теперь Тоска Бейронъ даже сама предложить мнѣ поцѣлуй.... я не прійму! съ жаромъ вскричалъ Сигизмундъ.

— Толкуй, толкуй! возразилъ Фридрихъ: вѣтъ, братецъ, поцѣлуй во всякое время вещь очень милая, и говорить объ немъ съ пренебреженіемъ не позволительно,— у кого его ни возьми, у дочери ли Великаго Могола или у дочери университетскаго сторожа.

— Притомъ, Тоска Бейронъ едва-ли захочетъ поцѣловать тебя, замѣтилъ въ то же время Гогенбергъ.

— Да хоть бы она тысячу разъ хотѣла! я, Сигизмундъ Форстеръ, не захочу! Пусть отсохнутъ мои губы, если я этого захочу когда-нибудь....

— И все это потому, что Тоска дочь графини и барона? сказалъ Гогенбергъ съ досадою: я долженъ замѣтить тебѣ, товарищъ, что нахожу это больше нежели страннымъ.

Наутро, изъ-за отвергнутаго заочно поцѣлуя Тоски Бейронъ, Сигизмундъ Форстеръ дрался на эскадронахъ съ задушевнымъ другомъ своимъ Гогенбергомъ, ранилъ его въ руку и самъ получилъ шрамъ во всю щеку.

Тѣмъ же утромъ Тоска Бейронъ сидѣла у окна въ своей комнатѣ и прилежно вышивала, чуть слышно напѣвая про себя мотивъ послѣдняго вальса. Она прислонилась къ спинкѣ стула и, изъ-дали посмотрѣвъ на свою работу, нашла, что китайская роза, только-что вышита, необыкновенно дурно отгѣнена. Чтобы поправить ошибки, Тоска обратилась къ настоящей китайской розѣ, которая цвѣла у нея на окнѣ, опустила голову и въ раздумьѣ любовалась на прекрасный цвѣтокъ. Съ цвѣтка взглядъ ея нечаянно упалъ на улицу. А, можетъ-быть, и не нечаянно. Было половнина одиннадцатаго, а ровно въ половинѣ одиннадцатаго мимо оконъ обыкновенно проходилъ Сигизмундъ Форстеръ, съ портфелемъ подъ-мышкой, на лекцію. Онъ имѣлъ привычку ходить медленно и поглядывать на окна. Тоскѣ никогда не приходило въ голову смотрѣть на молодыхъ

людей, которые очень часто ходили мимо ея оконъ, совсѣмъ не потому, чтобы имъ тутъ было ближе. Она если и видѣла, такъ притворялась, что не видитъ и никогда не отвѣчала на ихъ поклоны. Но Сигизмундъ Форстеръ какъ-то нечаянно попалъ въ исключеніе изъ правила: его замѣчали и даже отвѣчали на поклонъ его, вѣроятно, потому что онъ всегда ходилъ одинъ. Въ первомъ часу, по окончаніи лекціи, онъ опять проходилъ мимо; иной день, случится, пройдетъ и послѣ обѣда раза два. Но тогда уже они не раскланивались, рассуждая, что одинъ разъ въ день учтивость требуетъ поздороваться, а больше ужъ не зачѣмъ, да и не ловко.

Въ это утро Тоска такъ заглядѣлась на цѣвты или на улицу, что совсѣмъ забыла про свою работу. Пробыло одиннадцать, половина двѣнадцатаго.... прохожихъ было много, а поклониться некому. Сигизмундъ Форстеръ не являлся ни до обѣда, ни послѣ обѣда. Прошло нѣсколько дней; онъ не являлся. Что съ нимъ слѣдалось? думала Тоска и терлась во всевозможныхъ и невозможныхъ догадкахъ. Наконецъ! наконецъ она увидѣла его. Онъ идетъ; скоро поровняется съ домогъ; подъ-мышкой портфель; лѣвая щека подвязана чернымъ шелковымъ платкомъ. Тоска такъ обрадовалась, что принуждена была на минуту отодвинуться отъ окна, чтобы не обнаружить всего своего восхищенія. Но эта предосторожность оказалась лишнею: Сигизмундъ Форстеръ прошелъ мимо и даже не взглянулъ, не только не поклонился. Тоска вообразила, что обозналась. Ее смутила черная повязка. Въ первомъ часу студентъ возвращался съ лекціи; Тоска взглядѣлась пристально и убѣдилась, что это точно онъ, Сигизмундъ Форстеръ, несмотря на лишнюю черную полосу на лицѣ. Но онъ опять прошелъ не взглянувъ и не поклонившись. У нея руки опустились отъ изумленія. «Что это значитъ? Неужто онъ оскорбленъ? Чѣмъ же? Вѣрно, какой-нибудь напризъ». Она старалась развлечься; прилежно вышивала, гвѣла, и между дѣломъ не покидала надежды, что на слѣдующемъ балѣ все объяснится и обойдется какъ слѣдуетъ.

На другой день, когда Сигизмундъ шелъ мимо, Тоска такъ склонилась надъ пальцами, что онъ не могъ бы замѣтить ея, если бъ взглянулъ на окно. Потому она бы-

отра видяла голову и... взоры ихъ встрѣтились! Онъ не утерпѣлъ, посмотрѣлъ, но такъ же быстро отворотился.

— Такъ и есть! онъ рассердился. Но, Боже мой! за что же? подумала Тоска.

Сигизмундъ уже не ходилъ мимо оконъ Тоски Фейронъ. Она грустила, а онъ.... еще больше. «Она, перлая, сибирская барышня, какъ и всѣ онѣ,» говорилъ онъ самъ себѣ: «всѣ молодые люди жаждутъ на ея надменное обхожденіе. Я не хочу дожидаться того, чтобы она и со мной общалась такъ же какъ съ другими, и потому не хочу видѣть ея; не стану ходить мимо.... я не утерпѣлъ бы мнѣ невозможно будетъ не взглянуть.... и.... она, пожалуй, всё-таки одурочитъ меня своими чертовски обворожительными глазками. Не видя ея, мнѣ, можетъ быть, удастся взглянуть на другую. Это будетъ лучше; это расфрѣтитъ меня.»

И бѣдный Сигизмундъ принялся испытывать «самодѣйствующій» способъ разсвѣтла, мямлю-тѣмъ какъ Тоска и впрямую ломала голову, стараясь догадаться, что такое заключилось ему, на счастье, бѣда, скорбяція или болѣзнь. Наконецъ она увѣрила себя, что онъ къ предстоящему празднику Рождества уѣхалъ на родину, и успокоилась. Но на предвѣчьи она встрѣтила его на улицѣ съ нѣсколькими другими молодыми людьми. Всѣ знали Тоску; всѣ поклонились. Сигизмундъ тоже поклонился, потому что не хотѣлъ явно оплываться отъ другаякъ. Было холодно; Сигизмундъ смалъ очень блѣдень. Тоска замѣтила эту блѣдность и сказала про себя почти съ радостью: «А! онъ былъ болѣнь!»

Наканунѣ Нового Года въ городѣ кто-то изъ обиха знакомцевъ давалъ балъ. На этомъ балѣ Тоска надѣялась непосредственно встрѣтить Сигизмунда и разсвѣтлить свое недоумѣніе. Сигизмундъ не былъ на балѣ. Онъ измучился передъ лезанкомъ нездоровья. Тоска увидала все и такъ жалѣла о бѣдномъ, что во весь вечеръ была не въ своей тарелкѣ. Но Сигизмундъ балъ здоровъ. Онъ не пошелъ на балъ, потому что не хотѣлъ встрѣчаться съ маю. Передъ товарищами онъ отговорился тѣмъ, что почесать шкуры съ первой минуты Нового Года началъ применять не занимать науками, перестать гулять и кутить, подумать о

будущемъ, ослепеняться. Тѣмъ болѣе, что день Нового Года былъ день его рожденія. Чтобы набраться силы для исполненія всѣхъ этихъ добрыхъ намереній, рѣзъ пригласила къ себѣ двухъ товарищій, которые и безъ того не могли быть на балѣ, и встрѣтила съ ними Новый Годъ за картами и шампанскимъ.

Но Тоска не знала этого. Утромъ она проснулась съ мыслью объ немъ. Ей грустно было, что онъ боленъ и проводить день своего рожденія въ одиночествѣ, и что, быть-можетъ, никто не думаетъ порадовать его чѣмъ-нибудь. Она встала, развернула занавѣси окна и остановилась въоръ на слегка замерзшихъ стеклахъ. Ветарину вѣрнѣе, что въ Новый Годъ по фантастическимъ уверкамъ, какіе морозъ вывелъ на стекла окна, можно развѣдать содержаніе всего будущаго года. «Цвѣты! все цвѣты! Это хорошій знакъ!» прошептала Тоска. Съ ледяныхъ цвѣтовъ вѣоръ ей скользнулъ на дѣйствительное. «Цвѣты такъ милы... особенно въ день рожденія!» подумала она, и поспѣшно сорвала китайскую розу. «Но, и душно; несправдливо будетъ послать ему букетъ?... Да вѣдь онъ не узнаетъ, отъ кого! А вѣдь онъ обрадуется, благодаритъ!... И что и теперь стану дѣлать съ этою розой?... Мамочкѣ отдать? Но мамочка здорова... а онъ боленъ!» Она перрала еще разныхъ цвѣтовъ и зелени, и съ трепещущимъ сердцемъ, дрожащими руками связала красивый букетъ, положила его на столъ, съ минуту еще подумала, потомъ съ любовью позволивъ, отправила торничную съ надлежащими наставленіями, какъ сохранивъ тайну.

Сигизмундъ получилъ букетъ черезъ какого-то мальчишкѣ и изумился. Онъ сперва разсмотрѣлъ; нѣтъ ли какихъ-то сочинъ, которая бы объяснила, откуда подарокъ; потомъ онъ не знакома ли лѣнта, но ничего не открылъ. Онъ глѣдѣлъ на цвѣты такъ внимательно, какъ-будто бы они могли сказать ему имя той, которая ихъ послала. И въ самомъ дѣлѣ, когда онъ останавливалъ вѣоръ на китайской розѣ, въ умѣ его какъ молнія сверкнула мысль: Тоска Бейронъ. Проходя мимо оконъ, онъ слышнѣе часто видѣвалъ эту розу; она была ему знакома. «Что! вѣрнѣе онъ! такъ букетъ отъ нея! отъ нея! гордой, надменной барышни!» Тоска Бейронъ, я сказалъ, что не хочу твоего поцѣлуя....

и цвѣтовъ твоихъ мнѣ не надо.... я тебя не люблю.... я тебя терпѣть не могу, потому что у тебя бѣлокурые волосы и голубые глаза, а не черные.... потому что ты гордая, знатная дурочка!» Онъ разорвалъ букетъ, бросилъ прелюбимыя, съ такою нѣжностью взлелѣяныя Тоскою цвѣты на столъ и сталъ обдумывать, какъ бы показать ей, что онъ презираетъ ея подарокъ. Нѣсколько товарищей прервали эту думу.

— Смотрите-ка! вскричалъ одинъ изъ нихъ: Сигизмундъ весь въ цвѣтахъ, словно богъ весны!

— Какая же это Флора такъ осыпала тебя своими дарами? воскликнулъ другой.

— Да, да! женщины вездѣ предупреждаютъ насъ своею внимательностью, замѣтилъ третій: едва разсвѣло, мы у тебя.... но женщина уже успѣла раньше принести тебѣ поздравленіе и, конечно, весьма многозначущее, не правда ли?

— Ну, сказывай же, кто эта Флора?.... Пожалуйста, не скрывать, Сигизмундъ!.... Полно тебѣ скромничать! кричали они на-перерывъ.

— Я ничего не могу сказать, потому что ничего не знаю, отвѣчалъ Сигизмундъ.

— А! вздоръ! Кто этому повѣритъ!

— Скромность драгоценное свойство.... передъ женщинами, но передъ друзьями....

— Да говорятъ вамъ, я ничего не знаю! возразилъ Сигизмундъ еще рѣшительнѣе: право, ничего не знаю.

Сигизмундъ былъ пылокъ и страстенъ какъ юноша, дерзокъ какъ мальчикъ, но не безсовѣстенъ.... чуть-чуть я ей сказала—какъ мужчина! Ни подъ какимъ видомъ онъ не называлъ бы и не подалъ бы повода отгадать имя, ни Тоски, ни какой бы то ни было другой невинной дѣвушки.

— Но странно! отчего же ты, при такой непомерной скромности, такъ дурно обращаешься съ этимъ «сокроищемъ любви».... Вишь, какъ разбросалъ по столу! сказалъ одинъ изъ студентовъ и, собравъ цвѣты, воткнулъ ихъ въ фарфоровую вазу, въ которой торчали сложенные бумажки для закуриванія трубокъ.

Бѣдная Тоска! вотъ какое мѣсто ея цвѣтамъ дала чужая, равнодушная рука!

— Они не имѣютъ для меня цѣны, потому что я не знаю, откуда они, сказалъ Сигизмундъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Божусы!

— Такъ, стало-быть, мы можемъ, подѣлиться? замѣтилъ другой, какъ-будто желая испытать Сигизмунда.

— Пожалуй, отвѣчалъ тотъ: мы раздѣлимъ ихъ; я возьму розу.

Бѣдная, бѣдная Тоска! Въ-мигъ цвѣты были схвачены, разрознены и воткнуты въ петлицы молодыхъ повѣсь, вовсе ей незнакомыхъ. Потомъ заговорили о другомъ.

Около обѣда Сигизмундъ отправился со двора и прошелъ мимо оконъ Тоски Бейронъ, съ розою въ петлицѣ. Тоска, по обыкновенію, сидѣла за пальцами, между-тѣмъ какъ мать ея принимала визиты: Тоска думала только о судьбѣ своихъ цвѣтовъ, о Сигизмундѣ, и вотъ онъ идетъ! вотъ и роза. Глаза ея просіяли, яркій румянецъ покрылъ щеки. Онъ носитъ цвѣтокъ: стало-быть, онъ радъ ему. Онъ не смотритъ вверхъ: стало-быть, онъ не подозрѣваетъ, откуда подарокъ, или, если подозрѣваетъ, не хочетъ поставить ее въ затруднительное положеніе. Она въ душѣ была ему чрезвычайно благодарна за то, что онъ не поклонился. Сигизмундъ очей хорошо замѣтилъ Тоску; онъ скорыми шагами прошелъ мимо, навстрѣчу молоденькой женщинѣ, своей хозяйкѣ, женѣ переплетчика, съ которою всегда былъ очень вѣжливъ, шутливъ и любезенъ. Онъ воротился съ нею, поздравилъ ее съ праздникомъ и предложилъ цвѣтокъ, сказавъ, что не имѣетъ ничего лучшаго, что бы могъ подарить ей. Она очень охотно приняла. Тоска всё-еще сидѣла въ прежнемъ положеніи, продолжая въ тайной радости своей смотрѣть на улицу. Вдругъ она вздрогнула: Сигизмундъ возвращался и съ нимъ молодая женщина, съ ея цвѣткомъ въ рукѣ. Они очень весело разговариваютъ, смѣются. Тоска поблѣднѣла. «Онъ знаетъ все и презираетъ меня!» подумала она и поспѣшно ушла въ свою комнату, упала на колѣни и горько заплакала. Сигизмундъ нѣсколько дней не выходилъ изъ своей квартиры и никого къ себѣ не пускалъ.

Очевидно, что онъ страдалъ. Откуда же такая несообразность поступковъ съ чувствами? Неужто безъ причины,

Безъ основанія? Нѣтъ, тутъ была причина, было основаніе. Къ разрыву Сигизмунда побудило неодолимое отвращеніе къ знатности рода Тоски, отвращеніе, которое зашло ему въ душу еще въ дѣтствѣ. Онъ былъ мальчикъ довольно избалованный, немножко тщеславный и чрезвычайно властолюбивый: онъ повелѣвалъ своими братьями и сестрами безусловно и первенствовалъ во всѣхъ играхъ съ товарищами; даже родителей умѣлъ заставлять подчиняться своимъ прихотямъ. Ему было лѣтъ семь или осемь, когда его самолюбію былъ нанесенъ первый жестокий ударъ, когда онъ испыталъ первое уничтоженіе. И этотъ ударъ нанесла ему маленькая, осьмилѣтняя дѣвочка, Антонія, дочь графа, жившаго по соседству и водившаго знакомство съ семействомъ Фарстеровъ. Дѣти обоихъ семействъ почти постоянно проводили время вмѣстѣ, особенно дѣтствомъ. Сигизмундъ и Антонія были дружнѣе всѣхъ, вѣроятно потому, что и Антонія также между своими сестрами и братьями была первая. Однажды они играли въ садъ вмѣстѣ со всѣми другими дѣтьми; затѣяли гоняться, ловить другъ друга. Сигизмундъ догналъ Антонію и какъ-то неосторожно схватилъ ее за развѣвавшіеся локоны. Она вскрикнула. Сигизмундъ испугался и съ отчаяніемъ молилъ прощенія; цѣловалъ локоны, чтобы утишить боль, но напрасно: Антонія была оскорблена и гордо ушла. Игра разстроилась. Сигизмундъ былъ во весь день печаленъ, мраченъ и уже рѣшился-было никогда не приходить въ садъ вмѣстѣ съ другими, чтобы не попадаться на глаза Антоніи. Но когда Антонія на другое утро, нечаянно встрѣтившись, первая привѣтствовала его съ милымъ улыбкой, онъ все забылъ и былъ опять счастливъ. Онъ любилъ Антонію. Черезъ нѣсколько дней потомъ родители Антоніи давали дѣтскій балъ. Маленькихъ гостей было много. Танцовали. Антонія была царицею этого бала и по чину хозяйки и по красотѣ. Сигизмундъ подошелъ просить ее на первый вальсъ; вслѣдъ за нимъ подошелъ другой мальчикъ, некрасивый, слабый, занка, на котораго Сигизмундъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ, а Антонія отказала Сигизмунду и пошла съ занкой. Одна изъ подружекъ стала утѣшать ее въ несправедливости къ Сигизмунду и хотѣла, чтобы Антонія перемѣнила выборъ. «Нѣтъ, нѣтъ! возрѣ-

зла, та рѣшительно: онъ можетъ послѣ прійти; онъ не графъ!» Если бы она сказала: онъ не такъ хорошгъ собою или тотъ мнѣ лучше правится, Сигизмундъ простилъ бы ей, можетъ-быть, и самолюбіе утѣшило бы его, потому что онъ все-таки чувствовалъ бы свое превосходство. Но это ужасное слово уязвило его тѣмъ глубже, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не былъ графомъ и не зналъ, что вмѣсто этого титула положить на вѣсы и чѣмъ замѣнить такой недостатокъ. Онъ чувствовалъ себя невыразимо униженнымъ и оскорбился тѣмъ болѣе, что любилъ, даже обожалъ Антонію. Съ этой минуты онъ возненавидѣлъ ее и всѣхъ графинь, всѣхъ знатныхъ, особенно женщинъ. За Антонію онъ возненавидѣлъ и Тоску. Но на этотъ разъ переходъ отъ любви къ ненависти былъ труднѣе.

Скоро въ городѣ разнесся слухъ, что Тоска Бейронъ больна, и что родители везутъ ее въ Швейцарію. Когда она, черезъ годъ, воротилась въ Боннъ, здоровая, цвѣтущая, и еще прелестнѣе прежняго, — Сигизмунда Форстера уже не было.

Прошло десять лѣтъ. Въ Берлинѣ, въ день Нового Года, во второмъ этажѣ серенькаго дома въ улицѣ «Подъ динами», за письменнымъ столомъ сидѣлъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти. Передъ нимъ лежало письмо женской руки. Онъ по временамъ взглядывалъ на него, улыбался и продолжалъ писать. Полуденное солнце весело освѣщало комнату, очень аккуратную и изящную безъ изысканности, но, какъ видно, жилище человека холостаго. Къ дому подъѣхала карета; изъ нея вышла дама, которая потребовала свиданія съ хозяйкою и говорила съ нею нѣсколько времени. Кончилось тѣмъ, что дама сказала съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:

— Ну, такъ я сама поговорю съ нимъ! Потрудитесь доложить ему обо мнѣ.

Хозяйка повела даму вверхъ, постучала въ дверь и отворивъ ее, сказала громко:

— Господинъ совѣтникъ! ея превосходительство, генеральша фонъ-Бейронъ желаетъ поговорить съ вами.

Совѣтникъ встрепенулся, машинально схватилъ и надѣлъ очки, которыя лежали подлѣ него на столѣ, и всталъ.

— Вотъ герръ надворный совѣтникъ Форстеръ, сударыня, сказала хозяйка и вышла.

Тоска Бейронъ и Сигизмундъ Форстеръ стояли лицомъ къ лицу. Онъ узналъ ея съ перваго взгляду. Онъ удивился, что она носитъ имя своей матери, но не сомнѣвался ни минуты, что она замужемъ. Тоска сохранила всю особенность своей физиономіи, свой величественный взглядъ, свою прелестную улыбку и непринужденную, гордую осанку; и черты были тѣ же, только выразительнѣе. Въ великолѣпномъ бархатномъ платьѣ, съ большимъ букетомъ весеннихъ цвѣтовъ въ рукахъ, посреди ярко освѣщенной солнцемъ комнаты она была восхитительна. Она не узнала Форстера. Его очень измѣнили очки и густыя бакенбарды, хотя умное лицо ничего не потеряло, сдѣлавшись изъ свѣжаго и румянаго юношескаго, нѣсколько смуглѣе и мужественно выразительнымъ.

— Чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя, поклонившись сказалъ онъ своимъ звучнымъ, прекраснымъ голосомъ, который съ первой минуты внушалъ довѣріе.

— Меня привела надежда, что вы не откажете мнѣ въ большой, очень большой просьбѣ, сказала она откровенно.

Онъ предложилъ стулъ; она сѣла.

— Однимъ словомъ, продолжала она: я желала бы, чтобы вы уступили мнѣ вашу квартиру и заняли бы вмѣсто этой верхній этажъ, который теперь отдается. Мы только-что воротились изъ путешествія и ищемъ квартиры. По мнѣ все-равно: я могла бы жить и въ четвертомъ этажѣ, и я не забочусь, на сѣверъ ли, на востокъ ли выходить окна: но мой мужъ боленъ, очень боленъ; каждый шагъ ему стоитъ большаго труда;—онъ, по обыкновенной прихотливости больныхъ, непременно хочетъ, чтобы окна были на югъ и утверждаетъ, что именно эта квартира, въ которой мы жили три года тому назадъ, для него самая удобная и даже самая здоровая во всемъ Берлинѣ. Я уже объѣздила весь городъ и нигдѣ не могу найти квартиры съ окнами на югъ и во второмъ этажѣ. Здѣсь въ домѣ, по счастью, есть, да въ третьемъ. Я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать, если.....

— Извольте, сударыня: квартира къ вашимъ услугамъ, перебилъ Сигизмундъ предупредительно.

— О! какъ вы добры! вскричала она съ живостью.

— Мнѣ, такъ же какъ и вамъ, совершенно всё-равно, жить ли во второмъ или въ третьемъ этажѣ, сказалъ онъ спокойно.

— Я очень рада, если вамъ не стоитъ большой жертвы исполненіе прихоти бѣднаго больнаго страдальца. Когда же вы можете перебраться—не торопясь?

— Шалашъ холостяка такъ же легко снимается, какъ и снова разбирается. Я переберусь сегодня же. Вѣроятно, вашему супругу пріятно будетъ по-скорѣе пріютиться.

Тоска встала и сдѣлала движеніе, какъ-будто хотѣла подать ему руку, но опомнилась, прижала обѣ руки къ груди, съ чувствомъ поблагодарила его и вышла. Сигизмундъ проводилъ ее до лѣстницы, потомъ воротился въ комнату и смотрѣлъ, какъ она садилась въ карету. Ему было такъ легко на сердцѣ; онъ радовался, что нашелъ случай поправить свою ребяческую глупость и оскорбленіе, которое нанесъ Тоскѣ въ Боннѣ. «Какъ она прекрасна! думалъ онъ глядя ей вслѣдъ: она совершенно такова, какъ надобно было ожидать. Прелесть, какъ хороша!» Подлѣ стула, на которомъ она сидѣла, лежала бѣлая маргаритка. Сигизмундъ поднялъ ее и положилъ въ свой бумажникъ. Потомъ онъ началъ перебираться. Въ этомъ прошелъ день. Вечеромъ онъ принялся писать. Три страницы были исписаны. На четвертой онъ написалъ:

«Мнѣ помѣшали, милая Агата. По ничего: я надѣюсь вскорѣ пріѣхать на нѣсколько дней къ вамъ, въ Магдебургъ, и тогда мы поболтаемъ, вознаградимъ то, что потеряно въ этомъ письмѣ. Эта новость, конечно, прояснитъ твои милые, ласковые глазки, не правда ли, моя Агата? Да хранитъ Богъ эти глазки, и пусть они на свѣтѣ не видятъ ничего, кромѣ счастья, радости и моей любви. С. Т.»

Болѣе трехъ четвертей страницы остались пустыми. Онъ запечаталъ письмо и самъ отнесъ на почту. Дорогою онъ думалъ о Тоскѣ Бейронъ. Она исчезла съ его горизонта какъ метеоръ. Форстеръ долго, многіе годы думалъ объ ней и тосковалъ. Гдѣ бы ни увидѣлъ онъ, бывало, хорошенькую блондинку, тотчасъ тайный голосъ шепчетъ ему:

«почти такъ же хороша какъ Тоска Бейронъ!» Между-тѣмъ онъ испыталъ много горя. Отецъ его умеръ и оставилъ большую семью безъ состоянія. Настала желѣзная пора заботъ и трудовъ. Семейство смотрѣло на него съ любовью и надеждой. Онъ былъ опорой, утѣшеніемъ и радостью всѣхъ своихъ. Онъ много трудился и постепенно довелъ свои дѣла до цвѣтущаго состоянія. Недавно, въ домѣ сестры, которая была замужемъ за докторомъ, его университетскимъ товарищемъ Фридрихомъ, въ Магдебургѣ, онъ познакомился съ одной дѣвушкою, полюбилъ ее, обручился и свадьба ихъ уже была назначена. Образъ Тоски въ душѣ его сначала поблѣднѣлъ, потомъ исчезъ какъ мертвый въ могилѣ. Шумный потокъ жизни закрываетъ могилы, уноситъ насъ и такъ занимаетъ, что намъ нѣкогда подумать о нашихъ покойникахъ. Но если бы они встали изъ гробовъ въ своей прежней красотѣ, съ прежнимъ могуществомъ, они опять овладѣли бы нами такъ же, какъ владѣли прежде. Схоронить мы можемъ многое, но уничтожить ничего не можемъ. Сигизмундъ, какъ-будто опомнившись, старался отогнать отъ себя эти мысли и думать о будущемъ, но магнитическая сила влекла его въ прошлое. «Агата! къ тебѣ, къ тебѣ!» сказалъ онъ вполголоса и пошелъ скорѣе.

На другой день, утромъ, генералъ Бейронъ переселился въ квартиру Сигизмунда. Двое слугъ подняли его изъ кареты и внесли на лѣстницу. У него была водяная въ груди. Тоска шла слѣдомъ. Ихъ принялъ молодой человѣкъ, который прибылъ нѣсколькими часами раньше съ работниками, носильщиками и мебелью.

— Надѣюсь, дядюшка, сказалъ молодой человѣкъ: что вы будете довольны моими распоряженіями.... даже, можетъ-быть, моя прекрасная тѣтушка скажетъ мнѣ сегодня ласковое слово.

— Добрый Игнатій, благодарю тебя, сказалъ генералъ ласково, подавая ему руку.

— Увидимъ, сказала Тоска и пошла осматривать комнаты.

Черезъ минуту она воротилась съ хохотомъ.

— Нечего сказать, стоитъ похвалить васъ, Игнатій! Во всѣхъ комнатахъ самые страшные недостатки: въ залѣ

нѣтъ ковра, на диванѣ моего мужа нѣтъ подушекъ, у меня въ комнатѣ цвѣтовъ!

— Видите, дядюшка, что я не даромъ жалуясь на взыскательность тѣтушки. Вчера всѣ магазины были заперты, а сегодня, надѣюсь, я въ два часа успѣлъ сбѣгать все, что только можно сбѣгать въ такой короткій срокъ, все, что только подѣ-силу человѣку....

— Полноте, пожадуйста, любезный племянничекъ! возразила Тоска съ улыбкой: вы всегда стараетесь увѣрить меня, что вамъ для угожденія мнѣ нужны сверхъ-человѣческія силы.

— Не правда ли, что она любезна? спросилъ генералъ племянника, также съ улыбкой.

— Ахъ! я невыразимо несчастливъ! вскричалъ Игнатій: я ничего не умѣю сбѣгать тѣтушкѣ въ-угоду. Если бы у меня по-прайкей-мѣрѣ было столько же силъ, сколько доброй волн....

— Съ доброю волею дѣлаютъ только фразы, перебила Тоска смѣясь: лобызайте по-скорѣе подушекъ и ковровъ, а потомъ цвѣтовъ.

— Бѣгу, лечу. Но согласитесь, что больно никогда не видать ни какого поощренія, не слышать никакой похвалы?

Онъ вышелъ.

— Какой чедовѣкъ! сказалъ генералъ: какое золотое сердце по преданности и любви! Право, онъ не нашего свѣта и не нашего вѣку....

— Я тоже тамъ думаю иногда, возразила Тоска съ ироническою улыбкой.

Генералъ посмотрѣлъ на нея вопросительно,

— Да, продолжала она, съ лѣтами мы становимся мнительными. Я становлюсь старше и оттого начинаю подозрѣвать людей. Мнѣ кажется, что Игнатій разыгрываетъ комедію.

— Если это правда, замѣтилъ генералъ: то онъ по-крайней-мѣрѣ избралъ прекрасную и трудную роль.

— О! не трудную! вскричала Тоска.

Она подошла къ мужу, и взяла его исхудавшую руку въ свою нѣжную, мягкія ручья.

— Всѣ-таки, ангелъ мой, сказалъ онъ печально: какую

жизнь ведете вы оба, вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ! Неприятно въ ваши лѣта ухаживать за больнымъ.

— Ему, быть можетъ, но не мнѣ. И что же я дѣлаю для тебя? что я сижу у тебя?... и то ты не всегда позволяешь мнѣ.

— Конечно, нѣтъ! сказалъ онъ съ жаромъ: ты должна выѣзжать, должна искать развлеченія, посѣщать общество, которому ты можешь служить украшеніемъ. Это нужно тебѣ, нужно и мнѣ, потому что человекъ только тогда можетъ легко переносить труды жизни, когда онъ чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ, когда онъ доволенъ собою и другими. А тебѣ жизнь довольно трудна со мною. Стало-быть я долженъ заботиться, чтобы ты не соскучилась. Видишь, какой я эгоистъ?

— Я вижу только, какъ ты добръ! сказала Тоска, нѣжно поцѣловавъ его въ лобъ. И алмазная слеза навернулась на ея густыхъ рѣсницахъ.

— Мнѣ легче видѣть кровь, чѣмъ слезы, сказалъ онъ.

Тоска закрыла глаза и опять открыла. Они сіяли весельемъ. Генералъ ласково кивнулъ головой.

— Скажи, продолжалъ онъ оглянувшись въ комнату: какъ зовутъ жильца, котораго мы такъ жестоко выгнали изъ этой квартиры? Надобно попросить его и поблагодарить по-крайней-мѣрѣ.

— Это какой-то надворный совѣтникъ. Хозяйка сказала мнѣ и имя, да я не разслушала. Я была такъ занята. Я сейчасъ напишу къ нему.

Она написала: «Вы теперь по-неволѣ должны испытать слѣдствія своей удивительной доброты и доставить моему мужу случай высказать вамъ сердечную признательность. Ему больно было бы смотрѣть на вашу обязательность только какъ на милостыню.... и мнѣ то же. *Тоска Байронъ*».

Записка была послана наверхъ. Обратнo пришелъ изустный отвѣтъ, что совѣтникъ долгомъ почтетъ лично засвидѣтельствовать свое почтеніе.

На другой день вечеромъ Сигизмундъ былъ у Байроновъ. Его принимала одна Тоска, потому что генералу нездоровилось; онъ спалъ. Когда слуга доложилъ и когда вслѣдъ за нимъ вошелъ Сигизмундъ, безъ очковъ, Тоска узнала

его и мгновенно покраснѣвъ сказала съ замѣшательствомъ:

— Ахъ! это вы?... Боже мой!

— Да, кажется, мы старые знакомцы, возразилъ онъ: и не сомнѣвался въ этомъ уже въ первую минуту, когда имѣлъ честь увидѣть васъ.

— А я васъ не узнала.... вѣроятно, потому что ваши глаза были за очками какъ картины за стекломъ. Теперь я узнаю васъ очень хорошо. Вы мало измѣнились.

— О, довольно, я думаю. Съ-тѣхъ-поръ какъ мы не видались прошло уже почти пол-жизни.

Они говорили много объ обыкновенныхъ предметахъ, о чужихъ краяхъ, о путешествіяхъ, объ искусствѣ, обществѣ, и такъ далѣе. Тоска много видѣла, много передумала, кое-что чувствовала, но ничего не испытала. Она проскользнула по жизни. Опытности и познанія людей не приобрѣла. Въ этомъ отношеніи она была все-еще дѣвужкой. Надворный совѣтникъ Форстеръ былъ отъ нея почти въ такомъ же восторгѣ, какъ и студентъ Сигизмундъ. Разговоръ ихъ затянулся бы, можетъ-быть, на долго, если бы не пришелъ Игнатій.

— Графъ Адлеркронъ, племянникъ моего мужа, рекомендовала Тоска.

Мужчины принужденно раскланялись. Игнатій произвелъ на Сигизмунда непріятное впечатлѣніе и тотъ на него то же. Графъ тотчасъ же оправился и былъ довольно любезенъ, но Сигизмундъ остался холоднымъ и гордымъ. Онъ скоро ушелъ. Ему не нравилась короткость Игнатія съ Тоской. «Демонъ тьмы подлѣ ангела свѣту!» думалъ онъ глядя на нихъ. Игнатій между-тѣмъ былъ очень хорошъ собою. Черныя какъ смоль густыя кудри облегали высокій лобъ, съ котораго прямо спускался красивый носъ. Глаза лежали глубоко подъ рѣзко очерченными, черными и ровными дугами бровей, и черныя, густыя рѣсницы такъ освѣняли ихъ, что они горѣли какъ-бы подземнымъ огнемъ. Около благообразнаго маленькаго рта постоянно играла сатирическая, коварная улыбка. Въ цѣломъ фізіономіи была больше поразительна, нежели пріятна. Названіе демонъ очень къ нему шло. Сигизмундъ съ перваго свиданія далъ себѣ слово не связываться съ этимъ человекомъ. Онъ ходилъ къ со-

сѣдямъ только когда надѣялся миновать встрѣчи съ Адлеркраномъ и они въ самомъ дѣлѣ рѣдко встрѣчались. Генералъ принималъ Сигизмунда очень ласково и, когда чувствовалъ себя по-лучше, былъ очень разговорчивъ и любезенъ. Но чаще Тоска принимала его одна. Они вспоминали старину; Тоска весело, Сигизмундъ съ чувствомъ; они давно уже помирились. Тоска охотно простила наворному совѣтнику грубость студента, тѣмъ больше, что онъ обнаружилъ искреннее раскаяніе и объяснилъ причину своего почти невольнаго поступка. Онъ разсказалъ ей свое ребяческое приключеніе съ Антоніей, и Тоска была ему очень благодарна за этотъ разсказъ. Она радовалась отъ души, что не она была причиною разрыва, и благодарила Сигизмунда за его жестокій поступокъ еще и потому, что видѣла въ немъ урокъ, который помнила во всю свою жизнь и который предохранялъ ее отъ другихъ безразсудствъ.

Недѣли черезъ три послѣ переѣзда, генералъ захворалъ сильноѣ; Тоска была неотлучно при немъ и Сигизмундъ къ нимъ не ходилъ. Ему притомъ нужно было окончить большую работу, и онъ спѣшилъ, чтобы потомъ съѣздить въ Магдебургъ, къ невѣстѣ.

Однажды ночью, сидя за работою, онъ услышалъ вдругъ необыкновенное движеніе внизу у сосѣдей; раза два оудорожно гремѣлъ звонокъ, потомъ отворились двери, раздавались шаги, голоса. Мысль, что генералъ, быть-можетъ, умираетъ, а Тоска одна, испугала Сигизмунда. Онъ пошелъ провѣдать. Въ залѣ онъ встрѣтилъ Тоску.

— Ахъ, какъ хорошо, что вы здѣсь! сказала она съ радостью: вѣдь вы юристъ. Вы можете составить завѣщаніе, не правда ли?

— Завѣщаніе? повторилъ Сигизмундъ съ прискорбнымъ чувствомъ.

Онъ долго изучалъ людей и довольно хорошо зналъ ихъ. Когда онъ видѣлъ Игнатія, ему почти всегда казалось невѣроятною любовь Тоски къ мужу. Онъ даже подозревалъ, что она ждетъ отъ него только наслѣдства. Когда онъ видѣлъ ее одну, это подозрѣніе опять исчезало. Но въ эту минуту, когда она просила его составить завѣщаніе, онъ былъ убѣжденъ, что видитъ передъ собой ореброленную

лицемѣрку и повторилъ ея слово, сказавъ почти съ презрѣніемъ:

— На это есть нотаріусы. Я ни для кого не составляю завѣщаній.

— И моего вы не хотите составить? спросила она печально, не замѣчая его тона.

— Вашего? вскричалъ онъ съ изумленіемъ: но время ли теперь думать о вашемъ завѣщаніи?

— А вы думали, я говорю о мужниномъ? сказала она, и слезы медленно покатались по прекрасному лицу: о! то давно сдѣлано. Я единственная его наследница. Но по этому-то именно я и хочу теперь сдѣлать свое завѣщаніе или, лучше сказать, дарственную....

— Дарственную? перебилъ Форстеръ, еще больше изумившись.

— Да; я дарю все имѣніе графу Игнатію.

— А! вотъ что! проговорилъ онъ, опять остывши.

— Да, иначе адлеркрановская фамилія заведетъ страшную тяжбу, говоритъ Игнатій, продолжала она со слезами: а вы согласитесь, что я не могу у смертнаго одра и надъ могилою мужа тягаться изъ-за имѣнія съ его родными.

— И поэтому вы хотите все отдать графу? спросилъ Сигизмундъ въ крайнемъ изумленіи.

— Да, отвѣчала она: тогда онъ все устроитъ. Онъ это понимаетъ, а я—нѣтъ.

— Потому-то вы и не должны.... простите рѣзкое выраженіе.... поэтому-то вы и не должны поступать такъ безразсудно! возразилъ Сигизмундъ съ живостью: вѣдь вы совершенно отдаетесь въ руки графу Адлеркрану!

— Да; но вѣдь кто-нибудь долженъ же заниматься моими дѣлами. Почему же не поручить графу, когда ему извѣстны всѣ отношенія и обстоятельства?

— Я не сомнѣваюсь въ преданности къ вамъ графа Адлеркрана, ни въ его познаніяхъ. Но довольно ли онъ самостоятеленъ, чтобы не предпочесть чьи-нибудь.... я не говорю—свои собственныя.... выгоды вашимъ выгодамъ?

— Онъ не имѣетъ ни какого состоянія, сказала Тоска задумчиво: и у него притомъ мать и одиннадцать братьевъ и сестеръ.

— Заклинаю васъ, сказалъ Сигизмундъ торжественно: не торопитесь въ этомъ дѣлѣ! не довѣряйтесь ни кому такъ слѣпо; спросите напередъ людей, которые понимаютъ эти дѣла и которые могутъ судить безпристрастно....

— Я никого не знаю, кромѣ васъ, прервала она.

— Ну, такъ дайте мнѣ слово не предпринимать покуда ничего и не поддаваться ни какому принужденію безъ моего вѣдома.

— Хорошо; я послѣдую вашему совѣту. Благодарю васъ.

Тутъ вышелъ докторъ. Она бросилась къ нему и осыпала его вопросами. Докторъ успокоилъ ее, сказавъ, что припадокъ прошелъ и опасность миновала.

— Слава Богу! сказала Тоска и поспѣшила къ мужу.

Сигизмундъ пошелъ въ свою комнату, опустился въ кресла и склонилъ голову на руку. «Но вѣдь ее разорять, думалъ онъ, если она въ припадкѣ безразсуднаго великодушія едѣласть такую глупость! Этотъ человѣкъ... у котораго одиннадцать братьевъ и сестеръ и нѣтъ состоянія... который, очевидно, побуждастъ ее къ этому... на него положиться!... О! меня онъ не проведетъ своими сладкими словами и вѣчною улыбкой. Я хорошо вижу, что кроется въ его сверкающихъ зеленоватыхъ глазахъ!» Онъ рѣшился предостеречь Тоску и наблюдать за Адлеркромомъ. Ему казалось, что онъ можетъ этимъ предупредить большое зло, разрушить тайные ковы, которыми хотятъ опутать неопытную женщину. Онъ въ душѣ просилъ прощенья у Тоски за свое подозрѣніе и радовался, что ея прекрасное сердце вполне соответствуетъ прекрасной наружности. Онъ былъ такъ доволенъ, какъ-будто бы нечаянно нашелъ потерянное сокровище. Свѣтъ дотога погруженъ въ эгоизмъ, что ничто такъ не трогаетъ насъ, какъ безкорыстіе, — если только оно насъ трогаетъ: многіе, напротивъ, смотрятъ на эгоизмъ какъ на оборонительное оружіе противъ обмана, а на того кто пренебрегаетъ имъ, какъ на престофилю.

Когда генералъ Бейронъ, черезъ десять лѣтъ по смерти первой его жены, женился на своей семнадцати-лѣтней кузинѣ Тоскѣ Бейронъ, онъ нанесъ этимъ смертельный ударъ надеждамъ своей сестрицы графини Адлеркромъ, которая смотрѣла на его значительное имѣніе какъ на

законное достояніе двѣнадцати дѣтей своихъ. Она такъ была взбѣшена, что осыпала брата упреками, какъ за преступленіе, и надѣлала ему множество неприятностей, такъ, что они рѣшительно поссорились и перестали видѣться. Несмотря на это, генераль однако жъ продолжалъ давать ей по-прежнему опредѣленную сумму на вспоможеніе, и графиня брала эти деньги, потому что безъ нихъ не могла обойтись, но платила брату и особенно его женѣ тайною злобой и ненавистью за благодѣянія. Прошло семь лѣтъ. Для супруговъ они были счастливы. Недостатокъ дѣтей не помѣшалъ ихъ согласію. Генераль любилъ въ Тоскѣ жену, которую имѣлъ, и дитя, котораго у него не было. Однажды, на маневрахъ, онъ сильно простудился и получилъ болѣзнь, отъ которой уже не могъ избавиться, вышелъ въ отставку, и поѣхалъ искать облегченія на водахъ. Въ душѣ графини Адлеркронъ сверкнула адская радость и вмѣстѣ адскій испугъ, когда она узнала о болѣзни брата. Съ одной стороны, если генераль умретъ и оставитъ жену безъ дѣтей, то опять являлась возможность тяжбою, хитростью, ласкательствами, — какими бы то ни было средствами, — воротить имѣніе фамиліи Адлеркроновъ; съ другой, она рассуждала такъ: «у брата нѣтъ дѣтей; противъ вдовы его можно будетъ попытать интригу, но противъ матери его дѣтей нельзя! Что, если Тоска знаетъ это? Таковую бѣду надобно предупредить, во что бы то ни стало». Графиня не знала Тоски: она считала ея способною къ низкому образу мыслей и къ неблагородному поступку.

Игнатію, старшему сыну графини Адлеркронъ, было тогда двадцать три года. Графиня дала своимъ дѣтямъ отличное свѣтское воспитаніе и въ нравственномъ отношеніи внушила одно только общее главное правило: имя Адлеркроновъ даетъ право на всевозможныя притязанія и для поддержанія его достоинства вамъ нужнѣ всего блескъ положенія въ свѣтѣ, блескъ знатности и богатства. На основаніи этого правила она и дочерей выдала замужъ. Она была хитрая интригантка; дочери были красавицы. Лишь-только одна подростеть, мать тотчасъ устроитъ *приличную* партію. Старшая была выдана за челоуѣка до крайности слабоумнаго, за совершеннаго уроду, но графа и съ огромнымъ имѣніемъ; вторая за негодяя, игрока и мо-

та, котораго древняя графская фамилія, родственная нѣкоторымъ владѣтельнымъ домамъ, служила матери ручательствомъ за счастье пятнадцати-лѣтней дочери; третья за дряхлаго шестидесяти-лѣтнаго старика, у котораго громкій титулъ и множество орденовъ должны были замѣнить молодость, состояніе, умъ и любезность. Четвертая не только составила партію, но дѣйствительно вышла за хорошаго мужа, который былъ и графъ и притомъ порядочный и богатый человекъ. Графиня Адлеркронъ торжествовала. Но у нея оставались еще двѣ дочери и, увы! столько же безобразныя, какъ первыя были хороши. За нихъ она трепетала и за шестерыхъ своихъ сыновей, болѣею частію еще малолѣтнихъ. Она старалась убѣдить себя, что поступить несправедливо въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, если не доставить имъ имѣнія генерала Бейрона, какою бы то ни было цѣною. Игнатій былъ ея любимцемъ. Въ немъ она видѣла свои правила въ полномъ цвѣтѣ. Дочери могли принять ихъ и слѣдовать имъ только страдательно. Но сынъ, красавецъ, ловкій, умный, могъ дѣйствовать гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе. Мать должна уже дойти до самой крайней, даже рѣдкой степени испорченности, чтобы на-прямки присоветовать дѣтямъ подлость. Этого графиня Адлеркронъ не сдѣлала. Но она воспитала своихъ дѣтей въ томъ чувствѣ, что дядя своею вторичною женитьбой причинилъ имъ ужаснѣйшее зло и несправедливость и что жена его хитрая кокетка и интригантка, которая пользуется его слабостью, чтобы самой обогатиться и сдѣлать ихъ всѣхъ несчастными. Она представила сыну, что теперь настала пора сопротивляться влиянію этой коварной женщины, и что все, что онъ сдѣлаетъ содѣйствуя этому, будетъ благодарностію семейству. Она убѣдила его, что ему непременно надобно найти доступъ въ домъ генерала, потомъ приобрести тамъ силу, влияние и употребить это влияние на то, чтобы нѣсколько умѣрить неслыханныя притязанія молодой тѣтки. Игнатій понялъ намѣрки. Онъ самъ жаждалъ выйти изъ своего ограниченнаго состоянія и занять такое, которое бы соотвѣтствовало его гордымъ замысламъ и высокоумію. Онъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ генералъ тогда лечился. Робко вступилъ онъ въ домъ его; робко обратился къ

Тоскѣ съ просьбою замолвить за него слово у дяди. Женщины любятъ протезировать, думалъ онъ. Но Тоска не думала протезировать, да и не нужно было. Генераль-приндлъ племянника съ отверстыми объятіями. Онъ не заключалъ по матери о сылѣ. Напротивъ, ему очень понравилось, что Игнатій явился именно теперь, когда дядя боленъ, въ отставкѣ, и, слѣдовательно, не могъ открыть ему никакой дороги. Игнатій умѣлъ сдѣлаться дядѣ сначала пріятнымъ, потомъ полезнымъ и, наконецъ, необходимымъ. Генераль обращался съ нимъ какъ съ сыномъ и поручилъ ему всѣ свои денежные и хозяйственные дѣла, распоряженія по путешествіямъ, — дѣла, о которыхъ Тоска не имѣла понятія и которыя генераль дотогѣ справлялъ самъ, не желая обременять молодой своей жены. Около Тоски Игнатій ухаживалъ усердно: онъ хотѣлъ добиться, чтобы она полюбила его, не потому что онъ любилъ ее или хотѣлъ обладать ею, но для того чтобы властвовать надъ нею. Власть ему удалось пріобрѣсть; любви нѣтъ. Они были очень коротки между собою, видѣлись каждый часъ, вмѣстѣ жили, вмѣстѣ путешествовали. Онъ всегда игралъ роль пламеннаго обожателя и мало-по-малу успѣлъ увѣрить ее, что обслуживаетъ генералу единственно для нея. Она благодарила, но не полюбила его. Игнатій обнаруживалъ признаки меланхоли, унынія, даже отчаянія, все, что считалъ нужнымъ для произведенія эффектовъ. Тоска улыбалась, или утѣшала, или насмѣшкой прогоняла припадки. Онъ притворился даже, будто находился въ разладѣ съ матерью за то, что та по смерти генерала намѣрена завести тѣлбу съ его вдовою. Тоска спрашивала его, нельзя ли этотъ процессъ предупредить мировою или раздѣломъ имѣнія и онъ съ чрезвычайною осторожностью, по-немногу, умѣлъ внушить ей, что если онъ хотя по названію только будетъ владѣльцемъ имѣнія, то мать, конечно, не станетъ тѣлаться съ сыномъ, котораго она такъ любила, и что Тоска можетъ быть увѣрена, что онъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ сумѣетъ отстоять ее, охранить ее пользы, потому что, какъ она сама давно видитъ, онъ нисколько не думаетъ о себѣ и помышляетъ единственно о ея счастіи и спокойствіи.

Вотъ какъ онъ помышлялъ объ этомъ: «Только бы

мѣй прибрать имѣніе къ рукамъ! Тогда я ей дамъ прилич-
ный пансіонъ, а самъ, съ моимъ именемъ и съ этимъ
состояніемъ составляю блестящую и богатую партію».

Отъ припадка генералъ къ вечеру другаго дня опра-
вился почти совсѣмъ. Сигизмундъ давно кончилъ работу,
послѣ которой намѣренъ былъ ѣхать въ Магдебургъ, но
не ѣхалъ: припадокъ генерала удержалъ его. Увидѣвъ,
что Тоска имѣетъ нужду въ добросовѣстномъ и предан-
номъ человѣкѣ, который бы помогъ ей устроить дѣла,
онъ сталъ посѣщать своихъ сосѣдей почти ежедневно и не-
волью сблизился съ Тоскою, провожалъ ее на прогулкахъ,
въ театръ и въ концерты, но никогда не заводилъ рѣчи о
дѣлахъ, ограничиваясь только наблюденіемъ, а Тоска со-
вершенно объ нихъ забыла. Недѣли черезъ четыре гене-
ралу приключился второй припадокъ, сильнѣе и продол-
жительнѣе прежняго, и это заставило Сигизмунда со-
всѣмъ отложить на-время свою поѣздку. Наблюденія и изу-
ченіе характера Игнатія подтвердили и усилили опасенія
Сигизмунда за Тоску. Онъ считалъ долгомъ предохранить
ее отъ несчастія, и потому не могъ оставить въ ту рѣ-
шительную минуту, когда ея мужъ очевидно боролся уже
со смертію. Мысль о положеніи Тоски, а можетъ-быть и
объ ней самой, втеченіи всего этого времени такъ занима-
ла Сигизмунда, что онъ рѣдко вспоминалъ о своей Агатѣ,
писалъ къ ней еще рѣже и то очень коротко и какъ-то
сухо, отрывисто, не такъ какъ прежде. Вообще мысль о
невѣстѣ тяжелымъ камнемъ ложила на сердце. Впро-
долженіи двухъ мѣсяцевъ такъ много измѣнилось въ его
душѣ, онъ такъ далеко ушелъ отъ прежней дороги, что
уже не зналъ, куда идти и зачѣмъ. Онъ чувствовалъ
себя виноватымъ передъ Агатой, но не смѣлъ загла-
дить вину и оправдывался передъ самимъ собою тѣмъ,
что ѣхать ему нельзя, потому что его держитъ данное
слово. Но Агатѣ онъ объ этомъ ничего не говорилъ: ска-
зать правды не хотѣлъ, а лгать совѣстился. Почему онъ
не писалъ къ ней такъ, какъ прежде, это онъ и самъ се-
бѣ боялся объяснить. И оно бы, можетъ-быть, осталось
необъясненнымъ, если бы за это не взялась сама Агата:
она открыла Сигизмунду, что онъ любитъ Тоску Бейронъ,
хотя вовсе не знала о существованіи такой женщины и

вовсе не подозрѣвала его въ положительной измѣнѣ. Но она начала упрекать жениха въ холодности; она жаловалась на короткія и сухія письма и спрашивала о причинѣ. Такое письмо съ упреками Сигизмундъ получилъ на другой день послѣ втораго прищадка съ генераломъ. Тутъ-то въ умъ его впервые родилась опредѣленная мысль: «Что, если Тоска овдовѣетъ?...» И.... и такъ далѣе. Сигизмундъ крѣпко призадумался. «Но.... измѣнить обрученной невестѣ.... вѣдь это безчестно!» вскричалъ онъ вдругъ, и снова погружился въ думу. Онъ не зналъ, будетъ ли, можетъ ли любить его Тоска; онъ не вѣрилъ этому, не смѣлъ надѣяться; но онъ.... онъ любилъ ее! Голова кружилась у него при мысли о женитьбѣ на другой: онъ чувствовалъ, что кромѣ собственнаго его отчаянія изъ этого родится еще и величайшее зло для Агаты, если она потомъ въ бракъ, узнаетъ его настоящія чувства. Онъ ужаснулся. «Нѣтъ, нѣтъ! до этого я не доведу! сказалъ онъ рѣшительно: мнѣ невозможно жениться на ней: я погубилъ бы себя и ее. Я умру за нее, если она захочетъ, но жениться.... не могу!» Онъ схватилъ перо и написалъ.

«Агата! ты, вѣрно, уже предчувствуешь, что я скажу въ отвѣтъ на твои справедливыя упреки. Да, вы уже знаете, Агата, вы должны знать: по всѣмъ вашимъ словамъ видно, что вы предчувствуете, что я скажу. Простите мнѣ! Но.... лучше отнять все сердце, чѣмъ половину. Жизнь иногда приводитъ насъ къ изумительнымъ точкамъ, съ которыхъ мы видимъ вещи совершенно въ иномъ свѣтѣ и въ другомъ порядкѣ. Это случилось и со мной, и вы замѣтили это. Я признаюсь, потому что не могу и не хочу лгать, и потому что желаю, чтобы вы повѣрили мнѣ, когда я скажу, что разрушаю свое настоящее, не имѣя ни какой надежды въ будущемъ. Я отказываюсь отъ мирнаго счастья, которое вы мнѣ обѣщали, и не получаю даже мечты объ иномъ счастьи. Но долженъ отказаться отъ васъ, чтобы не сдѣлать васъ несчастною. Больше ничего не могу вамъ сказать. Простите! *Сигизмундъ Форстеръ*».

Но этого письма онъ не послалъ: оно всё-таки казалось ему слишкомъ сильнымъ и неожиданнымъ ударомъ для бѣдной Агаты. Онъ написалъ другое, въ которомъ ста-

рался неподоволь приготовить ее. Черезъ два дня онъ самъ получилъ письмо отъ матери Агаты.

«Любезный другъ, Ферстеръ, писала она: такъ какъ я не знаю, что такое важно у васъ съ Агатою и не могу отъ нея добиться толку, то пишу вамъ только то, что она поручила мнѣ. Она проситъ, чтобы вы недѣль три или четыре ничего не писали ей и не принимали бы. Для чего и почему, этого я ни какъ не понимаю. Вы знаете, что я вашихъ писемъ не читаю. Агата прочитываетъ мнѣ иногда тѣ мѣста, которыя могутъ быть любопытны для меня, но нынче я давно уже ничего не слышала, стало-быть вы лучше знаете, въ чемъ тутъ дѣло. Ваша, и прочая.

Сигизмундъ чрезвычайно обрадовался этому письму. Ему, правда, жаль было не отправлять своего письма, которое бы разомъ все кончилось между нимъ и Агатою, но мысль, что она, быть-можетъ, сама помышляла уже о возможности разлуки, ошастлививла его. Чѣмъ легче, чѣмъ менѣе мучительно будетъ разрывъ для Агаты, тѣмъ приличнѣе ему. И все тщеславіе и вся себялюбивая жестокость, столь могучія въ мужчинѣ, совершенно исчезли передъ усладительнымъ чувствомъ возможности освободиться безъ насилія.

Черезъ недѣлю генераль умеръ. Во все время его страданій Тоска была неотлучно при немъ и страдала не меньше его. Потомъ она казалась важною и спокойною и была столь же далека отъ отчаянія, какъ и отъ равнодушія. Въ послѣднія минуты у умирающаго вспыхнулъ слабый свѣтъ сознанія; онъ высказалъ женѣ слова дружественности и любви, которыхъ она вполнѣ заслуживала, и она слушала его съ умиленіемъ. Его похоронили.

По окончаніи всѣхъ обрядовъ, Тоска велѣла позвать Игнатія и сказала ему, что хочетъ провести первыя шесть недѣль траура въ Берлинѣ, потомъ ѣхать въ Триръ, гдѣ хранится завѣщаніе генерала. Между-тѣмъ она хотѣла поговорить съ юристами о томъ, какъ лучше устроить дѣла по наследству. Она не забыла, что совѣтовалъ ей Сигизмундъ.

Тоска казалась совершенно самостоятельною; она какъ-будто чувствовала, что на будущее время должна сама се-

бѣ заботиться, и говорила такъ ясно, такъ опредѣленно, что надежды Игнатія разлетались дымомъ. Онъ зналъ очень хорошо, что никакой юристъ въ свѣтѣ не посоветуетъ ей совершить дарственную записи, которая одна могла бы сдѣлать его обладателемъ всего имѣнія. Потомъ онъ далъ бы матери, сестрамъ и самой Тоскѣ часть доходовъ, прочее осталось бы ему и съ такимъ состояніемъ онъ могъ бы сдѣлать блестящую партію. Если же дѣло дойдетъ до законнаго раздѣла, если даже Тоска сама уступитъ хоть половину имѣнія, все это достанется его матери, а у него будетъ только то, что придется по раздѣлу съ сестрами и братьями. Жалкая доля! И онъ подумалъ: коли такъ, то все ужъ лучше жениться на Тоскѣ, и радовался, что уже давно закидывалъ на случай слова, которыя могли служить доказательствомъ глубокой, тайной страсти. Но вдругъ по этой выкладкѣ скользянула мокрая губка. Это была мысль о Сигизмундѣ Форстерѣ.

— Тоска! вскричалъ онъ съ чрезвычайною живостью: зачѣмъ вы говорите мнѣ объ имѣніи и деньгахъ? Развѣ у васъ нѣтъ другихъ словъ для меня?

— Ваша будущность очень близка моему сердцу, добрый Игнатій, отвѣчала она, потому что вы раздѣляли со мной такое прошлое. Я желала бы обезпечить и обезпечить вашу будущность. Притомъ мы и прежде говорили объ этомъ ... даже наканунѣ смерти моего мужа. Какъ же это можетъ оскорблять васъ теперь?

— Не оскорбляетъ, но глубоко печалитъ меня, что вы не хотите понять моихъ чувствъ.... Простите! воскликнулъ онъ, когда Тоска посмотрѣла на него строго и съ укоромъ: простите! я молчу.... теперь! Но, продолжалъ онъ въ обыкновенномъ своемъ тонѣ: зачѣмъ же вы хотите оставаться здѣсь шесть недѣль? У васъ здѣсь нѣтъ никого близкихъ, а тамъ, на Рейнѣ, ваши друзья приложатъ всѣ старанія, чтобы разсѣять васъ.

— Къ чему это? Разсѣяніе и безъ того приходитъ довольно скоро.

— Теперь, весною, пріятно было бы путешествовать.

— А еще пріятнѣе остаться здѣсь. Я не хочу безъ нуж-

ды, въ своемъ траурѣ, шататься по гостиницамъ болшихъ дорогъ.

Игнатій внутренно бѣсился. Въ немъ разлилась горкая, страшная ненависть къ Сигизмунду. Онъ давно замѣтилъ расположеніе своей прекрасной тѣтушки къ собрату и ясно видѣлъ, что теперь ее удерживаетъ онъ, а не трауръ, и что она дѣйствуетъ подъ его вліяніемъ.

«Но развѣ нѣтъ никакого средства избавиться отъ него? подумалъ Игнатій». Онъ не старался противорѣчить Тѣскѣ; онъ зналъ, что ничто такъ крѣпко не привлекаетъ людей къ ихъ мнѣніямъ, какъ противорѣчіе.

Когда Игнатій ушелъ, Тѣска велѣла просить Сигизмунда. Онъ въ ту же минуту явился. Форстеръ былъ очень блѣденъ и важенъ. Легкая дрожь пробѣжала по членамъ Тѣски; она сѣла. Сигизмундъ подошелъ, опустился на колѣно и подаль ей руку. Тѣска положила на нее свою руку; онъ принялъ ее на секунду, потомъ тихо опустился, поднялся и сѣлъ напротивъ. Все это сдѣлалось медленно, почти торжественно; ни онъ, ни она не сказали ни слова. Они только разъ взглянули другъ другу въ глаза. Потомъ онъ сказалъ твердымъ голосомъ: — Если вы въ какомъ бы то ни было обстоятельствѣ имѣете нужду въ преданномъ человѣкѣ, то располагайте мною.

Тѣскѣ было очень отрадно, что ему не вдумалось упрекать ее и что онъ выражалъ свое участіе не словами, а дѣломъ. Она говорила о благодарности, которою обязана Игнатію, и о своемъ желаніи сохранить согласіе съ родною женою мужа.

— Покойный имѣлъ основательныя причины дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ, сказала она: и если онъ въ послѣдніе годы не измѣнилъ своего завѣщанія, то это потому, что зналъ, что я сама измѣню какъ должно и согласно его желанію. Игнатій велъ себя какъ преданный сынъ и потому, я думаю, онъ долженъ вступить въ права сына.

— Поступайте, какъ внушитъ вамъ ваше доброе сердце, возразилъ Сигизмундъ: но только не вдавайтесь ни въ какую зависимость отъ графа Адлеркрона. Такія отношенія всегда бываютъ тягостны, даже при самомъ благородномъ и чистомъ образѣ мыслей обѣихъ сторонъ; при-

томъ, могутъ случиться обстоятельства, которыя сдѣлаютъ эти отношенія невыносимыми. Поэтому заклинаю васъ оставить мысль о дарственной, о которой вы уже говорили мнѣ однажды.

— Я уже оставила ее, отвѣчала Тоска покраснѣвъ: но мнѣ очень хотѣлось бы обойтись безъ тяжбы.

Она просила Сигизмунда найти ей знающаго и надежнаго человѣка, которому бы она могла поручить это дѣло. Онъ предложилъ адвоката Клебера. Потомъ они помѣнялись еще нѣсколькими словами о здоровьѣ, о состояннн, и Сигизмундъ ушелъ такъ же спокойно, такъ же важно, какъ пришелъ. Тоска проводила его глазами до дверей и взоръ ея остановился на этихъ дверяхъ. «Что мнѣ дѣлать? какъ мнѣ вести себя въ отношенн къ нему?» думала она. Заключеннемъ цѣлаго ряда такихъ мыслей было: «ничего я не должна дѣлать, потому что я люблю его.... А онъ?»

На другой день Тоска говорила съ адвокатомъ, котораго рекомендовалъ ей Сигизмундъ, потомъ, недѣли черезъ полторы, она однажды утромъ призвала Игнатія и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ сказала ему, въ присутствн адвоката:

— Милый Игнатій, я въ восхищенн, что могу сообщить вамъ извѣстн, которое будетъ вамъ прнтно, потому что уничтожаетъ тягостный споръ между мною и вашею матушкой. Вотъ, господинъ адвокатъ сказалъ мнѣ, что вамъ слѣдуетъ половина имѣнн....

— Я не говорилъ «слѣдуетъ», перебилъ адвокатъ.

— Извините мое неумѣнье выразаться, сказала Тоска, съ улыбкою: напишите это вашей матушкѣ, Игнатій, и попросите ее отъ моего имени забыть маленькую вражду, которая родилась безъ моего вѣдома и противъ моей воли. Тогда благородный покойникъ, котораго всѣ мы оплакиваемъ, будетъ доволенъ всѣми нами.

Свѣтлыя слезы тихо потекли по ея прекрасному лицу, когда она подала Игнатію руку. Онъ тоже очень чувствительно выражалъ свою благодарность, но думалъ про себя, не присовѣтовать ли матери начать тяжбу? А воть, еще удастся!

Сигизмундъ въ это утро былъ изумленъ, даже испуганъ.

нечаяннымъ прїѣдомъ своего зятя, Фридриха. Форстеръ думалъ, что тотъ посланъ Агатою. Оказалось, что совсѣмъ не то. Фридрихъ прїѣхалъ по своей надобности, на одинъ день, а на другой, утромъ, намѣревался отправиться обратно по желѣзной дорогѣ. Они стоворились объѣхать вмѣстѣ и когда Фридрихъ собрался идти со двора по дѣламъ, слуга доложилъ Сигизмунду, что генеральша проситъ его къ себѣ.

— Что это за генеральша? спросилъ Фридрихъ съ любопытствомъ.

— Генеральша Тоска Бейронъ, отвѣчалъ Сигизмундъ.

— Какъ! Тоска Бейронъ здѣсь?... Замужемъ?

— Генералъ двѣ недѣли назадъ умеръ и я съ адвокатомъ Клеберомъ взялся устроить ея дѣла, потому что она не имѣетъ здѣсь никого близкихъ, а родня мужа расположена къ гажбамъ.

— Такъ Тоска Бейронъ здѣсь!... Мнѣ чрезвычайно прїятно было бы засвидѣтельствовать ей мое почтеніе, вскричалъ Фридрихъ: попроси-ка у нея позволенія.

Сигизмундъ до-смерти испугался этого предложенія.

— Она въ это время еще никого не принимала, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— А! вотъ что?... Да, я забылъ тебѣ сказать, Агата тебѣ кланяется, сказалъ коварно Фридрихъ.

Сигизмундъ посмотрѣлъ на него во всѣ глаза.

— Да, да! продолжалъ Фридрихъ смѣясь: ты, конечно, не стоишь этого, но она всё-таки кланяется тебѣ.... Да скажи, ради Бога, что такое съ вами слѣдалось? Неужто вы поссорились? Вѣдь вамъ не долго и до свадьбы! Успѣли бы и послѣ поссориться.

— Нѣтъ, мы не поссорились..... Съ чего ты взялъ, отвѣчалъ Сигизмундъ и старался замѣть разговоръ.

Они объѣдали въ гостинницѣ съ нѣсколькими старинными университетскими товарищами. Подлѣ нихъ, за другимъ столомъ, сидѣлъ Игнатій съ двумя молодыми людьми. Въ пять часовъ Сигизмундъ оставилъ веселое общество, стоворившись съ Фридрихомъ сойтись въ театръ.

Когда онъ вошелъ къ Тоскѣ, она сказала:

— Я такъ рада видѣть васъ теперь, когда сердце мое облегчено отъ заботъ.

— О! это блаженство, когда чувствуешь облегченіе сердца, хотя бы оно было, такъ какъ ваше, отягчено только пылинкою! сказалъ Сигизмундъ.

У него на сердцѣ было тяжело. Неразорванная связь съ Агатою терзала его. Между-тѣмъ какъ передъ свѣтомъ онъ еще обрученный ея женихъ, между-тѣмъ какъ она посылаетъ ему поклоны.... онъ душою и сердцемъ отдался уже другой! Онъ охотно преступилъ бы ея просьбу не писать и окончилъ бы все, но письмо, которое онъ готовилъ три недѣли тому назадъ и которое еще лежало у него въ столѣ, тогда содержало въ себѣ правду, а теперь уже нѣтъ. Онъ теперь уже не могъ сказать, что отказывается отъ одного счастья безъ надежды на другое: онъ уже зналъ, что Тоска его любить, и будущее было открыто передъ нимъ, и въ этомъ будущемъ былъ цѣлый міръ счастья, блаженства. Онъ любилъ! Любовь дѣлаетъ сердце нѣжнымъ и чувствительнымъ даже къ другимъ. Сигизмундъ чувствовалъ, что Агата можетъ пострадать сильно и потому не рѣшался нанести ей удара: онъ надѣялся, что она сама на что-нибудь рѣшится; надѣялся, что она будетъ приготовлена его послѣднимъ письмомъ и, можетъ-быть, сама ему откажетъ.

Подлѣ Тоски Сигизмундъ успокоился. Думы его обратились только къ ней одной; стѣсненіе оставило его. Онъ чувствовалъ себя подлѣ нея въ другой, чистѣйшей и легчайшей атмосферѣ, которая питала, укрѣпляла его душу и освобождала отъ всего посторонняго. Выраженія любви и счастья, восторгу, непрерывно носились на его устахъ, но онъ удерживалъ ихъ насильно. Ему казалось, что онъ еще не достоинъ выговорить ихъ. Эта борьба опять сдѣлала его печальнымъ, унылымъ. Тоска замѣтила это и молча обратила на него взоръ, въ которомъ дрожала слеза и выражался нѣжный вопросъ: «Зачѣмъ же ты не говоришь, когда у тебя тяжело на сердцѣ?»

Сигизмундъ увидѣлъ эту слезу, понялъ вопросъ и, закрывъ лицо обѣими руками, упалъ къ ея ногамъ. Она положила свои руки ему на голову и это легкое прикосновеніе какъ-будто сняло съ него тяжелыя оковы страданія. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на нея и вскричалъ:

— Тоска! Тоска, можете ли вы любить меня?

Она наклонилась; уста ихъ магнетически сошлись. Это былъ короткій, робкій, трепетный поцѣлуй, который сдѣлало такимъ мгновеннымъ и летучимъ не недостатокъ, но чрезвычайное обиліе чувства.

— Подите теперь! сказала она съ такимъ сладостнымъ удареніемъ голоса, какого онъ никогда еще не слышалъ, и такъ нѣжно, что ему невозможно было не повиноваться. Выпедивъ подъ открытое небо, блестящее милліонами звѣздъ, онъ хотѣлъ опомниться, хотѣлъ обдумать какимъ образомъ посѣтило его такое великое счастье. Онъ приложилъ руку ко лбу, и вдругъ задрожалъ. Онъ вспомнилъ слово, которое однажды произнесъ въ ребяческомъ безразсудствѣ: «Пусть отсохнутъ мои губы, если я когда-нибудь захочу поцѣловать Тоску Бейронъ!» Но онъ скоро оправился отъ этого испугу. «Глупость! ребячество!» сказалъ онъ самъ себѣ. «Теперь только открывается настоящая, истинная моя жизнь!»

Онъ отыскалъ зятя въ театрѣ и провелъ съ нимъ весь вечеръ. Тоска очень желала остаться одна, но не хотѣла отказать Игнатію, когда тотъ, по обыкновенію, пришелъ къ ней.

— Боже мой! вскричалъ онъ только-что вступивъ въ комнату: что съ вами случилось, тѣтушка? Ладо ваше сілетъ радостью?

— Я читала, отвѣчала она немножко смутившись и положивъ книгу, которую держала въ рукѣ.

— Если вы читали, то ужъ, вѣрно, между строками, а не самыя строки, что случается часто.

— Но вы, Игнатій, сами необыкновенно веселы, замѣтила Тоска.

— Я тоже читалъ, прекрасная тѣтушка.

— Позвольте узнать, какого автора?

— Безъимяннаго.

— Неужели? безъимяннаго? Развѣ это нынче еще въ модѣ? Въ нашъ изобрѣтательный вѣкъ больше любятъ являться въ свѣтъ подъ вымышленными именами

— Да, письма иногда являются и безъ имени.

— А! такъ вы получили безъимянное письмо?

— Да; назначеніе свиданія.

— И это вы разбалтываете? сказала она погрозивъ ему

пальцомъ: мужчины, право, не заслуживаютъ своего счастья: они не умѣютъ цѣнить его.

— О, что до этого, такъ я думаю, оно очень мало и для во- все не касается меня, сказалъ онъ вынимая изъ бумажни- ка записку:—Прочтите.

Тоска прочтала: «Если графъ Адлеркронъ желаетъ по- лучить важныя и любопытныя для него извѣстія каса- тельно близкой ему особы, то пусть пожалуетъ завтра въ девять часовъ въ Звѣринецъ, гдѣ статуя Венеры Милос- кой».

— Что жъ? сказала Тоска: вѣроятно эта интересная до- вость вамъ уже извѣстна и касается именно того, кто, ди- саль.

— А если она касается васъ?

— Меня? вскричала Тоска испугавшись.

— Ужъ, конечно, вы для меня важнѣе чѣмъ кто-нибудь.

— Почему же знаютъ это ваши безымянные корре- спонденты? сказала она, бросивъ записку на столъ.

— Люди знаютъ все и во все вмѣшиваются. Люди, за- нимающія извѣстное положеніе въ свѣтѣ, обращаютъ на себя общее вниманіе.

— Вы, пожалуй, скажете, что глаза всего Берлина, всей Пруссіи обращены на меня.... не правда ли? Между- тѣмъ я убѣждена, что мною занимаются развѣ только до- жина людей и то довольно поверхностно. Я увѣрена, что эта записка касается только васъ.

— Въ такомъ случаѣ не стѣнтъ и ходить.

— О, нѣтъ! пожалуйста, ступайте.

— Пожалуй, если вамъ непременно угодно.

Игнатій за обѣдомъ слышалъ, какъ Фридрихъ, по ухо- дѣ Сигизмунда, рассказывалъ пріятелямъ объ обрученіи и предстоящемъ бракѣ его зятя съ Агатой. Игнатій не про- ронилъ ни одного слова. Не имѣя привычки дѣйствовать открыто и честно, онъ не принесъ Тоскѣ этой новости прямо, а хотѣлъ помучить ее безпокойствомъ и для того, выдумалъ записку и таинственное свиданіе. Онъ надѣлся такимъ образомъ однимъ ударомъ отомстить Сигизмунду и воротить свое вліяніе на Тоску. Онъ во весь вечеръ былъ чрезвычайно любезенъ съ нею.

На другой день, рано утромъ, пришелъ адвокатъ Кле-

беръ и принесъ акты, которые составилъ по желанію Тоски. Она была довольна ими и удержала у себя, чтобы показать Сигизмунду и Игнатію. Когда адвокатъ ушелъ, она послала за Сигизмундою.

Форстеръ между-тѣмъ провожалъ зятя до желѣзной дороги и пришелъ очень разстроенный. Они съ зятемъ говорили объ Агатѣ. Тоска испугалась, когда увидѣла его.

— Что съ вами? вскричала она: вы больны!

Онъ отговорился. Она хотѣла спросить его еще, но удержалась, какъ-будто желала, чтобы онъ самъ сказалъ, что у него на душѣ, и попросила посмотреть акты. Форстеръ взялъ бумагу, но рука его дрожала.

— Право, вы больны! сказала Тоска вставъ и взявъ у него бумагу.

Онъ съ живостию вскочилъ и, схвативъ ея руку, вскричалъ.

— Тоска! Тоска! можете ли вы любить меня?

Тутъ вошелъ Игнатій. Увидѣвъ, что Сигизмундъ держитъ Тоску за руку, онъ бросилъ на нихъ язвительный взглядъ. Тоска медленно и спокойно отняла свою руку, оставивъ Сигизмунду. Тотъ сѣлъ и сталъ читать акты.

— Вотъ, любезный Игнатій, бумага, которая все порѣшитъ между мною и вашимъ семействомъ, сказала Тоска.

— Какъ счастливъ господинъ Форстеръ, что вы въ такомъ важномъ дѣлѣ такъ совершенно довѣряетесь ему! возразилъ Игнатій язвительно.

Сигизмундъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Игнатія.

— Вы правы, Игнатій, сказала Тоска спокойно: я действительно совершенно довѣряю господину совѣтнику. Но въ этомъ дѣлѣ я еще пользовалась совѣтами адвоката Клебера, который и составилъ акты.

— Прекрасная тѣтушка, возразилъ Игнатій съ улыбкой: позвольте спросить, пользуетесь ли и вы такимъ же довѣріемъ у господина совѣтника? Открывалъ ли онъ вамъ, наприимѣръ, что онъ обрученъ?

Сигизмундъ всталъ, выпрямился во весь ростъ и сказалъ спокойно:

— Графъ! вы бездѣльникъ!

Тоска съ-высока бросила великолѣпный взглядъ и сказала съ неописаннымъ презрѣніемъ:

— А! вы пришли со своего свиданія съ безъименнымъ?

— Господинъ совѣтникъ! мы съ вами послѣ поговоримъ, сказалъ Игнатій и обратился къ Тоскѣ: нѣтъ, прекрасная тѣтушка, безъименные васъ не убѣдили бы; но господинъ Форстеръ, вѣрно, самъ признается. Сдѣлайте милость, спросите его, правда ли, что онъ въ половинѣ октября прошлаго года обручился съ дѣвицею Агатой, единственною дочерью совѣтницы Гертнеръ, и что въ нынѣшнемъ апрѣлѣ назначена свадьба, или эту исторію выдумалъ его зять, докторъ Фридрихъ, изъ Магдебурга? Я желаю бы, господинъ совѣтникъ, чтобы вы и на это могли отвѣчать — жешь! сказалъ онъ насмѣшливо обращаясь къ Сигизмунду.

Пока Игнатій говорилъ, Тоска смотрѣла на него такъ проницательно, какъ будто хотѣла прочесть истину на днѣ его души. Потомъ она съ умоляющимъ видомъ взглянула на Сигизмунда и какъ-будто закликала, чтобы онъ однимъ словомъ опровергъ клевету. Но Сигизмундъ молчалъ. Онъ стоялъ какъ прикованный къ землѣ. Только въ глазахъ, обращенныхъ на Тоску, была еще жизнь. Взоры ихъ встрѣтились и Тоска вскрикнула: она чувствовала, что правый не молчалъ бы.

— Тоска! вскричалъ Сигизмундъ, упавъ передъ нею на колѣни.

Она подошла къ нему, пристально посмотрѣла въ лицо и, твердо положивъ обѣ руки ему на плеча, сказала торжественно:

— Сигизмундъ Форстеръ! ты спрашивалъ меня, могу ли я любить тебя. Вотъ мой отвѣтъ. Такъ сильно, такъ глубоко, такъ неизмѣнно какъ я любила тебя, такъ же сильно, но, глубоко и неизмѣнно я теперь тебя презираю!

Она медленно ушла въ свою комнату. Сигизмундъ и Игнатій помѣвлялись нѣсколькими словами. Потомъ Сигизмундъ ушелъ къ себѣ наверхъ. На столѣ лежало письмо отъ Агаты. Онъ машинально распечаталъ его! Ему казалось, что онъ все покойчалъ съ жизнью и со светомъ; онъ былъ какъ-будто погребенъ подъ презрѣніемъ Тоски.

«Я хотѣла успокоиться, писала Агата, думая, что ты будешь гнѣву и послѣдностію сдѣлать послѣдній шагъ; тотъ, который разлучитъ насъ и котораго вы оба боитесь отъ насъ»

ня. Я поняла смыслъ вашего послѣдняго письма. Покуда я была счастлива, я могла ошибаться насчетъ вашихъ чувствованій; теперь уже не могу. Я вижу, что вы никогда не любили меня всѣмъ сердцемъ. Это не ваша вина. Сердца наши въ рукѣ Божіей. Вы виноваты только въ томъ, что обручились необдуманно, но я васъ прощаю. Будьте счастливы. *Агата.*»

— Небо уже наказало меня, Агата! проговорилъ Сигизмундъ: сутки назадъ я съ этимъ письмомъ упалъ бы къ ея ногамъ и былъ бы счастливъ.... но теперь поздно!

Игнатій прислалъ своихъ секундантовъ. Сигизмундъ объявилъ свое согласіе. Назначили стрѣляться на другое утро, рано, на мекленбургской границѣ. Игнатій самъ приехалъ къ Тоскѣ, но она не приняла его. Она была убита. Неслыханный обманъ Сигизмунда точилъ ея сердце, какъ алмазъ, говорить, точить алмазъ. Между-тѣмъ иногда еще теплилась въ душѣ ея надежда, — какъ у больного горячкою ссываніе: — можетъ-быть все это и не правда. Но зачѣмъ же онъ не говорилъ, когда было нужно? зачѣмъ онъ не говорилъ? Онъ не могъ оправдаться! Это она повторяла себѣ разъ тысячу, ходя взадъ и впередъ по комнатамъ. И она такъ испугалась, что чуть не упала въ обморокъ когда вошла горничная съ двумя письмами. На одномъ адресъ она узнала руку Сигизмунда. Она думала не лучше ли будетъ отослать назадъ не распечатывая. Но лучше или хуже, а до такого героизму сердце еще не доходило. Она распечатала конвертъ и изъ него выпали два письма, — одно отъ Сигизмунда къ Агатѣ, котораго онъ не посылалъ; другое отъ Агаты, только-что полученное, и больше ничего, ни строчки, ни слова. Тоска прочла письма, слышала числа и поняла ясно только одно, самое нужное, что Сигизмундъ любитъ ее, любитъ ее одну! Слезы, до того лежавшія тяжелымъ льдомъ на ея сердцѣ, растаяли и освѣжили ее какъ благодатный весенній дождь послѣ грозы. Потомъ она замѣтила другое письмо. Оно было отъ Игнатія. Она распечатала его съ такимъ чувствомъ, какъ будто видя колвезъ у нея по рукѣ и, прочитавъ, окаменѣла отъ ужаса. Она закричала, чтобы позвали Игнатія. Въ четверть часа этого ожиданія надъ головою ея слышимо неслись дѣла столѣтій.

— Игнатій! вскричала она задрожавъ, когда онъ вошелъ: дуэль ваша не можетъ состояться! Вы должны просить у него прощенія!.... Да, вы должны, Игнатій! потому что все это неправда, что вы слышали и сказали! Все, все, все ложь!

— А гдѣ же правда? спросилъ онъ холодно.

— Здѣсь! вскричала она и бросила ему письма.

— Хорошо; что жъ этимъ уничтожается? спросилъ онъ равнодушно, когда прочиталъ.

— Уничтожается поводъ къ дуэли.

— Вовсе нѣтъ. *Она*,—какъ вы изволите называть его, —оскорбилъ меня.

— Но вы раздражили, оклеветали его....

— Я только сказалъ то, что тогда было вѣрно и справедливо. И кто же знаетъ, не подложныя ли это письма?

— Игнатій ... вы низкій человѣкъ! сказала Тоска съ негодованіемъ.

— Прекрасно! вскричалъ Игнатій: я дѣйствую за васъ, для вашего блага и спокойствія; я спасаю васъ, а вы унижаете меня въ ту самую минуту, когда я иду, быть-можетъ, на смерть за васъ!

— О! Игнатій, ради Бога! вскричала она ломая руки: не говорите о смерти! Ни онъ, ни вы не должны умереть!.. я не хочу этого.... Богъ не хочетъ!

— Одинъ изъ насъ долженъ умереть, возразилъ Игнатій рѣшительно.

— Ну, такъ я надѣюсь, что умереть не онъ, сказала Тоска спокойно, съ величайшею ненавистью во взглядѣ на Игнатія.

— Вы такъ любите его?

— Да! отвѣчала она съ торжествующимъ видомъ.

— Вы выйдете за него замужъ?

— Да.

— И это говорите вы.... вы, на первыхъ дняхъ по смерти мужа, вашего благодѣтеля?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня! До-сихъ-поръ я сама себѣ еще не говорила этого.

— И онъ знаетъ ваше сердце?

— Я надѣюсь.

— Хорошо, хорошо; все это состоится въ случаѣ моеѣ

смерти, но первый выстрѣлъ мой, а вы знаете, тѣтушка, какъ я стрѣляю.

— Игнатій! вскричала она и упала на колѣни.

— Есть только одно средство заставить меня отказаться отъ дуэли, сказалъ онъ, спокойно поднимая Тоску, и тогда любовь моя къ вамъ внушаетъ мнѣ его. Отдайте мнѣ вашу руку....

— Вамъ?.... сказала она безсмысленно.

— Тогда вы его спасете, а меня осчастливите.

— Тогда я спасу его жизнь и убью сердце. Нѣтъ, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ!

— Такъ вы будете виною его смерти! сказалъ Игнатій торжественно.

— Богъ милостивъ, возразила она и махнула рукою, чтобы онъ ушелъ.

Она написала Сигизмунду три слова, — древнѣйшее и вѣчно новое волшебное заклинаніе счастья, — «я люблю тебя!»

Черезъ минуту онъ дежалъ у ея ногъ и она смотрѣла на него съ невыразимою нѣжностью.

— Ты моя первая, моя послѣдняя.... моя единственная любовь! говорила она.

Она уже не жаловалась, не плакала. Она не хотѣла ослабить его сердца и помутить взгляда. Въ душѣ ея было убѣжденіе счастья; она покоилась въ своей любви. Имъ некогда было говорить о смерти и опасности. Они были счастливы. Тоска послала адвокату Клеберу акты съ просьбою исполнить ихъ въ этомъ видѣ, потомъ написала къ своему доктору, чтобы онъ къ десяти часамъ вечера пріѣхалъ проводить ее въ небольшую поѣздку.

— Начто? куда? спросилъ Сигизмундъ съ трепетомъ.

— Съ тобою, отвѣчала она спокойно.

— О! никогда! вскричалъ онъ.

— Развѣ ты хочешь, чтобы мука неизвѣстности убила меня? спросила она.

— Могучая душа! сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— Скажи: любящее сердце, Сигизмундъ.

Въ десять часовъ вечера Игнатій съ своимъ докторомъ и секундантомъ, Сигизмундъ также съ секундантомъ, а Тоска съ своимъ докторомъ въ трехъ каретахъ выѣхали на мекленбургскую дорогу. Была сырая, холодная мартов-

ская ночь. Сквозь огущенный туманомъ и снѣгомъ воздухъ каретные фонари едва мерцали какъ тусклые потребительныя лампы. Педь-утро они прибыли въ лесокъ на мекленбургской границѣ. Сигизмундъ вешель въ карету Тоска и заклиналъ ее, чтобы она прошла въ деревню, на постоянный дворъ.

— Нѣтъ, сказала она, я остаюсь такъ близко подлѣ тебя, какъ только можно.

Она была блѣдна, колодна и тверда какъ мраморъ. Ирещакіе было ужасно. Когда онъ ушелъ, Тоска ощутила сторки и упала на колѣни. Богъ знаетъ, молилась ли она.

Раздался выстрѣлъ.

— Сигизмундъ! вскричала Тоска.

Второго выстрѣла не было. Врачи и секунданы приехали Сигизмунда. Игнатій на курьерскихъ поскакалъ въ Гамбургъ. Его пуля прошла у Сигизмунда надъ самымъ сердцемъ. Малѣйшее движеніе, и онъ умреть.

— Нѣтъ спасенія? спросила Тоска.

Врачи молчали.

— Тоска! вскричалъ Сигизмундъ, поднявшись и простирая къ ней руки.

Она обняла, поцѣловала его. Онъ умеръ.

Три дня и три ночи не отходила она отъ покойника, потомъ похоронила его на кладбищѣ въ Данненвалдѣ. Когда земля накрыла гробъ и пометила все, что она любила, она сказала:

— Сигизмундъ! у тебя сердце мое пробудилось; у тебя оно и умерло. Все, что извѣдано мнѣ счастья и скорби, пришло отъ тебя.... все отъ одного! Миръ тебѣ.... мнѣ тоже.

Она сѣла въ карету.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ докторъ.

— Миръ широкъ! отвѣчала она равнодушно.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТЪРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. Les Amers de Mircis, Мирскіе любовники, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Фредерика Сулиѣ.

Бывало время, когда люди удивлялись, что Вольтеръ, который прожилъ восемьдесятъ лѣтъ, написалъ восемьдесятъ томовъ. Осемьдесятъ томовъ! Божь о немъ говорятъ! По-

смотрите-ка что написали Балзакъ, Евгений Сю, Фредерикъ Сулѣ; Александръ Дюма! Драмы и романы, исторіи и путешествія, эти люди все дѣлаютъ, и ни одинъ изъ нихъ не помнитъ сколько чего у нихъ накопилось. Конечно, все это было бы лучше, если бы они работали не такъ скоро. Да что жъ прикажете дѣлать? Вѣкъ такой. Нынче люди только и думаютъ о скорости. Въ доказательство этого стѣбитъ лишь указать на желѣзныя дороги и пароходы. Какъ бы то ни было, но во всемъ что эти люди дѣлаютъ, дѣлѣтъ талантъ неоспоримый. Новая драма Фредерика Сулѣ, несмотря на свою запутанность, а можетъ-быть и по причинѣ своей запутанности, имѣла успѣхъ огромный. Вотъ она, или лучше сказать, скелетъ ея.

Ночь. Вокругъ страшнаго дома дона Энрико Пачехо, главы знатнѣйшей фамиліи во всемъ королевствѣ Мурсіа, бродятъ два человека. Одинъ изъ нихъ донъ Сильвіо Теллесъ (а надобно вамъ замѣтить, что Пачехо и Теллесы — Капулетти и Монтеки Мурсіа); другой — правитель Мурсіа, графъ Вильяфлоръ. Одного ведетъ любовь; другаго тщеславіе. Сильвіо любезный донны Стеллы Пачехо, дочери дона Энрико; Вильяфлоръ побился объ закладъ со своими пріятелями, такимъ-же распутными волокитами, какъ и онъ самъ, что преодолѣетъ добродѣтель гордой донны Стеллы и къ утру будетъ ея мужемъ или — умретъ. Одинъ знаетъ воѣ замоулки дома и идетъ прямо; другой пробирается ошущью, но увѣренъ, что достигнетъ своей цѣли, потому что онъ храбръ, отваженъ, гордъ и знаетъ, что снизу на него смотреть.

Сильвіо и Стелла вполнѣ предаются любви своей; но ночь такъ коротка: вотъ ужъ и заря; надобно разстаться. Стелла провожаетъ своего любезнаго черезъ потайную дверь; а между-тѣмъ Вильяфлоръ добирается наконецъ до ея спальни. Теперь ему надобно, чтобъ его всѣ видѣли и онъ скликаетъ друзей и недруговъ. Со всѣхъ сторонъ являюся факелы и обнаженныя мшавги, сбѣгаются и старикъ донъ Энрико и сынъ его, пылкій юноша; одинъ ищетъ дочери, другой сестры, и оба хотятъ отмстить за поруганную честь своего дому. Внизу толпа рукоплещетъ Вильяфлору, который выставляется изъ окна спальни донны Стеллы. Вильяфлоръ совершенно спокоенъ: онъ вы-

игралъ парі и только удивляется, какъ его тотчасъ не убили. Молодой Пачехо уже заноситъ шпагу, но отецъ его останавливаетъ: надобно прежде рѣшить какимъ образомъ лучше загладить позоръ своего дому. Начинается совѣщаніе. Преступница должна погибнуть вмѣстѣ со своимъ со-общникомъ. Ей предстоитъ или могила, или темница. Но тутъ въ сердцѣ старика пробуждается любовь родительская: ему жаль своей прекрасной Стеллы; онъ готовъ простить несчастную; онъ проситъ за нея и сына и всѣхъ членовъ своей поруганной фамиліи. Побѣда остается на его сторонѣ: Стелла не умретъ, но обольститель долженъ на ней жениться. Стелла согласна: она воображаетъ, что родныя ея задержали Сильвіо и тутъ только узнаетъ, что обольстителемъ ея считаютъ Вильяфлора. — Вильяфлоръ! Но я его не знаю; мой любезный, тотъ, кому я всѣмъ пожертвовала, мой мужъ — Сильвіо Теллесъ. — Сильвіо Теллесъ! врагъ дома Пачехо! О, теперь нѣтъ болѣе пощады: несчастная должна искупить вину свою, страдать всю жизнь въ объятіяхъ чловѣка, котораго не любитъ. Дѣлать нечего: надобно покориться судьбѣ своей и донна Стелла Пачехо переименовывается въ графини Вильяфлоръ.

Впрочемъ, этотъ волокита Вильяфлоръ добрый малый и жена могла бы быть съ нимъ счастлива; но графиня Стелла не хочетъ быть счастливою съ нимъ, а хочетъ умереть съ голоду. Что прикажете дѣлать съ женщинами! Чтобы разсѣять ее хоть немножко, графъ даетъ великолѣпный балъ; кстати король приказалъ ему помирить во что бы то ни стало могущественныя фамиліи Пачехо и Теллесъ, и онъ приглашаетъ къ себѣ и тѣхъ и другихъ. Они явятся, но мириться не расположены. Сильвіо упрекаетъ Стеллу въ невѣрности; Пачехо, молодые и старые, отвѣчаютъ на это ругательствами; обѣ стороны обнажаютъ шпаги; но Вильяфлоръ, какъ правитель королевства Мурсіи, приказываетъ имъ положить оружіе и объявляетъ, что они его плѣнники.

Сильвіо въ рукахъ своего соперника и врага Вильяфлора; но Стелла, пользуясь своимъ вліяніемъ на мужа, спрашиваетъ своему любезному прощеніе. Освободившись изъ тюрьмы, молодой Теллесъ; чтобы отмстить фамиліи Пачехо, отрѣкается отъ своей религіи, дѣлается мусуль-

маниномъ и, предводительствуя войсками кордуанскаго халифа Абд-эль-Рахмана, беретъ Мурсію. Онъ обѣщаетъ жителямъ помилованіе, если ему выдадутъ враговъ его. И Пачехо, старыхъ и малыхъ, приводятъ съ босыми ногами, съ веревками на шеяхъ. Сильвіо торжествуетъ; но вдругъ является Вильяфлоръ, съ фирманомъ, которымъ халифъ передаетъ ему своего военачальника. Вильяфлоръ съ горстью храбрыхъ, пробился въ станъ Абд-эль-Рахмана, взявъ его въ плѣнъ, и вмѣсто выкупа, взыскавъ съ него *таковой* фирманъ. Теперь Пачехо свободны, и Сильвіо невольникъ. Но гдѣ же причина всѣхъ этихъ превратностей судьбы—Стелла? Стелла является, поддерживаемая своими женщинами. Она приняла яду и половину этого спасительнаго напитка уступила своему любезному, Сильвіо. Оба умираютъ. Пачехо и Теллеса мирятся надъ ихъ трупами и вмѣстѣ обращаютъ свое оружіе противъ общаго врага.

Драма искусно расположенная, исполненная занимательности и разительныхъ сценъ. Мы уже говорили, что она принята съ величайшимъ одобреніемъ.

2. *La Comtesse d'Altenberg*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господъ *Royer* и *Valz'a*.

Графиня д'Альтенбергъ вѣрная супруга и женщина еще благовидная, а между-тѣмъ мужъ о ней и не думаетъ. Онъ ухаживаетъ за страшною кокеткой, мадамъ де-Розенталя, которая не только сводитъ его съ ума, но еще заставляетъ измѣнить своему долгу. По требованію этой женщины, графъ возстаетъ противъ сына покойнаго Курфирста Христіана Седьмаго, герцога Фридриха-Августа, у котораго честолюбивый регентъ оспариваетъ престоль.

Изгнанный изъ Дрездена, принцъ укрывается въ замкѣ Альтенберга, куда привезла его мать графиня. Но молодой герцогъ плохо платитъ за гостепримство: отъ нечего дѣлать онъ обольщаетъ Марію, дочь графа д'Альтенберга, подъ пустымъ предлогомъ, что они другъ друга любятъ; но безъ намѣренія увѣнчать *оную* любовь бракомъ: напротивъ, уже ведутся переговоры о бракосочетаніи *сего* самаго принца съ принцессою ганноверскою. Графиня д'Альтенбергъ, не зная что случилось съ Марією, объявляетъ принцу, что переговоры кончены и убѣждаетъ его

утвердить конвенцію. Онъ даетъ слово ѣхать въ Ганноверъ въ тотъ же вечеръ. Но вдругъ является графъ д'Альтенбергъ: интригантка Розенталь увѣдомила его, что въ его замкѣ скрывается какой-то таинственный незнакомецъ и намѣкнула, что это, по всей вѣроятности, долженъ быть любовникъ графини. Но одинъ изъ друзей графа и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Фридриха-Августа, выдастъ принца за своего пріятеля. Чтобы изслѣдовать дѣло порядкомъ, графъ притворяется будто вѣрить этой сказкѣ, а самъ изподтишка неусыпно наблюдаетъ за женою. Между-тѣмъ Марія, узнавъ что принцъ уѣзжаетъ, въ отчаяніи признается во всемъ матери. Графиня, трепеща за дочь, отыскиваетъ своего неугомоннаго постояльца и находитъ его тогда, когда онъ прощается съ графомъ. Она старается удержать его, но, разумѣется, при мужѣ, не можетъ сказать прямо, за чѣмъ она это дѣлаетъ. Подозрѣнія графа усиливаются, а герцогъ, не слушаясь никакихъ просьбъ, уѣзжаетъ.... Нѣтъ еще, не уѣзжаетъ: передъ отъѣздомъ онъ хочетъ еще разъ новидаться съ Марією и пишетъ къ ней письмо, назначая свиданіе въ павильонѣ. Это письмо попадаетъ въ руки графа. Тотъ, прочитавъ его и воображая, что оно адресовано женѣ его, посылаетъ къ ней, и на свиданіе является не Марія, а сама графиня. Она увѣщаетъ принца не погубить ея дочери; но графъ застаётъ ихъ и въ припадкѣ ревности объявляетъ имъ, что они оба имѣютъ быть въ непродолжительномъ времени убиты человѣкомъ посланнымъ отъ него. Надобно вамъ замѣтить, что Альтенбергъ имѣетъ обычай исправлять подобныя дѣла посредствомъ повѣренныхъ. Графиня могла бы тотчасъ оправдаться, обвинивъ дочь, но она молчитъ, чтобы спасти свою Марію. Но герцогъ говоритъ кто онъ, и графъ не рѣшается воднять руку, хоть бы и чужую, на своего законнаго государя. Но онъ непремѣнно хочетъ такъ или иначе возстановить супружескую честь свою и принуждаетъ графиню подписать просьбу регенту о разводѣ. Графиня соглашается и проситъ только позволенія повидаться въ послѣдній разъ съ дочерью.

При этомъ свиданіи, Марія обходится съ матерью холодно; она въ какомъ-то смущеніи, безпокойствѣ, и не

счастливая графиня догадывается, что она все знаетъ и считаетъ мать своею соперницею. Это ужасно! Мать всѣмъ пожертвовала дочери, а дочь ее подозреваетъ. Этою графиня уже не въ состояніи вынести; она всевысказываетъ.... Марія со слезами бросается къ ногамъ ея и проситъ прощенья: — О, говоритъ она: пусть батюшка убьетъ меня, лишь бы онъ зналъ, что вы невинны! — Нѣтъ, нѣтъ, молчи, ради Бога молчи, отвѣчаетъ графиня. Но въ это время является самъ графъ, Марія бѣжитъ къ нему на встрѣчу и признается въ своемъ проступкѣ. — Не слушайте ея, кричитъ графиня: она лжетъ, лжетъ, чтобы спасти мать.

Графъ въ большомъ затрудненіи: жена и дочь, обѣ обвиняютъ себя: которая же виновата? Къ счастью, приходитъ герцогъ и объявляетъ, что приверженцы его овладѣли Дрезденомъ, и что онъ, Фридрихъ-Августъ, вступаетъ на престолъ. — Принцъ, говоритъ графъ: здѣсь, въ моемъ домѣ, есть женщина обезчещенная. — Нѣтъ, отвѣчаетъ герцогъ: здѣсь только графиня фонъ Альтенбергъ и невѣста курфирста Саксонскаго!

По-видимому, эта драма стѣнитъ успѣху, который пріобрѣла она въ Парижѣ и, вѣроятно, будетъ имѣть у насъ, если роль графини приметъ на себя мадамъ Аллан, а Марія — мадамъ Alexandre-Mayer.

3. *La Sigèe*, *Сирена*, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Сарриба, музыка Обера.

Абруцкому священнику подкинули мальчика и дѣвочку. Добрый священникъ воспитываетъ своихъ найденышей въ страхъ Божиимъ. Когда дѣвочка, Церлина, подросла, онъ отдалъ ее на воспитаніе въ женскій монастырь, а мальчикъ, Франческо, самъ уходитъ и опредѣляется на службу къ знаменитому контрабандисту Марко-Темпестѣ. Марко, умирая, объявляетъ Франческо, что онъ его съѣлъ, и передаетъ ему свою власть и самое имя, съ условіемъ только, чтобы онъ отыскалъ сестру.

Франческо является достойнымъ преемникомъ имени своего почтеннаго батюшки, продолжаетъ его подвиги, отыскиваетъ сестру и она своими сладкими пѣснями заманиваетъ неосторожныхъ путешественниковъ въ укромное мѣстечко, а тамъ Марко Темпеста Второй выбираетъ изъ ихъ багажу ромъ и табакъ и продаетъ эти благодѣянія

тенные продукты, не платя пошлины неаполитанской таможи. Тутъ является лицо, которое придаетъ много комизму этой запутанной интригѣ: синьоръ Бальбайя, импрессарио, который ищетъ прима-донны. Его, разумеется, тоже привлекла Сирена — Церлина. Вслѣдъ за нѣмъ является герцогъ Пополи, но совсѣмъ за другой дѣломъ: ему поручено, во что бы то ни стало, уничтожить шайку Марко-Темпесты и захватить самого предводителя, живаго или мертваго. Встрѣчаясь съ Франческо, онъ узнаетъ его: это Скопетто, который съ годъ назадъ былъ у него въ услуженіи и убѣжалъ наканунѣ того дня, когда контрабандисты чистенько обобрали его домъ. Принцъ отправляется на свиданіе къ одной дамѣ въ Піетра-Нера близъ трактира, который Франческо Скопетта, Темпеста тожь, содержитъ въ горахъ Абруццскихъ. Но мы пропустили еще одно лицо: Сципіона, командира тартаны «Этна», который отбилъ у контрабандистовъ пять сотъ тысячъ скуди и передалъ ихъ герцогу Пополи. Не зная его въ лицо, Франческо дружится съ нѣмъ и предлагаетъ ему свою сестру въ замужство, но Сципіонъ уже любитъ другую дѣвушку. Разговаривая со своимъ пріятелемъ о томъ, о сѣмъ, Сципіонъ рассказываетъ, какъ отбилъ у контрабандистовъ деньги. О, ужасъ! Тутъ только Франческо узнаетъ, что его другъ—его же злѣйшій врагъ. Между-тѣмъ герцогъ Пополи получаетъ примѣты Марко-Темпесты; Франческо похищаетъ у него эту бумагу и вмѣсто своихъ примѣтъ, ставитъ примѣты Сципіона, и герцогъ принимаетъ бѣднаго командира «Этны» за контрабандиста, который нарядился морскимъ офицеромъ. Герцогъ намѣревается привлечь его подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ Піетра-Нера, а тамъ предводителя контрабандистовъ уже ожидаютъ пятьдесятъ карабинеровъ.

Во второмъ дѣйствіи весь этотъ народъ сходится въ австеріи или гостинницѣ Франческо Скопетто. Товарищи Марко, узнавъ Сципіона, хотѣли-было убить его, но Марко защитилъ своего друга-врага и велѣлъ ему отправиться на свою тартану, за бумагами, которыя доказываютъ, что онъ, Сципіонъ, съ-родни герцогу Пополи. Сципіонъ даетъ слово воротиться. Между-тѣмъ герцогъ Пополи и его команда, измученные поисками, пьютъ ромъ въ бѣдной го-

стинниці Франческо-Скопетто, и герцогъ жалуется, что погоня за проклятымъ Темпестою, мѣшаетъ ему заняться приготовлениями къ празднеству, которое будетъ въ его замкѣ завтра.—Этой бѣдѣ помочь не трудно, говоритъ Франческо: у меня здѣсь цѣлая труппа актеровъ и пѣвцовъ, которыхъ вчера обобрала въ горахъ шайка Темпесты. Вотъ директоръ, сеньоръ Бальбайя; вотъ басъ, вотъ этотъ баритонъ, а вотъ тотъ, маленькой, теноръ. Правда, всѣ они смахиваютъ на разбойниковъ и немножко оборваны; да чтожь прикажете дѣлать? Вы знаете, что шайка Темпесты обираетъ народъ Божій чистенько. Если вашему превосходительству угодно, эти молодцы приготовить вамъ къ завтраму какую-нибудь піесу.—Хорошо бы, но я не слишкомъ довѣряю твоимъ артистамъ; этотъ толстякъ что всё дрожать, ихъ директоръ, что-то очень подозрителенъ; да притомъ, у васъ нѣтъ прима-донны. — Есть и прима-донна, ваше сіятельство. Франческо призываетъ Сирену, Церлину и велитъ ей показать свое искусство. И Церлина заливается трелями, руладами, всѣми возможными и невозможными фюритурами. Герцогъ Пополи въ восторгѣ; Бальбайя восхищенъ дотого, что даже перестаетъ дрожать: онъ нашелъ прима-донну. Между-тѣмъ, Сципіонъ, вѣрный своему слову, возвращается. Герцогъ, всё думая, что это Марко-Темпеста, отправляетъ его, подъ карауломъ, на свою виллу. Туда же отправляются за герцогомъ Скопетто, Бальбайя, Церлина и вся труппа мнимыхъ пѣвцовъ, настоящихъ контрабандистовъ.

Теперь мы въ прелестномъ неаполитанскомъ палаццѣ, на берегу моря. Бѣдный Сципіонъ запертъ въ подземелья и его отдають подъ судъ. Но Марко, узнавъ, что Сципіонъ любитъ Церлину и любимъ ею, рѣшается спасти его и отмстить только герцогу Пополи, преслѣдователю контрабандистовъ. Между-тѣмъ люди его занимаются дѣломъ, репетируютъ оперу «Али-Баба, или Сорокъ разбойниковъ», говоритъ Франческо; сверхъ-того онъ готовитъ герцогу сюрпризъ. И точно, нельзя было герцогу не уловиться, когда онъ вечеромъ узнаетъ, что весь палаццо его обобрали, что мнимые артисты унесли и все серебро его и пять сотъ тысячъ скуди, отбитыхъ у нихъ Сципіономъ, да сверхъ-того еще весьма важныя бумаги, пере-

песку съ королемъ Іоахимомъ, которая можетъ погубить герцога. Вся шайка уже убралась и-прячетъ драгоценную свою добычу въ развалинахъ у подошвы Везувія; Сципіонъ убѣждалъ, съ помощію Церлины и снотворнаго рому, которымъ Марко наполнилъ его стражей. Но пятнадцать чело­вѣкъ, составлявшихъ экипажъ его тарташи, по при­казанію великаго судьи; уже приблизились къ палаццо, что­бы захватить Марко-Темпесту. Церлина спасаетъ и брата. Она начинаетъ пѣть и моряки одинъ за другимъ покида­ютъ свое судно, и перелѣзаютъ черезъ стѣну въ паркъ, чтобы лучше послушать обворожительную пѣвицу. Марко съ безпокойствомъ считаетъ ихъ; наконецъ, когда пят­надцатый перелѣзъ черезъ стѣну, Франческо объявляетъ герцогу, что Сципіонъ его племянникъ, и женится на Церлинѣ, а что Марко-Темпеста не кто иной, какъ тол­стякъ Бальбайя. «Ну вотъ, видите, говоритъ герцогъ: я вѣдь тотчасъ догадался. О, меня не проведешь!» Пока Бальбайя отпѣкивается и клянется всѣми святыми, что онъ совсѣмъ не разбойникъ, на морѣ раздастся выстрѣлъ: это условленный знакъ, что товарищи Темпесты овладѣ­ли тартавою. Марко бросается въ воду, солдаты герцога по немъ стрѣляютъ, мимо, и онъ, плыва, повторяетъ пригвѣвъ пѣсни контрабандистовъ.

Музыку этой оперы хвалятъ даже строгій Берліозъ.

Вотъ вамъ двѣ драмы и одна опера, которыя имѣли большой успѣхъ; что касается до новыхъ водевилей, то всѣ они упали плашмя: слѣдственно, не стоить и говорить о нихъ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро.)

HISTOIRE D'ANGLETERRE, contenant l'histoire complete de l'Empire Brita­nique dans les Indes. Nouvelle édition. 2 magnifiques vol. gr. in-8 illus­trés par 500 grav. sur bois, et accompagnés de 8 cartes géographiques.

Paris, 1844. (8 r.). 20 livrais. ont paru; l'ouvrage en aura 100.

ENCYCLOPEDIE DES CHEMINS DE FER et des machines à vapeurs à l'usage des praticiens et des gens du monde, par F. Tourneux, un vol. in-12, avec planches, Paris, 1844 (1 r. 40 c.).

VOYAGE EN PERSE de E. Flandin, peintre et Pascal Coste, architecte, attachés à l'ambassade de France en Perse pendant les années 1810-41.

Conditions de la Souscription:

L'ARCHITECTURE, LA SCULPTURE, les inscriptions cunéiformes et pehliis, les plans topographiques, formeront 2 vol. gr. in folio, sur colombier, composés d'environ 25 planches, gravées d'après les dessins originaux de Flandin et Coste.

LES VUES PICTORESQUES formeront, un vol. gr. in folio composé de 100 planches lithographiées. Ouvrage sera devisé en 70 livrais. il en paraîtra 7 ou 8 par an. (Chaque livrais. 5 r. 72 c.).

Deux livr. ont paru.

ÉLÉMENTS DE DROIT PUBLIC ET ADMINISTRATIF, ou Exposition méthodique des principes du droit public positif, par Foucart, 3-me édition. 2 vol. in-8, Paris 1844. (6 r. 85 c.)

CHIMIE APPLIQUÉE à la physiologie végétale et agriculture, par Justus Liebig, 2 édition, un vol. in-8, Paris 1844. (2 r. 15 c.)

RAPPORT ANNUEL sur les progrès de la Chimie, présenté le 31 mars 1843 par Berzelius. Un vol. in-8, Paris 1844. (1 r. 43 c.)

TRAITÉ PRATIQUE de la réduction des monnaies et changes étrangers, etc. par Vibert. Un vol. in-8, Paris 1844. (1 r.)

COURS DES SCIENCES PHYSIQUES à l'usage des élèves de philosophie, par Bouchardat. Histoire naturelle, 2 vol. in-18, Paris 1844. (2 r.)

SOUVENIRS DE LA TERREUR, par G. Duval, 4 vol. in-8, Paris 1843-44 (8 r. 57 c.)

MÉMOIRE A CONSULTER sur les chemins de fer en général, et sur le système Jouffroy en particulier. Un vol. in-4, Paris 1844.

MÉMOIRE sur la construction des batimens en fer, par M. Dupuy de Lôme. Un vol. in-4, Paris 1844. (7 r. 15 c.)

MATHILDE, par Eugène Sue, édition illustrée, 2 vol. gr. 8, Paris 1843-44. (9 r) 60 ou 70 livraisons.

COURS DE MICROSCOPIE complémentaire des études médicales, par Donat. Un vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 15 c.)

ESSAI SUR LE SYSTÈME SILURIEN de l'Amérique septentrionale, par E. de Castejau. Un vol. in-4, plus de 27 planches, Paris 1843. (7 r. 15 c.)

HISTOIRE DES EXPÉDITIONS MARITIMES DES NORMANS et de leur établissement en France au dixième siècle, par Depping, nouv. édition. Un vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 15 c.)

AIDE-MÉMOIRE portatif d'art militaire et de fortification, par Lebas. 2e édition, revue et augmentée. Un vol. in-12, Paris 1843. (1 r. 15 c.)

TYPOSTÉNOGRAPHIE, ou l'art d'écrire aussi vite que la pensée, système inventé par M. Patey. Un vol. in-8, Paris 1848.

LECONS DE MATHÉMATIQUES, par l'abbé Bordes. 2e édition, 1re et 2e parties, 2 vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 25 c.)

PETIT ATLAS complet d'anatomie descriptive du corps humain par J. N. Masse, in-18, Paris 1843. (7 r.)

CHIRURGIE OCULAIRE, ou traité des opérations chirurgicales qui se pratiquent sur l'oeil et ses annexes, par Ch. Deval. Un vol. in-8, Paris, 1843. (2 r. 28 c.)

DES CANAUX D'ARROSEMENT de l'Italie septentrionale dans leur rapport avec ceux du midi de la France. Traité théorique et pratique des irrigations, 2 vol. in-8, avec atlas in-4, Paris 1843. (9 r.)

ÉLÉMENTS D'ÉLECTRO-CHIMIE appliquée aux sciences naturelles et aux arts, par M. Becquerel. Un vol. in-8, Paris 1843. (2 r. 15 c.)

ANNUAIRE DES VOYAGES et de la géographie pour l'année 1844, de F. Lacroix, 1-re année. Un vol. in 18. (43 c.)

ECONOMIE RURALE considérée dans ses rapports avec la chimie, la physique et la météorologie, par Boussingault. 2 vol. in-8, Paris, 1844. (4 r. 28 c.)

HISTOIRE ANECDOTIQUE ET PITTORESQUE des habitations Napoléoniennes à Paris par E. M. de St. Hilaire. Un vol. (70 c.)

Romans.

ASCANIO, par A. Dumas, 3 vol. (2 r. 10 c.)

FERNAND, par Sandeau, 1 vol. 1844. (70 c.)

DAVID SÉCHARD, par Balzac, 2 vol. 1844. (1 r. 40 c.)

SANS CRAVATE, par P. de Kock, 3 vol. (2 r. 10 c.)

LE ROI DES ÉTUDIENS, par H. Kock. 1 vol. (70 c.)

LA FERME DE L'OSÉRAIE, 2 vol. 1844. (1 r. 40 c.)

LE DERNIERS DES BARONS, par Bulwer, 4 vol. (2 r. 80 c.)

LE BALAFRÉ, par Brisset. T. 3 et 4, (1 r. 40 c.)

GUY FAWNES, ou la conspiration des poudres, par H. Ainsworth, trad. de l'anglais, 2 vol. 1844. (1 r. 40 c.)

ARISTIDE PROSCAZ, par Goulan, 2 vol. (1 r. 40 c.)

LA BARONNE DE KARLEYA, par Kératry. (70 c.)

ANDRÉ LE VENDÉEN, par madame Waldor, 2 vol. (1 r. 40 c.)

LE COUVENT DES AUGUSTINS, par C. Robert. Un vol. (70 c.)

SAFIA, par R. de Beau voir, 2 vol. (1 r. 40 c.)

LES MYSTÈRES DE PARIS, par E. Sue. 3-me édition, 15 vol. in-18. Bruxelles. (4 r.)

Вышелъ и раздается господамъ подписчикамъ седьмой выпускъ Меморандума Императорскаго Лексикона, издаваемого господиномъ Леонъ, Тарасовымъ и Стрѣльцовскимъ.

Между прочимъ судить можно: изъ Парижа всталъ новый номеръ журнала L'Illustration. Подписка на второй годъ этого журнала начинается съ марта мѣсяца; цена за годъ безъ пересылки 10 р. 30 к., съ пересылкой 12 рублей.

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Н. А. Исавова, комиссіонера библіотекъ гвардейскаго корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиный Дворъ № 21.)

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Увертюры для полного оркестра.

- ADAM. Le roi d'Yvetot. Ouverture. (5 r. 15 c.)
 AUBER. Actéon. (4 r. 29 c.)
 BEETHOVEN. Egmont. (2 r. 58 c.)
 — Fidelio. (2 r. 85 c.)
 — Marche triomphale pour l'orchestre. (2 r. 30 c.)
 BELLINI. Montecchi e Capuleti. (4 r.)
 — Norma. (4 r. 29 c.)
 CLAPISSON. La symphonie, opéra. (4 r. 56 c.)
 DONIZETTI. La Favorite. (4 r. 58 c.)
 — Les martyrs, ouverture avec chœur. (7 r.)
 HALÉVY. Guitarrero. (4 r.)
 — La juive. (6 r.)
 KITTL. Ouverture de concert, oeuvre 22. (5 r. 15 c.)
 LACNER. Pot-pourri de l'opéra Cornaro pour un petit orchestre. (3 r.)
 LINDLAINTER. Ouverture guerrière. (8 r. 58 c.)
 MENDELSSOHN. Ouverture de l'oratoire: Paulus. (3 r. 95 c.)

Квинтеты и квартеты для фортепьяно.

- KALLIWODA. Ronde facile pour piano, deux violons, viola et violoncelle.
 (1 r. 85 c.)
 — Variations de concert pour piano, violon, viola et violoncelle, oeuvre 129. (2 r. 85 c.)

MAYSIEDER. Variations concertantes pour piano, violon et violoncelle, oeuvre 57. (2 r.)

REISSIGER. Quatrième grand quatuor. (3 r. 60 c.)

L. SCHUBERT. Grand quatuor, oeuvre 23. (3 r. 72 c.)

Trio для фортепиано.

FESCA. Premier trio pour piano, violon et violoncelle. (3 r.)

— Troisième, idem. (4 r.)

REISSIGER. Quatorzième trio, oeuvre 138. (3 r. 72 c.)

— Quinzième trio. (3 r. 72 c.)

— Trio facile et brillant. (3 r. 43 c.)

F. SCHUBERT. Grand trio, oeuvre 99. (6 r.)

SPHÉR. Trio concertant, oeuvre 119. (5 r. 72 c.)

Италянскія оперы для пѣнія съ аккомпаниементомъ фортепиано.

Répertoire moderne du théâtre italien, collection d'opéras à bon marché, contenant:

DONIZETTI. L'esilire d'amore, Rossini; Otello; Cimarosa — Il matrimonio segreto; Rossini — Il barbiere; Meyerbeer — Il Crociato; Donizetti — Parisina; Donizetti — Anna Bolena; Nicolai — Il templario; (chaque à 4 r. 30 c.)

Для одного фортепиано.

BLANKMEISTER. Les regrets, mélodie. (50 c.)

BERTINI. La chasse à l'oure, bagatelle. (30 c.)

BRIX. Nocturne. (50 c.)

BANCK. Cavatine de la Lucia transcrite. (30 c.)

— Ariette, pensée mélodique. (30 c.)

BERNARD. Souvenir de M-me Viardot-Garcia, rondo-sérieux, avec portrait. (1 r.)

— Variations brillantes sur la romance favorite: Чёрный Цыганъ. (4 r.)

— Variations sur l'hymne nationale: Боже Царя храни. (85 c.)

— Variations sur l'air favori bohémien: Ты не поверишь. (85 c.)

— Variations sur l'air: Красный сарафанъ. (85 c.)

— Variations sur l'air russe: Лучина лучинишка. (60 c.)

CZERNY. Scherzo, oeuvre 671. (75 c.)

— Tarantella, oeuvre 639. (60 c.)

— Pensée fugitive. (50 c.)

DBHLER. Souvenir de Florence, oeuvre 34. (60 c.)

— Impromptu, oeuvre 39. (30 c.)

— La Lontananza, romance sans paroles. (60 c.)

— Ballade. (75 c.)

— La complainte, mélodie. (30 c.)

— L'Hidalgo, mélodie espagnole. (85 c.)

— Affitta, mélodie. (50 c.)

- BRYSCHOCK.** Le ruisseau, romance sans paroles. (50 c.)
- La coupe, chanson à boire. (60 c.)
- ERNST.** Élégie, transcrite par Czerny. (60 c.)
- FESCA.** L'espérance, nocturne. (60 c.)
- La mélancolie, nocturne. (60 c.)
- HELLER.** Fantaisie sur une romance de Charles VI, oeuvre 37. (1 r 15 c.)
- Bolero d'après la Juive de Mélevy. (60 c.)
 - Impromptu. (45 c.)
- HERE.** Variations et rondino sur un motif de Clapisson, oeuvre 127. (1 r.)
- Galop favori de la Jolie fille de Gand. (75 c.)
- KALKRENNER.** Fantaisie et variations sur le roi d'Yvetot, oeuvre 143. (1 r. 15 c.)
- L'écho, scherzo. (60 c.)
- KULLAK.** Romance de Benini, transcrite. (75 c.)
- LEGRAND.** Air final de la Lucia, transcrit. (1 r.)
- LEGRAND.** Citius animam, air du Sébat de Rossini, transcrit. (85 c.)
- La capriciosa, impromptu. (1 r.)
- LANGER.** Lutte intérieure, mélodie. (60 c.)
- C'est à vous que je pense, mélodie. (50 c.)
- C. MAYER.** Pensée fugitive. (60 c.)
- Valse-étude. (85 c.)
 - Seconde valse-étude. (60 c.)
 - Etude nouvelle. (50 c.)
- MENDELSONN.** Air du gondolier. (30 c.)
- Air sans paroles, oeuvre 54. (30 c.)
- MOUCHELLES.** Romance sans paroles, oeuvre 101. (50 c.)
- Rapsodie. (30 c.)
- OSMONNI.** Tarantelle, morceau de salon, oeuvre 47. (75 c.)
- Fantaisie brillante sur le Guitarrero. (90 c.)
 - Marie, rêverie, oeuvre 36. (60 c.)
 - Fantaisie et variations sur la reine de Chypre, oeuvre 46. (90 c.)
 - Nocturne. (30 c.)
- PIKHEBT.** Nocturne. (45 c.)
- ROSELLEN.** Reminiscence de Beethoven. (60 c.)
- Fantaisie brillante sur Beatrice di Tenda, oeuvre 40. (1 r.)
 - Fantaisie sur le rêve de Marie de Puget. (90 c.)
- ROSENHAIN.** Grande valse de concert. (1 r.)
- Lutte intérieure, mélodie. (75 c.)
- THALBERG.** Grazioso, romance. (50 c.)
- Romance sans paroles. (60 c.)
 - Thème original et étude. (1 r.)
- VOLLWEILER.** Sur le lac, nocturne. (85 c.)
- THOMAS.** L'absence, nocturne. (45 c.)

SCHAD. Le soupir, mélodie, oeuvre 19. (60 c.)

— Deux ames, mélodie. (60 c.)

E. WOLFF. La coquette. (50 c.)

— La sentimentale, mélodie. (50 c.)

— La rêveuse, mélodie. (60 c.)

(Toutes les pièces ci dessus nommées, pour le piano seul, sont extraites du Nouvelliste, journal de musique.)

Перваго апрѣля вышла четвертая тетрадь музыкальнаго журнала: «Нувеллистъ»; она содержитъ въ себѣ слѣдующія піесы: 1. *Liszt. Galop de Buthakoff.* 2. *Schiller. Echo du passé.* 3. *Rasellen. Follette, rondo-valse.* 4. *Nouvellè mazurka.* 5. *Baumetzer. Русский романсъ.* 6. *Вопросъ французскій.* 7. *Литературно-музыкальное прибавленіе.*

Подписная цѣна 10 р. сяр. съ пересылкою 11 р. 50 к. серебромъ.

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бернара, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чаплина.)

М О Д Ы.

— Новые платья называются всѣ одинаково «пальто», но покрои ихъ очень разнообразны и такъ странны, что — чудо! Есть пальто *суконные*, длиной не много ниже колѣнъ, точно такіе же какъ носятъ мужчины, и такіе же рукава длинные, гладкіе, съ обшлагами, сверху до низу застегнутые на пуговицы; разница только та, что пуговицы маленькія, миленькія, блестящія; полы убраны каждая вдоль тремя рядами узенькихъ бархатныхъ лентъ; на обшлагахъ такія же нашитыя ленточки въ два ряда; впереди, на полахъ, съ каждой стороны, вкось вшитые внутренніе карманы; прорѣзки ихъ тоже обшиты двумя рядами узенькихъ бархатныхъ лентъ; на бокахъ и сзади нѣсколько глубокихъ складокъ; воротничокъ откидной, бархатный; подъ нимъ круглый пелеринъ, чуть покрывающій талию, также обшитъ ленточкой; вообще такое облаченіе шьется довольно мѣшковатое. Шелковые пальто дѣлаютъ

совершенно въ родѣ ночныхъ кофточекъ; длиною они вершка два ниже колѣнъ; откидной воротничокъ; рукава безъ складокъ у проймы и широкіе, висящіе угломъ къ кисти руки; сзади нѣсколько сборокъ, стянутыхъ шнуркомъ и завязанныхъ внутри, такъ, что полы остаются свободными. Пальто Моисе: круглый большой воротникъ, разрывающійся отъ плечъ до низу и застегнутый потомъ на всемъ этомъ пространствѣ блестящими пуговками; носить его застегнутымъ или разстегнутымъ предоставлено вкусу и соображенію: въ обоихъ случаяхъ, это пальто мило, просто и удобно. Того же фасону клѣтчатыя байковые; сверху и кругомъ безъ всякихъ украшеній, кромѣ тройнаго гроденаплеваго кантика. Кашмировыя пальто имѣютъ большой круглый воротникъ съ округленными полами, съ широкими, длинными китайскими рукавами; всѣ пальто изъ этой матеріи бывають вышиты: нныя крученымъ тонкимъ шелкомъ гладью, и тамбуромъ очень толстымъ шелкомъ, рукава, полы и кругомъ; покрой кашмировыхъ пальто — совсѣмъ безъ воротничка, вырѣзъ около шеи, съ однимъ тоненькимъ кантикомъ, возлѣ котораго начинается вышивка, продолжаясь вокругъ, вездѣ одинаковой ширины, и составляетъ бортъ. Еще одинъ новый фасонъ: это уже не пальто, а вещь безъ названія, chose sans nom, черныи атласный корсажъ на ватѣ, застегнутый впереди, и каракѣ, которое обыкновенно находилось у спинки, прибито съ боковъ на-передъ, и все обшито бархатомъ; воротничокъ бархатный; изъ-подъ него спускается округленный впереди кардиналъ; вверху несходящійся, такъ, что корсажъ и каракѣ видны. Нарядъ очень страннѣйшій, но весьма полезный для вечернихъ лѣтнихъ прогулокъ.

Новыхъ матерій для платьевъ не видно; пу-де-соа, двуличневый гроденаплъ, двуличневый поплинъ; шерстяныи кисей однако новы, онѣ клѣтчатыя, яркихъ цвѣтовъ.

— Милое новое платье: пу-де-соа, темнаго песочнаго цвѣту, убранное двумя широкими зубчатыми оборками, надъ каждой изъ нихъ нашито три ряда бархатныхъ лентъ; корсажъ высокій, гладкій, разрывающійся и заснурованный впереди бархатными ленточками; внизу батистовая нашивка съ воротничкомъ, обшитымъ кружевомъ; рукава гладкіе, внизу разрыванные, и также заснурованные.

— Вотъ прелестный капотъ изъ пу-де-соа; внизу. косякъ,

широкая оборка, вторая оборка — надъ ней, изъ той же матеріи, plissée à la vieille; такъ же убраны рукава и корсажъ; впереди шелковый снурокъ; нижніе рукава — кисейные съ кружевными пришивками и обшиты кружевомъ, спущеннымъ на кисть руки.

— Шляпки весеннія дѣлаютъ изъ пу-де-соа, гродензю гладкаго, моарё и двуличневаго; въ фасонахъ пере-мѣны не примѣтно: всё такія же маленькія, только не-

много открытѣе прошлогоднихъ, предпочтительно издѣрнутымъ: на широкихъ восточкахъ, такъ, что на пространствѣ прежнихъ трехъ теперь — одна. У насъ, въ Петербургѣ, покажутся, шляпки — благоразумнаго объема; но, въ Парижѣ такія крошечныя, что — смѣхъ сказать, и называются *невидимки*. Очень милы шляпки бѣлыя съ розовымъ подбоемъ, украшенныя вѣнкомъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ съ бѣлыми лентами; также бѣлыя изъ пу-де-соа, подбитыя зеленымъ моарѣ изумруднаго цвѣту, украшенныя вѣткой дубовыхъ листьевъ, перемѣшанныхъ съ темнымъ плющомъ; или свѣтло-зеленыя яблочнаго цвѣту, украшенныя лентами и букетомъ марабутовъ; или лиловаго двуличневаго цвѣту, украшенныя тонкими широкими кружевами и тѣневыми лиловыми лентами.

=

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯГО

ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Поэтическіе памятники осемнадцатаго столѣтія. Неизданныя стихотворенія Державина и Фонъ-Визина.....	5.
I. Безпристрастный зритель нѣкоторыхъ состояній нынѣшняго вѣка. (1794 года.).....	10.
II. Ода.....	22.
III. Посланіе къ творцу посланій, или Копія къ оригиналу.....	26.
Освобожденный Узникъ. <i>А. Пальма</i>	73.
Амуръ-живописецъ. <i>И. Крешева</i>	74.
*** <i>А. Пальма</i>	76.
(Изъ Шеніе). <i>А. Пальма</i>	76.

ПРОЗА.

Игрокъ. <i>Е. Гребенка</i>	31.	✓
Идеальная Красавица. <i>Баронъ Браубруса</i> . Часть пятая и послѣдняя.....	77.	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ✓ Кабанисъ. Романъ Алексиса..
 Часть первая..... 1. 3
 Часть вторая и послѣдняя..... 111.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

- ✓ Паденіе Пскова. Историческая характеристика: Н. Савельева..... 1. 3
 Карпатскія горы зимою. К..... 19.
✓ Историческій взглядъ на дѣла Ирландіи..... 41. 4
✓ Кардиналъ Ришліё..... 71. 4

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

- Пчеловодство въ Россіи. Н. Витвицкаго. Статья третья и послѣдняя..... 1.
Объ учрежденіи большой землевладѣльческой компаніи на акціяхъ для торговли хлѣбомъ. Николая Тимашева..... 25.

V.

КРИТИКА.

- Вильгельмъ Телль. Сочиненіе Шиллера. Часть вторая и послѣдняя..... 4.
Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла, Н. И. Пирогова..... 37.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОНИСЬ.

Февраль, 1844.	Новыя книги и брошюры.....	4.
— —	Разныя извѣстія.....	37.
Мартъ, 1844.	Новыя книги и брошюры.....	39.
— —	Разныя извѣстія.....	76.

VII.

СМѢСЬ.

ФЕВРАЛЬ.

Au jour le jour.	Поденщина, господина Фредерика Сулиё.....	1.
Французскій театръ въ Парижѣ:	1. Les Mytères de Paris, романъ господина Сю. 2. Le vieux consul, трагедія. 3. Cagliostro, опера.....	81.
Музыкальныя новости.....		84.
Новыя книги.....		87.
Новыя музыкальныя сочиненія.....		91.
Моды.....		93.

МАРТЪ.

Парижская Академія Наукъ	Сомнительность нынѣшней химической теоріи окисленія крови кислородомъ воздуху при дыханіи. Замѣчанія господина Гё-Люссака.....	97.
Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ	1. Метеорологическій самонаблюдатель профессора Витстона.....	99.
	2. Вліяніе цвѣтныхъ свѣтовъ на ростъ и цвѣтъ растеній. Наблюденія профессоровъ Гонта и Дрепера и господина Герднера.....	101.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

М. Д. Ольхина,

Коммиссіонера Министерства Финансовъ, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій и Коммиссіонерствъ Полицейской Газеты, на Невскомъ Проспектѣ, противъ арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго, и въ Гостиномъ Дворѣ (по Суконной Линіи), подъ № 13-мъ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

(Цѣны на серебро).

КОМЕРАЖИ

POUVREZ VOUS DAMES.

Соч. Автора Сенсаций Курдюковой.

Спб., 1844 года на лучшей веленовой бумагѣ. Съ 32 особо прилагаемыми политипажными рисунками, вырѣзанными на деревѣ барономъ Клотомъ и г. Бернадскимъ цѣна 75 коп., вѣсовыхъ за 1 фунтъ.

ДАМСКІЙ АЛЬБОМЪ.

Составленный изъ отборныхъ страницъ Русской Поезіи. Спб. 1844 года съ портретомъ Лермонтова и восемнадцатью оригинальными рисунками Ковригина. Цѣна 1 руб. 25 коп., вѣс. за 1 ф.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

ЗАЙЦА.

СОЧИНЕНІЕ

В. Бресенки.

Съ пятью литографированными картинками Спб., 1844
г. Цѣна 75 коп., вѣс. за 1 ф.

СТО СЕМИЛЕТНІЙ СТАРЕЦЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ В. Р. ЩЕГЛОВСКАГО.

Съ его портретомъ. Спб. 1844 г. Цѣна 50 коп., вѣс. за
1 фунтъ.

УЧЕНІЯ

РУССКАГО ЧИСТОПИСАНІЯ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

А. А.

Спб., 1844 г. (in-4) на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 2
руб., вѣс. за 2 фунта.

**НОВЫЯ ДѢТСКАЯ
ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ**

ВЪ СТИХАХЪ, СЪ ПРАЗДНИКАМИ.

Спб. 1844 г. Цѣна 60 коп., вѣс. за 1 фунтъ.

ОСНОВАНІИ

ВСЕОБЩЕЙ СЛОВЕСНОСТИ

И

ПРОИЗВОЖДЕНІИ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. О ГОТЕСЬ.

Спб. 1844 г. Цѣна 1 руб., 50 к., вѣс. за 2 фунта.

ПОДРОБНАЯ

ПРОВІАНТСКАЯ РАСЧЕТКА

ВЫСЧИТАНАЯ НА ВСЯКОЕ ЧИСЛО ЛЮДЕЙ, ВКЛЮЧИТЕЛЬНО ОТЪ
ОДНОГО ДО СТА, ЗАТѢМЪ ПО ПОЛУ СОТНІАМЪ ДО ТЫСЯЧИ. (in-4)

Спб. 1844 года. Цѣна 2 руб., вѣс. за 2 фунта.

**О НОВЫХЪ СПОСОБАХЪ
ХОВЯЙСТВА и ЗЕМЛЕУДОБРЕНІЯ
ПОЛДВИЖУ,**

для полученія вѣрныхъ и неизмѣнныхъ урожаевъ, съ
образцами самыхъ плодоносныхъ туковъ. Спб. 1843 года.

Соч. Шелихова.

Цѣна за 2 книжки 1 руб., вѣс. за 1 фунтъ.

Вышла и рамадется Гг. подписавшимся

ДЕВЯТАЯ КНИЖКА.

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ФЛОРЫ

Съ раскрашенными рисунками. Составлена К. Леви-
нымъ. Изданіе И. Селезнева. Спб. 1844 года, подписная
цѣна за шесть книжекъ 6 руб., вѣс. за 5 фун., безъ под-
писки каждая книжка продается по 1 руб. 50 коп. вѣс. за
2 фунта.

Тоже первая шесть книжекъ, цѣна 6 руб. вѣс. за 4
фунта.

КНИГА ПЕРЕВОДОВЪ,

Съ русскаго на нѣмецкій, французскій, и англійскій язы-
ки. Спб. 1844 года. Цѣна безъ словаря 1 руб. вѣс. за 2 ф.
Словарь выйдетъ въ августѣ нѣмѣцкаго года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

С. Петербургъ, апрѣля 4-го дня 1844 года.

Цензоры А. Никитинъ. С. Кутерга.

FEB 24 1937

